Н. Г. Чернышевскій

Digitized by the Internet Archive
in 2026

https://archive.org/details/completecollecte0001ngch

Н. Г. Чернышевскій.

Съ дагеротипа 1853 г.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

въ 10 томахъ съ 4 портретами.

Томъ I.

(Съ портретомъ автора 1853 г.)

Отечественныя записки 1853—1855.

Атеней 1858.

Современникъ 1853—1855.

Критика и библіографія.

Изданіе М. Н. Чернышевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ц. КРАЙЗА. Театральная пл., 4.
1906.

PRINTED IN RUSSIA

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отечественныя Записки 1853 г.

СТРАН.

№ 7. **Библіографія:** О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ, состав. А. Гильфердингъ. 1
— Dichterkanon (собраніе поэтовъ), доктора Нейкирха 8

Отечественныя Записки 1854 г.

№ 5. **Библіографія:** Федонъ, или о безсмертіи души, М. Мендельсона, перев. В. Мызникова. 13
№ 6. **Библіографія:** Справочный Энциклопедическій Словарь, изд. подъ ред. А. Старчевскаго, т. 7. 14
№ 9. **Критика:** О поэзіи. Сочиненіе Аристотеля, перев. Б. Ордынскій 26
№ 11. **Библіографія:** Справочный Энциклопедическій Словарь, изд. подъ ред. А. Старчевскаго, т. 3. 48
№ 12. **Библіографія:** Пѣсни разныхъ народовъ, переводъ Н. Берга. 51

Отечественныя Записки 1855 г.

№ 1. **Критика:** Путешествія А. С. Норова 57
№ 3. **Библіографія:** Осада и взятіе Византіи турками, истор. изслѣдованіе М. Стасюлевича 81

Атеней 1858 г.

№ 3. **Критика:** Русскій человѣкъ не rendez-vous. Размышленія по прочтеніи повѣсти г. Тургенева «Ася». 87

Современникъ 1854 г.

№ 1. **Библіографія:** Габріэль, ком. Эмиля Ожье. 103
№ 2. **Критика:** Романъ и повѣсти М. Авдѣева. 105

СТРАН.

№ 5. **Критика:** Три поры жизни, ром. Е. Туръ 115
— Бѣдность не порокъ, ком. А. Островскаго 123
№ 6. **Библіографія:** О землѣ. какъ элементѣ, богатства, А. Львова 131
№ 7. **Объ искренности въ критикѣ.** 140
№ 10. **Библіографія:** Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. С. Соловьева. т. I. 159
— Историческое значеніе царствованія Алексѣя Михайловича, соч. П. Медовикова 164
— О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскомъ, сост. Гильфердингъ. — Объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ, изслѣдованіе А. Гильфердинга 170
— Комнатная магія, соч. Г. Ф. Амарантова.. 177
— Первая любовь, пов. А. К-ва. 178
№ 11. **Критика:** Пѣсни разныхъ народовъ, перевелъ Н. Бергъ 179
№ 12. **Критика:** Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, книги 16, 17, 18 и 19 204
Библіографія: Учебникъ русской словесности. А. Охотина. 218

Современникъ 1855 г.

№ 1. **Библіографія:** Московская самоварница, сочин. Петра Мед....а 220
— Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій. Геров. сборникъ, изд. Н. Фроловымъ. 222
№ 2. **Библіографія:** Историческая записка, рѣчи, стихи и отчеты Императ. Московскаго Университета, читанные на торжественномъ собраніи 12 янв. 1855 г. по случаю его столѣтняго юбилея. 230
— Италія. Письма изъ Венеціи, Рима и Неаполя. В. Д. Яковлева 233
— Крымъ съ Севастополемъ, Балаклавою и другими его городами. 236
— Русское посольство въ Польшѣ въ 1673—1677 годахъ, соч. А. Попова. 238
— Исторія Рима отъ основанія города до Рождества Христова, М. Богоявленскаго. 239
— Обозрѣніе трактатовъ о морскомъ торговомъ нейтралитетѣ, сост. Л. Д. —
— Описаніе замѣчательнѣйшихъ лабораторій Германіи и Бельгіи. Составлено Петромъ Кочубеемъ. 240
— Осада и взятіе Византіи турками. Сочиненіе М. Стасюлевича . . . . . —
№№ 2, 3, 7 и 8. **Критика:** Сочиненія Пушкина, изд. П. В. Анненкова. 245
№ 3. **Библіографія:** Россійская родословная книга, издаваемая княземъ Петромъ Долгоруковымъ, части 1 и 2. 331
— О времени происхожденія славянскихъ письменъ, соч. О. Бодянскаго. 332
— Русская геральдика, соч. А. Лакіера 335
— Новыя повѣсти, разсказы для дѣтей 337
№ 4. **Библіографія:** Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Имп. Московскаго Университета.—Исторія Имп. Московскаго Университета, написанная къ столѣтнему его юбилею проф. С. Шевыревымъ. 343
— О правахъ иностранцевъ въ Россіи до вступленія Іоанна III Васильевича на престолъ Великаго Княжества Московскаго, соч. И. Андреевскаго. 353
— Грамматическія замѣтки. В. Классовскаго. 359
№№ 4 и 5. **Критика:** Пропилеи. Сборникъ статей по классической древности, издаваемый М. Леонтьевымъ 365
№ 5. **Библіографія:** Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1854 г. 395
— О древне-русскихъ училищахъ. Разсужденіе Н. Лавровскаго. 397

СТРАН.

— О времени происхожденія славянскихъ письменъ, сочиненіе О. Бодянскаго. 398
— О литературныхъ партіяхъ въ Римѣ въ вѣкъ Августа, соч. Н. Благовѣщенскаго. 401
— Повѣсть о Цареградѣ, изд. И. Срезневскаго. 403
— Политическое равновѣсіе и Англія, соч. И. В. Вернадскаго . . . . . —
— Высшій курсъ русской грамматики, сост. Влад. Стоюнинымъ 404
— О договорѣ Новагорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1820 г., соч. Ивана Андреевскаго. 407
№ 6. **Библіографія:** Азовское сидѣніе. Н. Кукольника. . . . . —
— О жизни и ученыхъ трудахъ Френа, соч. П. Савельева. 411
— Записки Русскаго Географическаго Общества. Книжка X. 412
— Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1855 г. 416
— Подвигъ матери, сочин. Ореста Миллера. 419
— Новѣйшій полный русскій пѣсенникъ. . . . . —
— Крымская экспедиція, перев. съ французскаго 420
— Записки о войнѣ 1813 г. въ Германіи. Генералъ-майора Н. Ортенберга. 423
— Пріятное препровожденіе времени или собраніе употребительнѣйшихъ фантовъ . . . . . —
№ 8. **Библіографія:** Восточная война, ея причины и послѣдствія. . . . . —
— Новыя письма о химіи, Юстуса Либиха. Перев. А. Іохера. 424
— Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ, собранное протоіереемъ Андреемъ Іоанновымъ 426
— Игра пикетъ, написанная и изданная П. С. Вишневскимъ. . . . . —
— Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской. Составилъ П. А. Лавровскій . . 427
№ 9. **Библіографія:** Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Николаемъ Калачовымъ. . . . . —
— Учебныя руководства для военно-учебныхъ заведеній. Руководство начальной геометріи. 431
— Православный Собесѣдникъ, издаваемый при Казанской Духовной Академіи. 432
— Разсказъ солдата Сидорова при бомбардированіи Севастополя англо-французами. 433
— Практическое руководство къ производству уголовныхъ слѣдствій, составленное по своду законовъ Ив. Оболенскимъ. . . . . —
— Палитра, новыя стихотворенія. . . . . —
— Послѣдній вечеръ новобранца въ родительской семьѣ.—Чувство и любовь къ престолу и отечеству.—Описаніе бомбардированія англичанами Соловецкаго монастыря.—Обхожденіе русскихъ съ врагами.—Доблестные подвиги русскихъ воиновъ 435
— Актъ восьмаго выпуска студентовъ Главнаго Педагогическаго Института 20 іюня 1855 г. 436
— Учрежденіе Юрьевскаго Общества сельскаго хозяйства съ отчетомъ за 1854 г. . . . . —
— Записки Юрьевскаго Общества сельскаго хозяйства за 1854 1855 г.г —
— О званіи генерала, сочиненіе Дюра-Ласаля, перевелъ г. Сведерусъ 438
— Венгерская грамматика съ русскимъ текстомъ и въ сравненіи съ чувашскимъ и черемисскимъ языками, составленная титулярнымъ совѣтникомъ Андреемъ Дешко. 439
№ 10. **Библіографія:** Въ воспоминаніе 12 января 1855 г. Учено-литературныя статьи профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета, изданныя по случаю его столѣтняго юбилея. 440
— Библіотека для дачъ, пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ, изд. А. Смирдина. I. «Аптекарша», повѣсть графа В. А. Соллогуба 445
— Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Сочиненія Н. Греча 446
— О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи. А. Н. Егунова. 449

СТРАН.

— Учебныя руководства для Военно-Учебныхъ заведеній. Руководство Статистики Россіи. Составлено А. Соколовскимъ 452
— Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка. . . . . -
— Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой Землѣ инока Парѳенія. 453
— Слова и поученія на воскресные и праздничные дни. Протоіерея Іоанна Халколиванова . . . . . -
№ 11. Библіографія: Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи. Составлена Яковомъ Соловьевымъ 454
— Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Сочиненія Василія Львовича Пушкина и Д. В. Веневитинова. 463
— Матеріалы къ ученію объ огнестрѣльныхъ ранахъ, д-ра Г. Шульца, перев. съ нѣмецкаго А. Кашинъ. 467
— Археологическіе и нумизматическіе отрывки, П. Савельева. 468
— Права и обязанности домовладѣльцевъ, управляющихъ домами и жильцевъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ . . . . . —
№ 12. Библіографія. О значеніи практики къ системѣ современнаго юридическаго образованія. Д. Мейера 469
— Памятная книжка Императорскаго Александровскаго Лицея на 1855—1856 г.г. 470
— Цыганенокъ, повѣсть для дѣтей. П. М. Шпилевскаго 471
— О бытѣ крестьянъ въ Казанской губерніи. 472
— О значеніи и постепенномъ учрежденіи сельско-хозяйственныхъ обществъ въ Россіи. С. Пахмана 473
— Ложь и дѣйствительность восточной войны. Сочиненіе Ф. Лоренца . . 474
— Руководство къ всеобщей исторіи. Сочиненіе Ф. Лоренца 475

БИБЛІОГРАФІЯ.

О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ. Составилъ *А. Гильфердингъ.* Санктпетербургъ, 1853.

Г. Гильфердингъ составилъ книгу, въ которую часто будетъ заглядывать всякій занимающійся славянскими нарѣчіями сравнительно съ другими индоевропейскими языками. Скажемъ похвалу еще выше: эта книга должна быть переведена на французскій или нѣмецкій языки, потому что она заслуживаетъ быть извѣстною европейскимъ филологамъ. Впрочемъ, сочиненіе г. Гильфердинга не нуждается въ нашихъ похвалахъ: лучшая похвала ему то, что Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ сочло его достойнымъ помѣщенія въ своихъ *Извѣстіяхъ*, потому что книга, лежащая передъ нами, только отдѣльный оттискъ изъ *Прибавленій* ко II тому *Извѣстій Втораго Отдѣленія Академіи Наукъ.*

Предоставляя самимъ *Извѣстіямъ* Втораго Отдѣленія и другимъ спеціальнымъ изданіямъ спеціальную критику подробностей, займемся только разсмотрѣніемъ метода г. Гильфердинга и общихъ его выводовъ изъ сравненій. Прекрасно написанное предисловіе значительно облегчаетъ трудъ нашъ. Справедливо замѣтивъ, что нѣмецкіе филологи, при сравнительномъ изслѣдованіи индоевропейскихъ языковъ, обращаютъ на славянскій языкъ меньше вниманія, нежели онъ заслуживаетъ по своему богатству и по своей важности въ системѣ индоевропейскихъ языковъ, г. Гильфердингъ продолжаетъ:

«Пополнить нѣсколько этотъ недостатокъ науки языка, и принявъ за средоточіе изслѣдованій языкъ славянскій, какъ совокупность всѣхъ славянскихъ нарѣчій со всѣмъ лексическимъ и грамматическимъ ихъ богатствомъ, указать настоящее его мѣсто въ семьѣ индоевропейской и тѣмъ самымъ опредѣлить его отношеніе къ прочимъ языкамъ этой семьи: вотъ задача моего труда. Безъ сомнѣнія, она не можетъ быть рѣшена окончательно, съ одной стороны, по недостатку многихъ данныхъ, съ другой — по огромному количеству представляющихся обработкѣ матеріаловъ, предлагаемыхъ частію славянскими нарѣчіями, частію родственными имъ языками. Обиліе и разнообразіе этихъ матеріаловъ таково, что не было бы никакой возможности однимъ разомъ сравнить славянскіе языки со всѣми языками индоевропейскими и опредѣлить ихъ отношеніе ко всѣмъ имъ вмѣстѣ и къ каждому въ особенности: вмѣсто объясненія нѣкоторыхъ вопросовъ языковѣдѣнія, мы получили бы безобразный хаосъ. Потому я рѣшился раздѣлить свой трудъ. Въ каждомъ отдѣлѣ буду разсматривать отношеніе языка славянскаго къ одному изъ родственныхъ ему языковъ, или къ нѣсколькимъ, составляющимъ одно цѣлое.

«Наука даетъ языку санскритскому первое мѣсто въ семьѣ индоевропейской; ибо онъ, сохранивъ въ органической цѣлости свойства, являющіяся разсѣянно въ прочихъ

ея членахъ, составляетъ, такъ сказать, средоточіе всей этой семьи. Потому сравненіе языка славянскаго съ санскритскимъ должно быть основою моего изслѣдованія. Оно составитъ первую часть его. За нимъ должно слѣдовать непосредственно изученіе языка литовскаго, который, при непосредственномъ сходствѣ съ санскритскимъ, такъ близокъ къ славянскому, что недоумѣваешь, принять ли ихъ за два нарѣчія одного языка, или за два языка отдѣльные.

«Только когда опредѣлится отношеніе языка славянскаго къ санскритскому, можно будетъ приступить къ изученію отношеній его къ другимъ языкамъ индоевропейскимъ. Однако и тогда мы не станемъ сравнивать ихъ прямо съ языкомъ славянскимъ, а будемъ, по возможности, возводить соотвѣтствующія явленія разсматриваемыхъ языковъ къ общей коренной ихъ формѣ, которую большею частью предложитъ намъ языкъ санскритскій. Слѣдуя этому методу, мы узнаемъ, по какимъ путямъ разошлись сравниваемые языки, выдѣлившись изъ первобытнаго единства, и какимъ законамъ они подчинились. Такимъ образомъ изслѣдованіе мое не представитъ общаго сближенія языковъ славянскихъ съ прочими индоевропейскими, а будетъ состоять изъ ряда монографій. Въ первой будутъ изучены языки славянскій и литовскій въ сравненіи съ санскритскимъ; во всѣхъ другихъ будетъ являться съ одной стороны языкъ славянскій, съ другой одинъ или нѣсколько родственныхъ языковъ, и между ними, какъ начало связующее, общее обоимъ членамъ сравненія, языкъ санскритскій.»

Идея г. Гильфердинга прекрасна; нельзя было выбрать лучшаго пути; и съ этой стороны мы съ нимъ совершенно согласны: сличать языкъ славянскій съ одноплеменными ему языками поодиночкѣ, начиная съ санскритскаго — превосходная мысль. Но вслѣдъ затѣмъ у г. Гильфердинга излагается per anticipationem общій выводъ изъ его сравненія славянскаго языка съ санскритскимъ. Къ сожалѣнію, съ этимъ выводомъ ужь никакъ нельзя согласиться:

«Но кромѣ этой причины (что санскритскій языкъ *средоточіе* всѣхъ индоевропейскихъ языковъ, по превосходному выраженію г. Гильфердинга), которая заставляетъ всякаго, занимающагося сравнительнымъ изученіемъ языковъ индоевропейскихъ, основывать свои выводы на санскритскомъ, есть другая, частная, по которой языкъ этотъ получаетъ особенную важность при научномъ изслѣдованіи языковъ славянскаго и литовскаго. Именно, изъ всѣхъ родственныхъ языковъ, славянскій и литовскій имѣютъ наибольшее сходство съ санскритскимъ: изслѣдованіе, которое мы предпринимаемъ, покажетъ, что нашъ языкъ гораздо ближе къ древнѣйшему языку отдаленной Индіи, чѣмъ къ языкамъ сосѣднихъ племенъ греческаго и германскаго. Этого свойства мы не замѣтимъ ни въ греческомъ языкѣ, ни въ латинскомъ, ни въ нѣмецкомъ, ни въ кельтскомъ, ни въ албанскомъ, и прійдемъ къ заключенію, что, кромѣ общаго родства между языками санскритскимъ, славянскимъ и литовскимъ, какое находится между всѣми языками индоевропейскими, существуетъ между ними родство ближайшее, семейное. Вотъ почему сравненіе славянскаго языка съ санскритскимъ и литовскимъ имѣетъ въ глазахъ моихъ особенную важность.»

Эту же самую мысль повторяетъ г. Гильфердингъ въ концѣ книги, какъ первый выводъ изъ своихъ сравненій (стр. 285):

«Языкъ славянскій во всѣхъ своихъ нарѣчіяхъ сохранилъ корни и слова, существующіе въ санскритскомъ. Въ этомъ отношеніи близость сравниваемыхъ нами языковъ необыкновенная. Какъ ни хорошо обработаны новѣйшими учеными прочіе языки европейскіе, однако ни въ одномъ изъ нихъ не найдено столько словъ, родственныхъ съ санскритскимъ, сколько случилось намъ открыть въ славянскомъ при первой попыткѣ изучить сравнительно его лексическій составъ; и можно смѣло сказать, что болѣе продолжительное и внимательное изслѣдованіе, соединенное съ новыми матеріалами, которые, безъ сомнѣнія, предложены будутъ Ведами, а равно и нѣкоторыми славянскими нарѣчіями, теперь для насъ недоступными, раскроетъ еще гораздо больше сближеній, чѣмъ мнѣ удалось здѣсь представить.»

Далѣе г. Гильфердингъ выражается еще рѣзче (выводъ 3):

«Языкъ славянскій, взятый въ совокупности, не отличается отъ санскритскаго никакимъ постояннымъ, органическимъ измѣненіемъ звуковъ... Это свойство раздѣляетъ съ нимъ языкъ литовскій, тогда какъ всѣ прочіе индоевропейскіе языки подчинились разнымъ звуковымъ законамъ, которые исключительно свойственны каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Такимъ образомъ, въ лексическомъ отношеніи, языки славянскій и литовскій находятся въ ближайшемъ родствѣ съ санскритскимъ, и вмѣстѣ съ нимъ составляютъ въ индоевропейскомъ племени какъ бы отдѣльную семью, внѣ которой стоятъ языки персидскій и западноевропейскіе».

Въ четвертомъ выводѣ представлены доказательства такого мнѣнія:

«Это ближайшее сродство языковъ санскритскаго, литовскаго и славянскаго еще яснѣе доказывается тѣмъ, что въ нихъ равномѣрно развиты многіе звуки, чуждые прочимъ вѣтвямъ индоевропейскаго племени. Таковы въ особенности носовые звуки (славянскіе ѫ, ѧ, санскр. anusvâra съ предъидущею гласною; an, in, un); *с* замѣняющее коренное k (санскр. ç); *ч* и *ж* и наконецъ r гласная (санскр. r, слав. ръ). Всѣ эти звуки безъ сомнѣнія вторичнаго образованія, тогда какъ у прочихъ европейскихъ народовъ существуютъ только первичные. Это показываетъ, что сіи послѣдніе удалились изъ древней родины своей, когда этихъ звуковъ еще не было. Славянскій же и литовскій языки далѣе развивались вмѣстѣ съ тѣмъ языкомъ, который, обособившись, получилъ названіе санскритскаго, и хотя по многимъ признакамъ видно, что, когда они выдѣлились изъ общей семьи, образованіе поименованныхъ звуковъ не было вполнѣ окончено, и потомъ еще продолжалось у санскритской отрасли отдѣльно, однако оно такъ глубоко проникло въ ихъ составъ, что успѣло всему ихъ звуковому организму придать особенное сходство съ санскритскимъ.»

При всемъ желаніи, не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, доведеннымъ до такой крайности. Что изъ всѣхъ языковъ европейской отрасли индоевропейскаго корня, литовскій самый близкій къ санскритскому, это, кажется, достовѣрно; признано всѣми и то, что славянскій чрезвычайно близокъ къ литовскому: потому превосходно намѣреніе г. Гильфердинга заняться спеціально сравненіемъ славянскаго съ литовскимъ. Но если г. Гильфердингъ желаетъ, чтобъ наука приняла его мнѣніе о тѣснѣйшей связи славянскаго и литовскаго съ санскритскимъ, нежели съ европейскими языками, то онъ долженъ подтвердить это мнѣніе доказательствами гораздо болѣе строгими, нежели тѣ, какія находимъ въ его книгѣ; потому что его мнѣніе рѣзко противорѣчитъ прежнимъ выводамъ изъ сравненія языковъ. Теперь филологи думаютъ вотъ какимъ образомъ:

По степени родственности, индоевропейскіе языки дѣлятся на двѣ половины— азіатскую отрасль (санскритскій, зендскій, новоперсидскій) и европейскую отрасль (греческій, латинскій, германскій, литовскій, славянскій); каждый языкъ азіатской отрасли ближе къ другимъ языкамъ той же отрасли, нежели къ какому бы то ни было изъ языковъ европейской отрасли, а каждый языкъ европейской отрасли ближе къ другимъ языкамъ той же отрасли, нежели къ какому бы то ни было языку азіатской отрасли, не исключая и самого санскритскаго, хотя въ немъ уцѣлѣли формы корней и флексій въ наилучше сохранившемся видѣ; родство санскритскаго съ европейскими языками ужь не такъ близко, какъ его родство, напримѣръ, съ зендскимъ. Потому Гриммъ въ своей *Исторіи Нѣмецкаго Языка*, при сличеніи корней, довольно мало говоритъ о санскритскомъ, сосредоточивая свое вниманіе почти исключительно на европейскихъ языкахъ. Г. Гильфердингъ думаетъ иначе. Пересмотримъ его доказательства.

1) Носовые звуки существуютъ въ языкахъ санскритскомъ, литовскомъ, славянскомъ; въ другихъ родственныхъ языкахъ нѣтъ ихъ. Этотъ фактъ замѣченъ и Боппомъ въ его *Сравнительной Грамматикѣ* (стр. 7—11 и 1079); но изъ него не было выводимо такого заключенія, какое дѣлаетъ г. Гильфердингъ. Носовые звуки теперь существуютъ въ нѣмецкомъ и французскомъ, а между тѣмъ ихъ нѣтъ въ итальянскомъ: неужели изъ этого можно вывести, что французскій ближе къ нѣмецкому, чѣмъ къ итальянскому?

2) С замѣняетъ коренное k, санскритское ç: но санскритское ç замѣняется посредствомъ *c* и въ латинскомъ, и въ греческомъ, и въ нѣмецкомъ (смотри таблицу соотвѣтствія звуковъ у Потта, *Etym. Forsch.* I Theil стр. 82—83); особеннаго тутъ ничего не представляетъ славянская фонетика. Правда, въ латинскомъ, греческомъ и нѣмецкомъ ç замѣняется не однимъ s, а также и k; но посредствомъ k замѣняется оно и въ славянскомъ, по словамъ самого г. Гильфердинга (стр. 161).

3) Ч и ж соотвѣтствуютъ синскритскому tsh и dsh (замѣняемъ въ этомъ случаѣ значки г. Гильфердинга правописаніемъ Потта); но они замѣняются и въ новоперсидскомъ особыми звуками—tsh посредствомъ ч, дж, з; dsh посредствомъ з. Такое соотвѣтствіе не показываетъ еще болѣе продолжительнаго житья вмѣстѣ, а означаетъ только одинаковую любовь къ шипящимъ звукамъ, которая не развилась въ греческомъ и латинскомъ.

4) Гласная r санскрит. соотвѣтствуетъ славян. ръ. Но санскритскій глухой звукъ является при одномъ r, потому гласная r дѣйствительно явленіе исключительное въ санскритскомъ; а славянское *pъ* вовсе не одинокое явленіе: въ славянскомъ глухой гласный звукъ является при всѣхъ согласныхъ — бъдѣти, вънѣ, гъбенеје и т. д. Потому значеніе *pъ* не то въ славянскомъ, какъ гласной r въ санскритскомъ.

На подобныхъ двухъ-трехъ сходныхъ явленіяхъ нельзя основываться. И въ греческомъ, и въ латинскомъ, и въ нѣмецкомъ найдется много такихъ случаевъ особеннаго сходства съ санскритскимъ. Нужно показать, что вся система славянской фонетики особенно близка къ фонетикѣ санскритской, если хотимъ доказать особенную близость санскритскаго и славянскаго.

Такъ и говоритъ г. Гильфердингъ, утверждая, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ звуковъ, составляющихъ исключительную принадлежность санскритскаго, «мы получимъ въ двухъ сравниваемыхъ языкахъ (славянс. и санскрит.) систему звуковъ, почти одинаковую» (стр. 11). Чтобъ наше доказательство противнаго не было слишкомъ длинно, ограничимся однимъ вокализмомъ.

Но прежде намъ должно сказать, что г. Гильфердингъ представляетъ и общее доказательство близости славянскаго къ санскритскому, именно, что въ славянскомъ языкѣ нѣтъ ни одного случая органическаго измѣненія звуковъ, между тѣмъ, какъ во всѣхъ другихъ языкахъ звуки санскритскіе подвергаются органическимъ измѣненіямъ (см. нашу выписку). Противъ этого положенія должно сказать, что если г. Гильфердингъ считаетъ органическимъ измѣненіемъ въ греческомъ исчезновеніе полугласныхъ *j* и *v* между двумя гласными, то органическимъ же измѣненіемъ должно считать и постоянное йотированіе въ славянскомъ гласныхъ, стоящихъ въ началѣ слога. Такимъ же органическимъ измѣненіемъ должно считаться и смягченіе согласныхъ: (вмѣсто кореннаго нэ въ славянскомъ дѣлается

не (церков.-славянск. ні-є), вмѣсто кореннаго лэ—ле (церк.-слав. лі-є) и т. д. Доказывать, что это смягченіе различно отъ перехода санскритскихъ согласныхъ изъ одного разряда въ другой, мы считаемъ ненужнымъ.

Посмотримъ же, до какой степени нашъ вокализмъ близокъ къ вокализму санскритскому, въ которомъ отличительная черта — рѣшительное преобладаніе (по количеству) слоговъ съ первобытными гласными *а*, *и*, *у* надъ слогами съ гласными позднѣйшими и двогласными. Беремъ древнѣйшее, ближайшее къ санскритскому славянское нарѣчіе—церковнославянскій языкъ.

Прежде всего раскрываемъ *Остромирово Евангеліе* и пересчитываемъ число разныхъ гласныхъ въ первомъ чтеніи («Въ началѣ, по *Остр. Ев.*, искони бѣ слово»). Поправляя нѣсколько описокъ переписчика для возстановленія церковнославянскаго вокализма во всей чистотѣ, и исключая иноязычныя слова (напр., Іоанъ), непринадлежащія нашей фонетикѣ, получаемъ въ 1-мъ чтеніи всѣхъ слоговъ или всѣхъ гласныхъ 411; въ томъ числѣ *а* 39, *и* 67, *у* 5 (считая йотированныя гласныя за одно съ нейотированными); всего первобытныхъ гласныхъ—111.

е 39, *о* 74; всего гласныхъ вторичнаго образованія, общихъ почти всѣмъ языкамъ—113;

ъ 62; ь 42; всего глухихъ гласныхъ 104;

ѣ 41; *ы* 17; всего спеціально-славянскихъ чистыхъ гласныхъ позднѣйшаго образованія 58;

ѧ 17; ѫ 8; всего носовыхъ гласныхъ 25.

Такимъ образомъ первобытныя гласныя удержали за собою въ церковнославянскомъ только четвертую часть слоговъ.

Не говоримъ о томъ, что готскій вокализмъ гораздо ближе къ санскритскому въ этомъ отношеніи; посмотримъ еще на латинскій вокализмъ, и, для избѣжанія упрека въ произвольности, беремъ первыя строки первой цицероновой рѣчи (pro P. Quinctio: Quae res... pertimesco). Въ 109 первыхъ слогахъ находимъ:

а 18; *і* 29; *и* 8; всего первобытныхъ гласныхъ 55.

е 27; *о* 23; *æ* 4; всего гласныхъ вторичнаго образованія и двогласныхъ 54.

Въ латинскомъ вокализмѣ первобытныя гласныя занимаютъ половину слоговъ; въ церковнославянскомъ только одну четверть: латинскій вокализмъ гораздо ближе къ санскритскому, нежели славянскій.

Г. Гильфердингъ можетъ возразить намъ: я говорю о корняхъ, вы принимаете въ счетъ и флексіи; во флексіяхъ первобытныя гласныя исчезли, въ корняхъ сохранились. Въ отвѣтъ беремъ *Radices* Миклошича (Корнесловъ церковнославянскаго языка) и считаемъ гласныя въ корняхъ на буквы б, в, г, д.

Всѣхъ гласныхъ въ этихъ корняхъ 286. Изъ нихъ:

А 51; И 21; У 18; всего первобытныхъ гласныхъ 90 — только третья часть. Нѣсколько больше сохранились гласныя первобытныя въ корняхъ, нежели во флексіяхъ—это правда; но все таки сохранились онѣ довольно плохо. Число санскритскихъ корней съ гласными вторичнаго образованія совершенно ничтожно передъ числомъ корней съ а, и, у.

И такъ, пока не представитъ г. Гильфердингъ болѣе убѣдительныхъ доказательствъ, наука не можетъ принять его мнѣнія и остается непоколебимымъ

результатъ, выведенный нѣмецкими филологами изъ ихъ сравненій и высказанный Гриммомъ такъ: «Нѣмцы, Славяне и Литовцы должны были оставаться долго вмѣстѣ по отдѣленіи своемъ отъ остальныхъ народовъ индоевропейскаго племени; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ славянскій языкъ въ тѣснѣйшей связи съ греческимъ» (*Исторія Нѣмецкаго Языка*, стран. 14). Мы должны продолжать думать, какъ думали до появленія книги г. Гильфердинга: ближайшая связь у славянскаго и литовскаго языковъ съ нѣмецкимъ; болѣе отдаленная съ греческимъ; еще дальше родство его съ латинскимъ. Съ санскритскимъ языкомъ разстались всѣ европейскіе языки гораздо прежде, нежели совершенно отдѣлились другъ отъ друга, и потому далеко отошли отъ него; но онъ чрезвычайно важенъ для объясненія корней и флексій этихъ языковъ, далеко непохожихъ на него, потому что обыкновенно въ гораздо большей, нежели они, первообразности сохранилъ онъ смыслъ и форму корней и флексій.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію метода г. Гильфердинга, предоставляя критику частныхъ его выводовъ спеціальнымъ трудамъ.

Прекрасна его идея сравнивать славянскій языкъ поочередно сначала съ однимъ, потомъ съ другимъ языкомъ, а не со всѣми вдругъ индоевропейскими языками, чтобъ не запутаться въ хаосѣ отъ изобилія матеріаловъ. Намъ кажется, что книга его была бы еще лучше, еслибъ онъ съ такой же осторожностью ограничилъ и другой элементъ своего сравненія—славянскій языкъ, какъ ограничилъ одинъ, выбравъ изо всей массы родственныхъ языковъ санскритскій. И самыя сравненія и выводы его изъ этихъ сравненій пріобрѣли бы гораздо бо́льшую степень достовѣрности, еслибъ онъ ограничился только несомнѣнно древними и несомнѣнно славянскими корнями, то есть взялъ бы за основаніе своихъ сравненій не прямо все богатство лексиконовъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій, а одни только тѣ корни, которые находятся или въ церковнославянскомъ языкѣ, или, если не находятся въ немъ, то существуютъ въ нѣсколькихъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Намъ кажется, что, желая подъискать какъ можно болѣе славянскихъ словъ, сходныхъ съ санскритскими, и для того вводя въ кругъ своихъ сравненій всѣ слова, употребляемыя Славянами, онъ былъ иногда вовлекаемъ въ ошибки чрезвычайнымъ богатствомъ своего матеріала, слишкомъ еще мало разработаннаго.

Ограничимся немногими примѣрами.

Амбаръ онъ производитъ (стр. 13) отъ санскр. amḥarjâmi, коплю, собираю. Но амбаръ (правильнѣе анбаръ) — чисто арабское слово, перешедшее къ намъ отъ Татаръ, подобно словамъ сходнаго значенія «казна» и «сундукъ». *Якшаться*, которое отмѣчено въ *Областномъ Словарѣ* какъ вологодское, но которое употребляется на всемъ востокѣ Россіи, производитъ онъ отъ санскр. jakṣḥ, чтить (стр. 39): оно происходитъ отъ татарскаго «якши» хорошій, другъ. Подобныхъ словъ арабско-татарскаго происхожденія много возведено г. Гильфердингомъ къ санскритскимъ корнямъ. Великорусскіе областные говоры, особенно говоры восточныхъ провинцій, приняли много такихъ словъ, и г. Гильфердингъ не всегда ихъ остерегался.

Желаніе найдти сходство между славянскимъ и санскритскимъ словомъ часто не оставляетъ автору времени опредѣлить истинный корень слова. Такъ болгарское *до-сушъ*, «совершенно» онъ относитъ (стр. 32) къ санскритскому

çusa, сила, между тѣмъ, какъ оно происходитъ отъ прилагат. «сухой» (до суха, до дна), а не отъ какого нибудь особеннаго корня. Такъ же точно сибирское «шатость», «измѣна», относитъ онъ (стр. 37) къ корню çaṭh, обманывать, между тѣмъ, какъ оно произведено отъ глагола «шатать, шататься» (непостоянство, шаткость въ словѣ). «Дыльница», арханг. слово = подойникъ, сравнено имъ съ санскр. druni, ведро (стр. 94), между тѣмъ, какъ оно происходитъ отъ корня «доить» (=доильница, ои=ы, какъ въ «пымать» вм. понимать).

Вообще должно замѣтить, что г. Гильфердингъ очень часто останавливается на готовой формѣ слова, нерѣдко испорченной, не отыскивая корня его. Часто бываетъ онъ слишкомъ смѣлъ въ своихъ сравненіяхъ. Намъ кажется, что безпристрастные знатоки дѣла согласятся съ нами и въ томъ, что желаніе какъ можно болѣе сблизить славянскій языкъ съ санскритскимъ заставляетъ г. Гильфердинга часто прибѣгать къ натяжкамъ. Скажемъ наконецъ, что, по просмотрѣ книги г. Гильфердинга, невольно рождается мысль, что онъ писалъ ее не столько съ цѣлью изслѣдовать, *до какой степени* славянскій языкъ близокъ къ санскритскому, сколько съ цѣлью доказать, что славянскій *необыкновенно близокъ*, ближе нежели всѣ другіе индоевропейскіе языки, къ санскритскому.

Мы высказали свое мнѣніе о слабыхъ сторонахъ сочиненія г. Гильфердинга: выскажемъ и свое общее о немъ мнѣніе. Но прежде изложимъ содержаніе книги. Г. Гильфердингъ не касается грамматики: онъ ограничивается фонетикою и сравненіемъ словъ. Прежде всего представляетъ онъ списокъ словъ совершенно одинаковыхъ по звукамъ и въ славянскомъ и въ санскритскомъ; потомъ разсматриваетъ правильные и неправильные переходы однихъ санскритскихъ звуковъ въ другіе сходные славянскіе звуки. Каждый изъ отдѣльныхъ сравнивающихъ списковъ сопровождается общими относящимися къ нему объясненіями, выводами и замѣчаніями.

Сочиненіе г. Гильфердинга свидѣтельствуетъ прежде всего о чрезвычайной любви его къ своему предмету, которая одна могла заставить его съ такою ревностью заботиться о всевозможной полнотѣ матеріаловъ: онъ успѣлъ вполнѣ воспользоваться для своихъ сравненій даже *Областнымъ Словаремъ*, который напечатанъ всего за нѣсколько мѣсяцевъ до появленія его книги; мало того, онъ воспользовался даже тѣми матеріалами, которые, по недавности присылки ихъ въ Петербургъ, еще не вошли ни въ какое изданіе Академіи и Географическаго Общества. Не боимся ошибиться, если скажемъ, что до послѣдней корректуры продолжалъ онъ пополнять свои списки... Наука можетъ разсчитывать на такого добросовѣстнаго дѣятеля.

Какъ полно воспользовался г. Гильфердингъ всѣми матеріалами для славянской части своихъ списковъ, такъ же хорошо изучилъ онъ и сочиненія западныхъ филологовъ, такъ что стоитъ совершенно наравнѣ съ современнымъ положеніемъ науки. Потому съ нимъ иногда можно не соглашаться, но нельзя не уважать его дѣльнаго, добросовѣстнаго труда, котораго продолженіе принесетъ несомнѣнную пользу индоевропейской филологіи.

Dichterkanon. Ein Versuch, die vollendetsten Werke der Dichtkunst aller Zeiten und Nationen, auszuzeichnen. Von Dr. *Neukirch*. (**Собраніе Поэтовъ**. Опытъ исчисленія совершеннѣйшихъ произведеній поэзіи всѣхъ временъ и народовъ. Доктора *Нейкирха*). Кіевъ. 1853.

Характеристично второе заглавіе книги, на 71 стран., послѣ введенія: *Списокъ (Verzeichnisz) важнѣйшихъ поэтовъ и поэтическихъ произведеній всѣхъ временъ и народовъ.*

Вѣрный заглавію, авторъ даетъ намъ дѣйствительно «списокъ», то есть несвязанныя ничѣмъ одна съ другою статейки о замѣчательныхъ, по его мнѣнію, поэтахъ. Мы не можемъ надивиться странной его прихоти: стараясь о полнотѣ книги, онъ не позаботился о единствѣ ея; собравъ всѣ нужныя, по его мнѣнію, для исторіи поэзіи свѣденія, онп не захотѣлъ дать намъ исторію поэзіи, а бросаетъ лоскутки, связанные только нитками переплетчика. Желая показать, въ какой невообразимой степени безсвязны статейки г. Нейкирха, выписываемъ его отдѣлъ о датскихъ поэтахъ:

«Датская поэзія получила высокое развитіе (положимъ, не очень высокое, потому что г. Нейкирхъ не считаетъ Ломоносова и Карамзина, занимающихъ такое же мѣсто въ русской литературѣ, какъ въ датской Гольбергъ, достойными особыхъ статеекъ) только съ первой половины XVIII вѣка, и была послѣ того обрабатываема многими замѣчательными талантами.»

Конецъ общему введенію! ни словечка, которымъ связывались бы слѣдующія за нимъ четыре статейки:

«1. Гольбергъ. Людвигъ фонъ Гольбергъ родился въ Бергенѣ въ Норвегіи 1684 года; учился въ Копенгагенѣ; объѣхалъ большую часть Европы; послѣ былъ профессоромъ, сначала философіи, потомъ краснорѣчія и исторіи при Копенгагенскомъ университетѣ; получилъ баронскій титулъ и умеръ въ Копенгагенѣ въ 1754 году. Его должно признать истиннымъ творцомъ датской литературы. Лучше всего онъ въ своихъ комедіяхъ.»

Содержаніе трехъ комедій разсказывается. Статья кончается указаніемъ переводовъ Гольберга на нѣмецкій языкъ.

«2. Эленшлегеръ. Адамъ Готтлибъ Эленшлегеръ, по происхожденію родителей Нѣмецъ, родился» и т. д.

«3. Герцъ. Генрикъ Герцъ родился» и т. д.

«4 Андерсенъ. Гансъ Христіанъ Андерсенъ, сынъ бѣднаго сапожника, родился и т. д.

Что можетъ быть безсвязнѣе? И что мѣшало г. Нейкирху прибавить полстранички о томъ, какъ развивалась датская поэзія, какимъ вліяніямъ она подвергалась, каковъ ея отличительный характеръ? Ничто не мѣшало! Ему просто не казалось это нужнымъ. Что мѣшало ему сказать, какое вліяніе имѣли предъидущіе датскіе поэты на послѣдующихъ? Ничто не мѣшало! Ему просто не казалось это нужнымъ... Странно, очень странно!

Авторъ хочетъ говорить о «поэтическихъ» произведеніяхъ. Изъ всего видно, что прозою написанныя произведенія кажутся ему несовсѣмъ заслуживающими титулъ «поэтическихъ». Нечего и говорить о томъ, какъ несправедливо такое понятіе. Оно заставило его пройти молчаніемъ Эзопа, Апулея и многихъ другихъ поэтовъ.

Онъ считаетъ ненужнымъ говорить о теоретикахъ, о великихъ критикахъ,

вообще о людяхъ, имѣвшихъ вліяніе на духъ поэзіи въ извѣстное время. Потому нѣтъ въ его сочиненіи даже Буало. Нельзя, впрочемъ, и упрекать его за *этотъ* недостатокъ въ частности: онъ только слѣдствіе общаго правила, принятаго г. Нейкирхомъ — говорить о произведеніяхъ поэзіи, не обращая никакого вниманія на тѣ вліянія, подъ которыми образовались они. Ни слова не найдете вы у него о вліяніи на поэзію историческихъ событій и тому подобныхъ бездѣлицахъ. И не въ правѣ мы этому дивиться: такое пренебреженіе ко всему, что можетъ объяснить происхожденіе и смыслъ произведеній, о которыхъ говорится въ книгѣ, очень естественно со стороны автора, не подумавшаго о томъ, что сложенные безъ цемента кирпичи—не домъ, что безсвязный рядъ статеекъ — не книга: куда ужь думать о связи фактовъ, когда нѣтъ связи между словами!

Посмотримъ, до какой степени систематиченъ и полонъ въ принятыхъ авторомъ размѣрахъ списокъ его.

Въ отдѣлѣ *Индійцы* не говоритъ онъ о Ведахъ, можетъ быть, не считая ихъ поэтическимъ произведеніемъ. Но давно рѣшено, что религіозныя книги языческихъ народовъ составляютъ древнѣйшій и важнѣйшій памятникъ ихъ поэзіи. Точно такъ же въ отдѣлахъ *Персы* и *Арабы* не говоритъ онъ о Зенд-Авестѣ— пропускъ рѣшительно непростительный. Нѣтъ ни слова и о Моаллакатахъ, о которыхъ говорится даже въ *Исторіи* Смарагдова.

Но такой краткій списокъ, какъ *Dichterkanon*, могъ легко обойтись безъ малоизвѣстныхъ именъ Сомадевы-Батты, Низами, Амрилькаиса и Мотенебби.

Между греческими поэтами нѣтъ Гезіода, Эзопа, Анакреона, Сафо; зато есть Бабрій; зато возведены въ званіе поэтовъ — угадайте кто? Ксенофонтъ и Платонъ!

Между римскими поэтами нѣтъ Катулла (а двойникъ его, Тибуллъ, есть); нѣтъ Лукана и Апулея, нѣтъ Лукреція...

Ограничимся этимъ. Мы взяли для разбора отдѣлъ восточной и классической поэзіи, потому что здѣсь поэтическія репутаціи совершенно установлены, и при выборѣ именъ не остается мѣста произволу и разногласію. А между тѣмъ сколько тутъ произвола у г. Нейкирха, и какъ неудаченъ этотъ произволъ!.. Не можемъ пропустить еще одной странности: г. Нейкирхъ почти нигдѣ не говоритъ о народной поэзіи. У него есть испанскіе романсы, *Рейнеке-Фуксъ*, *Нибелунги* и *Оссіанъ;* но нѣтъ ни пол-слова объ *Эддѣ* и скандинавской народной поэзіи, о шотландскихъ балладахъ, новогреческихъ пѣсняхъ; нѣтъ ни слова даже о провансальской поэзіи, даже о сербскихъ историческихъ пѣсняхъ, которыя, по художественному достоинству, не уступаютъ гомеровскимъ, а возвышенностью содержанія далеко ихъ превосходятъ.

Но довольно о томъ, чего нѣтъ въ книгѣ г. Нейкирха; посмотримъ, какъ онъ говоритъ о тѣхъ поэтахъ, которые вошли въ его списокъ. Для примѣра беремъ двѣ статейки: одну, длинную, о Гете; другую, коротенькую, стоящую съ нею рядомъ, о Фоссѣ. Статейка о каждомъ поэтѣ начинается его коротенькою біографіею; за нею слѣдуетъ, или не слѣдуетъ (какъ вздумается автору) нѣсколько строкъ въ родѣ характеристики поэта; потомъ разсказывается содержаніе замѣчательнѣйшихъ его произведеній (важнѣйшая по объему часть въ книгѣ), и статейка заключается указаніемъ нѣмецкихъ переводовъ, если поэтъ не нѣмецъ. Взглянемъ, какъ все это дѣлается.

ГЕТЕ.

«Іоганнъ Вольфгангъ фонъ Гете, сынъ значительныхъ и почтенныхъ родителей, родился во Франкфуртѣ-на-Майнѣ въ 1749 году, учился въ Лейпцигѣ и Страсбургѣ юриспруденціи и другимъ наукамъ (что учился онъ юриспруденціи—свѣденіе ненужное, потому что изъ этихъ занятій никакого результата не вышло; что онъ учился и другимъ какимъ нибудь наукамъ—само собою разумѣется; слѣдовало сказать, чѣмъ занимался онъ преимущественно, или не говорить ничего); сдѣланъ въ 1776 году легаціонсратомъ въ Веймарѣ (слѣдовало сказать, что онъ жилъ при веймарскомъ дворѣ, а не то, какую должность ему дали); въ 1779 году дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ сопровождалъ герцога Карла Августа въ путешествіи по Швейцаріи, гдѣ былъ, впрочемъ, уже прежде; сдѣланъ въ 1782 году каммер-президентомъ и возведенъ въ дворянское достоинство; объѣхалъ Италію до Сициліи въ 1786—1788 годахъ (это путешествіе важно, но важно по вліянію на поэтическую дѣятельность Гете, о чемъ здѣсь не упоминается); сопровождалъ герцога въ 1792 году на походѣ въ Шампань; жилъ съ 1794 г. въ дружбѣ съ Шиллеромъ; женился въ 1806 году на дѣвицѣ Вульпіусъ (ненужно), матери его сына, Августа фонъ Гете (что это?), который 1830 года умеръ въ Римѣ великогерцогскимъ гофкаммерратомъ и каммергеромъ (зачѣмъ это?); сдѣланъ 1815 года первымъ государственнымъ министромъ; въ 1816 году лишился жены и умеръ въ 1832 году въ Веймарѣ, удалившись отъ государственныхъ дѣлъ съ 1828 года. Съ 1791 до 1818 по должности интенданта управлялъ придворнымъ веймарскимъ театромъ».

Можно ли набрать болѣе свѣденій, опустивъ всѣ главные факты? Такъ составлены всѣ біографіи у г. Нейкирха. Онѣ сухи и безсвязны до нельзя, и нѣтъ возможности пріискать въ нихъ что нибудь имѣющее связь съ поэтическою дѣятельностью поэта. За біографіею Гете слѣдуетъ его характеристика:

«Гете величайшій поэтъ Германіи, одинъ изъ величайшихъ поэтовъ міра. По геніальности и силѣ изобрѣтенія не равняется онъ со многими другими поэтами; вообще канвою своихъ произведеній онъ выбиралъ событія изъ собственной жизни, или сюжеты, которые находилъ уже довольно подробно развитыми. Но не было другого поэта, умъ котораго былъ бы такъ всесторонне развитъ и образованъ, какъ умъ Гете. Оттого въ его сочиненіяхъ такое богатство мыслей, что его по преимуществу должно назвать писателемъ, изъ котораго можно научиться многому».

Но богатство мыслей найдется у всѣхъ великихъ писателей. Были поэты ученѣе самого Гете: не въ учености дѣло, а въ томъ, что, не увлекаясь до пристрастія ничѣмъ, Гете вполнѣ сочувствовалъ всему, «что проситъ у сердца отвѣта». Ученость его была только слѣдствіемъ этого всеобъемлющаго сочувствія.

Вслѣдъ за тѣмъ, г. Нейкирхъ начинаетъ разсказывать содержаніе замѣчательнѣйшихъ произведеній Гете, и прежде всего содержаніе первой части *Фауста*. Посмотрите, какъ оно разсказывается:

«Первая часть *Фауста* одно изъ замѣчательнѣйшихъ и величественнѣйшихъ произведеній во всемірной литературѣ. Герой этой драмы докторъ Фаустъ, жившій въ половинѣ XVI вѣка, котораго не должно смѣшивать съ типографщикомъ Фаустомъ или Фустомъ, жившимъ до него за столѣтіе (лишнее предостереженіе, умѣстное только въ подробномъ разсказѣ о матеріалахъ гетева *Фауста*). Докторъ Фаустъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, врачъ и профессоръ, отличающійся многосторонними познаніями, но мучимый сознаніемъ ихъ ограниченности; вмѣстѣ съ этимъ любитъ онъ и земныя наслажденія, которыхъ ему удѣлено, по его мнѣнію, слишкомъ мало...»

Вы видите, что опущенъ прологъ; а въ этомъ прологѣ смыслъ всего *Фауста*; въ немъ тэма; всѣ слѣдующія сцены только ея развитіе. Кромѣ того, Фаустъ вовсе

не особенный любитель сердечныхъ или чувственныхъ наслажденій. Такая черта въ его характерѣ была бы неумѣстною прибавкою со стороны Гете. Въ томъ, какъ Фаустъ бросается въ чувственныя наслажденія, какъ сильно закипаетъ въ немъ любовь, Гете выразилъ не случайную черту фаустова характера, а глубокую мысль. Фаустъ хотѣлъ, ограничась жизнью ума, подавить въ себѣ жизнь сердца—и Гете представляетъ его въ ту минуту, какъ заглушенныя на время стремленія пробуждаются въ немъ съ неудержимою силою.

«Онъ ищетъ отрады въ магіи; ему является духъ земли, неудовлетворяетъ однако его ожиданіямъ; и онъ, на пасхальную ночь, хочетъ прекратить свое отчаянное состояніе, принявъ яду; какъ внезапно раздающееся пасхальное пѣніе удерживаетъ его (какимъ же образомъ?). На пасху идетъ онъ съ тупоумнымъ своимъ фамулюсомъ Вагнеромъ прогуливаться (зачѣмъ же? что выражаетъ у Гете прогулка эта?); тутъ къ нимъ пристаетъ пудель и провожаетъ Фауста домой, тамъ принимаетъ человѣческій видъ и объявляетъ себя Фаусту «духомъ, вѣчно отрицающимъ,» духомъ зла, Мефистофелемъ, и говоритъ Фаусту: «Я буду служить тебѣ здѣсь, съ тѣмъ, чтобъ ты былъ моимъ рабомъ тамъ.»—«Согласенъ, говоритъ Фаустъ, если ты доставишь мнѣ хоть мигъ полнаго удовлетворенія здѣсь.» Договоръ заключенъ. Съ презрѣніемъ къ прежнимъ стремленіямъ говоритъ Фаустъ: «бросимся въ шумный потокъ времени, въ пучину жизни.»

Гдѣ же тутъ связь? гдѣ смыслъ сценъ? Кто узнаетъ *Фауста* изъ этого разсказа, почтетъ его безсмысленнымъ наборомъ фантастическихъ сценъ...

«И вотъ Мефистофель ведетъ Фауста въ буйно-веселую компанію Ауэрбахова погреба въ Лейпцигѣ, потомъ въ кухню вѣдьмъ, гдѣ онъ молодѣетъ отъ волшебнаго питья, имѣющаго притомъ такую силу, что Фаусту всякая женщина покажется красавицею» и т. д.

Вмѣсто прибавленія подробности о томъ, какъ Фаусту каждая женщина будетъ казаться красавицею—подробности только вводящей въ недоумѣніе насчетъ красоты Гретхенъ, надобно бы сказать, что Фаустъ, не нашедши покоя въ тихомъ кругу бюргеровъ, бросается въ буйную, грязную оргію (Ауэрбаховъ погребъ); но грязь эта противна его душѣ, и онъ ищетъ радости, удовлетворенія сердцу въ чистой, возвышенной любви — тогда было бы все связно и ясно; теперь же въ разсказѣ г. Нейкирха *Фаустъ* кажется безсвязенъ, произволенъ, нелѣпъ. Дальше разсказъ идетъ короче; но такъ же безсвязны, непонятны остаются въ немъ приключенія Фауста. Переходимъ прямо къ заключенію отдѣла о *Фаустѣ*, общему взгляду автора на его смыслъ:

«Все зло, въ которомъ становится виноватъ Фаустъ, совершаетъ онъ только послѣ упорной борьбы, и неудовлетворяясь тѣмъ, чего достигаетъ посредствомъ зла. Фаустъ и Мефистофель собственно составляютъ одно лицо; Мефистофель—олицетвореніе отрицающаго, злаго начала въ Фаустѣ. И это одно лицо—Гете, который въ свою очередь является здѣсь представителемъ духа человѣческаго вообще. Цѣлое представляетъ борьбу живущихъ въ человѣкѣ высшихъ и низшихъ стремленій однихъ съ другими.»

Опять безсвязно, какъ будто бы это не отрывокъ изъ книги, а отрывокъ изъ конспекта или оглавленія!

Но Гете писатель глубокомысленный, *Фаустъ* вещь очень мудреная. Посмотримъ, какова статейка о Фоссѣ, поэтѣ неголоволомномъ.

Іоганнъ Гейнрихъ Фоссъ родился въ Зоммерсдорфѣ въ 1751 году, умеръ въ Гейдельбергѣ въ 1826 году. Онъ замѣчательнѣе, какъ филологъ, особенно какъ переводчикъ греческихъ и римскихъ писателей, нежели какъ творящій поэтъ (слѣдовало бы сказать, что Фоссъ перевелъ *Иліаду*; правда и то, что его переводъ ужь указанъ въ

статьѣ *Гомеръ*—что еще за повторенія!). Важнѣйшее изъ его произведеній *Луиза*, сельская поэма въ трехъ идилліяхъ, въ которыхъ, вмѣстѣ съ обыденнымъ, тяжелымъ и натянутымъ попадается много истинно хорошаго. Лица, въ нихъ выводимыя: Луиза, ея отецъ, сѣдой пасторъ въ Грюнау, вымышленномъ гольштинскомъ селѣ (удивительно какъ нужно знать намъ, что Грюнау село вымышленное!), ея мать и ея женихъ, молодой богословъ Вальтеръ. Въ первой идилліи празднуется день рожденія Луизы, сначала обѣдомъ, потомъ прогулкою въ лѣсъ, гдѣ пьютъ кофе и ужинаютъ. Во второй идилліи Вальтеръ, который былъ гувернеромъ, дѣлается пасторомъ, и пріѣзжаетъ навѣстить свою невѣсту. Въ третьей Луиза выходитъ за Вальтера.»

Очень хорошо разсказано содержаніе *Луизы!*

Выборъ сочиненій у г. Нейкирха такъ же произволенъ, какъ и подборъ поэтовъ. У г. Лесажа, напримѣръ, выставляетъ онъ *Тюркарѐ* и *Криспена*, забывая *Хромаго Бѣса;* лучшею драмою Виктора Гюго называетъ *Эрнани* и т. д.

Странна до невозможности та щедрость, съ которою высчитываетъ г. Нейкирхъ переводы на нѣмецкій. Понятно, что можно и должно указать нѣсколько переводовъ Гомера, Шекспира, Байрона; но къ чему высчитывать дюжинные переводы новыхъ французскихъ и англійскихъ прозаиковъ — напримѣръ 4 перевода стернова *Сантиментальнаго Путешествія*, 6 переводовъ гольдсмитова *Векфильдскаго Священника*, по 3 перевода тэккереевыхъ романовъ, по 3 перевода романовъ и повѣстей Лесажа, Бернардэна-де-санъ-Пьерра, Жоржа Занда, даже довольно жалкихъ романовъ Ферри и Луи Ребо? Довольно было бы указать на лучшій, по мнѣнію автора, переводъ.

Г. Нейкирхъ написалъ свою книгу понѣмецки.

Книга г. Нейкирха—серьезная книга, и потому не считаемъ приличнымъ смѣяться надъ удивительнымъ разглагольствованіемъ нѣсколькихъ нѣмцевъ и нѣмокъ въ началѣ книги о поэзіи, любви и т. п. Авторъ помѣстилъ этотъ діалогъ, дышащій простотою дѣтскихъ драмъ, въ видѣ «предисловія и введенія». Еслибъ книга была хороша, діалогъ этотъ не повредилъ бы въ нашихъ глазахъ ея достоинству, потому что мы обрѣзали бы его и переплели бы книгу отдѣльно. Теперь этого дѣлать не нужно.

Точно такое же забавное впечатлѣніе, нисколько неприличное ученой книгѣ, производитъ напечатанный въ началѣ книги, вмѣсто посвященія, сонетъ *Каролинѣ—An. Karolinen.* Въ немъ авторъ напоминаетъ Каролинѣ, какъ «изъ устъ ея часто текли тоны, которые въ авторѣ создавали чудные міры и свивали вѣнки изъ золотыхъ ученій».

По доброму, старому обычаю, въ концѣ извлечемъ заключеніе изъ нашего разбора:

Люди, достойные всякаго уваженія, часто пишутъ плохія книги. Намъ хорошо извѣстно, что г. Нейкирхъ основательный и добросовѣстный ученый; всякій увидитъ доказательства его учености на каждой страницѣ его книги: а между тѣмъ книга у него вышла очень плохая. Какъ могло это случиться?.. Какъ могло случиться—не знаемъ; а что дѣйствительно такъ случилось, читатели могутъ видѣть изъ нашего разбора.

Федонъ, или о безсмертіи души, *Моисея Мендельсона*. Переводъ съ нѣмецкаго *В. Мызникова*. Изданіе второе. Тифлисъ. 1854.

Мендельсоновъ *Федонъ* въ русскомъ переводѣ достигаетъ втораго изданія! Слѣдовательно, первое изданіе (правда, вышедшее еще въ 1837 года) раскуплено? Это — явленіе утѣшительное въ нашей литературѣ. Г. Мызниковъ пріобрѣтаетъ двойное право на благодарность нашу за свой переводъ, когда мы видимъ, что его переводъ сдѣланъ былъ не понапрасну, не остался навѣки въ книжныхъ магазинахъ, какъ другіе переводы и сочиненія подобнаго содержанія, а разошелся въ публикѣ. Объяснимся. Мы радуемся успѣху *Федона* не потому, чтобъ онъ могъ въ наше время считаться основательнымъ трактатомъ о безсмертіи души, а потому, что знакомство съ сочиненіями людей такихъ чистыхъ и благородныхъ душою, возвышенныхъ по уму и по образу мыслей, какъ Мендельсонъ, приноситъ несомнѣнную пользу читателямъ, хотя бы эти сочиненія уже устарѣли.

Если мы, понимая безпредѣльность разстоянія, отдѣляющаго область истинъ сверхъестественныхъ, въ которыя мы вѣримъ, по божескому откровенію, отъ земныхъ истинъ, которыя принадлежатъ человѣческому разуму, не считаемъ мендельсонова *Федона* способнымъ вполнѣ убѣдить человѣка въ томъ, въ чемъ убѣждаетъ его только откровенное ученіе вѣры, то считаемъ эту книгу полезною и прекрасною по духу благородства и кротости, которымъ проникнута она, какъ и все, что писалъ Мендельсонъ, одинъ изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ людей своего времени, столь богатаго благородными людьми. Личность Мендельсона, къ сожалѣнію, еще очень мало знакома русской публикѣ, и потому считаемъ небезполезнымъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Мендельсонъ былъ другомъ и сподвижникомъ великаго и благороднаго Лессинга. Этого уже довольно для того, чтобъ обезпечить ему наше уваженіе. Когда, по смерти Лессинга, Якоби началъ чернить его, Мендельсонъ былъ такъ взволнованъ клеветою на образъ мыслей своего покойнаго друга, что это огорченіе, соединенное съ усиленною работою надъ сочиненіемъ, которое бы оправдало великаго мыслителя, было главною причиною его собственной смерти — что лучше этого можетъ доказать необыкновенную возвышенность души самого Мендельсона? Но есть и еще другое знаменитое доказательство того, какъ велика была, при всей энергичности и пламенности характера, доброта, снисходительность и кротость Мендельсона. Фантазеръ Лафатеръ, переведя фантастическую книгу другаго мечтателя, Бонне, и зная, что Мендельсонъ не раздѣляетъ понятій Бонне, посвятилъ ему свой переводъ, требуя въ предисловіи, чтобъ Мендельсонъ опровергъ мысли, изложенныя въ книгѣ Бонне, или отказался отъ своего прежняго образа мыслей, какъ несправедливаго. Вызовъ, къ которому Мендельсонъ не подавалъ никакого повода, былъ совершенно неприличенъ и заслуживалъ самаго жосткаго осужденія, или, скорѣе, негодованія, потому что ставилъ Мендельсона въ положеніе очень опасное: странныхъ мыслей Бонне нельзя было опровергать, не навлекая на себя страшнаго мщенія людей, признававшихъ ихъ справедливыми и могшихъ погубить Мендельсона. Мендельсонъ доказалъ это Лафатеру съ такою снисходительностью и кротостью, что Лафатеръ (человѣкъ чрезвычайно упорный въ своихъ фантазіяхъ и до крайности самолюбивый) понялъ свою ошибку и просилъ извиненія у своего

противника. Примѣровъ такого торжества немного въ исторіи: вести себя въ спорѣ такъ, чтобы самолюбивый противникъ созналъ себя виновнымъ и раскаялся — возможно только для человѣка съ необыкновенною кротостью души.

Произведенія такихъ людей всегда будутъ дѣйствовать на читателя благотворно духомъ истинной любви, отъ нихъ вѣющимъ, хотя бы самыя мысли, въ нихъ доказываемыя, и не вполнѣ соотвѣтствовали современному развитію науки. Поэтому смѣло пожелаемъ мендельсонову *Федону* достичь на русскомъ языкѣ третьяго и четвертаго изданія. Переводъ г. Мызникова очень добросовѣстенъ. Языкъ простъ и ясенъ.

Справочный Энциклопедическій словарь, изданный подъ редакціею *А. Старчевскаго*. Томъ седьмой. Л—Мар. Спб. 1853.

При выходѣ въ свѣтъ перваго тома этого *Словаря*, мы представили (*От. Зап.* 1847 года, № 8) подробный разборъ его, доказывавшій, что предпріятія подобнаго рода, для того, чтобы на самомъ дѣлѣ принести пользу публикѣ, должны быть составляемы по строго обдуманному плану и выполняемы съ большою аккуратностью, и что ни тому, ни другому условію *Справочный Словарь* не удовлетворяетъ. Публика, сколько можемъ судить, была совершенно согласна съ нами...

Редакція *Справочнаго Словаря* продолжала свое изданіе; она выпустила уже болѣе половины обѣщанныхъ томовъ; работая столько времени надъ своимъ *Словаремъ*, она могла сдѣлаться гораздо опытнѣе: поэтому очень можно ожидать, что лежащій теперь передъ нами седьмой по алфавитному порядку и восьмой по порядку изданія томъ будетъ своимъ внутреннимъ достоинствомъ выше прежде изданныхъ ею.

Съ этимъ ожиданіемъ развернули мы его и прочли предисловіе: предисловіе показало намъ, что редакція до сихъ поръ не можетъ справиться съ общею расплановкою своего словаря. Въ двухъ изъ остающихся неизданными томахъ (восьмомъ и девятомъ) она думаетъ помѣстить почти всю букву *м*, буквы *н*, *о*, *п*, *р*, *с*; но эти томы должны въ такомъ случаѣ выйдти вдвое толще остальныхъ, по слѣдующему разсчету: статьи на буквы *м*, *н*, *о*, *п*, *р* и *с* составляютъ, по количеству и объему, *третью* долю всякой энциклопедіи; въ этомъ редакція могла бы убѣдиться, еслибъ сообразила планъ подобныхъ изданій на нѣмецкомъ или французскомъ языкахъ; или, если сравнивать латинскій алфавитъ съ русскимъ для нея трудно, она могла бы видѣть это, напримѣръ, изъ словаря митроп. Евгенія о писателяхъ духовнаго чина, въ которомъ слоги *ме—с* занимаютъ 236 страницъ изъ 710 стран. всего изданія. Слѣдовательно, если остальныя двѣ трети статей *Справочнаго Словаря* наполняютъ 10 томовъ (всего предполагается 12 томовъ), то для этихъ буквъ нужно *пять* томовъ равнаго съ прежними объема, или *два* тома, но каждый *слишкомъ вдвое* толще остальныхъ. Редакція не говоритъ объ этомъ въ своемъ предисловіи; слѣдовательно, она еще не знаетъ этого, еще не можетъ этого видѣть. Неужели она еще такъ неопытна?

Да, внимательное разсмотрѣніе седьмаго тома *Справочнаго Словаря* доказываетъ, что редакція не можетъ еще справиться съ своимъ словаремъ, и какъ ни желали бы мы сказать ей что нибудь пріятное, должны, однакожь, объявить, что остаемся при своемъ прежнемъ мнѣніи относительно достоинства ея издѣлія, и должны подтвердить справедливость своего мнѣнія подробнымъ разборомъ вышедшаго нынѣ седьмаго тома.

Требованія отъ энциклопедическаго словаря могутъ быть и велики и малы, и строги и снисходительны. Мы ограничимся самыми снисходительными, которымъ удовлетворить было бы очень легко. Говоря строго, мы могли бы отъ словаря на русскомъ языкѣ требовать того же, что требуется отъ этого рода словарей на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ языкахъ: самостоятельной обработки всѣхъ статей. Но къ чему такія огромныя требованія? Намъ скажутъ, что у насъ трудно найдти для этого достаточное число сотрудниковъ—и мы согласимся. Пусть *Справочный Словарь* будетъ просто сборникомъ статей переводныхъ и извлеченныхъ, пусть онъ будетъ простою компиляціею—мы согласны; пусть только эта компиляція будетъ составлена хорошо—и мы будемъ совершенно довольны. Не правда ли, наши требованія очень умѣренны? Посмотримъ же, на сколько удовлетворяетъ ихъ *Справочный Словарь* г. Старчевскаго.

Статьи входящія въ составъ *Словаря*, раздѣляются на два отдѣла: 1) статьи, которыя онъ могъ брать (и взялъ) цѣликомъ изъ иностранныхъ энциклопедическихъ словарей, и 2) статьи, которыхъ онъ не могъ оттуда заимствовать и которыя редакція должна была извлекать или составлять сама.

Къ первому отдѣлу принадлежатъ всѣ біографическія и географическія статьи, кромѣ относящихся къ Россіи, русской исторіи, географіи и біографій замѣчательныхъ людей въ Россіи. Къ нему же принадлежатъ статьи по наукамъ, искусствамъ, промышленности и т. д., словомъ, всѣ статьи, кромѣ спеціально относящихся къ русскому міру.

Этотъ отдѣлъ не могъ доставить большихъ хлопотъ редакціи. Вотъ все, что обязана она была сдѣлать: составить списокъ статей, которыя должны войдти въ ея словарь, и потомъ перевести ихъ вполнѣ, или въ сокращеніи. Составить списокъ очень легко, потому что есть уже множество готовыхъ такихъ списковъ въ иностранныхъ изданіяхъ; надобно только свести ихъ и выбрать важнѣйшія статьи, которыя могутъ и должны войдти въ ея изданіе по принятому для него размѣру. Нужно только умѣть судить о томъ, которыя статьи важны и нужны, которыя ненужны и неважны. Редакція *Справочнаго Словаря* рѣшилась ограничиться количествомъ статей, вдвое меньшимъ того, какое помѣщается въ нѣмецкихъ конверсаціонс-лексиконахъ. Не будемъ упрекать ее и за это, потому что она располагала вдвое меньшимъ числомъ листовъ, хотя и увѣрены, что, сокративъ нѣкоторыя статьи, слишкомъ растянутыя (мы укажемъ на нихъ), она могла бы помѣстить гораздо большее число статей; но не можетъ не поставить ей въ упрекъ того, что въ принятыхъ ею границахъ она плохо распорядилась выборомъ, брала статьи большею частью наудачу, и потому, удержавъ множество ненужныхъ, опустила множество важныхъ. Въ доказательство, разсмотримъ ея списокъ иностранныхъ собственныхъ именъ на слогъ *Ла* (онъ занимаетъ около ста страницъ). Причина, по которой мы ограничиваемся собственными именами и не беремъ въ разсчетъ техническихъ словъ и терминовъ изъ наукъ и искусствъ, очень понятна: не находя

извѣстнаго термина или техническаго слова, мы еще можемъ предполагать, что оно будетъ объяснено подъ другимъ техническимъ словомъ; этого рода статьи могутъ быть дробимы и сливаемы; но собственныя имена должны уже непремѣнно стоять на своихъ мѣстахъ: ихъ нельзя сливать и вносить въ другія статьи.

Всего мы находимъ въ *Справочномъ Словарѣ* около 150 собственныхъ именъ, начинающихся слогомъ *Ла*, и въ числѣ ихъ нѣтъ слѣдующихъ именъ, необходимыхъ по принятому редакціею объему списка, именъ, которыя часто случается слышать и о которыхъ, поэтому, часто приходится справляться:

Лабедойеръ (Labedoyère), котораго имя всегда упоминается въ газетахъ, какъ скоро рѣчь идетъ о смерти Нея; *Лабіенъ*, извѣстный сподвижникъ, а потомъ противникъ Цезаря; *Лабурдонэ*, министръ Карла X; *Лавиніумъ*, городъ въ Лаціумѣ; *Лагиръ*, французскій полководецъ XV вѣка; другой *Лагиръ*, знаменитый математикъ XVII вѣка; *Лаій*, отецъ Эдипа; *Лакруа* (Поль), извѣстный французскій писатель (часто пишущій подъ именемъ Жакоба-библіофила); *Лалльманъ*, знаменитый медицинскій писатель; *Лалли-Толендаль* или *Лальи-Толандаль* (Lalli-Tolendal), французскій полководецъ въ Ост-индіи; другой *Лалли Толендаль*, сынъ его, извѣстный государственный человѣкъ въ концѣ XVIII вѣка; принцесса *Ламбаль*, другъ королевы Маріи-Антуанетты; *Ламетъ* (Lameth) знаменитый государственный человѣкъ конца XVIII вѣка; *Лами*, итальянскій писатель XVIII вѣка; *Ламія*, миѳологическое лицо; *Ламійская война* между греками и Антипатромъ, по смерти Александра Македонскаго; *Лампридій*, римскій писатель IV вѣка; *Ланселотъ* или *Ланело* (Lancelot), герой рыцарскихъ романовъ; *Ландеръ* или *Лэндеръ* (Lander), знаменитый путешественникъ по Африкѣ; *Ланіъ*, ганноверскій государственный человѣкъ; *Ланге*, нѣмецкій писатель XVIII вѣка; *Лангедокъ*, французская провинція; *Лангенбекъ*, знаменитый современный хирургъ; *Лангендикъ* (Langendijc), голландскій комическій писатель; *Ланувіумъ*, городъ въ Лаціумѣ; *Лаодоматъ*, сынъ Этеокла; *Лаодика* (у трагиковъ Электра), дочь Агамемнона; *Лапиты*, ѳессалійское племя; *Ларше* (Larcher), переводчикъ Геродота; *Латимеръ* или *Лэтимеръ* (Latimer), знаменитый англійскій епископъ XVI вѣка; *Лаубе*, нѣмецкій поэтъ; *Лахманъ*, знаменитый филологъ и проч.

Всего на 150 именъ слишкомъ 30 именъ пропущенныхъ! Мы имѣемъ полное право сказать, что редакція *Справочнаго Словаря* должна была помѣстить ихъ въ свой списокъ, выбросивъ изъ него около 45 или 50 ничѣмъ незамѣчательныхъ и очень малоизвѣстныхъ именъ, изъ которыхъ многія напечатаны русскими буквами едва ли не въ первый разъ въ *Справочномъ Словарѣ*. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Лабурёръ (скульпторъ); *Лаваль* (французскій городъ); *Лагозъ* (Lahoz), итальянскій генералъ; *Ладирасъ* (родъ вина); *Лазиніо* (итальянскій граверъ); *Лаксенбургъ* (загородный дворецъ близъ Вѣны); *Лаксъ* (Louis Lax), современный нѣмецкій писатель; *Лалльманъ* (французскій генералъ); *Ламбахеръ* (нѣмецкій писатель); *Ламбекъ* (тоже); *Ламбергъ* (1, Іозефъ, писатель; 2 Іоганъ, дипломатъ); *Ламонне* (Lamonnaie), франц. писатель; *Лангенау* (австрійскій генералъ); *Ландсбергъ* (городъ); *Ланчинскій* (іезуитъ); *Лассо* (композиторъ); *Лаубендеръ* (ветеринарный писатель); *Лаукгардъ* (нѣмецій писатель); *Лаурь* (австрійскій писатель) и еще столько же другихъ, имъ подобныхъ именъ. Большая часть этихъ собственныхъ именъ не вошла даже въ нѣкоторые энциклопедическіе словари, изданные на ихъ родинѣ, превосходящіе объемомъ *Справочный Словарь* и потому вмѣщающіе въ себя гораздо большее число именъ. Исключивъ подобныя, никому ненужныя слова, редакція *Справочнаго Словаря* имѣла бы мѣсто для невошедшихъ въ него словъ, которыхъ насчитали мы, при всей осмо-

трительности въ выборѣ, *четвертую* долю противъ всего количества статей этого рода.

Послѣ составленія списка статей иностраннаго отдѣла на редакціи лежала вторая обязанность: опредѣлить важность каждой статьи и, сообразно съ этимъ, объемъ ея. Отъ этого очень много зависѣло достоинство словаря. Возможно ли составить хорошій словарь, когда маловажныя статьи такъ расширились, что отняли мѣсто, нужное для того, чтобъ дать приличное развитіе важнѣйшимъ статьямъ? Еще болѣе: можно ли составить удовлетворительный словарь, не потрудившись опредѣлить относительную важность (и вслѣдствіе ея—объемъ) статей? И въ этомъ отношеніи *Справочный Словарь* не выдерживаетъ самой снисходительной критики. Въ доказательство представляемъ въ двухъ параллельныхъ спискахъ объемъ нѣкоторыхъ статей, преимущественно на слогъ *Ла*:

Статьи слишкомъ длинныя.	*Статьи слишкомъ короткія.*
Лабиринтъ 2 столбца.	Ла или Ло 54 строки.
Лавицкій (іезуитъ) 40 строкъ.	Лабораторія 37 строкъ.
Лавръ (дерево) $2^1/_2$ столбца.	Лагарпъ (воспитатель Импер. Александра) 14 строкъ.
Лагоцъ (генералъ) 2 столбца.	Лаконика 17 строкъ.
Лакса (страна въ Аравіи) 23 строки.	Ламайская вѣра 26 строкъ.
Лалльманнъ (генералъ) 1 столбецъ.	Ланкастеръ (педагогъ) 20 строкъ.
Ландскнехты $5^1/_2$ столбца.	Латинская Имперія (въ Константинополѣ) 7 строкъ.
Ланкло (красавица) 35 строкъ.	
Лаперузъ $4^1/_2$ столбца.	Лафайетъ 1 столбецъ.
Ла-ротьерское сраженіе 4 столбца.	Лафитъ (министръ) 38 строкъ.
Ла-Рошъ-Жакленъ (предвод. шауновъ) 3 столбца.	Левктрійская битва 20 строкъ.
Лары (итал. миѳол. существа) 42 строки.	Ленъ 20 строкъ.
Латуръ (австр. генералъ) $3^1/_2$ столбца.	Лессингъ 34 строки.
Лафетъ $3^1/_2$ столбца.	Либихъ 18 строкъ.
Лашезъ (іезуитъ) 2 столбца	Ливія (жена Августа) 15 строкъ.
Всего 36 столбцовъ.	Всего менѣе 8 столбцовъ.

Противъ большей части выписанныхъ нами слишкомъ длинныхъ и маловажныхъ статей мы выставили слишкомъ короткія и гораздо болѣе важныя статьи одного рода, и получили такой выводъ: пятнадцать статей менѣе важныхъ занимаютъ почти въ пять разъ больше мѣста, нежели пятнадцать же статей гораздо болѣе важныхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, невозможно не дивиться, видя, что какое то ла-ротьерское сраженіе описывается въ *Справочномъ Словарѣ*, который долженъ дорожить мѣстомъ, на 4 столбцахъ, подвиги какого то неслыханнаго итальянца Лагоца—на двухъ, Ла-Рошъ-Жаклена—на 3, странствованія Лаперуза—на $4^1/_2$.

Не распорядившись какъ слѣдуетъ мѣстомъ, редакція принуждена была сокращать очень многія изъ тѣхъ статей, которыя должны составлять важнѣйшую по объему часть всякаго справочнаго словаря. У г. Старчевскаго эти статьи нерѣдко ограничиваются двумя-тремя фразами, невѣрными, или недостаточными. Примѣры сейчасъ увидимъ.

Посмотримъ теперь, каково самое изложеніе біографическихъ, историческихъ и географическихъ статей переводнаго отдѣла. Главною задачею ихъ должно быть:

при всевозможной краткости въ подробностяхъ, показать существенное значеніе описываемаго событія, или очертить существенно важную сторону дѣятельности лица, показать, чѣмъ оно замѣчательно. Намъ скажутъ, что это задача трудная—можетъ быть, но только для составителя статьи, а не для сократителя, или простого переводчика. Мы не будемъ строго замѣчать мелкихъ промаховъ въ годахъ, цифрахъ, не будемъ обращать вниманія на опечатки, хотя всѣ эти мелочи важны въ справочной книгѣ. Важнѣе всего существенное содержаніе: только имъ мы и займемся.

«Ла или Ло (John Law)... *предложилъ* (эдинбургскому парламенту) *учредить банкъ, который выдавалъ бы бумажныя деньги*»... Не бумажныя деньги, а банковые билеты; это двѣ различныя вещи; но положимъ, что все равно; что же особеннаго въ проектѣ банка, который станетъ выдавать билеты? Стоитъ ли говорить о непринятомъ предложеніи основать такой банкъ? Дѣло въ томъ, что банкъ Ло долженъ былъ выдавать билеты подъ залогъ *земель*, и чрезъ это, по плану Ло, земля изъ недвижимаго имущества становилась движимымъ, или, лучше сказать, переходила въ руки государства—вотъ сущность дѣла. Этихъ существенныхъ словъ: *подъ залогъ земли* не прибавлено въ *Справочномъ Словарѣ*, и оттого дѣло теряетъ смыслъ. Операціи Ло во Франціи, ихъ сущность, паденіе его системы изложены такъ, что ничего нельзя понять; даже не указана обширность его предпріятій, даже не сказано, что паденіе его системы имѣло слѣдствіемъ всеобщее разореніе; даже нѣтъ ни слова о томъ, какая бѣшенная биржевая игра была возбуждена его акціями. Кто справится о Ло въ *Справочномъ Словарѣ*, тотъ почтетъ его однимъ изъ обанкрутившихся банкировъ и удивится, что о немъ до сихъ поръ толкуютъ.

«Лабиринтъ, *разнообразно извитое тѣло, или зданіе, имѣющее много ходовъ и комнатъ*». Послѣднее, разумѣется, справедливо; а по первому опредѣленію надобно подумать, что къ лабиринтамъ относятся кишки, мозгъ и т. д.

«Лаблашъ... *за свой превосходный басъ былъ увезенъ одною пѣвицею, возвратился назадъ и дебютировалъ въ Неаполѣ*». Не знаемъ, увозила ли его какая нибудь пѣвица; но, во всякомъ случаѣ, не ей онъ обязанъ развитіемъ своего таланта, а Россини, о чемъ не говоритъ *Справочный Словарь*.

«Лабораторія (Laboratoria)»—не Laboratoria, а Laboratorium—«мѣсто, въ которомъ производятся химическія операціи. Въ новѣйшее время такія лабораторіи устраиваются преимущественно при университетахъ». Это справедливо только относительно ученыхъ, а не техническихъ лабораторій.

«Лабрадоръ. *Полуостровъ на западномъ берегу Эаста; граничитъ съ Атлантическимъ Океаномъ*». Что за земля этотъ Эастъ? Это не земля, а просто непонятое редакціею англійское слово east, восточный. Объясненіе своего промаха могъ бы найдти *Справочный Словарь* въ концѣ своей статьи: восточный берегъ Лабрадора Англичане очень натурально называютъ «восточною землею», East-Main; изъ первой половины этого слова въ *Справочномъ Словарѣ* произошла страна Эастъ, послѣ чего и оказалось, что Лабрадоръ лежитъ на западномъ берегу своего восточнаго берега...

«Лабрюйеръ, *былъ казначеемъ въ Каеннѣ*». Каенна — Cayenne, городъ во Французской Гвіанѣ (въ Южной Америкѣ); само собою разумѣется, что Лабрюйеръ былъ казначеемъ не тамъ, а въ Канѣ (Caen), городѣ, лежащемъ въ Нормандіи, или, по нынѣшнему раздѣленію, въ Кальвадосскомъ Департаментѣ.

Справочный Словарь смѣшалъ эти два города; ошибкѣ помогло, вѣроятно, то, что онъ слово Саен произноситъ Каэнъ.

«Лавоазье». Что сдѣлалъ Лавоазье для химіи, объ этомъ нѣтъ ни одного слова, кромѣ ошибочной мысли: «новѣйшая химія была создана до Лавоазье; требовалось только дать ей видъ науки; Лавоазье совершилъ это трудное дѣло». Нѣтъ, заслуги Лавоазье гораздо важнѣе: онъ не только привелъ въ систему прежнія открытія, но и самъ сдѣлалъ еще важнѣйшія, на которыхъ основывается новѣйшая химія. Впрочемъ, объ открытіяхъ Лавоазье *Справочный Словарь* не говоритъ ни слова, довольствуясь тѣмъ, что «Лавоазье получилъ премію за рѣшеніе вопроса объ освѣщеніи парижскихъ улицъ».

До сихъ поръ мы разбирали статьи подъ-рядъ; мѣсто не позволяетъ намъ продолжать такимъ образомъ, и мы должны ограничиться только подробнымъ разборомъ еще трехъ или четырехъ переводныхъ статей на слогъ *Ла*, текстъ которыхъ выписываемъ вполнѣ, чтобъ показать читателямъ небрежность, съ которою онѣ составлены. Мы беремъ статьи не на выборъ, а наудачу.

«Лагарпъ, *эксъ-директоръ Гельветической республики*... (Слѣдовательно, Лагарпъ еще живъ? потому что «эксъ» употребляется только о живыхъ)... *надворный совѣтникъ русской службы*... (онъ былъ награжденъ генеральскимъ чиномъ въ 1814 году) *родился въ Роллѣ 1754 года*... (Что это за Ролль? гдѣ онъ? Конечно, имя этого незамѣчательнаго мѣстечка не попадетъ въ *Справочный Словарь*: поэтому было бы необходимо прибавить «въ Ватландѣ»)... *двадцати лѣтъ онъ былъ докторомъ правъ и адвокатомъ въ Бернѣ*... (изъ этого выходитъ, что онъ и докторомъ правъ былъ сдѣланъ въ Бернѣ: нѣтъ, онъ получилъ этотъ титулъ въ Тюбингенѣ; должно было придать фразѣ другое устройство, чтобъ не вводить въ заблужденіе читателя), *но вскорѣ, по приглашенію Екатерины, отправился въ Петербургъ, въ качествѣ наставника великихъ князей Алескандра и Константина. Послѣдніе свои дни провелъ онъ близъ Парижа*... (По этому изложенію мы должны предполагать, что Лагарпъ уѣхалъ изъ Россіи ужь старикомъ, для успокоенія—нѣтъ, онъ жилъ въ Россіи всего нѣсколько лѣтъ и уѣхалъ изъ нея въ 1793 году, прожилъ (и очень дѣятельно) еще 45 лѣтъ; въ томъ числѣ послѣдніе *двадцать* лѣтъ въ Лозаннѣ, а не близъ Парижа)... *занимаясь земледѣліемъ и естественными науками. Въ 1814 году принялъ участіе въ дѣлахъ* (какихъ?) *ходатайствомъ у Александра* (о чемъ?) *и успѣлъ упрочить независимость Кантона Ватландскаго. Умеръ въ 1838 году*». (По этому изложенію надобно предполагать, что въ 1814 году ходатайствовалъ онъ о независимости Ватландскаго Кантона; ничуть не бывало: дѣло о Ватландскомъ Кантонѣ было ужь въ 1815, на Вѣнскомъ Конгрессѣ, а императоромъ Александромъ въ 1814 году Лагарпъ былъ употребленъ по французскимъ дѣламъ).

«Ламоть-ле-Вайе *родился 1588, сначала занимался изученіемъ законовѣдѣнія*... (Этого мало, онъ былъ помощникомъ генералъ-адвоката въ парламентѣ; надобно сказать: «сначала былъ законовѣдомъ». *Справочный Словарь* заставляетъ думать, что Ламотъ бросилъ законовѣдѣніе и не вступалъ на юридическую карьеру). *Кардиналъ Ришельё открылъ ему доступъ во французскую академію и хотѣлъ сдѣлать его воспитателемъ*

дофина (не только хотѣлъ сдѣлать, но и дѣйствительно сдѣлалъ); *смерть кардинала остановила это дѣло...* (это значитъ, что послѣ смерти Ришелье ему поручили воспитаніе другаго принца). *Ламотъ только въ 50 лѣтъ выступилъ на литературное поприще; особенно занимался исторіей и стяжалъ имя французскаго Плутарха».* Онъ замѣчательнѣе какъ философъ, нежели какъ историкъ).

«Ланкастеръ, *англійское графство; поверхность его 480,000 гектаровъ и 828,318 жителей...* (Прежде всего замѣтимъ, что въ этой фразѣ нѣтъ грамматическаго смысла; во-вторыхъ, скажемъ, что, вѣроятно, когда нибудь въ Ланкастерскомъ Графствѣ было 800,000 жителей, только это было очень давно: теперь въ немъ до полутора мильйона жителей). *Оно заключаетъ въ себѣ угольныя копи...* (вѣроятно, каменно-угольныя копи: *Справочный Словарь* позабылъ различіе между простымъ и каменнымъ углемъ), *желѣзныя, мѣдныя и сурьмяныя руды, и питаетъ большое количество скота. Производитъ значительную торговлю полотномъ, шолкомъ и хлопчатою бумагою...* (подъ «полотномъ» должно понимать, вѣроятно, хлопчатобумажныя ткани). *Главный городъ Ланкастеръ съ 10,000 жителей...* (не съ 10,000, а съ 13,000). *Этотъ городъ посылаетъ въ Парламентъ двухъ депутатовъ* (что же тутъ особеннаго? стоитъ ли говорить объ этомъ?). *Титулъ герцоговъ ланкастерскихъ имѣли многіе принцы, оспаривавшіе престолъ у дома Іоркскаго; эти споры кончились бракомъ Генриха VII, герцога Ланкастерскаго съ наслѣдницею дома Іоркскаго»...* и т. д. «Имѣли многіе герцоги, оспаривавшіе»—это значитъ, были и другіе соперники у дома йоркскаго, кромѣ герцоговъ ланкастерскихъ. Опять неточность въ выраженіи. Послѣдняя половина этого періода относится уже къ статьѣ «Герцоги Ланкастерскіе», которая, замѣтимъ кстати, помѣщена въ *Справочномъ Словарѣ* подъ слогомъ *Ле*, потому что, читая имя графа Ланкастеръ, *Справочный Словарь* читаетъ фамилію графовъ Ленкастеръ, точно также, какъ и имя города, который такимъ образомъ описанъ два раза въ двухъ различныхъ мѣстахъ и сверхъ того названъ по англійски Lancashire—именемъ графства, а не города, какъ извѣстно всякому, имѣющему въ рукахъ порядочную географію. Напомнимъ еще *Справочному Словарю*, что въ Ланкастерскомъ Графствѣ находятся Ливерпуль и Манчестеръ, о чемъ слѣдовало бы упомянуть, хотя бы съ ущербомъ извѣстію о депутатахъ, посылаемыхъ городомъ Ланкастеромъ и сурьмянымъ рудамъ, которыми богато графство.

«Лассенъ, *род. въ Бергенѣ...* (но Бергеновъ много; въ которомъ же?)... *1800 года; по смерти отца переселился съ матерью въ 1821 году въ Альтону; съ 1822 года учился въ Гейдельбергѣ и Боннѣ богословію; потомъ жилъ два года въ Парижѣ и Лондонѣ, возвратился въ Боннъ, съ 1827 г. былъ принятъ доцентомъ тамошняго университета, съ 1830 г. профессоромъ».* Скажите же, кто такой Лассенъ? По *Справочному Словарю*, не правда ли, богословъ? Но всякому извѣстно, что онъ санскритологъ. Превращеніе произошло очень просто: сокращая статью о Лассенѣ, *Справочный Словарь* почелъ не важнымъ дѣломъ выбросить какую нибудь фразу, въ родѣ слѣдующей: *но скоро, оставивъ богословіе, Лас-*

сенъ занялся санскритскимъ языкомъ и сдѣлался однимъ изъ первыхъ оріенталистовъ.

Повторяемъ: мы не выбирали статей, а брали ихъ наудачу. Намъ кажется, что, послѣ этого разбора, имѣемъ право сказать о біографическихъ и географическихъ переводныхъ статьяхъ *Справочнаго Словаря*, что онѣ наполнены всякаго рода промахами, обмолвками и недомолвками, что ихъ изложеніе страдаетъ темнотою и неполнотою, что очень часто въ статьѣ необъяснено именно существенное, а говорится только о подробностяхъ, никому изъ читателей ненужныхъ и могущихъ только ввести въ заблужденіе.

Переходимъ къ статьямъ изъ другихъ наукъ: разберемъ нѣсколько важнѣйшихъ изъ нихъ по объему.

Первая статья большаго размѣра—Лавръ, вѣрная своему происхожденію, носитъ на себѣ спеціально-медицинскій характеръ и кажется скорѣе статьею медицинскаго лексикона, нежели *Справочнаго Словаря*; она богата прекрасными подробностями о томъ, что «насадители коричнаго лавра—цейланскіе вороны и дикіе голуби, поглощая зрѣлые плоды, имѣющіе неудобоваримыя ядра, разносятъ ихъ по лѣсамъ...» Интересующіеся знать дальнѣйшій ходъ дѣла, благоволятъ справиться въ *Справочномъ Словарѣ*.

«Латинскій языкъ». Статья начинается писаннымъ какъ будто бы за двѣсти лѣтъ до нашего времени трактатомъ о похвальныхъ и непохвальныхъ свойствахъ латинскаго языка; потомъ увѣряетъ, что латинскій языкъ есть: «соединеніе двухъ элементовъ: греческаго и варварскаго. Грамматика латинскаго языка есть греческая». Выписавъ подобныя фразы, мы уже не имѣемъ надобности прибавлять, что статья эта ниже всякой посредственности. Она писана едва ли еще не Діонисіемъ Галикарнасскимъ, на котораго часто ссылается.

«Лена (Lehen, латинское слово Feudum)»—вы угадываете по нѣмецкому и латинскому переводу, что это «ленъ»; а не «лена;» но вы не угадаете, чѣмъ наполнена эта статья, занимающая $4^1/_2$ столбца. Вы думаете, что въ ней излагается исторія леннаго устройства, его развитія и паденія? вы думаете, что къ этому прибавленъ обзоръ отношеній между вассаломъ и сюзереномъ? Нѣтъ, обо всемъ этомъ ни слова. Что же такое находится въ этой статьѣ? Непонятный и ненужный ни для кого, кромѣ юристовъ, спеціально занимающихся исторіею гражданскаго права въ средніе вѣка, реестръ всѣхъ мелкихъ подраздѣленій ленныхъ владѣній различнаго рода, которыхъ вычислено въ этой статьѣ, вѣроятно, болѣе сотни. Вотъ для примѣра буквальная выписка: «Были слѣдующіе роды лены (то есть лена): Feudum hereditarium (Erblehn) наслѣдственная лена; Feudum imperii, имперская лена (Reichslehn); Feudum improprium (этотъ терминъ не переведенъ, потому что не понятъ); Feudum jurisdictionis, то есть отданная въ лену судебная власть; Feudum keminadæ (Kemnadenlehn)—*тоже не переведено, потому что не понято*; — Feudum masculinum, мужская лена (Mannslehn); Feudum appignoratum, заложенная лена; Feudum paternum, такая лена, которою владѣлъ уже дѣдъ настоящаго вассала; Feudum peregrinum, внѣшняя лена, противоположная Feudo pomestico (домашней ленѣ); Feudum pignoratitium (Pfandlehn), которая дана въ залогъ вслѣдствіе какого нибудь требованія; Feudum proprium, Feudum rectum, настоящая лена; Feudum regale, лена съ которою сопряжено право верховной

власти государя; Feudum rusticum (Bauernlehn), крестьянская лена: Feudum salinum, то есть соляной ключъ, отданный въ лену», и т. д.

Это перечисленіе тянется на четырехъ столбцахъ. Есть предѣлы для странности—но, какъ видите, эта статья переходитъ всѣ предѣлы вѣроятія; помѣстить въ *Справочный Словарь* оглавленіе юридическаго трактата безъ всякихъ объясненій, и занять этимъ оглавленіемъ четыре столбца—это казалось бы намъ дѣломъ невозможнымъ, если бы *Справочный Словарь* не совершилъ его.

«Лошадь». Чтобъ дать понятіе объ этой статьѣ, занимающей 4 столбца, скажемъ, что цѣлый столбецъ посвященъ описанію того, какимъ образомъ въ Южной Америкѣ ловятъ и объѣзжаютъ дикихъ лошадей, а потомъ еще столбецъ—исторіи лошадиныхъ зубовъ.

«Луна». Изъ этой статьи мы узнаемъ, что луна есть «созвѣздіе»; полнолуніе бываетъ, по мнѣнію *Справочнаго Словаря*, когда луна бываетъ «прямо противъ солнца»; но *Словарь* забылъ, что и новолуніе бываетъ также тогда, когда луна стоитъ «прямо противъ солнца». Новомѣсячіе, впрочемъ, продолжается, по словамъ *Справочнаго Словаря*, четырнадцать дней. Затмѣніе луны «можетъ произойти только тогда, когда луна, во время полнолунія удалена отъ *одной изъ точекъ своего пути (??)* не болѣе какъ на $12^{1}.4^{0}$».

Читатели могутъ судить, слишкомъ ли мы будемъ строги, если скажемъ, что статьи по наукамъ въ *Справочномъ Словарѣ*—или переведены съ такимъ незнаніемъ дѣла, что наполнены ошибками и непонятными мѣстами, или—выписаны цѣликомъ изъ совершенно спеціальныхъ сочиненій такимъ образомъ, что являются рѣшительно неумѣстными въ *Справочномъ Словарѣ*, потому что, не давая краткаго, но яснаго понятія о сущности предмета, состоятъ изъ мельчайшихъ, никому, кромѣ спеціалистовъ, ненужныхъ и непонятныхъ подробностей о какой нибудь неважной сторонѣ предмета.

Но, перелистывая *Справочный Словарь*, вы проникнитесь чувствомъ благодарности къ его редакціи за то, что она предоставила такое широкое мѣсто статьямъ, относящимся къ Россіи: онѣ занимаютъ половину всего тома. И, однакожъ, мы не поручимся за то, чтобъ у васъ не родилась, по ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ статей, такая мысль: редакція оставила для нихъ такое широкое мѣсто потому только, что перепечатывать изъ русскихъ словарей гораздо удобнѣе, нежели переводить изъ иностранныхъ. И дѣйствительно, перепечатывать очень удобно. Судите сами. Сличимъ статьи *Военнаго Энциклопедическаго Лексикона*, изданнаго покойнымъ барономъ А. И. Зедделеромъ, на слогъ *Ла* (часть 8-ая, стр. 1—122) и находимъ, что подъ соотвѣтствующими статьями *Справочнаго Словаря* перепечатаны статьи *Военнаго Энциклопедическаго Лексикона*:

Лабораторія 24 строки; *Лабораторное* искусство 32 строки; *Лавалеттъ** *) 14 строкъ; *Лавръ (Лавретасъ)* 16 строкъ; *Лагосъ* 8 строкъ; *Лагоцъ** 4 столбца; *Ладожское Озеро* 1 столбецъ 14 строкъ; *Лазаретъ* 10 строкъ; *Лалльманъ** $1^{1}/_{2}$ столбца; *Ламаркъ* $2^{2}/_{3}$ столбца; *Ламберъ** (Joseph Gaspard) 1 столбецъ; *Ламбертъ* (генералъ) $1^{2}/_{3}$ столбца; *Ламбро-Качони* 1 столбецъ; *Ламбсдорфъ** $1^{1}/_{2}$ столбца; *Ландау* 1 столбецъ; *Ландверъ** 3 столбца; *Ландмилиція въ Россіи* болѣе 6 столб.; *Ландреси** 30 строкъ; *Ландскнехты** 8 столбцовъ, *Ландскрона** 1 столбецъ;

*) Звѣздочкой мы отмѣчаемъ статьи, перепечатанныя цѣликомъ.

*Ланнъ** болѣе двухъ столбцовъ; *Ланнуа** 34 строки: *Лаперузъ** 6½ столбцовъ; *Лаппо* болѣе 1 столбца; *Ларга* 3⅔ столб.; *Ла-ротьеръ** 6 столбцовъ; *Ла-рошель* 25 строкъ; *Ларошъ-Жакленъ** 4 столбца; *Лассаль** 3 столбца; *Ласси* (1, Петръ Ивановичъ; 2, Борисъ Петровичъ; 3, Францъ)* 13 столбцовъ; *Ластъ** 7 строкъ; *Латуръ** 5 столбцовъ; *Латуръ-Мобуръ** 1½ столбца; *Лафетъ* 5 столбцовъ.

Въ сложности, всѣ отмѣченныя нами перепечатки составляютъ 91 столбецъ, или 45½ страницъ (изъ 120 печатныхъ страницъ всего изданія) *Военнаго Энциклопедическаго Лексикона* (болѣе третьей доли всего текста) и занимаютъ въ *Справочномъ Словарѣ* болѣе 60 столбцовъ, или 30 страницъ (изъ 98 печатныхъ страницъ всего текста) *Справочнаго Словаря*.

Мы не будемъ, однако, слишкомъ обвинять редакцію за то, что она перепечатываетъ, и перепечатываетъ, ни однимъ словомъ не намекая, откуда взята ею статья; но упрекаемъ ее за то, что она *такъ* перепечатываетъ. Брать цѣликомъ огромныя статьи изъ спеціальнаго военнаго словаря, равнаго по объему съ нашимъ, въ нашъ *энциклопедическій* словарь, гдѣ для военнаго отдѣла должна быть назначена развѣ десятая, если не меньше, часть всего количества листовъ — съ чѣмъ же это сообразно? И наполнять этими перепечатанными изъ одного спеціальнаго лексикона статьями цѣлую *треть* своего изданія — возможно ли это? Это значитъ отнимать у себя мѣсто для статей по другимъ отраслямъ наукъ и біографіи. Но редакція *Справочнаго Словаря* не дорожитъ мѣстомъ: она, кажется, думаетъ о томъ только, какъ бы полегче набрать текстъ. Впрочемъ, перепечатывая вполнѣ статьи военнаго лексикона, *Справочный Словарь* по крайней мѣрѣ пріобрѣтаетъ хорошія статьи со смысломъ, хотя и несоотвѣтствующія по своей спеціальности цѣли энциклопедическаго словаря. Когда же онъ вздумаетъ перепечатывать ихъ не цѣликомъ, онъ имѣетъ несчастіе выпускать именно тѣ отдѣлы, которые необходимо нужны для пониманія перепечатанныхъ статей. Такъ напримѣръ, статья *Справочнаго Словаря* Лафетъ — перепечатка той части статьи *Военнаго Энциклопедическаго Лексикона*, которая говоритъ объ устройствѣ лафетовъ въ *русской* артиллеріи. *Справочный Словарь* не замѣтилъ, что въ этой части статьи *Военнаго Лексикона* находятся постоянно ссылки на устройство лафетовъ во французской артиллеріи, такъ что въ отдѣльности эта часть статьи непонятна—и перепечаталъ ее, не выпустивъ и не объяснивъ этихъ ссылокъ на неперепечатанную часть статьи. И вотъ мы имѣемъ удовольствіе читать фразы въ родѣ слѣдующей: «для нашихъ единороговъ употребляется лафетъ, устроенный по образцу французскаго горнаго лафета»; что такое французскій горный лафетъ, извѣстно читателю *Военнаго Лексикона*, но никакимъ образомъ неизвѣстно читателю *Справочнаго Словаря*.

Изъ 74 статей *Военнаго Лексикона* на слогъ *Ла* перепечатано *Справочнымъ Словаремъ* 36 статей, или ровно половина. Послѣ этого вы можете ожидать, что уже не опущено ни одной важной статьи—ничуть не бывало. Опущены, между прочимъ, статьи: *Лабіенъ, Лабурдонэ, Лагерь, Лалли-Толендаль, Ластовыя суда*; за то перепечатаны *Ламбро-Качони, Лагоцъ, Лагосъ, Лаппо* и т. п. Каковъ выборъ!

Но за перепечатки должно еще благодарить редакцію *Справочнаго Словаря*, потому что, когда она рѣшается передѣлывать статьи, выходитъ еще хуже. Въ доказательство, сличимъ съ оригиналомъ нѣкоторыя изъ статей, взятыхъ

Справочнымъ Словаремъ изъ *Словаря Достопамятныхъ Людей* Бантыша-Каменскаго (часть третья, Москва, 1836 г.). Возьмемъ, напримѣръ, статью Левашовъ, *Василій Яковлевичъ:*

Словарь Достопамятныхъ Людей.	*Справочный Словарь.*
...бросился къ брату на помощь, убилъ *Татарина*, его преслѣдовавшаго...	...бросился къ брату, убилъ его преслѣдователей (изъ одного стало уже много, для красоты слога).
...оставленъ былъ съ флотиліею для *перенятія* судовъ непріятельскихъ... и т. д.	...оставленъ былъ съ флотиліею для *обезпокоиванія* непріятельскихъ судовъ (*Спр. Слов.* не знаетъ, что *ловить* мелкія суда и *обезпокоивать* флотъ—двѣ различныя вещи).
Леонтьевъ, Алексѣй, обучался въ Заиконоспасской Академіи.	...*первоначальное* образованіе получилъ въ Заиконоспасской Академіи... (образованіе въ ней давалось не первоначальное).

Однимъ словомъ: будьте увѣрены, что каждое измѣненное противъ оригинала слово — промахъ. Къ счастію, *Справочный Словарь* рѣдко измѣняетъ фразы: для того, чтобъ сократить статью, редакціи кажется достаточнымъ вычеркнуть въ оригиналѣ столько строкъ, сколько ей заблагоразсудится: можно представить себѣ, какъ связны выходятъ такія сокращенія! Притомъ же она очень оригинально понимаетъ, что важно (и потому должно быть удержано) и что маловажно (и потому должно быть вычеркнуто). Всѣ мельчайшія подробности послужнаго списка ей кажутся необходимыми; все сколько нибудь характеризующее человѣка, или служащее объясненіемъ для его дѣйствій, благопріятныхъ или неблагопріятныхъ событій его жизни — она считаетъ приличнѣйшимъ выпускать; даже случается, что главнѣйшій фактъ всей біографіи при сокращеніи выпускается *Справочнымъ Словаремъ*. Въ примѣръ всего этого представимъ статью о *Лестокѣ*. Имя Лестока извѣстно въ исторіи, конечно, только тѣмъ, что онъ выказалъ свою преданность императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ при вступленіи ея на престолъ — объ этомъ даже не упомянуто въ статьѣ *Справочнаго Словаря*, хотя разсказъ объ этомъ составляетъ большую половину перепечатанной въ немъ статьи *Словаря Достопамятныхъ Людей;* за то въ *Справочномъ Словарѣ* сказано, что онъ «старался о неизбраніи наслѣднаго датскаго принца Фридриха на шведскій престолъ» и прибавлена подробность, которой нѣтъ въ *Словарѣ Достопамятныхъ Людей:* «онъ умеръ бездѣтнымъ, исповѣдуя реформатскую вѣру...» само собою разумѣется, что членъ реформатской церкви исповѣдуетъ реформатскую вѣру — и еще другая подробность, что «первая его супруга была урожденная Мюллеръ, а вторая — Марія Аврора фонъ-Менгденъ». Важную новость также въ этой статьѣ составляетъ извѣстіе, что Лестокъ въ заточеніи «пилъ зельтерскую воду». Статья *Словаря Достопамятныхъ Людей* содержитъ въ себѣ много интереснаго, разсказываетъ жизнь Лестока такъ, что ясны причины и связь событій — ничего этого не осталось въ статьѣ *Справочнаго Словаря*, который, однако, считаетъ нужнымъ въ точности сообщить намъ, какъ велико было награжденіе, данное Лестоку императрицею Екатериною II, и для этого неопредѣленное выраженіе *Словаря Достопамятныхъ Людей:* «Императрица Екатерина II облегчила бѣдственное положеніе Лестока пожалова-

ніемъ ему пенсіи и помѣстья въ Лифляндіи» замѣняетъ слѣдующею фразою: «Екатерина II пожаловала Лестоку пенсіонъ: 7,000 руб. и 30 гаковъ въ Лифляндіи».

Такія біографіи писать ничего не стоитъ, за то и онѣ ничего не стоятъ. Чтобъ показать читателямъ, какъ легко дѣлать біографіи въ родѣ печатаемыхъ въ *Справочномъ Словарѣ* и какъ много существеннаго можно извлечь изъ нихъ, мы сами, нисколько не затрудняясь, составимъ сейчасъ біографію... чью бы, напримѣръ? Ну, хоть Александра Македонскаго. Слушайте:

„*Александръ Македонскій* род. 356 г. въ Пеллѣ. Еще въ юности показалъ онъ неустрашимость своего духа, укротивъ Букефала, коня съ головою похожею на воловью. Переѣхавъ черезъ Геллеспонтъ (зачѣмъ — не стоитъ и говорить объ этомъ), онъ почтилъ память Ахиллеса играми на гробѣ его, и выказалъ свою благодарность Аристотелю (за что, мы не сказали, потому что вамъ этого не нужно знать), присылая изъ Азіи ему рѣдкихъ звѣрей. Знаменитъ походъ его къ Юпитеру Аммону, храмъ котораго былъ въ Эастѣ (если вы помните статью о Лабрадорѣ, то знаете эту страну). Умеръ онъ 11 или 13 іюня 323 года. Послѣ него осталась вдовою супруга его Роксана. Родомъ Александръ Македонскій былъ македонянинъ».

Не правда ли, вѣдь это тоже біографія? Вотъ такого то характера почти всѣ біографіи въ *Справочномъ Словарѣ*.

Мы видѣли, какъ воспользовался *Справочный Словарь Военнымъ Энциклопедическимъ Лексикономъ*. Посмотримъ, какъ онъ пользуется другими матеріалами для русскихъ статей, и, для краткости, ограничимся однимъ извѣстнѣйшимъ: *Исторіею* Карамзина и *Ключомъ* къ ней г. Строева. Вотъ списокъ статей на букву *Л*, которыхъ редакція не замѣтила въ *Ключѣ*, или не сочла довольно важными, между тѣмъ, какъ помѣстила множество другихъ, гораздо менѣе важныхъ:

Лавръ (половецъ, содѣйствовавшій бѣгству Игоря); *Ладожскій порогъ; Лазарь Домажиричъ*, бояринъ галицкій; *Лазарь*, тысяцкій кіевскій; *Лапсъ*, городъ; *Лаче*, озеро; *Левъ*, царевичъ греческій; *Левъ Георгіевичъ; Леонидъ*, архіепископъ новгородскій; *Лешко Бѣлый* и *Лешко Черный*, герцоги польскіе; *Ли*, англійскій посолъ; *Лисовскій; Ліутпрандъ; Лобное мѣсто* (въ Москвѣ); *Лопастна* или *Лопасня*, рѣка; *Лука Клементіевичъ* и *Лука Федоровичъ*, посадники новгородскіе; *Лукомль*, городъ; *Луки Великіе; Лутичи; Луцкъ; Лыбедь; Лызловъ; Лыковъ-Оболенскій*, Михаилъ Юрьевичъ; *Любечъ*...

Разборъ нашъ показалъ, съ какою небрежностью составленъ *Справочный Словарь*. Но такова необходимость у насъ въ энциклопедическомъ словарѣ, что и *Справочный Словарь* пріобрѣтетъ издателямъ своимъ право на благодарность отъ многихъ, не имѣющихъ подъ руками ни иностранныхъ энциклопедій, ни большой библіотеки русскихъ историческихъ и географическихъ книгъ. Дурно дѣлаетъ редакція, составляя свой словарь такъ небрежно; но хорошо она дѣлаетъ, что оканчиваетъ свое изданіе, не останавливаясь на первыхъ томахъ, какъ это случилось съ *Энциклопедическимъ Лексикономъ* г. Плюшара.

КРИТИКА.

О поэзіи. Сочиненіе *Аристотеля*. Перевелъ, изложилъ и объяснилъ *Б. Ордынскій*. Москва. 1854.

Г. Ордынскій заслуживаетъ полнаго одобренія и благодарности за то, что предметомъ своего разсужденія избралъ «Піитику» Аристотеля: это первый и капитальнѣйшій трактатъ объ эстетикѣ, служившій основаніемъ всѣхъ эстетическихъ понятій до самаго конца прошедшаго вѣка. Но точно ли его выборъ удаченъ? Нынѣ довольно много найдется людей, не считающихъ эстетики наукою, заслуживающею особеннаго вниманія, готовыхъ даже сказать, что эстетика ни къ чему не ведетъ и ни на что ненужна, и что пустоту ея мѣшаетъ видѣть развѣ только темнота ея. Но, съ другой стороны, едва ли изъ этихъ многихъ найдется хоть одинъ, который бы не говорилъ съ улыбкою состраданія о Лагарпѣ, что «у этого дѣйствительно умнаго и ученаго историка литературы нѣтъ никакихъ прочныхъ и опредѣленныхъ основаній для оцѣнки писателей», и который бы не примолвилъ съ сожалѣніемъ о Мерзляковѣ, что «этотъ критикъ, дѣйствительно-замѣчательный по тонкости вкуса, къ несчастію, былъ только «русскимъ Лагарпомъ», и потому надѣлалъ русской критикѣ, можетъ быть, больше вреда нежели пользы». Такіе отзывы, отъ которыхъ не откажется, вѣроятно, ни одинъ изъ современныхъ недоброжелателей эстетики, почти избавляютъ насъ отъ надобности защищать необходимость этой науки отъ людей, столь сильно къ ней нерасположенныхъ и, однакожь, несомнѣвающихся въ необходимости «ясныхъ и твердыхъ общихъ началъ», для критика или историка литературы. Чтожь такое и понимается подъ эстетикою, если не система общихъ принциповъ искусства вообще и поэзіи въ особенности? Мы очень хорошо понимаемъ, что эстетика заслуживала сильнѣйшихъ преслѣдованій въ тѣ времена, когда изъ-за нея позабывали объ исторіи литературы, на двадцати-пяти листахъ толкуя объ «отличныхъ», «очень хорошихъ», «посредственныхъ» и «плохихъ» строфахъ какой нибудь оды, а кончивъ эту сортировку, опять на столькихъ же листахъ разбирали «сильныя» или «неправильныя» выраженія въ этихъ «отличныхъ», «посредственныхъ» и т. д. строфахъ. Но когда жь было у насъ это время, еще и доселѣ, къ несомнѣнному удовольствію французовъ, презирающихъ всякую эстетику, продолжающееся во французской литературѣ? Оно у насъ прекратилось съ 1830 годовъ, съ той поры, какъ начали мы знакомиться съ эстетикою. Ей обязаны мы тѣмъ, что въ самой плохой русской книгѣ не прочитаемъ, напримѣръ, слѣдующаго сужденія о «великихъ заслугахъ Боссюэта»,

взятаго нами изъ очень порядочной «Исторіи Французской Литературы», г. Демажó (Paris, 1852!!): «Боссюэтъ одинъ образуетъ отдѣльный міръ въ великомъ литературномъ мірѣ XVII вѣка. Другіе писатели — дѣти Рима; онъ переноситъ на западъ Востокъ, *невѣроятно смѣлыми и новыми сочетаніями словъ, гигантскими фигурами* (par des alliances de mots d'une hardiesse et d'une nouveauté incroyables, par des figures gigantesques), которыхъ не внушилъ бы ему европейскій вкусъ, но которыя онъ умѣетъ покорять законамъ пропорціи, внося мѣру въ самую неизмѣримость. Таковъ плодъ его постояннаго занятія и т. д. Это геніальное по ограниченности своей мѣсто такъ понравилось г-ну Демажó, что онъ занялъ его у другаго писателя, очень дѣльнаго историка, Анри Мартэна: вѣроятно г. Демажó считаетъ образцовымъ сужденіемъ о дѣятельности великаго писателя разсужденія о тропахъ и фигурахъ, которыми украшены его сочиненія!

Будемъ же благодарны эстетикѣ за то, что она избавила насъ отъ труда читать и писать подобныя сужденія о Державинѣ и Карамзинѣ. Повторяемъ: мы понимали бы вражду противъ эстетики, еслибъ она сама была враждебна исторіи литературы; но, напротивъ, у насъ всегда провозглашалась необходимость исторіи литературы; и люди, особенно-занимавшіеся эстетическою критикою, очень много — больше, нежели кто нибудь изъ нашихъ нынѣшнихъ писателей — сдѣлали и для исторіи литературы. У насъ эстетика всегда признавала, что должна основываться на точномъ изученіи фактовъ, и упреки въ отвлеченной неосновательности содержанія могутъ идти къ ней также мало, какъ напр., къ русской грамматикѣ. Если же прежде она не заслуживала вражды со стороны приверженцевъ историческаго изслѣдованія литературы, то еще менѣе можетъ заслуживать ее теперь, когда всякая теоретическая наука основывается на возможно-полномъ и точномъ изслѣдованіи фактовъ. Но мы готовы предполагать, что у насъ многіе ошибаются еще относительно современныхъ понятій о томъ, что такое теорія и что такое философія. У насъ еще многіе думаютъ, что у современныхъ мыслителей господствуютъ трансцендентальныя идеи объ «априорическомъ знаніи», «развитіи науки самой-изъ-себя», ohne Voraussetzung и т. п.: смѣемъ ихъ увѣрить, что, по мнѣнію современныхъ мыслителей, эти понятія были очень хороши и, главное, необходимо нужны, какъ переходная ступень въ свое время, назадъ тому 40, 30 или, пожалуй, даже 20 лѣтъ, но не теперь: теперь они устарѣли, признаны односторонними и недостаточными. Смѣемъ увѣрить, что истинно-современные мыслители понимаютъ «теорію» точно также, какъ понимаетъ ее Бэконъ, а вслѣдъ за нимъ астрономы, химики, физики, врачи и другіе адепты положительной науки. Правда, по этимъ новымъ понятіямъ не написано еще, сколько намъ извѣстно, формальнаго «курса эстетики»; но понятія, которыя будутъ лежать въ его основаніи, ужъ достаточно обозначились и развились въ отдѣльныхъ маленькихъ статьяхъ и эпизодахъ большихъ сочиненій. Смѣемъ даже утверждать, что и прежніе, нынѣ устарѣлые курсы такъ называемой трансцендентальной эстетики основываютъ свои положенія на гораздо большемъ числѣ фактовъ, нежели думаютъ ихъ противники. Вспомните, что въ главнѣйшемъ изъ этихъ курсовъ, составляющемъ всего *три* тома, историческая часть занимаетъ почти *два*, и большая половина третьяго наполнена также историческими подробностями. Но мы не хотимъ предполагать, чтобъ противники эстетики въ частности, или теорій вообще, нуждались въ этихъ напоминаніяхъ: не желая представлять ихъ людьми, отсталыми отъ современнаго

движенія мысли, мы скорѣе предположимъ другую, чрезвычайно лестную причину нерасположенія къ эстетикѣ: непріятели ея видятъ въ ней теорію отвлеченную и безплодную и преслѣдуютъ ее изъ сильной приверженности къ знаніямъ «живымъ», имѣющимъ какое нибудь серьезное значеніе для такъ называемыхъ жизненныхъ вопросовъ. Съ этой точки зрѣнія, какъ увидимъ ниже, Платонъ нападалъ не на эстетику (это было бы еще не такъ важно, да притомъ эстетики въ платоново время и не существовало, кромѣ той, отрывки которой разсѣяны въ его же собственныхъ сочиненіяхъ)—нѣтъ, онъ нападалъ на самое искусство, и мы только сожалѣемъ, что искусство заслуживало до нѣкоторой степени его нападеній, но не можемъ не сочувствовать и Платону. Если же поэзія, литература, искусство признаются предметомъ такой важности, что исторія, напримѣръ, литературы должна быть предметомъ всеобщаго вниманія и изученія, то и общіе вопросы о сущности, значеніи, вліяніи поэзіи, литературы, искусства, должны имѣть огромный интересъ, потому что отъ разрѣшенія ихъ зависитъ взглядъ нашъ на предметъ; а именно для того, чтобъ образовался ясный и правильный взглядъ, нужны факты. Зачѣмъ же и знать ихъ, если не для того, чтобъ дѣлать изъ нихъ выводы? Словомъ: намъ кажется, что весь споръ противъ эстетики основывается на недоразумѣніи, на ошибочности понятій о томъ, что такое эстетика и что такое всякая теоретическая наука вообще. Исторія искусства служитъ основаніемъ теоріи искусства, потомъ теорія искусства помогаетъ болѣе совершенной, болѣе полной обработкѣ исторіи его; лучшая обработка исторіи послужитъ дальнѣйшему усовершенствованію теоріи, и такъ далѣе, до безконечности будетъ продолжаться это взаимодѣйствіе на обоюдную пользу исторіи и теоріи, пока люди будутъ изучать факты и дѣлать изъ нихъ выводы, а не обратятся въ ходячія хронологическія таблицы и библіографическіе реестры, лишенные потребности мыслить и способности соображать. Безъ исторіи предмета нѣтъ теоріи предмета; но и безъ теоріи предмета нѣтъ даже мысли о его исторіи, потому что нѣтъ понятія о предметѣ, его значеніи и границахъ. Это такъ же просто, какъ то, что дважды-два—четыре, а единица есть единица; но мы знаемъ людей, доказывающихъ, посредствомъ ньютонова бинома, что единица равняется двумъ...

Впрочемъ, у насъ многое еще имѣетъ интересъ новости, многое, кромѣ нѣсколькихъ обыкновенно-ничтожныхъ книжечекъ на различныхъ языкахъ, а чаще всего на французскомъ, въ родѣ твореній какого-нибудь Мишеля Шевалье и ему подобныхъ «великихъ ученыхъ», «глубокомысленныхъ и вмѣстѣ ясныхъ мыслителей» да еще послѣднихъ нумеровъ Revue des deux Mondes, съ его великими мудрецами. Эти книги не составляютъ ни тайны, ни новости ни для кого: за-то онѣ служатъ кодексомъ для нѣкоторыхъ мыслителей, предметомъ ихъ глубокихъ размышленій. По всей вѣроятности, въ нихъ-то и заключается причина отвращенія многихъ отъ эстетики: эти книги и статьи натолковали намъ, въ числѣ многихъ истинъ, и ту, что эстетика наука темная, мертвая, отвлеченная, ни къ чему неприложимая.

Эстетика наука мертвая! Мы не говоримъ, чтобъ не было наукъ живѣй ея; но хорошо было бы, ослибъ мы думали объ этихъ наукахъ. Нѣтъ, мы превозносимъ другія науки, представляющія гораздо менѣе живаго интереса. Эстетика наука безплодная! Въ отвѣтъ на это спросимъ: помнимъ ли мы еще о Лессингѣ, Гете и Шиллерѣ, или ужъ они потеряли право на наше воспоминаніе съ тѣхъ

поръ, какъ мы познакомились съ Теккереемъ? Признаемъ ли мы достоинство нѣмецкой поэзіи второй половины прошедшаго вѣка?...

Но, можетъ быть, нѣкоторые возстаютъ не противъ самой пользы и необходимости теоретическихъ выводовъ, а противъ стѣсненія ихъ въ узкія рамки системы? Прекрасное побужденіе къ враждѣ, еслибъ только оно имѣло какое нибудь основаніе, еслибъ кто нибудь изъ современныхъ людей смотрѣлъ на чью бы то ни было систему какой бы то ни было науки, какъ на вѣчное вмѣстилище всей истины. Но теперь почти всѣ (и составители системъ обыкновенно искреннѣе всѣхъ) говорятъ, что всякая система порождается и разрушается, или, лучше сказать, измѣняется вмѣстѣ съ понятіями времени, ее произведшаго; теперь никто не принуждаетъ васъ «jurare in verba magistri»: система — только временной переплетъ для науки; и если вы дѣйствительно выросли выше понятій системы, не отвергать науку будете вы, а создадите новую систему ея — и всѣ будутъ вамъ благодарны. Систематичность науки не представляетъ препятствій къ ея развитію. Учите насъ, и чѣмъ больше новаго будетъ въ вашей новой системѣ, тѣмъ больше будетъ вамъ славы. А неприведенными въ одно стройное цѣлое истинами неудобно пользоваться: кто составилъ систему науки, тотъ одинъ сдѣлалъ науку общедоступною, и его понятія разольются въ массѣ, хотя бы у другихъ были понятія гораздо глубже, нежели у него; что не формулировано, то остается бездѣйственнымъ.

И лучшій примѣръ того, какое важное условіе для плодотворности мыслей система, представляетъ намъ «Піитика», или, какъ называетъ ее г. Ордынскій, «Сочиненіе Аристотеля о поэзіи». Аристотель первый изложилъ въ самостоятельной системѣ эстетическія понятія, и его понятія господствовали слишкомъ 2,000 лѣтъ; а у Платона больше, нежели у него, найдется истинно великихъ мыслей объ искусствѣ: можетъ быть, даже его теорія не только глубже, но и полнѣе аристотелевой, но она не облечена въ систему и до новѣйшаго времени не обращала на себя почти никакого вниманія.

Чтобъ показать, какой интересъ и въ наши времена еще имѣютъ эстетическія понятія этихъ людей, жившихъ до насъ 2,200 лѣтъ, попробуемъ изложить въ краткомъ очеркѣ самые общіе, самые отвлеченные вопросы ихъ этетики: «объ источникѣ и значеніи искусства». Конечно, въ современной теоріи рѣшеніе этихъ вопросовъ представляетъ гораздо болѣе живаго и интереснаго; но... кто, по вашему мнѣнію, выше: Пушкинъ или Гоголь? Я вчера слышалъ споръ объ этомъ, и на него готовы отвѣчать Платонъ и Аристотель. Въ самомъ дѣлѣ, рѣшеніе зависитъ отъ понятій о сущности и значеніи искусства. Послушаемъ же мнѣнія объ этомъ предметѣ нашихъ великихъ учителей въ дѣлѣ эстетическаго суда. Если сущность искусства дѣйствительно состоитъ, какъ нынче говорятъ, въ идеализаціи; если цѣль его — «доставлять сладостное и возвышенное ощущеніе прекраснаго», то въ русской литературѣ нѣтъ поэта равнаго автору «Полтавы», Бориса Годунова», «Мѣднаго Всадника», «Каменнаго Гостя» и всѣхъ этихъ безчисленныхъ, благоуханныхъ стихотвореній; если же отъ искусства требуется еще нѣчто другое, тогда... но въ чемъ же, кромѣ этого, можетъ состоять сущность и значеніе искусства?

Итакъ, въ чемъ состоитъ сущность искусства? Что именно дѣлаетъ живописецъ, изображая пэйзажъ, или группу людей; поэтъ, изображая въ лирическомъ стихотвореніи восторги или страданія любви, въ романѣ или драмѣ — людей съ ихъ

страстями и характерами? «Онъ идеализируетъ природу и людей. Сущность искусства состоитъ въ созданіи идеаловъ», отвѣчаетъ господствующая нынѣ эстетическая теорія «въ человѣкѣ есть предчувствіе и потребность чего-то лучшаго и полнѣйшаго, нежели блѣдная и скудная дѣйствительность («проза жизни», по выраженію дюжинныхъ романистовъ), которой не удовлетворяется его безсмертный духъ. Это лучшее и полнѣйшее (идеалъ) живо постигается художникомъ и передается жаждущему человѣчеству въ созданіяхъ искусства». Прежняя теорія искусства говорила не такъ *): «искусство—больше ничего, какъ подражаніе тому, что мы видимъ въ дѣйствительности; картины, статуи, романы, драмы—больше ничего, какъ копіи съ подлинниковъ, представляемыхъ художнику дѣйствительностью». Эта теорія, надъ которою нынѣ смѣются, потому что знаютъ ее только въ искаженной передѣлкѣ Буало и Батте, дѣйствительно достойной осмѣянія, извѣстна подъ названіемъ аристотелевой. Въ самомъ дѣлѣ, Аристотель признавалъ ее справедливою: въ тѣхъ отдѣленіяхъ его трактата «О поэтическомъ искусствѣ», въ которыхъ находятся общія соображенія о происхожденіи и сущности искусства вообще и поэзіи въ частности, основная мысль дѣйствительно та, что «искусство есть подражаніе». Но совершенно несправедливо было бы считать Аристотеля творцомъ «теоріи подражанія»: она, по всей вѣроятности, господствовала еще задолго до Сократа и Платона, а развита у Платона гораздо глубже и многостороннѣе, нежели у Аристотеля. Полагая основаніемъ своихъ понятій объ искусствѣ мысль, что она «состоитъ въ подражаніи», Платонъ не ограничивается тѣми довольно недалекими приложеніями коренного принципа, какими довольствуется Аристотель. Поэзія есть подражаніе, говоритъ Аристотель: слѣдовательно, трагедія есть подражаніе дѣйствіямъ великихъ людей, комедія—подражаніе дѣйствіямъ низкихъ людей: другихъ выводовъ не найдемъ у него. Платонъ, напротивъ, извлекаетъ изъ своего понятія объ искусствѣ живыя, блестящія, глубокомысленныя заключенія; опираясь на свою аксіому, онъ опредѣляетъ значеніе искусства въ жизни человѣческой, его отношенія къ другимъ направленіямъ дѣятельности; вооружась ею, Платонъ уличаетъ искусство въ бѣдности, слабости, безполезности, ничтожествѣ. Его сарказмы жестоки и мѣтки, можетъ быть, односторонни, особенно для нашего времени, но во многомъ справедливы и благородны, при всей своей односторонности. Но, чтобъ объяснить презрѣніе Платона къ искусству, надобно сказать нѣсколько словъ о существенномъ направленіи его ученія.

Платона многіе считаютъ какимъ-то греческимъ романтикомъ, вздыхающимъ о невѣдомомъ и туманномъ, чудномъ и прекрасномъ краѣ, стремящимся «туда, туда» (dahin, dahin), неизвѣстно куда, только далеко, далеко отъ людей и земли... Платонъ былъ вовсе не таковъ. Дѣйствительно, онъ былъ одаренъ возвышенною душою, и все благородное и великое увлекало его до энтузіазма; но онъ не былъ праздномъ мечтателемъ, думалъ не о звѣздныхъ мірахъ, а о землѣ, не о призракахъ а о человѣкѣ. И прежде всего Платонъ думалъ о томъ, что человѣкъ долженъ быть гражданиномъ государства, не мечтать о ненужныхъ для государства вещахъ, а *жить* благородно и дѣятельно, содѣйствуя матеріальному и нравственному бла-

*) Считаемъ почти за излишнее замѣчать, какъ очевидное для каждаго знакомаго съ предметомъ, что почти исключительно мы пользовались при этомъ изложеніи греческихъ эстетическихъ понятій прекраснымъ сочиненіемъ Э. Мюллера „Geschichte der Theorie der Kunst bei den Alten. 2 Bde. Breslau. 1834—1837.

госостоянію своихъ согражданъ. Благородная, но не мечтательная, не умозрительная (какъ для Аристотеля), а дѣятельная, практическая жизнь была для него идеаломъ человѣческой жизни. Не съ ученой или артистической, а съ общественной и нравственной точки смотрѣлъ онъ на науку и искусство, какъ и на все. Не человѣкъ живетъ для того, чтобъ быть артистомъ или ученымъ (какъ думали многіе великіе философы, между прочимъ, Аристотель), а наука и искусство должны служить для блага человѣка. Послѣ этого понятно, какъ Платонъ долженъ былъ смотрѣть на искусство, которое, большею частью, служитъ (должно ли служить, это другой вопросъ) а во время Платона почти исключительно служило прекрасною, съ тѣмъ вмѣстѣ, чрезвычайно дорогою и, можетъ быть, очень, благородною забавою, но все-таки забавою для людей, которымъ нечего дѣлать, кромѣ того, какъ любоваться на болѣе или менѣе сладострастныя картины и статуи, да упиваться мелодіею болѣе или менѣе сладострастныхъ стиховъ. «Искусство—забава»: этимъ рѣшено для Платона все. А что онъ не клеветалъ на искусство, признавая его забавою, лучше всего свидѣтельствуетъ намъ одинъ изъ серьезнѣйшихъ поэтовъ Шиллеръ, конечно, не враждебными глазами смотрѣвшій на свое искусство: Кантъ, по его мнѣнію, совершенно справедливо называетъ искусство *игрою* (или забавою, das Spiel) потому что «только играя, человѣкъ вполнѣ человѣкъ» *). Представимъ же теперь мнѣнія Платона о значеніи искусства, выпуская, однако, слишкомъ жесткія изъ его нападеній.

Искусства, говоритъ Платонъ, бываютъ двухъ родовъ: производительныя и подражательныя (по нашей терминологіи: практическія или техническія и изящныя). Первыя производятъ что нибудь нужное для жизни, годное для употребленія. Сюда принадлежатъ, напримѣръ, земледѣліе, ремесла, гимнастика, дающая человѣку силы, и медицина, дающая ему здоровье. Имъ полное уваженіе. Но какое сравненіе могутъ выдержать съ ними подражательныя искусства (впредь мы, сообразно нынѣшней терминологіи, будемъ называть ихъ изящными), которыя не даютъ человѣку ничего, кромѣ обманчивыхъ, ни въ какое употребленіе не годныхъ копій съ дѣйствительныхъ предметовъ? Ихъ значеніе ничтожно. Къ чему они служатъ? Къ пріятному, но безполезному препровожденію времени. Это игра, пустая въ глазахъ серьезнаго человѣка. Но иныя игры (напр. гимнастическія) имѣютъ серьезную цѣль; изящныя искусства ея не имѣютъ. Нѣтъ, они стараются только забавлять; они только хотятъ угодить толпѣ; они принадлежатъ къ одному разряду занятій съ съ риторикою (искусствомъ подбирать красныя слова) и софистикою (искусствомъ говорить не полезное, а пріятное слушателямъ), съ парикмахерскимъ и поварскимъ искусствами. И живопись, и музыка, и поэзія, даже возвышенная и превозносимая трагедія—искусства угодничества, лести, потому что стараются только объ удовольствіи, а не о пользѣ толпы (замѣтимъ, что подобнымъ же образомъ смотритъ на изящныя искусства авторъ «Эмиля» и «Новой Элоизы»; Кампе, знаменитый нѣмецкій педагогъ, также говоритъ: «выпрясть фунтъ шерсти полезнѣе, нежели написать томъ стиховъ»). А между тѣмъ, какъ высоко ставятъ себя эти ничтожныя искусства! Живописецъ, напримѣръ, говоритъ, что создаетъ и деревья, и людей, и землю, и море! да еще какъ скоро — въ одну минуту! и потомъ продаетъ вамъ и землю и море за золотую монету. Правда, его созданія не стоятъ и мѣдной, по-

*) «Объ эстетич. воспит. человѣка», письмо 13 и слѣд.

тому что они пустые призраки, годные лишь на то, чтобъ обманывать ребятишекъ. И эти фокусники еще не хотятъ признавать себя подражателями — нѣтъ, они говорятъ вамъ о творчествѣ! (Изъ этого видимъ, что идея, служащая основаніемъ господствующей нынѣ эстетической теоріи, существовала уже и при Платонѣ: «искусство и творчество»). И могутъ ли они дать что нибудь, кромѣ плохой, невѣрной копіи? Вѣдь художнику нѣтъ дѣла до внутренняго содержанія: ему нужна только оболочка; онъ довольствуется поверхностнымъ знаніемъ поверхности предмета: ее копируетъ онъ; дальше ея ничего не знаетъ (новѣйшая эстетика, согласно съ этими художниками, или, скорѣе, съ ѣдкими сарказмами Платона, говорящаго за нихъ, признаетъ, что «прекрасное, существенное содержаніе искусства—призракъ, пустой призракъ», ein Schein, ein reiner Schein, и что искусство имѣетъ дѣло только съ поверхностью, оболочкою предмета, die Oberfläche). Устройство человѣческаго тѣла извѣстно врачу—живописецъ его не знаетъ. Такъ и поэтъ не знаетъ основательно жизни и сердца человѣческаго: это знаніе достигается только глубокимъ изученіемъ философіи (по нынѣшней терминологіи «только путемъ науки»), а не отрывочными наблюденіями собственной опытности, слишкомъ неполной и поверхностной. И заслуживаютъ ли даже имени искусства эти гордыя изящныя искусства? Нѣтъ! Чтобъ моя дѣятельность достойна была имени искусства, мнѣ необходимо имѣть ясное сознаніе о томъ, что я дѣлаю—художникъ не имѣетъ его. Столяръ, дѣлая столъ, знаетъ, что, зачѣмъ и какъ онъ дѣлаетъ: живописецъ и поэтъ сами не знаютъ истинной природы предметовъ, которымъ подражаютъ. Ихъ искусство не искусство, а слѣпая работа по темному инстинкту, наудачу; они называютъ это «вдохновеніемъ»; на самомъ дѣлѣ съ вдохновеніемъ соединяется у нихъ невѣжество самоучки *). Изящныя искусства—пустая игра, не заслуживающая имени искусства...

Полемика Платона противъ искусства чрезвычайно сурова — правда, но порождена высокимъ и благороднымъ взглядомъ на человѣческую дѣятельность. И легко было бы показать, что многія изъ строгихъ обличеній платоновыхъ продолжаютъ быть справедливыми и въ отношеніи къ современному искусству. Но гораздо пріятнѣе говорить за искусство, нежели противъ искусства, и потому, отказываясь отъ тяжелой обязанности указывать и въ новѣйшемъ искусствѣ тѣ слабыя стороны, которыя общи ему съ греческимъ, мы постараемся только показать, какими соображеніями могутъ быть въ наше время смягчены нѣкоторые изъ безусловныхъ приговоровъ Платона о ничтожности значенія изящныхъ искусствъ.

---

*) Для объясненія послѣднихъ словъ надобно замѣтить, что Платонъ нападаетъ не на «вдохновеніе», а на то, что очень многіе поэты (не говоримъ ужь о другихъ художникахъ) къ величайшему вреду искусства, полагаясь на однѣ силы «творческаго генія, инстинктомъ прозирающаго въ тайны природы и жизни», пренебрегаютъ наукою, которая избавляетъ отъ пустоты и ребяческой отсталости содержанія:

«Ich singe, wie der Vogel singt».

говорятъ они; за то ихъ пѣніе, подобно соловьиной пѣснѣ, остается годнымъ только для забавы отъ нечего дѣлать, очень скоро надоѣдающей, какъ и слушанье соловьиной пѣсни. Прекрасное ученіе, что поэтъ пишетъ по вдохновенію, чуждому всякой разсчитанности, и что произведенія придумывающаго, разсчитывающаго поэта холодны, непоэтичны—господствовало въ Греціи со временъ геніальнаго Демокрита. У Аристотеля вдохновеніе стоитъ ужь на второмъ планѣ: онъ *учитъ* писать трагедіи, подбирать эффектныя завязки и развязки по рецепту. Изъ этого даже видно, что Аристотель, какъ эстетикъ, принадлежитъ временамъ паденія искусства: вмѣсто живаго духа, у него ученыя правила, холодный формализмъ. Отъ Горація и Буало, отъ всѣхъ послѣдующихъ составителей «реторикъ» и «поэтикъ», отличается онъ только, какъ геніальный учитель отъ ограниченныхъ учениковъ: различіе здѣсь не въ сущности понятій, а въ степени ума, ихъ развивающаго.

Платонъ возстаетъ противъ искусства за то, что оно безполезно для человѣка. Не будемъ опровергать этого страшнаго упрека устарѣлою мыслью, что «искусство должно существовать для искусства», что «дѣлать искусство служителемъ человѣческихъ нуждъ, значитъ унижать его» и т. п. Мысль эта имѣла смыслъ тогда, когда надобно было доказывать, что поэтъ не долженъ писать великолѣпныхъ одъ, не долженъ искажать дѣйствительности въ угоду различнымъ произвольнымъ и притворнымъ сентенціямъ. Къ сожалѣнію, для этого она появилась ужь слишкомъ поздно, когда борьба была кончена; а теперь и подавно она ни къ чему ненужна: искусство успѣло ужь отстоять свою самостоятельность и должно думать о томъ, какъ ею пользоваться. «Искусство для искусства» — мысль такая же странная въ наше время, какъ «богатство для богатства», «наука для науки» и т. д. Всѣ человѣческія дѣла должны служить на пользу человѣку, если хотятъ быть непустымъ и празднымъ занятіемъ: богатство существуетъ для того, чтобъ имъ пользовался человѣкъ, наука для того, чтобъ быть руководительницею человѣка; искусство также должно служить на какую-нибудь существенную пользу, а не на безплодное удовольствіе. «Но именно эстетическое наслажденіе само по себѣ приноситъ существенное благо человѣку, смягчая его сердце, возвышая его душу»... Мы не хотимъ выводить серьезное значеніе искусства и изъ этой мысли — справедливой, но еще мало говорящей въ пользу искусства. Конечно, наслажденіе произведеніями искусства, какъ и всякое (непреступное) удовольствіе производитъ въ человѣкѣ свѣтлое, радостное расположеніе духа; а радостный и довольный человѣкъ, конечно, добрѣе и лучше, нежели недовольный и мрачный. И мы согласны, что, выходя изъ картинной галереи или изъ театра, человѣкъ чувствуетъ себя и добрѣе, и лучше (по крайней мѣрѣ на полчаса, пока не разлетѣлось эстетическое довольство); но точно также и изъ за сытнаго обѣда человѣкъ встаетъ снисходительнѣе, добрѣе того, каковъ былъ съ отощавшимъ желудкомъ. Благодѣтельное вліяніе искусства, какъ искусства (независимо отъ такого или иного содержанія его произведеній), состоитъ почти исключительно въ томъ, что искусство — вещь пріятная: подобное же благодѣтельное качество принадлежитъ всѣмъ другимъ пріятнымъ занятіямъ, отношеніямъ, предметамъ, отъ которыхъ зависитъ «хорошее расположеніе духа». Здоровый человѣкъ гораздо менѣе эгоистъ, гораздо добрѣе, нежели больной, всегда болѣе или менѣе раздражительный и недовольный, хорошая квартира также больше располагаетъ человѣка къ добротѣ, нежели сырая, мрачная, холодная; спокойный человѣкъ (т. е. находящійся не въ непріятномъ положеніи) добрѣе, нежели раздосадованный и т. д. И надобно сказать, что практическія, житейскія, серьезныя условія довольства своимъ положеніемъ дѣйствуютъ на человѣка сильнѣе и постояннѣе, нежели пріятныя впечатлѣнія, доставляемыя искусствомъ. Для большинства людей, оно—только развлеченіе, то есть довольно ничтожная вещь, немогущая принести серьезнаго довольства. И, взвѣсивъ хорошенько факты, мы убѣдимся, что многія самыя неблестящія, обыденныя развлеченія больше вносятъ довольства и благорасположенія въ человѣческое сердце, нежели искусство: еслибъ явился между нами Платонъ, вѣроятно, сказалъ бы онъ, что, напримѣръ, сидѣнье на завалинѣ (у поселянъ), или вокругъ самовара (у горожанъ) больше развило въ нашемъ народѣ хорошаго расположенія духа и добраго расположенія къ людямъ, нежели всѣ произведенія живописи, начиная съ лубочныхъ картинъ до «Послѣдняго дня Помпеи». Польза, приносимая искусствомъ, какъ однимъ изъ источниковъ довольства, раз-

витію всего хорошаго въ человѣкѣ, несомнѣнна, но ничтожна въ сравненіи съ пользою, приносимою другими благопріятными отношеніями и условіями жизни; потому и не хотимъ мы указывать на нее для того, чтобъ показать высокое значеніе искусства въ жизни. Правда, обыкновенно вліяніе искусства на нравственное развитіе понимаютъ не такъ, какъ мы его представили, и говорятъ будто бы эстетическое наслажденіе не просто, какъ источникъ хорошаго расположенія духа, смягчаетъ сердце, а непосредственно возвышаетъ и облагораживаетъ душу, по возвышенности и благородству предметовъ и чувствъ, которыми прельщаемся мы въ произведеніяхъ искусства; обыкновенно говорятъ, что представляющееся намъ «прекраснымъ» въ искусствѣ есть ужь по этому самому благородное и возвышенное. Но мы, рѣшительно не желая касаться щекотливаго вопроса о серьезномъ значеніи существеннаго содержанія въ бо́льшей части произведеній искусства, не хотѣли даже выписывать грозныхъ нападеній Платона на искусство за его содержаніе; тѣмъ не менѣе сами будемъ вдаваться въ эти нападенія. Напомнимъ только, что искусство должно угождать требованіямъ публики, а большинство, смотрящее на него какъ на развлеченіе, конечно, требуетъ отъ развлеченія не возвышенности или благородства содержанія, а граціозности, интересности, забавности, даже легкости. Одинъ изъ серьезнѣйшихъ и благороднѣйшихъ поэтовъ нашего времени говоритъ въ предисловіи къ своимъ пѣснямъ: «Я хотѣлъ бы воспѣвать вовсе не любовь, но кто сталъ бы читать мои пѣсни, еслибъ ихъ содержаніе было серьезно? Поэтому, написавъ нѣсколько серьезныхъ пѣсенъ, которыя однѣ хотѣлъ бы я писать, я долженъ былъ потопить ихъ во множествѣ любовныхъ пѣсенокъ для того, чтобъ вмѣстѣ съ этими приманками публика поглотила и здоровую пищу». Таково почти всегда положеніе художника, имѣющаго серьезное и благородное направленіе (не хотимъ прибавлять, что не всѣ изъ художниковъ имѣютъ его). Кому эти краткіе намеки покажутся недостаточными, тотъ пусть потрудится припомнить, что главнѣйшее содержаніе поэзіи (самаго серьезнаго изъ искусствъ) — «любовь», т. е. влюбленность, очень далекая отъ истинной любви и очень мало имѣющая серьезнаго значенія. Обыкновенная забота искусства—заинтересовать, завлечь, чѣмъ и какъ—все равно.

Но если, стремясь къ этой цѣли, искусство почти всегда позабываетъ о другихъ, важнѣйшихъ цѣляхъ, то надобно признаться, что завлекаетъ огромную массу оно очень удачно, и этимъ самымъ, вовсе о томъ не думая, содѣйствуетъ распространенію образованности, ясныхъ понятій о вещахъ—всего, что приноситъ умственную, а потомъ принесетъ и матеріальную пользу людямъ. Искусство или, лучше сказать, поэзія (одна только поэзія, потому что другія искусства очень мало дѣлаютъ въ этомъ отношеніи) распространяетъ въ массѣ читателей огромное количество свѣдѣній и, что еще важнѣе, знакомство съ понятіями, выработываемыми наукою — вотъ въ чемъ заключается великое значеніе поэзіи для жизни.

Въ наше время странно уже— хотя, быть можетъ, и вовсе еще непозднно— пускаться въ подробныя объясненія того, что такое наука, въ чемъ состоитъ и какъ велико ея значеніе для жизни. Въ наукѣ хранятся плоды опытности и размышленій человѣческаго рода, и главнѣйшимъ образомъ на основаніи науки улучшаются понятія, а потомъ нравы и жизнь людей. Но открытія и соображенія науки приносятъ дѣйствительную пользу только тогда, когда разливаются въ массѣ публики. Наука сурова и незаманчива въ своемъ настоящемъ видѣ; она не при-

влечетъ толпы. Наука требуетъ отъ своихъ адептовъ очень много приготовительныхъ познаній и, что еще рѣже, встрѣчается въ большинствѣ—привычки къ серьезному мышленію. Поэтому, чтобъ проникнуть въ массу, наука должна сложить съ себя форму науки. Ея крѣпкое зерно должно быть перемолото въ муку и разведено водою для того, чтобъ стать пищею, вкусною и удобоваримою. Это достигается «популярнымъ» изложеніемъ науки. Но и популярныя книги еще не исполняютъ всего, что нужно для распространенія понятій о наукѣ въ большинствѣ публики: онѣ предлагаютъ чтеніе легкое, но не заманчивое—а большинство читателей хочетъ, чтобъ книга была сладкимъ дессертомъ. Это обольстительное чтеніе представляютъ ему романы, повѣсти и т. д. Безъ всякаго сомнѣнія, очень немногіе беллетристы думаютъ, подобно Вальтеръ-Скотту, употреблять свой талантъ именно для распространенія образованности между читателями. Но какъ изъ разговора съ образованнымъ человѣкомъ малообразованный всегда вынесетъ какія-нибудь новыя свѣдѣнія, хотя бы разговоръ и не касался повидимому ничего серьезнаго, такъ и изъ чтенія романовъ, повѣстей, по крайней мѣрѣ историческихъ, даже стихотвореній, которыя пишутся людьми, во всякомъ случаѣ стоящими по образованности выше, нежели большинство ихъ читателей, масса публики, не читающая ничего, кромѣ этихъ романовъ и повѣстей, узнаетъ многое. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что не только «Юрій Милославскій», но даже и «Леонидъ, или нѣкоторыя черты и т. д.» значительно распространили кругъ свѣдѣній своихъ читателей. Если популярныя книги перечеканиваютъ въ ходячую монету, тяжелый слитокъ золота, выплавленный наукою, то поэзія пускаетъ въ ходъ мелкія серебряныя деньги, которыя обращаются и тамъ, куда рѣдко заходитъ золотая монета, и которыя все-таки имѣютъ свою неотъемлемую цѣнность. Поэзія, какъ распространительница знаній и образованности, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для жизни. «Забава» ею приноситъ пользу умственному развитію забавляющагося; потому, оставаясь забавою для массы читателей, поэзія получаетъ серьезное значеніе въ глазахъ мыслителя.

Итакъ, принуждены будучи признать справедливость очень многихъ нападеній Платона на искусство, мы, однако, въ правѣ сказать, что поэзія имѣетъ высокое значеніе для образованности и идущаго вслѣдъ за нею улучшенія нравовъ и матеріальнаго благосостоянія; она имѣетъ это значеніе даже и тогда, когда не заботится о немъ. Но много было поэтовъ, которые сознательно и серьезно хотѣли быть служителями нравственности и образованности, понимали, что вмѣстѣ съ талантомъ получили они обязанность быть наставниками своихъ согражданъ. Были такіе поэты и во время Платона; достовѣрно мы знаемъ съ этой стороны Аристофана. «Поэтъ—учитель взрослыхъ», говоритъ отъ —и всѣ его комедіи проникнуты самымъ серьезнымъ направленіемъ. Излишне и говорить о томъ, какое важное практическое значеніе получаетъ поэзія въ ихъ рукахъ. Но если Платонъ впадаетъ въ односторонность, считая поэзію только пустою забавою, то за нимъ остается заслуга, что онъ смотрѣлъ на искусство въ связи съ жизнью; а оправданіе его порицаніямъ находится въ понятіяхъ объ искусствѣ большей части художниковъ и даже философовъ, которые полагаютъ, что значеніе искусства не зависитъ отъ его житейской пользы, что «служить какимъ бы то ни было интересамъ, кромѣ собственныхъ, унизительно и пагубно для искусства», что «оно само себѣ цѣль», что «доставлять эстетическое наслажденіе — единственное назначеніе искусства». Эти господствующія воззрѣнія дѣйствительно отнимаютъ у искусства всякое дѣльное значеніе, превращаютъ его

въ пустую игру и вполнѣ заслуживаютъ грозныхъ изобличеній Платона, доказывающаго, что, отказываясь отъ практическаго значенія для жизни, искусство, какъ и всякое дѣло, не имѣющее такого значенія, становится пустою забавою въ глазахъ мыслителя.

Аристотель, уступая Платону въ возвышенности требованій, гораздо снисходительнѣе, даже съ любовью смотритъ на искусство, особенно на поэзію и музыку; его понятія о значеніи музыки и поэзіи не такъ поучительны, какъ платоновы, но гораздо многостороннѣе—правда, съ тѣмъ вмѣстѣ иногда и мелочны.

Первую пользу искусства для человѣка (потому что и Аристотель требуетъ отъ искусства *пользы*) онъ видитъ именно въ томъ, въ чемъ Платонъ находитъ причину блѣдности и ничтожности произведеній искусства сравнительно съ живою дѣйствительностью—въ томъ, что искусство есть подраженіе. «Стремленіе къ подражанію, которое служитъ источникомъ искусствъ, находится въ непосредственной связи съ любознательностью. Любознательность, заставляющая сравнивать копію съ подлинникомъ—причина и того удовольствія, которое доставляютъ намъ произведенія искусства: подражая предмету, а потомъ сравнивая подражаніе съ оригиналомъ мы изучаемъ предметъ, изучаемъ его легко и скоро; въ этомъ тайна наслажденія, приносимаго искусствомъ. «Итакъ, искусство находится въ ближайшемъ родствѣ съ важнѣйшимъ и высочайшимъ стремленіемъ человѣческаго духа; потому что Аристотель ставитъ науку выше жизни, умственную дѣятельность выше практической: образъ мыслей, очень легко рождающійся у людей, для которыхъ наука — главнѣйшая цѣль жизни. Искусству, этимъ объясненіемъ его происхожденія, назначается очень почетное мѣсто среди возвышеннѣйшихъ направленій человѣческаго духа; но объясненіе страсти къ подражанію изъ любознательности не выдерживаетъ критики. Подражаемъ вообще мы изъ желанія сдѣлать, а не узнать что-нибудь; подражаніе—не теоретическое, а практическое стремленіе. Справедливо только то, что *иногда* (довольно рѣдко) мы *читаемъ* произведенія поэзіи изъ желанія познакомиться съ нравами людей, съ обычаями народовъ далекихъ отъ насъ, и т. п.; но и читаемъ мы произведенія поэзіи обыкновенно вовсе не по этому побужденію, а возникаютъ они рѣшительно не изъ желанія поэта уяснить себѣ какой-нибудь вопросъ (какъ пишутся ученые трактаты): стремленіе *создавать* (черезъ подражаніе или «воспроизведеніе», какъ выражаются нынѣ), производить — источникъ поэтической дѣятельности; восхищеніе творческимъ талантомъ, удовольствіе, происходящей отъ сознанія геніальности человѣческой—источникъ наслажденія, доставляемаго намъ произведеніями искусства. Не указываемъ другихъ источниковъ искусства и наслажденія искусствомъ, потому что это отвлекло бы насъ далеко отъ Аристотеля (точно также и выше, пополняя мнѣнія Платона, мы ограничились указаніемъ одной только стороны высокаго значенія искусства, чтобы не вдаваться въ излишнія подробности).

Но если Аристотель одностороннимъ образомъ объясняетъ стремленіе человѣка къ подражанію и происхожденіе искусства, то нельзя не отдать ему полной справедливости за то, что онъ старается отыскать для искусства высокое значеніе въ области умственной дѣятельности; и если нельзя согласиться съ его мнѣніемъ объ источникѣ искусства вообще, то нельзя безъ удивленія видѣть, какъ вѣрно опредѣляетъ онъ отношеніе поэзіи къ философіи: поэзія, изображающая человѣческую жизнь съ общей точки зрѣнія, представляющая не случайныя и ничтожныя

мелочи ея, а то, что̀ есть въ жизни существеннаго и характеристическаго, чрезвычайно много имѣетъ, какъ думаетъ Аристотель, философскаго достоинства. Она въ этомъ отношеніи даже гораздо выше, по его мнѣнію, нежели исторія, которая безъ разбора должна описывать и важное и неважное, и существенное, характеристическое, и случайные, не имѣющіе никакого внутренняго значенія факты; поэзія гораздо выше исторіи также и потому, что представляетъ все во внутренней связи, между тѣмъ, какъ исторія безъ всякой внутренней связи, по хронологическому порядку разсказываетъ разнородные факты, не имѣющіе между собою ничего общаго. Въ поэтической картинѣ смыслъ и связь; въ исторіи множество не говорящихъ ничего нужнаго подробностей, и нѣтъ связи; она даетъ не картины, а только отрывки картинъ. Вотъ это глубокомысленное и знаменитое мѣсто, въ переводѣ г. Ордынскаго, выписку изъ котораго дѣлаемъ для того, чтобы познакомить читателей съ его языкомъ:

«Дѣло поэта—излагать не столько случающееся, сколько то, что могло бы случиться, т. е. возможное по вѣроятію или по необходимости. (*Мысль, долженъ служащая основаніемъ нашимъ понятіямъ о томъ, какъ долженъ поэтъ пользоваться матеріалами, доставляемыми ему дѣйствительностью, что изъ нихъ долженъ онъ брать для своихъ картинъ и что долженъ отбрасывать*). Историкъ и поэтъ не тѣмъ различаются, что говорятъ одинъ мѣрною рѣчью, другой немѣрною: вѣдь сочиненіе Геродота можно было бы переложить въ метры, и все-таки въ метрахъ, какъ и безъ всякихъ метровъ, была бы это исторія. Различаются они тѣмъ, что одинъ излагаетъ случившееся, а другой, что можетъ случиться. Поэтому поэзія глубже и значительнѣе исторіи. Поэзія излагаетъ болѣе общее, исторія —частное. Общее есть: такому то лицу, что приличнo говорить, либо дѣлать по вѣроятію, либо необходимости? Этого достигаетъ поэзія, изобрѣтая имена? Частное есть: что сдѣлалъ Алкивіадъ, или что съ нимъ случилось? На комедіи это очевидно: комики, составляя вымыселъ изъ вѣроятныхъ событій, даютъ имена произвольныя, а не занимаются... частностями. Что касается трагедіи... въ нѣкоторыхъ одно или два имени извѣстныхъ, прочія вымышлены; въ иныхъ ни одного извѣстнаго, какъ въ «Цвѣткѣ» Агафона: въ немъ и дѣйствія, и имена равно вымышлены, и тѣмъ не менѣе онъ нравится».

Ученый отдаетъ искусству справедливость до такой степени, что ставитъ его выше науки (правда, не своей спеціальной науки). Явленіе замѣчательное... Но мнѣніе Аристотеля объ исторіи требуетъ объясненія: оно приложимо только къ тому виду исторіи, который былъ извѣстенъ въ его время —это была не собственно исторія, а лѣтопись. У Геродота дѣйствительно нѣтъ никакой внутренней связи: всѣ девять книгъ его «Исторій» наполнены эпизодами; онъ хочетъ собственно писать исторію «войны персовъ съ греками»—и успѣваетъ начать разсказъ о ней только въ шестой книгѣ. Ему хочется поговорить обо всемъ, что только ему извѣстно изъ исторіи и нравовъ знакомыхъ ему народовъ. Его методъ таковъ: персы воевали съ египтянами: поговоримъ о египтянахъ—и слѣдуетъ цѣлая книга о Египтѣ же; воевали они также со скиѳами: поговоримъ о скиѳахъ—и слѣдуетъ цѣлая книга о скиѳахъ и Скиѳіи. Въ каждомъ эпизодѣ у него опять новые эпизоды, вплетенные почти такъ: у египтянъ главный городъ Мемфисъ—описаніе Мемфиса; я также былъ въ Мемфисѣ—описаніе того, что онъ видѣлъ въ Мемфисѣ; между прочимъ, былъ я тамъ въ одномъ храмѣ—описаніе храма; въ этомъ храмѣ видѣлъ я жреца—описаніе жреца и его одежды; жрецъ этотъ говорилъ со мною о томъ то—разсказывается, что говорилъ ему жрецъ; но другіе говорятъ объ этомъ не такъ—разсказывается, какъ говорятъ объ этомъ другіе, и т. д. и т. д. Геродотъ

разскащикъ, бывалый человѣкъ, и его исторія похожа на простодушные, интересные, но безсвязные разсказы всѣхъ бывалыхъ людей. Ѳукидидъ — чисто-лѣтописецъ, правда ученый и глубокомысленный, но располагающій свою «Исторію Пелопоннесской войны» такимъ образомъ: въ шестую зиму войны произошло въ Аттикѣ вотъ что; въ эту же зиму въ Пелопоннесѣ произошло вотъ что; въ то же время на Корцирѣ произошло вотъ что; во Ѳракіи произошло тогда же вотъ что; на Лесбосѣ—вотъ что и т. д. Въ слѣдующее за тѣмъ лѣто произошло въ Аттикѣ то-то и то-то, въ Пелопоннесѣ то-то и то-то и т. д. У Ѳукидида еще меньше внутренней связи между разсказами, нежели у Геродота; даже ни одно событіе не разсказано за одинъ разъ: начало, середина и конецъ его разбросаны въ разныхъ книгахъ по «зимамъ» и «лѣтамъ. Очень понятно, какъ много мелочнаго и рѣшительно ненужнаго для характеристики главнаго событія и главныхъ дѣятелей находится въ подобныхъ «исторіяхъ». Форму науки исторія приняла только въ наше время; у новѣйшихъ великихъ историковъ всегда господствуетъ строгое единство; у нихъ не найдется ненужныхъ мелочей, приводятся факты и черты, только «имѣющія общее значеніе», котораго требуетъ Аристотель, то-есть только необходимыя для характеристики вѣка и людей.

Эти выписки достаточно показываютъ проницательность и многосторонность аристотелева ума; но, при всей своей геніальности, часто онъ впадаетъ въ мелочность отъ всегдашняго своего стремленія найдти глубокое философское объясненіе не только главнымъ явленіямъ, но и всѣмъ ихъ подробностямъ. Это стремленіе, выразившееся въ аксіомѣ одного новѣйшаго философа, соперника аристотелева: «все дѣйствительное разумно и все разумное дѣйствительно», часто заставляло обоихъ мыслителей придавать важное значеніе мелочнымъ фактамъ только потому, что эти факты хорошо подходили подъ ихъ систему. Превосходный примѣръ этого представляетъ выписанное нами мѣсто изъ Аристотеля. Совершенно справедливо опредѣляя, что поэзія изображаетъ не мелочи, а общее, характеристическое, въ чемъ находитъ Аристотель подтвержденіе своего понятія?—въ томъ, что комики всегда, а трагики иногда, даютъ характеристическія имена дѣйствующимъ лицамъ, т. е. и въ оставленномъ нынѣ обыкновеніи выводить на сцену Вороватиныхъ, Правдиныхъ, Прямосудовыхъ, Коршуновыхъ, Разлюляевыхъ (весельчаки), Бородкиныхъ (живущіе по старымъ обычаямъ), Стародумовъ и т. д.

На нѣсколькихъ страницахъ излагаемъ мы мнѣнія Платона и Аристотеля о «подражательныхъ искусствахъ», нѣсколько десятковъ разъ пришлось намъ употребить слово «подражаніе» и однако до сихъ поръ еще ни разу не встрѣтили читатели обычнаго выраженія «подражаніе природѣ»—отчего это? Неужели Платонъ и, особенно, Аристотель, учитель всѣхъ Батте, Буало и Горацієвъ, поставляютъ сущность искусства не въ подражаніи *природѣ*, какъ привыкли всѣ мы дополнять фразу, говоря о теоріи подражанія? Дѣйствительно, и Платонъ и Аристотель, считаютъ истиннымъ содержаніемъ искусства, и въ особенности поэзіи, вовсе не природу, а *человѣческую* жизнь. Имъ принадлежитъ великая честь думать о главномъ содержаніи искусства именно то самое, что послѣ нихъ высказалъ уже только Лессингъ, и чего не могли понять всѣ ихъ послѣдователи. У Аристотеля въ «Пінтикѣ», нѣтъ ни слова о природѣ: онъ говоритъ о людяхъ, ихъ дѣйствіяхъ, событіяхъ съ людьми, какъ о предметахъ, которымъ подражаетъ поэзія. Дополненіе: «природѣ» могло быть принято въ пінтикахъ только тогда, когда процвѣтала вялая

и фальшивая описательная поэзія (которая едва ли не грозитъ снова войдти въ моду) и неразлучная съ нею дидактическая поэзія—роды, которые изгоняются Аристотелемъ изъ поэзіи. Подражаніе *природѣ* чуждо истинному поэту, главный предметъ котораго—человѣкъ. «Природа» выступаетъ на первый планъ только въ пейзажной живописи, и фраза «подражаніе *природѣ*» послышалась въ первый разъ изъ устъ живописца; но и живописецъ произнесъ ее не въ томъ смыслѣ, какой получила она у современниковъ Дезульеръ и Делила: когда Тизипиъ (разсказываетъ Плиній), еще будучи юношею, спросилъ у знаменитаго въ то время живописца Эвпомпа: кому изъ прежнихъ великихъ художниковъ надобно подражать? Эвпомпъ отвѣчалъ, указывая на толпу людей, среди которой они стояли: «не художникамъ надобно подражать, а самой природѣ». Ясно, онъ говорилъ о томъ, что живая дѣйствительность должна служить матеріаломъ и образцомъ для художника, а не о «садахъ», которые воспѣвалъ Делиль, и не объ «озерахъ», которыя описывались Уордсвортомъ и Уильсономъ съ братіею.

Изъ этого можно убѣдиться, что многія возраженія, дѣлаемыя противъ теоріи подражанія, относятся собственно не къ ней, а къ той искаженной формѣ, къ какой представляли ее теоретики псевдо-классической школы. Здѣсь не мѣсто высказывать личныя убѣжденія, и потому не будемъ доказывать, что по нашему мнѣнію, называть искусство воспроизведеніемъ дѣйствительности (замѣняя современнымъ терминомъ неудачно-передающее смыслъ греческаго mimêsis слово «подражаніе») было бы вѣрнѣе, нежели думать, что искусство осуществляетъ въ своихъ произведеніяхъ нашу идею совершенной красоты, которой будто бы нѣтъ въ дѣйствительности. Но нельзя не выставить на видъ, что напрасно думаютъ, будто бы, поставляя верховнымъ началомъ искусства воспроизведеніе дѣйствительности, мы заставимъ его «дѣлать грубыя и пошлыя копіи и изгоняемъ изъ искусства идеализацію». Чтобъ не вдаваться въ изложеніе мнѣній необщепринятыхъ въ нынѣшней теоріи, не будемъ говорить о томъ, что единственная необходимая идеализація должна состоять въ исключеніи изъ поэтическаго произведенія ненужныхъ для полноты картины подробностей, каковы бы ни были эти подробности; что если понимать подъ идеализаціею безусловное «облагороженіе» изображаемыхъ предметовъ и характеровъ, то она будетъ равняться чопорности, надутости, фальшивому драматизпрованью. Но вотъ выписка изъ Аристотелевой «Піитики», доказывающая, что идеализація, даже въ послѣднемъ смыслѣ, очень хорошо можетъ входить въ систему эстетики, признающую основнымъ началомъ поэзіи подражаніе или воспроизведеніе:

«Такъ какъ трагедія есть подражаніе лучшимъ (*воспроизводитъ дѣйствія и приключенія людей съ великими, а не мелочными характерами, сказали бы мы теперь; но Аристотель говоритъ, увлекаясь Эсхиломъ и Софокломъ*: людей, лучшихъ, нежели обыкновенные люди), то должны (*трагики*) подражать хорошимъ портретистамъ: они, передавая кого нибудь въ настоящемъ видѣ, дѣлаютъ портретъ похожимъ и вмѣстѣ красивѣе. Такъ и поэту, когда онъ подражаетъ сердитымъ, лѣнивымъ и другіе недостатки въ характерѣ имѣющимъ (*т. е. воспроизводитъ ихъ характеры*), слѣдуетъ таковыхъ облагораживать».

«Распалась поэзія на два рода (говоритъ далѣе Аристотель), по характеру поэтовъ: люди солидные описывали высокія дѣла возвышенныхъ по характеру людей, и сначала писали гимны, потомъ трагедіи: люди легкомысленные описывали людей

«низкихъ»: они сочиняли сначала ямбы (сатиры), потомъ комедіи». Опять какая односторонность! Платону было простительно, говоря объ отсутствіи серьезнаго нравственнаго значенія въ произведеніяхъ искусства, не упомянуть намъ о прекрасномъ исключеніи, о комедіяхъ Аристофана—вражда Аристофана противъ Сократа извинила молчаніе преданнаго ученика сократова. Но Аристотель, не могшій имѣть никакого горькаго воспоминанія противъ Аристофана, также не хочетъ замѣчать высокаго значенія комедіи.

Мысль, что «искусство состоитъ въ подражаніи» живой дѣйствительности, и преимущественно воспроизводитъ человѣческую жизнь, безпрекословно считалась справедливою въ древней Греціи. Платонъ и Аристотель одинаково полагали ее въ основаніе своихъ эстетическихъ понятій; они до того были увѣрены, какъ и всѣ ихъ современники, въ неоспоримой истинѣ этого начала, что вездѣ высказываютъ его, какъ аксіому, не думая доказывать его. На чемъ же основано, что именемъ «платоновой» называютъ совершенно другую теорію искусства, рѣшительно противоположную излагаемой Платономъ—теорію, объясняющую начало искусства такъ: «идея прекраснаго, присущая духу человѣческому, не находя себѣ соотвѣтствія и удовлетворенія въ дѣйствительномъ мірѣ, заставляетъ человѣка создавать искусство, въ которомъ находитъ она себѣ полное осуществленіе»? И кто изъ мыслителей, въ самомъ дѣлѣ, первый высказалъ начало такой теоріи?

Въ первый разъ «идеальное начало» искусства было высказано Плотиномъ, однимъ изъ тѣхъ туманныхъ мыслителей, которые называются неоплатониками. У нихъ нѣтъ ничего простого, яснаго—все таинственно, невыразимо: у нихъ нѣтъ ничего положительнаго, дѣйствительнаго — все заоблачно и мечтательно: всѣ ихъ понятія... но мы ошибаемся: у нихъ нѣтъ понятій, потому что понятіе есть нѣчто опредѣлительное, доступное простому уму; у нихъ какія то грезы, которымъ нѣтъ нигдѣ соотвѣтствующихъ предметовъ, которые постигаются только въ состояніи экстаза, когда, посредствомъ искусственнаго образа жизни, неестественнаго напряженія ума, человѣкъ погружается въ таинственный міръ, недоступный никакимъ чувствамъ. Грезы эти величественны, но величественны только для освободившейся отъ власти разсудка фантазіи; малѣйшее прикосновеніе положительной, ясной мысли уничтожаетъ ихъ. Неоплатоники—люди, хотѣвшіе соединить древнюю греческую философію съ таинственными азіатскими философемами, придать мечтамъ распаленной египетской и индійской фантазіи форму науки: изъ этого соединенія образовалось у нихъ нѣчто болѣе странное и фантастическое, нежели самыя индійскія и египетскія мудрованія. Мысль, возникшая на такой заоблачной почвѣ, едва ли можетъ надолго овладѣть положительными и свѣтлыми понятіями народовъ, у которыхъ есть опытная наука, все подвергающая анализу. Но здѣсь не мѣсто излагать наши понятія объ «идеальномъ началѣ» искусства: довольно и того, что мы сказали, какъ страненъ источникъ, изъ котораго взято оно. Излагать идеи Плотина о сущности прекраснаго мы также не будемъ, отчасти ужъ потому, что излагать ихъ значило бы почти тоже самое, что излагать господствующія нынѣ эстетическія начала. Впрочемъ, едва ли справедливо называемъ мы «современными» мнѣніе объ идеальномъ началѣ искусства: та система понятій, которой онѣ принадлежали, ужъ оставлена всѣми; она имѣла только переходное значеніе и нынѣ забыта вмѣстѣ съ романтизмомъ, своимъ порожденіемъ. И если эстетическія понятія, разнесенныя по свѣту Шлегелями и ихъ сподвижниками, принятыя потомъ и ихъ противниками, еще не

замѣнились въ новѣйшихъ эстетикахъ другими понятіями, то это единственно потому, что нынѣшняя наука, обращенная на другіе вопросы, едва касалась эстетическихъ.

Неоплатонники передѣлали платонову философію на египетскій ладъ: но, будучи совершенно различно отъ платоновой философіи по своей сущности, ученіе ихъ сохранило черты наружнаго сходства съ нею. Вотъ причина, по которой Платону было приписано многое, вовсе ему непринадлежащее, въ томъ числѣ и ученіе объ идеальномъ началѣ искусства. Его понятія о красотѣ, подъ вліяніемъ системы неоплатонниковъ, были смѣшаны съ понятіями его объ искусствѣ, между тѣмъ, какъ красоту видитъ онъ въ живой дѣйствительности, еще высшую красоту находитъ въ идеяхъ и поступкахъ мудреца; изъ послѣдняго очевидно, что его «прекрасное» вообще то, что мы въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ называемъ «прекраснымъ» (добродѣтель прекрасна; патріотизмъ—прекрасное чувство; прекрасно имѣть благородный образъ мыслей; цвѣтущій садъ прекраснъ и т. д.), а не то «прекрасное», о которомъ говоритъ эстетика и которое состоитъ въ совершенствѣ матеріальной формы, вполнѣ проявляющей свое внутреннее содержаніе.

Но возвратимся къ Аристотелю и его «Пінтикѣ». Въ ней, кромѣ изложеннаго нами ученія о происхожденіи искусства вообще, отъ котораго постѣпно переходитъ онъ къ спеціальному вопросу о трагедіи, мы находимъ еще довольно много мнѣній, имѣющихъ интересъ и для нашего времени. Скажемъ нѣсколько словъ о нихъ. Мнѣній же прилагающихся только къ греческой поэзіи, имѣющихъ теперь только историческое значеніе, мы не должны касаться по нашему плану: точно также должны мы пройдти молчаніемъ множество прекрасныхъ мыслей о сущности драматической поэзіи поэтому что нынѣ ихъ справедливость извѣстна всѣмъ; и если нынѣшніе драматурги не всегда съ ними соображаются въ своихъ произведеніяхъ, то единственно по недостатку силъ, или искусства: такова, напримѣръ, мысль о томъ, что въ драмѣ (Аристотель говоритъ это о трагедіи) самое существенное—дѣйствіе, при недостаткѣ котораго пьеса непремѣнно будетъ слаба, какъ бы ни велики были другія ея достоинства: требованіе, чтобъ въ пьесѣ господствовало строжайшее единство дѣйствія (считаемъ излишнимъ повторять давно всѣми высказываемую мысль, что, кромѣ единства дѣйствія, Аристотель не требуетъ никакихъ другихъ единствъ), и т. д.

Очень часто случается слышать мнѣніе, что событія изъ дѣйствительной жизни именно такъ, какъ случились, не должны быть изображаемы въ поэзіи; что, напримѣръ, историческій романъ долженъ непремѣнно передѣлывать историческія событія по требованіямъ искусства, «потому что историческій фактъ, въ своей наготѣ, не имѣетъ никогда достаточнаго внутренняго единства и сцѣпленія между частями»—Аристотель приходитъ къ этому вопросу по поводу историческихъ трагедій, и рѣшаетъ его такъ: для поэзіи необходимо, чтобъ подробности дѣйствія вытекали необходимо одна изъ другой, и чтобъ ихъ сцѣпленіе было правдоподобно; нѣкоторымъ изъ дѣйствительно случившихся событій ничто не препятствуетъ удовлетворять этому требованію: все въ нихъ развилось по необходимости, и все правдоподобно—почему же не брать ихъ поэту въ ихъ истинномъ видѣ? Къ чему же, послѣ этого, служатъ всѣ эти вымышленные герои, заслоняющіе настоящихъ героевъ и введенные только затѣмъ, чтобъ своими выдуманными приключеніями «придать поэтическое единство» изображенію эпохи, какъ будто нельзя было

найдти истинно поэтическихъ событій въ жизни настоящихъ героевъ романа? Но мода на историческіе романы прошла, и потому обратимъ наше замѣчаніе на разсказы и драмы изъ современнаго быта: къ чему это безцеремонное драматизированье дѣйствительныхъ событій, которое такъ часто встрѣчается въ романахъ и повѣстяхъ? Выберите связное и правдоподобное событіе и раскажите его такъ, какъ оно было на самомъ дѣлѣ: если вашъ выборъ будетъ не дуренъ (а это такъ легко!), то ваша непередѣланная изъ дѣйствительности повѣсть будетъ лучше всякой передѣланной «по требованіямъ искусства», т. е., обыкновенно—по требованіямъ литературной эффектности. Но въ чемъ же тогда выкажется ваше «творчество»? — въ томъ, что вы съумѣете отдѣлить нужное отъ ненужнаго, принадлежащее къ сущности событія отъ посторонняго.

Фальшивое понятіе о необходимой связи между развязкою и завязкою, было источникомъ ложнаго понятія о сущности трагическаго въ нынѣшней эстетикѣ. Трагическое событіе обыкновенно представляютъ происходящимъ подъ вліяніемъ какой то особенной «трагической судьбы», по которой сокрушается все великое и прекрасное. Аристотель, которому понятіе «рока» было гораздо ближе, нежели намъ, ничего не говоритъ о вмѣшательствѣ судьбы въ участь героевъ трагедіи. Но герои трагическіе обыкновенно погибаютъ? Это очень просто объясняется у него тѣмъ, что трагедія имѣетъ цѣлью возбудить чувства ужаса и состраданія; а если развязка будетъ счастлива, то это впечатлѣніе будетъ сглажено ею, хотя бы и было пробуждено предъидущими сценами. Вы возразите, что лица, погибающія въ концѣ, представляются въ началѣ трагедіи мощными, счастливыми и т. д.? Это также просто объясняется у Аристотеля тѣмъ, что контрастъ поражаетъ сильнѣе однообразности: увидѣвъ здороваго—мертвымъ, счастливаго—погибающимъ, зрители сильнѣе проникаются ужасомъ и состраданіемъ, нежели тогда, когда этого контраста недостаетъ. И Аристотель совершенно справедливъ, не вводя «судьбы» въ понятіе трагическаго: эта внѣшняя, посторонняя сила только ослабляетъ внутреннюю связь событій, придавая имъ направленіе, не вытекающее изъ сущности дѣйствія—вотъ эстетическій вредъ «судьбы» въ трагедіи. Поэзія должна изображать человѣческую жизнь—пусть же она не искажаетъ ея картинъ посторонними примѣсями.

Наконецъ, послѣднее замѣчаніе: главнѣйшую разницу между гомеровыми эпопеями и позднѣйшими трагедіями Аристотель поставляетъ только въ томъ, что «Иліада» и «Одиссея» гораздо длиннѣе трагедій и не имѣютъ такого строгаго единства дѣйствія, какое необходимо для трагедій: эпизоды въ трагедіяхъ неумѣстны, въ эпопеѣ не вредятъ красотѣ цѣлаго. Но различія по направленію, по духу, по характеру содержанія, между трагедіями и гомеровыми поэмами, Аристотель не замѣчаетъ никакого (различіе въ способѣ изложенія, конечно, онъ видитъ очень хорошо). Напротивъ, онъ очевидно предполагаетъ существенную тождественность эпическаго и трагическаго содержанія, говоря, что изъ «Иліады» или «Одиссеи» можно сдѣлать по нѣскольку трагедій. Надобно ли считать недосмотромъ Аристотеля несогласіе его въ этомъ случаѣ съ новѣйшими эстетиками, полагающими существенное различіе между содержаніемъ эпическимъ и драматическимъ? Можетъ быть; но скорѣе можно думать, что наши эстетики полагаютъ слишкомъ глубокое различіе, по содержанію, между эпическою и драматическою поэзіею, которыя у грековъ, очевидно, различались одна отъ другой болѣе формою, нежели содержаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, безпристрасно подумавъ объ этомъ вопросѣ (а наши эсте-

тики явно пристрастны къ драматической формѣ, «высочайшей формѣ поэзіи»), едва ли не должно будетъ заключить, что если многіе сюжеты повѣстей и романовъ негодятся для драмы, то едва ли есть драматическое произведеніе, сюжетъ котораго не могъ бы такъ же хорошо (или еще лучше) быть разсказанъ въ эпической формѣ. Да и то, что нѣкоторыя повѣсти и романы (очень хорошія, но мало заключающія въ себѣ дѣйствія и много лишнихъ эпизодовъ и разглагольствованій, чего, конечно, нельзя считать достоинствомъ и въ эпическомъ произведеніи) не могли быть обращены въ сносныя пьесы, не происходитъ ли главнымъ образомъ оттого, что скука—очень сносная, и отчасти даже пріятная наединѣ, въ удобные для этого часы, становится несносною, когда усиливается скукою тысячи скучающихъ, подобно вамъ, въ душной атмосферѣ театра? Если присоединить къ этому десятки другихъ обстоятельствъ того же рода — напримѣръ, неудачность всѣхъ аранжировокъ вообще, упущеніе изъ виду, со стороны повѣствователя, всѣхъ сценическихъ условій, стѣснительность самой драматической формы—то увидимъ, что негодность для сцены многихъ пьесъ, передѣланныхъ изъ новостей, достаточно объясняется и безъ предположенія существеннаго различія между эпическимъ и драматическимъ сюжетомъ.

Къ «послѣднему» замѣчанію позволяемъ себѣ прибавить еще одно, уже рѣшительно послѣднее. Аристотель ставитъ трагиковъ выше Гомера и, признавая при всякомъ случаѣ всевозможныя достоинства въ его поэмахъ, находитъ, однако, что трагедіи Софокла и Эврипида несравненно художественнѣе ихъ по формѣ (и глубже по содержанію, могъ бы онъ прибавить). Не слѣдуетъ ли и намъ, по его прекрасному примѣру, безъ ложнаго подобострастія смотрѣть на Шекспира? Лессингу было натурально ставить его выше всѣхъ поэтовъ, существовавшихъ на землѣ, и признавать его трагедіи геркулесовыми столбами искусства. Но теперь, когда мы имѣемъ самого Лессинга, Гете, Шиллера, Байрона, когда прошли причины возставать противъ слишкомъ усердныхъ подражателей французскимъ писателямъ, стало, можетъ быть, уже не столь естественно отдавать Шекспиру безконтрольную власть надъ нашими эстетическими убѣжденіями, и, кстати и некстати, приводить въ примѣръ всего прекраснаго его трагедіи, находя въ нихъ все прекраснымъ. Вѣдь Гете признаетъ же «Гамлета» нуждающимся въ передѣлкѣ? И, можетъ быть, Шиллеръ не выказалъ неразборчивости вкуса, передѣлавъ, наравнѣ съ шекспировымъ «Макбетомъ», и расинову «Федру». Мы безпристрасны къ давно прошедшему: зачѣмъ же такъ долго медлить признавать и недавно прошедшее вѣкомъ высшаго, нежели прежнее, развитія поэзіи? Развѣ ея развитіе не идетъ рядомъ съ развитіемъ образованности и жизни?

Мы старались показать, что, не смотря на односторонность нѣкоторыхъ положеній, мелочность многихъ фактовъ и выводовъ, и главнѣйшій недостатокъ—преобладаніе формализма надъ живымъ ученіемъ о прекрасномъ въ поэзіи, какъ слѣдствіи развитаго наукою таланта и благороднаго образа мыслей (требованія, гораздо сильнѣе высказанныя у Платона, нежели у Аристотеля) — что не смотря на всѣ эти недостатки, сочиненіе Аристотеля «О поэтическомъ искусствѣ» *) имѣетъ еще

*) Переводъ заглавія аристотелевой книги περὶ ποιητικῆς «О поэтическомъ искусствѣ подразумѣвая τέχνης (срав. заглавіе τέχνη ῥητορική) мы считаемъ болѣе вѣрнымъ, нежели предлагаемый г. Ордынскимъ: «О поэзіи».

много живаго значенія и для современной теоріи, и достойно было служить основаніемъ для всѣхъ послѣдующихъ эстетическихъ понятій до Вольфа и Баумгартена, или даже до Лессинга и Канта (теоріи Гогарта, Борка и Дидро не имѣли большаго значенія, встрѣтивъ мало сочувствія). Изъ этого очевидно, какъ прекрасно сдѣлалъ г. Ордынскій, рѣшившись усвоить русской литературѣ столь важное для науки сочиненіе. Дѣйствительно, едва ли можно было сдѣлать выборъ, болѣе счастливый. Точно такъ же вѣренъ былъ тактъ, руководившій г. Ордынскаго и при выборѣ предметовъ для прежнихъ сочиненій: о «Характерахъ Ѳеофраста», «О комедіяхъ Аристофана»; точно такъ же прекрасно было и намѣреніе его перевести Гомера прозою — мысль чрезвычайно вѣрная въ своемъ основаніи, потому что самые лучшіе русскіе гекзаметры — одежда все еще слишкомъ тяжелая и запутанная для Гомера, дѣтски простаго душою. Надобно отдать полную справедливость и добросовѣстности, съ которою занимался онъ каждымъ своимъ трудомъ. Такъ и въ новомъ его разсужденіи нельзя не видѣть труда, чрезвычайно добросовѣстно исполненнаго. Г. Ордынскій изслѣдовалъ текстъ аристотелевой «Пиѳики» съ примѣрною аккуратностью; воспользовался трудами всѣхъ лучшихъ издателей и комментаторовъ, съ истинною ученою скромностью указывая всегда, откуда что почерпнулъ: переводъ текста сдѣланъ не на-скоро, не кое-какъ: г. Ордынскій взвѣшивалъ каждое слово, обсуживалъ каждое выраженіе. Однимъ словомъ: переводъ и комментарій г. Ордынскаго удовлетворяютъ большей части условій, отъ которыхъ зависитъ достоинство труда. А между тѣмъ нельзя не предвидѣть, что его переводъ «Пиѳики» найдетъ себѣ довольно мало сочувствія даже въ той немногочисленной части публики, которая спеціально интересуется классическою литературою; другихъ читателей онъ рѣшительно оттолкнетъ. Да и комментарій г. Ордынскаго, составленный съ большимъ знаніемъ дѣла и вниманіемъ, едва ли принесетъ много пользы русскимъ читателямъ. Переводъ г. Ордынскаго очень тяжелъ и теменъ, а комментарій написанъ почти только въ доказательство личныхъ мнѣній переводчика, утверждающаго, что аристотелева книга «О поэтическомъ искусствѣ» дошла до насъ *вполнѣ*, а не въ отрывочномъ извлеченіи, какъ думаютъ обыкновенно, и что текстъ этого сочиненія, или извлеченія, не испорченъ и не нуждается въ исправленіи. Къ изложенію этого вопроса мы теперь и должны приступить.

Нуждается ли въ исправленіи текстъ аристотелевой «Пиѳики?» Въ какой степени испорченъ текстъ аристотелевыхъ сочиненій — очень хорошо показываетъ даже не филологу судьба ихъ до того времени, когда они стали общеизвѣстными, что случилось ужъ черезъ два съ половиною вѣка послѣ смерти Аристотеля. Эта исторія довольно занимательна, и потому перескажемъ ее въ нѣсколькихъ словахъ. Аристотель самъ при жизни не обнародовалъ своихъ сочиненій; по смерти его они перешли въ руки его ученика Ѳеофраста, который также не обнародовалъ ихъ, можетъ быть, потому, что Аристотель, подобно Анаксагору, подвергся подъ конецъ жизни сильнымъ гоненіямъ за то, что отвергалъ многобожіе; думаютъ даже, что онъ этими преслѣдованіями принужденъ былъ отравить себя. Умирая, Ѳеофрастъ передалъ ихъ Нелею Скепсійскому вмѣстѣ съ книгами аристотелевой библіотеки. Нелей продалъ Аристотелеву библіотеку египетскому царю Птоломею Филадельфу, но съ самыми сочиненіями Аристотеля не рѣшился разстаться: они остались у Нелея. Наслѣдники Нелея были невѣжды, вовсе не думавшіе пользоваться Аристотелемъ; но они слышали отъ Нелея, что книги эти чрезвычайно драгоцѣнны; живя въ пергамскихъ

владѣніяхъ, они опасались, чтобъ цари пергамскіе, соперничествовавшіе съ Птоломеями въ заведеніи у себя такой же огромной и полной библіотеки, какъ александрійская, и повсюду отыскивавшіе книгъ, не взяли у нихъ даромъ, или за ничтожное вознагражденіе, этой драгоцѣнности; надобно было утаить ее — и они спрятали аристотелевы сочиненія въ погребъ. Долго скрывались они тамъ. Наконецъ одинъ богатый аѳинскій библіофилъ, Апелликонъ Теосскій, узналъ случайнымъ образомъ, гдѣ аристотелевы сочиненія, и за большую цѣну купилъ ихъ. Это было уже во времена Митридата Великаго: слѣдовательно, въ сыромъ погребѣ онѣ должны были пролежать лѣтъ сто или полтораста, если даже не болѣе. Апелликонъ нашелъ ихъ испортившимися отъ сырости погреба; кромѣ того, они были источены червями. Какъ велика должна была быть порча, можно вообразить, припомнивъ, сколько времени они подвергались ей. Привезши ихъ въ Аѳины, онъ велѣлъ ихъ переписать, *дополняя* по догадкамъ мѣста, испортившіяся отъ сырости и червей. По завоеваніи Аѳинъ Силлою апелликонова библіотека была взята побѣдителемъ и перевезена въ Римъ. Жившій въ Римѣ ученый грекъ Тиранніонъ получилъ отъ Силлы позволеніе пользоваться его библіотекою, и, нашедши тамъ аристотелевы сочиненія, сдѣлалъ съ нихъ нѣсколько списковъ, которые доставилъ, между прочимъ, Цицерону, Лукуллу и Андронику Теосскому. Андроникъ употребилъ все стараніе, чтобъ привести въ порядокъ доставшійся ему списокъ: разобралъ книги по содержанію, снова исправилъ текстъ, и въ его редакціи аристотелевы сочиненія распространились между учеными. Надобно думать, что Апелликону достались вмѣстѣ съ оконченными сочиненіями и неоконченныя; по всей вѣроятности, было у Аристотеля и по нѣскольку различныхъ списковъ одного сочиненія въ различныхъ передѣлкахъ: вѣроятно, были въ томъ числѣ извлеченія, черновыя бумаги и т. д. Одно изъ такихъ извлеченій, или черновыхъ эскизовъ, по всей вѣроятности — и «Піитика», дошедшая до насъ. Этотъ разсказъ нѣкоторые ученые старались опровергнуть; но ихъ возраженія слабы, и онъ остается достовѣрнымъ. Итакъ, въ безпорядкѣ оставшіяся сочиненія Аристотеля, полусгнившія и источенныя червями, были два раза дополняемы и исправляемы. Можетъ ли послѣ этого подлежать сомнѣнію, что текстъ ихъ очень нуждается въ очищеніи и критическомъ исправленіи?

Дѣйствительно, аристотелевы сочиненія дошли до насъ въ чрезвычайно безпорядочномъ видѣ. Множество изъ нихъ погибло: другія неудачно составлены изъ безпорядочно собранныхъ частей, съ примѣсью писанныхъ на-черно эскизовъ, неоконченныхъ отрывковъ, извлеченій, подложныхъ отрывковъ. Чтобъ указать на разительный примѣръ, напомнимъ о характерѣ сборника, называющагося «Аристотелевой Метафизикой» и состоящаго изъ 14 книгъ. 2-я и 3-я изъ нихъ, по всей вѣроятности, не принадлежатъ Аристотелю; 1-я, если и принадлежитъ ему, то не имѣетъ ничего общаго съ остальными. «Метафизика» начинается собственно только съ 4-й книги. 5-я также должна была составлять особенное сочиненіе и ошибочно введена въ составъ «Метафизики». За 4-ю по внутренней связи непосредственно должна слѣдовать 6-я. 10-я — повтореніе 4-ой и 5-ой; это или извлеченіе, сдѣланное какимъ-нибудь читателемъ, или черновая рукопись, изъ которой произошли потомъ 4-ая и 5-ая книги; 11-ая и 12-ая заключаютъ въ себѣ много извлеченій изъ Аристотеля, съ прибавленіемъ чуждыхъ ему мыслей — онѣ также сборникъ, сдѣланный однимъ изъ читателей. Итакъ, изъ 14 книгъ «Метафизики», собственно принадлежатъ Аристотелю и составляютъ связное сочи-

неніе только 4, 6, 7, 8, 9, 13 и 14 книги; остальныя—или составлены изъ черновыхъ бумагъ, или извлеченія и компиляціи, составленныя изъ аристотелевыхъ сочиненій другими учеными, и не должны входить въ составъ аристотелевой «Метафизики». Многія изъ такъ называемыхъ «аристотелевыхъ сочиненій» рѣшительно во всемъ своемъ составѣ только извлеченія, сдѣланныя другими философами изъ его сочиненій; такъ, напримѣръ, «Большая Этика»—извлеченіе изъ его «Этики для Никомаха»; «О мнѣніяхъ Ксенофана, Зенова и Горгія»—собраніе отрывковъ, въ которыхъ именно о Ксенофанѣ и не говорится; «О направленіяхъ и именахъ вѣтровъ» — отрывокъ изъ его сочиненія «О признакахъ бурь»; «Проблемы» — позднѣйшее извлеченіе изъ различныхъ его сочиненій; «Исторія животныхъ» въ 9 или 10 книгахъ (подлинность одной подлежитъ сомнѣнію)—отрывокъ изъ сочиненія, имѣвшаго по крайней мѣрѣ 50 книгъ; однимъ словомъ, половина, если не больше, аристотелевыхъ сочиненій, уцѣлѣвшихъ отъ погибели, дошла до насъ не въ полномъ и не въ настоящемъ своемъ видѣ.

Поэтому нисколько не удивительно, если мы должны будемъ и «Піитику» Аристотеля признать отрывочнымъ сокращеніемъ, или черновымъ эскизомъ, въ которомъ текстъ довольно сильно искаженъ. Не будемъ пускаться въ мелкія доказательства и неполноты текста; они встрѣчаются на каждомъ шагу: грамматическія ошибки, недомолвки, безсвязность въ сочетаніи предложеній попадаются на каждой почти строкѣ: безпрестанно встрѣчаются такія мѣста: «мы здѣсь должны разсмотрѣть четыре случая», и разсматриваются только два или три изъ обѣщанныхъ четырехъ; такая критика, очень убѣдительная для филолога, была бы непонятна безъ длинныхъ грамматическихъ объясненій. Взглянемъ только на начало и конецъ дошедшей до насъ «Піитики»—и они ужь даютъ возможность судить о ея полнотѣ. Въ самомъ началѣ своего сочиненія Аристотель говоритъ, что содержаніемъ ея будутъ: «эпопея, трагедія, комедія, дифирамбическая поэзія, авлетика и кифаристика» (различные роды лирической поэзіи съ музыкальнымъ аккомпанементомъ), а въ дошедшемъ до насъ текстѣ говорится только о трагедіи, и очень мало объ эпопеѣ. Ясно, что до насъ дошла только часть сочиненія. И дѣйствительно по цитатамъ изъ «Піитики» у другихъ писателей, мы знаемъ, что она состояла изъ двухъ (или даже трехъ) книгъ. Ясно, что до насъ дошла только часть первой книги, въ извлеченіи ли, сдѣланномъ другими, или въ набросанномъ на-черно эскизѣ. Оканчивается дошедшій до насъ текстъ-предложеніемъ, въ которомъ стоитъ союзъ μέν, необходимо требующій соотвѣтствующаго послѣдующаго предложенія съ союзомъ δέ. Чтобъ дать понятіе о необходимости этого дополненія въ греческомъ языкѣ и незнающимъ греческаго языка читателямъ, скажемъ, что соотвѣтствіе союзовъ μέν и δέ можно уподобить соотвѣтствію словъ «съ одной стороны», «съ другой стороны», или «хотя—однако». Вообразимъ себѣ, что текстъ русской книги оканчивается такими словами: «вотъ что съ одной стороны надобно сказать о трагедіи»... не ясно ли, что текстъ этой книги остался безъ конца, и ближайшимъ продолженіемъ должны были быть слова: «а съ другой стороны»... Подобнымъ образомъ оканчивается дошедшій до насъ греческій текстъ аристотелевой «Піитики» *); ясно, что здѣсь оканчивается только одно отдѣленіе книги, и дальше слѣдовало другое отдѣленіе о другомъ родѣ поэзіи—вѣроятно, о комедіи.

*) Περὶ μὲν οὖν τῆς τραγῳδίας εἰρήσθω τοσαῦτα.

Итакъ, основная мысль разсужденія г. Ордынскаго: «Піитика Аристотеля дошла до насъ вполнѣ и текстъ ея не нуждается въ исправленіи» едва ли можетъ быть признана правдоподобною, а въ доказательство ея написанъ весь комментарій. Поэтому пользоваться имъ будетъ неудобно.

Точно также и его переводъ аристотелева текста, вѣроятно, принесъ бы гораздо больше пользы, еслибъ не отличался столь же сильнымъ стремленіемъ къ оригинальности въ языкѣ, какъ отличается его комментарій стремленіемъ къ оригинальности въ мнѣніяхъ. Изъ небольшихъ выписокъ, нами приведенныхъ, читатели, конечно, замѣтили, что г. Ордынскій перевелъ Аристотеля языкомъ очень тяжелымъ и темнымъ. Мы не говоримъ чтобъ аристотелеву «Піитику» прочла вся русская публика, какъ бы ни былъ изященъ и легокъ языкъ перевода, но все-таки она въ изящномъ переводѣ нашла бы довольно много читателей; а переводъ г. Ордынскаго едвали привлечетъ многихъ; онъ испытаетъ участь очень дѣльныхъ переводовъ Мартынова, которые остались ни кѣмъ не читаны—именно по темнотѣ и тяжеловатости языка. Зачѣмъ же г. Ордынскій далъ намъ такой неудобочитаемый переводъ, когда въ томъ же самомъ разсужденіи слогомъ своего комментарія показываетъ онъ, что умѣетъ писать языкомъ очень понятнымъ и довольно легкимъ? Онъ говоритъ въ предисловіи, что старался перевести какъ можно ближе къ подлиннику—прекрасно! но, во-первыхъ, всему есть предѣлы, и заботиться о буквальности перевода съ ущербомъ ясности и правильности языка, значитъ вредить самой точности перевода, потому что ясное въ подлинникѣ должно быть ясно и въ переводѣ; иначе къ чему же и переводъ? Во-вторыхъ, переводъ г. Ордынскаго, правда, очень близкій, вовсе, однакожь, не можетъ назваться подстрочнымъ: въ немъ очень часто два слова подлинника переводятся однимъ, одно—двумя словами, даже и тамъ, гдѣ можно было перевести слово въ слово. Не отступая отъ подлинника далѣе, нежели отступаетъ г. Ордынскій, можно было дать переводъ ясный и удобочитаемый. Не слишкомъ стѣснительная близость къ подлиннику, а оригинальныя понятія г. Ордынскаго о русскомъ слогѣ причиною недостатка его перевода. Онъ стремится къ какой-то изысканной простонародности языка, умышленно не соблюдаетъ правилъ языка литературнаго, старается не употреблять словъ его, любитъ слова устарѣлыя или мало употребительныя. Къ чему это? Пишите, какъ всѣми принято писать; и если у васъ есть живая сила простоты и народности въ слогѣ, то она сама-собою, безъ всякой преднамѣренной погони, придастъ вашему слогу простоту и народность. Всякое преднамѣренное стремленіе къ оригинальности имѣетъ слѣдствіемъ вычурность; и намъ кажется, что труды г. Ордынскаго сохраняя все свое неотъемлемое достоинство, будутъ гораздо болѣе читаемы и, слѣдовательно, принесутъ гораздо болѣе пользы, если онъ откажется отъ притязаній на оригинальность языка, рѣшительно не нужныхъ для ученаго.

Конечно, мы высказываемъ эти замѣчанія только потому, что, уважая полезную дѣятельность г. Ордынскаго, желаемъ его трудамъ пріобрѣтать больше и больше сочувствія въ русской публикѣ. Простимся же съ нашимъ молодымъ ученымъ—конечно не надолго—съ желаніемъ, чтобы русская литература навсегда сохранила въ немъ дѣятеля по части греческой филологіи столь же добросовѣстнаго и трудолюбиваго, какимъ былъ онъ до сихъ поръ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Справочный Энциклопедическій Словарь, издающійся подъ редакціей *А. Старчевскаго.* Томъ третій *В.* и *Г.* Санктпетербургъ. 1854.

Долгъ безпристрастія обязываетъ насъ сказать, что вышедшій на дняхъ *третій* томъ *Справочнаго Словаря* достоинствомъ своимъ несравненно выше, нежели *седьмой* томъ этого изданія о которомъ отдали мы отчетъ въ 7 книжкѣ *Отеч. Записокъ* нынѣшняго года. Высказать это убѣжденіе намъ очень пріятно. Менѣе пріятно то, что мы принуждены не ограничиться такою похвалою, а также объяснить источникъ превосходства третьяго тома надъ седьмымъ. Источникъ этотъ— *Энциклопедическій Лексиконъ* г. Плюшара!

Послѣ того, какъ мы видѣли, что цѣлая половина текста въ седьмомъ томѣ *Справочнаго Словаря* перепечатана изъ *Военно-энциклопедическаго Лексикона* покойнаго барона Зедделера (хотя объ этомъ и не упомянуто ни полусловомъ) и послѣ того, какъ разборъ перваго тома *Справочнаго Словаря*, помѣщенный въ свое время въ нашемъ журналѣ (*Отеч. Зап.* 1847 г. № 8) обнаружилъ огромность перепечатокъ въ этомъ словарѣ изъ *Энциклопедическаго Лексикона*, мы не могли не ожидать, что въ третьемъ томѣ *Справочнаго Словаря* бо́льшая половина текста будетъ взята изъ соотвѣтствующихъ ему томовъ плюшаровскаго изданія, которое достигало буквъ В. и Г. Но мы никакъ не могли ожидать, чтобъ *почти весь* текстъ третьяго тома *Справочнаго Словаря перепечатанъ* былъ изъ *Энциклопедическаго Лексикона.* (Само собою разумѣется, что объ этомъ также не упомянуто въ немъ ни однимъ словомъ). Предѣлы заимствованія оказались на этотъ разъ такъ велики, что третій томъ *Справочнаго Словаря* нельзя не назвать *безпримѣрнымъ* явленіемъ.

Для сравненія, беремъ IX томъ *Лексикона* г. Плюшара, начинающейся статьею *Варшевицкій*, раскрываемъ третій томъ *Справочнаго Словаря* на соотвѣтствующемъ мѣстѣ алфавита (стр. 66) и просматриваемъ *всѣ* безъ исключенія статьи этого послѣдняго изданія, сличая ихъ съ *Энциклопедическимъ Лексикономъ*... Повторяемъ, мы не пропускаемъ *ни одной* статьи *Справочнаго Словаря* при нашемъ сличеніи.

Варшевицкій; Варяго-Руссы; Варѳоломеевская ночь; Варѳоломей (*апостолъ*); Василевскій; Василипотамосъ (*Энц. Лекс.* Василопотамонъ); Василискъ; Василій *Македонянинъ*; Василій Блаженный (въ *Энц. Лекс.* Христа ради юродивый); Василій Васильевичъ Темный; Василій Великій; Василій-Гавріилъ Іоанновичъ; Василій Георгіевичъ (*Юрьевичъ*) Косой; Василій Димитріевичъ; Василій Іоанновичъ Шуйскій...

Весь этотъ рядъ статей, идущій отъ 66 до 86 стр. *Справочнаго Словаря перепечатанъ* изъ *Энциклоп. Лексикона.*

Далѣе слѣдуетъ статья *Василія Блаженнаго церковь* (25 строкъ); ея мы не нашли въ *Энциклоп. Лексиконѣ.*

Василь; Васильевскій островъ; Васильевъ (*Алексѣй Ивановичъ*)—($1^1/_2$ стр.) также взяты изъ *Энциклоп. Лексикона.*

Васильевъ (*Михаилъ Николаевичъ*)—одинъ столбецъ занятый формулярнымъ спискомъ; статья, неперепечатанная изъ *Энциклоп. Лексикона.*

Васильковъ—изъ *Энциклоп. Лексикона*; конецъ статьи, содержащій въ себѣ описаніе Васильковскаго Уѣзда (16 строкъ) взятъ не изъ *Энциклоп. Лексикона.* Васильчиковъ (*Иларіонъ Васильевичъ*)—формулярный списокъ ($1^1/_4$ столбецъ), также не изъ *Энциклоп. Лексикона.*

Васильчиковы; Васко-де-Гама; Вассалъ; Вассіанъ (*Косой*); Вассіанъ (*Рыло*); Васыфъ-Эфенди; Вата; Ватерлоо; Ватерпасъ; Ватиканъ; Вато; Ваханскія *горы*: Вахлеръ; Вахтангъ (*Вахтангъ I, Вахтангъ III, Вахтангъ VI*); Вашингтонъ (*Георгъ*); Вашингтонъ (*городъ*); Вводъ во владѣніе; Веберъ; Вебе: Веггабиты; Веда, Веды, Веджевудъ—15 страницъ, перепечатаны изъ *Энциклоп. Лексикона.*

Везенбергъ—также; но окончаніе статьи—описаніе уѣзда ($1^1/_2$ столбца) прибавлено.

Везеръ; Везувій; Веймарское *великое герцогство*—также перепечатаны изъ *Энциклоп. Лексикона...*

Остановимся на этомъ. Рядъ статей *Справочнаго Словаря*, здѣсь нами означенный, занимаетъ 40 страницъ и $1^1/_2$ столбца (66—107 стр.) въ *Справочномъ Словарѣ.* Изъ нихъ *четыре съ половиною столбца* или *двѣ страницы и полстолбца* не перепечатаны; остальныя *тридцать восемь страницъ съ половиною* перепечатаны изъ *Энциклопедическаго Лексикона!*

Однако не вездѣ отношеніе цифръ такъ неблагопріятно для самостоятельности *Справочнаго Словаря.* Развернемъ его на страницѣ 201 и попробуемъ продолжать сличеніе. Мы увидимъ, что на 32 страницахъ (Виндзоръ—Виртембергское королевство) (до 233) находится не менѣе *четырехъ* статей, именно: Винцингероде, Винья, Вармо, Виртембергскаго герцога каналъ, составляющихъ въ сложности около $5^1/_2$ столбцевъ, не перепечатанныхъ изъ *Энциклопедическаго Лексикона.* Кромѣ того, къ статьѣ *Винница*, перепечатанной оттуда же, прибавлены 31 строка (описаніе уѣзда), такъ что всего не перепечатанный изъ *Энциклопедическаго Лексикона* текстъ равняется 6 столбцамъ или цѣлымъ тремъ страницамъ. Наконецъ нельзя не прибавить, что маленькія статьи *Виноградъ* и *Винодѣліе*, занимающія немного менѣе *одной* страницы, не буквально перепечатаны, а скомпилированы изъ большихъ статей *Энциклопедическаго Лексикона.* Поэтому въ числѣ *тридцати двухъ* страницъ (201—233) находится не менѣе *четырехъ* страницъ не перепечатанныхъ изъ *Лексикона* г. Плюшара, и не менѣе *шести съ половиною* статей, надъ составленіемъ которыхъ трудилась редакція *Справочнаго Словаря.* За это конечно можно извинить ей то, что остальныя *двадцать восемь* страницъ сличаемаго нами отрывка перепечатаны изъ *Энциклопедическаго Лексикона.*

Оттуда же взяты статьи: Виндзоръ; Винды; Винетта; Винкельманъ; Винкельридъ; Виннипегъ; Винный камень; Вино; Виноградное садоводство; Винокаменная кислота; Винтеръ; Винчи; Виньола; Вира; Виргилій; Виртембергскій (*герцогъ*); Виртембергское *королевство.*

Подъ перепечаткою мы здѣсь понимаемъ именно только перепечатку въ строжайшемъ смыслѣ, совершенно буквальную, напримѣръ:

Энциклопедическій Лексиконъ.

Варшевицкій, Станиславъ, Warszewizci, одинъ изъ первыхъ основателей іезуитскаго ордена въ Польшѣ, родился *въ* 1527, и происходилъ отъ знатной фамиліи. Онъ окончилъ науки въ Виттенбергѣ у *знаменитаго* Меланхтона и, пробывъ у него три года, едва не пристрастился къ лютеранскимъ мнѣніямъ, и т. д.

Справочный Словарь.

Варшевицкій, (Stanislaw Warszewicki), одинъ изъ первыхъ основателей іезуитскаго ордена въ Польшѣ, родился 1527, и происходилъ отъ знатной фамиліи. Онъ окончилъ науки въ *Виртен*бергѣ у Меланхтона и пробывъ у него три года, едва не пристрастился къ лютеранскимъ мнѣніямъ... и т. д.

Исправленіе ограничивается, какъ видите, только превращеніемъ виттенбергскаго университета въ виртенбергское королевство... Промахъ извинительный. Представимъ еще два или три примѣра:

Энциклопедическій Лексиконъ.

Василискъ. Древніе писатели представляли подъ именемъ Basiliscus et Regulus coronatus небольшаго крылатаго дракона, или змѣю съ короною на головѣ, и полагали, что это животное однимъ взглядомъ или выдыхаемымъ изъ себя воздухомъ убиваетъ человѣка и разныхъ животныхъ; само же истребляется, увидѣвъ себя въ зеркалѣ, и т. д.

Вассіанъ Рыло, архіепископъ Ростовскій, имя неразлучное съ памятію освобожденія Россіи отъ Монголовъ. Вассіанъ становится извѣстенъ въ лѣтописяхъ въ санѣ игумена, и т. д.

Ватерлоо. Сраженіе при Ватерлоо (18 іюля нов. стиля 1815) Пруссаки называютъ сраженіемъ при Бель-Алліянсѣ, а Французы при Монъ-Сенъ-Жанѣ. Послѣ побѣды надъ Блюхеромъ при Линьи Наполеонъ, и т. д.

Справочный Словарь.

Василискъ. Древніе писатели представляли подъ именемъ Basiliscus et Regulus coronatus небольшаго крылатаго дракона или змѣю съ *хохломъ* на головѣ и полагали, что это животное однимъ взглядомъ или выдыхаемымъ изъ себя воздухомъ убиваетъ человѣка и разныхъ животныхъ; само же истребляется, увидѣвъ себя въ зеркалѣ, и т. д.

Вассіанъ (Рыло), архіепископъ Ростовскій, имя неразлучное съ памятью освобожденія Россіи отъ Монголовъ. Вассіанъ становится извѣстенъ въ лѣтописяхъ, въ санѣ игумена, и т. д.

Ватерлоо. Сраженіе при Ватерлоо (18 іюля нов. стиля 1815) Пруссаки называютъ сраженіемъ при Бель-Алліянсѣ, а Французы при Монъ-Сенъ-Жанѣ. Послѣ побѣды надъ Брюхеромъ при Линьи Наполеонъ, и т. д.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что третій томъ *Справочнаго Словаря*, составивъ такимъ образомъ 450 или 475 страницъ (изъ 506 своихъ страницъ) посредствомъ перепечатки изъ *Энциклопедическаго Лексикона*, могъ бы гордиться многими прекрасными статьями, еслибъ онѣ въ немъ не были искажены произвольными сокращеніями, отнимающими часто всякій смыслъ у разсказа или описанія. Въ примѣръ этой порчи укажемъ на всѣ превосходныя статьи по русской исторіи, написанныя для *Энциклоп. Лексикона* Д. И. Языковымъ. Безъ всякаго вниманія, сокращенныя до третьей или четвертой части своего первоначальнаго объема, онѣ лишились въ *Справочномъ Словарѣ* связности разсказа, а часто и исторической вѣрности.

Нельзя не замѣтить, однакожъ, что, кромѣ вычеркиванья, *Справ. Словарь* оставляетъ въ перепечатываемыхъ статьяхъ все неизмѣннымъ. Онъ даже не осмѣливается прикасаться къ цифрамъ народонаселенія и т. п. въ географическихъ статьяхъ. Поэтому продолжаетъ онъ въ 1854 году считать въ Виртембергскомъ

Королевствѣ 1,587,444 жителей, какъ считалъ за 17 лѣтъ предъ симъ X томъ *Энциклопедическаго Лексикона*, изданный въ 1837 году, хотя не далѣе, какъ въ *Мѣсяцословѣ на 1854 годъ* могъ бы *Справочный Словарь* легко найдти другую цифру; точно также продолжаетъ онъ показывать по своему оригиналу 1837 года нынѣшнее число жителей въ русскихъ городахъ (хотя современныя числа могъ бы найти онъ въ томъ же *Мѣсяцословѣ на 1854 годъ*), продолжаетъ выставлять число фабрикъ, заводовъ, и т. д., какое было въ 1837 году, хотя оно съ того времени въ большей части уѣздовъ нашихъ удвоилось и утроилось. Послѣ этого неудивительно, если біографія всѣхъ современныхъ государственныхъ людей останавливается въ *Справочномъ Словарѣ* на 1835 году, какъ остановилась въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ*. Послѣ этого мы были въ правѣ удивиться, найдя въ статьѣ *Веллингтонъ* указаніе, что этотъ полководецъ скончался. Это *единственное* свѣденіе, какое *Справочный Словарь* имѣетъ о немъ, какъ и о всѣхъ другихъ современникахъ съ 1835 года

Но почерпая весь свой составъ изъ *Энциклопедическаго Лексикона*, третій томъ *Справочнаго Словаря* выбираетъ статьи изданія г. Плюшара для перепечатки очень неудачно. Такъ, напримѣръ, заимствовавъ изъ X-го тома *Энциклопедическаго Лексикона* около ста статей, *Справочный Словарь* помѣщаетъ маловажныя: Вестересъ (*шведскій городъ*), Вика (*кормовая трава*), Вилла-Адріана, Вильгельмсгеге (*увеселительный замокъ въ Гессенѣ*), Вильямсъ (*англійская писательница*, «издавшая на англійскомъ языкѣ книжку стихотвореній») и т. д. и не почитаетъ достойными помѣщенія слѣдующія статьи: Вестерботнія, Вестрисъ, Ветурія (мать Коріолана), Веоиль, Визирь (!), Викрамадитія Вильгардуэнъ, Виллаpъ, Вильневъ (французскій адмиралъ, начальствовавшій флотомъ при Трафальгарѣ !), Винцентій, или Венсенъ де Поль (!), Виргинія (! римлянка), Виргинія (! штатъ Сѣверной Америки) Вирсавія (жена Уріи), Вителлій (!), Витербо, Витигесъ, Витторія (! битва при Витторіи), Виченца, Виоезда, (!), Вивсанда, Вилса (авторъ *Магабхараты*) и множество другихъ не менѣе важныхъ... Нельзя не сказать, что половина заимствованныхъ статей маловажна, а половина важнѣйшихъ оставлена безъ вниманія.

Въ заключеніе можемъ только повторить, что III томъ *Справочнаго Словаря*, перепечатавшій девятнадцать-двадцатыхъ частей своего текста изъ одного изданія, столь общеизвѣстнаго, какъ *Энциклопедическій Лексиконъ*, явленіе очень странное...

Пѣсни разныхъ народовъ. Переводъ *Н. Берга*. Москва, 1854.

На первый взглядъ книга г. Берга поражаетъ своею огромностью: форматъ ея болѣе формата *Отечественныхъ Записокъ*, толщина равняется двумъ книжкамъ толстаго журнала, соединеннымъ вмѣстѣ; но едва развернете *Пѣсни разныхъ народовъ*, какъ увидите, что массивность изданія — чисто внѣшняя, кажущаяся—замѣтите, что, при меньшей щедрости на бѣлую бумагу, всѣ пѣсни, переведенныя г. Бергомъ, удобно могли бы помѣститься въ очень небольшомъ томикѣ. Огромность придается изданію отчасти широтою полей вокругъ маленькой стра-

ницы текста, отчасти тѣмъ, что каждое отдѣленіе книги (а ихъ въ книгѣ двадцать пять) отдѣляется отъ предъидущаго и слѣдующаго нѣсколькими листами заглавій, примѣчаній (ограничивающихся двумя тремя строками, и однакожь занимающихъ особенный листъ), ссылокъ и указаній (такого же объема), отчасти, наконецъ, тѣмъ, что г. Бергъ, вмѣстѣ съ своими переводами, напечаталъ и текстъ переведенныхъ имъ пѣсенъ.

Мы говоримъ прежде всего о наружномъ видѣ книги г. Берга потому, что въ предпріятіяхъ подобнаго рода величина заслуги тѣсно связана не только съ удачнымъ исполненіемъ, но и съ обширностью труда. Перевесть сотни народныхъ пѣсенъ, выбравъ изъ поэзіи каждаго народа столько и такихъ характеристичныхъ пѣсенъ, чтобъ читатель знакомился посредствомъ ихъ съ духомъ народной поэзіи того или другаго племени—былъ бы трудъ въ высшей степени замѣчательный и полезный. Набрать наудачу по нѣскольку пѣсенъ малорусскихъ, французскихъ, сербскихъ и т. д., и набрать такъ, чтобъ эта коллекція нисколько не характеризовала поэзіи народа, у котораго взяты пѣсни—дѣло также не дурное, но едва ли заслуживающее названіе труда особенно важнаго и полезнаго. Предупредивъ читателей, что повидимому огромная книга г. Берга — въ сущности незначительная книжка, составленная наудачу, можемъ свободнѣе высказать свое мнѣніе о достоинствахъ ея.

Г. Бергъ, очевидно, любитъ народныя пѣсни — это прекрасно: онъ переводилъ ихъ съ любовью—это превосходно. И такъ, полная признательность ему за чувства, которыми онъ былъ одушевленъ въ своемъ трудѣ. Но, кромѣ любви къ дѣлу, нужно еще имѣть правильныя понятія о томъ, что дѣлать, и умѣнье исполнить задуманное — качества рѣшительно необходимыя для того, чтобъ дѣло вышло хорошо.

Г. Бергъ думалъ, что ему надобно трудиться надъ отыскиваніемъ пѣсенъ, собирать никому неизвѣстное, невѣдомое въ ученомъ мірѣ, заботиться о новомъ, рѣдкомъ, неслыханномъ. «Вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ мы записываемъ и издаемъ пѣсни (говоритъ онъ). Но все еще новъ и незнакомъ для насъ этотъ міръ; все еще робко и неохотно приближаемся мы къ пѣснѣ, какъ будто чего-то боимся и подозрѣваемъ обманъ и навожденіе (мимоходомъ замѣтимъ, что это совершенно несправедливо: въ хорошихъ сборникахъ народныхъ пѣсенъ никто не подозрѣваетъ поддѣлки или «обмана и навожденія»; поэтому никто и не «боится» ими пользоваться). Мы записали то, что было сподручно, что относилось къ народамъ, которые къ намъ поближе и пользуются нашимъ сочувствіемъ (замѣтимъ, что записывать африканскія и американскія пѣсни—не наше дѣло; довольно, если каждый народъ будетъ заботиться о томъ, что ближе къ нему; такъ дѣлаютъ русскіе, и благоразумно дѣлаютъ: чуждое намъ — чужое, а не наше дѣло); но что *тамъ* (курсивъ въ подлинникѣ) въ отдаленныхъ или не такъ извѣстныхъ уголкахъ Европы—о другихъ частяхъ свѣта и не говорю—это не извѣстно никому (неужели же русскіе собиратели обязаны записывать исландскія или португальскія пѣсни? да—по мнѣнію г. Берга): спросите знаетъ ли кто, какая пѣсня сложилась на далекомъ, таинственномъ островѣ Исландіи? (какъ не знать? всякій знаетъ, кто интересуется Исландіею или хоть читалъ Мармье). Меня всегда интересовали эти забытые, отдаленные уголки. Какъ иной ботаникъ за рѣдкимъ растеніемъ, хотѣлъ я проникнуть въ эти тундры за рѣдкою пѣснею».

И такъ г. Бергъ старался собирать *рѣдкія* пѣсни. Зачѣмъ же это было нужно? И то́ ли было нужно? Дѣло надобно было понять гораздо проще. Русская публика охотно познакомилась бы съ пѣснями племенъ, замѣчательныхъ богатствомъ своей народной поэзіи; русскому читателю было бы очень пріятно прочитать переводъ лучшихъ сербскихъ, греческихъ, испанскихъ и т. д. народныхъ пѣсенъ: у всѣхъ этихъ народовъ есть хорошіе сборники; поэту, который захотѣлъ бы удовлетворить потребности русской публики, пополнить пробѣлъ въ русской литературѣ, не нужно было производить никакихъ поисковъ, не было никакой надобности тратить время и изнурять силы, стараясь «проникнуть въ тундры»: ему предстояло только пользоваться богатою жатвою (продолжая аллегорію г. Берга) ужь собранную въ очень доступныя, прекрасно устроенныя житницы. Надобно было взять лучшіе сборники и выбирать изъ нихъ лучшее, важнѣйшее, замѣчательнѣйшее, но не по рѣдкости, а по внутреннему достоинству, по характеристичности и эстетической красотѣ. Излишне объяснять, что у народовъ, которыхъ поэзія заслуживаетъ особеннаго вниманія, есть хорошіе сборники пѣсенъ, и что человѣку, живущему не только въ Москвѣ или Петербургѣ, но даже въ Кіевѣ, Казани, Харьковѣ, очень легко имѣть въ рукахъ всѣ эти сборники. Тому, кто хотѣлъ бы познакомить русскую публику съ «пѣснями разныхъ народовъ», замѣчательныхъ своими пѣснями, надобно только выбирать, а не собирать, переводить, а не записывать. Намъ нужно собраніе пѣсенъ, а не коллекція рѣдкостей. Г. Бергъ поступилъ иначе: онъ искалъ диковинокъ, а не достопримѣчательностей. Что легко достается, то не имѣетъ для него особенной цѣны. Оттого ему не нужны пѣсни итальянскія, шотландскія, ирландскія, нѣмецкія— что въ нихъ диковиннаго? за ними не нужно «проникать въ тундры»; слѣдственно, въ его сборникѣ нѣтъ для нихъ мѣста. Этого мало. Отъ желанія искать рѣдкое, г. Бергъ рѣдко пользуется хорошими сборниками пѣсенъ даже тѣхъ народовъ, которые обратили на себя его вниманіе. Онъ преимущественно обращается къ своимъ знакомымъ, вѣроятно въ надеждѣ найти у нихъ что нибудь неизданное, неизвѣстное. Такъ санскритскій гимнъ «сообщенъ ему г. Коссовичемъ», хотя безпокоить кого нибудь въ этомъ случаѣ не было никакой необходимости: десятки и сотни санскритскихъ гимновъ можно было найти въ общеизвѣстныхъ изданіяхъ, и тогда легко было бы не ограничиваться однимъ гимномъ, ничего не характеризующимъ, а представить нѣсколько гимновъ, которые давали бы понятіе о санскритской поэзіи: малороссійскія пѣсни также «сообщены г. Бергу лично г. Максимовичемъ»; мадьярскія «получены имъ отъ г. Штура»; финскія «сообщены Я. К. Гротомъ» и т. д., какъ будто нѣтъ хорошихъ сборниковъ всѣхъ этихъ пѣсенъ.

Въ заключеніе г. Бергъ проситъ всѣхъ, у кого только есть рѣдкія пѣсни, присылать ихъ ему—азіатскія съ подстрочнымъ переводомъ, европейскія, пожалуй, и безъ перевода. Желаніе не только безполезное, но прямо вредное для составителя сборника замѣчательныхъ пѣсенъ, а не пѣсенъ никому неизвѣстныхъ. Г. Бергъ сравниваетъ себя съ ботаникомъ, проникающимъ въ тундры. Если бы Линней только странствовалъ по тундрамъ, ему были бы неизвѣстны липа и дубъ; онъ не имѣлъ бы понятія о пшеницѣ и горохѣ, которыя можно найти только въ мѣстахъ общеизвѣстныхъ и общедоступныхъ: гербарій г. Берга ограничивается мхами...

Любовь къ рѣдкостямъ заставила г. Берга вмѣстѣ съ переводами печатать и оригинальный текстъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же не курьезно прочитать на одной страницѣ:

«Въ темницѣ пажикъ молодой
Сидитъ, за свой ударъ лихой — (бретонск.).

а на другой, en regard:

«Floc'hig ar roue zo bac'het
Abalamour d'eunn tol neuz gret».

или на одной страницѣ:

«Xantorriak berririk
Alegrentcias émanik» и т. д.

а на другой:

«За пѣсни я снова
И пѣсня готова» и т. д. (баскск.).

Еще курьезнѣе покажутся читателямъ, не видавшимъ восточныхъ шрифтовъ, арабскія фигурки; еще курьезнѣе калмыцкіе крючечки, строки которыхъ идутъ не какъ у насъ, поперегъ страницы, а сверху внизъ — любопытное зрѣлище! Но, говоря серьезно, кому нужны эти тексты? Неужели мы будемъ учиться по книгѣ г. Берга бретонскому или татарскому языку? А люди, знакомые съ этими языками, конечно, не нуждаются въ нѣсколькихъ строкахъ, напечатанныхъ г. Бергомъ: для знающаго онѣ неинтересны, потому что неважны. А какихъ трудовъ стоило вѣроятно, г. Бергу достать и напечатать эти тексты! Сколько времени потрачено на поправку корректуры, или на пріисканіе знающихъ корректоровъ! Еще безполезнѣе было обременять книгу сербскими, малорусскими, лужицкими и т. д. текстами: они въ рукахъ у всѣхъ, сколько нибудь интересующихся народною поэзіею вообще. Но быть можетъ, тексты напечатаны для того, чтобъ читатель, знающій тотъ или другой языкъ, могъ удобнѣе сличить переводъ съ оригиналомъ и удостовѣриться въ точности перевода? Ниже мы увидимъ, что г. Бергъ, мало заботился о точности перевода; кромѣ того, за вѣрность многихъ переводовъ онъ не можетъ ручаться, потому что они сдѣланы не прямо съ подлинника: даже Мецціофанти не могъ знать всѣхъ языковъ, встрѣчаемыхъ нами въ сборникѣ г. Берга, и издатель самъ объясняетъ, что восточныя пѣсни должны быть доставляемы ему «съ подстрочнымъ переводомъ». Нѣтъ, приложеніе текстовъ просто слѣдствіе того, что г. Бергъ дорожитъ всѣмъ диковиннымъ. Всѣ подробности его сборника исполнены этого пристрастія, о которомъ мы, конечно, и не говорили бы, еслибъ оно, отвративъ вниманіе г. Берга отъ существенной цѣли предпринятаго имъ изданія, не повредило достоинству и полезности труда.

Существенное достоинство сборника зависѣло отъ внимательнаго выбора лучшихъ, замѣчательнѣйшихъ пѣсенъ каждаго народа и отъ возможно вѣрнаго перевода. Съ этихъ сторонъ трудъ г. Берга рѣшительно неудовлетворителенъ. Вотъ образцы перевода. Избираемъ языки, наиболѣе извѣстные:

«Ой, поихавъ въ Московщину
Козакъ *молоденькій*,
Орихове сиделечко
И кинь (*конь*) вороненькій

«Онъ въ Московщину поѣхалъ,
Загремѣлъ подковой;
Воронъ конь, *арчакъ дубовый*
Поводокъ шелковый

(Малорусск. стр. 20—21).

Ой, коню мій *вороненькій*,
А де твій панъ *молоденькій*?
Чи *ты* ёго въ війську *згубивъ*,
Чи ты ёго *пидъ себе збивъ*?
(Малорусск. 26—27).

Choć by was tu było, jak na morzu piany,
Nie było, nie będzie jak mój Jaś kochany

Cadet Rousselle ne mourra pas
Car avant de sauter le pas
On dit qu'il append l'orthographe,
Pour fair' lui même son épitaphe
(Франц. 540—541).

Гдѣ же, конь *лихой*,
Господин-атъ твой?
Аль въ бою *сложилъ*
Буйну голову,
Али въ *полѣ* ты
Обронилъ его?
Выбрать мнѣ не долго изъ полку любого,
Да не будетъ Вани *у меня другаго!*
(Польск. 134—135).

Ахъ, умирать теперь онъ хочетъ
Объ эпитафіи *хлопочетъ*
Да ни окончилъ и досель
Знать не умретъ Каде-Руссель!

Читатели видятъ, что г. Бергъ не переводитъ, а передѣлываетъ; нельзя сказать, чтобъ его передѣлки часто очень неудачныя, не бывали иногда и удачны; г. Бергъ, когда захочетъ, можетъ владѣть стихомъ. Но вообще народныхъ пѣсенъ нельзя передѣлывать. Объ этомъ напрасно и разсуждать въ наше время.

«Что касается моихъ переводовъ вообще (говоритъ г. Бергъ), разумѣется, я старался сдѣлать ихъ какъ можно ближе къ подлинникамъ, но держался правилъ, которыя указалъ мнѣ опытъ. Не важенъ стихъ, а важенъ духъ, важенъ результатъ впечатлѣнія. Кому нужно слѣдить за кистью портретиста и повѣрять, тутъ ли она положила красную краску, тутъ ли бѣлую? Нужно, чтобы сказали, когда портретъ конченъ — *это онъ!* Въ народномъ языкѣ всего нужнѣе свобода слова; нужно, чтобъ все было народно, чтобъ ничто чужое не останавливало, не цѣпляло. Лучше пропустите слово, стихъ, цѣлую строфу, чѣмъ выражать ихъ въ чуждомъ образѣ».

Однимъ словомъ г. Бергъ хочетъ, чтобъ пѣсни всѣхъ народовъ въ переводѣ становились русскими пѣснями; чтобъ въ нихъ не оставалось ничего чуждаго. Такъ переводилъ Дюсисъ Шекспира, Попе — Гомера, ломая, выпуская, вставляя, чтобъ приноровить къ своему вкусу... если не ошибаемся, никто не хвалитъ ихъ за это. И напрасно г. Бергъ вдался въ передѣлываніе пѣсенъ: владѣя гибкимъ стихомъ, онъ могъ бы передать пѣсни очень вѣрно. Теперь онъ сдѣлалъ изъ своихъ переводовъ нѣчто непохожее ни на русскія пѣсни, ни на оригинальныя того или другаго народа. «Кому нужно слѣдить за кистью портретиста и повѣрять, тутъ ли она положила красную краску, тутъ ли бѣлую? Нужно, чтобъ сказали, когда портретъ конченъ: *это онъ!*» Но какъ же скажутъ: *это онъ*, если «кисть портретиста положитъ» на губахъ бѣлую краску, а на бѣлкахъ глазъ красную? Что за переводъ если пропущены стихи и цѣлыя строфы?..

Теперь должно сказать нѣсколько словъ о выборѣ или, какъ говорится, „подборѣ“ пѣсенъ. Въ санскритскомъ, баскскомъ, армянскомъ, калмыцкомъ отдѣлахъ помѣщено по одной пѣснѣ, въ моравскомъ, албанскомъ, арабскомъ — по двѣ, въ персидскомъ — три двустишія: что они характеризуютъ? Можно ли по этимъ тощимъ представителямъ сколько нибудь познакомиться съ духомъ санскритской и т. д. народной поэзіи? Г. Бергъ помѣстилъ ихъ въ качествѣ рѣдкостей, отыскиваніе которыхъ не оставило ему времени позаботиться о лучшемъ подборѣ пѣсенъ въ другихъ отдѣлахъ. Всѣ пѣсни, повторимъ, взяты на удачу, какія попадались: замѣчательнаго, обрисовывающаго характеръ поэзіи у извѣстнаго народа не ищите

ни въ одномъ отдѣлѣ; напротивъ, именно лучшія и самыя характеристичныя пѣсни пропущены, какъ недостойныя вниманія. Такъ въ малорусскомъ отдѣлѣ не переведено ни одной изъ знаменитыхъ „думъ,“ вообще не переведено ни одной пѣсни изъ числа извѣстныхъ по художественности. Въ чешскомъ отдѣлѣ нѣтъ ни *Любушина Суда*, ни пѣсенъ *Краледворской рукописи*; въ сербскомъ, изъ эпическихъ пѣсенъ выбрана самая ничтожная, безцвѣтная, хотя самая растянутая, занимающая около пятидесяти блѣдныхъ и утомительныхъ страницъ; изъ испанскихъ романсовъ о Сидѣ выбранъ только одинъ, и то самый незамѣчательный; впрочемъ, и всего испанскихъ пѣсенъ помѣщено только три. Въ самыхъ обильныхъ отдѣлахъ число ихъ доходитъ до тринадцати, одиннадцати, десяти, большею частью маленькихъ—говоримъ это, чтобъ напомнить незначительность труда—и неважныхъ ни въ какомъ отношеніи. Вообще ни одинъ отдѣлъ не даетъ намъ понятія о поэзіи народа, которому принадлежатъ пѣсни, въ немъ помѣщенныя.

Мы находимъ, что трудъ г. Берга задуманъ подъ вліяніемъ превратныхъ понятій о его цѣли и существенныхъ достоинствахъ; что при исполненіи г. Бергъ, съ одной стороны, странными понятіями о томъ, какъ должно переводить народныя пѣсни, съ другой, небрежностью и неудачностью выбора сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, чтобъ отнять всякое достоинство у своего сборника. Но не все было можно испортить. Онъ хорошо владѣетъ стихомъ, и потому не могъ не перевесть нѣкоторыхъ пѣсенъ удачно. Рѣже случалось, что ему попадались, въ числѣ неинтересныхъ, дѣйствительно прекрасныя пѣсни, но и это случалось... что не бываетъ на свѣтѣ и въ книгахъ! Такимъ образомъ изъ 556 страницъ его книги можно отыскать двадцать или тридцать прекрасныхъ, еще двадцать или тридцать интересныхъ. Совершенный недостатокъ въ русской литературѣ сборниковъ, подобныхъ *Пѣснямъ разныхъ народовъ*, придаетъ изданію г. Берга даже нѣкоторую важность; наконецъ любовь къ своему дѣлу, съ чрезвычайнымъ жаромъ высказывающаяся въ длинномъ предисловіи, заставляетъ насъ кончить желаніемъ, чтобъ г. Бергъ въ дальнѣйшихъ переводахъ своихъ, внимательнѣе познакомившись съ характеромъ лучшихъ подобныхъ сборниковъ въ разныхъ литературахъ и усвоивъ себѣ правила, которыми руководствовались ихъ составители, далъ русской литературѣ книгу, достойную похвалы не только по любви автора къ своему дѣлу, но и по прекрасному исполненію дѣла.

КРИТИКА.

Путешествія А. С. Норова. С.-Петербургъ. 1854. Пять томовъ: томы I и II, Путешествіе по Египту и Нубіи: изданіе второе; томы III и IV, Путешествіе по Святой Землѣ, изданіе третье, дополненное: томъ V, Путешествіе къ Семи Церквамъ, упоминаемымъ въ Апокалипсисѣ, изданіе второе.

Старинная русская литература была богата сказаніями о путешествіяхъ по Святой Землѣ: отъ Данила, русской земли игумена, до Арсенія Суханова и Андрея, въ монашествѣ Аарона, Игнатьева, идетъ непрерывный рядъ паломниковъ, описывавшихъ свои хожденія въ назиданіе и душевное спасеніе благочестивымъ читателямъ. Многочисленность списковъ, въ которыхъ дошли до насъ важнѣйшія изъ этихъ повѣствованій, доказываетъ, что они были любимымъ чтеніемъ нашихъ набожныхъ предковъ. Иначе и быть не могло, при общей благоговѣйной ревности къ святымъ мѣстамъ палестинскимъ, которою всегда былъ проникнутъ русскій народъ. Всякій, кто могъ, шелъ поклониться Гробу Господню; и надобно думать, что число такихъ благочестивыхъ путниковъ было очень велико въ XII вѣкѣ. Въ «вопрошаніяхъ» Кирика, Нифонтъ, епископъ новгородскій, говоритъ о клятвенныхъ обѣщаніяхъ посѣтить Святую Землю, какъ о самомъ распространенномъ обычаѣ между православными своей паствы. Подобнымъ образомъ выражается и Данилъ игуменъ въ предисловіи къ своему сказанію (мнози ходивше святыхъ сихъ мѣстъ и видѣвше святый градъ Іерусалимъ). Кому Богъ не далъ этого счастья, для тѣхъ отрадою было читать и слушать разсказы паломниковъ, пользовавшихся особеннымъ уваженіемъ за свой подвигъ, какъ видимъ изъ того же предисловія Данила игумена.

Ревность къ посѣщенію Святой Земли, набожное усердіе читать ея описанія, слушать разсказы о ней — не ослабѣвали въ православныхъ въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій. Напротивъ, никогда число набожныхъ паломниковъ не было такъ велико, и едва-ли когда-нибудь повѣствованія ихъ слушались съ большимъ любопытствомъ, съ живѣйшею любовью. Но, по стеченію обстоятельствъ, которое на первый разъ можетъ показаться загадочнымъ, прошло болѣе вѣка прежде, нежели эта отрасль литературы, такъ сильно интересовавшая русскій народъ, достигла развитія, вполнѣ соотвѣтствующаго общему развитію русской литературы. Въ самомъ дѣлѣ, какія новыя сказанія о Святой Землѣ мы видимъ до тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія? «Дневныя записки путешествія въ Сирію и къ достопамятнымъ мѣстамъ въ предѣлахъ Іерусалима находящимся», Сергѣя Плещеева (С. Петербургъ, 1773 г.) чрезвычайно-кратки и не представляютъ ничего замѣ-

чательнаго, хотя отъ автора, литературная дѣятельность котораго обращена была на географическіе труды *), можно было бы ожидать сочиненія обширнаго и очень хорошаго. Іеромонахъ Саровской общежительной пустыни Мелетій въ «Путешествіи во Іерусалимъ» (Москва, 1798 г.) описываетъ святыя мѣста довольно подробно; но его книга — компиляція изъ прежнихъ путешествій, ужъ бывшихъ извѣстными русской публикѣ. Еще менѣе замѣчательны небольшія книжки, изданныя Вешняковыми и Новиковымъ и Киромъ Бронниковымъ **); единственнымъ достоинствомъ того и другаго сочиненія можетъ назваться простота изложенія, доходящая однако до сухости. Всѣ книги, нами перечисленныя, не пользовались даже въ свое время ни малѣйшею извѣстностью и нисколько не могли замѣнить старинныхъ путевыхъ записокъ Григоровича Барскаго Плаки-Альбова, которое пользовалось нераздѣльнымъ уваженіемъ любознательныхъ и набожныхъ читателей и имѣло не менѣе шести изданій ***). Эта книга, отличающаяся несомнѣнными достоинствами, заслуживаетъ, чтобъ сказать о ней нѣсколько словъ.

Григоровичъ въ началѣ своего «Путешествія» разсказываетъ, что учился въ Кіевской Академіи, гдѣ дошелъ до «началъ философскихъ», несмотря на совѣты отца оставить науки, которыя ведутъ единственно къ «излишнему пренію, славолюбію, гордости, зависти»; мать защищала любознательнаго юношу, имѣвшаго къ наукѣ «непреоборимую естественную склонность и охоту». Около двадцати лѣтъ ему было, когда болѣзнь въ ногѣ принудила его оставить академію. Одинъ изъ кіевскихъ студентовъ, Іпицкій, «отъѣзжалъ тогда въ Польшу до града «Львова, ради совершенія высшихъ наукъ; тому поревновавъ, возжелалъ я отъ«ѣхати съ нимъ, тояжде ради вины, наипаче же ради исцѣленія ноги моей, слы«шалъ бо яко тамо искусные обрѣтаются врачи». Въ Львовской Школѣ пробылъ Григоровичъ недолго, постоянно подвергаясь гоненіямъ отъ уніатовъ за свое православіе. Отчасти, чтобъ избѣжать этихъ непріятностей, отчасти, чтобъ «пострaнствовать по чужимъ землямъ и видѣть иныхъ людей обычаи» вздумалъ онъ идти въ Римъ. Во время этого путешествія постепенно развилась у него мысль поклониться сначала святымъ мѣстамъ греческимъ, потомъ и палестинскимъ. Такимъ образомъ посѣтивъ Солунь, Аѳонскую Гору, Іерусалимъ, Каиръ, по возвращеніи изъ Египта во второй разъ обошедъ всю Палестину и Сирію, онъ поступилъ въ трипольское училище, гдѣ оставался нѣсколько лѣтъ; путешествовалъ по Архипелагу и прожилъ шесть лѣтъ въ монастырѣ на островѣ Патмосѣ, потомъ нѣсколько лѣтъ въ Константинополѣ; наконецъ, обозрѣвъ снова аѳонскіе монастыри, возвратился черезъ Болгарію, Молдавію и Польшу, на родину, гдѣ хотѣлъ при-

*) Плещеевъ, Сергѣй Ивановичъ, написалъ «Обозрѣніе Россійскія Имперіи въ нынѣшнемъ ея новоустроенномъ состояніи», сочиненіе, имѣвшее не менѣе трехъ изданій, и перевелъ Путешествіе англійскаго лорда Балгимура изъ Константинополя черезъ Румелію, Болгарію, Молдавію и пр. въ Лондонъ» -книга, также имѣвшая два изданія.

**) «Путевыя записки во святый градъ Іерусалимъ и въ окрестности онаго, Калужской губерніи дворянъ Вешняковыхъ (Ивана и Василія) и мядынскаго купца Новикова въ 1804 и 1805 годахъ». Москва, 1813.—«Путешествіе къ святымъ мѣстамъ, находящимся въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, совершенное въ 1820 и 1821 годахъ села Павлова жителемъ Киромъ Бронниковымъ». Москва, 1824.

***) «Пѣшеходца Василія Григорьевича Барскаго Плаки-Альбова, уроженца кіевскаго, монаха Антіохійскаго, путешествіе къ Святымъ мѣстамъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, предпріятое въ 1723 и оконченное въ 1747 году». Двѣ части. Первое изданіе, С.-Петербургъ, 1778 года; 6-е изданіе, С.-Петербургъ, 1819. Въ 1847 году было напечатано извлеченіе, подъ заглавіемъ: Путешествіе въ Іерусалимъ Василья Григорьевича Барскаго». Москва, въ типогр. Евреинова.

весть въ порядокъ и приготовить къ изданію свои путевыя записки: но, какъ говоритъ издатель, «поживъ только 35 дней въ отеческомъ домѣ, бывъ болѣнъ опухолью ногъ», скончался на 46-мъ году. Скоро его записки, хотя не приведенныя въ окончательный порядокъ, распространились по Малороссіи, во множествѣ списковъ. Преосвященный Симонъ Тидорскій, потомъ графъ А. Г. Разумовскій и Амвросій, архіепископъ московскій, хотѣли издать книгу, которою такъ интересовались всѣ набожные читатели, но и сами скончались вскорѣ послѣ того, какъ начинали приготовлять ее къ печати, не успѣвъ исполнить своего намѣренія. Наконецъ князь Потемкинъ, «вѣдая совершенную пользу и надобность оныя для общества», поручилъ изданіе тогдашнему литератору Рубану, который пополнилъ записки Барскаго примѣчаніями, впрочемъ, немногочисленными и неважными, и «оставивъ слогъ таковымъ, какъ былъ у автора, то-есть славенороссійскимъ, «исключая нѣкоторыхъ польскихъ и малороссійскихъ словъ, которыя премѣняемы «на употребительныя были, что и самъ сочинитель безъ сомнѣнія учинилъ бы, «еслибъ жизнь его продолжилась, ибо онъ имѣлъ намѣреніе къ исправленію всего «путешествія».

Василій Григоровичъ — путешественникъ наблюдательный и любящій подробно описывать все видѣнное, потому записки его, особенно первый томъ (второй почти весь посвященъ описанію аѳонскихъ монастырей, монотонному и довольноутомительному), представляютъ чтеніе разнообразное и занимательное, тѣмъ болѣе, что, путешествуя по большой части пѣшкомъ и Христа-ради, онъ испытывалъ много приключеній, придающихъ иногда живой драматизмъ разсказу. Но часто также его записки, которыхъ не успѣлъ онъ пересмотрѣть и исправить, бываютъ растянуты и заключаютъ въ себѣ повторенія. Славенороссійскій языкъ ихъ также дѣлаетъ чтеніе тяжелымъ для людей, привыкшихъ къ новому языку Ломоносова. Вообще, вся книга по своему характеру принадлежитъ еще литературѣ старинной Руси, и даже въ прошедшемъ вѣкѣ могла быть читаема большинствомъ только по рѣшительному недостатку удовлетворительныхъ сочиненій, писанныхъ сообразно развитію вкуса и образованности.

Настоятельная потребность образованной публики заставила прибѣгнуть къ переводамъ, которыхъ явилось много. Такъ самъ Рубанъ, издатель Григоровича, перевелъ съ латинскаго «Посѣтитель и описатель святыхъ мѣстъ, въ трехъ частяхъ «свѣта состоящихъ, или путешествіе Мартына Баумгартена въ Египетъ, Аравію, «Палестину и Сирію», 3 части (С. Петербургъ, 1794). Путешествіе въ Іерусалимъ Шатобріана было переведено даже два раза *); также переведены были сочиненія Мишо, Пужула, Корнеля и нѣкоторыхъ другихъ путешественниковъ. Но всѣ они едва-ли даже не менѣе записокъ Григоровича могли удовлетворять русскаго читателя. Если какая-нибудь страна должна быть непремѣнно описана для насъ соотечественникомъ и единовѣрцемъ,—то именно Святая Земля: это не нуждается въ объясненіяхъ; потому ни одно изъ переводныхъ путешествій не нашло себѣ доступа къ русской публикѣ, ни одно не могло прійдтись по-сердцу русскому читателю. Жажда читать о Гробѣ Господнемъ, о Святой Землѣ, оставалась попрежнему нисколько не удовлетворенною.

*) Священникомъ Іоанномъ Граціанскимъ, три части; С.-Петербургъ, 1815—1817; и княземъ Шаликовымъ, три части, Москва, 1815—1816.

Таково было положеніе дѣла, когда, въ непродолжительный періодъ времени, явились два сочиненія, оба написанныя краснорѣчиво, но существенно различающіяся между собою по характеру содержанія и по обширности взгляда авторовъ ихъ. Первымъ, по времени появленія, было «Путешествіе по Святымъ Мѣстамъ» А. Н. Муравьева (Спб. 1832); вскорѣ русская публика еще съ большимъ сочувствіемъ прочла «Путешествіе по Святой Землѣ» (Спб. 1838) и «Путешествіе по Египту и Нубіи», служащее дополненіемъ къ «Путешествію по Святой Землѣ» (Спб. 1840 г.) А. С. Норова. Существенное различіе между этими сочиненіями можно обозначить вѣрнѣе всего такъ: «Путешествіе къ Святымъ Мѣстамъ» было прочитано съ удовольствіемъ, какъ отчетъ въ благочестивыхъ впечатлѣніяхъ образованнаго русскаго писателя, возвышающагося часто въ благоговѣніи своемъ до истиннаго краснорѣчія; «Путешествіе по Святой Землѣ» и «Путешествіе по Египту и Нубіи», отличаясь тѣми же достоинствами, тѣмъ же краснорѣчіемъ, тѣмъ же благочестивымъ одушевленіемъ, заняли, сверхъ того, почетное мѣсто въ ученомъ отношеніи между всѣми сочиненіями по этому предмету, какъ произведенія равно благочестиваго и ученаго изслѣдователя-путешественника, коротко знакомаго со всѣми изысканіями своихъ предшественниковъ, какъ произведенія изслѣдователя, самостоятельно повѣряющаго, объясняющаго, дополняющаго результаты, которыхъ достигла наука. При всемъ высокомъ ученомъ значеніи своемъ, «Путешествіе по Египту и Нубіи» и «Путешествіе по Святой Землѣ», постоянно касаясь вопросовъ, имѣющихъ самый живой интересъ для всякого сколько-нибудь образованнаго читателя, излагая эти вопросы съ тою ясностью, которая всегда бываетъ слѣдствіемъ свѣтлаго взгляда на предметъ, постоянно оживляя археологическія разысканія разсказами о дорожныхъ впечатлѣніяхъ, картинами природы и современныхъ нравовъ, по единодушному отзыву были признаны сочиненіями, равно-интересными для ученаго и неученаго читателя, столь же занимательными и понятными для большинства публики, сколько важны они для историка, археолога и этнографа; ими были равно удовлетворены читатели, искавшіе въ нихъ разъясненія спеціальныхъ вопросовъ, остававшихся до того времени темными, и читатели, желавшіе вообще познакомиться съ странами, столь интересными и столь мало у насъ извѣстными; читатели, искавшіе по преимуществу благочестиваго, читатели, искавшіе по преимуществу живаго, и читатели, искавшіе по преимуществу ученаго разсказа о странахъ, изъ которыхъ одна важна для насъ, какъ колыбель древнѣйшей цивилизаціи, другая священна, какъ колыбель божественной вѣры.

«Путешествіе по Святой Землѣ» было издано прежде «Путешествія по Египту и Нубіи»; но самъ авторъ, называя это послѣднее «введеніемъ» къ первому, помѣстилъ его въ первыхъ томахъ изданія; слѣдуя такому порядку, указываемому авторомъ, мы должны начать и наше обозрѣніе съ «Путешествія по Египту и Нубіи».

Большая часть русскихъ, посѣщавшихъ Святую Землю, были также и въ Нижнемъ Египтѣ, но ни одинъ изъ предшествовавшихъ А. С. Норову русскихъ путешественниковъ, описавшихъ свое паломничество, не плавалъ вверхъ по Нилу далѣе Каира; поэтому, отличаясь отъ всѣхъ прежнихъ русскихъ сочиненій о Египтѣ полнотою и ученостью описанія Нижняго и Средняго Египта, «Путешествіе по Египту и Нубіи» было первою русскою книгою, въ которой описывается Верхній Египетъ и Нубія; въ немъ въ первый разъ русскіе прочли разсказъ русскаго

путешественника о развалинахъ Оивъ, Элефантины, Ипсамбула и Филе. Точно также это сочиненіе было первою русскою книгою, въ которой сообщены, и не только сообщены, но пополнены результаты изслѣдованій французской ученой экспедиціи, Шамполіона и другихъ египтологовъ. Чувство, увлекшее автора въ продолжительное и трудное странствованіе, онъ самъ объясняетъ такъ:

«Пройдя половину пути жизни, я узналъ, что значитъ быть больнымъ душою. Волнуемый какимъ-то внутреннимъ безпокойствомъ, я искалъ душевнаго пріюта, жаждалъ утѣшеній, нигдѣ ихъ не находилъ, и былъ въ положеніи человѣка, потерявшаго путь и бродящаго ощупью въ темнотѣ лѣса. Мысль о путешествіи въ Святую Землю давно таилась во мнѣ; я не чуждъ былъ любопытства видѣть блестящій Востокъ, но Іерусалимъ утвердилъ мою рѣшимость: утѣшеніе лобызать слѣды Спасителя міра на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Онъ совершилъ тайну искупленія человѣчества, заставило меня превозмочь многія препятствія» (предисловіе къ «Пут. по Св. Землѣ»).

Побуждаемый этою христіанской потребностью, благочестивый путешественникъ отправляется изъ Вѣны въ Александрію. Ученые труды его ознаменовываются счастливыми результатами съ самаго перваго шага въ путь: въ Тріестѣ, вѣрный классическимъ своимъ воспоминаніямъ, онъ открываетъ римскую надпись и срисовываетъ одежду поселянъ, сохранившую отпечатокъ древности; пользуясь нѣсколькими днями, остающимися до отплытія корабля, который перевезетъ его въ страну пирамидъ, онъ посѣщаетъ Венецію и Аквилею. Строго соблюдая правило, принятое въ самомъ началѣ и сообщающее такую свѣжесть разсказу — «избѣгать, «сколько возможно, описаній, повторяемыхъ во всѣхъ путешествіяхъ» (предисл. къ «Путешествію по Египту и Нубіи»), онъ не передаетъ впечатлѣній, произведенныхъ на него Венеціею, «о которой ужъ такъ много извѣстно читателю», но посвящаетъ нѣсколько интересныхъ страницъ «забытой всѣми путешественниками» Аквилеѣ, гдѣ находитъ древній, неизвѣстный до того времени жертвенникъ, на которомъ написано имя Геренніи, друга цицеронова. Преданія классической древности сопровождаютъ его въ плаваніи вдоль итальянскихъ и греческихъ береговъ; но вотъ и песчаное прибрежье Египта.

«Первыя воспоминанія, пробудившіяся во мнѣ, были библейскія,—какъ бы невольно вылетѣло изъ устъ моихъ: *изъ Египта воззвахъ сына моего!* Тутъ колоссальный образъ Моисея, съ распростертыми длaнями надъ народомъ израильскимъ, предсталъ моему воображенію» («Пут. по Ег.» I, 31).

Александрія производитъ унылое впечатлѣніе своимъ нынѣшнимъ некрасивымъ видомъ, своими нѣкогда чудными, теперь искаженными рукою невѣжды развалинами; «но (говоритъ благочестивый авторъ) ни обелискъ Клеопатры, ни Колонна Помпеева, не обращали столько много вниманія въ Александріи, какъ тотъ «малый островъ, откуда свѣтъ Божественнаго писанія, столь долго таившійся въ «Землѣ Обѣтованной, разлился по всему міру», гдѣ совершенъ былъ переводъ священныхъ книгъ семьюдесятью толковниками. И при этомъ случаѣ, основываясь на положительномъ свидѣтельствѣ Іосифа Флавія, говорящаго, что жилище для переводчиковъ было назначено на островѣ, авторъ исправляетъ ошибку ученой французской коммиссіи, которая полагала, что мѣсто, гдѣ переведена Библія, находилось на твердой землѣ (I, 44). Потомъ, разсказавъ исторію христіанства въ Александріи, онъ переходитъ къ описанію такъ-называемой Помпеевой Колонны и, опровергая мнѣніе, будто-бы это памятникъ Діоклетіану, признаетъ вѣроятнѣйшимъ, что колонна воздвигнута въ память основателю города, Александру-Маке-

донскому. За обозрѣніемъ развалинъ слѣдуетъ интересная глава о нынѣшней торговлѣ Александріи и о египетскомъ флотѣ. Другая глава посвящена плаванію, до Каира, развалинамъ Саиса, воспоминаніямъ о монастыряхъ и святыхъ отшельникахъ, прославившихъ пустыню Средняго Египта. Въ Каирѣ авторъ остается довольно-долго, подробно обозрѣваетъ его зданія, различныя учрежденія Мехмеда-Али, находящіяся въ городѣ и окрестностяхъ, нравы жителей, разсказываетъ интересную исторію Мехмеда-Али и объясняетъ систему орошеній (стр. 100—198). Двѣ слѣдующія главы посвящены поѣздкѣ къ пирамидамъ. Изслѣдованіе ихъ внутренности, соображеніе различныхъ мѣстъ у древнихъ писателей, приводитъ русскаго ученаго къ заключенію, что обыкновенное предположеніе, будто-бы пирамиды были надгробными памятниками фараоновъ, несправедливо; свое собственное мнѣніе о ихъ назначеніи авторъ высказываетъ такъ:

«Но къ чему эти таинственные пути и галлереи? Къ чему этотъ Сфинксъ, стерегущій подошвы пирамидъ? Теперь, когда я посѣтилъ храмы древняго Египта и Нубіи, я вижу, что Сфинксы не воздвигались Египтянами иначе, какъ у предверія храмовъ, а не у гробницъ; Плутархъ говоритъ опредѣлительно, что: «Сфинксы ставились обыкновенно передъ храмами: Египтяне выражали ими свою символическую теогонію» (de Iside, § 9). Изъ этого, мнѣ кажется, само собою обнаруживается, что пирамиды, хотя и заключали въ себѣ прахъ ихъ первыхъ основателей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ служили какъ бы храмомъ для нѣкоторыхъ религіозныхъ таинствъ, о которыхъ намъ остались темныя преданія въ древнихъ писателяхъ. Пирамиды въ Мерое имѣютъ при входѣ ихъ пристроенные пилоны, какъ у храмовъ... Скажемъ также, что едва ли не изъ-подъ Сфинкса надобно искать путей во внутренность пирамидъ: даже символическій образъ Сфинкса представляетъ много поводовъ къ такимъ догадкамъ въ странѣ, исполненной глубокихъ символовъ (I, 216—218).

«На концѣ ея (горизонтальной галлереи второй пирамиды) находится такъ называемая погребальная комната. Тутъ найденъ былъ вскрытый уже саркофагъ съ остатками костей. Эти кости были въ послѣдствіи изслѣдованы въ Лондонѣ, и оказалось, что онѣ не человѣчьи, а бычачьи: если это правда,—вотъ еще доводъ, что такъ называемыя погребальныя комнаты царей и царицъ не суть ихъ настоящее мѣсто погребенія—и по этому обстоятельству невольно представляется мысли поклоненія Египтянъ быку Апису» (I, 223).

Въ журнальной статьѣ невозможно представить многихъ другихъ глубокихъ соображеній ученаго путешественника (напримѣръ о Меридовомъ Озерѣ, о гигіеническомъ основаніи бальзамированья, какъ предохранительнаго средства противъ чумы, порождаемой гніеніемъ труповъ и проч.): но не можемъ не представить слѣдующаго его открытія, свидѣтельствующаго о томъ, какъ справедливо замѣтилъ онъ въ предисловіи: «единственный свѣточь въ исторіи первобытной есть Библія», и служащаго однимъ изъ многочисленныхъ примѣровъ того, съ какимъ успѣхомъ онъ «старался постоянно руководствоваться ея указаніями» «(Пред. къ Пут. по Египту»).

«Изъ числа разрушенныхъ пирамидъ (Дашура и Сахары)... одна, менѣе разрушенная и болѣе приближенная къ Нилу, обратила мое особенное вниманіе. Эта пирамида была воздвигнута не изъ камней, а изъ необожженныхъ кирпичей. Кирпичи, имѣющіе вершковъ по семи въ длину, дѣлались изъ прибрежнаго илу, въ который, для связи, клали солому, и потомъ они сушились на солнцѣ: вотъ образецъ плинфодѣланія Египтянъ, на которое употреблялись Израильтяне, какъ повѣствуетъ Библія: «И заповѣдалъ Фараонъ приставникамъ, и сказалъ: не давайте теперь соломы народу для дѣланія кирпича, пусть сами идутъ и собираютъ солому. И разошелся народъ по всей землѣ Египетской собирать тростникъ для соломы». Здѣсь сказано: *тростникъ* для

соломы. Это обстоятельство должно присовокупить къ многочисленнымъ доводамъ, что главныя работы израильскія производились въ самой Дельтѣ, гдѣ при устьяхъ Нила такое изобиліе въ тростникѣ, межъ тѣмъ какъ ниже Дельты онъ прекращается... Замѣтивъ также, что Израильтяне употреблены были, большею частью, для строенія городовъ, а не пирамидъ, какъ иные думаютъ. Со всѣмъ тѣмъ Израильтяне могли быть также употреблены на работахъ въ Мемфисѣ, и эта пирамида, быть можетъ, есть остатокъ рабства Израильтянъ (Іосифъ Флавій приписываетъ сооруженіе пирамидъ Израильтянамъ, Antiqu. II, 5). Я взялъ съ собою одинъ изъ этихъ кирпичей, современный Моисею» (I, 236—238).

Пирамиды и развалины Мемфиса естественнымъ образомъ приводятъ автора къ обозрѣнію исторіи первобытнаго Египта. Какъ одно изъ многихъ объясненій, которыя сообщаетъ здѣсь русскій изслѣдователь, на основаніи библейскихъ свидѣтельствъ исправляя и пополняя мнѣнія своихъ предшественниковъ, приведемъ его рѣшеніе столь затруднявшаго ученыхъ вопроса о томъ, кто были цари-пастыри (Гиксосы), покорявшіе Египетъ:

«Мы видимъ изъ Библіи, что когда династія коренныхъ Египетскихъ Фараоновъ низвергла иго пастырей, то новый Фараонъ, который, по словамъ Книги Исхода не зналъ Іосифа, бывшаго при Фараонѣ пастырской династіи, имѣлъ главною цѣлью освободиться отъ населенія Израильскаго въ землѣ Гесемъ. Вотъ рѣчь его: «Прійдите убо, прихитримъ ихъ, да не когда умножатся, и егда аще приключится намъ брань, приложатся и сіи къ супостатамъ». Страхъ, выраженный здѣсь, напоминаетъ слова Исаіи: «И будетъ страна Іудейска въ страхъ Египтяномъ». Изъ приведенныхъ словъ явствуетъ, что находившіе на Египетъ народы были изъ одной страны съ Израильтянами, и, вѣроятно, тѣ, кои послѣ названы Филистимлянами, которыхъ физическое преимущество нѣсколько разъ означено въ Библіи; но конечно не Скифы, какъ сказалъ Шамполіонъ, основываясь на одномъ созвучіи прочтеннаго имъ въ іероглифахъ имени. Притомъ же и Манеѳонъ, говоря о XVII династіи пастырей, прибавляетъ «они были братья Финиміянъ». Въ подтвержденіе нашихъ предположеній замѣтимъ весьма важное обстоятельство, что доселѣ жители Верхняго Египта и Нубіи выводятъ свое происхожденіе изъ Востока, который они называютъ Шеркъ. Но всего поразительнѣе то, что арабскій писатель Бенъ-Аясъ, въ своей Космографіи, именно говоритъ, что Берберы или Нубійцы производятъ себя отъ царя Голіаѳа, т. е. отъ Филистимлянъ. Даже въ Продотѣ названіе пастуха Филитиса можетъ приводить къ нѣкоторымъ догадкамъ, что построеніе пирамидъ принадлежитъ не Египтянамъ, а народамъ чужеземнымъ. Зодчество этихъ громадъ не имѣетъ отпечатка зодчества Египетскаго.—Пирамиды, по нашему мнѣнію, суть подражаніе первымъ дикимъ памятникамъ міра, каковы: столпъ Вавилонскій или башня Белуса. Продотъ и Страбонъ говорятъ, что эта башня имѣла видъ пирамидъ; а въ отрывкѣ изъ Берозія мы читаемъ, что Небуласаръ, отецъ Навуходоносора, нагромоздилъ гору изъ необычайной величины камней. Мы находимъ еще другую вѣроятную причину къ таковому мнѣнію по одному мѣсту Манеѳона. Онъ говоритъ, что нахлынувшіе на Египетъ пастыри (Гиксосы) разрушили всѣ города и храмы египетскіе. Шамполіонъ прибавляетъ, что ни одно изъ великихъ зданій Египта не было пощажено. Хотя трудно разрушить большія пирамиды, но... пастыри не пощадили бы по крайней мѣрѣ ихъ наружности: напротивъ того, они сохранили ихъ, можетъ быть, какъ памятники своихъ родныхъ племенъ. Если же намъ возразятъ, что Египетскій Фараонъ Мерисъ воздвигнулъ пирамиду на озерѣ своего имени, то мы можемъ отвѣтствовать, что, по прошествіи тысячи лѣтъ отъ построенія первой пирамиды, Египтяне могли забыть о ненависти ихъ предковъ къ пастырямъ и подражать этому роду зданій» (I, 269—272).

Еслибъ мы могли представить здѣсь всѣ замѣчательныя соображенія, которыми авторъ проливаетъ свѣтъ на египетскую исторію и въ особенности на тѣ факты, которыми соприкасается она съ еврейскою, мы должны были бы переписать всю главу. Упомянемъ по крайней мѣрѣ о предположеніи ученаго автора касательно

времени образованія дельты; относя его къ доисторическому періоду, онъ думаетъ (и эта ипотеза теперь оправдывается), что цивилизація перешла изъ Нижняго въ Верхній Египетъ, а не наоборотъ, какъ обыкновенно думали; далѣе: доказательства его, что столицей фараоновъ въ эпоху Моисея былъ Цаонъ, а не Мемфисъ— мысль, также послѣ него принятая въ наукѣ, что увидимъ ниже; опредѣленіе мѣстности земли Гесемъ; мнѣніе, также принятое нынѣ учеными, объ исходной точкѣ путешествія израильтянъ, которое разсмотримъ ниже; наконецъ доказательства, что Но-Аммонъ, не Ѳивы (Діосполь Великій), а Діосполь Малый, въ Нижнемъ Египтѣ, и множество другихъ объясненій, равно справедливыхъ и важныхъ. Черезъ Геліополисъ авторъ возвращается въ Каиръ и окончивъ описаніе его, приступаетъ къ подробному статистическому обозрѣнію Египта (главы XVIII—XXIII), чѣмъ и заключается первый томъ. Второй посвященъ путешествію въ Верхній Египетъ и Нубію, до большихъ пороговъ Нила. Въ этомъ плаваніи, первомъ, описанномъ русскимъ ученымъ, прежде всего встрѣчаетъ авторъ пустыни, прославленныя святыми отшельниками ливійскими, потомъ знаменитыя гипогеи Бени-Гассана (II, 17—25). Путевыя приключенія, картины природы, наблюденія надъ крокодиломъ и бегемотомъ, краткія обозрѣнія развалинъ египетскихъ городовъ и христіанскихъ монастырей быстро смѣняются, пока, на десятый день плаванія, путешественникъ достигаетъ Ѳивъ, описанію которыхъ посвящено семь главъ (V—IX и, на возвратномъ пути, XX—XXI). Мы не можемъ слѣдить за ученымъ авторомъ по всѣмъ памятникамъ этого «первенца городовъ, великолѣпнѣйшаго подъ солнцемъ», но должны представить, хотя въ извлеченіи, описаніе послѣдней группы, имъ обозрѣваемой, развалинъ Карнака, въ которыхъ нашъ авторъ открылъ даже послѣ Шамполіона много новаго и важнаго:

«Вступимъ между двумя пирамидами въ гигантскія ворота. Съ первымъ взглядомъ во внутренность, воображеніе самое холодное приводится въ смущеніе невиданными дотолѣ массами колоннъ и пилястровъ, то цѣльныхъ, то разрушенныхъ; но оно уже испугано, завидя прилежащую къ этому огромному перистилю храмину съ необъятнымъ множествомъ столповъ, которыхъ созданіе превышаетъ силы народа, самаго могущественнаго: Hanc posuisse deos! должно воскликнуть съ Саназаромъ.

«Сойдите теперь въ этотъ перистиль. Изъ грудъ самыхъ драгоцѣнѣйшихъ матеріаловъ, разбитыхъ въ дребезги обрушенными на нихъ рядами колоннъ, которыя загромоздили всю площадь, высится одна необычайная колонна въ гигантской прелести съ своею лотосовою капителью. Но, завидѣвная вами храмина, все влечетъ васъ къ себѣ: вотъ ея колоссальные привратники—вы едва обращаете на нихъ вниманіе, и, вступивъ въ преддверіе, узнаете, что всѣ видѣнныя вами доселѣ зданія, хотя бъ вы обошли весь земной шаръ, — игрушки передъ этимъ *столотвореніемъ!* Этотъ лѣсъ колоннъ, величины невообразимой —и гдѣ же? внутри зданія — повергаетъ васъ съ перваго раза въ глубокую задумчивость о зодчихъ. Вы невольно спрашиваете, не исполины-ль Библіи, эти *человѣцы именитіи*, жившіе нѣсколько столѣтій, оставили здѣсь слѣды своего существованія? Этихъ столповъ, или лучше сказать скалъ, 136. Тѣ 12 колоннъ, которыя поддерживаютъ среднюю часть храма, разрѣзывая его на два этажа, выше прочихъ. По сдѣланному расчисленію, сто человѣкъ могутъ свободно помѣститься на каждой капители этихъ колоннъ. Церковь Св. Мартина, одна изъ самыхъ большихъ въ Лондонѣ, уставится четыре раза въ этой залѣ, имѣющей 318 футовъ въ длину и 159 ф. въ ширину. Большая часть колоннъ въ совершенной цѣлости, другія же страшно наклонены съ нависшими надъ ними громадами. Потолокъ состоитъ изъ каменныхъ плитъ невѣроятной величины. Во всѣхъ этихъ зданіяхъ нигдѣ не употреблена известь и все держится однимъ напоромъ тяжестей.

«Теперь, представьте себѣ всѣ эти громады стѣнъ и колоннъ, одѣтыми сверху до низу рѣзными картинами, съ фигурами столь же гигантскими, какъ и зодчество.

«Изъ картинъ, не описанныхъ Шамполіономъ, мнѣ показалась, отличнѣе передъ прочими, картина на сѣверной стѣнѣ, изображающая бога Ѳота, начертывающаго на древѣ жизни въ третій разъ имя Рамзеса II... и еще другая картина на западной стѣнѣ: тамъ представленъ въ колоссальномъ видѣ, Аммонъ-Ра (которому былъ посвященъ этотъ храмъ); онъ сидитъ на престолѣ; Фараонъ подводитъ къ нему, держа за руку, прекрасную женскую фигуру, которая изображаетъ, какъ мы думаемъ, одну изъ Паллакидъ, т. е. дѣвъ высокаго или царскаго рода, посвященныхъ Аммону; небольшой рогъ на челѣ дѣвы выражаетъ, вѣроятно, это званіе. За Аммономъ стоитъ богиня Гаторъ (Венера). Это брачное торжество Фараона.

«Бродя долго по этому разрушенію, я подошелъ нечаянно къ остатку нижней стѣны исполинскаго Аммонова храма;—и какъ велико было мое удивленіе, когда я открылъ на разбитой гранитной картинѣ, очень малаго размѣра, и отъ которой осталась только нижняя половина,—изображеніе побѣдителя, наступившаго пятою на главу простертаго подъ нимъ Еврея. Народныя черты лица Израильтянина поразительно сходны... Подобное открытіе Шамполіона тотчасъ заставило меня узнать въ этомъ изображеніи Библейское событіе о нашествіи Фараона Сесака на Іерусалимъ. Важность этого дополненія къ открытію Шамполіона заставила меня немедля взяться за карандашъ. Я со всевозможною вѣрностью срисовалъ этотъ достопримѣчательный барельефъ. Предъ Фараономъ едва видны двѣ фигуры, одна стоящая на колѣнахъ, а другая, какъ бы просящая пощады. Происходящая сцена изображена на *барѣ* или священной баркѣ» (II, 126 –132).

Отъ Ѳивъ авторъ продолжаетъ путь свой до большихъ нильскихъ пороговъ, описывая развалины Элефантиды, Филе, Ипсамбула и множества другихъ древнихъ городовъ, изображая нравы нубійцевъ и картины дикой и величественной природы ихъ страны. Наконецъ, начертавъ на крайней точкѣ своего пути, надъ пропастью, на стѣнѣ скалы Эбширъ, обращенной къ родному сѣверу:

Alme sol! possis nihil Russia visere majus!
(О! солнце да не видишь ты величія равнаго величію Россіи—

примѣненные къ родинѣ стихи изъ Carmen Saeculare, Горація:

Alme sol...
...Possis nihil urbe Roma
Visere majus!)

пускается въ обратный путь. Снова осматривая во всей подробности развалины Ипсамбула, онъ открываетъ, при сличеніи Шамполіона съ Геродотомъ, эпоху и цѣль построенія знаменитаго ипсамбульскаго храма, видя въ немъ памятникъ побѣдъ Сезостриса въ Эѳіопіи, и опровергая ошибочное, основанное только на созвучіи сближеніе, «Ипсамбулъ» и «Псамметихъ», предлагаемое Вилькинсономъ и Риттеромъ.

«Читая Шамполіоновы объясненія іероглифическихъ картинъ Ипсамбула и заглянувъ въ Иродота, мы приходимъ къ заключенію, что храмъ Ипсамбула созданъ Сезострисомъ въ воспоминаніе опасностей, которыя онъ избѣжалъ при покореніи Эѳіопіи. Выпишемъ строки Иродота: «Изъ всѣхъ Египетскихъ царей, одинъ только Сезострисъ царствовалъ надъ Эѳіопіею. Онъ соорудилъ каменныя статуи передъ храмомъ Вулкана въ память избѣгнутыхъ имъ опасностей» (Lib. II, § 110). То же самое говоритъ Діодоръ, опредѣляя даже мѣсто побѣдъ Сезостриса: «въ первой Эѳіопіи» (Lib. I, § 55) т. е. въ Нубіи, между первыми и вторыми порогами Нила. Троглодиты именно названы у Стравона въ числѣ народовъ, покоренныхъ Сезострисомъ... Эти колоссы (стоящіе предъ храмомъ) суть истинные портреты Сезостриса: ихъ лица совершенно сходны съ лицемъ поверженнаго колосса Мемфійскаго, который былъ воздвигнутъ въ память побѣдъ Сезостриса надъ Эѳіопами» (II, 233—236).

Въ Дакке списываетъ путешественникъ греческія надписи, неизвѣстныя Летронну (II, 259—261), и, срисовавъ въ Келашбе интересный фрескъ, драгоцѣнный, какъ памятникъ первыхъ вѣковъ христіанства, и изображающій торжество святой мученицы, преданной пламени (II, 271), прощается съ Нубіей, которая столько вѣковъ закрыта была отъ насъ завѣсою тайны, и которая, прибавимъ, такъ хорошо извѣстна намъ теперь, благодаря трудамъ такихъ ученыхъ, какъ авторъ «Путешествія по Египту и Нубіи». Обозрѣвъ Элетію, Эсне, вторично Ѳивы, Дендерахъ съ его знаменитымъ зодіакомъ, который объясняетъ очень проницательно, Абидусъ, монастырь Эль-Бохара, ученый путешественникъ достигаетъ области Фаюмъ, которую подробно изслѣдываетъ въ подтвержденіе своему мнѣнію о протяженіи Меридова Озера (пространство котораго опредѣляетъ онъ такъ, что вполнѣ подтверждается основательность извѣстій Геродота и Страбона), и наконецъ, чрезъ Каиръ, Мансуру и Дамьятъ, отправляется въ Палестину.

Нашъ очеркъ, слишкомъ краткій, и наши выписки, по необходимости, слишкомъ малочисленныя, могутъ, однакожь, до нѣкоторой степени показать, какую важность въ ученомъ отношеніи имѣетъ «Путешествіе по Египту и Нубіи»; не говоримъ ужь о томъ, что авторъ вполнѣ знакомитъ насъ съ важнѣйшими результатами открытій, сдѣланныхъ новѣйшими учеными: мы видѣли что на каждомъ шагу онъ исправляетъ и дополняетъ ихъ собственными открытіями, собственными изслѣдованіями. Мы ограничились указаніемъ немногихъ примѣровъ; еслибъ мы захотѣли перечислить всѣ, намъ должно было бы по нѣскольку разъ ссылаться на каждую главу, почти на каждую страницу сочиненія, классическое достоинство котораго давно ужъ признано. Но неполный обзоръ нашъ былъ бы слишкомъ односторонень, еслибъ мы, обращая главное вниманіе на ученую важность книги, опустили изъ виду ея повѣствовательную часть. Интересныя путевыя встрѣчи, картины природы, изображенной съ поэтическимъ одушевленіемъ, личное знакомство съ замѣчательнѣйшими людьми новаго Египта, бесѣды съ Мехмедомъ-Али и Ибрагимомъ, частые разговоры съ Клот-беемъ, Солиманомъ-пашою и многими другими, придаютъ живую занимательность разсказу. Выпишемъ здѣсь по нѣскольку строкъ изъ двухъ сценъ, изображающихъ первыя свиданія путешественника съ знаменитымъ вицекоролемъ Египта и его храбрымъ сыномъ.

«По обширному крыльцу, слабо освѣщенному, мы вступили въ аванзалъ, и уже оттуда прямо вошли въ диванную верховнаго паши. Посреди обнаженной комнаты стоялъ на полу огромный подсвѣчникъ, подобный нашимъ церковнымъ паникадиламъ; въ немъ горѣли такія же огромныя свѣчи, какъ наши мѣстныя, а въ глубинѣ комнаты, довольно высокій диванъ занималъ всю стѣну; никакихъ другихъ мебелей тутъ не было. Завидя насъ въ дверяхъ, Мегметъ Али, сидѣвшій поджавъ ноги въ углу дивана, имѣя передъ собою своего драгомана, тотчасъ всталъ, подошелъ къ намъ, привѣтствовалъ дружелюбно по обычаю восточному и пригласилъ насъ сѣсть возлѣ него, между тѣмъ какъ его первый министръ Богосъ Бей и драгоманъ почтительно стояли противъ него.

«Все мое вниманіе устремилось на маститую голову этого знаменитаго человѣка, и я старался прочесть въ чертахъ его лица бурную исторію его жизни. Чело его, осѣненное бѣлою обширною чалмою, и весь низъ лица, покрытый широкою сѣдою бородою, при малой движимости физіогноміи и тѣлодвиженій показываютъ сначала тихаго и скромнаго старца: но быстрота сѣрыхъ его глазъ, блистающихъ изъ-подъ насупленныхъ сѣдыхъ бровей, и принужденная хотя и тихая улыбка, обнаруживаютъ, послѣ пристальнаго разсмотрѣнія, глубокую скрытность, стойкость, геніальный умъ, и наконецъ— истребителя Мамелюковъ. Я вглядывался въ его физіогномію въ продолженіи церемоннаго процесса, когда подносили ему и намъ шербетъ и трубки, которыя мы приняли

съ обычными на Востокѣ привѣтствіями, обращенными къ нему, приложа руку ко лбу и сердцу; онъ намъ отвѣтилъ такимъ же образомъ. Первый вопросъ его, мнѣ сдѣланный, былъ о цѣли моего путешествія. Я отвѣчалъ ему, что я хаджи, ѣдущій въ Іерусалимъ. Мнѣ показалось, что это его удивило, ибо онъ ожидалъ, что я ему скажу, что я пріѣхалъ видѣть возрождающійся подъ его рукою Египетъ. Но онъ продолжалъ рѣчь въ моемъ смыслѣ... Вскорѣ болѣе привлекательный для него разговоръ занялъ насъ: я изъявилъ ему желаніе видѣть во всѣхъ подробностяхъ Египетъ, а онъ предлагалъ мнѣ всѣ нужныя пособія... Мы провели болѣе часа въ любопытной бесѣдѣ о его нововведеніяхъ и я остался вполнѣ довольнымъ его необыкновенно ласковымъ пріемомъ (I, 105—108).

«Ибрагимъ паша отправлялся въ Сирію, по причинѣ вновь возникшихъ безпокойствъ; онъ не замедлилъ прибыть (въ Дамьятъ). На другой же день по утру, узнавъ, что я желаю его видѣть, онъ пригласилъ меня и принялъ за просто, въ присутствіи только одного драгомана. Ибрагимъ показался мнѣ человѣкомъ лѣтъ за сорокъ пять: роста средняго; борода его очень мелкая; глаза сѣрые и довольно быстрые, но безъ геніальности. Первое слово его было, что онъ меня, какъ человѣка военнаго, принимаетъ по походному; онъ спросилъ меня, гдѣ я былъ раненъ, сказалъ мнѣ, что читалъ подробное описаніе знаменитой кампаніи 1812 года; я съ своей стороны началъ ему говорить про его послѣднюю кампанію противъ Турокъ, о сраженіи подъ Коніею, и сказалъ ему, что я везу съ собою планъ его кампаніи, данный мнѣ Солиманомъ-Пашею. Наконецъ онъ мнѣ объявилъ, что надѣется встрѣтить меня въ Сенъ-Жанъ-д'Акрѣ, или въ другихъ мѣстахъ Сиріи; я самъ коснулся имени этой крѣпости, взятіе которой составляетъ одинъ изъ лучшихъ вѣнковъ его; вспомнили Наполеона, и тутъ глаза его заблистали. «Да, воскликнулъ онъ, Наполеонъ не могъ ее взять». Я не счелъ нужнымъ говорить ему, что это сравненіе несовсѣмъ правильно, къ тому же намъ поднесли шербетъ и трубки... (II, 412—413).

Кромѣ всѣхъ исчисленныхъ нами достоинствъ, «Путешествіе по Египту и Нубіи» замѣчательно статистическими свѣдѣніями о Египтѣ, которыя авторъ собралъ изъ вѣрныхъ источниковъ. Важнѣйшія измѣненія, происшедшія съ 1835 года въ положеніи страны, отмѣчены въ дополненіяхъ; потому-что второе изданіе, нынѣ вышедшее, пересмотрѣно авторомъ, какъ доказываетъ сличеніе его съ прежнимъ. Еще болѣе пополненій находимъ въ новомъ изданіи «Путешествія по Святой Землѣ»; самъ авторъ называетъ его «дополненнымъ» и говоритъ въ предисловіи:

«Приступивъ къ третьему изданію моего Путешествія по Святой Землѣ, я старался сдѣлать мою книгу достойнѣе того лестнаго пріема, которымъ она была почтена. Мнѣ пріятно было видѣть, что новѣйшія изслѣдованія ученыхъ путешественниковъ Робинсона и Смита, вполнѣ достойные того вниманія, которое обратили на нихъ Англія и Германія подтвердили сдѣланныя мною изысканія библейскихъ мѣстъ» (III. предислов. VI).

Подтвержденіемъ этихъ словъ будетъ служить нашъ обзоръ, въ которомъ обратимъ исключительно вниманіе на археологическую и повѣствовательную стороны сочиненія, оставляя неприкосновенною чисто-религіозную часть его, придающую, конечно, наибольшую привлекательность книгѣ, но неподлежащую нашему разбору. Не можемъ однако не замѣтить слѣдующихъ строкъ, показывающихъ общій характеръ сочиненія и его достоинства:

«Географія и топографія Палестины въ примѣненіи къ тексту Священнаго Писанія, были доселѣ мало объяснены очевидцами. Я имѣлъ отчасти цѣлью облегчить, въ этомъ отношеніи, чтеніе многихъ мѣстъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ... Я тогда только пользовался указаніями путешественниковъ, когда находилъ на мѣстѣ ихъ показанія согласными съ текстомъ Библіи. Библія есть вѣрнѣйшій путеводитель по Святой Землѣ, и я считаю себя счастливымъ, что по большой части имѣлъ при себѣ во время моего пути только одну Библію» (III предислов. VII—IX).

Дѣйствительно, если высокій христіанскій духъ просвѣщалъ благочестиваго автора во время путешествія по долинѣ Нила, въ которой по преимуществу видитъ онъ землю, освященную временнымъ пребываніемъ Спасителя, прославленную чудесами Моисея и подвигами Іосифа, эпиграфомъ къ описанію которой служатъ ему слова Осіи: «Изъ Египта воззвахъ сына моего», обзоръ развалинъ и изсохшихъ каналовъ которой заключаетъ онъ пророчествомъ Исаіи: «И опустошитъ Господь море египетское и возложитъ руку свою на рѣку духомъ высокимъ»—если въ Египтѣ, гдѣ такъ много другихъ воспоминаній, направляло взоръ автора чувство христіанина, то въ землѣ народа Божія, въ странѣ, освященной жизнью и страданіемъ Спасителя міра, тѣмъ болѣе долженъ проникнуться и проникается путникъ духомъ Священнаго Писанія. Но, какъ и прежде, онъ съ благочестіемъ соединяетъ ученость, и, основываясь на Библіи, пользуется всѣми пособіями науки. Доказательство того представляютъ первыя же страницы книги, заключающія въ себѣ глубокомысленное и принятое послѣ русскаго путешественника европейскими учеными опредѣленіе точки исхода израильтянъ изъ Египта:

«Должно замѣтить, сколь ошибочно полагаютъ путь Израильтянъ изъ Египта отъ Мемфиса. Царь Давидъ обозначаетъ (псал. LXXVII, 12 и 13) Цоанъ мѣстомъ дѣйствій между Моисеемъ и Фараономъ Египетскимъ, а въ книгѣ Моисеевой этотъ путь начертанъ довольно подробно. Сперва объяснена причина, почему Моисей не повелъ Израильтянъ прямымъ путемъ въ Землю Обѣтованную. «Егда же отпусти Фараонъ люди, «не поведе ихъ Богъ путемъ земли Филистимскія, *яко близь бяше*, да не когда раскаются людіе видѣвше рать, и возвратятся во Египетъ. И *обведе* Богъ люди путемъ, «иже въ пустыню къ Чермному морю». Далѣе: «воздвигше же ся сынове Израилевы отъ «Сокхоѳа, ополчишася во Оѳомѣ при пустыни. И рече Господь къ Моисею: рцы сыномъ «Израилевымъ, и обратившеся да ополчатся прямо придворію, *между Магдоломъ и* «*между моремъ, прямо Веельсепфону*, предъ ними ополчившися *при морѣ*»... Прежде этого, Моисей сказалъ Фараону, что онъ пойдетъ на три дня въ пустыню, для принесенія тамъ жертвы Богу—это есть разстояніе отъ Цоана до Суэйза; къ тому же Моисей избралъ этотъ путь съ намѣреніемъ, чтобы скрыть отъ Фараона свое направленіе къ Палестинѣ (XIII, 17—18). Но путь изъ Мемфиса въ Палестину чрезъ Суэйзъ есть путь прямой, который не соотвѣтствуетъ тому *обводу* въ пустыню къ Чермному морю, о которомъ говоритъ Моисей. И земля Мемфиса не можетъ быть названа сосѣднею съ Палестинскою (*яко близь бяше*)» (III, 17—19).

Потомъ авторъ опредѣляетъ положеніе Веельсенфона въ подтвержденіе своему мнѣнію, и приводитъ много другихъ доказательствъ, его подкрѣпляющихъ. Мѣсто не позволяетъ намъ приводить въ другихъ случаяхъ выписокъ изъ новѣйшихъ европейскихъ изслѣдователей, посѣтившихъ Святую Землю послѣ А. С. Норова, и принимающихъ мнѣнія, имъ высказанныя, но мы хотимъ представить хотя одинъ примѣръ того, до какой степени признаны послѣдующими учеными открытія, сдѣланныя русскимъ ученымъ, и потому приводимъ по изданію, вышедшему въ нынѣшнемъ году, слѣдующее мѣсто изъ «Библейскихъ изслѣдованій въ Палестинѣ» и пр. Робинсона и Смита, замѣчательнѣйшаго изъ новыхъ трудовъ по географіи Палестины:

«Обозрѣніе мѣстности убѣдило насъ, что ни отъ какого пункта близъ Геліополя или Каира (*т. е. въ окрестностяхъ Мемфиса*) невозможно достичь Чермнаго моря въ три дня пути, о которомъ говоритъ Библія. И разстояніе и совершенный недостатокъ воды по этимъ дорогамъ дѣлаютъ невозможнымъ предположеніе, нами отвергаемое (т. е. что Израильтяне вышли изъ Мемфиса). Мы читаемъ, что изъ Египта вышли шесть сотъ тысячъ мужей, старше двадцати лѣтъ; конечно, столько же было съ ними

и взрослыхъ женщинъ, и по крайней мѣрѣ еще столько же дѣтей, юношей и дѣвицъ моложе двадцати лѣтъ; кромѣ того, было множество рабовъ съ огромными стадами скота. Итакъ все число Израильтянъ не могло быть менѣе двухъ милліоновъ. Обыкновенный дневной путь самаго крѣпкаго и снабженнаго всѣмъ войска полагается не болѣе, какъ въ двѣнадцать англійскихъ географическихъ миль (*которыхъ считается 60 въ градусѣ; итакъ 22 версты въ день*); въ Пруссіи дневной маршъ войска полагается не болѣе трехъ нѣмецкихъ миль (*21 верста*); и притомъ черезъ каждые три дня войско необходимо должно имѣть день отдыха. Невозможно предполагать, чтобъ Израильтяне съ женами, дѣтьми и стадами были въ состояніи проходить въ сутки большее разстояніе. А по всѣмъ путямъ отъ Геліополя (*близъ Мемфиса*) или Мемфиса до Чермнаго моря разстояніе не менѣе шестидесяти англійскихъ географическихъ миль (*105 верстъ*)— чего никакъ не могли перейдти они менѣе, нежели въ пять дней.

«Препятствіе, происходящее отъ недостатка воды для людей, Израильтяне могли бъ устранить, взявъ запасъ воды изъ Нила, какъ нынѣ дѣлаютъ караваны. Но Фараонъ тѣмъ же путемъ преслѣдовалъ ихъ съ огромнымъ количествомъ лошадей, колесницъ и коннаго войска—а это было бы невозможно ни по одной изъ дорогъ, ведущихъ отъ Каира къ Чермному морю. Правда, и нынѣ берутъ иногда съ собою лошадей, но для нихъ берутъ и огромный запасъ воды, какой до крайности обременилъ бы Фараона — по два мѣха для лошади; шесть такихъ мѣховъ составляютъ вьюкъ верблюда, слѣдовательно на каждыхъ трехъ лошадей необходимо брать верблюда съ водою. И при всемъ томъ часто лошади падаютъ, не перенося этого пути. Что касается до израильскихъ стадъ, то овецъ и козъ было бы еще можно гнать этою дорогою; но для стадъ рогатаго скота былъ бы нуженъ такой же огромный запасъ воды, какъ и для лошадей» (часть I, стр. 82—83).

На основаніи этихъ соображеній и опредѣленія мѣстностей, подобнаго тому, какое встрѣчаемъ у русскаго ученаго, Робинсонъ и Смитъ заключаютъ, что исходнымъ пунктомъ израильтянъ должно принимать Цоанъ. Въ параллель всѣмъ послѣдующимъ выпискамъ нашимъ изъ «Путешествія по Святой Землѣ», мы точно также могли бъ привести подобныя мѣста изъ изслѣдованій, изданныхъ послѣ этой книги нѣмецкими и англійскими учеными, и показать, какъ оправдываются новѣйшею наукою мнѣнія, принимаемыя русскимъ изслѣдователемъ; но, повторяемъ, этого не позволятъ намъ мѣсто, и мы должны ограничиться однимъ примѣромъ, представленнымъ выше, позволяя себѣ только еще два или три раза впослѣдствіи сослаться на Робинсона и Смита, а въ большей части случаевъ не приводя и этихъ цитатъ, чтобъ не увеличивать объема нашей статьи. Изложенное выше мнѣніе объ исходѣ израильтянъ изъ Цоана, а не Мемфиса, необходимо заставляетъ насъ возвратиться къ мнѣнію ученаго автора, что во время Моисея столицею Египта былъ не Мемфисъ, какъ обыкновенно думали, а Цоанъ. Вотъ доказательства, которыми подтверждаетъ онъ этотъ чрезвычайно-важный для исторіи фактъ:

«Изъ священныхъ писателей, о Мемфисѣ упоминаетъ первый Исаія, а изъ языческихъ Иродотъ. Еслибъ Мемфисъ былъ при Моисеѣ столицею Египта, то конечно въ священныя книги древнѣе Исаіи упоминали о немъ; къ тому же самъ Моисей въ книгѣ Чиселъ указываетъ на Цоанъ, какъ на главный городъ Египта, а въ послѣдствіи и Божественный пѣснопѣвецъ Давидъ въ псалмѣ LXXVII, 13, гдѣ самое выраженіе: *поле Цоанъ* обозначаетъ плоскую мѣстность. Нынѣ доказано, что исходъ Израильтянъ послѣдовалъ во время владычества XIX-ой династіи, а эта династія была не Мемфисская, а Танетійская» (*то-есть Цоанская, потому-что Танетъ другое имя Цоана*). (III, 10—11).

Точно также Робинсонъ и Смитъ (часть I, стр. 88) доказываютъ, что дворъ Фараона, современнаго Моисею, былъ въ Цоанѣ. Точно также принимается нынѣ всѣми учеными мнѣніе русскаго путешественника, что земля Гессемъ или Гошенъ

которая была отдана израильтянамъ въ Египтѣ, лежала при озерѣ Мензале, по пелузійскому рукаву Нила, гдѣ теперь провинція Эль-Шаркійе, самая богатая изъ всѣхъ областей нынѣшняго Египта («Путеш. по Египту» I, 269 и слѣд. «Путеш. по Св. Землѣ» III, 19. Робинсонъ и Смитъ, часть I, стр. 84 и слѣд.).

Черезъ Суэзскій Перешеекъ, описаніе котораго оживлено картинами жизни бедуиновъ, авторъ достигаетъ Земли Обѣтованной, юго-восточныя границы которой весьма точно опредѣляетъ при помощи Библіи; видитъ Газу, съ воспоминаніями о Самсонѣ, Аскалонъ, равно-знаменитый во время могущества Филистимлянъ и въ періодъ крестовыхъ походовъ; повсюду припоминаетъ библейскія пророчества, славныя событія исторіи, и такимъ образомъ доходитъ до мѣстности, гдѣ должно искать Аккарона, одного изъ главныхъ городовъ филистимскихъ, положеніе котораго оставалось неизвѣстно прежнимъ ученымъ. Соображая указанія Библіи, ученый изслѣдователь приходитъ къ заключенію, что древній Аккаронъ—нынѣшнее селеніе Барга, лежащее между Азотомъ и Іемне. Робинсонъ и Смитъ опредѣляютъ положеніе Аккарона также между Азотомъ и Іемне (Робинс. часть III, стр. 231). Наконецъ, на вербную субботу достигаетъ онъ цѣли благочестиваго своего странствованія—Іерусалима, которому посвящена большая половина первой части путешествія; не говоря ужь о подробномъ и точномъ описаніи города, о прекрасномъ очеркѣ его исторіи, скажемъ, что авторъ посѣщаетъ всѣ окрестности и повсюду объясняетъ затруднявшія предшественниковъ его мѣстности; съ благоговѣйнымъ одушевленіемъ повѣствуетъ онъ о страстной седмицѣ и торжествѣ Пасхи. По нашему плану, мы не можемъ слѣдить за авторомъ въ этомъ обозрѣніи; но не можемъ не выписать по крайней мѣрѣ двухъ мѣстъ: разсказа о впечатлѣніи, какое производитъ первый взглядъ на храмъ Гроба Господня, и описанія Омаровой Мечети, занимающей мѣстность храма Соломонова, которой никто изъ русскихъ не видѣлъ до А. С. Норова, которой не видѣлъ почти никто и изъ другихъ христіанскихъ путешественниковъ, а изъ видѣвшихъ никто не описалъ съ такою точностью.

«Среди тишины темной ночи, я приступилъ въ первый разъ къ величественному предверію храма Гроба Господня; обѣ половины огромныхъ воротъ были открыты настежь. Безчисленные огни свѣчей блистали передъ большими стѣнными иконами, изображающими снятіе со креста и погребеніе Спасителя. Тотчасъ при входѣ, въ ложѣ привратника, я увидѣлъ сидящихъ, поджавъ ноги, Турокъ, съ трубками во рту, и играющихъ въ шахматы;—мое сердце сжалось грустію;—толпа разступилась передъ нашимъ янычаромъ,—и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, лежалъ на помостѣ камень, одѣтый желтымъ мраморомъ и окруженный большими свѣчами,—это тотъ самый, на которомъ благообразный Іосифъ облекалъ въ плащаницу снятое со креста тѣло Іисусово.—«Господи!»—сказалъ я невольно, давъ ницъ со слезами —«страданія Твои еще не прекратились! Крещеные во святое Имя Твое и искупленные Тобою владѣютъ этимъ міромъ, а нечестивые стерегутъ святилища Твои!»

«Но христіане не должны смущаться, что такія великія святыни находятся въ уничиженіи языческомъ:—Спаситель міра и Себя подвергнулъ на землѣ тяжкимъ страданіямъ. Въ смятеніи чувствъ, я не помню, какъ я дошелъ до Гроба Спасителя:—тутъ я дышалъ свободнѣе—отдѣльный придѣлъ скрываетъ погребальный вертепъ Господа...» (III, 90—91).

«Самые слѣды чудеснаго храма Соломонова стерты съ лица земли... На этомъ священномъ мѣстѣ возвышается теперь великолѣпная мечеть Омарова; она занимаетъ въ ряду восточныхъ зданій то же мѣсто, которое имѣетъ Пантеонъ въ классической архитектурѣ. Мечеть Омарова въ Іерусалимѣ, называемая Эль-Сахара-лъ-лахъ пользуется почти одинаковою знаменитостью на Востокѣ, какъ и мечети Медины и Мекки. Магометъ въ

первые дни изданія Корана, повелѣлъ, чтобы Мусульмане, во время молитвъ своихъ, обращались къ мечети Іерусалимской. Входъ въ нее воспрещенъ Христіанамъ подъ смертною казнью. Сидней Смитъ, защитникъ Мусульманъ противу Французовъ во время экспедиціи Бонапарте, не могъ найдти способа проникнуть туда. Даже до сей поры, когда вліяніе Европейцевъ на Востокѣ сдѣлалось такъ сильно, мы знаемъ о внутренности мечети Омаровой только по невѣрному описанію Али-Бея (*испанскаго ренегата*)... Госпожа Бельзони, переодѣтая въ мусульманское платье, въ 1818 году, быстро пробѣжала часть мечети Омаровой, волнуемая страхомъ и все, что сказала о ней, также совершенно невѣрно. Но то, что мы знаемъ положительнаго объ этой мечети, заимствовано у медика Ричардсона, который видѣлъ эту мечеть въ тайнѣ, находясь въ служеніи при Муселимѣ Іерусалимскомъ. Я имѣлъ случай осмотрѣть... мечеть Омарову, эль-Сахару. Мое описаніе не можетъ быть обстоятельно, потому что въ одинъ часъ времени я не могъ вникать въ подробности, но по крайней мѣрѣ оно будетъ вѣрно. Скажу прежде о случаѣ, доставившемъ мнѣ туда входъ.—Въ бытность мою въ Египтѣ я пользовался благосклонностью Мегмета-Али. Я получилъ отъ него... письмо къ Пашѣ Сирійскому Шерифу, его зятю. По счастливому стеченію обстоятельствъ, Шерифъ Паша во время моего пребыванія въ Іерусалимѣ, прибылъ туда... Не желая, чтобъ онъ отказалъ мнѣ въ чемъ бы то ни было лично, я послалъ... моего драгомана выхлопотать отъ Паши разрѣшеніе на входъ въ мечеть Омарову. Шерифъ Паша представлялъ ему всѣ трудности и опасности, сопряженныя съ исполненіемъ нашего желанія, хотѣлъ сзывать на совѣтъ шейховъ Іерусалимскихъ, желая сложить на нихъ неуспѣхъ; но мой драгоманъ, зная, что въ письмѣ Мегмета-Али къ Шерифу было употреблено выраженіе: «выполнить все, чего душа моя пожелаетъ», пребылъ настойчивъ. Положено было, что на слѣдующій день, рано поутру, кавасъ Паши Сирійскаго явится къ намъ съ повелѣніемъ Имаму мечети Омаровой; но вмѣстѣ съ тѣмъ насъ просили скрыть нѣсколько нашъ Европейскій костюмъ подъ восточною одеждою. Никогда не было примѣра такого почти офиціальнаго дозволенія, и безъ сомнѣнія мы одолжены за этотъ успѣхъ могущественному дѣйствію имени Русскихъ. Кавасъ явился къ положенному часу... Нѣкоторые изъ насъ были одѣты совершенно по восточному, но если кто изъ насъ менѣе всѣхъ походилъ на Мусульманина, то это, конечно, я; на Европейское мое платье былъ накинутъ на распашку Армянскій халатъ, а на головѣ моей, вмѣсто чалмы или фески, была моя старослуживая военная фуражка. Люди наши, на всякій случай, были хорошо вооружены. Мы вступили подъ сводъ грозныхъ для Христіанъ воротъ; они занимаютъ мѣсто тѣхъ... гдѣ апостолы Петръ и Іоаннъ исцѣлили хромаго... Мусульмане изъ особеннаго предпочтенія къ этимъ воротамъ всегда освѣщаютъ ихъ лампами... Оставя въ воротахъ туфли, мы вступили на мраморный помостъ обширнаго двора. Этотъ помостъ имѣетъ, какъ полагаютъ, 100 футовъ въ длину и 500 въ ширину, и весь устланъ плитами бѣлаго мрамора... Середина этой мраморной площадки занята четвероугольною платформою, возвышающеюся ступеней на 20, также изъ бѣлаго мрамора. Туда ведутъ съ каждой стороны крыльца, украшенныя роскошными портиками. Посреди этой платформы отдѣляется еще другая, о седьми или восьми ступеняхъ, и на ней уже возвышается осьмиугольный храмъ, исполненный зодческой гармоніи. Куполъ, самой чистой сферической пропорціи, основанъ на восьмиугольномъ фонарѣ и слитъ съ нимъ въ прямую линію; онъ увѣнчанъ золотымъ полумѣсяцемъ. Стѣны одѣты разноцвѣтною узорчатою кафелью, которая отливается синимъ цвѣтомъ: во многихъ мѣстахъ цвѣточные узоры искусно слиты съ позолоченными изрѣченіями Корана. Нѣсколько фонтановъ, подъ красивыми куполами на легкихъ колоннахъ, льстятъ слуху своимъ журчаньемъ подъ жаркимъ небомъ. Разбросанныя группы кипарисовъ, лавровъ и померанцевъ вырываются кое-гдѣ изъ скважинъ мраморныхъ плитъ... Я не видѣлъ внутренности Золотыхъ Воротъ, отъ того, что не зналъ, что туда есть входъ; говорятъ, что онѣ замѣчательны. Преданіе, что въ эти ворота войдетъ Христіанскій побѣдитель Мусульманъ, глубоко вкоренено въ здѣшнихъ жителяхъ. На этомъ предположеніи Золотыя ворота закладены еще при Омарѣ... Онѣ были наружными вратами Храма или притвора Соломонова... Неподалеку отъ Золотыхъ воротъ, при поворотѣ городской стѣны отъ востока на югъ, показываютъ въ ней Мусульмане большой камень, говоря, что онъ принадлежалъ трону Соломонову... Противъ восточныхъ дверей храма построенъ мра

морный водоемъ, особенной красоты. Онъ имѣетъ также форму осьмиугольника; своды его, покрытые подобнымъ куполомъ какъ на мечети, поддержаны кругомъ двойнымъ рядомъ легкихъ коринѳическихъ колоннъ. Это мѣсто называютъ тропомъ или судилищемъ Давидовымъ. Мы вошли въ эль-Сахару черезъ сѣверныя двери, которыя называются Бабуль-Джинна, т. е. двери рая. Южныя двери называются «двери молитвы»; восточныя — «Давидовы»; западныя «двери войны». Всѣ онѣ были тогда растворены; но темный свѣтъ, падающій сквозь разноцвѣтныя стекла изъ семи оконъ купола, разливалъ необыкновенную таинственность на предметы. Два круга колоннъ изъ разнаго мрамора, съ позолоченными капителями, поддерживаютъ арки потолка: онѣ конечно принадлежали зданіямъ древняго Іерусалима. Первый рядъ, заключающій 16 колоннъ и 8 пиластровъ, идетъ вокругъ стѣнъ, а второй рядъ, имѣющій 15 колоннъ и 4 тумбы, находится подъ самымъ основаніемъ купола и имѣетъ, по моему счету, 83 шага въ окружности. Этотъ второй рядъ колоннъ основанъ на небольшомъ подъемѣ и идетъ вокругъ необдѣланнаго, огромнаго камня, скалы, обнесенной позолоченною рѣшеткою. Длина этой скалы—во весь діаметръ купола; ширина—менѣе, а высота превосходитъ человѣческій ростъ. Эта скала составляетъ святилище храма; весь Востокъ имѣетъ къ ней глубокое благоговѣніе, и по ней называется мечеть элъ-Гаджара Сахаръ-лахъ, т. е. мечетью божественнаго камня... Есть преданіе, что этотъ камень перенесенъ сюда изъ Веѳиля... что на этомъ камнѣ опочилъ Іаковъ, когда онъ видѣлъ во снѣ небесную лѣствицу, и что на немъ былъ утвержденъ Кивотъ Завѣта... По словамъ имама, камень этотъ упалъ съ неба... Подъ камнемъ есть спускъ въ пещеру; передъ входомъ туда, стоятъ прислоненныя къ камню и къ рѣшеткѣ разныя хоругви. Тутъ щитъ Магометовъ, знамя и огромный мечъ Али; но тутъ же и копье Давидово. Тутъ же, на камнѣ, лежитъ подлинная рукопись Корана... При сходѣ въ пещеру, камень поддержанъ съ двухъ краевъ двумя малыми колоннами изъ бѣлаго мрамора: онѣ утверждены косвенно въ полъ и въ камень. Эти колонны, по мнѣнію Магометанъ, должны раздавить всякаго Христіанина, дерзающаго ступить между ими; несмотря на то, мы спустились въ пещеру по восьми или девяти ступенямъ, также изъ бѣлаго мрамора. Эта пещера, называемая Магометанами «сходомъ въ подземное царство душъ», есть не что иное, какъ квадратная комната, шаговъ въ восемь пространства и немного выше человѣческаго роста. Она грубо оштукатурена, кромѣ потолка, который образованъ камнемъ. «Не думайте»—сказалъ мнѣ Имамъ—«чтобы стѣны поддерживали этотъ камень; нѣтъ, онъ держится самъ собою, а стѣны служатъ только для образованія пещеры». Эти слова объясняютъ столь извѣстную басню о камнѣ, держащемся на воздухѣ... Внутри мечети расточены кафельныя украшенія, вмѣстѣ съ мраморомъ, который похищенъ изъ храма Гроба Господня. На каѳедрахъ блестящія кафели представляютъ видъ драгоцѣнныхъ камней... Мусульмане увѣрены, что еслибы Христіанинъ, вошедшій въ эль-Сахару, сталъ молить Бога объ уничтоженіи Исламизма, то Онъ услышалъ бы его. Вѣроятно, они основываютъ такое мнѣніе на сказанномъ въ книгѣ Паралипоменонъ о посвященіи Храма Соломономъ: «и явися Господь Соломону нощію и рече ему: избрахъ мѣсто сіе Мнѣ въ домѣ жертвы... И нынѣ очи Мои будутъ отверсты и уши Мои послушни къ молепію мѣста сего». Но судьбы Божіи совершаются! съ каждымъ днемъ времена язычниковъ скончаваются: невнятный слухъ, пагубный предвѣстникъ паденія царствъ, быстро распространяется отъ Каспійскаго моря до Южнаго Океана, среди послѣдователей Магомета—и запустѣніе водворяется въ разрушающихся капищахъ Ваала...» (III, 270—292).

Читатели извинятъ насъ за то, что мы нарушили стройность этого послѣдняго описанія, принуждены будучи опустить большую часть историческихъ воспоминаній, возбуждаемыхъ Соломоновымъ Храмомъ, и высказанныхъ съ истинно-поэтическимъ одушевленіемъ: мы желали по крайней мѣрѣ передать существенное и необходимость заставляла насъ ограничиться только извлеченіемъ изъ обширнаго разсказа, занимающаго цѣлую главу. Первымъ мѣстомъ, куда направился путешественникъ изъ Іерусалима, былъ Вполеемъ. И здѣсь, какъ вездѣ, онъ записываетъ преданія, бывшія до него неизвѣстными, находитъ предметы, незамѣченные

другими, не столь проницательными или не столь счастливыми путешественниками.

«Высота, находящаяся на лѣвой сторонѣ отъ дороги (*изъ Іерусалима въ Виѳлеемъ*) называется Горою патріарха Іакова; а еще лѣвѣе, совсѣмъ въ сторонѣ отъ дороги, находится выдолбленный камень; въ простонародьи говорятъ, что тутъ Пресвятая Дѣва часто отдыхала съ младенцемъ Іисусомъ. Объ этомъ камнѣ я доселѣ не читалъ ни въ одномъ изъ путешественниковъ. Нынѣ я нахожу въ путешествіи Даніила Игумена указаніе на самый этотъ камень. Когда мы вспомнимъ, что Даніилъ путешествовалъ въ началѣ XII вѣка, то нельзя не удивляться чудному сбереженію сего камня, лежащаго на распутіи; это дастъ намъ мѣру того уваженія, которое сохраняютъ жители Палестины къ предметамъ, съ которыми хотя нѣсколько соединены священныя преданія» (III, 385—386).

Прилагая рисунокъ этого замѣчательнаго открытія, авторъ говоритъ, что нѣкогда камень былъ принадлежностью термъ. Потомъ онъ опредѣляетъ мѣстность «горняго града іудина», находя, что это Іута или Іеттѳ (III, 390) и поправляя ошибку Робинсона. Вторая поѣздка его изъ Іерусалима въ Вѳоиль, котораго не посѣщалъ ни одинъ извѣстный путешественникъ, поэтому описаніе Вѳоиля (IV, 13—17) первое въ наукѣ; на пути авторъ опредѣляетъ неизвѣстное прежде положеніе Рамы (впослѣдствіи Робинсонъ опредѣляетъ ее подобнымъ же образомъ), отъискиваетъ тамъ надгробный памятникъ, который, быть-можетъ, есть гробница Самуила, потомъ находитъ Гаваонъ (нынѣ Эль-Биръ), знаменитый чудомъ Іисуса Навина—всѣ эти мѣстности не были прежде опредѣлены, или опредѣлялись ошибочно. Третья поѣздка автора изъ Іерусалима въ Виѳанію, Іерихонъ, къ Мертвому Морю, въ обитель св. Саввы, гдѣ находитъ онъ драгоцѣнныя славянскія рукописи, которыя привозитъ въ отечество. Пятою поѣздкою изъ Іерусалима было путешествіе въ Хевронъ; оттуда путешественникъ опять возвращается въ Іерусалимъ, чтобъ проститься съ мѣстомъ, освященнымъ страданіями Спасителя, направляясь въ Галилею. На пути этомъ онъ опредѣляетъ мѣстность Эмауса, Каріаѳ-іарима, Силома, описываетъ Яфу, Наблусъ, Сихемъ, Самарію, Ѳаворъ и наконецъ Назаретъ, въ одномъ изъ храмовъ котораго замѣчаетъ престольный образъ Нерукотвореннаго лика Спасителя. По преданіямъ назаретскимъ, этотъ образъ—списокъ съ образа, принесеннаго апостоломъ Ѳаддеемъ Эдесскому царю Авгарю. Никто изъ предшествовавшихъ русскому изслѣдователю путешественниковъ не писалъ еще объ этой драгоцѣнности; онъ дѣластъ снимокъ съ образа, приложенный къ первому изданію книги; потомъ, обозрѣвая берега озера Тиверіадскаго или Геннисаретскаго, исправляетъ ошибки другихъ изъискателей, и точнымъ образомъ опредѣляетъ мѣстность Геннисарета и Капернаума; посѣщаетъ Кану Галилейскую, гору Кармилъ, Акру, Тиръ и наконецъ Сидонъ, границу Земли Обѣтованной, повсюду въ прекрасныхъ очеркахъ припоминая библейскія событія и разсказывая славныя историческія воспоминанія.

«Здѣсь я оканчиваю мое путешествіе по Святой Землѣ (восклицаетъ благочестивый ученый, покидая Сидонъ и отправляясь въ Малую Азію). Іерусалимъ, бѣдный, дикій, разрушенный, пастушескій Виѳлеемъ, забытый въ горныхъ ущельяхъ Назаретъ, разбросанныя груды городовъ Израильскихъ, заглохшіе пути Земли Обѣтованной, преисполнили всѣ мои надежды! Увидѣвъ Святую Землю, я узналъ всю тщету видѣннаго мною доселѣ, и еслибъ я началъ свой путь на Востокъ съ Палестины, то не поѣхалъ бы смотрѣть на колоссальное великолѣпіе древнихъ Египтянъ!»

Мы видѣли, что каждый шагъ ученаго путешественника ознаменованъ услугами библейской географіи, топографіи, археологіи: но авторъ оказываетъ также

значительную услугу критической исторіи нашей древней литературы, приложивъ къ своему сочиненію «Замѣчанія на путешествіе игумена Даніила въ XII-мъ вѣкѣ». Всѣмъ извѣстно, что хожденіе Даніила одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древней русской литературы; но списки его, до насъ дошедшіе, очень поздни и искажены переписчиками. Для того, чтобъ исправить ошибки, часто очень затруднительныя, необходимо знаніе описываемыхъ мѣстъ, и конечно только авторъ «Путешествія по Святой Землѣ», такъ подробно ее изслѣдовавшій по всѣмъ направленіямъ, могъ исполнить необходимое, но трудное возстановленіе текста. Онъ говоритъ:

«Я нѣсколько разъ отказывался читать разсказъ Даніила, находя въ немъ самыя грубыя географическія и мѣстныя несообразности; но увѣряю въ несомнѣнности путешествія Даніила, и проникнутый важностью столь древняго памятника, я, съ помощью моего собственнаго путешествія, воспоминаній и нѣкоторыхъ древнихъ источниковъ, имѣлъ наконецъ утѣшеніе объяснить такія ошибки, вкравшіяся въ книгу Даніила отъ невѣжественныхъ переписчиковъ и даже приписчиковъ».

Надобно сказать, что это исправленіе во всѣхъ подробностяхъ совершенно-справедливо и обезпечиваетъ достовѣрность показаній «Хожденія», весь интересъ котораго раскрылъ намъ только авторъ «Путешествія по Святой Землѣ», постоянно приводя примѣры, съ какою точностью составлено это Сказаніе, «гораздо болѣе важное, чѣмъ бы можно было предполагать по его краткости».

Если «Путешествіе по Святой Землѣ» было замѣчательнѣйшимъ сочиненіемъ въ русской литературѣ, подобно той части «Путешествія по Египту и Нубіи», въ которой описывается Нижній и Средній Египетъ, то «Путешествіе къ Семи Церквамъ» подобно плаванію по Нилу въ Верхній Египетъ и Нубію, было съ тѣмъ вмѣстѣ и первымъ по времени изъ русскихъ описаній путешествій по обозрѣваемой авторомъ землѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ русской литературѣ единственными книгами, заключавшими свѣдѣнія о Малой Азіи, до того времени были «Путешествіе чрезъ Южную Россію, Крымъ и Одессу въ Константинополь, Малую Азію, Сѣверную Африку, Мальту, Сицилію, Италію, Южную Францію и Парижъ» г. Всеволожскаго и «Обозрѣніе Малой Азіи въ нынѣшнемъ ея положеніи», г. Вронченко. Справедливость требуетъ сказать, что обѣ эти книги прекрасны. Но г. Всеволожскій на быстромъ пути своемъ едва касается береговъ Малой Азіи, которой посвящаетъ очень немного страницъ. Огромный трудъ г. Вронченки былъ бы капитальнымъ пріобрѣтеніемъ въ литературѣ самой богатой; но, во-первыхъ, онъ говоритъ только о настоящемъ положеніи Малой Азіи; во-вторыхъ—что еще важнѣе—онъ писанъ съ цѣлью собрать драгоцѣнные матеріалы для спеціальныхъ ученыхъ, а вовсе не для чтенія большинству публики; поэтому г. Вронченко придалъ своему сочиненію форму, которая составляетъ принадлежность такъ называемыхъ Handbuch'овъ, недоступныхъ для обыкновеннаго читателя. Самое ужь оглавленіе книги его достаточно показываетъ это: сначала помѣщенъ краткій очеркъ границъ страны, потомъ слѣдуютъ рубрики: «Частнаго обозрѣнія». Отдѣленіе первое: I Горы; II Большія равнины; III рѣки; IV Озера; V Минеральныя воды и т. д. Отдѣленіе второе: I Свинцово-серебряные рудники; II Мѣдные рудники; III Соль и т. д. Каждое подраздѣленіе состоитъ изъ отдѣловъ еще мельчайшихъ, каждый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ полный, драгоцѣнный для ученаго изслѣдователя, но сухой списокъ именъ, тяжелый для обыкновеннаго читателя. Мы почитаемъ такую форму достоинствомъ сочиненія, совершенно соотвѣтствующаго своей цѣли; но обширный кругъ публики

не можетъ пользоваться подобными книгами. Г. Вронченко нѣкоторыми отдѣлами своего труда (о нравахъ жителей) показываетъ, что владѣетъ замѣчательнымъ талантомъ разскащика, но онъ справедливо предпочелъ сухую ученую форму, которая давала ему возможность не опустить ни одной подробности, молочной для читателя, но существенной для географической полноты. Поэтому для большинства русской публики, повторяемъ «Путешествіе къ Семи Церквамъ» было первою книгою о Малой Азіи.

Какъ въ Палестинѣ, такъ и въ Малой Азіи путешественникъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ мѣстности, ознаменованныя битвами крестоносцевъ; но здѣсь присоединяются къ поэтическимъ воспоминаніямъ о нихъ еще болѣе поэтическія воспоминанія о славныхъ событіяхъ классической древности. Эти разсказы, благоговѣйныя сказанія о подвигахъ апостоловъ и ихъ преемниковъ, насадителей христіанства въ этой странѣ, откуда свѣтъ его распространился на Европу, исторія церкви въ послѣдующихъ вѣкахъ, придаютъ чрезвычайный интересъ «Путешествію», котораго разнообразіе и занимательность еще болѣе возвышаются живыми картинами чудной малоазійской природы и нравовъ разноплеменныхъ жителей этой страны. И здѣсь ученость автора даетъ ему средства объяснить много вопросовъ, которые прежде были темными или понимались неправильно, замѣтить много новаго, еще бывшаго неизвѣстнымъ; такъ, напримѣръ, въ Лаодикіи находитъ онъ надпись, свидѣтельствующую о соборѣ, бывшемъ противъ ереси монтановой, около 321 года (стр. 66); лидійскіе надгробные курганы, прототипъ египетскихъ пирамидъ, даютъ новое подтвержденіе мнѣнію его, что египетскія пирамиды, по крайней мѣрѣ главныя и древнѣйшія, были построены чужеземными завоевателями, которые долгое время владѣли Египтомъ (стр. 144)—чрезвычайно важное открытіе, достовѣрность котораго теперь подтверждается изслѣдованіями Лепсіуса, разоблачающаго загадки древнѣйшаго періода египетской исторіи, остававшіяся тайною для Шамполіона. Но мы не будемъ перечислять всѣхъ новыхъ соображеній и наблюденій, сдѣланныхъ въ Малой Азіи ученымъ авторомъ; обозрѣвая путешествія «по Египту и Нубіи» и «по Святой Землѣ», мы обращали преимущественно вниманіе на эту сторону трудовъ русскаго изыскателя; подобная же точка зрѣнія должна по необходимости принадлежать анализу его изслѣдованія объ Атлантидѣ; поэтому, обозрѣвая «Путешествіе къ Семи Церквамъ», мы хотимъ ограничиться описательною и повѣствовательною стороною сочиненія, столько же отличающагося достоинствами изложенія, сколько и учеными достоинствами.

Изъ Бейрута, мимо Кипра, плыветъ авторъ въ Атталію на греческомъ торговомъ кораблѣ «Пенелопѣ»; пассажиры подвергаются опасностямъ отъ корыстолюбія шкипера, который, по какимъ-то выгоднымъ торговымъ сдѣлкамъ, сходитъ на берегъ въ Лимисоли, гдѣ свирѣпствуетъ чума; въ Атталіи объявляютъ невиннымъ пассажирамъ, что выходъ на берегъ воспрещенъ для нихъ, потому-что въ городѣ этомъ чума; напрасно объясняютъ они, что въ такомъ случаѣ не могутъ быть они опасны для Атталіи; напрасно авторъ изъявляетъ готовность выдержать карантинъ для успокоенія паши зачумленнаго города: странное запрещеніе не отмѣняется. Тогда путешественники выходятъ на берегъ насильно, разгоняя однимъ видомъ пистолетовъ толпу янычаръ, и паша, понявъ послѣ этого нелѣпость своего распоряженія, принимаетъ ихъ очень почтительно, даже радушно. Дорога изъ Атталіи черезъ Бурдуръ въ Колоссы ужасна, но виды восхитительны.

«Я доселѣ не видывалъ ничего привлекательнѣе, ничего свѣжѣе, ничего живописнѣе роскошной долины, которая находится между исполинскими горами Баба-дагомъ и Хонасъ. Къ ней можно справедливо отнести изреченіе одного древняго писателя, что боги нарочно для нея раздвинули огромныя горы (Aelian. III, 1). Здѣсь сила растительной природы является во всемъ ея могуществѣ. Рѣдко можно видѣть столь густыя рощи, столь огромныя развѣсистыя деревья, такую яркость зелени на лугахъ, такую кристальную прозрачность въ быстро текущихъ ручьяхъ, такое разнообразіе въ отливахъ свѣта, столько таинственныхъ уединеній для отдыха усталымъ путникамъ; самыя скалы исполинскихъ горъ тамъ, гдѣ онѣ соединяются съ долиною, теряютъ свою мрачность, одѣваясь густою тканью яркозеленаго плюща разныхъ родовъ, и манятъ подъ сводъ своихъ пещеръ» (V, 51).

Лаодикія, Іераполисъ представляютъ грустное зрѣлище разрушенія и нищеты, смѣнившей древнюю роскошь и великолѣпіе; Филадельфія радуетъ христіанина благочестіемъ и гостепріимствомъ своихъ жителей, которые мужественно защищали всегда свою пламенную вѣру во Христа; но отъ Сардиса осталось только имя. Вотъ отрывки изъ воспоминаній и впечатлѣній путника:

«Съ какимъ сердоболіемъ Сынъ человѣческій, превѣчная истина, призываетъ Лаодикійскихъ Христіанъ къ покаянію! Лаодикійцы пребыли ни хладны, ни горячи. Но познавшіе свѣтъ, должны были принять осужденіе, ибо нельзя служить въ одно время Богу и идолу богатства мамонѣ. Роскошь Лаодикійцевъ достигла высшей степени; торговые обороты ихъ города сдѣлали его однимъ изъ главнѣйшихъ въ Азіи; руно его стадъ затмило знаменитое руно Милетское. Тацитъ говоритъ, что когда Лаодикія была разрушена землетрясеніемъ, жители отказались отъ помощи Рима, и сами возстановили съ прежнимъ великолѣпіемъ свой городъ. То же самое было, когда ее разрушилъ Митридатъ-Эвпаторъ; но злато Лаодикійцевъ не было злато, очищенное огнемъ. Всѣ сокровища не могли ужь возстановить пышный городъ отъ повторенныхъ ударовъ грома небеснаго; земля поглотила въ послѣдній разъ почти весь городъ, и онъ ужь не возсталъ болѣе: звѣри и гады гнѣздятся теперь въ его развалинахъ, исчезающихъ съ лица земли (V, 69—70).

«Почти при выѣздѣ изъ Лаодикіи, проѣхавъ черезъ Ликусъ по мосту, и даже съ холмовъ, прилежащихъ къ Лаодикіи, открываются вамъ скалы Іераполиса; онѣ удивляютъ взоръ своею бѣлизною и своимъ страннымъ образованіемъ. Чѣмъ болѣе вы къ нимъ приближаетесь, тѣмъ непонятнѣе вамъ кажутся съ перваго взгляда эти скалы, образованныя изъ бѣлоснѣжныхъ глыбъ и полосъ, рѣзко отражающія лучи солнца; онѣ представляютъ видъ окаменѣлыхъ водопадовъ, и дѣйствительно должно такъ ихъ назвать. На обширной платформѣ, которая образована уступомъ скалъ, процвѣталъ древній Іераполисъ или «священный городъ», такъ названный по тѣмъ феноменамъ, которые въ этомъ мѣстѣ представляетъ природа, и по большому количеству храмовъ, воздвигнутыхъ въ немъ разнымъ божествамъ. Эти храмы въ страшномъ разрушеніи устлаютъ всю мѣстность города, и ихъ великолѣпные остатки разсѣяны даже по скатамъ скалъ и въ глубинѣ овраговъ, разметанные землетрясеніемъ. Одинъ путешественникъ, пораженный величіемъ этой картины, сказалъ, что этотъ городъ можно причесть нетокмо къ главнымъ городамъ Востока, но даже и міра (V, 81—82).

«Неподалеку отъ Іераполиса, оставя за собой селеніе Сарай-Кіой, въ обширной горной долинѣ, мы проѣхали по мосту черезъ рѣку Меандръ, столь прославленную поэтами, столь извѣстную своими безконечными извилинами и какъ любимое пристанище лебедей. Влѣво рисовались хребты горъ, продолженіе Кадмуса; за ними, въ оконечной перспективѣ, высились къ облакамъ, какъ исполины, шпицы горъ, въ разнообразныхъ и самыхъ живописныхъ очеркахъ. Извилины Меандра заставили поэтовъ сказать, что, глядя на него, нельзя угадать, куда онъ стремится: къ устью ли въ морѣ или обратно къ своему истоку. Плодопосіе долинъ Меандра радуетъ взоръ, особенно послѣ мертвенности скалъ Іераполиса (V, 99).

«Призваніе Сына Человѣческаго, чрезъ Св. Іоанна, глубоко врѣзано доселѣ въ сердцахъ малаго стада христіанъ этого города... «Вѣмъ твоя дѣла; яко малу имаши

«силу и соблюлъ еси Мое слово и не отверглся еси имени моего... И Азъ тя соблюду «отъ годины искушенія. Побѣждающаго, сотворю столпа въ церкви Бога моего». Это воззваніе одушевляетъ вседневную молитву христіанъ Филадельфійскихъ. Памятованіе сихъ глаголовъ было всегда щитомъ города противу варварскихъ полчищъ Кирміянъ подъ предводительствомъ Алитира и потомъ противу страшнѣйшихъ враговъ, Оттомановъ, предводимыхъ Орханомъ, сыномъ Оттомановымъ. Вся Малая Азія была покорена его мечу, одна Филадельфія, какъ бы сохраняя въ себѣ залогъ всѣхъ семи Церквей Апокалипсиса, стояла непобѣдимо подъ знаменемъ Креста. Циркъ и три театра Лаодикіи сдѣлались логовищемъ шакаловъ и волковъ, Сардисъ сталъ ничтожною деревушкою, въ Пергамѣ и Ѳіатирѣ видны только однѣ мечети вмѣсто памятниковъ. Одна Филадельфія спаслась чрезъ свою твердость... Побѣдоносный мечъ Баязета также долгое время притуплялся о стѣны Филадельфіи. Доблестный защитникъ Филадельфіи и нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ гражданъ погибли отъ Оттомановъ, но городъ не былъ разоренъ. И даже, когда гроза своего вѣка, Тамерланъ, предавалъ огню и пламени весь Востокъ, смерти ангелъ разрушенія не коснулся Филадельфіи, защищенной своимъ Ангеломъ хранителемъ (V, 102—106).

«По мѣрѣ приближенія къ Сардису, вамъ открываются два высокіе хребта живописныхъ горъ; первый рядъ этихъ горъ состоитъ изъ скалъ съ разодранными шпицами, а вершины втораго хребта правильно закруглены и увѣнчаны снѣгомъ. Разгромленныя и покрытыя прахомъ развалины Сардиса прислонены къ тремъ совокупленнымъ вмѣстѣ горамъ Тмолуса. Стѣны города, отъ обрывистыхъ высотъ, на одной изъ которыхъ былъ Акрополисъ или цитатель, сходили въ три ряда въ обширную равнину, омываемую золотоноснымъ Пактоломъ. На горизонтѣ этихъ долинъ, къ сѣверу, встаютъ огромные надгробные курганы царей Сардисскихъ —эти пирамиды варварскихъ народовъ. Одинъ изъ этихъ кургановъ высится, какъ исполинъ, надъ прочими. Таковъ первый видъ мѣста, гдѣ былъ Сардисъ, второй городъ по Римѣ своимъ великолѣпіемъ, и только уступавшій Вавилону. Я глядѣлъ на картину его опустошенія, сидя на мраморныхъ ступеняхъ амфитеатра, находящагося на полвысотѣ средней горы, куда я съ трудомъ добрался по грудамъ поверженныхъ зданій. То былъ храмъ Кивелы, матери боговъ, древнѣйшій памятникъ Іоническаго зодчества. Среди грудъ стѣнъ, карнизовъ, архитравовъ, капителей чистаго бѣлаго мрамора, встаютъ только двѣ величественныя и громадныя колонны; не только капители, образецъ изящнаго рѣзца, но весь гармоническій рисунокъ этихъ колоннъ приковываетъ къ себѣ вниманіе набредшаго на нихъ путника... Я спустился въ задумчивости отъ храма Кивелы къ берегамъ Пактола, искать отдохновенія и пристанища отъ зноя,—и столица Лидійская представила мнѣ только нѣсколько разодранныхъ шатровъ кочующихъ Туркомановъ; они предложили мнѣ козье молоко и пригоршню отрытыхъ ими древнихъ монетъ, которыя всѣ были временъ Римскихъ Кесарей; но тутъ не было ни одной Греческой, ни одна изъ нихъ не говорила ужь о могущественномъ Крезѣ, но только о побѣдителяхъ его побѣдителей, также давно сметенныхъ съ лица земли.

Quid tibi visa, Craesi regia Sardis?
Какъ нравится тебѣ столица Креза, Сарды?
Horat. Epist. 1, XI (V, 118—122).

Можетъ быть, большая часть нашихъ читателей назоветъ эти выписки совершенно излишними, потому-что «Путешествіе къ Семи Церквамъ» точно такъ же, какъ и Путешествія «по Святой Землѣ» и «по Египту и Нубіи» давно ужь извѣстно всей публикѣ, давно ужь оцѣнено, подобно этимъ «Путешествіямъ», которыя были приняты съ такимъ живѣйшимъ сочувствіемъ. Поэтому не увеличиваемъ числа нашихъ заимствованій, не слѣдуемъ за авторомъ въ Смирну, Пергамъ, Эфесъ и Патмосъ, столь богатыя классическими и христіанскими воспоминаніями, доставляющими русскому путешественнику столько прекрасныхъ страницъ, и спѣшимъ перейдти къ изложенію его «Изслѣдованія объ Атлантидѣ», которое первоначально составляло одну изъ главъ его «Путешествія къ Семи Церквамъ»; но потомъ,

при увеличеніи объема новыми изысканіями, составило особенный обширный трактатъ, напечатанный въ видѣ приложенія къ этому путешествію.

Вотъ по переводу автора, въ извлеченіи, знаменитый разсказъ Платона объ этой славной въ доисторическое время землѣ, вопросъ о положеніи которой такъ занимаетъ всѣхъ изслѣдователей древнѣйшей исторіи и географіи. Когда Солонъ былъ въ Саисѣ, жрецы египетскіе удивили его своими разсказами о событіяхъ глубокой древности, неизвѣстныхъ грекамъ; Солонъ сказалъ своимъ ученикамъ, что древнѣйшія греческія преданія не простираются далѣе временъ потопа, бывшаго при Девкаліонѣ и Пиррѣ:

«Тогда одинъ изъ старѣйшихъ жрецовъ сказалъ ему: «О Солонъ, Солонъ, вы Греки—дѣти; у Грековъ нѣтъ ни одного старца! Вы всѣ новички относительно древности, и вамъ ничего неизвѣстно, что было древле, какъ здѣсь, такъ и у насъ. Вы ничего не знаете о прекрасномъ поколѣніи людей, вашихъ родоначальниковъ. Наши скрижали свидѣтельствуютъ, какъ нашъ народъ устоялъ противу усилій мощнаго народа, напавшаго несправедливо на всю Европу и Азію, и пришедшаго съ Атлантическаго Моря, которое тогда могло быть проходимо въ бродъ. Оно имѣло островъ противу устья, которое вы на своемъ языкѣ называете «Иракловы колонны». Самъ же островъ былъ пространнѣе, чѣмъ Азія и Ливія вмѣстѣ. Въ названномъ нами островѣ, Атлантидѣ, были цари, имѣвшіе власть могущественную, которая распространилась и на другіе острова и части материка. Сверхъ того, они владычествовали внутри Ливіи до Египта, а въ Европѣ до Тирреніи. Ихъ силы покусились покорить разомъ вашу и нашу землю. Тогда Аѳиняне приняли предводительство надъ Эллинами, и восторжествовали надъ своими противниками, оградивъ такимъ образомъ многихъ отъ порабощенія, и намъ, живущимъ внутри предѣловъ Иракловыхъ, даровали свободу. Но случившіяся послѣ того землетрясенія и наводненія поглотили въ одинъ день и въ одну ужасную ночь все наше воинство и вмѣстѣ съ тѣмъ островъ Атлантида погрузился въ море и исчезъ. Отъ этого море на томъ мѣстѣ сдѣлалось неудобнымъ для мореплаванія отъ ила и отмелей, которыя оставилъ по себѣ погрузившійся островъ» (Платонъ, въ «Тимеѣ»).

Въ другомъ разговорѣ, «Критій», возвращаясь къ тому же разсказу, Платонъ заставляетъ Солона прибавлять, между прочимъ, что Аттика въ древности была несравненно больше, нежели въ ихъ время, потому-что большая половина ея погружена въ море въ одно время съ Атлантидою, вслѣдствіе того же самаго переворота, и что Атлантида простиралась въ длину на 3000 стадій (500 верстъ), а въ ширину на 2000 стадій (340 верстъ). Обыкновенно полагали, что Платонъ помѣщаетъ Атлантиду на нашемъ Атлантическомъ Океанѣ; одни ученые думали, что это былъ обширный материкъ у западнаго берега Африки, слѣдами котораго остались Канарскіе Острова; другіе даже хотѣли видѣть въ немъ Америку и подъ погибелью Атлантиды понимать прекращеніе плаваній въ эту отдаленную страну. Основаніемъ такому предположенію служили имена «Геркулесовы Столбы» и «Атлантическое Море», которыя, безъ точнѣйшаго изслѣдованія, понимались въ томъ самомъ смыслѣ, какой имѣли они у позднѣйшихъ классическихъ писателей и сохранили донынѣ. Но изъ такого предположенія рождаются необъяснимыя несообразности. Теперь извѣстно, что въ глубокой древности ни греки, ни египтяне не могли имѣть преданій о моряхъ и земляхъ за Гибралтарскимъ Проливомъ; что сами карѳагеняне начали плавать далѣе Гибралтара ужь очень поздно: какъ же Атлантида, преданія о которой древнѣе девкаліонова потопа, могла лежать за Гибралтаромъ? И если она лежала на нынѣшнемъ Атлантическомъ Океанѣ, то какъ же можно было придумать, что съ этого острова переходили въ бродъ въ Египетъ и въ Аттику? Это можно сказать только о близкомъ островѣ, лежащемъ гдѣ

нибудь на восточной части Средиземнаго Моря; и какъ же погруженіе Атлантиды и части Аттики считать соприкасающимися явленіями, если эти страны раздѣлялъ весь материкъ Европы и Африки, все Средиземное Море? Читатель, самый твердый въ прежнемъ мнѣніи, относившемъ Атлантиду за Гибралтаръ, признаетъ эти трудности необъяснимыми при своей ипотезѣ, и согласится, что они прекрасно разрѣшаются изслѣдованіемъ глубокомысленнаго автора. Прежде всего вникнемъ въ значеніе географическихъ именъ, употребляемыхъ Солономъ и египетскими жрецами.

Надобно знать, что Гигантъ-Атласъ, отъ котораго названо Атлантическое Море, ужь позже перенесенъ въ Западную Ливію; гораздо древнѣе преданіе, что Атласъ жилъ въ Египтѣ и училъ египтянъ астрономіи; Павзаній говоритъ также отъ Атласѣ віотійскомъ, въ Греціи; Эѳіопія въ древнѣйшее время называлась Атлантія. Атласъ былъ сынъ Азіи (Азіею въ древности называлась исключительно часть Малой Азіи). Итакъ, Атлантическимъ Моремъ должно было называться въ глубочайшей древности Средиземное, и только впослѣдствіи, при расширеніи географическихъ познаній, перенесено было это имя на тотъ океанъ, который называется нынѣ Атлантическимъ.

Точно также и Столбы Геркулесовы стали означать гибралтарскія скалы ужь впослѣдствіи времени; прежде «Столбами Геркулесовыми» называлось главное западное устье Нила, гдѣ былъ геркулесовъ городъ и храмъ (Гераклеумъ). Еще вѣроятнѣе, что подъ «Столбами Геркулесовыми» надобно понимать скалы Босфора, которыя по первоначальному преданію были предѣломъ странствій Геркулеса; во всякомъ случаѣ, первоначально относилось это имя къ мѣстности на восточной части Средиземнаго Моря, и только впослѣдствіи, съ распространеніемъ географическихъ познаній, было перенесено на Гибралтаръ, подобно тому, какъ на западъ перенесены были гигантъ и гора Атласъ и Атлантическое Море. Примѣровъ подобнаго перенесенія множество. Укажемъ совершенно подобныя отношенія древнѣйшей и послѣдующей Гесперіи, Макарійскихъ Острововъ, входа въ плутоново царство и проч.: всѣ эти имена постепенно отдалялись на западъ изъ восточной части Средиземнаго Моря.

Прибавимъ, что, по древнему преданію, Европа и Африка считались однимъ материкомъ. Вотъ, наконецъ, преданія, прямо говорящія о погруженіи въ море материка, лежавшаго между Европою, Азіею и Африкою въ восточной части Средиземнаго Моря.

Плиній разсказываетъ, что Кипръ соединялся въ древности съ материкомъ Сиріи. Солонъ говоритъ, что отъ Киликіи до Египта была земля. Масуди (арабскій географъ) разсказываетъ преданіе, что изъ Египта на островъ Кипръ можно было переходить въ бродъ, а потомъ море затопило сѣверную часть Египта (гдѣ нынѣ озеро Мензале). Другой арабскій писатель, Якутъ, сообщаетъ преданіе, что море потопило часть Греціи, Сиріи и многія земли около нихъ; возвышенности затопленныхъ странъ кажутся нынѣ островами восточной части Средиземнаго Моря. У Діодора Сицилійскаго также говорится, что море затопило большое пространство материка Азіи и низменныя долины Самооракіи. Наконецъ арабскій писатель Эль-Бируни сообщаетъ, что между Александріею и Константинополемъ была земля. Конечно, эти свидѣтельства и доказательства развиваются авторомъ несравненно убѣдительнѣе, нежели въ нашемъ краткомъ перечисленіи; сверхъ того, мы по необходимости привели можетъ быть только десятую часть доказательствъ, представ-

ляемыхъ въ его разъисканіи: тѣмъ не менѣе, мы увѣрены, что даже послѣ этого краткаго и неполнаго перечня всѣ читатели согласятся, что авторъ имѣетъ на своей сторонѣ всю вѣроятность, когда говоритъ:

«Атлантида, по нашему предположенію, занимала все пространство Средиземнаго Моря отъ острова Кипра до Сициліи, возлѣ которой на сѣверъ было Тирренское Море и Тирренія. Это пространство совершенно соотвѣтствуетъ тому, которое Платонъ опредѣляетъ для Атлантиды, именно, 3000 стадій въ длину и 2000 въ ширину».

Нельзя не согласиться, что это «Изслѣдованіе» удовлетворительнѣйшимъ образомъ разрѣшаетъ столь затруднявшій всѣхъ объяснителей вопросъ о положеніи «Платоновой Атлантиды» и тѣмъ оказываетъ важную услугу древнѣйшей географіи.

Заключаемъ нашъ обзоръ, слишкомъ краткій въ сравненіи съ тѣмъ, какого требовало бы ученое достоинство и живая занимательность «Путешествій» автора, давшаго русской публикѣ замѣчательнѣйшія описанія Святой Земли и Нижняго Египта, первыя и столь же замѣчательныя описанія Верхняго Египта, Нубіи и Малой Азіи. Несмотря на свою недостаточность, обозрѣніе наше до нѣкоторой степени показало, однакожь, какое мѣсто не только въ русской, но и вообще въ европейской литературѣ занимаютъ эти труды, на сколько они двинули науку впередъ и съ какою вѣрностью представили рѣшеніе многихъ важнѣйшихъ и затруднительнѣйшихъ вопросовъ древней исторіи, географіи и археологіи.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Осада и взятіе Византіи турками. Историческое изслѣдованіе *М. Стасюлевича*. Санкпетербургъ. 1854. Въ 8 д. л. 112 стр.

Имя г. Стасюлевича, мало знакомое публикѣ, довольно хорошо извѣстно спеціалистамъ, потому что онъ успѣлъ издать нѣсколько изслѣдованій и напечатать въ одномъ изъ нашихъ журналовъ нѣсколько рецензій, которыя всѣ отличались одинаковыми качествами. Намъ очень пріятно было увидѣть, что въ новомъ его изслѣдованіи эти качества достигли еще большаго развитія, такъ что сдѣлались достойными вниманія не только людей, посвятившихъ себя историческимъ трудамъ, но и всѣхъ вообще читателей.

Первая и интереснѣйшая изъ особенностей, поражающихъ въ новомъ произведеніи г. Стасюлевича — оригинальность воззрѣній. Поводомъ къ составленію изслѣдованія объ осадѣ и взятіи Византіи турками была для него мысль, будто-бы «Византія доселѣ остается загадкою во всемірной исторіи». До сихъ поръ никто этого не предполагалъ. Всѣ знали, что объ исторіи Византійской Имперіи выходитъ менѣе сочиненій, нежели, напримѣръ, объ исторіи древней Греціи или древняго Рима; но причиною этого было то, что исторія Византіи, представляющая гораздо менѣе затруднительныхъ вопросовъ, нежели исторія какого бы то ни было другого государства, гораздо менѣе нуждается въ глубокомысленныхъ изслѣдованіяхъ. Другою причиною надобно считать то, что во всемірной исторіи Византія не имѣетъ той важности, какъ Римъ или Аѳины. Наконецъ, есть и третья причина, прямо противоположная тому, что предполагаетъ г. Стасюлевичъ: очень немного найдется отдѣловъ всемірной исторіи, по которымъ существовали бы такія классическія сочиненія, какъ для исторіи Византійской Имперіи. Однимъ словомъ, византійская исторія гораздо менѣе затруднительна и гораздо лучше объяснена, нежели другіе отдѣлы древней или средневѣковой исторіи: удивительно ли послѣ того, что нынѣче ученые изслѣдователи охотнѣе обращаютъ свои силы на объясненіе египетской, персидской, аѳинской или римской исторіи нежели византійской? Но и Византія не забыта: ежегодно выходятъ прекрасные труды по этой части. Каждый, слѣдящій за историческою литературою, знаетъ ихъ.

Г. Стасюлевичъ, однакожь, хочетъ считать Византію «загадкою въ исторіи», находитъ полезнымъ выводить, относительно самыхъ понятныхъ событій византійской исторіи, «совершенно новые результаты», увѣряя, что, до появленія его сочиненія, все было понимаемо «превратно». И такъ г. Стасюлевичъ хочетъ быть

Шамполіономъ, Нибуромъ византійской исторіи? Роль очень завидная, но для выполненія ея нужно много условій, изъ которыхъ первое — основательное изученіе предмета, безъ чего нельзя избѣжать промаховъ. Мы считаемъ нужнымъ взглянуть на эту сторону труда его прежде, нежели займемся разсмотрѣніемъ «совершенно новыхъ результатовъ», до которыхъ дошелъ изслѣдователь византійской исторіи. Взглянемъ на пособія, при которыхъ воздвигается новое зданіе: это уже дастъ намъ возможность предугадывать его прочность.

Положимъ, что всѣ нынѣшнія понятія о Византіи «превратны»; но самъ г. Стасюлевичъ, вѣроятно, согласится, что въ опредѣленіи византійскихъ мѣръ и вѣсовъ никакой «превратности» быть не можетъ: какъ ни судите о какой-нибудь странѣ, все-таки надобно будетъ сказать, что русская верста равна 500 саженямъ, французскій киллометръ немного менѣе русской версты, и т. д.; тутъ нѣтъ мѣста «превратностямъ».

Какъ велика была окружность стѣнъ Константинополя во время осады? Самъ г. Стасюлевичъ приводитъ въ примѣчаніи цифры, сообщаемыя византійскими историками — 111 стадій или 18 миль. Стадія имѣла около 80 саженъ; на нашу версту приходилось 6 стадій; миля византійская равнялась нашей верстѣ; и такъ 18 миль — то же, что 18 верстъ; 111 стадій равны 18 верстамъ безъ 80 саженъ. Но г. Стасюлевичъ на той же самой страницѣ (73-й), гдѣ выставлено это примѣчаніе, говоритъ, что окружность стѣнъ Византіи равнялась 50—60 верстамъ, ссылаясь въ подтвержденіе на цифры примѣчанія, говорящія объ 18 верстахъ. Эту ошибку можно объяснить такъ: вѣроятно, г. Стасюлевичу попалось во французскомъ переводѣ какое нибудь англійское сочиненіе, говорящее, что окружность Византіи была 12—15 миль, то есть англійскихъ; онъ справился о величинѣ мили и ему попалась французская миля, равняющаяся 4 верстамъ. Такимъ образомъ англійскія мили, превратившись во французскія, увеличили для г. Стасюлевича объемъ Византіи въ три раза. Положимъ, что можно не знать величину византійской, не помнить величину англійской мили; но какъ же не знать величину греческой стадіи? Она объясняется въ учебникѣ г. Смарагдова... Въ вознагражденіе за увеличеніе объема, уменьшилось число жителей Византіи: всѣ историки (въ томъ числѣ и Карамзинъ, говоря о взятіи Византіи въ V томѣ своей «Исторіи») согласны, что въ Константинополѣ, при его паденіи, было по крайней мѣрѣ 100 тысячъ жителей, а по всей вѣроятности, гораздо болѣе. Г. Стасюлевичъ утверждаетъ, что «народонаселеніе Византіи могло превышать не болѣе (то есть не могло превышать?) какъ 20 тысячъ» (стр. 24). Этого числа не могъ онъ найти нигдѣ и вывелъ его собственными соображеніями. Онъ могъ бы вспомнить при этомъ, что странно давать городу, имѣющему объемъ 50— 60 верстъ, по его мнѣнію, то есть объемъ Лондона, народонаселеніе уѣзднаго города. Могъ бы также онъ вспомнить, что (на стр. 66) самъ говоритъ: «нынѣшній Константинополь, по своимъ предѣламъ, мало отличается отъ прежней Византіи»; а по свидѣтельству «Мѣсяцослова» на 1855 годъ, въ Константинополѣ считается болѣе 800.000 жителей. Не вспомнивъ о томъ, что по взятіи Константинополя турки захватили себѣ въ рабство болѣе 60.000 его жителей (а большая часть жителей осталась свободными; десятки тысячъ были убиты, тысячи должны были умереть во время осады) не вспомнивъ объ этомъ, онъ не противорѣчитъ себѣ, потому что этого факта (противорѣчащаго понятію о кротости Мухаммеда II-го) нѣтъ въ его книжкѣ.

Какъ велико было число защитниковъ осажденнаго города? «Византія была защищаема 5.000 гарнизона» утверждаетъ постоянно г. Стасюлевичъ; но въ одномъ мѣстѣ, по обмолвкѣ, онъ говоритъ: «гарнизонъ осажденнаго города состоялъ менѣе нежели изъ 7.000 человѣкъ», (стр. 73); между тѣмъ число это положительно извѣстно, и послѣднее показаніе близко къ истинѣ. Возвратимся, однако, къ мѣрамъ и вѣсамъ. У Мухаммеда II была огромная пушка, изъ которой по свидѣтельству греческихъ историковъ, стрѣляли каменными ядрами въ 1.100 фунтовъ (27½ пудовъ) вѣсу и выстрѣлы который были слышны за 100 стадій (17 верстъ). Г. Стасюлевичъ полагаетъ, что эти цифры равны 36 пудамъ и 50 верстамъ (стр. 14). Какъ 100 стадій обратились въ 50 верстъ, легко понять: опять во французскомъ переводѣ англійскаго сочиненія г. Стасюлевичъ нашелъ 12 миль (англійскихъ) и, превративъ ихъ во французскія, получилъ 50 верстъ. Еще два примѣра: Мухаммедъ II построилъ мостъ или плотину въ 50 локтей ширины, во 100 локтей длины. Г. Стасюлевичъ превращаетъ локти въ футы (стр. 83). При восшествіи на престолъ, Мухаммедъ II клялся платить Византіи 300.000 аспръ дани: тогда аспра равнялась 5 коп. сер. и, слѣдовательно, дань равнялась 15.000 р. сер., но г. Стасюлевичъ думаетъ, что величина дани равнялась 3.325 р. сер. (стр. 56, примѣчаніе), смѣшивая аспру XV вѣка съ аспрою XVII или XVIII вѣка. Наконецъ, послѣдній примѣръ: были-ль у турокъ фрегаты въ XV вѣкѣ? Каждому извѣстно, что о судахъ, подобныхъ величиною не только нынѣшнему фрегату, но и корвету, не имѣли тогда понятія; тогда были только галеры — очень маленькія суда, сравнительно съ нынѣшними. Но г. Стасюлевичъ находитъ у Мухаммеда II цѣлыми десятками не только фрегаты, но и линейные корабли (быть можетъ, даже винтовые пароходы, во 120 пушекъ?). Вотъ его слова: «турецкая эскадра, состоявшая изъ 30 линейныхъ кораблей... Другая эскадра состояла изъ 18 линейныхъ кораблей и 48 фрегатовъ» (стр. 69). И г. Стасюлевичу не кажется странно, что этотъ флотъ, имѣвшій 48 линейныхъ кораблей, 48 фрегатовъ и «болѣе 300 другихъ судовъ», былъ побѣжденъ четырьмя или пятью генуэзскими галерами? Дѣло въ томъ, что мѣстные линейные корабли и фрегаты были въ сущности небольшія галеры, а остальныя суда—просто лодки. Вѣдь самъ г. Стасюлевичъ разсказываетъ, что эти линейные корабли и фрегаты были перетащены черезъ перешеекъ, шириною въ 8 или 10 верстъ: изъ этого могъ бы онъ судить о ихъ величинѣ, если ему не случилось вспомнить значенія греческихъ словъ «тріира» и «діира».

Можно послѣ этого предположить, до какой степени точно изложеніе фактовъ у г. Стасюлевича, если онъ такъ аккуратенъ даже въ цифрахъ, не требующихъ никакого соображенія. Но мы думаемъ, что уже довольно привели примѣровъ степени знакомства автора съ византійскими древностями, и что объ основательности капитальныхъ преобразованій, которыя онъ вводитъ въ византійскую исторію, можно судить по удачѣ, съ какою исправляетъ онъ «превратныя» понятія даже о столь, повидимому, непреложныхъ вещахъ, какъ мѣры, вѣсы и вообще математическія данныя. Если геометрія и корабельная архитектура подвергаются преобразованіямъ, то какая судьба ждетъ хронологію и вообще историческіе факты, столь слабые сравнительно съ математическими фактами?

Какое понятіе имѣете вы, читатель, о характерѣ Мухаммеда II? Не правда ли, вы всегда думали, что онъ былъ мусульманинъ? Вы ошибаетесь; оставьте это «пре-

вратное понятіе». Г. Стасюлевичъ отчасти намекаетъ, что Мухаммедъ II былъ втайнѣ христіанинъ; вотъ его подлинныя слова: «Магометъ II былъ сынъ христіанской рабыни; его мачиха, сербская принцесса (какъ? у турокъ бываютъ даже мачихи?), была также ревностною христіанкою. Эти два обстоятельства не остались безъ вліянія на его религіозныя убѣжденія» и т. д. (стр. 53); послѣ этого вы не удивитесь, что, по мнѣнію г. Стасюлевича, Мухаммедъ II былъ кротокъ, миролюбивъ, правдолюбивъ, врагъ всякихъ завоеваній и всякой хитрости. Странно только, что на каждой страницѣ у г. Стасюлевича вырываются фразы, противорѣчащія такому описанію. О томъ, что всѣ факты, излагаемые въ его книгѣ, противорѣчатъ его понятію о Мухаммедѣ II, мы не говоримъ; что намъ за дѣло до фактовъ? Мы ищемъ только художественной послѣдовательности въ поэтической сторонѣ «Осады и занятія Византіи турками». Замѣтимъ, однако, что, довѣряя каждому слову византійскаго историка Францы, г. Стасюлевичъ могъ бы пожалѣть объ этомъ бѣдномъ отцѣ, сынъ котораго былъ зарѣзанъ Мухаммедомъ II по причинамъ, вовсе не дѣлающимъ чести «прекрасному воспитанію» Мухаммеда II: вѣдь Франца разсказываетъ этотъ случай довольно ясно. Вспомнивъ этотъ поступокъ Мухаммеда II, г. Стасюлевичъ повѣрилъ бы и разсказу о причинѣ гнѣва этого добраго завоевателя на Луку Нотару, который не согласился пожертвовать своимъ сыномъ. Мы не хотимъ выставлять Мухаммеда извергомъ; но онъ былъ истинный турокъ XV вѣка: вспыльчивъ, славолюбивъ, коваренъ и не щадилъ никого и ничего для удовлетворенія своимъ страстямъ, изъ которымъ первая была страсть къ завоеваніямъ.

Но г. Стасюлевичъ дѣлаетъ неожиданное открытіе: Мухаммедъ II былъ миролюбивъ; онъ не любилъ завоеваній; онъ, со слезами на глазахъ, съ горестью въ душѣ, рѣшился на завоеваніе Константинополя, будучи вынужденъ прискорбною необходимостью къ такому противному его правиламъ дѣлу, какъ война. Во взятіи Византіи виноватъ не онъ. Кто же?—латинцы; они довели нѣжнаго Мухаммеда II до печальной крайности обнажить мечъ для собственнаго спасенія. Онъ только защищался, а не нападалъ... И вы думали до сихъ поръ что Мухаммедъ II, осаждая Константинополь, хотѣлъ разрушить послѣдній остатокъ завоеваннаго греческаго царства, что онъ отнялъ Византію у грековъ? Это самое «превратное» понятіе! Мухаммедъ, осаждая Византію, воевалъ съ «латинцами» (которые, впрочемъ, были его союзниками и помогали ему въ это время), а не съ греками; онъ отнималъ Византію не у Константина Палеолога, а у «латинцевъ». Вообще, не Мухаммедъ II, а «латинцы» хотѣли завоевать Византію. Въ этомъ состоятъ «совершенно новые результаты», излагаемые г. Стасюлевичемъ. Вотъ небольшой отрывокъ которому подобные найдутся на каждой страницѣ его книжки:

«При ясномъ взглядѣ Магомета II на вещи нельзя было не понять, что дѣло идетъ вовсе не о независимости Византіи, что вопросъ состоитъ не въ томъ, быть или не быть Византіи независимою? Его опытность и примѣръ прошедшаго убѣдили, что козняхъ латинцевъ не будетъ конца, что они вѣчно будутъ хлопотать о независимости Византіи, пока не овладѣютъ ею сами. Магометъ II сознавалъ, что латинцы ищутъ господства на Востокѣ и рѣшился предупредить ихъ» (стр. 61).

Вообще дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: турки жили въ мирѣ съ греками; но явились въ Византію латинцы—и Мухаммедъ II отнялъ у нихъ Константинополь. Союзъ Константина Палеолога съ латинцами былъ причиною разрыва искренней дружбы, связывавшей Византійскую Имперію съ Мухаммедомъ II. Г. Ста-

сюлевичъ слѣдуетъ въ порядкѣ изложенія своимъ соображеніямъ, не связываясь хронологическою послѣдовательностью событій. Мы возстановимъ хронологію, и послѣ этого намъ не нужно будетъ разбирать, справедливъ или нѣтъ, «совершенно новый результатъ», до котораго дошелъ г. Стасюлевичъ.

1450 года, 12 марта вступаетъ на византійскій престолъ Константинъ Палеологъ, «обязанный (по выраженію г. Стасюлевича) своимъ престоломъ ненависти къ латинцамъ», ненавидѣвшій «латинцевъ» и искренно желавшій мира съ турками. Греки такъ ненавидятъ «латинцевъ», что на каждой страницѣ у г. Стасюлевича говорятъ: «мы лучше хотимъ жить подъ турецкимъ игомъ, нежели въ союзѣ съ латинцами». Пока живъ султанъ Муратъ, по справедливому отзыву г. Стасюлевича, «честный и справедливый» — миръ Византіи съ турками проченъ. Ненавидимыхъ латинцевъ нѣтъ и слѣда въ Византіи.

1451 года, 9 февраля вступаетъ на престолъ Мухаммедъ II — по словамъ Халиль-Паши, дававшаго искреннія совѣты греческимъ посламъ, «завоеватель, презирающій всѣ договоры, пренебрегающій всѣми затрудненіями» (слова, которыя г. Стасюлевичъ съ большою выгодою для своего «результата» выпускаетъ изъ рѣчи Халиль-Паши). Сначала онъ занятъ возмущеніемъ въ Малой Азіи, но тотчасъ, по усмиреніи бунта, прекращаетъ платежъ условной дани византійцамъ и прогоняетъ византійскихъ сборщиковъ податей изъ стримонской области, объявляя, что намѣренъ обижать Византію.

1452 года, въ мартѣ онъ строитъ на европейской сторонѣ Босфора, близъ самаго Константинополя, на участкѣ земли, принадлежащемъ предмѣстью Галатѣ, сильную крѣпость, не обращая вниманіе на мольбы Константина Палеолога, который напрасно посылаетъ ему подарки. Византія въ отчаяніи. Въ августѣ крѣпость готова.

1452, сентябрь. Мухаммедъ готовится къ осадѣ Византіи.

1452, ноябрь. «Латинцы» являются въ Византіи (самъ г. Стасюлевичъ говоритъ, что въ ноябрѣ, не ранѣе; черезъ восемь или девять мѣсяцевъ послѣ построенія крѣпости, которая должна была служить Мухаммеду точкою опоры, при осадѣ; см. стр. 35), 12 декабря заключенъ союзъ съ «латинцами». Греки негодуютъ на этотъ союзъ; самъ Константинъ рѣшается на него съ величайшимъ прискорбіемъ, только потому, что необходимо имѣть хотя откуда нибудь помощь противъ страшнаго врага (все это говоритъ и г. Стасюлевичъ на стр. 35 и слѣд.).

1453 годъ. Приготовленія къ осадѣ кончены. Войско Мухаммеда подъ стѣнами Византіи.

Кажется, ходъ дѣла ясенъ. Тотчасъ по укрощеніи мятежниковъ, Мухаммедъ II начинаетъ непріязненныя дѣйствія противъ Византіи; черезъ полгода слишкомъ послѣ начала непріязненныхъ дѣйствій, Византія заключаетъ союзъ съ «латинцами». Но г. Стасюлевичъ сначала разсказываетъ о союзѣ съ «латинцами» (стр. 34—44), а потомъ о непріязненныхъ дѣйствіяхъ Мухаммеда II (стр. 57 и слѣд.); такимъ образомъ, по его изложенію, дѣйствительно кажется, будто бы сначала былъ заключенъ союзъ съ латинцами, потомъ начались непріязненныя дѣйствія турокъ. Если подобнымъ образомъ разсказать сначала взятіе русскими Парижа и потомъ бородинскую битву, то, конечно, можно вывесть результатъ, что наполеоновъ походъ на Москву былъ слѣдствіемъ взятія русскими Парижа.

Мы не считаемъ нужнымъ доказывать, что, не обращая вниманіе на хроно-

логическую послѣдовательность событій и правдоподобіе «совершенно новыхъ результатовъ», до которыхъ доводитъ произволъ, г. Стасюлевичъ также мало обращаетъ вниманія и на критическую оцѣнку тѣхъ извѣстій, которыя кажутся ему ведущими къ желаемому результату. Онъ произвольно беретъ изъ византійскихъ лѣтописей все, что ему нравится, произвольно отбрасываетъ всѣ факты и объясненія, противорѣчащія его заранѣе составленному взгляду. Поступая подобнымъ образомъ, можно доказывать все, что угодно; можно доказывать, что Александръ Македонскій пошелъ противъ персовъ не потому, что хотѣлъ разрушить Персидское царство (напротивъ, онъ желалъ всякаго счастія Дарію), а только потому, что былъ вынужденъ къ тому опасеніемъ распространенія индійскаго могущества на Востокѣ: дѣло шло вовсе не о независимости Персеполя, а только о томъ, кому владѣть Персеполемъ: Пору или Александру, индійцамъ или македонянамъ. Понимая своимъ яснымъ умомъ такое положеніе вопроса, Александръ рѣшился предупредить Пора, и переправился черезъ Граникъ. Точно также можно доказывать, что римляне взяли Карѳагенъ не потому, чтобъ хотѣли овладѣть имъ, а только для того, чтобы предупредить египтянъ, которые также (будто бы) хотѣли завладѣть Карѳагеномъ. Всѣ эти «совершенно новые результаты» будутъ имѣть прочность совершенно одинаковую съ выводами, которыхъ достигаетъ г. Стасюлевичъ.

КРИТИКА.

Русскій человѣкъ на Rendez-Vous.

Размышленія по прочтеніи повѣсти г. Тургенева «Ася».

«Разсказы, въ дѣловомъ, изобличительномъ родѣ, оставляютъ въ читателѣ очень тяжелое впечатлѣніе; потому я, признавая ихъ пользу и благородство, не совсѣмъ доволенъ, что наша литература приняла исключительно такое мрачное направленіе». Такъ говорятъ довольно многіе изъ людей, повидимому неглупыхъ, или лучше сказать говорили, до той поры, пока крестьянскій вопросъ не сдѣлался единственнымъ предметомъ всѣхъ мыслей, всѣхъ разговоровъ. Справедливы или несправедливы ихъ слова, не знаю: но мнѣ случилось быть подъ вліяніемъ такихъ мыслей, когда началъ я читать едва ли не единственную хорошую новую повѣсть, отъ которой по первымъ страницамъ можно уже было ожидать совершенно инаго содержанія, инаго паѳоса, нежели отъ дѣловыхъ разсказовъ. Тутъ нѣтъ ни крючкотворства съ насиліемъ и взяточничествомъ, ни грязныхъ плутовъ, ни оффиціальныхъ злодѣевъ, объясняющихъ изящнымъ языкомъ, что они благодѣтели общества, ни мѣщанъ, мужиковъ и маленькихъ чиновниковъ, мучимыхъ всѣми этими ужасными и гадкими людьми. Дѣйствіе за границей, вдали отъ всей дурной обстановки нашего домашняго быта. Всѣ лица повѣсти—люди изъ лучшихъ между нами, очень образованные, чрезвычайно гуманные, проникнутые благороднѣйшимъ образомъ мыслей. Повѣсть имѣетъ направленіе чисто поэтическое, идеальное, не касающееся ни одной изъ такъ называемыхъ черныхъ сторонъ жизни. Вотъ, думалъ я, отдохнетъ и освѣжится душа. И дѣйствительно освѣжилась она этими поэтическими идеалами, пока дошелъ разсказъ до рѣшительной минуты. Но послѣднія страницы разсказа не похожи на первыя, и по прочтеніи повѣсти, остается отъ нея впечатлѣніе еще болѣ безотрадное, нежели отъ разсказовъ о гадкихъ взяточникахъ съ ихъ циническимъ грабежомъ. Они дѣлаютъ дурно, но они каждымъ изъ насъ признаются за дурныхъ людей; не отъ нихъ ждемъ мы улучшенія нашей жизни. Есть, думаемъ мы, въ обществѣ силы, которыя положатъ преграду ихъ вредному вліянію, которыя измѣнятъ своимъ благородствомъ характеръ нашей жизни. Эта иллюзія самымъ горькимъ образомъ отвергается въ повѣсти, которая пробуждаетъ своею первой половиной самыя свѣтлыя ожиданія.

Вотъ человѣкъ, сердце котораго открыто всѣмъ высокимъ чувствамъ, честность котораго непоколебима, мысль котораго приняла въ себя все, за что нашъ вѣкъ называется вѣкомъ благородныхъ стремленій. И что же дѣлаетъ этотъ человѣкъ? Онъ дѣлаетъ сцену, какой устыдился бы послѣдній взяточникъ. Онъ чувствуетъ самую сильную и чистую симпатію къ дѣвушкѣ, которая любитъ его; онъ часа не можетъ прожить, не видя этой дѣвушки; его мысль весь день, всю ночь рисуетъ ему ея прекрасный образъ, настало для него, думаете вы, то время любви, когда сердце утопаетъ въ блаженствѣ. Мы видимъ Ромео, мы видимъ Джульетту, счастью которыхъ ничто не мѣшаетъ, и приближается минута, когда на вѣки рѣшится ихъ судьба,—для этого Ромео долженъ только сказать: «Я люблю тебя, любишь ли ты меня»? и Джульетта прошепчетъ: «Да...» И что же дѣлаетъ нашъ Ромео (такъ мы будемъ называть героя повѣсти, фамилія котораго не сообщена намъ авторомъ разсказа), явившись на свиданіе съ Джульеттой? Съ трепетомъ любви ожидаетъ Джульетта своего Ромео; она должна узнать отъ него, что онъ любитъ ее,—это слово не было произнесено между ними, оно теперь будетъ произнесено имъ, на вѣки соединятся они; блаженство ждетъ ихъ, такое высокое и чистое блаженство, энтузіазмъ котораго дѣлаетъ едва выносимой для земнаго организма торжественную минуту рѣшенія. Отъ меньшей радости умирали люди. Она сидитъ какъ испуганная птичка, закрывъ лицо отъ сіянія являющагося передъ ней солнца любви; быстро дышетъ она, вся дрожитъ; она еще трепетнѣе потупляетъ глаза, когда входитъ онъ, называетъ ея имя; она хочетъ взглянуть на него, и не можетъ; онъ беретъ ея руку,—эта рука холодна, лежитъ какъ мертвая въ его рукѣ; она хочетъ улыбнуться; но блѣдныя губы ея не могутъ улыбнуться. Она хочетъ заговорить съ нимъ, и голосъ ея прерывается. Долго молчатъ они оба,—и въ немъ, какъ самъ онъ говоритъ, растаяло сердце,—и вотъ Ромео говоритъ своей Джульеттѣ... и что же онъ говоритъ ей? «Вы предо мною виноваты, говоритъ онъ ей:—вы меня запутали въ непріятности, я вами недоволенъ, вы компрометируете меня, и я долженъ прекратить мои отношенія къ вамъ; для меня очень непріятно съ вами разставаться, но вы извольте отправляться отсюда подальше». Что это такое? Чѣмъ она виновата? Развѣ тѣмъ, что считала его порядочнымъ человѣкомъ? компрометировала его репутацію тѣмъ, что пришла на свиданіе съ нимъ? Это изумительно! Каждая черта въ ея блѣдномъ лицѣ говоритъ, что она ждетъ рѣшенія своей судьбы отъ его слова, что она всю свою душу безвозвратно отдала ему и ожидаетъ теперь только того, чтобъ онъ сказалъ, что принимаетъ ея душу, ея жизнь, и онъ ей дѣлаетъ выговоры за то, что она его компрометируетъ! Что это за нелѣпая жестокость? что это за низкая грубость? И этотъ человѣкъ поступающій такъ подло, выставлялся благороднымъ до сихъ поръ! Онъ обманулъ насъ, обманулъ автора. Да, поэтъ сдѣлалъ слишкомъ грубую ошибку, вообразивъ, что разсказываетъ намъ о человѣкѣ порядочномъ. Этотъ человѣкъ дрянь: отъявленнаго негодяя.

Таково было впечатлѣніе, произведенное на многихъ совершенно неожиданнымъ оборотомъ отношеній нашего Ромео къ его Джульеттѣ. Отъ многихъ мы слышали, что повѣсть вся испорчена этою возмутительною сценой, что характеръ главнаго лица не выдержанъ, что если этотъ человѣкъ таковъ, какимъ представляется въ первой половинѣ повѣсти, то не могъ поступить онъ съ такою пошлой грубостью, а если могъ такъ поступить, то онъ съ самаго начала долженъ былъ представиться намъ совершенно дряннымъ человѣкомъ.

Очень утѣшительно было бы думать, что авторъ въ самомъ дѣлѣ ошибся, но въ томъ и состоитъ грустное достоинство его повѣсти, что характеръ героя вѣренъ нашему обществу. Быть можетъ, если, характеръ этотъ былъ таковъ, какимъ желали бы видѣть его люди, недовольные грубостью его на свиданіи, если бы онъ не побоялся отдать себя любви, имъ овладѣвавшей, повѣсть выиграла бы въ идеально-поэтическомъ смыслѣ. За энтузіазмомъ сцены перваго свиданія послѣдовало бы нѣсколько другихъ высоко-поэтическихъ минутъ, тихая прелесть первой половины повѣсти возвысилась бы до патетической очаровательности во второй половинѣ, и вмѣсто перваго акта изъ Ромео и Джульетты, съ окончаніемъ во вкусѣ Печорина, мы имѣли бы нѣчто дѣйствительно похожее на Ромео и Джульетту, или по крайней мѣрѣ на одинъ изъ романовъ Жоржа-Занда. Кто ищетъ въ повѣсти поэтически-цѣльнаго впечатлѣнія, дѣйствительно долженъ осудить автора, который, заманивъ его возвышенно сладкими ожиданіями, вдругъ показалъ ему какую-то пошлонелѣпую суетность мелочно-робкаго эгоизма въ человѣкѣ, начавшемъ въ родѣ Макса Пикколомини и кончившемъ въ родѣ какого-нибудь Захара Сидорыча, играющаго въ копѣечный преферансъ.

Но точно ли ошибся авторъ въ своемъ героѣ?—Если ошибся, то не въ первый разъ дѣлаетъ эту ошибку. Сколько ни было у него разсказовъ, приводившихъ къ подобному положенію, каждый разъ его герои выходили изъ этихъ положеній не иначе, какъ совершенно оконфузившись передъ нами. Въ «Фаустѣ» герой старается ободрить себя тѣмъ, что ни онъ, ни Вѣра не имѣютъ другъ къ другу серьезнаго чувства; сидѣть съ ней, мечтать о ней,—это его дѣло, но по части рѣшительности, даже въ словахъ, онъ держитъ себя такъ, что Вѣра сама должна сказать ему, что любитъ его; рѣчь нѣсколько минутъ шла уже такъ, что ему слѣдовало непремѣнно сказать это, но онъ, видите ли, не догадался и не посмѣлъ сказать ей этого; а когда женщина, которая должна принимать объясненіе, вынуждена наконецъ сама сдѣлать объясненіе, онъ видите ли «замеръ», но почувствовалъ, что «блаженство волною пробѣгаетъ по его сердцу», только впрочемъ «по временамъ», а собственно говоря, онъ «совершенно потерялъ голову»—жаль только, что не упалъ въ обморокъ, да и то было бы, если бы не попалось кстати дерево, къ которому можно было прислониться. Едва успѣлъ оправиться человѣкъ, подходитъ къ нему женщина, которую онъ любитъ, которая высказала ему свою любовь, и спрашиваетъ, что онъ теперь намѣренъ дѣлать? Онъ... онъ «смутился». Не удивительно, что послѣ такого поведенія любимаго человѣка (иначе какъ «поведеніемъ» нельзя назвать образъ поступковъ этого господина), у бѣдной женщины сдѣлалась нервическая горячка; еще натуральнѣе, что потомъ онъ сталъ плакаться на свою судьбу. Это въ «Фаустѣ»; почти то же и въ «Рудинѣ». Рудинъ въ началѣ держитъ себя нѣсколько приличнѣе для мужчины, нежели прежніе герои: онъ такъ рѣшителенъ, что самъ говоритъ Натальѣ о своей любви (хоть говоритъ не по доброй волѣ, а потому, что вынужденъ къ этому разговору); онъ самъ проситъ у ней свиданія. Но когда Наталья на этомъ свиданіи говоритъ ему, что выйдетъ за него, съ согласія или безъ согласія матери все равно, лишь бы онъ только любилъ ее, когда произноситъ слова: «Знайте же, я буду ваша»,—Рудинъ только и находитъ въ отвѣтъ восклицаніе: «О Боже!»—восклицаніе больше конфузное, чѣмъ восторженное,—а потомъ дѣйствуетъ такъ хорошо, то есть до такой степени струсивъ и вялъ, что Наталья принуждена сама пригласить его на свиданіе для рѣ-

шенія, что же имъ дѣлать. Получивши записку, «онъ видѣлъ, что развязка приближается и втайнѣ смущался духомъ». Наталья говоритъ, что мать объявила ей, что скорѣе согласится видѣть дочь мертвой, чѣмъ женой Рудина, и вновь спрашиваетъ Рудина, что онъ теперь намѣренъ дѣлать? Рудинъ отвѣчаетъ по прежнему «Боже мой, Боже мой», и прибавляетъ еще наивнѣе:—«такъ скоро! что я намѣренъ дѣлать? у меня голова кругомъ идетъ, я ничего сообразить не могу». Но потомъ соображаетъ, что слѣдуетъ «покориться». Названный трусомъ, онъ начинаетъ упрекать Наталью, потомъ читать ей лекцію о своей честности, и на замѣчаніе, что не это должна она услышать теперь отъ него, отвѣчаетъ, что онъ не ожидалъ такой рѣшительности. Дѣло кончается тѣмъ, что оскорбленная дѣвушка отворачивается отъ него, едва ли не стыдясь своей любви къ трусу.

Но можетъ быть эта жалкая черта въ характерѣ героевъ — особенность повѣстей г. Тургенева? Быть можетъ характеръ именно его таланта склоняетъ его къ изображенію подобныхъ лицъ? Вовсе нѣтъ; характеръ таланта, намъ кажется, тутъ ничего не значитъ. Вспомните любой хорошій, вѣрный жизни разсказъ какого угодно изъ нынѣшнихъ нашихъ поэтовъ, и если въ разсказѣ есть идеальная сторона, будьте увѣрены, что представитель этой идеальной стороны поступаетъ точно такъ же, какъ лица г. Тургенева. Напримѣръ характеръ таланта г. Некрасова вовсе не таковъ какъ г. Тургенева; какіе угодно недостатки можете находить въ немъ, но никто не скажетъ, чтобы недоставало въ талантѣ г. Некрасова энергіи и твердости. Что жь дѣлаетъ герой въ его поэмѣ «Саша»? Натолковалъ онъ Сашѣ, что, говоритъ, «не слѣдуетъ слабѣть душою», потому что «солнышко правды взойдетъ надъ землею», и что надобно дѣйствовать для осуществленія своихъ стремленій; а потомъ, когда Саша принимается за дѣло, онъ говоритъ, что все это напрасно и ни къ чему не поведетъ, что онъ «болталъ пустое». Припомнимъ какъ поступаетъ Бельтовъ, и онъ точно также предпочитаетъ всякому рѣшительному шагу отступленіе. Подобныхъ примѣровъ набрать можно было бы очень много. Повсюду, каковъ бы ни былъ характеръ поэта, каковы бы ни были его личныя понятія о поступкахъ своего героя, герой дѣйствуетъ одинаково со всѣми другими порядочными людьми, подобно ему выведенными у другихъ поэтовъ: пока о дѣлѣ нѣтъ рѣчи, а надобно только занять праздное время, наполнить праздную голову или праздное сердце разговорами и мечтами, герой очень боекъ; подходитъ дѣло къ тому, чтобы прямо и точно выразить свои чувства и желанія,—большая часть героевъ начинаетъ уже колебаться и чувствовать неповоротливость въ языкѣ. Не многіе, самые храбрѣйшіе, кое-какъ успѣваютъ еще собрать всѣ свои силы и косноязычно выразить что-то, дающее смутное понятіе о ихъ мысляхъ; но вздумай кто-нибудь схватиться за ихъ желанія, сказать: «Вы хотите того-то и того-то: мы очень рады; начинайте же дѣйствовать, а мы васъ поддержимъ», — при такой репликѣ одна половина храбрѣйшихъ героевъ падаетъ въ обморокъ, другіе начинаютъ очень грубо упрекать васъ за то, что вы поставили ихъ въ неловкое положеніе, начинаютъ говорить, что они не ожидали отъ васъ такихъ предложеній, что они совершенно теряютъ голову, не могутъ ничего сообразить, потому что «какъ же можно такъ скоро», и «при томъ же они честные люди», и не только честные, но очень смирные, и не хотятъ подвергать васъ непріятностямъ, и что вообще развѣ можно въ самомъ дѣлѣ хлопотать обо всемъ, о чемъ говорится отъ нечего дѣлать, и что лучше всего — ни за что не приниматься, потому что все соединено съ хлопотами

и неудобствами, и хорошаго ничего пока не можетъ быть, потому что, какъ уже сказано, они «никакъ не ждали и не ожидали» и проч.

Таковы-то наши «лучшіе люди»—всѣ они похожи на нашего Ромео. Много ли бѣды для Аси въ томъ, что г. N. никакъ не зналъ, что ему съ нею дѣлать и рѣшительно прогнѣвался, когда отъ него потребовалась отважная рѣшимость; много ли бѣды въ этомъ для Аси, мы не знаемъ. Первою мыслью приходитъ, что бѣды отъ этого ей очень мало; напротивъ, и слава Богу, что дрянное безсиліе характера въ нашемъ Ромео оттолкнуло отъ него дѣвушку еще тогда, когда не было поздно. Ася погруститъ нѣсколько недѣль, нѣсколько мѣсяцевъ и забудетъ все, и можетъ отдаться новому чувству, предметъ котораго будетъ болѣе достоинъ ея. Такъ, но въ томъ то и бѣда, что едва ли встрѣтится ей человѣкъ болѣе достойный; въ томъ и состоитъ грустный комизмъ отношеній нашего Ромео къ Асѣ, что нашъ Ромео дѣйствительно одинъ изъ лучшихъ людей нашего общества, что лучше его почти и не бываетъ людей у насъ. Только тогда будетъ довольна Ася своими отношеніями къ людямъ, когда, подобно другимъ, станетъ ограничиваться прекрасными разсужденіями, пока не представляется случая приняться за исполненіе рѣчей, а чуть представится случай, прикуситъ язычекъ и сложитъ руки, какъ дѣлаютъ всѣ. Только тогда и другіе будутъ ею довольны; а теперь, сначала, конечно, всякій скажетъ, что эта дѣвушка очень милая, съ благородной душой, съ удивительною силой характера, вообще дѣвушка, которую нельзя не полюбить, передъ которой нельзя не благоговѣть; но все это будетъ говориться лишь до той поры, пока характеръ Аси выказывается одними словами, пока только предполагается, что она способна на благородный и рѣшительный поступокъ; а едва сдѣлаетъ она шагъ, сколько-нибудь оправдывающій ожиданія, внушаемыя ея характеромъ, тотчасъ сотни голосовъ закричатъ: «Помилуйте, какъ это можно, вѣдь это безуміе! Назначать rendez-vous молодому человѣку! Вѣдь она губитъ себя, губитъ совершенно безполезно! Вѣдь изъ этого ничего не можетъ выйти, рѣшительно ничего, кромѣ того, что она потеряетъ свою репутацію. Можно ли такъ безумно рисковать собою?» — «Рисковать собою? это бы еще ничего, прибавятъ другіе: пусть она дѣлала бы съ собой, что хочетъ, но къ чему подвергать непріятностямъ другихъ. Въ какое положеніе поставила она этого бѣднаго молодого человѣка? Развѣ онъ думалъ, что она захочетъ повести его такъ далеко? Что теперь ему дѣлать при ея безразсудствѣ? Если онъ пойдетъ за нею, онъ погубитъ себя; если онъ откажется, его назовутъ трусомъ и самъ онъ будетъ презирать себя. Я не знаю, благородно ли ставить въ подобныя непріятныя положенія людей, не подавшихъ, кажется, никакого особеннаго повода къ такимъ несообразнымъ поступкамъ. Нѣтъ, это не совсѣмъ благородно. А бѣдный братъ? Какова его роль? Какую горькую пилюлю поднесла ему сестра? Цѣлую жизнь ему не переварить этой пилюли. Нечего сказать, одолжила милая сестрица! Я не споркъ, все это очень хорошо на словахъ,—и благородныя стремленія и самопожертвованіе, и Богъ знаетъ какія прекрасныя вещи, но я скажу одно: я бы не желалъ быть братомъ Аси. Скажу болѣе, еслибъ я былъ на мѣстѣ ея брата,—я заперъ бы ее на полгода въ ея комнатѣ. Для ея собственной пользы надобно запереть ее. Она, видите ли, изволитъ увлекаться высокими чувствами; но каково расхлебывать другимъ то, что она изволила наварить? Нѣтъ, я не назову ея поступокъ, не назову ея характеръ благороднымъ, потому что я не называю благородными тѣхъ, которые легкомысленно и дерзко вредятъ другимъ». Такъ поясняется

общій крикъ разсужденіями разсудительныхъ людей. Намъ отчасти совѣстно признаться, но все-таки приходится признаться, что эти разсужденія кажутся намъ основательными. Въ самомъ дѣлѣ Ася вредитъ не только себѣ, но и всѣмъ, имѣвшимъ несчастіе по родству или по случаю быть близкими къ ней; а тѣхъ, которые для собственнаго удовольствія вредятъ всѣмъ близкимъ своимъ, мы не можемъ не осуждать.

Осуждая Асю, мы опрывдываемъ нашего Ромео. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ онъ виноватъ? развѣ онъ подалъ ей поводъ дѣйствовать безразсудно? развѣ онъ подстрекалъ ее къ поступку, котораго нельзя одобрить? развѣ онъ не имѣлъ права сказать ей, что напрасно она запутала его въ непріятныя отношенія? Вы возмущаетесь тѣмъ, что его слова суровы, называете ихъ грубыми. Но правда всегда бываетъ сурова, и кто осудитъ меня, если вырвется у меня даже грубое слово, когда меня, ни въ чемъ не виноватаго, запутаютъ въ непріятное дѣло, да еще пристаютъ ко мнѣ, чтобъ я радовался бѣдѣ, въ которую меня втянули?

Я знаю, отчего вы такъ несправедливо восхитились было неблагороднымъ поступкомъ Аси и осудили было нашего Ромео. Я знаю это потому, что самъ на минуту поддался неосновательному впечатлѣнію, сохранившемуся въ васъ. Вы начитались о томъ, какъ поступали и поступаютъ люди въ другихъ странахъ. Но сообразите, что вѣдь то другія страны. Мало ли что дѣлается на свѣтѣ въ другихъ мѣстахъ, но вѣдь не всегда и не вездѣ возможно то, что очень удобно при извѣстной обстановкѣ. Въ Англіи, напримѣръ, въ разговорномъ языкѣ не существуетъ слова «ты»: фабрикантъ своему работнику, землевладѣлецъ нанятому имъ землекопу, господинъ своему лакею говорятъ непремѣнно «вы», и гдѣ случится, вставляютъ въ разговорѣ съ ними sir, то есть все равно, что французское monsieur, а по русски и слова такого нѣтъ, а выходитъ учтивость въ томъ родѣ, какъ если бы баринъ своему мужику говорилъ: «Вы, Сидоръ Карпычъ, сдѣлайте одолженіе зайдите ко мнѣ на чашку чаю, а потомъ поправьте дорожки у меня въ саду». Осудите ли вы меня, если я говорю съ Сидоромъ безъ такихъ субтильностей? Вѣдь я былъ бы смѣшонъ, если бы принялъ языкъ англичанина. Вообще, какъ скоро вы начинаете осуждать то, что не нравится вамъ, вы становитесь идеологомъ, то есть самымъ забавнымъ и, сказать вамъ на ушко, самымъ опаснымъ человѣкомъ на свѣтѣ, теряете изъ-подъ вашихъ ногъ твердую опору практичной дѣйствительности. Опасайтесь этого, старайтесь сдѣлаться человѣкомъ практическимъ въ своихъ мнѣніяхъ, и на первый разъ постарайтесь примириться хоть съ нашимъ Ромео, кстати ужь зашла о немъ рѣчь. Я вамъ готовъ разсказать путь, которымъ я дошелъ до этого результата не только относительно сцены съ Асей, но и относительно всего въ мірѣ, то есть сталъ доволенъ всѣмъ, что ни вижу около себя, ни на что не сержусь, ничѣмъ не огорчаюсь (кромѣ неудачъ въ дѣлахъ, лично для меня выгодныхъ) ничего и никого въ мірѣ не осуждаю (кромѣ людей, нарушающихъ мои личныя выгоды), ничего не желаю (кромѣ собственной пользы),—словомъ сказать, я разскажу вамъ, какъ я сдѣлался изъ желчнаго меланхолика человѣкомъ до того практическимъ и благонамѣреннымъ, что даже не удивлюсь, если получу награду за свою благонамѣренность.

Я началъ съ того замѣчанія, что не слѣдуетъ порицать людей ни за что и ни въ чемъ, потому что, сколько я видѣлъ, въ самомъ умномъ человѣкѣ есть своя доля ограниченности, достаточная для того, чтобы онъ въ своемъ образѣ мыслей

не могъ далеко уйти отъ общества, въ которомъ воспитался и живетъ, и въ самомъ энергическомъ человѣкѣ есть своя доза апатіи, достаточная для того, чтобъ онъ въ своихъ поступкахъ не удалялся много отъ рутины и, какъ говорится, плылъ по теченію рѣки, куда несетъ вода. Въ среднемъ кругу принято красить яйца къ Пасхѣ, на Масляницѣ ѣсть блины,—и всѣ такъ дѣлаютъ, хотя иной крашеныхъ яицъ вовсе не ѣстъ, а на тяжесть блиновъ почти каждый жалуется. Такъ не въ однихъ пустякахъ,—и во всемъ такъ. Принято, напримѣръ, что мальчиковъ слѣдуетъ держать свободнѣе, нежели дѣвочекъ, и каждый отецъ, каждая мать, какъ бы ни были убѣждены въ неразумности такого различія, воспитываютъ дѣтей по этому правилу. Принято, что богатство — вещь хорошая и каждый бываетъ доволенъ, если вмѣсто десяти тысячъ рублей въ годъ начнетъ получать, благодаря счастливому обороту дѣлъ, двадцать тысячъ, хотя здраво разсуждая, каждый умный человѣкъ знаетъ, что тѣ вещи, которыя, будучи недоступны при первомъ доходѣ, становятся доступны при второмъ, не могутъ приносить никакого существеннаго удовольствія. Напримѣръ, если съ десятью тысячами дохода можно сдѣлать балъ въ 500 рублей, то съ двадцатью можно сдѣлать балъ въ 1000 рублей; послѣдній будетъ нѣсколько лучше перваго, но все-таки особеннаго великолѣпія въ немъ не будетъ, его назовутъ не болѣе какъ довольно порядочнымъ баломъ, а порядочнымъ баломъ будетъ и первый. Такимъ образомъ даже чувство тщеславія при 20 тысячахъ дохода удовлетворяется очень немногимъ болѣе того какъ при 10 тысячахъ; что же касается до удовольствій, которыя можно назвать положительными, въ нихъ разница совершенно незамѣтна. Лично для себя человѣкъ съ 10 тысячами дохода имѣетъ точно такой же столъ, точно такое же вино и кресло того же ряда въ оперѣ, какъ и человѣкъ съ 20 тысячами. Первый называется человѣкомъ довольно богатымъ, и второй точно такъ же не считается чрезвычайнымъ богачемъ—существенной разницы въ ихъ положеніи нѣтъ; и однако же каждый, по рутинѣ, принятой въ обществѣ, будетъ радоваться при увеличеніи своихъ доходовъ съ 10 на 20 тысячъ, хотя фактически не будетъ замѣчать почти никакого увеличенія въ своихъ удовольствіяхъ. Люди вообще страшные рутинеры: стоитъ только всмотрѣться поглубже въ ихъ мысли, чтобъ открыть это. Иной господинъ чрезвычайно озадачитъ васъ на первый разъ независимостью своего образа мыслей отъ общества, къ которому принадлежитъ, покажется вамъ, напримѣръ, космополитомъ, человѣкомъ безъ сословныхъ предубѣжденій и т. п., и самъ подобно своимъ знакомымъ воображаетъ себя такимъ отъ чистой души. Но наблюдайте точнѣе за космополитомъ, и онъ окажется французомъ или русскимъ, со всѣми особенностями понятій и привычекъ, принадлежащими той націи, къ которой причисляется по своему паспорту, окажется помѣщикомъ или чиновникомъ, купцомъ или профессоромъ, со всѣми оттѣнками образа мыслей, принадлежащими его сословію. Я увѣренъ, что многочисленность людей, имѣющихъ привычку другъ на друга сердиться, другъ друга обвинять, зависитъ единственно отъ того, что слишкомъ немногіе занимаются наблюденіями подобнаго рода; а попробуйте только начать всматриваться въ людей съ цѣлью провѣрки, дѣйствительно ли отличается чѣмъ нибудь важнымъ отъ другихъ людей одного съ нимъ положенія тотъ или другой человѣкъ, кажущійся на первый разъ не похожимъ на другихъ, — попробуйте только заняться такими наблюденіями, и этотъ анализъ такъ завлечетъ васъ, такъ заинтересуетъ вашъ умъ, будетъ постоянно доставлять такія успокоительныя

впечатлѣнія вашему духу, что вы не отстанете отъ него уже никогда и очень скоро придете къ выводу: «каждый человѣкъ какъ всѣ люди, въ каждомъ точно тоже, что и въ другихъ». И чѣмъ дальше, тѣмъ тверже вы станете убѣждаться въ этой аксіомѣ. Различія только потому кажутся важны, что лежатъ на поверхности и бросаются въ глаза, а подъ видимымъ, кажущимся различіемъ скрывается совершенное тождество. Да и съ какой стати въ самомъ дѣлѣ человѣкъ былъ бы противорѣчіемъ всѣмъ законамъ природы? Вѣдь въ природѣ кедръ и иссопъ питаются и цвѣтутъ, слонъ и мышь движутся и ѣдятъ, радуются и сердятся по однимъ и тѣмъ же законамъ; подъ внѣшнимъ различіемъ формъ лежитъ внутреннее тождество организма обезьяны и кита, орла и курицы; стоитъ только вникнуть въ дѣло еще внимательнѣе, и увидимъ, что не только различныя существа одного класса, но и различные классы существъ устроены и живутъ по однимъ и тѣмъ же началамъ, что организмъ млекопитающаго, птицы и рыбы одинаковы, что и червякъ дышетъ подобно млекопитающему, хотя нѣтъ у него ни ноздрей, ни дыхательнаго горла, ни легкихъ. Не только аналогія съ другими существами нарушалась бы непризнаваніемъ одинаковости основныхъ правилъ и пружинъ въ нравственной жизни каждаго человѣка,—нарушалась бы и аналогія съ его физической жизнью. Изъ двухъ здоровыхъ людей одинаковыхъ лѣтъ, въ одинаковомъ расположеніи духа, у одного пульсъ бьется, конечно, нѣсколько сильнѣе и чаще, нежели у другого; но велико ли это различіе? Оно такъ ничтожно, что наука даже не обращаетъ на него вниманія. Другое дѣло, когда вы сравните людей разныхъ лѣтъ, или въ разныхъ обстоятельствахъ: у дитяти пульсъ бьется вдвое скорѣе, нежели у старика, у больнаго гораздо чаще или рѣже, нежели у здороваго, у того, кто выпилъ стаканъ шампанскаго, чаще, нежели у того, кто выпилъ стаканъ воды. Но и тутъ понятно всякому, что разница не въ устройствѣ организма, а въ обстоятельствахъ, при которыхъ наблюдается организмъ. И у старика, когда онъ былъ ребенкомъ, пульсъ бился также часто, какъ у ребенка, съ которымъ вы его сравниваете; и у здороваго ослабѣлъ бы пульсъ, какъ у больнаго, если бы онъ занемогъ тою же болѣзнью; и у Петра, еслибъ онъ выпилъ стаканъ шампанскаго, точно такъ же усилилось бы біеніе пульса, какъ у Ивана.

Вы почти достигли границъ человѣческой мудрости, когда утвердились въ этой простой истинѣ, что каждый человѣкъ—такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе. Не говорю уже объ отрадныхъ слѣдствіяхъ этого убѣжденія для вашего житейскаго счастія: вы перестанете сердиться и огорчаться, перестанете негодовать и обвинять, будете кротко смотрѣть на то, за что прежде готовы были вы сердиться или жаловаться на человѣка за такой поступокъ, какой каждымъ былъ бы сдѣланъ на его мѣстѣ? Въ вашу душу поселяется ни чѣмъ не возмутимая кроткая тишина, сладостнѣе которой можетъ быть только браминское созерцаніе кончика носа, съ тихимъ неумолчнымъ повтореніемъ словъ «Омъ-мани-падъ-ме-хумъ». Я не говорю уже объ этой неоцѣненной душевно-практической выгодѣ, не говорю даже и о томъ, сколько денежныхъ выгодъ доставитъ вамъ мудрая снисходительность къ людямъ: вы совершенно радушно будете встрѣчать негодяя, котораго прогнали бы отъ себя прежде; а этотъ негодяй быть можетъ, человѣкъ съ вѣсомъ въ обществѣ, и хорошими отношеніями съ нимъ поправятся ваши собственныя дѣла. Не говорю и о томъ, что вы сами тогда менѣе будете стѣсняться ложными сомнѣніями совѣстливости въ пользованіи тѣми выгодами, какія будутъ подвертываться вамъ

подъ руку: къ чему будетъ вамъ стѣсняться излишней щекотливостью, если вы убѣждены, что каждый поступилъ бы на вашемъ мѣстѣ точно такъ же, какъ и вы? Всѣхъ этихъ выгодъ я не выставляю на видъ, имѣя цѣлью указать только чисто научную, теоретическую важность убѣжденія въ одинаковости человѣческой натуры во всѣхъ людяхъ. Если всѣ люди существенно одинаковы, то откуда же возникаетъ разница въ ихъ поступкахъ? Стремясь къ достиженію главной истины, мы уже нашли мимоходомъ и тотъ выводъ изъ нея, который служитъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ.—Для насъ теперь ясно, что все зависитъ отъ общественныхъ привычекъ и отъ обстоятельствъ, то есть въ окончательномъ результатѣ все зависитъ исключительно отъ обстоятельствъ, потому что и общественныя привычки произошли въ свою очередь также изъ обстоятельствъ. Вы вините человѣка, — всмотритесь прежде, онъ ли въ томъ виноватъ, за что вы его вините, или виноваты обстоятельства и привычки общества,—всмотритесь хорошенько, быть можетъ тутъ вовсе не вина его, а только бѣда его. Разсуждая о другихъ мы слишкомъ склонны всякую бѣду считать виною,—въ этомъ истинная бѣда для практической жизни, потому что вина и бѣда вещи совершенно различныя и требуютъ обращенія съ собою одна вовсе не такого, какъ другая. Вина вызываетъ порицаніе или даже наказаніе противъ лица. Бѣда требуетъ помощи лицу черезъ устраненіе обстоятельствъ болѣе сильныхъ, нежели его воля. Я зналъ одного портного, который раскаленнымъ утюгомъ тыкалъ въ зубы своимъ ученикамъ. Его, пожалуй, можно назвать виноватымъ, можно и наказать его; но за то не каждый портной тычетъ горячимъ утюгомъ въ зубы, примѣры такого неистовства очень рѣдки. Но почти каждому мастеровому случается, выпивши въ праздникъ, подраться—это ужь не вина, а просто бѣда. Тутъ нужно не наказаніе отдѣльнаго лица, а измѣненіе въ условіяхъ быта для цѣлаго сословія. Тѣмъ грустнѣе вредное смѣшиваніе вины и бѣды, что различать эти двѣ вещи очень легко; одинъ признакъ различія мы уже видѣли: вина— это рѣдкость, это исключеніе изъ правила; бѣда — это эпидемія. Умышленный поджогъ — это вина; за то изъ милліоновъ людей находится одинъ, который рѣшается на такое дѣло. Есть другой признакъ, нужный для дополненія къ первому. Бѣда обрушивается на томъ самомъ человѣкѣ, который исполняетъ условіе, ведущее къ бѣдѣ; вина обрушивается на другихъ, принося виноватому пользу. Этотъ послѣдній признакъ чрезвычайно точенъ. Разбойникъ зарѣзалъ человѣка, чтобы ограбить его, и находитъ въ томъ пользу себѣ,—это вина. Неосторожный охотникъ нечаянно ранилъ человѣка и самъ первый мучится несчастіемъ, которое сдѣлалъ,— это ужь не вина, а просто бѣда.

Признакъ вѣренъ, но если примѣнять его съ нѣкоторой проницательностью, съ внимательнымъ разборомъ фактовъ, то окажется, что вины почти никогда не бываетъ на свѣтѣ, а бываетъ только бѣда. Сейчасъ мы упомянули о разбойникѣ. Сладко ли ему жить? Если бы не особенныя, очень тяжелыя для него обстоятельства, взялся ли бы онъ за свое ремесло? Гдѣ вы найдете человѣка которому пріятнѣе было бы въ морозъ и въ непогоду, прятаться въ берлогахъ и шататься по пустынямъ, часто терпѣть голодъ и постоянно дрожать за свою спину, ожидающую плети,—которому это было бы пріятнѣе, нежели комфортабельно курить сигару въ спокойныхъ креслахъ, или играть въ ералашъ въ Англійскомъ клубѣ, какъ дѣлаютъ порядочные люди?

Нашему Ромео также было бы гораздо пріятнѣе наслаждаться взаимными

пріятностями счастливой любви, нежели остаться въ дуракахъ и жестоко бранить себя за пошлую грубость съ Асей. Изъ того, что жестокая непріятность, которой подвергается Ася, приноситъ ему самому не пользу или удовольствіе, а стыдъ передъ самимъ собой, то есть самое мучительное изъ всѣхъ нравственныхъ огорченій, мы видимъ, что онъ попалъ не въ вину, а въ бѣду. Пошлость, которую онъ сдѣлалъ, была бы сдѣлана очень многими другими, такъ называемыми порядочными людьми, или лучшими людьми нашего общества; стало быть это не иное что, какъ симптомъ эпидемической болѣзни, укоренившейся въ нашемъ обществѣ.

Симптомъ болѣзни не есть самая болѣзнь. И если бы дѣло состояло только въ томъ, что нѣкоторые, или лучше сказать, почти всѣ «лучшіе» люди обижаютъ дѣвушку, когда въ ней больше благородства, или меньше опытности, нежели въ нихъ,—это дѣло, признаемся, мало интересовало бы насъ. Богъ съ ними съ эротическими вопросами,—не до нихъ читателю нашего времени, занятому вопросами объ административныхъ и судебныхъ улучшеніяхъ, о финансовыхъ преобразованіяхъ, объ освобожденіи крестьянъ. Но сцена, сдѣланная нашимъ Ромео Асѣ, какъ мы замѣтили, только симптомъ болѣзни, которая точно такимъ же пошлымъ образомъ портитъ всѣ наши дѣла, и только нужно намъ всмотрѣться, отчего попалъ въ бѣду нашъ Ромео, мы увидимъ чего намъ всѣмъ, похожимъ на него ожидать отъ себя и ожидать для себя и во всѣхъ другихъ дѣлахъ.

Начнемъ съ того, что бѣдный молодой человѣкъ совершенно не понимаетъ того дѣла, участіе въ которомъ принимаетъ. Дѣло ясно, но онъ одержимъ такимъ тупоуміемъ, котораго не въ силахъ образумить очевиднѣйшіе факты. Чему уподобить такое слѣпое тупоуміе, мы рѣшительно не знаемъ. Дѣвушка, не способная ни къ какому притворству, не знающая никакой хитрости, говоритъ ему: «Сама не знаю, что со мною дѣлается. Иногда мнѣ хочется плакать, а я смѣюсь. Вы не должны судить меня... по тому, что я дѣлаю. Ахъ, кстати, что это за сказка о Лорелеѣ? Вѣдь это ея скала видиѣется? Говорятъ, она прежде всѣхъ топила, а какъ полюбила, сама бросилась въ воду. Мнѣ нравится эта сказка».—Кажется ясно, какое чувство пробудилось въ ней. Черезъ двѣ минуты она съ волненіемъ, отражающимся даже блѣдностью на ея лицѣ, спрашиваетъ, нравилась ли ему та дама, о которой, какъ-то шутя, упомянуто было въ разговорѣ много дней тому назадъ; потомъ спрашиваетъ, что ему нравится въ женщинѣ; когда онъ замѣчаетъ, какъ хорошо сіяющее небо, она говоритъ:—Да, хорошо! Если-бъ мы съ вами были птицы—какъ бы мы взвились, какъ бы полетѣли!.. Такъ бы и утонули въ этой синевѣ... но мы не птицы.—А крылья могутъ у насъ вырости, возразилъ я.—Какъ такъ?—Поживете—узнаете. Есть чувства, которыя поднимаютъ насъ отъ земли. Не безпокойтесь, у васъ будутъ крылья.—А у васъ были?—Какъ вамъ сказать... кажется до сихъ поръ я еще не леталъ.—На другой день, когда онъ вошелъ, Ася покраснѣла; хотѣла было убѣжать изъ комнаты; была грустна, и наконецъ, припоминая вчерашній разговоръ, сказала ему: «Помните, вы вчера говорили о крыльяхъ? Крылья у меня выросли».

Слова эти были такъ ясны, что даже недогадливый Ромео, возвращаясь домой, не могъ не дойти до мысли: неужели она меня любитъ? Съ этой мыслью заснулъ, и проснувшись на другое утро, спрашивалъ себя: «неужели она меня любитъ»?

Въ самомъ дѣлѣ, трудно было не понять этого, и однакожь онъ не понялъ.

Понималъ ли онъ по крайней мѣрѣ то, что дѣлалось въ его собственномъ сердцѣ? И тутъ примѣты были не менѣе ясны. Послѣ первыхъ же двухъ встрѣчъ съ Асей, онъ чувствуетъ ревность, при видѣ ея нѣжнаго обращенія съ братомъ, и отъ ревности не хочетъ вѣрить, что Гагинъ дѣйствительно братъ ей. Ревность въ немъ такъ сильна, что онъ не можетъ видѣть Асю, но не могъ бы и удержаться отъ того, чтобы видѣть ее, потому онъ будто 18-ти-лѣтній юноша убѣгаетъ отъ деревеньки, въ которой живетъ она, нѣсколько дней скитается по окрестнымъ полямъ. Убѣдившись наконецъ, что Ася въ самомъ дѣлѣ только сестра Гагину, онъ счастливъ, какъ ребенокъ, и возвращаясь отъ нихъ чувствуетъ даже, что «слезы закипаютъ у него на глазахъ отъ восторга», чувствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что этотъ восторгъ весь сосредоточивается на мысли объ Асѣ и, наконецъ, доходитъ до того, что не можетъ ни о чемъ думать, кромѣ нея. Кажется, человѣкъ, любившій нѣсколько разъ, долженъ былъ бы понимать, какое чувство высказывается въ немъ самомъ этими признаками. Кажется человѣкъ хорошо знавшій женщинъ, могъ бы понимать, что дѣлается въ сердцѣ Аси. Но когда она пишетъ ему, что любитъ его, эта записка совершенно изумляетъ его: онъ, видите ли, никакъ этого не предугадывалъ. Прекрасно; но какъ бы то ни было, предугадывалъ онъ, или не предугадывалъ, что Ася любитъ его, все равно: теперь ему извѣстно положительно: Ася любитъ его, онъ теперь видитъ это; ну, что же онъ чувствуетъ къ Асѣ? Рѣшительно самъ онъ не знаетъ, какъ ему отвѣчать на этотъ вопросъ. Бѣдняжка! на тридцатомъ году, ему, по молодости лѣтъ, нужно было бы имѣть дядьку, который говорилъ бы ему, когда слѣдуетъ утереть носикъ, когда нужно ложиться почивать и сколько чашечекъ чайку надобно ему кушать. При видѣ такой нелѣпой неспособности понимать вещи, вамъ можетъ казаться, что передъ вами или дитя, или идіотъ. Ни то, ни другое. Нашъ Ромео человѣкъ очень умный, имѣющій, какъ мы замѣтили, подъ-тридцать лѣтъ, очень много испытавшій въ жизни, богатый запасомъ наблюденій надъ самимъ собою и другими. Откуда же его невѣроятная недогадливость? Въ ней виноваты два обстоятельства, изъ которыхъ, впрочемъ, одно проистекаетъ изъ другого, такъ что все сводится къ одному. Онъ не привыкъ понимать ничего великаго и живого, потому что слишкомъ мелка и бездушна была его жизнь, мелки и бездушны были всѣ отношенія и дѣла, къ которымъ онъ привыкъ. Это первое. Второе—онъ робѣетъ, онъ безсильно отступаетъ отъ всего, на что нужна широкая рѣшимость и благородный рискъ, опять-таки потому, что жизнь пріучила его только къ блѣдной мелочности во всемъ. Онъ похожъ на человѣка, который всю жизнь игралъ въ ералашъ по половинѣ копѣйки серебр.; посадите этого искуснаго игрока за партію, въ которой выигрышъ или проигрышъ не гривны, а тысячи рублей, и вы увидите, что онъ совершенно перепонфузится, что пропадетъ вся его опытность, спутается все его искусство; онъ будетъ дѣлать самые нелѣпые ходы, быть можетъ не съумѣетъ и картъ держать въ рукахъ.—Онъ похожъ на моряка, который всю свою жизнь дѣлалъ рейсы изъ Кронштадта въ Петербургъ и очень ловко умѣлъ проводить свой маленькій пароходъ по указанію вѣхъ между безчисленными мелями въ полупрѣсной водѣ; что, если вдругъ этотъ опытный пловецъ по стакану воды увидитъ себя въ океанѣ?

Боже мой! За что мы такъ сурово анализируемъ нашего героя? Чѣмъ онъ хуже насъ всѣхъ? Когда мы входимъ въ общество, мы видимъ вокругъ себя людей въ форменныхъ и неформенныхъ сюртукахъ или фракахъ; эти люди имѣютъ пять

съ половиной или шесть, а иные и больше футовъ роста; они отращиваютъ или брѣютъ волосы на щекахъ, верхней губѣ и бородѣ; и мы воображамъ, что мы видимъ передъ собой мужчинъ. Это совершенное заблужденіе, оптическій обманъ, галлюцинація, не больше. Безъ пріобрѣтенія привычки къ самобытному участію въ гражданскихъ дѣлахъ, безъ пріобрѣтенія чувствъ гражданина, ребенокъ мужескаго пола, выростая, дѣлается существомъ мужескаго пола среднихъ, а потомъ пожилыхъ лѣтъ, но мужчиною онъ не становится, или по крайней мѣрѣ не становится мужчиною благороднаго характера. Лучше не развиваться человѣку, нежели развиваться безъ вліянія мысли объ общественныхъ дѣлахъ, безъ вліянія чувствъ, пробуждаемыхъ участіемъ въ нихъ. Если изъ круга моихъ наблюденій, изъ сферы дѣйствій, въ которой вращаюсь я, исключены идеи и побужденія, имѣющія предметомъ общую пользу, т. е. исключены гражданскіе мотивы, что остается наблюдать мнѣ? въ чемъ остается участвовать мнѣ? Остается хлопотливая сумятица отдѣльныхъ личностей съ личными узенькими заботами о своемъ карманѣ, о своемъ брюшкѣ или о своихъ забавахъ. Если я стану наблюдать людей въ томъ видѣ, какъ они представляются мнѣ при отдаленіи отъ нихъ участія въ гражданской дѣятельности, какое понятіе о людяхъ и жизни образуется во мнѣ? Когда-то любили у насъ Гофмана, и была когда-то переведена его повѣсть о томъ, какъ по странному случаю глаза господина Перигринуса Тисса получили силу микроскопа и о томъ, каковы были для его понятій о людяхъ результаты этого качества его глазъ. Красота, благородство, добродѣтель, любовь, дружба, все прекрасное и великое исчезло для него изъ міра. На кого ни взглянетъ онъ, каждый мужчина представляется ему подлымъ трусомъ, или коварнымъ интригантомъ, каждая женщина кокеткою, всѣ люди лжецами и эгоистами, мелочными и низкими до послѣдней степени. Эта страшная повѣсть могла создаться только въ головѣ человѣка, насмотрѣвшагося на то, что называется въ Германіи Kleinstädterei, насмотрѣвшагося на жизнь людей, лишенныхъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, ограниченныхъ тѣсно размѣреннымъ кружкомъ своихъ частныхъ интересовъ, потерявшихъ всякую мысль о чемъ нибудь высшемъ копѣечнаго преферанса, (котораго впрочемъ еще не было извѣстно во времена Гофмана). Припомните, чѣмъ становится разговоръ въ какомъ бы то ни было обществѣ, какъ скоро рѣчь перестаетъ идти объ общественныхъ дѣлахъ? Какъ бы ни были умны и благородны собесѣдники, если они не говорятъ о дѣлахъ общественнаго интереса, они начинаютъ сплетничать или пустословить; злоязычная пошлость или безпутная пошлость, въ томъ и другомъ случаѣ безсмысленная пошлость — вотъ характеръ, неизбѣжно принимаемый бесѣдой, удаляющеюся отъ общественныхъ интересовъ. По характеру бесѣды можно судить о бесѣдующихъ. Если даже высшіе по развитію своихъ понятій люди впадаютъ въ пустую и грязную пошлость, когда ихъ мысль уклоняется отъ общественныхъ интересовъ, то легко сообразить, каково должно быть общество, живущее въ совершенномъ отчужденіи отъ этихъ интересовъ. Представьте же себѣ человѣка, который воспитался жизнью въ такомъ обществѣ: каковы будутъ выводы изъ его опытовъ? каковы результаты его наблюденій надъ людьми? Все пошлое и мелочное онъ понимаетъ превосходно, но кромѣ этого не понимаетъ ничего, потому что ничего не видалъ и не испыталъ. Онъ могъ, Богъ знаетъ, какихъ прекрасныхъ вещей начитаться въ книгахъ, онъ можетъ находить удовольствіе въ размышленіяхъ объ этихъ прекрасныхъ вещахъ: быть можетъ онъ даже вѣритъ

тому, что онѣ существуютъ или должны существовать и на землѣ, а не въ однѣхъ книгахъ. Но какъ вы хотите, чтобъ онъ понялъ и угадалъ ихъ, когда онѣ вдругъ встрѣтятся его неприготовленному взгляду, опытному только въ классификаціи вздора и пошлости? Какъ вы хотите, чтобы я, которому подъ именемъ шампанскаго подавали вино, никогда и не видавшее виноградниковъ Шампани, но впрочемъ очень хорошее шипучее вино,—какъ вы хотите, чтобъ я, когда мнѣ вдругъ подадутъ дѣйствительно шампанское вино, могъ сказать навѣрное: да, это дѣйствительно уже не поддѣлка? Если я скажу это, я буду фатъ. Мой вкусъ чувствуетъ только, что это вино хорошо,—но мало ли я пилъ хорошаго поддѣльнаго вина? Почему я знаю, что и на этотъ разъ мнѣ подне'ли не поддѣльное вино? Нѣтъ, нѣтъ, въ поддѣлкахъ я знатокъ, умѣю отличить хорошую отъ дурной; но неподдѣльнаго вина оцѣнить я не могу.

Счастливы мы были бы, благородны мы были бы, если бы только неприготовленность взгляда, неопытность мысли мѣшала намъ угадывать и цѣнить высокое и великое, когда оно попадется намъ въ жизни. Но нѣтъ, и наша воля участвуетъ въ этомъ грубомъ непониманіи. Не одни понятія съузились во мнѣ отъ пошлой ограниченности, въ суетѣ которой я живу; этотъ характеръ перешелъ и въ мою волю: какова широта взгляда, такова широта и рѣшеній; и кромѣ того, невозможно не привыкнуть наконецъ поступать такъ, какъ поступаютъ всѣ. Заразительность смѣха, заразительность зѣвоты не исключительные случаи въ общественной физіологіи,—та же заразительность принадлежитъ всѣмъ явленіямъ, обнаруживающимся въ массахъ. Есть чья-то басня о томъ, какъ какой-то здоровый человѣкъ попалъ въ царство хромыхъ и кривыхъ. Басня говоритъ, будто бы всѣ на него нападали, зачѣмъ у него оба глаза и обѣ ноги цѣлы; басня солгала, потому что не договорила всего: на пришельца нападали только сначала, а когда онъ обжился на новомъ мѣстѣ, онъ самъ прищурилъ одинъ глазъ и сталъ прихрамывать, — ему казалось уже, что такъ удобнѣе, или по крайней мѣрѣ приличнѣе смотрѣть и ходить, и скоро онъ даже забылъ, что собственно говоря, онъ не хромъ и не кривъ. Если вы охотникъ до грустныхъ эффектовъ, можете прибавить, что когда наконецъ пришла нашему заѣзжему надобность пойти твердымъ шагомъ и зорко смотрѣть обоими глазами, уже не могъ этого онъ сдѣлать: оказалось, что закрытый глазъ уже не открывался, искривленная нога уже не распрямлялась; отъ долгаго принужденія нервы и мускулы бѣдныхъ искаженныхъ суставовъ утратили силу дѣйствовать правильнымъ образомъ.

Прикасающійся къ смолѣ зачернится,—наказаніе себѣ, если прикасался добровольно, на бѣду себѣ, если не добровольно. Нельзя не пропитаться пьянымъ запахомъ тому, кто живетъ въ кабакѣ, хотя бы самъ онъ не выпилъ ни одной рюмки; нельзя не проникнуться мелочностью воли тому, кто живетъ въ обществѣ, не имѣющемъ никакихъ стремленій, кромѣ мелкихъ житейскихъ разсчетовъ. Невольно вкрадывается въ сердце робость отъ мысли, что вотъ, можетъ быть, придется мнѣ принять высокое рѣшеніе, смѣло сдѣлать отважный шагъ не по пробитой тропинкѣ ежедневнаго моціона. Потому-то стараешься увѣрять себя, что нѣтъ, не пришла еще надобность ни въ чемъ такомъ необыкновенномъ, до послѣдней роковой минуты, нарочно убѣждаешь себя, что все кажущееся выходящимъ изъ привычной мелочности, не болѣе какъ обольщеніе. Ребенокъ, который боится буки, зажмуриваетъ глаза и кричитъ какъ можно громче, что буки нѣтъ, что бука

вздоръ,— этимъ, видите ли, онъ ободряетъ себя. Мы такъ умны, что стараемся увѣрить себя будто все, чего трусимъ мы, трусимъ единственно отъ того, что нѣтъ въ насъ силы ни на что высокое,— стараемся увѣрить себя, что все это вздоръ, что насъ только пугаютъ этимъ какъ ребенка букою, а въ сущности ничего такого нѣтъ и не будетъ.

А если будетъ? Ну тогда выйдетъ съ нами то же, что вышло въ повѣсти г. Тургенева съ нашимъ Ромео. Онъ то же ничего не предвидѣлъ и не хотѣлъ предвидѣть; онъ также зажмуривалъ себѣ глаза и пятился, а прошло время — пришлось ему кусать локти, да ужь не достанетъ.

И какъ непродолжительно было время, въ которое рѣшалась и его судьба, и судьба Аси,—всего только нѣсколько минутъ, и отъ нихъ зависѣла цѣлая жизнь, и пропустивъ ихъ, уже ничѣмъ нельзя было исправить ошибку. Едва онъ вошелъ въ комнату, едва успѣлъ произнесть нѣсколько необдуманныхъ, почти безсознательныхъ безразсудныхъ словъ, и уже все было рѣшено: разрывъ на вѣки, и нѣтъ возврата. Мы ни мало не жалѣемъ объ Асѣ; тяжело было ей слышать суровыя слова отказа, но вѣроятно къ лучшему для нея было, что довелъ ее до разрыва безразсудный человѣкъ. Еслибъ она осталась связана съ нимъ, для него, конечно, было бы то великимъ счастьемъ; но мы не думаемъ, чтобъ ей было хорошо жить въ близкихъ отношеніяхъ къ такому господину. Кто сочувствуетъ Асѣ, тотъ долженъ радоваться тяжелой, возмутительной сценѣ. Сочувствующій Асѣ совершенно правъ: онъ избралъ предметомъ своихъ симпатій существо зависимое, существо оскорбляемое. Но хотя и со стыдомъ, должны мы признаться, что принимаемъ участіе въ судьбѣ нашего героя. Мы не имѣемъ чести быть его родственниками; между нашими семьями существовала даже нелюбовь, потому что его семья презирала всѣхъ намъ близкихъ. Но мы не можемъ еще оторваться отъ предубѣжденій, набившихся въ нашу голову изъ ложныхъ книгъ и уроковъ, которыми воспитана и загублена наша молодость, не можемъ оторваться отъ мелочныхъ понятій внушенныхъ намъ окружающимъ обществомъ: намъ все кажется (пустая мечта, но все еще неотразимая для насъ мечта), будто онъ оказалъ какія-то услуги нашему обществу, будто онъ представитель нашего просвѣщенія, будто онъ лучшій между нами, будто бы безъ него было бы намъ хуже. Все сильнѣй и сильнѣй развивается въ насъ мысль, что это мнѣніе о немъ пустая мечта, мы чувствуемъ, что не долго уже остается намъ находиться подъ ея вліяніемъ; что есть люди лучше его, именно тѣ, которыхъ онъ обижаетъ; что безъ него намъ было бы лучше жить,— но въ настоящую минуту мы все еще не достаточно свыклись съ этою мыслью, не совсѣмъ оторвались отъ мечты, на которой воспитаны; потому мы все еще желаемъ добра нашему герою и его собратамъ. Находя, что приближается въ дѣйствительности для нихъ рѣшительная минута, которою опредѣлится на вѣки ихъ судьба, мы все еще не хотимъ сказать себѣ: въ настоящее время не способны они понять свое положеніе; не способны поступить благоразумно и вмѣстѣ великодушно,—только ихъ дѣти и внуки, воспитанные въ другихъ понятіяхъ и привычкахъ, будутъ умѣть дѣйствовать какъ честные благоразумные граждане, а сами они теперь не пригодны къ роли, которая дается имъ; мы не хотимъ еще обратить на нихъ слова пророка: «Будутъ видѣть они, и не увидятъ, будутъ слышать, и не услышатъ, потому что загрубѣлъ смыслъ въ этихъ людяхъ, и оглохли ихъ уши, и закрыли они свои глаза, чтобъ не видѣть»,—нѣтъ, мы все еще хотимъ полагать

ихъ способными къ пониманію совершающагося вокругъ нихъ и надъ ними, хотимъ думать, что они способны послѣдовать мудрому увѣщанію голоса, желавшаго спасти ихъ и потому мы хотимъ дать имъ указаніе, какъ имъ избавиться отъ бѣдъ, неизбѣжныхъ для людей, не умѣющихъ во-время сообразить своего положенія и воспользоваться выгодами, которыя представляетъ мимолетный часъ. Противъ желанія нашего, ослабѣваетъ въ насъ съ каждымъ днемъ надежда на проницательность и энергію людей, которыхъ мы упрашиваемъ понять важность настоящихъ обстоятельствъ и дѣйствовать сообразно здравому смыслу, — но пусть по крайней мѣрѣ не говорятъ они, что не слышали благоразумныхъ совѣтовъ, что не было имъ объясняемо ихъ положеніе.

Между вами господа (обратимся мы съ рѣчью къ этимъ достопочтеннымъ людямъ), есть довольно много людей грамотныхъ; они знаютъ какъ изображалось счастье по древней миѳологіи: — оно представлялось какъ женщина съ длинной косой, развѣваемою впереди ея вѣтромъ, несущимъ эту женщину; легко поймать ее пока она подлетаетъ къ вамъ, но пропустите одинъ мигъ — она пролетитъ, и напрасно погнались бы вы ловить ее: нельзя схватить ее, оставшись позади. Невозвратенъ счастливый мигъ. Не дождаться вамъ будетъ, пока повторится благопріятное сочетаніе обстоятельствъ, какъ не повторится то соединеніе небесныхъ свѣтилъ, которое совпадаетъ съ настоящимъ часомъ. Не пропустить благопріятную минуту—вотъ высочайшее условіе житейскаго благоразумія. Счастливыя обстоятельства бываютъ для каждаго изъ насъ, но не каждый умѣетъ ими пользоваться, и въ этомъ искусствѣ почти единственно состоитъ различіе между людьми, жизнь которыхъ устраивается хорошо или дурно. И для васъ, хотя быть можетъ и не были вы достойны того, обстоятельства сложились счастливо, такъ счастливо, что единственно отъ вашей воли зависитъ ваша судьба въ рѣшительный мигъ. Поймете ли вы требованіе времени, съумѣете ли воспользоваться тѣмъ положеніемъ, въ которое вы поставлены теперь,—вотъ въ чемъ теперь для васъ вопросъ о счастіи или несчастіи на вѣки.

Въ чемъ же способы и правила для того, чтобъ не упустить счастья, предлагаемаго обстоятельствами? Какъ въ чемъ? Развѣ трудно бываетъ сказать чего требуетъ благоразуміе въ каждомъ данномъ случаѣ? Положимъ, напримѣръ, что у меня есть тяжба, въ которой я кругомъ виноватъ. Предположимъ также, что мой противникъ, совершенно правый, такъ привыкъ къ несправедливостямъ судьбы, что съ трудомъ уже вѣритъ въ возможность дождаться рѣшенія нашей тяжбы: она тянулась уже нѣсколько десятковъ лѣтъ; много разъ спрашивалъ онъ въ судѣ: когда будетъ докладъ и много разъ ему отвѣчали «завтра или послѣ завтра», и каждый разъ проходили мѣсяцы и мѣсяцы, годы и годы, и дѣло все не рѣшалось. Почему оно такъ тянулось, я не знаю, знаю только, что предсѣдатель суда почему-то благопріятствовалъ мнѣ (онъ, кажется, полагалъ, что я преданъ ему всей душой). Но вотъ онъ получилъ приказаніе неотлагательно рѣшить дѣло. По своей дружбѣ ко мнѣ, онъ призвалъ меня и сказалъ: «Не могу медлить рѣшеніемъ вашего процесса; судебнымъ порядкомъ не можетъ онъ кончиться въ вашу пользу,—законы слишкомъ ясны; вы проиграете все; потерею имущества не кончится для васъ дѣло; приговоромъ нашего гражданскаго суда обнаружатся обстоятельства, за которыя вы будете подлежать отвѣтственности по уголовнымъ законамъ, а вы знаете, какъ они строги; каково будетъ рѣшеніе уголовной палаты — я не знаю, но думаю, что

вы отдѣлаетесь отъ нея слишкомъ легко, если будете приговорены только къ лишенію правъ состоянія,—между нами будь сказано, можно ждать вамъ еще гораздо худшаго. Нынѣ суббота; въ понедѣльникъ ваша тяжба будетъ доложена и рѣшена;—долѣе отлагать ее не имѣю я силы, при всемъ расположеніи моемъ къ вамъ. Знаете ли что я посовѣтовалъ бы вамъ? воспользуйтесь остающимся у васъ днемъ: предложите мировую вашему противнику; онъ еще не знаетъ, какъ безотлагательна необходимость, въ которую я поставленъ полученнымъ мною предписаніемъ; онъ слышалъ что тяжба рѣшается въ понедѣльникъ, но онъ слышалъ о близкомъ ея рѣшеніи столько разъ, что извѣрился своимъ надеждамъ; теперь онъ еще согласится на полюбовную сдѣлку, которая будетъ очень выгодна для васъ и въ денежномъ отношеніи, не говоря уже о томъ, что ею избавитесь вы отъ уголовнаго процесса, пріобрѣтете имя человѣка снисходительнаго, великодушнаго, который какъ будто бы самъ почувствовалъ голосъ совѣсти и человѣчности. Постарайтесь кончить тяжбу полюбовною сдѣлкой. Я прошу васъ объ этомъ, какъ другъ вашъ».

Что мнѣ теперь дѣлать, пусть скажетъ каждый изъ васъ: умно ли будетъ мнѣ поспѣшить къ моему противнику для заключенія мировой? Или умно будетъ пролежать на своемъ диванѣ единственный остающійся мнѣ день? Или умно будетъ накинуться съ грубыми ругательствами на благопріятствующаго мнѣ судью, дружеское предувѣдомленіе котораго давало мнѣ возможность съ честью и выгодою для себя покончить мою тяжбу?

Изъ этого примѣра читатель видитъ, какъ легко въ данномъ случаѣ рѣшить чего требуетъ благоразуміе.

«Старайся примириться съ твоимъ противникомъ, пока еще не дошли вы съ нимъ до суда, а иначе отдастъ тебя противникъ судьѣ, а судья отдастъ тебя исполнителю приговоровъ, и будешь ты ввергнутъ въ темницу и не выйдешь изъ нея, пока не расплатишься за все до послѣдней мелочи». (Матѳ. глава V, стих. 25 и 26):

БИБЛІОГРАФІЯ.

Габріэль. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе *Эмиля Ожье*. Переводъ И. Крешева. Спб. 1853.

Благодаря прекрасной игрѣ г-жъ Вольнисъ и Плесси, пьеса эта имѣла продолжительный успѣхъ на Михайловскомъ театрѣ; но сама по себѣ она произведеніе очень посредственнаго достоинства. Тема ея довольно избитая: оставляя жену скучать, мужъ рискуетъ очень многимъ и, если не хочетъ потерять ея любви, долженъ заниматься не одними своими дѣлами, а удѣлять и для жены нѣсколько свободныхъ минутъ. Развязка (за которую Ожье получилъ Монтіоновскую премію, будто бы за какой нибудь похвальный поступокъ) во всегдашнемъ вкусѣ и комедій и водевилей: возвращеніе заблуждавшихся на прямой путь и торжество всего хорошаго. Ни драматическаго развитія, ни удачно очерченныхъ лицъ мы не могли найти въ «Габріэли», которую играли и, можетъ быть, играютъ единственно за недостаткомъ лучшаго: среди несносно дурного, сносное кажется хорошимъ, превосходнымъ, и «Габріэль» много выигрываетъ, будучи сопровождаема жалкими водевилями. Скучно было бы подробно разбирать эту пьесу, которой содержаніе мы предполагаемъ болѣе или менѣе извѣстнымъ, и потому ограничимся нѣсколькими словами о томъ, каково изображенъ характеръ главнаго лица—самой Габріэли; по Габріэли можно судить и о другихъ лицахъ комедіи.

Ясно, что Ожье хотѣлъ представить Габріэль женщиною достойною любви такого превосходнаго человѣка, какъ Жюльенъ, мужъ ея; ясно, что онъ хотѣлъ представить ее заслуживающею нашего уваженія, нашей симпатіи. Такою и является она въ патетическихъ сценахъ, которыми заключается пьеса. Но посмотрите, какъ ничтожна, какъ пуста является она въ началѣ пьесы:

Жюльенъ занятъ своими тяжебными дѣлами (онъ адвокатъ) и устройствомъ будущности своей милой жены, своей милой дочери; онъ говоритъ объ этомъ съ Габріэлью. Габріэль и не слушаетъ его: она мечтаетъ о любви, она тоскуетъ о томъ, что мужъ изъ за дѣлъ забываетъ о ней. Прекрасно; но заботится ли она сама о мужѣ, думаетъ ли о чемъ нибудь, кромѣ романтическихъ до пошлости прогулокъ при свѣтѣ луны? Нѣтъ! она только бранитъ его за то, что онъ принесъ въ пріемную комнату свои «сальныя бумаги» (вѣроятно, для того, чтобы посидѣть вмѣстѣ съ нею); у мужа на рукавѣ оторвалась пуговица,—онъ проситъ жену пришить ее—Габріэль отвѣчаетъ, что завтра позоветъ швею. Прачка приноситъ бѣлье—Габріэль отсылаетъ ее къ ключницѣ: ей низко самой заниматься хозяйствомъ; мужъ

проситъ ее позаботиться о любимыхъ кушаньяхъ для дяди, котораго ждетъ онъ въ гости—Габріэль отвѣчаетъ:

«Въ такія мелочи мѣшаться вамъ не слѣдъ»

и продолжаетъ мечтать, какъ хорошо было бы, еслибъ они съ мужемъ продолжали (черезъ десять или восемь лѣтъ послѣ свадьбы) перекидываться томными взглядами à la Маниловъ и прогуливаться при свѣтѣ вечерней зари, какъ влюбленные, не видавшіеся цѣлую недѣлю:

«Я на рукѣ его повисла бъ нѣжно, онъ
Замедлилъ бы шаги вслѣдъ за моею лѣнью,
Мы предавались бы восторгамъ, упоенью,
Нашъ восхищенный взоръ блуждалъ бы въ синевѣ
Небесъ...

Вспомните, что у Габріэли уже дочь семи или девяти лѣтъ, и вы невольно скажете: какая пустая и пошлая женщина эта Габріэль!

И отчего все это произошло у Ожье? Ему надобно было изобразить тоску жены, покидаемой, забываемой мужемъ.

Съ такимъ же искусствомъ обрисовано у него все. Но, повторяемъ, бо́льшая часть пьесъ современнаго французскаго репертуара еще гораздо ничтожнѣе «Габріэли»; потому не удивительно, если она производила на сценѣ эффектъ, когда талантливые актеры поддерживали ее своею игрою.

Переводъ г. Крешева довольно хорошъ, хотя и можно указать множество мѣстъ, на которыхъ спотыкаешься при чтеніи.

КРИТИКА.

Романъ и повѣсти *М. Авдѣева*. Два тома. Спб. 1853.

Господинъ Авдѣевъ—милый, пріятный разсказчикъ. Его повѣсти не оставались неразрѣзанными въ книжкахъ журналовъ: это много значитъ. И если бы какой нибудь господинъ, вслѣдствіе мудраго правила не читать ничего въ ужасъ или скуку приводящаго, рѣдко заглядывающій въ русскія книги, спросилъ насъ, раскается ли онъ, прочитавъ «Романъ и повѣсти» господина Авдѣева, мы поручились бы ему головою, что не раскается, поручились бы даже, что онъ прочитаетъ ихъ съ удовольствіемъ. Но еслибъ онъ былъ такъ неделикатенъ въ выраженіяхъ, что предложилъ бы намъ свой вопросъ въ отрицательной формѣ: «долженъ ли я жалѣть, что не читалъ повѣстей и романа г. Авдѣева, и необходимо ли мнѣ загладить свой поступокъ?» то... то мы не знаемъ, что бы мы сказали ему.

Отчего же мы не знаемъ навѣрное, что бы мы сказали? оттого, что г. Авдѣевъ—полная честь ему за это—хорошій, очень хорошій разсказчикъ; но... но мы не знаемъ, можетъ ли найтись въ его «Романѣ и Повѣстяхъ» что нибудь хорошаго, кромѣ того, что разсказаны они хорошо.

Говорятъ, будто бы достоинство платья зависитъ единственно оттого, хорошо ли, изящно ли оно сдѣлано; но говорятъ иногда и то, что какъ бы ни изящно сдѣлано было платье, а все-таки не годится оно, если сдѣлано изъ поношенной матеріи, или сдѣлано не по мѣркѣ. Мы боимся, чтобы послѣднее замѣчаніе не было приложимо къ произведеніямъ г. Авдѣева, которыя субтильнымъ изяществомъ напоминаютъ произведенія моднаго искусства: написаны они хорошо; но въ романѣ нѣтъ свѣжести, онъ сшитъ изъ поношенныхъ лоскутовъ, а повѣсти не приходятся по мѣркѣ нашего вѣка, готоваго примириться скорѣе съ недостатками формы, нежели съ недостаткомъ содержанія, съ отсутствіемъ мысли. Мы боимся, что строгіе люди скажутъ: въ чемъ нѣтъ мысли, до того намъ нѣтъ и дѣла. Впрочемъ, мало ли что могутъ сказать строгіе люди! ихъ нечего слушать; лучше посмотримъ, что намъ должно сказать о романѣ и повѣстяхъ одного изъ любимыхъ нашихъ беллетристовъ.

Когда явились первыя части «Тамарина» (Варинька и Записки Тамарина), которыми дебютировалъ г. Авдѣевъ, всѣ въ одинъ голосъ сказали, что это буквальное подражаніе «Герою нашего времени»; многіе сказали еще, что въ этомъ подражаніи, какъ и во всѣхъ буквальныхъ подражаніяхъ, искаженъ духъ, смыслъ подлинника; что Лермонтовъ—мыслитель глубокій для своего времени, мыслитель

серьезный—понимаетъ и представляетъ своего Печорина какъ примѣръ того, какими становятся лучшіе, сильнѣйшіе, благороднѣйшіе люди подъ вліяніемъ общественной обстановки ихъ круга, а что г. Авдѣевъ добродушно выставляетъ своего Тамарина истинно великимъ человѣкомъ и добродушно преклоняется передъ нимъ. Г. Авдѣевъ хочетъ придать своему произведенію другой смыслъ. Въ предисловіи къ своему роману онъ говоритъ: «Авторъ разбора сочиненій Пушкина замѣтилъ, что Онѣгинъ и Печоринъ составляютъ одинъ типъ, измѣнившійся при послѣдовательномъ развитіи. Это замѣчаніе дало мнѣ мысль прослѣдить дальнѣйшее развитіе типа «героевъ своего времени». Вотъ цѣль, съ которой я задумалъ Тамарина. Лермонтовъ увлекся своимъ героемъ, и поставилъ его въ какомъ-то поэтическомъ полусвѣтѣ, который придалъ ему ложную грандіозность. Ослѣпленное яркимъ эффектомъ красокъ и искусной драпировкой героя, большинство увлеклось имъ, и вмѣсто того, чтобы увидать въ немъ образецъ своихъ недостатковъ, стало рядиться въ него, стало ему подражать; онъ породилъ Печориныхъ въ обществѣ. Съ этихъ-то дѣйствительныхъ Печориныхъ писанъ мой Тамаринъ. Показать обществу и человѣку, какъ они обманывались, и показать разоблаченіе этого обмана—вотъ въ чемъ была моя задача». Дѣйствительно, такова цѣль и смыслъ послѣдней изъ повѣстей этого романа—«Ивановъ». Но Ивановъ (о немъ рѣчь впереди) писанъ черезъ два года послѣ «Разсказа Ивана Васильича», и авторъ могъ измѣниться и измѣнить взглядъ на своего героя въ это время, могъ—при помощи критики—разочароваться въ Тамаринѣ и позабыть, что былъ имъ прежде очарованъ, могъ послѣ увидѣть въ своихъ первыхъ повѣстяхъ не то, что дѣйствительно въ нихъ было. Примѣровъ такой забывчивости о своемъ прежнемъ нравственномъ положеніи—множество, и мы желали бы указать ихъ, если бы не боялись, что и безъ того нашъ разборъ будетъ слишкомъ обширенъ. Однимъ словомъ, мы вѣримъ въ искренность объясненія (или, скорѣе, оправданія); но до какой степени оно справедливо? Нѣтъ, не съ подражателей Печорину писанъ портретъ Тамарина, а черта въ черту, сцена въ сцену переписаны двѣ первыя повѣсти этого романа съ Бэлы и княжны Мери изъ «Героя нашего времени». Копія такъ буквальна, что нѣтъ возможности видѣть въ ней что нибудь кромѣ копіи, нѣтъ возможности видѣть въ первой половинѣ романа хотя тѣнь самостоятельности въ изложеніи, не только самостоятельнаго взгляда. Попробуемъ сдѣлать краткій обзоръ этой первой половины романа.

Въ «Героѣ нашего времени» двѣ главныя повѣсти: «Бэла», разсказываемая простодушнымъ Максимомъ Максимычемъ, и «Княжна Мери», дневникъ Печорина. И у г. Авдѣева двѣ повѣсти: «Варинька», разсказываемая Иваномъ Васильичемъ, и «Я, Тетрадь изъ записокъ Тамарина» (это гордое «Я» исчезло во второмъ, отдѣльномъ изданіи: авторъ лишилъ своего уваженія это «Я» Тамарина, которое прежде величественно красовалось, внушая читателю глубокое уваженіе). Но если Максимъ Максимычъ разсказываетъ своимъ языкомъ и дѣйствительно своими глазами смотритъ на вещи, Иванъ Васильичъ, говоря фразами Максима Максимыча, безпрестанно проговаривается и отдаетъ свой языкъ въ распоряженіе Печорина, Тамарина или самого г. Авдѣева. Примѣровъ перваго не нужно приводить: они составляютъ фонъ разсказа; вотъ примѣры второго, эпизодически прорывающагося тона:

Описаніе на цѣлой страницѣ Джальмы, коня Тамарина; Джальма, чуть пробѣжитъ нѣсколько шаговъ, изъ сѣраго въ яблокахъ «дѣлался розовый: такъ тонка

была у него кожа!» Кому, кромѣ Печорина, имѣющаго страсть говорить о лошадяхъ тѣмъ тономъ, какимъ говорятъ о женщинахъ, придетъ въ голову эта «тонкость»? И дѣйствительно, вслѣдъ за этимъ Иванъ Васильичъ принужденъ дѣлать такое же описаніе Вариньки, у которой былъ «тонко схваченный станъ», и темноголубые глаза, спокойно смотрѣвшіе на Божій міръ, какъ будто въ немъ не было ни горя, «ни длиннаго ряда заблужденій и обмановъ, въ концѣ котораго часто стоитъ разочарованіе и могила». Помилуйте, разочарованія и не понимаетъ, несмотря на всѣ объясненія Тамарина, Иванъ Васильичъ, а о могилѣ не думаетъ онъ, глядя и на старушку Мавру Савишну, не только на свѣженькую, полную здоровья дочку ея. Никто, кромѣ разочарованнаго, не можетъ заключить описаніе этою фразою. Потомъ Иванъ Васильичъ, имѣющій понятіе только о томъ, что дочь должна быть доброй, послушной дочерью, говоритъ, что мать «не имѣла на нее никакого *моральнаго* вліянія»—ну гдѣ же ему думать о моральныхъ вліяніяхъ? Опять объ этомъ толкуетъ (и очень подробно) Тамаринъ (смотри его объясненія съ Варинькою). Въ угодность княжнѣ Мери и артистическимъ вкусамъ Тамарина, Иванъ Васильичъ даже украшаетъ *виртовскимъ* роялемъ комнаты простодушной помѣщицы средней руки, между тѣмъ какъ выписные изъ Петербурга рояли и теперь попадаются еще только въ самыхъ аристократическихъ провинціальныхъ домахъ. Онъ замѣчаетъ перемѣну въ пѣніи Вариньки, когда она влюбилась въ Тамарина: «въ ея голосѣ была такая полнота звуковъ, такая сила, такой грустный и вырвавшійся изъ души плачъ», что, очевидно недаромъ Иванъ Васильичъ (читай: Тамаринъ), умѣвшій оцѣнить и описать это, былъ постояннымъ посѣтителемъ итальянской оперы. Дурно только то: мы знаемъ, по какому поводу и кому разсказываетъ «Бэлу» Максимъ Максимычъ, и рѣшительно не знаемъ, съ какой стати Иванъ Васильичъ даритъ насъ разсказомъ своимъ, изъ котораго видно, что недаромъ онъ бывалъ въ оперѣ и читалъ Гоголя. Лирическихъ заимствованій изъ Гоголя у него бездна:

«Какъ вздумается ему (Тамарину) окрестить тебя такъ, шутки ради, какимъ нибудь словцомъ, холодно, мимоходомъ, какъ онъ иногда это дѣлаетъ, а огорошитъ имъ тебя хуже пули, и насмѣется надъ тобою всякой, и дуракъ, и умный, и пойдетъ это словцо изъ устъ въ уста...» и т. д. Сравнить съ этимъ можно еще воспоминанія Ивана Васильича о мѣткости школьныхъ прозвищъ. Или «И странна показалась ей (Маврѣ Савишнѣ, матери Вариньки) эта перемѣна въ голосѣ дочери, безотчетно забилось сильнѣе обыкновеннаго ея любящее, материнское сердце, и опустила она чулокъ, и не окончила фразы, и задумалась Мавра Савишна, слушая пѣсню своей Вариньки...» и т. д.

Однимъ словомъ, если Максимъ Максимычъ умѣетъ разсказывать какъ Максимъ Максимычъ, то Иванъ Васильичъ умѣетъ разсказывать какъ Иванъ Васильичъ и г. Авдѣевъ вмѣстѣ. Ясно, что похожіе то на себя, то на другихъ разсказчики могутъ быть только подражателями. О томъ, что Тамаринъ въ своихъ запискахъ переписываетъ всѣ размышленія Печорина, нечего и говорить. Но это сходство преднамѣренное? Въ томъ и дѣло, что сходства нѣтъ, а есть только буквальная, но непохожая на оригиналъ, по своей неудачности, копировка. У Лермонтова видно, что Печоринъ страдалъ и высохъ и дѣйствительно утомился жизнью; изъ записокъ Тамарина этого ничего не видно: онъ хочетъ, по очевидному желанію автора, выставить себя Печоринымъ, но выставляетъ себя рѣшительно Грушницкимъ.

Но, можетъ быть, этого и хотѣлось автору? Можетъ быть, онъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ «разоблачить» своего героя? Нѣтъ, онъ не разоблачилъ: онъ просто не съумѣлъ одѣть его; а ему хотѣлось, очень хотѣлось одѣть его въ самый патетическій нарядъ. Вотъ одинъ изъ безчисленнаго множества примѣровъ поклоненія автора разукрашаемому имъ въ герои лицу:

«Тамаринъ (въ нашемъ избитомъ экземплярѣ чья-то досужая рука, зачеркнувъ «Тамаринъ», приписала: *Наполеонъ*) сидѣлъ и думалъ. О чемъ онъ думалъ, Богъ вѣдаетъ: это лицо такъ привыкло не выдавать тайныхъ думъ, что и наединѣ, какъ въ гостиной (та же рука, зачеркнувъ «въ гостиной», приписала: *въ битвахъ*), оно было, по привычкѣ, холодно, спокойно и безмолвно. Только въ большихъ темныхъ глазахъ было выраженіе. Это не было выраженіе мелочного самодовольства, удовлетвореннаго самолюбія. Нѣтъ, въ нихъ было гордое выраженіе человѣка, сознавшаго собственную силу (на поляхъ тою же рукою приписано: *се левъ, а не собака*), что-то похожее на торжество оскорбленнаго самолюбія, которому отдали должную справедливость. Свѣтло и гордо смотрѣли эти темные глаза, и странно было ихъ выраженіе, полное жизни, на холодномъ, спокойномъ лицѣ, въ пустой, полуосвѣщенной комнатѣ».

Увы! никакіе потоки оправданій не смоютъ блестящаго лака, не докажутъ, что есть хоть малѣйшая возможность видѣть въ этомъ не апоѳеозу, не простодушное поклоненіе; увы! ясно, что авторъ рисуетъ льва, и вина кисти, а не живописца, если вмѣсто льва нарисовалась собака! Слушайте дальше:

«Передъ его внутренними очами рисовалась картина его прошедшей, невѣдомой намъ жизни, должно быть бурной и обильной происшествіями жизни, въ которой выработался этотъ твердый, холодный характеръ, выдержался мощный умъ (котораго однако не замѣтно), жизни, которая должна была разбить его, и изъ которой онъ вынесъ новыя силы».

Если это писано безъ поклоненія своему герою и своимъ фразамъ, то мы вправѣ предполагать, что и г. Котляревскій написалъ своихъ «Крымскихъ цыганъ» для разоблаченія Муллы Нура и Аммалатъ-Бека, а г. Бенедиктовъ пишетъ свои стихи для того, чтобы показать суетность исковерканно-напыщенныхъ фразъ. Нѣтъ, не критику, а восторженный панегирикъ Тамарину писалъ г. Авдѣевъ, руководствуясь не дѣйствительностью, а ложно понятымъ романомъ Лермонтова.

Лица у него взяты цѣликомъ изъ Лермонтова: кромѣ Печорина и Максима Максимыча въ «Героѣ нашего времени» есть Вѣра—она стала баронессою Б., мужъ Вѣры—барономъ Б., Бэла и княжна Мери слились въ Вариньку; даже докторъ Вернеръ нашелъ себѣ буквальную копію въ Ѳедорѣ Ѳедорычѣ (тоже очевидно русскій нѣмецъ Фридрихъ Фридриховичъ); Грушницкаго брать было уже нельзя: онъ, невѣдомо отъ автора, отождествился съ Тамаринымъ, который также толкуетъ Варинькѣ: «Да что я вамъ? Поймете ли вы меня? Моя судьба—тайна между небомъ и мною...» и т. п., какъ толковалъ это, по предложеніямъ Печорина, Грушницкій какой нибудь деревенской барышнѣ передъ своимъ поступленіемъ въ юнкера. Да, мы и многіе другіе ошибались, думая, что Тамаринъ—Печоринъ: это—Грушницкій, явившійся г. Авдѣеву во образѣ Печорина.

Да, г. Авдѣевъ написалъ пародію, но не на типъ Печорина, а на Лермонтова, какъ Козловъ написалъ въ своемъ «Чернецѣ» пародію на Байрона: оба они не вѣдали, что творили. Но г. Авдѣевъ имѣлъ передъ Козловымъ ту выгоду, что

критики его были проницательнѣе критиковъ пушкинскаго времени и показали ему истинное значеніе его Тамарина.

И, надобно отдать полную справедливость прекрасной способности г. Авдѣева замѣтить недостатки, на которые укажутъ ему,—прекрасной способности, доказывающей, что его развитіе еще впереди. Онъ совершенно измѣнилъ понятіе о своемъ героѣ, когда ему показали, что за пѣтухъ этотъ лже-Печоринъ-Тамаринъ-Грушницкій; онъ постарался придать по возможности другой смыслъ своему роману и приписалъ къ прежнимъ разсказамъ—окончаніе записокъ Тамарина и «Иванова».

Въ «окончаніи записокъ Тамарина» (сцены послѣ замужества Вариньки) вмѣсто прежняго Печорина и княжны Мери являются Онѣгинъ и Татьяна, вмѣсто сценъ изъ «Героя нашего времени»—послѣдняя глава «Евгенія Онѣгина». Положенія, оправданія и мольбы, раскаяніе и возродившаяся любовь Тамарина, гордый въ страданіи отвѣтъ Вариньки,—все слово въ слово взято изъ «Онѣгина» Тамаринъ говоритъ:

«Послушайте, я прежде не умѣлъ васъ понимать; я не могъ васъ понять; я не былъ къ этому подготовленъ; но теперь я васъ люблю, Варинька. Я васъ такъ люблю, что заставлю васъ забыть прошлое и простить меня... Вы простите меня?»

Варинька отвѣчаетъ:

«Что мнѣ въ этомъ? развѣ я кокетничала съ вами, чтобы возбудить вашу любовь? Напротивъ она глубоко огорчаетъ меня, потому что больше заставляетъ жалѣть невозвратимое. И вы думаете, легко мнѣ теперь? Знаете ли, что я дѣлала сейчасъ до вашего прихода? я мечтала о деревенской дѣвочкѣ, которая увидѣла одно загадочное, интересное для нея существо? Какъ она была счастлива!.. Прошло полгода, и въ этой неопытной, наивной дѣвочкѣ я не узнала себя!..» и т. д.

Хотѣли было мы замѣтить, что въ Татьянѣ дѣйствительно могло измѣниться все, потому что она переѣхала изъ деревни въ высшее петербургское общество и прожила въ немъ нѣсколько лѣтъ, а между Варинькою до замужества и черезъ полгода послѣ замужества такой огромной разницы быть не могло, потому что ничто въ ея обстановкѣ не измѣнилось... Но если бы стали мы говорить объ этомъ, то могли бы позабыть похвалить точность и близость, полноту перевода. Хотѣли было мы сказать, что переписывать и Пушкина какъ Лермонтова, трудно, не испортивъ стройности и смысла картины; но лучше замѣтить, что гораздо легче браться за передѣлку, правда не колоссальныхъ, а просто очень хорошихъ произведеній, напр., хоть за передѣлку «Полиньки Саксъ», превосходный снимокъ съ которой заканчиваетъ Тамарина.

Эпилогъ этотъ называется «Ивановъ». Тутъ подъ именемъ Иванова является въ своемъ мундирномъ фракѣ подлинный Саксъ, человѣкъ новаго направленія, передъ которымъ окончательно стушовывается Тамаринъ, представленный уже рѣшительно пасквилемъ на прежняго Тамарина. Точно такъ же, какъ Саксъ Ивановъ энергическій защитникъ правды на поприщѣ служебной дѣятельности, безстрашно, неутомимо борется съ лицепріятіемъ и т. д., также спокойно и возвышенно говоритъ, также ставитъ правду и дѣло выше личнаго счастія и любви, точно также ѣдетъ въ командировку на слѣдствіе,—точно также все, кромѣ того, что, сколько намъ извѣстны провинціальныя служебныя отношенія, Ивановъ не умѣетъ выдерживать ихъ въ подвигахъ своего служебнаго рвенія.

Однимъ словомъ, романъ г. Авдѣева съ начала до конца—чистая, кажется,

безсознательно переписанная копія сперва съ «Героя нашего времени», потомъ «Героя нашего времени» и «Онѣгина», потомъ «Героя нашего времени» и «Полиньки Саксъ». Въ немъ воскресла передъ нашими глазами русская литература XVIII вѣка съ трагедіями Княжнина, о которыхъ еще Мерзляковъ, говорилъ, что въ нихъ нѣтъ ни слова своего.

Мы говорили о «Тамаринѣ» подробнѣе, нежели будемъ говорить объ остальныхъ произведеніяхъ г. Авдѣева, потому, что на «Тамаринѣ» основана извѣстность г. Авдѣева, и потому, что хоть въ наше время совѣстно объявлять себя защитникомъ подражательнаго рода, но во всѣ времена говорили: давайте намъ лучше хорошее чужое, нежели... не то, чтобы дурное, — напротивъ очень милое, но незаключающее въ себѣ ровно ничего своего. «Тамаринъ» заставилъ насъ ожидать отъ г. Авдѣева новаго и лучшаго, показавъ въ немъ способность къ развитію, стремленіе принять въ себя мысль, стремленіе къ содержанію; но ни одна изъ его изданныхъ до сихъ поръ повѣстей не можетъ еще назваться произведеніемъ человѣка мыслящаго. Намъ кажется, что если о господинѣ Авдѣевѣ будутъ говорить, какъ о замѣчательномъ писателѣ, то уже никакъ не упоминая о его доселѣ изданныхъ повѣстяхъ; а если придется говорить только о нихъ, то о немъ ничего не будутъ говорить. Потому и мы теперь можемъ быть кратки. Послѣ «Тамарина» г. Авдѣевъ написалъ шесть повѣстей и разсказовъ: «Ясные Дни», «Горы», «Деревенскій Визитъ», «Нынѣшняя Любовь», «Поѣздка на кумысъ», «Огненный Змій». Мы обратимъ вниманіе только на двѣ лучшія повѣсти: «Ясныя Дни» и «Нынѣшняя Любовь», потому что изъ остальныхъ заслуживала бы разбора только одна — «Огненный Змій»; но мнѣніе о ней найдутъ читатели въ другой статьѣ, въ слѣдующей книжкѣ «Современника», и здѣсь только для полноты обзора мы повторимъ отзывъ объ «Огненномъ Змѣѣ», слышанный нами отъ одного изъ людей очень любящихъ изящество во всемъ и рѣшительно не думающихъ поставлять народность или даже простонародность разсказа въ дубоватости языка: «отъ Огненнаго Змія пахнетъ лоделавандомъ». А что касается до другихъ трехъ разсказовъ, они едва ли были и замѣчены кѣмъ нибудь. «Горы ровно на половину состоятъ изъ длиннѣйшаго, но легко-читающагося приступа, въ которомъ сначала объясняется, почему авторъ любилъ пріѣзжать въ гости съ Локтевымъ и почему Локтевъ достоинъ любви: потому, что онъ никогда не сдѣлаетъ неловкости, никогда не заставитъ васъ покраснѣть за то, что вы вмѣстѣ съ нимъ вошли въ гостиную — какъ будто бы нынѣ въ порядочномъ обществѣ, не только петербургскомъ, но и провинціальномъ, много наберется такихъ невыполированныхъ молодыхъ людей, которые могутъ своими неловкостями заставить покраснѣть вошедшаго вмѣстѣ съ ними въ гостиную или на вечеръ? Галантерейныя разсужденія этого начала напоминаютъ «Тамарина». Потомъ въ приступѣ очень подробно, мило и легко пересказывается двухъ-часовая causerie втроемъ (разсказывающій, Локтевъ и хозяйка) у М-me К. Наконецъ начинается повѣсть: Локтевъ разсказываетъ, какъ онъ имѣлъ въ башкирской деревнѣ rendez-vous съ хорошенькой башкиркой Изикэй, и какъ мужъ ея, подстерегши измѣну, не показалъ и виду, что знаетъ всѣ шашни, а потомъ, когда при переѣздѣ черезъ горы, представился удобный случай, столкнулъ жену съ лошадью, на которой она сидѣла, въ оврагъ, на днѣ котораго отыскиваютъ ея раздробленнымъ трупомъ. М-me К. приходитъ въ ужасъ отъ кроваваго описанія; тогда Локтевъ говоритъ съ улыбкою: «вы непремѣнно хотѣли, чтобы я вамъ раз-

сказалъ ужаснѣйшій случай моей жизни; ужаснаго ничего со мной не случилось, и я придумалъ для васъ этотъ разсказъ». Но «умыселъ другой тутъ былъ» у Локтева: онъ хотѣлъ пощекотать ревность М-те К., потому что они забавляются, строя другъ другу куры. М-те К. дивится живымъ подробностямъ импровизаціи; готовы дивиться и мы, если только «Горы» дѣйствительно импровизація, и это избавитъ насъ отъ необходимости замѣтить, что хитрый башкирецъ не выдерживаетъ своего лицемѣрства въ рѣшительную минуту и не отправляется отыскивать жену, упавшую, по его словамъ случайно. Не изъявляя участія къ ея судьбѣ, онъ можетъ возбудить противъ себя подозрѣніе. И зеленѣетъ онъ, столкнувъ жену, совершенно безъ причины: вѣдь по башкирскимъ понятіямъ онъ поступилъ недурно. «Деревенскій визитъ» и разсказанъ дурно, кромѣ анекдота о томъ, какъ Иванъ Игнатьичъ видѣлъ русалку. Это — неудачнѣйшее изъ произведеній г. Авдѣева. «Поѣздка на кумысъ» — письма съ дороги, въ родѣ «Писемъ Русскаго Путешественника»; они занимаютъ сто страницъ, не наполняя ихъ. Мы не говоримъ, чтобъ ихъ не стоило писать; но едва ли ихъ стоило перепечатывать. Такого же мнѣнія мы держимся и относительно «Деревенскаго визита». Но и самъ г. Авдѣевъ, конечно, не придастъ большой важности ни этимъ двумъ своимъ произведеніямъ, ни «Горамъ». Потому перейдемъ отъ нихъ поскорѣе къ его граціозной идилліи «Ясные Дни». Это дѣйствительно свѣтлая, радужная идиллія, вполнѣ оправдывающая свое заглавіе; это дѣйствительно милая, привлекательная картина, писанная съ любовью, и много чувства потратилъ авторъ на ея созданіе, много розовыхъ тѣней—на ея иллюминовку: все въ ней освѣщено розовымъ колоритомъ, все должно дѣйствовать на васъ отрадно, примирительно, освѣжительно, оживительно — можетъ быть, и подѣйствовало, если вы читали эту повѣсть въ сладкій часъ лѣнивой полудремоты: прелестна показалась вамъ въ этомъ счастливомъ случаѣ повѣсть, и приснились вамъ ясные сны. Но... гадкое, неотвязное «но»! не должно бы тебѣ быть мѣста, когда мы говоримъ о «Ясныхъ Дняхъ»... но если вы читали ее не въ сладкій часъ лѣнивой полу-дремоты, то вы сказали, закрывая книгу: «Что за странность! Все это мило, но все это будто бы не правда, будто бы не клеится, будто бы не такъ». И если не хотите погубить прекрасной, свѣтлой идилліи, постарайтесь не думать о ней, потому что въ самомъ дѣлѣ все въ ней не такъ, все не клеится, все не ладится.

Что же не клеится? отчего не ладится? Отвѣта искать не далеко: но мы сначала украсимъ свой разборъ граціознымъ стихотвореніемъ:

О домовитая совушка,
О милосизая птичка!
Грудь красно бѣла, касаточка,
Лѣтняя гостья, пѣвичка.... и т. д.

Что за странность? Что-то не такъ! Граціозная пѣсенка оказывается нескладицею! Виноваты! Виноваты! мы вздумали про сову пропѣть то, что можно пропѣть только о ласточкѣ!

Г. Авдѣевъ хотѣлъ въ «Ясныхъ Дняхъ» опоэтизировать, идеализировать все и всѣхъ въ избранномъ имъ для идилліи кругу. Но дѣло извѣстное, что не всякій кружокъ, не всякій образъ жизни можетъ быть идеализированъ въ своей истинѣ. Трудно идеализировать безсмысліе и дрязги. Спору нѣтъ, въ самомъ пошломъ человѣкѣ, въ самомъ отталкивающемъ тунеядцѣ есть что нибудь человѣческое, и въ

жизни его есть или были свѣтлыя, человѣческія отношенія, есть или были поэтическія минуты. Идеализируйте ихъ, если у васъ идеализирующій, примиряющій взглядъ; и ваше дѣло будетъ правдивое, благородное дѣло, потому что въ пошломъ или ничтожномъ человѣкѣ будете учить насъ любить человѣка. Но говорить намъ: люби въ этомъ человѣкѣ все,—нѣтъ! это не дѣло истины и поэзіи: это—дѣло поверхностной, апатической, антипоэтической непроницательности.

А г. Авдѣевъ говоритъ намъ: полюбуйтесь на всѣхъ выводимыхъ мною людей всецѣло, во всей обстановкѣ, полюбите ихъ жизнь: посмотрите, какая свѣтлая, чистая, славная эта жизнь! Посмотримъ же, что это за люди и какова ихъ жизнь! Идутъ ли къ ней розовыя краски? Не будемъ даже разсматривать, прикрашиваетъ или нѣтъ онъ своихъ милыхъ идиллическихъ любимцевъ; возьмемъ ихъ такими, какими онъ ихъ выводитъ намъ на аркадскій лужокъ, и посмотримъ, каковы они—хоть другъ съ другомъ. Можетъ быть, эти голуби въ сущности вовсе не голуби, а просто на просто осовѣвшіе подъ розовыми красками коршуны и сороки; можетъ быть, отъ этихъ совъ плохо приходится очень многимъ, потому что тунеядцы должны же кого-нибудь объѣдать... Но теперь намъ некогда говорить объ этомъ, и мы посмотримъ только, по голубиному ли живутъ хоть между собою эти голуби. Театръ—деревня.

Начнемте съ почтеннаго Василья Сергѣича. Это—олухъ и пентюхъ въ полной формѣ, тупой, лежебокій и оглупѣвшій до нельзя. Такихъ мужей и желаютъ и образуютъ себѣ дамы, подобныя его домовитой хозяюшкѣ. Много ли достается такимъ мужьямъ (вѣдь немногіе же родятся пентюхами: людьми родятся, олухами дѣлаются, скажемъ въ подражаніе изрѣченію о поэтахъ и ораторахъ), много ли достается имъ отъ учительницы, пока они пройдутъ курсъ ученія. Нашъ домохозяинъ, по увѣренію г. Авдѣева, «спокойно отдалъ и себя и хозяйство въ управленіе распорядительной супруги»: счастливецъ! онъ избѣжалъ ужасовъ междоусобной войны за власть въ домѣ. Но, какъ вы думаете, кисло или сладко ему жить подъ крылышкомъ голубицы своей? Вѣдь и крылышкомъ можетъ довольно изрядно похлыстать бойкая птичка. Какъ вы думаете, вѣдь у него есть же какія-нибудь свои желанія? Позволяется ли ему исполнять ихъ? Дадутъ ли ему теперь, напримѣръ, 170 рублей на покупку хорошаго ружья, какое удалось ему купить въ старину? Воля ваша, ходить по струночкѣ—плохая жизнь. А какъ вы думаете, по скольку разъ въ день колятъ ему глаза тѣмъ, что онъ «ни во что не вступается, потакаетъ людямъ, дастъ людямъ жену въ обиду» и т. д.? Можетъ быть, и мягкій у него диванъ, да много въ этомъ диванѣ натыкано булавокъ.

О его распорядительной супругѣ нечего распространяться. Вы знаете, что если сердце у распорядительныхъ хозяекъ часто бываетъ мягкое, то руковицы у нихъ всегда ежевыя. Она, конечно, счастливѣе всѣхъ; но довольна ли она своимъ положеніемъ? Какъ вы думаете, только бранитъ она мужа, или въ самомъ дѣлѣ негодуетъ на него, презираетъ его? И отъ чистаго ли сердца она жалуется на него своимъ прихлебательницамъ? Повѣрьте, что часто отъ чистаго сердца, потому что ея положеніе выгодно, но неестественно и очень тяжело. Въ самомъ дѣлѣ, ей приходится надсажать себѣ горло и отбивать ноги. Деревнею править—возъ везти: тяжело.

А хорошій ли человѣкъ этотъ идеалъ смиренства и глупости, Иванъ Иванычъ, надъ которымъ всѣ хохочутъ, которымъ помыкаетъ даже Василій Сергѣичъ?

вѣроятно, потому, что онъ не взялъ къ себѣ своей тетки, хоть она ходитъ пѣшкомъ изъ своей усадьбы въ деревню къ Марьѣ Степановнѣ, хоть у нея парадное платье — холстинковое, а у него, холостого байбака, 80 душъ. Родственныя то чувства процвѣтаютъ въ Аркадіи г. Авдѣева, и глупцамъ въ ней счету нѣтъ; но глупость глупостью, а копѣйки изъ рукъ никто не выпуститъ.

Прекрасныя соображенія о счастіи и душевномъ благорасположеніи ко всѣмъ близкимъ и остальныхъ членовъ кружка также легко сдѣлать.

Вотъ въ этотъ кружокъ пріѣзжаютъ двое мальчиковъ, или юношей: сынъ Марьи Степановны и его товарищъ, въ отпускъ на 28 дней, и въ немъ-то растетъ Лиза, дочь Марьи Степановны, и въ немъ-то разыгрывается идиллія. Не сомнѣваемся, что можно и должно было освѣтить розовыми лучами хорошенькія личики этой веселой, пока еще доброй, пока еще не оглупѣвшей и не совсѣмъ опошлившейся молодежи; но если г. Авдѣевъ хотѣлъ нарисовать картину однѣми розовыми красками, то надобно было для этихъ полу-дѣтей выбрать другую обстановку или, по мѣрѣ возможности, оставить въ таинственномъ полу-свѣтѣ все ихъ окружающее. Но г. Авдѣевъ до того любитъ розовыя фигуры, что вывелъ въ полномъ розовомъ освѣщеніи всѣхъ, кто попался ему подъ перо: и мужиковатую, полную претензій и неуступчивости бой-бабу Татьяну Терентьевну, и дебело-плотную фигуру распорядительной хозяйки Марьи Степановны, и отсырѣвшаго, лѣниваго байбака Василья Сергѣевича, и ничтожнаго олуха Ивана Иваныча. Все это Тирсисы и Хлои.

И сахару класть въ чай слишкомъ много не годится, а онъ угощаетъ насъ патокою.

Хотите ли, мы разскажемъ, какъ на самомъ дѣлѣ проходили его слишкомъ «Ясные Дни»? Пріѣзжимъ обрадовались, это правда— минута пріѣзда дѣйствительно была идиллическою; потомъ молодежь любезничала и веселилась, и это правда. А остальныя лица грызлись, сплетничали, скучали при нихъ, какъ безъ нихъ.

Да и молодежь такъ ли идиллически веселась, какъ рисуетъ г. Авдѣевъ? едва-ли. По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнія, что ни одинъ осьмнадцати-лѣтній юноша, выпившій, подобно его, Волжину, не одну бутылку «редерера», не будетъ, какъ Волжинъ, самъ не знать, какое чувство влечетъ его къ Лизѣ; по крайней мѣрѣ несомнѣнно, что нынѣ дѣвушки или дѣвочки болтаютъ о любви гораздо раньше его Лизы. А его Волжинъ и Лиза не влюбились другъ въ друга —нѣтъ! они просто находили «непзъяснимую для нихъ самихъ прелесть быть вмѣстѣ»; нѣтъ, идиллія г. Авдѣева слишкомъ уже зопрна; она слишкомъ хитро идеализируетъ.

Дезульеровскіе пастушки—просто забубенныя головы въ сравненіи съ его пастушками.

«Бѣдная Лиза»—гоголевская повѣсть по естественности въ сравненіи съ «Ясными Днями».

И какъ жаль, что эта приторная до странности сантиментальность уживается вмѣстѣ съ прекраснымъ умѣньемъ разсказывать!

Лучшая изъ повѣстей г. Авдѣева, по нашему мнѣнію, «Нынѣшняя Любовь». Она такъ же хорошо разсказана, какъ и «Ясные Дни»: но въ ней болѣе содержанія и менѣе увлеченія тѣмъ, что не заслуживаетъ любви. Въ ней найдется много справедливо подмѣченнаго. Не такъ нынѣ любятъ, какъ должно любить — вотъ тема автора: слишкомъ осторожно, слишкомъ разсчетливо приступаютъ къ

любви: выбираютъ предметъ страсти осматриваясь, будутъ ли этимъ выборомъ соблюдены всѣ условія свѣта, и т. д.—тема, видите, которую развивалъ еще Рахманный въ своей великолѣпной повѣсти: «Любовь Петербургской Барышни», изъ чего и надобно заключить, что и въ былыя времена нашей литературы любили свѣтскіе люди точно также и были осуждаемы поэтами съ возвышеннымъ взглядомъ на любовь точно также. А когда же, смѣемъ спросить, не такъ любили? Развѣ въ средніе вѣка, въ классическое время любви, рыцарь избиралъ въ дамы своего сердца горожанку? Развѣ не старался онъ отыскать какую-нибудь графиню или герцогиню? А красавицы развѣ обращали взоры на оруженосцевъ или бюргеровъ? Справиться объ этомъ можно не далѣе, какъ въ X томѣ полнаго собранія сочиненій А. Пушкина, въ которомъ помѣщены «Сцены изъ рыцарскихъ временъ». Увы, всегда люди старались, по возможности, не нарушать того, что въ ихъ время считалось «условіями свѣта». Всегда они искали не достойнѣйшихъ своего сердца, а достойнѣйшихъ своей руки. Можетъ быть, это и дурно; но если дурно теперь, то еще хуже было прежде, и нашъ идеалъ не въ прошедшемъ, а въ будущемъ. Но нынѣ холоднѣе прежняго любятъ, осмотрительнѣе предлагаютъ и принимаютъ руку? А прежде развѣ женились на тѣхъ, кто понравился, не справляясь о средствахъ къ жизни? Многое можно сказать противъ нынѣшней любви, но не то, что говоритъ г. Авдѣевъ, который говоритъ, впрочемъ, такъ, что и нельзя составить себѣ яснаго понятія о томъ: что же онъ говоритъ? и за что нападаетъ на нынѣшнихъ людей? Да полно и представители ли нынѣшняго времени тѣ лица, о которыхъ онъ говоритъ? По крайней мѣрѣ, если молодые люди теперь читаютъ *Débats*, то не съ любовью, а съ отвращеніемъ, только потому, что у нихъ подъ руками нѣтъ менѣе пошлыхъ газетъ. Да и не газеты читаютъ они, а книги, о содержаніи которыхъ, кажется не имѣетъ и понятія Черковъ. Намъ кажется, что Черковъ виноватъ только тѣмъ, что, подобно очень многимъ изъ нашихъ молодыхъ людей, не получилъ направленія и такъ поверхностенъ, что не съумѣлъ самъ образовать себя. Не такъ любятъ истинные представители и представительницы нашего времени, какъ Черковъ и Сашенька. Развѣ думаете вы, что Печоринъ, уже не говоря о Бельтовѣ, будетъ спрашивать у своей избранной, сколько за нею душъ, если вздумаетъ жениться? Нѣтъ, онъ просто скажетъ ей: «у меня вотъ какія средства къ жизни; за вами приданаго столько-то: слѣдовательно, мы будемъ должны вести вотъ какой и вотъ какой образъ жизни. Подумайте хорошенько, будете ли вы имъ довольны при нашей любви? Я думаю, что вы будете довольны, иначе и не вздумалъ бы говорить вамъ объ этомъ; а впрочемъ, подумайте хорошенько». Нѣтъ, Черковъ, колеблющійся между возможностью тратить деньги на «Дебаты» и между любовью, человѣкъ не нашего времени. Человѣкъ нашего времени думаетъ проще и благороднѣе, нежели эти отсталые, недопеченые умники; онъ думаетъ: «я буду съ нею счастливъ; надобно теперь подумать о томъ, будетъ ли она со мною счастлива». Намъ кажется, что никогда умные люди не любили такъ благородно, такъ безкорыстно, какъ въ наше время, никогда не любили такъ независимо отъ пошлостей, противъ которыхъ еще долго будетъ надобно бороться любви.

По довольно. Скажемъ же свое общее мнѣніе о литературной дѣятельности г. Авдѣева.

Онъ обнаружилъ несомнѣнный талантъ повѣствователя,—обнаружилъ въ замѣненіи Тамарина Ивановымъ и способность къ принятію лучшаго, серьезнѣй-

шаго взгляда. Но мы еще не читали его произведеній, въ которыхъ бы отразилась своя, не избитая и не отсталая мысль. Можетъ ли онъ современемъ дать намъ свое и такое, что дѣйствительно принадлежало-бы современной жизни по развитію мысли? Можетъ, если серьезно подумаетъ о томъ, какіе люди, съ какими понятіями о жизни истинно современные люди, истинно современные писатели; если увидитъ различіе между элегантною отсталостью или выполированною causerie и серьезнымъ пониманіемъ жизни, если убѣдится, что мысль и содержаніе даются не безотчетною сантиментальностью, а мышленіемъ.

И тогда онъ, можетъ быть, дастъ намъ много истинно прекраснаго.

Три поры жизни, романъ *Евгеніи Туръ*. Три части. Москва. 1854.

Полезно ли перелистывать старинные плохіе романы? «Безъ всякаго сомнѣнія безполезно — скажутъ въ отвѣтъ многіе — плохихъ романовъ и новыхъ читать не стоитъ; а старинные плохіе романы, конечно, еще хуже ихъ». — «Неопытность говоритъ вашими устами—возразимъ мы людямъ, хулящимъ старые плохіе романы, и тѣмъ, которые покушаются перечитывать эти книжки, маленькія, но многочисленныя — да, неопытность и отсталость отъ вѣка. Каждое слово вашего отвѣта ложно. Во первыхъ, предполагая, что новые плохіе романы не такъ плохи, какъ старые, вы отвергаете прогрессъ: прогрессъ состоитъ въ томъ, что съ теченіемъ времени хорошее дѣлается еще лучше, плохое еще хуже; слѣдовательно, по закону прогресса нынѣшніе плохіе романы должны быть еще хуже старинныхъ. Si non, non: если нѣтъ, прогресса не существуетъ...»—«Позвольте васъ остановить—прерветъ насъ на этомъ мѣстѣ защитникъ новѣйшихъ плохихъ романовъ — ваши умозаключенія несовременны и неосновательны, потому что выведены изъ общихъ отвлеченныхъ понятій, а не изъ фактовъ, опираются на синтезѣ, а не на анализѣ». — «Позвольте возразить вамъ — будетъ нашъ отвѣтъ—что наши заключенія основаны на строжайшемъ анализѣ фактовъ, и общія соображенія о прогрессѣ выставлены нами впередъ только потому, что провѣрены надъ фактами. Если бы вы не прервали наши слова, вы сами увидѣли бы это». — «Позвольте же потребовать доказательствъ».—Извольте же слушать; вотъ факты:

Прочитавъ нѣсколько главъ романа, заглавіе котораго выставлено въ началѣ нашей статьи, мы узнали, что у Александры Николаевны Огинской было двѣ дочери, изъ которыхъ старшая, Катя, была честолюбивая и любила наряжаться, а младшая, Анюта, была добра, мила, скромна, добропохвальна по нѣжности сердца; узнали потомъ, что старшая начала отъискивать себѣ богатаго и знатнаго жениха и отъискала князя Рамирскаго... виноваты, Границкаго, и такъ какъ вышла за него, не принимая въ соображеніе его характера, то и была несчастна. Прочитавъ это, мы задумались: гдѣ-то мы читали что-то подобное, но гдѣ именно? Боже мой, неужели въ «Семействѣ Холмскихъ»—романѣ, доставившемъ въ 1830 годахъ автору такую громкую извѣстность въ публикѣ (несмотря на насмѣшливые отзывы журналовъ), что на послѣдующихъ сочиненіяхъ своихъ онъ, вмѣсто фамиліи, выставлялъ славную фирму «сочиненія автора Семейства Холмскихъ», какъ Вальтеръ-Скоттъ

на своихъ романахъ выставлялъ титулъ «автора Уэверли», —неужели въ «Семействѣ Холмскихъ» читали мы подобную исторію? Неужели тамъ у вдовы Холмской точно такъ же старшая дочь, Елизавета, одарена тѣмъ же характеромъ и выходитъ замужъ за князя Рамирскаго точно такъ же, и живетъ несовсѣмъ счастливо точно такъ же, какъ въ «Трехъ порахъ жизни»? Считая необходимостью слѣдить за вѣкомъ, мы поставили себѣ за правило наводить при малѣйшемъ поводѣ библіографическія справки и потому тотчасъ же принялись за «Семейство Холмскихъ», и вы, читатель, не можете себѣ представить, какъ интересенъ, живъ, полонъ наблюдательности и блестящихъ слѣдовъ великаго таланта показался намъ этотъ забытый романъ, въ свое время считавшійся очень плохимъ, послѣ новаго романа г-жи Туръ. «Я очень хорошо помню — говорите вы, читатель — что «Семейство Холмскихъ» романъ очень незавиднаго достоинства; у меня даже остались нѣкоторыя воспоминанія о его содержаніи; докажите же мнѣ, во первыхъ, что, начавъ читать его послѣ «Три поры жизни», всякій найдетъ его превосходнымъ, какъ найдетъ очень гармоничнымъ незатѣйливое чиликанье простодушнаго воробья, наслушавшись итальянскихъ романсовъ иной модной дѣвицы. Кромѣ того должны вы показать мнѣ, какую же положительную пользу принесло вамъ перелистываніе «Семейства Холмскихъ». Съ величайшимъ удовольствіемъ исполнимъ мы ваше второе требованіе, недовѣрчивый приверженецъ новыхъ плохихъ романовъ, удовлетворивъ первому, и съ величайшею готовностью (хоть, можетъ быть, и не съ величайшимъ удовольствіемъ, потому что «скучно припоминать скучное», говорятъ одинъ изъ неизданныхъ афоризмовъ Кузьмы Пруткова) спѣшимъ разсказать вамъ содержаніе новаго романа г-жи Туръ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, можетъ быть въ Россіи, но можетъ быть и въ Бразиліи, можетъ быть и въ Японіи, потому что русскихъ нравовъ и русской жизни въ романѣ столько же, сколько и бразильскихъ.—итакъ въ нѣкоторомъ государствѣ жила была молодая вдова Александра Николаевна Огинская (за Огинскою появится князь Границкій, княгиня Воротынская, Зина, Клодина, Тата— чисто бразильское, какъ видите, имя,—Лина, Валентинъ, Змѣевъ, Силкова, Леонъ Армалевъ, и т. д.; главныя лица Валентинъ, княгиня Зенеида Воротынская и Тата). Вамъ угодно знать, красавица ли была Огинская? Фи! красавица это слишкомъ тривіально! Нѣтъ, въ послѣднія тридцать или сорокъ лѣтъ отыскано и въ тридцати тысячахъ романовъ описанъ другой высшій типъ красоты, которая лучше, нежели ничтожная красота красавицъ; и можетъ ли Александра Николаевна не принадлежать къ этому новому типу идеаловъ? «Тѣ, которые не любятъ или не понимаютъ красоты, такъ сказать *внутренней*, конечно, могли бы назвать ее дурною; но если бы имъ случилось вглядѣться въ ея глубокіе, сѣрые глаза, сколько привлекательнаго нашли бы они въ нихъ! Она была бѣлокура, волосы ея вились отъ природы, а потому она никогда не могла овладѣть ими; выбиваясь изъ подъ гребня и *щетки* (??), ложились они причудливыми волнами, образуя вокругъ всей головы легкую, едва замѣтную паутинную ткань, блѣдно золотистый цвѣтъ которой, при свѣтѣ лампы, окружалъ ее какимъ-то фантастическимъ сіяніемъ». О, зачѣмъ судьба не дала мнѣ счастія видѣть Александру Николаевну при свѣтѣ лампы! Я оцѣнилъ бы эти волоса, которые выбивались изъ подъ щетки! Но, увы! я не видѣлъ этой паутинной ткани; а кромѣ меня никто не очаровался фантастичнымъ сіяніемъ, окружавшимъ ея голову, и если вы думали, что г-жа Туръ съ

такою любовью описываетъ внутреннюю красоту волосъ Александры Николаевны потому, что нашлись поклонники этой дивной женщины, вы жестоко ошиблись: люди не плѣнились ею, какъ, вѣроятно, не плѣнятся и «Тремя порами жизни»: и г-жа Туръ описываетъ волосы молодой вдовы съ внутреннею красотою такъ подробно не потому, чтобы это было нужно для романа, а просто изъ любви къ фантастическому сіянію. Александра Николаевна занимается воспитаніемъ дѣтей: изъ нихъ особенно замѣчателенъ Валентинъ, будущій главный герой романа, у котораго «розовая кровь струилась подъ тонкою кожею и нѣжнымъ румянцемъ, а томно зеленые (!!) глаза, опушенные темными рѣсницами, блистали веселостью», которая какъ увидите, угаснетъ отъ страданій любви. Овъ выросъ подъ вліяніемъ доброй, но слабой матери и сотни мамокъ и нянекъ; потому остался жалкимъ на всю жизнь; но г-жа Туръ постоянно рисуетъ его вялую и дрянную фигуру самыми поэтическими красками. Точно также воспитана и младшая сестра его, Анюта. Но старшая сестра, Катя, воспитывается теткою, помѣшанною на знатности и свѣтскости, и потому изъ нея выходитъ бездушная кокетка, которая пріучается заманивать знатныхъ женіховъ «блестящими звуками рояля». Очень длинно расписываетъ «Первая пора жизни», дѣтство Валентина и Анюты, но читатель можетъ судить по приторной аффектаціи выписанныхъ нами фразъ, много ли искренности и теплоты въ описаніи дѣтства: оно холодно и экзальтировано, и мы подражая молодой вдовѣ съ блѣдно золотистымъ сіяніемъ паутинной ткани вокругъ всей головы, которая (вдова) «становилась неумолима и холодна, сталкиваясь съ ложью и экзальтаціей», неумолимо и холодно пройдемъ молчаніемъ все дѣтство нашихъ героевъ, не останавливаясь ни на доброй карлицѣ Оенѣ, которая «подноситъ дѣтямъ пѣнки и свѣжій, теплый, мягкій хлѣбъ» (когда же подается къ чаю заплесневѣлый и чорствый?), ни на докторѣ-евреѣ въ черномъ парикѣ, съ огромной тростью въ рукахъ (отчего же нѣтъ на ней обычнаго золотого набалдачника?), ни на Ипполитѣ Осдорычѣ, учителя дѣтей, у котораго огромная голова, страшныя брови, широкія колѣна (?) и широкія плеча: онъ, конечно, пугаетъ дѣтей наружностью, пугаетъ огромною книгою: но на половинѣ пространства между широкихъ колѣнъ и плечъ его широкое и добрѣйшее сердце, а въ страшной книгѣ —чудные рисунки; и суровый методъ его воспитанія смягчается, потому что онъ обаятельною мягкостью Анны Николаевны, проливавшей на все окружающее доброту, нѣжность и счастье, «мало по малу увлеченъ былъ въ этотъ магическій кругъ, и скоро вошелъ въ него совершенно и составилъ съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое». Чтобы сносно описать дѣтство, надобно имѣть любовь къ дѣтямъ, а не къ вычурнымъ фразамъ. Но вотъ дѣти выросли, Огинскіе переѣхали въ Москву, старшая сестра Валентина, Катя, отыскала себя жениха, князя Границкаго — и начинается романъ: родственница Границкаго, княгиня Воротынская, дѣлаетъ балъ; Валентинъ долженъ ѣхать, какъ братъ невѣсты — и влюбляется въ княгиню; это очень естественно, взгляните только на портретъ ея:

«Воротынская была женщина лѣтъ двадцати-шести, довольно полная, съ удивительно красивыми очертаніями плечъ и таліи. Черные глаза ея были живы; ихъ разрѣзъ, продолговатый какъ *миндалина*, придавалъ какую-то томность ея физіономіи» и т. д. Преобладающая черта въ ея характерѣ доброта, доходящая до слабости; и она рѣшительный сколокъ съ самой матери Валентина, хотя, очевидно, авторъ и не думалъ объ этомъ сходствѣ. Она полюбила младшую сестру Валентина Анюту, и Валентинъ часто ѣздитъ съ сестрою къ ней. Само собою разумѣется,

что и княгиня не остается равнодушна къ прекрасному молодому человѣку, хотя онъ держитъ себя съ нею какъ простякъ. Отношенія ихъ становятся короче и короче (какая старая тема! и сколько надобно таланта, чтобы сносно писать на нее! А въ «Трехъ порахъ» ничего, кромѣ экзальтаціи и аффектаціи, читатель, вѣроятно, еще не замѣтилъ). Объясненіямъ влюбленныхъ вѣчно мѣшаютъ: то Силкова, то тетка Воротынской; это еще больше разжигаетъ страсть влюбленныхъ и растягиваетъ скучныя сцены. Но вотъ Воротынская уѣзжаетъ къ другой больной теткѣ, наполовину только объяснившись съ Валентиномъ, и нѣкто г-жа Силкова начинаетъ ловить въ свои сѣти Валентина. И какъ не стараться завлечь? На 113 страницѣ 1 части точно такъ же, какъ на 5 (см. выше): «Тонкая кожа его, подъ которою текла молодая кровь, нѣжнымъ румянцемъ покрывала его бѣлыя щеки» и т. д. Но не въ силки Силковой, а въ объятія наяды, сирены, вакханки, спутникомъ которой избранъ Змѣевъ (о! страшно! за Валентина страшно мнѣ!) попадаетъ юноша, у котораго щеки были не покрыты, а окрашены кожею! Вообразите, у Силковой маскарадъ, нарочно сдѣланный съ цѣлью изловить Валентина: онъ не хотѣлъ ѣхать (бѣдный юноша! чуетъ бѣду вѣщее сердце!) но маменька послала его на балъ (зачѣмъ безъ няньки? Добрая и опытная Ѳедосьевна сохранила бы неопытное дитя!)... вообразите же входитъ онъ въ залъ—и

«Вдругъ вниманіе его приковалось къ женщинѣ, подходившей все ближе и ближе. Она предстала ему какъ видѣніе, какъ чудный, давно знакомый образъ: объ руку съ мужчиной (уфъ, это вѣрно Змѣевъ!) шла женщина, одѣтая вакханкой, но одѣтая такъ граціозно, *такъ пристойно* (увидимъ, что не совсѣмъ), что никто не могъ бы найти для ней слова порицанья. (Слѣдуетъ описаніе бѣлаго газоваго ея платья, см. «Мода, журналъ для свѣтскихъ людей 1853 года № 15). Тигровая кожа была наброшена на одно плечо ея и спадала съ другого. Золотыя застежки, представлявшія когти тигра, ее придерживали: они впивались въ ея бѣлое матовое плачо, и покрывали его легкимъ розовымъ оттѣнкомъ...

Нѣтъ, я опасаюсь и за себя и за читателя, если буду продолжать выписку: скажу только, что столь же роскошно и пластично описана «полуоткрытая талья» вакханки, «полная, но небольшая, антично созданная грудь ея» и т. д., все по принадлежности. «Восклицаніе (вѣроятно неудобное для печати, потому что не приведено авторомъ) сорвалось и съ языка Валентина», когда она проходила мимо его. Потомъ она «пронеслась мимо его въ вихрѣ вальса, и *за ней* (дѣло очень понятное, при быстротѣ движеній застежки могли соскользнуть съ плеча) какъ облако, нескромно рисуя станъ, вилось ея легкое платье. Не помня себя, бросился Валентинъ, пробился межъ танцующихъ», но «смутился, оробѣлъ и попросилъ только ее вальсировать. Описанье трехъ туровъ вальса съ очаровательницею такъ же хорошо, какъ и все предъидущее. Но впереди еще много великолѣпныхъ сценъ, мы должны спѣшить къ нимъ. Вакханка—Ельцова, свѣтская дама довольно легкаго поведенія. Она приглашаетъ Валентина къ себѣ. Онъ бываетъ у нея каждый день и т. д. Но если онъ влюбленъ въ роскошную Ельцову, то въ него влюбляется Тата, кузина Ельцовой, на изображеніе которой потрачено еще больше красокъ.

Тата играетъ у Ельцовой роль немногимъ лучше горничной дѣвушки: горе и оскорбленія развили въ ней удивительный умъ, энергическую волю, смуглый цвѣтъ кожи. Можно вообразить, какъ она влюблена въ Валентина и съ какою твердостью (за то и съ какими страданіями!) таитъ она въ своей груди змѣю нераздѣленной любви. Но о ней послѣ, когда Валентинъ обратитъ на нее вниманіе;

теперь онъ занятъ одною Ельцовой, съ которою каждый день подъ вечеръ, пока съѣдутся другіе молодые люди, просиживаетъ наединѣ запершись въ ея кабинетѣ по нѣскольку часовъ. Это, конечно, для него очень пріятно, но нравственность, нравственность страждетъ! Что скажутъ объ этомъ дамы! Притомъ эти платоническія бесѣды непостижимы и для насъ, мы помнимъ, что Ельцова—вакханка. Но вотъ она теряетъ терпѣніе; на подмогу беретъ князя Симанскаго, принимается кокетничать съ нимъ, и тогда происходитъ слѣдующее: Валентинъ сидитъ у Ельцовой; является Симанскій, ему велятъ отказать, и—опишемъ все по порядку... впрочемъ, зачѣмъ описывать? все происходитъ по обыкновенному порядку. «Огонь желаній... жаркое дыханье... онъ задрожалъ...» и наконецъ Валентинъ поскакалъ въ лѣсъ, и «гордо глядѣлъ онъ на восходящее солнце, глядѣлъ прямо»—удивительно крѣпкіе глаза! Если таковъ же былъ весь его организмъ, то Воротынская и Ельцова основательно находили его очаровательнымъ молодымъ человѣкомъ. Но вотъ онъ пріѣхалъ домой и легъ спать: «Какъ сладокъ, какъ живителенъ ты, сонъ юности, *впервые* узнавшей всю сладость жизни!» Да, это совершенно справедливо. Мать замѣчаетъ похожденія сына и предостерегаетъ его; но Валентинъ продолжаетъ ѣздить къ Ельцовой. Конечно, скоро Ельцова чувствуетъ потребность обратить свое вниманіе на Симанскаго, который, по выраженію автора, «колоссъ». Сначала Валентинъ не замѣчаетъ ничего; Тата объясняетъ ему кокетство Ельцовой; начинаются сцены ревности, примиренія, восторговъ и т. д. Но вотъ Воротынская воротилась изъ деревни и требуетъ къ себѣ зашалившагося мальчишку. Она объясняетъ ему—трогательная сцена: вѣдь она втайнѣ любитъ его и должна скрывать свою любовь—что за женщина Ельцова и т. д.; Валентинъ держитъ себя какъ школьникъ уже довольно развязный и разсуждаетъ о непобѣдимости страсти; наконецъ, однако, даетъ слово уѣхать отъ пагубы въ деревню: тамъ его ждетъ больная мать. Но скоро онъ возвращается и опять увлекается прежнею «сладостью» пуще прежняго. Остановимся здѣсь. Почему не разсказывать и подобныхъ эпизодовъ жизни? Но какъ разсказывать ихъ, вотъ въ чемъ дѣло. Неужели глупыя похожденія безхарактернаго и слабаго мальчика надобно описывать, какъ благородный пылъ первой, чистой страсти? раскрашивать его восторги съ сочувствіемъ и увлеченіемъ? Кто пишетъ о нихъ такъ, тотъ не имѣетъ права браться за подобные сюжеты. Надобно стоять выше ихъ, чтобы описанія ихъ были вѣрны и поучительны. Иначе мы напишемъ нѣчто фальшивое и жалкое во всѣхъ отношеніяхъ, начиная съ художественнаго. Возвращаемся къ роману. Къ жалкому, ничтожному Валентину пріѣзжаетъ изъ Петербурга бойкій пріятель, Армалевъ, и, узнавши положеніе дѣлъ, принимаетъ на себя трудъ спасти бѣднаго мальчика, обративши къ себѣ милости Ельцовой. Достигнувъ своей цѣли, онъ показываетъ Валентину очень недвусмысленную записочку Ельцовой. Валентинъ, конечно, страдаетъ: его страданія, глупыя какъ всѣ прежніе восторги, описываются съ такимъ же участіемъ. Но мы ошиблись, сказавъ, что пріятель спасъ его отъ погибели—нѣтъ, Валентинъ опять впадалъ въ прежніе нароксизмы любви; онъ окончательно бросилъ Ельцову только подслушавъ, какъ она осмѣиваетъ и передразниваетъ его. Фи, какой пустой и мелочной человѣкъ! Ему измѣнили, онъ узналъ, что его всегда обманывали, что о любви къ нему никогда и не думали. Это еще ничего для него: затронули еще тщеславіе—и онъ исцѣлился. И усѣивая подобными чертами портретъ своего героя, авторъ думаетъ, что изображаетъ человѣка благороднаго съ великою, возвышенною,

страстною душою и т. д., но только несчастнаго въ любви и погибающаго отъ нѣжности сердца! Чтобы спастись отъ такихъ жалкихъ промаховъ, автору необходимо соразмѣрять свой сюжетъ съ своею опытностью и силами, не описывать того, что не испытано имъ или не понято и слава Богу, конечно, что не испытано.

Но вотъ прошелъ годъ. Ничтожный нашъ герой опять влюбляется и опять въ первый предметъ своей страсти, Воротынскую. Скучно и жалко было бы описывать ихъ воркованья и страданья. Оба они безсильны, оба они смѣшны, и оба описываются съ прежнимъ глубокимъ участіемъ. Тата живетъ уже у Воротынской и мучится ревностью, глядя на ихъ нѣжничанья. Не понимаемъ, какъ она съ умомъ своимъ и энергическимъ характеромъ можетъ находить плаксиваго Валентина достойнымъ чего-нибудь кромѣ жалости, смѣшанной съ пренебреженіемъ. Второй томъ, повѣствующій обо всемъ этомъ, еще аффектированнѣе, экзальтированнѣе перваго. Чтобы дать вамъ понятіе о впечатлѣніи, которое производятъ всѣ притворныя сцены любви и страданій (причиною страданій — жалкая и безсильная тетка Воротынской, напоминающая племянницѣ о приличіяхъ и условіяхъ свѣта) Воротынской и Валентина съ неизбѣжнымъ аккомпаниментомъ сердечныхъ мученій Таты, скажемъ, что такое впечатлѣніе могла бы произвести развѣ картина жеманной влюбленности беззубаго старика (такъ старчески вялъ и безсиленъ Валентинъ) и жеманно-стыдливой, нервной, плаксивой 45-ти-лѣтней дѣвы въ бальномъ платьѣ, съ набѣленными щеками и плечами; прибавьте, что полная жизни молоденькая красавица съ ревностью и завистью плачетъ о томъ, что не она на мѣстѣ счастливой дѣвы. Но пріѣзжаетъ Армалевъ. Ему надобно сыскать себѣ богатую жену, потому что онъ живетъ открыто, потому что онъ честолюбивъ, потому что у него много долговъ — онъ избираетъ предметомъ своихъ исканій Воротынскую и, конечно, безъ всякаго труда отбиваетъ ее у Валентина. Не знаемъ, какъ удалось объяснить себѣ этотъ фактъ автору при его понятіяхъ о его любимцѣ и любимицѣ, идеалахъ любви, воркованья и всевозможныхъ нѣжностей. Съ его понятіями о своихъ герояхъ такая измѣна Воротынской, такая вялая (конечно вмѣстѣ и слезливая) уступка со стороны Валентина просто непостижима. Для насъ все это кажется очень естественнымъ: Воротынская — пустая женщина, Валентинъ тряпка, которую оттолкнуть ногою не стоитъ ни малѣйшаго труда. А съ какимъ пафосомъ выставляетъ ихъ авторъ великими людьми, у которыхъ одна только слабая сторона — нѣжность сердца! Съ какою странною любовью описываетъ онъ ихъ радости и горести! Да если въ нихъ была хоть капля какого-нибудь чувства, кромѣ фальшивѣйшей, натянутѣйшей экзальтаціи, зачѣмъ же они не женились? кто имъ мѣшалъ? Нѣтъ, Валентинъ съ своими горестями рѣшительно похожъ на здороваго парня, который горькими слезами плачетъ о томъ, что у него на носу сидитъ муха. «Да ты бы согналъ ее, братецъ!» — «Не смѣю». — Да что же ты не смѣешь?» — «Она разсердится, меня съѣстъ!» Валентинъ, видите ли, боялся тетки своей возлюбленной, старухи, не имѣвшей никакихъ правъ надъ племянницею, у которой жила она. Разумѣется, такой человѣкъ имѣетъ полное право говорить съ Чайльдъ-Гарольдомъ: «Теперь я одинъ въ цѣломъ свѣтѣ» и т. д. (Часть II, стр. 278). Жалкій и смѣшной человѣкъ! Нѣтъ, не испыталъ или не понималъ серьезнаго горя такой человѣкъ и неспособенъ былъ онъ живо чувствовать и наслажденій. Тряпка, тряпка и тряпка! И хорошо сдѣлала эта тряпка, что поѣхала отъ насъ подальше, за границу. Но нѣтъ, не принесетъ ему пользы эта поѣздка. Другое дѣло, если бы пришлось

ему остаться безъ своего богатства и самому трудиться, тогда бы, можетъ быть, позабылъ онъ о своихъ Ельцовыхъ и Воротынскихъ и сталъ бы хоть сколько-нибудь похожъ на дѣльнаго человѣка. Но нѣтъ, онъ сѣлъ бы, сложа руки, на улицѣ и плакался бы цѣлый день на судьбу, дожидаясь, пока «жареная утка ему въ ротъ влетитъ».

Наконецъ мы принимаемся и за третью часть. Тутъ являются большею частью новыя лица. Возвратившагося изъ за границы Валентина уже и самъ авторъ, кажется, признаетъ тряпкою; по крайней мѣрѣ въ продолженіе всей третьей части куда угодно водитъ его за носъ племянница, дочь старшей сестры, вышедшей въ началѣ романа за князя Границкаго. Эта хитрая дѣвушка вознамѣрилась кругомъ обобрать богача-дядю для поправленія разстроенныхъ дѣлъ своего семейства. Но Огинскій еще не потерялъ качества быть всеобщимъ возлюбленнымъ, и если бывшей княгинѣ Воротынской мужъ не позволитъ уже предаваться пустому препровожденію времени съ милымъ Валентиномъ, хотя, можетъ быть, она была бы и непрочь отъ этого, несмотря на Валентиновы 40 съ хвостикомъ, а свои 50 съ хвостикомъ лѣтъ: если Тата (сердечно жалѣемъ, что не могли за недостаткомъ мѣста списать чуднаго ея портрета во весь ростъ) послѣ катастрофы съ Воротынской, или прежде, не припомнимъ хорошенько, пошла въ монастырь, то у Таты была подруга Лина—можетъ ли 45-ти-лѣтній Валентинъ не влюбиться въ нее? можетъ ли она быть избавлена отъ непріятной, но неизбѣжной, обязанности влюбиться въ поэтическаго Валентина? Правда, Лина имѣетъ жениха, который уже 5 лѣтъ состоитъ въ этомъ качествѣ. Правда, ей уже подъ 30 лѣтъ: правда, она очень солидная, скромная, разсудительная дѣвушка, и мы готовы были бы, основываясь на всемъ этомъ, ручаться головою, что она не впадетъ въ такую неосновательную любовь къ ничтожному человѣку, несообразную ни съ лѣтами возлюбленнаго всѣми Валентина и ея собственными, ни съ ея характеромъ, но приказъ отъ автора данъ: «извольте влюбиться, M-lle Lina».—«Слушаю-съ», отвѣчаетъ Лина и влюбляется. Конечно, коварная племянница, чтобы не лишиться дядина наслѣдства, разстаетъ любовь, на этотъ разъ рѣшительно уже подходившую къ свадьбѣ, и Лина куда то убѣгаетъ. Огинскій въ третій разъ убитъ. Мы боимся, что все еще не на повалъ: посмотрите, лѣтъ черезъ десять отдохнетъ опять, и опять обзаведется восторгами и муками любви.

Вотъ, подумаешь, счастливые люди! До 45-ти лѣтъ только и дѣла дѣлаютъ, что влюбляются да влюбляютъ въ себя! За то какіе же фальшиво экзальтированные и пустые люди!

Можетъ быть, благосклонный читатель и согласится теперь, что самые плохіе старинные романы не могутъ выдержать сравненія съ иными нынѣшними. Но слабый и краткій нашъ очеркъ, какъ угадываютъ, конечно, сами читатели, такъ же далеко не могъ передать и сотой доли красотъ романа въ трехъ частяхъ, какъ гравюра не можетъ передать сотой доли красотъ рафаэлевской картины. Чтобы дать возможность хотя нѣсколько познакомиться изъ нашей рецензіи съ блестящими достоинствами романа, мы выпишемъ одну изъ послѣднихъ, но далеко еще не самыхъ поразительныхъ страницъ. Лина уже почти невѣста Огинскаго, предостерегаетъ его отъ хитростей племянницы, которая поетъ ему соловьиныя пѣсни, чтобы выманивать у него деньги. «И вы говорите мнѣ это!» восклицаетъ Огинскій совершенно неправдоподобно, потому что имѣлъ уже милліонъ случаевъ удостовѣриться въ

благородствѣ, безкорыстіи, самоотверженности Лины: «Кто скажетъ мнѣ, что слова ваши искренни, что вы, говорящая такъ много о деньгахъ, не любите ихъ сами?»

«Я!» сказала Лина такъ глухо, что Огинскій взглянулъ на нее наконецъ. Онъ былъ пораженъ ея блѣдностью. Мысль, что Лина поблѣднѣла потому, что онъ угадалъ ее, какъ молнія сверкнула въ умѣ его (какъ это правдоподобно! Что за умница въ самомъ дѣлѣ былъ этотъ Валентинъ!) и сообщила мрачный видъ всему прошлому любви ихъ и уничтожила ея остатки.

«Да, вы!» продолжалъ онъ съ холоднымъ, отчаяннымъ порывомъ. «Кто мнѣ поручится за вашу искренность, за ваше простодушіе, за вашу привязанность? Деньги, все деньги! вездѣ! всюду! все можно купить! (нѣтъ! ума, напримѣръ, нельзя и таланта тоже). Блаженъ тотъ, кто вѣритъ, что вы ему отдались, да, отдались (ХВ если Валентинъ не хвастается небывалымъ, то плохи же ея дѣла!) за груду золота, но это-то и называютъ куплею люди дальновидные! Я проклинаю тотъ часъ, когда увидѣлъ васъ, повѣрилъ вамъ!»

Лина все дрожала: она оперлась на стулъ машинально, хотѣла говорить—и не могла: хотѣла идти — ноги ея подкашивались. Она задыхалась (воды! воды! спирту! барышнѣ дурно!), въ глазахъ ея потемнѣло. Но сильная воля ея превозмогла это сражающее потрясеніе; громкій вздохъ, будто вопль растерзанной души (а развѣ вздохъ не въ самомъ дѣлѣ вопль растерзанной души?), вырвался изъ сжатыхъ, стиснутыхъ (фигура напряженія дѣйствующая на чувство читателя. См. «Реторика Кошанскаго», § 57), побѣлѣвшихъ губъ ея; она крѣпко прижала руку къ сердцу, приказывая ему молчать и не биться — и, повинуясь силѣ воли, сердце какъ бы замерло въ ея груди (какъ же такая сильная женщина не имѣла достаточно вліянія на слабаго Огинскаго?)

«Богъ съ вами, Огинскій!» произнесла она едва слышно и пошла къ двери медленно, но твердо.

Онъ бросился за ней стремительно и схватилъ ее за руку.

«Куда вы?» закричалъ онъ порывисто и повелительно: «отвѣчайте! отвѣчайте же мнѣ!»

Но Лина, задыхаясь, уклонилась отъ него и, указывая на дверь сказала глухо, задыхаясь:

«Гдѣ вы, тамъ меня не будетъ! Идите или пустите меня!»

Онъ отступилъ отъ нея. Она вышла.

Черезъ два часа Огинскій одумался и раскаялся. Онъ бросился въ комнату Лины. Она была пуста.

Такъ же какъ «Три поры жизни? если позволительно предложить вопросъ. Нѣтъ, еще не такъ: въ комнатѣ Лины «на полу валялись бумаги и лоскутья», — однимъ словомъ, хоть что нибудь было. А въ «Трехъ порахъ» нѣтъ ни мысли, ни правдоподобія въ характерахъ, ни вѣроятности въ ходѣ событій: есть только страшная аффектація, натянутость и экзальтація, представляющая все въ какомъ-то фантастическомъ сіяніи» и какъ разъ навыворотъ противъ того, что бываетъ на бѣломъ свѣтѣ. Надъ всѣмъ этимъ владычествуетъ неизмѣримая пустота содержанія. Но вамъ читатель угодно было знать, какую пользу можетъ принести чтеніе плохихъ старинныхъ романовъ? Всякому читателю можетъ принести такую пользу — навести на него гораздо менѣе безотрадной тоски, нежели, напримѣръ, чтеніе новаго романа г-жи Евгеніи Туръ; рецензенту оно можетъ принести еще болѣе выгоды—иногда снять съ него часть работы, доставивъ ему готовый уже отзывъ о книгѣ: послѣднее случается, напримѣръ, вотъ какъ: авторъ «Семейства Холмскихъ», недовольный отзывами журналовъ о его романѣ, написалъ длинное предисловіе, въ которомъ собралъ- -и, конечно опровергъ—эти отзывы. Всѣ они

чрезвычайно хорошо примѣняются и къ «Тремъ порамъ жизни»; особенно отзывы «Телескопа» и еще одной газеты, почему же намъ и не примѣнить ихъ? вотъ они (см. предисловіе къ третьему изданію «Семейства Холмскихъ», Москва, 1841.).

1) «Семейство Холмскихъ» (читай: «Три поры жизни») нисколько не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ; излишество безполезнаго прозябанія хуже безплодія.

2) Чтеніе «Семейства Холмскихъ» (читай: «Три поры жизни») можно уподобить путешествію отъ Тобольска до Бѣдостока).

Бѣдность не порокъ. Комедія *А. Островскаго.* Москва. 1854.

Первая комедія г. Островскаго, «Свои люди—сочтемся», была принята читателями съ единодушнымъ одобреніемъ. Мы встрѣчали даже такихъ, которые въ порывѣ увлеченія, ставили эту комедію выше «Недоросля» и «Горе отъ ума», наравнѣ съ «Ревизоромъ». И такое увлеченіе не сердило тѣхъ, которые не раздѣляли его—такъ оно было естественно. Черезъ два года явилась «Бѣдная невѣста», не уронившая извѣстности автора, но и не поддержавшая ее. Третья комедія его «Не въ свои сани не садись» заставила нѣкоторыхъ изъ самыхъ жаркихъ почитателей перваго произведенія г. Островскаго опасаться, что онъ уже не въ силахъ создать что нибудь, достойное автора «Своихъ людей». Но большая часть публики не раздѣляла еще этихъ опасеній; многіе оставались такъ увлечены «Своими людьми», что все, выходившее изъ подъ пера ихъ автора, считали равно замѣчательнымъ. Явилась «Бѣдность не порокъ», и большинство публики убѣдилось въ основательности опасенія за талантъ г. Островскаго; и если мы скажемъ, что, по нашему убѣжденію, г. Островскій еще можетъ имѣть силы — если только будетъ имѣть желаніе—создать послѣ «Бѣдность не порокъ» что нибудь замѣчательное, то большинство читателей, мнѣніе которыхъ имѣетъ вѣсъ въ дѣлѣ искусства, едва ли не назоветъ насъ людьми, которые все еще не хотятъ отказаться отъ надеждъ и тогда, когда уже невозможно надѣяться. Мы не можемъ надѣяться. Мы не можемъ найти эпитета, который бы достаточно выражалъ всю фальшивость и слабость новой комедіи; не можемъ найти потому, что воспоминаніе о «Своихъ людяхъ» не позволяетъ намъ прибѣгнуть къ эпитетамъ, которыми характеризуются произведенія кичливой бездарности. Потому скажемъ только: новая комедія г. Островскаго слаба до невѣроятности. А между тѣмъ находятся люди, которые продолжаютъ называть ее «цѣннымъ и долговѣчнымъ вкладомъ въ сокровищницу русской литературы». Этого мало: находятся люди, которые рѣшаются говорить такъ: мы видѣли «Гамлета», «Отелло», «Ричарда III», «Короля Лира»: эти геніальныя созданія сильны тѣмъ, что въ нихъ правдиво изображается человѣкъ, и могущественно ихъ «правда» дѣйствовала на нашу душу, но пришло время, и мы увидали произведеніе еще высшаго достоинства (т. е. «Бѣдность не порокъ»):

«И вотъ пришла пора другая,
Опять въ театрѣ стонъ стоитъ;
Полусмѣясь, полурыдая,

На сцену вновь толпа глядитъ,
И съ нею истина иная
Со сцены снова говоритъ.

Но эта правда не похожа
На правду прежнюю ни чуть:
Она *простѣе, но дороже*
Здоровьй дѣйствуетъ на грудь.
Дай ей самой здоровья, Боже,
Пошли и впредь счастливый путь!
Поэтъ, глашатай правды новой,
Насъ міромъ новымъ оглушилъ,
И новое сказалъ онъ слово,
Хоть правдѣ старой послужилъ.

Вотъ отчего театра зала
Отъ верху до низу однимъ
Восторгомъ вновь затрепетала:
Любимъ Торцовъ предъ ней живой
Стоитъ съ поникшей головой,
Бурнусъ напяливъ обветшалый,
Съ растрепанною бородой... и проч., и проч.

(См. «Москвитянинъ», 1854, № 5.)

Для не читавшихъ «Бѣдность не порокъ» прибавимъ, что Любимъ Торцовъ — лицо изъ этой комедіи. Насъ нисколько не удивляетъ, что есть люди, не умѣющіе отличать посредственныхъ или плохихъ пьесъ отъ геніальныхъ и добродушно ставящіе «Бѣдность не порокъ» выше шекспировскихъ произведеній: вѣдь есть же люди думающіе, что Основьяненко (или Гребенка) выше Гоголя, что Панъ Халявскій лучше Мертвыхъ Душъ и т. д.: но тѣмъ не менѣе удивительно, что подобные люди рѣшаются печатно высказывать, что Бѣдность не порокъ выше «Гамлета» и «Отелло». Примѣровъ такой забавной рѣшительности не бывало въ русской литературѣ съ тѣхъ поръ, какъ С. Глинка говорилъ, что въ «Димитріѣ Самозванцѣ» Сумароковъ, въ отношеніи развитія волненія душевнаго, превосходнѣе того, что Шекспиръ *предъявлялъ* въ своемъ Макбетѣ (Очерки жизни А. П. Сумарокова, изданные С. Глинкою, часть 3, стр. 120). Что могла придать этимъ неосторожнымъ поклонникамъ слабой комедіи такую смѣшную смѣлость? Только имя г. Островскаго, какъ автора «Своихъ людей». Блескъ его такъ ослѣпилъ ихъ, что они не могутъ видѣть прискорбнаго различія между первою комедіею г. Островскаго и его послѣдними произведеніями. А различіе до того велико, что автора «Бѣдность не порокъ», не будь выставлено его имени на этой комедіи, невозможно было бы признать авторомъ «Своихъ людей»: онъ кажется только его подражателемъ, усвоившимъ себѣ до нѣкоторой (только до нѣкоторой) степени его манеру, но не имѣющимъ и тѣни его таланта. Только подпись одного имени на обоихъ произведеніяхъ убѣждаетъ насъ, что оба они писаны однимъ и тѣмъ же человѣкомъ.

Но мало того, что успѣхъ «Свои люди — сочтемся» доставилъ автору извѣстность; у него явились подражатели, но какіе?

Въ каррикатурныхъ подражаніяхъ «Своимъ людямъ», — мы говоримъ о недавно появившихся пьесахъ: г. Потѣхина «Братъ и сестра» (Москвитянинъ, №№ 3 и 4) и г. Красовскаго «Женихъ изъ Ножевой линіи» (Отечественныя

Записки, № 3)—нѣтъ и тѣни того, что составляетъ достоинство Своихъ людей, въ нихъ только развиты до крайности всѣ слабыя стороны Своихъ людей въ художественномъ отношеніи и утрированъ до совершеннаго искаженія оригинальный языкъ этой комедіи. Какъ же могло отъ Своихъ людей произойти такое потомство, какъ Не въ свои сани не садись», Женихъ изъ ножевой линіи», Братъ и сестра, и особенно Бѣдность не порокъ? Общій отвѣтъ на это ясенъ для всякаго, знающаго, что такое значитъ «подражать». Подражать значитъ: не понимая существенныхъ достоинствъ, не понимая смысла произведенія, ослѣпившаго насъ своимъ успѣхомъ, механически воспроизводить его внѣшнюю сторону и, не имѣя силъ передать его красоты, со всею силою безвкусія скопировать въ громадныхъ размѣрахъ его недостатки, принимая ихъ за красоты.

Послѣ «Своихъ людей» авторъ ихъ написалъ «Бѣдную невѣсту». Комедія была очень хороша; ее всѣ похвалили, но въ восторгъ не привела она никого. Почему же такъ? Потому что она дѣйствительно не имѣла ни одного изъ блестящихъ достоинствъ первой комедіи г. Островскаго. Идея въ ней была, если хотите: а если хотите, то можете сказать, что и не было, потому что идея эта была вовсе не новая. Милая, достойная всего лучшаго, дѣвушка должна — потому, что у нея нѣтъ приданаго, для того, чтобы спасти себя и мать отъ нищеты — выйти замужъ за человѣка, который ни пара ей ни по образованію, ни по чистотѣ сердца, ни даже по лѣтамъ: это человѣкъ пошлый, необтесанный, довольно пожилой, котораго она будетъ стараться, но не успѣетъ, облагородить, котораго она будетъ усиливаться полюбить, но не будетъ въ состояніи любить; ея жизнь погибнетъ невозвратно (все это сама она чувствуетъ), погибнетъ ея красота и молодость: сотни хорошихъ, если не геніальныхъ произведеній были писаны уже на эту тему, и если она всегда останется прекрасна, то свѣжесть и эффектность можетъ придать ей только колоссальный талантъ. А г. Островскій написалъ прекрасное, но вовсе не колоссальное по исполненію произведеніе. Мало того, что идея не имѣла достоинства новизны: она принадлежала слишкомъ тѣсному кругу частной жизни.

Недовольный сомнительнымъ успѣхомъ этой комедіи, г. Островскій написалъ новую «Не въ свои сани не садись». Въ этой комедіи ясно и рѣзко было сказано: *полуобразованность хуже невѣжества*, но не прибавлено, что лучше и той и другаго: *истинная образованность*. Вообще эта комедія какъ бы служила переходнымъ звеномъ между «Своими людьми» и «Бѣдность не порокъ», къ которой мы теперь и обратимся, такъ какъ то, что было несовсѣмъ опредѣлено въ «Не въ свои сани не садись», совершенно выяснилось въ «Бѣдность не порокъ». Эта комедія явилась всего три мѣсяца назадъ; потому большей части нашихъ читателей содержаніе ея, можетъ быть, еще неизвѣстно, и мы должны разсказать его довольно подробно.

Но прежде, нежели начнемъ говорить о содержаніи, скажемъ объ именахъ дѣйствующихъ лицъ. Въ «Не въ свои сани не садись» представитель (мнимо) русскихъ по преимуществу понятій назывался уже Русаковымъ, представитель вѣрности старинымъ обычаямъ—Бородкинымъ, представитель модной пустоты и вѣтрогонства — Вихоревымъ. Такое блистательное нововведеніе, заимствованное изъ комедій стараго времени, понравилось г. Островскому; въ «Бѣдность не порокъ» всѣ фамиліи лицъ «заимствованы» отъ ихъ качествъ: Коршуновъ (фабрикантъ свирѣпаго нрава), Гуслинъ (русскій виртуозъ), Разлюляевъ (т. е. гуляка и весельчакъ).

И надобно сказать, что это чрезвычайно прилично новой комедіи г. Островскаго, столь же неумѣренной въ неудачной идеализаціи, столь же наивно написанной, какъ и самыя плохія комедіи стараго времени. Въ нашихъ романахъ тридцатыхъ годовъ герой, образецъ скромнаго поведенія и всѣхъ добродѣтелей, въ отличіе отъ остальныхъ лицъ (Звонскихъ, Греминыхъ, Блестовыхъ и т. д.) не имѣлъ даже фамиліи: онъ назывался просто Владиміръ или Александръ; такъ и у г. Островскаго герой именуется просто Митя (отличіе отъ старыхъ романовъ только въ томъ, что тамъ уменьшительными Митя, Ваня, Андрюша титуловались юродивые). Дѣйствіе комедіи опять въ уѣздномъ городѣ.

Егорушка, мальчикъ, племянникъ богатаго купца Гордѣя Карпыча Торцова читаетъ сказку о «Бовѣ Королевичѣ», прерывая свое чтеніе отвѣтами на вопросы Мити, приказчика Торцова; чтеніе «Бовы Королевича» рѣшительно не связано съ пьесою и введено только въ качествѣ народнаго элемента для украшенія сцены. Между прочимъ, и это главное, Егорушка разсказываетъ, какъ нѣсколько дней тому назадъ Гордѣй Карпычъ прогналъ изъ дому своего промотавшагося брата Любима за то, что Любимъ началъ при гостяхъ за столомъ «разныя колѣна выкидывать»—Митѣ, живущему въ домѣ, очень естественно было цѣлую недѣлю, если не больше, не слыхать о такомъ шумномъ и скандальномъ происшествіи. Оставшись одинъ, Митя объясняется въ любви къ Любови Гордѣевнѣ, дочери Гордѣя Карпыча, и объявляетъ, что онъ теперь не можетъ работать, потому что «все бы думалъ о ней»—Митя человѣкъ очень бѣдный, и поэтому, намъ кажется, могъ бы уже давно привыкнуть поступать такъ, какъ всѣ бѣдные люди, обязанные каждый аккуратно работать, чтобы не терпѣть нужды: тоска сама по себѣ, а работа все-таки идетъ у нихъ какъ слѣдуетъ. Итакъ вотъ вамъ элементы комедіи во вкусѣ трагедіи Корнеля и Расина: сначала рѣшительно неумѣстный (по положенію лицъ) прологъ для объясненія публикѣ предшествующихъ событій; потомъ лирическій монологъ, въ которомъ изливаетъ свою сантиментальную любовь герой. Потомъ входитъ Пелагея Егоровна (лицо безцвѣтное, повидимому, добрая старуха) и продолжая прологъ, начатый Егорушкою, объясняетъ публикѣ положеніе дѣлъ, разсказывая Митѣ, который уже пятьсотъ разъ все это знаетъ, что Гордѣй Карпычъ совсѣмъ испортился и помутился отъ знакомства съ богатымъ фабрикантомъ Коршуновымъ, отъ котораго перенялъ манеру стыдиться старыхъ простыхъ обычаевъ и гоняться за нынѣшнимъ свѣтомъ. Чтобы ободрить къ продолженію объясненій для публики Пелагею Егоровну, которая сама должна чувствовать, что совершенно неумѣстно объясняетъ Митѣ давно извѣстныя ему дѣла. Митя подталкиваетъ ея разсказы разспросами и предположеніями. Тотчасъ послѣ ухода Пелагеи Егоровны является третье лицо съ ролью корнелевскихъ наперсниковъ — Гуслинъ, которому Митя открывается въ любви своей къ Любови Гордѣевнѣ: прибавляя:

Что на свѣтѣ прежестоко?
Прежестока есть любовь.

Намъ кажется, что человѣкъ, восхищающійся подобными стихами, еще не въ состояніи находить Кольцова порядочнымъ поэтомъ; но по волѣ г. Островскаго Митя (юродивый или нѣтъ?) восхищается Кольцовымъ и самъ пишетъ пѣсни à la Koltzoff—нельзя не согласиться съ отзывомъ объ этомъ Гордѣя Карпыча: «Какія нѣжности при нашей бѣдности»! Но не удивляйтесь. Дальше будетъ еще лучше. Входитъ Разлюляевъ, сынъ богатаго фабриканта, веселый, удалый малый — и съ

чѣмъ бы, вы думали, входитъ онъ? съ гармоніею! сколько извѣстно читателямъ, на «гармоніи» играютъ одни только дворовые люди и бѣднѣйшій классъ мѣщанъ; но Разлюляевъ купилъ ее конечно по приказанію автора, потому не осуждаемъ его за это. Безъ особенной воли своего прихотливаго повелителя, Разлюляевъ, конечно, нанялъ бы музыкантовъ, какъ всегда дѣлаютъ богатые гуляки изъ купеческаго класса. Какъ онъ входитъ, начинается пѣніе различныхъ пѣсенъ, ни къ чему не ведущее въ пьесѣ; между прочимъ Гуслинъ, успѣвшій въ нѣсколько минутъ положить на музыку пѣсню Мити à la Koltzoff, разумѣется, довольно плохую, поетъ ее и «во все это время (по точнымъ словамъ г. Островскаго) Разлюляевъ стоитъ какъ вкопанный и слушаетъ съ чувствомъ. По окончаніи пѣнія всѣ молчатъ» — отъ глубокаго чувства, по мнѣнію г. Островскаго, а по нашему мнѣнію оттого, что пѣсня плоха, и хвалить ее совѣстно, хоть на это и рѣшается, наконецъ, Разлюляевъ; потомъ опять поэтическое тріо принимается пѣть — за этимъ застаетъ ихъ Гордѣй Карпычъ и бранитъ (по нашему мнѣнію совершенно справедливо) Митю за то, что онъ не занимается своимъ дѣломъ. По Разлюляевъ по уходѣ Гордѣя Карпыча соглашается съ Митею, что его жизнь очень горька. Входитъ съ подругами Любовь Гордѣевна, предметъ страсти поэтическаго Мити, и опять начинается ни къ чему не ведущее пустословіе и пѣнье пѣсенъ. Наконецъ «начинается нить завязки романа», какъ говоритъ Гоголь. Митя остается наединѣ съ Любовью Гордѣевною и объясняется ей въ любви—какимъ бы вы думали способомъ? Читая ей «собственно для нея сочиненные стихи», о томъ, что

Понапрасну свое сердце парень губитъ,
Что неровнюшку дѣвицу парень любитъ.

Намъ казалось бы еще правдоподобнѣе объясненіе полу-грамотнаго русскаго парня съ безграмотною дѣвушкою, если бы они принялись (по примѣру Шатобріана, см. его «Замогильныя Записки») читать Аріосто, и на какомъ нибудь патетическомъ мѣстѣ ихъ уста слились бы въ поцалуй. Тогда Митя, разсказывая объ этомъ Гуслину, могъ бы выказать пониманіе не только Кольцова, но и Данте воскликнувъ:

Quel giorno vi non leggemo avante!

На что Гуслинъ могъ бы ему отвѣчать: «Эхъ, братъ, тогда былъ счастливъ, а теперь еще больше сталъ тосковать! Правду, Митя, говоритъ Данте

Nessun' maggior' dolore, и т. д.

Разумѣется, Любовь Гордѣевна *пишетъ* Митѣ отвѣтъ и уходитъ, вручивъ его.

Конечно, скажете вы, пламенный Митя сейчасъ же прочиталъ рѣшеніе своей судьбы? Г. Островскій не считаетъ этого нужнымъ. Къ Митѣ приходитъ Любимъ Торцовъ, братъ хозяина, и на восьми страницахъ повѣствуетъ Митѣ свои приключенія (какъ будто бы Митя, столько времени жившій съ нимъ въ одномъ домѣ, не слышалъ уже ихъ отъ него тысячу разъ, но въ «Бѣдность не порокъ» все разсказывается, ни одно лицо не знаетъ ничего изъ того, что давно должно знать) и Митя, съ рѣшительнымъ отвѣтомъ своей милой въ карманѣ, имѣетъ терпѣніе, непостижимое ни для кого, кромѣ героевъ г. Островскаго, слушать битыхъ полчаса его разсказы, не догадываясь даже отвернуться въ сторону, чтобы взглянуть «да»

или «нѣтъ» написала ему Любовь Гордѣевна. Надобно отдать справедливость Любиму Торцову, что разсказываетъ онъ превосходно; но разсказъ его—ненужный для пьесы эпизодъ, какъ три четверти всѣхъ разговоровъ, разсказовъ и пѣсенъ. Намъ необходимо послушать вмѣстѣ съ Митею, что такое за человѣкъ Любимъ Торцовъ, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ,

«Душѣ такъ прямо кажетъ путь» (Москва, 1854, № 5)

надобно посмотрѣть, что это за путь, по которому предлагается идти вслѣдъ за Любимомъ.

По смерти отца, раздѣлившись съ братомъ, поѣхалъ онъ повеселиться въ Москву и повеселился такъ, что пропилъ всѣ деньги.

Какъ же вы жили Любимъ Карпычъ? спрашиваетъ Митя, дослушавши похожденія его до того времени, пока не осталось у него ни копѣйки денегъ.

«Какъ жилъ? Не дай Богъ лихому татарину. Жилъ въ просторной квартирѣ между небомъ и землей, ни съ боковъ, ни сверху нѣтъ ничего... Есть ремесло хорошее, коммерція выгодная – воровать. Да не гожусь я на это дѣло: совѣсть есть: опять же и страшно: никто этой коммерціи не одобряетъ. Говорятъ, въ другихъ земляхъ за это по талеру плотятъ, а у насъ добрые люди по шеямъ колотятъ. Нѣтъ, братъ, воровать скверно! Эта штука стара, ее броситъ пора... Да вѣдь голодъ-то не тетка, надобно, что нибудь дѣлать! Сталъ по городу скоморохомъ ходить, по копѣечкѣ собирать, шута изъ себя разъигривать, прибаутки разсказывать, артикулы разные выкидывать. Бывало дрожишь съ утра ранняго въ городѣ, гдѣ нибудь за угломъ отъ людей хоронишься, да дожидаешься купцовъ. Какъ пріѣдетъ, особенно кто побогаче, выскочишь, сдѣлаешь колѣно—ну и дастъ, кто пятачекъ, кто гривну. Что наберешь, тѣмъ и дышешь день-то, тѣмъ и существуешь».

Если подражать Любиму Торцову совѣтуютъ въ томъ, чтобы не заниматься коммерціею, которой никто не одобряетъ, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ полезный, хотя нѣсколько обидный образецъ для читателей. Ну, а если нѣкоторые читатели подумаютъ, что имъ предлагаютъ идти къ нравственной высотѣ путемъ Любима Торцова, т. е., пропившись сдѣлаться скоморохами и выкидывать артикулы по улицамъ? Воля ваша, они могутъ обидѣться еще сильнѣе. Наконецъ нашъ идеалъ — не трезвый, какъ всегда—засыпаетъ, и Митя можетъ прочитать записку, полчаса лежавшую у него въ карманѣ.

«Читаетъ: «*И я тебя люблю. Любовь Торцова*». Схватываетъ себя за голову и убѣгаетъ».

Мы такъ подробно разсказывали первое дѣйствіе, что, вѣроятно, читатели, утомленные даже сокращенною передачею всѣхъ этихъ неклеящихся съ настоящимъ содержаніемъ пьесы нескладицъ и несообразностей, утомленные всѣми этими наперсниками, прологами, монологами, въ которыхъ нѣтъ ни тѣни драматизма, попросятъ насъ сократить разсказъ о двухъ остальныхъ дѣйствіяхъ. Съ величайшею радостью исполняемъ ихъ желаніе.

Двѣ трети второго дѣйствія заняты святочнымъ вечеромъ, справляемымъ матерью Любови Гордѣевны въ отсутствіе мужа. Всѣ эти сцены съ плясками, играми, пѣснями и такъ далѣе, рѣшительно лишнія и не связаны съ пьесою ничѣмъ, кромѣ воли автора. Наконецъ пріѣзжаетъ Гордѣй Карпычъ съ Коршуновымъ, прогоняетъ наряженныхъ, называя такія увеселенія мужичествомъ и объявляетъ, что просваталъ дочь за Коршунова. Та умоляетъ отца не губить ее. Отецъ не хо-

четъ слушать, и простой святочный вечеръ обращается въ помолвку. Но Любимъ Карпычъ не дремлетъ: онъ въ домѣ брата оскорбляетъ Коршунова, высчитывая въ глаза ему всѣ его мошенничества. Раздраженный Коршуновъ требуетъ чтобы Гордѣй Карпычъ извинился передъ нимъ, что позволилъ обидѣть его въ своемъ домѣ. «Попросить прощенья — говоритъ онъ нареченному тестью — потому что другого жениха здѣсь твоей дочери нѣтъ».—«Врешь—говоритъ Гордѣй Карпычъ (замѣтьте, какъ натурально подведена развязка)—съ деньгами, которыя я за нею дамъ, всякій человѣкъ будетъ...» Въ эту самую минуту, неизвѣстно зачѣмъ, въ дверяхъ показывается Митя, который давно уже простился, чтобы уѣхать домой отъ горести по разлукѣ съ Любовью Гордѣевною... «Вотъ за Митьку отдамъ». Митя валится ему въ ноги, жена (знающая о любви между Митею и дочерью) умоляетъ мужа исполнить свое слово; Гордѣй въ нерѣшимости: тогда опять является идеалъ человѣка, Любимъ, и въ монологѣ, достойномъ автора шекспировской пьесы «Раздумье артиста» (см. Ералашъ при II нумерѣ Современника), проситъ брата сжалиться надъ нимъ, отдать дочь за Митю, который дастъ ему пріютъ и кусокъ хлѣба. По обыкновенному порядку вещей вмѣшательство, даже одно появленіе Любима, который такъ жестоко уязвилъ гордость Гордѣя, осрамивъ его передъ всѣми и разстроивъ свадьбу, должно было бы безвозвратно испортить дѣло; но у г. Островскаго выходитъ не такъ: выслушавъ монологъ брата, Гордѣй «утираетъ слезу» и говоритъ ему: «Ну, братъ, спасибо, что на умъ наставилъ!» и благословляетъ Митю и Любовь Гордѣевну (какъ это правдоподобно!). Читатели теперь видятъ, что почти вся пьеса состоитъ изъ ряда несвязныхъ и ненужныхъ эпизодовъ, монологовъ и повѣствованій; собственно для развитія дѣйствія нужна развѣ только третья доля всего вставленнаго въ пьесу. Чѣмъ это объяснить? Во-первыхъ пренебреженіемъ автора къ требованіямъ искусства—онъ, по видимому, считаетъ каждую написанную имъ строку драгоцѣнностью, которая будетъ пріятна читателямъ и въ томъ случаѣ, когда рѣшительно ненужна и неумѣстна; во-вторыхъ—и это едва ли не главное—авторъ дѣйствительно правъ до нѣкоторой степени съ своей точки зрѣнія, вставляя въ свою пьесу по всевозможнымъ поводамъ пѣсни, пляски, игры: онъ пишетъ апоѳеозу стариннаго быта, какимъ представляется ему современный бытъ нѣкоторой части купеческаго общества: потому онъ старается выставить на видъ всѣ поэтическія черты его; для этой цѣли онъ вставилъ въ свою небольшую пьесу 16 или 17 пѣсенъ (не считая того, что Разлюляевъ нѣсколько разъ поетъ «Ахъ какъ гусара не любить», и нѣсколько же разъ поетъ «Одна гора высока»), выставилъ на сценѣ цѣлый святочный вечеръ съ переодѣваньями, загадками, гаданьями и т. д., заставилъ дѣйствующихъ лицъ разъ десять плясать, и т. д., и т. д. Почему же спроситъ насъ авторъ, недовольны вы такимъ намѣреніемъ? Не объ намѣреніи теперь мы говоримъ, а объ исполненіи. А исполняя вы свое намѣреніе, нисколько не заботясь о цѣлости и стройности вашего произведенія, и написали не «комедію», не художественное цѣлое, а что-то сшитое изъ разныхъ лоскутковъ на живую нитку. «Бѣдность не порокъ» относится къ тому же роду произведеній, какъ «Мельникъ» Аблесимова—она сборникъ народныхъ пѣсенъ и обычаевъ; разница только та, что у Аблесимова народные мотивы ловко введены въ самое дѣйствіе пьесы, а у васъ приставлены къ пьесѣ очень неловко и большею частью не имѣютъ съ нею никакой связи. Не говоримъ уже о томъ, что «Мельникъ» былъ первою пьесою, въ которой услышала публика на-

родные мотивы, а ваша пьеса вовсе не новость въ своемъ родѣ, когда мы видѣли на сценѣ весь рядъ свадебныхъ обрядовъ, а пѣсни со сцены слушали уже десятки разъ.

Недовольны будутъ читатели пьесою г. Островскаго еще по другой причинѣ гораздо важнѣйшей

Въ ней правды нѣтъ, въ ней жизни нѣтъ,
Въ ней фальшь, не вѣчное искусство.

говоря словами одного изъ восторженныхъ ея поклонниковъ. Коршуновъ мелодраматическій злодѣй — это дурно; но еще хуже то, что всѣ остальныя лица (подъ конецъ пьесы даже злочинствующій сначала Гордѣй Карпычъ) облиты тою патокою, съ которою Егорушка пляшетъ на святочномъ вечерѣ, припѣвая:

Ай патока, пат'ка,
Вареная, сладка!

Въ особенномъ изобиліи пролита она на Любима Торцова, который, по собственнымъ словамъ, (истинная скромность!) «пьяница, но лучше всѣхъ», и на Митю, подслащенныхъ до совершеннаго искаженія дѣйствительности.

Мы должны были бы сказать еще очень многое по поводу «Бѣдность не порокъ», но наша статья и безъ того слишкомъ длинна. Отложимъ до другого случая то, что еще остается намъ высказать о ложной идеализаціи устарѣлыхъ формъ. Въ двухъ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ г. Островскій впалъ въ приторное прикрашиванье того, что не можетъ и не должно быть прикрашиваемо. Произведенія вышли слабыя и фальшивыя. Но, по нашему мнѣнію, онъ, повредивъ этимъ своей литературной репутаціи, не погубилъ еще своего прекраснаго дарованія: оно еще можетъ явиться по прежнему свѣжимъ и сильнымъ, если г. Островскій оставитъ ту тинистую тропу, которая привела его къ «Бѣдность не порокъ». Пусть онъ не слушаетъ восторженныхъ и безотчетныхъ похвалъ, пусть не увлекается стихотворными дионрамбами, въ которыхъ провозглашаютъ его героемъ «Искусства и Правды», но пусть лучше строго подумаетъ о томъ, что такое правда въ созданіяхъ искусства. Въ правдѣ сила таланта: ошибочное направленіе губитъ самый сильный талантъ. Ложныя по основной мысли произведенія бываютъ слабы даже и въ чисто художественномъ отношеніи.

БИБЛІОГРАФІЯ.

О землѣ, какъ элементѣ богатства. *А. Львова.* Москва. 1853.

Г. Львова чрезвычайно интересуетъ вопросъ: «Что такое мѣшаетъ успѣхамъ политической экономіи?» Никакъ не могли мы объяснить себѣ, зачѣмъ понадобилось разсматривать его г. Львову; но мы его должны разсмотрѣть, потому что отвѣтомъ на него объяснится существенное содержаніе и направленіе изслѣдованія г. Львова.

Почему, въ самомъ дѣлѣ, политическая экономія далеко еще не достигла той высокой степени непреложности въ своихъ основныхъ положеніяхъ, на какой стоятъ естественныя и, особенно, математическія науки? Почему напримѣръ, между тѣмъ какъ астрономія уже не обращаетъ и вниманія на толки людей, утверждающихъ, что солнце вертится около земли, политическая экономія не только должна заниматься серьезнымъ опроверженіемъ подобныхъ же, рѣшительно съ вѣтру взятыхъ толковъ, но и не избавилась еще отъ опасности впадать въ руки людей, доказывающихъ, напримѣръ, что въ промышленномъ мірѣ все наилучшимъ образомъ устроивается само собою. Отчего политическая экономія до сихъ поръ не освободилась отъ необходимости спорить противъ этихъ убійственныхъ нелѣпостей?

Многіе приписываютъ такое жалкое положеніе — молодости политической экономіи: «еще не успѣла она развиться до свѣтлой, благодѣтельной безспорности истинныхъ своихъ принциповъ потому, что всего еще только восемьдесятъ лѣтъ существуетъ, какъ наука». Но мало этого объясненія. Отчего же она такъ медленно развивается? Вѣдь химія еще моложе политической экономіи, сравнительная анатомія, возникшая почти на нашихъ глазахъ, еще моложе; а между тѣмъ по степени полнаго, незыблемаго, общепризнаннаго утвержденія своихъ началъ эти науки далеко оставили за собою не только политическую экономію, но и старуху по лѣтамъ, дитя по неосновательности сужденій—исторію. Что-нибудь не такъ. Молодость не оправданіе, даже не объясненіе.

И дѣйствительно, есть много причинъ медленности развитія политической экономіи. Укажемъ на нѣкоторыя, могущія служить объясненіемъ и для положенія вопроса, которымъ занимается изслѣдованіе г. Львова. Отвѣтственность за умолчаніе объ остальныхъ устраняемъ отъ себя ссылкою на извѣстную французскую пословицу, которую представляемъ въ слѣдующемъ видѣ: Qui veut dire tout, ne dira rien.

Первая изъ этихъ причинъ медленности развитія политической экономіи—

многосложность и неудобораздѣлимая перепутанность фактовъ, которые анализировать должна она. Факты, анализируемые астрономіею и другими близкими къ совершенству науками, очень просты, мало запутанны, слишкомъ удобоотдѣлимы другъ отъ друга во всей своей чистотѣ и полнотѣ, сравнительно съ фактами нашей науки, которые зависятъ отъ множества причинъ, находятся подъ вліяніемъ множества обстоятельствъ, перепутываются своими послѣдствіями. Объяснимся примѣромъ. Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ политической экономіи, который, по строгой научной необходимости, разсматривается и г. Львовымъ, есть вопросъ: улучшается или ухудшается (въ Западной Европѣ) положеніе рабочаго класса при томъ ходѣ развитія промышленныхъ отношеній, который господствуетъ въ Западной Европѣ? Вотъ какъ тѣсно связаны между собою вопросы политической экономіи: говоря о причинахъ, изъ которыхъ возникаетъ поземельная рента, или доходъ за отдачу земли въ наемъ, понадобилось говорить о благосостояніи рабочаго класса. Въ астрономіи не такъ: рѣшая свой вопросъ, астрономъ не запутанъ въ разсмотрѣніе совершенно другихъ вопросовъ; они для него «посторонніе вопросы», и, говоря о времени и причинахъ годичнаго обращенія земли, онъ не хочетъ и не *долженъ* обращать въ то же время вниманія на вопросъ о лунныхъ фазахъ или о колебаніи земной оси. Въ политической экономіи, напротивъ, при изслѣдованіи отдѣльнаго вопроса есть только главный вопросъ и второстепенные, но нѣтъ постороннихъ вопросовъ: они всѣ связаны съ главнымъ. А конечно, скорѣе можно дойти до полнаго и точнаго рѣшенія, рѣшая одну задачу, нежели рѣшая въ одно время пять, десять, двадцать задачъ. Это еще не все. Мало того, что всѣ факты политической экономіи перепутаны между собою: каждый изъ нихъ въ отдѣльности чрезвычайно многосложенъ. Продолжимъ примѣръ. Мы хотимъ знать, возвышается или упадаетъ благосостояніе рабочаго класса, или, чтобы *упростить* вопросъ, *одного* только разряда рабочаго класса—фабричныхъ рабочихъ (les ouvriers) во Франціи и Англіи. Посмотрите, какъ многочисленны причины, отъ которыхъ зависитъ это явленіе; плата (le salaire) имъ зависитъ:

1) отъ запроса на фабричныя издѣлія; 2) отъ степени соперничества между фабриками, заставляющаго понижать эту плату; 3) отъ соперничества между нанимающимися рабочими, зависящаго также, 4), отъ состоянія другихъ отраслей промышленной дѣятельности; 5) эта плата зависитъ отъ привычекъ народа (англичанинъ не согласится на плату, которая не дастъ возможности имѣть мясную пищу и чай); 6) отъ трудности фабричной работы и т. д.; то, какъ пользуются рабочіе этою платою, зависитъ, 7), отъ степени прочности ихъ положенія и 8) отъ возможности вслѣдствіе того вести регулярные расходы, и 9) пріобрѣтать или сохранять привычку къ регулярной жизни, и 10) развивать или поддерживать сознаніе нравственнаго своего достоинства и т. д.; благосостояніе ихъ въ такой же степени зависитъ, 11), отъ цѣнъ хлѣба, квартиръ и т. д., 12) устройства, чистоты и т. д. ихъ квартиръ; 13) и 14).... Но и этого списка, далеко не полнаго, уже достаточно, чтобы видѣть, какъ трудно разрѣшить уравненіе (говоря математическими терминами), въ которое входятъ столько факторовъ. А это одинъ изъ простѣйшихъ вопросовъ, и въ *упрощенномъ* видѣ. Беремъ, напротивъ, основный вопросъ астрономіи: «по какому закону дѣйствуетъ тяготѣніе?» Чтобы рѣшить его, надобно принять въ соображеніе только *два* фактора; 1) разстояніе и 2) массы тяготѣющихъ одно къ другому тѣлъ. Ясно, что опредѣлить этотъ законъ точнымъ обра-

зомъ гораздо проще, нежели рѣшить вопросъ, напримѣръ, о благосостояніи рабочаго класса. Первое условіе быстраго хода науки къ рѣшенію своихъ вопросовъ—простота ея фактовъ. Поэтому даже различныя части одной науки стоятъ очень часто на далеко неравной степени развитія. Такъ (въ физикѣ), оптика гораздо выше по законченности рѣшенія своихъ немногосложныхъ вопросовъ, нежели метеорологія, разсматриваемые которою факты довольно многосложны; такъ, неорганическая химія, анализирующая тѣла менѣе сложнаго состава, нежели каковъ составъ органическихъ тѣлъ, обработана гораздо лучше органической химіи.

Эта причина трудности точнымъ образомъ рѣшать вопросы политической экономіи—причина, независящая отъ изслѣдователя, холодная, безстрастная. Но есть другія препятствія къ успѣшному рѣшенію ея задачъ—препятствія, поставляемыя любовью и пристрастіемъ, благосклонностью и недоброжелательствомъ.

Извѣстно, что доктора никогда не лечатъ близкихъ родныхъ; самый искуснѣйшій и самонадѣяннѣйшій врачъ, когда у него серьезно заболѣетъ жена или дитя приглашаетъ другого, по собственному его и своему убѣжденію, можетъ быть, менѣе искуснаго. Почему это? Слишкомъ сильное участіе, принимаемое докторомъ въ больномъ, мѣшаетъ свѣтлой проницательности взгляда его на положеніе больного: достанетъ ли у него твердости духа во время убѣдиться въ опасности болѣзни, достанетъ ли хладнокровія, чтобы не увлечься неосновательными опасеніями за послѣдствія рѣшительнаго леченія, рѣшится ли онъ на приговоръ: medicamenta non sanant, ferrum sanabit? Нѣтъ, онъ будетъ стараться не замѣчать худыхъ признаковъ, ослѣпляться хорошими, искать палліативныхъ средствъ, когда они ни къ чему уже не годны. Всякій докторъ—плохой врачъ для милыхъ ему. Таково почти всегда положеніе политико-экономa, если онъ не бездушная писальная машина. Вопросъ идетъ объ участи людей: кто можетъ не сочувствовать, не желать благопріятнаго отвѣта? А существенное условіе для вѣрнаго рѣшенія научныхъ вопросовъ—безстрастіе и безпристрастіе къ тому, *каковъ* будетъ отвѣтъ. Изслѣдователь истины долженъ искать только истины, а не того, чтобы истина была такова, а не инакова; онъ не долженъ содрогаться отъ мысли о томъ, *что* получится въ отвѣтъ. Математику все равно, положительное или отрицательное количество получится въ результатѣ; ему всякій выводъ хорошъ и милъ, лишь бы только былъ истиненъ. Положеніе того, кто изслѣдуетъ историческіе и, тѣмъ болѣе, политико-экономическіе вопросы, совершенно не таково. Онъ не можетъ не желать *благопріятнаго* отвѣта. Желаніе не можетъ не имѣть вліянія на выводъ. Куда хочется придти, туда тянетъ идти.

Если мы не имѣемъ возможности, то не имѣемъ и права не желать блага для человѣка. Пусть эта любовь замедляетъ путь къ строгой истинѣ; безъ нея мы и не пошли бы къ истинѣ: кто не любитъ человѣка, тотъ не будетъ и думать о человѣкѣ. Но есть другого рода привязанность, мелочная, жалкая въ дѣлѣ науки: это—привязанность къ своимъ личнымъ выгодамъ и къ выгодамъ своихъ однокашниковъ, хотя бъ онѣ находились въ противоположности съ благомъ народа и государства. А этимъ пристрастіемъ бо́льшая часть людей скованы въ своихъ сужденіяхъ и изслѣдованіяхъ.

Вотъ три изъ главнѣйшихъ препятствій быстрому развитію политической экономіи. Есть и другія, не менѣе важныя. Но —дальше въ лѣсъ, больше дровъ, а мы уже и такъ слишкомъ заговорились. Ни объ одномъ изъ этихъ препятствій

г. Львовъ и не упоминаетъ, разсуждая о «шаткости политической экономіи», а главною помѣхою кажется ему вотъ что: «отсутствіе точнаго разграниченія между наукою и искусствомъ мѣшало успѣхамъ политической экономіи». Видите ли, Дестю (Детю? Destutt) де-Траси сказалъ: «искусство есть собраніе правилъ, наставленій, соблюденіе которыхъ необходимо для полученія желаемаго результата; наука же состоитъ въ открытіи истинъ, посредствомъ изслѣдованія какого нибудь предмета», и политико-экономы не обращаютъ надлежащаго вниманія на эти слова: оттого и вся бѣда! Но различіе между наукою и искусствомъ извѣстно по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ извѣстно различіе между инструкціями (которыя еще Карлъ Великій давалъ своему управляющему) и учеными трактатами; и еслибъ экономисты не знали этого различія, то незнаніе было бы слѣдствіемъ, а не причиною шаткаго состоянія науки ихъ: пока будутъ шатки рѣшенія основныхъ вопросовъ науки, шатки будутъ и предѣлы ея; а когда уяснятся основные вопросы науки, то само собою уяснится и различіе ея отъ всевозможныхъ искусствъ, даже отъ искусства прикрашивать факты, даже отъ искусства двумя-тремя пустыми фразами о неприкосновенности индивидуальной свободы, отдѣлываясь отъ серьезныхъ преній о введеніи правительственными мѣрами порядка въ убійственную для народа безпорядицу промышленности, переливать изъ пустого въ порожнее,—искусствъ, которыми отличаются авторитеты г. Львова и во главѣ ихъ мнимо-глубокомысленный Бастіа. Но напрасно г. Львовъ думаетъ, что эти господа смѣшиваютъ науку съ искусствомъ: отъ Жана-Батиста Сэ, рѣзко сказавшаго, что «наука политической экономіи только описываетъ, а не хочетъ давать совѣтовъ», насквозь проникпсь этою основною мыслью люди, выучившіе наизусть его творенія, и съ этого основнаго пункта начавшіе свои труды подвиганія науки назадъ. Знаютъ и соблюдаютъ они это различіе, но не уяснили, а только загрязнили науку всѣ эти Бастіа, Росси, Мишели Шевалье. Отчего же это такъ?

Оттого, что еще лучше, нежели различіе между наукой и искусствомъ, знаютъ они науку о томъ, что вредно и что полезно—для нихъ самихъ, и искусство говоритъ только о томъ и только то, что полезно для нихъ самихъ и для ихъ однокашниковъ, искусство, состоящее, между прочимъ, въ томъ, чтобы, для отвлеченія науки отъ другихъ вопросовъ, переизслѣдовать уже давно рѣшенное, по мѣрѣ возможности сглаживать въ рѣшеніи то, отъ чего еще могутъ поперхнуться ихъ однокашники, и, по мѣрѣ способностей, доказывать, что фабричному рабочему жить лучше, нежели фабриканту. Прекрасный примѣръ этой стороны искусства представляетъ ученіе о поземельной рентѣ, излагаемое съ ихъ словъ г. Львовымъ. Это ученіе, эти опроверженія Рикардо—преинтересная вещь.

Плата, которую землевладѣлецъ получаетъ за отдачу въ наемъ своей земли, называется поземельною рентою. Какъ велика бываетъ она? Она бываетъ сообразна тому, сколько дохода приноситъ отдаваемая въ наемъ земля; доходъ зависитъ прежде всего отъ плодородія земли. Потому плодородіемъ земли опредѣляется величина платы за нее. Это было всегда всѣмъ извѣстно.

Но Рикардо, не довольствуясь этимъ неопредѣленнымъ отвѣтомъ, захотѣлъ въ точности опредѣлить, сколько же именно отдаетъ арендаторъ за наемъ земли, и отъ какихъ причинъ происходитъ, что за землю платятъ ренту. И, надобно отдать ему справедливость, онъ анализировалъ вопросъ чрезвычайно глубокомысленно и вѣрно. Вотъ сущность его «Теоріи ренты».

Малочисленный народъ приходитъ въ необитаемую землю и начинаетъ воздѣлывать ее. Каждый обработываетъ земли, сколько можетъ и какую хочетъ (почти такъ теперь дѣлается въ западныхъ штатахъ Сѣверной Америки, и совершенно такъ было лѣтъ за восемьдесятъ въ юго-восточной Россіи). Само собою разумѣется, что обработываются только лучшія земли: кому будетъ охота пахать не самую лучшую землю, когда ея въ волю для всякаго? Положимъ, что этого сорта земля даетъ по десяти четвертей съ десятины. Народонаселеніе размножается; хлѣба, получаемаго съ этихъ плодороднѣйшихъ земель, становится недостаточно для его продовольствія. Надобно приступить къ разработкѣ и тѣхъ земель, которыя даютъ только по девяти четвертей съ десятины. Представимъ себѣ, что я хочу заняться въ это время земледѣліемъ. Я могу даромъ взять землю второго сорта, ея еще много не занятой; а земли перваго сорта уже всѣ заняты. Но, можетъ быть, кто нибудь изъ владѣющихъ землями перваго сорта не хочетъ заниматься земледѣліемъ: не дастъ ли онъ мнѣ пользоваться своею землею? вѣдь, необрабатываемая, все равно, она ничего ему не принесетъ? Нѣтъ, онъ разсуждаетъ иначе: «если ты будешь даромъ обработывать еще незанятую землю, ты получишь съ десятины по девяти четвертей; а моя дастъ тебѣ по десяти четвертей: какже ты будешь получать четверть лишнюю? земля моя; я и буд, получать выгоду отъ того, что она лучше другихъ; и если хочешь обработывать ее, давай мнѣ по четверти съ десятины». И я соглашусь давать, потому что выгоды для меня тѣ же. И вотъ начало платы за пользованіе землею,— начало ренты. А согласился ли бъ я на это условіе, когда были еще незанятыя земли перваго сорта? Нѣтъ, я сказалъ бы землевладѣльцу: «да съ чего же ты взялъ, что я тебѣ стану давать и по горсти съ десятины? не даешь ты своей земли даромъ, я возьму даромъ еще незанятую». И теперь я сказалъ бы это владѣльцу земли второго сорта, потому что есть еще порожнія земли этого сорта, которыми можно пользоваться даромъ; второй сортъ еще не дастъ ренты. Но вотъ народонаселеніе до того размножилось, что обработаны всѣ земли второго сорта (дающія девять четвертей) и надобно обратиться къ землямъ третьяго класса, дающимъ только восемь четвертей съ десятины. Если тогда вы захотите взять на обработку землю второго сорта, владѣлецъ уже потребуетъ отъ васъ одной четверти съ десятины, потому что даромъ вы не можете обработывать земли, дающей болѣе осьми четвертей; а владѣлецъ земли перваго сорта поэтому же самому потребуетъ по двѣ четверти съ десятины. Итакъ, рента измѣряется разницею между доходомъ отъ наихудшихъ изъ обработываемыхъ земель и доходомъ отъ земли, отдаваемой въ оброкъ. Чѣмъ болѣе худшіе сорты земли обработываются, тѣмъ болѣе возвышается рента съ лучшихъ земель. Ясно, что возможность ея основана на томъ, что не всѣ земли одного качества, что земель лучшихъ сортовъ находится въ странѣ только опредѣленное, далеко не безграничное количество, и что всѣ онѣ обращены уже въ частную собственность.

Но мы говоримъ о платѣ за наемъ натурою, хлѣбомъ; а съ развитіемъ промышленности всѣ платежи начинаютъ производиться деньгами, а не натурою. Посмотримъ же, какую сумму денегъ составляетъ рента въ разные періоды, нами опредѣляемые по сортамъ воздѣлываемой земли. Извѣстно, что нельзя долго заниматься работою, которая не даетъ возможности жить: работникъ раззорится и погибнетъ или оставитъ свое убыточное занятіе. Итакъ, цѣна хлѣба установляется такая, чтобы земледѣлецъ могъ существовать; иначе онъ оставитъ земледѣліе.

Предположимъ, что земледѣлецъ можетъ обработывать пять десятинъ земли, и что ему на годовые расходы нужно сто рублей серебромъ. Если по количеству народонаселенія необходимо, чтобы обработывались земли не только четвертаго сорта (дающаго семь четвертей съ десятины), но и пятаго (дающаго шесть), то и цѣна хлѣба должна установиться такая, чтобы земледѣлецъ пятаго разряда могъ получить свои сто рублей за свой хлѣбъ (съ пяти десятинъ по шести четвертей, тридцать четвертей), иначе онъ покинетъ земледѣліе, земли пятаго сорта перестанутъ обработываться, хлѣба будутъ не достаточно для народонаселенія, и онъ еще болѣе возвысится въ цѣнѣ. Итакъ, цѣна хлѣба установляется тою цѣною, ниже которой не можетъ безъ раззоренія взять человѣкъ, обработывающій самый низкій сортъ изъ обработываемыхъ земель. Посмотримъ же, какъ велика будетъ денежная рента при постоянной разработкѣ все худшихъ сортовъ земли.

Первый періодъ. Обработываются только земли, дающія 10 четвертей съ десятины. Хлѣба получается земледѣльцемъ съ пяти десятинъ (5×10) 50 четвертей. Цѣна хлѣба (за 50 четвертей надобно получить 100 рублей) 2 рубля. Ренты нѣтъ.

Второй періодъ. Обработка земли второго сорта (9 четвертей съ десятины). Количество хлѣба 45 четвертей. Цѣна (100:45) 2 рубля 22 копѣйки; рента за пять десятинъ перваго сорта (по 1 четверти съ десятины) 2 рубля 22×5=11 рублей. Второй сортъ не даетъ ренты.

Третій періодъ. Обработка земли и третьяго сорта (8 четвертей). Количество хлѣба 40 четвертей. Цѣна (100:40) 2 рубля 50 копѣекъ. Рента за пять десятинъ перваго сорта (по 2 четверти) 25 рублей; второго сорта (по 1 четверти) 12 рублей 25 копѣекъ.

Четвертый періодъ. Обработка земли и четвертаго сорта (7 четвертей). Количество хлѣба 35 четвертей. Цѣна (100:35) 2 рубля 83 копѣйки. Рента за пять десятинъ земли:

Перваго сорта (по 3 четверти) 42 рубля 45 копѣекъ; второго сорта (по 2 четверти) 28 рублей 30 копѣекъ; третьяго сорта по 1 четверти) 14 рублей 15 копѣекъ.

Пятый періодъ. Обработка земли и пятаго сорта (6 четвертей). Количество хлѣба 30 четвертей. Цѣна (100:30) 3 рубля 33 копѣйки. Рента за пять десятинъ земли:

Перваго сорта (по 4 четверти) 66 рублей 66 копѣекъ; второго сорта (по 3 четверти) 50 рублей; третьяго сорта (по 2 четверти) 33 рубля 33 копѣйки; четвертаго сорта (по 1 четверти) 16 рублей 66 копѣекъ.

Итакъ, рента прогрессивно возвышается и отъ увеличенія разницы между количествомъ хлѣба, получаемаго съ земель разныхъ сортовъ, и отъ возвышенія цѣнъ хлѣба. Чѣмъ болѣе народонаселеніе, чѣмъ худшія земли обработываются (менѣе получаетъ земледѣлецъ за свой трудъ), чѣмъ выше цѣны хлѣба, чѣмъ болѣе бѣднѣетъ отъ этого народъ, тѣмъ болѣе становится рента.

Все это справедливо, все это глубокомысленно и просто вмѣстѣ.

Сказать противъ выводовъ Рикардо ничего нельзя; но — и вотъ доказательство, какъ многосложны вопросы политической экономіи — но это вполнѣ справедливое рѣшеніе вопроса не есть его окончательное рѣшеніе, потому что Рикардо говоритъ объ одной спеціальной сторонѣ вопроса и не переноситъ своихъ заключеній изъ

области умозрительныхъ соображеній въ область дѣйствительныхъ, современныхъ отношеній; въ этомъ состоитъ справедливая сторона возраженій Мальтуса противъ его теоріи. При опредѣленіи цѣны хлѣба, Рикардо принимаетъ въ соображеніе только потребности земледѣльца и всегда предполагаетъ существованіе земель еще незанятыхъ, которыми можно пользоваться задаромъ; и потому ренту составляетъ у него только излишекъ цѣнностей, доставляемыхъ обработываніемъ однѣхъ земель, надъ количествомъ цѣнностей, доставляемыхъ обработкою другихъ. Но цѣна хлѣба, если не можетъ спускаться ниже поставляемой Рикардо границы, то можетъ подниматься выше ея, когда народонаселеніе слишкомъ велико сравнительно съ количествомъ земли, могущей быть обработанною, и хлѣба, ею доставляемаго: тогда хлѣбъ, вслѣдствіе того, что его больше требуется покупщиками, нежели предлагается продавцами, дорожаетъ; и въ пятомъ, напримѣръ, періодѣ (предполагая, что земли пятаго сорта худшія изъ удобныхъ для земледѣлія) цѣна хлѣба, вмѣсто выведенной по Рикардо для случаевъ, когда хлѣба достаточно, 3 р. 33 к., можетъ возвыситься до 3 р. 50 к., 4 р., 5 р. Такъ и бываетъ постоянно въ большей части Западной Европы. Тогда земледѣлецъ получаетъ съ пяти обрабатываемыхъ имъ десятинъ:

Земли	1 сорта (10 четв.)	2 сорта (9 четв.)	3 сорта (8 четв.)	4 сорта (7 четв.)	5 сорта (6 четв.)
Количество хлѣба	50	45	40	35	30
На сумму (полагая 4 р. четв.) .	200	180	160	140	120 р.
Рента, какъ различіе между доходами	80	60	40	20	—

Но земледѣльцу оставалось бы въ этомъ случаѣ 120 р.; а для возможности существовать необходимо только 100 р. Оставитъ ли землевладѣлецъ земледѣльцу лишніе 20 рублей? Нѣтъ, онъ скажетъ ему: «При избыткѣ народонаселенія, когда всякій хлопочетъ только о насущномъ хлѣбѣ, я всегда найду арендаторовъ, которые удовольствуются 100 рублями дохода и дадутъ мнѣ 20 рублей болѣе, нежели дашь ты; потому или прибавь мнѣ 20 рублей ренты и довольствуйся 100 рублями, или я найду на этихъ условіяхъ другихъ арендаторовъ». Итакъ, выводъ Рикардо надобно дополнить такимъ образомъ: разница между низшею и высшею рентою дѣйствительно опредѣляется разницею доходовъ отъ земли; но низшая рента опредѣляется излишкомъ дохода съ наихудшихъ земель передъ суммою, необходимою для покрытія издержекъ земледѣльца, и земли самаго низшаго сорта изъ удобныхъ къ воздѣлыванію приносятъ ренту (Рикардо опустилъ это изъ виду) тамъ, гдѣ цѣна хлѣба опредѣляется не издержками производства, а стоитъ (по излишку населенія или другимъ причинамъ) выше ихъ; и суммою этой ренты увеличивается и рента со всѣхъ другихъ земель. Таково положеніе Англіи, Франціи и проч.

Есть еще неполнота въ теоріи Рикардо; изъ общаго закона: «рента опредѣляется количествомъ и цѣною получаемаго хлѣба», вывелъ онъ заключеніе, что рента не имѣетъ уже сама вліянія на цѣну хлѣба, что поэтому даже если бы рента была понижена или уничтожена, то выигралъ бы только классъ фермеровъ, а не весь народъ; потому что цѣна хлѣба не понизилась бы. Ошибочность этого мнѣнія замѣчена еще Сисмонди. Было бы слишкомъ долго разъяснять всѣ отношенія, которыя понизили бы цѣну съ пониженіемъ ренты, и потому замѣтимъ только одно то, что еслибъ у фермера вмѣсто 100 рублей оставалось 120, то 20 рублей,

которые остаются у него за расходами, онъ употребилъ бы на улучшеніе земли, своихъ орудій и т. д. (сталъ бы обработывать землю при помощи большаго капитала), и тогда получилъ бы больше хлѣба, вмѣсто 50 четвертей (на землѣ перваго сорта) 60, а вмѣсто 30 (на землѣ 5 сорта) 36; и еслибъ, съ увеличеніемъ количества хлѣба, цѣна его понизилась отъ 4 руб. до 3 руб. 50 коп., то онъ все остался бы еще съ большимъ прежняго барышомъ (50 четв. по 4 руб. дадутъ 200 руб., а 60, по 3 руб. 50 коп., 210 руб., изъ которыхъ за вычетомъ 80 р. ренты осталось бы у него 130 руб. вмѣсто прошлогоднихъ 120 руб.; такъ точно 30 четв. по 4 руб. дадутъ 120 руб., а 36 по 3 руб. 50 коп. 126 руб.) и могъ бы продолжать идти путемъ увеличенія своего производства, пониженія цѣнъ и т. д. А это еще самая ничтожная изъ причинъ, по которымъ пониженіе ренты имѣло бы вліяніе на пониженіе цѣнъ, и мы говорили о ней потому только, что доказать ее проще, нежели другія.

Итакъ, теорія Рикардо совершенно основательна, но не совершенно полна; она объясняетъ только причину различія въ рентѣ различныхъ земель, не принимая, что и самая плохая изъ обработываемыхъ земель приноситъ ренту, и не объясняя этого; онъ выводитъ ренту ниже дѣйствительной величины ея, потому что беретъ ренту только при достаточности, а не при недостаточности производства.

Но многимъ теорія Рикардо не нравится; почему, это не наше дѣло, хотя изъ ихъ возраженій видно, *почему* именно она непріятна имъ. И эти возраженія — превосходный образчикъ толковъ о политической экономіи мнимо-ученыхъ, постигшихъ различіе между наукою, ищущею истины, и искусствомъ «мѣшать пріятное съ полезнымъ» для поправленія нарушаемой наукою доброй славы милыхъ и полезныхъ намъ людей. Всѣ эти возраженія — или придирки къ словамъ, или нападеніе на справедливыя, но неудобо-варимыя стороны теоріи. Просмотримъ ихъ по изложенію г. Львова.

Рикардо, по ихъ мнѣнію, этихъ господъ (Bastiat, Carey и т. д.), ошибается, говоря, что воздѣлываніе начинается съ лучшихъ земель, а потомъ, по мѣрѣ надобности, народъ переходитъ къ воздѣлыванію низшихъ сортовъ земель. Видите ли, бѣдная Аттика обработывается прежде плодородной Беотіи (откуда это извѣстно?), сухая почва Верхняго Египта прежде плодородной Дельты и т. д. и Московская, или Тверская губернія прежде Симбирской и Саратовской.—Да никто и не думаетъ утверждать, что люди поселялись первоначально именно въ наиплодороднѣйшихъ странахъ земного шара (хотя вообще это справедливо: южная Европа заселена и воздѣлана раньше сѣверной; Малая Азія, долины Тигра и Эвфрата и Нила раньше южной Европы), до этого и дѣла нѣтъ: цѣны на хлѣбъ въ Тверской губерніи очень мало зависятъ отъ цѣнъ хлѣба въ Бессарабіи, цѣны хлѣба въ Германіи отъ цѣнъ хлѣба въ Сициліи или Малой Азіи; Рикардо говоритъ объ округахъ земли, составляющихъ одно экономическое цѣлое, которые народъ воздѣлываетъ, не зная, что за тысячу верстъ есть округи болѣе плодородные, или не имѣя возможности переселиться туда; онъ говоритъ о ходѣ цѣнъ и ренты въ каждомъ отдѣльно округѣ, въ которыхъ цѣны на хлѣбъ однѣ и тѣ же; а такіе округи и теперь еще не велики, а прежде, при худшемъ положеніи путей сообщенія, при меньшемъ развитіи торговли, они были еще меньше. Такъ, у насъ въ каждомъ уѣздѣ свои цѣны на хлѣбъ; такъ, изъ земель французскихъ, въ Эльзасѣ свои цѣны, въ Нормандіи свои, въ Берри свои и т. д. Только съ этими округами и имѣетъ дѣло теорія Рикардо: что за дѣло

новгородцу, что саратовецъ продаетъ свой хлѣбъ по 20 копѣекъ за четверикъ? онъ все-таки будетъ продавать свой хлѣбъ по 2 рубля; что за дѣло ему, что въ «долинѣ Амазонской рѣки» лежатъ плодородныя невоздѣланныя земли—онъ будетъ обработывать свою глинистую землю, стараясь въ *ней* только отыскать по возможности лучшіе участки: не ѣхать же ему въ самомъ дѣлѣ воздѣлывать плодородную «долину рѣки Амазонки». Превосходно понимаютъ авторитеты г. Львова, въ чемъ дѣло; Рикардо говоритъ и долженъ говорить объ округѣ земель, имѣющемъ однѣ цѣны, составляющемъ одно цѣлое, по недальности разстояній: они толкуютъ о томъ, что Москва основана прежде Тамбова! Мы въ правѣ ожидать, что явятся еще глубоко-ученѣйшіе противники Рикардо, которые скажутъ: «неправда, что плодороднѣйшая почва воздѣлывается прежде; на Юпитерѣ и Ураиѣ богатѣйшій черноземъ, а англичане еще не воздѣлываютъ его»: да имѣетъ ли средства англичанинъ воздѣлывать плодородную почву Юпитера? Почти столько же средствъ имѣетъ псковичъ воздѣлывать мало-азійскую почву.

Далѣе начинаются толки о томъ, что плодороднѣйшая земля иногда бываетъ недоступна для обработки, потому что ее надобно еще очистить и удобрить и т. д.— Удивительно, какъ эти господа не скажутъ опять: «хлѣбъ родился бы лучше всего въ центральной Африкѣ, еслибъ навозить туда воронежскаго чернозема и устроить ломбардское орошеніе, а люди еще не воздѣлываютъ этихъ плодороднѣйшихъ земель; изъ этого слѣдуетъ, что люди и не хотятъ обработывать плодороднѣйшихъ земель».

Нельзя спорить противъ подобныхъ возраженій, потому что они нисколько нейдутъ къ дѣлу. Но изъ нихъ выводится, что «сначала люди обработываютъ менѣе плодородныя земли, а потомъ переходятъ къ болѣе плодороднымъ (!!!)», что, конечно, противорѣчитъ здравому смыслу и всѣмъ фактамъ, но имѣетъ видъ глубокомыслія. А изъ этого прекраснаго начала слѣдуетъ, что рента съ теченіемъ времени понижается къ цѣнѣ, хлѣбъ тоже и т. д., что наконецъ въ наше время землевладѣтель, отдавая землю въ наймы, получаетъ наемную плату не за землю, а за свои труды (которые ограничиваются трудомъ подписать свое имя на контрактѣ и сосчитать принесенныя деньги), и что поэтому, собственно говоря, поземельной ренты и не существуетъ, а существуетъ только доходъ съ земли, какъ существуетъ доходъ съ домовъ (NB. домъ выстроилъ хозяинъ дома, а землю... «а землю создалъ своими трудами ея владѣтель». См. изслѣдованіе г. Львова, стр. 121—131). А изъ этого слѣдуетъ, что англійскій лордъ, живущій въ Римѣ или Парижѣ, своими трудами обработываетъ свою землю, а его фермеры — просто дармоѣды, которые пожинаютъ плоды его трудовъ, и даже неизвѣстно за что предоставляютъ себѣ право отдавать лорду только часть, а не всю цѣлость произведеній съ земель, которыя не приносили бы ни колоса, если бы не было по счастію лорда, живущаго въ Римѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что завидна участь пахарей, получающихъ страшные доходы, и достойна состраданія участь бѣднаго лорда, едва имѣющаго нынѣ насущный хлѣбъ.

Объ искренности въ критикѣ.

I.

Въ статьѣ, написанной по случаю новаго изданія «Сочиненій А. Погорѣльскаго» («Современникъ», № VI, библіографія), мы говорили о безсиліи нынѣшней критики и указали на одну изъ главнѣйшихъ причинъ этого грустнаго явленія — уступчивость, уклончивость, мягкосердечіе. Вотъ наши слова:

«Причина безсилія современной критики (между прочимъ) та, что она стала слишкомъ уступчива, неразборчива, малотребовательна, удовлетворяется такими произведеніями, которыя рѣшительно жалки, восхищается такими произведеніями, которыя едва сносны. Она стоитъ въ уровень съ тѣми произведеніями, которыми восхищается; какже вы хотите, чтобы она имѣла живое значеніе для публики? Она ниже публики; такою критикою могутъ быть довольны писатели, плохія произведенія которыхъ она восхваляетъ; публика остается ею столько же довольна, сколько тѣми стихами, драмами и романами, которыя рекомендуются вниманію читателей въ ея нѣжныхъ разборахъ».

И мы заключили статью словами: «нѣтъ, критика должна стать гораздо строже, серьезнѣе, если хочетъ быть достойною имени критики». Мы указывали, какъ на примѣръ того, какова должна быть истинная критика, на критику «Московскаго Телеграфа», и, конечно, не по недостатку лучшихъ примѣровъ. Но мы удерживались отъ всякихъ — не говоримъ указаній, даже отъ всякихъ намековъ на тѣ или другія статьи того или другого журнала, нѣжность, слабость которыхъ ставитъ нынѣ въ необходимость напоминать критикѣ о ея правахъ, о ея обязанностяхъ — и мы не хотѣли приводить примѣровъ навѣрное уже не потому, чтобы трудно было набрать ихъ сотни. Каждый изъ нашихъ журналовъ за послѣдніе годы могъ представить не мало матеріаловъ для такихъ указаній; разница была только въ томъ, что одинъ журналъ могъ представить ихъ больше, другой меньше. Поэтому намъ казалось, что дѣлать выписки изъ статей того или другого журнала значило бы только безъ нужды придавать полемическій характеръ статьѣ, писанной съ намѣреніемъ указать недостатокъ, общій до нѣкоторой степени всѣмъ журналамъ, а вовсе не съ цѣлью попрекать тотъ или другой журналъ. Мы считали излишнимъ указывать примѣры потому, что, желая, чтобы критика вообще вспомнила о своемъ достоинствѣ, мы вовсе не хотѣли ставить тотъ или другой журналъ въ необходимость защищать свои слабыя стороны и черезъ это прилѣпляться къ прежнимъ слабостямъ — извѣстно, что принужденный спорить, человѣкъ дѣлается склоненъ увлекаться положеніями, которыя сначала защищалъ онъ, можетъ быть, только по необходимости отвѣчать, что-нибудь, и которыхъ неосновательность или недостаточность онъ, можетъ быть готовъ былъ бы признать, если бы его не заставляли признаваться открыто. Однимъ словомъ принятіе общаго принципа мы не хотѣли дѣлать затруднительнымъ ни для кого, и потому не хотѣли затрогивать ни чьего самолюбія. Но если кто-нибудь самъ, безъ всякаго вызова, провозглашаетъ себя противникомъ общаго начала, кажущагося намъ справедливымъ, то онъ уже ясно выразилъ, что не признаетъ справедливости общаго начала, а напротивъ.

Послѣ всѣхъ этихъ долгихъ оговорокъ и смягченій, очень ясно доказывающихъ, какъ глубоко проникись духомъ нынѣшней критики и мы, возстающіе про-

тивъ ея слишкомъ мягкихъ, мягкихъ до неосязаемости пріемовъ, можемъ приступить къ дѣлу и сказать, что «Отечественныя Записки» недовольны прямотою нѣкоторыхъ нашихъ отзывовъ о слабыхъ, по нашему мнѣнію, беллетристическихъ произведеніяхъ, хотя и украшенныхъ болѣе или менѣе извѣстными именами (ниже мы представимъ этотъ отзывъ вполнѣ), и что мы съ своей стороны также не исключали довольно многихъ критическихъ статей «Отечественныхъ Записокъ» изъ общей массы робкихъ и слабыхъ критикъ, возставать противъ размноженія которыхъ мы считали и считаемъ настоятельною необходимостью. Цѣль нашей статьи вовсе не та, чтобы выставить на видъ чужія мнѣнія, а та, чтобы яснѣе изложить наши понятія о критикѣ. И если примѣры критики, несогласной, по нашему мнѣнію, съ истинными понятіями о серьезной критикѣ, мы заимствуемъ изъ «Отечественныхъ Записокъ», то вовсе не потому, чтобы мы желали упрекнуть въ слабости критики исключительно «Отечественныя Записки». Повторяемъ, что мы возстаемъ противъ слабости *критики вообще:* если бы она была слаба только въ томъ или другомъ журналѣ, стоило ли бы такъ много хлопотать? Касаемся же мы преимущественно «Отечественныхъ Записокъ», заимствуя исключительно изъ нихъ примѣры, потому, что онѣ взяли на себя трудъ защищать и хвалить умѣренную и спокойную критику»— гдѣ же, какъ не у защитника, и надобно искать истинныхъ образцовъ защищаемаго?

Вотъ напримѣръ, («Отечественныя Записки» 1853, № 10) разборъ романа г. Григоровича «Рыбаки». Здѣсь главный предметъ критики — разсмотрѣніе вопроса о томъ, дѣйствительно ли можно ловить пискарей одинокому старику *удочкою,* а не бреднемъ (для котораго нужны двое людей) и дѣйствительно ли можно видѣть на Окѣ во время половодья ласточекъ, стрижей, дроздовъ и скворцовъ, или они прилетаютъ не во время половодья, а нѣсколькими днями позже или раньше; однимъ словомъ, тутъ говорится не столько о романѣ, сколько о томъ

Какая птица гдѣ живетъ,
Какія яица несетъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, говорить о недостаткахъ и достоинствахъ романа съ этой точки зрѣнія можно и должно очень хладнокровно.

Вотъ еще разборъ романа г-жи Т. Ч. «Умная Женщина» («Отечественныя Записки» 1853, № 12); сущность отзыва состоитъ въ слѣдующемъ:

«Вотъ сюжетъ «Умной Женщины», одной изъ лучшихъ повѣстей г-жи Т. Ч. Сколько въ этомъ разсказѣ умнаго, новаго и занимательнаго. Мы пропустили въ разсказѣ всю прежнюю жизнь холостяка и умной женщины, жизнь, которая занимаетъ по крайней мѣрѣ три четверти романа. Но эта жизнь до насъ не касается».

Хорошъ и занимателенъ долженъ быть романъ, въ которомъ *по крайней мѣрѣ три четверти* не стоитъ и читать.

Вотъ отзывъ о другой повѣсти того же автора (г-жи Т. Ч.) «Тѣни прошлаго» («Отечественныя записки» 1854, № 1).

«Лицо, взятое авторомъ, очень интересно; но для полной обрисовки его авторъ *какъ будто пожалѣлъ* красокъ, въ которыхъ у него нѣтъ недостатка (отчего же лицо блѣдно, если авторъ имѣетъ дарованіе ярко обрисовывать лица?) Мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что г-жа Т. Ч. мало заботилась о томъ, какъ воспользоваться сюжетомъ; достаточно прочесть выписанныя нами сцены, чтобы убѣдиться, что она *могла* какъ нельзя лучше выполнить такую задачу».

Т. е. «авторъ не сладилъ съ сюжетомъ; но не потому, что не могъ сладить», вѣдь нельзя же прямо сказать: авторъ взялъ сюжетъ не по силамъ.

Дѣйствительно, такіе отзывы состоятъ изъ «загадокъ», какъ и называетъ рецензентъ свой разборъ «Умной Женщины», принимаясь за него («отъ разсужденія о литературѣ переходимъ къ диссертаціи о старыхъ холостякахъ, и на ихъ счетъ задаемъ читателю загадку. Пусть отгадаетъ кто можетъ». Но, во первыхъ, никто не можетъ разгадать ее: во вторыхъ, кому же и охота разгадывать критическіе разборы? Шарадъ и ребусовъ не требуетъ отъ русскихъ журналовъ ни одинъ читатель).

Таковы же отзывы о стихотвореніяхъ г. Фета, о романѣ «Мелочи Жизни» и т. д. Никто не отгадаетъ, хороши или дурны, превосходны или несносно плохи эти произведенія по мнѣнію рецензентовъ. На каждую похвалу или порицаніе у нихъ всегда готова совершенно равносильная оговорка или намекъ въ противоположномъ смыслѣ. Но намъ нельзя утомлять читателей всѣми этими примѣрами; ограничимся однимъ только отзывомъ о романѣ г-жи Туръ «Три поры жизни».

«Слабыя стороны повѣстей и романовъ г-жи Туръ стали вдругъ ярче и замѣтнѣе» (вы ожидаете, что смыслъ этой фразы: г-жа Туръ стала писать хуже прежняго? нѣтъ), это «обстоятельство, въ которомъ наша романистка должна винить не себя, а своихъ цѣнителей», потому что ее уже слишкомъ много хвалили (вы думаете, что эта фраза значитъ: ее захвалили, она стала писать небрежно, перестала заботиться объ исправленіи своихъ недостатковъ? Нѣтъ, вовсе нѣтъ) журнальныя похвалы и порицанія не могутъ возмущать собственнаго сужденія автора о своемъ талантѣ, потому что «лучшій критикъ для романиста —всегда самъ романистъ» (вы думаете, что это относится къ г-жѣ Туръ? Нѣтъ, потому что) «женщина всегда зависитъ отъ чужого суда» и «въ самой геніальной женщинѣ не отыщется той безпристрастной самостоятельности», которая даетъ мужчинѣ возможность не подчиняться вліянію критики; «на всякую даровитую женщину вредно дѣйствуетъ восторгъ друга, комплиментъ вѣжливаго цѣнителя», вслѣдствіе ихъ «она даетъ своему таланту не самобытное направленіе, сообразное заблужденіямъ своихъ жаркихъ приверженцевъ» (это ведетъ, по вашему предположенію, къ объявленію, что новый романъ г-жи Туръ несамостоятеленъ, что «она сочинила слова на чужой мотивъ?» нѣтъ), «въ послѣднемъ романѣ г-жи Туръ мы видимъ довольно много самостоятельности», «взглядъ романистки на большую часть ея героевъ и героинь принадлежитъ ей собственно»; но эта самостоятельность «затемнена оборотами, очевидно зародившимися подъ чужимъ вліяніемъ». (Вы думаете, что это недостатокъ? Нѣтъ, не въ этомъ онъ). «Въ романѣ г-жи Туръ недостаетъ внѣшняго интереса сюжета, интриги событій» (итакъ въ немъ нѣтъ интриги событій? Нѣтъ, есть, потому что изъ словъ рецензента) «не слѣдуетъ», чтобы «онъ принадлежалъ къ разряду романовъ, въ которыхъ важнѣйшее событіе —наемъ квартиры или что нибудь въ этомъ родѣ». Романъ г-жи Туръ незанимателенъ не по недостатку интриги, а потому, что «герой его, Огинскій, не можетъ занять читателей» (почему же? потому что онъ безцвѣтенъ? нѣтъ, потому что) «г-жа Туръ не разсказала намъ, какъ онъ служилъ, путешествовалъ, управлялъ своими дѣлами» (но вѣдь это именно и погубило бы интригу, сюжетъ, котораго вы требуете); Огинскій три раза влюбленъ (вотъ цѣлыхъ три интриги, а вы говорили, что нѣтъ ни одной), а «жизнь мужчины состоитъ не изъ одной любви» (потому-то и надобно было раз-

сказать о всѣхъ, ненужныхъ для романа, подробностяхъ службы и путешествій Огинскаго! Лицо Огинскаго испортило романъ; «онъ принесъ много несчастія произведенію (слѣдовательно это лицо въ романѣ дурно? нѣтъ, хорошо, потому что онъ) могъ бы принести еще болѣе несчастія произведенію, если бы несомнѣнный умъ сочинительницы не исправлялъ дѣла вездѣ, гдѣ можно (хороша похвала! да зачѣмъ же выбранъ такой герой?) Въ исторіи всѣхъ трехъ нѣжныхъ привязанностей Огинскаго «передъ нами дѣйствуетъ слабость, соединенная то съ аффектаціей, то съ экзальтаціей (итакъ романъ испорченъ аффектаціею и экзальтаціею? нѣтъ, напротивъ) «сочинительница питаетъ къ нимъ глубокое отвращеніе» (но если онѣ изображены съ отвращеніемъ, въ истинномъ свѣтѣ, то это достоинство, а не недостатокъ). «Разговоръ живъ», хотя «по временамъ испорченъ научными выраженіями»; и *хотя* «многіе аѳоризмы и тирады, влагаемыя даже въ уста молодыхъ дѣвушекъ, кажутся намъ достойными ученаго трактата, а все-таки разговоръ представляетъ квинтэссенцію живой рѣчи».—«Слогъ г-жи Туръ *можетъ быть* во многомъ *исправленъ* къ лучшему, *если того будетъ угодно* самой сочинительницѣ» (!!)

Вотъ до какихъ противорѣчій, колебаній, доводитъ критику стремленіе къ «умѣренности», то есть къ смягченію всѣхъ легкихъ сомнѣній въ абсолютномъ достоинствѣ романа, какія только позволяетъ себѣ на минуту предложить смиренный рецензентъ. Сначала онъ какъ будто бы хочетъ сказать, что романъ хуже прежнихъ, потомъ прибавляетъ: нѣтъ, я не это хотѣлъ сказать, а я хотѣлъ сказать, что въ романѣ нѣтъ интриги; но и это я сказалъ не безусловно, напротивъ, въ романѣ есть хорошая интрига; а главный недостатокъ романа тотъ, что не интересенъ герой; впрочемъ лицо этого героя очерчено превосходно; однако—впрочемъ я не хотѣлъ сказать и «однако», я хотѣлъ сказать «притомъ» ... нѣтъ, я не хотѣлъ сказать и «притомъ», а хотѣлъ только замѣтить, что слогъ романа плохъ, хотя языкъ превосходенъ, да и это «можетъ быть исправлено, если того будетъ угодно самому автору».

Какой отзывъ можно сдѣлать о подобныхъ отзывахъ? Развѣ слѣдующій, въ томъ же родѣ. «Они очень подробно исчисляютъ сотни крупныхъ достоинствъ, хотя съ еще болѣе крупными оговорками, впрочемъ, не безъ новыхъ похвальныхъ оговорокъ, и потому хотя въ нихъ сказано обо всемъ, но не сказано ничего; изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы они были лишены достоинства, котораго существованіе хотя и не замѣтно, однако не оспоримо». Можно еще выразиться о нихъ словами самихъ «Отечественныхъ записокъ» такъ: что разумѣютъ у насъ подъ словомъ «критика»? «статью, въ которой авторъ много наговорилъ, не сказавъ ничего». Можно еще сказать, что къ подобной критикѣ вполнѣ прилагается начало одного романса:

Не говори ни «да», ни «нѣтъ»,
Будь равнодушна какъ бывала,
И на рѣшительный отвѣтъ
Накинь сомнѣнья покрывало.

Но что особенно дурного сдѣлаетъ критика, если будетъ прямо, ясно и безъ всякихъ недомолвокъ высказывать свое мнѣніе о достоинствахъ и даже (о, ужасъ!) недостаткахъ литературныхъ произведеній, украшенныхъ болѣе или менѣе извѣстными именами? Вѣдь этого именно и требуютъ отъ нея и читатели, и самая польза

литературы? За что ее будетъ можно упрекнуть въ томъ случаѣ? Это скажутъ намъ «Отечественныя Записки»; эпиграфомъ къ выпискѣ мы возьмемъ слова также «Отечественныхъ Записокъ», сказанныя довольно давно:

«У насъ еще надо толковать о такихъ простыхъ и обыкновенныхъ понятіяхъ, о которыхъ уже не толкуютъ ни въ одной литературѣ».

«Въ послѣднее время въ отзывахъ нашихъ журналовъ о разныхъ писателяхъ привыкли мы встрѣчать тонъ умѣренный, хладнокровный; если же и читали подъ часъ приговоры несправедливые, по нашему мнѣнію, то самый тонъ статей, чуждый всякой запальчивости, обезоруживалъ насъ. Мы можемъ не соглашаться съ мнѣніемъ автора, но каждый въ правѣ имѣть свое собственное мнѣніе. Уваженіе къ чужому мнѣнію — порука за уваженіе къ нашему собственному. Всѣ журналы не мало способствовали къ обузданію рецензентовъ, ничего не принимающихъ во вниманіе, кромѣ своихъ личныхъ мнѣній, желаній и часто выгодъ. Но мы должны признаться, что въ послѣднее время нѣкоторыя рецензіи «Современника» крайне удивили насъ своею опрометчивостью сужденій, ничѣмъ не доказанною. Взглядъ, противорѣчащій тому, что недавно говорилъ еще самъ «Современникъ» и несправедливость отзыва, обращенная къ такимъ писателямъ, какъ г-жа Евгенія Туръ, г. Островскій, г. Авдѣевъ — придали какой-то странный видъ библіографіи «Современника» послѣднихъ мѣсяцевъ, поставленной въ рѣшительное противорѣчіе съ самой собою. Что она говорила годъ назадъ, то теперь отвергаетъ положительнѣйшимъ образомъ. Еще другія мысли приходятъ въ голову. Пока, напримѣръ, въ «Современникѣ» печатались повѣсти г. Авдѣева, журналъ этотъ хвалилъ г. Авдѣева; точно тоже должно сказать и объ отзывахъ его объ Евгеніи Туръ. Или рецензентъ не справился съ мнѣніями прежде высказанными въ этомъ журналѣ? или онъ зналъ ихъ, но хотѣлъ отличиться рѣзкою оригинальностью? Вотъ что, напримѣръ, было сказано въ «Современникѣ» Новымъ Поэтомъ въ 1853 году, въ апрѣльской книжкѣ по поводу комедіи г. Островскаго «Не въ свои сани не садись» (*слѣдуетъ выписка; мы ихъ будемъ здѣсь выпускать потому что сличимъ и объяснимъ ихъ мнимую противоположность ниже*). Однимъ словомъ, комедія расхвалена. Теперь посмотрите, что сказано о той же комедіи и еще о другой новой «Бѣдность не порокъ» въ библіографіи майской книжки «Современника» 1854 года, то есть спустя одинъ только годъ (*выписка*). Такіе отзывы получилъ на свою долю г. Островскій. Вотъ что сказано въ той же книжкѣ о послѣднемъ романѣ г-жи Евгеніи Туръ «Три поры жизни» (*выписка*). Можно ли такъ выражаться объ авторѣ «Племянницы», «Ошибки», «Долга», еслибъ даже новый романъ г-жи Евгеніи Туръ былъ и неудаченъ? Приговоръ несправедливъ, потому что произведеніе талантливаго писателя, какъ бы оно ни не удалось, никогда не можетъ быть безусловно дурно; но странно встрѣтить этотъ отзывъ въ «Современникѣ», гдѣ до настоящаго времени о талантѣ г-жи Евгеніи Туръ говорили совсѣмъ другое. Перечтите, напримѣръ, что было сказано г. П. Т. въ 1852 году о произведеніяхъ г-жи Евгеніи Туръ (*выписка*). Какъ кстати послѣ этого приведенный нами выше отзывъ о дарованіи г-жи Туръ, гдѣ нѣтъ даже и слова о талантѣ этой писательницы! Съ какою горькою усмѣшкою должны послѣ этого писатели смотрѣть на журнальныя хвалы и порицанія? Неужели критика игрушка! Но всего болѣе несправедливый отзывъ сдѣланъ въ «Современникѣ» нынѣшняго же года о г. Авдѣевѣ, одномъ изъ лучшихъ нашихъ разсказчиковъ, котораго прежде (когда г. Авдѣевъ печаталъ свои произведенія въ «Современникѣ») этотъ журналъ въ своихъ объявленіяхъ о подпискѣ и въ своихъ обозрѣніяхъ литературы всегда ставилъ наряду съ первыми нашими писателями. Доказательствъ этому такъ много, что ихъ трудно и перечислить. Возьмите, напримѣръ, обзоръ литературы за 1850 годъ, гдѣ исчисляются наши лучшіе повѣствователи: тамъ г. Авдѣевъ поставленъ наряду съ Гончаровымъ, Григоровичемъ, Писемскимъ, Тургеневымъ. Чтожь говорится въ февральской книжкѣ «Современника» за 1854 годъ? (*выписка*). А не угодно ли, мы скажемъ вамъ то, что «Современникъ» говорилъ въ 1851 году? Но, можетъ быть, рецензенту нѣтъ дѣла до мнѣній «Современ-

ника»? Въ такомъ случаѣ рецензенту не мѣшало бы подписать свое имя подъ статьей опровергающей мнѣніе журнала, въ которомъ онъ пишетъ. Мы ниже приведемъ, что говорилъ «Современникъ» въ 1851 году, теперь выпишемъ еще одно мѣсто, поражающее своею нецеремонностью, далеко нефешенэбльною (*выписка*: въ ней, какъ самыя нефешенэбльныя выраженія, подчеркнуты слова «Тамаринъ... *показалъ въ немъ способность къ развитію*... Ни одна изъ его повѣстей не можетъ назваться произведеніемъ *человѣка мыслящаго*»). Позвольте, г. мыслящій рецензентъ, замѣтить вамъ, что, кажется, вы понимаете мысль только тогда, когда она выражена въ видѣ сентенціи; иначе, какъ бы не видѣть мысли хоть бы и въ «Тамаринѣ» (тамъ рецензентъ былъ облегченъ «Введеніемъ», гдѣ изложена мысль произведенія) и въ другихъ повѣстяхъ г. Авдѣева? Но допустимъ, что въ нихъ нѣтъ новой мысли, пусть такъ. А какую особенную мысль рецензентъ найдетъ въ «Обыкновенной исторіи» или во «Снѣ Обломова» г. Гончарова, въ «Исторіи моего дѣтства» г. Л.—разсказахъ, увлекательныхъ? И наоборотъ: какую прелесть г. рецензентъ найдетъ въ драмѣ г. Потѣхина «Гувернантка», гдѣ въ основаніи лежитъ мысль умная, благородная? Отчего жъ такое презрѣніе къ мастерскому разсказу, который видѣнъ во всѣхъ произведеніяхъ г. Авдѣева? Вы, говорите, что г. Авдѣевъ исключительно является подражателемъ въ своемъ «Тамаринѣ». Но мы замѣтимъ... Впрочемъ зачѣмъ намъ говорить? Объ этомъ уже сказалъ свое мнѣніе «Современникъ» въ обозрѣніи литературы за 1850 годъ. Вотъ оно (мы извиняемся передъ читателемъ за длинныя выписки, но полагаемъ, читатель видитъ, какъ важны въ этомъ случаѣ цитаты изъ «Современника», который нѣкогда хвалилъ, а теперь бранитъ тѣхъ же самыхъ писателей) (*выписка*). Что послѣ этого сказать объ отзывахъ рецензента «Современника», рецензента, отъ котораго этотъ журналъ сталъ въ такое странное положеніе относительно своихъ собственныхъ мнѣній? Хвалить и отрицать всякое достоинство, говорить въ одно время и *да* и *нѣтъ*, не значитъ ли это не знать, что сказать о трехъ лучшихъ нашихъ писателяхъ? Хотѣлъ вычеркнуть изъ списка литераторовъ трехъ такихъ писателей, какъ гг. Островскій, Евгенія Туръ и Авдѣевъ, не значитъ ли брать на свои плечи тяжесть не по силамъ? И за что же такое нападеніе? вопросъ этотъ мы оставляемъ на разрѣшеніе самому читателю.

Для чего мы выписали это длинное мѣсто? Мы желаемъ, чтобы оно послужило образцомъ того, до какой степени нынѣшняя критика позабываетъ иногда о самыхъ элементарныхъ началахъ всякой критики. Наши замѣчанія будутъ говорить только о такихъ понятіяхъ, не сознавая которыхъ рѣшительно невозможно составить понятія о критикѣ. А между тѣмъ, пробѣжавъ наши замѣчанія, пусть потрудится читатель еще разъ прочитать выписку: при всевозможномъ вниманіи не найдетъ онъ никакого слѣда того, что недовольный нами критикъ имѣлъ въ виду эти понятія; они не отразились ни на одной фразѣ, ни на одномъ словѣ.

«Отечественныя Записки» недовольны «Современникомъ» за то, что онъ непослѣдователенъ, противорѣчитъ самъ себѣ. Непослѣдовательность «Современника» состоитъ въ томъ, что прежде онъ хвалилъ произведенія гг. Островскаго, Авдѣева и г-жи Туръ, а теперь позволилъ себѣ сдѣлать очень неблагопріятный отзывъ о произведеніяхъ тѣхъ же самыхъ писателей. Неужели же надобно объяснять, что такое послѣдовательность? Вопросъ дѣйствительно очень мудреный, едва ли не труднѣе примиренія «да» и «нѣтъ» въ одной статьѣ объ одной и той же книгѣ: потому попробуемъ изложить его самымъ важнымъ тономъ.

Послѣдовательность въ сужденіяхъ состоитъ въ томъ, чтобы о предметахъ одинаковыхъ сужденія были одинаковы. Напримѣръ, въ томъ, чтобы всѣ хорошія произведенія хвалить, всѣ плохія, по полнымъ претензіи, одинаково осуждать. Напр., хваля «Героя нашего времени», хвалить и «Пѣсню про Калашникова»; не отозваться о «Маскарадѣ» такъ же какъ о «Героѣ нашего времени» было бы не по-

слѣдовательно, потому что хотя въ заглавіи «Маскарада» выставлено то же имя, какъ на «Героѣ нашего времени», достоинство этихъ произведеній совершенно различно. Изъ этого осмѣлимся вывести правило: если хочешь быть послѣдовательнымъ, то смотри исключительно только на достоинство произведенія, и не стѣсняйся тѣмъ, хорошими или дурными находилъ ты прежде произведенія того же самаго автора; потому что одинаковы вещи бываютъ по существенному своему качеству, а не по клейму, наложенному на нихъ.

Отъ сужденій объ отдѣльныхъ произведеніяхъ писателя, мы должны перейти къ общему сужденію о значеніи всей литературной дѣятельности писателя. Послѣдовательность, конечно, будетъ требовать: одинаково хвалить писателей, имѣющихъ право на похвалу, и одинаково не хвалить не имѣющихъ. Съ теченіемъ времени все измѣняется; измѣняется и положеніе писателей въ отношеніи къ понятіямъ публики и критики. Какъ же поступить, если справедливость потребуетъ отъ журнала измѣнить сужденіе о писателѣ? какъ, напримѣръ, поступали «Отечественныя Записки»? Было время, когда онѣ очень высоко ставили Марлинскаго, и проч., и мы не хотимъ упрекать ихъ за то: общее мнѣніе объ этихъ писателяхъ было тогда таково; потомъ общественное мнѣніе о тѣхъ же самыхъ писателяхъ измѣнилось, можетъ быть, оттого что прошелъ первый пылъ, что ближе и хладнокровнѣе всмотрѣлись въ ихъ произведенія; можетъ быть оттого, что они сами стали писать не лучше и лучше, а хуже и хуже; оттого, говоря техническимъ языкомъ, что они «не оправдали надеждъ» (выраженіе, имѣющее въ нашемъ языкѣ почти столь же обширное примѣненіе, какъ занемогъ, умеръ и т. п.); можетъ быть оттого, что другіе писатели затмили ихъ — все равно, отчего бы то ни было, но мнѣніе пришлось измѣнить, и оно было измѣнено. Неужели послѣдовательность требовала продолжать поклоняться Марлинскому и другимъ. Какая же послѣдовательность была бы въ журналѣ, который бы считалъ себя обязаннымъ, сначала бывши ратникомъ за лучшее въ литературѣ, потомъ сдѣлаться ратникомъ за худшее, только изъ привязанности къ именамъ? Такой журналъ измѣнилъ бы себѣ. Не говоримъ уже о томъ, что онъ лишился бы своего почетнаго мѣста въ литературѣ, потерялъ бы всякое право на сочувствіе лучшей части публики, подвергся бы общему осмѣянію наравнѣ съ своими кліентами. Въ самомъ дѣлѣ, вообразимъ себѣ, что «Отечественныя Записки» въ 1844 или 1854 году продолжали бы называть, какъ называли въ 1839 году лучшими нашими писателями, авторовъ, признанныхъ посредственными, какое мѣсто въ литературѣ и журналистикѣ было бы занимаемо этимъ журналомъ?

Мы осмѣлимся ожидать, что и въ «Современникѣ» безпристрастными судьями будетъ почтено не виною, а — не хотимъ говорить достоинствомъ — по крайней мѣрѣ исполненіемъ обязанности не отставать отъ мнѣнія просвѣщенной части публики и требованій справедливости, измѣняющихся съ теченіемъ времени, если «Современникъ», говоря о г. X или Z въ апрѣлѣ 1854 года, будетъ думать болѣе о томъ, что по справедливости надобно сказать объ этомъ писателѣ теперь, нежели заботиться о томъ, чтобы сколько возможно буквальнѣе переписать тотъ самый отзывъ, который можно и должно было сдѣлать о произведеніяхъ этого писателя въ апрѣлѣ 1853, 1852 или 852 года. «Современникъ» надѣется, что ему не поставятъ въ вину равнымъ образомъ и того, если послѣдовательность понимаетъ онъ какъ вѣрность своимъ эстетическимъ требованіямъ, а не какъ слѣпую при-

вязанность къ стереотипнымъ повтореніямъ однѣхъ и тѣхъ же фразъ о писателѣ, отъ самаго его литературнаго отрочества до самой его литературной дряхлости. Что же дѣлать, если писатель «подававшій надежды», заслуживавшій симпатіи лучшей части публики и ободрительныхъ похвалъ критики, «не оправдалъ надеждъ», потерялъ право на симпатію и похвалы? «Говори, что надобно сказать теперь, а не то, что надобно было говорить прежде», и если твои приговоры будутъ основаны на однихъ началахъ, ты будешь послѣдователенъ, хотя бы сначала пришлось сказать тебѣ «да», а черезъ годъ «нѣтъ». Совершенно другое дѣло, если приговоръ однажды произнесенъ на основаніи однихъ началъ, а въ другой разъ на основаніи другихъ—тогда мы будемъ непослѣдовательны, хотя бы въ оба раза сказали одно и то же (напримѣръ: «одинъ романъ г-жи NN хорошъ, *потому что* въ немъ видна, сквозь экзальтацію, искренняя теплота чувства; стало быть и другой романъ г-жи NN хорошъ, *хотя* въ немъ видна только приторная экзальтація»). Но говорится, какъ мы видимъ, не объ этой измѣнѣ принципамъ, а просто о неодинаковости сужденій, о разныхъ произведеніяхъ однихъ писателей. Такое внѣшнее разнорѣчіе не всегда тяжкая вина; иногда отъ него зависитъ даже самая послѣдовательность и достоинство журнала. Но достоинство или недостатокъ—измѣненіе прежнихъ приговоровъ сообразно измѣненію въ достоинствѣ предметовъ, о которыхъ произносится приговоръ, во всякомъ случаѣ ни недостатковъ, ни достоинствъ нельзя признавать за собою, не разсмотрѣвъ, до какой степени справедливо они приписываются намъ. Взглянемъ же, какъ велика на самомъ дѣлѣ разница между прежними и нынѣшними мнѣніями «Современника» о гг. Островскомъ, Авдѣевѣ и г-жѣ Туръ; дѣйствительно ли она ставитъ «Современникъ» въ «рѣшительное противорѣчіе съ самимъ собою». Противорѣчіе отзывовъ «Современника» о комедіи г. Островскаго «Не въ свои сани не садись» заключается въ томъ, что Новый Поэтъ въ апрѣльской книжкѣ 1853 года, говорилъ:

«Комедія г. Островскаго имѣла блистательный и полный заслуженный успѣхъ на двухъ сценахъ: петербургской и московской. Въ ней люди грубые, простые, необразованные, но съ душою и съ прямымъ здравымъ смысломъ поставлены рядомъ съ людьми полуобразованными. Авторъ очень ловко воспользовался этимъ контрастомъ. Какъ прекрасны эти мужики въ своей простотѣ, и какъ жалокъ этотъ промотавшійся Вихоревъ. Все это превосходно и въ высшей степени вѣрно дѣйствительности. Русаковъ и Бородкинъ—это живыя лица, взятыя изъ жизни безъ всякихъ прикрасъ».

Въ февральской книжкѣ 1854 года сказано:

«Въ двухъ послѣднихъ произведеніяхъ г. Островскій впалъ въ приторное прикрашиванье того, что не можетъ и не должно быть прикрашиваемо. Произведенія вышли слабыя и фальшивыя».

Противорѣчіе между этими отдѣльными выписками рѣшительное; но оно совершенно сглаживается, если мы прочитаемъ ихъ въ связи съ тѣмъ, что имъ предшествуетъ въ той и другой статьѣ. Новый Поэтъ разсматриваетъ «Не въ свои сани не садись» въ отношеніи къ другимъ произведеніямъ нашего репертуара, говоритъ о превосходствѣ этой комедіи передъ другими, играющимися на Александринской сценѣ комедіями и драмами. Что касается до существеннаго достоинства «Не въ свои сани не садись», Новый Поэтъ, кажется, довольно ясно высказываетъ свое мнѣніе, прибавляя:

«Но несмотря на это, все-таки въ художественномъ отношеніи эта комедія не можетъ быть поставлена на ряду съ первою его комедіею («Свои люди — сочтемся»).

Вообще «Не въ свои сани не садись» произведеніе, не выходящее изъ ряда обыкновенныхъ талантливыхъ произведеній».

И такъ какъ статья изъ № II «Современника» нынѣшняго года сравниваетъ эту комедію, «не выходящую изъ ряда обыкновенныхъ произведеній» съ истинно замѣчательнымъ первымъ произведеніемъ г. Островскаго, то, называя ее «слабою», эта статья, кажется намъ, не впадаетъ въ противорѣчіе съ Новымъ Поэтомъ, говорящимъ, что «Не въ свои сани не садись» не можетъ быть поставлено на ряду съ «Своими людьми». Одна сторона противорѣчія—о художественномъ достоинствѣ комедіи—не существуетъ. Остается другое противорѣчіе: Новый Поэтъ назвалъ Бородкина и Русакова «живыми лицами, взятыми изъ дѣйствительности, безъ всякихъ прикрасъ»; черезъ годъ «Современникъ» говоритъ, что г. Островскій впалъ (въ комедіяхъ «Не въ свои сани не садись» и въ «Бѣдность не порокъ») «въ приторное прикрашиванье того, что не должно быть прикрашиваемо, и комедіи вышли фальшивыя». Здѣсь мы опять принуждены приняться за изложеніе элементарныхъ началъ, и объяснить, во первыхъ, что въ художественномъ произведеніи, общность котораго проникнута самымъ фальшивымъ воззрѣніемъ и которое поэтому до нестерпимости прикрашиваетъ дѣйствительность, отдѣльныя лица могутъ быть списаны съ дѣйствительности очень вѣрно, и безъ всякихъ прикрасъ. Или не распространяться объ этомъ? Вѣдь всѣ согласны, что напримѣръ, такъ и случилось въ «Бѣдность не порокъ»: Любимъ Торцовъ, безпутный пьяница съ добрымъ, любящимъ сердцемъ—лицо, сходныхъ съ которымъ найдется въ дѣйствительности очень много: а между тѣмъ «Бѣдность не порокъ» въ цѣломъ—произведеніе въ высшей степени фальшивое и прикрашенное; и главнымъ образомъ фальшивость и прикрашенность вносятся въ эту комедію именно лицомъ Любима Торцова, которое, отдѣльно взятое, вѣрно дѣйствительности. Это происходитъ оттого, что, кромѣ отдѣльныхъ лицъ, въ художественномъ произведеніи бываетъ общая идея, отъ которой (а не отъ однихъ отдѣльныхъ лицъ) и зависитъ характеръ произведенія. Есть такая идея и въ «Не въ свои сани не садись», но она еще довольно ловко прикрыта искусною обстановкою, и потому не была замѣчена публикою: замѣчавшіе фальшивость идеи въ этой комедіи напѣлись (изъ любви къ прекрасному таланту автора «Своихъ людей»), что эта идея—мимолетное заблужденіе автора, можетъ быть даже невѣдомо отъ самого художника вкравшееся въ его произведеніе; потому и не хотѣли говорить объ этой прискорбной сторонѣ безъ крайней необходимости; а необходимости не было, потому что идея, искусно спрятанная подъ выгодною обстановкою (противопоставленіемъ Русакова и Бородкина Вихореву, пустѣйшему негодяю), не была замѣчена почти никѣмъ, не произвела впечатлѣнія и, слѣдовательно, не могла еще имѣть вліянія: изобличать ее, казнить ее не было поэтому никакой еще надобности. Но вотъ явилась «Бѣдность не порокъ»; фальшивая идея смѣло сбросила всякое прикрытіе болѣе или менѣе двусмысленною обстановкою, явилась твердымъ, постояннымъ принципомъ автора, была шумно провозглашена за животворную истину, была замѣчена всѣми, и, если не ошибаемся, произвела очень сильное неудовольствіе во всей здравомыслящей части общества. «Современникъ» почувствовалъ обязанность обратить вниманіе на эту идею и дать, по мѣрѣ возможности, выраженіе общему чувству. Заговоривъ о идеѣ «Бѣдность не порокъ», «Современникъ» считалъ не лиш-

нимъ сказать два-три слова о прежнихъ произведеніяхъ автора, и, и само собою разумѣется, долженъ былъ сказать, что «Не въ свои сани не садись», была предшественникомъ «Бѣдность не порокъ», чего, конечно, не будетъ нынѣ отрицать никто; идея «Не въ свои сани не садись», теперь объясненная для всѣхъ читателей послѣднею комедіею г. Островскаго, уже не могла быть пройдена молчаніемъ, какъ это возможно было прежде, когда она не имѣла никакого значенія для публики, и къ прежнему отзыву о вѣрности нѣкоторыхъ лицъ комедіи (чего и не думалъ отрицать разборъ «Бѣдность не порокъ») пришлось прибавить, что идея комедіи фальшива.

Что касается до отзывовъ «Современника» о г. Авдѣевѣ и г-жѣ Туръ, то противорѣчіе исчезаетъ даже безъ всякихъ объясненій—стоитъ только сличить мимо противорѣчащіе отзывы. «Современникъ» находилъ изряднымъ романъ г-жи Туръ «Племянницу» и находитъ дурнымъ черезъ три года написанный ею романъ «Три поры жизни», ни слова не говоря о другихъ произведеніяхъ этой писательницы; гдѣ же тутъ противорѣчіе? Выписки изъ послѣдняго отзыва не представляемъ, по рѣшительной ненужности ея для объясненія дѣла: просмотрѣвъ № V «Современника» за нынѣшній годъ, читатели могутъ убѣдиться, что наша рецензія послѣдняго романа не говоритъ ни одного слова о «Племянницѣ», «Долгѣ», «Ошибкѣ», и потому не можетъ никакимъ образомъ противорѣчить какому бы то ни было отзыву объ этихъ произведеніяхъ. Остается только попросить читателей взглянуть на статью о «Племянницѣ» (№ I «Современника» за 1852 г.); просмотрѣвъ ее, читатели увидятъ, какъ много и тогда уже «Современникъ» принужденъ былъ говорить о недостаткахъ таланта г-жи Туръ; правда, въ этой статьѣ сказано, что есть сходство между хорошими сторонами таланта г-жи Туръ и талантомъ г-жи Ганъ, и что «блестящія надежды, возбужденныя г-жею Туръ, оправдались на столько, что перестали быть надеждами и сдѣлались достояніемъ нашей литературы», но эти похвалы (болѣе снисходительныя и деликатныя, нежели положительныя, какъ убѣждаетъ весь тонъ статьи) далеко перевѣшиваются мѣстами, подобными слѣдующему:

«У нея (г-жи Туръ), по поводу истинъ всѣмъ извѣстныхъ, является тонъ, полувосторженный, полупоучительный, какъ будто она сама только что ихъ открыла, но и *это можетъ статься*. Но и это можно извинить. *Таланта*, того независимаго таланта, о которомъ мы говорили въ началѣ статьи, въ г-жѣ Туръ или *нѣтъ* или очень мало; ея талантъ лирическій... *неспособный создавать* самостоятельные *характеры* и типы. Слогъ г-жи Туръ небреженъ; рѣчь ея *болтлива*, почти водяниста... Непріятно намъ было встрѣчать на иныхъ страницахъ «Племянницы» слѣды реторики, что-то такое, отъ чего пахло «Собраніемъ образцовыхъ сочиненій», какія-то претензіи на сочинительство, на литературныя украшенія» («Современникъ». 1852 г. № I. критика, статья г. И. Т.).

Спрашиваемъ, что къ этимъ упрекамъ прибавлено новаго въ отзывѣ о «Трехъ порахъ жизни»? Ровно ничего; вмѣсто обвиненія въ противорѣчіи, скорѣе можно было обвинять рецензента этого послѣдняго романа въ томъ, что онъ слишкомъ пропитался статьею г. И. Т. Правда, рецензентъ не могъ повторить тѣхъ похвалъ, которыми смягчены упреки въ статьѣ г. И. Т., но что же дѣлать? достоинства «Племянницы» померкли до незамѣтности, а недостатки развились до крайности въ «Трехъ порахъ жизни».

Но болѣе всего «Отечественныя Записки» недовольны отзывомъ «Совре-

менника» о сочиненіяхъ г. Авдѣева («Современникъ» 1854 № 2). Этимъ отзывомъ «Современникъ» сталъ въ «самое странное противорѣчіе съ самимъ собою, потому что (признаемся это «потому что» очень трудно понять) теперь «Современникъ» говоритъ, что у г. Авдѣева замѣчательный талантъ разсказчика», а прежде «причислялъ г. Авдѣева къ нашимъ лучшимъ повѣствователямъ», именно въ 1850 году говорилъ:

«Въ первыхъ произведеніяхъ г. Авдѣева найдемъ явные признаки таланта (*досадная осторожность! почему бы не сказать «блестящій талантъ?» нѣтъ, только «признаки» его*). Лучшимъ доказательствомъ, что г. Авдѣевъ силенъ не одною подражательною способностью (*а! такъ уже и до 1850 года находили, что г. Авдѣевъ пока силенъ только подражательною способностью!*) послужила идиллія г. Авдѣева «Ясные дни». Эта повѣсть очень мила, въ ней много теплаго, искренняго чувства (*А ясности понятій о мірѣ и людяхъ много? Вѣроятно нѣтъ, если это достоинство не выставлено на видъ—а рецензія которою недовольны «Отеч. Записки», нападаетъ на этотъ недостатокъ*). Прекрасный языкъ, которымъ постоянно пишетъ г. Авдѣевъ вѣроятно замѣченъ своими читателями».

Попросимъ читателя просмотрѣть разборъ, который будто бы противорѣчитъ этому отзыву—и мы не знаемъ, найдутъ ли читатели, не говоримъ, противорѣчія, а хоть какое нибудь разногласіе въ немъ съ этою выпискою изъ прежняго отзыва. Прежде «Современникъ» причислялъ г. Авдѣева къ лучшимъ нашимъ повѣствователямъ—но и послѣдняя рецензія начинается именно словами: «Г. Авдѣевъ милый, пріятный разсказчикъ» и т. д. въ этомъ родѣ; на слѣдующей страницѣ (41) опять читаемъ: «Г. Авдѣевъ—полная честь ему за это — хорошій, очень хорошій разсказчикъ»: послѣ многократныхъ повтореній той же фразы, кончается рецензія словами (стр. 53) «онъ обнаружилъ несомнѣнный талантъ разсказчика»... и предположеніемъ что, при соблюденіи извѣстныхъ условій, «онъ дастъ намъ много истинно прекраснаго» (самыя послѣднія слова рецензіи). Прежній отзывъ говоритъ, что въ «Ясныхъ дняхъ» нѣтъ подражанія—и послѣдняя рецензія не думаетъ подвергать этого сомнѣнію; прежній отзывъ не думаетъ отрицать, что «Тамаринъ» подражаніе: и послѣдняя рецензія доказываетъ это; прежній отзывъ видитъ въ «Ясныхъ дняхъ» теплоту чувства—и послѣдняя рецензія не подвергаетъ это ни малѣйшему сомнѣнію, называя лица этой идилліи «любимцами» г. Авдѣева, людьми ему «милыми». Намъ кажется, что противорѣчія во всемъ этомъ нѣтъ ни капли. Намъ кажется даже, что скорѣе можно обвинить послѣднюю рецензію въ слишкомъ щепетильномъ изученіи прежнихъ отзывовъ, точно также, какъ можно обвинить и разборъ романа г-жи Туръ «Три поры жизни» въ слишкомъ близкомъ сходствѣ съ статьею г. И. Т. о «Племянницѣ».

Однимъ словомъ всякій, кто внимательно сличитъ съ прежними отзывами «Современника» рецензіи, которыми такъ недовольны иные, найдетъ между этими рецензіями и прежними отзывами не противорѣчіе а самую обыкновенную между статьями одного и того же журнала однаковость во взглядѣ. И хотя очень пріятно было бы «Современнику» какъ можно чаще давать своимъ читателямъ статьи, отличающіяся новостью взгляда, но онъ долженъ признаться, что этимъ-то именно достоинствомъ всего менѣе отличаются рецензіи, вызвавшія неудовольствіе. И мы свое элементарное изложеніе понятій о послѣдовательности

должны заключить отвѣтомъ, какой дѣлали въ свое время сами «Отечественныя Записки» на подобныя неудовольствія противъ нихъ за новизну, будто бы, мнѣній о значеніи разныхъ знаменитостей нашей литературы, именно: «Мнѣнія, о которыхъ идетъ рѣчь, «*не новы и не оригинальны*», —особенно для читателей «Современника». Чѣмъ же они могли привлечь на себя нерасположеніе»? Неужели тѣмъ, что высказаны прямо, безъ обиняковъ, недомолвокъ и оговорокъ? Не тѣмъ ли, что сказавъ: «Тамаринъ—подражаніе», мы не прибавили, по обыкновенію, укореняющемуся съ нѣкотораго времени въ нашей критикѣ: «впрочемъ, мы этимъ не хотимъ сказать, что г. Авдѣевъ въ «Тамаринѣ» былъ подражателемъ; мы находимъ въ этомъ романѣ много самостоятельнаго и съ тѣмъ вмѣстѣ прекраснаго» и т. д.; сказавъ «Три поры жизни»—экзальтированный романъ безъ всякаго содержанія», не прибавили: «впрочемъ, въ немъ очень много свѣтлаго и спокойнаго пониманія жизни, и еще больше многозначительныхъ идей, свидѣтельствующихъ о томъ, что авторъ не даромъ думалъ о многомъ? и не тѣмъ ли, что не прибавили къ этому общихъ мѣстъ о «несомнѣнныхъ дарованіяхъ», о томъ, что разбираемыя книги «составляютъ отрадное явленіе въ русской литературѣ» и т. д.? Если такъ, то отвѣтъ на это уже есть готовый въ «Отечественныхъ Запискахъ»: «Въ нашей критикѣ замѣтно владычество общихъ мѣстъ, литературное низкопоклонничество живымъ и мертвымъ, лицемѣрство въ сужденіяхъ. Думаютъ и знаютъ одно, а говорятъ другое». Напомнивъ это мѣсто, мы перейдемъ къ изложенію «самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ понятій» о томъ, что такое критика и до какой степени она должна быть уклончива и можетъ обходиться безъ прямоты,—перейдемъ къ ученію о томъ, до какой степени хорошо дѣлаетъ критика, когда по выраженію «Отечественныхъ Записокъ», говоритъ «голосомъ обезоруживающимъ» даже при несправедливости, своею смиренностью.

II.

Полемическая форма въ нашей статьѣ—только средство заинтересовать сухимъ и слишкомъ незамысловатымъ предметомъ тѣхъ, которые не любятъ сухихъ предметовъ, какъ бы они важны ни были, и считаютъ ниже своего достоинства обращать хоть отъ времени до времени къ размышленію о простыхъ вещахъ свое вниманіе, постоянно занятое «живыми и важными» вопросами искусства (напримѣръ, о томъ, какъ велико достоинство какого нибудь дюжиннаго романа). Теперь мы можемъ оставить эту форму, потому что читатель, пробѣжавшій болѣе половины статьи, вѣроятно не оставитъ безъ вниманія и ея окончанія. Мы будемъ прямо излагать основныя понятія, напомнить о которыхъ мы считали нужнымъ.

Критика есть сужденіе о достоинствахъ и недостаткахъ какого нибудь литературнаго произведенія. Ея назначеніе — служить выраженіемъ мнѣнія лучшей части публики и содѣйствовать дальнѣйшему распространенію его въ массѣ. Само собою разумѣется, что эта цѣль можетъ быть достигаема сколько нибудь удовлетворительнымъ образомъ только при всевозможной заботѣ о ясности, опредѣленности и прямотѣ. Что за выраженіе общественнаго мнѣнія выраженіе обоюдное, темное? Какимъ образомъ дастъ критика возможность познакомиться съ этимъ мнѣніемъ,

объяснитъ его массѣ, если сама будетъ нуждаться въ поясненіяхъ и будетъ оставлять мѣсто недоразумѣніямъ и вопросамъ: «да что же вы думаете въ самомъ-то дѣлѣ, г. критикъ? да въ какомъ же смыслѣ надобно понимать то, что говорите г. критикъ? Поэтому критика вообще должна сколько возможно избѣгать всякихъ недомолвокъ, оговорокъ, тонкихъ и темныхъ намековъ и всѣхъ тому подобныхъ околичностей, только мѣшающихъ прямотѣ и ясности дѣла. Русская критика не должна быть похожа на щепетильную, тонкую, уклончивую и пустую критику французскихъ фельетоновъ: эта уклончивость и мелочность не во вкусѣ русской публики, нейдетъ къ живымъ и яснымъ убѣжденіямъ, которыхъ требуетъ совершенно справедливо отъ критики наша публика. Слѣдствія уклончивыхъ и позолоченныхъ фразъ всегда были и будутъ у насъ одинаковы: сначала эти фразы вводятъ въ заблужденіе читателей, иногда относительно достоинства произведеній, всегда относительно мнѣній журнала о литературныхъ произведеніяхъ, потомъ публика теряетъ довѣріе къ мнѣніямъ журнала: и потому всѣ наши журналы, желавшіе, чтобы ихъ критика имѣла вліяніе и пользовалась довѣріемъ, отличалась прямотою, неуклончивостью, неуступчивостью (въ хорошемъ смыслѣ) своей критики, называвшей всѣ вещи—сколько то было возможно—прямыми ихъ именами, какъ бы жестки ни были имена. Приводить примѣры считаемъ излишнимъ: одни въ памяти у всѣхъ, другіе мы напомнили, говоря о старыхъ разборахъ сочиненій Погорѣльскаго. Но какже надобно судить о рѣзкости тона? Хороша ли она? даже позволительна ли она? Что отвѣчать на это? c'est selon; каковъ случай и какова рѣзкость. Иногда безъ нея не можетъ обойтись критика, если хочетъ быть достойною имени живой критики, которую, какъ извѣстно, можетъ писать только живой человѣкъ, то есть способный проникаться и антузіазмомъ, и сильнымъ негодованіемъ,—чувства, которыя, какъ тоже всѣмъ извѣстно, изливаются не въ холодной и вялой рѣчи, не такъ, чтобы никому отъ ихъ изліянія не было ни тепло, ни холодно. Примѣры указывать опять считаемъ излишнимъ уже и потому, что у насъ есть пословица: «кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ». А для осязательнаго доказательства, какъ необходима иногда бываетъ въ живой критикѣ рѣзкость тона, предположимъ еще такой случай (еще не изъ самыхъ важныхъ). Та манера писать, которая была изгнана изъ употребленія ѣдкими сарказмами дѣльной критики, начинаетъ опять входить въ моду, вслѣдствіе различныхъ причинъ, между прочимъ и ослабленія критики, быть можетъ, увѣренной, что цвѣтистое пустословіе не можетъ оправиться отъ нанесенныхъ ему ударовъ. Вотъ опять, какъ во времена Марлинскаго и Полевого, появляются на свѣтъ, читаются большинствомъ, одобряются и ободряются многими литературными судьями произведенія, состоящія изъ набора реторическихъ фразъ порожденныя «пѣнной мысли раздраженьемъ», ненатуральною экзальтаціею, отличающіяся прежнею приторностью, только съ новымъ еще качествомъ—шаликовскою граціозностью, миловидностью, нѣжностью, мадригальностью; появляются даже какія-то новыя «Марьины рощи» съ Услады; и эта реторика, оживши въ худшемъ видѣ, опять угрожаетъ наводнить литературу, вредно подѣйствовать на вкусъ большинства публики, заставить большинство писателей опять забыть о содержаніи, о здоровомъ взглядѣ на жизнь, какъ существенныхъ достоинствахъ литературнаго произведенія. Предположивъ такой случай (а бываютъ еще болѣе горькіе), спрашиваемъ: обязана ли критика вмѣсто изобличеній писать мадригалы этимъ хилымъ но опаснымъ явленіямъ? или она можетъ поступать въ отношеніи къ новымъ бо-

лѣзненнымъ явленіямъ такъ, какъ въ свое время было поступаемо относительно подобныхъ явленій, и безъ околичностей говорить, что въ нихъ нѣтъ ничего хорошаго? Вѣроятно, не можетъ. Почему же? Потому что «талантливый авторъ, не могъ написать дурного сочиненія». Да развѣ Марлинскій былъ талантливъ менѣе нынѣшнихъ эпигоновъ? Развѣ «Марьину рощу» написалъ не Жуковскій? А скажите, что хорошаго въ «Марьиной рощѣ»? И за что можно похвалить произведеніе безъ содержанія, или съ дурнымъ содержаніемъ? «Но оно написано хорошимъ языкомъ». За хорошій языкъ можно было прощать жалкое содержаніе тогда, когда главною потребностью нашей литературы было выучиться писать не тарабарскимъ языкомъ. Восемьдесять лѣтъ тому назадъ было особенною честью для человѣка знаніе ороографіи; и дѣйствительно, тогда кто умѣлъ ставить на мѣстѣ букву ѣ, тотъ по справедливости могъ назваться образованнымъ человѣкомъ. Но не совѣстно ли было бы теперь знаніе правописанія ставить въ особенную заслугу кому нибудь, кромѣ Вити, выведеннаго г. Островскимъ? Писать дурнымъ языкомъ—теперь недостатокъ; умѣнье писать недурно теперь не составляетъ особеннаго достоинства. Припомнимъ выписанную нами въ статьѣ о Погорѣльскомъ фразу «Телеграфа»: «Неужели за то прославляютъ «Монастырку», что она гладенько написана?» и оставимъ составителю «Памятнаго листка ошибокъ въ русскомъ языкѣ» пріятную и многотрудную обязанность выдавать похвальные листы за искуство писать удовлетворительнымъ языкомъ. Эта раздача отняла бы слишкомъ много времени у критика, да и вовлекла бы въ слишкомъ большіе расходы на бумагу: сколько стопъ потребовалось бы для похвальныхъ листовъ, если награждать всѣхъ достойныхъ?

Возвратимся однако къ вопросу о рѣзкости отзывовъ. Позволительна ли неподслащенная прямота осужденія, когда дѣло идетъ о произведеніи «извѣстнаго» писателя?—Неужели вы хотите, чтобы позволялось «нападать развѣ уже на самаго круглаго и беззащитнаго сироту»? Развѣ во всеоружіи бранномъ, съ каленными стрѣлами сарказма идти на бой противъ какого нибудь бѣднаго Макара, на котораго всѣ шишки валятся? Если такъ, отдайте же свое критическое кресло тѣмъ гоголевскимъ господамъ, которые «хвалятъ Пушкина и съ остроумными колкостями говорятъ объ А. А. Орловѣ».—Да виноваты: мы начали писать неясно и неубѣдительно; мы позабыли о своемъ намѣреніи—всегда начинать съ самаго начала. Пополняемъ опущеніе. Критика достойная своего имени пишется не для того, чтобы господинъ критикъ щеголялъ остроуміемъ, не для того, чтобы доставить критику славу водевильнаго куплетиста, возвеселяющаго публику своими каламбурцами. Остроуміе, ѣдкость, жолчь, если ими владѣетъ критикъ, должны служить ему орудіемъ для достиженія серьезной цѣли критики—развитія и очищенія вкуса въ большинствѣ его читателей, должны только давать ему средство соотвѣтственнымъ образомъ выражать мнѣнія лучшей части общества. А развѣ общественное мнѣніе интересуется вопросами о достоинствѣ писателей, никому неизвѣстныхъ, ни кѣмъ не почитаемыхъ за «прекрасныхъ писателей»? Развѣ лучшая часть общества возмущается тѣмъ, что какой нибудь ученикъ Ѳедота Кузмичева или А. А. Орлова написалъ новый романъ въ четырехъ частяхъ по 15 страничекъ каждая? Развѣ «Любовь и вѣрность» или «Страшное мѣсто» (см. Библіографію этой книжки «Современника») или «Похожденія Георга милорда англійскаго» портятъ вкусъ публики? Если хотите, изощряйте и надъ ними свое остроуміе, но помните, что вы занимаетесь въ такомъ случаѣ «журнальнымъ пересыпаньемъ изъ пустого въ порожнее», а не критикою.

«Но строгимъ осужденіемъ можетъ огорчиться авторъ»—это другое дѣло; если вы человѣкъ, не любящій огорчать ближняго, то не нападайте уже ни на кого, потому что и малоизвѣстнаго автора, столько же, сколько самаго знаменитаго, огорчитъ указаніе недостатковъ его литературнаго дѣтища. Если вы думаете, что говорить кому нибудь непріятное нельзя ни въ какомъ случаѣ, ни для какого блага, то положите на уста ваши палецъ молчанія, или откройте ихъ за тѣмъ, чтобы доказывать, что всякая критика вредна, потому что всякая кого нибудь огорчаетъ. Но не торопитесь осуждать безусловно всякую критику. Каждый согласится, что справедливость и польза литературы выше личныхъ ощущеній писателя. А жаръ нападенія долженъ быть соразмѣренъ степени вреда для вкуса публики, степени опасности, силѣ вліянія, на которые вы нападаете. Слѣдовательно, если передъ вами два романа, отличающихся фальшивою экзальтаціею и сантиментальностью, и одинъ изъ нихъ носитъ имя неизвѣстное, а другой имя, пользующееся вѣсомъ въ литературѣ, то на который вы должны напасть съ большею силою? На тотъ, который болѣе важенъ, т. е. вреденъ для литературы. Перенесемся за шестьдесятъ лѣтъ назадъ. Вы нѣмецкій критикъ. Передъ вами лежитъ превосходная въ художественномъ отношеніи, но приторная «Herman und Dorothea» Гете и какая нибудь другая идиллическая поэма какого нибудь посредственнаго писаки, довольно складно написанная, и столько же приторная, какъ «художественно-прекрасное созданіе» великаго поэта. На которую изъ этихъ двухъ поэмъ должны вы напасть со всѣмъ жаромъ, если вы считаете (какъ всякій умный человѣкъ) приторное идеальничанье очень вредною для нѣмцевъ болѣзнью? И которую поэму вы можете разобрать уступчивымъ, мягкимъ и можетъ быть даже ободрительнымъ тономъ? Одна изъ нихъ пройдетъ незамѣченною, безвредною, несмотря на вашъ уступчивый отзывъ; другая вотъ уже 57 лѣтъ восхищаетъ нѣмецкую публику. Очень хорошо поступили бы вы, еслибъ, бывши нѣмецкимъ критикомъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, излили всю жолчь негодованія на эту вредную поэму, отказались бы на время слушаться мягкихъ внушеній вашего глубокаго уваженія къ имени того, кто былъ славою нѣмецкаго народа, не побоялись бы упрековъ въ запальчивости, въ опрометчивости, въ неуваженіи къ великому имени, и холодно и коротко сказавъ, что поэма написана очень хорошо (на это найдутся сотни перьевъ и кромѣ вашего), какъ можно яснѣе и рѣзче напали бы на вредную сантиментальность и пустоту ея содержанія, постарались бы на сколько силъ вашихъ достаетъ доказать, что поэма великаго Гете жалка и вредна по содержанію, по направленію. Говорить о произведеніи Гете такимъ образомъ было бы, конечно, не легко для васъ: и вамъ самимъ горько возставать на того, кого хотѣли бы вы вѣчно прославлять, и дурно подумаютъ о васъ многіе. Но что же дѣлать? Того требуетъ отъ васъ обязанность.

Какой патетическій тонъ! мы забыли, что Гете между нашими литераторами давно уже не отыскивалось, слѣдовательно русской современной критикѣ приходится говорить только о такихъ писателяхъ, которые болѣе или менѣе близки къ простымъ смертнымъ, и, вѣроятно, геройской рѣшимости вовсе не нужно для того, чтобы осмѣлиться, когда кто нибудь изъ нихъ напишетъ плохое произведеніе, назвать произведеніе плохимъ безъ всякихъ околичностей и оговорокъ, а когда кто нибудь выскажетъ это мнѣніе, то не огорчаться его ужаснымъ дерзновеніемъ.

Потому намъ кажется, что если находить недостатки напр. въ рецензіи «Современника» о «Трехъ порахъ жизни», то надобно было бы выставлять на видъ

не то, что знаменитый авторъ этого романа стоитъ выше критики, а напротивъ, развѣ уже то, что едва ли стоило много толковать о такой книгѣ, которой, по всей вѣроятности, вовсе не суждено надѣлать шуму въ публикѣ. И намъ кажется, что читатели могли быть не совсѣмъ довольны нашею длинною рецензіею за ея длинноту; они могутъ думать, что было бы гораздо лучше и было бы совершенно достаточно ограничиться двумя-тремя словами, напр. хоть только тѣми, которыя выписываютъ «Отечественныя Записки» (въ «Трехъ порахъ» нѣтъ ни мысли, ни правдоподобія въ характерахъ, ни вѣроятности въ ходѣ событій; есть только страшная аффектація, представляющая все какъ разъ навыворотъ противъ того, какъ бываетъ на бѣломъ свѣтѣ. Надъ всѣмъ этимъ господствуетъ неизмѣримая пустота содержанія); но «Современникъ» вовсе не потому и распространялся объ этомъ романѣ, что романъ самъ по себѣ стоитъ большого вниманія, — намъ казалось, что онъ заслуживаетъ нѣкотораго вниманія, какъ одинъ изъ многихъ подобныхъ ему аффектированныхъ романовъ, число которыхъ размножилось въ послѣднее время очень замѣтно. Что входитъ въ моду, то должно подвергнуться ближайшему разсмотрѣнію уже по этому обстоятельству, хотя бы и не заслуживало того по своему существенному значенію. И это подаетъ намъ случай пожалѣть о томъ, что въ послѣдніе годы наша литература развивалась слишкомъ медленно; а какъ значительно бывало прежде развитіе ея въ теченіе пяти-шести лѣтъ! Но, скажите, на много ли ушла она впередъ со времени появленія «Племянницы», «Тамарина» и особенно прекраснаго произведенія г. Островскаго «Свои люди—сочтемся»? И по этому-то самому застою литературы сужденія «Современника» о г. Авдѣевѣ и г-жи Туръ въ 1854 году не могли значительно разниться отъ мнѣній его объ этихъ писателяхъ въ 1850 году. Мало измѣнилась литература, мало измѣнилось и положеніе писателей въ литературѣ.

А все-таки застой въ литературѣ былъ не совершенный—нѣкоторые писатели (напримѣръ, г. Григоровичъ, съ которымъ иные продолжаютъ ставить на ряду г. Авдѣева, какъ ставили прежде) двинулись впередъ, заняли въ литературѣ гораздо болѣе видное мѣсто, нежели въ 1850 году; другіе, напримѣръ г-жа Туръ, еще значительнѣе подвинулись назадъ; третьи, немногіе, какъ г. Авдѣевъ, остались совершенно на прежнемъ мѣстѣ; слѣдовательно прежніе ряды уже разстроились, образовались новые. И теперь для всякаго читателя показалось бы смѣшно, если бы стали ставить на ряду, напримѣръ, съ г. Григоровичемъ г. Авдѣева и тѣмъ болѣе г-жу Туръ. До нѣкоторой степени понятія объ этихъ послѣднихъ измѣнились. И развѣ (будемъ говорить только о г. Авдѣевѣ), развѣ каждый читатель не скажетъ теперь, что при появленіи первыхъ произведеній г. Авдѣева должно было надѣяться отъ него гораздо большаго, нежели до сихъ поръ онъ могъ произвести? Развѣ не всякій говоритъ, что до сихъ поръ онъ «еще не оправдалъ надеждъ»? а прошло уже лѣтъ пять или шесть, онъ написалъ уже пять или шесть повѣстей, пора было бы оправдать эти надежды. И если отъ него надобно дѣйствительно ожидать чего-нибудь лучшаго (надежда, которую мы раздѣляемъ и которую выразили въ своей статьѣ), то не пора ли, не давно ли уже пора обратить вниманіе «дѣйствительно даровитаго» разсказчика на то, что до сихъ поръ онъ еще *ничего* не сдѣлалъ для упроченія своей извѣстности? Когда онъ издастъ всѣ свои произведенія за пять или за шесть лѣтъ, не должно ли обратить его вниманіе на существенные недостатки всѣхъ его произведеній (отсутствіе мысли и безотчетность, съ какою разливаетъ онъ свое теплое чувство)? Къ счастію, исправить эти недостатки «онъ можетъ,

если ему будетъ угодно» (счастливое выраженіе!) потому-то и надобно яснѣе выставить ихъ ему на видъ —это можетъ быть небезполезнымъ. Другое дѣло коренная испорченность (истиннаго или предполагаемаго?) таланта — этому едва ли можно пособить, какъ ни указывай недостатки; потому-то въ одной изъ трехъ рецензій (не о «Тамаринѣ» или «Бѣдность не порокъ»), о которыхъ идетъ рѣчь, «Современникъ» и не высказалъ никакихъ надеждъ. Но недостатки, которыми страждетъ талантъ г. Авдѣева, могутъ исчезнуть, если онъ этого серьезно захочетъ, оттого, что лежатъ не въ сущности его дарованія, а въ отсутствіи тѣхъ необходимыхъ для плодовитаго развитія таланта качествъ, которыя не даются природою, какъ дается талантъ; которыя даются иному тяжелымъ опытомъ жизни, иному наукою, иному обществомъ, въ которомъ онъ живетъ; на эти условія «Современникъ» старался обратить вниманіе г. Авдѣева всею своею рецензіею и по возможности ясно высказалъ ихъ въ концѣ. Жалѣемъ, что не можемъ начать толковать о нихъ здѣсь, отчасти уже и потому, что это значило бы повторять сказанное очень еще недавно. Но всѣ толки объ этихъ «простыхъ и обыкновенныхъ понятіяхъ, о какихъ уже не толкуютъ ни въ одной литературѣ», приводятъ насъ къ тому, чтобы сказать два-три слова о томъ, что такое «мысль» — понятіе, приводящее въ недоумѣніе нѣкоторыхъ, конечно, очень немногихъ, и о которомъ поэтому считаемъ достаточнымъ сказать только два-три слова, не распространяясь относительно предмета столь общеизвѣстнаго.

«Что такое «мысль» въ поэтическомъ произведеніи?» Какъ бы это объяснить просто и коротко? Вѣроятно, всякому случалось замѣчать разницу между людьми, разговоръ которыхъ приходилось ему слышать. Просидишь два часа съ нимъ человѣкомъ—и чувствуешь, что провелъ время не даромъ: находишь по окончаніи бесѣды, что или узналъ что-нибудь новое, или сталъ яснѣе смотрѣть на вещи, или сталъ больше сочувствовать хорошему, или живѣе оскорбляться дурнымъ, или чувствуешь побужденіе подумать о чемъ нибудь. Послѣ иной бесѣды ничего такого не бываетъ. Поговоришь, кажется, столько же времени и, кажется о тѣхъ же самыхъ предметахъ, только съ человѣкомъ другого разбора, — и чувствуешь, что изъ его разсказовъ не вынесъ ровно ничего, все равно, какъ будто бы занимался съ нимъ не разговоромъ, а пусканьемъ мыльныхъ пузырей, все равно, какъ будто бы и не говорилъ. Неужели надобно объяснить, почему это такъ? потому, что одинъ собесѣдникъ либо человѣкъ очень образованный, либо человѣкъ, видавшій многое на своемъ вѣку и видавшій не безъ пользы для себя, «бывалый» человѣкъ, либо человѣкъ призадумывавшійся надъ чѣмъ-нибудь; а другой собесѣдникъ — то, что называется «пустой» человѣкъ. Неужели должно пускаться въ доказательства и объясненія, что книги раздѣляются на такіе же два разряда, какъ и разговоры? Однѣ бываютъ «пустыя», — иногда съ этимъ вмѣстѣ и надутыя — другія «непустыя»: и вотъ о непустыхъ-то и говорится, что въ нихъ есть «мысль». Мы думаемъ, что если позволительно смѣяться надъ пустыми людьми, то, вѣроятно, позволительно смѣяться и надъ пустыми книгами; что если позволительно говорить: «не стоитъ вести и слушать пустыхъ разговоровъ», то вѣроятно, позволительно и говорить «не стоитъ писать и читать пустыхъ книгъ».

Прежде постоянно требовалось отъ поэтическихъ произведеній «содержаніе»; наши нынѣшнія требованія, къ сожалѣнію, должны быть гораздо умѣреннѣе, и потому мы готовы удовлетвориться даже и «мыслью», т. е. самымъ стремленіемъ къ

содержанію, вѣяніемъ въ книгѣ того субъективнаго начала, изъ котораго возникаетъ «содержаніе». Впрочемъ, быть можетъ, надобно объяснять, что такое «содержаніе»? Но мы вѣдь пишемъ о многотрудныхъ вопросахъ, а ученые трактаты не могутъ обходиться безъ питатъ. Потому напомнимъ слова «Отечественныхъ Записокъ»:

«Иной пожалуй скажетъ, что эти слова употреблялись еще въ «Вѣстникѣ Европы», въ «Мнемозинѣ», въ «Атенеѣ» и проч., были всѣмъ понятны назадъ тому лѣтъ двадцать и не возбуждали ничьего ни удивленія, ни негодованія. Увы! что дѣлать! До сихъ поръ мы жарко вѣрили ходу впередъ, а теперь приходится намъ повѣрить движенію назадъ».

Хуже всего въ этомъ отрывкѣ то, что онъ совершенно справедливъ. Поэтому жалѣемъ, что «Обыкновенная исторія» и «Тамаринъ» или «Ясные дни» явились не за двадцать лѣтъ назадъ: тогда поняли бы, какое огромное различіе между этими произведеніями. Поняли бы, конечно, и то, что въ основаніи драмы г. Потѣхина «Гувернантка» (т. е. «Братъ и сестра?) лежитъ мысль фальшивая и аффектированная, какъ это, впрочемъ, уже и было доказано «Современникомъ».

Возвратимся, однако, опять къ «рѣзкости» тона. Мы говорили, что во многихъ случаяхъ это единственный тонъ, приличный критикѣ, понимающей важность предмета и не холодно смотрящей на литературные вопросы. Но мы также сказали, что рѣзкость бываетъ разныхъ родовъ и до сихъ поръ говорили только объ одномъ случаѣ,—томъ, когда рѣзкость тона происходитъ оттого, что мысль справедливая выражается прямо и по возможности сильно безъ оговорокъ. Другое дѣло — неразборчивость въ словахъ; ее, разумѣется, не хорошо позволять себѣ, потому что быть грубымъ значитъ забывать собственное достоинство. Мы не думаемъ, чтобы въ этомъ могли упрекнуть насъ, потому что вотъ каково самое жестокое изъ выраженій, подчеркнутыхъ за «нецеремонность, далеко не фешенэбльную»:

«Тамаринъ» заставилъ насъ ожидать отъ г. Авдѣева новаго и лучшаго, показавъ въ немъ способность къ развитію; но ни одна изъ его изданныхъ до сихъ поръ повѣстей не можетъ еще назваться произведеніемъ человѣка мыслящаго.

Едва ли эти слова осудятъ и гоголевскія дамы, говорящія «обойтись посредствомъ платка», но уже ни въ какомъ случаѣ не долженъ «поражаться» ими тотъ, кто самъ тутъ же позволяетъ себѣ выраженія, гораздо менѣе фешенэбльныя. Да, не хорошо быть неразборчивымъ на слова: но все еще это гораздо простительнѣе, нежели позволять себѣ темные намеки, заподозривающіе искренность того, кѣмъ вы недовольны. Ихъ мы не совѣтовали бы употреблять никому, оттого, что они, именно по своей темнотѣ, прилагаются ко всему: и если напримѣръ «Отечественныя Записки» намекнутъ, что «Современникъ» несправедливъ къ г. Авдѣеву и г-жѣ Туръ потому, что произведенія этихъ писателей не печатаются болѣе въ «Современникѣ», то какъ легко (удержимся отъ другихъ намековъ) объяснить этотъ намекъ такою фразою: «Отечественнымъ Запискамъ» мнѣнія «Современника» о г. Авдѣевѣ и г-жѣ Туръ кажутся несправедливыми потому, что эти авторы печатаютъ нынѣ свои произведенія въ «Отечественныхъ Запискахъ». Но лучше оставить всѣ подобныя мелочи, рѣшительно смѣшныя: неужели «Отечественныя Записки» перестали хвалить г. Венедиктова потому, что произведенія этого поэта, украшавшія первые нумера журнала, потомъ перестали появляться въ «Отечественныхъ За-

пискахъ?» Неужели не ясно для всякаго, что могло не быть между этими фактами никакой связи, что, наконецъ, дѣло могло быть и наоборотъ? Оставимъ это. Критика не должна быть «журнальною перебранкою»; она должна заняться дѣломъ болѣе серьезнымъ и достойнымъ—преслѣдованіемъ пустыхъ произведеній и, сколько возможно, обличеніемъ внутренней ничтожности и разладицы произведеній съ ложнымъ содержаніемъ.

И въ какомъ бы журналѣ ни встрѣчалъ «Современникъ» критику съ подобнымъ стремленіемъ, онъ всегда радъ встрѣчать ее, потому что потребность въ ней дѣйствительно сильна.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Сочиненіе *Сергѣя Соловьева*. Томъ четвертый. Москва, 1854.

Четвертый томъ сочиненія г. Соловьева состоитъ изъ трехъ главъ. Первыя двѣ разсказываютъ княженія Василія Димитріевича и Василія Васильевича Темнаго. Въ третьей, важнѣйшей по содержанію и самой большой по объему (она занимаетъ двѣ трети тома), описывается «внутреннее состояніе русскаго общества отъ кончины князя Мстислава Мстиславича Торопецкаго до кончины великаго князя Василія Васильевича Темнаго (1228—1462)». Намѣреваясь при первой возможности помѣстить въ «Современникѣ» подробный разборъ важнаго труда нашего достойнаго историка, мы здѣсь ограничимся обзоромъ содержанія интереснѣйшихъ отдѣловъ послѣдней главы вновь вышедшаго тома, именно отдѣловъ, излагающихъ очеркъ нравовъ и образа жизни русскаго народа въ XIII—XV вѣкахъ. Матеріалы, доставляемые историку лѣтописями, грамотами и другими произведеніями тогдашней письменности, для возстановленія картины внутренняго быта нашихъ предковъ въ этомъ періодѣ чрезвычайно скудны. Лѣтописи сухи и заключаютъ мало подробностей; грамотъ осталось намъ отъ этого времени мало; другихъ памятниковъ еще меньше. Потому и картина быта по необходимости должна быть неполна и блѣдна; но тѣмъ интереснѣе тѣ немногія черты нравовъ и образа жизни, которыя можно уловить въ скудныхъ источникахъ.

Важнѣйшими мастерствами были, какъ видимъ изъ разсказа лѣтописи объ основаніи города Холма, оружейное, кузнечное и мѣдное, отчасти мастерство серебряныхъ дѣлъ. О существованіи другихъ мастеровыхъ, кромѣ плотниковъ, каменьщиковъ и живописцевъ, нѣтъ никакихъ извѣстій. Потому г. Соловьевъ думаетъ, что остальныя ремесла, напримѣръ, сапожное, портное, отправлялись домашнею прислугою. Объ удобствахъ жизни также не имѣемъ никакихъ извѣстій, и должно предполагать, что ихъ существовало очень мало. Богатый Волынскій князь Владиміръ Васильковичъ, во время продолжительной своей болѣзни, лежалъ на соломѣ. Изъ подробныхъ описей имущества московскихъ князей, находящихся въ ихъ завѣщаніяхъ, видимъ, что цѣнныхъ вещей у нихъ было очень мало. Такъ напримѣръ, Іоаннъ Калита оставилъ послѣ себя двѣнадцать цѣпей золотыхъ, восемь поясовъ золотыхъ, шесть золотыхъ чашъ и два золотые кубка, золотую коробочку, три кожуха, вышитые жемчугомъ, и три или четыре другихъ платьевъ, также вышитыхъ жемчугомъ. Еще гораздо менѣе подобныхъ вещей показано въ завѣща-

ніяхъ Димитрія Донскаго, Василія Димитріевича и Василія Темнаго. Это уменьшеніе богатствъ г. Соловьевъ приписываетъ Тохтамышеву нашествію, большимъ издержкамъ въ ордѣ, снова усилившейся и раздраженной, и междоусобіямъ временъ Василія Темнаго. Если такъ мало было цѣннаго имущества у великихъ князей, продолжаетъ г. Соловьевъ, то у простыхъ людей ничего нельзя было найдти, кромѣ самой простой и необходимой рухляди. О пищѣ нѣтъ подробностей; можно только видѣть, что бѣдные люди употребляли въ пищу овсяный хлѣбъ. Относительно нравовъ г. Соловьевъ замѣчаетъ, что въ сѣверовосточной Руси они были грубѣе, нежели на югѣ; онъ приписываетъ это различіе въ нравахъ отчасти сосѣдству полудикихъ племенъ, отчасти вліянію самаго климата, болѣе суроваго: еще сильнѣе было, по его мнѣнію, вліяніе тяжкихъ историческихъ обстоятельствъ на огрубѣніе нравовъ XIII—XV столѣтій въ сравненіи съ предшествовавшими.

«Нравы грубѣли; привычка руководствоваться инстинктомъ самосохраненія вела къ господству всякаго рода матеріальныхъ побужденій надъ нравственными: грубость нравовъ должна была отражаться на дѣлѣ, на словѣ, на всѣхъ движеніяхъ человѣка. Въ это время имущества гражданъ прятались въ церквахъ и монастыряхъ, какъ мѣстахъ наиболѣе, хотя не всегда безопасныхъ; сокровища нравственныя имѣли нужду также въ безопасныхъ убѣжищахъ—въ теремахъ: женщина спѣшила удалиться, или ее спѣшили удалить отъ общества мужчинъ, чтобы волею или неволею удержать чистоту семейную; не вслѣдствіе византійскаго или татарскаго вліянія явилось затворничество женщинъ въ высшихъ сословіяхъ, но вслѣдствіе извѣстной нравственной экономіи въ народномъ тѣлѣ. Историкъ не рѣшится отвѣчать на вопросъ: что сталось бы съ нами въ XIV вѣкѣ безъ терема? Но понятно, что удаленіе женщины, бывшее слѣдствіемъ огрубѣнія нравовъ, само, въ свою очередь, могло производить еще большее огрубѣніе».

Всякаго рода безпорядки, грабежи и воровство были самымъ обыкновеннымъ дѣломъ; страсть къ вину выказывается въ сильной степени; часто мужья жили съ женами безъ вѣнчанія. До какой степени чуждались иноземцевъ, доказывается тѣмъ, что псковичи недоумѣвали, позволительно ли пользоваться хлѣбомъ, виномъ и овощами, привозимыми изъ нѣмецкой земли.

Въ концѣ главы г. Соловьевъ высказываетъ свой общій взглядъ на нашу исторію до Іоанна III:

«Мы окончили тотъ отдѣлъ русской исторіи, который по преимуществу носитъ названіе древней исторіи: мы не можемъ разстаться съ нимъ, не показавши его общаго значенія, не показавши его отношеній къ слѣдующему періоду. На великой сѣверовосточной равнинѣ, на перекрестномъ открытомъ пути между Европой и Азіей, основалось государство Русское. То была обширная, дѣятельная страна, ожидавшая населенія, ожидавшая исторіи. Отсюда древняя русская исторія есть исторія страны, которая колонизуется, отсюда постоянное сильное движеніе народонаселенія на огромныхъ пространствахъ. Населить какъ можно скорѣе, перезвать отвсюду людей на пустыя пространства, приманить всякаго рода льготами: уйти на новыя, лучшія мѣста, на выгоднѣйшія условія, въ болѣе мирный, спокойный край; съ другой стороны удержать населеніе, возвратить, заставить другихъ не принимать его—вотъ важные вопросы колонизующейся страны, вопросы, которые мы встрѣчаемъ въ древней русской исторіи. *Изъ этого, по мнѣнію г. Соловьева*, легко понять происхожденіе льготныхъ грамотъ, жалуемыхъ землевладѣльцамъ, населителямъ земли».

Остановимся здѣсь на минуту, и замѣтимъ, что колонизація обширныхъ областей, лежащихъ на востокъ отъ Кіева, Чернигова, Смоленска и Новгорода, дѣйствительно очень важный фактъ древней русской исторіи; быть можетъ, спра-

ведливо кажется онъ г. Соловьеву даже важнѣйшимъ ея фактомъ, хотя съ этимъ труднѣе согласиться безусловно; во всякомъ случаѣ заслугою г. Соловьева останется, что онъ обратилъ на него вниманіе. Но трудно дать въ исторіи нашей важное мѣсто заботамъ о привлеченіи населенія, и объяснять ими происхожденіе льготныхъ грамотъ. Скорѣе давались онѣ для того, чтобы привязать къ себѣ, удержать волость отъ принятія въ князья соперника, нежели съ тѣмъ, чтобы привлечь новое населеніе. Объ этомъ думали гораздо меньше. Правда, плѣнныхъ часто выводили для поселенія въ своихъ земляхъ; но также часто продавали ихъ иноземцамъ и жителямъ другихъ волостей, какъ видно, болѣе дорожа прибылью въ имуществѣ, нежели въ народѣ. Что исканіе новыхъ земель, болѣе, нежели исканіе новыхъ льготъ, было побужденіемъ къ колонизаціи, видимъ изъ обширности колоній Новгорода, переселенцы изъ котораго, конечно, не могли ожидать новыхъ льготъ. Могли бы мы предполагать, что иногда колонистами управляли стремленія, подобныя тѣмъ, подъ вліяніемъ которыхъ образовалось впослѣдствіи донское и запорожское казачество, стремленія къ совершенной самостоятельности; но и этому желанію нельзя приписывать большого круга дѣйствія, потому что не видимъ въ пограничныхъ волостяхъ особенныхъ наклонностей къ автономіи, какъ потомъ замѣчается у донцовъ и запорожцевъ; не видимъ и того даже, чтобы жители новозаселенныхъ земель отличались отъ оставшихся на старыхъ мѣстахъ по Днѣпру и Ильменю энергіей и слѣдствіемъ ея — мужествомъ въ бояхъ. Напротивъ, кажется, справедливо г. Соловьевъ считаетъ дружины и ополченія кіевскія, черниговскія и новгородскія болѣе крѣпкими въ бою, нежели войска восточныхъ князей. А удальство и отважность обыкновенно характеризуютъ колонистовъ. Потому едва ли не должно предположить, что колонизація происходила слабо и медленно, не оказывая большаго вліянія ни на характеръ жителей, ни на общественныя отношенія. Не должно представлять себѣ слишкомъ обширнымъ и то поле, по которому она разливалась въ X—XV вѣкахъ: за исключеніемъ вологодскихъ и вятскихъ поселеній, очень немноголюдныхъ, какъ это ясно изъ ихъ состоянія даже въ XVII вѣкѣ, въ это время колонизовалось только пространство, занимаемое теперь губерніями Орловской, Калужской, Тульской, Рязанской, Московской, Владимірской, южными и западными частями губерній Тверской, Ярославской, Костромской и Нижегородской; всего въ теченіе пяти или шести вѣковъ область новыхъ земель, занятыхъ, конечно, не густымъ русскимъ населеніемъ, обняла пять, много семь тысячъ квадратныхъ миль — пространство, вдвое, если не втрое, меньшее страны, которую занимали сплошныя коренныя поселенія русскихъ славянъ въ IX вѣкѣ. Населеніе этого пространства и теперь вдвое уступаетъ числомъ населенію малорусскихъ, бѣлорусскихъ, Псковской и Новгородской губерній; между тѣмъ извѣстно, что въ XV—XVIII вѣкахъ оно умножалось гораздо быстрѣе, нежели населѣніе западныхъ губерній; во сколько же разъ оно должно было уступить этому послѣднему въ XIII—XV вѣкахъ? Не забудемъ также, что въ его массѣ было довольно много ославянившихся потомковъ туземцевъ — нѣкоторые даже полагаютъ, что большинство народа составилось изъ нихъ — сообразивъ это все, мы едва ли не должны будемъ убѣдиться, что, колонизація восточныхъ волостей въ X—XV вѣкахъ совершалась медленно и число переселившихся не было громадно по сравненію съ населеніемъ, оставшимся на своихъ прежнихъ мѣстахъ: изъ нѣсколькихъ милліоновъ переселилось въ теченіе пяти или шести вѣковъ нѣсколько сотенъ тысячъ, можетъ быть десятая,

пятнадцатая часть всей массы приднѣпровскихъ и ильменскихъ жителей. Если же припомнимъ, что много въ томъ числѣ было уведенныхъ туда въ плѣнъ, то добровольное стремленіе населенія съ юга на сѣверъ, съ запада на востокъ окажется еще менѣе сильнымъ. Во всякомъ случаѣ, едва ли можно предполагать, чтобы много заботились о сильнѣйшемъ возбужденіи его льготами и т. д. Въ самыхъ понятіяхъ г. Соловьева о различіи общественныхъ отношеній старыхъ и новыхъ городовъ можно найдти подтвержденіе мнѣнію, которое осмѣлились мы здѣсь высказать, и которое, точно также, какъ и мнѣніе г. Соловьева, ему противуположное, нуждается въ болѣе точныхъ изысканіяхъ для того, чтобы получить или потерять право на прочное мѣсто въ наукѣ. Возвращаемся однако же къ его очерку общаго характера событій нашей древней исторіи. Объяснивъ причины, по которымъ русскіе славяне должны были довольствоваться этимъ сѣвернымъ и восточнымъ направленіемъ, отказываясь отъ направленія на югъ, отъ котораго были отрѣзаны наплывомъ угровъ, печенѣговъ, половцевъ и татаръ, г. Соловьевъ продолжаетъ, что, впрочемъ, и не было у русскихъ славянъ даже въ IX—X вѣкахъ особеннаго стремленія покидать свою родину, какъ это было въ IV—VII у германцевъ, тѣснимыхъ съ востока и сѣверовостока:

«Славянскія племена, вошедшія въ составъ русскаго государства, раскинулись широко и привольно по огромной сѣверовосточной равнинѣ Евроны; они не получали никакого толчка съ сѣвера и сѣверовостока; ничто не понуждало ихъ покидать землю великую и обильную, и отправляться искать новыхъ земель, какъ то дѣлывали германскія племена на западѣ, ничто не побуждало ихъ предпринимать стремительнаго движенія цѣлыми массами съ сѣвера на югъ, и Святославъ вовсе не былъ предводителемъ подобныхъ массъ: онъ оставилъ назади громадное владѣніе, рѣдкое населеніе котораго вовсе не хотѣло переселяться на югъ, хотѣло, чтобы князь жилъ среди его и защищалъ его отъ дикихъ степныхъ ордъ: «Ты, князь, чужой земли ищешь, а насъ здѣсь чуть не взяли Печенѣги», говорятъ кіевляне въ преданіи—знакъ, что у Кіевлянъ была *своя* земля, а *чужой* они не искали».

Мы выписали это мѣсто между прочимъ и потому, что оно служитъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія о незначительности стремленія нашихъ предковъ къ переселенію. Но вскорѣ обстоятельства измѣняются—говоритъ г. Соловьевъ—южныя области постоянно подвергаются сильнымъ нападеніямъ сначала печенѣговъ, потомъ половцевъ, наконецъ татаръ. Куда же было удалиться русскимъ людямъ отъ плѣна и разоренія? свободный путь оставался одинъ—на сѣверовостокъ. Въ XIII вѣкѣ и послѣдующихъ татары тѣснятъ не только съ юга, но и съ востока, съ запада начинаетъ тѣснить Литва: такимъ образомъ—заключаетъ г. Соловьевъ—съ востока, юга и запада населеніе, такъ сказать, сгоняется въ средину страны, гдѣ на берегахъ Москвы рѣки завязывается крѣпкій государственный узелъ». Что Московскія, Владимірскія, Тульскія области для жителя Кіевской украйны могли быть убѣжищемъ отъ половцевъ, мы согласны; но еще ближе было искать отъ нихъ убѣжища въ Галицкихъ и Владиміроволынскихъ областяхъ и связи между Галичемъ и Кіевомъ въ XII—XIII вѣкахъ гораздо тѣснѣе, нежели между Кіевомъ и Суздалемъ или Владиміромъ на Клязьмѣ. Если было сильное переселеніе изъ Кіевской волости, то конечно на Волынь и въ Галичъ; но мы не думаемъ, чтобы половцы въ XII—XIII вѣкахъ могли далеко оттѣснить насъ на югѣ, потому что и въ IX—X вѣкахъ южныя границы русскаго населенія не заходили далеко за Кіевъ, а половцы грабили почти только одни города по Руси—

до Кіева они доходили не часто. Отъ Литвы едва ли бѣжало много народа, потому что скоро Литовское княжество вступило въ тѣснѣйшую связь съ южно-русскими, и нашествія Гедиминовыхъ войскъ едвали казались нашествіями чужеплеменниковъ; и опять естественнымъ убѣжищемъ отъ врага, идущаго съ сѣвера, были бы для бѣлоруссовъ и Волынянъ не Московскія, а Галицкія волости; что касается эпохи позднѣйшей борьбы Литовскаго княжества съ Московскимъ, въ это время болѣе ужасались татарскихъ нашествій съ востока, нежели литовскихъ съ запада и едвали могъ быть приливъ населенія, напримѣръ, изъ Смоленска въ Калугу, грабимую татарами. Что татарскія нашествія могли оттѣснять населеніе Рязанскихъ и Тульскихъ волостей къ Москвѣ, съ этимъ нельзя не согласиться. Такимъ образомъ изъ всѣхъ иноземныхъ притѣсненій, исчисляемыхъ г. Соловьевымъ, одни татарскія могли, намъ кажется, содѣйствовать усиленію московской волости, сравнительно съ Курскою, Тульскою, Рязанскою; но сравнительно съ западными областями, сама московская много проигрывала отъ татарскихъ нашествій, и потому трудно сказать, больше ли они вредили ей или приносили пользы. Окончимъ однако же нашу выписку, не задерживая читателей замѣчаніями о послѣдующихъ воззрѣніяхъ г. Соловьева, потому что эти замѣчанія требовали бы гораздо подробнѣйшаго развитія, нежели какое могло быть дано имъ въ настоящей статьѣ и найдутъ себѣ мѣсто въ разборѣ, о которомъ говорили мы въ началѣ нашей статьи.

«Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ ходъ древней русской исторіи. Уже давно, какъ только начали заниматься русскою исторіею съ научною цѣлью, подмѣчены были главныя, особенно выдающіяся въ ней событія, событія поворотныя, отъ которыхъ исторія замѣтно начинаетъ новый путь. На этихъ событіяхъ начали останавливаться историки, дѣлить по нимъ исторію на части, періоды... Обыкновенно каждый писатель старался показать неправильность дѣленія своего предшественника: мы не будемъ продолжать этихъ споровъ; мы начнемъ съ того, что объявимъ всѣ эти дѣленія правильными; мы начнемъ съ того, что признаемъ заслугу каждаго изъ предшествовавшихъ писателей, ибо каждый, въ свою очередь, указывалъ на новую сторону предмета и тѣмъ способствовалъ лучшему пониманію его. (*Вотъ языкъ, достойный истиннаго ученаго: какой прекрасный примѣръ подастъ г. Соловьевъ этими словами!*) Но съ теченіемъ времени наука мужаетъ, и является потребность соединить то, что прежде было раздѣлено, показать связь между событіями, показать, какъ новое проистекло изъ стараго, соединить разрозненныя части въ одно органическое цѣлое, является потребность замѣнить анатомическое изученіе предмета физіологическимъ».

«Исторія знаетъ различные виды образованія государствъ: или государство, начавшись незамѣтною точкою, въ короткое время достигаетъ огромныхъ размѣровъ, въ короткое время покоряетъ себѣ многіе различные народы; обыкновенно такія государства, какъ скоро возросли, также скоро и падаютъ; такова, напримѣръ, участь азіатскихъ громадныхъ государствъ. Въ другомъ мѣстѣ видимъ, что государство начинается на ничтожномъ пространствѣ, и потомъ, въ слѣдствіе постоянной напряженности силъ отъ внутренняго движенія, въ продолженіе довольно долгаго времени, распространяетъ свои владѣнія насчетъ сосѣднихъ странъ и народовъ, образуетъ громадное тѣло, и наконецъ распадается на части, въ слѣдствіе самой громадности своей и въ слѣдствіе отсутствія внутренняго движенія, исчезновенія внутреннихъ живительныхъ соковъ: таково было образованіе государства римскаго. Образованіе всѣхъ этихъ древнихъ громадныхъ государствъ, какова бы ни была въ другихъ отношеніяхъ разница между ними, можно назвать образованіемъ неорганическимъ, ибо они обыкновенно составляются наростаніемъ извнѣ, внѣшнимъ присоединеніемъ частей посредствомъ завоеванія. Иной характеръ представляется намъ въ образованіи новыхъ европейскихъ, христіанскихъ государствъ: здѣсь государства при самомъ рожденіи своемъ, въ слѣдствіе племенныхъ и преимущественно географическихъ условій, являются уже въ тѣхъ же почти границахъ,

въ какихъ имъ предназначено дѣйствовать въ послѣдствіи; потомъ наступаетъ для всѣхъ государствъ долгій, тяжкій, болѣзненный процессъ внутренняго возрастанія и укрѣпленія, въ началѣ котораго государства эти являются обыкновенно въ видимомъ раздѣленіи, потомъ это раздѣленіе мало по малу исчезаетъ, уступая мѣсто единству: государство образуется. Такое образованіе мы имѣетъ право назвать высшимъ, органическимъ».

«Какое же образованіе нашего государства»? продолжаетъ г. Соловьевъ и общимъ очеркомъ событій показываетъ, что оно—второго рода, высшаго, органическаго. Русскіе славяне, положившіе основаніе будущей Россійской имперіи, въ IX вѣкѣ занимали большую половину европейской Россіи; восточная часть этой обширной площади, не занятая славянами, едва могла назваться населенною, будучи обитаема только разсѣянными и малочисленными племенами финскими, не полагавшими почти никакого препятствія колонизаціи, почти добровольно и во многихъ случаяхъ совершенно добровольно соединявшимися съ славянами (преданіе о призваніи Рюрика Весью, Новгородцами и Кривичами) и скоро превращавшимися въ славянъ. Всѣ эти страны очень быстро и безъ большихъ затрудненій сливаются въ одно цѣлое. Потомъ онѣ, въ такъ называемомъ удѣльномъ періодѣ, распадаются на множество небольшихъ владѣній, подобно тому, какъ распалась, незадолго передъ тѣмъ, держава Карла Великаго, и г. Соловьевъ проводитъ прекрасную паралель между родовыми отношеніями нашихъ князей съ одной стороны, и феодальною связью западно-европейскихъ владѣльцевъ съ другой; потомъ родовыя отношенія на Руси уступаютъ мѣсто государственнымъ, и Русь соединяется въ Московское царство, какъ на западѣ изъ феодольныхъ владѣній составляются большія государства.

Излишне говорить, что вновь вышедшій томъ «Исторіи Россіи» своимъ достоинствомъ равняется предшествовавшимъ частямъ огромнаго труда г. Соловьева; излишне также повторять, что трудъ этотъ составляетъ, вмѣстѣ съ изданіями Археографической Коммиссіи, важнѣйшее пріобрѣтеніе нашей исторической науки въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, и въ скоромъ времени мы надѣемся подробно разсмотрѣть его отношеніе къ предшествовавшимъ трудамъ, и показать, на сколько двинута впередъ наука новѣйшими изслѣдователями, въ главѣ которыхъ стоитъ г. Соловьевъ.

Историческое значеніе царствованія Алексѣя Михайловича. Сочиненіе *П. Медовикова.* Москва 1854.

Сочиненіе г. Медовикова не отличается ни полнотою, ни особенными достоинствами изложенія; оно не уясняетъ ни одного вопроса. Что давно было извѣстно всякому, хотя нѣсколько занимавшемуся русскою исторіею, только то и повторилъ авторъ въ своей книгѣ; новаго не сказалъ онъ ничего; факты изложены въ такомъ объемѣ, что нѣкоторые отдѣлы главы о царствованіи Алексѣя Михайловича въ «Руководствѣ» г. Устрялова полнѣе соотвѣтствующихъ отдѣловъ книги г. Медовикова; другія событія разсказаны полнѣе въ такихъ общеизвѣстныхъ сочиненіяхъ, какъ «Исторія россійской церкви». Поэтому казалось бы, что не можетъ быть основаній считать сочиненіе г. Медовикова заслуживающимъ большой по

хвалы. Правда, написано оно добросовѣстно; авторъ пересмотрѣлъ всѣ важнѣйшія изданія, въ которыхъ могъ найдти что-нибудь нужное для себя; ему хорошо извѣстны не только отдѣльныя сочиненія, но и статьи періодическихъ изданій, касающіяся его предмета. Онъ знаетъ литературу русской исторіи. Однако если не знать литературы своего предмета важный недостатокъ, то знать ее не есть еще заслуга со стороны человѣка, рѣшающагося писать ученое сочиненіе. Но не это одно достоинство мы находимъ въ трудѣ г. Медовикова; есть въ немъ качества болѣе рѣдкія—отсутствіе ученаго самолюбія и опрометчивыхъ претензій на то, чтобы «выставить предметъ въ новомъ свѣтѣ; открыть въ немъ новыя стороны, поднять новые вопросы, показать неосновательность, односторонность прежнихъ объясненій», однимъ словомъ — придумать какое нибудь «новое воззрѣніе на предметъ».

Эти качества дѣйствительно довольно рѣдки. Сколько есть ученыхъ, несправедливыхъ къ своимъ предшественникамъ! Недавно мы указали одинъ подобный случай, говоря о мелочныхъ критическихъ замѣчаніяхъ на драгоцѣнный трудъ г. Снегирева. А такихъ примѣровъ сотни. Одинъ изъ достойнѣйшихъ нашихъ ученыхъ считаетъ нужнымъ анатомически разбирать «Исторію Государства Россійскаго», отыскивая, не взялъ ли Карамзинъ у Щербатова или Хилкова мысль о томъ, что «просвѣщеніе смягчаетъ нравы», не заимствовалъ ли онъ у Татищева или Болтина понятія о томъ, что Святославъ былъ отважный воитель, а Олегъ привелъ въ трепетъ византійцевъ. Зачѣмъ онъ тратитъ время на подобныя сближенія? Что «Исторія Государства Россійскаго» имѣетъ свои недостатки, было уже доказываемо двадцать лѣтъ назадъ Арцибашевымъ и Полевымъ; а теперь напрасно и говорить объ этомъ; что Карамзинъ пользовался трудами своихъ предшественниковъ, также вещь извѣстная всякому, и столь же естественная, какъ и то, что ученые, занимающіеся нынѣ русскою исторіею, пользуются трудами Карамзина и, напримѣръ, Эверса, который уже давно говорилъ о развитіи государственнаго быта изъ племеннаго. Наконецъ, что Карамзинъ занялъ у Щербатова мысль о благодѣтельномъ вліяніи просвѣщенія на нравы, столь же очевидно, какъ и то, что новѣйшіе математики заняли у Магницкаго правила сложенія и вычитанія. Неужели нужно анализировать исторію Карамзина для того, чтобы наши читатели лучше могли постичь превосходство нашихъ собственныхъ трудовъ? Уже одно опасеніе, что читатели наши могутъ придти къ такой мысли—надѣемся, несправедливой—относительно нашихъ чувствъ, должно было бы удержать насъ отъ безполезнаго труда, ставящаго насъ въ самое неловкое положеніе. Приведемъ другой примѣръ. Въ послѣднее время стали довольно часто являться прекрасныя — можетъ быть нѣсколько сухія, недостатокъ второстепенный — монографіи по части исторіи русской литературы. Не будемъ изслѣдовать, какимъ именно условіямъ обязана своимъ происхожденіемъ страсть къ нимъ: быть можетъ, мы нашли бы, что необходимость, заставившая обратиться къ библіографическимъ изысканіямъ, не такъ отрадна, какъ благородная и самоотверженная любовь къ труду на пользу русской литературы, поддерживающая предавшихся ему въ работѣ утомительной и неблагодарной: каково бы ни было происхожденіе трудовъ, результаты ихъ прекрасны. Но скажите, во многихъ ли изъ этихъ произведеній найдете вы вѣяніе естественной симпатіи къ трудамъ предшественниковъ? Сто разъ повторяется: «Евгеній ошибочно говоритъ» и едва ли разъ найдется фраза: «Евгенію обязаны мы...» Нѣтъ,

въ большей части этихъ монографій слышится увѣренность авторовъ, что до нихъ ничего, ровно ничего не было сдѣлано, что они дѣлаютъ что-то небывалое, неслыханное, что они новые Анкетили, открывающіе Зендавесту, о которой никто не вѣдалъ до сихъ поръ. Нѣтъ, достойные, но забывчивые изслѣдователи: были прежде васъ люди, съ которыми не сравнялись еще вы ни обширностью вашего знанія, ни значеніемъ вашихъ трудовъ—это не стыдъ вамъ, потому что вы трудитесь только годы, а другіе трудились десятки лѣтъ, и быть можетъ вы со временемъ станете выше ихъ. Но то будетъ еще впереди, а теперь... теперь гордитесь преданностью дѣлу своему, а не тѣмъ, что не было никогда людей, подобныхъ вамъ. Были они, вы должны это знать лучше всѣхъ насъ, вы должны знать, что, напримѣръ, въ «Очеркахъ русской литературы» однимъ человѣкомъ, среди десяти другихъ важнѣйшихъ дѣлъ, собрано больше матеріаловъ для исторіи русской литературы, нежели получили мы до сихъ поръ отъ всѣхъ васъ вмѣстѣ. Назвавъ Пушкина, мы, быть можетъ, напомнимъ вамъ о другомъ дѣятелѣ на поприщѣ исторіи русской литературы. Не говоримъ уже о трудахъ Евгенія. «Но его словари наполнены ошибками». Хорошо было бы, еслибъ у васъ нашлось не въ десять разъ болѣе ошибокъ, хотя вы сдѣлали во сто разъ меньше.

Отчего проистекаетъ эта придирчивость, это стремленіе показать, что заслуги нашихъ предшественниковъ были не такъ велики, какъ воображаютъ неспеціалисты? Мы никакъ не думаемъ, чтобъ это происходило отъ какихъ нибудь сознательныхъ побужденій, и рѣшительно отвергаемъ всякіе толки о неблагодарности, непризнательности, неуваженіи, будучи твердо убѣждены, что подобныя чувства очень рѣдко совмѣщаются съ характеромъ ученаго человѣка, по самой натурѣ своей чистымъ; гораздо основательнѣе объяснять дѣло мелочнымъ преувеличеніемъ важности собственныхъ открытій, и эту мелочность приписывать преимущественно чистосердечному, но слишкомъ восторженному увлеченію; а причиною увлеченія мелочами надобно, разумѣется, считать то, что увлекающіеся мало успѣли еще сдѣлать истинно важнаго. Свое каждому дорого; и кому принадлежитъ еще одно только не слишкомъ важное, тотъ почти всегда поставляетъ въ этомъ неважномъ чрезвычайную важность.

Помните ли время, когда вы слушали лекціи? Какъ часто казалось вамъ тогда, что два часа назадъ выслушанная вами лекція удивительно проясняетъ и измѣняетъ взглядъ на цѣлую науку, что въ ней то именно и есть ключъ къ правильному пониманію всей науки. Потомъ вы увидѣли, что такъ казалось вамъ просто потому, что вы еще мало знали науку, что въ наукѣ сотни понятій гораздо важнѣйшихъ, нежели казавшіяся вамъ ея краеугольной основой; вы увидѣли, что сущность русской исторіи, напримѣръ, заключается не въ одномъ вопросѣ о происхожденіи варяго-руссовъ или въ доказательствѣ древности лѣтописей. Припомните годы, еще болѣе далекіе, когда вы учились русской грамматикѣ; не правда ли, что, выучивъ наизустъ раздѣленіе именъ существительныхъ на два склоненія и осьмнадцать окончаній, вы нѣсколько времени экзаменовали всѣхъ вашихъ знакомыхъ, и готовы были считать невѣждою первѣйшаго ученаго въ мірѣ, если онъ не могъ сказать, къ 10 или 11 окончанію принадлежитъ слово «рука?» Но когда вы начали учиться по латинѣ, ваша гордость наслаждалась истинными тріумфами, и вы не разъ восторжествовали надъ своимъ учителемъ, доказавъ ему, что кромѣ десяти словъ мужескаго рода на букву *х*, перечисленныхъ въ учебномъ вашемъ

руководствѣ, есть еще два или три такихъ слова, найденныя вами въ большой грамматикѣ Цумита? О, какъ послѣ этого выросли вы въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ товарищей! рѣшено было всѣми единогласно, что вы знаете по латинѣ лучше самого учителя, и вы сами чувствовали въ душѣ, что это правда!

Но такъ какъ рѣчь зашла о латинской грамматикѣ, то намъ хочется привести анекдотъ изъ старинной «Латинской грамматики, составленной по Брёдеру Н. Кошанскимъ»: къ этой грамматикѣ приложена небольшая хрестоматія, обильная занимательными разсказами, и вотъ одинъ изъ нихъ, называющійся въ подлинникѣ Cato et rusticus — «Катонъ и поселянинъ».

«Одному римскому поселянину случилось узнать, что черезъ ихъ деревню будетъ проходить Катонъ, знаменитый своей ученостью. Онъ вышелъ посмотрѣть на этого извѣстнаго историка. Но Катонъ, подошедши къ поселянину, спросилъ его: «скажи мнѣ, мой другъ, какъ называется сосѣдняя деревня, и какою дорогой надобно мнѣ идти туда?» Послѣ этого поселянинъ часто говаривалъ: «вотъ, сказывали, будто Катонъ ученый человѣкъ, а онъ не знаетъ даже имени сосѣдней деревни и дороги въ нее».

Мы увѣрены, что рѣдкій изъ ученыхъ, достигшихъ той же высоты знанія, на которой стояли его предшественники, не уважаетъ ихъ въ глубинѣ души. Въ каждомъ большомъ трудѣ находится много недостатковъ и ошибокъ: это онъ будетъ знать по собственному опыту.

Итакъ, мы сказали, что сочиненіе г. Медовикова очень выгодно отличается отъ многихъ другихъ тѣмъ, что авторъ не старается поколебать довѣріе къ трудамъ своихъ предшественниковъ для того, чтобы возвысить контрастомъ достоинство собственнаго труда. Другая, не менѣе пріятная черта сочиненія — отсутствіе стремленія придумывать новыя воззрѣнія и ставить эти воззрѣнія краеугольнымъ камнемъ зданія, воздвигаемаго авторомъ. А этотъ недостатокъ также очень сильно вредитъ достоинству и основательности очень многихъ ученыхъ трудовъ. Примѣровъ множество.

Одинъ ученый открываетъ понятіе объ «изгойствѣ» и на немъ основываетъ построеніе цѣлаго періода нашей исторіи, едва ли даже не всю систему своихъ понятій о древнемъ нашемъ бытѣ: не рѣшаемъ, правильно ли или нѣтъ объясняется нынѣ слово изгой, но во всякомъ случаѣ встрѣчается оно такъ рѣдко, что понятіе, имъ выраженное, едва ли могло играть важную роль въ исторіи. Другой отыскиваетъ слово «подручникъ», всего только одинъ разъ попадающееся въ нашихъ лѣтописяхъ и грамотахъ, и опять вездѣ видитъ «подручниковъ»; третій открываетъ, что свѣтлый значитъ первоначально «быстрый», и также при всякомъ случаѣ основываетъ свои труды на тожествѣ понятій быстроты и свѣта; четвертый находитъ, что какой нибудь малоизвѣстный писатель былъ умный человѣкъ (хотя это еще нуждается въ болѣе ясныхъ доказательствахъ, нежели то, что у него встрѣчаются мысли, попадающіяся во всякой безъ исключенія книгѣ того времени) выводитъ изъ этого, что онъ былъ великимъ писателемъ, какъ будто бы всякій умный человѣкъ непремѣнно долженъ быть замѣчательнымъ писателемъ. Пятый идетъ далѣе, и утверждаетъ, что мы не имѣемъ понятія о старинной нашей литературѣ, потому что до появленія его изысканій не знали, въ 1757 или 1756 году написана какая нибудь ода Сумарокова, хотя и онъ этого не могъ узнать. Однимъ словомъ, на основаніи всѣхъ этихъ открытій оказывается, что мы ничего не знали ни о древ-

немъ русскомъ бытѣ, ни о русской исторіи, ни о русской литературѣ, хотя къ тѣмъ горамъ матеріаловъ, которые собраны были и собираются безъ помощи этихъ ученыхъ, они едва еще успѣли прибавить нѣсколько песчинокъ; оказывается, что на основаніи новыхъ открытій долженъ совершенно измѣниться взглядъ на нашу исторію и литературу; можетъ быть, онъ долженъ измѣниться, но мы еще ожидаемъ, пока намъ это докажутъ болѣе важными трудами и открытіями.

Г. Медовиковъ не имѣетъ подобныхъ стремленій открывать неслыханное, показывать невиданное; онъ не думаетъ, чтобы наши прежнія понятія о значеніи царствованія Алексѣя Михайловича были совершенно несправедливы, и что ему необходимо было заботиться измѣнить ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ важнѣйшія «положенія», принимаемыя г. Медовиковымъ:

«Царствованіе Алексѣя Михайловича по своему характеру, принадлежитъ еще вполнѣ древней (*точнѣе было бы выразиться: старой или старинной*) Руси, хотя и появляются нѣкоторые признаки скораго наступленія эпохи преобразованій. Передъ эпохою преобразованія древняя русская жизнь исчерпала себя вполнѣ.

«Возвышеніе патріаршей власти въ Никонѣ обусловливалось какъ его энергическою личностью, такъ и событіями въ Россіи съ конца XVI вѣка; но оно противорѣчило прежнимъ у насъ отношеніямъ духовной власти къ свѣтской».

«Присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству было результатомъ исторической необходимости; личностью Хмельницкаго только ускорено событіе, которое рано или поздно долженствовало совершиться. Первое начало отмѣненію особнаго быта Малороссіи положено уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича».

Читатели видятъ, что это—положенія общепринятыя и не подлежащія спору. Если бы сочиненіе г. Медовикова было простою компиляціею, составленною при помощи двухъ-трехъ книгъ, не опиравшеюся на большой запасъ свѣдѣній и на основательное углубленіе въ предметъ,—не было бы ничего особеннаго и въ томъ, что авторъ не выставилъ оригинальныхъ результатовъ; но авторъ трудился надъ своимъ сочиненіемъ прилежно и много, узналъ свой предметъ хорошо, и однако же не почелъ за нужное изобрѣтать эффектныя воззрѣнія, которыя поражали бы своею новизною, признавая удовлетворительность прежнихъ трудовъ — это прекрасно и довольно рѣдко.

Изъ нашихъ словъ не слѣдуетъ однако, чтобы похвалами книгѣ г. Медовикова хотѣли мы унижать ученое достоинство какихъ нибудь другихъ трудовъ: несмотря на свои недостатки, о которыхъ мы говорили за тѣмъ, чтобы яснѣе выставить на видъ достоинства разбираемой нами книги, несмотря на преувеличиваніе неважныхъ открытій и мелочную критику предшествовавшихъ трудовъ или слишкомъ гордое молчаніе о нихъ, сочиненія, отъ которыхъ эта книга выгодно отличается въ одномъ отношеніи, стоятъ несравненно выше ея во многихъ другихъ отношеніяхъ, и гораздо важнѣе по своему значенію для науки. Мы только хотѣли бы убѣдить, что если книга, не замѣчательная ни въ какомъ другомъ отношеніи, становится достойной уваженія и полезною черезъ осмотрительность выводовъ и безпристрастіе автора къ себѣ и другимъ, то еще больше могли бы выиграть отъ этихъ качествъ другіе труды, уже по своему содержанію имѣющіе важность. И если одинъ ученый имѣетъ достаточно скромности, чтобы не обнаружить никакихъ притязаній на оригинальность воззрѣній, то гораздо легче могли бы устоять противъ увлеченія подоб-

ными стремленіями тѣ ученые, которымъ удалось на самомъ дѣлѣ открыть что-нибудь новое и замѣчательное.

Не слѣдуетъ изъ нашихъ похвалъ скромнымъ достоинствамъ книги г. Медовикова и то, чтобы мы утверждали, будто бы русская исторія уже достаточно разработана и всѣ важнѣйшія задачи ея рѣшены удовлетворительнымъ образомъ. Если исторія древняго классическаго міра, столько вѣковъ разработываемая соединенными усиліями всѣхъ образованныхъ народовъ, еще безпрестанно уясняется и обогащается новыми воззрѣніями, то странно было бы воображать, что въ какихъ нибудь пятьдесятъ лѣтъ ученая разработка русской исторіи достигла окончательнаго совершенства, и мы должны находить выработанныя воззрѣнія на ея событія вполнѣ основательными и достаточными. Напротивъ, разработка русской исторіи, точно такъ же, какъ и разработка исторіи русской литературы, только что начинается; удовлетворительнымъ образомъ разрѣшены еще немногіе вопросы, и то преимущественно касающіеся внѣшней, фактической исторіи; очень многіе изъ важнѣйшихъ вопросовъ остаются еще нетронутыми; особенно должно сказать это о вопросахъ внутренней исторіи жизни русскаго народа. Мы признаемъ необходимость новыхъ воззрѣній и объясненій, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они были полнѣй и основательнѣе прежнихъ. Да и какъ не признавать, когда относительно интереснѣйшихъ вопросовъ мы до сихъ поръ принуждены довольствоваться столь же неопредѣленными и неудовлетворительными объясненіями, какъ, напримѣръ, слѣдующее, которымъ начинается книга г. Медовикова, и которое заимствовано изъ круга новѣйшихъ понятій о русской исторіи:

«Въ половинѣ XVII вѣка умолкаетъ древнее лѣтописаніе, вмѣщающее въ себѣ завѣтныя преданія нашей старины съ того времени, когда пошла русская земля, представляющее, въ непрерывномъ рядѣ сказаній, судьбы нашего отечества съ самаго водворенія въ немъ государственнаго начала. Священная повѣсть временныхъ лѣтъ прекращается, какъ бы сдѣлавъ послѣднее усиліе въ «Лѣтописи о мятежахъ» и «Новомъ лѣтописцѣ». Причинъ такого явленія должно искать... въ переворотѣ, который приготовлялся въ государственной и общественной жизни нашей, въ стремленіи личности вырваться изъ оковъ, наложенныхъ на нее бытомъ древней Руси. Подъ вліяніемъ личнаго начала безъимянныя сказанія лѣтописцевъ — отшельниковъ, трудившихся единственно «любве ради Господа Бога и своего отечества» стали уступать мѣсто запискамъ очевидцевъ, которые въ повѣствованіе свое вносили собственные взгляды на предметъ. (*Итакъ вмѣсто лѣтописей являются мемуары? Нѣтъ—ихъ у насъ не было въ XVII вѣкѣ*, это *говоритъ и г. Медовиковъ на слѣдующей строкѣ*). Но, къ сожалѣнію, XVII вѣкъ представляетъ и въ этомъ родѣ слишкомъ мало историческихъ памятниковъ».

Или, лучше сказать, ни одного, до самаго конца царствованія Алексѣя Михайловича. Какъ же стремленіе писать мемуары, еще не рождавшееся, могло заставить покинуть лѣтописи? Положимъ, что причина прекращенія лѣтописей, указываемая Татищевымъ, недостаточна; хотя и надобно предполагать, что этотъ основательный историкъ говорилъ не наудачу, и хотя съ нимъ соглашался Шлёцеръ; но объясненіе, которымъ теперь замѣнили этотъ старый взглядъ на сущность дѣла, очевидно не выдерживаетъ критики. Отдѣльныя историческія сказанія писались и прежде XVI, не только XVII вѣка; наши лѣтописи наполнены ими; довольно много ихъ сохранилось и отдѣльно отъ лѣтописей: почему же до XVII и, особенно, до XVI вѣка не мѣшали они продолженію лѣтописей? Съ другой стороны: первыя три-четверти XVII вѣка представляютъ менѣе отдѣльныхъ сказаній, не-

жели предъидущія времена; итакъ не лѣтописи замѣнились сказаніями, а напротивъ, сказанія подверглись въ XVII вѣкѣ вліянію той же причины, которая уничтожила лѣтописи. Если не ошибаемся, давно уже было замѣчаемо подобное ослабленіе и замираніе всей литературной дѣятельности въ Руси XIII—XIV, особенно XV—XVII вѣка. Такъ, напримѣръ, сличивъ «Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ» съ «Словомъ о полку Игоревѣ», всѣ увидѣли, что произведеніе XV вѣка блѣдное и слабое подражаніе произведенію XII вѣка; подобно поэтической дѣятельности уменьшилась и проповѣдническая: отъ XII вѣка мы имѣемъ Кирилла Туровскаго, въ XIII былъ еще Серапіонъ; позднѣйшіе проповѣдники наши далеко уступаютъ своимъ предшественникамъ, и наконецъ при Алексѣѣ Михайловичѣ исчезли умъ и слѣды обычая говорить проповѣди собственнаго сочиненія. Точно то же и съ лѣтописями—съ теченіемъ времени становятся онѣ все суше и суше, все менѣе и менѣе замѣчается въ лѣтописцахъ умѣнья разсказывать и историческаго такта: всѣ послѣдующія лѣтописи далеко ниже Несторовой по своему достоинству. Итакъ замираніе и прекращеніе лѣтописей надобно объяснить не изъ того случайнаго обстоятельства, что онѣ были безъименны, потому несовмѣстны съ стремленіемъ личности вырваться изъ оковъ этой безъименности: если бы дѣло зависѣло только отъ этого, вмѣсто лѣтописей безъименныхъ явились бы у насъ лѣтописи съ надписью имени лѣтописца. Нѣтъ, причины явленія, о которомъ говоритъ г. Медовиковъ, надобно искать гораздо глубже: вся общественная и умственная жизнь въ XIV—XVI вѣкахъ подвергалась вліянію неподвижности, застоя, оцѣпенѣлости, окончательнымъ результатомъ чего была необходимость преобразованій Петра Великаго.

Въ первыхъ же строкахъ книги г. Медовикова, представляющей сводъ всѣхъ сдѣланныхъ до него изысканій и воззрѣній, мы нашли примѣръ того, какъ необходимы новыя изысканія и воззрѣнія; и почти каждая изъ послѣдующихъ страницъ могла бы служить доказательствомъ того же самаго. Остается только желать, чтобы силы дѣятелей на поприщѣ русской исторіи были соразмѣрны трудности вопросовъ, которые ожидаютъ рѣшенія.

О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ. Составилъ *А. Гильфердингъ*. Спб. 1853.

Объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ. Изслѣдованіе. *А. Гильфердинга*. Москва. 1853.

Первое изъ поименованныхъ здѣсь сочиненій г. Гильфердинга, въ первый разъ напечатано въ «Прибавленіяхъ» къ «Извѣстіямъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ» и потомъ издано отдѣльной книгой; второе есть не что иное, какъ продолженіе перваго и заключаетъ въ себѣ выводы объ отношеніи языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ языкознаніе, освободясь отъ практическихъ цѣлей, сдѣлалось самостоятельной наукой, въ сравнительно-исторической части этой науки былъ большой пробѣлъ: не было основательно изслѣдовано отношеніе языка славянскаго къ санскритскому и къ другимъ родственнымъ языкамъ, т. е. къ язы-

камъ индо-европейской отрасли. Это произошло оттого, что сравнительно-историческое языкознаніе было разрабатываемо преимущественно нѣмецкими писателями, мало знакомыми съ языкомъ славянскимъ. Дополнить такой важный недостатокъ есть обязанность славянскихъ и преимущественно русскихъ ученыхъ. Отношеніе славянскаго языка къ санскритскому и другимъ родственнымъ языкамъ интересно не только для русской, но и для европейской науки. На такомъ то видномъ поприщѣ является съ своими изслѣдованіями г. Гильфердингъ. Уже за одну мысль приняться за эти изслѣдованія должна быть ему благодарна наука. И г. Гильфердингъ выполнилъ эту мысль хотя далеко не вполнѣ, что и невозможно съ перваго раза, но съ добросовѣстнымъ трудолюбіемъ и знаніемъ дѣла.

Въ первомъ сочиненіи своемъ г. Гильфердингъ сравниваетъ звуки и ихъ соединенія въ языкѣ санскритскомъ со звуками и ихъ соединеніями въ языкѣ славянскомъ.

Санскритскій языкъ имѣетъ только три простыхъ гласныхъ: *а*, *и*, *у*. Съ теченіемъ времени изъ гласной *а* выдѣляются два новыхъ звука *е* и *о*, изъ которыхъ первый образуетъ какъ бы переходъ отъ *а* къ *и*, второй—отъ *а* къ *у*. Въ противоположность другимъ языкамъ европейскимъ (кромѣ готскаго и литовскаго), давшимъ перевѣсъ новымъ гласнымъ *е* и *о* надъ древними *а*, *и*, *у*, славяне въ значительномъ большинствѣ случаевъ удержали звуки первобытные: можно принять, что на два славянскихъ корня, сохранившихъ древнія гласныя, приходится одинъ, въ которомъ они перешли въ *е* или *о*. Мы замѣтимъ здѣсь, съ своей стороны, что для опредѣленія количественнаго отношенія гласныхъ звуковъ между двумя языками должно принимать въ разсчетъ не одни корни, но весь составъ словъ: тогда результатъ можетъ получиться совершенно другой. Одни соединительныя гласныя *о* и *е* въ славянскомъ языкѣ составляютъ значительное количество. Съ другой стороны, скажемъ въ защиту г. Гильфердинга, что для опредѣленія ближайшаго родства между языками корни, какъ наименѣе измѣняемыя части словъ, важнѣе прочихъ частей: наибо́льшее измѣненіе корней означаетъ наибольшее удаленіе одного языка отъ другого. Кромѣ общаго всѣмъ языкамъ индо-европейскимъ перехода въ *е* и *о*, гласный звукъ *а* въ славянскомъ подвергся еще другому измѣненію: его стали произносить короче и неопредѣленнѣе, стали его, такъ сказать, скрадывать и, такимъ образомъ, произошли два новые звука, означаемые въ кирилловской азбукѣ начертаніями ъ и ь. Слѣдуя той формаціи, которая произвела гласный звукъ *е*, т. е. приближаясь къ *и*, коренное *а* перешло въ ъ; слѣдуя формаціи, произведшей гласный звукъ *о*, т. е. приближаясь къ *у*, оно измѣнилось въ ъ. На концѣ словъ скрадываніе гласнаго звука, т. е. обращеніе *а* въ ъ и ь, *и* въ ь, *у* въ ъ, составляетъ органическое, постоянное свойство языка славянскаго и въ грамматическомъ построеніи отличаетъ его отъ всѣхъ прочихъ языковъ индо-европейскихъ; но корни, въ которыхъ находятся ъ и ь, не составляютъ и сотой доли всего лексическаго запаса языка славянскаго и имѣютъ характеръ не господствующаго закона, а исключенія. Зато не исключеніемъ, а общимъ закономъ славянской фонетики является употребленіе ъ-ра и ь-ря при *р* и *л*. Господство звуковъ *ръ* и *лъ* (или, по выраженію нѣкоторыхъ грамматиковъ, *р* и *л* гласныхъ) составляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ свойствъ языка славянскаго. Ни въ одномъ изъ языковъ европейскихъ нѣтъ подобнаго явленія; но оно вполнѣ развито въ языкѣ санскритскомъ, въ которомъ такъ называемый *r*-гласный точь-въ-точь соотвѣтствуетъ сла

вянскому *ръ* и *лъ* (звуки *р* и *л* въ смыслѣ этимологическомъ совершенно тожественны). Славянскій языкъ вѣрнѣе санскритскаго сохранилъ коренное *р*. Это объясняется тѣмъ, что во время, отъ котораго дошли до насъ письменные памятники, послѣдній началъ уже кое-гдѣ подвергаться порчѣ. Однако, эта порча, несмотря на то, что развилась въ языкѣ санскритскомъ преимущественно во время позднѣйшее, безъ сомнѣнія, началась въ доисторическую эпоху, когда славянское племя еще не отдѣлялось отъ индѣйскаго: потому подлѣ формъ, сохранившихъ коренное *р*, существуютъ и у славянъ такія, которыя его потеряли и сходствуютъ съ санскритскими. Сверхъ того, сравнивая славянскій языкъ съ санскритскимъ, вслѣдствіе подвижности гласныхъ звуковъ, мы находимъ въ немъ довольно часто переходъ *а* въ *и*, *а* въ *у*, *у* въ *и* и обратно. Присовокупленіемъ *а* (короткаго) и *â* (долгаго) къ гласнымъ *i*, *î*, *u*, *û* для усиленія ихъ въ санскритскомъ языкѣ образуются двогласныя *ai*, *aî*, *au*, *aû*. Этимъ четыремъ санскритскимъ двогласнымъ въ славянскомъ языкѣ соотвѣтствуютъ два звука: *ъ*, заступающее санскритское *ê(ai)* и *aî*, и *ы*, заступающее *ô(au)* и *aû*. *Ѣ* есть усиленіе коренного *і* приставкою гласнаго звука *а*, который слился съ нимъ въ одинъ звукъ: *ы* такимъ же путемъ образовалось изъ *и*. Переходъ отъ гласныхъ къ согласнымъ составляютъ звуки *j* и *v*, будучи только видоизмѣненіемъ гласныхъ *і* и *и*. Въ славянскомъ языкѣ эти звуки, особливо первый, имѣютъ весьма важное значеніе. Славянскія нарѣчія, преимущественно же новѣйшія, не терпятъ гласныхъ въ началѣ словъ; потому они либо смягчаютъ ихъ (т. е. соединяютъ ихъ съ *j*), либо приставляютъ къ нимъ букву *b*. Законъ смягченія и стремленіе осуществить его присутствовали одинаково въ языкахъ санскритскомъ, литовскомъ и славянскомъ, но въ дѣйствительности смягченіе проявилось въ нихъ уже послѣ ихъ обособленія и не въ равной силѣ: языкъ санскритскій представляетъ его въ зародышѣ, но въ историческомъ ходѣ, произведшемъ изъ него пракритское нарѣчіе, онъ развилъ первую степень смягченія, которой подверглись согласныя *д* и *т*; языкъ литовскій стоитъ наравнѣ съ пракритскимъ; но въ историческомъ ходѣ, образовавшемъ латышскій языкъ, явилось въ немъ смягченіе звуковъ гортанныхъ и шипящихъ, а звуки *д* и *т* подчинились смягченію вторичному; наконецъ, славянскій языкъ, въ которомъ имѣютъ мѣсто всѣ означенныя явленія, развилъ и третью степень, овладѣвшую звукомъ *р* (смягчающимся въ *рж*, *ш*) и губными согласными (смягчающимися приставкой *л*). Весьма замѣчателенъ—прибавляетъ г. Гильфердингъ—этотъ параллельный ходъ смягченія у индѣйцевъ, литовцевъ и славянъ: такъ какъ ничего подобнаго нѣтъ въ прочихъ языкахъ индо-европейскихъ, то нельзя не признать, что въ рѣчи этихъ трехъ племенъ есть какое-то общее звуковое устройство. Мы думаемъ, съ своей стороны, что прежде, чѣмъ дѣлать такое рѣшительное заключеніе, г. Гильфердингу надобно было изслѣдовать, нѣтъ ли подобнаго явленія и въ другихъ языкахъ индо-европейскихъ. Въ греческомъ языкѣ подобное смягченіе составляетъ такъ называемый *этацизмъ*. Смягченіе замѣчаемъ въ средневѣковой латыни: именно, *zabolus* вмѣсто diabolus. Въ историческомъ развитіи итальянскихъ нарѣчій изъ языка латинскаго видимъ постоянное увеличеніе смягченія. Зендскій языкъ часто представляетъ смягченіе тамъ, гдѣ оно есть въ славянскомъ и латышскомъ, но гдѣ его нѣтъ ни въ санскритскомъ, ни въ греческомъ, ни въ латинскомъ: именно, санскритская *hima*, греческое χειμών, латинское *hiems*, славянское *зима*, литовское *ziema*, зендское *zjas*; санскритское *bhumi*, греческое χαμ(αι), латин-

ское *humus*, славянское *земь, земля*, латышское *ziemе*, зендское *zém*; санскритское *aham*, греческое εγα, латинское *ego*, славянское *азъ*, литовское *isz*, латышское *es*, зендское *azem*. Касательно этого предмета мы отсылаемъ нашихъ читателей къ двумъ сочиненіямъ: разсужденію г. Каткова «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка», и къ разсужденію г. Новикова «О важнѣйшихъ особенностяхъ лужицкихъ нарѣчій». Вообще г. Гильфердингъ не любитъ ссылаться на сочиненія другихъ ученыхъ. Между тѣмъ мы думаемъ, что ему никакъ нельзя было обойти превосходнаго сочиненія г. Каткова. Да и вообще, прежде, чѣмъ рѣшать данный вопросъ науки, должно показать, на какой степени развитія находится рѣшеніе его въ настоящее время. По поводу носовыхъ звуковъ, соотвѣтствующихъ въ славянскомъ и латинскомъ языкахъ санскритской *анусварь*, которая употребляется въ корняхъ передъ шипящими согласными, и придыханіемъ *h* и кромѣ того по общепринятому правописанію и произношенію замѣняетъ *n* и *m* передъ всѣми другими согласными на концѣ словъ, г. Гильфердингъ дѣлаетъ такое же заключеніе о ближайшемъ родствѣ языковъ санскритскаго, латышскаго и славянскаго. Но носовые звуки мы замѣчаемъ также въ языкахъ греческомъ, латинскомъ и въ итальянскихъ нарѣчіяхъ. Тамъ носовые звуки являются и выпадаютъ—точно такое же явленіе, какъ и въ языкѣ славянскомъ. Напримѣръ, греческое λαβεῖν, λαμβάνω, латинское *cosol, consul*, санскритское *abhi*, греческій αμφί, латинское *ambo*, санскритское *masa*, латинское *mensis*. Если въ славянскомъ языкѣ носовой звукъ имѣетъ одно начертаніе съ предъидущимъ гласнымъ звукомъ, а въ греческомъ и латинскомъ онъ изображается особенной буквой, то здѣсь различіе только въ начертаніи, въ буквѣ, а не въ звукѣ. То же заключеніе выводитъ г. Гильфердингъ изъ сравненія шипящихъ звуковъ и изъ перехода звуковъ *k* и *g*, *ч* и *ж(дж)* въ языкахъ санскритскомъ и славянскомъ. Санскритскій языкъ имѣетъ три шипящихъ согласныхъ: *ç, ш, с*. Звукъ *ç* не имѣетъ аналогіи ни въ одномъ изъ языковъ европейскихъ. По своему происхожденію, онъ есть видоизмѣненіе древняго *k*, которое и соотвѣтствуетъ ему постоянно въ языкѣ греческомъ, латинскомъ и кельтскомъ; германскія нарѣчія замѣняютъ *ç* звуками, образовавшимися изъ *k*, вслѣдствіе извѣстныхъ фонетическихъ законовъ. У славянъ же и литовцевъ находимъ, что, въ одной половинѣ словъ, *ç*, какъ въ прочихъ языкахъ европейскихъ, замѣняется гортаннымъ *k* (или *ц, ч*, видоизмѣненіями *k*), въ другой—шипящими *с, ш*. Это показываетъ, что развитіе звука *ç* изъ первобытнаго *k* началось, когда уже обособились отъ общаго индо-европейскаго корня племена кельтское, греческое и германское, но когда славяне и литовцы еще жили вмѣстѣ съ предками индѣйцевъ; но это развитіе продолжалось и послѣ того, какъ славяне и литовцы выдѣлились изъ семьи, такъ-что они унесли съ собою много словъ съ кореннымъ *k*, въ которыхъ потомъ языкъ санскритскій замѣнилъ его звукомъ *ç*. Подобнымъ образомъ—говоритъ г. Гильфердингъ—слѣдуетъ, кажется, предположить, что звуки *ч* и *дж* въ санскритскомъ языкѣ стали появляться вмѣсто *k* и *g* въ эпоху, послѣдовавшую за отдѣленіемъ племенъ греческаго, латинскаго, кельтскаго и германскаго, однако еще въ то время, когда литовцы и славяне не начинали самобытной жизни, но что образованіе ихъ не кончилось при обособленіи этихъ послѣднихъ, почему славянскій языкъ и удержалъ нерѣдко *k* и *г* тамъ, гдѣ санскритскій потомъ превратилъ ихъ въ *ч* и *дж*. Далѣе г. Гильфердингъ сравниваетъ прочіе согласные звуки и соединенія звуковъ въ язы-

кахъ санскритскомъ и славянскомъ и заключаетъ слѣдующими выводами: 1) что въ славянскомъ языкѣ находится болѣе, нежели въ прочихъ языкахъ европейскихъ, корней и словъ, родственныхъ съ санскритскими; 2) что всѣ славянскія нарѣчія сохранили въ одинаковой мѣрѣ древнія слова, восходящія до эпохи первобытнаго единства семьи индо-европейской; 3) что языкъ славянскій, взятый въ цѣлости, не отличается отъ санскритскаго никакимъ постояннымъ, органическимъ измѣненіемъ звуковъ, равно какъ и языкъ литовскій, тогда какъ всѣ прочіе индоевропейскіе языки подчинились разнымъ звуковымъ законамъ, которые исключительно свойственны каждому изъ нихъ въ отдѣльности; 4) что ближайшее родство языковъ санскритскаго, литовскаго и славянскаго еще яснѣе доказывается тѣмъ, что въ нихъ равномѣрно развиты многіе звуки, чуждые прочимъ вѣтвямъ индо-европейскаго племени, каковы въ особенности: носовые звуки *ç*, замѣняющее коренное *k* (санскритское *ç*), *ч* и (*ж дж*), и наконецъ *р*-гласный (славянскій *ръ*); 5) что смягченіе согласныхъ составляетъ также одно изъ тѣхъ свойствъ, которыя связываютъ тѣснѣйшимъ родствомъ славянскій языкъ съ литовскимъ и санскритскимъ и отдѣляютъ отъ нихъ соплеменныя вѣтви.

Второе сочиненіе г. Гильфердинга есть не что иное, какъ повтореніе тѣхъ же самыхъ выводовъ, основанныхъ на сравненіи звуковъ, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ, впрочемъ весьма немногихъ, формъ грамматическихъ. Упомянувъ вкратцѣ объ извѣстнѣйшихъ трудахъ по части сравнительно-историческаго языкознанія и сдѣлавъ различіе между *постоянными*, или *органическими*, и *случайными* измѣненіями звуковъ, г. Гильфердингъ перебираетъ всѣ языки индо-европейскіе: зендскій, греческій, албанскій, латинскій, осскій, умбрійскій, германскій, кельтскій, обозначая, какія произошли отъ нихъ органическія видоизмѣненія въ звукахъ. Затѣмъ г. Гильфердингъ приводитъ уже знакомые намъ *пять главныхъ звуковыхъ законовъ*, которыми славянскій и литовскій языки связываются съ санскритскимъ и отдѣляются отъ прочихъ языковъ родственныхъ, т. е.: 1) *р* —гласный (славянскій *ръ, лъ*); 2) носовые звуки (санскритскій *анусвара*): 3) *с*, замѣняющее коренное *к* (санскритскій *ç*); 4) переходъ *к* и *g* въ *ч* и *ж*; 5) смягченіе. Затѣмъ приводятся образцы сближенія корней и словъ славянскихъ и литовскихъ съ санскритскими. Г. Гильфердингъ заключаетъ свое сочиненіе сравненіемъ нѣкоторыхъ формъ въ склоненіи именъ существительныхъ и въ спряженіи глаголовъ въ языкахъ славянскихъ и санскритскихъ; но это сравненіе такъ неполно, такъ отрывочно, что изъ него невозможно получить никакого понятія *объ отношеніи славянскаго языка къ языкамъ родственнымъ* касательно грамматическаго состава. Между прочимъ г. Гильфердингъ исчисляетъ совершенно догматически и безъ всякаго основанія логическія формы глагола, опредѣляемыя *временемъ* (*времена*), *отношеніями* дѣйствія къ лицу, которое его производитъ либо ему подвергается, или къ другому дѣйствію (*наклоненія* и *залоги*), *количествомъ* и наконецъ *качествомъ* дѣйствія (*виды*). Здѣсь г. Гильфердингъ обнаруживаетъ незнакомство даже съ Беккеромъ. Онъ поставилъ *времена* и *наклоненія* подъ разныя категоріи, между тѣмъ какъ они вмѣстѣ съ *лицами*, которые г. Гильфердингъ совершенно опустилъ изъ виду, показываютъ отношеніе сказуемаго къ лицу говорящему и составляютъ формы вообще сказуемаго, а не глагола только; *наклоненія* же и *залоги* поставилъ въ одну категорію, между тѣмъ какъ *залоги* и *виды* —

собственно глагольныя формы: залоги показываютъ отношеніе дѣйствія къ предметамъ (относительное свойство дѣйствія), а виды — внутреннее, безотносительное свойство дѣйствія самого по себѣ. Г. Гильфердингъ говоритъ, что виды въ славянскомъ языкѣ выражаютъ категорію качества: неужели и *кратность* дѣйствія есть качество, а не количество?

Мы прослѣдили вкратцѣ содержаніе обоихъ сочиненій г. Гильфердинга, сдѣлавъ нѣкоторыя частныя замѣчанія. Скажемъ теперь наше мнѣніе объ основной мысли обоихъ сочиненій и о достоинствѣ каждаго изъ этихъ сочиненій въ отдѣльности.

Г. Гильфердингъ усиливается сблизить славянскій и литовскій языки съ санскритскимъ и составить изъ нихъ одну *-восточную*—вѣтвь языковъ индоевропейскихъ, въ противоположность другой *западной*—вѣтви той же отрасли. Что славяне и литовцы послѣ вышли изъ своей азіатской прародины, нежели прочіе народы Европы, въ этомъ, кажется, нѣтъ сомнѣнія. Къ филологическимъ доказательствамъ г. Гильфердинга, впрочемъ далеко не вполнѣ убѣдительнымъ, мы прибавимъ еще доказательство историко-географическое. Всѣ европейскіе народы пришли въ Европу черезъ Кавказскія ворота; славяне и литовцы живутъ на востокѣ Европы: слѣдовательно, они пришли въ нее послѣ всѣхъ. Итакъ, если вслѣдствіе позднѣйшаго прихода въ Европу, славяне и литовцы въ языкѣ своемъ сохранили болѣе сходства съ языкомъ санскритскимъ, удержавъ и такіе звуки, которые развились въ языкѣ санскритскомъ уже послѣ отдѣленія отъ индѣйскаго племени другихъ европейскихъ народовъ, то это только доказываетъ, что они дольше жили въ своей азіатской прародинѣ, — и больше ничего. Но г. Гильфердингъ выводитъ другое, гораздо отдаленнѣйшее заключеніе:

«Соплеменные языки западные, получивши прежде самостоятельную жизнь, вынесли изъ древняго единства стихіи менѣе опредѣленныя и отъ того поддались такъ легко, уже на своей почвѣ, каждый совершенно особеннымъ склонностямъ. Всѣ эти языки давно исчезли и оставили по себѣ вторичныя нарѣчія, тогда какъ на востокѣ еще живутъ и процвѣтаютъ два великіе языка первичнаго образованія — славянскій и литовскій: ужъ не преистекла ли смерть первыхъ отъ того, что они рано начали жить сами по себѣ и, *отдѣлившись прежде полнаго развитія*, должны были многое выработать собственными силами и *тѣмъ скоро истощились?* А долговѣчность языковъ литовскаго и славянскаго, не совпадаетъ ли она съ ихъ позднимъ обособленіемъ и богатствомъ вынесеннаго изъ Азіи звуковаго наслѣдства, котораго восполнять имъ не было нужды? И наконецъ этотъ различный характеръ индо-европейской рѣчи въ западной Европѣ и въ восточной не соотвѣтствуетъ ли историческому характеру двухъ великихъ половинъ Европы? На той же сторонѣ, гдѣ находимъ раннее обособленіе языка и господство частныхъ звуковыхъ законовъ, мы видимъ и преобладаніе *личности* надъ *общиною*, и скорѣйшее развитіе, которому помогло это преобладаніе личности; а на другой сторонѣ позднее отдѣленіе языка славянскаго и его вѣрность звукамъ, вынесеннымъ изъ доисторической родины, изъ Азіи, не согласно ли съ медленнѣйшимъ ходомъ славянскаго племени, въ которомъ менѣе высказывалась личность, но крѣпче хранилось общественное начало?»

Итакъ, развитіе романскихъ языковъ изъ латинскаго произошло оттого, что латинскій языкъ отдѣлился отъ санскритскаго прежде полнаго развитія и скоро

истощился! Г. Гильфердингъ говоритъ о славянскомъ языкѣ, какъ о языкѣ первичнаго образованія. Но мы не знаемъ такого языка; мы знаемъ только славянскія нарѣчія: первичный же славянскій языкъ, изъ котораго они произошли, намъ неизвѣстенъ. Слѣдовательно, различіе здѣсь только въ томъ, что языкъ, отъ котораго произошли, напримѣръ, романскія нарѣчія, оставилъ по себѣ богатую литературу, а первоначальный славянскій языкъ, отъ котораго произошли славянскія нарѣчія, не оставилъ по себѣ никакихъ памятниковъ. Г. Гильфердингъ говоритъ, что «Славяне обратили творческую силу языка своего не на вещественную его сторону, не на звуки, которые остались у нихъ, какъ были, а на выраженіе мысли, на внутреннее опредѣленіе глагола, самой живой и духовной стихіи нашего слова». Итакъ, звуковое измѣненіе языка соотвѣтствуетъ развитію личности, а измѣненіе глагола—крѣпости общественнаго начала! Вотъ до какихъ несообразностей доводятъ и людей, добросовѣстно трудящихся для науки, заднія мысли.

Первое сочиненіе г. Гильфердинга есть трудъ дѣльный и добросовѣстный. Сочиненіе это не докончено и далеко еще не докончено. Если же его почитать конченнымъ, то должно перемѣнить его заглавіе, обозначивъ его, какъ сравненіе звуковъ въ языкахъ санскритскомъ и славянскомъ. Сравненіе полнаго грамматическаго состава этихъ языковъ еще ожидаетъ трудолюбивыхъ дѣлателей. Второе сочиненіе есть только извлеченіе изъ перваго и еще менѣе соотвѣтствуетъ своему заглавію. Если г. Гильфердингъ и хотѣлъ здѣсь изложить результаты, добытые имъ въ первомъ изслѣдованіи, то онъ долженъ бы былъ ограничиться показаніемъ *отношенія славянскаго языка къ санскритскому касательно звуковъ*. Г. Гильфердингъ измѣнилъ своему собственному намѣренію сравнивать первоначально славянскій языкъ съ каждымъ изъ другихъ индо-европейскихъ языковъ въ отдѣльности и слишкомъ рано взялъ на себя слишкомъ трудную задачу. Гораздо лучше, еслибъ второе сочиненіе его было не извлеченіемъ изъ перваго, а продолженіемъ его.

Несмотря на все это, труды г. Гильфердинга какъ сами по себѣ чрезвычайно замѣчательны и, конечно, обратятъ на себя вниманіе каждаго филолога, такъ въ особенности много обѣщаютъ въ будущемъ. Г. Гильфердингу нужно только:

1) Изучить организмъ языка вообще. Въ опредѣленіи глагольныхъ принадлежностей онъ показалъ чрезвычайно сбивчивыя понятія. То же видимъ въ названіяхъ звуковъ. Г. Гильфердингъ называетъ звуки *д* и *т зубными*, между тѣмъ какъ другіе (также произвольно) называютъ ихъ *язычными*; звуки *ч* и *ж* онъ называетъ *нёбными*, между тѣмъ какъ ясно, что въ произношеніи ихъ нёбо нисколько не участвуетъ. (Мы думаемъ съ своей стороны, что всѣ согласные звуки должно раздѣлить на *губные*, произносимые губами, наружнымъ органомъ рта, безъ помощи языка, и *язычные*, произносимые внутренними органами рта съ помощію языка, что язычные должно подраздѣлить на *нёбные*, произносимые языкомъ и нёбомъ, куда относятся такъ называемые гортанные, плавные и язычные, и *зубные*, произносимые языкомъ и зубами, куда относятся такъ называемые шипящіе, шепелеватые, свистящіе: законъ органическихъ противоположностей ясно выказывается здѣсь). Г. Гильфердингъ не оставилъ еще стараго обыкновенія *звуки* называть *буквами*. Организмъ языка долженъ быть свѣтильникомъ на пути сравнительно-историческихъ изслѣдованій.

2) Изучить отдѣльные языки, которые онъ желаетъ сравнивать, прежде, нежели выводить объ отношеніи ихъ между собою общіе и положительные результаты.

3) Брать для сравненія слова изъ живой рѣчи, гдѣ они только и имѣютъ свой смыслъ, а не изъ лексиконовъ. Учиться языку по лексикону все равно, что по азбучному списку собственныхъ именъ учиться географіи. Притомъ должно дѣлать различіе и въ самыхъ памятникахъ. Напримѣръ, г. Гильфердингъ беретъ славянскія слова изъ Миклошича и пишетъ *врѣхъ, дрѣзати,* а не *врѣхъ, дрѣзати,* какъ эти слова пишутся въ Остромировомъ Евангеліи, самомъ важномъ памятникѣ языка славянскаго, откуда ихъ и слѣдовало брать.

При такихъ условіяхъ мы вполнѣ надѣемся, что г. Гильфердингъ съ своими дарованіями и трудолюбіемъ принесетъ несомнѣнную пользу сравнительно-историческому языкознанію.

Комнатная магія или увеселительные фокусы и опыты, основанные на физикѣ и химіи. Сочиненіе *Г. Ф. Амарантова.* Москва 1854.

Умѣете ли вы «переносить воду въ рѣшетѣ?» Если не умѣете, «Комнатная магія» научитъ васъ этому:

«Стоитъ только накрыть верхъ рѣшета гладкою доскою (*мы прибавимъ: еще вѣрнѣе достигнете вы цѣли, если крѣпко обтянете верхъ рѣшета полотномъ, а потомъ уже на полотно положите доску*) и придерживать полотно, такъ чтобы воздухъ не могъ проходить. Если погрузить такимъ образомъ накрытое рѣшето въ воду, и когда оно наполнится, опять вынуть (*опять прибавимъ: погружать рѣшето надобно бокомъ, а вынимать его не наклоняя на бокъ*), то вода, въ немъ находящаяся, не будетъ вытекать до тѣхъ поръ, пока не отнимется доска. Это объясняется тѣмъ, что воздухъ, давя снизу, препятствуетъ выходу воды, потому что присутствіемъ доски отстраняется противодѣйствующее давленіе снизу».

Изъ этого видно 1) что опыты и фокусы изложены въ «Комнатной магіи» не совсѣмъ полно; 2) что они дѣйствительно основаны на физикѣ и химіи, а не на проворствѣ рукъ, и потому удобоисполнимы для каждаго желающаго ими заняться; 3) что поэтому взрослыя и не взрослыя дѣти могутъ довольно забавно проводить время при помощи «Комнатной магіи»; 4) что г. Амарантовъ имѣетъ похвальное стремленіе объяснять загадочныя явленія.

Умѣете ли вы «заставить среди зимы разцвѣсть въ комнатѣ вѣтвь, срубленную въ саду и замерзшую?» Ни вопроса этого, ни отвѣта на него въ «Комнатной магіи» мы не нашли; въ сотняхъ другихъ подобныхъ книжекъ вы найдете слѣдующій отвѣтъ: посадите замерзшую вѣтвь въ наполненное известью и водою ведро, и она распустится и расцвѣтетъ въ нѣсколько часовъ.

Изъ этого видно 1) что далеко не всѣ фокусы помѣщены въ «Комнатной магіи»; 2) что имѣя подъ руками нѣсколько подобныхъ книжекъ можно давать удовлетворительные отвѣты и на такіе вопросы, которыхъ нѣтъ въ «Комнатной магіи».

Итакъ, предполагая, что у любителя подобныхъ задачъ есть достаточный запасъ книгъ, мы попросимъ его дать отвѣтъ на слѣдующій вопросъ: на дняхъ вышла книжка подъ заглавіемъ—

Первая любовь. Повѣсть. Сочиненіе *А. К-ва*. Москва. 1854.

Повѣсть эта очень плоха, плоха такъ, какъ нельзя больше. Въ ней два злодѣя, изъ которыхъ одного, для эффекта, зовутъ Жукомъ; есть два эпизодическіе разсказа, написанные явно съ цѣлью соперничать съ «повѣстью о капитанѣ Копѣйкинѣ», даже подобно ей напечатанные съ особымъ заглавіемъ: вотъ образцы ихъ:

«Столоначальникъ и говоритъ: это, говоритъ, не такъ написано; говоритъ: надо вотъ такъ и такъ; тутъ вотъ, говоритъ, написано то, а надо вотъ то, и прочее, въ этомъ родѣ, понимаете...»

«Вхожу въ переднюю-съ. Тамъ лакеище этакой неподвижный, знаете, мурлястый такой, хватистый, грузный изъ себя. Кого вамъ? говоритъ.—Я говорю: барышню вотъ, говорю, платокъ отдать».

Есть добродѣтельный чудакъ, есть соблазнитель, есть преступный старикъ, есть ядъ, даже два раза, есть—что всего ужаснѣе—страшный юморъ... однимъ словомъ, читатель, вѣроятно, ужъ убѣдился въ качествахъ «Первой любви». Итакъ, предлагается слѣдующая задача:

«Какъ сдѣлать, чтобы книжка, заключающая въ своей оберткѣ «Первую любовь», была рѣдкимъ и замѣчательнымъ явленіемъ въ литературѣ?»

Неправда-ли, это кажется невозможно? А между тѣмъ это ужъ сдѣлано—на основаніи химіи, на основаніи физики, или на основаніи чего-нибудь другого, это пока все равно, но это сдѣлано. Какимъ же образомъ? вотъ какимъ:

«Первая любовь» есть рѣдкое и замѣчательное явленіе въ литературѣ, потому что, если не считать сѣробумажныхъ романовъ, подобныхъ «Бриліантовой лунѣ» и «Любви и вѣрности», эта книжка есть единственная русская книжка, содержащая въ себѣ беллетристическое русское произведеніе, появившаяся въ теченіе болѣе нежели полугода.

Теперь остается разрѣшить только вопросъ: какимъ образомъ русская литература въ теченіе болѣе нежели полугода могла произвести только одну книжку беллетристическаго содержанія?

Для многихъ отвѣтъ затруднителенъ; а для многихъ вовсе незатруднителенъ: «толстые журналы поглотили всю нашу беллетристику». Но почему же не поглощали прежде?

КРИТИКА.

Пѣсни разныхъ народовъ. Перевелъ *Н. Бергъ.* Москва. 1854.

Говорятъ, будто бы человѣкъ не бываетъ ничѣмъ доволенъ. Дѣйствительно, такъ иногда случается, и нельзя не сказать, что въ избитой фразѣ о ненасытности человѣка, о безграничности его требованій есть своя доля правды, какъ есть своя доля правды во всемъ, что когда нибудь было или будетъ сказано. Но гораздо болѣе справедливости въ противоположной мысли, которая слышится не столь часто: человѣкъ вообще чрезвычайно склоненъ къ самодовольству и, вслѣдствіе того, къ довольству всѣмъ, что считаетъ своимъ. Посмотрите, какъ неумѣренно каждый народъ превозноситъ свое участіе въ исторіи, какъ ставитъ онъ себя первымъ въ мірѣ народомъ! Для насъ, напримѣръ, постороннихъ, и потому до высокой степени безпристрастныхъ зрителей, забавно видѣть, какъ французы почитаютъ первою въ мірѣ литературою свою литературу, англичане свою, нѣмцы свою; мало этого, даже итальянцы до сихъ поръ продолжаютъ считать себя стоящими въ челѣ всемірнаго движенія, воображаютъ, будто бы ихъ поэты и ученые—не Данте или Аріосто, не Джордано Бруно или Галилей, нѣтъ, современные, неважные ни для кого, кромѣ самихъ итальянцевъ, поэты и ученые—первые двигатели умственнаго и нравственнаго міра. Послѣ этого легко будетъ оцѣнить и степень основательности притязаній каждаго новаго поколѣнія на безусловную справедливость стремленій своего вѣка. Безпрестанно повторяется старая исторія присужденія греками награды тому человѣку, который наиболѣе содѣйствовалъ побѣдѣ надъ Ксерксомъ: когда началась балотировка, каждый изъ присутствовавшихъ клалъ въ урну свое собственное имя. Мы не говоримъ, чтобы всѣ притязанія настоящаго поколѣнія на славу были несправедливы; мы даже не хотимъ рѣшать и того, справедливы ли притязанія нашего времени на первенство надъ всѣми предъидущими историческими эпохами, на безусловную справедливость того «духа вѣка», который вѣетъ нынѣ. Мы только хотимъ сказать, что похвала изъ собственныхъ устъ ненадежна, что самодовольство не ручается еще за справедливость и превосходство, что надобно ждать похвалы отъ другихъ, не опираясь на собственную, что истина не есть исключительная привиллегія одного какого нибудь поколѣнія, и что полезнѣе подвергать строгому по возможности анализу свои понятія о «собственныхъ» достоинствахъ, нежели успокоивать свое самолюбіе фразами: «мы обладатели полной, всесторонней истины; всѣ наши предшественники ошибались: мы выше и лучше всѣхъ; наши стремленія безусловно

безошибочны». Любовь къ себѣ такъ сильна, что можетъ нуждаться только въ разумномъ обузданіи, а не въ безотчетныхъ подстреканіяхъ.

Одно изъ любимыхъ обвиненій со стороны нашего вѣка противъ предъидущаго—«наши отцы и дѣды мало заботились о народности». Какъ полно прилагается теперь эта мѣрка самовосхваленія, напримѣръ, къ русской литературѣ! «Элементъ народности слабъ у Карамзина и Жуковскаго; потому содержаніе ихъ произведеній безконечно ниже того содержанія, какое находимъ въ современной литературѣ». Быть можетъ и справедливо, что въ наше время литература развила въ себѣ содержаніе болѣе высокое и живое, нежели какое влагалось въ нее нашими отцами; не хотимъ рѣшать этого вопроса, онъ можетъ быть рѣшенъ только послѣдующими поколѣніями, и для насъ было бы горько рѣшить его отрицательно. У кого поднимается рука на то, что кажется ему своимъ? Но если трудно для насъ признаться, что мы ниже нашихъ отцовъ, что

«Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда,
И прахъ нашъ съ строгостью судьи и гражданина
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ»,

если намъ трудно отказаться отъ претензій на превосходство, то, быть можетъ, не такъ тяжело для насъ взглянуть, дѣйствительно ли наше превосходство основывается на тѣхъ стремленіяхъ, которыя считаются отличительными чертами нашего вѣка и которыми такъ гордится нашъ вѣкъ.

Исключительное развитіе племенныхъ особенностей и общечеловѣчность—противуположные элементы; стремленіе къ одному изъ нихъ необходимо обращается въ ущербъ пристрастію къ другому. Въ окончательномъ результатѣ, правда, народность развивается соразмѣрно развитію общечеловѣчности: только образованіе дастъ индивидуальности содержаніе и просторъ; варвары всѣ сходны между собою; каждая изъ высоко-образованныхъ націй отличается отъ другихъ рѣзко обрисованною индивидуальностью. Потому, заботясь о развитіи общечеловѣческихъ началъ, мы въ то же время содѣйствуемъ развитію своихъ особенныхъ качествъ, хотя бы вовсе о томъ не заботились. Исторія всѣхъ націй свидѣтельствуетъ объ этомъ. Французскій характеръ выработался только тогда, когда подъ древне-классическимъ, итальянскимъ и испанскимъ вліяніемъ развилось во Франціи общее образованіе: Рабле, Корнель и Мольеръ—чистые французы; между тѣмъ французскіе трубадуры и труверы чрезвычайно мало отличаются отъ средневѣковыхъ пѣвцовъ остальныхъ земель западной Европы. То же самое надобно сказать объ англичанахъ и нѣмцахъ: Шекспиръ явился, когда все въ Англіи заботилось о древне-классической и итальянской литературахъ; Лессингъ, Гете и Шиллеръ были воспитаны не изученіемъ средневѣковой поэзіи, а вліяніемъ древне-классической и англійской образованности и литературы. Развитіе самостоятельности идетъ вслѣдъ за образованностью. Истина, по видимому, очень простая. О ней и не говорили сто или даже шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. И мы не знаемъ, до какой степени слѣдуетъ нашему времени гордиться тѣмъ, что стало необходимо напоминать о ней.

Совершенно къ другому результату приводитъ то, когда преимущественное вниманіе обращается на развитіе содержанія спеціально принадлежащаго тому или другому народу. Эта племенная особенность не можетъ быть понимаема иначе, какъ

сумма тѣхъ особенностей, которыми извѣстная нація на извѣстной степени развитія отличается отъ остальныхъ народовъ, и преимущественно отъ образованныхъ народовъ, потому что, какъ мы говорили, необразованные народы существенно не отличаются другъ отъ друга. Заботясь о развитіи столь исключительнаго содержанія, необходимо становишься въ отталкивающее положеніе противъ общечеловѣчныхъ элементовъ; временное и случайное проявленіе становится въ этомъ случаѣ выше общаго начала, форма выше содержанія. Вмѣсто движенія превозносится застой, вмѣсто живаго духа начинаетъ господствовать мертвая буква. Если мы захотѣли найдти поразительный примѣръ всего этого въ ближайшихъ временахъ и земляхъ, мы должны были бы припомнить грустную исторію тевтономаніи, которая нанесла такъ много вреда блистательно начавшемуся возрожденію Германіи, которая заглушила благородныя сѣмена жизни, посѣянныя императоромъ Іосифомъ II, Фридрихомъ Великимъ, Лессингомъ, Кантомъ, Шиллеромъ. Здѣсь было бы неумѣстно повторять исторію жалкаго нѣмецкаго романтизма въ наукѣ и литературѣ и выказывать его внутреннюю слабость и несообразность. Все это уже было краснорѣчиво высказываемо на русскомъ языкѣ, и желающіе припомнить давно читанное, но въ послѣднее время позабытое многими, лучше всего сдѣлаютъ, если обратится къ изученію тѣхъ понятій, которыя были высказываемы въ эпоху Лермонтова и Гоголя. Возвращаясь къ примѣру, нами представленному, укажемъ только на состояніе нѣмецкой литературы въ настоящее время. Она наводнена переводами дюмасовскихъ романовъ. Вотъ къ чему привела тевтономанія: она, думая возвысить спеціальную самостоятельность въ литературѣ, убила ее; трудами Шлегелей, Тика и т. д. нѣмецкая литература приведена совершенно въ то же состояніе, отъ котораго избавили ее гуманическія усилія Лессинга; разница развѣ только въ томъ, что въ нынѣшній разъ упала она гораздо ниже того уровня, на которомъ стояла до Лессинга, въ эпоху Виланда. Такое печальное слѣдствіе необходимо, и объясняется очень просто. Забота объ оригинальности губитъ оригинальность; истинно самостоятеленъ только тотъ, кто и не думаетъ о возможности быть не самостоятельнымъ. Толкуетъ объ энергіи своего характера только слабохарактерный, боится подчиняться чужому вліянію только тотъ, кто чувствуетъ, что его легко подчинить. Прочно мы владѣемъ только тѣмъ, чего не боимся потерять. Итакъ хлопоты о самостоятельности служатъ уже признакомъ отсутствія самостоятельности. Сознательная забота объ оригинальности есть забота о формѣ. У кого есть содержаніе, тотъ не будетъ хлопотать, чтобъ отличиться оригинальностью. Онъ не можетъ не быть оригиналенъ, потому и не думаетъ объ этомъ. А забота о формѣ приводитъ къ пустотѣ и ничтожности. За ничтожностью слѣдуетъ подчиненіе.

Поклоненіе народной поэзіи болѣе всего основывается на подобныхъ заботахъ о томъ, чтобы «литература проникласъ своеобразнымъ содержаніемъ». Высказанныя нами убѣжденія достаточно свидѣтельствуютъ, что мы не увлекаемся безпредѣльнымъ пристрастіемъ къ народнымъ пѣснямъ. Мы не думаемъ ставить, какъ это дѣлаютъ многіе, цыганскаго хора выше оперы или концерта. «Ай, вдоль по улицѣ молодчикъ идетъ» выше моцартовской или россиніевской аріи, не считаемъ «Древнихъ Русскихъ Стихотвореній» Кирши Данилова выше «Стихотвореній Пушкина». Намъ кажется, что послѣ всего сказаннаго, исключительные почитатели народной поэзіи, въ томъ числѣ и г. Бергъ, могутъ упрекнуть насъ въ холодности къ ней, и никто не причислитъ насъ къ ихъ разряду. Итакъ, если въ продолженіи нашей

статьи мы должны будемъ высказать о достоинствахъ народной поэзіи сужденія, которыя для незнакомыхъ съ нею близко могутъ показаться слишкомъ высокими, то читатели могутъ быть увѣрены, что высокое уваженіе къ народной поэзіи вызывается въ насъ только требованіями справедливости, а не безотчетнымъ пристрастіемъ и никакими нибудь посторонними соображеніями, какъ это часто бываетъ.

Отношеніе народныхъ пѣсенъ къ произведеніямъ письменной литературы почти совершенно соотвѣтствуетъ отношенію періода, въ которомъ онѣ развиваются, къ характеру послѣдующаго развитія народа. Крайне трудно опредѣлить — говоритъ г. Бергъ — при какихъ именно условіяхъ является хорошая пѣсня у народа. Если скажутъ: у народа, способнаго къ литературѣ — можно указать случаи, гдѣ хорошая пѣсня является вовсе не у литературнаго народа. Если скажутъ: у благоденствующаго — и тутъ можно найти опроверженіе, и выставить случаи, гдѣ неблагоденствіе какъ будто помогаетъ явленію лучшей пѣсни. Новая Греція тогда запѣла свои прекрасныя клефтическія пѣсни, когда нагрянули турки, и внесли въ Морею смерть и опустошеніе. Можетъ быть, нѣтъ ничего столь прихотливаго какъ пѣсня». Совершенно справедливо, что степень развитія народной поэзіи у извѣстнаго народа не опредѣляется ни послѣдующимъ богатствомъ его литературы, ни его благоденствіемъ. Но самъ г. Бергъ опредѣляетъ время процвѣтанія народной поэзіи, говоря: «всегда движеніе цивилизаціи уничтожало пѣсню. Являясь у народа младенчествующаго, но чуткаго къ своему слову (?), пѣсня впослѣдствіи замѣнялась произведеніями отдѣльныхъ лицъ. Простой человѣкъ терялъ къ ней привязанность и забывалъ ее для новыхъ романсовъ». Итакъ народная поэзія принадлежитъ спеціально младенческому періоду народной жизни. Этого общепринятаго опредѣленія однако недостаточно. Не у всѣхъ младенчествующихъ народовъ есть прекрасная и богатая народная поэзія. Чѣмъ же обусловливается ея разцвѣтъ? Энергіею народной жизни. Только тамъ являлась богатая народная поэзія, гдѣ масса народа (нѣтъ надобности прибавлять, что слово *народа* мы здѣсь принимаемъ въ смыслѣ націи, племени, говорящей однимъ языкомъ) волновалась сильными и благородными чувствами, гдѣ совершались силою народа всякія событія. Такими періодами жизни были у испанцевъ войны съ маврами, у сербовъ и грековъ войны съ турками, у малороссовъ войны съ поляками. Прослѣдимъ ближе характеръ младенчествующаго народа, чтобы справедливымъ образомъ оцѣнить достоинство произведеній, выражающихъ понятія и высказывающихъ жизнь того времени; потомъ взглянемъ на причины паденія народной поэзіи, чтобы видѣть, почему не удовлетворяется ею народъ, какъ скоро начинаетъ цивилизоваться.

Одинъ изъ величайшихъ мыслителей нашего вѣка высказалъ идею о томъ, что высшая степень развитія по формѣ совпадаетъ съ совершенною неразвитостью, существенно отличаясь отъ нея содержаніемъ. Въ приложеніи къ исторіи такая идея оказывается совершенно справедливою. Мы видимъ теперь, что конечный результатъ историческаго развитія состоитъ въ тѣснѣйшемъ сближеніи всѣхъ членовъ націи въ одно плотное духовное цѣлое. Таково же положеніе людей до начала цивилизаціи. Все младенчествующее племя проникается совершенно одинаково духовною жизнью. Въ народѣ необразованномъ масса понятій такъ незначительна, что семейныя преданія, патріархальныя наставленія старшихъ въ семействѣ совершенно достаточны для того, чтобы познакомить каждаго изъ членовъ патріархальнаго общества со всею массою идей и познаній, вращающихся въ обще-

ствѣ. Нѣсколько наблюденій надъ свойствами травъ, нѣсколько правилъ относительно обращенія съ больнымъ или раненымъ,—и патріархальный человѣкъ постигъ всю премудрость отечественной медицины; нѣсколько именъ самыхъ яркихъ звѣздъ и созвѣздій,—и патріархальный человѣкъ знаетъ все, что извѣстно его соплеменникамъ объ астрономіи. То же самое должно сказать относительно удобствъ и образа жизни. Ихъ такъ мало, что самые могущественные, самые богатые члены патріархальнаго общества живутъ почти совершенно также, какъ и вся масса народа. Вспомнимъ о гомеровыхъ герояхъ, которые сами готовятъ кушанье, которыхъ жены и дочери сами ткутъ и шьютъ платье, сами его моютъ. Нераздѣленные отъ остальной массы населенія ни привычками къ особенному образу жизни, ни степенью образованности, высшіе классы общества сливаются съ другими въ одно цѣлое, неразрывное по своимъ чувствамъ и стремленіямъ. Не отталкиваемая различіемъ понятій и образа жизни изъ постоянныхъ и домашнихъ соотношеній съ могущественнѣйшими членами общества, остальная масса не принуждена сознавать своего ничтожества. Напротивъ, каждый членъ племени проникнутъ чувствомъ собственнаго достоинства. Оно всегда сильно развито въ младенчествующемъ обществѣ. Удобствъ жизни почти совершенно не существуетъ; всѣ привыкли довольствоваться самымъ простымъ удовлетвореніемъ первѣйшихъ жизненныхъ потребностей. Потому нищета и соединенныя съ нею чувства замѣчаются рѣдко. Въ сущности всѣ бѣдны, но этого никто не сознаетъ, никто этимъ не тяготится. Общественныя отношенія таковы, что масса населенія принимаетъ непосредственное участіе въ дѣлахъ (вспомнимъ о характерѣ общественнаго устройства у германцевъ и славянъ при ихъ появленіи въ исторіи); національные вопросы такъ просты и близки къ выгодамъ каждаго, что каждый членъ племени вполнѣ понимаетъ ихъ и принимаетъ въ нихъ самое живое участіе. Въ самомъ дѣлѣ, вопросы эти ограничиваются нападеніями на сосѣдей для грабежа или защитою собственнаго имущества отъ разореній. Однимъ словомъ, вся масса народа составляетъ однообразное цѣлое, въ которомъ каждый отдѣльный членъ совершенно подобенъ другимъ. При всеобщности чувства собственнаго достоинства, патріархальное общество вообще проникнуто какою-то нравственною возвышенностью; при всеобщей самостоятельности и участіи въ національныхъ дѣлахъ, каждый членъ его представляется мыслителемъ, мудрецомъ; вообще, каждый привыкъ жить умственно и нравственно, привыкъ имѣть какую-то возвышенную, благородную настроенность духа. Кромѣ того, по малочисленности развитыхъ потребностей, по самой малочисленности способовъ пріискивать имъ удовлетвореніе, по многимъ другимъ обстоятельствамъ, у каждаго остается очень много времени, свободнаго отъ физическихъ работъ. Такимъ образомъ у народа, находящагося на степени патріархальности, существуютъ всѣ условія поэтическаго настроенія духа, и нужно только, чтобы какія нибудь событія возбудили энергію въ народѣ, дали пищу его нравственной жизни, тогда необходимо возникаетъ могущественная народная поэзія. Мы говорили, что умственная и нравственная жизнь для всѣхъ членовъ такого народа одинакова, потому и произведенія поэзіи, порожденной возбужденіемъ такой жизни, одинаково близки и понятны, одинаково милы и родственны всѣмъ членамъ народа.

Итакъ народная поэзія возникаетъ при отсутствіи рѣзкихъ различій въ умственной жизни народа, и тѣснѣйшимъ образомъ связана съ патріархальнымъ бытомъ. При выходѣ изъ этого быта, при самомъ началѣ цивилизаціи, народъ распадается на различныя подраздѣленія, изъ которыхъ каждое отличается отъ осталь-

ныхъ степенью образованности, образомъ жизни и т. д. Это — первое явленіе въ исторіи народнаго развитія. Имъ разрушаются всѣ условія существованія общенародной поэзіи. Здравый смыслъ едва ли допускаетъ идею о томъ, что необходимость цивилизаціи нуждается въ доказательствахъ, что неизмѣримое превосходство цивилизованнаго быта надъ варварскимъ или полуварварскимъ можетъ подлежать сомнѣніямъ. Но какъ и все на землѣ, развитіе цивилизаціи сопровождается не одними выгодами. Какъ первые лучи солнца озаряютъ только вершины горъ, и проходитъ долгое время, пока они достигнутъ низменныхъ долинъ, такъ и цивилизаціею сначала проникаются одни только могущественнѣйшіе, высшіе члены общества. Большинство остается въ прежнемъ бытѣ. Мало того; время и силы его все болѣе и болѣе поглощаются чисто физическимъ трудомъ. Всѣ условія поэтической настроенности исчезаютъ; нѣтъ и содержанія для народной поэзіи съ тѣхъ поръ, какъ масса народа перестала быть живою и сознательною участницею національныхъ предпріятій. Народная поэзія увядаетъ и гибнетъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ этой чисто литературной точки зрѣнія цивилизація можетъ представляться въ невыгодномъ свѣтѣ. Потому-то приверженцы поэзіи, принадлежащей патріархальному быту, могутъ быть и часто бываютъ возбуждаемы къ непріязни противъ цивилизаціи соображеніями, вытекающими изъ благороднаго образа мыслей. Тѣмъ не менѣе ихъ понятія никогда не могутъ заслужить одобренія. Они существенно ошибочны.

Люди, познакомившіеся съ выгодами и прелестью цивилизаціи, никакимъ образомъ не могутъ быть приведены къ тому, чтобы отказаться отъ нея. Ихъ отвѣтъ всегда будетъ одинъ и тотъ же: «вкусивъ сладкаго, мы отвратились отъ горькаго»; и потому всѣ сожалѣнія о паденіи патріархальнаго быта и, чтобы спеціальнѣе говорить о нашемъ предметѣ, объ увяданіи народной поэзіи, совершенно безполезны.

Существенныя качества народной поэзіи, достойной своего имени, очевидны изъ качествъ народа, которому она принадлежитъ, изъ обстоятельствъ ея происхожденія и роли, какую играетъ она въ народной жизни. Народная поэзія развивается только у народовъ энергическихъ, свѣжихъ, полныхъ кипучей жизни, искренности, достоинства и благородства. Потому она всегда полна свѣжаго, энергическаго, истинно поэтическаго содержанія. Она всегда возвышенна, цѣломудренна, если можно такъ выразиться, чиста, проникнута всѣми началами прекраснаго, которые вполнѣ развиваются въ человѣкѣ, правда, только цивилизаціею, но которые, однако же, лежатъ въ сущности нашей нравственной организаціи, потому инстинктивно владычествуютъ человѣкомъ, если онъ не испорченъ неблагопріятными обстоятельствами. Она принадлежитъ цѣлому народу, потому чужда всякой мелочности и пустоты, которой въ неиспорченномъ народѣ можетъ поддаваться только отдѣльный человѣкъ, а не цѣлая масса: она вообще полна жизни, энергіи, простоты, искренности, дышетъ нравственнымъ здоровьемъ. Каково ея содержаніе, такова и форма ея: проста, безъискусственна, благородна, энергична. Г. Бергъ говоритъ: «Первое, почему народная пѣсня заслуживаетъ вниманія образованнаго человѣка, есть достоинство ея языка, свѣжаго, яркаго, неискаженнаго чуждымъ вліяніемъ». Мы совершенно согласны, что она обладаетъ этимъ достоинствомъ, но думаемъ, что оно въ ней уже второстепенное, какъ всѣ достоинства формы въ произведеніяхъ поэзіи вообще, и само есть слѣдствіе свѣжести, яркости, и самостоятельности ея

содержанія. Такимъ образомъ въ народной поэзіи мы находимъ несравненно высшее достоинство, нежели какое указываетъ даже г. Бергъ, ея страстный поклонникъ.

Чрезвычайно высокое поэтическое достоинство народной поэзіи обнаружилось для всѣхъ знающихъ людей съ тѣхъ поръ, какъ доказано было, что гомеровы поэмы не болѣе, какъ сборники народныхъ греческихъ пѣсенъ; точно также прекрасное твореніе Фирдуси, иранская «Книга царей», только сборникъ и передѣлка народныхъ пѣсенъ. Въ ней много есть эпизодовъ, подобныхъ которымъ по красотѣ не найдется даже въ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ». Прекрасные романсы о Спдѣ также показываютъ, что не однимъ грекамъ досталось на долю развить чудную народную поэзію. Но мы можемъ указать примѣры еще болѣе близкіе къ намъ. Сербскія эпическія пѣсни прекрасны не менѣе греческихъ. Жалѣемъ, что не можемъ на этотъ разъ воспользоваться книгою г. Берга, у котораго не находимъ достойныхъ эпическихъ пѣсенъ, и потому принуждены для доказательства нашихъ словъ представить въ жалкомъ прозаическомъ переводѣ одинъ изъ отрывковъ несравненно прекрасной сербской эпопеи. Для примѣра мы выбираемъ пѣсни о косовской битвѣ (1389 г.), въ которой погибло сербское войско, погибъ князь сербскій Лазарь, которая на четыре вѣка предала Сербію во власть турокъ. Для объясненія собственныхъ именъ довольно будетъ сказать, что князь Лазарь былъ женатъ на Милицѣ, дочери Юга-Богдана, у котораго было девять сыновей (девять Юговичей), что Вукъ Бранковичъ, первый сербскій вельможа, передался на сторону турокъ, и что въ одной изъ пѣсенъ представляется, будто бы онъ передъ битвою старался оклеветать лучшаго воина сербскаго, Милоша Обилича, который дѣйствительно потомъ пожертвовалъ собою въ битвѣ для того, чтобы убить Мурата, успѣлъ заколоть его и былъ тутъ же изрубленъ его тѣлохранителями. Наконецъ замѣтимъ, что у сербовъ есть обычай побратимства (братства по оружію). Побратимство такая же крѣпкая и тѣсная связь, какъ родство по крови. Побратимы неразлучны на жизнь и смерть. Три главные богатыря или юнака — Милошъ Обиличъ, Иванъ Косанчичъ и Топлица Миланъ—побратимы.

«Султанъ Муратъ идетъ на Косово поле; пришедши, пишетъ онъ письмо и посылаетъ его въ городъ Крушевецъ, къ сербскому князю Лазарю: «Лазарь, сербскій князь! Никогда не бывало и не можетъ быть, чтобъ въ одной землѣ были два господина, чтобы одинъ подданный давалъ двѣ дани. Мы не можемъ оба царствовать. Пришли же мнѣ ключи и дань, золотые ключи отъ всѣхъ городовъ, и дань за семь лѣта впередъ. А если не пришлешь, выходи на Косово поле, и подѣлимъ саблями землю». Получилъ Лазарь письмо, читаетъ его, а самъ крупными слезами плачетъ.

«Вотъ какое заклятье наложилъ князь Лазарь: «кто не пойдетъ на бой на Косово, пусть не родится ничто отъ рукъ его, ни на полѣ бѣлая пшеница, ни въ виноградникѣ лоза»!

«Пиръ пируетъ сербскій князь Лазарь, въ Крушевцѣ, крѣпкомъ городѣ. Всѣхъ господъ и дѣтей господскихъ посадилъ онъ за столъ: по правую руку стараго Юга Богдана (своего тестя), и подлѣ него девятерыхъ Юговичей (его сыновей, своихъ шурьевъ); а по лѣвую руку Вука Бранковича (знатнѣйшаго изъ вельможъ) и всѣхъ остальныхъ господъ по порядку; а на конецъ стола воеводу Милоша

(славнѣйшаго богатыря) и подлѣ него двухъ другихъ воеводъ, Ивана Косанчича и Топлицу Милана. Беретъ царь золотой кубокъ вина и говоритъ сербскимъ господамъ: «За чье здоровье пить мнѣ этотъ кубокъ? Если по старшинству, то за стараго Юга Богдана; если по вельможеству, за Вука Бранковича; если по родству, за моихъ девятерыхъ шурьевъ, Юговичей; если по красотѣ, за Ивана Косанчича; если по росту, за Топлицу Милана; если по богатырству за воеводу Милоша. Ни за кого другого не стану же я пить, выпью за здоровье Милоша Обилича: Твое здоровье, Милошъ, вѣрный и измѣнникъ! Прежде вѣрный, а потомъ измѣнникъ! Завтра выдашь ты меня на Косовомъ полѣ, и перебѣжишь къ турецкому царю Мурату. Твое здоровье! Пей же вино! отдаю тебѣ кубокъ». Вскакиваетъ Милошъ на легкія ноги и кланяется до черной земли. «Благодарю тебя, славный князь Лазарь, благодарю тебя за твой тостъ, за твой тостъ и подарокъ, только не благодарю тебя за такую рѣчь. Клянусь жизнью, никогда не бывалъ я измѣнникомъ, не бывалъ и никогда не буду. Нѣтъ, завтра на Косовомъ полѣ хочу я умереть за христіанскую вѣру. Измѣнникъ сидитъ подлѣ тебя; это проклятый Вукъ Бранковичъ. Завтра мы увидимъ на Косовомъ полѣ, кто вѣренъ, а кто измѣнникъ. Клянусь я Богомъ великимъ, зарѣжу я завтра на Косовомъ полѣ турецкаго царя Мурата, стану на горло ему ногою. А если дастъ мнѣ Богъ и счастье мое воротиться живымъ въ Крушевецъ, схвачу я Вука Бранковича, привяжу его къ боевому копью, какъ баба кудель на пряслицу, и отнесу его на Косово поле».

Какая чудная сцена! Измѣнникъ Вукъ старается поколебать увѣренность князя въ преданности лучшаго богатыря; князь вѣритъ клеветѣ и говоритъ богатырю:

— Теперь ты сталъ измѣнникомъ, но, все-таки, пью за твое здоровье!

— Завтра мы увидимъ, измѣнникъ ли я, отвѣчаетъ богатырь.

Послѣ этого Милошъ посылаетъ своего побратима, Ивана Косанчича, осмотрѣть турецкій лагерь, высмотрѣть, гдѣ шатеръ Мурата.

— Ну что, много ли войска у турокъ, можемъ ли мы съ ними биться? Можемъ ли побѣдить турокъ? спрашиваетъ Милошъ его по возвращеніи.

— Сильное войско у турокъ, братъ мой Милошъ Обиличъ! Если бы мы всѣ обратились въ соль, не осолили-бъ о насъ рукъ турки. Пятнадцать дней ходилъ я по турецкому стану, не нашелъ ему края. Отъ мрамора до сухого явора, отъ явора до Сазліи, отъ Сазліи до желѣзнаго моста, отъ желѣзнаго моста до Звечана, отъ Звечана до Чечана, отъ Чечана до горнаго хребта — все покрыто турецкимъ войскомъ: конь стоитъ плотно къ коню, человѣкъ къ человѣку. Если бы съ неба упала крупа, не упала бы она нигдѣ на землю, а вездѣ на добрыхъ коней и людей.

— Гдѣ же шатеръ царя Мурата. Я поклялся князю заколоть турецкаго царя Мурата, стать ему ногой на горло.

— Безумство это, милый побратимъ! Если-бъ у тебя были соколиныя крылья, и упалъ бы ты съ неба на Мурата среди его сильной стражи, не унесли бы и крылья твоего тѣла.

— Ну, Иванъ, милый братъ, не говори же ты этого князю, чтобы не испугать князя и войска. А скажи ты князю: довольно войска у турокъ, но можно съ ними намъ сразиться, и легко ихъ побѣдить; не боевое у нихъ войско, а все ста-

рики и малолѣтки, не видавшіе боя; а какое войско у нихъ и было, то богатыри перемерли отъ тяжкихъ болѣзней, а добрые кони отъ мора.

«Сидитъ Лазарь за ужиномъ, подлѣ него царица Милица. И говоритъ ему царица: «Царь Лазарь! завтра ты идешь на Косово поле, ведешь съ собою слугъ и воеводъ, а дома не оставляешь ни одного мужчины, который бы могъ отнести письмо къ тебѣ на Косово поле и воротиться назадъ (ко мнѣ съ вѣстью о тебѣ). Уводишь ты девятерыхъ моихъ братьевъ, девятерыхъ Юговичей: оставь мнѣ хоть одного брата, заклинаю тебя». Говоритъ ей сербскій князь Лазарь: «Госпожа моя, царица Милица! котораго же изъ братьевъ угодно тебѣ выбрать, чтобъ я оставилъ его дома?» — «Оставь мнѣ Бошко Юговича». Тогда сказалъ сербскій князь Лазарь: «Госпожа моя, Царица Милица! Когда завтра настанетъ бѣлый день и взойдетъ солнце, и когда отворятся городскія ворота, выходи ты къ воротамъ. Черезъ нихъ строемъ пойдутъ войска. Поѣдутъ всадники съ боевыми копьями, а впереди ихъ Бошко Юговичъ, онъ несетъ крестоносное знамя. Скажи ему отъ меня разрѣшенье и просьбу, чтобъ онъ отдалъ кому нибудь знамя, а самъ остался дома съ тобою». Когда назавтра разсвѣло утро и отворились городскія ворота, вышла царица Милица, стала она у воротъ, и пошли строемъ войска. Поѣхали всадники съ боевыми копьями, впереди ихъ Бошко Юговичъ; на конѣ онъ, весь въ чистомъ золотѣ: осѣнило его крестоносное знамя, свѣсилось оно до коня; на знамени золотыя яблоки, на яблокахъ золотые кресты, отъ крестовъ висятъ кисти, разстилаются по плечамъ Бошко. Бросилась къ нему царица Милица, схватила за узду коня, обвилась руками около шеи брата и стала ему тихо говорить: «Братъ мой, Бошко Юговичъ! Царь тебя отдалъ мнѣ, чтобъ не ходилъ ты на бой на Косово поле; сказалъ тебѣ разрѣшенье и просьбу, чтобъ отдалъ ты кому-нибудь знамя, остался со мной въ Крушевцѣ, вымолила я себѣ брата». Но говоритъ Бошко Юговичъ: «Ступай сестра на бѣлую башню, а я съ тобой не ворочусь, и не отдамъ изъ рукъ крестоноснаго знамени, хоть бы царь дарилъ мнѣ Крушевецъ. Нѣтъ; тогда скажетъ остальная дружина: «Смотрите, какой трусъ Бошко Юговичъ! Онъ не смѣетъ идти на Косово поле пролить кровь за крестъ честный и умереть за свою вѣру!» И погналъ онъ коня въ ворота. Вотъ ѣдетъ старый Югъ-Богданъ и за нимъ семь Юговичей. Всѣхъ семерыхъ останавливала она одного за другимъ: ни одинъ и слушать не хочетъ. И вотъ слѣдомъ ѣдетъ Воинъ-Юговичъ (*т. е. послѣдній братъ*). Схватила она за поводъ его коня, обвилась руками около его шеи и стала ему говорить: «Братъ мой Воинъ-Юговичъ! Царь отдалъ тебя мнѣ, и сказалъ, чтобъ ты остался со мною въ Крушевцѣ». Говоритъ ей Воинъ-Юговичъ: «Ступай, сестра, на бѣлую башню: не ворочусь я съ тобою, хотя бы зналъ, что погибну. Иду я, сестра, на Косово поле пролить кровь за крестъ честный и умереть за свою вѣру съ братьями». И погналъ онъ коня въ ворота. Когда то увидѣла царица Милица, упала она на холодный камень, упала и лишилась чувствъ. Тутъ ѣдетъ князь Лазарь. Полились у него слезы по лицу; озирается онъ направо и налѣво и кличетъ слугу Голубана. «Голубанъ, вѣрный мой слуга! Сойди ты съ коня, возьми госпожу на бѣлыя руки, отнеси ее на высокую башню. И приказываю тебѣ именемъ Божіимъ: не ходи ты на бой на Косово поле, а останься дома съ нею». Когда то услышалъ слуга Голубанъ, полились у него слезы по бѣлому лицу (*оттого что не можетъ онъ идти на бой*); сошелъ онъ съ коня, взялъ госпожу на бѣлыя руки, отнесъ ее на высокую башню. Но не можетъ онъ одолѣть своего сердца, чтобъ не идти на

бой на Косово поле. Воротился онъ къ своему коню, сѣлъ на него, поѣхалъ на Косово. Когда назавтра разсвѣло утро, прилетѣли два ворона съ Косоваго поля широкаго и сѣли на бѣлую башню, на башню князя Лазаря; одинъ каркастъ, другой говоритъ: «Это ли башня славнаго князя Лазаря? Или ужь нѣтъ въ ней никого?» Никто въ башнѣ того не слышалъ, слышала только царица Милица; она вышла изъ бѣлой башни, спрашиваетъ двухъ вороновъ: «Ради Бога, скажите, два ворона, откуда вы полетѣли нынѣ? Не съ Косова ли поля? Не видалиль два сильные войска? Сразились ли войска и чье войско побѣдило?» Говорятъ ей два ворона: «Богъ свидѣтель, царица Милица, нынѣ утромъ полетѣли мы съ Косова поля. Видѣли мы два сильныя войска; сразились войска; оба царя погибли; изъ турокъ кое-кто и остался; а изъ сербовъ кто и остался, всѣ переранены, перекровавлены». Они это еще говорили, какъ ѣдетъ слуга Милутинъ, держитъ онъ правую руку въ лѣвой, на немъ семнадцать ранъ, весь конь подъ нимъ въ крови. Говоритъ ему госпожа Милица: «Что, невѣрный слуга Милутинъ? Или выдалъ ты царя на Косовомъ полѣ?» Но говоритъ слуга Милутинъ: «Сними меня, госпожа, съ богатырскаго коня, умой меня холодной водою, примочи мои раны краснымъ виномъ; изнемогъ я отъ тяжкихъ ранъ». Сняла его царица Милица, умыла его студенною водою, примочила его раны краснымъ виномъ. Когда онъ сталъ приходить въ память, спрашиваетъ его госпожа Милица: «Что было, слуга мой, на Косовомъ полѣ? Гдѣ погибъ славный князь Лазарь? Гдѣ погибъ старый Югъ-Богданъ? Гдѣ погибли девять Юговичей? Гдѣ погибъ Милошъ воевода? Гдѣ погибъ Вукъ Бранковичъ? Гдѣ погибъ Бановичъ-Страхиня?» И началъ слуга сказывать: «Всѣ легли, госпожа, на Косовомъ полѣ. Гдѣ погибъ славный князь Лазарь, тамъ много наломано копій, много копій и турецкихъ и сербскихъ, но больше сербскихъ, нежели турецкихъ, защищая, госпожа, своего князя. А Югъ, госпожа, погибъ въ началѣ, въ первомъ бою. Погибли восемь Юговичей, не выдавая братъ брата. Остался лишь Бошко-Юговичъ; развѣвается его крестоносное знамя по Косовому полю, еще разгоняетъ онъ турецкія толпы, какъ соколъ стадо голубей. Гдѣ стоитъ кровь по колѣно, тамъ погибъ Бановичъ-Страхиня. Милошъ, госпожа моя, погибъ у Ситницы, у воды студенной, гдѣ погибло много турокъ. Милошъ убилъ турецкаго царя Мурата и двѣнадцать тысячъ турокъ. Богъ да спасетъ его мать и отца! Онъ оставилъ по себѣ память сербскому народу, такъ что будутъ о немъ говорить, пока будутъ на свѣтѣ люди и Косово поле. А что спрашиваешь ты о проклятомъ Вукѣ, прокляты да будутъ и мать и отецъ его! Онъ измѣнилъ царю на Косовомъ полѣ, и отвелъ къ туркамъ, госпожа моя, двѣнадцать тысячъ латниковъ».

«Рано вышла въ поле косовская дѣвушка, вышла рано, до восхода солнца. Засучила бѣлые рукава до бѣлыхъ локтей; на плечахъ несетъ бѣлый хлѣбъ, въ рукахъ двѣ золотыя чаши; въ одной чашѣ холодная вода, въ другой красное вино. Идетъ она, молодая, на косовскую равнину, ходитъ по мѣсту битвы и переворачиваетъ юнаковъ, лежащихъ въ крови; котораго юнака найдетъ живымъ, умываетъ его холодною водою, поитъ его краснымъ виномъ, кормитъ хлѣбомъ. И дошла она до юнака Павла Орловича, до молодого княжескаго знаменоносца, и нашла его живымъ. Отсѣчена у него правая рука, и лѣвая нога до колѣна, и переломлены у него ребра, видны у него легкія. Поднимаетъ она его изъ глубокой крови, умы-

вастъ его холодною водою, поитъ его краснымъ виномъ, кормитъ его бѣлымъ хлѣбомъ. Когда въ юнакѣ забилось сердце, говоритъ Павелъ Орловичъ: «Милая моя сестра, косовская дѣвушка! Что у тебя за великая нужда, что осматриваешь ты въ крови юнаковъ? Кого ты ищешь на мѣстѣ битвы? брата или племянника или родного отца?» Говоритъ косовская дѣвушка: «Милый братъ мой, незнакомый воинъ! Не ищу я никого изъ родныхъ, ни брата, ни племянника, ни стараго отца. А знаешь ли ты, незнакомый воинъ, когда у князя Лазаря причащали войска около прекрасной Самодержской церкви три недѣли, тридцать калугеровъ (старыхъ монаховъ)? Причастились всѣ сербскія войска, а послѣ всѣхъ три боевые воеводы, одинъ Милошъ воевода, другой Иванъ Косанчичъ, третій Топлица Миланъ. Я въ то время стояла въ воротахъ, когда шелъ воевода Милошъ. Красавецъ юнакъ! Волочится у него сабля по землѣ, шелковая на немъ шапка, кованное перо (т. е. серебряное, на шапкѣ), пестрый на немъ плащъ, около шеи шелковый воротникъ. Озирается онъ и глядитъ на меня, снимаетъ съ себя пестрый плащъ, снимаетъ съ себя и даетъ мнѣ. «Возьми, дѣвушка, пестрый плащъ; по немъ и по имени моемъ вспомни ты меня. Я иду, моя душа, на смертный бой. Молись Богу, моя душа, чтобъ воротился я здоровъ съ боя: тогда и тебѣ будетъ доброе счастье: возьму тебя въ жены своему побратиму Милану, а самъ буду у тебя свадебнымъ провожатымъ». За нимъ идетъ Иванъ Косанчичъ; прекрасный юнакъ! Волочится у него сабля по землѣ (слѣдуетъ прежнее описаніе), на рукѣ у него позолоченный перстень. Озирается онъ и глядитъ на меня, снимаетъ съ руки золоченый перстень, скидаетъ съ руки и отдаетъ мнѣ: «Возьми, дѣвушка, золоченый перстень! По немъ и по имени моемъ найдешь ты меня (слѣдуетъ повтореніе прежнихъ словъ). Возьму тебѣ въ жены своему побратиму Милану, а самъ буду у тебя дружкою». За нимъ идетъ Топлица Миланъ. Красавецъ юнакъ! Волочится у него сабля по землѣ, шелковая на немъ шапка, кованое перо, пестрый на немъ плащъ, около шеи шелковый воротникъ, на рукѣ у него золотое кольцо. Озирается онъ и глядитъ на меня, съ руки снимаетъ золотое кольцо, снимаетъ съ руки и даетъ мнѣ: «Возьми, дѣвушка, золотое кольцо, по кольцу и по имени моемъ вспомни меня: я иду на смертный бой, душа моя; молись Богу, милая душа моя, чтобы воротился я здоровъ съ боя. Тогда тебѣ, душа, будетъ доброе счастье: возьму я тебя себѣ вѣрною подругою». И «ушли три боевые воеводы. Ихъ я теперь ищу по мѣсту битвы». И говоритъ Павелъ Орловичъ: «Дорогая сестра, косовская дѣвушка! Видишь ли душа моя, гдѣ лежатъ боевыя копья наломаны густо и высоко? Тамъ текла юнацкая кровь доброму коню до стремени и до повода, юнаку до шелковаго пояса. Тамъ погибли всѣ трое они. Иди ты домой, не кровавь рукавовъ и платья». Когда дѣвушка выслушала эту рѣчь, полились у нея слезы по лицу; пошла она домой, рыдая бѣлою грудью: «бѣдная я! несчастная я! Если до зеленой сосны дотронусь я, несчастная, и зеленая сосна посохнетъ!»

Прелесть содержанія и художественная полнота формы одинаково совершенны въ этихъ превосходныхъ пѣсняхъ. Читатели позволятъ намъ привести еще одинъ примѣръ изъ цикла нашихъ эпическихъ сказаній о Владимірѣ. Былина, извлеченіе изъ которой мы хотимъ представить здѣсь, записана г. Фаворскимъ и напечатана въ «Прибавленіяхъ къ I тому Извѣстій II Отдѣленія Академіи Наукъ». Мы позволяемъ себѣ держаться обыкновеннаго правописанія, чтобы не шокировать глаза читателей непривычными формами.

У князя Володимера пиръ; наѣвшись въ полсыта, напившись въ полпьяна, бояре начинаютъ хвастаться другъ передъ другомъ:

въ полсыта бояре наѣдалися,
въ полпьяна бояре напивалися,
промежь себя бояре похвалялися:
сильн-отъ хвалится силою,
богатый хвалится богатествомъ,
купцы-то хвалятся товарами,
товарами хвалятся заморскими;
бояре-то хвалятся помѣстьями,
они хвалятся вотчинами.
Одинъ только не хвалится Данило Денисьевичь,
Тутъ возговоритъ самъ Володиміръ князь:
Охъ ты гой еси, Данилушко Денисьевичь,
еще что ты у меня ничѣмъ не хвалишься?
Али нечѣмъ тѣ похвалитися?
али нѣтъ у тебя золотой казны,
али нѣтъ у тебя молодой жены,
али нѣтъ у тебя платья цвѣтного?
Отвѣтъ держитъ Данило Денисьевичь:
Ужъ ты батюшка нашъ, Володиміръ князь!
есть у меня золота казна,
еще есть у меня и молода жена,
еще есть у меня и платье цвѣтное.
Нечто такъ я это призадумался.
Тутъ пошолъ Данило съ широка двора.

Интродукція прекрасна. Тотчасъ по уходѣ Данила Денисьевича, князь Володиміръ совѣтуется съ боярами о выборѣ жены. Мишаточка Путятинъ сынъ говоритъ, что нигдѣ не находитъ онъ невѣсты, достойной князя; одна только Василиса Никулишна, жена Данила Денисьевича, достойна быть супругою князя.

— Гдѣ же это видано, гдѣ слыхано, отъ живого мужа жену отнять? грозно говоритъ Владиміръ.

И велитъ казнить коварнаго совѣтника.

Но Мишаточка Путятинъ сынъ объясняетъ князю свой планъ отдѣлаться отъ Данила Денисьевича:

Мы Данилушку пошлемъ во чисто поле,
во тѣ ли луга леванидовы,
мы ко ключику пошлемъ ко гремячему,
велимъ поймать птичку бѣлогорлицу,
принести ее къ обѣду княжнецкому,
что еще убить ему льва лютаго,
принести его къ обѣду княженецкому.

Данило погибнетъ при исполненіи такого порученія. Владиміру понравилось это предложеніе. Всѣ молчатъ, но старый казакъ Илья Муромецъ не скрываетъ своего неодобренія на этотъ замыселъ:

— Ужъ ты батюшка, Володиміръ князь! говоритъ онъ:—изведешь ты ясного сокола, не поймать тебѣ бѣлой лебеди.

Князь велитъ бросить его въ темницу, а самъ пишетъ письмо (ярлыкъ) къ Данилу Денисьевичу. Данило Денисьевичъ былъ въ это время на охотѣ, и письмо

получила Василиса Никулишна: прочитавъ его, тотчасъ догадалась она о грозящей опасности:

Стала Василиса ярлыки пересматривать,
залилася она горючьми слезми;
скидовала съ себя платье цвѣтное,
надѣваетъ на себя платье молодецкое,
сѣла на добра коня, поѣхала во чисто поле,
искать мила дружка своего, Данилушка.

Нашедши его, она говоритъ:

— Послѣднее у насъ съ тобой свиданіе, мой сердечный другъ? Поѣдемъ домой!

Приготовляя мужа къ отъѣзду для исполненія княжескаго порученія, она подаетъ ему вмѣсто малаго колчана большой.

— Зачѣмъ это? я велѣлъ тебѣ подать малый?

— Ты надеженька, мой сердечный другъ, лишняя стрѣлочка тебѣ приго́дится: пойдетъ она по своемъ братѣ бога́тырѣ.

Она предугадываетъ планъ враговъ. Данило ѣдетъ во чисто поле, въ поля леванидовы, ко ключику ко гремячему, къ колодезю къ студеному. Глядитъ онъ— съ кіевской стороны:

Не бѣлы снѣги забѣлѣлися,
не черныя грязи зачернѣлися,
забѣлѣлася, зачернѣлася сила (*войско*) руское,
на того ли на Данилу на Денисьича.
Тутъ заплакалъ Данила горючьми слезми,
возго́воритъ онъ таково слово:
Знать, гораздо я князю сталъ ненадобенъ,
знать Володиміру не слуга я былъ.

Беретъ онъ саблю боёвую, изрубилъ онъ высланное противъ него войско. Но черезъ нѣсколько времени глядитъ онъ опять на кіевскую сторону и видитъ, что на него высланы новые противники:

Не два слона въ чистомъ полѣ слонятся,
не два сыры дуба шатаются:
слонятся, шатаются два богатыря,
на того ли на Данилу на Денисьича:
его ро́дный братъ Никита Денисьевичъ,
и названный братъ Добрыня Никитовичъ.
Тутъ заплакалъ Данило горючьми слезми:
Ужъ и въ правду, знать на меня Господь прогнѣвался,
Володиміръ князь на уда́лаго осердился:
еще гдѣ это слыхано, гдѣ видано,
братъ на брата со боемъ (*съ боемъ, на бой*) идетъ.
Беретъ Данило свое востро́ копье,
Тупымъ концомъ втыкаетъ во сыру землю,
А на вострый конецъ самъ упалъ.
Споролъ (*вспоролъ*) себѣ Данило груди бѣлыя,
покрылъ себѣ Денисьевичъ очи ясныя.

Извѣщенный о его смерти, Володиміръ собираетъ свадебный поѣздъ и ѣдетъ въ Черниговъ, входитъ въ теремъ вдовы:

Пріѣхали ко двору ко Данилину,
восходитъ во теремъ Василисин-отъ.
Цѣловалъ ее Володиміръ во сахарныя уста.
Возговоритъ Василиса Никулишна:
Ужъ ты батюшка, Володиміръ князь
Не цѣлуй меня въ уста во кровавы,
безъ моего друга Данилы Денисьича.
Тутъ возговорилъ Володиміръ князь!
ой ты гой еси Василиса Никулишна!
наряжайся ты въ платье цвѣтное,
въ платье цвѣтное подвѣнечное.
Наряжалась она въ платье цвѣтное,
взяла съ собой булатный ножъ.
Поѣхали ко городу ко Кіеву.

Когда поравнялся поѣздъ съ лугами левандовыми, Василиса Никулишна проситъ князя, чтобъ онъ отпустилъ ее проститься съ тѣломъ мужа. Володиміръ отпускаетъ ее подъ стражею двухъ богатырей.

Подходила Василиса ко милу дружку,
поклонилась она Данилѣ Денисьичу,
поклонилась она, да восклонилася;
возговоритъ она двумъ богатырямъ:
Охъ вы гой есте, мои вы два богатыря,
вы подите, скажите князю Володиміру,
чтобы не далъ намъ валяться по чисту полю,
по чисту полю со милымъ дружкомъ,
со тѣмъ ли Даниломъ Денисьевичемъ.
Беретъ Василиса свой булатный ножъ,
Спорола себѣ Василисушка груди бѣлыя,
Покрыла себѣ Василисушка очи ясныя.

Ея послѣднюю волю передаютъ Володиміру, и по пріѣздѣ въ Кіевъ онъ выпускаетъ изъ погреба Илью Муромца, который предвѣщалъ ему гибельный конецъ замысла, и наказываетъ злого совѣтника Мишатку Путятина:

Выпущалъ Илью Муромца изъ погреба,
цѣловалъ его въ голову, во темичко:
Правду сказалъ ты, старой казакъ,
старой казакъ, Илья Муромецъ!
Жаловалъ его шубой соболиною;
а Мишаткѣ пожаловалъ смолы котелъ.

Русская былина уступаетъ въ поэтическомъ достоинствѣ сербскимъ пѣснямъ; но и она прекрасна. Что же касается до сербскихъ пѣсенъ, нами переведенныхъ здѣсь, должно рѣшительно сказать, что только у первоклассныхъ поэтовъ могутъ быть найдены произведенія, равныя имъ по красотѣ. Почему же эта народная поэзія у всѣхъ народовъ уступала мѣсто письменной литературѣ, какъ скоро народъ начиналъ цивилизоваться? Почему повсюду вмѣсто пѣсенъ, созданныхъ всѣмъ народомъ, какъ однимъ нравственнымъ лицомъ, появлялись произведенія, писанныя отдѣльными лицами? Общій отвѣтъ мы уже видѣли выше: одинаковость умственной и нравственной жизни во всѣхъ членахъ племени уничтожается цивилизаціею, съ тѣмъ вмѣстѣ должна упасть и поэзія, принадлежавшая нераздѣльно цѣлому народу. Но если ясно изъ этого, почему въ наше время у нѣмцевъ или русскихъ не

можетъ вновь являться пѣсенъ, подобныхъ сербскимъ, то еще остается неразрѣшеннымъ важнѣйшій вопросъ: почему образованные слои народа не удовлетворяются прекрасными пѣснями, которыми довольствовались ихъ предки? Почему нѣмцы читаютъ Гете и Шиллера, а не Нибелунговъ, русскіе Пушкина, а не Киршу Данилова? Не есть ли пренебреженіе народныхъ пѣсенъ для произведеній отдѣльныхъ поэтовъ несправедливость? Подобные вопросы были подняты въ германской литературѣ тевтономанами и романтиками. У насъ они слышатся еще довольно рѣдко тѣмъ не менѣе могутъ имѣть свой интересъ.

Цивилизуясь, народъ перестаетъ вообще удовлетворяться патріархальнымъ бытомъ и его произведеніями; почему, здѣсь не мѣсто говорить; мы должны смотрѣть только на нашу спеціальную сторону общаго вопроса, на причины того, что, цивилизуясь, народъ перестаетъ удовлетворяться народной поэзіей. Умственная и нравственная жизнь патріархальнаго общества слишкомъ бѣдна для цивилизованнаго народа. Потому и содержаніе народной поэзіи слишкомъ бѣдно для него. Въ самомъ дѣлѣ, если народная поэзія превосходно развиваетъ свои темы, то темъ у нея очень мало, и онѣ слишкомъ просты: то же самое надобно сказать и о чувствахъ, проникающихъ народныя пѣсни. Воинскія воспоминанія—вотъ вся исторія патріархальнаго народа; любовь добраго молодца (безъ всякой опредѣленнѣйшей характеристики) къ красной дѣвицѣ (безъ всякой опредѣленнѣйшей характеристики) и два-три другіе, столь же общіе мотива—вотъ все содержаніе лирики. Народная пѣсня должна прилагаться къ чувствамъ рѣшительно каждаго человѣка; иначе она не нужна цѣлому народу, а годится только для нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ—вотъ первая причина этой скудости: вторая причина—въ патріархальномъ обществѣ дѣйствительно нѣтъ ни духовнаго разнообразія, ни мыслей и чувствъ, сколько нибудь разнообразныхъ или многосложныхъ. Цивилизованный молодой человѣкъ, не просто «добрый молодецъ», любитъ «красную дѣвицу» не потому только, что она «красная дѣвица» — онъ, смотря по различію своего нравственнаго направленія, ищетъ въ ней особенныхъ качествъ характера, ума и т. д.; ни о чемъ подобномъ не знаетъ народная пѣсня. Потому ея портреты, ея чувства недовольно близко подходятъ къ лицамъ и чувствамъ образованнаго общества; въ ней мало индивидуальныхъ особенностей, которыхъ мы болѣе всего ищемъ, чтобы сказать: «это говорится обо мнѣ, это подходитъ къ моему положенію и чувствамъ». Что мы сказали объ эротической пѣснѣ, прилагается и ко всякой другой народной пѣснѣ. Моимъ потребностямъ соотвѣтствуютъ только пѣсни отдѣльныхъ поэтовъ, выражающихъ не чувство вообще, а именно такое чувство, какимъ проникнутъ именно я, и которое остается чуждо въ этомъ особенномъ развитіи для многихъ другихъ людей. Вотъ почему даже тѣ понятія и чувства, которыя общи образованному человѣку съ патріархальнымъ (наприм. любовь), выражаются въ народной поэзіи неудовлетворительнымъ для насъ образомъ. Не говоримъ уже о томъ, что цивилизація развиваетъ въ насъ множество чувствъ и особенно понятій, о которыхъ вовсе не знаетъ патріархальный человѣкъ. О многомъ, чего мы ищемъ въ поэзіи, народная поэзія вовсе не говоритъ; о чемъ говоритъ, говоритъ не такъ, какъ должна говорить поэзія по нашимъ требованіямъ. Содержаніе народной поэзіи слишкомъ бѣдно для насъ.

Столь же неудовлетворительна для насъ ея форма. Иногда случается слышать, что народную поэзію обвиняютъ въ недостаткѣ художественной формы.

Это совершенно несправедливо. О чемъ говоритъ народная поэзія, говоритъ она чрезвычайно художественно. Ея недостатокъ совершенно другого рода; это—однообразіе, доходящее до чрезвычайной монотонности. Сущность патріархальной жизни неподвижность; формы этой жизни неподвижныя, опѣненѣвшія формы. Точно таковы же онѣ и въ народной поэзіи. Объ этомъ достаточно говоритъ ужь внѣшній составъ стиха до чрезвычайности однообразный. Такъ всѣ греческія эпическія пѣсни сложены гекзаметромъ; во всѣхъ сербскихъ одинъ и тотъ же стихъ десятисложный, раздѣляющійся на двѣ половины, изъ которыхъ въ первой четыре, а во второй шесть слоговъ, напримѣръ:

Цар Мурате | у Косово паде;
Како паде | ситну книгу пише;
Те је шале | ка Крушевцу граду и т. д.

(Начало первой изъ переведенныхъ нами пѣсенъ: царь Муратъ на Косово пришелъ; какъ пришелъ, мелкое письмо пишетъ и его посылаетъ въ городъ Крушевецъ). Точно также неизмѣнны обычныя, такъ называемыя «эпическія» выраженія, которыми наполнены всѣ пѣсни. У насъ, напримѣръ, всегда *добрый* молодецъ, никогда просто *молодецъ*, и никогда съ какимъ нибудь другимъ эпитетомъ; красна дѣвица, лютая свекровь матушка, сыра земля, и т. д.; у сербовъ всегда легкія ноги, гибкія ребра, бѣлый дворъ, холодная вода, боевое копье, и т. д. Какъ бы ни была велика мѣткость и красота подобныхъ эпитетовъ, безъ которыхъ не обходится ни одно часто употребляемое слово въ народной поэзіи, нельзя, однако же, не признаться, что ихъ безпрестанное повтореніе чрезвычайно монотонно. Этимъ не ограничивается монотонность, неподвижность формы: она идетъ гораздо далѣе: всѣ фразы, всѣ мысли, всѣ картины имѣютъ одинъ и тотъ же, разъ навсегда установившійся, непзбѣжный видъ. Постоянно повторяются одни и тѣ же стихи, цѣлые отрывки изъ нѣсколькихъ стиховъ. Это каждый можетъ замѣтить, сличивъ нѣсколько пѣсенъ. Потому пѣсни такъ легко и перемѣшиваются одна съ другою, сливаются, раздробляются; каждая изъ нихъ—мозаика, составленная изъ кусковъ, безпрестанно повторяющихся въ другихъ пѣсняхъ. Каждый изъ нихъ прекрасенъ, въ этомъ нѣтъ спора; но что сказали бы мы, еслибъ, напримѣръ, у Пушкина повторялись двадцать разъ въ разныхъ поэмахъ прекрасные стихи:

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя;
То какъ звѣрь она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя...

и еслибъ онъ, говоря о Кавказѣ сто или болѣе разъ, каждый разъ описывалъ его такъ:

Кавказъ надо мною, одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами у края стремнины;
Орелъ съ отдаленной поднявшись вершины, и проч.

Мы нисколько не оскорбляемся подобными повтореніями въ народныхъ пѣсняхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что мы не прилагаемъ къ нимъ тѣхъ требованій, соблюденіе которыхъ ставимъ въ непремѣнную обязанность поэзіи, насъ удовлетворяющей.

Вообще намъ кажется фактомъ, не подлежащимъ сомнѣнію, что народная

поэзія не можетъ удовлетворять цивилизованнаго человѣка. Ея содержаніе слишкомъ бѣдно и однообразно; форма столь же однообразна. Она отголосокъ прошедшаго младенчества, вспомнить о которомъ пріятно и прекрасно, но возвратиться къ которому для насъ невозможно, а еслибъ и было возможно, то нисколько не было бы пріятно. Но, не удовлетворяясь ею, мы не можемъ не сочувствовать ей всегда, не заслушиваться часто до увлеченія прекрасныхъ, свѣжихъ, энергическихъ мотивовъ ея.

Не говоримъ уже о двухъ другихъ ея драгоцѣнныхъ качествахъ. Оно до сихъ поръ остается единственною поэзіею массы народонаселенія; поэтому она интересна и мила для всякаго, кто любитъ свой народъ. А не любить своего роднаго невозможно. Другое достоинство ея чисто ученое: въ народной поэзіи сохраняются преданія старины. Потому важность ея неизмѣримо велика и посвящать свою жизнь собиранію народныхъ пѣсенъ прекрасный подвигъ.

Народная поэзія прекрасна. Этого, кажется, было бы довольно для успокоенія нашей любви къ ней. Но есть люди, которымъ непремѣнно хочется, чтобы народная поэзія ихъ племени была признана превосходнѣйшею въ мірѣ. Не знаемъ, зачѣмъ общій вопросъ необходимо низводитъ въ область споровъ. Но вотъ что говоритъ г. Бергъ въ своемъ «Предисловіи»:

«Въ главѣ лирическихъ пѣсенъ я ставлю русскую, пѣснію всѣхъ пѣсенъ. Нѣтъ пѣсни пѣсеннѣе ея, оригинальнѣй и народнѣй. Въ этомъ отношеніи она стоитъ рѣшительно отдѣльно ото всѣхъ и никакая другая далеко къ ней не подходитъ. Ни одна не представляетъ такой свободы размѣровъ въ одной и той же пѣснѣ при общей гармоніи (неодинаковое число слоговъ въ разныхъ стихахъ одного размѣра—качество, о которомъ здѣсь говоритъ г. Бергъ,—находится не только въ народныхъ пѣсняхъ многихъ народовъ, но даже во многихъ письменныхъ версификаціяхъ, напр. въ греческой, латинской, отчасти даже нѣмецкой; удивительнаго и особеннаго здѣсь ничего нѣтъ). Съ другой стороны, ни одна не имѣетъ такого яркаго, играющаго языка. Ни въ одной нѣтъ такого розмаха, такого собранія звуковъ, какъ бы вытекающихъ одинъ изъ другого (?) и неудержимо несущихся одинъ за другимъ. Откуда же явилось такое преимущество русской пѣсни? Прежде всего отъ ея языка, какого нигдѣ нѣтъ. Ни одинъ не устоитъ въ борьбѣ съ этимъ богатыремъ, съ этимъ Ильею Муромцомъ, у котораго еще не убавлено силы перехожими каликами.

Кабы на семую часть (?)».

Наука разрѣшаетъ вопросъ этотъ гораздо полнѣе и шире, нежели г. Бергъ. Превосходная народная поэзія была у многихъ народовъ. Теперь она почти у всѣхъ европейскихъ народовъ или совершенно, или очень низко упала. Исключеніе остается едва ли не за однимъ сербами, у которыхъ народная поэзія еще въ полной силѣ свѣжести. Также свѣжа и цвѣтуща была она у малороссовъ лѣтъ шестьдесятъ или восемьдесятъ назадъ; лѣтъ около ста или полутораста назадъ (а можетъ быть и болѣе) она была также свѣжа и цвѣтуща у великоруссовъ. Различіе только въ томъ, раньше или позже коснулась народа цивилизація, успѣли записать народныя пѣсни въ ихъ полной свѣжести, или принялись за это дѣло тогда, когда уже начался упадокъ. Сербы были такъ счастливы въ этомъ случаѣ, что лучшій изъ всѣхъ собирателей пѣсенъ, Вукъ Стефановичъ Караджичъ, записывалъ и записываетъ сербскія пѣсни еще нимало не утратившія первоначальной своей красоты. Нѣтъ сомнѣнія, что и для сербской народной поэзіи скоро начнется (и отчасти уже начался) періодъ паденія. Разсматривать здѣсь, у котораго изъ остальныхъ сла-

вянскихъ племенъ народныя пѣсни успѣли до сихъ поръ сохраниться лучше, значило бы вдаваться въ споры. По мнѣнію однихъ послѣ сербской поэзіи второе мѣсто занимаетъ великорусская, по мнѣнію другихъ малорусская, по мнѣнію третьихъ словацкая. Мы положительно увѣрены только въ томъ, что и великорусскія, и малорусскія, и словацкія пѣсни прекрасны. Изъ другихъ европейскихъ народовъ многіе также сохранили еще прекрасную народную поэзію, напримѣръ греки, испанцы, хотя, повторяемъ, у всѣхъ, кромѣ сербовъ, и, быть можетъ, грековъ, она ужь давно находится въ періодѣ упадка.

Основаніемъ для всего этого длиннаго объясненія понятій, какихъ достигла наука относительно существеннаго достоинства народной поэзіи, послужило намъ «Предисловіе» г. Берга, написанное слишкомъ съ большимъ увлеченіемъ. Мы нисколько не ставимъ этого увлеченія въ вину г. Бергу; оно очень естественно въ поэтѣ, столь преданномъ народной поэзіи, какъ почтенный переводчикъ «Пѣсенъ разныхъ народовъ». Намъ только хотѣлось показать безпристрастную точку зрѣнія на явленія очень интересныя и въ самомъ дѣлѣ увлекательныя. Но уже давно пора намъ перейдти отъ предисловія къ самой книгѣ. Г. Бергъ въ концѣ предисловія говоритъ: «Въ заключеніе прошу покорнѣйше всякаго, кому случится прочесть эти строки, во первыхъ, указать мнѣ замѣченные недостатки въ моемъ изданіи, относительно перевода, взгляда на тотъ или другой отдѣлъ, и даже, если можно, опечатки въ текстѣ. Во вторыхъ, сообщить мнѣ все, что есть у него любопытнаго въ пѣсенномъ родѣ». Если бы не были мы увѣрены въ искренности желанія, высказываемаго на первомъ мѣстѣ, мы не стали бы вовсе говорить о томъ, что, по нашему мнѣнію, должно было бы въ изданіи г. Берга быть иначе: мы ограничились бы однѣми похвалами прекрасному и добросовѣстному труду: онъ вполнѣ заслуживаетъ ихъ, и недостатки его далеко уступаютъ достоинствамъ. Но очевидно, что г. Бергъ страстно преданъ своему прекрасному дѣлу, и потому въ самомъ дѣлѣ будетъ доволенъ, если замѣчанія рецензентовъ дадутъ ему случай обратить вниманіе на тѣ или другія стороны его труда. Только это побужденіе и заставляетъ насъ высказать наши мнѣнія объ основаніяхъ которыми руководился г. Бергъ при выборѣ и переводѣ пѣсенъ.

Сборникъ г. Берга раздѣляется на двѣ половины—лирическія пѣсни и эпическія пѣсни. Въ лирическомъ отдѣлѣ онъ помѣстилъ пѣсни восемнадцати народовъ. Но изъ этихъ подраздѣленій четыре представляютъ только по одной пѣснѣ, и притомъ незначительной: именно г. Бергъ перевелъ одну санскритскую пѣсню, одну баскскую, одну армянскую, одну калмыцкую. Эти пѣсни ничего не показываютъ. Или надобно было представить болѣе пѣсенъ, чтобы ихъ собраніемъ сколько нибудь характеризовать поэзію народа, или не помѣщать въ сборникъ одинокой, ничего не говорящей пѣсни. Точно также недостаточны отдѣлы финскихъ, албанскихъ, арабскихъ, персидскихъ, татарскихъ пѣсенъ. Намъ кажется, что г. Бергъ слишкомъ увлекся желаніемъ представить рѣдкія пѣсни, и что это желаніе иногда имѣло не совсѣмъ благопріятное вліяніе и на выборъ пѣсенъ въ другихъ отдѣлахъ. Г. Бергъ жалуется на скудость матеріаловъ. Но мы увѣрены, что въ московскихъ библіотекахъ онъ находилъ богатыя коллекціи изданій народныхъ пѣсенъ. Что могло тамъ не быть армянскихъ или баскскихъ сборниковъ, мы готовы предположить; скудости пѣсенъ на другихъ языкахъ, особенно на славянскихъ нарѣчіяхъ, предполагать нельзя. На этомъ, излишнемъ, по нашему мнѣнію, желаніи сообщать рѣдкія пѣсни

основана и просьба «сообщить ему все, что каждый имѣетъ любопытнаго въ пѣсенномъ родѣ». Подобныхъ присылокъ вовсе не нужно ожидать г. Бергу, чтобы дополнить свой сборникъ; мы требуемъ отъ него не баскскихъ или калмыцкихъ пѣсенъ, а просто хорошаго и полнаго выбора пѣсенъ тѣхъ народовъ, которые имѣютъ хорошія изданія пѣсенъ. Выбирать и переводить—эта задача уже довольно велика и трудна, и напрасно г. Бергъ будетъ развлекать свои силы, заботясь также о собираніи пѣсенъ неизвѣстныхъ еще въ ученомъ мірѣ. Раздѣленіе труда—первое условіе его успѣшности. Вѣроятно также, что г. Бергу стоило чрезвычайно многихъ усилій достать исправные списки армянской, калмыцкой, и такъ далѣе, пѣсенъ, и еще большихъ трудовъ исправно напечатать ихъ текстъ. Санскритскій текстъ онъ рѣшился даже литографировать, конечно по недостатку шрифта; сколько напрасныхъ трудовъ, траты времени и расходовъ! Нѣтъ сомнѣнія, что прекрасно дѣлаетъ г. Бергъ, печатая вмѣстѣ съ переводомъ тексты пѣсенъ разныхъ славянскихъ нарѣчій и общеизвѣстныхъ языковъ. Многимъ будетъ пріятно прочитать въ подлинникѣ словацкую, сербскую, французскую пѣсню; сличеніе текста съ переводомъ въ этихъ случаяхъ дастъ многимъ возможность вѣрнѣе судить о достоинствѣ перезода. Но кому изъ читателей принесетъ хотя малѣйшую пользу или удовольствіе текстъ санскритской, литовскихъ, мадьярскихъ, финскихъ, албанскихъ, арабскихъ, персидскихъ, татарскихъ, баскской, армянской, калмыцкой пѣсенъ? Едва ли многимъ будетъ полезенъ также испанскій, норвежскій, шведскій, датскій, бретонскій тексты. Печатать ихъ совершенно излишняя ученая (или, лучше сказать, мнимо ученая) роскошь. Забота о ней была, вѣроятно, причиною того, что г. Бергъ мало заботился о пѣсняхъ менѣе рѣдкихъ. Такъ, напримѣръ, у него помѣщены только эпическія сербскія, испанскія и французскія пѣсни; лирическихъ нѣтъ; нѣмецкихъ пѣсенъ нѣтъ у него совершенно; англійскихъ, шотландскихъ, ирландскихъ также совершенно нѣтъ.

Выборъ пѣсенъ также неудовлетворителенъ. Укажемъ одинъ примѣръ. Изъ множества превосходныхъ эпическихъ сербскихъ пѣсенъ у него выбрана только одна незамѣчательная ни въ какомъ отношеніи пѣсня о Бановичѣ Страхинѣ.

Наконецъ, важнѣйшая часть труда,—переводъ—бываетъ очень часто удаченъ, читатели убѣдятся въ этомъ изъ примѣровъ, которые мы приведемъ ниже; но часто г. Бергъ нарушаетъ простоту подлинника прибавленіемъ эпитетовъ; иногда переводъ бываетъ и просто несовсѣмъ удаченъ. Приводимъ нѣсколько примѣровъ. Вотъ пѣсня чешскихъ реформатовъ (по недостатку шрифта пишемъ текстъ русскими буквами):

Крáсна е та ржéка,
Ржéка Волтáва,
Кде су нáше дóмы
И власть лáскава;
Гезке е то место
То место Прага,
В ктеремъ быдли наше
Родина драга... и т. д.

Свѣтлая ты рѣчка
Рѣчка ты Влетава.
Наше ты веселье,
Красота и слава!
Красное ты *мѣсто,*
Прага *дорогая,*
Нашъ престольный городъ
Родина *святая!*

Вотъ буквальный переводъ:

Прекрасна та рѣка, рѣка Влетава, гдѣ наши домы и милая родина.

Прекраснъ тотъ городъ, городъ Прага, гдѣ наши жилища, родина дорогая, и т. д.

Вотъ начало сербскихъ пѣсенъ:

1

Бога моли момче неженено
Да се створи край мора бисеромъ
(Бога проситъ неженатый молодецъ, чтобы сдѣлаться жемчугомъ на берегу моря).

2

Лепо пева славуяк
У зеленой шумици
(Хорошо поетъ соловушекъ въ зеленой рощѣ).

1

Бога молитъ молодецъ *удалый*
Чтобы далъ ему оборотиться
Жемчугомъ *зернистымъ, перекатнымъ*
И разсыпаться край синя моря.

2

Распѣвала *пташка мала*
Пташка мала соловейка,
Въ *темной* рощѣ распѣвала...

Г. Бергъ говоритъ: «Обыкновенно думаютъ, что надо переводить слово въ слово. Не важенъ стихъ, а важенъ духъ, важенъ результатъ впечатлѣнія. Въ народномъ языкѣ всего нужнѣе свобода слова» и т. д. Но приведенные нами примѣры показываютъ, что отступленія отъ смысла и духа подлинника простираются у г. Берга иногда слишкомъ далеко. Напрасно ссылается онъ на примѣръ Пушкина. Пушкинъ переводилъ сербскія пѣсни гораздо точнѣе. Но послѣ этихъ замѣчаній, вызванныхъ желаніемъ самого г. Берга, мы должны показать читателямъ и примѣры удачныхъ переводовъ. Это гораздо пріятнѣе. Мы сказали, что выборъ пѣсенъ у г. Берга не можетъ достаточно знакомить съ духомъ поэзіи того или другого народа: потому беремъ пѣсни, лучшія въ эстетическомъ отношеніи, не заботясь о томъ, характеризуютъ ли онѣ народъ которому принадлежатъ, или только народную поэзію вообще. Во всякомъ случаѣ онѣ дадутъ читателю средство судить о достоинствахъ перевода г. Берга.

(*Литовская.*)

Какъ у батюшки сгороженъ огородъ,
Въ огородѣ липка-липочка ростетъ.

Дочка батюшки по темнымъ по ночамъ
Съ дворяниномъ разговариваетъ тамъ.

Съ дворяниномъ, съ добрымъ парнемъ, съ молодцомъ,
Съ нимъ тихонько обручается кольцомъ.

«Не ходи, сестра, ты ночью къ молодцу,
А не то скажу я батюшкѣ-отцу!»

«Братецъ, братецъ, братецъ милой-дорогой,
Что ты скажешь объ сестрѣ своей родной?

Что два слова-то сказала съ молодцомъ?
Или то, что обручалась съ нимъ кольцомъ?»

«Не про тѣ твои два слова съ молодцомъ,
А про то, что обручалась съ нимъ кольцомъ».

Въ понедѣльникъ вышла дѣвица гулять—
Не видать ее во вторникъ, не видать!

Выѣзжали братья въ среду поутру,
Стали спрашивать про милую сестру.

Въ барабаны барабанили три дни
И трубили въ трубы мѣдныя они.

Наконецъ къ рѣкѣ широкой подошли
И утопленницу бѣдную нашли:

Тѣло бѣлое лежало на пескѣ,
И купались косы черныя въ рѣкѣ.

(Литовская.)

Ведете коня вороного,
Ведите коня молодцу.
Поѣду я къ старому тестю.
Я къ старому тестю, къ отцу.

Здорово! день добрый и вечеръ!
Какъ можешь-живешь, старина?
Что дѣлаетъ наша невѣста?
И все ли здорова она?

Больнешенька наша невѣста,
Больнешенька, въ новой клѣти
Лежитъ горемыка въ постели,
Поди ты ее навѣсти.

Пошелъ черезъ дворъ я широкій,
А слезы-то, слезы ручьемъ!
Откинулъ я дверку у клѣти,
И слезы обтеръ рукавомъ.

Взялъ за руки бѣлы невѣсту,
Прижалъ ихъ, палуя къ себѣ:
Скажи мое красное солнце,
Не легче ли стало тебѣ?

Не легче; не будетъ мнѣ легче,
Не быть мнѣ невѣстой твоей:
Другую ты любишь-голубишь—
Ступай и присватайся къ ней!

А я собираюся въ гости,
Мнѣ пиръ пировать на погостѣ...
Прощай... а скажи, хороша
Твоя чародѣйка-душа?

(Лужицкая.)

Красная дѣвица жала траву,
Травку-муравку зелененькую;

Много нажала зеленой травы,
Цѣлу вязанку нарѣзала.

Красна дѣвица лѣсомъ пошла,
Хлысть ее вѣтка по бѣлой щекѣ.

«Что ты, зеленая вѣтка моя,
Что ты дерешься, похлестываешь?

Есть у меня братья вѣрные,
Имъ я велю вѣтку срѣзати.

Имъ я велю вѣтку срѣзати,
Срѣзать, подъ самый срубить корешокъ».

— «На зиму вѣтку вы срѣжете,
На весну снова я выбѣгу,

Свѣжими выйду побѣгами,
Новымъ кудрявыимъ деревцомъ.

Если жъ погубишь ты, дѣвица, честь—
Честь къ тебѣ ввѣкъ не воротится».

(Лужицкая.)

Хочешь знать, кто я таковъ?
Изъ простыхъ я мужиковъ,
И хочу жениться!

Припасите для меня
Дѣвку, саблю и коня—
На войнѣ годится!

На войну, въ кровавый бой,
Захвачу я ихъ съ собой...

(Чешская.)

Говоритъ мнѣ снова
Нынче мать милова,
Что бы я забыла,
Про ея про сына.

На такія рѣчи
Я ей отвѣчала,
Чтобъ она покрѣпче
Сына привязала,

Привязала-бъ сына:
Не ходи, молъ, мимо,
Къ дѣвкину порогу
Не топчи дорогу.

(*Словацкая.*)

Конь подъ Бѣлградомъ стоитъ вороной;
На немъ сидитъ
Кровью покрытъ
Миленькій мой.

Знаешь ли, мила, какъ битва живетъ?
Видишь: съ меня,
Видишь: съ коня,
Кровь такъ и льетъ.

Знаешь ли, мила, какой нашъ обѣдъ?
Наша ѣда —
Хлѣбъ, да вода,
Вотъ нашъ обѣдъ.

Знаешь, ли, мила, гдѣ я буду спать?
Тамъ, гдѣ убьютъ,
Тамъ погребутъ,
Тамъ мнѣ лежать.

Знаешь ли, кто у меня звонаремъ?
Раненыхъ стонъ,
Сабельный звонъ,
Пушечный громъ.

(*Словацкая.*)

Люди мнѣ сказали, будто въ полѣ тучи—
А то зачернѣли миленькаго очи.

Люди мнѣ сказали, поле загорѣлось—
А то у милóва личико зардѣлось;

Люди мнѣ сказали, что гогочутъ гуси—
А то заиграли миленькаго гусли.

Люди мнѣ сказали, пролетѣла пташка—
А то забѣлѣла милаго рубашка.

Люди мнѣ сказали, поле гулко стало—
Поле гулко стало—милой гонитъ стадо.

(*Моравская.*)

Ужъ не быть тому во вѣки, что прошло, что было,
Не свѣтить знать красну солнцу, какъ оно свѣтило!

Не знавать мнѣ прежней доли съ прежней мочью-силой,
На конѣ своемъ удаломъ знать не ѣздить къ милой!

Мнѣ свѣтило красно солнце въ малое оконце,
А теперь свѣтить не хочетъ, частый дождикъ мочитъ;

Частый дождикъ, непогода, бьетъ, стучитъ въ окошко...
Заросла къ моей любезной торная дорожка.

Заросла она кустами, заросла травою,
Съ той поры, какъ я спознался съ милою другою.

(*Польская.*)

Дождикъ, дождикъ, мороситъ, взмокла вся поляна
Ахъ, люби меня, Ванюша, вѣрно, безъ обмана!

Я люблю тебя, люблю, много, какъ умѣю;
Коли стану измѣнять, чтобъ сломать мнѣ шею!

Только сталъ онъ выѣзжать на большу дорогу,
Онъ головушку сломилъ, а конь вѣрный ногу.

Знать тебѣ не вѣренъ былъ милый твой Ванюша:
Такъ вдругорядь никого, дочка, ты не слушай.

(Польская, краковякъ.)

Свищутъ, свищутъ соловьи, пѣсенки заводятъ;
Нынче молодцамъ не вѣрь: васъ они проводятъ;
Нынче молодцамъ не вѣрь; да и дѣвкамъ тоже:
Знать такая вышла мода, ни на что негожа!

(Польская, краковякъ.)

Сказываютъ люди—и что̀ имъ за дѣло?—
Что дѣвица съ молодцомъ вечеромъ сидѣла.

(Мадьярская.)

Два милыхъ было у меня
Дороже всей родни,
Да бѣдность одолѣла ихъ,—
И умерли они.

Что одного-то милаго
Въ саду я положу,
Другого я сердечнаго
Подъ сердцемъ схороню.

Полью въ саду я милаго
Съ Дунай-рѣки водой,
Полью дружка сердечнаго
Горючихъ слезъ рѣкой.

(Греческая.)

Скорѣе бросайся ты съ берега вплавь,
Руками своими, что веслами, правь,
А грудь молодецкую выгни рулемъ, —
И легкимъ и быстрымъ плыви кораблемъ!
Богъ дастъ и поможетъ Пречистая намъ.
Ты будешь, товарищъ, сегодня же тамъ,
Гдѣ, помнишь, мы жарили вмѣстѣ козлятъ...
Про то, что погибъ я, не сказывай, братъ!
А если разспрашивать станетъ родня, —
Скажи, что въ чужбинѣ женили меня,
Что былъ мнѣ булатъ посаженымъ отцомъ,
Что насъ угощали на свадьбѣ свинцомъ,
Что мнѣ за женою моей отвели
Въ приданое сажень косую земли.

(*Греческая*).

Садилося солнце и день уходиль,
А Димъ поликарамъ своимъ говорилъ:
Неможется, дѣти! пора на покой!...
Сходите на ужинъ себѣ за водой;
А ты, мой Лабракисъ, одинъ мнѣ родня, —
Ты будь капитаномъ за мѣсто меня;
Покуда же, дѣти, вы саблей моей
Зеленыхъ въ лѣсу нарубите вѣтвей;
Я лягу на тѣхъ на зеленыхъ вѣтвяхъ,
И каяться стану попу во грѣхахъ.
Арматоломъ долго въ горахъ я служилъ,
Албанцевъ и турокъ безъ счету побилъ;
Но, видно, чередъ наступаетъ и мой ..
Вы гробъ сколотите мнѣ, дѣти, большой.
Чтобъ былъ онъ просторенъ, широкъ и высокъ,
Чтобъ саблей въ гробу я размахивать могъ,
Чтобъ могъ и винтовку я тамъ заряжать,
И въ турокъ невѣрныхъ оттуда стрѣлять;
Чтобъ было съ обѣихъ сторонъ по окну:
Въ одно пусть мнѣ носятъ косатки весну,
Къ другому летаютъ пускай соловьи,
Пускай распѣваютъ мнѣ пѣсни свои.

(*Баскская*).

За пѣсни я снова —
И пѣсня готова!
Веселья такова
Не зналъ никогда я,
Лишь прибылъ сюда я
Изъ вольнаго края,
Играя
Кипитъ моя кровь молодая!
Однажды въ апрѣлѣ,
Когда насъ хотѣли
Опять въ цитадели
Вести на работы —
Мы шмыгъ подъ вороты,
Не зная заботы,
И съ моста,
Проворно спустились въ болота
Когда жъ тамъ узнали,
Что мы убѣжали,
Ну, было печали!
Пошли разговоры,
И брань и укоры,
И крики и споры,
Гдѣ воры?
А мы пробирались ужъ въ горы.

Нѣкоторыя изъ выписанныхъ нами пѣсенъ переведены прекрасно, большая часть находящихся въ сборникѣ не дурно. Болѣе разборчивости при выборѣ—вотъ необходимѣйшее условіе для того, чтобы дополненный сборникъ (г. Бергъ очевидно не хочетъ останавливаться на первомъ опытѣ) получилъ еще большее достоинство. Впрочемъ и въ настоящемъ своемъ видѣ онъ свидѣтельствуетъ о добросовѣстной любви составителя къ своему дѣлу; многія пѣсни показываютъ въ переводчикѣ способность переводить хорошо. Русская литература должна быть благодарна г. Бергу за его прекрасное изданіе.

Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Книги 16, 17, 18 и 19. Москва. 1853—1854.

Многочисленныя изданія Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ пріобрѣли ему право на глубокую благодарность всѣхъ, занимающихся родною исторіею. Съ 1815 до 1846 года Общество издало: 1) *восемь* частей своихъ «Трудовъ и лѣтописей»; 2) *семь* томовъ «Историческаго сборника»; 3) *три* части «Русскихъ Достопамятностей», которыя, по важности напечатанныхъ въ нихъ памятниковъ, занимаютъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ числѣ матеріаловъ для русской исторіи и древней литературы; всего восемнадцать частей своихъ трудовъ. Кромѣ того въ этотъ же періодъ времени издало Общество довольно много отдѣльныхъ сочиненій и памятниковъ, большею частью также очень важныхъ; вотъ ихъ перечисленіе: 1) «Обозрѣніе Кормчей книги, барона Розенкампфа; 2) Супрасльская рукопись, изд. кн. Оболенскимъ; 3) Псковская лѣтопись, изд. г. Погодинымъ; 4) «Повѣствованіе о Россіи» Н. С. Арцыбышева, три громадные тома; 5) «Книга посольская метрики Великаго княжества литовскаго»; 6) «Книга, глаголемая Большой Чертежъ», изд. г. Спасскимъ; 7) «Библіотека Имп. Общества Исторіи и Др. Россійскихъ», сост. П. М. Строевымъ; 8) «Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи» г. Погодина о русской исторіи, три тома; всего *тринадцать* томовъ. Наконецъ Общество напечатало въ это время переводы: 1) «Изслѣдованій» Эверса; 2) «Древностей сѣвернаго берега Понта», г. Кёппена; «Корсунскихъ вратъ», г. Аделунга; 4) «Критико-исторической повѣсти Червоной Руси», г. Зубрицкаго. Всего въ теченіе 1815—1846 годовъ Общество издало до *тридцати-пяти* томовъ. Но особенно сильна становится его дѣятельность съ 1846 года; въ теченіе девяти лѣтъ Общество издало, не говоря ужъ объ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, *восемнадцать* книжекъ, или, лучше сказать, томовъ, «Чтеній» и *девятнадцать* книжекъ или томовъ «Временника», всего тридцать-семь книжекъ, въ числѣ которыхъ есть многія, заключающія въ себѣ болѣе 30 печатныхъ листовъ. Трудно и перечислить, сколько важныхъ изслѣдованій по русской исторіи, сколько драгоцѣнныхъ матеріаловъ для нея напечатано въ «Чтеніяхъ» и въ «Временникѣ». Повторяемъ, нѣтъ человѣка, занимающагося русскою исторіею, который бы не чувствовалъ уваженія и благодарности къ Московскому Обществу Исторіи и Древностей.

Существеннѣйшее достоинство разсматриваемыхъ нами 16—19 книжекъ «Временника» составляютъ очень важные матеріалы, которые въ нихъ изданы. Такъ въ 16 книжкѣ напечатано «Сказаніе о Самозванцахъ» въ двухъ редакціяхъ: въ 17 книжкѣ «Новый лѣтописецъ»; въ 18 «Литовскій Статутъ» 1529 года, въ 19 «Статутъ Великаго княжества Литовскаго 1588 года». Вмѣстѣ съ этими большими памятниками напечатано нѣсколько матеріаловъ, хотя не столь значительныхъ по объему, однакоже имѣющихъ несомнѣнную важность. Мы постараемся разсмотрѣть ихъ ниже, теперь же, слѣдуя порядку отдѣловъ, начнемъ нашъ обзоръ съ тѣхъ статей, которыя помѣщены подъ первою рубрикою «Временника»—съ «Изслѣдованій». Изъ нихъ значительнѣйшія по объему—«Пелазго-оракійскія племена», изслѣдованіе г. Черткова: въ 16 книжкѣ помѣщено отдѣленіе этого обширнаго труда, говорящее о пелазго-оракійцахъ, населившихъ Италію, и «Замѣчанія на Слово о полку игоревѣ», кн. П. П. Вяземскаго, статья вторая (кн. 17). Оба эти изслѣдованія, стоившія, особенно первое, очень многихъ трудовъ авторамъ и выказывающія въ нихъ несомнѣнную ученость, очень сходны между собою по направленію.

Мы недавно имѣли случай высказать въ «Современникѣ» мнѣніе о томъ, какое значеніе въ ряду наукъ имѣетъ такъ называемая «историческая филологія»: не признавая безусловно справедливыми односторонніхъ и восторженныхъ панегириковъ ей, не думая, чтобъ она была въ силахъ пересоздать всю систему наукъ, стать во главѣ ихъ всѣхъ, давать окончательный приговоръ о всѣхъ вопросахъ философіи, психологіи, исторіи, мы говорили, что она должна ограничиваться скромною ролью вспомогательной науки для исторіи древнѣйшихъ періодовъ, младенчествующаго состоянія народовъ. Точно также мы не думали утверждать съ нѣкоторыми изъ увлеченныхъ поклонниковъ исторической филологіи, чтобы филологическое образованіе должно было войти въ составъ общаго образованія, чтобы выучивать каждаго двѣнадцатилѣтняго мальчика толковать о фрейзингенскихъ отрывкахъ, о большомъ и маломъ, йотированныхъ и нейотированныхъ юсахъ, гласныхъ ъ и ь, переходѣ старославянскаго жд и шт въ русское ж и ч, чешское з и ц и т. д., было такъ же необходимо, какъ объяснять ему, что «Александръ Македонскій былъ великій человѣкъ». Въ самомъ дѣлѣ, гордость каждаго рождающагося занятія бываетъ неизмѣрима, притязанія его безпредѣльны. И для собственной пользы этого знанія бываетъ полезно отъ времени до времени напоминать объ истинныхъ его границахъ, чтобы оно не компрометировало себя во мнѣніи публики слишкомъ громадными претензіями. Но если нельзя не сказать, что историческая филологія въ сущности только вспомогательная наука для древнѣйшей исторіи, то надобно вмѣстѣ съ этимъ сказать, что въ этой роли, почетной, хотя и тѣсной, помощь ея необходима для историческихъ изслѣдованій; если надобно сказать, что безполезно, даже вредно набивать всякому мальчику голову корнями, развитіемъ и превращеніемъ корней, суффиксами и префиксами, то человѣкъ, желающій нынѣ заняться изслѣдованіями о древнѣйшей исторіи народовъ или о древнихъ памятникахъ литературы, необходимо долженъ пріобрѣсти основательныя филологическія свѣдѣнія. Толковать о «Словѣ о полку игоревѣ», не зная очень основательно славянскихъ нарѣчій въ ихъ древнѣйшемъ видѣ и новѣйшемъ развитіи, не имѣя близкаго знакомства съ народною поэзіею вообще и самаго ближайшаго знакомства съ народною поэзіею славянскихъ племенъ въ частности, значитъ осуждать себя на такіе же смѣшные

промахи, какъ принимаясь толковать о Софоклѣ безъ знанія греческаго языка. Браться за объясненіе древнѣйшей исторіи славянскихъ племенъ, говорить о томъ, славяне или греки были Ахиллесъ или Эней, не познакомившись хорошо съ историческою и сравнительною филологіею, такъ же странно, какъ писать римскую исторію, не зная по латинѣ, нѣмецкую исторію не зная по нѣмецки. Прежде, когда еще не существовала филологія въ видѣ самостоятельной науки, имѣющей огромный запасъ данныхъ и предписывающей строгія правила относительно того, какъ пользоваться ея матеріалами, прежде это было не такъ. Всякій, кому только вздумается, толковалъ, какъ ему захочется, о происхожденіи славянъ отъ кельтовъ, французовъ отъ грековъ, грековъ отъ славянъ, англичанъ отъ римлянъ, китайцевъ отъ египтянъ, мехиканцевъ отъ карѳагенянъ. Народы роднились, признавались братьями, отцами, дѣтьми одинъ другому рѣшительно по благосклонности человѣка, взявшаго въ руки перо, къ тому или другому изъ нихъ. Для провозглашенія, что прусаки происходятъ отъ римлянъ или римляне отъ прусаковъ, достаточно было найти въ нѣмецко-латинскомъ словарѣ, что *Vater* и *Mutter* по латинѣ *Pater* и *Mater*, *sechs—sex*, *neun—novem*. Ни на первобытную форму слова, ни на корень его, ни на грамматическія измѣненія не обращали ни малѣйшаго вниманія. Не думали о томъ, чтобы сравнивать языки въ цѣломъ ихъ составѣ—вмѣсто того, чтобы сравнивать всѣ корни, довольно было наудачу сблизить десятокъ, много два десятка словъ, какія первыя попадутся подъ руку. И удивительная исторія выходила результатомъ такихъ игривыхъ сближеній. Сначала было принято производить все отъ еврейскаго языка. Тогда-то было рѣшено и у насъ, что Москву основалъ Мосохъ, лѣтъ тысячи за три или за три съ половиною до Р. Х. Потомъ появились всеобщими предками греки и римляне, которые были также греки, потому что произошли отъ Энея. Тогда французы начали происходить отъ фокеянъ, черезъ Марсель; у насъ было также открыто, что Рюрикъ происходитъ отъ Пруса, брата Августа, племянника Юлія Цезаря. Этого мнѣнія не отвергаетъ и самъ Ломоносовъ. Потомъ вышли на сцену кельты, и открылось, что не только всѣ европейцы, но и самые египтяне были кельты. Этого мнѣнія, какъ увидимъ, держится Сумароковъ. Не говоримъ ужь о всесвѣтныхъ производствахъ не столь громкихъ. Въ антрактахъ между еврействомъ, греко-романизмомъ и кельтствомъ было открываемо, что предки всѣхъ народовъ египтяне, фригійцы, пелазги, скиѳы, иберійцы. За этими производствами, болѣе или менѣе безкорыстными, послѣдовали разсчетливыя генеалогіи, въ собственную пользу. Трудно найти народъ, который бы устами своихъ ученыхъ не объявлялъ, что онъ древнѣйшій народъ въ мірѣ. Не говоримъ уже о нѣмцахъ, скандинавахъ, славянахъ, французахъ. Ирландцы, венгерцы, баски также доказывали, что Адамъ и Ева говорили на ихъ языкѣ. У насъ въ старину особенно ревностнымъ истолкователемъ чужеземныхъ именъ славянскимъ языкомъ былъ Тредіаковскій. По его мнѣнію даже *Deutsche*—нѣмцы—есть славянское слово дѣти, дѣтскіе (народы); танцы также русское слово, и у славянъ взято французами, а прежде французовъ римлянами.

Долго процвѣтали эти ученыя забавы; но въ концѣ прошедшаго вѣка историки сильно вооружились противъ такъ называемыхъ «этимологическихъ сравненій» въ древнѣйшей исторіи народовъ; отголоски недовѣрчивости и даже насмѣшливаго презрѣнія къ этимъ словопроизводственнымъ толкамъ довольно сильно и часто слышатся и въ «Примѣчаніяхъ» къ «Исторіи Государства Россійскаго»: Карамзинъ

отвергаетъ, какъ пустую игру словъ, приводящую только къ однимъ несообразностямъ, этимологическія сближенія Тредіяковскаго, Ломоносова, особенно Татищева. Да и нельзя было не отвергать ихъ, не смѣяться надъ ними. Почтенный чешскій ученый Добнеръ увѣрялъ, что бастарны — пастыряне, биссы — пѣши, піэннаты—пѣнятяне, поляки—по влахи, т. е. потомки влаховъ; Татищевъ думаетъ, что вятичи не русскіе, а чуваши, потому что чуваши по мордовски называются ветке; Болтинъ думаетъ, что Кій, Щекъ, Хоривъ и Лыбедь были не славяне, а венгерцы или авары, потому что по венгерски «*Кіевъ* есть веселый, *Горогъ* (т. е. Хоревъ)—кривой, *Сцегъ* (т. е. Щекъ)—кормило, *Лебегесъ*—трепетаніе». Татищевъ думалъ, что русскіе (варяго русь) были финны, потому что «Русь» значитъ «русый народъ», а русыми волосами отличаются финны; но Татищевъ и Болтинъ были люди ученые и основательные; если мы захотимъ увидѣть словопроизводственную мономанію прошедшаго вѣка въ полномъ ея развитіи, мы должны будемъ обратиться къ отрывку Сумарокова «О происхожденіи Россійскаго народа». При нынѣшнемъ стремленіи къ ближайшему знакомству съ произведеніями старинныхъ русскихъ писателей, читатели, конечно, не будутъ на насъ въ претензіи, если мы представимъ нѣсколько выписокъ изъ этого курьезнаго произведенія. Древнѣйшимъ въ мірѣ народомъ Сумароковъ считаетъ, по тогдашнему обычаю, кельтовъ или цельтовъ, и говоритъ, что всѣ европейскіе народы, греки, римляне, нѣмцы, французы, англичане произошли отъ цельтовъ, но всѣ выродились, исказили свой языкъ; у однихъ только славянъ удержался чистый цельтійскій языкъ, потому славяне должны быть признаваемы истинными предками или единственными прямыми потомками предковъ всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ, которыхъ имена объясняются изъ славянскаго языка. Кельты первоначально жили въ Ѳракіи, Македоніи, Иллиріи; потомъ оттуда распространились по всей Европѣ и раздробились на множество народовъ. Продолжаемъ это изложеніе подлинными словами Сумарокова:

«Гальскія цельты болѣе всѣхъ прочихъ прославились, нарекшися первые Галлами отъ цельтскаго (*т. е. славянскаго, потому что, какъ мы видѣли, кельтскій и славянскій языкъ одно и то же по мнѣнію Сумарокова*) гуляю, что я не по своему изобрѣтенію и не по догадкѣ объявляю, то есть гуляками или странниками; а славянскіе цельты нареклися славянами, знаменуяся славными; какъ Вандалы отъ того, что вышли *вонъ далѣ* нареклися Вондалями. Британы назвався отъ бритыхъ головъ, премѣнили свой языкъ также; да и сами латины цельтскаго же происхожденія свой языкъ отъ цельтскаго отлучили, и остались только одни славяне при своемъ прежнемъ то есть цельтскомъ языкѣ. (*Это подтверждается словопроизводствомъ, указывающимъ корень словъ всякихъ языковъ въ славянскомъ, такъ*) не умолчу я, что слово исторія знаменованіе свое отъ словенскаго имѣетъ языка: *изъ-стари*, какъ *пѣтъ* отъ слова пѣти. Съ Коптами славяне также нѣкоторыя въ нарѣчіи сходства имѣютъ. Орна у коптовъ небо, а оттого Ураносъ и у Эллиновъ небо, а у славянъ горняя. Изи у коптовъ земля, и оттого богиня Изида, богиня земли; а славянское слово оттого *низъ* и такъ отъ орна верьхъ, а отъ изи низъ: на орнѣ на верху; на изу—на низу (Сочин. Сумарокова, изд. Новикова, томъ X, стр. 123 и слѣд.).

Итакъ дѣло ясно: греки, латины, вандалы, галлы, британы, копты или египтяне произошли отъ славянъ. Но простодушныя мнѣнія Сумарокова далеко не такъ эффектны, какъ заключенія, до которыхъ въ недавнее время, всего лѣтъ пятнадцать и десять тому назадъ, старались доходить гг. Морошкинъ и Савельевъ-Ростиславичъ. Они неудовольствовались общею характеристикою, «всѣ европейцы—

выродившіеся славяне»—нѣтъ, они доказали это относительно каждой области, каждаго города, каждаго знаменитаго историческаго лица. Парижъ — по-рисъ, т. е. по-русь; Мадритъ—мудритъ, Вѣна—вѣникъ или вѣнецъ; Стокгольмъ—стогъ-холмъ, т. е. большой стогъ; Лондонъ—клонъ-донъ, т. е. наклонное дно, городъ на низменности; съ такою же легкостью доказывается, что всѣ великіе люди были славяне: Лессингъ—лѣсникъ, Гутенбергъ—кутногорскій, Лютеръ—лютый, Карлъ Великій—Карло (т. е. карликъ) Великій, Гете—котъ, Клодвигъ—Холодовикъ, Клотильда—Колодильда, Фихте—Пыхтѣй (пыхтѣть) и т. д.

Послѣ этого остается только перейдти изъ Европы въ другія части свѣта и доказать, что всѣ народы, начиная отъ каффровъ, на мысѣ Доброй Надежды, до алеутовъ—того же происхожденія, какъ жители Клон-дона и Мудрита. Дѣло, не представляющее особенныхъ затрудненій. Нанкинъ—Нянькинъ, т. е. городъ, гдѣ выняньчились, откуда произошли китайцы; въ самомъ дѣлѣ Нянькинъ и былъ древнѣйшею столицею китайцевъ, собственно катайцевъ (отъ катать) или хватайцевъ; Корея—Горея, т. е. гористая земля; Сингапоръ,—Снѣгоборъ, т. е. городъ, въ которомъ готовы подбирать каждую снѣжинку—тамъ и дѣйствительно снѣгъ и ледъ продаются на вѣсъ золота; Цейланъ—Цѣланъ; патагонцы—потягонцы, т. е. вытянутый, высокорослый народъ; прокезцы—широкезцы, т. е. широко, разсѣянно живущіе. Однимъ словомъ надобно только вслушаться въ выговоръ, какой придаетъ незнакомымъ словамъ мальчикъ, еще не выучившійся произносить ихъ, и мы тотчасъ постигнемъ, что всѣ земли первоначально были населены славянами и всѣ народы происходятъ отъ славянъ.

Само собою разумѣется, что, подобно большей части другихъ увлеченій, и увлеченіе производить всѣ народы отъ своего народа, объяснять имена всѣхъ странъ и городовъ своимъ языкомъ было на насъ навѣяно подражаніемъ тому, что дѣлалось у другихъ народовъ. Пока еще наука сравнительнаго изученія языковъ не установилась, у всѣхъ народовъ были ученые, поступавшіе подобнымъ образомъ. Люди, которые привыкли писать по латини, жить въ грекоримскомъ мірѣ, производили всѣхъ европейцевъ отъ грековъ и римлянъ: но это было ужь очень давно; позднѣе другіе ученые отыскивали болѣе близкихъ къ себѣ праотцевъ всѣмъ остальнымъ народамъ: французы и англичане галловъ или кельтовъ, нѣмцы—нѣмцевъ, скандинавы—скандинавовъ и т. д. Не очень давно въ Богеміи умеръ Данковскій который доказывалъ, что мнимый греческій языкъ есть славянскій, только искаженный правописаніемъ, что нужно только переписать славянскими буквами Анакреона или Гомера, чтобы увидѣть, что они говорили и писали по славянски. Данковскій и сдѣлалъ это. Другой чешскій ученый и знаменитый поэтъ, Коларъ, умершій два года тому назадъ, оставилъ послѣ себя сочиненіе, въ которомъ доказываетъ, что вся Италія была населена славянами. Какъ онъ читаетъ этрусскія надписи по славянски, такъ нѣкоторые ученые читаютъ ихъ по нѣмецки. Въ самомъ дѣлѣ, нужно только захотѣть читать какой угодно отрывокъ на какомъ угодно языкѣ, чтобы прочитать его на этомъ языкѣ—стоитъ только не обращать вниманія на здравый смыслъ, пренебречь положительными правилами и фактами науки и искажать слова текста по произволу: поступая такимъ образомъ, можно доказывать, что Шиллеръ писалъ по русски, а Пушкинъ по испански. Нужно только твердо рѣшиться дойдти до такого результата. Если происхожденіе какого угодно народа отъ другого также какого угодно доказывается очень легко, то еще легче

доказывается, что какой угодно народъ занялъ отъ какого угодно другого свои первоначальные обычаи, научился у него всѣмъ знаніямъ, всему полезному въ жизни и такъ далѣе. На русскомъ языкѣ существуетъ «Исторія русской литературы», доказывающая, что нѣмцы научились философіи изъ «Посланія Никифора къ Владиміру Мономаху»; другой ученый видѣлъ въ какой-то санскритской драмѣ опроверженіе гегелевой системы. Чехи вообще доказываютъ, что нѣмцы выучились земледѣлію только благодаря знакомству съ славянами. Мы такъ часто указываемъ на чеховъ потому, что пристрастіе видѣть во всемъ и повсюду славянъ до сихъ поръ сильно у нихъ.

Но всего легче доказывается, что какой нибудь народъ, едва только начавшій образовываться, стоялъ уже въ глубокой древности на высокой степени просвѣщенія, былъ знакомъ съ литературами классическаго міра, читалъ Платона и восхищался Софокломъ. Для этого нужно только найдти въ одномъ изъ памятниковъ его письменности какую нибудь фразу, имѣющую хотя самое отдаленное сходство съ какою нибудь извѣстною у всѣхъ народовъ общею мыслью, напримѣръ, о неизбѣжности судьбы, о томъ, что быть добрымъ человѣкомъ прекрасно и т. п.; изъ этого тотчасъ можно будетъ вывесть, что «народъ былъ знакомъ съ трагедіями грековъ, основанными на идеѣ судьбы, и коротко зналъ творенія Платона, проникнутыя идеею о томъ, что высшая красота есть добродѣтель». Если даже не найдется и такой фразы, дѣло можно привести къ желанному результату: нужно только отъискать одно изъ тѣхъ невразумительныхъ, испорченныхъ мѣстъ, которыми всегда богаты старинныя рукописи, истолковать это мѣсто въ необходимомъ для насъ смыслѣ, и дѣло будетъ кончено.

Въ «Словѣ о полку игоревѣ» есть множество выраженій темныхъ, множество выраженій, очевидно испорченныхъ безграмотнымъ переписчикомъ. Это признано всѣми изслѣдователями. Въ числѣ такихъ мѣстъ, исправить и объяснить которыя доселѣ не могли основательные ученые, есть слѣдующее мѣсто: «Въстала обида въ силахъ Дажь божа внука». «Вступилъ дѣвою въ землю Трояню», всплескала крылы на синемъ море у Дону; «плещучи, убуди жирныя времена». Очень вѣроятно, что это мѣсто, подобно десяткамъ другихъ, испорчено. Земля Дажь-божа внука—русская земля, въ этомъ ученые согласны; но что такое «земля Трояня», что такое «дѣва, плещущая крылами на синемъ морѣ у Дону», остается непонятно. Не будемъ предлагать своихъ догадокъ, не будемъ анализировать прежнихъ объясненій, не приводящихъ ни къ чему положительному; но для всякаго, знающаго, хотя нѣсколько, грамматику стариннаго языка, ясно, что прилагательное *Троянь*, встрѣчающееся въ этомъ и трехъ другихъ мѣстахъ «Слова», произведено отъ собственнаго имени мужескаго рода—Троянъ, какъ прилагательныя Владиміръ, Антонъ—отъ собственныхъ именъ мужескаго рода Владиміръ, Антонъ. Кто этотъ Троянъ—римскій императоръ Траянъ, или Владиміръ, прозванный Трояномъ потому, что былъ третьимъ сыномъ Святослава, ученые рѣшаютъ различно. Несомнѣнно только, что прилагательное Троянь не можетъ въ славянскомъ языкѣ образоваться отъ имени города Трои: «троянскій» на старомъ языкѣ имѣло форму «трояньскъ» и не могло никакимъ образомъ принять формы «Троянь», необходимо указывающей на существительное съ окончаніемъ мужескаго рода ъ и съ буквою *н* передъ этимъ окончаніемъ. Но князь Вяземскій хочетъ понимать, въ противность основному закону славянской этимологіи, подъ «троянія земля» не

Троянова земля, а троянская земля. «Дѣва», которая восплескала крылами, въ противность общему мнѣнію ученыхъ, говорящихъ, что если здѣсь слово дѣва не есть описка, то означаетъ какое нибудь миѳологическое существо, по мнѣнію князя Вяземскаго, рѣшительно произвольному, есть Елена, похищенная Парисомъ и навлекшая «обиду», несчастье на Троянскую землю. Послѣ такого объясненія становится уже очень ясно для князя Вяземскаго, что авторъ «Слова о полку игоревѣ» былъ коротко знакомъ съ трагедіями Эврипида, и онъ постоянно сравниваетъ выраженія «Слова» съ отрывками изъ Эврипида. Несомнѣнно становится для князя Вяземскаго и то, что Боянъ, упоминаемый въ «Словѣ», есть Гомеръ, потому что Гомеръ былъ поэтъ, а боянъ, вѣроятно, происходитъ отъ баять, говорить. Такимъ образомъ становится несомнѣнно, что авторъ «Слова» былъ вдохновляемъ произведеніями Гомера и Эврипида, и князь Вяземскій считаетъ даже нужнымъ оправдывать его отъ упрека въ подражаніи этимъ писателямъ, съ которыми постоянно сравниваетъ каждое выраженіе «Слова». Сходство, находимое ученымъ авторомъ, въ самомъ дѣлѣ изумительно. Напримѣръ воззваніе Эврипидова хора въ трагедіи «Елена»:

«Тебя сѣньми подъ древочащными въ храмахъ и престолахъ возсѣдающую взываю, тебя голосистую птицу, соловья слезистаго, пріиди, о чрезъ громкіе клювы щекотающая, воплямъ моимъ сотрудникъ, Елены мрачной труды, солнцевичей же поющая плачевный трудъ Ахеянъ подъ копьями».

Это воззваніе, столь оригинально переведенное княземъ Вяземскимъ, «буквально сходно», по его мнѣнію, съ воззваніемъ «Слова» къ Бояну:

«О Бояне, соловію стараго времени! а бы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ трону Трояню черезъ поля на горы. Пѣти было пѣсь Игореви, того внуку».

«Мы видимъ только, что въ обоихъ отрывкахъ попадается слово «соловей»; но ученый авторъ (стр. 7) говоритъ: «Кромѣ буквальнаго сходства сихъ воззваній къ Гомеру, разительно самое сходство положеній, сопряженныхъ съ сими воззваніями». Послѣ этого мы въ правѣ прибавить, что пѣсня:

Сладко пѣлъ душа-соловушко
Въ зеленомъ саду моемъ и т. д.

имѣетъ столь же поразительное сходство съ эврипидовымъ хоромъ и что г. Лажечниковъ, помѣстившій эту пѣсню въ «Послѣднемъ Новикѣ», вѣроятно, написалъ свой романъ, вдохновенный эврипидовыми трагедіями, а не просто преданіями отечественной исторіи. Точно такъ же поразительны и всѣ остальныя сравненія «Слова» съ Гомеромъ и Эврипидомъ, напримѣръ (стр. 29):

«Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русицы прегородиша червленными щиты» (Слово о п. и.) — это описаніе обоихъ войскъ совершенно гомерическое.

... Каждый изъ нихъ отдастъ повелѣнья
Вождь. А воины идутъ въ молчаніи; всякій спросилъ бы
Столько народа идущаго въ персяхъ имѣетъ ли голосъ?
(Иліада IV, 428.)

Здѣсь мы опять замѣчаемъ то сходство, что «Слово» и «Иліада» говорятъ о войскахъ; но въ «Иліадѣ» войска идутъ молча, въ «Словѣ» стоятъ и кричатъ.

Несмотря на очевидную неосновательность основной мысли, на всѣ несход-

ства сближаемыхъ мѣстъ, изслѣдованіе князя Вяземскаго многихъ удивило своею огромностью и множествомъ цитатъ. И нѣтъ сомнѣнія, что многимъ покажется, будто бы въ самомъ дѣлѣ между «Словомъ о полку игоревѣ» и Гомеромъ или Эврипидомъ есть сродство. Это потому, что ученая оболочка сочиненія многимъ не позволитъ замѣтить, что въ сущности трудолюбивый авторъ очень мало приготовленъ къ ясному пониманію ближайшаго предмета своихъ сравненій, «Слова о полку игоревѣ»: на каждомъ шагу видно, что онъ не филологъ. Потому-то и говорили мы подробно о его изслѣдованіи, думая, что наше предостереженіе не будетъ излишнимъ для нѣкоторыхъ изъ числа людей, интересующихся вопросами о такомъ замѣчательномъ памятникѣ нашей словесности, какъ Слово о полку игоревѣ». Ученая критика у насъ еще слабѣе литературной; потому часто одна массивность и внѣшняя ученая обстановка сочиненія вводятъ въ заблужденіе и заставляютъ многихъ принимать выводы, дѣлаемые авторомъ, хотя въ сущности онъ не представилъ и не могъ представить никакихъ подтверждевій своимъ положеніямъ.

Методъ князя П. П. Вяземскаго имѣетъ «поразительное» сходство съ методомъ, которому слѣдовалъ г. Чертковъ въ разысканіяхъ о «Пелазго-оракійскихъ племенахъ»: такое же богатство цитатъ и сличеній, такое же стремленіе смѣшивать обширныя разсужденія о фактахъ, ставшихъ общими мѣстами въ наукѣ, съ произвольными истолкованіями, такое же пренебреженіе къ строгому филологическому разбору сближаемыхъ собственныхъ именъ. Не менѣе велико и сродство въ направленіи изысканій; кн. П. П. Вяземскій поставилъ себѣ задачею отыскать литературное родство тамъ, гдѣ его совершенно нѣтъ; г. Чертковъ старается доказать тожество пелазговъ съ славянами, хотя нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что пелазги не были славяне; оба ученые автора одинаково увлекаются темнымъ, загадочнымъ; тому и другому оно представляется одинаково яснымъ; наконецъ оба до того увлеклись оригинальными своими мнѣніями, что написали обширныя сочиненія, единственно въ подтвержденіе этихъ мнѣній, такъ-что если не принять результатовъ, которые выставляются гг. Чертковымъ и Вяземскимъ (а принять ихъ невозможно) то въ обширныхъ ихъ трудахъ совершенно не чѣмъ будетъ воспользоваться.

Часть изслѣдованія г. Черткова, помѣщенная въ 16 книжкѣ «Временника» говоритъ о «Пелазгахъ Итальянскихъ», подъ именемъ которыхъ разумѣетъ онъ большую часть древне-итальянскихъ племенъ: сабиницы, луканцы, лигурійцы, этруски, венеты, иллирійцы, всѣ народы до самаго Дуная, жители Реціума, Норика, Паннонія — всѣ, по его мнѣнію, пелазги, то есть славяне. Относительно того, какому племени принадлежали многіе изъ нихъ, нынѣ еще ничего нельзя сказать положительнаго; относительно другихъ достовѣрно извѣстно, что они существенно различались между собою; г. Черткова это ни мало не останавливаетъ; онъ всѣхъ ихъ причисляетъ къ одному племени, всѣхъ признаетъ пелазгами, и на каждой страницѣ приводитъ десятки доказательствъ, что всѣ эти пелазги были славяне.

Обильнѣйшій источникъ доказательствъ представляетъ ему произвольное произношеніе собственныхъ именъ славянскими звуками, и притомъ, именно, по московскому нарѣчію. Здѣсь было бы неумѣстно пускаться въ длинныя филологическія объясненія того, что еслибъ и дѣйствительно между древними жителями Италіи были славянскія племена, то читать ихъ имена съ великорусскимъ выговоромъ и объяснять московскимъ нарѣчіемъ, было бы столь же ошибочно, какъ считать Пушкина чи-

скимъ или болгарскимъ писателемъ. Но и безъ всякихъ объясненій очевидно, что итальянскія отрасли славянъ (положимъ даже, что онѣ существовали) должны были за 1000 лѣтъ до Р. Х. говорить не тѣмъ языкомъ, какимъ писалъ Жуковскій. На исторію языка, развитіе формъ, различіе нарѣчій г. Чертковъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія.

Приведемъ нѣкоторыя изъ принимаемыхъ имъ переименованій. *Peucestios* (братъ Энотра)—Пѣвчистъ; *Gernici*—Горнаки; *Ombrici* —Обричи; *Opici*—Опичи; *Volsci*—Волчи, Вильцы; *Roeci*—Рѣчи: *Falisci*—Хвалисцы; *Lucani*—Лучане; *Dauni*—Старожилы, Давніе; *Apuli*—Попелы; *Argyrusci*—Вагры рѣчи: *Labici*—Любичи; *Dolopes*—Дулѣбы; *Dodona* —пелазгійскій городъ—Дѣдина; *Cures*—Куры; *Sybilla*—Вила; *Rasenae*—резане (т. е. рязанцы?) и т. д. Всякій, имѣющій хотя малѣйшее понятіе о строгихъ законахъ филологическихъ сближеній, увидитъ съ перваго раза, что эти переименованія сдѣланы произвольно, безъ разбора корней и первоначальной формы именъ, по одному случайному созвучію; каждый филологъ скажетъ, что большая часть изъ нихъ очевидно ложна. А между тѣмъ г. Чертковъ представляетъ свои переложенія на московское нарѣчіе до того несомнѣнными, что не считаетъ нужнымъ ни оправдывать, ни пояснять ихъ. При такой невзыскательной методѣ, онъ могъ бы переложить на славянскій языкъ и всѣ остальныя имена, какія только встрѣчаются въ римской исторіи, напримѣръ, Ромулъ — Громвалъ, Нума Помпилій — Умъ Пупиличъ (Нума знаменитъ умомъ); Фабій—Бабій, Валерій—Болѣринъ, боляринъ, бояринъ, Сципіонъ—Цѣпіонъ (отъ цѣпь) или Сцѣпіонъ (отъ сцѣпить) или Щепіонъ (отъ щепа, щепка), Сервій — сербянинъ, Мезенцій—Мезенцовъ или Меженцовъ и т. д. Не знаемъ, будетъ ли г. Чертковъ доказывать, что и галлы были также пелазги, то есть славяне: по подобнымъ сближеніямъ именъ не трудно доказать и это: *Aquitani*—охватанцы, *Volcae*—волки, вильцы, *Ruteni*—русскіе (латинское имя Россіи *Ruthenia*), *Vellavi*—вилявцы, *Cenomanni*—Цѣномѣны, торговый народъ, *Eburovices* —боровичи, сопломенные тѣмъ, которые основали уѣздный городъ Боровичи въ Новгородской губерніи; *Morini*—моряне, поморцы (они же кстати жили у моря), *Leuci*—лѣвцы или львичане, *Bellovaci* —бѣловаки, бѣлычане, жители Бѣлецка; *Beda* (городъ) Бѣда; *Suessiones* — свезенцы, переселенцы и т. д.

Кто не видитъ, что эти переложенія—ученая игра, не требующая, впрочемъ, никакой учености? Между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, г. Чертковъ потратилъ на свое изслѣдованіе много времени и много свѣдѣній. Но сближеніе собственныхъ именъ—не единственная, хотя и главная опора мнѣній ученаго изыскателя: другая опора ихъ—сближеніе нѣкоторыхъ народныхъ обычаевъ. Ограничимся немногими примѣрами.

«Нума Помпилій учредилъ двѣнадцать жрецовъ Салійскихъ и вмѣнилъ имъ въ обязанность, при торжественныхъ шествіяхъ, ходить по улицамъ Рима, пѣть пѣсни и плясать бойко, живо, подпрыгивая и топая ногами. Это ничто иное, какъ наша пляска въ присядку, съ подпѣваніемъ хора пѣсельниковъ. Такъ точно описано шествіе нашихъ войскъ въ италіанскіе города въ продолженіе кампаніи 1799 года: «Передъ полками шли пѣсельники, и въ нѣсколькихъ шагахъ впереди отъ нихъ, бойкій и молодой воинъ плясалъ въ присядку, а пѣсельники пѣли похвалу фельдмаршалу князю Суворову» (такъ сказано въ тѣхъ описаніяхъ похода русскихъ, которыя мы читали въ Италіи; сожалѣемъ, что тогда не записали названій этихъ сочиненій). Тоже самое могло быть исполнено жрецами въ Римѣ, съ тою разницею, что вмѣсто пѣсни, сочи-

ненной въ похвалу кн. Суворова, Салійцы пѣли гимны въ честь Марса. И теперь, во всѣхъ экспедиціяхъ на Кавказѣ, наши воины, съ заряженными ружьями, въ виду горцевъ, поютъ пѣсни, а приплясывающіе запѣвалы прославляютъ славныя дѣла своихъ предводителей и товарищей. (Кавказъ, 1852. № 34)».

Пляска у всѣхъ языческихъ народовъ была принадлежностью религіозныхъ торжествъ; слѣдовательно, въ римскомъ обрядѣ нѣтъ еще ничего особеннаго. Но чтобы салійскіе жрецы плясали именно въ присядку, предположеніе болѣе игривое, нежели основательное. Что наши солдаты ходятъ въ сраженіе съ пѣснями, мы повѣрили бы и безъ цитаты изъ газеты «Кавказъ» 1852 года № 34; но что эти пѣсни различны отъ гимна салійскихъ жрецовъ, кажется, не подлежитъ спору; г. Черткову, конечно, извѣстно это, потому что гимнъ салійскихъ жрецовъ дошелъ до насъ.

«Пелазгическія племена имѣли обычай, при женитьбѣ, не свататься за невѣсту, а похищать ее насильно. Эти похищенія происходили обыкновенно при играхъ всякаго рода. Похищеніе дѣвицъ перешло отъ пелазговъ къ древнимъ славянамъ».

А къ киргизамъ, калмыкамъ, туземцамъ Ванъ-Дименовой земли и Новой-Голландіи также перешло оно отъ пелазговъ? Нынѣ всякому, кто только читалъ путешествія, извѣстно, что обычай похищать невѣстъ — общій всѣмъ дикимъ или полу-дикимъ народамъ. Точно также распространенъ у всѣхъ полудикихъ народовъ обычай платить за невѣсту выкупъ, вѣно или калымъ, и въ избѣжаніе именно этой убыточной необходимости они похищаютъ невѣстъ. Слѣдовательно, напрасно доказывать родство, тожество пелазговъ съ славянами тѣмъ, что у венетовъ (которыхъ, впрочемъ, трудно и признать пелазгами) было обыкновеніе платить выкупъ за невѣсту. Это все равно, что доказывать происхожденіе рода Мегемета-Али, паши египетскаго, изъ Сіама, тѣмъ, что въ нынѣшней египетской династіи послѣ старшаго брата наслѣдуетъ второй братъ, а не сынъ покойнаго вице-короля, что въ обыкновеніи также у Сіамцевъ, и было въ обыкновеніи у русскихъ до Димитрія Донскаго. Доказывать такими общими обычаями происхожденіе одного народа отъ другого то же самое, что доказывать происхожденіе эскимосовъ отъ готентотовъ тѣмъ, что оба народа все дѣлаютъ, какъ и мы, правою а не лѣвою рукою. Поэтому намъ кажется, что огромное количество времени и труда, употребленное г. Чертковымъ на его изслѣдованія о пелазго-оракійскихъ племенахъ, чуждыя всякаго критическаго такта, всякой осмотрительности въ подборѣ доказательствъ на избранную тему, — намъ кажется, что это время и трудъ пропали столь же безполезно, какъ и трудъ князя Вяземскаго надъ сличеніемъ «Слова о полку игоревѣ» съ Гомеромъ и Эврипидомъ.

«Древніе русскіе законы о сохраненіи народнаго богатства» г. Лешкова (Временникъ, кн. 18) — статья, которою можно пользоваться за недостаткомъ болѣе полныхъ изслѣдованій, но не представляющая ничего особеннаго, кромѣ слѣдующихъ размышленій о благосостояніи массы простонародья въ древней Руси, размышленій, кончающихся, однако же, ошибочными предположеніями. Собравъ извѣстные факты изъ лѣтописей о степени богатства князей, дружины и нѣкоторыхъ монастырей, г. Лешковъ продолжаетъ:

Былъ ли богатъ, и въ какой степени простой народъ и сельскій классъ жителей Руси? Этотъ вопросъ не такъ легокъ, по причинѣ совершеннаго отсутствія прямыхъ указаній о бытѣ простого народа. Наши лѣтописи упорно молчатъ насчетъ благосостоянія сельскихъ жителей. Да и умозаключеніемъ тутъ немного можно сдѣлать. Нельзя же считать богатство князей и монастырей прямымъ свидѣтель-

ствомъ благосостоянія простого народа; не позволено дѣлать заключенія къ дѣйствительной судьбѣ смердовъ отъ баснословныхъ пировъ Владиміра. Что обогащало дружину, то вело къ раззоренію смердовъ. Но—заключаетъ г. Лешковъ — мы не лишены возможности приблизительно судить о положеніи нашего древнѣйшаго сельскаго населенія, благодаря акту, состоящему изъ шестнадцати статей, которыя вносятся въ «Русскую Правду».

Въ этихъ статьяхъ показана цѣна домашнихъ животныхъ и разчислено размноженіе каждой породы въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, такимъ образомъ:

«Отъ 22 овецъ приплода въ 12 лѣтъ 90,112 овецъ и 90,112 барановъ. Считая цѣну овцы въ 6 ногатъ, а барана въ 10 рѣзанъ прійдется заплатить за все это количество 45,055 гривенъ и 40 рѣзанъ; да рунъ снимается съ тѣхъ овецъ и барановъ 360,446; за тѣ руны заплатить 7,208 гривенъ и 46 рѣзанъ».

Итакъ, продержавшій у себя въ теченіе двѣнадцати лѣтъ 22 овцы обязанъ заплатить ихъ владѣльцу болѣе 52,000 гривенъ, то есть по вѣсу металла болѣе 80,000 рублей серебромъ! Ясно, что эти вычисленія, попадающіяся въ одной редакціи «Русской Правды», не могли быть приложимы къ практикѣ и сдѣланы какимъ нибудь знатокомъ цифирной мудрости для собственнаго удовольствія въ разчисленіи. Но г. Лешковъ думаетъ, что эти статьи — формула арендаторскаго контракта по системѣ половничества; изъ нихъ выводитъ онъ, что въ земледѣліи первоначальный капиталъ приносилъ ежегодный доходъ въ 60 процентовъ и, слѣдовательно, «сельскій классъ древней Руси велъ жизнь безбѣдную». Но мало того, что нельзя согласиться, чтобы статьи, на которыхъ основывается почтенный авторъ, имѣли приложеніе къ дѣйствительности: онѣ вычисляютъ не доходъ земледѣльца, какъ онъ думаетъ, а сумму, которую по правилу наростанія процентовъ на проценты, должникъ обязанъ возвратить заимодавцу черезъ двѣнадцать лѣтъ, если возьметъ у него въ долгъ корову, лошадь, извѣстное число овецъ и т. д. Это ясно, во первыхъ, изъ самой сущности разсчетовъ, во вторыхъ, изъ того, что статьи мнимаго арендnаго контракта идутъ непосредственно за статьями о рѣзоимствѣ и мѣсячномъ рѣзу — объ отдачѣ въ проценты; слѣдуетъ за ними опять постановленія относительно величины процентовъ. Слѣдовательно, для разрѣшенія вопроса о бѣдности или богатствѣ сельскаго населенія въ древней Руси надобно искать другихъ данныхъ.

Въ «Матеріалахъ», обширнѣйшемъ и лучшемъ отдѣлѣ «Временника», помѣщены очень важные историческіе памятники. Конечно, мы должны здѣсь ограничиться только указаніемъ ихъ и благодарностью почтеннымъ издателямъ. Въ 18 и 19 книжкахъ напечатаны, какъ мы сказали, въ полномъ составѣ, «Статуты великаго княжества Литовскаго», 1529 и 1588 годовъ. Въ 16 книжкѣ — два сказанія о Самозванцахъ. Издатель сказаній, князь Оболенскій, объясняетъ въ предисловіи, что второе сказаніе, находимое во многихъ хронографахъ и бывшее извѣстнымъ Карамзину, передѣлка перваго, котораго, по видимому, Карамзинъ не зналъ. Сообщаемъ изъ него нѣсколько подробностей, конечно, нуждающихся въ критической повѣркѣ.

Говоря о избраніи на царство Бориса Годунова, авторъ сказанія утверждаетъ, что избранія желали только немногіе клевреты Годунова, а народъ былъ единственно угрозами и страхомъ принужденъ содѣйствовать имъ «и не хотѣлъ никто Бориса; но боялись его хитрости и злобы; и было постановлено, чтобы съ того человѣка, который не придетъ къ лаврѣ, гдѣ была царица инокиня, также не желавшая бо-

рисова избранія, просить ее объ этомъ, съ того брать по два рубля въ день штрафу». Неужели этотъ штрафъ — выдумка составителя сказанія, который вообще чрезвычайно нерасположенъ къ Борису? Гришка Отрепьевъ, жительствуя въ Чудовѣ монастырѣ, «вожделѣ искати и вникати въ премудрости богомерзкихъ книгъ»; итакъ, Отрепьевъ еще будучи въ Москвѣ черноиомъ, читалъ свѣтскія книги? Гришка Отрепьевъ, идя на Москву, обѣщалъ въ грамотахъ своихъ боярамъ и воеводамъ прибавку помѣстнаго оклада, а торговымъ людямъ и всего Московскаго государства людямъ облегченіе пошлинъ и податей; потомъ, изчисляя его злоправные поступки, составитель сказанія утверждаетъ, будто бы Лжедимитрій хотѣлъ «юныхъ иноковъ и инокинь образа иноческаго лишити, и во свѣтлыя портища облачити, иноковъ умысли окаянный женити, а инокинь за мужъ давати», а несоглашающихся на это монаховъ и монахинь казнить смертью (??). Въ изложеніи грамоты, изданной царемъ Василіемъ Іоанновичемъ Шуйскимъ, послѣ избранія его на престолъ, также говорится, что Лжедимитрій хотѣлъ «истинную вѣру попрати и учинити *люторскую* и латынскую вѣру». Вѣроятно, эти народные толки о лютеранскихъ замыслахъ Лжедимитрія основывались только на томъ, что многіе не понимали вражды, господствовавшей тогда между папистами и лютеранами.

«Новый лѣтописецъ», напечатанный въ 17 книжкѣ, есть, по мнѣнію издателя (князя Оболенскаго), первоначальная редакція, которая была потомъ передѣлываема и дополняема въ восьмой части Никоновой лѣтописи и въ «Лѣтописи о мятежахъ». Изданная во «Временникѣ» редакція оканчивается «Смотромъ на Дѣвичьемъ полѣ ратнымъ людямъ» 7161 (1653) года, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Изъ нѣсколькихъ десятковъ болѣе или менѣе важныхъ краткихъ замѣчаній, старинныхъ юридическихъ актовъ, грамотъ и т. п., помѣщенныхъ въ Смѣси Временника, замѣтимъ въ шестнадцатой книжкѣ интересное сочиненіе: «Книга, глаголемая космографія, сложена отъ древнихъ философовъ»; она издана по рукописи второй половины XVII вѣка. Эта космографія перечисляетъ земли въ слѣдующемъ порядкѣ: въ Европѣ, части Афетовѣ, лежатъ Италія (земля плодовита скотомъ и овощемъ, ученіемъ же снискательна къ мудрости), земля греческая (нынѣ обладаема турскою державою немножествомъ людей, но безоружіемъ противитися не дерзаютъ),—итакъ, мы тогда уже знали, что собственно турки въ Европѣ народъ немногочисленный). Королевство сербское (толико плодовита, т. е. земля, хлѣбомъ и овощемъ различнымъ, что во всей Европіи таково изобильство не обрѣтается); царство болгарское, страна Угорьская и Чешская, царство Крымское; цесарство державы Римскіе (т. е. германская имперія — странне только широтою велика, но зѣло многолюдна, человѣцы же мудры и многоучительны), Королевство земли Шпанскіе (человѣцы мудры лекарствомъ дохтурскимъ, и звѣздочестію); французское королевство; земля Германія (людей больше купецкихъ нежели воинскихъ: человѣцы же ласковы и смирены, и слабо ко піянству и къ покою тѣлесному). Королевство Польское и великое княжество Литовское (человѣцы величавы и горды и обманьчивы, ученію снискательны мудростямъ всякимъ, и къ войнѣ къ ратямъ готовы и охочи и оружны; подданные же у нихъ господей своихъ не слушаютъ, повольно живутъ и безстрашны, платье же носятъ цвѣтно и слабы къ ядѣнію и къ піянству и къ всякимъ сластемъ). Царство Россійское (благочестивая вѣра цвѣтетъ); царство казанское и астраханское (человѣцы же сановиты брадами и платьемъ), королевство Свицкое; земля датская, островы Британскіе (много купеческихъ людей

а военныхъ мало: человѣцы же къ лечбамъ дохтуроваты); Островы Прускія и барабанскія (брабантскія) и Галанскія; земля Сибирь. Въ Азіи, въ части Симовѣ: земля Ногай и Колъмыковъ (вѣра татарская, а не грамотная); земля грузинская; земля арменская; земля кизилъбашская (отъ піянства воздержательны, а къ тѣлеснымъ похотемъ слабы); земля Перская (подъ кизильбашскимъ царемъ; человѣцы къ воинству щательны и легки, яко и дѣвицы на ратехъ воспріемлютъ мужескую крѣпость); страна Ѳарсія; страна Индея великая; страна Индея малая; страна Ефіопская; царство Арабское черное; земля Малацыя богатая; земля Евилацкая; страна Рахматы нагія надъ самымъ востокомъ солнцу, житіе же ихъ такого: одѣваются листвіемъ древянымъ, и отъ того питаются; и жены имѣютъ, а ризъ и скота и хлѣба не имѣютъ. Мѣсто гдѣ исходятъ четыре рѣки райскія. Горы стеклянныя, 2000 верстъ подъ востокомъ солнца. Царство Китайское. Островъ Макаридскій (туда залетаютъ райскія птицы гамаюнъ и финикъ); потомъ другіе острова: на одномъ изъ нихъ живутъ василиски, лице и волосы дѣвичьи, и отъ пупа хоботъ зміевъ, крылаты. На другихъ островахъ такой жемчугъ, яко одна жемчужина тянетъ близь полпуда. Третья часть, жребій Хамовъ, Африка. Здѣсь: Ассирія, страна Палестинская, земля Еллинская, въ ней же градъ мудрые Аѳины и Елладское царство и Македонское (*!! въ Африкѣ!*) Аравія, страна Египетская, двѣ Ефіопіи, королевство Папаяна, Варварія, земля Индольскій языкъ (обычаи имѣютъ нѣмецкихъ людей, покорены Папѣ Римскому и Кальвинская ересь): Царство Магдянское; островъ Кипръ: Киликія островъ; островъ Критскій: островъ Троя: Конецъ Африкѣ. Въ новой землѣ, Америкѣ: земля Троенская, острова Амразильскій, Новая Испанія, земли Первуатинскія; Оларицкое княжество. Островъ страна Кустралкъ. Далѣе его лежатъ уже острова темные, куда не заходитъ солнце.

Въ семнадцатой книгѣ между прочимъ помѣщено описаніе свиданія Петра Великаго съ Августомъ, королемъ польскимъ, въ февралѣ 1701 года. (Переводъ съ польскаго). Здѣсь замѣтимъ, что когда начались переговоры о предполагаемой войнѣ со шведами, то поляки возставали противъ этой войны, какъ непредставляющей для Польши никакихъ выгодъ.

Въ Смѣси девятнадцатой книжки помѣщены интересныя воспоминанія о графѣ Румянцовѣ, Суворовѣ и Потемкинѣ, записанныя г. Ар. Р. со словъ людей, служившихъ долгое время при графѣ. Къ сожалѣнію, эти воспоминанія очень кратки: они занимаютъ не болѣе пяти страницъ. Извлекаемъ изъ нихъ здѣсь существенное, опуская общеизвѣстные факты. Когда графъ Румянцевъ передалъ Потемкину командованіе молдаванскою арміею, то переѣхалъ въ молдавскую деревню въ семи верстахъ отъ Яссъ (главной квартиры) и жилъ тамъ очень долго. Онъ

«велъ жизнь спокойную, не выходилъ изъ своей комнаты, но принималъ всѣхъ, къ нему пріѣзжавшихъ, которые считали обязанностью отдавать ему тѣмъ уваженіе, какъ бывшему начальнику, къ чему близость Яссъ, гдѣ была квартира Главнокомандующаго, много способствовала и была причиною переписки съ нимъ Императрицы, посредствомъ которой она настоятельно его понуждала выѣхать оттуда, утверждая, что неприлично ему быть въ такъ близкомъ разстояніи отъ главной квартиры. Онъ отвѣчалъ Императрицѣ, прося позволенія остаться до весны, когда время позволитъ ему предпринять путешествіе за границу, для поправленія своего разстроеннаго здоровья, но что впрочемъ нигдѣ пребываніе его не можетъ быть неполезнымъ для дѣлъ Россіи. Вынужденный отправиться въ свои Малорусскія деревни, Румянцевъ имѣлъ твердость отказаться отъ всякаго дѣла, и семь лѣтъ не измѣнилъ своего образа жизни. Поль-

зуясь совершеннымъ здоровьемъ, онъ не выходилъ никогда изъ комнаты, и только изъ кровати переходилъ на кресло, а изъ кресла на кровать, жалуясь на слабость ногъ. Это одно ужь означаетъ власть нравственную надъ собою. Онъ не могъ перенести мысли о уничиженіи своемъ, пожертвовалъ всѣми удовольствіями жизни, и сократилъ тѣмъ самую жизнь свою».

Когда Суворовъ, послѣ взятія Праги, былъ пожалованъ фельдмаршаломъ, то, возвращаясь въ Петербургъ, заѣхалъ въ деревню къ Румянцеву; но, не доѣзжая одной станціи, остановился, собралъ совѣтъ изъ всего бывшаго при немъ штаба, и предложилъ вопросъ: можетъ ли онъ теперь подъѣхать къ крыльцу графскаго дома, чего прежде никогда не дѣлалъ? Всѣ сказали, что теперь онъ имѣетъ на то право, какъ равный чиномъ. Суворовъ возражалъ, говоря о старшинствѣ графа, наконецъ показалъ видъ, что его убѣдили, и сказалъ:

— Смотрите же, смотрите, чтобъ вы не ввели меня въ бѣду.

Говоря по этому поводу о странностяхъ Суворова, г. Ар. Р. приводитъ слѣдующій анекдотъ въ подтвержденіе обыкновеннаго объясненія ихъ желаніемъ Суворова отвлечь ими вниманіе отъ истиннаго своего характера и серьезныхъ цѣлей: въ итальянскую кампанію Суворовъ однажды сказалъ Милорадовичу, тогда еще молодому генералъ-майору:

— Вотъ ты молодъ, храбръ, тебя любятъ дамы, ты танцуешь безподобно; но не въ томъ дѣло: занимай любопытныхъ, пожалуй хоть танцами, чтобы тебѣ не мѣшали на избранной дорогѣ.

Одно остается непонятнымъ — продолжаетъ г. Ар. Р. — при набожности своей, Суворовъ «давалъ полную волю ожесточенію солдатъ, ничѣмъ не останавливая кровопролитія».

По примѣру «Архива», изданнаго г. Калачовымъ, «Временникъ» съ девятнадцатой книжки рѣшился прилагать «Указатели» статей, относящихся къ русской исторіи, въ старыхъ журналахъ и вообще изданіяхъ. Нельзя не одобрить такого полезнаго намѣренія. Вслѣдствіе сего при девятнадцатой книжкѣ приложенъ «Указатель» статей по русской исторіи, географіи, статистикѣ, русскому праву и библіографіи, помѣщенныхъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ 1827—1830 года», составленный г. М. Полуденскимъ. Конечно, можно было выбрать журналъ болѣе важный, нежели «Московскій Вѣстникъ»; но во всякомъ случаѣ трудъ г. Полуденскаго — трудъ очень полезный. Эти частные указатели кромѣ прекраснаго самостоятельнаго значенія, важны и въ томъ отношеніи, что приготовляютъ матеріалы для будущаго полнаго указателя нашихъ журналовъ, безъ котораго всѣ работы по части исторіи нашей литературы не столько будутъ приносить результатовъ, сколько доставлять утомительнаго труда изслѣдователямъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Учебникъ русской словесности. Часть I,—теорія, для среднихъ учебныхъ заведеній. *А. Охотина.* Спб., 1849.

Учебникъ русской словесности. Часть II,—исторія, для кондукторскихъ классовъ перваго штурманскаго полу-экипажа. *А. Охотина.* Кронштатъ, 1854.

Всего похвальнѣе въ г. Охотинѣ его скромность. Назначивъ первую часть своего учебника, изданную еще въ 1849 году, для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, въ настоящее время онъ самъ добровольно отказался отъ такого назначенія своей книги и вторую часть уже назначилъ только для кондукторскихъ классовъ перваго штурманскаго полу-экипажа, гдѣ книга его должна занимать мѣсто записокъ. Только съ этой точки зрѣнія она и можетъ имѣть какое нибудь значеніе и принести ту пользу, что ученики не будутъ обременены переписываніемъ своихъ уроковъ. Но какъ учитель долженъ знать свое дѣло, такъ и записки его должны быть согласны съ современнымъ состояніемъ науки и съ цѣлью воспитанія юношества. Теорія г. Охотина, есть не что иное, какъ сокращенный и изуродованный курсъ Чистякова. Прежде всего бросается въ глаза чрезвычайная отсталость научныхъ понятій. Авторъ, напримѣръ, хочетъ излагать *теорію русской словесности*, предполагая, вѣроятно, что есть особенная теорія французской, нѣмецкой словесности и т. д. Въ понятіяхъ своихъ о поэзіи г. Охотинъ живетъ еще въ то блаженное время, когда поэзіей называли стихотворство: поэтому романъ, повѣсть отнесены имъ къ разряду историческихъ сочиненій. Все, что не написано стихами, онъ называетъ прозою и опредѣляетъ ее такимъ образомъ: «Если въ сочиненіи изслѣдованія ума, или желанія, оживленныя чувствомъ, излагаются по способу разговорной рѣчи, безъ соблюденія музыкальнаго размѣра въ рѣченіяхъ (предложеніяхъ), въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ внутреннему развитію чувствъ, мыслей и желаній, то такое сочиненіе обыкновенно называется *прозою*». Особенно искусенъ г. Охотинъ въ опредѣленіяхъ, напримѣръ: «полное, *разнообразное*, правильное и связное *словесно-письменное* изложеніе мыслей, желаній и чувствованій касательно какого либо предмета вещественной природы, или духовной, называется сочиненіемъ». Эпическую поэзію онъ называетъ стихотворнымъ повѣствованіемъ о какой либо эпохѣ историческаго быта цѣлаго народа, общества, или лица, съ очаровательными фантастическими вымыслами чудеснаго. А вотъ еще оригинальный способъ опредѣленій: «поэма геропческая—напримѣръ, Россіада, Хераскова»; «романтическая поэма —напр., Душенька, Богдановича». Хотя теорія г. Охотина

и не поэма, однакожъ, и въ ней встрѣчаются фантастическіе вымыслы чудеснаго, напр.: «многіе *глазомѣромъ* опредѣляютъ вѣрно *музыкальное отношеніе тоновъ*, ихъ гармонію, мелодію, стихи и рѣчи». Понятія объ эстетической дѣятельности души перепутаны: то она отнесена къ сферѣ чувства, то представляется какъ совокупность всѣхъ силъ души. Также изящная словесность на стр. 44-й отнесена къ звукомымъ искусствамъ (т. е. къ музыкѣ!), на стр. 45-й представляется какъ соединеніе пластики и музыки. Въ статьѣ о слогѣ г. Охотинъ въ примѣръ ошибокъ приводитъ образцовыя мѣста изъ лучшихъ писателей: напр., въ слѣдующихъ стихахъ Пушкина онъ видитъ излишнее многословіе:

... Смотритъ храбрый князь
И чудо видитъ предъ собою;
Найду ли краски и слова?—
Предъ нимъ живая голова!

Онъ находитъ *странный недостатокъ* въ повтореніи союза *что* въ «Полтавѣ» Пушкина—въ извѣстной характеристикѣ Мазепы. И, напротивъ, ему очень нравится повтореніе одного и того же слова въ стихахъ Державина:

Зоветъ меня, *зоветъ* твой стонъ,
Зоветъ и къ гробу приближаетъ.

Не мудрено, что подобныя теоріи въ людяхъ, не призванныхъ къ развитію науки, но и не лишенныхъ здраваго смысла, порождаютъ сомнѣніе въ самой возможности существованія теоріи.

«Исторія» г. Охотина есть сухой перечень именъ и заглавій. Изученіе каждой науки учащимися должно содѣйствовать ихъ воспитанію. Исторія литературы болѣе многихъ другихъ наукъ заключаетъ въ себѣ такого воспитывающаго элемента. Напротивъ, г. Охотинъ думаетъ, что все достоинство учебной исторіи словесности состоитъ въ томъ, чтобы она содержала въ себѣ какъ можно болѣе именъ. Поэтому въ исторію русской литературы входятъ у него: Географія Арсеньева, Исторія Смарагдова, неизвѣстное сочиненіе купца Вавилова о торговлѣ, Фармакодинамика Горянинова, Руководство къ сочиненію писемъ и дѣловыхъ бумагъ Наливкина, и т. д., и т. д. Характеристики писателей состоятъ болѣе въ общихъ мѣстахъ, безъ примѣровъ, безъ разборовъ. А встрѣчаются и такія характеристики: «самый бытъ народа *съ его причудами* сдѣлался уже предметомъ сатиры (Кантемиръ)». Г. Охотинъ, отыскивающій ошибки въ прекрасныхъ стихахъ Пушкина, говоритъ, что «Наука о стихотворствѣ Боало и Ѣзда въ островъ любви пріобрѣли Тредіяковскому *справедливое уваженіе* современниковъ и *потомства*». Подобно покойной исторіи Кайданова, исторія литературы г. Охотина постоянно имѣетъ тонъ похвальной рѣчи. Безъ выписокъ изъ послужныхъ списковъ также никакъ нельзя было обойтись.

Доказывая пользу теоріи и исторіи словесности, г. Охотинъ приводитъ въ примѣръ образцовыхъ писателей (Пушкина и *Булгарина*), которые «глубокимъ изученіемъ народной рѣчи теоретически и исторически сообщили прекрасныя качества своимъ сочиненіямъ, которыми восхищаются всѣ образованные читатели». Но самого г. Охотина теорія и исторія словесности плохо выучили выражаться по-русски. Не угодно ли понять слѣдующее мѣсто: «только свѣдущіе въ теоріи и исторіи ощущаютъ высокое наслажденіе при чтеніи прекрасныхъ сочиненій, и, когда сами владѣютъ исправно благозвучнымъ, гибкимъ и сильнымъ русскимъ языкомъ, для

выясненія внутренней жизни своего духа». Съ знаками препинанія г. Охотинъ никакъ не можетъ сладить и потому безпрестанно ставитъ тире, отъ чего во многихъ мѣстахъ также происходитъ неясность. Встрѣчаются и фигурныя выраженія, напоминающія также блаженной памяти Кайданова, напримѣръ: «Выраженіе бываетъ пріятно, если оно *пробуждаетъ въ насъ сладостный трепетъ сердца*. Для сего необходимо употреблять слова и цѣлыя рѣченія въ сочиненіи совершенно равносильныя понятіямъ ума, чувствованіямъ сердца и представленіямъ воображенія и располагать ихъ съ такою отчетливостью, чтобы *частныя* (?) предложенія къ главному относились, *какъ блестящіе лучи къ своему свѣтлому солнцу*».

Имя г. Охотина извѣстно (по крайней мѣрѣ пишущему эти строки) еще «Уроками изъ русской грамматики» (Спб. 1842). Въ этихъ «Урокахъ» мы не находимъ ученія о *частныхъ* предложеніяхъ; за то находимъ напримѣръ, что предложеніе есть «рѣчь, выражающая *кратко* и *внятно* (?) мысль, или сужденіе о предметѣ» и тому подобные *очаровательные фантастическіе вымыслы чудеснаго*.

Московская самоварница. Сочиненіе *Петра Мед...а*. Москва, 1854.

Русская литература въ 1854 году представила много поразительныхъ явленій. Читателями нашими, вѣроятно, еще не забыты «Любовь Поэта», «Каританъ», «Діагоръ» и множество другихъ произведеній подобнаго качества. «Московская Самоварница» по времени появленія въ свѣтъ послѣдняя въ ряду этихъ произведеній 1854 года, столь скуднаго розами и другими благоуханными цвѣтами, и столь обильнаго дикорастущими репейниками, но она далеко не послѣдняя въ ряду ихъ по своимъ достоинствамъ. «Московскую Самоварницу» прочитаютъ съ удовольствіемъ люди, которые до сихъ поръ принуждены были довольствоваться знаменитымъ нѣкогда романомъ «Разгулье купеческихъ сынковъ въ Марьиной рощѣ, или наши гуляютъ!» А. А. Орлова. Увы, какія грустныя мысли рождаются при этомъ воспоминаніи! Кто, кромѣ немногихъ избранныхъ, помнитъ теперь имя А. А. Орлова, котораго считалъ достойнымъ безсмертія самъ Пушкинъ? А со времени смерти плодовитаго романиста протекло не болѣе десяти лѣтъ! Увы, скажемъ, подражая знаменитому восклицанію Гамлета, еще не засохли чернила на дивномъ перѣ А. А. Орлова, а мы ужъ забываемъ его! И кто позаботился сохранить для насъ біографическія извѣстія объ этомъ столь замѣчательномъ писателѣ? Никто, никто! Вотъ какъ мы дорожимъ памятью знаменитаго нѣкогда сатирическаго писателя. Да, ни похвалы Пушкина, ни неоспоримое родство и таланта, и заглавій съ однимъ извѣстнымъ сочинителемъ нравственно-сатирическихъ романовъ — ничто, ничто не могло спасти А. А. Орлова отъ забвенія.

Рѣка временъ въ своемъ теченьи
Уноситъ всѣ дѣла людей...

какъ сказалъ Державинъ. Почему эта мысль не остановила г. Петра Мед—ва? Неужели онъ думалъ, что «Московская Самоварница» прославитъ его имя, когда

геніальное «Разгулье купеческихъ сынковъ въ Марьиной рощѣ» не доставило безсмертія своему автору? Мы не напрасно сравниваемъ эти два произведенія: основная идея въ нихъ одна и таже — изображеніе подмосковныхъ гуляній; даже мѣсто дѣйствія одно — Марьина роща; и когда мы разскажемъ содержаніе «Московской Самоварницы», читатели увидятъ, что г. Петръ Мед—ъ не назвалъ своего романа «Разгулье въ Марьиной рощѣ» только потому, что это заглавіе было уже употреблено прежде А. А. Орловымъ.

У автора былъ разочарованный пріятель Алексѣй, думавшій отъ сплина застрѣлиться и уѣхать за границу. Но авторъ сказалъ ему, что въ жизни есть много очаровательнаго, между прочимъ Настя, невинная красавица, промышляющая продажею чая и прочаго въ Марьиной рощѣ гуляющимъ купеческимъ сынкамъ. Алексѣй тотчасъ почувствовалъ влеченіе къ жизни, Марьиной рощѣ и Настенькѣ, прелестной самоварницѣ. Пріятели отправились искать любви и счастья. Пробираясь по рощѣ, они слышатъ, какъ повсюду гуляющіе мастеровые уговариваютъ другъ друга идти пить чай къ Настенькѣ, которую попросту называютъ «Настька» (стр. 21 и другія). Но едва только произносится имя «Настя» или «Настька», какъ мимо разговаривающихъ проходитъ мрачный человѣкъ съ острою бородкою и ядовитымъ взглядомъ, и бросаетъ на разговаривающихъ такой взоръ, отъ котораго леденѣетъ кровь у гулякъ. Этого таинственнаго незнакомца зовутъ Кузмичъ. Алексѣй влюбляется въ Настю, хочетъ на ней жениться; отецъ ему не позволяетъ; Кузмичъ его преслѣдуетъ, и таинственною силою опредѣляетъ Настю въ служанки къ нѣмцу-аптекарю, гдѣ честь ея подвергается разнымъ испытаніямъ. Наконецъ Алексѣй такъ живо и убѣдительно доказываетъ отцу невинность и красоту Насти, что старикъ даетъ свое согласіе; тогда и Кузмичъ изъ демона-гонителя обращается въ благодѣтеля Насти. Настя дочь его друга, завѣщавшаго Кузмичу хранить ея невинность; для сохраненія душевной чистоты своей воспитанницы, Кузмичъ отдаетъ ее на воспитаніе Осонѣ, которая промышляетъ продажею чая и другихъ вещей пьянымъ гулякамъ. Однимъ словомъ, Настя невинна, Алексѣй счастливъ, все объясняется и кончается счастливѣйшимъ образомъ. Въ образецъ наивности и красоты картинъ, рисуемыхъ перомъ г. Петра Мед—а выпишемъ строки, въ которыхъ изображается первое появленіе Кузмича. Авторъ и Алексѣй, его пріятель, идутъ по Марьиной рощѣ, разсуждая о томъ, что московскіе цыгане артисты.

Въ это время раздались несвязныя слова и рѣзкія восклицанія; онѣ заставили насъ прекратить разговоръ и обернуться. Въ сторонѣ отъ дороги подъ деревомъ сидѣлъ молодой человѣкъ, безъ верхней одежды и галстуха, съ разстегнутымъ воротомъ и мѣстами, запачканный грязью; онъ находился въ такомъ состояніи, въ которомъ человѣкъ очень близокъ къ животнымъ.

— Экъ нарѣзался, Попойкинъ! сказалъ маленькій человѣкъ съ бородкой (*это и есть Кузмичъ*), проходя мимо насъ и кивая на жалкаго бѣдняка.

Бѣднякъ вдругъ вскочилъ на ноги, подперся въ бока обѣими руками, и покачиваясь, закричалъ хриплымъ голосомъ, узнавъ меня (*то есть автора*):

— А! Свейскій! Постой братецъ, я подойду! да куда же ты торопишься? А, знаю: къ Настькѣ! Чай пить... Чертъ съ ней... я все пропилъ! (стр. 21).

Избавляемъ читателей отъ продолженія. Еслибъ можно было давать совѣты писателю съ такимъ дарованіемъ, какъ г. Петръ Мед—ъ, мы посовѣтовали бъ ему прекратить знакомство съ г. Попойкинымъ: такія дружества не доводятъ до добра.

Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій. Географическій сборникъ, издаваемый *Николаемъ Фроловымъ*. Томъ III. Москва, 1854.

Въ прошедшемъ году изданіе второго тома «Магазина» дало намъ случай помѣстить обширную критическую статью («Современникъ» 1854, май и іюнь), въ которой показывалось развитіе основныхъ идей географіи и опредѣлялось высокое мѣсто, какое занимаетъ эта наука въ кругу человѣческихъ знаній. Не повторяя здѣсь высказанное такъ недавно въ нашемъ журналѣ, мы хотимъ, прежде нежели перейдемъ къ обзору статей, помѣщенныхъ въ третьемъ томѣ «Магазина», сказать нѣсколько словъ о ихъ общемъ характерѣ.

На физическую географію, на этнографію, даже на статистику до недавняго времени географы обращали очень мало вниманія; надъ всѣмъ преобладала такъ называемая «политическая географія», очень хорошо памятная каждому изъ насъ по тѣмъ учебникамъ, скучныя страницы которыхъ затверживалъ онъ съ такимъ трудомъ, и съ такою быстротою позабывалъ. Дѣло тогда обходилось очень просто, хотя, нельзя не признаться, очень сухо, такимъ образомъ: «границы Франціи; перечисленіе 86 или 87 ея департаментовъ, съ именами главныхъ городовъ; о каждомъ городѣ ровно по двѣ строки, какъ бы ни былъ важенъ, какъ бы ни былъ онъ ничтоженъ: Ліонъ, Марсель и Гавръ, Ваннъ, Бове и Тарбъ описывались одинаковымъ количествомъ словъ, почти одними и тѣми же словами; о томъ, что за народъ французы, какіе у нихъ нравы, какія понятія и обычаи, говорилось менѣе, нежели о томъ, что такое Privas, главный городъ Ардешскаго департамента, или Aurillac, главный городъ Кантальскаго департамента. Англія и Ирландія считались однимъ и тѣмъ же, хотя между этими странами и жителями ихъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства; королевство Саксонское и прусская провинція Саксонія не имѣли между собою ничего общаго, хотя на самомъ дѣлѣ эти земли различаются только краскою на ландкартахъ. Итальянцевъ даже не существовало для географіи, говорившей только что королевство сардинское раздѣляется на десять округовъ, а великое герцогство Тосканское на пять. О Рейнѣ извѣстно было географіи только то, что онъ служитъ границею между Баденомъ и Франціею, потомъ между рейнскою Пруссіею и герцогствомъ Нассаускимъ; объ Альпахъ — что тамъ есть гора Монбланъ, имѣющая столько-то футовъ вышины. Однимъ словомъ, физической географіи отдѣлялось въ старину въ толстомъ географическомъ трактатѣ пять страницъ, статистикѣ пять строкъ, этнографіи — ни одной строки.

Изъ этихъ пренебрегаемыхъ старинною географіею важнѣйшихъ составныхъ частей ея, первая успѣла убѣдить всѣхъ въ огромномъ своемъ значеніи физическая географія. Теперь каждый порядочный учебникъ обращаетъ надлежащее вниманіе на физическую часть землеописанія; даже у насъ являются атласы съ картами распредѣленія горъ, климатовъ, почвы, растеній, животныхъ и т. д. Статьями по этой отрасли землевѣдѣнія и по неразрывно связанной съ нею математической географіи по преимуществу наполненъ и III томъ «Магазина» г. Фролова, какъ составляли онѣ исключительное содержаніе второго тома. Мы вовсе не хотимъ считать эту спеціальность недостаткомъ прекраснаго изданія г. Фролова; но мы должны поставить ее на видъ, и замѣтить, что ею далеко не исчерпываются интереснѣйшія для на-

шего времени стороны землевѣдѣнія; напротивъ, если даже оставить въ сторонѣ болѣе или менѣе случайныя и внѣшнія раздѣленія, которыми занимается такъ называемая политическая географія, то остаются двѣ другія важнѣйшія стороны землевѣдѣнія — этнографія и статистическія отношенія различныхъ земель и областей. Не будемъ говорить о значеніи статистическаго элемента въ географіи, потому что важность статистики, какъ отдѣльной науки, нынѣ достаточно признается всѣми, хотя въ географіи статистическая часть далеко еще не достигла надлежащаго развитія. Но скажемъ нѣсколько словъ о важности этнографіи въ системѣ общаго образованія, куда проникать она должна черезъ посредство географіи.

Не считаемъ нужнымъ распространяться о важности знакомства съ обычаями народовъ, которые могутъ быть названы представителями той или другой цивилизаціи,—само собою разумѣется, что качества каждаго особеннаго направленія цивилизаціи и возникшихъ вслѣдствіе его общественныхъ отношеній должны быть ближайшимъ образомъ провѣряемы изученіемъ нравовъ и обычаевъ народа, сложившихся или видоизмѣнившихся подъ вліяніемъ этихъ отношеній; нравы народа, образъ его жизни, житейскихъ понятій и привычекъ съ одной стороны, съ другой статистическія данныя представляютъ лучшее мѣрило для оцѣнки достоинствъ и недостатковъ разныхъ направленій цивилизаціи. Необходимость имѣть опредѣленное понятіе объ этомъ вопросѣ, одномъ изъ основныхъ въ общей системѣ понятій, не нуждается въ доказательствахъ. Но вмѣстѣ съ народами, стоящими на высокой степени развитія, землевѣдѣніе говоритъ о дикихъ и полудикихъ племенахъ, о народахъ съ мало выработавшимися или оцѣпенѣвшими формами жизни—оставляя всѣ другія области, изученіе которыхъ представляетъ гораздо большую, но съ тѣмъ вмѣстѣ и гораздо очевидиѣйшую важность, обратимъ вниманіе на значеніе ближайшаго знакомства съ нравами, понятіями и учрежденіями народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ умственнаго и общественнаго развитія.

Какъ ни возвышенно зрѣлище небесныхъ тѣлъ, какъ ни восхитительны величественныя или очаровательныя картины природы, человѣкъ важнѣе, интереснѣе всего для человѣка. Потому, какъ ни высокъ интересъ, возбуждаемый астрономіею, какъ ни привлекательны естественныя науки, важнѣйшею, коренною наукою остается и останется навсегда наука о человѣкѣ. Чтобы пуститься въ дешевую ученость общихъ мѣстъ, которые хороши тѣмъ, что безспорны, напомнимъ о надписи дельфійскаго храма: «Познай себя». Позднѣе была высказана греческимъ философомъ великая мысль, всю истину которой постигли только въ послѣднее время, со временъ Канта, и особенно въ послѣднія десятитѣтія: «человѣкъ мѣрило всего». Конечно, ближайшимъ предметомъ нашихъ мыслей долженъ быть человѣкъ развитый цивилизаціею, его нравственныя и общественныя учрежденія, понятія, потребности. Но эти учрежденія и понятія жили такъ долго, образовались и измѣнялись подъ столькими различными условіями, что часто бываетъ трудно рѣшить, въ чемъ состоитъ ихъ первоначальная сущность и въ чемъ позднѣйшія измѣненія; не зная этого, часто бываетъ затруднительно рѣшить, что именно въ извѣстномъ обычаѣ или учрежденіи мы должны считать необходимымъ для насъ, какія стороны его служатъ выраженіемъ дѣйствительной потребности, какія отжили свое время и при измѣнившихся условіяхъ продолжаютъ существовать только по закону косности, господствующему и въ общественныхъ отношеніяхъ, какъ въ мірѣ физическомъ. Итакъ очень часто бываетъ необходимо прослѣдить исторію предмета съ первобыт-

ныхъ его зачатковъ, чтобы рѣшить, дѣйствительно ли онъ сохранилъ свой истинный смыслъ, дѣйствительно ли удовлетворяетъ онъ въ томъ видѣ, какой имѣетъ теперь, настоящимъ отношеніямъ. Все это было бы можно показать на очень живыхъ примѣрахъ; но мы приведемъ только одинъ, конечно имѣющій въ народной жизни только второстепенную важность, но представляющій, между прочимъ, ту выгоду, что не требуетъ длинныхъ поясненій. Общая тема большей части романовъ, повѣстей, стихотвореній въ наше время, какъ и прежде—такъ называемая романическая любовь. Ясно, что въ современной жизни не играетъ она такой важной роли, какъ въ литературѣ, которая должна изображать жизнь. Отчего жь это различіе между изображеніемъ и подлинникомъ? Составляетъ ли сущность поэзіи эта обыкновенная тема ея произведеній, такъ-что безъ влюбленныхъ героя и героини на самомъ дѣлѣ трудно обойтись роману? Многіе такъ думаютъ и осуждаютъ романъ на вѣчную односторонность. Но взглянемъ на зародыши, изъ которыхъ развилась новая литература, и дѣло представится въ другомъ видѣ. Важнѣйшая изъ первообразовъ новой поэзіи—народная поэзія и пѣсни трубадуровъ; начало нашей беллетристики находимъ въ рыцарскихъ романахъ и сборникахъ, подобныхъ Декамерону Боккаччіо. Для народныхъ пѣсенъ и трубадуровъ любовь дѣйствительно была единственною поэтическою темою.

Точно таково же было положеніе дѣла въ обществѣ, которому принадлежали рыцарскіе романы: «Дама сердца», выходя замужъ, становилась домохозяйкою, не болѣе; мужъ гораздо больше думалъ объ охотѣ, турнирахъ и мелкихъ междоусобицахъ, нежели о женѣ. Само собою разумѣется, что поэзія, находя въ этомъ обществѣ влюбленность единственнымъ гуманнымъ и живымъ элементомъ, сдѣлала ее главною темою; этимъ она была вѣрна своему назначенію служить отраженіемъ жизни. Точно то же надобно сказать о рыцарскихъ романахъ. Наконецъ книга Боккаччіо и другіе подобные сборники составлялись исключительно изъ анекдотовъ и разсказовъ, которые служатъ для препровожденія времени въ веселой компаніи; темою такихъ разговоровъ, постоянно бываютъ любовныя интриги. Все это показываетъ что главная тема произведеній, послужившихъ основаніемъ для послѣдующей литературы, давалась общественными отношеніями того времени; что народныя пѣсни, рыцарскіе романы и сборники анекдотовъ брали почти исключительно содержаніемъ влюбленность потому, что общество на той степени развитія не представляло другихъ отношеній между мужчиною и женщиною. Нѣтъ сомнѣнія, что отвѣтъ этотъ, представляемый исторіею, въ значительной степени облегчаетъ рѣшеніе споровъ о томъ, въ сущности ли произведеній литературы лежитъ то́, что они повсюду вставляютъ любовь и влюбленность, или эта исключительность порождена исключительными условіями общественной жизни, и мы должны ожидать, что она исчезнетъ вмѣстѣ съ ними.

Мы не хотимъ преувеличивать важности историческаго способа рѣшать вопросы, какъ то́ дѣлаютъ многіе. Главнымъ мѣриломъ рѣшенія вопросовъ жизни должны служить настоятельныя жизненныя потребности современнаго положенія дѣлъ. Но въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что при затруднительныхъ или просто спорныхъ случаяхъ, историческія соображенія многимъ людямъ помогаютъ утвердиться въ увѣренности о необходимости и основательности рѣшенія, требуемаго настоящимъ. Въ примѣрѣ, который мы указали, эти соображенія остаются на твердой исторической почвѣ среднихъ вѣковъ и греческаго міра, не увлекая насъ въ темныя области

первоначальнѣйшей исторіи племенъ. Это потому, что мы взяли явленіе, самыя зародыши котораго являются ужь только при довольно значительномъ развитіи цивилизаціи. Не то бываетъ при историческомъ изслѣдованіи почти всѣхъ важнѣйшихъ понятій и учрежденій, — почти всѣ принадлежности общественной жизни возникли при самомъ ея началѣ, въ тѣ отдаленнѣйшіе періоды, которые не внесены въ лѣтописи, отъ которыхъ не осталось почти никакихъ памятниковъ, кромѣ общихъ и темныхъ намековъ, уцѣлѣвшихъ въ языкѣ. Потому-то въ послѣднее время, когда убѣжденія большинства стали шатки, и съ тѣмъ вмѣстѣ сомнѣнія его такъ робки, обратила на себя такое вниманіе историческая филологія, старающаяся отгадать характеръ древнѣйшихъ періодовъ историческаго развитія и объяснить первоначальный видъ и коренное значеніе понятій и учрежденій, въ измѣненномъ видѣ продолжающихъ господствовать до нынѣ. Для людей съ твердымъ характеромъ, съ довѣріемъ къ собственному сужденію, въ этихъ разъясненіяхъ нѣтъ необходимости; но для людей колеблющихся, нерѣшительныхъ — онѣ очень важны. Нѣкоторымъ читателямъ можетъ показаться, что мы отдалились отъ нашего вопроса о значеніи этнографіи — нѣтъ, мы теперь въ самомъ его средоточіи. Все, что съ неимовѣрными усиліями соображенія успѣваетъ добыть историческая филологія для объясненія первобытной жизни, сообщаетъ намъ этнографія въ живыхъ, простыхъ, ясныхъ разсказахъ; потому что, какъ мы имѣли случай недавно говорить, наши древнѣйшіе предки начали съ состоянія, совершенно подобнаго нынѣшнему состоянію австралійскихъ и другихъ дикарей, стоящихъ на низшей степени развитія, потомъ постепенно проходили тѣ состоянія нѣсколько болѣе развитой нравственной и общественной жизни, какую видимъ у различныхъ негритянскихъ племенъ, у сѣверо-американскихъ краснокожихъ, у бедуиновъ и другихъ азіятскихъ племенъ и народовъ; каждое племя, стоящее на одной изъ степеней развитія между самымъ грубымъ дикарствомъ и цивилизаціею, служитъ представителемъ одного изъ тѣхъ фазисовъ исторической жизни, которые были проходимы европейскими народами въ древнѣйшія времена. Потому этнографія даетъ намъ всѣ тѣ историческія свѣдѣнія, въ которыхъ мы нуждаемся. Какъ восходя отъ подошвы горы къ ея вершинѣ, мы въ одинъ день видимъ физическую жизнь, принадлежащую всѣмъ временамъ года — у подошвы желтѣющія нивы осени и лѣта, выше яркую зелень весны, еще выше первое таяніе снѣговъ, и наконецъ царство зимы, — такъ перенесясь въ пустыни Америки, въ степи Азіи и Африки, мы переносимся въ жизнь тысячелѣтія, предшествовавшаго періоду греческой цивилизаціи; обозрѣвая острова Великаго Океана, проникаемъ еще далѣе въ глубь вѣковъ. Степень развитія и внѣшнія условія жизни, съ нею соединенныя, почти безусловно владычествуютъ надъ характеромъ общества, его обычаями, понятіями и учрежденіями; самое развитіе въ характерѣ различныхъ расъ человѣческаго племени оказываетъ вліяніе, почти совершенно ничтожное сравнительно съ могущественнымъ дѣйствіемъ этихъ условій; потому-то для каждой степени развитія на низшихъ, для каждаго направленія цивилизаціи на высшихъ ступеняхъ исторической жизни человѣчества, существуетъ одинъ типъ; таковы нравы и учрежденія одного пастушескаго племени, таковы есть и были нравы и учрежденія всѣхъ племенъ, когда они стоятъ на той же ступени развитія; таковы нынѣ обычаи австралійцевъ, таковы же были обычаи всѣхъ племенъ, когда они были въ томъ же періодѣ младенчества. Итакъ, посредствомъ историческихъ разысканій о первобытныхъ временахъ жизни нашихъ предковъ мы открываемъ

тѣ же самые факты, какіе видимъ въ жизни различныхъ дикихъ и полудикихъ племенъ; этнографія говоритъ совершенно тоже, что историческая филологія. Но есть и огромное различіе между этими очень важными въ наше время науками. Историческая филологія отгадываетъ, строитъ гипотезы, основанныя на скудныхъ и часто блѣдныхъ фактахъ, потому даетъ картины не полныя, не довольно подробныя и живыя, иногда не совсѣмъ точныя. Совершенно не таково положеніе этнографіи: она видитъ и передаетъ факты народной жизни во всей ихъ жизненной полнотѣ и точности; этнографъ видитъ своими глазами то, что при помощи изслѣдованій языка можно только предчувствовать. И вѣрность и полнота на сторонѣ этнографіи. Потому-то она должна быть главнѣйшею путеводительницею при возстановленіи древнѣйшихъ періодовъ развитія народовъ, ставшихъ нынѣ такъ высоко, не прошедшихъ черезъ тѣ же самые періоды жизни, въ которыхъ до нынѣ остаются различныя племена, живущія звѣриною ловлею, собираніемъ плодовъ или пастушествомъ.

И дѣйствительно, въ прежнее время мыслители, занимавшіеся изслѣдованіями о первоначальномъ характерѣ и значеніи различныхъ учрежденій и понятій, постоянно прибѣгали къ помощи извѣстій, представляемыхъ этнографіею. У писателей, знаменитѣйшихъ проницательностью и обширностью своихъ соображеній по этимъ вопросамъ, безпрестанно мы встрѣчаемъ ссылки на путешественниковъ. Только со времени появленія исторической филологіи, былъ забытъ на время этотъ богатый и вѣрный источникъ положительныхъ свѣдѣній. Вмѣсто Кука и Бугенвиля начали цитировать исключительно Гримма. Но въ твореніяхъ замѣчательнѣйшихъ мыслителей послѣднихъ годовъ, мы уже видимъ возвращеніе къ покинутой на время этнографіи. Они цѣнятъ по достоинству драгоцѣнные матеріалы, представляемые филологіею, но находятъ гораздо больше и гораздо положительнѣйшихъ извѣстій въ описаніяхъ дикарскаго и младенчествующаго быта у племенъ, которыя остались на этихъ древнѣйшихъ ступеняхъ развитія до нашего времени. Большинство ученыхъ конечно скоро послѣдуетъ примѣру, который указывается корифеями науки. Мы позволили себѣ сказать нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ потому, что онъ имѣетъ у насъ нѣкоторый интересъ новизны: кромѣ того, намъ хотѣлось выставить на видъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ землевѣдѣнія, снова начинающую обращать на себя вниманіе философіи.

Третій томъ «Магазина землевѣдѣнія и путешествій» заключаетъ въ себѣ только двѣ небольшія этнографическія статьи: «Езиды» г. Березина и «Воспоминанія о восточной Сибири» г. Корнилова. Онѣ безъ сомнѣнія будутъ прочитаны съ большимъ интересомъ, хотя ихъ почтенные авторы передали намъ только краткіе очерки видѣнныхъ ими земель и народовъ. Остальныя статьи имѣютъ предметомъ математическую и физическую географію Земного шара; г. Д. М. Перевощиковъ помѣстилъ въ «Магазинѣ» прекрасныя «Замѣчанія о математической географіи», «Геодезическія и топографическія работы въ Россіи», дополненія къ этимъ двумъ статьямъ, и «Обозрѣніе русскихъ Календарей»; кромѣ того онъ «составилъ по Араго» статью «О термометрическомъ состояніи земли» и мы предполагаемъ, что по его же выбору переведена изъ Араго статья о Календарѣ. Г. Шуровскому принадлежатъ три статьи: «Ледники», «Русскіе каменно-угольные бассейны» и біографія Леопольда фонъ-Буха. Наконецъ переведена въ «Магазинѣ» обширная статья «Географическое распространеніе верблюда», изъ Риттера. Читатели видятъ,

что почти весь третій томъ сборника г. Фролова составленъ изъ оригинальныхъ статей, и конечно согласятся съ нами, что надобно благодарить почтеннаго издателя за такое усовершенствованіе его изданія. Переходимъ къ обозрѣнію отдѣльныхъ статей.

Имя г. Д. М. Перевощикова пользуется у насъ громкою извѣстностью, вполнѣ заслуженною, и если бы кто нибудь изъ многочисленныхъ почитателей почтеннаго русскаго математика составилъ полное и основательное обозрѣніе ученой его дѣятельности, то нѣтъ сомнѣнія, онъ этимъ исполнилъ бы желаніе всякаго, интересующагося успѣхами наукъ въ Россіи. Въ настоящей статьѣ было бы неумѣстно входить въ разсмотрѣніе чисто ученой стороны дѣятельности г. Д. М. Перевощикова; но мы едва ли ошибемся, сказавъ, что въ послѣдніе тридцать лѣтъ никто не содѣйствовалъ столько, какъ онъ, распространенію астрономическихъ и физическихъ свѣдѣній въ русской публикѣ: Д. М. Перевощиковъ постоянно былъ первымъ, неутомимѣйшимъ и полезнѣйшимъ изъ людей, посвятившихъ свою ученую дѣятельность этому прекрасному стремленію. Количество написанныхъ имъ съ этою цѣлью статей очень велико; и по числу и по внутреннему достоинству онѣ въ русской литературѣ занимаютъ первое мѣсто въ ряду всѣхъ подобныхъ произведеній. Четыре статьи, помѣщенныя имъ въ третьемъ томѣ «Магазина» прекрасны; онѣ составляютъ его украшеніе и придаютъ ему прочное ученое значеніе. «Замѣчанія о математической географіи» писаны съ педагогическою мыслью, и должны, по мысли автора, служить для преподавателей географіи пособіемъ при объясненіи математической части ея, затруднительной для многихъ. Нѣтъ надобности прибавлять, что авторъ, извѣстный своимъ дарованіемъ популярно излагать научные вопросы, вполнѣ достигаетъ своей цѣли; рекомендуемъ его «Замѣчанія» вниманію учителей географіи—ничего лучшаго не было еще писано для нихъ на русскомъ языкѣ. «Обозрѣніе русскихъ Календарей» драгоцѣнный матеріалъ для исторіи Мѣсяцеслова, ежегодно издаваемаго Императорскою Академіею Наукъ, и Календарей, прежде него изданныхъ въ Россіи. Г. Перевощиковъ внимательно просматриваетъ календари съ 1710 года до настоящаго времени, и отмѣчаетъ въ нихъ все интересное и характеристичное. Всѣ интересующіеся исторіею русской литературы, будутъ благодарны ученому автору за этотъ обзоръ, составленный съ такою основательностью. Переходя къ статьѣ «Геодезическія и топографическія работы въ Россіи», выразимъ прежде всего сожалѣніе о томъ, что объемъ нашего краткаго обозрѣнія не позволяетъ войдти въ подробности, необходимыя для объясненія важности тригонометрическихъ съемокъ и астрономическихъ опредѣленій долготы, потому не позволяетъ намъ и изложить содержанія полнаго и яснаго обозрѣнія этихъ трудовъ, представленнаго ученымъ авторомъ. Сначала говоритъ онъ о предложеніяхъ Ломоносова, потомъ о топографическихъ съемкахъ и тріангуляціяхъ, опредѣленіяхъ долготы Пулковской и Московской Обсерваторій, большомъ измѣреніи меридіана отъ Фугленеса въ Норвегіи ($70^{0}40'$) до Измаила на Дунаѣ ($45^{0}20'$) и проч. Составленное по Араго г. Перевощиковымъ разсужденіе «О термометрическомъ состояніи земли» очень интересно; и какъ важнѣйшія заключенія его могутъ быть изложены безъ обширныхъ объясненій, то приведемъ ихъ здѣсь.

Извѣстна гипотеза, что сѣверная часть Сибири, гдѣ находятся остовы животныхъ сродныхъ съ тѣми, какія нынѣ встрѣчаются только въ тропическихъ земляхъ,

пользовалась нѣкогда климатомъ, какой нынѣ сохранили только тропическія страны; по другой, столь же извѣстной гипотезѣ, предполагается, что нѣкогда вся наша планета была въ расплавленномъ или даже газообразномъ состояніи: на основаніи этихъ соображеній можно было бы предполагать, что температура земного шара, понижавшаяся въ доисторическія времена, продолжаетъ понижаться и нынѣ, и что если не мы, то наши потомки подвергаются опасности увидѣть всю поверхность земного шара замерзшею и умереть отъ холода. Такое мнѣніе часто повторялось людьми, поверхностно знакомыми съ наукою. Араго, основываясь на строгихъ вычисленіяхъ и положительныхъ наблюденіяхъ, показываетъ неосновательность подобнаго предположенія. Прежде всего приводитъ онъ обыкновенное доказательство, что если бы температура земного шара, взятаго какъ одно цѣлое, уменьшалась, то уменьшался бы и его поперечникъ, по извѣстному закону, что всѣ тѣла, охлаждаясь, уменьшаются въ объемѣ; а если бы поперечникъ земного шара уменьшился, то сократилось бы и время суточнаго обращенія земли на своей оси, по общему правилу, что чѣмъ менѣе становится поперечникъ вертящагося шара, тѣмъ скорѣе онъ начинаетъ обращаться при одинаковости вращающей его силы. Вычисленія показываютъ, что еслибъ земля охладѣла только на одинъ градусъ, то время суточнаго обращенія сократилось бы слишкомъ на полторы секунды. Но мы имѣемъ очень точное измѣреніе времени обращенія луны около земли, сдѣланное еще до Рождества Христова греческими астрономами. Оно продолжаетъ быть совершенно точнымъ и для нашего времени. А еслибъ время сутокъ сократилось, то періодъ обращенія луны сталъ бы, по сравненію съ сутками, продолжительнѣе; сличая греческое измѣреніе этого періода съ нашимъ, относительно ихъ одинаковости, мы не можемъ ошибиться и въ одной сотой части секунды; а какъ охлажденіе на одинъ градусъ произвело бы разницу въ полторы секунды, то ясно, что земля, въ продолженіе слишкомъ двухъ тысячъ лѣтъ, протекшихъ между нашимъ и греческимъ измѣреніемъ луннаго мѣсяца, не охладилась и на одну сто-пятидесятую часть градуса. Кромѣ этого извѣстнаго положительнаго доказательства, Араго представляетъ множество другихъ, отрицательныхъ, основанныхъ на томъ, что ни одно изъ обстоятельствъ и отношеній, имѣющихъ замѣтное вліяніе на температуру земной поверхности, не измѣняется, а тѣ условія, которыя подвержены измѣненію, не имѣютъ почти никакого вліянія на температуру земли. Одинаковость температуры въ древнѣйшія времена съ настоящимъ ея состояніемъ доказываетъ онъ также историческими свидѣтельствами о томъ, какого рода растенія могли производить въ древности и производятъ нынѣ извѣстныя страны и мѣста — изъ этого сравненія оказывается, что гдѣ не измѣнился климатъ отъ осушенія болотъ и вырубки лѣсовъ (что до нѣкоторой степени возвышаетъ температуру странѣ) тамъ продолжаетъ онъ производить тѣ же самыя растенія, какъ и въ глубокой древности, слѣдовательно не сдѣлался ни теплѣе, ни холоднѣе. Всѣ эти доказательства и соображенія изложены, какъ всегда у Араго, очень популярно и вмѣстѣ глубокомысленно и пріобрѣтаютъ новый интересъ для науки отъ множества задачъ, важность рѣшенія которыхъ онъ показываетъ, указывая съ тѣмъ вмѣстѣ, какія нужно произвести наблюденія для того, чтобъ рѣшить ихъ основательнымъ образомъ.

Тѣми же достоинствами отличается и статья Араго о календарѣ, дополненная примѣчаніями Д. М. Перевощикова. Но мы не знаемъ, почему изъ Риттера выбрана для перевода огромная статья «Географическое распространеніе верблюда въ Ста-

ромъ Свѣтѣ»; не можетъ быть и спору въ томъ, что написана она съ огромною ученостью; но предметъ ея слишкомъ спеціаленъ, и едва ли можно было удѣлять въ «Сборникѣ Землевѣдѣнія» 140 страницъ изслѣдованію о первоначальной родинѣ и постепенномъ переселеніи одного животнаго. Намъ кажется, что лучше было бы избрать изслѣдованіе, представляющее болѣе общаго интереса—у Риттера нѣтъ недостатка въ такихъ трактатахъ. Тоже самое должны мы сказать о статьѣ г. Щуровскаго «Ледники». Если бы авторъ изложилъ теорію Агасси и другихъ, относительно значенія ледниковъ въ измѣненіи поверхности земного шара, это имѣло бы общій интересъ; но онъ ограничивается простымъ описаніемъ состава и вида ледниковъ—это не можетъ имѣть для русскихъ читателей такой занимательности, которая уполномочивала бы помѣщать обширную статью. Гораздо болѣе интереса въ жизнеописаніи великаго геолога Леопольда фонъ-Буха, потому что здѣсь г. Щуровскій подробно объясняетъ значеніе его трудовъ въ наукѣ, излагаетъ его теорію и важнѣйшія открытія. Если мы замѣтимъ, что авторъ напрасно сдѣлалъ сухими многія страницы своей статьи, исчисляя всѣ мелкія сочиненія фонъ-Буха, то замѣтимъ единственно съ тою цѣлью, чтобы обратить на это вниманіе самого автора. Не должно забывать, что подобныя статьи пишутся для большинства публики, а не для спеціалистовъ, которымъ ужь очень хорошо извѣстна и жизнь Леопольда фонъ-Буха и полный списокъ его сочиненій, который приложенъ къ концу статьи г. Щуровскимъ, не удовольствовавшимся тѣмъ, что нѣсколько десятковъ этихъ сочиненій ужь поименованно въ самой статьѣ. Но вполнѣ интересно будетъ для читателей обозрѣніе «Русскихъ каменноугольныхъ бассейновъ», составленное г. Щуровскимъ по спеціальнымъ изслѣдованіямъ. Перескажемъ въ нѣсколькихъ словахъ главные выводы о каменноугольномъ богатствѣ Россіи.

Въ Европейской Россіи найдены до сихъ поръ четыре главныхъ бассейна каменнаго угля. Сѣверный бассейнъ, прилегающій узкимъ концомъ своимъ къ Бѣлому морю, расширяется въ южной своей половинѣ и обнимаетъ Тверскую, Тульскую, Рязанскую, Калужскую и сосѣдственныя части прилежащихъ губерній. Но это обширное пространство каменный уголь занимаетъ не однимъ непрерывнымъ пластомъ, а отдѣльными, разрозненными мѣсторожденіями, что очень неблагопріятно для разработки. Кромѣ того, самый уголь низкаго качества. Западный бассейнъ изъ Силезіи переходитъ въ Царство Польское, и занимаетъ небольшую часть его юго-западнаго края. Уголь здѣсь лежитъ толстымъ, непрерывнымъ пластомъ, и добываніе его представляетъ нѣкоторыя выгоды. Въ послѣднее время получаютъ его до десяти милліоновъ пудовъ. Восточный бассейнъ идетъ узкою полосою вдоль Уральскаго хребта; уголь годенъ для отопленія и желѣзноводскихъ работъ, потому, вѣроятно, будетъ приносить большую пользу; но до сихъ поръ этотъ бассейнъ мало изслѣдованъ и разработка его едва начата. Наконецъ важнѣйшій, сколько доселѣ извѣстно, бассейнъ южный или Донской (прилегающій къ рѣкѣ сѣверному Донцу), занимаетъ большую часть земли войска Донскаго, и часть губерній Екатеринославской и Харьковской; площадь его болѣе пятисотъ квадратныхъ миль. Качество угля превосходно; между тѣмъ весь бассейнъ, слишкомъ вдвое превосходящій обширностью всѣ великобританскіе каменноугольные бассейны, вмѣстѣ взятые, доставляютъ нынѣ едва одну семисотую часть того количества угля, какое добывается въ Великобританіи. Причиною такой малозначительности производства, на-

добно считать съ одной стороны то, что добываніе производится безъ помощи паровыхъ машинъ, которыя однѣ могутъ дать работамъ надлежащую силу, съ другой недостатокъ дешевыхъ путей сообщенія съ тѣми мѣстами, которыя нуждаются въ горючемъ матеріалѣ и вслѣдствіе всего этого, невозможность поставлять донской антрацитъ по сходной цѣнѣ. Съ отвращеніемъ этихъ препятствій и съ пониженіемъ цѣны, его разработкамъ предстоитъ, вѣроятно, блестящая будущность.

Этимъ заключаемъ нашъ обзоръ третьяго тома «Магазина землевѣдѣнія и путешествій». Его составъ разнообразенъ; большая часть статей написаны прекрасно и очень интересны по своему содержанію. Если мы говорили о важности статистическаго и этнографическаго элемента въ географіи, то нашей цѣлью было только выставить на видъ эти новые элементы, въ нее проникающіе, а вовсе не смѣшное недовольство тѣмъ, что «Магазинъ» г. Фролова по преимуществу занимается одною изъ нѣсколькихъ сторонъ обширной науки землевѣдѣнія, физическою и, по связи съ ней, математическою географіею — сторона эта также чрезвычайно важна, также чрезвычайно интересна; «Магазинъ», обращая на нее преимущественное вниманіе, представляетъ статьи прекрасныя, и никто не въ правѣ вмѣсто предлагаемаго хорошаго, требовать еще чего нибудь другаго; иначе пришлось бы упрекать историческій сборникъ за то, что въ немъ нѣтъ астрономическихъ статей, археологическій сборникъ за то, что въ немъ нѣтъ юридическихъ статей. Предметъ большей части статей, помѣщенныхъ въ разсмотрѣнномъ нами томѣ «Магазина Землевѣдѣнія» важенъ и интересенъ, статьи хороши, нѣкоторыя превосходны — и намъ остается только радоваться выходу въ свѣтъ новаго и прекрасно составленнаго тома изданія г. Фролова.

Историческая записка, рѣчи, стихи, и отчеты Императорскаго Московскаго университета, читанные въ торжественномъ собраніи 12 января 1855 года, по случаю его столѣтняго юбилея. Москва. 1835.

Торжество столѣтняго юбилея Московскаго университета, было совершено достойнымъ славныхъ воспоминаній университета образомъ. Читатели конечно уже знаютъ подробности этого торжества, которому подобныхъ еще небывало въ честь русской науки. Государь Императоръ благоволилъ почтить старѣйшій изъ русскихъ университетовъ милостивою высочайшею грамотою. Всѣ высшія учебныя учрежденія Имперіи прислали депутаціи или адресы, поздравляя Московскій университетъ съ его празднествомъ. Бывшіе воспитанники университета, въ числѣ которыхъ такъ много людей, почетныхъ заслугами на государственномъ или ученомъ поприщѣ, собрались изъ разныхъ областей имперіи своимъ участіемъ и воспоминаніями оживить вѣковое торжество учрежденія, которому обязаны своимъ образованіемъ.

Помѣщая въ «Современныхъ замѣткахъ» описаніе юбилея, мы здѣсь сообщимъ обозрѣніе рѣчей, которыя были произнесены въ торжественномъ собраніи празднества.

Первою изъ этихъ рѣчей была «Историческая записка о дѣйствіяхъ университетскаго начальства объ ученыхъ трудахъ членовъ университета, по случаю настоящаго торжества», читанная г. ректоромъ университета, А. А. Альфонскимъ.

8 марта 1851 года Государь Императоръ благоволилъ утвердить программу приготовленій университета къ юбилею; для исполненія этой программы былъ учрежденъ при университетѣ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ г. ректора изъ пр. Морошкина, Щуровскаго, Шевырева, Зернова, Анке, Грановскаго, Соловьева, Бодянскаго, Буслаева и адъюнкта Бѣляева.

По Высочайше утвержденной программѣ выбита академикомъ Лялинымъ медаль въ память юбилея. На одной сторонѣ ея, по мысли комитета, изображена Императрица Елисавета Петровна, основательница университета, и представляющіе Государынѣ проэктъ университета, Шуваловъ и Ломоносовъ. На этой сторонѣ поставлено: «12 января 1755 г.» — день основанія университета. На другой сторонѣ медали, по Высочайшему повелѣнію, изображенъ государственный гербъ и начертано 12 января 1855 г.

Изготовлены членами университета слѣдующія книги:

1. Исторія Императорскаго Московскаго университета за все истекшее столѣтіе, г. Шевыревымъ. Государь Императоръ благоволилъ принять посвященіе этого труда Его Августѣйшему Имени.

2. Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей университета, за все истекшее столѣтіе, въ двухъ томахъ, содержащій 238 біографій, составленныхъ разными лицами, принадлежащими къ университету.

3. Матеріалы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ, заключающіе въ себѣ статьи гг. Петрова, Клина, Меншикова и Буслаева. Этотъ сборникъ издается «въ память приблизительнаго стеченія» тысячелѣтія кирилловской азбуки и столѣтія Московскаго университета.

4. Начата изданіемъ Біографическая лѣтопись всѣхъ извѣстныхъ питомцевъ Московскаго университета, за все столѣтіе, съ приложеніемъ всеобщаго ихъ списка. Составлено членами университета и другими учеными.

5. Профессоры и преподаватели издали собраніе ученo-литературныхъ статей, подъ заглавіемъ: «Въ воспоминаніе 12 января 1855 года». Здѣсь помѣщены статьи гг. Баршева, Брашмана, Спасскаго, Орнатскаго, Глѣбова, Лешкова, Вернадскаго, Давыдова, Кудрявцева, Буслаева, Бѣляева, Швейцера, Любимова и Страхова.

6 и 7. Г. Бодянскій приготовилъ къ изданію изслѣдованія: о времени происхожденія славянскихъ письменъ и житіе св. Первоучителей Кирилла и Меѳодія.

Послѣ записки г. ректора, г. профессоръ Шевыревъ прочиталъ «Обозрѣніе столѣтняго существованія Императорскаго Московскаго университета». Причинами счастливаго возрастанія университета, во все первое столѣтіе его жизни, г. Шевыревъ находитъ: благоволѣніе Божіе, милостивое покровительство Государей и любовь русскаго народа къ просвѣщенію; припоминаетъ милости оказанныя русскими Монархами Московскому университету, исчисляетъ начальниковъ университета; потомъ разсматриваетъ «четыре дѣла», которыя исполнялъ университетъ во все время своего существованія: насажденіе науки въ Россіи, веденія ея въ уровень съ собственнымъ движеніемъ, примѣненіе науки къ жизни и потребностямъ Россіи, воспитаніе Отечеству сыновъ полезныхъ, вѣрныхъ слугъ Государю и Отечеству, и при этомъ исчисляетъ знаменитѣйшихъ профессоровъ и воспитанниковъ университета. Труды профессоровъ мы скоро исчислимъ, разсматривая ихъ біографіи, изданныя университетомъ; изъ воспитанниковъ назовемъ здѣсь: Фонъ-Визина, Богдановича,

Новикова, Кострова, Карамзина, Жуковскаго, Парѣжнаго, Гнѣдича, Мерзлякова, Калайдовича, Грибоѣдова.

За рѣчью г. Шевырева слѣдуетъ: «Благодарное воспоминаніе о Иванѣ Ивановичѣ Шуваловѣ», рѣчь г. Соловьева. Нашъ извѣстный историкъ начинаетъ, сообразно значенію торжества, указаніемъ важности живой связи съ прошедшимъ для дѣятельности въ настоящемъ, и объясняетъ коренное значеніе Московскаго Университета, потребность, которою былъ онъ вызванъ къ существованію:

Всякое учрежденіе есть слѣдствіе какой нибудь потребности, которая почувствовалась извѣстнымъ образомъ въ извѣстное время. Понятно, что учрежденіе тѣмъ полезнѣе, тѣмъ почтеннѣе, чѣмъ болѣе удовлетворяетъ потребности, вызвавшей его основаніе, чѣмъ живѣе между его членами преданіе о цѣли учрежденія, чѣмъ сознательнѣе переходитъ это преданіе изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Это преданіе, присущее членамъ учрежденія при ихъ соединенной дѣятельности, составляетъ духъ учрежденія. Учрежденіе живетъ полною жизнію, процвѣтаетъ, когда этотъ духъ силенъ, когда даетъ себя чувствовать и въ совокупныхъ дѣйствіяхъ членовъ учрежденія и въ поведеніи каждаго изъ нихъ, гдѣ бы онъ ни находился: тогда многія другія учрежденія заимствуютъ отъ него жизнь, духъ и сильны бываютъ этою жизнію, этимъ духомъ. Когда же преданіе забывается, духъ слабѣетъ,—учрежденіе клонится къ упадку; тогда люди, ревностные къ славѣ учрежденія, стараются воскресить преданіе, возвратить его къ первоначальной чистотѣ. Обыкновенно основателями учрежденія бываютъ люди, которые яснѣе другихъ сознаютъ извѣстную потребность общества, которые образомъ мыслей и всею дѣятельностію своею осуществляютъ ту цѣль, къ которой должно стремиться учрежденіе; дѣятельность основателей поэтому становится живымъ преданіемъ, образцомъ, котораго члены учрежденія никогда не должны терять изъ виду.

Въ чемъ же состоитъ преданіе, духъ того учрежденія, столѣтіе котораго мы собрались теперь торжествовать, и кто былъ человѣкъ, въ нравственномъ образѣ котораго осуществляется это преданіе, чей нравственный образъ мы должны благоговѣйно перенести изъ одного вѣка въ другой?

Для разрѣшенія вопроса, какая потребность вызвала Московскій университетъ, говоритъ г. Соловьевъ, надобно перенестись къ тому времени, которое основало его. Въ концѣ XVI вѣка, Русское царство было громадно, но въ немъ чувствовался недостатокъ умѣнья приносить частныя выгоды въ жертву благу общему, сознавалась потребность распространенія между гражданами познанія обязанностей гражданскихъ. Смуты, которыми окончился XVI вѣкъ, обнаружили и эти недостатки и силу русскаго народа побѣдить ихъ.

Такъ наступилъ XVII вѣкъ, вѣкъ богатый славными событіями, великими торжествами, но еще болѣе замѣчательный тѣмъ, что откликается историку непрестаннымъ воплемъ о необходимости нравственнаго очищенія, совершенствованія, о мѣрахъ, которыя должны быть употреблены для этого. Священный, утѣшительный вопль! Онъ не похожъ на тотъ болѣзненный вопль, который издаютъ государства предъ минутою своего разрушенія, когда немногіе лучшіе люди, указывая на болѣзни государственнаго организма, отчаяваются въ возможности ихъ излеченія и предсказываютъ близкую гибель государства. Не таковъ вопль, слышный на Руси въ XVII вѣкѣ—это вопль юнаго, крѣпкаго общества, которое сознаетъ свои недостатки, громко объявляетъ о нихъ, дѣятельно ища въ то же время средствъ для ихъ исправленія. У насъ въ XVII вѣкѣ, не нѣкоторыя только, частныя лица вопіютъ противъ нравственныхъ недостатковъ общества; но само Правительство безпощадно, въ сильныхъ выраженіяхъ указываетъ на нравственныя болѣзни, требуя излеченія ихъ, употребляя къ тому средства...

При усиленной борьбѣ, съ многочисленными препятствіями внѣшними и внутренними, встрѣченными Россіею при достиженіи государственныхъ цѣлей, въ XVII вѣкѣ

было сознано, что необходимое средство для торжества надъ этими препятствіями есть призваніе на помощь науки, мудрости гражданской, распространяющей свѣтъ, при помощи котораго члены общества видятъ, что они, гдѣ они, что обязаны дѣлать для отечества; ибо только тотъ можетъ быть вѣрнымъ сыномъ отечества, кто знаетъ свое отечество, его потребности, и въ состояніи употребить способности свои, для удовлетворенія той или другой изъ этихъ потребностей.

Петръ Великій совершилъ приготовленіе государства къ принятію науки, вѣкъ Екатерины II водворилъ ее. Но люди, дѣйствовавшіе при Екатеринѣ, образовались при Елисаветѣ.

Изъ царствованія Елисаветы, лучшіе люди Екатерининскаго времени, вынесли убѣжденіе въ необходимости просвѣщеннаго воспитанія, сознаніе о высшей, нравственной цѣли науки; въ это царствованіе, у престола Императрицы явился человѣкъ, при образованіи котораго, «наука и искусство подали руки, чтобъ сдѣлать его отечеству полезнымъ, между людьми любезнымъ и всегда желательнымъ» — и по мысли этого-то человѣка, въ царствованіе Елисаветы возникло учрежденіе, долженствовавшее удовлетворять потребности времени, а именно—дать наукѣ возможность достигать своей высшей, нравственной цѣли, дать ей значеніе мудрости гражданской. Этотъ человѣкъ, былъ И. И. Шуваловъ, это учрежденіе, былъ Московскій университетъ.

Каковъ же былъ Шуваловъ? Какъ на немъ отразились благія дѣйствія науки?.. У престола благодѣтельствовавшей ему монархини стоялъ онъ съ высокимъ характеромъ посредника, миротворца; съ тѣмъ же характеромъ миротворца являлся онъ и для семействъ частныхъ, и для семьи къ нему близкой, семьи ученыхъ и литераторовъ. «Онъ счастливымъ себя почиталъ въ тотъ день, когда имѣлъ случай удалить несчастіе и поспѣшествовать счастію другихъ».

Таковы должны быть и дѣти его по нравственному родству, дѣти Московскаго университета, заключаетъ свою прекрасную рѣчь г. Соловьевъ.

За тѣмъ былъ пропѣтъ хоръ, написанный г. Шевыревымъ и положенный на музыку г. Верстовскимъ и прочитанъ отчетъ о состояніи Московскаго университета за 1854 гражданскій годъ.

Надолго останется въ памяти всѣхъ образованныхъ русскихъ, прекрасное торжество Московскаго университета, ознаменованное милостью Монарха и оживленное всеобщимъ сочувствіемъ.

Италія. Письма изъ Венеціи, Рима и Неаполя. *В. Д. Яковлева.* Спб. 1855.

«Скажи, мой свѣтъ, не правда ли, что во Франціи живутъ французы? спрашиваетъ въ «Бригадирѣ» Совѣтница у Иванушки.—Vous avez raison, Madame, отвѣчаетъ Иванушка. И вотъ уже восемьдесятъ лѣтъ всѣ хохочутъ надъ вопросомъ, черезчуръ наивнымъ, и отвѣтомъ, котораго не стоило давать. Но изъ тысячи людей, говорящихъ объ Италіи, едва ли одному приходитъ въ голову спросить: «какой народъ живетъ въ Италіи?» а если кто и спроситъ, не скоро дождется отвѣта на свой вопросъ, кажется, очень незамысловатый. Жаль итальянцевъ: почти никому не приходитъ въ голову, что они живутъ въ Италіи.

Неужели-жь это племя, еще такъ недавно стоявшее на первомъ мѣстѣ между всѣми образованными народами, не заслуживаетъ теперь никакого вниманія? Или оно въ самомъ дѣлѣ измельчало, изнѣжилось, испортилось до того, что не стоитъ

и говорить о немъ? «Да», говорятъ люди, знающіе Италію только по картинкамъ съ видами Неаполя и Везувія; «да», говорятъ большая часть тѣхъ, которые видѣли Неаполь и Везувій собственными глазами.

Не позволительно ли будетъ усумниться въ такомъ положительномъ отвѣтѣ? Не говоримъ объ искусствахъ, въ которыхъ до сихъ поръ итальянцы признаются едвали не первымъ народомъ; но и для науки итальянцы въ послѣднія сто лѣтъ сдѣлали довольно, несмотря на жалкое состояніе общественнаго образованія. Нѣтъ сомнѣнія, что съ XVII вѣка наука въ Италіи постоянно падала; но и теперь еще она стоитъ на высотѣ, которая невозможна у народа, отжившаго свой вѣкъ. И если Гоголь говорилъ, что итальянцы—народъ, натура котораго свѣжа и сильна, которому еще предстоитъ великая будущность, то позволительно думать, что онъ не совсѣмъ ошибается.

Да и вообще какъ-то странно слышать о какомъ нибудь народѣ, что онъ отжилъ свой вѣкъ, исчерпалъ всѣ свои жизненныя начала, что ему остается только спать дряхлымъ сномъ въ ожиданіи скорой смерти. Греки всѣми были когда-то признаны за умершихъ; а теперь, какъ видимъ, воскресаютъ.

Но еслибъ наконецъ итальянцы были и на самомъ дѣлѣ разслабленнымъ, лишившимся всякой энергіи народомъ, то развѣ не поучительно, развѣ не интересно зрѣлище такого народа?

— Но развѣ намъ не описываютъ безпрестанно итальянцевъ? Жалобы на то, что говоря объ Италіи, забываютъ итальянцевъ, совершенно несправедливы.

Да, описываютъ; такъ часто и такими стереотипными чертами, что фигуры ихъ знакомы каждому грамотному человѣку, начиная съ двѣнадцати лѣтъ и и не забудутся, хотя прожить на свѣтѣ двѣсти лѣтъ. Итальянка, съ огненными черными глазами, съ роскошною черною косою: лаццарони, полунагой и вѣчно грѣющій бронзовую спину на жгучемъ солнцѣ Неаполя; веттурино, не отличающійся впрочемъ ни чѣмъ, кромѣ своего названія, отъ всякаго другого человѣка — эти фигуры знакомы всякому изъ насъ. А итальянскіе нравы? развѣ они также не знакомы каждому, какъ свои пять пальцевъ? Бѣшеный карнавалъ, огненная любовь,—о нихъ знаетъ даже тотъ, кто не знаетъ, въ сѣверномъ или южномъ полушаріи лежитъ Италія.

Но можно сомнѣваться въ томъ, достаточны ли эти драгоцѣнныя свѣдѣнія, исчерпываютъ ли они нравы и бытъ итальянцевъ. Вѣроятно, тотъ еще не глубоко изучилъ французовъ, кто знаетъ только, что французъ—острякъ и вѣтренникъ, что въ Парижѣ можно шумно веселиться, и что французскіе портные—хорошіе портные. Вѣроятно, если какой нибудь путешественникъ сообщилъ бы намъ только эти вѣрныя и драгоцѣнныя наблюденія, то самый нетребовательный читатель сказалъ бы, что этотъ путешественникъ ровно ничего не сказалъ, и, вѣроятно, ничего не видалъ во Франціи.

Но путешественнику по Италіи можно ограничить свои замѣчанія черною косою итальянки, бронзовою спиною лаццарони и бѣшенствомъ карнавала. Помилуйте, развѣ люди интересны въ этой странѣ? Сколько тамъ прекрасныхъ картинъ, сколько тамъ удивительныхъ статуй, какой тамъ восхитительный климатъ! Вотъ что влечетъ путешественника въ отечество Рафаэля, подъ сѣнь благоухающихъ миртовъ и лавровъ.

Прекрасно и пріятно наслаждаться всѣми этими сокровищами искусства и прелестями природы; не такъ прекрасно описывать ихъ и читать ихъ описанія, по очень многимъ простымъ причинамъ. Изъ нихъ первая: милліонъ разъ все это было описано; а такъ какъ лавры и мирты остались на прежнихъ мѣстахъ и въ прежнемъ видѣ, да и въ картинахъ Рафаэля не прибавилось ни одной новой фигуры, у Венеры Каллипиги ни одного новаго волоска, то описывать ихъ вновь— значитъ повторять старое. Кромѣ того, немногіе люди владѣютъ завиднымъ даромъ интересно говорить о погодѣ, и еще менѣе людей, понимающихъ и хорошо описывающихъ картины и статуи. Можно пріискать и третью причину: лавры и мирты растутъ въ Испаніи лучше, нежели въ Италіи; слѣдовательно, особенно удивительнаго въ нихъ нѣтъ; картинами Рафаэля каждый можетъ любоваться, не выѣзжая изъ своего отечества.

Но, что дѣлать! такова участь нѣкоторыхъ странъ, что каждый ѣдетъ туда не жить съ людьми, не изучать народъ, а наслаждаться какими нибудь наскучившими всѣмъ, кромѣ его, предметами, которыя, не выходя изъ своего кабинета, можно узнать какъ нельзя лучше. Такъ, напримѣръ, кто ѣдетъ въ Швейцарію, все время своего пребыванія употребляетъ на то, чтобы смотрѣть на Монбланъ и Женевское озеро и къ величайшему удовольствію, наконецъ, убѣждается опытомъ, что Монбланъ—высокая гора, а Женевское озеро—хорошее озеро. То, что швейцарцы гораздо интереснѣе своихъ горъ и озеръ, замѣчаютъ немногіе; немногіе замѣчаютъ, даже, что въ Швейцаріи живутъ люди; проводники по горамъ и альпійскіе охотники тамъ есть, какихъ же еще другихъ людей угодно вамъ, читатель? Другихъ еще не найдено.

Но вѣдь наконецъ и въ африканскихъ степяхъ, люди, путешествующіе съ исключительно географическою цѣлью, находятъ людей; вѣдь и на Шпицбергенѣ находятъ, если не людей, то хоть что нибудь живое, хоть бѣлыхъ медвѣдей и моржей.

Въ Италіи ничего подобнаго не оказывается. Тамъ есть нѣсколько разбитыхъ колоннъ, полинявшихъ картинъ и много жара, въ глазахъ и въ солнцѣ. Остальное не стоитъ вниманія.

Не всѣ впрочемъ, идутъ этимъ избитымъ путемъ. Гоголь, а вслѣдъ за нимъ двое или трое другихъ русскихъ писателей увѣряютъ, будто бы видѣли итальянцевъ, и описываютъ ихъ такъ живо и правдоподобно, что это безпримѣрное открытіе становится нѣсколько вѣроятнымъ.

Г. Яковлевъ пишетъ прекраснымъ, увлекательнымъ языкомъ; это придаетъ особую прелесть его книгѣ. Онъ такъ горячо сочувствуетъ прекрасной итальянской природѣ, такъ тонко и вѣрно передаетъ ее, такъ подробно обозрѣваетъ и съ такимъ искусствомъ описываетъ опустѣвшіе мраморные палаццо, древнія развалины, старыя картины, античныя и новыя статуи, что отъ книги его нельзя оторваться. Эти описанія разнообразятся анекдотами о знаменитыхъ художникахъ, иногда небольшими дорожными приключеніями, иногда даже небольшими, но очень милыми сценами изъ народной жизни... Вообще, книга г. Яковлева отличается необыкновеннымъ и внутреннимъ и внѣшнимъ изяществомъ. Такого прекраснаго изданія мы давно не встрѣчали у насъ.

Крымъ, съ Севастополемъ, Балаклавою, и другими его городами. Спб. 1885.

Книжка, составленная недурно; къ ней приложены двѣ гравюры, прекрасно вырѣзанныя на деревѣ—одна, представляющая видъ Севастополя, другая—видъ Балаклавы, и планъ Севастополя съ окрестностями, показывающій расположеніе русскихъ и непріятельскихъ войскъ и состояніе осадныхъ работъ. Нѣтъ сомнѣнія, что книжка эта будетъ имѣть большой успѣхъ въ публикѣ. Приводимъ здѣсь изъ нея описаніе Севастополя, Инкерманской долины и Балаклавы:

«По присоединеніи Крыма къ Россіи, Императрица Екатерина II, желая имѣть портъ на Черномъ морѣ, повелѣла осмотрѣть на южномъ берегу Крыма портъ, подъ названіемъ Ахтіарская бухта, и если онъ окажется хорошимъ, занять его, перевесть туда часть Азовскаго и Днѣпровскаго флота и назвать его Черноморскимъ. Портъ этотъ найденъ былъ превосходнымъ, и 7-го Мая 1783 года эскадра, состоявшая подъ командою вице-адмирала Клокачева, первая введена была въ него для стоянки и сдана контръ-адмиралу Меккензи, положившему основаніе Севастополю.

«Севастополь лежитъ на крутомъ холмѣ, возвышающемся между двухъ бухтъ морскаго залива; построенъ амфитеатромъ, а потому улицы его, хотя правильно расположенныя, представляютъ большое неудобство, идя безпрестанно съ одной крутизны на другую. Лучшая изъ нихъ параллельна съ портомъ и заключаетъ въ себѣ: соборъ, адмиралтейство и многіе прекрасные дома; нѣсколько хорошенькихъ садиковъ довершаютъ ея украшеніе, но, къ сожалѣнію, они всегда занесены пылью, потому что подвержены вліянію сильныхъ вѣтровъ, постоянно господствующихъ лѣтомъ на всемъ этомъ берегу. Въ городѣ считается до 41,155 жителей и находятся арсеналъ, два адмиралтейства, отлично устроенный госпиталь и огромныя казармы для помѣщенія гарнизона. Небольшой общественный садъ очень красивъ и служитъ прекраснымъ мѣстомъ для гулянья. Есть театръ, уѣздное и приходское училища, и также военныя училища для матросскихъ дѣтей. Въ городѣ поставленъ памятникъ Казарскому.

«Входъ въ Севастопольскій рейдъ—600 саженъ шириною, и обороняется четырьмя сильными батареями, вооруженными болѣе 400 орудій большого калибра. Рейдъ этотъ въ сѣверной части мельче, чѣмъ въ южной, но вообще въ рѣдкихъ мѣстахъ глубина его менѣе 4-хъ саженъ; при томъ отсутствіе же мелей, ровный иловатый грунтъ и совершенное закрытіе отъ вѣтра много способствуютъ кораблямъ въ ихъ стоянкѣ въ этомъ портѣ. Въ самомъ рейдѣ, имѣющемъ около 8 верстъ въ длину, на южной его сторонѣ, находятся четыре бухты: артиллерійская (для купеческихъ судовъ), корабельная, южная и килевалочная; изъ нихъ самая большая есть южная, а самая глубокая—корабельная, въ которой трехдечные корабли могутъ приближаться къ самому берегу. Къ югу отъ бухтъ южной и килевалочной идутъ глубокіе овраги, называемые вообще «балками». Къ сѣверу отъ рейда, кромѣ батарей, находится еще крѣпость, имѣющая видъ осьмиугольника съ четырьмя бастіонами, изъ которыхъ два южные прикрыты каждый люнетомъ долговременной постройки.

«Для снабженія судовъ прѣсною водою служитъ Черная рѣчка; вода ея проведена въ особое зданіе, гдѣ она очищается, идетъ потомъ къ морскому берегу и по первой надобности наполняетъ корабельныя цистерны. Севастополь, какъ военный портъ, имѣетъ для Россіи первостепенную важность.

«Севастополь, по географической широтѣ своей, есть одинъ изъ самыхъ южныхъ городовъ Россійской Имперіи. Онъ окруженъ, съ сѣверной стороны, горами въ 225 футовъ вышины; съ восточной и южной – горами же въ 308 футовъ вышины и бухтами; съ западной –моремъ. Средняя температура города, въ продолженіи 12-ти лѣтъ, +9,9. Наибольшая теплота простиралась отъ 24½ до 28 градусовъ, а наибольшій холодъ отъ 6 до 15 градусовъ. Изъ сложности 27-ми лѣтнихъ наблюденій оказывается, что средняя температура въ градусахъ 80-ти дольнаго термометра въ Севастополѣ, для каждаго мѣсяца, есть слѣдующая:

Въ Январѣ	. . . . .	+ 1,1.
» Февралѣ	. . . . .	— 1,5.
» Мартѣ	. . . . .	+ 4,0.
» Апрѣлѣ	. . . . .	+ 8,1.
» Маѣ	. . . . .	+ 12,2.
» Іюнѣ	. . . . .	+ 16,0.
» Іюлѣ	. . . . .	+ 17,5.
» Августѣ	. . . . .	+ 17,6.
» Сентябрѣ	. . . . .	+ 14,4
» Октябрѣ	. . . . .	+ 10,4.
» Ноябрѣ	. . . . .	+ 6,7.
» Декабрѣ	. . . . .	+ 2,7.

«Весною бываютъ, большею частію, южные вѣтры и ясные дни; иногда находятъ съ моря туманы и продолжаются до 8-ми и рѣдко до 10-ти часовъ утра. Лѣтомъ бываютъ, почти всегда, днемъ—западные вѣтры, съ моря, и ночью — восточные, съ горъ, что способствуетъ много выходу судовъ и эскадры въ море и входу ихъ на рейдъ. Осенью та же погода, и тогда наступаетъ лучшее время года. Зимою—частые дожди; при сѣверовосточныхъ-же вѣтрахъ, термометръ бываетъ ниже точки замерзанія и часто со снѣгомъ, который, съ перемѣною вѣтра, исчезаетъ. Вообще воздухъ въ Севастополѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ окрестностей его, здоровый, и господствующихъ болѣзней не существуетъ. Періодическіе вѣтры, способствующіе флоту выходить изъ порта во всѣ дни года, и достоинство рейда и гавани, которые никогда не замерзаютъ, и гдѣ совершенно безопасно и близко къ берегу могутъ стоять корабли, дѣлаютъ его однимъ изъ лучшихъ портовъ въ свѣтѣ.

«Къ востоку отъ Севастополя, сѣвернѣе Черной рѣчки, лежитъ Инкерманская долина, по имени которой названъ и мостъ, здѣсь находящійся. На этомъ мѣстѣ стоялъ городъ Херсонесъ или Корсунь, въ которомъ великій князь Владиміръ I, въ 988 году, принялъ Святое Крещеніе. Отъ города, нѣкогда богатаго и цвѣтущаго, остались только развалившіяся стѣны, башни и нѣсколько малыхъ пещеръ, высѣченныхъ въ отвѣсной скалѣ, замыкающей долину. Кругомъ находятся болота, производящія не совсѣмъ здоровыя испаренія. Южнѣе Севастополя, на песчаной косѣ, весьма мало возвышающейся надъ моремъ, устроенъ маякъ. На этомъ же мѣстѣ стоялъ древній Херсонесъ, основанный Греками за 600 лѣтъ до Р. Х. и бывшій главнымъ городомъ Греческихъ колоній въ Тавридѣ. Отъ маяка вплоть до Севастополя видны слѣды стѣнъ, расположенныхъ правильными рядами и четвероугольниками. Размѣщеніе ихъ и малое углубленіе стѣнъ въ землю породили много споровъ между антикваріями, изъ которыхъ одни утверждаютъ, что это остатки отъ стѣнъ Греческихъ жилищъ, другіе же напротивъ говорятъ, что это границы между садами и огородами древняго Херсонеса.

«*Балаклава*, заштатный городъ, находится въ 2152 в. отъ С.-Петербурга, въ 1476 в. отъ Москвы, въ 84 в. отъ Симферополя, въ 12-ти в. отъ Севастополя, и лежитъ при заливѣ Чернаго моря, окруженномъ горами. Гавань ея имѣетъ $1^1/_2$ версты въ длину, $^1/_2$ версты въ ширину и соединяется съ моремъ посредствомъ узкаго пролива въ 25 саженъ шириною; глубина ея очень велика даже у берега, но узкій входъ дѣлаетъ доступъ въ гавань чрезвычайно опаснымъ во время сильнаго противнаго вѣтра. Бухта, на всемъ протяженіи, окаймлена высокими горами, на которыхъ, съ восточной стороны, находились въ древности Генуэзскія укрѣпленія. Городъ и крѣпость ихъ были въ совершенной безопасности отъ нападенія, потому что край горы, обращенный къ морю, и до сихъ поръ представляетъ обрывъ совершенно вертикальный, а съ другой стороны на нее ведетъ только узкая тропинка. Въ настоящее время крѣпость эта вся въ развалинахъ и только однѣ наружныя стѣны и нѣсколько башенъ еще возвышаются, готовыя впрочемъ каждую минуту рухнуть.

«Балаклава имѣетъ 1067 человѣкъ жителей и походитъ болѣе на порядочную деревню, чѣмъ на торговый городъ; въ ней одна только главная улица, довольно узкая и не имѣющая никакихъ замѣчательныхъ зданій. Здѣсь штабъ-квартира Греческаго баталіона.

«Балаклава заселена Архипелагскими Греками, участвовавшими во второй Турецкой войнѣ и въ Чесменской битвѣ. Городъ тѣсный—образчикъ Азіятскихъ построекъ! Взоръ устремляется на растянувшуюся скалистую гору, омываемую, съ одной стороны, заливомъ, а съ другой, Чернымъ моремъ, и на гору съ остатками отъ Генуэзскихъ укрѣпленій. Изъ залива, называвшагося у Эллиновъ *Символонъ*, а нынѣ именуемаго Балаклавскимъ, какъ упомянуто выше, идетъ входъ въ море, чрезъ каменныя узкія ворота, устроенныя природою изъ скалистыхъ утесовъ.

«Въ 1796 году гавань Балаклавы была совершенно закрыта; но такъ какъ она служила прежде многимъ судамъ убѣжищемъ во время бури, то ее снова открыли и учредили въ ней таможенную заставу. Отсутствіе обширной и совершенно удобной гавани, недостатокъ хорошей воды и близость Ѳеодосіи, Евпаторіи и Керчи не допускаютъ развитія въ Балаклавѣ значительной торговли».

Русское посольство въ Польшѣ въ 1673 — 1677 годахъ. Нѣсколько лѣтъ изъ исторіи отношеній древней Россіи къ европейскимъ державамъ. Соч. *А. Попова*. С.-Петербургъ. 1854.

Сочиненіе г. Попова не свободно отъ многихъ недостатковъ. Изъ нихъ первый—авторъ не сохраняетъ различія между тѣмъ, что прямо относится къ его предмету, и тѣмъ, что только соприкасается съ сущностью его изслѣдованія. Собственно г. Поповъ хочетъ объяснить дипломатическія отношенія Россіи къ Польшѣ въ 1673—1677 годахъ; но переговоры между этими державами шли о взаимной помощи въ турецкой войнѣ—и г. Поповъ разсказываетъ общеизвѣстныя событія этой войны, такъ же подробно, какъ и самые переговоры; переговоры эти шли также по поводу малороссійскихъ дѣлъ—и г. Поповъ подробнѣйшимъ образомъ разсказываетъ (опять общеизвѣстныя) событія малороссійской исторіи; мало того: съ Польшею были въ сношеніяхъ западныя государства—и г. Поповъ подробно разсказываетъ ихъ исторію. Какъ напримѣръ, начинается исторія русскаго посольства въ Польшѣ?—слѣдующимъ образомъ:

Въ 1672 году, 7-го апрѣля, въ пасмурный и дождливый день по улицамъ Парижа разъѣзжали въ торжественной одеждѣ глашатые съ трубачами, объявляя на всѣхъ перекресткахъ и площадяхъ, что король французскій, недовольный въ отношеніи къ нему поведеніемъ соединенныхъ Голландскихъ Штатовъ, начинаетъ съ ними войну на сушѣ и на морѣ. Объявленіе не поразило новостію парижанъ: они давно знали о намѣреніяхъ короля и т. д.

Такой методъ напоминаетъ статьи одного изъ нашихъ историковъ русской литературы, который по случаю сочиненій Жуковскаго перевелъ почти всего Гервинуса, а говоря о Карамзинѣ выписалъ 17 страницъ Лессинговой драмы «Эмилія Галотти». Нельзя упрекнуть г. Попова, чтобъ онъ изъ-за извѣстія о состояніи погоды въ Парижѣ 7 апрѣля 1672 года,—опускалъ подробности дипломатическихъ переговоровъ Россіи съ Польшею; но эти подробности, интересныя и важныя, потоплены въ разсказахъ о посторонникъ событіяхъ, неимѣвшихъ никакого права занимать двѣ трети его книги. Читатель теряется въ этомъ хаосѣ.

Еще существеннѣе другой недостатокъ—г. Поповъ, считаетъ русскаго посла въ Польшѣ въ 1673—1677 годахъ, Тяпкина необыкновенно глубокомысленнымъ

государственнымъ человѣкомъ, и вездѣ выставляетъ основательность и мудрость его—между тѣмъ, событія нисколько не оправдываютъ такого мнѣнія. Тоже самое надобно сказать и о многихъ другихъ дѣйствователяхъ той эпохи. Г. Поповъ не разсматриваетъ критически соображеній, или лучше сказать, привычекъ, на которыхъ основывался ходъ переговоровъ, не имѣетъ самостоятельнаго взгляда на существенное положеніе дѣлъ. Онъ пишетъ не исторію, а апологію.

Потому его сочиненіе не такой трудъ, который окончательно объяснялъ бы исторію отношеній Россіи къ Польшѣ въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича, а только сборникъ матеріаловъ, нуждающихся въ критической переработкѣ.

Но какъ сборникъ матеріаловъ, оно имѣетъ большое достоинство. Г. Поповъ пользовался неизданнымъ «статейнымъ спискомъ» и «отписками», т. е. подлинными дипломатическими депешами Тяпкина, русскаго посла въ Польшѣ въ 1673—1677 годахъ и представилъ изъ нихъ драгоцѣнныя выписки, выбранныя, сколько можемъ судить, внимательно и удачно.

Исторія Рима отъ основанія города до Рождества Христова. *М. Богоявленскаго.* Спб. 1855.

Трудно объяснить себѣ, по какимъ соображеніямъ и съ какою цѣлью написилъ эту маленькую книжку г. Богоявленскій. Учебникомъ она быть не можетъ, потому что во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ римская исторія преподается какъ часть древней исторіи вообще. Спекуляціею также нельзя назвать его книжку, потому что предметъ ея ни мало не удобенъ для привлеченія малограмотныхъ читателей животрепещущимъ интересомъ заглавія. Претендовать на какое нибудь ученое значеніе, книжечка эта не можетъ. Потому надобно признаться, что ея появленіе—загадка, не обѣщающая никакой пользы автору. Если онъ не занимается римскою исторіею, почему онъ выбралъ именно ее предметомъ сочиненія своего, почему не написалъ исторіи Турціи, Англіи или другой страны, возбуждающей интересъ въ настоящую минуту? А еслибъ онъ занимался римскою исторіею, онъ долженъ былъ бы написать книгу, которая отличилась бы какими нибудь достоинствами.

Обозрѣніе трактатовъ о морскомъ торговомъ нейтралитетѣ. Составилъ *Л. Д.* Спб. 1854.

Брошюра эта—отдѣльный оттискъ статьи, помѣщенной въ «Морскомъ Сборникѣ». Разсматривая разныя конвенціи морскихъ державъ въ XVII и XVIII вѣкахъ, особенно декларація и манифесты Екатерины II о «вооруженномъ нейтралитетѣ», авторъ доказываетъ, что всѣ державы, кромѣ Англіи, допуская всегда нейтральную торговлю съ державами, находящимися въ войнѣ между собою, и что,

слѣдовательно, Англія, не признающая этого правила, дѣйствуетъ вопреки основаній общенароднаго права. Изложеніе свое г. Л. Д. подтверждаетъ также общими соображеніями, выводимыми изъ самаго понятія о войнѣ, и примѣрами, заимствованными изъ исторіи среднихъ вѣковъ.

Описаніе замѣчательнѣйшихъ лабораторій Германіи и Бельгіи. Составлено *Петромъ Кочубеемъ*. Съ XVII чертежами лабораторій и химическихъ аппаратовъ въ большой листъ.

Произведя переворотъ въ наукѣ, Либихъ произвелъ переворотъ и въ преподаваніи химіи. До него химія была наукою, по преимуществу теоретическою. Оттого и химическіе опыты производились въ небольшомъ размѣрѣ и занимался ими только профессоръ. Либихъ ввелъ преподаваніе практическое, допустилъ и началъ поощрять студентовъ къ самостоятельному занятію химическими операціями; съ тѣмъ вмѣстѣ и опыты, получивъ агрономическую и технологическую цѣль, стали производиться въ бо́льшемъ размѣрѣ. Все это имѣло слѣдствіемъ необходимость возвысить важность и увеличить размѣръ химическихъ лабораторій. Прежде онѣ устроивались гдѣ-попало и какъ попало; теперь требуютъ онѣ обширныхъ помѣщеній, со всѣми удобствами для многочисленныхъ аппаратовъ и для производства разнообразнѣйшихъ опытовъ.

До сихъ поръ на русскомъ языкѣ не было еще сочиненія, въ которомъ бы описывалось новое устройство лабораторій. Это побудило г. П. Кочубея, которому было поручено лѣтомъ 1853 года осмотрѣть замѣчательнѣйшія лаборатоpія Германіи и Бельгіи, издать ихъ описаніе и чертежи. Лучшими изъ современныхъ лабораторій считается Либихова (въ Мюнхенѣ): ее прежде всего и описываетъ г. Кочубей; потомъ сообщаетъ описанія лабораторій Люттихской, Дрезденской, Берлинскихъ, и наконецъ лабораторіи въ Карлсруэ. Чертежи, приложенные къ описаніямъ, исполнены прекрасно, равно какъ и самыя описанія. Вообще на изданіи этомъ лежитъ печать добросовѣстнаго, съ знаніемъ дѣла исполненнаго, труда и вкуса.

Осада и взятіе Византіи турками. Сочиненіе *М. Стасюлевича*. Спб. 1854.

Первою обязанностью историка считалась нѣкогда критическая повѣрка разсказовъ, сообщаемыхъ невѣжественными или склонными къ реторикѣ лѣтописцами. Все невѣроятное въ то время предписывалось откидывать изъ исторіи, или стараться объяснить правдоподобнымъ образомъ. Сколько превосходныхъ анекдотовъ было тогда объявлено недостовѣрными или просто выдуманными! Взглянемъ хоть на греческую исторію. Вся жизнь Ликурга была названа выдумкою, двѣ первыя мессенскія войны, обильныя самыми интересными приключеніями—объявлены недостовѣрными; Кадмъ и Данай, Кекропсъ и Пелопсъ признаны баснословными лицами;

невозможно перечесть всѣхъ поэтическихъ воспоминаній, которыя были тогда провозглашены принадлежащими міру вымысловъ, а не фактовъ. Каковы бы ни были частныя ошибки людей, слѣдовавшихъ этому направленію, вообще надобно сказать, что они говорили сообразно съ здравымъ разсудкомъ.

Здравый разсудокъ! Ему ли, распорядителю мелкихъ, прозаическихъ житейскихъ дѣлъ быть законодателемъ въ поэтической области исторіи? Какъ суха, блѣдна, безжизненна остается она, обнаженная холоднымъ соображеніемъ отъ блестящей обстановки, которая сообщена ей преданіями! Нѣтъ, мы будемъ принимать жизнь во всей ея поэтической полнотѣ. Мы возстановимъ низверженное суровыми скептиками!—Собственно говоря, скептики вовсе не были суровы, они были только осмотрительны; да и не скептиками были они, а просто разсудительными людьми. Но все равно, посмотримъ, какъ дѣйствовали ихъ противники.

Дѣйствовали они очень просто: всѣ историческіе разсказы, которые имъ нравились, по поэтическому ли своему характеру или по особеннымъ какимъ нибудь обстоятельствамъ, они провозглашали достовѣрными. Они готовы были доказывать историческую достовѣрность всѣхъ приключеній Амадиса Галльскаго, готовы были считать достовѣрными всѣ подвиги Добрыни Никитича и Еруслана Лазаревича. Эти рыцари защитники всего, что не выдерживало никакой критики, были довольно странны. Но они увлекались по крайней мѣрѣ поэтическою стороною басенъ. Если невозможно было съ ними соглашаться, то надобно было признать въ нихъ чувство и искреннюю привязанность. Это историки-поэты.

Но другіе люди отвергаютъ критику, не хотятъ обращать вниманія на правдоподобіе разсказовъ только потому, что увлекаются соперничествомъ съ Александромъ Дюма—имъ нужны антитезы, неожиданныя встрѣчи, измѣны, таинственныя интриги и вся обстановка дюжинныхъ романовъ. Они смотрятъ на исторію, какъ на поприще для пораженія читателей красотами слога, странными завязками и сюрпризами неожиданныхъ развязокъ. Это историки-риторы.

Почему же не писать исторію въ томъ духѣ, какъ Дюма написалъ Монтекристо и Трехъ Мушкатеровъ? Надобно только чувствовать и признаваться, что въ такомъ случаѣ дѣло идетъ о выказываніи романическаго своего таланта, а вовсе не объ открытіи разныхъ историческихъ истинъ. Дюма, сколько извѣстно, не претендуетъ на историческую достовѣрность своихъ интригъ и развязокъ; онъ только спрашиваетъ: каково придумано? неправда ли, хитро? Неправда ли, никому этого не могло прійдти въ голову?

Нѣтъ, историки-риторы не довольствуются такимъ скромнымъ взглядомъ на сущность своихъ изобрѣтеній: они считаютъ каждую натяжку историческихъ фактовъ, какую удалось имъ сдѣлать въ угоду своему желанію отличиться неожиданностью своихъ заключеній,—каждую такую натяжку они считаютъ глубокомысленнымъ соображеніемъ, великимъ открытіемъ, бросающимъ совершенно новый и необыкновенно яркій свѣтъ на ходъ историческихъ событій.

Этому обольщенію особенно часто предаются молодые ученые. Потому съ искреннимъ удовольствіемъ замѣтили мы, что г. Стасюлевичъ совершенно свободенъ отъ романическаго взгляда на исторію. Онъ смотритъ на внутренній смыслъ фактовъ проницательно и положительно, находитъ сокровенныя пружины того важнаго историческаго событія, которое объясняетъ въ своей брошюрѣ. Тѣмъ не менѣе мы позволяемъ себѣ усомниться въ безусловной справедливости его взглядовъ на ходъ

событій. Онъ становится на точку зрѣнія, совершенно чуждую обыкновеннымъ историческимъ понятіямъ — утѣшительный фактъ, свидѣтельствующій о самостоятельности его таланта. Но, конечно, онъ не ожидаетъ и самъ, чтобы всѣ, привыкшіе видѣть объясняемыя имъ событія совершенно въ другомъ свѣтѣ, съ перваго же раза отказались отъ мнѣній, которыя такъ издавна были приняты историками, и, по видимому, такъ просто и удовлетворительно объясняли ходъ дѣла. Мы готовы признать, что взглядъ г. Стасюлевича гораздо глубокомысленнѣе обыкновеннаго взгляда, напомянуть о которомъ мы считаемъ нужнымъ; потому и легко намъ сознаться, что основанія, на которыхъ построены заключенія г. Стасюлевича, часто остаются для насъ нѣсколько темными. Если сопоставленіе фактовъ и обыкновенныхъ понятій съ «совершенно новыми результатами», до которыхъ, по собственному справедливому замѣчанію, дошелъ г. Стасюлевичъ, хотя нѣсколько будетъ способствовать отстраненію этой темноты, мы почтемъ себя достигшими нашей цѣли.

Что побудило Мухаммеда II предпринять осаду Константинополя съ рѣшительнымъ намѣреніемъ взять его? Это существеннѣйшій вопросъ для г. Стасюлевича, и онъ разрѣшаетъ его такъ:

«Магометъ II... видѣлъ... что дѣло идетъ вовсе не о независимости Византіи: что эта независимость есть одно громкое слово. Магометъ II увидѣлъ, что вопросъ состоитъ не въ томъ, быть или не быть Византіи независимою: другое занимало латинцевъ: кто долженъ владѣть Константинополемъ? они, или турки? а при такомъ вопросѣ Магометъ II хотѣлъ рѣшить его въ свою пользу. Его опытность и примѣръ прошедшаго убѣдили, что при миролюбивой и строгой честности его отца, Мурата II, кознямъ латинцевъ не будетъ конца, что они вѣчно будутъ хлопотать о независимости Византіи, пока не овладѣютъ ею сами и въ личинѣ защитниковъ греческой независимости останутся претендентами на овладѣніе Византіи. Магометъ II созналъ, что латинцы ищутъ господства на востокѣ, и слѣдовательно стремятся съ нимъ къ одной и той же цѣли и потому рѣшился предупредить ихъ. Вотъ оттого-то Магомету и не спалось съ тѣхъ поръ по цѣлымъ ночамъ и онъ только и думалъ о томъ, какимъ бы образомъ достигнуть своей цѣли».

Итакъ Мухаммедъ II вовсе не былъ врагомъ Византійской имперіи; онъ напалъ на Византію только для того, чтобъ изгнать изъ нея латинцевъ. Не опасайся онъ, что латинцы овладѣютъ Византіею, онъ и не подумалъ бы завоевать ее.

Но самъ г. Стасюлевичъ говоритъ, что греки ненавидѣли латинцевъ; что вступали съ ними въ союзъ, всегда ненавистный для грековъ, и мгновенный, только потому, что должны были искать какихъ бы то ни было союзниковъ, хотябъ и ненавистныхъ, для защиты Константинополя отъ турокъ, и какъ скоро была хоть малѣйшая надежда на спокойствіе со стороны турокъ, греки разрывали союзъ съ латинцами, и давали полный просторъ своей ненависти къ нимъ. Не ясное ли дѣло, что г. Стасюлевичъ, въ приведенномъ выше объясненіи, причину (вражду Магомета) ставитъ слѣдствіемъ, а слѣдствіе (минутный и насильственный союзъ съ латинами) причиною? Всѣ факты въ его собственной книгѣ противорѣчатъ его объясненію. Онъ самъ говоритъ, что греки не питали ненависти къ туркамъ, а смертельно ненавидѣли латинъ; еслибъ Мухаммедъ II хотѣлъ уничтожить латинское вліяніе въ Византіи, онъ достигъ бы этого (какъ много разъ и случалось прежде), давъ хотя минуту спокойствія Византіи.

И неужели можно думать, что Мухаммедъ II не желалъ завоевать Византію, а былъ принужденъ къ тому? Это необыкновенно странно. Турки только и жили

завоеваніями, разширеніе границъ было единственною мыслью ихъ. И не проще ли всего думать, что постепенно отнимая одну область за другою у православныхъ (грековъ и сербовъ) на Балканскомъ полуостровѣ, турки думали просто о завоеваніи этихъ областей, о грабежѣ, дани и владычествѣ, а не о томъ, пріятно или непріятно это будетъ латинамъ. Кажется, очень натурально думать, какъ и доказываютъ всѣ безъ исключенія факты турецкой исторіи XV—XVI столѣтій, что турки, дѣлая завоеванія, искали именно добычи и завоеваній. Неужели стремленіе завоевать послѣдній городъ, остававшійся у грековъ, не было естественнымъ слѣдствіемъ завоеванія всѣхъ греческихъ областей? И могъ ли честолюбивый Мухаммедъ II быть покоенъ, пока не завоевана имъ столица завоеваннаго царства?

Противъ латинянъ или противъ грековъ велъ Мухаммедъ II осаду Константинополя, кажется очень ясно видно изъ того, что онъ осаждалъ греческую часть города, а съ латинскимъ предмѣстьемъ его, Галатою, и не думалъ начинать вражды. Г. Стасюлевичъ самъ прекрасно это говоритъ: ближайшіе «сосѣди осажденныхъ грековъ, Галатскіе генуэзцы поступили коварно: они объ- «явили себя нейтральными, а во время осады даже помогали тайно туркамъ».

Далѣе слѣдуетъ вопросъ: отчего осада Византіи была такъ продолжительна? Это совершенно объясняется тѣмъ, что Византія была крѣпость довольно сильная и въ неприступномъ почти мѣстоположеніи, а турки не умѣли осаждать крѣпостей не только тогда, но и нынѣ. А тогда они, кромѣ того, не умѣли даже и стрѣлять изъ пушекъ—все это говорится у самаго г. Стасюлевича на каждой страницѣ. Можно ли скоро взять крѣпость, не умѣя стрѣлять изъ пушекъ? Кажется, это объясненіе совершенно достаточно. Но г. Стасюлевичъ имъ не доволенъ. Причиною медленнаго хода осады онъ полагаетъ то, что верховный визирь, Халиль-паша, съ вѣдома султана помогалъ грекамъ и противился султану, во всемъ, будто бы равный равному. Халиль-паша могъ считать осаду Византіи предпріятіемъ ошибочнымъ, могъ благопріятствовать грекамъ, но противиться султану! —за это онъ былъ бы казненъ и по нынѣшнимъ европейскимъ законамъ, нетолько по турецкимъ обычаямъ, былъ бы казненъ самымъ хладнокровнымъ полководцемъ, нетолько неукротимымъ Мухамметомъ II. Напрасно г. Стасюлевичъ безъ всякой критики принимаетъ за положительный фактъ каждое реторическое выраженіе, находимое у греческихъ писателей. Онъ впрочемъ постоянно высказываетъ слишкомъ некритическую довѣрчивость каждому ихъ слову. Такъ, выписывая изъ греческаго лѣтописца длинные разговоры султана съ тѣмъ или другимъ визиремъ, онъ постоянно предполагаетъ, что разговоръ этотъ записанъ съ дипломатическою точностью, будто бы лѣтописецъ самъ присутствовалъ въ палаткѣ султана,—возможна ли такая довѣрчивость? Кто имѣетъ понятіе о византійскихъ историкахъ, знаетъ, что они сами сочиняли разговоры, иногда по темнымъ слухамъ о ихъ содержаніи, иногда просто на основаніи слуха, что былъ разговоръ неизвѣстно о чемъ, иногда наконецъ просто по собственному соображенію. Таковъ былъ ихъ способъ изложенія. Съ нимъ знакомъ всякій, кто раскрывалъ не только какого нибудь византійца, но хотя нашего Нестора.

Точно такъ же г. Стасюлевичъ съ совершенною довѣрчивостью принимаетъ всѣ слухи и толки, носившіеся между легковѣрными греками и записанные хотя въ одномъ изъ его источниковъ. Нѣкоторая критика здѣсь была бы умѣстна. Конечно, она лишила бы разсказъ г. Стасюлевича многихъ драматическихъ страницъ и ро-

маническихъ подробностей; а г. Стасюлевичъ прекрасно ихъ передаетъ; потому почти не жалѣемъ о недостаткѣ этой изсушающей критики. Мы готовы предоставить ее людямъ невладѣющимъ даромъ разсказа, не проникнутымъ пылкостью одушевленія. Скажемъ однако, что если для исторіи осажденныхъ главнѣйшимъ источникомъ должны служить византійцы, то для исторіи осаждающаго войска не безполезно было бы пользоваться также извѣстіями турецкихъ лѣтописцевъ, сообщенными у разныхъ новѣйшихъ историковъ. Быть можетъ также не безполезно было бы обратить болѣе вниманія не только на изложеніе фактовъ (это дѣлаетъ г. Стасюлевичъ) но и на соображенія новѣйшихъ историковъ—тогда противуположныя имъ мнѣнія г. Стасюлевича быть можетъ получили бы болѣе широты.

Несмотря однако на всѣ высказанныя нами замѣчанія, мы должны назвать брошюру г. Стасюлевича сочиненіемъ замѣчательнымъ и прекраснымъ во многихъ отношеніяхъ. Его прекрасный разсказъ пріятно разнообразится многими превосходными эпизодами, изъ которыхъ выбираемъ слѣдующій, очень характерическій. Подробно описывая занимательное и важное для завоеванія Константинополя, путешествіе Франтцы въ Иберію (Грузію), г. Стасюлевичъ говоритъ, что Франтца «часто вступалъ въ разговоры» съ туземцами.

Особенно замѣчательна одна бесѣда его съ столѣтнимъ старцемъ Ефраимомъ, уроженцемъ какого-то Иберійскаго города (названіе его осталось неразобраннымъ въ манускриптѣ). Ефраимъ былъ взятъ въ плѣнъ еще отрокомъ и проданъ варварами во внутреннія области Персіи. Господинъ Ефраима занимался торговлею съ Индіею и бралъ его часто съ собою по торговымъ дѣламъ. Въ одно изъ такихъ путешествій плѣнникъ убѣжалъ и, долго скитаясь по различнымъ пустынямъ, прибылъ на какой-то островъ, гдѣ жили Макробіи, т. е. долговѣчные; такъ они назывались потому, что каждый изъ нихъ жилъ не менѣе 150 лѣтъ. Такой долговѣчности содѣйствовалъ климатъ страны, въ которой круглый годъ не сходили съ деревьевъ плоды: одни цвѣли, другіе наливались, а третьи уже созрѣвали. Тамъ росли индѣйскіе орѣхи, находился магнитный камень и тамъ же бралъ начало Нилъ. Въ іюлѣ и августѣ въ этой странѣ наставало болѣе холодное время, потому, объясняетъ Ефраимъ, что солнце обращалось тогда къ нашему сѣверному полушарію; здѣсь и заключается причина, продолжалъ разсказчикъ, почему въ эти два мѣсяца Нилъ выступаетъ изъ своихъ береговъ. До прихода въ эту страну, Ефраимъ долженъ былъ переправиться черезъ какую-то рѣку, весьма опасную по своимъ Амфибіямъ, которыя на туземномъ языкѣ называются «зубастые тираны» (odontotyrannoi) и которыя могутъ пожрать цѣлаго слона. Много было и другихъ тамъ ужасныхъ звѣрей: попадались змѣи въ 70 футовъ длины, ночницы величиною съ ворона, и мухи—съ воробья. Слоновъ было тамъ такъ много, какъ у насъ быковъ или овецъ, и они паслись стадами. Проживъ нѣсколько лѣтъ у Макробіевъ и изучивъ ихъ языкъ, Ефраимъ пожелалъ возвратиться домой. Туземцы указали ему дорогу къ одному приморскому мѣстечку, гдѣ приставали корабли, идущіе изъ Индіи съ ароматами. Ефраимъ нашелъ въ гавани Испанскій корабль, на которомъ онъ и прибылъ въ Португалію; оттуда странникъ переѣхалъ въ Англію, и потомъ чрезъ Германію возвратился на родину въ Иберію, нашу Грузію. Это путешествіе Ефраима кругомъ тогдашняго свѣта и его странствованіе по внутренней Африкѣ отъ истоковъ Нила къ берегамъ Атлантическаго Океана, только что открытымъ португальцами, принадлежало бы къ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ среднихъ вѣковъ, если бы Франтца, увлеченный собственнымъ дѣломъ, не поскупился на его описаніе (стр. 29—30).

Дѣйствительно, этотъ отрывокъ въ брошюрѣ г. Стасюлевича очень замѣчателенъ. Многіе другіе не уступаютъ ему; повторяемъ, «Осада и взятіе Византіи Турками», книжка очень занимательная и ученая.

КРИТИКА.

Сочиненія Пушкина

съ приложеніемъ матеріаловъ для его біографіи, портрета, снимковъ съ его почерка и его рисунковъ и проч. изданіе *П. В. Анненкова*, Спб. 1855.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нетерпѣливое ожиданіе, настоятельная потребность русской публики наконецъ удовлетворяется. Два первые тома новаго изданія твореній великаго нашего поэта явились въ свѣтъ; остальные томы скоро послѣдуютъ за ними.

Событіями, радостными для всѣхъ образованныхъ людей русской земли, ознаменовано начало 1855 года: въ одной столицѣ юбилей Московскаго Университета, столь много участвовавшаго въ распространеніи просвѣщенія, столь много содѣйствовавшаго развитію науки въ Россіи; въ другой столицѣ—достойное изданіе твореній великаго писателя, имѣвшаго такое вліяніе на образованіе всей русской публики—какія торжества для русской науки и литературы!

Вполнѣ понимая всю важность такого событія, какъ изданіе сочиненій Пушкина спѣшимъ отдать о немъ отчетъ публикѣ.

Мы не будемъ говорить о значеніи Пушкина въ исторіи нашего общественнаго развитія и нашей литературы; не будемъ и разсматривать съ эстетической точки зрѣнія существенныя качества его произведеній. На сколько то возможно для настоящаго времени, историческое значеніе Пушкина и художественное достоинство его твореній ужь оцѣнено и публикою и критикою. Пройдутъ годы прежде, нежели другія литературныя явленія измѣнятъ настоящія понятія публики о поэтѣ, который навсегда останется великимъ. Потому пройдутъ годы прежде, нежели критика будетъ въ состояніи сказать о его твореніяхъ что-нибудь новое. Мы можемъ теперь только изучать, личность и дѣятельность Пушкина на основаніи данныхъ, представляемыхъ новымъ изданіемъ.

Мы не будемъ обращать вниманія и на неизбѣжные недостатки новаго изданія. Мы можемъ говорить только о томъ, что даетъ намъ издатель, и до какой степени удовлетворительно исполняетъ онъ то, что могъ исполнить.

Итакъ, прежде всего скажемъ о системѣ и границахъ новаго изданія.

Основаніемъ ему послужило посмертное изданіе «Сочиненій Александра Пушкина» въ 11 томахъ. Но это посмертное изданіе, какъ извѣстно, было сдѣлано небрежно, по дурной системѣ, съ пропусками многихъ произведеній, съ неправильностями въ текстѣ, съ произвольнымъ и часто ошибочнымъ расположеніемъ произведеній по рубрикамъ, которыя только затрудняли изученіе и самыхъ сочиненій и постепеннаго развитія генія Пушкина. Потому обязанностью г. Анненкова было исправленіе недостатковъ въ новомъ изданіи. Онъ говоритъ объ этомъ такъ:

Первою заботой новаго изданія должно было сдѣлаться исправленіе текста изданія предшествующаго; но это, по важности задачи, не могло произойти иначе, какъ съ представленіемъ доказательствъ на право поправки или измѣненія. Отсюда система примѣчаній, допущенная въ настоящее изданіе. Каждое изъ произведеній поэта, безъ исключенія, снабжено указаніемъ, гдѣ впервые оно явилось, какіе варіанты получило въ другихъ редакціяхъ при жизни поэта, и въ какомъ отношеніи съ текстомъ этихъ редакцій находится текстъ новаго изданія. Читатель имѣетъ, такимъ образомъ, по возможности, исторію внѣшнихъ и, отчасти, внутреннихъ измѣненій, полученныхъ въ разныя эпохи каждымъ произведеніемъ, и по ней можетъ исправить недосмотры посмертнаго изданія, изъ коихъ наиболѣе яркіе исправлены уже и издателемъ предлагаемаго собранія сочиненій Пушкина. Многія изъ стихотвореній и статей поэта (особенно тѣ, которыя явились въ печати послѣ смерти его) сличены съ рукописями и по нимъ указаны числовыя помѣтки автора, его первыя мысли и намѣренія. (Предисловіе къ II тому).

За исправленіемъ текста послѣдовало дополненіе его: издатель воспользовался всѣми указаніями о пропущенныхъ въ посмертномъ изданіи произведеніяхъ Пушкина, когда либо напечатанныхъ, пересмотрѣлъ всѣ альманахи и журналы, въ которыхъ Пушкинъ помѣщалъ свои стихотворенія и статьи; но этимъ не ограничились пополненія: въ распоряженіе издателя поступили всѣ бумаги, оставшіяся послѣ Пушкина, и онъ извлекъ изъ нихъ все, что еще оставалось неизвѣстнымъ публикѣ. Наконецъ къ библіографическимъ примѣчаніямъ и варіантамъ, о которыхъ говорили мы выше, прибавилъ онъ вездѣ, гдѣ могъ, объясненіе случаевъ и поводовъ, по которымъ было написано извѣстное произведеніе.

Вмѣсто прежняго спутаннаго и произвольнаго раздѣленія по мелкимъ и неточнымъ рубрикамъ, составлявшаго одинъ изъ существенныхъ недостатковъ посмертнаго изданія, принялъ онъ строгій хронологическій порядокъ, съ распредѣленіемъ произведеній по немногимъ отдѣламъ, которые приняты во всѣхъ лучшихъ европейскихъ изданіяхъ классическихъ писателей и указываются удобствомъ для читателей, эстетическими понятіями и сущностью дѣла.

I. Стихотворенія. Отдѣлъ первый — лирическія, отдѣлъ второй — эпическія, — отдѣлъ третій — драматическія произведенія.

II. Проза. Отдѣлъ первый — Записка Пушкина: а) Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ; b) Остатки записокъ Пушкина въ строгомъ смыслѣ (автобіографическихъ); c) Мысли и замѣчанія; d) Критическія замѣтки; e) Анекдоты собранные Пушкинымъ; f) Путешествіе въ Арзрумъ. Отдѣлъ второй — романы и повѣсти (здѣсь же и «Сцены изъ рыцарскихъ временъ»). Отдѣлъ третій — журнальныя статьи, напечатанныя въ посмертномъ изданіи и напечатанныя въ журналахъ, но не вошедшія въ посмертное изданіе (одиннадцать статей). Отдѣлъ четвертый — Исторія Пугачевскаго бунта съ приложеніями и невошедшею въ посмертное изданіе антикритическою статьею по поводу этого сочиненія.

Затѣмъ (говоритъ издатель) въ рукописяхъ Пушкина отыскано множество отрывковъ, какъ стихотворныхъ, такъ и прозаическихъ, нѣкоторое число небольшихъ пьесъ и продолженія или дополненія его произведеній. Всѣ эти остатки помѣщены въ «Матеріалахъ для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина» и въ приложеніяхъ къ нимъ.

Объяснивъ такимъ образомъ порядокъ и систему, положенныя въ основаніи новаго Сборника, издатель нисколько не скрываетъ отъ себя, что найдется еще много упущеній и недосмотровъ, какъ въ примѣчаніяхъ къ произведеніяхъ нашего автора, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Со всѣмъ тѣмъ издатель смѣетъ питать надежду, что при системѣ, взятой для новаго изданія, всякая поправка свѣдущей и благонамѣренной критики скорѣе можетъ быть приложена къ дѣлу, чѣмъ прежде. Арена для библіографической, филологической и исторической критики открыта. Общимъ дѣйствіемъ людей опытныхъ и добросовѣстныхъ ускорится время изданія сочиненій народнаго писателя нашего вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ (Предисловіе къ II тому).

Критика новаго изданія должна согласиться съ этою скромною и безпристрастною его оцѣнкою, данною самимъ издателемъ. Оно лучшее изданіе, какое могло быть сдѣлано въ настоящее время: недостатки его неизбѣжны, достоинства его—огромны, и вся русская публика будетъ благодарна за нихъ издателю.

Изъ вышедшихъ двухъ первыхъ томовъ новаго изданія, первый заключаетъ въ себѣ «Матеріалы для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина» съ его портретомъ (гравиров. Уткинымъ, въ 1838 году) и слѣдующими приложеніями: 1) Родословная А. С. Пушкина; 2) Сказки (три) Арины Родіоновны, записанныя Пушкинымъ, 3) Французскія письма (два) Пушкина по поводу «Бориса Годунова»; 4) и 5) Послѣднія минуты Пушкина, описанныя Жуковскимъ, и выписка изъ біографіи Пушкина, составленной г. Бантышемъ-Каменскимъ; 6) Пушкинскій переводъ XXIII пѣсни Аріостова Orlando Furioso (строфы 100—112); 7) Дополнительныя октавы къ повѣсти «Домикъ въ Коломнѣ» (15 октавъ); 8) Продолженіе повѣсти «Рославлевъ»; 9) Замѣчанія на Слово о Полку Игоревѣ. Второе, третье, шестое, седьмое, восьмое и девятое приложенія въ первый разъ являются въ печати. Наконецъ къ этому тому приложены семь fac-simile Пушкина: 1) Почеркъ его въ 1815 г.; 2) Почеркъ его въ 1821 г.; 3) Листокъ изъ тетради, содержащій первый оригиналъ «Полтавы»; 4) Тотъ же листокъ, начисто переписанный; 5) Рисунокъ съ послѣдней страницы сказки: «Купецъ Остолопъ»; 6) Рисунокъ, сдѣланный Пушкинымъ при повѣсти «Домикъ въ Коломнѣ»; 7) проектъ заглавнаго листа для драмъ и драматическихъ отрывковъ. Эти снимки исполнены прекрасно.

Второй томъ заключаетъ лирическія стихотворенія Пушкина съ 1814 по 1830 годъ (включительно) съ примѣчаніями издателя.

Прежде, нежели займемся подробнымъ разсмотрѣніемъ изданныхъ томовъ, скажемъ нѣсколько словъ о внѣшнемъ видѣ изданія. Форматъ его—большое in-octavo, нѣсколько болѣе формата нашихъ журналовъ. Шрифтъ текста очень удобный для чтенія, крупный и убористый. Сообразно формату, томы имѣютъ приличную полноту—болѣе тридцати печатныхъ листовъ каждый; такъ что вообще внѣшній видъ изданія должно назвать приличнымъ и удовлетворительнымъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію содержанія изданныхъ томовъ, и во-первыхъ, къ изученію «Матеріаловъ для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина», составленныхъ издателемъ, г. П. В. Анненковымъ, и занимающихъ первый томъ.

Значеніе и достоинства біографіи А. С. Пушкина, составленной г. Анненковымъ, полнѣе будутъ выказываться самымъ изученіемъ ея содержанія, которое представляютъ наши статьи: теперь же скажемъ о ея характерѣ только нѣсколько словъ. Это первый трудъ, который надлежащимъ образомъ удовлетворяетъ столь сильно развившемуся въ послѣднее время стремленію русской публики познакомиться съ личностями дѣятелей русской литературы и образованности. Потребность эта ужь вызвала довольно много монографій, отличающихся основательностью и подробностью библіографическихъ и біографическихъ изслѣдованій. Публика приняла эти первые опыты съ живымъ сочувствіемъ, но не могла не видѣть въ нихъ важныхъ недостатковъ. Какъ и всякое новое направленіе, стремленіе къ подробнымъ и точнымъ изслѣдованіямъ отечественной литературы было неумѣренно въ своихъ проявленіяхъ. Каждая личность, почему-нибудь обращавшая на себя вниманіе трудолюбивыхъ изыскателей, казалась имъ необыкновенно важною, заслуживающею самыхъ подробныхъ трактацій; каждый новый фактъ, ими отысканный, имъ казался чрезвычайно интереснымъ для всей публики, какъ бы мелоченъ въ сущности ни былъ. Потому почти всѣ монографіи, являвшіяся въ послѣднее время, страдали важными недостатками и по содержанію и по формѣ. Растерявшись во множествѣ мелочныхъ подробностей, каждый авторъ былъ не въ силахъ обработать предметъ съ общей точки зрѣнія, и обременялъ свою статью безчисленными библіографическими подробностями, среди которыхъ утомленный читатель совершенно запутывался; вмѣсто цѣльныхъ трудовъ давались публикѣ отрывки черновыхъ работъ, со всѣми мелочными сличеніями буквъ и стиховъ, среди которыхъ или тонула, или принимала несвойственные ей размѣры всякая общая мысль. Однимъ словомъ, вмѣсто изслѣдованій о замѣчательныхъ явленіяхъ литературы, представлялись публикѣ отрывочныя изысканія о маловажныхъ фактахъ: вмѣсто ученаго труда въ его окончательной формѣ представлялся весь необозримый для читателя процессъ механической предварительной работы, которая только должна служить основаніемъ для картинъ и выводовъ, изъ нея возникающихъ. Не такова біографія Пушкина, которую будетъ читать русская публика при новомъ изданіи его твореній. Она говоритъ не о какой нибудь темной личности, которая привлекла вниманіе изслѣдователя только потому, что была забыта, но забыта была только потому, что не заслуживала вниманія потомства. Творенія Пушкина, создавшія новую русскую литературу, образовавшія новую русскую публику, будутъ жить вѣчно, и вмѣстѣ съ ними незабвенною навѣки останется личность Пушкина. Важный трудъ, который знакомитъ насъ съ нею, представляется г. Анненковымъ въ совершенно обработанной литературной формѣ. Кропотливая мелочная работа сличеній и поисковъ, ему предшествовавшая не выставляется на первомъ планѣ, затемняя для читателя черты великаго писателя и его трудовъ; изслѣдователь даетъ намъ завершенную картину жизни и творчества Пушкина. Сличенія годовъ, буквъ и отдѣльныхъ стиховъ отнесены въ примѣчанія, если нужны для полноты; составитель біографіи далъ читателямъ не черновыя свои бумаги, а жизнеописаніе, возведенное окончательною обработкою къ формѣ литературнаго произведенія. Его работа должна послужить для нашихъ изслѣдователей исторіи литературы образцомъ біографій.

Приступимъ же къ ея изученію, чтобы ближе познакомиться съ Пушкинымъ. Не будемъ при этомъ утомлять читателей сличеніемъ матеріаловъ, представляемыхъ г. Анненковымъ, съ прежними статьями и отрывками о жизни Пушкина, разбросанными по журналамъ, потому что всѣ эти отрывки теряютъ теперь свою важность. Мы коснемся этого впослѣдствіи—и то въ такомъ только случаѣ, если откроемъ въ трудѣ г. Анненкова какое-либо значительное упущеніе, которое будемъ въ состояніи пополнить съ помощью новыхъ матеріаловъ.

О дѣтствѣ и лицейскихъ годахъ жизни Пушкина было въ послѣднее время сообщено русской публикѣ много свѣдѣній; потому не будемъ долго останавливаться на этомъ періодѣ, и передадимъ читателямъ только немногія изъ интересныхъ подробностей, представляемыхъ новою біографіею.

Многія черты въ характерѣ Александра Сергѣевича перешли къ нему по наслѣдству отъ Сергѣя Львовича. Отецъ поэта былъ блестящій, остроумный, неистощимый собесѣдникъ и съ увлеченіемъ предавался удовольствіямъ общества: беззаботность его характера доходила до разсѣянности, о которой г. Анненковъ приводитъ два анекдота. Однажды Сергѣй Львовичъ, любившій, сидя у камелька мѣшать огонь, явился на разводъ съ обгорѣлою тростью, и получивъ за это отъ начальника замѣчаніе: «ужъ вамъ бы, г. поручикъ, лучше явиться съ кочергою на ученье» жаловался потомъ женѣ на тяжесть военной службы. Въ другой разъ, отправляясь на придворный балъ, онъ позабылъ перчатки и потому не могъ танцовать. Изъ анекдотовъ о его остроумныхъ отвѣтахъ приведемъ слѣдующій. Какая-то очень полная иностранка вздумала въ насмѣшку спросить его: «правда ли, mr. Пушкинъ, что вы, русскіе, людоѣды и ѣдите медвѣдей?» «Нѣтъ, Madame, отвѣчалъ Сергѣй Львовичъ: мы ѣдимъ коровъ, какъ напримѣръ вы».

До семи лѣтъ А. С. Пушкинъ своею вялостью, тучностью, неповоротливостью, неподвижностью приводилъ въ отчаяніе родныхъ; потому отъ него не ожидали ничего въ будущемъ, потому даже не столько ласкали его, какъ сестру и младшаго брата. Учился онъ плохо, надѣясь на свою огромную память, повторялъ уроки за сестрой, когда ее спрашивали прежде, и не могъ ничего отвѣчать, когда спрашивали его первымъ. Но съ девятаго года развилась у него страсть къ чтенію: онъ день и ночь проводилъ въ библіотекѣ отца, наполненной французскими писателями XVII и XVIII столѣтій. Скоро пробудилась у него и страсть къ авторству. Все его воспитаніе было ведено на французскомъ языкѣ; отецъ поэта писалъ множество легкихъ французскихъ стиховъ для развлеченія въ обществѣ: потому и молодой Пушкинъ началъ писать не по русски, а по французски. Сначала импровизировалъ онъ комедіи въ мольеровскомъ родѣ, потомъ задумалъ шутливую поэму въ 6 пѣсняхъ, описывавшую битвы карликовъ и карлицъ—она была сожжена обидѣвшимся авторомъ, когда учитель расхохотался, прочитавъ первыя страницы; но начало поэмы сохранилось въ памяти читавшихъ:

Je chante ce combat, que Toly remporta
Ou maint guerrier périt, ou Paul se signala.
Nicolas Maturin et la belle Nitouche,
Dont la main fut le prix d'une horrible éscarmouche.

Вотъ первые стихи, оставшіеся намъ отъ дѣтства Пушкина. Ему въ это время могло быть около десяти лѣтъ. Французскія стихотворенія продолжалъ онъ писать и въ Лицеѣ. Слѣды пріобрѣтенной въ дѣтствѣ привычки писать и думать по фран-

пузски остались въ Пушкинѣ на всю жизнь; изъ множества примѣровъ находимыхъ въ «Матеріалахъ», приведемъ нѣкоторые. Не говоримъ ужь о томъ, что часто Пушкинъ писалъ къ роднымъ своимъ французскія письма (Сергѣй Львовичъ выражаетъ свое радостное согласіе на бракъ сына также французскимъ письмомъ); еще замѣчательнѣе то, что въ русскихъ письмахъ, даже въ замѣткахъ, набросанныхъ въ черновыхъ тетрадяхъ для памяти, Пушкинъ безпрестанно перемѣшиваетъ русскія фразы съ французскими. Г. Анненковъ говоритъ:

Въ бѣглыхъ замѣткахъ, написанныхъ для себя наскоро, чудно мѣшаются у него оба языка, смотря потому, какой пришелъ первый на мысль... Почти нѣтъ замѣтки въ его бумагахъ безъ галлицизмовъ и французскихъ фразъ. Вотъ, напримѣръ, замѣчательный образецъ этого смѣшенія: «Главная прелесть романовъ W. Scot состоитъ въ томъ, что мы знакомимся «съ прошедшимъ временемъ не съ enflure фр. трагедіи, не съ чопорностью чувствительныхъ «романовъ, не съ dignité исторіи, но современно, по домашнимъ образомъ. Они не походятъ, «какъ герои французскіе на холопей, передразнивающихъ la dignité et la noblesse. Ils «sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté «de théâtral, même dans les circonstances solennelles, car les grandes circonstances leur «sont familières»... Пушкинъ сознавался, что писать по русски все-таки трудъ.

Приготовляя замѣтки, изъ которыхъ хотѣлъ составить предисловіе къ «Борису Годунову», онъ набрасываетъ ихъ по французски. Написавъ стихотвореніе «Обвалъ», онъ объясняетъ его заглавіе въ черновой тетради, прибавляя въ скобкахъ «Avalanche».

Все это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что въ комъ сильна народная стихія, въ томъ никакія иноземныя вліянія не подавятъ ее. Но несмотря на французское воспитаніе, несмотря на то, что въ кругу родныхъ его говорилось преимущественно по французски, Пушкинъ, какъ извѣстно, уже въ дѣтствѣ былъ окруженъ элементомъ народности: извѣстно, что главною представительницею этого вліянія была няня его, знаменитая Арина Родіоновна, которую потомъ прославилъ онъ въ дивныхъ, проникнутыхъ любовью, строфахъ. Безпредѣльная привязанность ея къ своему питомцу слишкомъ хорошо извѣстна; но и всему семейству Пушкиныхъ она была необыкновенно предана. Когда, продавая село Кобрино, къ которому была приписана Арина Родіоновна, Пушкины давали ей отпускную, вмѣстѣ съ ея двумя сыновьями и двумя дочерьми, она не хотѣла отойти на волю: потомъ, когда Пушкины хотѣли выкупить семейство ея дочери, Марьи, вышедшей за крестьянина села Захарова, Арина Родіоновна снова не согласилась, говоря: «Я сама была крестьянка; на что ей вольная!» Извѣстно, что отъ нея Александръ Сергѣевичъ узналъ большую часть сказокъ и пѣсенъ, которыхъ зналъ такъ много: слушая ее, проникся онъ духомъ народнаго языка. Въ 1824 году онъ пишетъ изъ деревни: «Знаешь ли мои занятія? До обѣда пишу записки, обѣдаю поздно, послѣ обѣда «ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки про«клятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки». Въ тетрадяхъ Пушкина г. Анненковъ нашелъ семь сказокъ, бѣгло записанныхъ со словъ няни. Изъ нихъ три были потомъ пересказаны имъ въ стихахъ, четвертая послужила для Жуковскаго основою сказки о царѣ Берендеѣ. Три (о царѣ Салтанѣ, о Берендеѣ, о купцѣ Остолопѣ и Балдѣ) напечатаны г. Анненковымъ въ числѣ приложеній къ біографіи. Вотъ, между прочимъ, въ какихъ словахъ записана у Пушкина присказка, изъ которой произошли знаменитые стихи предисловія, прибавленнаго ко второму изданію «Руслана и Людмилы»:

У Лукоморья дубъ зеленый;
Златая цѣпь на дубѣ томъ;
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ:
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
На лѣво—сказку говоритъ.

«У моря-лукоморья стоитъ дубъ, и на томъ дубу золотыя цѣпи, а по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ; вверхъ идетъ—сказки сказываетъ, внизъ идетъ—пѣсни поетъ». Нѣтъ надобности говорить, что Пушкинъ въ своихъ стихотворныхъ передѣлкахъ сильно измѣнялъ подробности, то отбрасывая, то прибавляя новыя. Отъ этихъ передѣланныхъ сказокъ (о царѣ Салтанѣ и проч.) къ превосходно возсозданной въ истинно народномъ духѣ сказкѣ «О Рыбакѣ и Рыбкѣ» переходъ составляютъ два отрывка другихъ, переложенные въ стихи очень близко, остававшіеся забытыми въ бумагахъ Пушкина. П. Анненковъ напечаталъ ихъ въ своихъ «Матеріалахъ». Вотъ начало первой сказки, о томъ, какъ мужикъ убилъ медвѣдицу и взялъ ея медвѣжатъ:

Какъ весенней теплой порою,
Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки
Что изъ лѣсу, лѣсу дремучаго
Выходила медвѣдица
Съ малыми дѣтушками медвѣжатами.
Поиграть, погулять, себя показать и т. д.

Но Пушкинъ знакомился съ народными сказками и пѣснями не по однимъ только разсказамъ своей няни—проникнувшись любовью къ народности, онъ и самъ входилъ въ простонародные кружки, подслушивая тамъ языкъ и пѣсни. Въ 1825 г., проводивъ до Пскова своихъ деревенскихъ сосѣдей онъ—

время пребыванія во Псковѣ посвятилъ тому, что занимало теперь преимущественно его мысли—изученію народной жизни. Онъ изыскивалъ средства для отысканія живой народной рѣчи въ самомъ ея источникѣ; ходилъ по базарамъ, терся, что называется, между людьми, и весьма почтенные люди города видѣли его переодѣтымъ въ мѣщанскій костюмъ, въ которомъ онъ даже разъ явился въ одинъ изъ почетныхъ домовъ Пскова. Не удивительно послѣ того, что П. В. Кирѣевскій, въ предисловіи къ своему «Собранію народныхъ пѣсенъ» говоритъ: «А. С. Пушкинъ доставилъ мнѣ замѣчательную «тетрадь пѣсенъ, собранныхъ имъ въ Псковской губерніи». Пушкинъ владѣлъ значительнымъ количествомъ памятниковъ народнаго языка, добытыхъ собственнымъ трудомъ.

Въ тетрадяхъ 1830 г. Анненковъ нашелъ записанными «народныя пословицы, фразы и термины старой нашей литературы», которыя и сообщаетъ въ своихъ «Матеріалахъ». Чтобы въ одномъ мѣстѣ собрать все относящееся къ этому предмету, приведемъ и понятіе самаго Пушкина о томъ, въ чемъ состоитъ народность произведеній литературы. Замѣтка его объ этомъ не окончена, но существенный смыслъ его мнѣнія ясенъ и совершенно справедливо выводится г. Анненковымъ изъ тѣхъ строкъ, которыя Пушкинъ успѣлъ написать.

«Съ нѣкотораго времени у насъ вошло въ обыкновеніе говорить о народности... Но никто не думалъ опредѣлить, что разумѣетъ онъ подъ словомъ народность. Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется полагаетъ, что народность состоитъ въ выборѣ предметовъ изъ отечественной исторіи. Другіе видятъ народность въ словахъ, оборотахъ, выраженіяхъ, т. е. радуются тому, что изъясняясь по русски, употребляютъ русскія выраженія. Народность въ писателѣ есть достоинство, которое вполнѣ можетъ быть

оцѣнено одними соотечественниками: для другихъ оно не существуетъ, или даже можетъ показаться порокомъ. Ученый нѣмецъ негодуетъ на учтивость героевъ Расина; французъ смѣется, видя въ Кальдеронѣ — Коріона, вызывающаго на дуэль своего противника и проч. Все это однакожь носитъ печать народности. Есть образъ мыслей и чувствованій, принадлежащихъ исключительно какому-нибудь народу. Климатъ, образъ жизни, вѣра, даютъ каждому народу особенную физіономію, которая болѣе или менѣе отражается и въ поэзіи. Въ Россіи...» Пушкинъ не докончилъ своей замѣтки (*прибавляетъ г. Анненковъ*), но легко видѣть, что народность онъ полагалъ естественнымъ, природнымъ качествомъ всякаго истинно замѣчательнаго писателя. Только посредственный талантъ, или выбравшій ложную почву дѣятельности ненароденъ, потому что заимствуетъ или поддѣлываетъ свой взглядъ, чувство, языкъ».

Сколькимъ людямъ, толкующимъ нынѣ о народности, нужно посовѣтовать вникнуть въ смыслъ замѣтки Пушкина, набросанной двадцать пять лѣтъ тому назадъ, при самомъ началѣ этихъ толковъ.

Соединивъ въ краткомъ извлеченіи данныя, представляемыя «Матеріалами» г. Анненкова относительно двухъ важнѣйшихъ стихій, участвовавшихъ въ первоначальномъ образованіи поэтическаго характера Пушкина —относительно французскаго воспитанія съ одной стороны, русскаго элемента съ другой, постараемся, хотя кратко, прослѣдить свѣдѣнія о жизни Пушкина, доставляемыя этою біографіею.

Мы уже сказали, что не будемъ останавливаться на годахъ, проведенныхъ въ Лицеѣ, потому что этотъ періодъ подробно извѣстенъ русской публикѣ: но приведемъ изъ записокъ шестнадцатилѣтняго поэта отрывокъ, сохранившій воспоминаніе о его юношеской, вѣроятно первой, любви, и первоначальную редакцію тѣхъ строфъ «Евгенія Онѣгина» (глава VIII), въ которыхъ Пушкинъ вспоминаетъ о своей лицейской жизни.

«29-го (*какого же мѣсяца? быть можетъ декабря 1815 г.*, потому что предъидущія выписки у г. Анненкова относятся къ 10 декабря, а тетрадь принадлежитъ, по всей вѣроятности, 1815 году).

И такъ счастливъ я былъ, и такъ я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгомъ упивался!...

И гдѣ веселья быстрый день?
Промчались летомъ сновидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья,

И снова вкругъ меня угрюмой скуки тѣнь!...

«Я счастливъ былъ! нѣтъ, я вчера не былъ счастливъ; поутру я мучился ожиданьемъ, стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу —се не было видно! Наконецъ я потерялъ надежду—вдругъ нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ... сладкая минута!

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ.
Увы, онъ зналъ любви одну лишь муку!

Жуковскій.

«Какъ она мила была! какъ черное платье пристало къ милой Б. (фамилія была написана вполнѣ, но потомъ всѣ буквы, кромѣ первой, зачеркнуты, какъ видимъ на fac-simile этого отрывка, приложенномъ въ біографіи).

«Я былъ счастливъ 5 минутъ!»

Вотъ отрывокъ изъ «Евгенія Онѣгина» въ его первобытномъ видѣ:

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно разцвѣталъ,
Читалъ охотно Елисея *)
А Цицерона проклиналъ;
Въ тѣ дни, какъ я поэмѣ рѣдкой
Не предпочелъ бы мячикъ мѣткой,
Считалъ схоластику за вздоръ
И прыгалъ въ садъ черезъ заборъ;
Когда порой бывалъ прилеженъ,
Порой лѣнивъ, порой упрямъ,
Порой лукавъ, порою прямъ,
Порой смиренъ, порой мятеженъ,
Порой печаленъ, молчаливъ,
Порой сердечно говорливъ;

II.

Когда въ забвеньи передъ классомъ
Порой терялъ я взоръ и слухъ,
И говорить старался басомъ,
И стригъ надъ губой первый пухъ,—
Въ тѣ дни... въ тѣ дни, когда впервые
Замѣтилъ я черты живыя
Прелестной дѣвы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскую безнадежно,
Томясь обманомъ пылкихъ сновъ,
Вездѣ искалъ ея слѣдовъ,
О ней задумывался нѣжно,
Весь день минутной встрѣчи ждалъ,
И счастье тайныхъ мукъ узналъ.

Послѣдняя половина второй строфы относится, быть можетъ, къ той самой страсти, о которой говоритъ отрывокъ записокъ, сейчасъ нами представленный.

По выходѣ изъ Лицея, Пушкинъ, какъ извѣстно, увлекся удовольствіями молодости, развлеченіями свѣта и кружка друзей. Крѣпкое здоровье его не могло вынесть изнурительнаго образа жизни и черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ выпуска онъ вытерпѣлъ сильную горячку (въ февралѣ 1818 года). По выздоровленіи онъ вновь предался «водовороту», его уносившему, какъ выражается г. Анненковъ. Какъ разсѣянна была его жизнь въ первые два года послѣ того, какъ онъ остался распорядителемъ своихъ дѣйствій, лучше всего свидѣтельствуетъ обстоятельство, что въ это время не велъ онъ записокъ, которыя начинаются только съ пріѣзда его въ Крымъ (въ 1820 г.). Въ Кишиневѣ и въ Одессѣ Пушкинъ также велъ жизнь разсѣянную и даже позволялъ себѣ множество шалостей. Обо всемъ этомъ писано было довольно много, потому здѣсь мы опять можемъ удовольствоваться немногими чертами. Свой эксцентрическій костюмъ въ Кишиневѣ самъ Пушкинъ описываетъ на Онѣгинѣ (въ одной изъ неизданныхъ строфъ):

*) Старинная шутливая поэма.

Носилъ онъ русскую рубаху,
Платокъ шелковый кушакомъ,
Армякъ татарскій на распашку,
И шапку съ бѣлымъ козырькомъ.
Но только симъ уборомъ чуднымъ,
Безнравственнымъ и безразсуднымъ,
Была весьма огорчена
Его сосѣдка Дурина,
А съ ней Мизинчиковъ. Евгеній,
Быть можетъ толки презиралъ,
Быть можетъ, и про нихъ не зналъ:
Но всѣхъ своихъ обыкновеній
Не измѣнялъ въ угоду имъ:
Зато былъ ближнимъ нестерпимъ.

Изъ его приключеній сообщимъ только одно: въ 1822 году Пушкинъ пропалъ изъ Кишинева на нѣсколько времени; онъ присталъ къ цыганскому табору, кочевалъ съ нимъ, доходилъ до границъ имперіи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ отрывокъ изъ «Цыганъ», не попавшій въ поэму при ея изданіи:

За ихъ лѣнивыми толпами
Въ пустынѣ, праздный, я бродилъ,
Простую пищу ихъ дѣлилъ
И засыпалъ предъ ихъ огнями...
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Ихъ пѣсней радостные гулы,
И долго милой Маріулы
Я имя нѣжное твердилъ.

Пламенные поклонники поэта, тогда уже признаннаго великимъ, съ ужасомъ смотря на такую растрату времени и силъ, по ихъ мнѣнію пагубную для таланта, съ укоризнами или горестью умоляли его покинуть шалости и развлеченія, его недостойныя, и всѣ силы души обратить на славную дѣятельность, которой ждутъ отъ него всѣ образованные русскіе. Одно изъ такихъ писемъ (на французскомъ языкѣ) уцѣлѣло въ бумагахъ Пушкина, и г. Анненковъ сообщаетъ его въ переводѣ:

Когда видишь того, кто долженъ покорять сердца людей, раболѣпствующаго передъ обычаями и привычками толпы, человѣкъ останавливается посреди пути и спрашиваетъ самого себя: почему преграждаетъ дорогу мнѣ тотъ, который впереди меня и которому слѣдовало бы сдѣлаться моимъ вожатымъ? Подобная мысль приходитъ мнѣ въ голову, когда я думаю о васъ; а я думаю о васъ много, даже до усталости. Позвольте же мнѣ идти, сдѣлайте милость. Если некогда вамъ узнавать требованія наши, углубитесь въ самого себя и въ собственной груди почерпните огонь, который несомнѣнно присутствуетъ въ каждой такой душѣ, какъ ваша.

Такія заботливыя напоминанія (прибавляетъ г. Анненковъ) Пушкинъ получалъ со всѣхъ сторонъ, до самаго 1830 года, съ котораго, какъ увидимъ, образъ его жизни совершенно измѣняется. Нельзя не сочувствовать столь благороднымъ и такъ прекрасно высказаннымъ сожалѣніямъ и требованіямъ, какія видимъ въ этомъ письмѣ; но теперь мы знаемъ, что увлеченія молодости, пагубныя для натуръ слабыхъ и односторонихъ, не повредили мощной и всесторонней натурѣ Пушкина—его геній развивался и мужалъ среди волненій юности, благодаря самымъ увлеченіямъ жизни, и мы къ нему болѣе чѣмъ ко всякому другому, можемъ отнести его же собственное восклицаніе:

Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ!

Пушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга авторомъ «Руслана и Людмилы», возвратился въ Петербургъ авторомъ «Евгенія Онѣгина и Бориса Годунова». Извѣстно, что по возвращеніи на родину, онъ до самой своей женитьбы увлекался, почти по прежнему, удовольствіями свѣта и наслажденіями молодости всякій разъ, какъ пріѣзжалъ въ Москву или Петербургъ, и неутомимо предавался труду, всякій разъ, когда уѣзжалъ въ деревню. Потому преходимъ прямо къ подробностямъ, какія сообщаетъ біографія о перемѣнѣ характера, обнаружившейся во время двухъ послѣднихъ (1829 г.) его пребываній въ Москвѣ до женитьбы. Большею частью останавливался онъ въ домѣ П. В. Н—на.

Изъ словъ П. В. Н—на можно видѣть, какъ измѣнились привычки Пушкина, какъ страсть къ свѣтскимъ развлеченіямъ, къ разнорѣчивому говору многолюдства смягчилась въ немъ потребностями *своего угла* и семейной жизни. Пушкинъ казался домосѣдомъ. Цѣлые дни проводилъ онъ въ кругу домашнихъ своего друга, на диванѣ, съ трубкой во рту и прислушиваясь къ простому разговору, въ которомъ дѣла хозяйственнаго быта стояли часто на первомъ планѣ. Надобны были даже усилія со стороны заботливаго друга его, чтобъ заставить Пушкина не перерывать своихъ знакомствъ, не скрываться отъ общества и выѣзжать. Пушкинъ слѣдовалъ совѣтамъ П. В. Н—на, нехотя: такъ уже нужда отдохновенія, начинала превозмогать всѣ другія склонности.

Однако прежняя безпокойная жажда внѣшняго разнообразія, прежняя тоска, производившая «охоту къ перемѣнѣ мѣстъ — весьма мучительное свойство», не совершенно еще изчезла въ это время: начало 1830 года было занято планами путешествій; Пушкинъ задумывалъ съѣздить за границу, а когда этотъ проектъ не исполнился, просилъ позволенія провожать въ Китай нашу миссію. Объ этомъ осталось даже воспоминаніе въ его стихахъ:

Поѣдемъ, я готовъ; куда бы вы, друзья,
Куда бъ ни вздумали, готовъ за вами я
Повсюду слѣдовать, надменной убѣгая:
Къ подножью ли стѣны далекаго Китая,
Въ кипящій ли Парижъ, туда ли наконецъ,
Гдѣ Тасса не поетъ уже ночной гребецъ и пр.

«Пушкинъ познакомился съ семействомъ Н. Н. Гончаровой еще въ 1828 году, когда будущей супругѣ его едва наступала шестнадцатая весна. Онъ былъ представленъ ей на балѣ, и тогда же сказалъ, что участь его будетъ на вѣки связана съ молодой особой, обратившей на себя общее вниманіе. Два года однакожъ протекли для Пушкина въ безпрерывныхъ трудахъ и разъѣздахъ. Въ 1830 году прибытіе части Высочайшаго Двора въ Москву, оживило столицу и сдѣлало ее средоточіемъ веселій и празднествъ. Наталья Николаевна принадлежала къ тому созвѣздію красоты, которое въ это время обращало вниманіе, и, смѣемъ сказать, удивленіе общества. Она участвовала во всѣхъ удовольствіяхъ, которыми встрѣтила древняя столица Августѣйшихъ своихъ посѣтителей, и между прочимъ въ великолѣпныхъ живыхъ картинахъ, данныхъ княземъ Д. В. Голицынымъ. Молва объ ея красотѣ и успѣхахъ достигла Петербурга, гдѣ жилъ тогда Пушкинъ. По обыкновенію своему, онъ стремительно уѣхалъ въ Москву, не объяснивъ никому своихъ намѣреній, и возобновилъ прежнія свои исканія. Въ самый день Свѣтлаго Христова Воскресенья, 21 апрѣля 1830 года, онъ сдѣлалъ предложеніе семейству Натальи Николаевны, которое и было принято».

Послѣ того отрадное спокойствіе водворилось въ душѣ Пушкина; оно, какъ замѣчаетъ г. Анненковъ, отразилось и на его произведеніяхъ. Мы не можемъ приводить здѣсь всѣхъ подробностей, и должны перейти къ новымъ свѣдѣніямъ, какія могъ сообщить г. Анненковъ о роковой дуэли.

Всѣ попытки друзей отвратить ударъ остались тщетны. Въ самый день поединка они везли обоихъ противниковъ черезъ мѣсто публичнаго гулянья, нѣсколько разъ останавливались, роняли нарочно оружіе, надѣясь еще на благодѣтельное вмѣшательство общества: но всѣ ихъ усилія и намеки остались безуспѣшны. Только по окончаніи гулянья на Каменномъ острову, одна дама, знакомая Пушкину, получивъ извѣстіе, что видѣли его и г. Дантеса, торопившихся другъ за другомъ и опоздавшихъ на общее веселье, только она догадалась о событіи и воскликнула съ живымъ выраженіемъ страха: «тутъ должно случиться несчастіе. Поѣзжайте за ними». Но уже было поздно.

Пушкинъ былъ смертельно раненъ выстрѣломъ противника, и нѣсколько мгновеній лежалъ безъ чувствъ на снѣгу. Поднявшись, онъ перемѣнилъ пистолетъ, потребовалъ чтобы противникъ, подбѣжавшій къ нему, возвратился опять на свое мѣсто, и, собравъ всѣ силы, послалъ ему выстрѣлъ. Извѣстно радостное восклицаніе Пушкина, при видѣ упавшаго соперника, легко пораженнаго имъ въ руку. Мы упоминаемъ здѣсь объ этомъ обстоятельствѣ, чтобъ показать степень страсти, овладѣвшей всѣмъ существомъ его.

Радость была напрасна. Покамѣсть противникъ садился въ сани Пушкина и отправлялся домой, самого Пушкина переносили въ карету, заранѣе приготовленную семействомъ его соперника на случай несчастія. Пушкинъ еще поглядѣлъ въ слѣдъ удаляющагося врага, и прибавилъ: «мы не все кончили съ нимъ». Но уже все было кончено, и другой рядъ болѣе возвышенныхъ, и болѣе достойныхъ мыслей ожидалъ умирающаго въ дому его.

Послѣднія минуты Пушкина, его кроткая разлука съ жизнью, его нѣжная заботливость о супругѣ, его прощеніе всѣмъ клеветникамъ и врагамъ ихъ обоихъ, извѣстны каждому русскому изъ письма Жуковскаго. Въ заключеніе интересныхъ подробностей о жизни Пушкина, заимствованныхъ нами изъ труда г. Анненкова, повторимъ его слова, что лучшая біографія поэта въ его собственныхъ произведеніяхъ, потому что у него постоянно живая связь между событіями жизни и произведеніями; г. Анненковъ говоритъ, что едва ли найдется у Пушкина хотя одно лирическое произведеніе, которое не было бы вызвано дѣйствительною жизнью: происхожденіе большей части становится ясно по соображенію «матеріаловъ» и примѣчаній новаго изданія. Въ его произведеніяхъ безпрестанно слышится живой голосъ событія, и сквозь поэтическую призму ихъ безпрестанно мелькаетъ настоящее происшествіе. Въ разныхъ мѣстахъ нашего труда, мы уже пояснили нѣкоторыя изъ его стихотвореній чертами и анекдотами изъ жизни. Подобнымъ комментаріямъ, со временемъ, могутъ быть подвергнуты почти всѣ лирическія пѣсни Пушкина. Точно также и характеръ Пушкина лучше и полнѣе всего выразился въ его произведеніяхъ. «Эта удивительная многосторонность ума и сердца, которая даетъ право сказать о немъ, какъ Баратынскій сказалъ о Гете:

. . . Ничто не оставлено имъ
Подъ солнцемъ живымъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
Что проситъ у сердца отвѣта.

Изъ смѣшенія противуположностей состоитъ весь поэтическій обликъ Пушкина», говоритъ г. Анненковъ, высказавъ уже все, что могъ сказать для раскрытія его характера: «какъ ни старались мы изложить въ посильномъ описаніи необычайно подвижныя черты его характера, но онѣ не поддаются описанію, и требуютъ, для объясненія и примиренія своего, уже творческой кисти настоящаго художника». Постараемся однако отмѣтить нѣкоторыя особенности характера и привычекъ, особенно рѣзко выступающія въ «матеріалахъ», собранныхъ г. Анненковымъ.

Живость, пылкость, впечатлительность, способность увлекаться и увлекать, горячее сердце, жаждущее любви, жаждущее дружбы, способное привязываться къ человѣку всѣми силами души, горячій темпераментъ, влекущій къ жизни, къ обществу, къ удовольствіямъ и тревогамъ; нравственное здоровье, сообщающее всѣмъ привязанностямъ и наклонностямъ какую-то свѣжую роскошность и полноту, отнимающее у самыхъ крайностей всю болѣзненность, у самыхъ прихотей, которыми такъ обильна его молодость, всякую натянутость, побѣждающее наконецъ всякія односторонніе увлеченія—эти черты въ лицѣ Пушкина ясны для всякаго, кто читалъ его произведенія, кто имѣетъ хотя малѣйшее понятіе о его жизни. Обратимся же къ другимъ, съ которыми знакомятъ насъ «Матеріалы» г. Анненкова.

Какъ Пушкинъ считалъ нужнымъ держать себя въ свѣтѣ, видимъ изъ совѣтовъ, которые даетъ онъ младшему брату, при его вступленіи въ общество. Многія изъ этихъ правилъ самъ Пушкинъ старался соблюдать, другія нарушалъ иногда только по пылкости темперамента. Вотъ въ переводѣ нѣсколько отрывковъ изъ его французскаго письма:

«Ты будешь въ сношеніяхъ съ людьми, тебѣ еще неизвѣстными: не суди о нихъ по твоему сердцу, которое благородно и добро. Будь холоденъ со всѣми... Фамильярность всегда вредна; но особенно остерегайся предаваться ей съ людьми, которые выше тебя... Не принимай никогда благодѣяній. Благодѣяніе почти всегда коварство. Не принимай протекціи, потому что она унижаетъ и подчиняетъ. Я посовѣтовалъ бы тебѣ не предаваться увлеченіямъ дружбы, но не рѣшаюсь леденить твоего сердца въ возрастѣ нѣжныхъ самообольщеній... Если состояніе не позволяетъ тебѣ жить блистательно, не старайся скрывать своей недостаточности. Скорѣе можно позволить себѣ противную крайность. Предъ суровымъ цинизмомъ склоняется общее мнѣніе, а мелкія уловки суетности дѣлаютъ человѣка смѣшнымъ. Никогда не бери въ займы; скорѣе терпи нужду. Знай, что она не такъ ужасна, какъ ее описываютъ, и далеко не такъ страшна, какъ возможность быть или показаться человѣкомъ не честнымъ».

Проповѣдуя брату осторожность въ обращеніи съ людьми, Пушкинъ самъ соблюдалъ ее, какъ человѣкъ истинно свѣтскій. Извѣстно множество примѣровъ того, какъ онъ былъ уклончивъ въ разговорѣ, поставивъ себѣ правиломъ не противорѣчить рѣзко высказанному мнѣнію и, для избѣжанія спора, отдѣлываться уступчивыми фразами или перемѣнять разговоръ. Говорятъ, что и съ людьми близкими онъ часто находилъ нужнымъ держать себя подобнымъ образомъ. «Вообще—говоритъ г. Анненковъ—онъ любилъ закрывать себя и мысль свою шуткой или такимъ оборотомъ рѣчи, который еще оставлялъ возможность сомнѣнія для слушателей, вотъ почему весьма мало людей знали Пушкина, что называется, лицомъ къ лицу». Въ замѣчаніи брату о томъ, что бѣдность вовсе не страшна, опять видны привычки самого Пушкина, который, при всей любви къ комфорту, при всемъ желаніи блистать въ обществѣ, любилъ простоту, будучи человѣкомъ истинно лучшаго тона въ этомъ, какъ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ.

Вообще Пушкинъ былъ очень простъ во всемъ, что касалось собственно до внѣшней обстановки. Одѣвался онъ очень небрежно, заботясь преимущественно только о красотѣ длинныхъ своихъ ногтей. Имѣть простую комнату для литературныхъ своихъ занятій было у него даже потребностью таланта и условіемъ производительности. Онъ не любилъ картинъ и голая сѣренькая комната давала ему болѣе вдохновенія, чѣмъ роскошный кабинетъ съ эстампами, статуями и богатой мебелью, которые обыкновенно развлекали его. Онъ довольствовался незатѣйливымъ помѣщеніемъ въ Демутовомъ трактирѣ, гдѣ обыкновенно останавливался въ пріѣздахъ своихъ въ Петербургъ. Вообще, привычки его были просты, но вкусы и наклонности уже не походили на нихъ. Такъ поздніе обѣды въ Михайловскомъ были довольно прихотливы, по собственному его

свидѣтельству... Образъ жизни его въ деревнѣ чрезвычайно напоминаетъ жизнь Онѣгина (гл. VI, строфы 37 –39, 44). Онъ также вставалъ очень рано и тотчасъ же отправлялся налегкѣ къ бѣгущей подъ горою рѣчкѣ и купался; зимой онъ, какъ и Онѣгинъ, садился въ ванну со льдомъ передъ завтракомъ... Если случалось оставаться ему одному дома безъ дѣла и гостей, Пушкинъ игралъ двумя шарами на бильярдѣ самъ съ собой, а длинные зимніе вечера проводилъ въ бесѣдахъ съ няней Ариной Родіоновной.

Несмотря на то, что Пушкинъ не былъ расточителенъ, и получалъ довольно много денегъ за свои произведенія, онъ почти постоянно нуждался. Главнѣйшею причиною этого была безпечность, неаккуратность, неопытность въ денежныхъ дѣлахъ. Можно указать и нѣкоторыя другія причины. Такъ у него выходило очень много денегъ на книги: всѣ письма его къ брату наполнены списками книгъ, покупать которыя поручалось ему. Карты также уносили много денегъ. Г. Анненковъ приводитъ изъ его записокъ слѣдующія строки, интересныя по своему простодушному тону:

15 октября 1827. Вчерашній день былъ для меня замѣчателенъ. Пріѣхавъ въ Боровичи, въ 12 часовъ утра, засталъ я проѣжающаго въ постели. Онъ металъ банкъ гусарскому офицеру. Передъ тѣмъ я обѣдалъ. При расплатѣ не достало мнѣ 5 рублей. Я поставилъ ихъ на карту. Карта за картой, проигралъ 1600 рублей. Я расплатился довольно сердито, взялъ въ займы 200 рублей и уѣхалъ очень недоволенъ самъ собой.

Но гораздо забавнѣе относящійся также къ этой страсти анекдотъ, пересказываемый г. Анненковымъ со словъ Гоголя. Гоголь, тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ (около 1829 года), еще не имѣя литературной извѣстности, отправился знакомиться съ великимъ поэтомъ, произведеніями котораго такъ восхищался еще въ школѣ:

Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ квартирѣ Пушкина, тѣмъ болѣе овладѣвала имъ робость и, наконецъ, у самыхъ дверей квартиры развилась до того, что онъ убѣжалъ въ кондитерскую и потребовалъ рюмку ликеру. Подкрѣпленный имъ, онъ снова возвратился на приступъ, смѣло позвонилъ, и на вопросъ свой: «дома ли хозяинъ», услыхалъ отвѣтъ слуги: «почиваютъ!» Было ужь поздно на дворѣ. Гоголь съ великимъ участіемъ спросилъ: «вѣрно всю ночь работалъ»: – «Какъ же, работалъ!—отвѣчалъ слуга: въ картишки игралъ». Гоголь признавался, что это былъ первый ударъ, нанесенный школьной идеализаціи его. Онъ иначе не представлялъ себѣ Пушкина до тѣхъ поръ, какъ окруженнаго постоянно облакомъ вдохновенія.

По главною причиною денежныхъ затрудненій Пушкина, повторяемъ, надобно считать его неаккуратность, беззаботность и неопытность въ дѣлахъ. Примѣровъ ея въ Матеріалахъ чрезвычайно много. Ограничимся нѣсколькими. Задумавъ издать (первое) собраніе своихъ стихотвореній, онъ въ разныя времена далъ, по забывчивости, тремъ лицамъ обѣщаніе продать это изданіе, и съ одного изъ нихъ взялъ даже 1000 рублей задатка. Впрочемъ, забывчивость Пушкина извиняться можетъ тѣмъ, что книжку эту собирался онъ издать въ теченіе цѣлыхъ шести лѣтъ! Кромѣ того, онъ собирался печатать ее также и на собственный счетъ по подпискѣ. Можно представить, сколько путаницы возникло съ этими четырьмя претензіями, когда печатаніе книжки дѣйствительно началось. Такая же безпечная неопытность проявляется и въ письмахъ его по случаю залога имѣнія въ банкѣ: Пушкинъ высказываетъ въ этомъ полнѣйшее незнаніе дѣлъ. Бывъ Опекунскаго совѣта забываетъ онъ у пріятеля въ Москвѣ, и пишетъ объ этомъ въ Post-Scriptum, такъ:

«Да сдѣлай одолженіе, перешли мнѣ опекунскій билетъ, который я оставилъ въ секретномъ твоемъ комодѣ; тамъ же выронилъ и серебряную копѣечку если и ее найдешь, и ее перешли. Ты ихъ счастью не вѣруешь, а я вѣрую.

Какъ характерна эта одинаковость тона, которымъ говорится о билетѣ и серебряной копѣечкѣ! Скоро мы будемъ говорить о томъ, какъ постоянная нужда въ деньгахъ возбуждала въ Пушкинѣ желаніе быть человѣкомъ разсчетливымъ, соблюдающимъ вездѣ свою выгоду; теперь же перейдемъ къ другой чертѣ характера —мистицизму или лучше сказать вѣрѣ въ разные предразсудки. Въ «Матеріалахъ» находимъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ, этому въ родѣ вѣры въ счастье, приносимое старыми копѣечками, въ родѣ того, что пріятель поэта, не вѣрившій силѣ серебряныхъ копѣечекъ, вѣрилъ могуществу колецъ, и подарилъ Пушкину золотое кольцо съ бирюзой, которое имѣло силу «предохранять отъ внезапной бѣды»—Пушкинъ носилъ его до самой смерти, не снимая никогда съ руки. Былъ у Пушкина и другой, покрытый какими-то знаками кабалистическій перстень, съ которымъ былъ связанъ, какъ онъ твердо вѣрилъ, его талантъ. (Это кольцо теперь находится у В. И. Даля; кольцо съ бирюзою у г. Д-са). Вотъ, наконецъ, случай, разсказанный самимъ поэтомъ г-жѣ Фуксъ:

«Вамъ, быть можетъ, кажется удивительнымъ (началъ опять говорить Пушкинъ), что я вѣрю многому невѣроятному и непостижимому. Быть такъ суевѣрнымъ заставилъ меня одинъ случай. Разъ пошелъ я съ Н. В. В. ходить по Невскому проспекту, и, изъ проказъ, зашли къ кофейной гадальщицѣ. Мы просили ее намъ погадать, и, не говоря о прошедшемъ, сказать будущее. «Вы,—сказала она мнѣ, -на этихъ дняхъ встрѣтитесь съ вашимъ давнишнимъ знакомымъ, который будетъ вамъ предлагать хорошее по службѣ мѣсто; потомъ, въ скоромъ времени, получите черезъ письмо неожиданныя деньги. А третье, я должна вамъ сказать, что вы кончите вашу жизнь неестественною смертью... Безъ сомнѣнія, я забылъ въ тотъ же день и о гаданіи и о гадальщицѣ. Но, спустя недѣли двѣ послѣ этого предсказанія, и опять на Невскомъ проспектѣ, я дѣйствительно встрѣтился съ моимъ давнишнимъ пріятелемъ, который служилъ въ Варшавѣ; онъ мнѣ предлагалъ и совѣтовалъ занять его мѣсто въ Варшавѣ. Вотъ первый разъ послѣ гаданія, когда я вспомнилъ о гадальщицѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи съ знакомымъ, я въ самомъ дѣлѣ получилъ съ почты письмо съ деньгами, и могъ ли я ожидать ихъ? Эти деньги прислалъ мой лицейскій товарищъ, съ которымъ мы, бывши еще учениками, играли въ карты, и я его объигралъ. Онъ, получивъ послѣ умершаго отца наслѣдство, прислалъ мнѣ долгъ, который я нетолько не ожидалъ, но и забылъ объ немъ. Теперь надобно сбыться третьему предсказанію, и я въ этомъ совершенно увѣренъ».

Не удивительно, что Пушкинъ вѣрилъ предразсудкамъ: разсказы няни, чудесные и таинственные, съ дѣтства овладѣли его пылкимъ воображеніемъ; кромѣ того, онъ былъ расположенъ къ мистицизму, какъ видимъ по всему; какъ ни проницателенъ былъ его природный умъ, но онъ никогда не углублялся въ отвлеченные философскіе вопросы, занятіе которыми одно можетъ удержать отъ мистицизма человѣка съ пылкимъ воображеніемъ; надобно также припомнить, что онъ имѣлъ вообще много предразсудковъ, и кромѣ относящихся къ суевѣріямъ; наконецъ онъ былъ мнителенъ — и объ этой послѣдней чертѣ его характера «Матеріалы» сообщаютъ нѣсколько данныхъ. Будучи тѣлосложенія крѣпкаго, развитаго гимнастическими упражненіями, онъ находилъ въ себѣ расположеніе къ чахоткѣ и даже ему казалось, что онъ чувствуетъ признаки аневризма въ сердцѣ. Къ числу стихотвореній, высказывающихъ это постоянное опасеніе смерти, принадлежитъ, напримѣръ,

прекрасное «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ»; именно о немъ упоминаемъ потому, что въ «Матеріалахъ» г. Анненкова напечатаны выпущенные авторомъ стихи, которые еще яснѣе извѣстныхъ читателямъ строфъ говорятъ, что Пушкинъ выразилъ въ этомъ размышленіи свою задушевную думу:

Кружусь ли я въ толпѣ мятежной,
Вкушаю ль сладостный покой;
Но мысль о смерти неизбѣжной
Вездѣ близка, вездѣ со мной...
. . . . . .
Но не вотще меня знакомитъ
Съ могилой ясная мечта
. . . . . .

А между тѣмъ, если кто нибудь, то именно Пушкинъ не долженъ былъ предаваться мрачнымъ опасеніямъ преждевременной смерти: онъ могъ разсчитывать на долгую жизнь, благодаря крѣпкой организаціи, лучшимъ доказательствомъ которой служитъ его неутомимость въ ходьбѣ; потому что, бывъ самымъ неподвижнымъ ребенкомъ въ дѣтствѣ, онъ потомъ чрезвычайно любилъ ходить пѣшкомъ, и нѣкоторыя изъ обыкновенныхъ его прогулокъ были бы подъ силу немногимъ; не говоримъ ужъ о томъ, что живучи въ 1833 году на дачѣ на Черной Рѣчкѣ, онъ ходилъ каждый день пѣшкомъ въ Архивы, и возвращался на дачу также пѣшкомъ; по возвращеніи, онъ купался, и послѣ этого ужь не чувствовалъ никакой усталости; но гораздо замѣчательнѣе этого, прогулки его пѣшкомъ изъ Петербурга въ Царское село. Онъ выходилъ изъ города поутру, выпивалъ стаканъ вина на Средней Рогаткѣ, и погулявъ еще послѣ обѣда въ садахъ Царскаго Села, возвращался вечеромъ пѣшкомъ въ Петербургъ, исходивъ такимъ образомъ въ день болѣе пятидесяти верстъ.

Извѣстно, что Пушкинъ вообще имѣлъ въ характерѣ расположеніе любить и уважать преданія; любилъ старину, былъ, если можно такъ выразиться, въ душѣ до нѣкоторой степени старинный человѣкъ. несмотря на то. что проницательный умъ, образованность и практическій взглядъ на вещи, заставляли его превосходно понимать различіе между отжившими свое время понятіями и потребностями настоящаго. Одинъ изъ поразительныхъ примѣровъ того, какъ сильно укоренялись въ его сердцѣ преданія, представляютъ его отношенія къ литературнымъ обществамъ, которыя въ первой своей молодости засталъ онъ процвѣтающими, и распаденію которыхъ, по справедливому замѣчанію г. Анненкова, самъ содѣйствовалъ болѣе всего, возведя своими произведеніями литературу на степень дѣла, принадлежащаго всему русскому обществу, а не тѣсному кружку немногочисленныхъ любителей, образовавъ десятки тысячъ читателей вмѣсто прежнихъ сотенъ, и вызвавъ къ дѣятельности сотни писателей вмѣсто прежнихъ немногихъ дилеттантовъ. Возбудивъ первыми своими стихотвореніями вниманіе Державина, Карамзина, Жуковскаго, Пушкинъ былъ тогда же принятъ въ число членовъ извѣстнаго литературнаго общества «Арзамасъ», душою котораго былъ Жуковскій; цѣлью котораго было противодѣйствіе обществу «Любителей Россійскаго слова» и ихъ устарѣлымъ литературнымъ понятіямъ. Неудивительно, если молодой писатель горячо раздѣлялъ всѣ симпатіи и антипатіи поэтовъ, которыхъ и самъ онъ считалъ своими учителями, и публика тогда еще ставила выше его. Но замѣчательно, что до конца своей

жизни Пушкинъ не переставалъ показывать въ себѣ бывшаго члена «Арзамаса». «Пушкинъ навсегда сохранилъ (говоритъ г. Анненковъ) почтеніе какъ къ лицамъ, признаннымъ авторитетами въ средѣ его, такъ и къ самому способу дѣйствованій во имя идей, обсужденныхъ цѣлымъ обществомъ... да и къ одному личному мнѣнію, становившемуся наперекоръ мнѣнію общему, уже никогда не имѣлъ уваженія». Въ этомъ отчасти надобно искать причину нелюбви его къ журналистикѣ, вліяніемъ которой замѣнилось въ послѣдствіи вліяніе литературныхъ обществъ, въ особенности къ «Московскому Телеграфу». Пушкинъ не могъ привыкнуть къ новому порядку вещей, когда журналъ пріобрѣлъ свой голосъ въ сужденіяхъ о литературѣ, не служа выраженіемъ мнѣнія тѣснаго кружка людей, коротко знакомыхъ, имѣвшихъ одни привязанности, не замѣчавшихъ или щадившихъ слабости каждаго члена своего общества, а сдѣлавшись органомъ независимаго мнѣнія, образовавшагося или начинавшаго образовываться въ массѣ публики. Въ мнѣніяхъ журналовъ, особенно «Московскаго Телеграфа», который первый обнаружилъ самостоятельность, Пушкинъ видѣлъ произволъ личнаго мнѣнія, и, говоритъ г. Анненковъ, какъ только замѣтилъ признаки новаго направленія, «началъ свою систему разсчитаннаго противодѣйствія, имѣя въ виду возвратить критику въ руки малаго, избраннаго круга писателей, уже облеченнаго уваженіемъ и довѣренностью публики». Попытку осуществить это намѣреніе надобно видѣть въ основаніи «Литературной Газеты». Можно было бы считать эти замѣчанія о вѣрности Пушкина духу прежнихъ литературныхъ обществъ предположеніемъ, еще не совсѣмъ вѣрнымъ, такъ много тутъ страннаго; но самъ Пушкинъ оставилъ доказательства того, что не напрасно мы будемъ до конца его дѣятельности видѣть въ немъ прежняго члена «Арзамаса». Извѣстно, что каждый членъ этого кружка получалъ имя, заимствованное изъ балладъ Жуковскаго: одинъ былъ названъ Громобоемъ, другой —Старушкою и т. д. А. С. Пушкину дано было имя «Сверчокъ»; въ 1830 году А. С. Пушкинъ, уже всѣми признанный первымъ поэтомъ русскимъ, затмѣвающимъ собою всѣхъ остальныхъ, помѣщая свои стихотворенія въ «Литературной Газетѣ», подписываетъ ихъ буквами *Крс.* — это перестановка сокращенной подписи *Срк.*—Сверчокъ. Итакъ Пушкинъ еще помнитъ и любитъ свое Арзамасское имя, въ то время, какъ ужь всѣ, кромѣ его, давно забыли о существованіи Арзамаса. Другой примѣръ его высокаго уваженія къ литературнымъ обществамъ: въ началѣ 1833 года избранный членомъ Россійской Академіи, президентомъ которой былъ тогда Шишковъ, и духу которой Пушкинъ, поэтому, кажется, мало могъ сочувствовать, Пушкинъ постоянно посѣщалъ еженедѣльныя собранія Академіи и «вообще весьма серьезно смотрѣлъ» на труды этого ученаго сословія.

Мысль о журналѣ, который противодѣйствовалъ бы новому положенію въ литературѣ, принятому «Московскимъ Телеграфомъ», постоянно занимала Пушкина съ 1826 года—онъ тогда уже задумывалъ основать свой собственный журналъ: но, по обыкновенію, и въ этомъ дѣлѣ былъ безпеченъ; скоро, впрочемъ, онъ былъ обрадованъ основаніемъ «Московскаго Вѣстника» (г. Погодина), душою котораго хотѣлъ быть; потомъ «Литературной Газеты», отношенія къ которой у него были еще тѣснѣе. Въ 1832 году хлопочетъ онъ о разрѣшеніи основать ежедневную газету, и, наконецъ, получаетъ позволеніе, но, скоро охладѣвъ къ своей мысли, ужь не приводитъ ее въ исполненіе. Только въ 1836, Пушкинъ дѣлается, наконецъ, редакторомъ журнала, о которомъ такъ долго мечталъ.

Вмѣстѣ съ желаніемъ имѣть органъ для выраженія своихъ литературныхъ мнѣній и противодѣйствія другимъ журналамъ, Пушкинъ, при намѣреніи основать журналъ, имѣлъ въ виду и денежную выгоду. Онъ прямо и съ какою-то особенною аффектаціею любилъ говорить, что пишетъ по внутренней потребности, для наслажденія творчествомъ (какъ это дѣйствительно и было), но печатаетъ свои произведенія только изъ единственнаго желанія получить за нихъ деньги, а вовсе не изъ потребности дѣлиться съ публикою своими чувствами или изъ желанія авторской славы (что было ужь не совсѣмъ справедливо). Въ «Матеріалахъ» г. Анненкова находимъ много мѣстъ изъ писемъ и отрывковъ Пушкина, гдѣ онъ старается увѣрить въ этомъ, даже какъ бы хвалится тѣмъ, что печатаетъ единственно для денегъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Въ 1824 году Пушкинъ пишетъ о «Бахчисарайскомъ фонтанѣ»: «Радуюсь, что мой фонтанъ шумитъ... Впрочемъ, я писалъ его единственно для себя, а печатаю потому, что деньги нужны».

П. Анненковъ нашелъ въ бумагахъ Пушкина слѣдующій отрывокъ неизданнаго стихотворенія:

На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣрной
—Смотрите! вы поэтъ; уклонкой лицемѣрной
Вы насъ морочите. Вамъ слава не нужна?
Смѣшной и суетной вамъ кажется она?
Зачѣмъ же пишете?—Я? для себя.—За что же
Печатаете вы?—Для денегъ.—Ахъ, Боже мой,
Какъ стыдно?—Почему жъ?

Интересенъ также отрывокъ изъ просьбы объ отпускѣ въ Оренбургъ и деревню; просьба эта писана въ 1833 году, когда онъ занимался «Исторіей Петра Великаго» и Исторіею пугачевскаго бунта»; романъ, о которомъ въ ней говорится — «Капитанская дочка».

Въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ занимался я одними историческими трудами, не написавъ ни одной строчки чисто литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую, и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду. Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія; но они доставляютъ мнѣ способъ проживать въ С.-Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря начальство, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную. Если угодно будетъ знать какую именно книгу хочу я дописать въ деревнѣ – это романъ, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани, и вотъ почему мнѣ хотѣлось бы посѣтить обѣ сіи губерніи.

30 іюля
Черная Рѣчка.

Пушкинъ постоянно нуждался въ деньгахъ, потому естественно долженъ былъ думать о нихъ. Припомнимъ правило, которое даетъ онъ брату: порядочный человѣкъ не старается никогда скрывать, если нуждается въ деньгахъ; напротивъ долженъ нарочно самъ обнаруживать свое затрудненіе, чтобъ импонировать своимъ «гордымъ цинизмомъ»: потому, принужденный признаваться, что живетъ деньгами, получаемыми за свои произведенія, Пушкинъ естественно приходилъ къ мысли, что ему надобно надменно твердить: «я печатаю единственно для денегъ». Охота говорить это усиливалась въ немъ оригинальнымъ отвращеніемъ отъ того, чтобъ его принимали въ обществѣ, гдѣ онъ хотѣлъ быть исключительно свѣтскимъ человѣкомъ, какъ писателя, серьезно интересующагося участью своихъ произведеній и

авторскою славою; объ этомъ будемъ мы сейчасъ говорить. Но было бы жалкимъ недоразумѣніемъ видѣть въ Пушкинѣ, по своей безпечности, неопытности въ денежныхъ дѣлахъ, постоянно нуждающемся въ деньгахъ и оттого хлопочущемъ о деньгахъ, человѣка сколько нибудь корыстолюбиваго—напротивъ мы видимъ, что часто будучи въ правѣ преслѣдовать людей, обманывавшихъ его въ коммерческомъ отношеніи, онъ этого не дѣлалъ; сердился, выражалъ свою досаду въ письмѣ къ какому нибудь пріятелю, и только. Не считаемъ нужнымъ прибавлять, что всегда онъ былъ благороднѣйшимъ человѣкомъ,—иначе и не могло быть при его характерѣ и правилахъ. Что онъ былъ щедръ и любилъ помогать, это извѣстно изъ всѣхъ его литературныхъ отношеній. Позволяемъ себѣ наконецъ привести два отрывка изъ писемъ его къ брату, который, живучи въ Петербургѣ, нѣкоторое время завѣдывалъ его дѣлами. Первое письмо было послано по полученіи извѣстія о наводненіи въ Петербургѣ:

I. Этотъ потопъ у меня съ ума нейдетъ. Если тебѣ вздумается помочь какому нибудь несчастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ: но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго (8 декабря 1824 г.)

II. (1825 г.)... P. S. Слѣпой священникъ перевелъ Сираха (см. «Инвалидъ» № такой-то), издастъ по подпискѣ; подпишись на нѣсколько экземпляровъ.

Благородное желаніе помочь и ободрить всякаго начинающаго писателя, въ которомъ замѣчалъ онъ талантъ, хорошо извѣстно. Объ отношеніяхъ Пушкина къ Гоголю излишне говорить. Многіе также знаютъ, съ какимъ радушіемъ старался онъ о литературныхъ успѣхахъ барона Розена, г-жи Буровой, какими похвалами встрѣтилъ сказку г. Ершова «Конекъ Горбунокъ», которую внимательно пересмотрѣлъ, и первые четыре стиха которой (по словамъ г. Смирдина) принадлежатъ Пушкину. Извѣстно также, какъ Пушкинъ отправился знакомиться съ Губеромъ, тогда совершенно безвѣстнымъ, услышавъ, что онъ занимается переводомъ Фауста, какъ ободрилъ Губера къ продолженію труда, который безъ Пушкина, вѣроятно, и не былъ бы оконченъ, какъ наконецъ нѣсколько дней провелъ, вмѣстѣ съ авторомъ провѣряя и поправляя переводъ. Не говоримъ ужъ о томъ, съ какою радостью привѣтствовалъ онъ каждое произведеніе тѣхъ людей, которыхъ считалъ, по своему добродушію, великими талантами.

И однакожъ, не смотря на свою пламенную любовь —даже мало этого сказать, не смотря на свою безусловную преданность литературѣ, Пушкинъ не хотѣлъ, чтобы въ обществѣ его считали литераторомъ. Приводимъ слова г. Анненкова:

Никто такъ не боялся, особенно въ обществѣ, званія поэта, какъ Пушкинъ. Обязанный лучшими минутами жизни уединенному кабинетному труду, онъ искалъ успѣховъ и торжествъ на другомъ поприщѣ, и считалъ помѣхой все, что къ нему собственно не относилось. Только въ послѣднихъ годахъ своей жизни теряетъ онъ ложный стыдъ этотъ, и является въ свѣтѣ уже какъ писатель. Въ ту эпоху, которой занимаемся (около 1828—1830 г.), всякое смѣшеніе свѣтскаго человѣка съ писателемъ наносило ему глубокое оскорбленіе. Это превосходно выражено имъ самимъ въ отрывкѣ, который предшествовалъ созданію «Египетскихъ ночей». Художественно передана тамъ, въ лицѣ Чарскаго, борьба различныхъ направленій въ одномъ человѣкѣ».

Интереснымъ слѣдствіемъ одного изъ капризовъ, рождавшихся отъ этого нежеланія Пушкина, чтобы его принимали за «сочинителя», осталась надпись на

драматическомъ отрывкѣ его «Скупой Рыцарь»—«The cavetous Knihgt, Ченстона». Не смотря на розыски, никто изъ критиковъ не могъ найти въ англійской литературѣ ни Ченстона, ни пьесы «The cavetous Knihgt». Потому предполагали, что Пушкинъ вздумалъ назвать переводомъ то, что было вовсе не переводъ, а собственное его поэтическое произведеніе. Теперь, кажется, невозможно и сомнѣваться въ этомъ. Г. Анненковъ не только самъ напрасно отыскивалъ Ченстона, и не нашелъ его, но и получилъ отъ издателей англійскаго критическаго журнала «The Athenaeum», знатоковъ старинной англійской словесности, положительное увѣреніе, что никакого англійскаго писателя Ченстона не было. Кромѣ того, въ черновой рукописи англійское имя пьесы написано и поправлено нѣсколько разъ, такъ что Пушкинъ, очевидно, придумывалъ его. Г. Анненковъ нашелъ у Пушкина и другіе случаи подобнаго приписыванія своихъ сочиненій постороннимъ лицамъ. Такъ несомнѣнно оригинальное стихотвореніе свое «Надъ лѣсистыми берегами», Пушкинъ называетъ переводомъ съ англійскаго. У одного изъ неизданныхъ стихотвореній, также оригинальнаго, сначала была сдѣлана надпись «Alfred Musset», а потомъ зачеркнута, и вмѣсто ея написано «Изъ VI Пиндамонте».

Здѣсь мы кончаемъ наши извлеченія изъ «Матеріаловъ» г. Анненкова, касательно жизни и личнаго характера Пушкина.

Теперь мы считаемъ уже излишнимъ говорить о томъ, какъ много новыхъ и чрезвычайно важныхъ свѣдѣній о великомъ поэтѣ сообщается въ біографіи, составленной г. Анненковымъ, какъ вѣрны и основательны объясненія и замѣчанія, которыя онъ дѣлаетъ—читатели могли видѣть въ нашей статьѣ довольно примѣровъ тому. Но безъ всякаго сомнѣнія интереснѣйшая часть матеріаловъ, собранныхъ г. Анненковымъ, относится къ исторіи того, какъ созидались и развивались геніемъ Пушкина его произведенія, и этимъ-то мы займемся въ слѣдующей главѣ. Въ ней постараемся мы собрать изъ «Матеріаловъ» данныя, объясняющія, если такъ можно выразиться, авторскія привычки Пушкина, его манеру писать, внѣшнюю сторону его творчества, исторію сочиненія его произведеній.—мы прежде знали объ этомъ только смутно; теперь на основаніи чрезвычайно внимательнаго разбора черновыхъ бумагъ Пушкина, г. Анненковъ сообщаетъ множество данныхъ, въ высшей степени интересныхъ. Переходомъ отъ подробностей, собранныхъ въ настоящей главѣ, къ этой исторіи созданія произведеній Пушкина, послужатъ замѣтвованныя также изъ «Матеріаловъ» г. Анненкова данныя о развитіи таланта и литературныхъ мнѣній Пушкина.

P. S. Выше сказано, что изданіе г. Анненкова обогащено нѣсколькими новыми произведеніями Пушкина въ прозѣ и стихахъ, отысканными новымъ издателемъ въ бумагахъ поэта. Между этими драгоцѣнными находками есть нѣсколько стихотвореній превосходныхъ. Мы украсили настоящую книжку «Современника» тремя пьесами Пушкина, изъ которыхъ двѣ совершенно новыя: третья (Воспоминаніе) нова только во второй половинѣ, начиная со стиха: «Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ . Первая половина напечатана еще при жизни Пушкина. Теперь эти двѣ половины, соединенныя черезъ столько лѣтъ въ одно стихотвореніе, представляютъ одну изъ лучшихъ и характернѣйшихъ лирическихъ пьесъ Пушкина, въ томъ видѣ, какъ она создалась подъ перомъ его. Въ заключеніе настоящей статьи, приводимъ еще нѣсколько стихотворныхъ отрывковъ, впервые появившихся въ изданіи Анненкова.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ОКТАВЫ ВЪ ПОВѢСТИ:

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

(въ III октавѣ).

Modo vir, modo foemina,

У насъ война! красавцы молодые,
Вы хрипуны . . . . . .
Сломали ль вы походы боевые?
Видали ль въ Персіи Ширванскій полкъ?
Ужь люди! Мелочь, старички кривые,
А въ дѣлѣ всякъ изъ нихъ, что въ стадѣ волкъ!
Всѣ съ ревомъ такъ и лѣзутъ въ бой кровавый:
Ширванскій полкъ могу сравнить съ октавой.

Поэты Юга, вымысловъ отцы,
Какихъ чудесъ съ октавой не творили?
Но мы лѣнивцы, робкіе пѣвцы,
На мелочахъ мы рифму заморили,
Могучіе намъ чужды образцы.
Мы новыхъ странъ себѣ не покорили,
И нашихъ дней изнѣженный поэтъ,
Чуть смыслитъ свой уравнивать куплетъ!

Но возвратиться все жъ я не хочу
Къ четырестопнымъ ямбамъ, мѣрѣ низкой...
Съ гекзаметромъ... О, съ нимъ я не шучу:
Онъ мнѣ не въ мочь. А стихъ Александрійской?
Ужь не его ль себѣ я залучу?
Извилистый, проворный, длинный, склизкій
И съ жаломъ даже—точная змѣя...
Мнѣ кажется, что съ нимъ управлюсь я.

Онъ вынянченъ былъ мамкою не дурой:
За нимъ смотрѣлъ степенный Буало,
Шагалъ онъ чинно, стянутъ былъ цезурой:
Но пудренной піитикѣ на зло
Растрепанъ онъ свободною цензурой;
Ученіе не впрокъ ему пошло:
Нидо съ товарищи, друзья натуры,
Его гулять пустили безъ цезуры.

О, чтобъ сказалъ поэтъ законодатель,
Гроза несчастныхъ мелкихъ рифмачей!
И ты Расинъ, безсмертный подражатель,
Пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и царей!
И ты Вольтеръ, философъ и ругатель,
И ты Делиль—Парнасскій муравей,
Чтобъ вы сказали, сей соблазнъ увидя!
Нашъ вѣкъ обидѣлъ васъ—вашъ стихъ обидя!

У насъ его недавно стали знать.
Кто первый? можете у Телеграфа
Спросить и хорошенько все узнать.

Онъ годенъ, говорятъ, для эпиграфа,
Да можно имъ порою украшать
Гробницы или мраморъ кенотафа;
До нашихъ модъ, благодаря судьбѣ,
Мнѣ дѣла нѣтъ: беру его себѣ!

(*Къ октавѣ VIII*).

И тамъ себѣ мы возимся въ грязи,
Торгуемся, бранимся такъ, что любо.
Кто въ одиночку, кто съ другимъ въ связи,
Кто просто вретъ, кто вретъ сугубо...
Но Муза никому здѣсь не грози—
Не то, тебя прижмутъ довольно грубо,
И вмѣстно лестной общей похвалы
Поставятъ въ уголъ Сѣверной Пчелы.

Иль наглою, безнравственной, мишурной,
Тебя въ Москвѣ журналы прозовутъ,
Или Газетою Литературной
Ты будешь призвана на барскій судъ:
Вѣдь нынче время споровъ, брани бурной,
Другъ на друга словесники идутъ,
Другъ друга рѣжутъ и другъ губятъ...
И хоромъ про свои побѣды трубятъ!

Блаженъ, кто издали глядитъ на всѣхъ,
И ротъ зажавъ, смѣется то надъ тѣми,
То надъ другими. Верхъ земныхъ утѣхъ
Изъ за угла смѣяться надо всѣми!
Но самъ въ толпу не суйся... или смѣхъ
Плохой ужь выйдетъ: шутками однѣми,
Тебя, какъ шапками, и врагъ и другъ,
Соединясь, всѣ закидаютъ вдругъ.

Тогда давай Богъ ноги. Потому-то
Здѣсь имя подписать я не хочу,
Порой я стихъ повертываю круто,
Все жь видно—не впервой я имъ верчу!
А какъ давно? Того и не скажу-то.
На критиковъ я ѣду, не свищу,
Какъ древній богатырь—а какъ наѣду...
Чтожь? Поклонюсь и приглашу къ обѣду.

Покáмѣсть можете принять меня
За стараго, обстрѣленнаго волка,
Или за молодого воробья,
За новичка, въ которомъ мало толка.
У васъ въ шкапу, быть можетъ, мнѣ, друзья,
Отведена особенная полка,
А, можетъ быть, впервой хочу послать
Свою тетрадку въ мокрую печать.
Ахъ, если бы меня, подъ легкой маской,
Никто въ толпѣ забавной не узналъ!
Когда бы за меня своей указкой,

Другаго строгій критикъ пощелкалъ!
Ужъ тото-бъ неожиданной развязкой
Я всѣ журналы послѣ взволновалъ!
Но полно, будетъ ли такой мнѣ праздникъ?
Насъ мало. Не укроется проказникъ!

А вѣроятно, не замѣтятъ насъ,
Меня съ октавами моими купно.
Однакожь намъ пора. Вѣдь я разсказъ
Готовилъ,—а шучу довольно крупно
И ждать напрасно заставляю васъ.
Языкъ мой, врагъ мой: все ему доступно,
Онъ обо всемъ болтать себѣ привыкъ.

Фригійскій рабъ, на рынкѣ взявъ языкъ,
Сварилъ его (у г-на Копа
Коптятъ его). Езопъ его потомъ
Принесъ на столъ... Опять, зачѣмъ Езопа
Я вплелъ съ его варенымъ языкомъ
Въ мои стихи? Что вся прочла Европа,
Нѣтъ нужды и бесѣдовать о томъ.
На силу-то, рифмачъ я безразсудной,
Отдѣлался отъ сей октавы трудной!—

Усядься муза...

МОНОЛОГЪ ПЬЯНАГО МУЖИЧКА.

Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ,
Непремѣнно ужь помянемъ
Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ,
Да Пахомовну потомъ.
Мы живали съ ними дружно;
Ужь какъ хочешь—будь что будь—
Этихъ надо помянуть,
Помянуть намъ этихъ нужно.
Поминать такъ поминать,
Начинать такъ начинать,
Лить такъ лить, разливъ разливомъ.
Начинай же сватъ, пора!
Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ
Мы помянемъ пивомъ,
А Пахомовну потомъ
Пирогами, да виномъ,
Да еще ее помянемъ—
Сказки сказывать мы станемъ.
Мастерица вѣдь была!
И откуда что брала?
А куда разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!..
Слушать-такъ душѣ отрадно;
Кто придумалъ ихъ такъ складно?
И не пилъ бы и не ѣлъ

Все бы слушалъ да глядѣлъ.
Стариковъ когда-нибудь
(Жаль, теперь намъ недосужно)
Надо будетъ помянуть.
Помянуть и этихъ нужно...
Слушай сватъ: начну первой
Сказка будетъ за тобой...
. . . . . .

Наконецъ, вотъ еще превосходный отрывокъ въ классическомъ родѣ, относящійся къ поэту Петрову, уже въ преклонной старости написавшему извѣстную оду адмиралу Н. С. Мордвинову...

Подъ хладомъ старости угрюмо угасалъ
Единый изъ сѣдыхъ орловъ Екатерины,
Въ крылахъ отяжелѣвъ, онъ небо забывалъ
И Пинда острыя вершины.
Въ то время ты вставалъ: твой лучъ его согрѣлъ.
Онъ поднялъ къ небесамъ и крылья и зеницы —
И съ шумной радостью взыгралъ и полетѣлъ,
Во срѣтенье твоей денницы.
Мордвиновъ! не вотще Петровъ тебя любилъ:
Тобой гордится онъ и на брегахъ Коцита,
Ты Лиру оправдалъ: ты ввѣкъ не измѣнилъ
Надеждамъ вѣщаго Піита...

Не смѣемъ ничего прибавлять въ похвалу этому стихотворенію, особенно первымъ двумъ строфамъ его, картинность и величественность которыхъ поразительны. За одно это стихотвореніе, еслибъ г. Анненковъ не нашелъ ничего болѣе новаго въ бумагахъ Пушкина—онъ уже заслуживалъ бы глубокой благодарности всей читающей публики. Но мы уже отчасти видѣли, что поиски г. Анненкова принесли обильные плоды, обогативъ русскую литературу нѣсколькими превосходными стихотвореніями, и давъ г. Анненкову матеріалы къ возсозданію личности великаго русскаго поэта, что яснѣе увидимъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Предыдущая глава имѣла цѣлью познакомить читателей съ планомъ и достоинствами новаго изданія твореній Пушкина, показать, какъ много новыхъ и чрезвычайно важныхъ данныхъ заключается въ «Матеріалахъ» для его біографіи, съ достосовѣстною неутомимостью собранныхъ г. Анненковымъ, какъ внимательно и проницательно г. Анненковъ старался объяснить намъ личность великаго нашего поэта; какъ основательно и осмотрительно онъ разгадываетъ черты его характера. Потому первая глава преимущественно состояла изъ выписокъ и извлеченій; мы почти ничего не прибавляли отъ себя къ разсказамъ и соображеніямъ г. Анненкова, стараясь только дать по возможности точное понятіе объ отличительныхъ качествахъ новаго изданія и прекрасной біографіи, къ нему приложенной. Теперь, исполнивъ одну часть нашей обязанности, мы можемъ заняться исполненіемъ другой, и представить нѣкоторыя мысли и примѣненія, къ которымъ подаютъ поводъ собранные въ «Матеріалахъ» факты относительно исторіи развитія произведеній Пушкина, относительно процесса ихъ постепеннаго созиданія и обработки.

Извѣстно, что Пушкинъ чрезвычайно внимательно обрабатывалъ свои произведенія, особенно писанныя стихами. Три, четыре раза онъ переписывалъ ихъ, каждый разъ то исправляя выраженія, то измѣняя характеръ и развитіе самыхъ мыслей и картинъ. Но до изданія «Матеріаловъ для біографіи А. С. Пушкина» мы знали объ этомъ только въ общихъ, смутныхъ чертахъ; теперь для насъ становится ясенъ весь характеръ и всѣ подробности этихъ работъ. П. Анненковъ чрезвычайно внимательно разсмотрѣлъ всѣ черновыя тетради Пушкина, извлекъ изъ нихъ всѣ сколько нибудь замѣчательныя различія приготовительныхъ и окончательной редакцій, и отнеся мелкіе и раздробленные факты такого рода въ примѣчанія къ каждому произведенію, собралъ важнѣйшія въ своихъ «Матеріалахъ». Ограничимся здѣсь сообщеніемъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о постепенномъ развитіи двухъ или трехъ произведеній изъ числа тѣхъ, обдумываніемъ и обработкою которыхъ особенно долго занимался поэтъ.

«Евгеній Онѣгинъ» издавался отдѣльными главами въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и между каждымъ предъидущимъ и послѣдующимъ выпусками этого романа Пушкинъ издавалъ другія произведенія, не имѣющія съ нимъ никакой связи. Но эта отрывочность изданія не даетъ еще ни малѣйшаго понятія объ отрывочности самой работы. Строфы каждой главы писаны были въ разбивку, послѣдующія послѣ предыдущихъ, безъ всякаго порядка; часто, напримѣръ, въ тетради

написана пятнадцатая или двадцатая строфа, потомъ пятая или десятая и вслѣдъ за нимъ первая или вторая. Между тѣмъ надъ каждою строфою ужь выставлена цифра, означающая мѣсто ея въ полномъ составѣ главы. Это мало; не только строфы каждой главы писались въ безпорядкѣ, не только Пушкинъ писалъ иногда строфы слѣдующей главы, когда еще не готова была предыдущая, но въ одно и то же время, на одной и той же тетради онъ писалъ и строфы «Онѣгина» и сцены «Бориса Годунова». Такъ, начавъ писать монологъ Григорія (въ сценѣ съ лѣтописцемъ, въ «Борисѣ Годуновѣ») Пушкинъ бросаетъ его, не кончивъ, и пишетъ XXIV строфу IV-й главы «Евгенія Онѣгина», потомъ нѣсколько строфъ изъ слѣдующихъ главъ романа; затѣмъ оканчиваетъ монологъ Григорія, пишетъ три первые стиха Пименова отвѣта:

Не сѣтуй братъ, что рано грѣшный свѣтъ
Покинулъ ты, что мало искушеній
Послалъ тебѣ Всевышній...

отмѣчаетъ прозаическою фразою сооруженіе, которое должны имѣть слѣдующіе стихи: «Приближаюсь къ тому времени, когда земное перестало быть для меня занимательнымъ», пишетъ еще пять стиховъ, и опять переходитъ къ «Евгенію Онѣгину» (XXV строфа IV-ой главы):

Часъ отъ часу плѣненный болѣ
Красами Ольги молодой...

и рисуетъ перомъ портретъ Ольги. Подобныхъ случаевъ много мы встрѣчаемъ и у другихъ писателей. Такъ, напримѣръ, Гете писалъ сцены своего «Фауста» не въ послѣдовательномъ порядкѣ. Конечно, такая внѣшняя безпорядочность работы не можетъ быть выставляема на видъ, какъ прекрасный примѣръ для подражанія. У самого Пушкина она оправдывается только счастливою памятью его, помогавшею ему не потеряться въ хаосѣ, живостью характера, впечатлительностью, нетерпѣливостью, которая такъ обыкновенна въ пылкихъ людяхъ; но должно замѣтить, что беззаботная непослѣдовательность въ исполненіи строго обдуманнаго плана, не мѣшая стройности произведеній, этимъ самымъ изобличаетъ что процессъ изложенія на бумагѣ того, что задумано въ умѣ или фантазіи, есть ужь дѣло второстепенной важности для достоинства произведенія и, большею частью, даже для сознанія самаго писателя, если только онъ дѣйствительно одаренъ самороднымъ талантомъ, а не насилуетъ свое воображеніе для придумыванія поэтическихъ картинъ. Въ наше время нѣтъ безусловныхъ авторитетовъ, каждое движеніе которыхъ стояло бы выше критики; но урокъ, извлекаемый изъ привычки Пушкина, не можетъ не имѣть своей важности для русскихъ писателей. Особенно въ наше время, когда и между поэтами или беллетристами и критиками такъ преобладаетъ мнѣніе о великомъ значеніи «отдѣлки», посредствомъ которой доводится произведеніе до «художественности», въ наше время, когда такъ много придаютъ значенія внѣшней формѣ, не мѣшаетъ обратить вниманіе на отрывокъ изъ черновой записки Пушкина, приводимый г. Анненковымъ, который старается сохранить, какъ драгоцѣнность, каждую строку, найденную имъ въ бумагахъ Пушкина, и въ этомъ справедливо поставляетъ главное право свое на признательность русской публики. Въ отрывкѣ, о которомъ мы говоримъ, Пушкинъ бѣгло обозрѣваетъ развитіе французской литературы, и перечисляя заслуги Ронсара и Малерба, высказываетъ, между

прочимъ, слѣдующую мысль: «Люди, одаренные талантами, будучи поражены *ничтожностью* французскаго стихотворства, думали, что скудость языка была тому виною, и стали стараться преобразовать его... Пришелъ Малербъ, съ такой строгой справедливостью оцѣненный великимъ критикомъ Буало:

«Enfin Malherbe vint et le premier en France
«Fit sentir dans les vers une juste cadence.

Но Малербъ нынѣ забытъ, подобно Ронсару. Сіи два таланта истощили силы свои въ бореніи съ механизмомъ языка, въ усовершенствованіи стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые покутся болѣе о наружныхъ формахъ слова, нежели о мысли, истинной жизни его, не зависящей отъ употребленія!»

Если бы мы сколько нибудь усумнились въ справедливости этого замѣчанія о ничтожности наружной отдѣлки сравнительно съ мыслью, безъ всякой заботы о подборѣ словъ и выраженій, оживляющей произведеніе талантливаго писателя, то намъ достаточно было бы вспомнить объ огромной массѣ написаннаго почти каждымъ изъ великихъ писателей, чтобы осязательно увидѣть, какъ мало времени имъ оставалось на процѣживанье сквозь умственный фильтръ каждаго выливщагося изъ души выраженія, на соображенія о томъ, какъ лучше написать: щука съ голубымъ пером или голубоперая щука, и хороша ли выйдетъ картина, если сказать: краезлатыя облака. Эсхилъ, Софоклъ, Эврипидъ, написали каждый около ста трагедій. Аристофанъ болѣе пятидесяти комедій, -а всѣ эти люди проводили на народной площади болѣе времени, нежели въ своей рабочей комнатѣ. Перейдя двѣ тысячи лѣтъ, мы встрѣчаемся съ тѣмъ же самымъ явленіемъ: Вольтеръ, Вальтеръ Скоттъ, Гете, написали каждый по нѣсколько десятковъ томовъ. Даже Байронъ и Шиллеръ, умершіе такъ рано, успѣли написать столько, что остается удивляться количеству ихъ произведеній. Вѣроятно, всѣмъ этимъ людямъ некогда было долго заниматься подбираніемъ жемчужины къ жемчужинѣ; но неволѣ надобно предположить, что поэтическіе брильянты, если только они самородные, гранятся не столь долговременною полировкою, какъ находимые въ бразильскихъ пескахъ.

Если что требуетъ внимательнаго обдумыванія, то это планъ поэтическаго произведенія. Прояснить въ своемъ умѣ основную мысль романа или драмы, вникнуть въ сущность характеровъ, которые будутъ ее проявлять своими дѣйствіями, сообразить положенія лицъ, развитіе сценъ — вотъ что важно: если поэтъ употребитъ на это по нѣскольку часовъ нынѣ, черезъ мѣсяцъ или два, черезъ годъ, какъ придетъ ему вдохновенная минута подумать о созидаемомъ твореніи, то эти немногіе часы принесутъ болѣе пользы достоинству его произведенія, нежели цѣлые мѣсяцы неусыпной работы надъ улучшеніемъ и исправленіемъ выливщагося уже на бумагу произведенія. И въ этомъ случаѣ мы ссылаемся на примѣръ Пушкина, который такъ долго обдумывалъ планы своихъ произведеній, иногда по нѣсколько лѣтъ ожидая, пока зародившаяся мысль созданія созрѣетъ въ его головѣ, найдетъ себѣ стройное и полное развитіе. «Черновая подготовка матеріаловъ — говоритъ г. Анненковъ — длилась иногда у Пушкина чрезвычайно долго: затѣмъ уже вдохновеніе скоро обращало ихъ въ свѣтлыя и мощныя произведенія искусства — конечно потому, что эти «черновые матеріалы» и составляютъ существеннѣйшую часть творчества. Очень замѣчательна въ этомъ отношеніи исторія развитія его «Египетскихъ ночей», возстановленная теперь г. Анненковымъ по

драгоцѣннымъ тетрадямъ поэта. Зародышъ, изъ котораго развились «Египетскія ночи» есть прекрасное стихотвореніе о любовникахъ Клеопатры «Чертогъ сіялъ...» написанное Пушкинымъ еще въ 1825 году. Десять лѣтъ потомъ прошло прежде, нежели развилось въ умѣ его произведеніе, центромъ котораго должно служить это стихотвореніе. Нѣсколько разъ повѣсть эта слагалась въ умѣ его и была имъ отвергаема, какъ еще не вполнѣ выражающая идею. Нѣкоторые набросанные на черно отрывки, тотчасъ же брошенные, какъ не удовлетворительные, остались единственными слѣдами этой долгой и интересной борьбы съ планомъ и содержаніемъ. Такъ онъ началъ было повѣсть, которая была послѣ его смерти напечатана въ «Сто русскихъ литераторовъ» подъ заглавіемъ «Одна глава изъ неоконченнаго романа»; бросивъ это не могшее по его мнѣнію выразить мысли начало, онъ набросалъ другой отрывокъ, изъ котораго г. Анненковъ внесъ въ свои «Матеріалы» все, что можно было разобрать; потомъ написалъ третье начало повѣсти, напечатанное въ прежнемъ изданіи его сочиненій подъ именемъ «Отрывка»; и только послѣ всѣхъ этихъ неудачныхъ по его мнѣнію попытокъ нашелъ истинное содержаніе для своихъ «Египетскихъ ночей». Но и эти многочисленные слѣды различныхъ эпохъ развитія сюжета составляютъ еще только одну часть его исторіи. Прежде, нежели Пушкинъ увидѣлъ, что лучше всего выразитъ его идею такая повѣсть, какъ «Египетскія ночи», онъ думалъ развить ея содержаніе въ повѣсти изъ классическаго міра, и памятниками этого періода развитія сюжета остались программа повѣсти и три ея отрывка, отысканные г. Анненковымъ въ черновыхъ бумагахъ. Главнымъ лицомъ онъ избралъ Петронія, римскаго поэта, у котораго находилъ слѣды новыхъ понятій о жизни, противоположныхъ древнимъ воззрѣніямъ, и личность котораго могла поэтому служить для выраженія идеи, подобной идеѣ «Египетскихъ ночей», контраста между новымъ и древнимъ міромъ; быть можетъ Пушкинъ увлекался и трагическою смертью Петронія, который, подвергшись опалѣ Нерона, открылъ себѣ жилы въ теплой ваннѣ. Мѣсто не позволяетъ намъ приводить самыхъ отрывковъ, но вотъ программа повѣсти (или, какъ намъ кажется, второй части ея).

Описаніе дома. Мы находимъ Петронія съ своимъ лекаремъ: онъ продолжаетъ разсужденіе о родѣ смерти; избираетъ теплыя ванны. Греческій философъ исчезъ. Петроній улыбается и сказываетъ *оду*. Описаніе приготовленій. Онъ перевязываетъ рану и начинаются разсказы. *Первый вечеръ*. О Клеопатрѣ — наши разсужденія о томъ. *Второй вечеръ*. Петроній приказываетъ разопть драгоцѣнную чашу — диктуетъ Satyricon — разсужденіе о паденіи человѣка — о паденіи боговъ, о общемъ безвѣріи -о превращеніяхъ Нерона. *Рабъ-христіанинъ*...

Вотъ сколько раздумья, вотъ сколько трудовъ стоило Пушкину развитіе содержанія «Египетскихъ ночей». Другіе примѣры того, какъ видоизмѣнялись внимательнымъ углубленіемъ въ сущность мысли планы произведеній Пушкина, представляетъ разсказъ «Братья Разбойники». Онъ первоначально хотѣлъ написать болѣе обширную поэму, въ которой этотъ разсказъ былъ бы только эпизодомъ. Вотъ программа предполагавшейся поэмы, найденная г. Анненковымъ: «Разбойники. Исторія двухъ братьевъ. Атаманъ на Волгѣ. Купеческое судно. Дочь купца». Но скоро онъ замѣтилъ, что сюжетъ не представляетъ довольно глубины для широкаго развитія и сжегъ свою поэму, кромѣ отрывка, уцѣлѣвшаго въ рукахъ одного изъ пріятелей Пушкина, и показавшагося потомъ Пушкину заслуживающимъ печати. Г. Анненковъ предполагаетъ — и, вѣроятно, справедливо, что маленькая пьеса

«Женихъ» впослѣдствіи возникла, если можно такъ выразиться, какъ экстрактъ изъ уничтоженной поэмы. Подобнымъ же образомъ «Мѣдный Всадникъ» произошелъ изъ эпизода задуманной прежде Пушкинымъ большой поэмы, отрывкомъ изъ другаго эпизода которой осталась «Моя родословная», въ рукописи начинавшаяся стихами, которые вошли въ описаніе наводненія. Пушкинъ справедливо обдумалъ, что колоссальный «Мѣдный Всадникъ» дѣлаетъ неумѣстную обстановку «Родословной». Говоря о программахъ, приведемъ также чрезвычайно интересныя программы «Галуба»; онѣ показываютъ, какое глубокое содержаніе должна была пріобрѣсть по мысли автора эта поэма, которой успѣлъ онъ написать только половину. Планъ ея былъ задуманъ еще въ 1829 году, но только черезъ четыре года приступилъ Пушкинъ къ его исполненію. Представляемъ программы рядомъ:

1-я программа.	2-я программа.
1. Похороны.	Обрядъ похоронъ.
2. *Черкесъ-христіанинъ.*	Уздень и меньшой сынъ.
3. Купецъ.	I день (отсутствія Тазита). Лань. Почта. Грузинскіе купцы.
4. Рабъ.	II день. Орелъ. Казакъ.
5. Убійца.	*III день. Отецъ его гонитъ.*
6. Изгнаніе.	Юноша и *монахъ.*
7. *Любовь.*	Любовь отвергнута.
8. Сватовство.	Битва и *монахъ.*
9. Отказъ.	
10. Миссіонеръ.	
11. Война.	
12. Сраженіе.	
13. Смерть.	
14. Эпилогъ.	

Пушкинъ слѣдовалъ при исполненіи второй программѣ, которая намъ кажется и позднѣйшею и болѣе художественною. П. Анненковъ справедливо заключаетъ, что существенная мысль поэмы была — изобразить, какъ Тазитъ, по нравственному развитію ставшій выше суроваго, безпощаднаго дикарства своего племени, тоскующій среди его и наконецъ отвергнутый имъ, принимается гуманнымъ обществомъ христіанскаго міра—и, вѣроятно, (осмѣлимся прибавить мы) падаетъ въ борьбѣ между прежнимъ и новымъ, отвергаемымъ и принимаемымъ нравственнымъ существованіемъ. Пушкинъ успѣлъ исполнить только половину своей программы, и по обыкновенію, зачеркивалъ ея отдѣленія по мѣрѣ того, какъ исполнялъ ихъ. Сличивъ поэму съ программами, видимъ, что Пушкинъ слѣдовалъ второй; но онъ также зачеркивалъ отдѣлы и въ первой программѣ, слѣдовательно вновь соображалъ и оцѣнивалъ ихъ при исполненіи. Въ первой Тазитъ представляется христіаниномъ уже при самомъ началѣ поэмы; по второй программѣ поэма обнимаетъ весь ходъ его развитія; потому вторая кажется намъ полнѣе въ художественномъ отношеніи, и Пушкинъ не безъ причины предпочелъ ее.

Въ этомъ внимательномъ, продолжительномъ, недовѣрчивомъ обдумываніи плана заключается, по нашему мнѣнію, драгоцѣнный урокъ для тѣхъ писателей, которые подумавъ полчаса, пишутъ полгода и потомъ поправляютъ годъ —хорошо еще если пишутъ, какъ велитъ одушевленіе труда, и потомъ исправляютъ, а не сидятъ въ раздумьи надъ каждою фразою, не спутываютъ различныхъ работъ, творить и пересматривать —въ одну вялую, утомительную, безхарактерную работу.

Конечно, для каждаго особеннаго характера и темперамента есть свои особенныя условія, наиболѣе соотвѣтствующія природѣ, наиболѣе благопріятныя для дѣятельности. Человѣкъ съ ровнымъ, покойнымъ, нѣсколько флегматическимъ умомъ, нѣсколько удобнѣе, нежели человѣкъ съ умомъ бойкимъ, пылкимъ, нетерпѣливымъ, можетъ выносить развлеченія или замедленія въ своей работѣ, не портя ея; но нѣтъ человѣка, который бы не работалъ успѣшнѣе, послѣдовательнѣе, лучше, оставаясь не развлекаемымъ, нежели получая каждую минуту толчекъ подъ руку. Мы принимаемъ въ соображеніе и то, что если люди самоувѣренные или по крайней мѣрѣ твердые могутъ писать не задумываясь надъ словами, не чувствуя въ самую минуту письма потребности перемарывать и зачеркивать одно выраженіе, чтобы замѣнить его другимъ, то для людей съ характеромъ мнительнымъ, или по крайней мѣрѣ нѣсколько робкимъ и застѣнчивымъ было бы насиліемъ ихъ природному расположенію или даже чистою невозможностью писать прямо, не перечеркивая многихъ фразъ, не призадумываясь иногда надъ выраженіемъ мысли. Но то вѣрно, что для всякой натуры выгодна твердая, неколеблемая судорожными ужимками поступь. Мы именно то и хотимъ сказать, что для всякаго таланта, каковы бы ни были особенныя его наклонности, каковъ бы то ни былъ характеръ человѣка, имъ обладающаго, одно изъ существеннѣйшихъ условій успѣшной дѣятельности то, чтобъ онъ вполнѣ предавался въ минуты творчества теченію своей мысли, ничѣмъ не задерживая, не возмущая его. Такого рода состояніе, если не есть еще вдохновеніе, то довольно близко къ нему. И мы думаемъ, что каждый талантъ много выиграетъ, если будетъ вполнѣ отдаваться своей природѣ, не стѣсняясь никакими внѣшними соображеніями. А къ числу ихъ принадлежитъ забота о красотѣ выраженій; забыть о ней въ то время, какъ пишешь, вѣрнѣйшее средство достичь ея, на сколько то въ силахъ нашего дарованія. Человѣкъ именно тогда производитъ истинный эффектъ, когда и не думаетъ объ эффектахъ. Это замѣтно даже на хорошихъ актерахъ или пѣвцахъ. А писатель не актеръ, онъ долженъ быть гораздо ближе къ увлеченію, забывающему о всемъ, кромѣ своего предмета. Недурно при этомъ случаѣ вспомнить и правило политической экономіи о раздѣленіи работъ, которое давно выражено пословицею: за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Чѣмъ занялся, тѣмъ и надобно заниматься. Когда пишется, пиши и пиши. Потомъ, когда ужъ написано, когда умъ утомился напряженіемъ творчества, перечитывай, соображай и обсуждай написанное. Но—опять есть пословица: написаннаго перомъ не вырубишь топоромъ—что написалось дурно, нескладно или слабо, тому не придадутъ силы, красоты или стройности никакія исправленія. Послѣдующіе пересмотры произведенія сглаживаютъ только тѣ недостатки произведенія, которые возникаютъ отъ медленности пера, сравнительно съ быстрымъ теченіемъ мысли. Исправить самой мысли, недостатокъ развитія, принадлежащихъ ей самой, они не въ силахъ. И если вы недовольны не мелкими неточностями и угловатостями грамматическими или риторическими, а какими нибудь существенными сторонами написаннаго, лучше и даже разсчетливѣе, относительно количества времени нужнаго для работы не переправлять, а бросить написанное неудачное и писать вновь. Конечно, это своего рода геройство: кому не жаль бросить свой трудъ? Кому не стыдно передъ собою сознаться, что написалъ вещь, никуда не годную? Потому то и нужно не приниматься писать, не обдумавъ ясно и стройно, что должно быть написано. Повторимъ однако еще разъ, что всякая искусственность ведетъ къ холодности

и приторности, что лучшій медъ вытекаетъ изъ сотовъ самъ собою, а выжиманіе приноситъ пользу только на маслобойнѣ; что существенное правило не только поэтической дѣятельности, но и вообще жизни: каждый долженъ дѣлать такъ, какъ прилично его натурѣ и сущности производимаго предмета. Пути и проявленія жизни безконечно разнообразны; можно только находить общіе элементы, участвующіе въ созданіяхъ жизни, но нельзя сказать: такого то рода дѣятельность всегда, во всемъ и у всѣхъ должна быть подъ исключительною властью такого-то правила: всегда и во всемъ могутъ быть случаи, когда самое общее, самое непреложное правило встрѣчается съ другими законами жизни, отнимающими у него исключительное господство надъ дѣятельностью. Потому и правило: обдумывай, обдумывай и обдумывай, потомъ ничего не будетъ стоить написать; а написанное необдуманно само ничего не стоитъ; или, по просту выражаясь: пять разъ примѣрь, разъ отрѣжь—это простое правило всякой человѣческой дѣятельности, а не одного только эстетическаго міра, не одно всегда и повсюду управляетъ человѣческою жизнью: встрѣчаются случаи, когда другіе законы и условія жизни выказываютъ свои требованія такъ сильно, что подавляютъ его и измѣняютъ характеръ дѣятельности. Таково лирическое настроеніе духа, являющееся порывомъ. Таковъ (быть можетъ, не совсѣмъ умѣстно, по поводу Пушкина, умъ котораго равнялся таланту и сообщалъ ему наибольшую цѣну, говорить о болѣзненныхъ порожденіяхъ, но у насъ, какъ и вездѣ, хотя не въ такой мѣрѣ какъ у насъ, общая мысль нуждается въ отрицательныхъ приложеніяхъ, чтобы стать замѣтною) таковъ жалкій случай, когда человѣкъ, имѣющій способность писать гладко, не одаренъ способностью стройно мыслить. Случай, къ сожалѣнію, весьма и весьма нерѣдкій. Не знаемъ, какъ бывало это прежде, потому что имена людей, хромавшихъ въ умственномъ отношеніи, не доходятъ до потомства—но современникамъ часто приходится встрѣчаться съ ними. Что же? вѣдь и они люди, вѣдь и они заслуживаютъ сочувствія, да и прямая выгода современниковъ требуетъ не отказывать въ особенныхъ предостереженіяхъ спотыкающимся. Потому, если вамъ, читатель, случится встрѣтить поэта или беллетриста, мыслительность котораго движется такъ невѣрно, что каждому не безчувственному человѣку хочется быть заботливымъ опекуномъ его, то увѣрьте его, что правило обдумывать свои произведенія къ нему не относится: напротивъ, чѣмъ меньше онъ будетъ думать надъ своими произведеніями, тѣмъ лучше. И пусть онъ по преимуществу выбираетъ ихъ сюжетами предметы, «не вызывающіе на размышленіе»: восхожденіе солнца, описаніе весны, утра, бури—особенно прекрасныя темы; антологическія стихотворенія лучше всего приспособлены къ его силамъ; изъ приключеній человѣческой жизни очень удобны для него: первая любовь, свѣтскія отношенія, панегирическія повѣсти о граціозныхъ красавицахъ и о небыкновенныхъ блестящихъ молодыхъ людяхъ; патетическія сцены также не представляютъ большихъ затрудненій. Но онъ лучше всего сдѣлаетъ, если распредѣлитъ время по ровну между творческою дѣятельностью и образованіемъ своей мыслительной способности: чтеніемъ хорошихъ книгъ, по выбору опытнаго руководителя, частыми бесѣдами съ дѣльными людьми, и особенно тѣмъ, что будетъ удаляться общества себѣ подобныхъ. При старательности и скромности, почти каждый въ состояніи сдѣлаться человѣкомъ здравомыслящимъ и способнымъ судить о вещахъ. Умственныхъ горбуновъ отъ природы мало.

Естественнѣйшій методъ всякой работы, и ремесленной, и прозаической, и поэти-

ческой состоитъ въ томъ, чтобы ясно обдумать дѣло, и потомъ исполнить его, а потомъ ужь приниматься за пересмотръ и исправленіе. Такъ умѣетъ поступать даже столяръ: сначала сообразитъ, какихъ размѣровъ нужно сдѣлать вещь, какую штуку дерева и какого именно дерева приготовить для каждой ея части; потомъ ужь приготовивъ и сообразивъ матеріалы, начинаетъ ее дѣлать, и дѣлаетъ не останавливаясь надъ полировкою каждаго приклеиваемаго вершка. Наконецъ, давъ просохнуть, устояться своей работѣ, принимается за полировку, если только вещь такого рода, что нуждается въ полировкѣ. Во всякомъ случаѣ, хорошій столяръ славится тѣмъ, что дѣлаетъ мебель изъ хорошихъ матеріаловъ, прочно и соотвѣтственно ея цѣли, а не тѣмъ что хорошо полируетъ ее: порядочно отполировать умѣетъ самый плохой подмастерье.

И какъ успѣшно идетъ работа, когда все въ ней обдумано и соображено. У Пушкина, напримѣръ, который такъ медленно развивалъ свои созданія въ головѣ, созрѣвъ, они выливались на бумагу чрезвычайно быстро. Такъ первая пѣснь «Полтавы» кончена 3-го октября, вторая—9-го, третья—16-го, слѣдовательно, каждая пѣснь написана въ недѣлю или менѣе. Большая повѣсть «Дубровскій» начата 21-го октября, кончена 3-го января, слѣдовательно, написана менѣе, нежели въ два съ половиной мѣсяца. Интересными примѣрами того, въ какой незначительной мѣрѣ достоинства, придаваемыя мелочною послѣдующею отдѣлкою, возвышаютъ первобытную красоту произведенія, съ которою оно выходитъ изъ подъ пера истинно талантливаго автора, служатъ намъ произведенія, которыхъ Пушкинъ не успѣлъ дописать и слѣдовательно, не могъ пересмотрѣть и окончательно обработать. Мы спрашиваемъ, въ чемъ уступаетъ «Галубъ» законченнѣйшимъ по внѣшней отдѣлкѣ поэмамъ Пушкина? Менѣе ли художественны и самые стихи и картины въ этомъ неотдѣланномъ отрывкѣ, нежели въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ», или въ «Полтавѣ»? Другое неоконченное и также не получившее окончательной отдѣлки произведеніе, «Русалка», рѣшительно должна быть названа однимъ изъ превосходнѣйшихъ произведеній поэзіи Пушкина. «Русалку» едва ли не должно въ художественномъ отношеніи (не по содержанію, не по мысли, а по эстетическимъ достоинствамъ исполненія) поставить наравнѣ съ «Мѣднымъ Всадникомъ» и «Каменнымъ Гостемъ», выше и «Цыганъ», и «Братьевъ Разбойниковъ» и «Полтавы». Но поразительнѣе всего примѣръ, представляемый «Сценами изъ рыцарскихъ временъ». Это произведеніе яснѣе всего показываетъ, что существенная красота заключена не въ словахъ, которыми умѣетъ геніальный писатель облечь свои мысли, а въ томъ геніальномъ развитіи, которое получаетъ мысль въ его умѣ, воображеніи, соображеніи, назовите это, какъ хотите,—въ художественности, съ какою представляется ему планъ, а не въ выраженіи.

«По бумагамъ Пушкина видно—говоритъ г. Анненковъ—что «Сцены изъ рыцарскихъ временъ» не настоящее произведеніе, а только планъ произведенія. Сверху рукописи написано: *Планъ*, и затѣмъ, вмѣсто того, чтобъ изложить программу драмы въ описаніи, Пушкинъ прямо началъ сцены, и, разъ начавъ, дописалъ ихъ. Такъ составились онѣ, не получивъ надлежащаго развитія и представляя еще одинъ остовъ произведенія и сухость, свойственную плану вообще, хотя бы онъ былъ и въ драматической формѣ».

Не знаемъ, на сколько развился бы этотъ планъ при полной обработкѣ: не знаемъ, какъ прекрасна была бы драма тогда; но теперь въ «Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ» мы имѣемъ одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній Пушкина;

рѣшаемся даже сказать, что не жалѣемъ о томъ, что «остовъ произведенія, представляющій сухость», не былъ обработанъ, не подвергся перекрапванью, развитію и распространенію въ объемѣ. Намъ кажется даже, что сухость этого остова можно замѣтить только, узнавъ по внѣшнимъ признакамъ, что оставшіяся намъ «Сцены»—остовъ, а не вполнѣ законченное художественное произведеніе; не укажи намъ на мысль о сухости и необработанности самъ Пушкинъ, мы должны были бы думать, что даже онъ самъ не могъ бы ни прибавить, ни измѣнить тутъ ни одного слова, не испортивъ или не ослабивъ своей прекрасной драмы. Если бы можно было вполнѣ высказывать свои мнѣнія, то мы сказали бы даже, что «Сцены изъ рыцарскихъ временъ», должны быть въ художественномъ отношеніи поставлены не ниже «Бориса Годунова», а быть можетъ и выше.

Съ вопросомъ о важности мелочной обработки тѣсно связанъ вопросъ: когда авторъ, заботящійся о художественномъ достоинствѣ своихъ произведеній, становится нелицепріятнымъ судьею того, достойны ли они его имени, могутъ ли быть изданы въ настоящей своей формѣ, или еще не достигли возможнаго совершенства; вопросъ о томъ, долго ли должно храниться произведеніе въ портфеляхъ автора? Пушкинъ очень часто буквально исполнялъ правило Горація «держи у себя подъ замкомъ девять лѣтъ», Nonum prematur in annum. Множество произведеній, совершенно оконченныхъ, лежали у него не изданными по нѣскольку лѣтъ. Не будемъ исчислять всѣхъ случаевъ, ограничиваясь немногими изъ указанныхъ г. Анненковымъ. «Цыгане» оставались неизданными по крайней мѣрѣ три года (изд. 1827, а въ 1824 уже были готовы); то же было съ главами «Евгенія Онѣгина», «Дубровскимъ», «Мѣднымъ Всадникомъ»,—однимъ словомъ, съ большею частью поэмъ и повѣстей Пушкина. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ случаевъ въ этомъ отношеніи составляетъ судьба «Бориса Годунова», остававшагося въ портфелѣ автора шесть лѣтъ! Драма эта совершенно окончена въ 1825 году, какъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ самъ Пушкинъ. Впрочемъ, тутъ чрезвычайное замедленіе объясняется особенной важностью, какую придавалъ этому произведенію Пушкинъ, боязнью отдать его на судъ критиковъ, не приготовленныхъ къ тому, чтобы оцѣнить по достоинству произведеніе, слишкомъ колоссальное для ихъ понятій, по мнѣнію самого Пушкина, и необыкновенно дорогое ему. П. Анненковъ сообщаетъ намъ объ этомъ интересные отрывки изъ писемъ и замѣтокъ Пушкина, и мы приводимъ здѣсь нѣкоторые изъ нихъ.

«Долго не могъ я рѣшиться напечатать свою драму. Хорошій или худой успѣхъ моихъ стихотвореній, благосклонное или строгое рѣшеніе журналовъ о какой нибудь стихотворной повѣсти, слабо тревожили мое самолюбіе. Читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнѣніе критика, понять, въ чемъ именно состоятъ его обвиненія, и если никогда не отвѣчалъ на оныя, то сіе происходило не изъ презрѣнія, но единственно изъ убѣжденія, что для нашей литературы il est indifférent, что такая-то глава «Онѣгина» вышла выше или ниже другой. Но признаюсь искренно, неуспѣхъ драмы моей огорчилъ бы меня; ибо я твердо убѣжденъ, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспира, а не свѣтскій обычай трагедіи Расина, и что всякій неудачный опытъ можетъ замедлить преобразованіе нашей сцены»...

...«Съ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ «Бориса Годунова» и хоть я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ произведеній, но, признаюсь, неудача «Бориса Годунова» будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтань, я могу сказать о моемъ сочиненіи: c'est une oeuvre de bonne foi. Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добро-

совѣстныхъ изученій, постояннаго труда, сія трагедія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ одобреніе малаго числа избранныхъ».

И дѣйствительно, холодный пріемъ, встрѣченный этимъ любимымъ твореніемъ Пушкина, произвелъ на него самое тяжелое впечатлѣніе, которое отчасти даже содѣйствовало развитію его литературныхъ понятій въ смыслѣ, противоположномъ его прежнему доброму стремленію впередъ. «Нововведенія опасны, и, кажется ненужны», говоритъ онъ въ черновомъ письмѣ, по поводу разборовъ «Бориса Годунова» въ тогдашнихъ журналахъ. Не разсматривая вопроса, до какой степени основательны были эти разборы, скажемъ только, что «Борисъ Годуновъ» дѣйствительно не занялъ того мѣста въ исторіи русскаго литературнаго или сценическаго развитія, какое предназначалъ ему Пушкинъ. Колоссальны или нѣтъ достоинства этой драмы, но она до сихъ поръ не оказала большого вліянія ни на писателей, ни на читателей нашихъ, и главы «Евгенія Онѣгина», о которыхъ сравнительно съ нею такъ презрительно отзывается Пушкинъ, были гораздо важнѣе ея для нашей литературы. Какъ бы то ни было, мы не будемъ удивляться, что Пушкинъ, обыкновенно столь проницательный, не совсѣмъ безпристрастно смотрѣлъ на литературную важность своихъ произведеній: «Евгеній Онѣгинъ» писался легко, а «Борисъ Годуновъ» стоилъ автору многихъ трудовъ; кромѣ того Пушкинъ считалъ драму высочайшею формою искусства. И теперь обыкновенно думаютъ то же. Вопреки такого мнѣнія, конечно, драмы Шекспира—величіе его генія заставило считать и форму его произведеній чѣмъ-то монументальнымъ, какъ нѣкогда на основаніи превосходства Гомеровыхъ эпопей думали, что безсмертіе дается поэту только сочиненіемъ «Эпопеи». Но если Пушкинъ медлилъ издавать «Бориса Годунова» потому, что слишкомъ дорожилъ имъ, то при изданіи другихъ произведеній, особенно мелкихъ, которымъ не придавалъ онъ большой цѣны, онъ не могъ останавливаться опасеніемъ отдать ихъ на судъ журналовъ и публики. А между тѣмъ не только поэмы, повѣсти, но и лирическія стихотворенія часто лежали въ его портфеляхъ неизданными. Беремъ изъ сотни указаній, представляемыхъ примѣчаніями г. Анненкова ко второму тому, нѣсколько случаевъ. Изъ стихотвореній, написанныхъ въ 1824 году, «Ночной зефиръ струитъ эѳиръ» было напечатано только въ 1827 году. «Аквилонъ» *(Зачѣмъ ты грозный Аквилонъ)* осталось ненапечатаннымъ до смерти, хотя Пушкинъ, какъ видно, считалъ его достойнымъ печати, поправляя въ 1830 году; «Коварность» *(Когда твой другъ на глазъ твоихъ ничей)* явилось только въ 1830 году: «Къ Языкову» *(Издревле сладостный союзъ)* только въ 1828 году; «Узникъ» *(Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой)* только въ 1832 году. Конечно, такая чрезвычайная медленность была личнымъ произволомъ или особенностью характера, и было бы странно поставлять ее въ примѣръ. Напротивъ, надобно даже сказать, что излишнее задерживаніе своихъ произведеній неизданными можетъ отчасти вредить свѣжести творчества и еще прямѣе развитію таланта. Но въ наше время, кажется, нѣтъ надобности настаивать на необходимости своевременной отдачи произведеній на общій судъ, по малочисленности людей, погрѣшающихъ противъ этого правила. Если

Блаженъ, кто про себя таилъ
Души высокія созданья,

то блаженны въ наше время почти только тѣ писатели, которыхъ не соглашается печатать ни одинъ журналъ. Не будемъ, впрочемъ, доходить въ нашихъ мнѣніяхъ до несправедливости: если можно упрекнуть многихъ нашихъ писателей въ поспѣшности, съ какою печатаютъ они свои произведенія, то эта привычка, несовсѣмъ выгодная для таланта, не достигаетъ ни у кого изъ нихъ пагубнаго развитія, въ какомъ упрекали французскихъ фельетонныхъ романистовъ: наши беллетристы посылаютъ свои разсказы въ типографію не листъ за листомъ, сами еще но зная, что будетъ написано въ слѣдующей главѣ романа. Они не только дописываютъ романъ до конца прежде, нежели начинаютъ его печатать, но и перечитываютъ, исправляютъ, вообще, сообразно своимъ убѣжденіямъ, заботятся о возможномъ совершенствѣ своихъ произведеній. Литературное самолюбіе или честолюбіе у насъ еще очень сильно. Въ другихъ отношеніяхъ оно, конечно, имѣетъ свои вредныя слѣдствія, но въ томъ, о которомъ говоримъ мы теперь, приноситъ свою пользу. Каждый, справедливо или несправедливо судя о своихъ произведеніяхъ, все-таки старается написать не какъ можно больше, а какъ можно лучше. Потому-то и не безполезно говорить объ условіяхъ этого совершенствованія. Тотчасъ послѣ того, какъ написана повѣсть, или комедія, перечитывать ее почти безполезно. Авторъ еще не успѣлъ отрѣшиться отъ своего произведенія, если выражаться высокимъ слогомъ; проще говоря, находится еще въ томъ же самомъ настроеніи чувствъ и мыслей, какое выразилось въ его повѣсти, еще не могъ освободить своей головы отъ всѣхъ понятій и подробностей, которыя тогда показались ему хороши, не можетъ поэтому держать себя относительно ихъ независимо, самостоятельно, допускать ихъ овладѣвать вновь собою только въ томъ случаѣ, когда онѣ дѣйствительно того заслуживаютъ, не сошелъ еще съ привычныхъ точекъ зрѣнія, и перечитывая повѣсть будетъ признавать необходимость подробностей, стройность развитія, вѣрность характеровъ, здравость содержанія не по свободному сочувствію, а просто по неразсѣявшейся еще предубѣжденности. Время обсуживать свое литературное дѣло, какъ и всякое другое дѣло, приходитъ тогда, когда настроеніе, его произведшее, успѣло уже въ насъ смѣниться другими, или выражаясь громкими фразами, когда потокъ жизни омоетъ и освѣжитъ нашъ умъ. Скоро или нѣтъ настанетъ это время—зависитъ отъ содержанія произведенія. Если его основное значеніе было: выразить общія воззрѣнія автора на жизнь или одну изъ существеннѣйшихъ сторонъ ея, и на требованія искусства, быть можетъ, и никогда не будетъ въ состояніи онъ критически, спокойно взглянуть на него; въ такомъ случаѣ, конечно, не будетъ разницы, черезъ день или черезъ годъ по окончаніи начнетъ онъ свою критику. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ будетъ въ состояніи сдѣлать только мелочныя исправленія. Но человѣкъ съ умомъ пытливымъ, наклоннымъ къ недовѣрчивости, очень скоро, почти тотчасъ же послѣ того, какъ освѣжится воображеніе, утомленное работою, можетъ быть безпристрастнымъ судьею произведенія, возникшаго изъ его общихъ убѣжденій, а не случайнаго страстнаго настроенія. Напротивъ, произведенія, порожденныя страстью, увлеченіемъ, вообще особеннымъ не постояннымъ расположеніемъ духа, каждый авторъ, каковъ бы ни былъ характеръ его ума, можетъ обсудить безпристрастно, какъ скоро минуется это состояніе и обыкновенно слѣдующая за нимъ реакція въ противуположномъ направленіи, что бываетъ иногда черезъ много лѣтъ, а иногда и черезъ нѣсколько часовъ. Такъ, напримѣръ, мы не знаемъ, настало ли бы когда-нибудь для Пушкина время не-

предубѣжденнымъ взглядомъ пересмотрѣть своего «Бориса Годунова», неразрывно связаннаго съ его общими убѣжденіями о драмѣ и объ одномъ изъ важныхъ періодовъ въ русской исторіи, понятія у которой установились у него твердо. Но при подвижности своего характера, конечно, могъ онъ проницательно пересмотрѣть «Бахчисарайскій фонтанъ» очень скоро послѣ того, какъ дописалъ послѣдній стихъ.

Всѣ эти различія, конечно, ясны сами собою; но мы упомянули о нихъ для того, чтобы не оставить повода къ предположенію, будто бы мы требуемъ чрезмѣрнаго, или считаемъ нужнымъ полагать какія-нибудь неподвижныя границы. Напротивъ, и здравый смыслъ и эстетика говорятъ писателю, что отрѣшеніе отъ всякихъ внѣшнихъ, формальныхъ стѣсненій, не вытекающихъ изъ сущности самаго дѣла—существеннѣйшее условіе для успѣшнаго труда. Каждый долженъ поступать такъ, какъ велитъ ему его натура и здравый разсудокъ. Иному нужно переправлять свои произведенія, у другаго нѣтъ этой потребности и надобности, и каждый долженъ поступать въ этомъ случаѣ, какъ лучше для него. Мы говоримъ только о благопріятнѣйшихъ условіяхъ работы для людей съ такою нравственною организаціею, которая встрѣчается чаще всего.

Но какъ же велики должны быть измѣненія, вносимыя въ произведенія окончательною отдѣлкою? Вообще эстетическія соображенія увѣряютъ насъ, что въ написанномъ можно исправлять, не вредя произведенію, только степень развитія подробностей и образъ выраженія. Перо не успѣваетъ слѣдить за мыслью; потому всегда могутъ встрѣчаться въ написанномъ нѣкоторыя неполноты, недостатокъ довольно закругленныхъ переходовъ; какъ бы ни велико было умѣнье писателя владѣть языкомъ, всегда будутъ встрѣчаться случаи, что нѣкоторымъ выраженіямъ можетъ быть придано болѣе точности или силы. Наконецъ—и это важнѣе всего—нѣтъ человѣка, который не увлекался бы пристрастіемъ останавливаться съ любовью на собственныхъ мысляхъ — потому длинпота, растянутость незамѣтно для автора вкрадывается въ его произведеніе; истребить ее, безпощадно вычеркнуть все лишнее, вотъ въ чемъ должна состоять существеннѣйшая часть работы при пересмотрѣ написаннаго; если авторъ строго исполнитъ эту обязанность, его произведеніе чрезвычайно много выиграетъ, и, ставъ вдвое меньше объемомъ, будетъ имѣть въ двадцать разъ болѣе достоинства для читателя. Но, какъ мы уже говорили, вносить въ планъ существенныя измѣненія при окончательной передѣлкѣ, чрезвычайно опасно: въ художественномъ произведеніи всѣ части должны быть между собою въ строгой зависимости, и почти невозможно не нарушить его стройности, измѣняя одну изъ нихъ кто можетъ прослѣдить всѣ отношенія, связывавшія ее съ другими частями? Какъ ни прилежно будетъ просматривать свое произведеніе авторъ, приводя всѣ его отдѣлы въ гармонію съ измѣненнымъ или вставленнымъ вновь эпизодомъ, почти всегда многія несообразности ускользнутъ отъ него, произведеніе будетъ имѣть видъ не выливнагося изъ одной мысли, а склееннаго изъ разныхъ клочковъ. Только новое бываетъ истинно хорошимъ. Съ перешитаго и переправленнаго не могутъ быть никакими щетками и утюгами сглажены слѣды неопрятности и угловатости. Потому, если авторъ не доволенъ въ своемъ произведеніи чѣмъ-нибудь существеннымъ, не переправлять его долженъ онъ, а бросить и писать все вновь.

Отъ этихъ новыхъ соображеній, внушаемыхъ самыми простыми условіями

художественности, обращаясь къ авторской манерѣ Пушкина, мы находимъ у него перечеркиваніе и исправленіе въ чрезвычайно обширномъ размѣрѣ, какъ бы не только отдѣлка стиха, но и самое облеченіе мысли въ стихотворную форму, стоило ему чрезвычайныхъ усилій, какъ бы эти стихи, поражающіе прежде всего своею легкостью, писалъ онъ съ большимъ трудомъ, какъ бы механизмъ стиха представлялъ Пушкину затрудненія. П. Анненковъ собралъ въ своихъ «Матеріалахъ», очень много данныхъ этой тяжелой, почти хаотической борьбы съ стихомъ. Многія страницы, заключающія въ себѣ, какъ можно угадывать по нѣкоторымъ отдѣльнымъ словамъ, неизданныя стихотворенія или отрывки, перечеркны, испещрены помарками до того, что нѣтъ возможности возстановить написанное. Почти тоже надобно сказать о черновыхъ спискахъ многихъ стихотвореній, переписанныхъ потомъ самимъ Пушкинымъ на-бѣло; снимокъ одного чернового листа «Полтавы» приложенный къ «Матеріаламъ», утомитъ вниманіе каждаго, кто попробуетъ разобрать исторію образованія стиховъ:

Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье.

«Почти каждая строка его стиховъ—говоритъ г. Анненковъ—свидѣтельствуетъ объ этой особенности его удивительно-мужественнаго таланта. Поучительно видѣть, какъ изъ страницы, кругомъ исписанной и, можно сказать, обращенной въ самую мелкую сѣть помарокъ, вытекаетъ стихотвореніе, чистое какъ алмазъ, съ роскошной игрой свѣта и въ изумительной обдѣлкѣ». Прежде, нежели попробуемъ объяснить обширность размѣра, какой принимаетъ у Пушкина отдѣлка стиха, укажемъ обыкновеннѣйшій результатъ ея—уменьшеніе объема стихотворенія, строгое уничтоженіе множества, быть можетъ половины задуманныхъ стиховъ. Не будемъ приводить безчисленнаго количества стиховъ и строфъ, вычеркнутыхъ Пушкинымъ изъ «Евгенія Онѣгина». Два-три примѣра изъ другихъ произведеній будутъ достаточны для убѣжденія въ томъ, до какой степени Пушкинъ боялся растянутости. Размышленіе Пимена надъ своею лѣтописью заключалось въ рукописи такъ:

Передо мной опять выходятъ люди,
Уже давно покинувшіе міръ.
Властители, которымъ былъ покоренъ,
И недруги, и старые друзья—
Товарищи моей цвѣтущей жизни...
Какъ ласки ихъ мнѣ радостны бывали,
Какъ живо жгли мнѣ сердце ихъ обиды!
Но гдѣ же ихъ знакомый ликъ и страсти?
Чуть-чуть ихъ слѣдъ ложится легкой тѣнью—
И мнѣ давно, давно пора за ними!..

Изъ этихъ десяти стиховъ Пушкину показался неизлишнимъ по своей мысли только предпослѣдній, и весь длинный эпизодъ, дѣйствительно растягивавшій монологъ безполезнымъ повтореніемъ того, что высказывается въ другихъ стихахъ его, замѣненъ двустишіемъ:

Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходитъ до меня.

Въ «Полтавѣ» онъ зачеркиваетъ стихи, описывающіе страданія влюбленнаго казака, отвергнутаго Маріей (въ 1-й пѣснѣ); въ третьей пѣснѣ послѣ стиховъ:

Съ горестью глубокой
Внималъ любовникъ ей жестокой,
Но вихрю мыслей предана...

Уничтожена большая часть монолога сумасшедшей:

Ей Богу, говоритъ она,
Старуха лжетъ. Сѣдой проказникъ
Тамъ въ башнѣ спрятался. Пойдемъ,
Не будемъ горевать о немъ.
Пойдемъ... Какой сегодня праздникъ?
Народъ бѣжитъ, народъ поетъ и т. д.

всего семнадцать стиховъ. Въ «Русалкѣ» уничтоженъ отрывокъ изъ нѣсколькихъ десятковъ стиховъ въ сценѣ свадьбы, послѣ упрека дружки дѣвицамъ за ихъ печальную пѣсню; этотъ эпизодъ заключалъ продолженіе упрековъ и смятенія, произведеннаго появленіемъ утопленницы. Точно также въ началѣ «Мѣднаго Всадника» уничтожены длинныя размышленія Евгенія (по возвращеніи домой въ вечеръ передъ наводненіемъ) о томъ, что онъ женится на Парашѣ и будетъ съ нею счастливъ. Конечно, всякій согласится, что эти стихи безъ нужды растягивали сцену. Нѣсколько сотъ такихъ стиховъ сохранено въ «Матеріалахъ» и г. Анненковъ справедливо обращаетъ вниманіе писателей на эту строгость Пушкина къ собственнымъ произведеніямъ.

Дѣйствительно, большая часть современныхъ повѣстей, романовъ, заставляютъ сознаться, что слишкомъ многіе беллетристы нуждаются въ подобномъ урокѣ. Изъ всѣхъ недостатковъ, какіе замѣчаются въ современной литературѣ, самый общій — растянутость и необходимое слѣдствіе ея — блѣдность картинъ, вялость сценъ, пустота и утомительность всего произведенія. Кажется, будто бы почти каждый писатель (о безталанныхъ мы не говоримъ; но грустно, что одаренные замѣчательнымъ талантомъ подвержены этой слабости наравнѣ съ безталанными) считаетъ несравненною драгоцѣнностью всякое выраженіе, какое только мелькнетъ въ головѣ, всякую подробность, какая только ему вообразится, и спѣшитъ обогатить ею свои разсказъ; кажется, будто онъ сочтетъ себя преступникомъ, самоубійцею, похитителемъ, если лишитъ читателя хотя одного изъ тѣхъ перловъ, которые такою однообразною нитью тянутся изъ подъ его пера: кажется, будто бы онъ и не могъ вѣрить, что даже въ калифорнскихъ золотыхъ розсыпяхъ на одну горсть золотаго — приходится цѣлый возъ простого песку, и что разрабатывающіи ихъ становится богатъ только черезъ то, что извлекая немногія зерна золота, съ презрѣніемъ отбрасываетъ огромнѣйшее количество никуда негодной примѣси. Въ чемъ заключается самое поразительное отличіе геніальныхъ произведеній отъ дюжинныхъ? Только въ томъ, что «красоты», если употреблять старинное выраженіе, составляютъ въ геніальномъ произведеніи сплошной рядъ страницъ, а не разведены пустословіемъ безцвѣтныхъ общихъ мѣстъ. Если бы кто нибудь захотѣлъ въ какомъ-нибудь жалкомъ, забытомъ романѣ съ вниманіемъ ловить всѣ проблески наблюдательности, всѣ вѣрныя черты характеровъ и дѣйствованія, всѣ мѣткія выраженія и т. д., онъ собралъ бы довольно много строкъ, которыя по достоинству ничѣмъ не отличаются этъ строкъ, изъ которыхъ составлены страницы произведеній, восхищающихъ насъ. Не надобно также думать, что и «остовъ», по выраженію г. Анненкова, въ дюжинныхъ произведеніяхъ не бываетъ часто также

хорошъ, какъ и въ первостепенныхъ произведеніяхъ. Различіе состоитъ въ томъ, что страницы геніальнаго произведенія наполнены содержаніемъ, а то количество содержанія, которое растянуто на десяткахъ страницъ дюжиннаго произведенія, было бы едва достаточно для наполненія одной страницы и расплылось незамѣтными крупинками въ озерахъ прѣсныхъ общихъ мѣстъ. Само собою разумѣется, что бездарный человѣкъ безполезно прилагалъ бы величайшія усилія сдѣлать изъ своего романа что-нибудь порядочное; но со стороны писателя, не лишеннаго дарованія, часто недоставало только рѣшимости сжать свое произведеніе, чтобъ оно изъ слабаго стало очень порядочнымъ. Сжатость—первое условіе эстетической цѣны произведенія, выставляющая на видъ всѣ другія достоинства. Конечно, во всемъ можетъ быть вредное излишество: но безполезно говорить о тѣхъ опасностяхъ, которымъ никто не подвергается; господствующая нынѣ эстетическая болѣзнь—водяная, дѣлаетъ столько вреда, что, кажется, отрадно бы было даже увидѣть признаки сухотки, какъ пріятенъ морозный день, сковывающій почву среди октябрьскаго ненастья, когда повсюду видишь бездонно-жидкія трясины.

Особенно намъ, русскимъ, должна быть близка и драгоцѣнна сжатость. Не знаемъ, свойство ли это русскаго ума, какъ готовы думать многіе, или, скорѣе, просто слѣдствіе мѣстныхъ обстоятельствъ, но всѣ прозаическія, даже повѣствовательныя, произведенія нашихъ геніальныхъ писателей (не говоримъ о драмахъ и комедіяхъ, гдѣ самая форма опредѣляетъ объемъ) отличаются сжатостью своего внѣшняго объема. «Герой нашего времени» занимаетъ немного болѣе половины очень маленькой книжки; Гоголь, кромѣ «Мертвыхъ Душъ» писалъ только маленькія по числу страницъ повѣсти: да и самая «Мертвыя Души», колоссальнѣйшее изъ первостепенныхъ произведеній русской литературы, еслибъ даже и было докончено въ размѣрахъ, предположенныхъ авторомъ (три тома) едва равнялось бы половинѣ какого-нибудь Диккенсова, Теккереева или Жоржъ-Зандова романа. Если обратимся за примѣрами къ Пушкину, онъ покажетъ намъ тоже самое. «Дубровскій» и «Капитанская дочка» (которую Пушкинъ называлъ, какъ мы видѣли, широкимъ именемъ «романа въ двухъ частяхъ»)—повѣсти такого размѣра, что, будучи помѣщены въ какомъ-нибудь изъ нашихъ журналовъ, развѣ только обѣ вмѣстѣ оказались бы достаточны для наполненія отдѣла словесности въ одномъ нумерѣ, да и будучи напечатаны обѣ вмѣстѣ, вызвали бы у рецензентовъ другихъ журналовъ замѣчаніе: «Давно мы не встрѣчали въ журналѣ XX отдѣла словесности столь тощимъ по объему, какъ нынѣ». Зато и замѣтно различіе между этими маленькими разсказами и тѣми пухлыми произведеніями, которыя такъ привольно распространяютъ свои необразимые члены по сотнямъ огромныхъ журнальныхъ страницъ. Прочитайте три, четыре страницы «Героя нашего времени», «Капитанской дочки», «Дубровскаго»—сколько написано на этихъ страничкахъ!—И мѣсто дѣйствія, и дѣйствующія лица, и нѣсколько начальныхъ сценъ, и даже завязка—все помѣстилось въ этой тѣсной рамкѣ. Такой сухости не встрѣтите въ художественно развитыхъ созданіяхъ писателей и писательницъ, прекрасный слогъ которыхъ всѣ такъ хвалятъ. Переверните три листа (читать ихъ не стоитъ)—вы увидите, что все еще тянется съ первой страницы описаніе комнаты, въ которой сидѣлъ герой или героиня разсказа; перевертывайте еще листъ—а, наконецъ-то! описаніе комнаты кончилось (благодарите судьбу, что герой сидитъ въ комнатѣ: еслибъ онъ ѣхалъ или шелъ по полю, картина была бы во столько же разъ длин-

нѣе описанія комнаты, во сколько разъ поле съ рѣкою и рощею обширнѣе комнаты)—и такъ описаніе комнаты кончилось и началось описаніе физическихъ принадлежностей героя или героини; смѣло перевертывайте два листа; только на третьемъ авторъ переходитъ къ размышленіямъ и объясненіямъ нравственныхъ качествъ своего паціента. Черезъ пять листовъ они (наслу-то!) прерываются появленіемъ въ комнатѣ новаго лица, которое, выдержавъ прилично подробное описаніе, начинаетъ разговоръ, который (послѣ всѣхъ прежнихъ объясненій автора) знакомитъ васъ съ характеромъ героя; содержаніе разговора: герой говоритъ: «я скучаю» (или «я влюбленъ») и если читатель не знаетъ по-русски, то изъ разговора, занимающаго пять страницъ, познакомится съ значеніемъ слова «скучаю» (или «влюбленъ»). Конечно, все это было бы прекрасно, если бы не было рѣшительно излишне, скучно, вяло и пусто. Впрочемъ осуждать не смѣемъ: всѣ перевернутые нами листы написаны прекраснымъ слогомъ. А быть можетъ изъ этихъ холодныхъ, безцвѣтныхъ, ничтожныхъ двадцати или тридцати страницъ и составилась бы одна исполненная блестящей или тонкой наблюдательности страница, еслибъ авторъ болѣе дорожилъ терпѣніемъ читателей или хотя бумагою, нежели рубинами и изумрудами своего прекраснаго слога. Вѣдь самое блестящее, самое богатое платье на вѣшалкѣ имѣетъ очень не изящный видъ. Оно хорошо только тогда, когда имъ облеченъ живой человѣкъ, стройный и свѣжій. Нѣтъ, намъ дороже всего брильянты и изумруды:

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами:
Жемчугу бездна и сребра,
Кипитъ, блеститъ, вверхъ бьетъ буграми...

и въ безсиліи падаетъ мокрою пылью, производящею на живаго человѣка самое непріятное ощущеніе, а въ слабыхъ людяхъ даже насморкъ. Иногда приходитъ охота представить осязательное доказательство того, какой вредъ приноситъ растянутость, какой интересъ, силу и даже красоту придаетъ сжатость, сдѣлавъ изъ какой нибудь растянутой повѣсти, прошедшей незамѣченною, «извлеченіе», «экстрактъ», который бы выказалъ ея достоинства, погибшія въ пучинахъ многословія.

Но возвратимся къ авторскимъ привычкамъ Пушкина, къ этой «мелкой сѣти помарокъ», которыми опутаны его стихи. Многіе видѣли въ этомъ по преимуществу изумительную и достойную всякаго подражанія заботливость поэта объ усовершенствованіи своихъ стихотвореній. Мы согласны, что стихи всегда требуютъ внимательной отдѣлки, что стихотвореніе не перемаранное, не перечерканное, почти всегда будетъ страдать шероховатостью. Но отъ этой лежащей въ самой сущности дѣла необходимости дѣлать въ стихахъ много поправокъ, далеко еще до того безчисленнаго множества помарокъ, какое находимъ у Пушкина, и намъ кажется неизлишнимъ представить нѣкоторыя соображенія съ цѣлью предупредить ложные выводы изъ этой особенности поэтическихъ работъ Пушкина. Въ наше время, и безъ того придающее слишкомъ много цѣны внѣшности и мелочамъ, было бы, намъ кажется, вредно говорить писателямъ: «Вы тогда только напишете хорошо, когда переправите двадцать разъ каждый стихъ, когда не оставите ни одного не перечеркнутаго слова:

Saepe stylum vertas,

какъ училъ еще Горацій, *поправляй и поправляй*, тогда только будешь истиннымъ поэтомъ. Мелочнымъ исправленіемъ, филигранною обработкою фразъ достигается художественность». А таковъ кажется, на первый взглядъ, долженъ быть выводъ изъ черновыхъ тетрадей Пушкина.

Но внимательное разсмотрѣніе обстоятельствъ значительно измѣняетъ его. Не всѣ стихи Пушкина такъ перечерканы въ черновыхъ спискахъ, какъ, напримѣръ, отрывокъ изъ «Полтавы», съ котораго снимокъ приложенъ къ изданію г. Анненкова; г. Анненковъ заставляетъ насъ заключить, что многія стихотворенія, не уступающія другимъ въ художественности, мало подвергались перечеркиванью: по крайней мѣрѣ онъ послѣ выписанныхъ нами строкъ о томъ, какою «мелкою сѣткою помарокъ» покрыты бываютъ страницы Пушкина продолжаетъ: «Мы въ правѣ думать, что пьесы, написанныя Пушкинымъ сразу, прошли черезъ то же горнило художественнаго труда, но только въ головѣ его». Слѣдственно и самъ Пушкинъ часто «писалъ сразу» свои произведенія. Нетерпѣливости его характера, тому самому качеству, которое заставляло его писать въ разбивку, также должно быть приписано большое участіе въ помаркахъ — Пушкинъ начиналъ писать стихъ, не успѣвъ мысленно окончить его, не успѣвъ предвидѣть сочетанія риѳмъ; потому риѳмы часто заставляли его передѣлывать стихъ, это ясно изъ множества приводимыхъ у г. Анненкова отрывковъ. Много можно привесть подобныхъ объясненій, основанныхъ на особенностяхъ характера Пушкина.

Но важнѣе всѣхъ этихъ причинъ то обстоятельство, что Пушкинъ сравнительно съ нынѣшними поэтами, былъ въ исключительномъ положеніи. Ему предстояло еще выработать стихъ — тяжелый трудъ, отъ котораго, благодаря ему, избавлены теперь русскіе поэты, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ начинаютъ читать, привыкающіе къ стихамъ, лучше которыхъ по художественности, музыкальности и легкости никто отъ нихъ не требуетъ, да и сами они не могутъ вообразить себѣ. Кромѣ стиха, Пушкинъ долженъ былъ выработать себѣ и языкъ, конечно, представлявшій очень много затрудненій. Въ самомъ дѣлѣ, языкъ Пушкина чрезвычайно много разнится отъ языка Жуковскаго и Карамзина. Наконецъ Пушкинъ долженъ былъ бороться съ пріемами, которые были введены въ привычку прежними стихотворцами, онъ долженъ былъ отбрасывать множество потребительныхъ въ тогдашнее время выраженій, которыя сами собою подвертывались подъ перо, и между тѣмъ уже не годились для его поэзіи. Эта борьба съ устарѣлымъ слогомъ уже не существующая для насъ, благодаря рѣшительной побѣдѣ Пушкина, должна была стоить ему многихъ трудовъ, потому что, несмотря на всѣ исправленія, оставила въ его стихахъ нѣкоторые слѣды. Теперь никто не будетъ отрицать, что у Пушкина часто встрѣчаются устарѣлыя и для его времени фразы. Ему было надобно много усилій, чтобы изгонять такихъ неотвязныхъ гостей.

Наконецъ мы позволяемъ себѣ высказать нѣкоторыя сомнѣнія относительно удобства для русскаго языка той версификаціи, которая господствуетъ со времени Ломоносова. Конечно, мы теперь чрезвычайно привыкли къ ней, благодаря отчасти самому Пушкину; тѣмъ не менѣе надобно сказать, что она не такъ натурально приходится къ свойствамъ нашего языка, какъ, напримѣръ, къ свойствамъ нѣмецкаго, изъ котораго была заимствована безъ всякихъ перемѣнъ и приноровленій. Хотя столь общій эпизодъ, относящійся вообще къ русской поэзіи, можетъ показаться не совсѣмъ умѣстнымъ въ статьѣ о сочиненіяхъ одного поэта, но до сихъ

поръ для большей части и читателей и поэтовъ произведенія Пушкина остаются «образцовою книгою русской поэзіи» и какой же лучшій случай можетъ быть найденъ для общаго взгляда на русскую версификацію, если не воспользоваться представляющимся теперь. Кромѣ того, если не Пушкинъ установилъ нашу версификацію, то онъ упрочилъ преобладаніе въ ней тѣхъ или другихъ размѣровъ.

Пересмотрѣвъ любой стихотворный сборникъ, мы будемъ поражены преобладаніемъ ямба надъ всѣми остальными размѣрами въ русской поэзіи. Но невозможно предположить всей огромности этого преобладанія, не взявъ на себя труда подвести итоги. Лучшій примѣръ—второй томъ новаго изданія, заключающій въ себѣ лирическія стихотворенія Пушкина до 1830 года (включительно). Вотъ общіе итоги размѣровъ всего этого собранія стихотвореній съ 1818 по 1830 годъ (не считаемъ лицейскихъ, еще не принадлежащихъ къ самостоятельнымъ произведеніямъ):

Ямбомъ написано	175	стихотвореній.
Хореемъ	29	»
Амфибрахіемъ	7	»
(Дактилемъ) гекзаметромъ	6	»
Анапестомъ	1	»

Кромѣ того, надобно замѣтить, что большая часть стихотвореній, написанныхъ не ямбическими размѣрами, принадлежитъ къ числу мелкихъ (эпиграммы, надписи, антологическія стихотворенія). Если мы не будемъ принимать ихъ въ разсчетъ, у насъ на сто слишкомъ стихотвореній ямбическихъ останется семнадцать хореическихъ, шесть амфибрахическихъ и одно анапестическое. Мы видимъ, что изъ остальныхъ размѣровъ, кромѣ ямбическаго, Пушкинъ писалъ почти только хореическимъ (особенно съ 1828 года, какъ бы утомясь однообразіемъ ямба); а размѣры, имѣющіе трехсложныя стопы (дактиль, амфибрахій и анапестъ) употреблялъ чрезвычайно рѣдко. Но замѣчательно то обстоятельство, что эти немногія стихотворенія всѣ принадлежатъ къ лучшимъ или любимѣйшимъ, по общему правилу, что все рѣдкое бываетъ или особенно удачно, или особенно неудачно *).

На чемъ же основано такое господство ямба и отчасти хорея, изгоняющее всѣ другіе размѣры? Неужели дѣйствительно ямбъ—самый естественный для русскаго языка размѣръ? Такъ обыкновенно думаютъ: но не такъ на самомъ дѣлѣ. Двухсложныя стопы (ямбъ и хорей) господствуютъ въ нѣмецкой версификаціи, потому что нѣмецкая рѣчь, говоря вообще, сама собою укладывается въ двухсложныя стопы, имѣя ровное число слоговъ съ ударѣніями и безъ ударѣній **). Не то въ русской рѣчи. Наши слова вообще многосложнѣе: мы не ставимъ болѣе одного ударенія на сложныхъ словахъ; гораздо рѣже, нежели нѣмцы, дѣлаемъ удареніе на мѣстоименіяхъ и частицахъ. Ужь поэтому можно предполежить, что у насъ рѣчь

*) Амфибрахическія: 1) «Черная шаль», 2) «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ», 3) «Подражаніе корану» (*И путникъ усталый на Бога ропталъ*), 4) «Узникъ» (*Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой*), 5) «Кавказъ» (*Кавказъ надо мною. Одинъ въ вышинѣ*). Только 6) «Вакхическая пѣсня» (*Что смолкнулъ веселія гласъ*), быть можетъ почтена исключеніемъ. Единственное стихотвореніе, написанное анапестомъ: *Пью за здравіе Мери.*

**) Не приводимъ примѣровъ; чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ, стоитъ развернуть первую попавшуюся въ руки нѣмецкую книгу (конечно мы говоримъ о прозѣ) и сосчитать на нѣсколькихъ строкахъ количество ударѣній сравнительно съ количествомъ слоговъ, остающихся безъ ударенія; надобно только помнить, что въ нѣмецкомъ произношеніи на сложныхъ словахъ дѣлается по два ударенія, мелкія частицы также очень часто имѣютъ на себѣ удареніе и т. д.

не будетъ такъ натурально укладываться въ ямбы и хореи, какъ у нѣмцевъ, отъ которыхъ перешло къ намъ пристрастіе къ двусложнымъ стопамъ. Чтобы видѣть, въ какія стопы всего естественнѣе должна ложиться русская рѣчь, попробуемъ сосчитать количество ударенiй, въ ней находящихся. У насъ подъ руками вторая книжка «Современника» за нынѣшнiй годъ, и изъ нея мы возьмемъ три или четыре отрывка, потому что откуда ни брать ихъ, все равно: результатъ получится тотъ же самый. Вотъ нѣсколько строкъ изъ первой страницы повѣсти г. Писемскаго «Виновата ли она?». Отмѣчаемъ ударенiе большими буквами:

я жИлъ одИнъ, накОмыхъ не имѢлъ никогО и едИнственнымъ моИмъ развлечЕніемъ бЫло часА пО-два, пО-три ходИть по ТверскОму бульвАру. и. БОгъ знАетъ, чегО не передУмать. ОднАжды я встрѢтилъ молодОго человѢка, котОрый прЯмо обратИлся ко мнѢ съ вопрОсомъ: не знАете ли когО нибУдь изъ вАшихъ товАрищей, ктО бы приготОвилъ менЯ въ университЕтъ? я посмотрѢлъ на негО прИстально; на вИдъ емУ бЫло лѢтъ осьмнАдцать, одѢтъ онъ бЫлъ небрЕжно, въ прiЕмахъ егО видна былА безпЕчность. ЛицО выразИтельно и съ глубОкимъ оттѢнкомъ меланхОліи.—Если вамъ угОдно, я могУ взЯть Это на себЯ, отвѣчАлъ я.

Всего 193 слога; ударенiй 66; $3\times66=198$. Итакъ, только пяти слоговъ не достаетъ, чтобы количество слоговъ было втрое больше количества ударенiй. Вотъ начало разсказа «Голубые глазки»:

Въ одномъ изъ сАмыхъ многолЮдныхъ квартАловъ ПетербУрга, въ большОмъ и многолЮдномъ дОмѣ жилА мѣщАнка ПраскОвья ИвАнова, въ продолжЕніе четЫрнадцати лѢтъ срЯду помѣщАлась онА въ двУхъ кОмнатахъ подвАльнаго этажА, въ сАмой глубинѢ двора.

Всего 75 слоговъ и 25 ударенiй. Совпаденіе чиселъ точно до странности. Вотъ послѣдній отрывокъ—начало первой главы переводнаго романа «Часовщикъ»:

я всегдА хорошО Ѣздилъ; я охОтникъ до лошадЕй и всегдА гордИлся тѢмъ, что у менЯ сАмый рѢзвый рысАкъ въ цѢлой провИнціи, я никогдА не отличАлся блестЯщими успѢхами въ свѢтѣ, тѣмъ съ бОльшимъ удовОльствіемъ я сознаЮ, что менЯ никтО не обгОнитъ въ чИстомъ пОлѣ.

83 слога и 27 ударенiй; $3\times27=81$; слѣдовательно, только два слога лишнихъ противъ точнаго опредѣленiя. Соединивъ итоги всѣхъ трехъ отрывковъ получимъ 351 слогъ и въ нихъ 118 ударенiй; $3\times118=354$. И такъ, уклоненіе отъ точнаго размѣра: на три слога одно ударенiе (дактиль, амфибрахій, анапестъ) равняется только тремъ слогамъ на 251 слогъ или одной стодвадцатой. Близость удивительная.

Намъ кажется, что изъ этихъ цифръ нельзя не извлечь заключенiя, что ямбъ и хорей, требующіе въ 30 слогахъ 15 ударенiй, далеко не такъ естественны въ русскомъ языкѣ, какъ дактили, амфибрахіи, анапесты, требующіе въ 30 слогахъ 10 ударенiй *).

*) Спѣшимъ замѣтить, что изъ нашихъ словъ не слѣдуетъ, чтобы гекзаметръ (по преимуществу дактилическій стихъ) былъ сроденъ русской версификаціи. Онъ рѣшительно нейдетъ къ ней по многимъ причинамъ. Точно также замѣтимъ, что если въ ямбическихъ и хореическихъ стихахъ принято разрѣшеніе нѣкоторыя стопы оставлять безъ ударенiй, то это признавалось «вольностью», которой по мѣрѣ возможности старались избѣгать; слѣдовательно затруднительность размѣра не отстранялась этимъ. Кромѣ того, допускаясь безъ всякихъ опредѣлительныхъ правилъ, эта вольность разрушаетъ стройность стиха: въ нашихъ, такъ называемыхъ четырехстопныхъ ямбахъ, собственно читаемыхъ съ двумя ударенiями какъ двухстопные стихи (двухстопные неаническіе), безпрестанно встрѣчается необходимость считать и три ударенiя, а иногда и всѣ четыре; этотъ безпорядокъ не оскорбляетъ насъ только потому, что слишкомъ привыченъ намъ.

У Жуковскаго было гораздо болѣе разнообразія въ размѣрахъ, нежели у Пушкина; амфибрахій встрѣчается у него гораздо чаще; попадается и дактиль (мы говоримъ не о гекзаметрахъ, которые, какъ бы ни были прекрасны, все-таки дурны); и анапестъ; Пушкинъ возвратился къ исключительному господству ямба. А между тѣмъ, кажется, что трехсложныя стопы (дактиль, амфибрахій, анапестъ) и гораздо благозвучнѣе и допускаютъ большее разнообразіе размѣровъ, и наконецъ, гораздо естественнѣе въ русскомъ языкѣ, нежели ямбы и хорей. О большей естественности ихъ невозможенъ и споръ, послѣ цифръ приведенныхъ нами. Не можемъ не замѣтить, что у одного изъ современныхъ русскихъ поэтовъ—конечно вовсе не преднамѣренно—трехсложныя стопы, очевидно, пользуются предпочтительною любовью передъ ямбомъ и хореемъ.

Обычай нашего стихосложенія также очень стѣснительны для русскихъ риѳмъ. Было бы слишкомъ долго доказывать здѣсь исчисленіями и счисленіями, что въ нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ языкѣ, находится гораздо большее, нежели въ русскомъ число риѳмующихъ словъ, для каждаго слова; но представимъ хотя одинъ примѣръ изъ нѣмецкаго языка. Беремъ слово Band, и измѣняемъ по алфавитному порядку первую букву: получаемъ риѳмующія and, Hand, kannt, Kant, Land, Pfand, Rand, Sand, Wand, (всего 10); такихъ словъ въ нѣмецкомъ тысячи; но просимъ найти въ русскомъ хотя одинъ подобный случай. Вообще самое бѣглое сравненіе убѣждаетъ, что въ нѣмецкомъ (не говоря уже о французскомъ и англійскомъ), слова риомуютъ по принятымъ нынѣ правиламъ въ гораздо большемъ количествѣ *), нежели у насъ, потому риомы могутъ быть менѣе стѣснительны, для поэта и для достоинства стиховъ.

Потому намъ кажется, что риома въ русскомъ языкѣ должна существовать съ нѣкоторыми особенными условіями, вытекающими изъ сущности языка. Одинъ шагъ къ этому сдѣланъ уже поэтомъ, о которомъ говорили мы выше и который также любитъ дактилическую риому—это по крайней мѣрѣ разнообразность риомы. Но младость-радость; ночи-очи и т. д., кажется, нуждаются въ большей свободѣ, чтобы разорвать свой неспосный союзъ. Русская риома намъ кажется, могла-бъ довольствоваться не одинаковостью, а подобностью звуковъ, какъ это бываетъ иногда у Кольцова. Конечно, это созвучіе должно быть сильно, рѣзко, чтобы быть замѣтнымъ.

Но въ томъ, что риома должна остаться необходимою принадлежностью русскаго стиха, невозможно сомнѣваться; вся исторія русскаго народнаго стихосложенія показываетъ его стремленіе пріучить себя къ риомѣ. Точно также и различіе нашего языка съ нѣмецкимъ въ предпочтеніи одного размѣра другимъ, никакъ не должно вести къ заключенію, чтобы русская поэзія могла принять стихосложеніе простонародныхъ пѣсенъ; потому что сами пѣсни выказывали постоянное стремленіе подчиниться тѣмъ стопамъ, какія введены въ нашей литературной поэзіи; стихосложеніе нашей народной поэзіи само покидаетъ свои прежнія правила, учится

*) Главныя причины этого въ нѣмецкомъ языкѣ: (котораго версификація удерживается у насъ доселѣ безъ всякихъ измѣненій, и качества котораго мы должны по этому имѣть въ виду) однообразіе въ расположеніи удареній, близость удареній къ концу (въ нѣмецкомъ удареніе бываетъ не далѣе предпослѣдняго слога; если оно на третьемъ отъ конца слогѣ, то послѣдній уже пріобрѣтаетъ свое особенное удареніе, достаточное для рифмы, напр. ẻwigkẻit, Wissenschâft) наконецъ самая краткость словъ. Много есть кромѣ того причинъ второстепенныхъ.

новымъ, принятымъ нашею литературою со времени Ломоносова и тѣмъ само изобличаетъ свою слабость сравнительно съ новою версификаціею. Теперь ужъ не только литераторы, но и народъ не могутъ возвратиться къ старинной формѣ пѣсни. Да и нельзя жалѣть о невозможности возстановить ея господство, потому что старинный нашъ размѣръ, каковы бы ни были его достоинства, слишкомъ поражаетъ своею монотонностью. Однако пора окончить наше отступленіе.

Изъ всѣхъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на привычку Пушкина посвящать много вниманія и усилій на обработку формы своихъ стиховъ, самое важное то, что Пушкинъ былъ по преимуществу поэтъ формы. Этимъ не хотимъ мы сказать, что существенное значеніе его въ исторіи русской поэзіи—обработка стиха: въ такой мысли отзывался бы слишкомъ узкій взглядъ на значеніе поэзіи въ обществѣ. Но дѣйствительно, существеннѣйшее, значеніе произведеній Пушкина—то, что они прекрасны или, какъ любятъ нынѣ выражаться, художественны. Пушкинъ не былъ поэтомъ какого нибудь опредѣленнаго воззрѣнія на жизнь, какъ Байронъ, не былъ даже поэтомъ мысли вообще, какъ напримѣръ Гете и Шиллеръ. Художественная форма «Фауста», «Валленштейна», «Чайльдъ-Гарольда» возникла для того, чтобы въ ней выразилось глубокое воззрѣніе на жизнь; въ произведеніяхъ Пушкина мы не найдемъ этого. У него художественность составляетъ не одну оболочку, а зерно и оболочку вмѣстѣ.

Одна только опредѣленная сторона въ характерѣ содержанія можетъ быть уловлена у Пушкина: онъ хотѣлъ быть русскимъ историческимъ поэтомъ. «Борисъ Годуновъ», «Полтава», «Мѣдный Всадникъ», «Арапъ Петра Великаго», отчасти «Капитанская дочка», были созданы не только художническою потребностью, но и желаніемъ выразить свое опредѣленное созерцаніе явленій русской исторіи. Но и здѣсь Пушкинъ остался вѣренъ самому себѣ: онъ не высказалъ ничего принадлежащаго ему; взглядъ его на историческіе характеры и явленія былъ не болѣе, какъ отраженіе общихъ понятій. Петръ—великій человѣкъ, мудрый правитель; Карлъ—опрометчивый герой; Мазепа—коварный измѣнникъ: болѣе ничего не высказано въ «Полтавѣ» объ этихъ лицахъ. «Борисъ Годуновъ» повтореніе характеровъ и взглядовъ, высказанныхъ Карамзинымъ. Вообще историческія произведенія Пушкина сильны общею психологическою вѣрностью характеровъ, но не тѣмъ, чтобы Пушкинъ прозрѣвалъ въ изображаемыхъ событіяхъ глубокій внутренній интересъ ихъ, какъ, напримѣръ, Гете въ своемъ «Гецѣ фонъ Берлихингенѣ», съ которымъ неудачно сближали «Бориса Годунова». Говоря все это, мы повторяемъ мысли, высказанныя давно. Пушкинъ по преимуществу поэтъ-художникъ, не поэтъ-мыслитель; то есть, существенный смыслъ его произведеній—художественная ихъ красота. Если, однако, повторить вопросъ, которымъ занималась «чернь тупая» еще при жизни поэта:

Зачѣмъ такъ звучно онъ поетъ?
Напрасно ухо поражая,
Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
О чемъ бренчитъ? чему насъ учитъ?
Зачѣмъ сердца волнуетъ, мучитъ,
Какъ своенравный чародѣй?
Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
За то, какъ вѣтеръ и безплодна;
Какая польза намъ отъ ней?

Нынѣ можно отвѣчать на эти вопросы, очень основательные, гораздо спокойнѣе и гораздо выгоднѣе для значенія Пушкина въ исторіи нашего развитія, нежели отвѣчалъ на нихъ самъ Пушкинъ.

Онъ по особенности своего поэтическаго настроенія именно соотвѣтствовалъ если не всѣмъ, то по крайней мѣрѣ одной изъ важнѣйшихъ потребностей своего времени, которое, впрочемъ, едва-ли не должно еще назвать и нашимъ временемъ. Его произведенія могущественно дѣйствовали на пробужденіе сочувствія къ поэзіи въ массѣ русскаго общества, они умножили въ десять разъ число людей, интересующихся литературою и черезъ то дѣлающихся способными къ воспринятію высшаго нравственнаго развитія. Онъ самъ прекрасно очертилъ это достоинство литературныхъ произведеній, говоря:

Плодятъ читателей они;
Гдѣ есть повѣтріе на чтенье,
Тамъ просвѣщенье, тамъ добро.

О нашей литературѣ, чтобъ она сохранила свою важность, какъ и вообще о нашей исторіи, должно судить, принимая въ соображеніе не требованія, приложимыя къ другимъ землямъ, а особенности положенія русскаго общества. Байронъ, если бы вздумалъ писать въ 1820 году по русски, не нашелъ бы себѣ и сотой доли того сочувствія, какое было пробуждено Пушкинымъ, и имѣлъ бы во сто разъ менѣе значенія для нашего развитія, нежели Пушкинъ. Теперь излишне доказывать это, когда для всѣхъ ясно, какъ былъ понимаемъ Байронъ самимъ Пушкинымъ, подобныхъ которому по степени развитія людей была тогда въ Россіи горсть. Но есть и другой примѣръ. Шиллеръ былъ, кажется, гораздо доступнѣе для неприготовленнаго человѣка, нежели Байронъ. Жуковскій переводилъ Шиллера. Поняли-ль его? Оцѣнили-ль сколько нибудь? Нѣтъ, эффектъ производилъ не «Кубокъ», не «Торжество побѣдителей», а пустыя «Людмила» или «Ленора» и нелѣпыя баллады Соути «О томъ, какъ старушка ѣхала на конѣ, и кто ѣхалъ съ нею»: Жуковскій для своихъ читателей имѣлъ интересъ какъ «Балладникъ», а не какъ переводчикъ Шиллера. Періодъ, представителемъ потребностей котораго былъ Пушкинъ, не совершенно еще окончился: и современная русская литература, много отличаясь отъ литературы 1820—1835 годовъ, имѣетъ еще съ нею гораздо больше общности, нежели различія по своему значенію. Это доказывается, между прочимъ, напримѣръ, тѣмъ, что большинство даже избраннѣйшихъ читателей, еще предпочитаетъ Пушкина Гоголю. И сообразно своимъ потребностямъ, этотъ многочисленнѣйшій разрядъ общества совершенно правъ. Говоря о значеніи Пушкина въ исторіи развитія нашей литературы у общества, должно смотрѣть не на то, до какой степени выразились въ его произведеніяхъ различныя стремленія, встрѣчаемыя на другихъ ступеняхъ развитія общества, а принимать въ соображеніе настоятельнѣйшую потребность и тогдашняго и даже нынѣшняго времени—потребность литературныхъ и гуманныхъ интересовъ вообще. Въ этомъ отношеніи значеніе Пушкина неизмѣримо велико. Черезъ него разлилось литературное образованіе на десятки тысячъ людей, между тѣмъ какъ до него литературные интересы занимали не многихъ. Онъ первый возвелъ у насъ литературу въ достоинство національнаго дѣла, между тѣмъ какъ прежде она была, по удачному заглавію одного изъ старинныхъ журналовъ, «Пріятнымъ и полезнымъ препровожденіемъ времени» для тѣснаго кружка дилеттантовъ. Онъ былъ первымъ поэтомъ, который сталъ въ глазахъ

всей русской публики на то высокое мѣсто, какое долженъ занимать въ своей странѣ великій писатель. Вся возможность дальнѣйшаго развитія русской литературы была приготовлена и отчасти еще приготовляется Пушкинымъ.

Но если Пушкинъ по преимуществу поэтъ-художникъ, если въ его произведеніяхъ выразилось не столько развитіе поэтическаго содержанія, сколько развитіе поэтической формы, то нельзя забывать, что Пушкинъ, не будучи по преимуществу ни мыслителемъ, ни ученымъ, былъ человѣкъ необыкновеннаго ума и человѣкъ чрезвычайно образованный; не только за тридцать лѣтъ назадъ, но и нынѣ въ нашемъ обществѣ немного найдется людей равныхъ Пушкину по образованности. Потому хотя въ его произведеніяхъ не должно искать главнѣйшимъ образомъ глубокаго содержанія, ясно сознаннаго и послѣдовательнаго, за то каждая страница его кипитъ умомъ и жизнью образованной мысли. Еслибъ читатели по преимуществу искали въ немъ содержанія, они бы вѣроятно потребовали большаго; но они не искали, не требовали, содержаніе давалось имъ невзначай, безъ просьбы съ ихъ стороны, и для нихъ это содержаніе было такъ обильно и глубоко, что они едва могли выносить тяжелое для непривычнаго человѣка богатство. Каждый стихъ, каждая строка бѣглыхъ замѣтокъ Пушкина затрогивала, возбуждала мысль, если читатель могъ пробудиться къ мысли. Это значеніе Пушкинъ продолжаетъ еще сохранять до нашего времени. Ограничимся примѣрами, относящимися спеціально къ понятіямъ о русской литературѣ. Что Пушкинъ не былъ рожденъ критикомъ, это до очевидности обнаруживаютъ его сужденія о современныхъ ему русскихъ писателяхъ; если въ этихъ мнѣніяхъ оставимъ хотя одну сотую часть искренности, относя остальное къ любезности и добродушію Пушкина, то надобно будетъ сказать, что Пушкинъ смотрѣлъ на хвалимыя произведенія очень наивно. А между тѣмъ и тутъ найдемъ у него много вѣрныхъ замѣчаній; а сколько проницательности, вѣрности въ его бѣглыхъ замѣчаніяхъ о предшествовавшей ему русской литературѣ! Такъ напримѣръ, три или четыре длинныя и глубокомысленныя статьи о Княжнинѣ, приносящія величайшую честь ихъ автору, составились изъ перифраза двухъ словъ, невзначай сказанныхъ Пушкинымъ: «Переимчивый Княжнинъ». Подобныя же исторіи произошли съ бѣглыми замѣтками Пушкина о Фонвизинѣ, Ломоносовѣ и проч. Интересно знать, многіе ли даже и нынѣ постигнутъ справедливость замѣтокъ Пушкина о Державинѣ, или слѣдующей:

...«Стихотворство для Ломоносова было иногда забавою, чаще должностнымъ упражненіемъ».

Сумарокова Пушкинъ называетъ «бездарнѣйшимъ изъ подражателей», а о русской литературѣ конца XVIII и начала XIX вѣка судитъ онъ такъ:

«Ничтожество общее. Французская обмельчавшая словесность envahit tout; знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи: но бездарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ: Дорать, Флоріанъ, Мармонтель, Гимаръ, М-me Жанлисъ овладѣваютъ русскою словесностью».

Если многіе изъ нынѣшнихъ критиковъ и историковъ литературы и теперь задумываются надъ этими словами, то можно судить, сколько ума и проницательности долженъ былъ имѣть человѣкъ, высказывавшій такія мнѣнія въ 1824 году, и какъ многому было можно (и до сихъ поръ должно) учиться у него, о чемъ бы ни заговорилъ онъ, чего бы ни коснулся.

Вообще вліяніе человѣка, одареннаго такимъ огромнымъ умомъ и такъ высоко стоявшаго по своей образованности, какъ Пушкинъ, было неизмѣримо важно для развитія читателей, имъ созданныхъ и очарованныхъ его геніальнымъ талантомъ. Въ исторіи русской образованности Пушкинъ занимаетъ такое же мѣсто, какъ и въ исторіи русской поэзіи. Будемъ же читать и перечитывать творенія великаго поэта, и съ признательностью думая о значеніи ихъ для русской образованности повторять вслѣдъ за нимъ:

Да здравствуютъ Музы, да здравствуетъ Разумъ!

И да будетъ безсмертна память людей, служившихъ Музамъ и Разуму, какъ служилъ Пушкинъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Изданіе твореній нашего великаго поэта, встрѣченное нетерпѣливымъ ожиданіемъ публики, быстро приближается къ окончанію. Черезъ три мѣсяца по выходѣ двухъ первыхъ томовъ явилось еще два—третій, заключающій въ себѣ лирическія стихотворенія 1831—1836 годовъ, поэмы и повѣсти, писанныя стихами, простонародныя сказки, пѣсни западныхъ славянъ, и пятый, содержащій: 1) Записки Пушкина (отрывки автобіографіи, мысли, замѣчанія, анекдоты и «Путешествіе въ Арзерумъ»); 2) романы и повѣсти, писанные прозою; 3) журнальныя статьи. Въ самомъ непродолжительномъ времени, вѣроятно въ первыхъ числахъ іюля, выйдутъ и остальные два тома новаго изданія—четвертый (содержащій «Евгенія Онѣгина», «Бориса Годунова» и другія драматическія произведенія) и шестой («Исторія Пугачевскаго бунта» съ примѣчаніями и «возраженіями» Пушкина на критику Броневскаго). Такимъ образомъ скоро русскіе читатели будутъ имѣть въ рукахъ полное изданіе «Сочиненій Пушкина», оконченное менѣе, нежели въ теченіе полугода со времени появленія первыхъ томовъ—быстрота, за которую нельзя не благодарить издателя, оказавшаго тѣмъ великую услугу русской публикѣ.

Въ предъидущихъ главахъ мы представили очерки характера Пушкина и пріемовъ, которыми отличалось его творчество. Теперь мы должны перейти къ разсмотрѣнію самыхъ его произведеній. Но мы уже говорили въ началѣ первой главы, что считаемъ излишнимъ въ настоящее время разсматривать сочиненія Пушкина въ художественномъ отношеніи. Противъ обыкновенія, которому любятъ слѣдовать рецензенты, утверждая, что предшествующіе разборы не достаточно объяснили значеніе разсматриваемой книги, мы рѣшительно сказали, что давно уже произведенія Пушкина превосходно оцѣнены, и, насколько то возможно было, объяснены эстетическою критикою. Намъ пріятно было видѣть, что и другіе рецензенты согласились съ этимъ мнѣніемъ («Отечественныя Записки» 1855 г. № VI, отдѣлъ критики). Потому намъ остается только взглянуть на тѣ стороны явленія, которыя, быть можетъ, представляютъ нѣсколько вопросовъ, еще не совершенно объясненныхъ,—именно, прослѣдить ходъ измѣненія идей, которыми одушевлялась дѣятельность Пушкина въ различныя эпохи, и отношеніе этихъ направленій къ общественному мнѣнію того времени, отголоскомъ котораго были журнальныя статьи. Взглядъ на отзывы, возбужденные въ журналахъ произведеніями Пушкина, послужитъ опорою собственныхъ нашихъ заключеній о различныхъ фазисахъ поэтической дѣятельности Пушкина, — и мы начнемъ обозрѣніемъ отношеній критики

двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ къ нашему поэту, чтобы ясна была тѣсная связь, соединяющая образъ мыслей нашего времени съ потребностями этого недавняго прошедшаго, и чтобы наши мнѣнія явились уже только по изложеніи несомнѣнныхъ фактовъ, принадлежащихъ исторіи литературы. Эти факты можно было бы изложить очень кратко, еслибъ не были часто высказываемы относительно ихъ предубѣжденныя и односторонніе сужденія. Теперь же по необходимости надобно представить ходъ дѣла съ нѣкоторою подробностью, чтобы истина обнаружилась несомнѣнно.

Обыкновенно говорятъ, будто бы съ самаго появленія «Руслана и Людмилы» началось широкое и чрезвычайно сильное критическое движеніе въ тогдашнихъ журналахъ; многіе даже воображаютъ, будто бы борьба противъ и за Пушкина въ теченіе цѣлыхъ шестнадцати лѣтъ (1820—1836) такъ жезанимала перья журналистовъ, какъ, напримѣръ, въ послѣдующее время пренія противъ и въ защиту натуральной школы, два или три года постоянно одушевлявшія русскую журналистику. Такое понятіе не совсѣмъ точно. Если собрать все, что было написано въ журналахъ двадцатыхъ годовъ о всѣхъ произведеніяхъ Пушкина до «Полтавы», то масса будетъ менѣе, нежели то, что было въ наше время написано, напримѣръ, по случаю появленія комедіи г. Островскаго «Бѣдность не порокъ». Въ тощихъ книжкахъ тогдашнихъ журналовъ страницы наполнялись переводами, безчисленными стихотвореніями и вялыми статейками о неимовѣрно сухихъ предметахъ. Отзывы о явленіяхъ литературы ограничивались обыкновенно очень немногими страничками, если не строками. Только въ послѣднее время дѣятельности Пушкина критика получила болѣе развитія. Другая ошибка, еще важнѣйшая, состоитъ въ томъ, что думаютъ, будто критика, современная Пушкину, нисколько не умѣла оцѣнить его. Мы вовсе не имѣемъ желанія превозносить прошедшее; готовы сказать о немъ вообще, что его значеніе преувеличивается даже тѣми людьми, которые наиболѣе строго судятъ о немъ. Но тѣмъ не менѣе должны сказать, что люди умные и, по своему времени, очень проницательные, существовали всегда; что каковы бываютъ писатели, точно таковы же бываютъ и критики—тѣ и другіе рождаются однимъ и тѣмъ же обществомъ. Конечно и во времена Пушкина, какъ всегда, были нелѣпые критики, наравнѣ съ нелѣпыми писателями. Но по рецензіямъ или романамъ и стихамъ этихъ бездарныхъ людей было бы несправедливо судить о той эпохѣ, какъ несправедливо судить о нашемъ времени по произведеніямъ въ родѣ «Ассамблеи», «Онихидіона любознательнаго» и тѣмъ рецензіямъ, въ которыхъ доказывается что Гоголь—плохой писатель. И какъ въ наше время писатели, хотя сколько нибудь сознающіе свое достоинство, не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на отзывы нѣкоторыхъ критиковъ, точно такъ же и Пушкинъ могъ и долженъ былъ нимало не оскорбляться отзывами «Галатеи», «Дамскаго Журнала» и т. д. Безполезно и теперь вспоминать объ этихъ «беззубыхъ критикахъ» (по удачному выраженію одного изъ журналовъ Пушкинской эпохи). Мы хотимъ прослѣдить мнѣнія, какія были высказываемы о произведеніяхъ нашего поэта лучшими изъ современныхъ ему журналовъ, которые одни пользовались вѣсомъ въ кругу людей образованныхъ. Критика этихъ журналовъ была вовсе не такъ поверхностна, придирчива и пуста, какъ обыкновенно думаютъ. Мы ни мало не хотимъ утверждать, чтобы «Телеграфъ» и «Телескопъ» были совершенно непогрѣшительны въ своихъ сужденіяхъ о Пушкинѣ; но непредубѣжденный читатель, просмотрѣвъ сведенные

нами факты, вѣроятно согласится, что въ сущности въ этихъ разборахъ было болѣе вѣрнаго и дѣльнаго, нежели пустаго и придирчиваго.

«Наши критики долго оставляли меня въ покоѣ»—говоритъ Пушкинъ въ своихъ «замѣчаніяхъ».—«Первыя непріязненныя статьи, помнится, стали появляться по напечатаніи четвертой и пятой пѣсни «Евгенія Онѣгина»—но эти статьи принадлежали перьямъ столь слабымъ, что не заслуживали ни малѣйшаго вниманія, и поэтъ совершенно напрасно трудился отвѣчать на упрекъ г. В. Федорова за слово «корова», по мнѣнію критика низкое и неблагородное. Отзывы единственнаго журнала, пользовавшагося почти исключительнымъ вліяніемъ на публику — «Московскаго Телеграфа» и послѣ того нѣсколько лѣтъ продолжали быть чрезвычайно благопріятны, или, лучше сказать, восторженны. Они даже не заключали въ себѣ никакихъ замѣчаній, хотя бы самыхъ легкихъ и нѣжныхъ. Едва ли не въ первый разъ «Московскій Телеграфъ» сдѣлалъ замѣчаніе Пушкину въ статьѣ о «Цыганахъ» (М. Т. 1827., ч. 15, стр. III и слѣд.), которая впрочемъ была проникнута еще большимъ восторгомъ, нежели прежніе отзывы. Этотъ разборъ выставляется намъ въ самомъ смѣшномъ и жалкомъ видѣ извѣстною замѣткою Пушкина:

«Покойный Р. негодовалъ, зачѣмъ Алеко водитъ медвѣдя и еще собираетъ деньги съ глазѣющей публики. В. (*кн. Вяземскій*) повторилъ то же замѣчаніе (*въ разборѣ, о которомъ мы говоримъ*). Р. просилъ меня сдѣлать изъ Алеко хоть кузнеца, что было бы не въ примѣръ благороднѣе. Всего лучше было бы сдѣлать изъ него чиновника или помѣщика, а не цыгана. Въ такомъ случаѣ правда, не было бъ и самой поэмы—ma tanto meglio (*тѣмъ лучше*)».

Если бы даже и нельзя было защищать упрека, который кажется столь забавенъ, то довольно просмотрѣть статью, въ которой онъ помѣщенъ, чтобы ея критическое достоинство не нуждалось въ защитѣ.

Въ разборѣ своемъ кн. Вяземскій сначала говоритъ, что талантъ Пушкина развивается, что въ Цыганахъ видно «болѣе зрѣлости, болѣе силы, свободы, развязности», нежели въ «Кавказскомъ Плѣнникѣ» и «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ»; что эта поэма—лучшее изъ доселѣ напечатанныхъ произведеній Пушкина; что она переноситъ насъ въ новую сферу жизни; что она пробуждаетъ чувства не «затверженныя на память», а свѣжія, новыя: что если она отзывается вліяніемъ Байрона, то подражаніе едва уловимо. Затѣмъ говорится о правѣ поэта представлять сцены въ отрывочной формѣ, лишь бы только онѣ имѣли внутреннюю связь и послѣдовательность—она есть въ «Цыганахъ», и слѣдовательно поэму нельзя упрекать за внѣшнюю отрывочность сценъ. Потомъ анализируется содержаніе поэмы, характеры Алеко и Земфиры: критикъ находитъ все поэтическимъ и художественнымъ: разбирается мнѣніе нѣкоторыхъ, будто бы эпизодъ объ Овидіи неумѣстенъ въ устахъ Цыгана, и доказывается что этотъ упрекъ пустая придирка—здѣсь слѣдуетъ нѣсколько строкъ (а статья занимаетъ 12 страницъ) о томъ, что напрасно Пушкинъ заставилъ Алеко водить медвѣдя и тѣмъ впалъ въ фарсъ—статья заключается такъ:

«Пушкинъ совершилъ много; но можетъ совершить еще болѣе. Онъ долженъ это чувствовать и мы въ этомъ убѣждены за него. Онъ конечно далеко за собою оставилъ берега и сверстниковъ своихъ: но все еще предстоятъ ему новыя испытанія силъ своихъ: онъ можетъ плыть еще далѣе».

Оставимъ въ сторонѣ фразу о медвѣдѣ —и мы должны будемъ согласиться, что все прочее въ разборѣ очень справедливо, и что даже теперь почти нечего прибавить къ высказанному въ немъ. Да и самое неудовольство рецензента медвѣдемъ легко можетъ быть объяснено очень уважительными причинами. Угрюмый и гордый Алеко вовсе не способенъ гаерствовать передъ толпою, и дѣйствительно, только желаніе Пушкина вставить въ картину его бродячей жизни насмѣшку надъ чопорностью условныхъ приличій, внушало ему мысль придать своему герою черту, которая соотвѣтствуетъ общему очерку характера.

Удивленіемъ и благоговѣніемъ къ Пушкину проникнуты и слѣдующіе за тѣмъ отзывы «Телеграфа» —до появленія VII главы «Евгенія Онѣгина», разборъ которой помѣщенъ въ послѣдней части «Телеграфа» за 1830 годъ. Здѣсь уже съ грустью говорится о томъ, что блестящій талантъ Пушкина запутался среди отношеній, неблагопріятствующихъ его развитію, и рецензентъ ищетъ объясненій того факта, что вновь вышедшая глава романа принята публикою не съ такимъ восторгомъ, какъ прежнія. Тонъ статьи умѣренъ и деликатенъ, но твердъ и независимъ: въ немъ слышится уваженіе, но нѣтъ и тѣни прежняго энтузіазма. Еще холоднѣе, нежели о VII главѣ «Евгенія», отзывъ о «Борисѣ Годуновѣ», помѣщенный въ той же части журнала. Наконецъ —все въ той же 32-й части. «Телеграфа», находимъ пародію извѣстной эпиграммы Пушкина «Собраніе насѣкомыхъ»:

ЭПИГРАММА.

На нивѣ бѣдной и безплодной
Россійской прозы и стиховъ
Я, сынъ поэзіи холодной,
Вамъ набралъ травокъ и цвѣтовъ;
Въ тиски хохочущей сатиры
Я ихъ когтями положилъ
И рѣзкимъ звукомъ смѣлой лиры
Ихъ описалъ и изсушилъ.
Вотъ Чайльдъ Гарольдія *) смѣшная,
Вотъ Донъ-Жуанія моя;
Вотъ Дидеротія блаженная,
Вотъ русской бѣлены семья;
Пырей Ливоніи удалой
И финскій нашъ чертополохъ,
И макъ Германіи удалой
И древнихъ эллиновъ горохъ **)—
Все, все рядомъ въ моихъ листочкахъ
Разложено, уложено
И эпиграммы въ легкихъ строчкахъ
На смѣхъ другимъ обречено.

Обезьянинъ.

(Московскій Телеграфъ 1830 г. Ч. 32, стр. 135).

Черезъ два года была помѣщена другая пародія знаменитаго стихотворенія Пушкина «Чернь»:

*) Явные намеки на произведенія Пушкина.
**) Столь же явные намеки на барона Дельвига.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МУРАВЕЙ.

Историческо-политическо-литературная Газета, издаваемая въ городѣ NN, Яковомъ Ротозѣевымъ и Ѳомою Низкопоклонинымъ *).

ПОЭТЪ.

(Посвящено Ѳ. Ѳ. Мотылькову).

«Самовластительный губитель
Забавъ и доблестей своихъ,
То добрый геній, то мучитель,
Мертвецъ средь радостей земныхъ
И гость веселый на кладбищѣ,
Поэтъ! скажи мнѣ, гдѣ жилище,
Гдѣ домъ твой, дивный чародѣй?
Небрежной лирою своей
Ты насъ то мучишь, то терзаешь,
То радуешь, то веселишь;
Къ ногамъ порока упадаешь,
Добро презрѣніемъ даришь;
То надъ неопытною дѣвой,
Какъ старый грѣшникъ, шутишь ты...
Скажи, зачѣмъ твои сомнѣнья,
Твои безумныя волненья;
Зачѣмъ въ тебѣ порокъ и зло
Блестящимъ даромъ облекло
Судьбы счастливой заблужденье?
Зачѣмъ къ тебѣ, суетъ дитя,
Всползли, взгнѣздилися пороки?
Лжи, лести, низости уроки
Ты проповѣдуешь шутя?
Съ твоимъ божественнымъ искусствомъ
Зачѣмъ, презрѣнной славы льстецъ,
Зачѣмъ предательскимъ ты чувствомъ
Мрачишь лавровый свой вѣнецъ?»

Такъ говорила чернь слѣпая,
Поэту дивному внимая;
Онъ горделиво посмотрѣлъ
На вопль и крики черни дикой,
Не дорожа ея уликой,
Какъ юный, дѣвственный орелъ;
Ударилъ въ струны золотыя,
Съ земли далеко улетѣлъ,
Въ передней у вельможи сѣлъ
И пѣсни дивныя, живыя
Въ восторгѣ радости запѣлъ.

Безсмысловъ.

С.-Петербургъ, 1832.

*) Тел. 1832, ч. 44, Камеръ-обскура. № 8, стр. 153.

Здѣсь, ясно, дѣло идетъ о «Литературной Газетѣ», которую издавалъ Дельвигъ (его, очевидно, должно разумѣть подъ именемъ Якова Ротозѣева), литературный кліэнтъ Пушкина (котораго хочетъ пародія означить именемъ Ѳомы Низкопоклонина). Прозвища «Мотыльковъ» и «Безсмысловъ», очевидно, относитъ она также къ нему.

Форма послѣдней пародіи очень жестка; но таковы были тогда литературные обычаи въ эпиграммахъ и пародіяхъ: самъ Пушкинъ часто бывалъ не менѣе рѣзокъ, —довольно припомнить знаменитыя статьи Ѳеофилакта Косичкина въ «Телескопѣ», не менѣе знаменитую статью о Видокѣ и многія изъ его эпиграммъ— изъ нихъ приведемъ только одну, подписанную его именемъ, и напечатанную въ «Телеграфѣ» 1829 года (часть 26, стр. 408).

ЭПИГРАММА.

Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій
Надъ Ролленемъ опочилъ,
Дней новѣйшихъ Тредьяковскій
Колдовалъ и ворожилъ:
Дурень, къ солнцу ставъ спиною,
Подъ холодный Вѣстникъ свой
Прыскалъ мертвою водою,
Прыскалъ ужицу живой.

А. Пушкинъ.

Подъ «Кочерговскимъ» еще яснѣе видѣнъ «Кочеповскій» (помѣстившій не задолго передъ тѣмъ въ своемъ журналѣ одну изъ статей экс-студента Надоумко), нежели подъ «Мотыльковымъ» Пушкинъ. Потому, если намъ теперь предосудительной кажется неделикатность формы, то осуждать можно только вообще литературные обычаи всего общества той эпохи, а не въ частности того или другаго изъ людей, поступавшихъ въ этомъ случаѣ точно такъ же, какъ и всѣ прочіе. Если же непремѣнно захотимъ обвинять кого нибудь въ частности, то скорѣе надобно искать виновниковъ такого обычая между приверженцами Пушкина, нежели между его литературными противниками. Положительныя указанія на то легко найти въ тогдашнихъ журналахъ. Мы, чтобы не увеличивать число цитатъ, ограничимся одною ссылкою на «Московскій Телеграфъ» (1830 года) часть 31, стр. 79.

Итакъ, около конца 1830 года отзывы «Телеграфа» о Пушкинѣ измѣнились: вмѣсто прежняго энтузіазма водворилась сначала холодность, потомъ явный раздоръ. Въ чемъ же надо искать причинъ этой перемѣны, и кого считать первымъ виновникомъ той жесткости, до которой часто доходила распря? Обыкновенно во всемъ обвиняютъ издателя «Телеграфа», совершенно оправдывая приверженцевъ Пушкина, тѣмъ болѣе самого Пушкина. Факты не подтверждаютъ такого приговора, составленнаго исключительно на основаніи авторитета самого Пушкина.

Что касается измѣненія въ сущности сужденій о произведеніяхъ Пушкина, начиная съ 1830 года, журналы (и въ томъ числѣ «Московскій Телеграфъ») были только отголоскомъ общаго мнѣнія огромнаго большинства публики.

Но справедлива или несправедлива была публика, становясь равнодушнѣе къ новымъ произведеніямъ Пушкина, нельзя обвинять журналы за то, что они не прошли молчаніемъ этотъ фактъ и старались объяснить его: нельзя было бы строго

осуждать ихъ и за то, если бы они безотчетно увлеклись общимъ мнѣніемъ. Но о «Телеграфѣ», отношенія котораго къ Пушкину теперь занимаютъ насъ, должно сказать, что онъ старался, пока доставало у него силы внутренняго убѣжденія, бороться съ измѣнившимся мнѣніемъ публики; что потомъ, начавъ отчасти раздѣлять это мнѣніе, онъ дѣлалъ это не по слѣпому увлеченію изъ одной крайности въ другую, а по сознательному и твердому убѣжденію, которое совершенно гармонировало съ общимъ направленіемъ этого журнала. Онъ остался вѣренъ себѣ, когда измѣнившіяся отношенія Пушкина къ публикѣ заставили его не признавать въ послѣдующихъ твореніяхъ поэта того значенія для русской литературы, какое имѣли его первыя произведенія. Выписки, которыя мы приведемъ сейчасъ, неоспоримо это доказываютъ.

Однимъ изъ первыхъ поводовъ вражды близкихъ друзей Пушкина противъ «Московскаго Телеграфа» были отзывы этого журнала о «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» Дельвига. Первый годъ этого альманаха (1827) былъ встрѣченъ въ «Телеграфѣ» безусловною похвалою — которой и заслуживала эта книжка. — «Сѣверные Цвѣты», — говорилъ отзывъ, — «лучшій у насъ альманахъ, который можетъ выдержать сравненіе съ иностранными».

Точно таковъ же былъ отзывъ и о слѣдующемъ выпускѣ альманаха (за 1828 годъ). «Баронъ Дельвигъ, — говорилось въ «Телеграфѣ», — не только поддержалъ прежнюю славу своего изданія, но, по отдѣленію словесности, кажется, усовершенствовалъ его строгою разборчивостью». Между тѣмъ въ альманахѣ за этотъ годъ явился «Обзоръ русской словесности» Ореста Сомова, который отозвался о «Телеграфѣ» очень холодно, гораздо холоднѣе, нежели о «Сынѣ Отечества», «Сѣверномъ Архивѣ» и «Сѣверной Пчелѣ», которыя получили на свою долю нѣсколько искреннихъ похвалъ (хотя безпристрастіе и общій голосъ публики, конечно, требовали отдать справедливость «Телеграфу», безспорно лучшему изъ тогдашнихъ журналовъ); къ двусмысленной похвалѣ «Телеграфу» («сей журналъ нравится своимъ разнообразіемъ») Сомовъ прибавлялъ упреки въ заносчивости сужденій и нечистотѣ слога. Относительно перваго нельзя не сказать, что онъ былъ совершенно напрасенъ: откровенныя и основательныя, но умѣренныя сужденія о книгахъ, составляли одно изъ лучшихъ достоинствъ «Телеграфа». Издатель этого журнала отвѣчалъ Сомову скромно и деликатно; тѣмъ не менѣе, Сомовъ, очевидно, обидѣлся, потому что въ слѣдующемъ обзорѣ (1829 г.) съ ѣдкими намеками сказалъ, что не хочетъ и говорить о журналахъ, уже утвердившихся во мнѣніи публики: онъ желчно говорилъ, что не хочетъ вновь «подвергаться укоризнамъ». За то, безъ сомнѣнія съ разсчетомъ, въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» этого года (1829) была помѣщена статья Измайлова «О новой журнальной критикѣ», направленная противъ Полеваго, написанная запальчиво и оскорбительно. Тѣмъ не менѣе, и на этотъ разъ «Телеграфъ» отозвался объ альманахѣ, уже ставшемъ къ нему враждебно, съ горячими похвалами. Очевидно, ему хотѣлось избѣжать ссоры.

Но, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ имѣлъ несчастіе говорить о «Стихотвореніяхъ» самого Дельвига и тѣмъ раздражить его. Прежде всего должно замѣтить, что статья была подписана не издателемъ журнала, Н. А. Полевымъ, а его братомъ, К. А. Проповѣдуя романтизмъ, «Телеграфъ», конечно, не могъ восхищаться псевдо-античными идиллiями и двустишіями барона Дельвига: но въ замѣнъ того осыпалъ похвалами его русскія пѣсни. Мы вовсе не предубѣждены въ пользу

г. К. Полеваго, но должны сказать, что статья о Дельвигѣ была написана очень умно и деликатно. Напримѣръ, рецензентъ старался смягчить свое справедливое мнѣніе о невозможности въ наше время писать теокритовскія идилліи указаніемъ, что и самому Гете не удались его античныя стихотворенія. Многіе на мѣстѣ Дельвига были бы благодарны за такое сближеніе. Но авторъ идиллій былъ не таковъ. Самъ Пушкинъ, несмотря на свою задушевную дружбу съ Дельвигомъ, не рѣшался дѣлать ему даже изустныхъ замѣчаній, чтобы не раздражить его литературнаго самолюбія. Въ журнальныхъ пародіяхъ Дельвигъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ «Недотыка». Можно себѣ вообразить, какъ онъ былъ раздраженъ статьею «Телеграфа». Правда, этотъ журналъ былъ такъ деликатенъ и уступчивъ въ этомъ случаѣ, что вслѣдъ за статьею помѣстилъ возраженія на нее, г. Лихонина, старавшагося доказать, что Дельвигъ правъ, подражая Теокриту,—но ничто не помогло. Черезъ три или четыре мѣсяца послѣ появленія зловредной статьи была основана «Литературная Газета», безпощадно и очень неразборчиво разившая издателя «Телеграфа» -смертоносная статья была написана не имъ, но баронъ Дельвигъ и его сподвижники не хотѣли ничего принимать въ соображеніе—они разили, разили ненавистный «Телеграфъ» и смертельнаго врага своего Полеваго, пока сами не были поражены однимъ изъ своихъ ударовъ, слишкомъ нелитературныхъ (см. «Лит. Газ.» 1830 г., 2-е полугодіе, стр. 72). Перечислять сотни язвительныхъ выходокъ и цѣлые десятки статей, явившихся въ этой газетѣ противъ издателя «Телеграфа», было бы утомительно и безполезно.

Вражда Дельвига къ этому человѣку была, безъ всякаго сомнѣнія, важнѣйшею причиною вражды, которую началъ питать къ нему и Пушкинъ. Это ясно для всякаго, кто припомнитъ безпредѣльную преданность Пушкина своему другу.

Но изъ числа главныхъ сотрудниковъ «Литературной Газеты» и ближайшихъ друзей Пушкина не одинъ Дельвигъ былъ смертельнымъ врагомъ Полеваго. Кн. Вяземскій, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ столь дѣятельно участвовалъ въ «Телеграфѣ» и которому по преимуществу обязана своимъ происхожденіемъ полемика, въ которую тогда вовлекался этотъ журналъ, также поссорился съ Полевымъ. Причинъ ссоры мы не знаемъ; но можемъ быть увѣрены, что во всякомъ случаѣ онѣ не заключали въ себѣ ничего предосудительнаго для чести Полеваго, потому что иначе его стали бы колоть намеками о томъ; и каковы бы ни были причины распри, достовѣрно то, что бывшій сотрудникъ въ то время весьма неблаговолилъ къ издателю «Телеграфа». Памятниками его вражды остались, кромѣ статей, помѣщенныхъ въ «Литерат. Газетѣ», нѣсколько эпиграммъ, письмо къ А. И. Г—ой (въ «Денницѣ» на 1830 г.) и проч. Въ этой послѣдней филиппикѣ была и знаменитая фраза: «съ нѣкотораго времени журналы наши такъ грязны, что читать ихъ не иначе можно, какъ въ перчаткахъ»—на что было замѣчено, что прежде, когда авторъ письма не чуждался ихъ, они были едва ли лучше.

П. А. Катенинъ, чрезвычайно уважаемый Пушкинымъ и какъ поэтъ, и какъ мыслитель, такъ же не могъ благопріятствовать Полевому, который съ самаго начала не раздѣлялъ мнѣній Пушкина о его поэтическихъ произведеніяхъ (и былъ въ этомъ совершенно правъ). Изъ всѣхъ случаевъ оскорбить отзывами о нихъ и самого Катенина, и его геніальнаго поклонника, упомянемъ только объ одномъ: въ 1827 году Полевой разбиралъ очеркъ русской литературы въ Атласѣ Вальби; въ

этой статьѣ, наполненной нелѣпостями, была, между тѣмъ, фраза: «Мельпомена русская только на г. Катенина имѣетъ надежды»—«Телеграфъ» посмѣялся надъ этимъ забавнымъ увѣреніемъ (часть 17, стр. 122). Подобныхъ столкновеній было много.

Кромѣ того, мы уже знаемъ, что Орестъ Сомовъ принадлежалъ въ 1829—1831 годахъ къ отъявленнымъ врагамъ Полеваго; а Сомовъ имѣлъ можетъ быть вліяніе на Дельвига, и, конечно, раздувалъ ненависть.

Неудивительно, если Пушкинъ, горою стоявшій за своего друга Дельвига, принимавшій къ сердцу всѣ его жалобы и горести, оскорблявшійся нападеніями на его авторскую славу гораздо болѣе, нежели на свою собственную;—Пушкинъ, любившій и уважавшій кн. Вяземскаго, благоговѣвшій передъ Катенинымъ, былъ увлеченъ въ ихъ вражду съ Полевымъ.

Вотъ по нашему мнѣнію, главнѣйшая причина распри, раздѣлившей великаго поэта съ человѣкомъ, который, не равняясь съ нимъ по таланту, также заслуживаетъ нѣкотораго уваженія и благодарное воспоминаніе о которомъ во многихъ, къ сожалѣнію, еще помрачено опалою, какой подвергся онъ отъ Пушкина. Это объясненіе, оправдывая Полеваго, обнаруживаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ и въ самыхъ увлеченіяхъ его великаго противника благородныя побужденія безграничной, безкорыстной преданности друзьямъ.

Этотъ главный мотивъ, безъ всякаго сомнѣнія, усиливается тѣми природными наклонностями Пушкина, которыя прекрасно разъяснены П. В. Анненковымъ— уваженіемъ къ преданіямъ старины, благоговѣніемъ къ памяти Карамзина, и, наконецъ, особеннымъ расположеніемъ къ издателю другаго журнала, Московскаго Вѣстника, бывшаго во враждѣ съ «Телеграфомъ». Послѣднее обстоятельство не требуетъ подробныхъ доказательствъ. Но выпишемъ нѣсколько вѣрныхъ словъ г. Анненкова о первой изъ причинъ неблаговоленія нашего поэта къ журналу Полеваго.

Всего болѣе оскорбляло Пушкина то уничтоженіе авторитетовъ и литературныхъ репутацій (*незаслуженныхъ, прибавимъ мы*), которое происходило отъ немедленнаго приложенія вычитанныхъ (*и большею частью справедливыхъ*) идей къ явленіямъ отечественной словесности. Несмотря на ловкость и остроуміе, съ какими иногда (*большею частью*) производились эти опыты, Пушкинъ, не имѣлъ къ нимъ ни малѣйшаго сочувствія. Притомъ Московскій Телеграфъ» былъ совершенною противоположностью духу, господствовавшему у насъ въ эпоху литературныхъ обществъ; онъ ихъ замѣнилъ, образовавъ новое направленіе въ словесности и критикѣ. Съ его появленія, журналъ пріобрѣлъ свой голосъ въ дѣлѣ литературы. Расположеніе литературныхъ обществъ къ своимъ сочленамъ (*т. е. превозношеніе похвалами всѣхъ бездарныхъ знакомыхъ*) сдѣлалось тогда достояніемъ исторіи. Пушкинъ сохранялъ убѣжденія стараго члена литературныхъ обществъ. Къ новому порядку вещей, гдѣ личное мнѣніе (*напротивъ, общественное мнѣніе, которымъ только и поддерживается журналъ, а не пересуды и похвалы тѣснаго кружка пріятелей, какъ прежде*) играло такую роль, онъ уже не могъ привыкнуть всю жизнь. Съ первыхъ же признаковъ его появленія, онъ началъ свою систему разсчитаннаго противодѣйствія, забывая иногда и то, что высказывалось по временамъ (*очень часто*) дѣльнаго и существеннаго противниками, и

постоянно имѣя въ виду только одно: возвратить критику въ руки малаго избраннаго круга писателей, уже облеченнаго уваженіемъ и довѣренностью публики (*нѣтъ, довѣріемъ публики пользовались его противники; скорѣе надобно сказать: писателей, составившихъ между собою общество взаимнаго застрахованія отъ критики, какъ это бывало въ старину*).

«Телеграфъ», защищаясь отъ нападеній «Литературной Газеты», долженъ былъ нападать и самъ. Газета и ея издатель, не были щадимы. Вотъ, напр., нѣсколько пародій на антологическія стихотворенія Дельвига:

СХОДСТВО.

Сшили фракъ; и былъ онъ модный, прекрасный, изящный,
Мода прошла и—на ветошь онъ проданъ: не то ли и съ нами?

Феокритовъ.

I.

СУДЬБА ЧЕЛОВѢКА.

Трубку я докурилъ, и пепелъ ея выбивая,
Думалъ: «Такъ выбиваетъ изъ свѣта насъ Кронъ безпощадный»!

II.

Роза цвѣла и поля украшала и взоръ веселила;
Буря измяла цвѣтокъ! погибъ онъ для взора. О, смертный!
Жизнь есть цвѣтокъ, и смерть его мнетъ: такъ все на свѣтѣ!

Феокритовъ.

Мѣсто не позволяетъ намъ выписывать другихъ пародій, иногда очень удачныхъ, какъ переложенія русскихъ пѣсенъ на чухонскій ладъ, наприм. «русская пѣсня безъ чухонскихъ приправъ»:

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла и т. д.

И «русская пѣсня на чухонскій ладъ»:

Въ густомъ лѣсу, въ темномъ бору
Цвѣтетъ, растетъ рябины кустъ, и т. д.

Это, конечно, еще болѣе усиливало вражду, и удары на Полеваго сыпались въ каждомъ нумерѣ «Литературной Газеты».—Его обвиняли въ хвастовствѣ, невѣжествѣ, своекорыстіи, отсутствіи литературной и коммерческой честности: было много и другихъ выходокъ, еще менѣе дозволительныхъ правилами литературной полемики. Мы не можемъ съ достовѣрностью рѣшить, какія изъ этихъ статей принадлежали Пушкину, какія были помѣщены по его совѣту; быть можетъ, многихъ онъ и не одобрялъ; но во всякомъ случаѣ, онъ былъ душою, онъ составлялъ главную силу всей партіи, враждовавшей противъ «Телеграфа»—какіе же отзывы въ то время дѣлалъ журналъ о его произведеніяхъ?

О «Полтавѣ», которую публика приняла холодно, и которая была растерзана въ «Вѣстникѣ Европы», «Телеграфъ» помѣстилъ двѣ статьи. Вотъ главныя мѣста изъ первой, краткой («Телеграфъ» 1829 г., часть 26, стр. 337):

«Съ появленіемъ сей поэмы, Пушкинъ становится на степень столь высокую, что мы не смѣемъ въ краткомъ извѣстіи изрекать приговоръ новому его произведенію. Доселѣ русскіе библіографы, и въ числѣ ихъ мы сами, слѣдовали въ отношеніи къ Пушкину словамъ Вольтера, сказавшаго о Расинѣ, что подъ каждою его страницею должно подписывать: прекрасно! превосходно! Впрочемъ, это естественный ходъ вещей: всякое необыкновенное явленіе сначала поражаетъ, а послѣ уже даетъ время подумать объ отчетѣ самому себѣ. Но удерживаясь на сей разъ отъ рѣшительнаго сужденія о Полтавѣ, мы скажемъ, однакожъ, что видимъ въ ней, при всѣхъ другихъ достоинствахъ, новое—народность. Въ «Полтавѣ» сначала до конца, вездѣ русская душа, русскій умъ, чего кажется, не было въ такой полнотѣ ни въ одной изъ поэмъ Пушкина».

Черезъ полтора мѣсяца явился подробный разборъ поэмы, развивающій тѣ же самыя мысли («Телегр.» 1829 г., часть 27, стр. 219—236). Здѣсь говорится, что Пушкинъ, сначала писавшій подъ вліяніемъ Шенье, потомъ Байрона, теперь становится самостоятельнымъ, и что его генію суждено еще развиться несравненно могущественнѣе, нежели какимъ онъ являлся въ прежнихъ произведеніяхъ. Равнодушіе публики къ новой поэмѣ, которая въ тысячу разъ выше прежнихъ, объясняется тѣмъ, что публика жаждетъ живаго направленія, касающагося общественныхъ интересовъ, а не Шекспировскаго спокойствія, которое владычествуетъ въ «Полтавѣ», и потомъ доказывается, что Пушкинъ правъ, и неправы, не развиты, тупоумны тѣ, которые не умѣютъ восхищаться его дивною «Полтавою»: —гдѣ въ этихъ словахъ отголосокъ вражды? Разъясняя причину восторженнаго увлеченія прежними произведеніями Пушкина, критикъ говоритъ очень справедливо: «Не разнообразный геній его, не прелесть картинъ увлекали современную молодежь, а звучные стихи, изображавшіе ихъ мысль. Можно утвердительно сказать, что имя Пушкина всего болѣе сдѣлалось извѣстно въ Россіи по нѣкоторымъ его мелкимъ стихотвореніямъ, нынѣ забытымъ (?), но въ свое время ходившимъ по рукамъ во множествѣ списковъ» (стр. 227 — 8) — фактъ, нынѣ забытый въ свою очередь, но очень важный. Статья оканчивается такъ: «Въ заключеніе мы должны сказать, что новая поэма Пушкина не произвела на публику такого сильнаго впечатлѣнія, какое производили прежнія. Это очень естественно: досугъ ли читателямъ отставать отъ привычки и вникать въ внутренній смыслъ (*т. е., выражаясь нынѣшнею терминологіею: въ художественность*) поэтическихъ произведеній? Имъ надобны восклицанія, возгласы, брань на самихъ себя, ибо не забудемъ, что мы современники байроновскихъ читателей». Критикъ видитъ истинную причину охлажденія публики, но еще покланяется съ прежнимъ энтузіазмомъ великому поэту и клеймитъ, какъ тупоумныхъ людей, тѣхъ, которые покинули его, когда онъ покинулъ область живыхъ стремленій для областей холодной художественности.

Разбирая «Сѣверные Цвѣты» 1830, 1831 и 1832 годовъ, «Телеграфъ» восхищается стихотвореніями Пушкина; постоянно хвалитъ стихи Дельвига, князя Вяземскаго, какъ скоро они хотя сколько-нибудь заслуживаютъ вниманія своимъ достоинствомъ, хвалитъ даже повѣсти Порфирія Байскаго (Ореста Сомова) — вообще, въ его сужденіяхъ, мы не видимъ и слѣдовъ полемическаго пристрастія. Что должно осуждать, надъ тѣмъ критикъ смѣется: но все хорошее онъ прямо называетъ хорошимъ безъ оговорокъ и колебаній.

Когда вышла VII глава Евгенія Онѣгина, встрѣченная публикою также холодно, «Телеграфъ» сказалъ (1830 г. ч. 32):

«Стихотворенія А. С. Пушкина въ нашей литературѣ показываютъ, что, мы еще не совсѣмъ оледенѣли для поэзіи. Среди нынѣшнихъ нашихъ льдовъ и снѣговъ, Пушкинъ есть явленіе утѣшительное. Жалѣемъ объ одномъ: зачѣмъ столь блестящее дарованіе окружено обстоятельствами, самыми неблагопріятными? Освободиться отъ нихъ очень трудно, если не совсѣмъ невозможно.—Мы еще дѣти и въ гражданскомъ быту и въ поэтическихъ ощущеніяхъ и потому то Пушкинъ кажется такъ слабъ въ сравненіи съ Байрономъ, изображавшимъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ своихъ то же, что представляетъ намъ Пушкинъ въ «Онѣгинѣ». «Гостиныя, дѣвы и модники—герои деревень, городовъ и баловъ! Какой подвигъ взглянуть на нихъ сардонически»!—вотъ господствующая мысль въ «Онѣгинѣ», которую можетъ быть самъ творецъ сего романа худо поясняетъ себѣ, ибо иначе онъ увидѣлъ бы, что тѣсниться вокругъ нея въ семи стихотворныхъ главахъ, утомительно и для него и для читателей. Первая глава «Онѣгина» и двѣ-три слѣдовавшія за нею нравились и плѣняли, какъ превосходный опытъ поэтическаго изображенія общественныхъ причудъ. Но опытъ все еще продолжается, краски и тѣни одинаковы и картина все та же. Цѣна новости исчезла и тотъ же «Онѣгинъ» нравится ужь не такъ, какъ прежде. Надобно прибавить, что поэтъ и самъ утомился. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ VII главы «Онѣгина» онъ даже повторяетъ самъ себя (слѣдуютъ примѣры). Высказавъ все о VII главѣ «Онѣгина», съ удовольствіемъ замѣтимъ, что прелесть стиховъ въ оной, во многихъ мѣстахъ сила мыслей и поэтическія чувствованія показываютъ неизмѣнность дарованія Пушкина».

Едва ли теперь можно согласиться съ этимъ отзывомъ, но въ немъ все-таки незамѣтно недоброжелательства критика къ разбираемому имъ автору. Когда вышелъ «Борисъ Годуновъ», о немъ былъ напечатанъ слѣдующій отзывъ («Моск. Телегр.» 1831 г., ч. 37, стр. 245).

«Бориса Годунова» можно обозрѣвать въ двухъ отношеніяхъ. Первое, какъ произведеніе Пушкина, русскаго литератора, русскаго поэта. Съ этой стороны, «Борисъ Годуновъ» есть великое явленіе нашей словесности, шагъ къ настоящей романтической драмѣ, шагъ смѣлый, дѣло дарованія необыкновеннаго. Нужно ли прибавлять, что Пушкинъ становится имъ, уже рѣшительно и безспорно, выше всѣхъ современныхъ русскихъ поэтовъ? имя его дѣлается послѣ сего причастно небольшому числу великихъ поэтовъ, до нынѣ бывшихъ въ Россіи и между ими горитъ оно яркою звѣздою.

«Но бывши русскимъ, бывши современнымъ, Пушкинъ принадлежитъ въ то же время вѣкамъ и Европѣ. Вотъ второе отношеніе, въ которомъ должно разсматривать «Бориса Годунова». Здѣсь получаетъ онъ, безъ сомнѣнія, почетное мѣсто, но только какъ надежда на будущее, болѣе совершенное. Первый опытъ Пушкина въ семъ отношеніи не удовлетворяетъ насъ: первый шагъ его смѣлъ, отваженъ, великъ для русскаго поэта, но не полонъ, не вѣренъ для поэта нашего вѣка и Европы. Можемъ теперь видѣть, что въ состояніи сдѣлать впослѣдствіи Пушкинъ, этотъ ознаменованный небеснымъ огнемъ истинной поэзіи человѣкъ; но въ «Борисѣ Годуновѣ» онъ еще не достигъ предѣловъ возможнаго для его дарованія. Языкъ русскій доведенъ въ «Борисѣ Годуновѣ» до послѣдней, по крайней мѣрѣ въ наше время, степени совершенства, сущность творенія, напротивъ, близорукая и запоздалая».

Когда въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1832 г. были напечатаны «Бѣсы», Пушкина, «Телеграфъ» отозвался объ этой пьесѣ съ восторгомъ изумленія; о сценѣ «Моцартъ и Сальери», помѣщенной въ той же книжкѣ, было сказано: «Это несравненное произведеніе можно постигнуть только прочитавъ вполнѣ» (1832 г., часть 43, стр. 112). Сущность отзыва о послѣдней главѣ «Евгенія Онѣгина», вышедшей въ то же время, состоитъ въ томъ, что она удивительно хороша «по полнотѣ и прелести разсказа», и что заключеніе романа есть одно изъ лучшихъ мѣстъ его (часть 43, стр. 117). Наконецъ (въ той же части, стр. 566) извѣстная

о появленіи новаго изданія лирическихъ пьесъ Пушкина, «Телеграфъ» съ негодованіемъ упрекаетъ публику за охлажденіе къ великому поэту:

«Сказавъ, что мелкія стихотворенія Пушкина въ настоящее время не возбуждаютъ восторга, какъ бывало то прежде, мы, кажется, повторимъ извѣстное каждому наблюдателю словесности русской. Еще болѣе: стихотворенія сіи нынѣ встрѣчаютъ холодность, и слава Богу, когда дѣло оканчивается однимъ равнодушіемъ! Такъ нѣтъ! Въ публикѣ нашей замѣтна еще какая то непріязнь къ нимъ, какое-то желаніе унижать произведенія поэта прежде столь любимаго, недавняго идола всей русской молодежи. Событіе неоспоримо»!

Заключимъ наши выписки общимъ сужденіемъ «Телеграфа» (1829 г., часть 26, стр. 80) о поэмахъ пушкинской эпохи и постепенномъ развитіи самого Пушкина.

«Поэты наши принимали тотъ духъ, тѣ формы мыслей, коими донынѣ ознаменовывались всѣ поэмы Пушкина. Отъ сего главные недостатки: однообразіе духа, въ какомъ изображаются герои поэмъ; забвеніе формъ, подъ коими должна бы проявляться національность и частность (*т. е. индивидуальность, выражаясь нынѣшнимъ языкомъ*). Прибавимъ къ этому неполноту плана, слабую завязку, на которой обыкновенно, держатся новыя поэмы, оставленіе въ тѣняхъ многихъ частей и отдѣлку только нѣкоторыхъ, отчего поэма бываетъ только рядомъ картинъ, часто дурно связанныхъ; къ этому ведетъ и самое дѣленіе поэмъ на книги, а книгъ или главъ на строфы и куплеты. Замѣтимъ, что Пушкинъ съ каждою поэмою удаляется отъ такихъ недостатковъ; «Цыганы» его были уже весьма чужды ихъ, а «Мазепа», (т. е. «Полтава»), какъ говорятъ, есть твореніе полное жизни и совершенной самобытности. Вступленіе, напечатанное при 2-мъ изданіи «Руслана и Людмилы», «Утопленникъ», извѣстныя намъ сцены изъ «Бориса Годунова», показываютъ, какъ хорошо понимаетъ Пушкинъ національность, мѣстность, въ которую должны облекаться дѣйствующія лица каждаго изъ его твореній. О послѣдователяхъ его ни объ одномъ еще нельзя сказать этого».

Черезъ двадцать пять лѣтъ, что мы найдемъ невѣрнаго въ этихъ понятіяхъ? И многимъ ли мы можемъ дополнить ихъ?

Это обозрѣніе, которое многимъ покажется слишкомъ длинно, за то другимъ недостаточно подробно, едва ли оставляетъ мѣсто сомнѣваться, что отношенія главнаго критическаго журнала 1825—1830 годовъ къ Пушкину были вовсе не таковы, какъ обыкновенно полагаютъ. Мы видимъ, что если мало по малу личная непріязнь къ издателю «Телеграфа» овладѣла великимъ поэтомъ, и если нападеніями другихъ своихъ противниковъ, друзей Пушкина, и отчасти самого Пушкина, Полевой былъ вызываемъ на нѣкоторыя полемическія выходки, обычныя въ то время, то невозможно сказать, что бы издатель «Телеграфа» былъ виноватъ въ томъ: не онъ началъ полемику: напротивъ, онъ старался избѣжать ея. Еще важнѣе то, что не смотря на свои личныя враждебныя отношенія съ Пушкинымъ, какъ членомъ одной изъ литературныхъ партій, Полевой продолжалъ разсматривать поэтическія произведенія его съ безпристрастіемъ, и отдавать полную справедливость ихъ достоинствамъ. Мы привели много примѣровъ (и каждый, кто потрудится перелистовать «Московскій Телеграфъ» найдетъ ихъ въ гораздо большемъ числѣ), что критика произведеній Пушкина въ этомъ журналѣ вовсе не состояла въ придиркахъ къ словамъ — напротивъ, она стремилась проникнуть въ существенный смыслъ произведенія, и часто достигала того успѣшно; старалась опредѣлить отношеніе каждаго новаго произведенія къ прежнимъ и прекрасно исполняла это.— Она

удачно объясняла и отношенія различныхъ созданій нашего поэта къ публикѣ — однимъ словомъ, была критикою, достойною этого имени. И нельзя не сказать, что всѣ обыкновенныя нареканія о тупоуміи, пустотѣ, и т. д. критики, которую встрѣчали сочиненія Пушкина при его жизни — чистый предразсудокъ, на сколько они касаются «Московскаго Телеграфа» въ цвѣтущее время его существованія, когда онъ имѣлъ сильное вліяніе на мнѣніе публики.

Но начиная съ 1831, особенно съ 1833 года, новый журналъ, «Телескопъ» начиналъ брать первенство надъ «Телеграфомъ» во мнѣніи, если не большинства публики, то людей, мнѣніемъ которыхъ можетъ дорожить писатель. Посмотримъ же, каковы были отношенія «Телескопа» къ Пушкину.

Предшественницами учено-литературной критики, которая одушевляла «Телескопъ», были грозныя статьи «экс-студента Никодима Надоумко», явившіяся въ «Вѣстникѣ Европы» 1828 и 1829 годовъ... Вотъ нѣсколько отрывковъ, которые могутъ дать понятіе о томъ, что говорилъ Надоумко.

«Я сидѣлъ и думалъ о приближающемся новомъ годѣ — говоритъ онъ въ первой изъ своихъ статей (Литературныя опасенія за будущій годъ): — «Слава Богу! вотъ и еще одинъ годъ скоро съ плечъ долой! Вотъ и еще на одинъ шагъ подвинемся мы на поприщѣ жизни! Но подвинули-ль мы съ собою хоть на одинъ дюймъ то, что должно составлять главную цѣль бытія нашего?.. Наше просвѣщеніе, и преимущественно наша литература... Тутъ мрачная тѣнь пробѣжала предъ моими взорами... Давно уже она обернулась назадъ, и въ протекающій годъ едва ли перемѣнила, едва ли даже приготовилась перемѣнить свое направленіе... Мнѣ стало грустно и тяжко». —Въ эту минуту пришелъ къ автору Тлѣнскій, одинъ изъ прославленныхъ поэтовъ новой школы, и услышавъ о его грустномъ раздумьѣ, сталъ доказывать, что наша литература процвѣтаетъ, что «литературный горизонтъ нашъ покрывается безпрестанно новыми блестящими созвѣздіями». — Надоумко прерываетъ его:

— «Потрудись указать мнѣ въ толпѣ метеоровъ, возгарающихся и блуждающихъ въ нашей Литературной атмосферѣ, хоть одинъ, въ которомъ бы открывалось таинственное пареніе генія въ страну вѣчныхъ идеаловъ, о которомъ прожужжали намъ всѣ уши велеумные журналисты? По сю пору близорукій взоръ мой, преслѣдуя неизслѣдимыя орбиты хвостатыхъ и безхвостыхъ кометъ, кружащихся на нашемъ небосклонѣ,—сквозь обвивающій ихъ чадъ могъ различить только то одно, что всѣ онѣ влекутся силою собственнаго тяготѣнія въ туманную *бездну пустоты*, въ созданный гигантскою фантазіею Байрона страшный хаосъ:

... Бездна пустоты,
Безъ протяженья и границъ,
Ни жизнь, ни смерть, какъ сонъ гробовъ,
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и нѣмой!

«Сіи маленькія желтенькія, синенькія и зелененькія поэмки, составляющія теперь главный піитическій приплодъ нашъ — несмотря на щеголеватую наружность, въ коей онѣ обыкновенно являются—не суть ли только эфемерные призраки, возникающіе изъ ничего и для ничего по прихотямъ зѣвающей отъ бездѣлья фантазіи?... Это и не удивительно! Льзя ли ожидать чего нибудь дѣльнаго, связнаго и цѣльнаго отъ произведеній, являющихся рапсодическими клочками, сшитыми кое-какъ на живую нитку, и свѣтящихся насквозь отъ множества—ни то искусственныхъ, ни то естественныхъ—скважинъ и

шелей, нисколько не затыкаемыхъ безчисленными тире и точками?—Не безсовѣстно ли требовать отъ творенія единства и сообразности съ идеею, когда самъ творецъ не имѣетъ часто въ головѣ яснаго и опредѣленнаго понятія о томъ, что онъ хочетъ писать; а просто пишетъ то, что на умъ взбредетъ?.. Таковый-то едва ли не всѣ нынѣшнія піитическія произведенія, въ коихъ услужливые журналисты усиливаются открывать таинственное стремленіе въ страну идеаловъ!—Это значитъ, какъ говорятъ французы, chercher midi à quatorze heures!..»

«Богъ судья покойнику Байрону! Его мрачный сплинъ заразилъ всю настоящую поэзію и преобразилъ ее изъ улыбающейся Хариты въ окаменяющую Медузу!—Правда, самого его винить не за что. Онъ былъ то, чѣмъ сотворила его природа и обстоятельства. Невозможно не преклонить колѣнъ предъ величіемъ его генія, но невозможно вмѣстѣ и удержать горестнаго вздоха о томъ, что сія исполинская сила души, для которой рамы дѣйствительности были столь тѣсны, не просвѣтлялась яснымъ взоромъ на вселенную, и не согрѣвалась кроткою теплотою братской любви къ своимъ земнымъ спутникамъ. Это былъ одноокій колоссальный Полифемъ, проливающій окрестъ себя ужасъ и трепетъ!.. Но его мутный взоръ, его мрачное человѣконенавидѣніе, его враждебная апатія ко всѣмъ кроткимъ и мирнымъ наслажденіямъ, представляемымъ намъ благою природою—принадлежали собственно ему самому и составляли оригинальную печать его генія. Посему Байронъ есть и останется навсегда великимъ—хотя и зловѣщимъ—свѣтиломъ на небосклонѣ литературнаго міра.—То бѣда, что сія грозная комета, изумивъ появленіемъ своимъ вселенную, увлекла за собой всѣ безчисленные атомы, вращающіеся въ литературной атмосферѣ, и образовала изъ нихъ хвостъ свой. Всѣ наши доморощенные стиходѣи, стяжавшіе себѣ лубочный дипломъ на имя поэтовъ дюжиною звонкихъ и богато-обрифмованныхъ строчекъ, помѣщенныхъ въ альманахахъ и расхваленныхъ журналами, загудѣли *à la Byron*:

Запѣли молодцы: кто въ лѣсъ, кто по дрова
И у кого что силы стало!

Пошли безпрестанныя рѣзанья, стрѣлянья, душегубства—ни за что, ни про что... для одного *романтическаго* эффекта!..»

Надоумко въ одной изъ послѣдующихъ статей доказываетъ разборомъ «Полтавы», что въ понятіяхъ Пушкина нѣтъ ничего похожаго на байроновское міросозерцаніе. Общее заключеніе его о русской литературѣ 1820—1829 года высказывается такимъ образомъ по поводу замѣчанія, что «Телеграфъ» прилагаетъ къ литературѣ «высшіе взгляды»:

«Это болѣе смѣшно, чѣмъ жалко! Наша литература, въ настоящія времена, такъ мелка, такъ ничтожна, что ее съ-высока то и не примѣтно! Напротивъ—надо понагнуться да понагнуться, чтобъ разглядѣть хорошенько, крошечныя крапинки жизни, иногда на ней выступающія! Забавное дѣло! Что подумали бъ мы о чудакѣ, который, собираясь переплыть черезъ Патріаршій прудъ на корытѣ, разложилъ бы предъ собою ландкарту и компасъ и отъ всего сердца принялся бы опредѣлять географическую широту и долготу его по парижскому меридіану? Каковъ кажется намъ «Метафизикъ» Хемницера, съ философическою важностію взваливающій вину своего паденія на *центральное влеченье и воздушное давленье*? А между тѣмъ въ нашемъ литературномъ *мірѣ* дѣлается чуть ли еще не хуже. Велемудрые наши крикуны, собирающіеся на *Телеграфической* сходкѣ, не стыдятся къ хламу, унавоживающему нашу литературу, прикидывать мѣрку безконечнаго и безусловнаго, по которой нѣмецкіе критики опредѣляютъ величіе «Мессіады» или «Орлеанской дѣвственницы». Имъ чудится идеальное паренье въ «Нулинѣ»; они видятъ развитіе идей человѣчества въ «Выжигинѣ»!!! Одно только можетъ извинить предъ судилищемъ литературнаго правосудія сію хулу на изящество: это—грѣхъ невѣдѣнія!»

Вотъ какъ г. Надоумко разсуждалъ о «Евгеніѣ Онѣгинѣ», въ которомъ не должно забывать—хотѣли видѣть русскаго Чайльдъ-Гарольда:

„Бывало время, когда каждый стихъ Пушкина считался драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ, новымъ перломъ нашей литературы. Какой общій, почти единодушный восторгъ привѣтствовалъ первые свѣжіе плоды его счастливаго таланта! Какія громозвучныя рукоплесканія встрѣтили Евгенія Онѣгина въ колыбели! Можно было по всей справедливости примѣнить къ юному поэту горделивое изреченіе Цезаря: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ! Всѣ преклонились передъ нимъ до земли; всѣ единогласно поднесли ему вѣнецъ поэтическаго безсмертія. Усумниться въ преждевременномъ апотеозѣ героя считалось литературнымъ святотатствомъ; и нѣсколько послѣднихъ лѣтъ въ исторіи нашей словесности по всѣмъ правамъ можно назвать эпохою Пушкина. Не будемъ оскорблять минувшее безполезными истязаніями: что было, то было! Скажемъ болѣе: имя Пушкина и безъ прихотливаго каприза моды, коей былъ онъ любимымъ временщикомъ, имѣло бы всѣ права на почетное мѣсто въ нашей литературѣ, энтузіазмъ, имъ возбуждаемый, не былъ совершенно не заслуженный. Но теперь какая удивительная перемѣна! Произведенія Пушкина являются и проходятъ почти непримѣтно. Блистательная жизнь Евгенія Онѣгина, коего каждая глава бывало считалась эпохой, оканчивается почти насильственно, перескокомъ черезъ цѣлую главу—и это не производитъ никакого движенія, не возбуждаетъ никакого участія. Третья часть стихотвореній Пушкина, обогащенная обширною сказкою въ новомъ родѣ, котораго геній его еще не испытывалъ, скромно, почти инкогнито, прокрадывается въ газетныхъ объявленіяхъ, на ряду съ мелкой рухлядью цѣховаго риѳмоплетнаго рукодѣлья; и (о верхъ униженія!)—между журнальными насѣкомыми, «Сѣверная Пчела», ползавшая нѣкогда передъ любимымъ поэтомъ, чтобы поживиться отъ него хотя росинкой сладкаго меду, теперь осмѣливается жужжать ему въ привѣтствіе, что въ послѣднихъ стихотвореніяхъ своихъ—Пушкинъ отжилъ!.. Sic transit gloria mundi.

«Чтожъ значитъ сія перемѣна?.. Приписать ли это внезапное охлажденіе той же вѣтротлѣнной прихотливости моды, которая прежде баловала такъ поэта, или видѣть въ немъ добросовѣстное раскаяніе вразумившагося безпристрастія?.. Вопросъ сей должно рѣшить внимательнымъ разсмотрѣніемъ послѣднихъ произведеній Пушкина».

«Начнемъ съ «Послѣдней Главы Онѣгина». Признаемся откровенно, сія послѣдняя глава показалась намъ ничѣмъ не хуже первыхъ. Та же прихотливая рѣзвость вольнаго воображенія, порхающаго легкокрылымъ мотылькомъ по узорчатому, но безплодному полю свѣтской бездушной жизни; таже яркая пестрота красокъ и цвѣтовъ, мелькающихъ подвижною калейдоскопическою мозаикой; то же обѣлое, но цѣпкое остроуміе, вездѣ оставляющее слѣды легкаго, юмористическаго угрызенія; та же чистота и гладкость стиха, всюду льющагося тонкой хрустальной струей. Однимъ словомъ, мы нашли здѣсь продолженіе той же пародіи на жизнь, вѣтренной и легкомысленной, но вмѣстѣ затѣйливой и остроумной, коей мы любовались отъ души въ первыхъ главахъ «Евгенія». Посему, читая ее, мы не испытали никакого разочарованія, не подверглись никакому непріятному впечатлѣнію: и если иногда приходило намъ въ голову, что поэту, создавшему «Бориса Годунова», время-бъ быть постепеннѣе, то мы оправдали его необходимостью: надобно жъ было кончить, что начато!.. Но отдавая искренній отчетъ въ собственныхъ нашихъ чувствованіяхъ, мы не думаемъ, чтобъ ихъ раздѣляло съ нами общее мнѣніе. Большинство публики, въ минуты перваго упоенія, обмороченное вѣроломными кликами шарлатановъ, спекулировавшихъ на общій энтузіазмъ къ Пушкину, видѣло въ «Онѣгинѣ» какое то необыкновенное чудо, долженствовавшее разродиться неслыханными послѣдствіями. Оно думало читать въ немъ полную исторію современнаго человѣчества, оправленную въ роскошныя поэтическія рамы, ожидало найти въ немъ русскаго «Чайльдъ-Гарольда». И могло ли устоять долго это добродушное ослѣпленіе, когда откровенная искренность поэта сама его разрушала безпрестанно? Каждая новая глава «Онѣгина» яснѣе и яснѣе обнаруживала непритязательность Пушкина на исполинскій замыселъ, ему приписываемый. Съ каждою новою строкой становилось очевиднѣе, что произведеніе сіе было ни что иное, какъ вольный плодъ досуговъ фантазіи, поэтическій альбомъ живыхъ впечатлѣній таланта, играющаго своимъ богатствомъ. Напрасно самое пристрастное доброжелательство усиливалось отыскать въ немъ черты высшаго «эстетическаго» значенія. Его воздушная легкость ускользала отъ всѣхъ покушеній пріязненной критики,

домогавшейся узаконить его въ рангѣ художественнаго произведенія, имѣющаго извѣстные права и подчиненнаго извѣстнымъ условіямъ. «Евгеній Онѣгинъ» не былъ и не назначался быть въ самомъ дѣлѣ романомъ, хотя имя сіе, подъ которымъ онъ явился первоначально, осталось навсегда въ его заглавіи. Съ самыхъ первыхъ главъ можно было видѣть, что онъ не имѣетъ притязаній ни на единство содержанія, ни на цѣльность состава, ни на стройность изложенія; что онъ освобождаетъ себя отъ всѣхъ искусственныхъ условій, коихъ критика въ правѣ требовать отъ настоящаго романа. Въ такъ-называемомъ романѣ Пушкина, отъ начала до конца, мелькаютъ, говоря его же словами:

Ни съ чѣмъ несвязанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой,
Иль письма дѣвы молодой.
И постепенно въ усыпленье
И чувствъ и думъ впадаетъ онъ,
А передъ нимъ воображенье
Свой пестрый мечетъ фараонъ. (VIII. 37).

Самое явленіе его, неопредѣленно-періодическими выходами, съ безпрестанными пропусками и скачками, показываетъ, что поэтъ не имѣлъ при немъ ни цѣли, ни плана, а дѣйствовалъ по свободному внушенію играющей фантазіи. Смѣло можно было угадывать, что при первой главѣ «Онѣгина» Пушкинъ и не думалъ, какъ онъ кончится; и вотъ собственное его откровенное признаніе въ послѣдней главѣ:

Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ *въ смутномъ снѣ*
Явилися впервые мнѣ—
И даль *свободнаго романа*
Я сквозь магическій кристалъ
Еще *не ясно* различалъ. (VIII. 50).

Но сіе признаніе сдѣлано уже слишкомъ поздно. Оно не спасло откровеннаго поэта отъ мести тѣхъ, кои, думая видѣть въ мыльныхъ пузырькахъ, пускаемыхъ его затѣйливымъ воображеніемъ, роскошные огни высокой поэтической фантасмагоріи, наконецъ должны были признать себя жалко обманувшимися. Раздраженная толпа вымѣщаетъ теперь свое прежнее чрезмѣрное ослѣпленіе несправедливою холодностью. «Послѣдняя Глава Онѣгина» наказывается незаслуженнымъ пренебреженіемъ, отъ того, что первымъ удалось возбудить восторгъ не совсѣмъ заслуженный. Самъ поэтъ, безъ сомнѣнія это предчувствовалъ: ибо послѣднее прощаніе его съ читателями, коимъ онъ заключаетъ сію послѣднюю главу, растворено юмористическою ѣдкостью, изобличающею тайное недовольство самимъ собою и представляющею разительную противоположность съ тѣмъ разгульнымъ одушевленіемъ веселаго самодовольствія, коимъ проникнуты первыя главы «Онѣгина»:

Ктобъ ни былъ ты, о мой читатель,
Другъ, недругъ, я хочу съ тобой
Разстаться нынѣче какъ пріятель.
Прости. Чего бы ты со мной
Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ:
Воспоминаній ли мятежныхъ,
Отдохновенья ль отъ трудовъ,
Живыхъ картинъ, иль острыхъ словъ,
Иль грамматическихъ ошибокъ,
Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты
Для развлеченья, для мечты,
Для сердца, для журнальныхъ сшибокъ,
Хотя крупицу могъ найти.
За симъ разстанемся, прости. (VIII, 48, 49).

Не знаемъ, какъ принято сіе обращеніе другими: чтожъ касается до насъ, то мы извлекли изъ него поучительное заключеніе, къ чести поэта, но — не въ добрую примѣту для нашей словесности. Ясно, что Пушкинъ съ благороднымъ самоотверженіемъ, сознавъ наконецъ тщету и ничтожность поэтическаго суесловія, коимъ, увлекая другихъ, не могъ конечно и самъ не увлекаться. Его созрѣвшій умъ проникъ глубже и постигъ вѣрнѣе тайну поэзіи: онъ увидѣлъ, что для генія — повторимъ давно сказанную остроту — не довольно создать Евгенія... Но лучше ли отъ того нашей словесности? При ея крайнемъ убожествѣ блестящая игрушка, подобная Онѣгину, все, по крайней мѣрѣ, наполняла собой ужасную ея пустоту. Видѣть эту игрушку разбитою руками, ее устроившими и не имѣть, чѣмъ замѣнить ее — еще грустнѣе, еще безотраднѣе».

Но тотъ же самый «Телескопъ» признаетъ великимъ твореніемъ «Бориса Годунова», который былъ осужденъ другими журналами и совершенно равнодушно, или даже непріязненно встрѣченъ публикою. Это произведеніе оправдывается критикомъ противъ всѣхъ мелкихъ упрековъ, какіе дѣлались ему въ то время: «превосходно», «прекрасно» — повторяется на каждой страницѣ разбора. Говорятъ, что Надоумко строго судилъ о прежнихъ произведеніяхъ Пушкина потому, что былъ лишенъ эстетическаго вкуса; едва ли это такъ: — людямъ, которые высказываютъ такое мнѣніе, совѣтуемъ прочитать его статью о «Борисѣ Годуновѣ» (Телескопъ, 1831 г. стр. 546—574) — она положительно убѣдитъ ихъ, что ни одинъ изъ нынѣшнихъ записныхъ критиковъ не можетъ похвалиться такимъ вѣрнымъ и проницательнымъ эстетическимъ тактомъ, какой обнаруживается этимъ разборомъ.

Надобно замѣтить, что говоря о Пушкинѣ, «Надоумко» и «Телескопъ» имѣли въ виду не столько отдѣльнаго поэта, сколько представителя русской литературы, и потому высказывали по поводу его произведеній то, что должно было разумѣть о цѣлой литературѣ. Здѣсь дѣло шло, собственно говоря, не объ авторѣ «Евгенія Онѣгина», а объ умственной жизни нашего общества въ ту эпоху, о публикѣ, которая произвела Пушкина, которая восхищалась «Русланомъ и Людмилою», какъ народною поэмою, не понимая ея, «Кавказскимъ плѣнникомъ», какъ Байроновскою поэмою, также не понимая его, и которая осталась недовольна «Борисомъ Годуновымъ», также не понимая его.

Но, какъ бы то ни было, хотя въ сужденіяхъ «Телескопа», о Пушкинѣ и много ошибочнаго, — во всякомъ случаѣ для каждаго, кто возьметъ на себя трудъ перечитывать статьи экс-студента Надоумко и разборы «Телескопа», или даже, пробѣжавъ наши выписки, припомнитъ преувеличенные толки о богатствѣ нашей литературы и т. д. — несомнѣнно убѣдится въ томъ, что въ основаніяхъ этихъ сужденій есть много и дѣльнаго.

Какое же заключеніе извлечемъ мы изъ этихъ припоминаній? Кажется, трудно не согласиться, что и при жизни Пушкина, его произведенія были оцѣниваемы не голословно, не пошло, не мелочно. Конечно, мы говоримъ только о лучшихъ тогдашнихъ критикахъ. Были въ то же время между рецензентами люди и другаго разбора, какъ бываютъ они вездѣ и всегда. Нашелся, напримѣръ, человѣкъ (имя его, къ счастію, не выставлено подъ статьею), который не посовѣстился утверждать, что VII глава «Евгенія Онѣгина» заимствована изъ «Ивана Выжигина» (!!!); были другіе рецензенты, болѣе честные, но столь же жалкіе по уму, которые привязывались къ словамъ и другимъ мелочамъ: — но неужели Пушкинъ долженъ былъ

обращать вниманіе на этихъ людей, которые служили тогда предметомъ насмѣшекъ и сожалѣнія? Неужели и мы должны имѣть ихъ въ виду, говоря объ отношеніяхъ Пушкина къ современной ему критикѣ? Лучше предать забвенію эти вещи, не заслуживающія ничего, кромѣ забвенія и сожалѣнія...

Въ слѣдующей главѣ, продолжая говорить объ отношеніяхъ критики къ Пушкину, мы разсмотримъ взглядъ на нашего великаго поэта критиковъ ближайшихъ къ нашему времени.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ранѣе, нежели мы надѣялись, новое изданіе сочиненій Пушкина завершилось выходомъ двухъ послѣднихъ томовъ, благодаря заботливости издателя, сдержавшаго свои обѣщанія публикѣ съ точностью. Хвалить внѣшній видъ изданія, теперь оконченнаго, считаемъ совершенно излишнимъ, потому что между нашими читателями вѣроятно не найдется ни одного, который бы уже не просматривалъ, не перечитывалъ его. Не считаемъ нужнымъ указывать и внутреннія достоинства изданія, сравнительно съ прежнимъ изданіемъ, потому что уже говорили объ этомъ въ началѣ нашей статьи. Было бы утомительно для читателей, если бы мы вздумали вдаваться теперь въ мелочныя указанія статей и стихотвореній Пушкина, разсѣянныхъ по журналамъ, и не вошедшихъ въ составъ изданія, сдѣланнаго г. Анненковымъ—важнѣйшіе изъ этихъ пропусковъ были уже указаны критикой по случаю выхода въ свѣтъ изданія 1841 года, и если не были пополнены г. Анненковымъ, то конечно не по забывчивости, а только потому, что планъ новаго изданія не допускалъ помѣщенія этихъ статей, большею частью полемическихъ. Исчисленіе другихъ, совершенно незначительныхъ журнальныхъ замѣтокъ, не есть, по нашему мнѣнію, дѣло критики, которая должна обращать вниманіе только на вещи, имѣющія внутреннее значеніе: длиннымъ и сухимъ спискамъ подобнаго рода мѣсто въ спеціальныхъ библіографическихъ трактатахъ, и въ примѣчаніяхъ къ будущему «*Полному* собранію сочиненій Пушкина» (если когда нибудь русская литература будетъ имѣть такое собраніе)—заглавіе, котораго скромно и благоразумно не далъ г. Анненковъ своему изданію, полному только въ предписанныхъ ему границахъ. Во всякомъ случаѣ, эти статейки едва ли могли бы прибавить что нибудь значительное къ тому, что уже дано «матеріалами», столь тщательно собранными изъ бумагъ Пушкина г. Анненковымъ. Прибавленія, какія въ настоящее время могли бы быть сдѣланы къ изданію, были бы совершенно ничтожны въ сравненіи съ массою драгоцѣнныхъ новыхъ данныхъ, представленныхъ «Матеріалами для біографіи Пушкина», примѣчаніями новаго изданія и нѣкоторыми пьесами его, не входившими въ составъ прежняго изданія.

Въ предъидущей главѣ мы говорили объ отношеніяхъ къ Пушкину современной ему критики: мы видѣли, что если она въ плохихъ или недобросовѣстныхъ журналахъ часто унижалась до тупости и забавной придирчивости, то посредствомъ лучшихъ своихъ органовъ—«Телеграфа» и «Телескопа», успѣла высказать довольно много справедливыхъ замѣчаній о достоинствахъ и недостаткахъ отдѣльныхъ

произведеній Пушкина и—что еще важнѣе и труднѣе—даже объ отношеніи слѣдующихъ его произведеній къ предъидущимъ, о постепенномъ развитіи его таланта. Но само собою разумѣется, что оцѣнка дѣятельности поэта, столь полнаго силы, жизни и движенія, какъ Пушкинъ, не могла быть полна, пока значительная часть этой дѣятельности еще скрывалась въ будущемъ; разумѣется также, что писатель, столь важный въ исторіи общаго развитія нашей литературы, какъ Пушкинъ, не могъ быть точно оцѣненъ по своему значенію и вліянію на судьбу литературы, пока это вліяніе не выразилось положительными фактами: мѣрило для оцѣнки воспитателя дается только дѣятельностью его воспитанниковъ. Потому критика, современная Пушкину, вовсе не будучи лишена ни смысла, иногда прекраснаго, ни проницательности, иногда очень мѣткой, и ни мало не заслуживая пренебреженія, съ какимъ о ней иногда отзываются, напротивъ, имѣя право на наше вниманіе не менѣе другихъ отраслей тогдашней литературной дѣятельности,—эта критика тѣмъ не менѣе далеко уступаетъ своею глубиною послѣдующей критикѣ, имѣетъ значеніе только какъ приготовленіе къ этой критикѣ, подобно всей тогдашней литературѣ, имѣющей важность преимущественно потому только, что она служила почвою, на которой могла возникнуть дѣятельность послѣдущей литературной эпохи, которая въ свою очередь особенно драгоцѣнна для насъ не какъ нѣчто имѣющее абсолютное значеніе, а какъ зародышъ и залогъ будущаго развитія русской литературы, приближеніе котораго должно быть завѣтнымъ желаніемъ каждаго образованнаго русскаго. Каково бы ни было безотносительное достоинство произведеній Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова, Гоголя и современныхъ намъ русскихъ писателей, но они еще милѣе для насъ, какъ залогъ будущихъ торжествъ нашего народа на поприщѣ искусства, просвѣщенія и гуманности.

Критика, возникшая вскорѣ по смерти Пушкина — сказали мы — гораздо полнѣе и точнѣе, нежели современная ему критика, опредѣлила значеніе этого великаго писателя въ русской литературѣ. Повидимому, надобно было бы предполагать, что результаты ея изслѣдованій, еще у всѣхъ свѣжи въ памяти и не должны быть снова подробно пересказываемы, какъ вещи общеизвѣстныя. На самомъ дѣлѣ такое предположеніе, несмотря на всю свою естественность, оказывается несправедливымъ. Если бы воскресли люди, голосъ которыхъ такъ недавно еще былъ выслушиваемъ какъ голосъ самой истины—чѣмъ онъ и былъ дѣйствительно—если бы воскресли эти люди и посмотрѣли на то, что пишется нынѣ, они воскликнули бы словами одного изъ нынѣшнихъ поэтовъ, который вѣроятно самъ уже позабылъ свои прежнія слова:

Или въ эти годы
Люди и забыли,
Чѣмъ во дни былые
Доблестны мы были?...

Но увлеченныя воспоминаніями, мы удалились отъ нашего предмета -разсмотрѣнія того, какимъ образомъ понимала Пушкина критика, господствовавшая въ нашей литературѣ послѣ паденія современной ему критики. Журналы старыхъ годовъ не всегда можно имѣть въ рукахъ, потому не излишне будетъ въ короткихъ словахъ повторить существенныя мысли многочисленныхъ статей о Пушкинѣ, столь подробно и вѣрно оцѣнившихъ его поэтическую дѣятельность.

Прежде всего надобно замѣтить, что эти статьи сильно возставали противъ ѣдкихъ отзывовъ экс-студента Надоумко о «Полтавѣ», «Нулинѣ» и «Евгеніѣ Онѣгинѣ» и холодныхъ отзывовъ «Телеграфа» о послѣдующихъ произведеніяхъ Пушкина. Онѣ доказывали, что какъ «Борисъ Годуновъ», такъ и «Евгеній Онѣгинъ»—великія созданія. Потому въ смутныхъ воспоминаніяхъ, какія остались у большей части нынѣшнихъ читателей отъ этихъ статей, едва ли не самымъ положительнымъ осталось мнѣніе, что онѣ были безусловнымъ панегрикомъ Пушкину; что произведенія Пушкина были въ нихъ представлены равно художественными по формѣ и колоссальными по идеѣ; что Пушкинъ былъ поставленъ въ нихъ неизмѣримо выше всѣхъ русскихъ поэтовъ, не исключая никого. Многимъ на основаніи этихъ неточныхъ воспоминаній представляется даже, будто бы критика ставила Пушкина однимъ изъ величайшихъ міровыхъ поэтовъ, равнымъ Шекспиру въ «Борисѣ Годуновѣ», едва ли не выше Шиллера и Байрона. Выписки, которыя мы приведемъ ниже, вѣрнѣе покажутъ понятія критики о поэтическомъ значеніи Пушкина; мы здѣсь не хотимъ излагать ея мысли собственными словами—способъ всегда болѣе или менѣе произвольный, и считаемъ нужнымъ сдѣлать только два или три замѣчанія относительно общаго характера этой критики.

Чтеніе выписокъ, которыя мы представимъ, убѣдитъ каждаго въ томъ, какъ независимы и нелицепріятны были ея сужденія. Быть можетъ даже нынѣ, когда отдаленность времени даетъ намъ полную возможность судить безъ увлеченій, многимъ покажется, что критика говорила о Пушкинѣ не довольно восторженно. Но тѣмъ не менѣе каждый можетъ видѣть, что она была проникнута глубокимъ благоговѣніемъ къ имени Пушкина. На это, кромѣ главной причины—великаго достоинства самыхъ произведеній Пушкина и пламеннаго сочувствія этой критики ко всему, что было прекраснаго въ русской литературѣ, есть и другая причина, завис̀ѣвшая отъ обстоятельствъ. Это указано въ самомъ началѣ статей. Въ концѣ жизни Пушкина, публика охладѣла къ своему любимцу; но «безвременная смерть Пушкина, какъ и должно было ожидать, снова и съ большею силою обратила къ падшему поэту сочувствіе и любовь общества. Не успѣло еще войдти въ свои берега взволнованное утратою поэта чувство общества, какъ подняла свое жужжаніе и шипѣніе на страдальческую тѣнь великаго поэта злопамятная посредственность. Она начала, прямо и косвенно, толковать о поэтическихъ заслугахъ Пушкина, стараясь унизить ихъ... веселое скаканіе водовозныхъ существъ на могилѣ льва возмущаетъ душу, какъ зрѣлище неприличное и отвратительное, а наглое безстыдство низости имѣетъ свойство выводить изъ терпѣнія. Мудрено ли, что и такое ничтожное само по себѣ обстоятельство, раздражая людей, способныхъ понять и оцѣнить Пушкина какъ должно, только болѣе и болѣе увлекало ихъ въ благородномъ удареніи къ великому поэту? Далѣе говорится, что наконецъ эти обстоятельства миновались, и настало время судить о Пушкинѣ совершенно хладнокровно. Но каждый, у кого бьется въ груди сердце, знаетъ по опыту, что человѣкъ энергическій никогда не будетъ говорить совершенно хладнокровно о томъ, отъ чего когда-нибудь возмущалось его сердце. Кто былъ современникомъ пошлыхъ выходокъ противъ великаго поэта, кто былъ нѣкогда пораженъ громовою вѣстью о его ранней кончинѣ, тотъ можетъ современемъ судить о немъ безпристрастно, но никогда не будетъ въ состояніи говорить о немъ безъ слѣдовъ прежняго увлеченія. Каждому человѣку изъ позднѣйшаго поколѣнія легко судить о томъ по недавнему горькому опыту. Кто изъ насъ,

внезапно пораженныхъ вѣстью о смерти Гоголя, возмущавшихся потомъ недостойными выходками противъ этого великаго таланта не сохранитъ навсегда въ душѣ слѣдовъ скорби, которой съ такою горечью предавались мы?

Мы упомянули объ этомъ чрезвычайно сильномъ сочувствіи критики къ поэту между прочимъ и потому, что этимъ отношеніемъ объясняется ея стремленіе истолковать сколь возможно выгоднѣе для того или другаго произведенія смыслъ его, иногда въ противорѣчіе тому, чего по своему безпристрастію не можетъ не замѣтить и не высказать сама критика. Примѣровъ можно привесть очень много. Ограничимся двумя или тремя. Въ «Цыганахъ» идея произведенія выражена въ характерѣ и дѣйствіяхъ Алеко, и Алеко есть идеалъ безукоризненный въ глазахъ автора. Но критика не можетъ не видѣть, что понятія, которыми руководствуется Алеко, ложны; что онъ требуетъ отъ другихъ того, чего самъ не хочетъ дѣлать для нихъ. Критика очень жарко изобличаетъ жестокость и несправедливость Алеко — и съ тѣмъ вмѣстѣ старается доказать, что идея поэмы выразилась не въ лицѣ Алеко, а въ кроткихъ воззрѣніяхъ стараго цыгана, хотя очевидно, что по мысли Пушкина цыганъ этотъ, какъ человѣкъ снисходительный только по своему невѣжеству и робости, не имѣющій истиннаго понятія о любви, стоитъ ниже Алеко. Критика готова даже предположить, что Алеко Пушкина очищается страданіемъ, между тѣмъ, какъ очевидно, что по мысли Пушкина Алеко невинный страдалецъ, который сокрушенъ незаслуженною потерею, и которому не отъ чего исправляться, не въ чемъ раскаяваться. Другой примѣръ: очевидно, Пушкинъ обвиняетъ Онѣгина за то, что въ деревнѣ онъ не отвѣчалъ страстною любовью на письмо Татьяны: что и эту его холодность и любовь къ ней, загорѣвшуюся въ немъ послѣ, Пушкинъ совершенно объясняетъ сентенціею:

О люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Еву:
Что вамъ дано, то не влечетъ;
Васъ непрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу:
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не рай;

очевидно также, что Пушкинъ обвиняетъ Онѣгина за эту любовь и представляетъ отвѣтъ ему Татьяны какъ безусловно истинный и правый. Критика не могла согласиться съ этими понятіями, по ея мнѣнію сухими, узкими и фальшивыми. Она жарко и подробно высказываетъ свой взглядъ на Онѣгина и на Татьяну (какъ она является въ послѣдней главѣ), противуположный взгляду самого Пушкина на эти личности и мотивы ихъ дѣйствій — и однако же не хочетъ дойти до вывода, необходимо слѣдующаго изъ этихъ фактовъ; или Онѣгинъ и Татьяна изображены въ романѣ не такими, какъ представлялись мысли самого автора, слѣдовательно Пушкинъ также не могъ понять и очертить ихъ въ полномъ и истинномъ свѣтѣ, какъ и Лермонтовъ своего Печорина, или они изображены дѣйствительно такими, какими представлялись понятіямъ самого автора, и въ такомъ случаѣ о нихъ должно сказать то же, что о людяхъ одного разряда съ Алеко.

Послѣ замѣчанія, нами сдѣланнаго, легко понять эти важныя противорѣчія и недомолвки. Но какъ ни велико было благоговѣніе критики къ Пушкину, ея желаніе окружить имя Пушкина всѣмъ блескомъ безсмертія, но проницательность ана-

лиза и пламенная любовь къ истинѣ были въ ней гораздо сильнѣе. Развитіе русской литературы было для нея выше увлеченія самыми милыми именами, горячее желаніе развитія жизни и просвѣщенія въ родной землѣ сильнѣе самой любви къ русской литературѣ, которая была ей драгоцѣнна именно потому, что есть двигательница жизни и просвѣщенія. Потому нѣтъ въ этой критикѣ ни умышленныхъ умолчаній, ни пристрастнаго взгляда на тотъ или на другой фактъ литературы. И если она иногда, увлекаемая любовью, какъ въ настоящемъ случаѣ, не дѣлаетъ вывода изъ своихъ понятій, то понятія эти всегда выражены полно, ясно и сильно, такъ что и заключеніе ясно само собою, и для каждаго мыслящаго читателя оно уже высказано.

Другое замѣчаніе: для истиннаго критика разсматриваемое сочиненіе очень часто бываетъ только поводомъ къ развитію собственнаго взгляда на предметъ, котораго оно касается вскользь или односторонне. Такъ произошла большая часть увлекательныхъ эпизодовъ, которыми богаты статьи о Пушкинѣ. Это не всегда понимаютъ, и не всегда отличаютъ мысли критика отъ понятій, высказанныхъ въ разбираемомъ произведеніи, считая критика только простымъ комментаторомъ автора. Какія удивительныя страницы написаны на русскомъ языкѣ о «Цыганахъ», о характерѣ Онѣгина, о Татьянѣ, о русскомъ обществѣ и русской женщинѣ! Мы очень ошиблись бы, если бы, начавъ яснѣе понимать всѣ эти вещи, о которыхъ онѣ говорятъ, предположили, что узнали ихъ отъ Пушкина, а не отъ его критика.

Критика, о которой мы говоримъ, такъ полно и вѣрно опредѣлила характеръ и значеніе дѣятельности Пушкина, что, по общему согласію, ея сужденія до сихъ поръ остаются справедливыми и совершенно удовлетворительными. Нужно только одно,—предлагать вопросы,—отвѣты уже приготовлены. Жаль только, что иногда забываются важнѣйшіе вопросы, или очень часто забываютъ искать на нихъ отвѣта гдѣ слѣдуетъ, а хлопочутъ объ изготовленіи послѣдныхъ отвѣтовъ собственнаго издѣлія, не всегда мастерскаго. Во второмъ насъ нельзя будетъ обвинить: остается только намъ желать, чтобы вопросы были избраны нами не совершенно неудачно.

Когда мы захотимъ составить себѣ ясное понятіе о личности Пушкина, какъ поэта, прежде всего является сомнѣніе: можно ли считать этого генія умершаго въ цвѣтѣ силъ физическихъ и нравственныхъ, вполнѣ совершившимъ свое назначеніе въ русской литературѣ, исполнившимъ для ея развитія все, что исполнить была въ силахъ его натура? Никому не приходитъ въ голову подобное сомнѣніе, когда дѣло идетъ, напримѣръ, о Байронѣ, который также умеръ въ молодыхъ лѣтахъ, объ Андреѣ Шенье, который также погибъ въ цвѣтѣ силъ и таланта, но,—чтобы привесть примѣръ, болѣе близкій намъ,—о Кольцовѣ, который умеръ моложе Пушкина и началъ развиваться гораздо въ болѣе поздніе лѣта. Но о Пушкинѣ мы часто думаемъ почти такъ же, какъ о Лермонтовѣ, который дѣйствительно отнятъ смертью у русской литературы далеко не достигнувъ полнаго развитія своихъ силъ, которыя въ будущемъ обѣщали несравненно болѣе того, что успѣлъ сдѣлать. Но разница между двумя поэтами въ этомъ отношеніи—огромна. Сравните стихотворенія, написанныя Лермонтовымъ въ 1836 — 1837 годахъ, съ его стихотвореніями, принадлежащими 1840 — 1841 годамъ, и вы увидите въ послѣднихъ огромное превосходство надъ первыми и по глубинѣ содержанія и по совершенству формы. Но такой разницы не замѣтно, напримѣръ, между стихотвореніями Пушкина 1835—

1836 и 1829 — 1830, даже 1825 — 1826 годовъ; если въ 1835 году были написаны «Полководецъ», «Туча», «Пиръ Петра Великаго», «Опять на родинѣ»,—то 1830 году принадлежатъ «Къ Вельможѣ», «Поэту», «Для береговъ отчизны дальней», «Бѣсы», «Подражанія Данту», и проч., а 1825 году «Въ крови горитъ огонь желанья», «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной», «Сожженное письмо», «Я помню чудное мгновенье», «19 октября», «Буря мглою небо кроетъ», «Чертогъ сіялъ» и проч. Чтобы найти осязательную разницу между стихотвореніями, послѣднихъ лѣтъ жизни Пушкина и его предъидущими стихотвореніями, мы должны отступить до 1822—1823 годовъ. Мы указали на лирическія произведенія, потому что они, по общему согласію, даютъ самое вѣрное средство слѣдить за ходомъ развитія поэта. Почти тотъ же результатъ обнаруживается и большими произведеніями Пушкина. Въ примѣчаніи мы представляемъ два списка ихъ по хронологическому порядку *).

Первый изъ этихъ списковъ показываетъ, что съ 1832 года до конца своей жизни Пушкинъ не напечаталъ ни одного значительнаго произведенія въ стихахъ, кромѣ только «Скупаго Рыцаря», явившагося въ 1836 году. Потому становится понятно, какимъ образомъ въ статьѣ «Телескопа» за 1835 г. «О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя», принадлежащей тому же перу, которое черезъ нѣсколько лѣтъ написало статьи о Пушкинѣ, могло быть сказано: «Я не включаю въ число

---

*) Вотъ порядокъ, въ какомъ явились въ печати произведенія Пушкина.

Годы:

1820. Русланъ и Людмила.
1822. Кавказскій плѣнникъ.
1824. Бахчисарайскій фонтанъ.
1825. Братья разбойники.—Евгеній Онѣгинъ, глава 1.
1826. Онѣгинъ, глава 2.
1827. Цыганы.—Онѣгинъ, глава 3.
1828. Графъ Нулинъ.—Онѣгинъ, главы 4, 5, 6.—Сцена изъ Фауста.
1829. Полтава.
1830. Онѣгинъ, глава 7.
1831. Борисъ Годуновъ.—Повѣсти Бѣлкина.
1831. Онѣгинъ, глава 8.—Моцартъ и Сальери.—Пиръ во время чумы.—Сказка о Гвидонѣ.
1833. Домикъ въ Коломнѣ.
1834. Пиковая дама.—Сказка о мертвой царевнѣ.
1835. Нѣсколько простонародныхъ сказокъ.
1836. Родословная моего героя.—Скупой рыцарь.—Капитанская дочка.

По смерти Пушкина были изданы: Голубъ.—Мѣдный всадникъ.—Каменный гость.—Русалка.—Арапъ Петра Великаго. Дубровскій.—Египетскія ночи.—Сцены изъ рыцарскихъ временъ.

Мы помѣстили этотъ списокъ для того, чтобы понятны были сужденія о Пушкинѣ, являвшіяся въ послѣднее время его жизни. Но еще интереснѣе обозрѣть хронологическую послѣдовательность, въ которой были написаны важнѣйшія произведенія Пушкина. Этотъ списокъ—самое вѣрное свидѣтельство о развитіи его поэтической дѣятельности.

Годы:

1820. Русланъ и Людмила.
1821. Кавказскій Плѣнникъ.
1823, 1824, 1825. Первыя шесть главъ Онѣгина.—Борисъ Годуновъ.
1825. (Борисъ Годуновъ).
1826. Сцена изъ Фауста.
1827. Арапъ Петра Великаго.
1828. Полтава.
1829. Голубъ.
1830. Скупой рыцарь.—Моцартъ и Сальери.—Каменный гость.—Пиръ во время чумы.
1832. Русалка.—Дубровскій.
1833. Мѣдный всадникъ.—Капитанская дочка.—Пиковая дама.—Египетскія ночи

современныхъ поэтовъ Пушкина, который уже совершилъ кругъ своей художественной дѣятельности». Дѣйствительно, въ послѣдніе годы жизни Пушкина нельзя было не думать, что великій писатель совершенно оставилъ прежнее поприще своей славной дѣятельности, и отнынѣ хочетъ сдѣлаться исключительно прозаикомъ, и сосредоточить свои силы преимущественно на историческихъ трудахъ. Явившіяся по смерти его превосходныя поэтическія созданія, сочиненіе. которыхъ современники не знавшіе опредѣлительно года, когда они были писаны, естественно должны были относить къ послѣднимъ годамъ жизни поэта (въ чемъ убѣждала и неоконченность «Голуба», «Русалки», «Арапа Петра Великаго», «Египетскихъ ночей») — эти посмертныя сочиненія могли тогда заставить оставить прежнее мнѣніе и думать, что смерть пресѣкла дни Пушкина въ эпоху сильной его поэтической дѣятельности. Но теперь, благодаря даннымъ, которыя сообщены г. Анненковымъ, мы знаемъ годъ, которому принадлежитъ созданіе каждаго изъ произведеній Пушкина, и не можемъ раздѣлять этого предположенія. Просматривая второй изъ приведенныхъ нами списковъ, видимъ, что съ 1833 года Пушкинъ уже не написалъ ни одного значительнаго художественнаго произведенія. Три послѣдніе года его жизни были посвящены исключительно историческимъ трудамъ: да и три предъидущія года (1831—1833) были уже очень скудны поэтическими произведеніями. Г. Анненковъ относитъ къ нимъ только простонародныя сказки—шалость великаго поэта, и «Русалку» и «Мѣднаго всадника». Поэтическая дѣятельность видимо стала для Пушкина второстепенною, начиная съ 1830 года, которому принадлежатъ, по отмѣткамъ г. Анненкова, его драматическія сцены. Кромѣ того, если въ 1820 — 1825 годахъ мы замѣчаемъ быстрое и неослабное развитіе поэтическаго таланта, то постепенность этого развитія замедляется, если не исчезаетъ впослѣдствіи. Это легко видѣть, обративъ вниманіе на слѣдующія цифры:

1820. «Русланъ и Людмила». 1821. «Кавказскій Плѣнникъ». 1822. «Бахчисарайскій фонтанъ». 1824. «Цыганы». 1825. Шесть главъ «Онѣгина»; «Борисъ Годуновъ».

Невозможно спорить противъ того, что произведеніе каждаго послѣдующаго года въ этомъ ряду гораздо выше прежнихъ произведеній. Но такъ ли очевидно послѣдовательное возвышеніе художественнаго достоинства произведеній въ слѣдующемъ ряду:

1827. «Арапъ Петра Великаго». 1828. Полтава». 1830. «Драматическія сцены». — «Каменный гость». — Повѣсти Бѣлкина». 1832. «Русалка». — «Дубровскій». 1833. «Мѣдный всадникъ». — Пиковая дама». «Капитанская дочка». — «Египетскія ночи».

Лучшія изъ этихъ произведеній стоятъ совершенно на одной высотѣ и рядъ ихъ повсюду прерывается произведеніями, имѣющими только второстепенное достоинство. Такъ за «Женихомъ», прекраснымъ созданіемъ изъ народной жизни (1827), слѣдуютъ (до 1833) многія изъ простонародныхъ сказокъ, очень слабыхъ, какъ всѣми признано. Такъ за «Арапомъ Петра Великаго» (1827) слѣдуютъ «Повѣсти Бѣлкина» (1830). Смѣшно было бы думать, какъ думали въ 1831 — 1836 годахъ, что талантъ Пушкина начиналъ ослабѣвать, — потому что въ эти годы онъ создалъ «Каменнаго гостя», «Русалку» и «Мѣднаго Всадника»; но очевидно, съ 1826 — 1830 онъ достигъ возможной высоты своего развитія (если не достигъ ея еще раньше, около 1825 года, которому принадлежатъ «Евгеній Онѣгинъ» и

«Борисъ Годуновъ») и что съ этого времени относительное достоинство поэтическихъ его произведеній не возрастаетъ неуклонно съ каждымъ годомъ, зависитъ не отъ болѣе поздняго года, какъ прежде, а просто отъ измѣняющихся обстоятельствъ свободнаго вдохновенія, то на время капризно покидающаго своего любимца, то возвращающагося къ нему съ прежнею силою. Невозможно также не видѣть, что Пушкинъ въ послѣдніе годы менѣе дорожитъ своимъ поэтическимъ талантомъ, — это видимъ и изъ его писемъ, въ которыхъ онъ, напримѣръ, считаетъ важнымъ дѣломъ только исторію Пугачевскаго бунта, а «Капитанскую дочку» — ничтожною бездѣлкою, написанною для развлеченія, для отдыха: еще убѣдительнѣе тоже самое видимъ изъ небрежности, съ которою онъ посвящаетъ свой талантъ прелестнымъ игрушкамъ, которымъ самъ не придаетъ цѣны, каковы «Домикъ въ Коломнѣ» (1830), «Простонародныя сказки», «Родословная моего героя» (1833) и проч. Наконецъ, самое положительное доказательство того, что Пушкинъ въ послѣдніе годы пренебрегаетъ своимъ поэтическимъ талантомъ — измѣнившееся направленіе его занятій: онъ очень мало пишетъ поэтическихъ произведеній, и обольщается славою историка.

Всѣ эти факты не были прежде извѣстны въ такой точности, какъ знаемъ ихъ теперь мы, благодаря новому изданію и приложенной къ нему біографіи. Но проницательность критики, о которой мы говоримъ, не нуждалась въ этихъ мелочныхъ сличеніяхъ цифръ, чтобы найти истинный отвѣтъ на вопросъ: чего могла бы ожидать русская поэзія отъ Пушкина, если бы онъ прожилъ долѣе? Не было ли все, намъ отъ него теперь оставшееся, только первымъ періодомъ его поэтической дѣятельности, вторая эпоха которой дала бы намъ нѣчто новое и гораздо высшее? Не должно ли и о Пушкинѣ сказать, какъ мы говоримъ о Лермонтовѣ, что онъ похищенъ смертью, далеко не совершивъ того, что совершилъ бы? Нѣтъ, — говоритъ критика, — талантъ Пушкина высказался намъ весь, онъ сдѣлалъ для русской литературы все, что призванъ былъ своею натурою сдѣлать.

«Много творческихъ тайнъ унесъ съ собою въ раннюю могилу этотъ могучій поэтическій духъ; но не тайну своего нравственнаго развитія, которое достигло своего апогея, и потому обѣщало только рядъ великихъ въ художественномъ отношеніи созданій, но уже не обѣщало новой литературной эпохи, которая всегда ознаменовывается не только новыми твореніями, но и новымъ духомъ. Исключительные поклонники Пушкина, подъ его вліяніемъ образовавшейся эстетически, (продолжаетъ критика) уже рѣзко отдѣляются отъ новаго поколѣнія своею закоснѣлостію и своею тупостію въ дѣлѣ разумѣнія смѣнившихъ Пушкина корифеевъ русской литературы... По мѣрѣ того, какъ рождались въ обществѣ новыя потребности, какъ измѣнялся его характеръ и овладѣвали умомъ его новыя думы, а сердце волновали новыя печали и новыя надежды, всѣ стали чувствовать, что Пушкинъ, не утрачивая въ настоящемъ и будущемъ своего значенія, какъ поэтъ великій, тѣмъ не менѣе былъ и поэтомъ своего времени, своей эпохи, и что это время уже прошло, эта эпоха смѣнилась другою, у которой уже другія стремленія, думы и потребности. Вслѣдствіе этого, Пушкинъ является передъ глазами наступающаго для него потомства уже въ двойственномъ видѣ: это уже не поэтъ безусловно великій и для настоящаго и для будущаго, но поэтъ, въ которомъ есть достоинства безусловныя и достоинства временныя, поэтъ, только одною стороною принадлежащій настоящему и будущему, которыя болѣе или менѣе удовлетворяются имъ, а другою большею и значительнѣйшею стороною, вполнѣ удовлетворявшій своему настоящему, которое онъ вполнѣ и выразилъ, и которое для насъ уже прошедшее».

Противъ первой половины выписаннаго нами мѣста невозможно спорить, имѣя факты, доставленныя изданіемъ г. Анненкова. Каждый понимающій ходъ развитія русской литературы, понимающій значеніе Лермонтова, Гоголя и безпристрастно смотрящій на позднѣйшихъ нашихъ писателей, согласится и съ послѣдующими мыслями критика, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій. Но и теперь хотя уже прошло много лѣтъ съ того времени, какъ были сказаны эти слова, очень многіе, даже изъ молодого поколѣнія не понимаютъ еще, почему же Пушкинъ принадлежитъ уже прошедшей эпохѣ, почему онъ не можетъ быть признанъ корифеемъ и современной русской литературы? Причиною этихъ недоумѣній—то странное обстоятельство, что не для всѣхъ ясно значеніе Пушкина въ русской литературѣ, хотя оно давно объяснено; потому продолжимъ наши выписки: онѣ для нѣкоторыхъ напомнятъ то, что повидимому, должно было бы нынѣ быть извѣстно каждому:

«Пушкинъ былъ призванъ быть первымъ поэтомъ-художникомъ Руси, дать ей поэзію, какъ искусство... Стихъ Пушкина, вдругъ какъ бы сдѣлавшій крутой поворотъ въ исторіи русской поэзіи, явившій собою что-то небывалое, непохожее ни на что прежнее, — этотъ стихъ былъ представителемъ новой, небывалой поэзіи. Если бы мы хотѣли охарактеризовать стихъ Пушкина однимъ словомъ, мы сказали бы, что это по превосходству поэтическій, художественный, артистическій стихъ.—и этимъ разгадали бы тайну всей поэзіи Пушкина. Читая Гомера, вы видите возможную полноту художественнаго совершенства; но она не поглощаетъ всего вашего вниманія, не ей исключительно вы удивляетесь: васъ болѣе всего поражаетъ и занимаетъ разлитое въ поэзіи Гомера древне-эллинское міросозерцаніе и самый этотъ древне эллинскій міръ... Въ Шекспирѣ, васъ тоже останавливаетъ прежде всего не художникъ, а глубокій сердцевѣдецъ, мірообъемлющій созерцатель... Въ поэзіи Байрона, прежде всего обойметъ вашу душу ужасомъ удивленія колоссальная личность поэта, гитаническая смѣлость и гордость его чувствъ и мыслей. Въ поэзіи Гёте, передъ вами выступаетъ поэтически-созерцательный мыслитель... Въ Пушкинѣ, напротивъ того, прежде всего увидите художника, призваннаго для искусства, исполненнаго любви ко всему прекрасному, любящаго все, и потому терпимаго ко всему: отсюда всѣ достоинства и всѣ недостатки его поэзіи. Его назначеніе было усвоить навсегда русской землѣ поэзію, какъ искусство, такъ чтобы русская поэзія имѣла потомъ возможность быть выраженіемъ всякаго направленія, всякаго созерцанія. До Пушкина у насъ не было ни одного поэта-художника, Пушкинъ былъ первымъ русскимъ поэтомъ-художникомъ. Поэтому даже самыя первыя незрѣлыя юношескія его произведенія, каковы «Русланъ и Людмила», «Братья Разбойники», «Кавказскій Плѣнникъ» и «Бахчисарайскій Фонтанъ» отмѣтили своимъ появленіемъ новую эпоху въ исторіи русской поэзіи. Всѣ увидѣли въ нихъ не просто новыя поэтическія произведенія, но совершенно новую поэзію, которой они не знали на русскомъ языкѣ не только образца, но на которую они не видали никогда даже намека. И эти поэмы читались всею грамотною Россіею; онѣ ходили въ тетрадкахъ, переписывались дѣвушками, учениками на школьныхъ лавкахъ, сидѣльцами за прилавками магазиновъ и лавокъ. Тогда-то поняли, что различіе стиховъ отъ прозы заключается не въ рифмѣ и размѣрѣ только, но что и стихи, въ свою очередь, могутъ быть и поэтическіе и прозаическіе. Это значило уразумѣть поэзію уже не какъ что-то внѣшнее, но въ ея внутренней сущности. Явись теперь на Руси поэтъ, который былъ бы неизмѣримо выше Пушкина, его появленіе не могло бы надѣлать столько шума, возбудить такой общій, неслыханный энтузіазмъ, — потому что послѣ Пушкина, поэзія уже не невиданная, не неслыханная вещь. И по тому же самому, теперь уже слишкомъ слабый успѣхъ могъ бы получить поэтъ, который, не уступая Пушкину въ талантѣ, даже превосходя его въ этомъ отношеніи, былъ бы, подобно ему, преимущественно художникомъ».

Итакъ существенное значеніе дѣятельности Пушкина состоитъ по опредѣленію критики, въ томъ, что онъ первый познакомилъ русскую публику съ поэзіею,

первый далъ намъ произведенія истинно поэтическія и художественныя. Обыкновенно до сихъ поръ продолжаютъ, по смутнымъ воспоминаніямъ о мнѣніяхъ «Телеграфа» и «Телескопа», толковать, что заслуга Пушкина преимущественно состоитъ въ народномъ элементѣ, который ввелъ онъ въ нашу литературу. Само собою разумѣется что каждый русскій есть русскій, и что поэтому Пушкинъ, будучи поэтомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ будучи русскимъ, былъ русскимъ поэтомъ, и его поэзія есть русская поэзія, а не нѣмецкая или китайская. Повидимому, теперь давно пора бы забыть о столь важныхъ и удивительныхъ открытіяхъ. Но если глубокая мысль очень долго не бываетъ понимаема большинствомъ, то съ другой стороны фразы, лишенныя существеннаго смысла, фразы, представляющія наборъ словъ и болѣе ничего, имѣютъ свойство очень упорно держаться въ памяти. Такъ случилось и съ знаменитымъ опредѣленіемъ существенной стороны дѣятельности Пушкина. Надобно было бы, вмѣстѣ съ нашимъ критикомъ, сказать просто, что до Пушкина Россія не имѣла великихъ поэтовъ; что Пушкинъ первый далъ намъ прекрасные стихи, писанные на родномъ языкѣ, а не переведенные съ другого языка; что этимъ увлекъ онъ всю публику, до него столь же мало знакомую съ поэзіею, какъ до построенія московской желѣзной дороги съ желѣзными дорогами; но это съ одной стороны слишкомъ просто, съ другой стороны слишкомъ неудобно для составленія пышныхъ фразъ. Старая фраза о томъ, что Пушкинъ ввелъ народность въ нашу литературу, представляла передъ этою скромною и вѣрною мыслью большія выгоды - она лишена внутренняго содержанія, потому очень удобна для реторическихъ распространеній: да кромѣ того, къ ней уже успѣли привыкнуть —обстоятельство очень важное для людей, не имѣющихъ охоты думать. Потому-то мы до сихъ поръ и слышимъ разсужденія о Пушкинѣ, не какъ о первомъ нашемъ поэтѣ, а какъ о «народномъ нашемъ поэтѣ». На эти фразы мы находимъ въ статьяхъ о Пушкинѣ слѣдующій отвѣтъ:

«Поэзія Пушкина удивительно вѣрна русской дѣйствительности, изображаетъ ли она русскую природу или русскіе характеры: на этомъ основаніи, общій голосъ нарекъ его русскимъ національнымъ, народнымъ поэтомъ. Намъ кажется это только на половину вѣрнымъ. Народный поэтъ тотъ, котораго весь народъ знаетъ; національный поэтъ — тотъ, котораго знаютъ всѣ сколько нибудь образованные классы народа, какъ, напримѣръ, нѣмцы знаютъ Гете и Шиллера. Нашъ народъ не знаетъ ни одного своего поэта; онъ поетъ-себѣ доселѣ: «Не бѣлы-то снѣжки»..., не подозрѣвая даже того, что поетъ стихи, а не прозу... Слѣдовательно, съ этой стороны, смѣшно было бъ и говорить объ эпитетѣ «народный» въ примѣненіи къ Пушкину, или къ какому бы то ни было поэту русскому. Слово «національный» еще обширнѣе въ своемъ значеніи, чѣмъ народный. Подъ «народомъ» всегда разумѣютъ массу народонаселенія. Подъ «націею» разумѣютъ весь народъ, всѣ сословія отъ низшаго до высшаго, составляющія государственное тѣло. Національный поэтъ выражаетъ въ своихъ твореніяхъ и основную, безразличную, неуловимую для опредѣленія субстанціальную стихію, которой представителемъ бываетъ стихія народа, и опредѣленное значеніе этой субстанціальной стихіи, развившееся въ жизни образованнѣйшихъ сословій націи. Національный поэтъ — великое дѣло! Обращаясь къ Пушкину, мы скажемъ, по поводу вопроса о его національности, что онъ не могъ не отразить въ себѣ географически и физіологически народной жизни, ибо былъ не только русскій, но притомъ русскій, надѣленный отъ природы геніальными силами; однако жъ въ томъ, что называютъ народностью, національностью его поэзіи, мы больше видимъ его необыкновенно-великій художническій тактъ. Онъ въ высшей степени обладалъ этимъ тактомъ дѣйствительности, который составляетъ одну изъ главныхъ сторонъ художника. Про-

чтите его чудную драматическую поэму «Каменный гость»—она, и по природѣ страны и по нравамъ своихъ героевъ, такъ и дышетъ воздухомъ Испаніи; прочтите его «Египетскія ночи» — вы будете перенесены въ самое сердце жизни издыхающаго древняго міра... Такихъ примѣровъ удивительной способности Пушкина быть какъ у себя дома во многихъ и самыхъ противоположныхъ сферахъ жизни, мы могли бы привести много, но довольно и этихъ. И что же это доказываетъ, если не его художническую многосторонность? Если онъ съ такою истиною рисовалъ природу и нравы даже никогда не виданныхъ имъ странъ, какъ же бы его изображенія предметовъ русскихъ не отличались вѣрностью природѣ?»

Дѣлая вслѣдъ за этимъ выписку изъ статьи Гоголя «Нѣсколько словъ о Пушкинѣ», критика находитъ очень справедливыми мнѣнія Гоголя, особенно его опредѣленіе національнаго поэта: «Поэтъ можетъ быть и тогда національнымъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами»—но, прибавляетъ критика:

«Если хотите, съ этой точки зрѣнія, Пушкинъ болѣе національно-русскій поэтъ, нежели кто либо изъ его предшественниковъ; но дѣло въ томъ, что нельзя опредѣлить, въ чемъ же состоитъ эта національность. Въ томъ, что Пушкинъ чувствовалъ и писалъ такъ, что его соотечественникамъ казалось, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами? Прекрасно! Да *какъ* же чувствуютъ и говорятъ они? Чѣмъ отличается ихъ способъ чувствовать и говорить отъ способа другихъ націй? Вотъ вопросы...

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего легче, какъ толковать о предметахъ, еще не имѣющихъ фактическаго значенія, еще принадлежащихъ области фантазіи. Фактъ бываетъ неопровержимъ, не допускаетъ разногласія: потому о немъ нельзя наговорить такъ много и такихъ блестящихъ фразъ, какъ о фантомахъ, созданныхъ досужимъ воображеніемъ.

Но возвратимся къ опредѣленію существеннаго характера поэзіи Пушкина. Согласно съ Телеграфомъ , до сихъ поръ многіе увѣрены, что натура великаго поэта совершенно измѣнилась въ 1825—1830 годахъ, что безстрастный художникъ 1835 года, былъ рѣшительною противуположностью Пушкину 1823 года, который являлся русскимъ Байрономъ, если не русскимъ Андреемъ Шенье. Относительно этого мнѣнія находимъ слѣдующія, чрезвычайно вѣрныя, замѣчанія:

«Пушкина нѣкогда сравнивали съ Байрономъ. Это сравненіе болѣе, чѣмъ ложно, ибо трудно найти двухъ поэтовъ, столь противоположныхъ. Мнимое сходство это вышло изъ ошибочнаго понятія о личности Пушкина. Главное дѣло въ томъ, что натура Пушкина была внутренняя, созерцательная, художническая. Пушкинъ не зналъ мукъ и блаженства, какія бываютъ слѣдствіемъ страстно дѣятельнаго увлеченія живою могучею мыслью, въ жертву которой приносится и жизнь и талантъ. Онъ въ самой исторіи, такъ же какъ и въ природѣ, видѣлъ только мотивы для своихъ поэтическихъ произведеній... Такъ какъ поэзія Пушкина вся заключается преимущественно въ поэтическомъ созерцаніи міра, потому она отличается характеромъ болѣе созерцательнымъ нежели рефлектирующимъ... Такой взглядъ на міръ вытекалъ уже изъ самой натуры Пушкина; этому взгляду обязанъ Пушкинъ изящною елейностію, кротостію, глубиною и возвышенностію своей поэзіи, и въ этомъ же взглядѣ заключаются недостатки его поэзіи. Какъ бы то ни было, но по своему воззрѣнію Пушкинъ принадлежитъ къ той школѣ искусства, которой пора уже миновала совершенно въ Европѣ, и которая даже у насъ не можетъ произвести ни одного великаго поэта. Духъ анализа, изслѣдованія, страстное, полное вражды и любви мышленіе, сдѣлались теперь жизнію всякой истинной поэзіи.

Вотъ въ чемъ время опередило поэзію Пушкина и бо́льшую часть его произведеній лишило того животрепещущаго интереса, который возможенъ только какъ удовлетворительный отвѣтъ на вопросы настоящаго».

«Первыми своими произведеніями онъ прослылъ на Руси за русскаго Байрона, за человѣка отрицанія. Но ничего этого не бывало: невозможно предположить болѣе анти-байронической натуры, какъ натура Пушкина».

Относительно мнимаго глубокаго разрыва съ дѣйствительностью, который будто бы составлялъ главную характеристику музы Пушкина въ первый періодъ ея развитія, приведемъ еще замѣчаніе о стихотвореніи «Демонъ» и «Сценѣ изъ Фауста», которыя яснѣе другихъ извѣстныхъ произведеній Пушкина выразили сущность разочарованія, производившаго столь сильный эффектъ на тогдашнихъ читателей и критиковъ.

«Сцена изъ Фауста», варьяція, разыгранная на тему драматической поэмы Гете, многимъ такъ понравилась, что они, не зная Гетева «Фауста», порѣшили будто она лучше его. Дѣйствительно, эта сцена написана удивительно легкими и бойкими стихами; но между ею и Гетевымъ «Фаустомъ» нѣтъ ничего общаго. Она—не что иное, какъ распространеніе мысли, выраженной Пушкинымъ въ маленькомъ стихотвореніи «Демонъ». Этотъ демонъ былъ «довольно-мелкій», изъ самыхъ «нечиновныхъ». Онъ соблазнялъ однихъ юношей,

Въ тѣ дни, когда имъ были *новы*
Всѣ впечатлѣнья бытія;

поэтому, ему легко было подшучивать надъ ними, и они со страхомъ смотрѣли на него.

«Знакомое съ демономъ другаго поэта, наше время съ улыбкой смотритъ на пушкинскаго чертенка. Его Мефистофель—просто на просто острякъ прошедшаго столѣтія, котораго скептицизмъ наводитъ теперь не разочарованіе, а зѣвоту и хорошій сонъ. Фаустъ Пушкина—не измученный неудовлетворенною жаждою знанія человѣкъ, а какой-то пресытившійся гуляка, которому уже ничего въ горло нейдетъ, un homme blasé».

Правда, нельзя не признать, что первыя произведенія Пушкина очень замѣтно отличаются отъ послѣдующихъ по своему духу, нельзя не видѣть что юноша написавшій «Цыганъ», не написалъ бы такихъ объективно безстрастныхъ произведеній, какъ «Мѣдный Всадникъ» и «Каменный Гость»; знаменитыя стихотворенія «Чернь» и «Поэтъ, не дорожи любовію народной» (1828—1830) не могли явиться въ 1820 или 1821 годахъ. Г. Анненковъ собралъ много матеріаловъ для объясненія обстоятельствъ, имѣвшихъ свою долю вліянія на эту перемѣну въ великомъ поэтѣ. Онъ указываетъ на дружбу съ Катенинымъ, на вліяніе Московскаго Вѣстника и проч. Безъ сомнѣнія, впечатлительная натура Пушкина не могла не уступать до нѣкоторой степени мнѣніямъ лицъ, съ которыми онъ былъ въ тѣхъ сношеніяхъ. Но Катенина зналъ Пушкинъ съ 18 или 19 лѣтъ, слѣдовательно долженъ былъ подчиниться ему—если могъ подчиниться—еще тогда же, а статьи Московскаго Вѣстника были очень слабы, и Пушкинъ былъ гораздо выше ихъ авторовъ по духу, слѣдовательно не могъ имъ подчиняться. Можно было бы къ этимъ вліяніямъ прибавить еще другія обстоятельства, дѣйствовавшія въ подобномъ же духѣ, особенно прекращеніе тѣхъ пріятельскихъ отношеній, памятникомъ которыхъ осталось стихотвореніе Аріонъ —но очевидно, что всѣ эти факты имѣли только второстепенную важность въ исторіи развитія нашего поэта. Главною причиною перемѣны

должно считать именно ту, которая указана критикою—натуру самого Пушкина. Въ первой молодости онъ могъ волноваться,—съ кѣмъ изъ молодыхъ людей этого не случается?

То кровь кипитъ, то силъ избытокъ;

—но потомъ, когда онъ достигъ зрѣлости, когда его образъ мыслей установился сообразно съ его собственною натурою, порывы, навѣянные молодостью, и такъ называемымъ «духомъ вѣка» исчезли сами собою, какъ исчезаютъ въ зрѣломъ человѣкѣ всѣ молодыя стремленія, если были только увлеченіями молодости, а не глубокими потребностями самой натуры. Ни благодарить, ни упрекать за эту перемѣну рѣшительно некого, кромѣ самого Пушкина и его природы. Впрочемъ, и перемѣна была вовсе не такъ велика, какъ многіе еще думаютъ, раздѣляя заблужденіе «Телеграфа». Мы теперь очень хорошо видимъ, что всѣ монологи Алеко—фразы, прекрасныя, но лишенныя внутренней правды, и что Алеко вовсе не Бельтовъ, даже не Печоринъ, а развѣ Владиміръ, судьбу котораго нѣкогда разсказалъ намъ г. Майковъ въ своей поэмѣ «Двѣ судьбы». Пушкинъ не измѣнился, онъ только развился; съ его картинъ, по его собственному выраженію, только слетѣли чуждыя краски, и слетѣли, по его же собственному очень справедливому выраженію, отъ самой невинной причины—отъ лѣтъ; сначала, какъ всякій молодой человѣкъ, Пушкинъ увлекался чужими стремленіями —

Но краски чуждыя съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей...
. . . . . .
Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей.

Но молодежь двадцатыхъ годовъ обманулась «чуждыми красками», которыя «беззаконнымъ рисункомъ чернили» юношескія поэмы и особенно лирическія стихотворенія Пушкина; молодежь приняла эти «чуждыя краски» за колоритъ, свойственный генію самого живописца; быть можетъ, нельзя слишкомъ строго упрекать молодежь за эту ошибку, потому что развѣ легко отгадать, какъ со временемъ разовьется юноша, еще находящійся подъ чужимъ вліяніемъ? Да и публика позднѣйшей эпохи, болѣе опытная и требовательная, развѣ мало дѣлала подобныхъ ошибокъ? Но, смѣйтесь или жалѣйте объ этой ошибкѣ, остается тотъ фактъ, что отъ этой ошибки очень много зависѣлъ восторгъ, съ какимъ были встрѣчены первыя произведенія Пушкина. Просимъ читателей припомнить выписанное нами въ предъидущей статьѣ значеніе «Телеграфа» о томъ, какія стихотворенія создали славу Пушкина. Когда потомъ разочаровались въ этихъ надеждахъ, публика охладѣла къ поэту, невиннымъ образомъ обманувшему ее, и поэтъ отплатилъ публикѣ за холодность презрѣніемъ. Онъ рѣзко и горько высказалъ ей, въ знаменитыхъ стихотвореніяхъ «Чернь», и «Поэтъ, не дорожи любовію народной», что не хочетъ имѣть съ нею дѣла. Но въ этихъ отвѣтахъ его, обстоятельствамъ и гнѣву принадлежитъ только тонъ рѣчи, а не сущность мыслей, которая лежала въ душѣ Пушкина и тогда когда онъ былъ превозносимъ единодушнымъ энтузіазмомъ всей читающей Руси. Еще въ 1824 году онъ говорилъ:

Блаженъ, *кто про себя таилъ*
Души высокія созданія...
. . . . . .

Блаженъ, кто *молча былъ поэтъ*
И терномъ славы неувитый,
Презрѣнной чернію забытый,
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Что слава? Шопотъ ли чтеца,
Гоненье ль низкаго невѣжды,
Иль восхищеніе глупца?

Разницы между «презрѣнною чернью» 1824 года и «тупою чернью», безсмысленнымъ народомъ» 1828 года, очень мало. Теорія, говорящая, что поэтъ творитъ для себя, а не для своихъ читателей, которые не могутъ его понимать, на сужденія и потребности которыхъ не долженъ обращать онъ вниманія,—всегда была теоріею Пушкина, и не только «Каменный Гость» и «Мѣдный Всадникъ», но точно также и главы «Онѣгина» по нѣскольку лѣтъ скрывались въ его портфелѣ отъ «презрѣнной черни». Повторяемъ, разница между 1823 и 1833 годами была не велика, и «Чернь» выразила всегдашній образъ мыслей великаго поэта. Въ наше время (чего не видимъ въ наше время?) есть люди, думающіе, что «чернь» была въ самомъ дѣлѣ кругомъ виновата и что Пушкинъ былъ совершенно правъ въ своемъ образѣ мыслей о призваніи поэта—невозможно отвѣчать на это лучше, нежели слѣдующею выпискою:

«Въ стихотвореніи «Чернь» заключается художническое profession de foi Пушкина. Дѣйствительно, смѣшны и жалки тѣ, которые смотрятъ на поэзію, какъ на искусство втискивать въ размѣренныя строчки съ рифмами разныя нравоучительныя мысли. Но если до истины можно доходить не тѣмъ, чтобы соглашаться съ глупцами, то и не тѣмъ, чтобы противорѣчить имъ, а тѣмъ, чтобы забывая о ихъ существованіи смотрѣть на предметъ глазами разума. Не только поэты съ ихъ «вдохновеніями и сладкими звуками», но и сами жрецы, съ которыми Пушкинъ сравниваетъ поэтовъ, не имѣли бы никакого значенія, если-бъ толпа не соприсутствовала жертвоприношеніямъ. Поэтъ котораго поэзія выросла не изъ почвы субстанціальной жизни своего народа, не можетъ ни быть, ни называться народнымъ или національнымъ поэтомъ. Никто не обязываетъ поэта воспѣвать непремѣнно гимны и карать сатирою порочныхъ; но каждый умный человѣкъ въ правѣ требовать, чтобы поэзія давала ему отвѣты на вопросы времени. Кто поэтъ про себя, и для себя, тотъ рискуетъ быть единственнымъ читателемъ своихъ произведеній. И дѣйствительно Пушкинъ, великъ тамъ, гдѣ онъ просто воплощаетъ въ живыя прекрасныя явленія свои поэтическія созерцанія, но не тамъ, гдѣ хочетъ быть мыслителемъ и разрѣшителемъ вопросовъ. Превосходно его стихотвореніе «Поэтъ», въ которомъ онъ развиваетъ мысль, что поэтъ, пока не потребуетъ его Аполлонъ къ священной жертвѣ, ничтожнѣе всѣхъ ничтожныхъ дѣтей міра, а какъ скоро коснется его слуха божественный зовъ, душа его стряхиваетъ съ себя нечистый сонъ жизни, какъ пробудившійся орелъ, но мысль эта теперь совершенно ложна. Наше время преклоняетъ колѣни только передъ художникомъ, котораго жизнь есть лучшій комментарій на его творенія, а творенія — лучшее оправданіе его жизни. Личность Пушкина высока и благородна; но его взглядъ на свое художественное служеніе тѣмъ не менѣе былъ причиною постепеннаго охлажденія восторга, который возбудили его первыя произведенія. Правда, самый неумѣренный восторгъ возбудили его самыя слабыя, въ художественномъ отношеніи, пьесы; но въ нихъ видна была сильная, одушевленная субъективнымъ стремленіемъ личность. И чѣмъ совершеннѣе становился Пушкинъ, какъ художникъ, тѣмъ болѣе скрывалась и исчезала его личность за чуднымъ, роскошнымъ міромъ его поэтическихъ созерцаній. Публика, съ одной стороны, не была въ состояніи оцѣнить художественнаго совершенства его послѣднихъ произведеній (и это, конечно, не вина Пушкина); съ другой стороны, она въ правѣ была искать въ поэзіи Пушкина болѣе нравственныхъ и философскихъ вопросовъ, нежели

находила ихъ (и это, конечно, не была ея вина) Между тѣмъ, избранный Пушкинымъ путь оправдывался его натурою и призваніемъ: онъ не палъ, а только сдѣлался самимъ собою, но, по несчастію въ такое время, которое было очень неблагопріятно для подобнаго направленія, отъ котораго выигрывало искусство, но мало пріобрѣтало общество».

Одно изъ важнѣйшихъ основаній признавать «презрѣнную толпу», то есть большинство, «безсмысленнымъ народомъ», «тупою чернью» состоитъ въ томъ, что «современники», встрѣтивъ съ восторгомъ первыя незрѣлыя, слабыя въ художественномъ отношеніи произведенія Пушкина, холодно и даже непріязненно отвернулись отъ его позднѣйшихъ, совершеннѣйшихъ произведеній, и тѣмъ ясно доказали свою неспособность быть судьями въ дѣлѣ искусства, свою тупость и безсмысленность». Въ предъидущей главѣ мы старались показать этотъ фактъ въ его истинныхъ границахъ; теперь приведемъ сужденія позднѣйшей критики, которую никто не отважится обвинить ни въ тупоуміи, ни въ недостаткѣ чрезвычайно тонкаго и вѣрнаго эстетическаго вкуса,—приведемъ сужденія этой позднѣйшей критики о самыхъ характеристическихъ и важныхъ произведеніяхъ двухъ различныхъ эпохъ поэтической дѣятельности Пушкина, и эти сужденія съ достаточною ясностью рѣшатъ вопросъ о томъ, до какой степени былъ основателенъ или неоснователенъ первоначальный восторгъ и послѣдующее охлажденіе публики. Какъ самыя характеристическія произведенія, мы избираемъ, для перваго періода отношеній публики къ Пушкину, «Руслана и Людмилу»—первое и Онѣгина» — важнѣйшее по достоинству изъ произведеній, возбудившихъ всеобщій энтузіазмъ, для второго—«Бориса Годунова»—первое и важнѣйшее изъ произведеній, встрѣченныхъ холодно. Изъ этихъ сужденій,— справедливость которыхъ никто не захочетъ оспаривать въ настоящее время, если не изъ убѣжденія, то изъ уваженія къ авторитету, противъ котораго возставать не легко—мы выведемъ и общее сужденіе о Пушкинѣ, которое будетъ только повтореніемъ того, что говорилось въ статьяхъ, нами цитируемыхъ,—но которое,—чего добраго—могло бы пожалуй многимъ показаться и ново, и даже парадоксально (вѣдь, все, чего мы не знаемъ или что мы забыли, — парадоксъ) безъ этихъ выписокъ, которыя должны совершенно успокоить людей, боящихся мнимыхъ парадоксовъ, на счетъ притязаній нашихъ на оригинальность во мнѣніяхъ: если истина уже сказана другими, не нужно хлопотать о придумываніи оригинальностей; должно только повторять ее, чтобы знали или припомнили ее тѣ, кому не мѣшаетъ ее знать и помнить. Итакъ предлагаемъ наши выписки,—во первыхъ, о «Русланѣ и Людмилѣ».

«Судъ современниковъ бываетъ пристрастенъ; однакожъ въ его пристрастіи всегда бываетъ своя законная и основательная причинность. Ни одно произведеніе Пушкина не произвело столько шума и криковъ, какъ «Русланъ и Людмила». Для насъ теперь «Русланъ и Людмила» не больше, какъ сказка—лишенная колорита мѣстности, времени и народности; и въ наше время не у всякаго даже юноши станетъ охоты и терпѣнія прочесть ее всю, отъ начала до конца. Но въ то время, когда явилась эта поэма, она дѣйствительно должна была показаться необыкновенно великимъ созданіемъ: все (въ ней) было такъ ново, такъ оригинально, такъ обольстительно—и стихъ, которому подобнаго ничего не бывало, и складъ рѣчи, и смѣлость кисти, и яркость красокъ, и игривое остроуміе. По всему этому «Русланъ и Людмила» — такая картина, появленіе которой сдѣлало эпоху въ исторіи русской литературы. Юноши двадцатыхъ годовъ были правы въ энтузіазмѣ, съ которымъ они встрѣтили «Руслана и Людмилу».

Статьи объ «Онѣгинѣ» принадлежатъ къ числу самыхъ блестящихъ въ ряду статей о Пушкинѣ. Жаль, что мѣсто не позволяетъ намъ привесть здѣсь большаго отрывка изъ нихъ,—среди безцвѣтныхъ толковъ о мелочахъ отрадно и здорово перенестись и перенесть читателя къ чему нибудь лучшему —но мы должны ограничиться нѣсколькими строками, заключающими въ себѣ сущность взгляда на «Онѣгина».

«Онѣгинъ» есть самое задушевное произведеніе Пушкина, и можно указать слишкомъ на немногія творенія, въ которыхъ бы личность поэта отразилась съ такою полнотою, такъ свѣтло и ясно, какъ отразилась въ «Онѣгинѣ» личность Пушкина. Здѣсь вся жизнь, вся душа, вся любовь его, здѣсь его чувства, понятія, идеалы... Не говоря уже объ эстетическомъ достоинствѣ «Онѣгина», -эта поэма имѣетъ для насъ, русскихъ, огромное историческое и общественное значеніе... Прежде всего въ «Онѣгинѣ» мы видимъ поэтически-воспроизведенную картину русскаго общества, взятаго въ одномъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ его развитія... Историческое достоинство этой поэмы тѣмъ выше, что она была на Руси и первымъ блистательнымъ опытомъ въ этомъ родѣ. Въ ней Пушкинъ является не просто поэтомъ только, но и представителемъ впервые пробудившагося общественнаго самосознанія: заслуга безмѣрная! До Пушкина всѣ произведенія русской поэзіи какъ-то походили больше на этюды и копіи, нежели на свободныя произведенія самобытнаго вдохновенія... Первымъ національно-художественнымъ произведеніемъ былъ «Евгеній Онѣгинъ»... Вмѣстѣ съ современнымъ ему произведеніемъ «Горе отъ Ума», романъ Пушкина положилъ прочное основаніе новой русской поэзіи, новой русской литературѣ. До этихъ двухъ произведеній, русскіе поэты не умѣли быть поэтами, принимаясь за изображеніе міра русской жизни .. Оба эти произведенія положили собою основаніе послѣдующей литературѣ, были школою, изъ которой вышли и Лермонтовъ и Гоголь. Безъ «Онѣгина» былъ бы невозможенъ «Герой нашего времени», такъ же какъ безъ «Онѣгина» и «Горе отъ Ума» Гоголь не почувствовалъ бы себя готовымъ на изображеніе русской дѣйствительности, исполненное такой глубины и истины».

«Онѣгина» можно назвать энциклопедіею русской жизни и въ высшей степени народнымъ произведеніемъ. Удивительно-ли, что эта поэма была принята съ такимъ восторгомъ публикою и имѣла такое огромное вліяніе и на современную ей и на послѣдующую русскую литературу? А ея вліяніе на нравы общества? Она была актомъ сознанія для русскаго общества, почти первымъ, но за то какимъ великимъ шагомъ для него! Этотъ шагъ былъ богатырскимъ размахомъ и послѣ него стояніе на одномъ мѣстѣ сдѣлалось уже невозможнымъ».

На основаніи этихъ выписокъ сужденіе о правахъ «Бориса Годунова» и другихъ чисто-художественныхъ произведеній Пушкина на значеніе для публики и для исторіи литературы уже готово. Какъ бы ни были прекрасны въ художественномъ отношеніи «Каменный Гость», «Голубъ», «Моцартъ и Сальери», «Скупой Рыцарь» и проч., но можно ли сказать о нихъ, что «все въ нихъ ново, оригинально, и стихъ, которому подобнаго ничего не бывало, и смѣлость кисти, и яркость красокъ?» Что «въ нихъ отразилась вся душа, вся любовь поэта, его чувства, идеалы?» Что «они имѣютъ огромное общественное значеніе, служа представителями впервые пробудившагося общественнаго самосознанія?» Что «они имѣли счастіе, подобно «Онѣгину», быть первыми національно-художественными произведеніями?» Что «они имѣли огромное значеніе для общества?» Но каковы и чисто-художественныя достоинства «Бориса Годунова»?

«Борисъ Годуновъ» былъ принятъ совершенно холодно, какъ доказательство совершеннаго паденія таланта, еще недавно столь великаго... Какъ тогда, такъ и теперь, у «Бориса Годунова» были жаркіе поклонники: но какъ тогда, такъ и теперь, число

этихъ поклонниковъ было очень малочисленно, а число порицателей огромно. Которые изъ нихъ правы, которые виноваты? Тѣ и другіе равно правы и равно виноваты; потому что, дѣйствительно, ни въ одномъ изъ прежнихъ своихъ произведеній не достигалъ Пушкинъ до такой художественной высоты, и ни въ одномъ не обнаружилъ такихъ огромныхъ недостатковъ, какъ въ «Борисѣ Годуновѣ». Эта пьеса была для него истинно-Ватерлооскою битвою, въ которой онъ развернулъ, во всей ширинѣ и глубинѣ, свой геній, и, не смотря на то, все-таки потерпѣлъ рѣшительное пораженіе. Пушкинъ смотрѣлъ на Годунова глазами Карамзина, и не столько заботился объ истинѣ и поэзіи, сколько о томъ, чтобы не погрѣшить противъ «Исторіи Государства Россійскаго». Потому его поэтическій инстинктъ видѣнъ не въ цѣлости, а только въ частностяхъ его его трагедіи. Лицо Годунова, получивъ характеръ мелодраматическаго злодѣя, лишилось своей цѣлости и полноты; изъ живописнаго изображенія какимъ бы должно было оно быть, оно сдѣлалось мозаическою картиною или, лучше сказать, статуею, которая вырублена не изъ одного цѣльнаго мрамора, а сложена изъ золота, серебра, мѣди, дерева, мрамора, глины. Отъ этого, пушкинскій Годуновъ является читателю то честнымъ, то низкимъ человѣкомъ, то героемъ, то трусомъ, то мудрымъ и добрымъ царемъ, то безумнымъ злодѣемъ, и нѣтъ другаго ключа къ этимъ противорѣчіямъ, кромѣ упрековъ виновной совѣсти. Отъ этого, за отсутствіемъ истинной и живой поэтической идеи, которая давала бы цѣлость и полноту всей трагедіи, «Борисъ Годуновъ» Пушкина является чѣмъ-то неопредѣленнымъ, и не производитъ почти никакого рѣзкаго сосредоточеннаго впечатлѣнія, какого въ правѣ ожидать отъ него читатель, безпрестанно поражаемый его художественными красотами, безпрестанно восхищающійся его удивительными частностями. И дѣйствительно, если, съ одной стороны, эта трагедія отличается большими недостатками, то, съ другой стороны, она же блистаетъ и необыкновенными достоинствами. Первыя выходятъ изъ ложности идеи, положенной въ основаніе драмы; вторыя—изъ превосходнаго выполненія со стороны формы.

Обвинять ли публику, спросимъ мы, если она не была увлечена пьесою, въ которой «нѣтъ живой поэтической идеи», нѣтъ «цѣлости и полноты», которая не «производитъ никакого сосредоточеннаго впечатлѣнія», «является чѣмъ-то неопредѣленнымъ» и въ которой «превосходны» только «частности»?

«Каменный Гость», «Голубъ» и другія посмертныя произведенія Пушкина не могутъ подлежать упреку въ эстетическихъ недостаткахъ, которыми страждетъ «Годуновъ»; но всѣ онѣ, за исключеніемъ «Мѣднаго Всадника» имѣютъ мало живой связи съ обществомъ, потому и остались безплодны для общества и литературы.

Читатели вѣроятно уже успѣли утомиться нашими ретроспективными разсужденіями и выписками. Но—мы живемъ въ ретроспективное время. Если не говорить о Пушкинѣ, то о чемъ же говорить нынѣ въ русской литературѣ? Правда, можно очень справедливо возразить на это: да зачѣмъ же говорить о русской литературѣ? Но такое возраженіе было бы очень прискорбно, потому что оно ведетъ къ вопросу: о чемъ же говорить? Оставимъ, однако, діалогическую форму, и продолжимъ умозаключеніе: говоря о Пушкинѣ, лучшее, что возможно сдѣлать—возвратить вниманіе читателей къ тому, что было уже сказано о немъ, потому что лучше и заранѣе ничего нельзя не только сказать, но и придумать въ настоящее время. Но всему есть мѣра, даже выпискамъ и повтореніямъ, и наша статья близка къ концу: намъ остается только привести общее заключеніе о значеніи Пушкина въ исторіи русской литературы—оно опять будетъ опираться на выпискѣ—иначе невозможно въ настоящее время, когда все должно быть защищено авторитетами; и какъ благодарны должны быть мы тому счастливому обстоятельству, что многое, нужное для настоящаго времени, уже давно сказано—иначе мы или не могли бы, или не умѣли бы сказать ничего.

Вотъ общее сужденіе о Пушкинѣ:

«Первыя поэмы и лирическія стихотворенія Пушкина были для него рядомъ поэтическихъ тріумфовъ. Однако же, какъ скоро начало устанавливаться въ немъ броженіе кипучей молодости и субъективное стремленіе начало исчезать въ чисто-художественномъ направленіи, — къ нему начали охладѣвать. Наиболѣе зрѣлыя, глубокія и прекрасныя созданія Пушкина были приняты публикою холодно, а критиками оскорбительно. Съ другой стороны, люди, страстно любившіе искусство, въ холодности публики къ лучшимъ созданіямъ Пушкина видѣли только одно невѣжество толпы; смотря на искусство съ точки зрѣнія односторонней, его жаркіе поборники не хотѣли понять, что если симпатіи и антипатіи большинства бываютъ часто безсознательны, то рѣдко бываютъ безсмысленны и безосновательны, а напротивъ, часто заключаютъ въ себѣ глубокій смыслъ. Странно же, въ самомъ дѣлѣ, было думать, чтобъ то самое общество, которое такъ дружно, такъ радостно, въ первый еще разъ въ жизни своей откликнулось на голосъ пѣвца и нарекло его своимъ любимымъ, своимъ народнымъ поэтомъ, — странно было думать, чтобъ то же самое общество вдругъ охолодѣло къ своему поэту за то только, что онъ созрѣлъ и возмужалъ въ своемъ геніи, сдѣлался выше и глубже въ своей творческой дѣятельности... Между тѣмъ, время шло впередъ, а съ нимъ шла впередъ и жизнь порождая изъ себя новыя явленія. Общество русское съ невольнымъ удивленіемъ обратило взоры на новаго поэта, смѣло и гордо открывшаго ему новыя стороны жизни и искусства. Равенъ-ли по силѣ таланта или еще и выше Пушкина былъ Лермонтовъ — не въ томъ вопросъ: несомнѣнно только, что даже и не будучи выше Пушкина, Лермонтовъ призванъ былъ выразить собою и удовлетворить своею поэзіею несравненно высшее, по своимъ требованіямъ и своему характеру, время, чѣмъ то, котораго выраженіемъ была поэзія Пушкина... Другой поэтъ вышедшій на литературное поприще при жизни Пушкина и привѣтствованный имъ, какъ великая надежда будущаго, подарилъ публику такимъ твореніемъ, которое должно составить эпоху и въ лѣтописяхъ литературы и въ лѣтописяхъ развитія общественнаго сознанія (*дѣло идетъ о Гоголѣ и «Мертвыхъ Душахъ»*). Все это было безмолвною, фактическою философіею самой жизни и самого времени, для рѣшенія вопроса о Пушкинѣ».

Новаго сказать еще нечего послѣ этого. Потому и мы, перескажемъ «собственными словами» (какъ говорится на ученическомъ языкѣ) то, что такъ превосходно и вѣрно было сказано о Пушкинѣ критикою предъидущаго поколѣнія:

До Пушкина не было въ Россіи истинныхъ поэтовъ; русская публика знала поэзію только по слухамъ, изъ переводовъ, или по слабымъ опытамъ, въ которыхъ искры поэзіи гасли въ пучинахъ реторики или льдахъ внѣшней холодной отдѣлки. Пушкинъ далъ намъ первыя художественныя произведенія на родномъ языкѣ, познакомилъ насъ съ невѣдомою до него поэзіею. На этомъ былъ главнымъ образомъ основанъ громадный успѣхъ его первыхъ произведеній. Другая причина энтузіазма, ими возбужденнаго, заключалась въ томъ, что, по увлеченію молодости, Пушкинъ согрѣвалъ ихъ теплотою собственной жизни, не чуждой стремленіямъ вѣка, до извѣстной степени заманчивымъ и для нашего тогдашняго общества. Послѣдующія его произведенія, не представляя уже интереса первыхъ даровъ поэзіи русскому обществу, успѣвшему вкусить ея изъ первыхъ произведеній Пушкина, не могли возбуждать энтузіазма, который пробуждается только новымъ. Холодность публики усиливалась холодностью самыхъ произведеній, которыя имѣли передъ прежними то преимущество, что были совершеннѣе въ художественномъ отношеніи, но въ которыхъ общество не находило уже ничего имѣющаго связь съ его жизнью. Торжество художественной формы надъ живымъ содержаніемъ было слѣдствіемъ самой натуры великаго поэта, который былъ по преимуществу художникомъ. Великое дѣло свое—

ввести въ русскую литературу поэзію, какъ прекрасную художественную форму, Пушкинъ совершилъ вполнѣ, и узнавъ поэзію, какъ форму, русское общество могло уже идти далѣе и искать въ этой формѣ содержанія. Тогда началась для русской литературы новая эпоха, первыми представителями которой были Лермонтовъ и, особенно, Гоголь. Но художническій геній Пушкина такъ великъ и прекраснъ, что, хотя эпоха безусловнаго удовлетворенія чистою формою для насъ миновалась, мы досслѣ не можемъ не увлекаться дивною художественною красотою его созданій. Онъ истинный отецъ нашей поэзіи, онъ воспитатель эстетическаго чувства и любви къ благороднымъ эстетическихъ наслажденіямъ въ русской публикѣ, масса которой чрезвычайно значительно увеличилась, благодаря ему—вотъ его права на вѣчную славу въ русской литературѣ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Россійская родословная книга, издаваемая княземъ *Петромъ Долгоруковымъ*. Части 1-я и 2-я. Спб. 1855.

Огромный трудъ, начало котораго теперь явилось, заслуживаетъ полной признательности со стороны всѣхъ, занимающихся русскою исторіею. Генеалогія, столь важная для исторіи, едва ли будетъ представлять затрудненія русской исторіи XVI—XIX вѣка, когда прекрасное предпріятіе князя Долгорукова, почти совершенно оконченное въ рукописи, будетъ окончено изданіемъ. О громадности его можно судить изъ того, что оно будетъ содержать полныя родословныя росписи трехъ тысячъ знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій, изъ которыхъ очень многія заключаютъ болѣе пятисотъ членовъ. Но важность этой книги равняется трудности ея составленія.

Первоначально кн. Долгоруковъ намѣревался помѣстить въ «родословную книгу» всѣ безъ исключенія дворянскія фамиліи, существующія или существовавшія въ Россіи; но, говоритъ онъ, подобный трудъ превышалъ бы силы одного человѣка; потому онъ рѣшился ограничить его предѣлы и включить въ составъ своего изданія только слѣдующія главы: 1) россійскіе князья; 2) графы; 3) бароны; 4) фамиліи, имѣющія титулы иностранныхъ князей, графовъ и бароновъ; 5) происшедшія отъ Великаго Князя Рюрика; 6) внесенныя въ бархатную книгу; 7) существовавшія въ Россіи до 1600 г.; 8) фамиліи существовавшія въ Лифляндіи и пр. въ эпоху Ливонскаго ордена; 9) существовавшія въ Польшѣ до 1600 г.; 10) фамиліи иностраннаго происхожденія, существовавшія въ отечествѣ до 1600 г.: 11) фамиліи, члены которыхъ въ XVII вѣкѣ были боярами, окольничими и думными дьяками или дворянами; 12) малороссійскія, которыхъ члены были старшинами до 1764 г.; 13) члены которыхъ служили со времени Петра Великаго въ первыхъ двухъ классахъ; 14) извѣстнѣйшія изъ угасшихъ фамилій. Двѣ изданныя нынѣ части обнимаютъ три первыя главы. Конечно мы можемъ представить только общіе выводы или какъ бы оглавленіе важнаго для исторіи труда князя Долгорукова.

Княжескихъ фамилій, происшедшихъ отъ рода Великаго Князя Рюрика, существуетъ нынѣ 39, именно: 1) отъ потомства князей Черниговскихъ: князья Одоевскіе, Кольцовы-Масальскіе, Горчаковы, Елецкіе, Звенигородскіе-Спячіе, Барятинскіе, Оболенскіе, Долгоруковы, Щербатовы, Святополки-Четвертинскіе, Святополки-Мирскіе (всего 11); 2) отъ потомства князей Галицкихъ: князья Друцкіе, Бабичевы, Путятины, Друцкіе-Соколинскіе, Друцкіе-Любецкіе; 3) отъ старшей вѣтви князей Смоленскихъ: князья Вяземскіе; 4) отъ потомства князей Ярославскихъ: князья Щетинины, Засѣкины, Сонцовы, Сонцовы-Засѣкины, Шаховскіе,

Морткины, Шехонскіе, Львовы, Прозоровскіе, Дуловы (всего 10); 5) отъ младшей вѣтви князей Смоленскихъ: князья Кропоткины, Козловскіе; 6) отъ потомства князей Ростовскихъ: князья Щепины-Ростовскіе, Касаткины-Ростовскіе, Лобановы-Ростовскіе; 7) отъ потомства князей Бѣлозерскихъ: князья Бѣлосельскіе, Вадбольскіе, Шелешпанскіе, Ухтомскіе; 8) отъ потомства князей Суздальскихъ: князья Шуйскіе; 9) отъ потомства князей Стародубскихъ: князья Гагарины, Хилковы.

Отъ Гедемина происходитъ восемь княжескихъ фамилій; семь фамилій иноземнаго происхожденія (Грузинскаго и Ногайскаго) внесены въ число князей при составленіи общаго гербовника; пятнадцать фамилій возведены въ княжеское достоинство Высочайшими указами съ 1709 по 1853 годъ; такимъ образомъ князь Долгоруковъ насчитываетъ 69 Россійско-княжескихъ фамилій.

Кромѣ княжескихъ, отъ Рюрика происходятъ еще 21 дворянскія фамиліи, именно: Пузины, Огинскіе, Сатины, Татищевы, Заболоцкіе, Дмитріевы-Мамоновы, Внуковы, Монастыревы, Судаковы, Аладьины, Цыплетевы, Мусоргскіе, Еропкины, Травины, Ржевскіе, Толбузины, Березины, Осинины, Ляпуновы, Ильины, Ивины. Потому всѣхъ фамилій, происходящихъ отъ Рюрика, князь Долгоруковъ считаетъ 60.

Фамилій, возведенныхъ (до 1859 г.) въ графское достоинство Россійской Имперіи, князь Долгоруковъ считаетъ 60.

Фамилій, возведенныхъ въ баронское достоинство Россійской имперіи, 10.

Фамилій иноземнаго происхожденія, признанныхъ въ княжескомъ достоинствѣ 28 и грузинскихъ, фамилій, признанныхъ въ томъ же достоинствѣ указомъ 6 декабря 1850 г.—58, всего 86.

Фамилій, имѣющихъ титулъ графовъ иноземныхъ державъ, 90.

Фамилій, имѣющихъ титулъ бароновъ Великаго княжества Финляндскаго или иноземныхъ державъ 76.

Русскихъ дворянскихъ внесенныхъ въ бархатную книгу или существовавшихъ до 1600 г. 817. Древнихъ фамилій иноземнаго происхожденія 1048.

О времени происхожденія Славянскихъ письменъ. Сочиненіе *О. Бодянскаго.* Москва. 1855 г.

Огромная монографія г. Бодянскаго, составляющая толстый томъ въ большую осьмушку, принадлежитъ къ числу сочиненій, изданныхъ по случаю празднованія столѣтняго юбилея Московскаго университета. Не думая, чтобы вопросъ, занимающій ученаго автора, могъ быть рѣшенъ согласно или несогласно съ его мнѣніемъ такъ положительно, какъ дѣлаетъ это авторъ, мы только изложимъ кратко основаніе гипотезы, принимаемой и опровергаемой г. Бодянскимъ.

Кириллъ и Меѳодій прибыли въ Моравію, куда князь Ростиславъ вызвалъ ихъ изъ Константинополя, проповѣдать христіанство на славянскомъ языкѣ, въ 863 г., и принесли съ собою священныя книги, уже переведенныя на славянскій языкъ. Итакъ, если предположимъ, что переводъ былъ сдѣланъ именно для Моравіи, и азбука изобрѣтена именно для написанія этого перевода, то надобно думать, что она изобрѣтена не задолго до отправленія Кирилла изъ Царяграда въ Моравію, и, оставляя Кириллу нѣсколько мѣсяцевъ на переводъ книгъ, вѣроятнымъ годомъ изобрѣтенія надобно будетъ предположить 862 или даже конецъ

861-го. А нѣкоторыя свидѣтельства говорятъ, что азбука дѣйствительно изобрѣтена по поводу призванія въ Моравію. Но другія свидѣтельства прямо указываютъ годомъ ея изобрѣтенія — 855. Если принимать это показаніе (считая не точными подробностями, будто бы Кириллъ, посылаемый къ моравамъ, спрашивалъ греческаго императора: есть ли у нихъ азбука? а императоръ отвѣчалъ: нѣтъ, отецъ мой и дѣдъ изслѣдовали, есть ли у нихъ азбука, и нашли, что нѣтъ), то легко объяснить, почему азбука была изобрѣтена за шесть или семь лѣтъ до призванія въ Моравію, Кириллъ и прежде занимался проповѣдью евангелія язычникамъ на сѣверныхъ границахъ имперіи, о чемъ подробно разсказываютъ его жизнеописанія; а въ числѣ этихъ иноплеменниковъ, были конечно и славяне; итакъ можно предположить, что Кириллъ изобрѣлъ азбуку и перевелъ нужнѣйшія богослужебныя книги, для этихъ прежнихъ слушателей, а не для моравъ, которые (продолжается это соображеніе) и прислали за проповѣдниками въ Константинополь вѣроятно потому, что слышали, что эти проповѣдники совершаютъ службу на славянскомъ языкѣ. Этого мнѣнія держался Шафарикъ. И еслибы мы захотѣли доказывать неосновательность противнаго, то могли бы привести много возраженій противъ его вѣроятности. Но большой вѣсъ этому прежде отвергавшемуся мнѣнію (о изобрѣтеніи азбуки для моравъ т. е. 861—862 г.) придаетъ то, что въ послѣднее время Шафарикъ призналъ его вѣроятнѣйшимъ, отвергнувъ свое прежнее мнѣніе о изобрѣтеніи азбуки въ 855 г. (т. е. для прежней проповѣди Кирилла у другихъ славянъ, а не по поводу призванія въ Моравію, когда у него была уже готова азбука и переводъ необходимыхъ книгъ). Но углубляться въ этотъ вопросъ едва ли не значитъ только запутывать, а не прояснять его. Очевидно во всякомъ случаѣ, что свидѣтельства разнорѣчатъ, и что рѣшеніе — примемъ ли мы 855 или 861 — 2 годъ, будетъ имѣть только вѣроятность, а не положительную достовѣрность. Именно въ такомъ смыслѣ и высказываетъ свое новѣйшее мнѣніе Шафарикъ: «Основаніе старославянской письменности положено Кирилломъ въ Царьградѣ, вѣроятно въ концѣ 861 или въ началѣ 862 г.»

Впрочемъ, разница шести или семи лѣтъ, кажется намъ, вовсе не такъ важна, чтобы считать предпочтеніе того или другаго рѣшенія, 861—862 или 855 годъ—вопросомъ первостепеннаго значенія въ исторіи славянской письменности. Въ томъ и другомъ случаѣ остаются равно несомнѣнными важнѣйшія стороны дѣла: азбука изобрѣтена Кирилломъ, основаніе переводу положено въ Константинополѣ. Гораздо важнѣе, нежели вопросъ о годѣ, рѣшеніе того: какому изъ славянскихъ племенъ принадлежалъ языкъ, на который переведены Кирилломъ священныя книги? Здѣсь опять множество разнорѣчащихъ мнѣній. Одни говорятъ: переводъ былъ сдѣланъ для моравъ, слѣдовательно на моравское нарѣчіе: принимая это мнѣніе можно, если угодно, прибавлять: это нарѣчіе надобно отличать отъ нынѣшняго моравскаго, измѣнившагося подъ вліяніемъ чешскаго; и наконецъ, идя еще далѣе: и это неизмѣненное чешскимъ вліяніемъ моравское, было одинаково съ словацкимъ; но правдоподобнѣе сказать, что оно погибло послѣ вторженія венгровъ, опустошившихъ большую часть того моравскаго царства, въ которомъ проповѣдывалъ Кириллъ, и которое простиралось на югъ и востокъ далеко за предѣлы нынѣшней моравской области. Другіе говорятъ: Кириллъ переводилъ на то нарѣчіе, которымъ говорилъ, а не на моравское, котораго еще не зналъ. Какое же нарѣчіе было хорошо знакомо Кириллу? Опять отвѣты различны: 1) Болгарское, потому

что нѣкоторые предполагаютъ, что Кириллъ и Меѳодій до проповѣди у моравянъ, крестили Болгарскихъ славянъ; 2) или на то нарѣчіе, которое Кириллъ, проповѣдывавшій въ Херсонесѣ, нашелъ тамъ, то есть нарѣчіе русскихъ славянъ: 3) или нарѣчіе, которымъ говорили славяне, жившіе около Ѳессалоники и въ самой Ѳессалоникѣ, гдѣ родились и воспитывались Кириллъ и Меѳодій. Это послѣднее мнѣніе всѣхъ правдоподобнѣе; но оно опять ведетъ къ различнымъ предположеніямъ о томъ, какимъ же нарѣчіемъ говорили ѳессалоникскіе славяне. Иные думаютъ, что изъ нынѣшнихъ нарѣчій ближе всего къ нему хорутанское, которое по ихъ мнѣнію одно изъ южныхъ нарѣчій (болгарское, сербское, хорватское и хорутанское) осталось не смѣшаннымъ, между тѣмъ какъ всѣ другія подвергались вліянію сильныхъ славянскихъ племенъ, пришедшихъ съ сѣвера къ первобытнымъ южнымъ славянамъ; по мнѣнію нѣкоторыхъ русскихъ изслѣдователей ближе всего къ Кирилловскому нарѣчію—русское, потому что славяне, поселившіеся за Дунаемъ, были соплеменники русскихъ славянъ,—тѣ и другіе одинаково называются Антами. Наконецъ послѣднее предположеніе, самое правдоподобное, состоитъ въ томъ, что ѳессалоникское или кирилловское нарѣчіе было самостоятельное, столь же разнившееся во время Кирилла отъ хорутанскаго, русскаго или болгарскаго, сколько эти нарѣчія разнились между собою. Не исчисляемъ еще многихъ другихъ предположеній.

Кажется, что этотъ вопросъ о языкѣ перевода несравненно важнѣе едва замѣтной для хронологіи разницы въ шести годахъ, 855—861. Чрезвычайное разногласіе рѣшеній его показываетъ, что ни одно изъ нихъ еще не имѣетъ за себя рѣшительныхъ доказательствъ. А между тѣмъ, положительныя доказательства могутъ быть найдены, внимательное углубленіе въ вопросъ не останется безплоднымъ, не приведетъ къ неопредѣленному «вѣроятно», какъ это должно сказать о хронологическомъ вопросѣ; здѣсь у насъ есть положительныя, непоколебимыя данныя: языкъ самаго перевода и нынѣшнія славянскія нарѣчія. Ихъ критическое сличеніе съ возстановленнымъ по древнѣйшимъ спискамъ кирилловскимъ текстомъ дастъ несомнѣнный выводъ. Итакъ вопросъ о языкѣ, будучи гораздо важнѣе спора за незначительную разницу въ цифрахъ, долженъ привлекать преимущественное вниманіе изслѣдователей и тѣмъ, что удоборазрѣшимъ, не такъ какъ споръ о годѣ изобрѣтенія. Правда и то, что для спора о цифрахъ нужно только взять нѣсколько ужь всѣмъ извѣстныхъ выписокъ изъ десятка книгъ, и потомъ пускаться въ гипотезы; а вопросъ о языкѣ требуетъ утомительныхъ, долгихъ изысканій. Но, развѣ мало трудовъ и изысканій употреблено г. Бодянскимъ на его монографію?

Впрочемъ, не только вопросъ о цифрѣ года, но даже и несравненно значительнѣйшій вопросъ о томъ, какому племени принадлежалъ языкъ кирилловскаго перевода, относится къ числу задачъ болѣе интересныхъ по своей трудности, нежели существенно важныхъ для исторіи церковнославянской литературы. Изданіе памятниковъ, вотъ теперь самая настоятельнѣйшая потребность ея: рядомъ съ изданіемъ, должно идти изслѣдованіе содержанія; то и другое легко, потому что, благодаря трудамъ почтенныхъ нашихъ славянистовъ, и особенно А. Х. Востокова, фонетика и грамматика церковнославянскаго языка уже довольно разработаны, чтобы не задерживать дальнѣйшаго развитія изысканій; словарь также давно уже приготовленъ А. Х. Востоковымъ, и имя автора достаточно убѣждаетъ каждаго въ неоцѣненности этого давно ожидаемаго труда, просьба объ изданіи котораго— настоятельная просьба всѣхъ славянистовъ къ общему учителю всѣхъ ихъ.

Заговорившись о разныхъ гипотезахъ и степени важности ихъ, мы забыли сказать, что г. Бодянскій считаетъ несомнѣннымъ годомъ изобрѣтенія славянской азбуки 862 годъ, и чрезвычайно сильно изобличаетъ неосновательность всѣхъ своихъ противниковъ. Намъ кажется, что къ людямъ, всякая распря съ которыми стала теперь невозможною по давности ихъ кончины, напримѣръ, къ Добровскому, Копитару, можно быть гораздо снисходительнѣе, еслибъ даже и любить дѣлать рыцарскіе вызовы современнымъ ученымъ, не раздѣляющимъ столь твердой увѣренности.

Русская геральдика. Сочиненіе *А. Лакіера*. Спб. 1855. Двѣ части.

Издавая свое сочиненіе, г. Лакіеръ назначаетъ ему двоякую цѣль: служить практическимъ руководствомъ для составленія гербовъ тѣмъ лицамъ, которыя вновь пріобрѣтаютъ дворянство, или, принадлежа къ старинному дворянству, еще не имѣютъ гербовъ; это цѣль второстепенная; главное же значеніе, придаваемое г. Лакіеромъ русской геральдикѣ, основанія которой онъ полагаетъ своимъ добросовѣстнымъ трудомъ, состоитъ въ томъ, что г. Лакіеръ считаетъ геральдику важною вспомогательной наукою для исторіи. Если бы г. Лакіеръ имѣлъ въ виду одну первую цѣль, намъ оставалось бы только сказать, что она очень удовлетворительно достигается его книгою. Значеніе употребительнѣйшихъ эмблемъ, принятыхъ въ русскіе гербы, значеніе различныхъ полей и частей герба излагается авторомъ съ достаточною полнотою и ясностью. Но едва ли бы г. Лакіеръ употребилъ столько времени и трудовъ на составленіе своей книги, еслибъ не думалъ, что она можетъ имѣть большую важность въ ученомъ отношеніи. Этого, должны мы къ сожалѣнію сказать, «Русская Геральдика» не можетъ имѣть, по самой сущности предмета. Особеннаго значенія для науки не имѣютъ подобныя книги и для исторіи тѣхъ народовъ, у которыхъ гербы были старинымъ учрежденіемъ: тѣмъ менѣе нуждается въ пособіи геральдики исторія русскаго общества, познакомившагося съ гербами не ранѣе Петра Великаго.

Степень важности многихъ вспомогательныхъ наукъ зависитъ чисто отъ случайныхъ обстоятельствъ. Такъ, напримѣръ, чѣмъ бѣднѣе письменные памятники, оставшіеся отъ какого нибудь народа или какой нибудь эпохи, тѣмъ драгоцѣннѣе становятся матеріалы, доставляемыя нумизматикою. Никто не вздумаетъ писать римскую исторію по римскимъ монетамъ и медалямъ. Но для исторіи Карѳагена, имѣющей очень много пробѣловъ въ письменныхъ извѣстіяхъ, дошедшихъ до насъ, монеты, отрываемыя въ развалинахъ Карѳагенскихъ, имѣютъ нѣкоторую важность. Еще драгоцѣннѣе бактріанскія монеты, при совершенномъ недостаткѣ другихъ данныхъ, помогающія намъ уловить хотя нѣсколько сухихъ именъ для исторіи этого безвѣстнаго царства. Точно также, еслибъ, напримѣръ, у бактріянъ или парѳовъ были въ употребленіи гербы, и еслибъ до насъ дошло нѣсколько ихъ, важность ихъ была бы неоцѣненна. Но, къ несчастію геральдики, гербы употребляться начали только во времена феодализма и рыцарства, съ XI или XII вѣка: а исторія среднихъ вѣковъ, къ нашему счастію, очень хорошо извѣстна по безчисленнымъ лѣтописямъ, актамъ, запискамъ, литературнымъ произведеніямъ и другимъ письменнымъ памятникамъ, и гербы не могутъ сказать намъ о ней почти ничего заслуживающаго вниманія. Генеалогія каждаго знатнаго французскаго или нѣмец-

каго рода, и заслуги его предковъ подробно и отчетливо занесены въ лѣтописи и акты—какую же пользу для себя извлечетъ исторія, разсматривая гербъ этого рода, сообщающій неопредѣленные намеки на одинъ или два факта изъ числа тысячи фактовъ объ этомъ родѣ, превосходно занесенныхъ въ письменные памятники? Неужели надобно разсматривать гербы неаполитанскихъ или испанскихъ Бурбоновъ, чтобы узнать ихъ происхожденіе отъ французскихъ Бурбоновъ? Такова драгоцѣнность и всѣхъ матеріаловъ, доставляемыхъ западною геральдикою исторіи западной Европы. Потому геральдика французская, англійская, нѣмецкая лишена всякаго значенія для науки, и служитъ просто предметомъ любопытства для немногихъ любителей. Изъ ученыхъ изслѣдователей никто не считаетъ нынѣ въ западной Европѣ нужнымъ заниматься геральдикою.

Еще менѣе важности можетъ имѣть она въ русской исторіи. Еслибъ дошли до насъ гербы Аскольда и Дира, мы были бъ очень рады возможности узнать, были ли между собою родственники Аскольдъ и Диръ, или нѣтъ. Но даже Олеговъ щитъ, сохранившись на вратахъ Византіи, не сказалъ бы ничего интереснаго: подвиги Олега мы знаемъ довольно подробно изъ Нестора, знаемъ и то, что онъ былъ родственникъ Рюрика. А гербы не были извѣстны не только при Аскольдѣ и Олегѣ, но даже и во времена Алексѣя Михайловича русскіе люди не имѣли о нихъ понятія, что прекрасно говоритъ Котошихинъ, слова котораго приводитъ и г. Лакіеръ. Неужели же мы узнаемъ что нибудь интересное изъ гербовъ Александра Даниловича Меньшикова или барона Шафирова? Неужели разсмотрѣніе герба Суворова-Рымникскаго познакомитъ насъ съ фактомъ, что онъ взялъ Измаилъ и разбилъ французовъ при Нови? Или нужно сличить гербъ Пушкина съ гербомъ «Арапа Петра Великаго», чтобы узнать, что нашъ поэтъ по женской линіи происходилъ отъ Ганнибала?

Другое дѣло —подробное разсмотрѣніе печатей и сфрагистика. Печати употреблялись съ незапамятныхъ временъ и русскими, какъ и всѣми другими народами. Правда, что на Руси употреблялись онѣ такія, какія кому вздумается, а не по строгимъ правиламъ, какъ это было въ нѣкоторыхъ другихъ земляхъ. Котошихинъ говоритъ онять, что даже въ его время русскіе, когда имъ случалась надобность имѣть печать, избирали каждый какую ему вздумается. Но все таки изслѣдованіе печатей XIV—XV вѣковъ, можетъ быть, доставило бы нѣсколько указаній для русской дипломатики, хотя, при безпорядочности употребленія однихъ печатей, при общеизвѣстности значенія другихъ (напр. городовыхъ печатей), нельзя и на этой скудной нивѣ набрать много колосьевъ. Потому русскіе историки, не получая большаго пособія отъ сфрагистики, обращали однако на нее нѣкоторое вниманіе. И чѣмъ болѣе страницъ удѣлилъ бы этой наукѣ г. Лакіеръ въ своей книгѣ, тѣмъ болѣе было бы въ ней страницъ, имѣющихъ значеніе для исторіи.

Но на геральдику не считалъ нужнымъ обращать вниманіе ни одинъ изъ изслѣдователей русской исторіи; и г. Лакіеръ, занявшись ею очень основательно, представилъ въ своей книгѣ неопровержимое свидѣтельство, что русская исторія ничего не теряла отъ небреженія, съ какимъ оставляли въ сторонѣ этотъ предметъ другіе изыскатели. Внимательное разсмотрѣніе не доставило ему ни одного факта, ни одного намека, сколько нибудь интереснаго для историческихъ соображеній.

Быть можетъ, г. Лакіера поддерживала въ его утомительной работѣ мысль, что онъ докажетъ древность русскаго дворянства и опровергнетъ мнѣніе, найден-

ное имъ въ какихъ-то французскихъ книжкахъ, будто бы у насъ нѣтъ древнихъ родовъ. Но это мнѣніе не стоило опроверженія. Ни одинъ иностранецъ, имѣющій хотя малѣйшее понятіе о Россіи, не сомнѣвается, что у насъ есть довольно много княжескихъ и дворянскихъ родовъ, происходящихъ отъ Рюрика, и такимъ образомъ имѣющихъ тысячелѣтнюю древность. А къ этому результату сводятъ всѣ возраженія г. Лакіера. Потому надобно думать, что онъ или не совсѣмъ точно понялъ мнѣніе, которое опровергаетъ, или, если встрѣчалъ его дѣйствительно выраженнымъ въ томъ смыслѣ, который занимаетъ его, то написалъ свое изслѣдованіе въ опроверженіе ничтожнаго мнѣнія. Писать книгу въ объясненіе того, что въ Россіи есть роды, чрезвычайно, древніе, значитъ то же, что писать книгу въ объясненіе того, что русскіе говорятъ не по татарски, живутъ не въ кибиткахъ, а въ городахъ и селахъ, ѣдятъ хлѣбъ, а не сырую рыбу, и т. д. Кто же сомнѣвался въ этомъ? Роды, происходящіе отъ Ярослава, извѣстны каждому изъ всякой книжки о русской исторіи, новаго объ этомъ нельзя сказать ничего, если не считать особенно важными слѣдующихъ генеалогическихъ доказательствъ о существованіи потомковъ Кія, Щека, Гостомысла и даже Мосоха (основавшаго, какъ извѣстно, Москву):

Принадлежатъ ли эти качества (древность и владѣніе поземельною собственностью) нашему дворянству? Мы не будемъ вдаваться въ подробности о бытѣ нашихъ предковъ въ доисторическія времена; замѣтимъ только, что и въ то время были у славянъ старшины, вожди, роды которыхъ не могли исчезнуть съ прибытіемъ къ намъ трехъ братьевъ Норманновъ... Исторія не сохранила извѣстій, какіе именно дворянскіе роды происходятъ отъ этого корня: тѣмъ не менѣе начало этихъ родовъ теряется въ незапамятной древности. (стр. 307 и 310).

Новыя повѣсти. Разсказы для дѣтей, Москва. 1854 *):

Книжка эта сама по себѣ не интересна. «Новыя повѣсти» едва-ли не хуже всѣхъ старыхъ и разсказаны самымъ неправильнымъ языкомъ. Но—какія странныя событія могутъ иногда возникать отъ самыхъ незначительныхъ причинъ! Книжка эта послужила поводомъ къ слѣдующему случаю.

Одна почтенная тетушка, имѣвшая пятерыхъ племянниковъ и племянницъ—если угодно, я даже могу ихъ назвать по именамъ: старшаго племянника звали Петруша, ему было тринадцать лѣтъ: двухъ младшихъ звали Боринькою и Ваничкою; сестрицъ ихъ —старшую Анетою, младшую Полиною—эта почтенная тетушка купила «Новыя повѣсти» и начала читать ихъ съ дѣтьми. Много было прекрасныхъ нравоученій въ книжкѣ: но всего болѣе обратило на себя вниманіе тетушки правило, высказанное въ концѣ одной изъ повѣстей: «Не должно быть неблагодар-

*) Эта рецензія, гдѣ авторъ въ шутливой формѣ указываетъ дѣтскую мелочность многихъ явленій тогдашней литературы-беллетристики и «художественной» критики, въ свое время очень раздражила противъ автора нѣкоторыхъ изъ тогдашнихъ писателей-беллетристовъ, которые почувствовали себя задѣтыми. Статья любопытна какъ одинъ изъ первыхъ признаковъ приближавшагося оживленія литературы со второй половины пятидесятыхъ годовъ.

Примѣчаніе издателя.

нымъ; ибо неблагодарность есть порокъ».—Слышите, mes enfants, прибавила тетушка: нехорошо быть неблагодарнымъ; это очень нехорошо.

— А чтожь это называется: неблагодарный? спросилъ Ваничка.

— Неблагодарнымъ называютъ, мой другъ, того человѣка, которому сдѣлали какую нибудь услугу, а онъ самъ потомъ не хочетъ сдѣлать такой же услуги своему благодѣтелю.

— А благодарные люди какъ же дѣлаютъ? спросила Полина.

— Они дѣлаютъ такъ: положимъ, я тебѣ доставила удовольствіе: и ты мнѣ старайся сдѣлать удовольствіе; тогда и будешь благодарна. Ты видишь, что я стараюсь вамъ доставить удовольствіе; и ты дѣлай такъ же.

— Ma tante, вѣдь вы доставляете намъ удовольствіе, когда читаете намъ эту книжку? спросилъ опять Ваничка.

— Конечно, мой дружокъ.

Этотъ разговоръ происходилъ послѣ обѣда. Вечеромъ пріѣхали гости: сѣли играть въ карты, дѣти остались одни въ своей комнатѣ.

— Messieurs et mesdames, знаете ли, что я вамъ скажу — закричалъ Петруша, вскочивъ со стула:—тетушка говорила, что надобно платить услугою за услугу. Такъ ли?

— Разумѣется, такъ; нечего и спрашивать, отвѣчали ему всѣ въ одинъ голосъ.

— Я вздумалъ, что мы неблагодарные.

— Отчего жь это? спросила Анета.

— Какъ отчего? Ты ужь большая (Анетѣ было 11 лѣтъ); тебѣ пора понимать; ты не такая маленькая, какъ Полина.

— Я прежде была маленькая, а теперь я все понимаю, обидѣвшись возразила осьмилѣтняя Полина.

— Слушай же, если понимаешь. Большіе пишутъ намъ, дѣтямъ, повѣсти для нашего удовольствія: стало быть и мы должны писать для большихъ повѣсти. А если не пишемъ, значитъ мы неблагодарные.

Петруша былъ одаренъ замѣчательною силою ума, какъ вы, читатель, видите изъ этого. Уличенные въ неблагодарности, слушатели его готовились ужь заплакать — но онъ не останавливаясь, продолжалъ свои умозаключенія:

— Messieurs et mesdames, давайте же писать повѣсти.

— Давайте писать, давайте писать, подтвердили хоромъ убѣжденные логичностью его выводовъ Messieurs и Mesdames. Побѣжали въ классную комнату, вынули свои тетрадки, и принялись писать. Черезъ полтора часа, когда добрая тетушка пришла напомнить дѣтямъ, что пора ложиться спать, птенцы бросились обнимать ее, крича: мы благодарные! мы благодарные! и поднимали какъ можно выше, стараясь приблизить къ ея глазамъ, свои тетрадки. Сначала тетушка не могла понять ничего: но скоро Петруша, отличавшійся, какъ ужь извѣстно, даромъ слова, объяснилъ ей, въ чемъ дѣло, и восторгнувшись душою, тетушка повела писателей и писательницъ въ гостиную, разсказала всѣмъ присутствующимъ свою радость и просила послушать повѣсть ея питомцевъ. Иные гости поморщились: другіе выказали непритворное вниманіе — они, по своему добродушію, и не подозрѣвали, что повѣсть—не дѣтская игрушка.

Чтеніе началось по очереди, съ произведенія младшей писательницы, Полины. Повѣсть Полины называлась:

«ПЯТЬ ЛѢТЪ».

Надежда Владиміровна Бронская, когда была еще Nadine Иванишева, возбуждала общій восторгъ своею красотою. У ней были сотни поклонниковъ; она отличала между ними блестящаго барона Гаугвица. Онъ являлся повсюду, гдѣ ни была она. Онъ былъ ея тѣнью. Они знали, что любятъ другъ друга. Однажды — этотъ вечеръ былъ восхитителенъ: ярко освѣщенная зала Большого Театра бала наполнена избраннѣйшимъ обществомъ Петербурга. Надина въ упоеніи внимала дивнымъ звукамъ Россини. Она была чудно хороша въ ту минуту. Съ восторгомъ смотрѣлъ Гаугвицъ на ея одушевленное лицо, и безвозвратное слово любви трепетало на его губахъ. — «Баронъ, Приклонская справедливо ревнуетъ васъ къ этой дѣвочкѣ», шепнула ему на ухо кузина Надины, и баронъ вздрогнулъ. Онъ боялся насмѣшекъ Приклонской, его какъ молнія поразила мысль: «Неужели Приклонская, эта неприступная, непобѣдимая красавица, можетъ ревновать меня?» Мужчины любятъ суетно: ихъ любовь — тщеславіе, по крайней мѣрѣ любовь такихъ мужчинъ, какъ баронъ. Мысль о томъ, что Приклонская интересуется имъ, не давала ему покоя. На другой день, на балѣ у графини Z***, баронъ былъ, хотя тамъ не было Надины: онъ зналъ, что встрѣтитъ тамъ Приклонскую.

Пропускаемъ нѣсколько главъ изъ повѣсти Полины; конецъ, какъ читатели догадываются, слѣдующій:

Надина уже Надежда Владиміровна Бронская: она три года замужемъ; она говоритъ барону: «Теперь я могу сказать, что я васъ любила, потому что теперь я увѣрена въ себѣ. Я не жалѣю о прошломъ, я люблю своего мужа, который и т. д. Прощайте же; помните или забудьте меня, для меня все равно. Но для васъ лучше забыть меня, потому что я искренно жалѣю васъ. Ахъ, зачѣмъ не любятъ насъ тогда, когда мы такъ готовы любить!»

— Какой прекрасный слогъ! Какіе нѣжные, тонкіе штрихи! Какъ вѣрно понятъ, какъ художественно воспроизведенъ характеръ Надины! Послѣдняя сцена безукоризненно художественна! — Таковъ былъ общій голосъ гостей. Нѣкоторые прибавляли однако, что въ повѣсти мало непосредственности; что рефлексія вредитъ таланту, и что даровитая Полина должна болѣе заботиться о непосредственности и если можно такъ выразиться, — дѣвственной свѣжести образовъ: что иначе рефлексія сгубитъ ея талантъ. Одна дама даже находила въ повѣсти Полины тенденцію, затаенную мысль, и была этимъ очень недовольна. Другая соглашалась съ нею, что въ повѣсти есть мысль, но была въ восторгѣ отъ этой мысли. Многіе мужчины увѣряли, что характеръ барона невѣренъ природѣ или исключителенъ: потому что мужчина способенъ также самоотверженно любить, какъ и женщина; утрировку характера барона многіе изъ нихъ объясняли личною антипатіею Полины къ мужчинамъ; другіе возражали: нѣтъ, это просто слѣдствіе того, что авторъ — женщина: есть мужскіе характеры, которыхъ не можетъ понять женщина: но видѣть въ повѣсти Полины филиппику противъ мужчинъ — верхъ нелѣпости; талантъ Полины отличается объективностью; въ ея произведеніяхъ нѣтъ и слѣда субъективныхъ симпатій и антипатій; лучшее доказательство того — прекрасная благородная роль, какую даетъ она мужу своей Надины. Несмотря на эти разнорѣчія, всѣ были согласны, что у Полины много рефлексіи, еще согласнѣе были въ томъ, что она одарена замѣчательнымъ талантомъ. Я, также присутствовавшій на этотъ разъ въ числѣ гостей, не могъ не сказать, что «Пять лѣтъ» — прекрасная повѣсть. Слѣдовательно, это дѣло рѣшеное, и вамъ, читатель, не принесетъ пользы никакое упорство. Лучше согласитесь съ нами.

За восьмилѣтнею Полиною началъ читать девятилѣтній Ваничка, «разсказъ»:

СТАРЫЙ ВОРОБЕЙ.

Сюжетъ его, если хотите, былъ нѣсколько похожъ на сюжетъ «Пяти лѣтъ».

Свирцовъ, un homme blasé, не обращаетъ вниманія на Catherine Буллинскую, но когда робкая и небогатая дѣвушка стала Катериною Васильевною Невзорцевой, блестящею и смѣлою дамою, онъ почелъ ее достойною дать занятіе его утомленному, скучающему воображенію. Она, ловко доведя его до формальнаго объясненія, расхохоталась ему въ глаза «самымъ непринужденнымъ, веселымъ звонкимъ, ребяческимъ хохотомъ, и Свирцову показалось, что передъ нимъ стоитъ не M-me Невзорцева, а Catherine Буллинская, и стыдно стало ему, и горько припомнилось ему въ ту минуту его натянутое невниманіе, его изученная холодность» и т. д. «Останемся же друзьями, мой милый, добрый М-г Свирцовъ», продолжая хохотать, сказала ему M-me Невзорцева и протянула ему руку: «вы совсѣмъ не такъ злы, какъ мнѣ казалось когда-то».

Всѣ нашли, что характеръ Свирцова нарисованъ мастерскою рукою: нѣкоторые даже прибавили «вотъ истинный *герой нашего времени*, разоблаченный отъ фальшивой Лермонтовской драпировки». Нашлись даже господа, которые рѣшили, что по развитію мысли—въ художественномъ отношеніи они не сравниваютъ, обращая вниманіе преимущественно на мысль, которая душа повѣсти—что по развитію мысли Ваничка стоитъ выше Лермонтова; они хотѣли было прибавить, что это не доказываетъ еще превосходства Ваничкина таланта надъ талантомъ Лермонтова, а только то, что наше время далеко ушло впередъ отъ Лермонтовской эпохи; но этихъ словъ ужъ почти нельзя было разслушать: едва послышалось выраженіе «мысль есть душа произведенія», какъ двадцать голосовъ закричали: «а художественность? Она главное. Вы забываете художественность; мысль безъ художественности ничего не значитъ. Художественностью произведенія дается ему мысль» и т. д.; въ азартѣ даже не замѣтили защитники художественности, что та мысль, о которой дерзнули заикнуться ихъ противники, чрезвычайно пустовата, такъ что обращать вниманіе на ея присутствіе или ея отсутствіе рѣшительно не стоитъ. Защита художественности не могла умолкнуть въ теченіе десяти минутъ, и потому повѣсть Ванички осталась не обсужденною; только вообще было высказано, что у Ванички нѣсколько утомленный взглядъ на жизнь и что онъ, конечно, много испыталъ, или по выраженію одного изъ гостей, «его талантъ возмужалъ въ испытаніяхъ жизни». Теперь была очередь Бориньки, и онъ прочиталъ:

Черная Долина (La Vallée Noire).

Oh! que j'aime cette vie calme et douce. *George Sand.*

У пастуха Ивана есть пастерица Марья. Однажды вечеромъ, стирая бѣлье на живописной рѣчкѣ (см. «Лелія» романъ Жоржа Занда), слышитъ подлѣ себя вздохъ—это Ѳедоръ, который служитъ батракомъ на сосѣднемъ пчельникѣ; Ѳедоръ подходитъ къ ней, и почесывая въ затылкѣ, изподлобья смотритъ на нее.

Чаво ня видалъ, глаза-те уставилъ? не безъ наивнаго кокетства спрашиваетъ Марья, слегка краснѣя.

— Эхъ, Машутка, больно тея полюбилъ-то! Ужь во-какъ оно легко, ажно вотъ какъ коломъ стоитъ въ сердцѣ-то!

— Исправды? Не пустое ли башь, Ѳедька?

— Эхъ, ка-бы въ душу-то мнѣ заглянула! Вотъ бы все на чистоту увидала, безъ прилыгу! Да чаво теѣ сказать? Во, бывало сижу на пчельникѣ-ти пчелокъ слушаю, какъ жужжатъ-то: больно хорошо таково, гармоніи бы не слушалъ (см. Maitres Sonneurs, par George Sand). Таперича и къ пчеламъ охота отпала, а вѣдь пчелка наша кормилица! Все сижу, да плачу: во оно каково, мнѣ-то; а ты башь, обманываю!

— А коли любишь, что сватовъ не засылаешь? говоритъ насмѣшливо Марья.

— Али не знашь? Бѣдность одолѣла; во постой полтинникъ зашибу сватьбу справимъ, и т. д.

Дѣло кончается тѣмъ, что Федотъ, хозяинъ пчельника, узнавъ причину тоски своего батрака, даетъ ему впередъ три цѣлковыхъ жалованья, на которыя справляется богатая свадьба. Федоръ благодаритъ Федота:

— Ужь такъ возблагодѣтельствовалъ меня, пуще отца родимаго.

— Это что, ничаво; всѣ люди должны суть пособлять дружка дружкѣ, чтобы, знашь, рука руку мыла, какъ стары люди говаривали, отвѣчаетъ Ѳедотъ, разчувствовавшись:—у меня на душѣ таково сладимо: вотъ, значитъ, чувство есть: потому: человѣкъ есть: добро дѣло сдѣлалъ, съ меня и довольно».

По окончаніи Боринькиной повѣсти былъ довольно жаркій споръ о томъ, можетъ ли простонародный бытъ дать содержаніе для художественнаго произведенія. Нѣкоторые говорили: не можетъ; имъ возражали: можетъ, и представляли, какъ неопровержимый примѣръ, только-что прочитанную повѣсть; но, прибавляли почти всѣ защитники, только высокая художественность, до которой возвышается Боринька, только она и маскируетъ внутреннюю бѣдность содержанія; иные впрочемъ, не допускали «такихъ узкихъ понятій» и предполагали, что для двухъ-трехъ повѣстей простонародная жизнь можетъ дать содержаніе, не смотря на свое однообразіе и даже пустоту. Одинъ голосъ, напротивъ того, утверждалъ, что только простонародный бытъ и можетъ дать истинное содержаніе для русскаго таланта, потому что только въ оренбургскомъ краѣ сохранились русскіе элементы въ неподдѣльномъ видѣ. Но всѣ были согласны въ высокомъ художественномъ достоинствѣ Боринькиной повѣсти и до чрезвычайности восхищались удивительно глубокому знакомству Бориньки съ простонародной жизнью и дивному его искусству владѣть народнымъ языкомъ. Послѣднее не подлежало спору, потому что многія фразы его героевъ были не поняты слушателями, и Боринька долженъ былъ объяснять, что «ня, башь, тея, безъ прилыгу», значитъ: «не, баешь или говоришь, тебя, безъ всякой лжи». Находили одинъ только недостатокъ: Боринька позабылъ украсить свою повѣсть многими въ высшей степени характеристичными народными словами: «малышь, касатка и махонькій». За то, говорили съ какой вѣрностью воспроизвелъ онъ характеры и бытъ! Федоръ почесывающій въ затылкѣ, объясняясь въ любви—несравненный типъ: еще вѣрнѣе подмѣчена черта наивнаго кокетства въ Марьѣ, говорящей: «а коли любишь, чаво же сватовъ не засылаешь» и съ скромно-насмѣшливымъ кокетствомъ спрашивающей: «чаво не видалъ, глаза-те уставилъ». Высокая самобытность таланта Бориньки, его неподдѣльная народность были признаны неоспоримыми.

Теперь была очередь читать одиннадцатилѣтней Анетѣ: но скромная дѣвочка стыдилась, чувствуя что ея повѣсть слаба сравнительно съ прочитанными, а быть можетъ и поняв, что дѣти вообще едва ли могутъ писать повѣсти. Петруша, досадуя

на замедленіе, нетерпѣливо желая похвастаться своимъ произведеніемъ, закричалъ: «если не хочешь читать, ma soeur, и не читай; не заставляйте ее, позвольте читать мнѣ». Слушатели согласились, и Петруша началъ:

Мой знакомецъ.

Иванъ Андреевичъ Загибинъ, котораго Петруша саркастически называлъ своимъ знакомцемъ, намекая на многочисленность людей подобнаго рода, былъ тщеславенъ, любилъ прилгнуть, любилъ порою поиграть въ карты, порою поволочиться или покутить. Эти пороки выставлялись Петрушею въ самомъ яркомъ свѣтѣ и вся повѣсть была пропитана самою ѣдкою ироніею. Вокругъ Загибина группировались его пріятели,—франтъ любившій выказывать свое умѣнье говорить по французски, другой молодой человѣкъ, щеголявшій своею любовью къ итальянской оперѣ и тонкимъ знаніемъ музыки, но смѣшивавшій Доницетти съ Беллини; наконецъ третій молодой человѣкъ, любившій блеснуть своею начитанностью, высшими взглядами и остроуміемъ. Петруша неумолимо разилъ и эти важные пороки. Другія лица были менѣе замѣтны, но столь же ѣдко осмѣяны, напримѣръ, Иванъ Федосѣевичъ, хвастававшійся своими знатными друзьями.

Повѣсть Петруши нашла восторженныхъ поклонниковъ, хвалившихъ автора за то, что онъ «нелицепріятно разоблачаетъ недостатки общества»; нашлись, однако, многіе, порицавшіе Петрушу за эту безпощадность, и говорившіе, что сатира должна быть осторожна и что не на все должно смотрѣть съ такой мрачной стороны, что жизнь представляетъ много отрадныхъ явленій и что направленіе Петруши слишкомъ ѣдко. Впрочемъ, о повѣсти Петруши говорили не такъ много, какъ о предъидущихъ. Согласны были всѣ только въ томъ, что юморъ Петруши глубокъ и бичуетъ самыя мрачныя явленія современности, потому имѣетъ необыкновенно важное значеніе. Согласились также, что не должно слишкомъ распространяться объ этомъ, и что лучше обратиться къ другимъ предметамъ разговора, которые безъ сомнѣнія будутъ доставлены кроткимъ, примирительнымъ міросозерцаніемъ Анеты; потому всѣ снова стали упрашивать ее чтобы она прочитала свою повѣсть. Анета продолжала отказываться; но тетушка сказала строгимъ тономъ: Lisez, Annette; и Анета начала читать:

Ѳединька и Петинька.

Ѳединька не любилъ учиться, а Петинька любилъ учиться: Ѳединька говорилъ: я самъ все знаю; а Петинька говорилъ: ежели я не стану учиться, то ничего не буду знать. Когда они выросли большіе, Ѳединька ничего не зналъ, а Петинька сталъ умнымъ человѣкомъ.

Всѣ нашли, что повѣсть Анеты слишкомъ суха и тривіальна, и что едва ли даже не переведена она съ нѣмецкаго или какого нибудь другого языка; потому не стали о ней говорить и разошлись въ пріятной увѣренности, что слышали четыре замѣчательные произведенія и что были свидѣтелями возникновенія четырехъ литературныхъ направленій. Кромѣ того, всѣ гости были увѣрены, что вечеръ былъ проведенъ очень поучительно, и что если съ одной стороны было прочитано четыре прекрасныя и глубокія произведенія, то съ другой стороны было высказано очень

много дѣльныхъ замѣчаній и очень важныхъ мыслей. Двѣ или три изъ этихъ мыслей были даже сказаны мною; потому я остаюсь въ пріятномъ убѣжденіи, что вечеръ былъ пріятенъ, занимателенъ и вообще прошелъ не безполезно.

Но одинъ изъ гостей, не участвовавшій въ нашихъ разсужденіяхъ, идя со мною по дорогѣ, сказалъ, будто бы мы сами себя обманываемъ: будто бы прекрасныя повѣсти, нами слышанныя, были совершенно ничтожны и будто бы о нихъ не стоило говорить.—Почему же онѣ ничтожны?—спросилъ я его обидѣвшись. Но онъ, по какому-то странному капризу, заговорилъ о погодѣ, не отвѣчая на вопросъ, что мнѣ показалось вовсе неучтиво.

Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго Университета за истекающее столѣтіе, по день столѣтняго юбилея, января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоровъ и преподавателей. Москва, 1855. Два тома.

Исторія Императорскаго Московскаго Университета, написанная къ столѣтнему его юбилею ординарнымъ профессоромъ *С. Шевыревымъ*. 1755—1855. Москва. 1855.

Эти труды, изданные по случаю столѣтняго юбилея Московскаго университета, не только всегда останутся въ числѣ главнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи самаго университета, но, при чрезвычайной важности этого учрежденія въ общей исторіи русской образованности, должны сдѣлаться справочными книгами для всѣхъ вообще, занимающихся исторіею просвѣщенія и литературы въ Россіи. Давно ужъ не выходило книгъ, столь драгоцѣнныхъ въ этомъ отношеніи. «Біографическій словарь воспитанниковъ Московскаго университета», приготовляемый теперь къ изданію, будетъ необходимымъ и, быть можетъ, важнѣйшимъ въ ряду капитальныхъ изданій, которыми даритъ насъ достопамятный юбилей.

Еслибъ отъ насъ требовался полный разборъ общей системы этихъ трудовъ, оцѣнка и пересмотръ всѣхъ подробностей, ими сообщаемыхъ, мы должны были бы отложить извѣщеніе о нихъ, до появленія въ свѣтъ «Біографическаго словаря воспитанниковъ», который долженъ раскрыть важнѣйшую сторону значенія Московскаго университета—его вліяніе на развитіе русскаго образованнаго общества, умственной, государственной, ученой и литературной жизни въ Россіи. Безъ того наши понятія о дѣятельности перваго изъ русскихъ университетовъ будутъ не полны. Но знакомство съ исторіею университета уже значительно расширяется изданными теперь тремя томами матеріаловъ; и потому, отлагая пока мысль о полнотѣ и всесторонности нашего отчета, мы не можемъ теперь умалчивать о важныхъ трудахъ, которыми по справедливости уже должны интересоваться.

Принимая на себя обязанность написать исторію Московскаго университета, можно было понимать свою задачу двумя различными способами, различіе между которыми мы означимъ терминами, быть можетъ устарѣвшими, но точно выражающими характеръ того и другаго способа: можно было стремиться къ тому, чтобы составить прагматическую исторію университета, или къ тому, чтобы быть его лѣтописцемъ. Въ первомъ случаѣ надлежало, по существенному различію слу-

пеней развитія университета, разграничить его столѣтнюю жизнь на періоды; показать характеръ, внутреннюю жизнь и внѣшнее значеніе университета въ первые годы его возникновенія; потомъ постепенное расширеніе и возвышеніе этого учрежденія. Въ такомъ случаѣ самый текстъ исторіи вмѣщалъ бы въ себѣ только существенно важные факты, связанные по ихъ внутреннему сцѣпленію, и изложенные со всею возможною полнотою. Но какъ матеріалы, изъ которыхъ должны были извлекаться эти картины, большей частью еще не изданы или недоступны читателямъ по рѣдкости старинныхъ изданій, въ которыхъ погребены отъ большинства не только публики, но и ученыхъ изслѣдователей: то все важнѣйшее изъ этихъ матеріаловъ, было бы, сообразно требованіямъ науки, напечатано въ безсчисленныхъ приложеніяхъ, изъ которыхъ иныя имѣли бы довольно большой объемъ. Такъ, напримѣръ, поступилъ Карамзинъ, и тѣмъ сообщилъ своему труду, съ одной стороны, высокое литературное достоинство, съ другой стороны, незамѣнимое ничѣмъ достоинство архива. Конечно избравъ такую форму, авторъ возлагаетъ на себя работу очень многосложную и тяжелую: кромѣ того, драгоцѣнныя приложенія значительно увеличиваютъ объемъ книги; и мы вѣроятно назначаемъ слишкомъ тѣсныя границы изданію Исторіи Московскаго университета, полагая, что объемъ книги г. Шевырева сталъ бы вдвое или втрое болѣе, еслибъ онъ рѣшился слѣдовать такому плану и извлечь для приложеній все, что скрывается важнаго хотя въ однихъ рукописныхъ матеріалахъ, которыми онъ пользовался какъ-то: 1) пятнадцать томовъ актовъ Конференціи за 1755—1770 годы: 2) переписка первыхъ иностранныхъ профессоровъ съ Миллеромъ; 3) семнадцать или болѣе томовъ рѣчей, произнесенныхъ первыми профессорами; 4) бумаги М. Н. Муравьева: не говоримъ уже объ извлеченіяхъ изъ рѣдкихъ печатныхъ изданій, иногда существующихъ въ одномъ только экземплярѣ. Еслибъ авторъ рѣшился печатать эти приложенія, онъ обременилъ бы свою исторію быть можетъ еще двумя, быть можетъ и болѣе, томами. Конечно это основательное опасеніе, а также отъ части и краткость времени, остававшагося для составленія исторіи, побудило почтеннаго автора избрать лѣтописную форму. Онъ подраздѣляетъ столѣтнее существованіе университета на одиннадцать періодовъ во время кураторства или попечительства различныхъ сановниковъ, завѣдывавшихъ университетомъ; кромѣ того иныя главы дробятся на хронологическіе отдѣлы, еще болѣе мелкіе, часто заключающіе не болѣе двухъ или трехъ лѣтъ: въ каждой главѣ или подраздѣленіи главы идетъ множество рубрикъ, по которымъ расположены факты, касающіеся того или другаго учрежденія, существовавшаго при университетѣ, той или другой стороны университетской жизни; такъ что вообще внѣшнее подраздѣленіе фактовъ и извѣстій преобладаетъ надъ ихъ внутреннею послѣдовательностью. Конечно такимъ планомъ много былъ облегченъ трудъ составленія книги, и мы предполагаемъ, что ему обязанъ почтенный авторъ возможностью изложить исторію университета въ томъ объемѣ, какой она теперь имѣетъ у него.

Мы считали нужнымъ упомянуть объ этомъ отчасти и для того, чтобы ошибки и односторонности нашего послѣдующаго краткаго обзора, вѣроятно довольно многочисленныя, не были приписаны читателями почтенному составителю «Исторіи Московскаго университета». Постоянно занимаясь изложеніемъ болѣе или менѣе важныхъ, по его мнѣнію, фактовъ въ той разрозненности, которая составляетъ необходимую принадлежность лѣтописной формы, авторъ остерегается прагматизма,

вѣроятно считая его преждевременнымъ, и мы могли только отгадывать отношенія различныхъ эпохъ жизни университета; при отгадываніи почти неизбѣжны ошибки, и если они должны быть поставлены кому нибудь въ вину, то конечно намъ, а не почтенному автору, нигдѣ не высказывающему своихъ соображеній о внутреннемъ развитіи университета. Мы по необходимости должны отваживаться на это, вынуждаемые самою краткостью нашего очерка, которая требуетъ выбора наиболѣе важныхъ фактовъ и тѣснѣйшаго ихъ группированія, и наконецъ дѣлаетъ необходимость набрасывать общія характеристики.

До 1778 года можно назвать Московскій университетъ еще только возникающимъ: все свидѣтельствуетъ о томъ, что въ это время существеннѣйшее значеніе его было представлять зародышъ, къ которому могло бы привиться будущее расширеніе внутреннихъ силъ и внѣшней дѣятельности. Число профессоровъ было еще очень невелико: въ 1761 году весь медицинскій факультетъ состоялъ изъ одного профессора Керштенса, который читалъ то химію, то минералогію; весь юридическій факультетъ также изъ одного профессора Дилтея, который читалъ то естественное, то римское право: только въ 1764 году являются товарищи тому и другому, и съ этого времени юридическій и медицинскій факультеты имѣютъ по два профессора. Первое начало дѣйствительному преподаванію анатоміи было положено, вѣроятно, только въ 1766 году. Съ 1765 года медицинскій факультетъ имѣетъ уже четырехъ профессоровъ, а съ 1767 года имѣетъ также четырехъ и юридическій. Около 1770 чтеніе лекцій во всѣхъ трехъ факультетахъ организовалось уже довольно правильно; но количество и успѣхи слушателей къ трудомъ могли назваться удовлетворительными; такъ въ 1767 году на всемъ юридическомъ факультетѣ было только четыре слушателя; акты 1770 года говорятъ, что до 300 студентовъ (съ основанія университета?) вышли не окончивъ курса, и только двое юристовъ вполнѣ его окончили. Безпрестанно профессоры жалуются на недостатокъ слушателей. Вообще, анекдоты, которые разсказываетъ Фонъ-Визинъ въ своихъ «Признаніяхъ» едва ли преувеличены. Мы не имѣемъ причинъ предполагать, чтобы это положеніе дѣлъ значительно измѣнилось и въ послѣдующія восемь лѣтъ, до 1778 года. Были, правда, нѣкоторыя слабыя проявленія ученой и литературной дѣятельности между студентами: иные изъ нихъ переводили книжки, печатавшіяся въ университетской типографіи; были и со стороны профессоровъ нѣкоторыя попытки основывать литературныя изданія, учреждать литературныя или ученыя общества; но все это заслуживаетъ вниманія не столько по своему достоинству или успѣху, сколько потому, что служило приготовленіемъ къ будущему. Ученіе въ гимназіяхъ, основанныхъ при университетѣ, шло, вѣроятно, нѣсколько успѣшнѣе, хотя въ томъ отношеніи, что гимназіи имѣли большее число воспитанниковъ.

Съ 1779 года университетъ получаетъ дальнѣйшее развитіе, благодаря заботливости своего куратора, М. М. Хераскова, о которомъ должно съ признательностью вспоминать, если не за его поэтическія произведенія, то за его услуги Московскому университету. Онъ отдаетъ типографію на арендное содержаніе Новикову и Московскій университетъ становится центромъ новой русской литературы. Это, намъ кажется, важнѣйшее дѣло Хераскова и важнѣйшее событіе въ исторіи университета до самыхъ 1825—1835 годовъ. Нѣтъ надобности распространяться о вліяніи Новикова и его друзей на развитіе умственной дѣятельности молодаго поколѣнія. Теперь извѣстно, что все литературное движеніе такъ называемой Карам-

зинской эпохи также возникло изъ этого факта, которому впрочемъ служило только слабымъ продолженіемъ, несмотря на весь свой блескъ. Оживленію умственной дѣятельности въ студентахъ, соотвѣтствуетъ и появленіе такихъ профессоровъ, какъ Чеботаревъ, Маттеи, Шварцъ, Геймъ, Шнейдеръ, Баузе, Антонскій, Брянцевъ и другіе. Важно также основаніе пансіона при университетѣ, который становится дѣйствительно университетомъ, а не только зародышемъ его. Но, если мы не ошибаемся, въ началѣ этого періода, простирающагося до 1803 года, дѣятельность обществъ, примыкающихъ къ университету, особенно къ его типографіи, сообщаетъ существеннѣйшую важность его исторіи: въ послѣднее десятилѣтіе ученое преподаваніе, быть можетъ, и совершенствуется, но уже не можетъ одно вознаграждать за ослабѣвшую литературную жизнь. Двигубскій, Сохацкій и другіе, служатъ уже переходомъ къ слѣдующей эпохѣ.

Съ 1803 года ученыя силы Московскаго университета возвышаются появленіемъ множества новыхъ профессоровъ, изъ которыхъ достаточно назвать: Мерзлякова, Гильтебранта, Гофмана, Шлецера, Буле, Цвѣтаева, Каченовскаго, Тимковскаго, Болдырева, Сандунова, Снегирева. Но если замѣтно возвышеніе ученаго достоинства преподаванія, то мы еще не знаемъ, чѣмъ существенно отличается Московскій университетъ 1810—1820 годовъ отъ университета 1790—1800 года. Мы готовы скорѣе отнести все это время къ одному періоду съ прежними годами.

Наконецъ около 1820 г., съ появленіемъ Павлова, начинается приготовленіе нынѣшняго Московскаго университета, одного изъ достойнѣйшихъ двигателей не только ученаго образованія въ тѣсномъ кружкѣ нѣсколькихъ десятковъ прилежныхъ студентовъ, но и вообще образованности во всей массѣ русской публики. Долго Павловъ не имѣетъ себѣ сподвижниковъ, электризующихъ своимъ живымъ словомъ до энтузіазма. Но въ 1831 году является Н. И. Надеждинъ; вслѣдъ за нимъ выступаютъ люди, изъ которыхъ мы назовемъ одного Крюкова, потому что учено-литературная дѣятельность другихъ, еще продолжающаяся, не нуждается въ напоминаніяхъ. До 1835 года они составляли исключеніе, теперь они или ихъ ученики занимаютъ почти всѣ каѳедры. Наровнѣ съ значеніемъ Московскаго университета для общаго движенія просвѣщенія въ Россіи, возвышается и его дѣятельность въ истинно-ученомъ разработываніи науки. Рядъ этихъ ученыхъ, которые были бы украшеніемъ всякаго университета, начинается Д. М. Перевощиковымъ. За нимъ слѣдуютъ: Павловъ и Н. И. Надеждинъ, о другомъ значеніи которыхъ мы уже говорили, М. П. Погодинъ, Цядьковскій, С. П. Шевыревъ, О. П. Иноземцевъ, И. И. Крыловъ, Т. Н. Грановскій, Рулье, А. П. Оверъ, О. М. Бодянскій, О. И. Буслаевъ, К. Д. Кавелинъ, Я. А. Линовскій, С. М. Соловьевъ, П. М. Леонтьевъ, К. Г. Швейцеръ, П. Я. Петровъ и другіе достойные ихъ сотоварищи.

Прежде, нежели мы оставимъ Исторію Московскаго университета и обратимся къ Біографическому словарю его профессоровъ, мы должны, по спискамъ, находимымъ у г. Шевырева, привесть имена нѣкоторыхъ воспитанниковъ Московскаго университета, дѣятельность которыхъ служитъ вѣрнѣйшимъ мѣриломъ того вліянія, какое имѣлъ онъ до сихъ поръ на умственную жизнь Россіи. Московскому университету и его пансіону обязаны своимъ воспитаніемъ: Фонъ-Визинъ, Богдановичъ, И. И. Тургеневъ, Плавильщиковъ, Костровъ, Подшиваловъ, Мат-

вѣй Десницкій (митрополитъ Михаилъ) Стефанъ Глаголевскій (митрополитъ Серафимъ), Озеровъ, кн. Шаховской, Магницкій, Воейковъ, Мерзляковъ, Нарѣжный, Жуковскій, А. Тургеневъ, Свиньинъ, Д. Языковъ (историкъ), А. С. Норовъ, П. Строевъ, Калайдовичъ, Тютчевъ, кн. Одоевскій, Ознобишинъ, Пироговъ, Венелинъ, Пассекъ, Станкевичъ, Полежаевъ.

Бо́льшая часть составителей «Біографическаго словаря руководились, повидимому, тѣми же правилами, которымъ слѣдовалъ г. Шевыревъ. Бо́льшая часть біографій очень кратки, довольствуются сжатымъ обозрѣніемъ оффиціальной дѣятельности описываемаго лица, формулярнымъ его спискомъ, исчисленіемъ изданныхъ имъ сочиненій и перечисленіемъ того, по какимъ предметамъ читаны были имъ лекціи въ Московскомъ университетѣ. Иногда прилагаются и программы лекцій. Довольно часто прибавляются къ этому характеристики: но обыкновенно также очень краткія и только въ самыхъ общихъ похвальныхъ выраженіяхъ. Эти біографіи чрезвычайно соотвѣтствуютъ характеру «Исторіи Московскаго университета», въ которой также почти исключительно преобладаетъ оффиціальный тонъ, и полнѣе всѣхъ другихъ событій университетской жизни разсказываются торжественные акты, рѣчи, на нихъ произнесенныя и административныя распоряженія. Такія біографіи, конечно, имѣютъ большое и неотъемлемое достоинство: онѣ служатъ источникомъ несомнѣнныхъ справокъ для всякаго спеціально-занимающагося предметомъ.

Но кромѣ ихъ встрѣчается нѣсколько жизнеописаній, нѣсколько подробныхъ, и находятся иногда даже такія, которыя очень близко знакомятъ съ истиннымъ значеніемъ дѣятельности или съ личностью описываемаго ученаго. Мы постараемся исчислить замѣчательнѣйшія изъ нихъ и сообщить читателямъ нѣсколько интересныхъ отрывковъ.

Изъ написанныхъ г. Леонтьевымъ замѣтимъ біографіи: Крюкова и Тимковскаго.

Г. Соловьевымъ: Каченовскаго и Чеботарева.

Г. Тихонравовымъ: Баузе, Буле и Шварца.

Г. Шевыревымъ: Антоновскаго-Прокоповича, Барсова, Мерзлякова, Поповскаго и Шадена.

Г. Страховымъ: Мудрова и Страхова.

Замѣтимъ также біографію Павлова, составленную гг. Щуровскимъ, Рулье и Калиновскимъ.

Наконецъ очень интересны біографіи или вѣрнѣе автобіографіи многихъ изъ нашихъ современниковъ. Мы увѣрены, напримѣръ, что всѣ поблагодарятъ за любопытныя воспоминанія о своей молодости гг. Погодина, Максимовича и Морошкина.

Интереснѣе всѣхъ другихъ біографій въ чтеніи двѣ біографіи, принадлежащія г. Страхову: Мудрова, знаменитаго врача, и Страхова, дяди автора. Онъ такъ просто и хорошо передаетъ любопытные разсказы этихъ людей, близко ему извѣстныхъ, такъ просто и живо изображаетъ ихъ личность, что надобно жалѣть, почему у насъ рѣдко пишутся подобныя воспоминанія вмѣсто ничтожныхъ некрологовъ, ничего не говорящихъ. Мы увѣрены, что читатели будутъ благодарны намъ за то, что мы постараемся познакомить ихъ съ однимъ изъ этихъ прекрасныхъ очерковъ, и останутся недовольны только тѣмъ, что мы, по необходимости, сократили разсказъ почтеннаго біографа.

«Мудровъ, Матвѣй Яковлевичъ, Докторъ Медицины, Ординарный Профессоръ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, родился въ Вологдѣ, 1772 года, 23 числа марта. Родитель его, священникъ Іаковъ Іоанновичъ Мудровъ, былъ, по тогдашнему времени, мужъ просвѣщенный, хорошо изучившій языки древніе - латинскій, греческій и еврейскій: онъ очень уважалъ врачебную науку, любилъ читать творенія Гиппократа и Цельса; осмѣливался давать врачебные совѣты бѣднымъ людямъ, на исцѣленіе простыми средствами, и былъ въ тѣсной пріязни со всѣми тамошними врачами. Какъ добрый пастырь душъ и сердецъ, онъ былъ всегда готовъ отдать послѣднюю сорочку, послѣднюю корку хлѣба голодной, бѣдной нуждѣ. Бывало, возвращаясь отъ дѣлъ служенія домой, никакъ не умѣлъ онъ отказывать просящимъ милостыни, а такихъ на Вологдѣ всегда великое множество. Раздавши все изъ своего кармана, онъ приводилъ къ себѣ домой тѣхъ, которымъ не могъ сдѣлать подаянія, и раздѣлялъ съ ними весьма неприхотливую трапезу свою. Съ такимъ добродѣтельнымъ образомъ жизни, онъ претерпѣвалъ крайніе недостатки, такъ что въ праздничные великіе дни сплошь да рядомъ въ семействѣ его не находилось и одной горсти пшеничной муки на пирожокъ либо лепешку, а въ темное зимнее время почтеннѣйшая супруга его, Надежда Ивановна, должна была заниматься домашними дѣлами и рукодѣльями при свѣтѣ лучины. Матвѣй Яковлевичъ свое первое образованіе началъ подъ руководствомъ родителя. При великихъ нуждахъ и бѣдности, безъ средствъ пріобрѣтать учебныя книги, семинарское ученіе для молодаго Мудрова было весьма трудно; ибо надобно было печатныя книги списывать на тетради, да и бумаги то необходимой на то было нелегко промышлять. Вотъ какъ онъ воспоминалъ про свое дѣтство: «Когда я былъ еще мальчишкой, — почасту на улицѣ «игрывалъ съ дѣтьми городскаго переплетчика, сдружился съ ними, хаживалъ къ нимъ «въ домъ и съ любопытствомъ, бывало, сматривалъ на переплетную работу, даже и самъ «нѣсколько перенялъ изъ этого мастерства. Поступивши въ Семинарію, началъ я «порядкомъ переплетать тетради, сперва себѣ, послѣ и товарищамъ, и до того нато-«рѣлъ въ этомъ дѣлѣ, что иногда помогалъ самому переплетчику. За такія послуги мнѣ «плачивали товарищи, одни бумагою писчею, а другіе и переплетчикъ давали мнѣ малую «толику деньжонокъ, которыя въ тѣ поры были мнѣ очень дороги: я прикапливалъ «ихъ на крайнія свои надобности, особливо же на сальныя свѣчи. Вотъ, бывало, зажгу «свѣчу, сяду писать вечеромъ, а матушка и подсядетъ ко мнѣ съ работою; я-то, «бывало, и скуплюся свѣтомъ и застѣняю ей, она голубушка сперва покричитъ на «меня, потомъ примется упрашивать, и обѣщаетъ мнѣ испечь при хлѣбахъ ржаную «лепешку съ толченымъ конопляным сѣменемъ, и вотъ у насъ и лады съ нею: сидимъ, «бывало, молча и дѣлаемъ каждый свое». —У тамошняго штабъ-лекаря О. П. Кирдана подростали два сынка, Илья и Аполлонъ, и молодой Мудровъ былъ приглашенъ учить ихъ началамъ русскаго и латинскаго языковъ, за что, кромѣ платы, по рублю въ мѣсяцъ, онъ получалъ иногда и подарки, кой-какое поношенное платье съ плечей самаго Кирдана. Въ 1794 году Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ собрался въ Московскій Университетъ. - «Будь прилеженъ къ добрымъ дѣламъ, служи Государынѣ вѣрою и правдою, и Господь Богъ не оставитъ призрѣть на тебя многощедротнымъ окомъ, такъ и будешь человѣкъ», -такъ сказалъ ему родитель, благословляя небольшимъ мѣднымъ крестомъ, да подарилъ еще старую чайную фаянсовую чашку съ отшибенною ручкою: «это на случай испить воды изъ ручья дорогою», и наградивъ двадцатью пятью копѣйками мѣдныхъ денегъ, примолвилъ такъ: «Вотъ, другъ мой, все, что могу «тебѣ удѣлить. Ступай, учись, служи, сохраняй во всемъ порядокъ, quoniam ordo est «cardo omnium rerum; помни бѣдность и бѣдныхъ, такъ не позабудешь насъ, отца съ «матерью, и утѣшишь какъ въ сей, такъ и въ будущей жизни». —Такъ напутствовалъ отецъ сына, который, простившись въ послѣдній разъ съ родителями, и закинувъ за плечи кошель съ поклажей, пошелъ къ Москвѣ пѣшъ. Дорогою забрелъ проститься къ знакомому своему Кирдану, которому, при этомъ, послѣднемъ свиданіи съ добрымъ учителемъ дѣтей своихъ, вспала на умъ благая мысль отослать ихъ подъ надзоромъ благонравнаго и надежнаго Мудрова въ Москву для образованія въ Гимназіи Университета. Вздумано и сдѣлано: въ тотъ же день мальчиковъ собрали въ дорогу, впрягли пару лошадей въ повозку, Мудрову подарены: шелковая пара платья, шелковые чулки,

козловые башмаки съ серебрянными пряжками, суконный сюртукъ, такая же шинель, треугольная пуховая шляпа и шелковый французскій, черный, съ большимъ бантомъ, кошелекъ для пучка; дано также рекомендательное письмо къ профессору университета Францу Франповичу Керестури, старинному съ Кирданомъ пріятелю, и къ вечеру всѣ отправились въ путь-дорогу. — «Я считалъ себя тогда великимъ богачемъ, говорилъ Мудровъ, и явился къ Францу Франповичу щеголемъ».—Добрый Керестури всѣхъ троихъ путешественниковъ привезъ съ собою въ Университетъ, представилъ ихъ Директору Павлу Ивановичу Фонъ-Визину, и въ тотъ же день всѣ трое сидѣли на скамьяхъ въ классахъ Гимназіи, спали ночь въ казеннокоштныхъ камерахъ. По тогдашнему порядку, никто не могъ поступать прямо въ Университетъ, но всякій напередъ долженъ побыть въ Гимназіи онаго, дабы выказать свои способности и благонравное поведеніе, и Мудровъ былъ принятъ въ ректорскій, т. е. самый верхній классъ древнихъ языковъ. Въ 1796 году, какъ способный и благонравный студентъ, переведенъ изъ гимназическаго ректорскаго класса въ Университетъ. Тогда онъ предался изученію врачебныхъ наукъ съ такою горячностію и прилежаніемъ, что себѣ отказывалъ даже въ самыхъ невинныхъ развлеченіяхъ. Вотъ что по смерти Мудрова сказывалъ товарищъ его молодости, покойный же профессоръ Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ. «Я перешелъ въ Уни«верситетъ въ одно время съ Мудровымъ и довольно дружески сблизился съ нимъ: «и вотъ какъ-то разъ, по окончаніи лекцій, я вздумалъ было пригласить его къ себѣ «въ домъ, къ родителю моему, отобѣдать, но Мудровъ отвѣчалъ мнѣ на это такъ: «извините, я пришелъ сюда учиться, а не веселиться; побывавъ у васъ, я долженъ «бывать и у другихъ пріятелей, ихъ же много, то много же придется даромъ тратить «и золотого времени». Окончивъ курсъ теоретическихъ наукъ въ Университетѣ, Мудровъ долженъ былъ, по тогдашнимъ учрежденіямъ, окончить курсъ практическихъ занятій въ Московской Военной Госпитали, и это исполнилъ онъ съ такимъ же усердіемъ и прилежаніемъ. Онъ былъ всегда набоженъ, и никогда не пропускалъ божественной службы въ церкви Университета, почти всегда тутъ справлялъ чтеніе, напримѣръ шестопсалмія, часовъ, апостола, и читывалъ отмѣнно хорошо. Заступившій мѣсто Фонъ-Визина, новый директоръ Иванъ Петровичъ Тургеневъ, великій охотникъ самъ пѣть и читать въ церкви, и супруга его Прасковья Семеновна, весьма богомольная барыня, полюбили Мудрова, какъ за чтеніе, такъ и за его благонравіе, соединявшееся съ благообразіемъ наружнымъ: ибо Мудровъ былъ хорошъ, даже красивъ собою, хорошаго стройнаго роста, волосы имѣлъ черные, отъ природы кудрявые, глаза большіе, черные, лицо чистое, бѣлое, съ нѣжнымъ румянцемъ, взглядъ откровенный, благородный. На первой и на страстной недѣляхъ великаго поста, когда семейство директора говѣло, постная молитвенная служба справлялась въ ихъ покояхъ, и Мудрова приглашали къ чтенію; въ это время онъ подружился со старшимъ сыномъ директора Андреемъ Ивановичемъ, и въ цѣломъ семействѣ былъ очень обласканъ. Въ 1797 году отчаянно занемогла оспою одиннадцатилѣтняя дочь профессора Харитона Андреевича Чеботарева, Софья Харитоновна; докторъ, пріятель и товарищъ Чеботареву, профессоръ Университета Ѳедоръ Герасимовичъ Политковскій, призналъ за необходимое препоручить больную въ неотлучный надзоръ кому-либо изъ студентовъ медицинскаго факультета, и въ этомъ случаѣ выборъ его палъ на студента Мудрова; болѣзнь протекла благополучно почти безъ примѣтныхъ слѣдовъ: обрадованный отецъ обнялъ студента и сказалъ ему: «Ты хлопоталъ о дѣвочкѣ больной, какъ лучшій другъ нашъ, какъ родной братъ ей, такъ будь же ей, теперь твоими же попеченіями исцѣленной, женихомъ, а мнѣ роднымъ сыномъ». — Мудровъ не отказался отъ предложенія. Тургеневъ и Чеботаревъ познакомили его со многими важными лицами, каковы напримѣръ были извѣстный любитель и соревнователь русскаго просвѣщенія Николай Ивановичъ Новиковъ и многіе другіе. Новые знакомства открыли ему входъ въ лучшіе Московскіе дома и образованнѣйшій кругъ, и здѣсь для него было, такъ сказать, практическое училище свѣтскаго обращенія и благоприличій. Въ 1798 году Мудровъ отъ Конференціи Университета удостоенъ награды золотою медалью за лучшее рѣшеніе задачи, предложенной студентамъ. Въ 1800 году воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на отпускъ лучшихъ студентовъ за границу, для усовершенствованія въ наукахъ, и Мудровъ въ званіи

кандидата медицины былъ избранъ въ это путешествіе для образованія по части хирургіи.

«Въ іюнѣ 1808 года, Мудровъ возвратился изъ путешествія въ Москву, прямо въ семейство заслуженнаго Профессора Чеботарева, и первымъ долгомъ поставилъ себѣ явиться къ начальникамъ своимъ, учителямъ и лучшимъ знакомымъ. Тогда же началась и въ Университетѣ профессорская дѣятельность Мудрова. Въ клиникѣ Мудровъ ни мало не оскорблялся, когда медикъ, помощникъ его, отмѣнялъ назначенныя имъ предписанія кому-либо изъ больныхъ, но всегда притомъ говаривалъ своимъ слушателямъ: «На то мнѣ и помощникъ надобенъ, чтобы подмѣчалъ то, чего я не доглядѣлъ, и поправлялъ бы мои ошибки; errare humanum est. и на старуху бываетъ проруха». Когда же кто изъ слушателей сообщалъ при постели больнаго свое мнѣніе, Профессоръ ласково принималъ въ соображеніе къ своимъ объясненіямъ, и ежели замѣчаніе студента ему казалось умѣстнымъ, то хвалилъ, приговаривая: «хорошо, душа, очень хорошо, и я и всѣ мы тебѣ спасибо скажемъ, что надоумилъ». Мудровъ, разставаясь съ молодыми врачами, при отпускѣ ихъ на службу, преподавалъ имъ самыя искреннія афористически-краткія поученія: «Ступай, душа, будь скроменъ, не объѣдайся мясищемъ, не пей «винища и пивища, не блуди, бѣгай отъ картишекъ, будь покоренъ начальству, люби «свое дѣло, свою науку, люби службу Государеву, и будешь счастливъ и почтенъ; «Galenus dat opes, Justinianus honores».

«Покойный высоко чтилъ память родителей своихъ и жениныхъ, и весьма дорожилъ вещами, послѣ нихъ ему доставшимися: чайная старая чашка, принятая имъ изъ рукъ отца при послѣднихъ розстаняхъ, всегда была священна для него; каждое утро и вечеръ, помолясь Богу, онъ цѣловалъ ее, вмѣсто руки родительской: съ этою драгоцѣнностію Мудровъ странствовалъ по чужимъ краямъ и какъ-то дорогою расшибъ ее: великая печаль овладѣла имъ тогда; онъ старательно собралъ ея всѣ разбитые черешечки, всѣ крупинки, и сохранилъ до пріѣзда въ Парижъ: тамъ одинъ изъ бронзовыхъ дѣлъ мастеровъ утѣшилъ его, собралъ въ свои мѣста всѣ черешки и склеилъ ихъ; подъ возобновленную такимъ образомъ чашку поддѣлалъ красивый четыреножникъ и накрылъ бронзовою крышкою; все это вмѣстѣ представляло очень красивый маленькій памятникъ, который у почтительнаго сына всегда занималъ первое почетнѣйшее мѣсто между всѣми другими вещами въ домѣ *). Такое весьма похвальное чувство благоговѣйнаго почтенія дѣтей къ памяти покойныхъ родителей, столько, по милосердію Творца небеснаго, сродное, столько обыкновенное Русскому народу, показалось французамъ весьма удивительною, диковинною рѣдкостію; изъ разсказовъ бронзовщика о его работѣ для Мудрова составился анекдотъ, который не только разсказывали по цѣлому Парижу, но даже припечатали и въ журналахъ. Года за два съ чѣмъ-нибудь до разоренія Москвы, докторъ Мудровъ вышелъ изъ дома больнаго на подъѣздъ, бывшій на улицѣ, и хотѣлъ садиться въ карету: какая-то женщина, бѣдненько одѣтая, съ большою толстою книгою въ рукахъ, перешла ему дорогу.—«Не продаешь ли, голубка, эту книгу?» спросилъ онъ у женщины.—«Продаю-съ».—«Покажи-ка, а что цѣна?»—«Десять-съ рублевъ-съ». Мудровъ посмотрѣлъ на заглавный листъ, и увидѣлъ, что это рукописный переводъ латинскаго Калепинова Лексикона на русскій языкъ.—«На тебѣ, голубушка, деньги», сказалъ онъ женщинѣ, подавъ ей въ руку 15 рублей, и сѣлъ съ покупкою въ карету; но какъ же онъ изумился, когда, разсматривая дорогою книгу, увидѣлъ приписку: «переведено съ Латинскаго на Словенорусскій языкъ трудами и начисто переписано рукою недостойнаго во Іереяхъ Іакова Іаннова Мудрова». Эта женщина, удивленная щедростію покупателя, успѣла спросить у лакея, кто этотъ господинъ? «Докторъ

*) Видъ сей вещицы представленъ на верхней доскѣ переплета у книжки: «Слово о благочестіи и нравственныхъ качествахъ Гиппократова врача». Москва, 1814 г. На исподней доскѣ того же переплета изображенъ краеугольный (кубическій) камень, какъ эмблема земли; на немъ горящая лампада:- это огонь; на лампадѣ ползетъ піявица и сидитъ бабочка: это будто бы вода и воздухъ; мысль такой эмблемы четырехъ стихій принадлежала Мудрову отцу, а Мудровъ сынъ исполнилъ ее на печати. Къ сожалѣнію, рѣзчикъ слишкомъ пересолилъ свою стряпню, прилѣпивъ піявицѣ усики и какую-то щетинку по спинѣ.

Мудровъ», сказалъ ей человѣкъ и вскочилъ за карету, которая поскакала къ другимъ больнымъ. Стоило бѣдной женщинѣ лишь у перваго прохожаго спросить, гдѣ живетъ докторъ Мудровъ, и тотъ прямо ей могъ отвѣтить: «Ступай въ Университетъ». Такъ и случилось: она пришла, узнала, что докторъ еще не воротился, дождалась его на дворѣ у крыльца, и прямо упала ему въ ноги. «Ахъ, батюшка, Матвѣй Яковлевичъ», вскричала она, «вѣдь я несчастная тебѣ не совсѣмъ чужая, я золовка твоей покойной сестрицы».—«Богъ тебя послалъ ко мнѣ, дорогая родная моя», сказалъ Мудровъ, поцѣловалъ и обнялъ ее, и, взявъ подъ руку, привелъ въ покои, представилъ почтеннѣйшимъ своимъ тестю и тещѣ, препоручилъ женѣ позаботиться поспѣшнѣе о всемъ для родственницы своей, которую оставилъ у себя, присовѣтовалъ ей выучиться повивальному искусству, въ чемъ она и успѣла,—и въ его домѣ, въ семействѣ, жила, какъ близкая родственница, до самой кончины ея, лѣтъ черезъ пять послѣдовавшей отъ внутренняго рака. Трудъ любезнѣйшаго родителя—книгу въ кожаномъ ветхомъ переплетѣ—Мудровъ завернулъ въ дорогой шелковый большой платокъ и хранилъ пуще своихъ глазъ. Во дни кручины и горести, онъ вынималъ эту драгоцѣнность свою, раскрывалъ, цѣловалъ, пересматривалъ, дивился уму, учености, трудолюбію отца своего: печали исчезали, радость и удовольствіе заступали ихъ мѣсто въ добродѣтельномъ сердцѣ почтительнѣйшаго сына.—Въ 1819 году эта подлинно дорогая книга была, по совѣту и подъ непосредственнымъ надсмотромъ профессора П. Л. Страхова, переплетена въ алый сафьянный переплетъ съ золотымъ обрѣзомъ, а незадолго предъ кончиною своею, Мудровъ помышлялъ было снять съ этого лексикона вѣрный списокъ для печатанія; къ сожалѣнію, это не исполнилось. Во время пребыванія своего въ Нижнемъ Новгородѣ, зимою 1812 года, Матвѣй Яковлевичъ случайно увидѣлъ двухъ сиротъ, дочерей своего учителя профессора Омы Ивановича Барсукъ-Моисеева; тутъ же взялъ ихъ къ себѣ въ семью, и озаботился о пристойномъ ихъ воспитаніи; также принялъ къ себѣ и воспиталъ сироту, сына и дочь своего товарища по студенчеству, профессора Ивана Ѳедоровича Венсовича, и всѣхъ ихъ любилъ какъ своихъ родныхъ дѣтей. Столько былъ онъ жалостливъ и сострадателенъ ко всѣмъ и ко всему, что въ домѣ своемъ не терпѣлъ ни малѣйшей жестокости; никто не смѣлъ въ глазахъ его ударить собаку, даже забѣглую, чужую; напротивъ того, всегда ихъ называлъ гостьями, и приказывалъ накормить всѣхъ, сколько бы ихъ ни забѣжало на дворъ, и ничуть не обижать; даже не смѣлъ никто въ домѣ поставить мышамъ ловушку, или подложить отраву; если это иногда и дѣлалось по приказу госпожи, то съ величайшею осторожностію, чтобы онъ не провѣдалъ про то. «И онѣ твореніе рукъ Божіихъ, помѣстьевъ не имѣютъ, жалованья не получаютъ, надо же имъ питаться: насъ не объѣдятъ; будемъ сыты всѣ, не изводя ихъ такими жестокими средствами»,—такъ онъ говаривалъ, однако же терпѣлъ въ домѣ и даже ласкалъ кошекъ, разсуждая, что «природа сама указала имъ ловить мышей и питаться ими, и мы не должны вмѣшиваться въ ея распоряженія».—Ему никогда не подавали на столъ кушанья изъ домашнихъ птицъ и другихъ животныхъ, которыхъ онъ видѣлъ у себя на дворѣ живыхъ: одинъ видъ такихъ снѣдей возбуждалъ въ немъ тоску, даже до тошноты. Былъ во всемъ умѣренъ, не прихотливъ, могъ довольствоваться малымъ, даже любилъ простое кушанье, и вообще во всемъ простоту; въ его домѣ пріемныя комнаты были обиты простыми липовыми досками; въ его кабинетѣ, въ которомъ онъ трудился и отдыхалъ, деревянныя съ конопаткою стѣны были ничѣмъ не закрыты, ни обоями, ни штукатуркою; вмѣсто фортки было особое волоковое окошко: все это было ему по сердцу, потому что, хотя нѣсколько, напоминало прежній бытъ его дѣтства и молодости, простую избушку родительскую. Его завтракъ былъ чашка чаю, либо какой-нибудь душистой травки, чаще же листу черной смородины, и пятаковая просвира, которымъ у него не было переводу: бѣдные больные ими отплачивали за его пособія и посѣщенія. Затѣмъ другой завтракъ гдѣ-нибудь у знакомыхъ, или дома обѣдъ не нарядный, но пристойный, потому лишь, что самъ онъ былъ хозяинъ-хлѣбосолъ, любилъ, когда у него обѣдывали посторонніе люди, и скучалъ, когда видѣлъ за столомъ одно лишь свое семейство».

Не правда ли, привлекательный характеръ? А сколько интересныхъ лично-

стей нашлось бы между сотнею знаменитыхъ профессоровъ Московскаго университета, о которыхъ и теперь еще въ кругу людей, бывшихъ къ нимъ близкими, можно слышать такіе интересные разсказы, но отъ которыхъ къ намъ доходятъ только сухія заглавія торжественныхъ рѣчей. Не правда ли также, что всѣмъ хотѣлось бы узнать, что можно, о жизни нашихъ современниковъ, которыхъ литературная или ученая дѣятельность такъ хорошо намъ знакома? Двое или трое изъ числа извѣстныхъ профессоровъ Московскаго университета удовлетворяютъ этому справедливому желанію, сообщая намъ нѣсколько своихъ воспоминаній въ «Словарѣ». Мы знаемъ, что иные готовы будутъ сказать, что писать автобіографію — дѣло щекотливое. Но когда же вамъ встрѣтится что нибудь интересное, въ чемъ нельзя было бы открыть щекотливой стороны? Во всемъ бываютъ крайности; и наша обыкновенная молчаливость на бумагѣ о современникахъ, которые такъ интересуютъ насъ въ разговорѣ, едва ли не доходитъ до крайности. Почему, напримѣръ, г. Погодинъ, г. Морошкинъ, г. Максимовичъ не имѣютъ права записать для насъ нѣкоторыя изъ своихъ воспоминаній? Неужели все должно сохраняться до потомковъ, и ничего не должно дѣлаться для современниковъ, которые, говоря: «мы интересуемся сочиненіями такого-то», очень естественно могутъ прибавить: «мы нѣсколько интересуемся также и личностью его». Не должно при этомъ опасаться самохвальства: оно находитъ тысячу прекрасныхъ средствъ высказываться и безъ помощи біографій или автобіографій. Намъ даже кажется, что чѣмъ прямѣе, открытѣе долженъ говорить о себѣ человѣкъ, тѣмъ скромнѣе будетъ онъ говорить. Полунамеки, arriere-pensées, темнота, вотъ истинное поприще для самохвальства. Потому мы искренно благодаримъ тѣхъ современныхъ намъ профессоровъ Московскаго университета, которые нашли, что могутъ подѣлиться съ публикою нѣкоторыми изъ своихъ воспоминаній, за то, что они позволили напечатать о себѣ нѣчто болѣе сухаго списка официальныхъ отношеній. Кто, напримѣръ, можетъ осудить г. Погодина за то, что онъ позволилъ напечатать въ своей біографіи слѣдующій отрывокъ, конечно въ высокой степени интересный для каждаго изъ читателей. Г. Погодинъ поступаетъ въ университетъ. Самымъ знаменитымъ изъ тогдашнихъ профессоровъ былъ Мерзляковъ. «Всякое его слово, отъ души сказанное, западало въ душу». Студенты слушали его, какъ оракула. Но Мерзляковъ, какъ извѣстно, былъ приверженцемъ классицизма, а молодежь увлекалась уже балладами Жуковскаго. Однажды, говоритъ г. Погодинъ, Мерзляковъ, оканчивая лекцію, сказалъ:

«Вышла, господа, новая поэма, молодого нынѣшняго поэта, лорда Байрона, Шильйонскій узникъ, переведенная по русски Жуковскимъ. Мы займемся ея разборомъ въ слѣдующій разъ». Весь университетъ взволновался, и, считая минуты, ожидалъ этого слѣдующаго раза. Лишь только кончилась лекція, предшествовавшая Мерзлякову въ 5 часовъ, и вышелъ профессоръ изъ аудиторіи, какъ студенты со всѣхъ сторонъ бросились туда, точно на приступъ, спѣша занять мѣста. Медики, математики (о словесникахъ и говорить нечего), юристы, кандидаты, жившіе въ университетѣ, всѣ явились въ аудиторію, которая наполнилась въ минуту народомъ съ верху до низу, по окошкамъ, даже подъ верхними лавками амфитеатра. Мерзляковъ долженъ былъ продираться сквозь толпу. Какое молчаніе воцарилось, когда онъ сѣлъ наконецъ на каѳедру! Всѣ дрожали, сердце билось, слухъ былъ напряженъ, и онъ началъ:

Взгляните на меня—я сѣдъ,
Но не отъ старости и лѣтъ;
Не страхъ внезапный въ ночь одну
До срока далъ мнѣ сѣдину.
Я сгорбленъ, лобъ наморщенъ мой;
Но не труды, не хладъ, не зной—
Тюрьма разрушила меня!

«Что это за лицо разсказываетъ о своемъ положеніи? Какихъ слушателей «у него должны мы себѣ представить? Почему предполагаетъ онъ ихъ участіе? Что «за странность разсказывать безъ всякаго вступленія и предупрежденія? Что за «выраженіе: тюрьма разрушила? Какъ она разрушила, если онъ еще можетъ го«ворить? Разрушить можно зданіе, но человѣкъ разрушенъ быть не можетъ. Вотъ «эти модные поэты! Не спрашивайте у нихъ логики! Они пренебрегаютъ языкомъ»! и т. д. Молодое поколѣніе слушало его разборъ съ почтеніемъ, и соглашалось съ вѣрностью многихъ его замѣчаній, но все-таки было въ восторгѣ отъ Байроновой поэмы...»

Кто не поблагодаритъ за этотъ отрывокъ? А многіе факты, сообщаемые въ біографіи, относительно исторіи развитія самого г. Погодина и его трудовъ, еще гораздо важнѣе. Но мы боимся, что ужъ утомили читателей выписками: боимся, что и статья наша превзошла предѣлы рецензіи; потому заключимъ ее увѣреніемъ, что среди оффиціальныхъ списковъ, два толстые тома «Біографическаго словаря» представляютъ много другихъ страницъ, чрезвычайно интересныхъ и еще болѣе страницъ, очень важныхъ для исторіи русской литературы. Желаемъ скорѣйшаго выхода и еще большаго объема «Словарю воспитанниковъ Императорскаго Московскаго университета».

О правахъ иностранцевъ въ Россіи до вступленія Іоанна III Васильевича на престолъ Великаго Княжества Московскаго. Сочиненіе *П. Андреевскаго*. Спб. 1854.

П. Андреевскій старательно собралъ главнѣйшіе факты и постановленія, могущіе доставить матеріалы для рѣшенія вопроса о гражданскомъ положеніи иноземцевъ, селившихся на Руси до половины XV вѣка. Съ этой стороны трудъ его заслуживаетъ полнаго одобренія. Но матеріалы, имъ собранные, далеко не наполняютъ всѣхъ рубрикъ, какія онъ вздумалъ сдѣлать въ своемъ разсужденіи. Напримѣръ, въ первомъ отдѣлѣ авторъ хочетъ показать, какими правами пользовались вообще иноземцы, безъ различія по происхожденію и занятіямъ, и находитъ нужнымъ говорить въ отдѣльности о восьми правахъ. Прекрасно; какіе факты находитъ онъ на свои восемь вопросовъ? Вотъ какіе: имѣли ль иноземцы право свободнаго въѣзда и выѣзда? Собственно говоря, «источники совершенно молчатъ объ этомъ». Имѣли ль они (когда были не грекороссійскаго исповѣданія) право свободнаго отправленія богослуженія? опять, собственно говоря, «мы не можемъ указать» положительныхъ доказательствъ, чтобъ имъ это позволялось закономъ: такъ точно должно «собственно говоря» отвѣчать и на большую часть вопросовъ. Но г. Андреевскій всегда прибавляетъ положительный отвѣтъ, и всегда въ одномъ

смыслѣ: имѣли всѣ права, какія только при новѣйшемъ развитіи гуманности и терпимости даются иноземцамъ.

Брошюра г. Андреевскаго не имѣетъ особеннаго ученаго значенія; она свидѣтельствуетъ только объ одномъ: что авторъ человѣкъ трудолюбивый. Потому мы ограничились бы похвалою этому достоинству, и не сочли бы нужнымъ упоминать ни о чемъ больше, еслибъ трудъ г. Андреевскаго былъ одинокимъ по своему направленію. Но въ послѣднее время у многихъ ученыхъ или по крайней мѣрѣ пишущихъ объ ученыхъ предметахъ развилась странная привычка переносить на старину всѣ тѣ понятія, какія только прилагаются къ настоящему времени. Укажемъ еще одинъ изъ многихъ примѣровъ этого направленія. Въ настоящее время знаніе иностранныхъ языковъ довольно распространено въ Россіи, хотя вовсе не въ такой степени, какъ у многихъ другихъ народовъ. Всѣмъ извѣстно, что въ старину это было не такъ. По нѣмецки, по французски, по англійски начали мы учиться только со временъ Петра Великаго. До начала XVIII вѣка не можетъ быть и рѣчи о томъ, до какой степени существовало знаніе этихъ языковъ между русскими. Между тѣмъ, какъ всѣмъ извѣстно, до XVIII вѣка въ другихъ странахъ Европы знаніе иноземныхъ языковъ было уже очень распространено. Всякій, слышавшій о Шекспирѣ, знаетъ, что въ его эпоху знакомство съ итальянскимъ языкомъ (не говоримъ уже о французскомъ) было очень распространено въ Англіи; всякій, слышавшій о Корнелѣ и Мольерѣ, знаетъ, что въ ихъ время знакомство съ испанскимъ языкомъ было очень распространено во Франціи, а прежде французы очень любили итальянскій языкъ. Кажется, объ этомъ нечего и распространяться. Между тѣмъ, въ чемъ же хотятъ насъ увѣрить? Вотъ въ чемъ: «говоря вообще, русскіе (до Петра Великаго) были довольно знакомы съ языками иностранными»: этого мало, прибавляютъ даже, что «русскіе, по всей вѣроятности, были знакомы съ иностранными языками болѣе, нежели другіе европейцы». Это выводъ изъ длинной статьи, занимающей около ста страницъ, наполненной всевозможными цитатами. Но гдѣ жъ факты? Фактовъ нѣтъ никакихъ. На чемъ же основанъ выводъ? На доброй волѣ автора. И чего ни коснутся люди, одаренные подобнымъ желаніемъ отыскивать то, о чемъ не имѣли и понятія въ старину, отвѣтъ всегда одинъ. Мы не удивимся, если появятся сочиненія, доказывающія, что въ XVII вѣкѣ русскіе пожилые люди говорили о желѣзныхъ дорогахъ и читали газеты, молодые люди носили палевыя перчатки и восхищались Шекспиромъ, дѣвицы играли на фортепьяно и выписывали себѣ модныя шляпки изъ Архангельска, который въ то время совершенно замѣнялъ нынѣшній Петербургъ. Что тутъ невѣроятнаго, если до Петра Великаго русскіе были образованнѣе всѣхъ остальныхъ народовъ? Одно только остается непонятнымъ въ такомъ случаѣ: что сдѣлалъ для блага Россіи Петръ Великій?

Да, исторія Россіи съ Петра Великаго до настоящаго времени становится совершенно непонятною, если XV вѣкъ ничѣмъ не отличался отъ XIX, если, напримѣръ, развитіе законодательства и степень образованности при Василіи Темномъ и Рюрикѣ совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, что мы видимъ въ Россіи половины XIX вѣка. Неужели можно имѣть такъ мало чувства исторической истины, чтобы доходить до выводовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе мы указали? И, что всего прискорбнѣе, этому странному самообольщенію поддаются иногда молодые ученые. Чего можетъ ожидать русская наука отъ людей, которые въ молодости, въ этомъ возрастѣ благороднаго увлеченія страстною любовью къ истинѣ, такъ мало цѣнятъ истину?

Но мы упомянули о трудахъ, написанныхъ молодыми учеными, и должны сдѣлать оговорку, чтобы не вздумали придавать нашимъ словамъ смыслъ, котораго они не имѣютъ. Это ужь случилось, и слѣдующимъ образомъ: читатели «Современника» вѣроятно уже забыли о статейкахъ, помѣщенныхъ въ нашемъ журналѣ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ по поводу «Историческаго обозрѣнія царствованія Алексѣя Михайловича» г. Медовикова и «Архива историко-юридическихъ свѣдѣній» г. Калачова. Мы предполагаемъ, что читатели забыли объ этихъ небольшихъ статейкахъ, потому что онѣ заключали въ себѣ только немногія замѣчанія, не представлявшія ничего особеннаго. Но «Отечественнымъ Запискамъ» вздумалось обратить на нихъ вниманіе, чрезвычайно лестное для насъ, и помѣстить въ книжкѣ за прошедшій мѣсяцъ «Нѣсколько словъ (занимающихъ болѣе двадцати страницъ) о мнѣніяхъ Современника касательно новѣйшихъ трудовъ по русской исторіи». Всякому очень пріятно бываетъ удостоиться чести подробнаго разбора, удостовѣриться, что собратія по литературѣ замѣчаютъ его мнѣнія и считаютъ ихъ заслуживающими большого вниманія. Потому благодаримъ лично за себя нашего противника, который употребилъ столько трудовъ, чтобы привлечь вниманіе читателей къ нашимъ мнѣніямъ. Но онъ нѣсколько ошибается въ смыслѣ статей, которыми такъ занятъ; потому повторимъ наши мысли, со всевозможною заботою о ясности.

Въ одной изъ нашихъ статеекъ мы говорили, что напрасно г. Соловьевъ подвергаетъ микроскопическому разбору «Исторію» Карамзина, съ цѣлью выказать недостатки этого колоссальнаго труда, потому что они теперь ясны для всѣхъ; въ другой мы говорили, что напрасно г. Буслаевъ считаетъ г. Снегирева такимъ противникомъ, ошибки котораго нуждаются въ подробныхъ доказательствахъ, потому что каждому извѣстно, что текстъ «Пословицъ» г. Снегирева изобилуетъ неточностями. Кажется, смыслъ этого ясенъ. Мы хотѣли сказать, что излишне съ самодовольствіемъ распространяться о томъ, что не нуждается въ доказательствахъ. Но нашъ почтенный критикъ думаетъ, будто бы мы считаемъ трудъ г. Снегирева верхомъ совершенства въ ученомъ отношеніи. Дѣло вовсе не въ томъ, напротивъ, во мнѣніяхъ своихъ относительно трудовъ, недостатки которыхъ выказываются гг. Буслаевымъ и Соловьевымъ, мы идемъ гораздо далѣе, нежели эти ученые: мы говоримъ, что подвергать ихъ подробной критикѣ—дѣло безполезное, потому что это будетъ безплодною тратою времени.

До послѣдняго времени, между людьми, занимавшимися русскою исторіею и изученіемъ русской народности, было очень мало ученыхъ въ истинномъ смыслѣ слова. Эти отрасли знанія воздѣлывались у насъ дилетантами, которые не могли удовлетворять не только требованіямъ нынѣшней, но и современной имъ науки. Это извѣстно каждому, кто коротко знакомъ съ прежними трудами по нашей исторіи и собиранію памятниковъ народности, но эта мысль, раздѣляемая всѣми современными учеными, хотя высказываемая довольно рѣдко, какъ видно, не извѣстна автору статьи въ «Отечественныхъ Запискахъ». Онъ очевидно предполагаетъ, будто бы Карамзинъ можетъ быть подвергаемъ такой же критикѣ, какъ Шлецеръ, Эверсъ или, чтобы упоминать о живыхъ, г. Неволинъ, каждое слово которыхъ имѣетъ глубокое ученое значеніе; будто бы изданія г. Снегирева могутъ быть подвергаемы такому разбору, какъ изданія Гримма. Каждому спеціалисту извѣстно, что это вовсе не нужно. Ясно ли теперь наше мнѣніе? Если еще нѣтъ, то, къ сожалѣнію, мы должны отказаться отъ возможности выразиться еще прямѣе. Но пойдемъ далѣе; сообразивъ

наши послѣдующія слова съ предъидущими, читатели увидятъ наше мнѣніе еще точнѣе.

Каждый ученый, вступая въ длинную полемику, долженъ выбрать себѣ противниковъ, достойныхъ серьезной ученой критики. Если бы г. Соловьевъ написалъ цѣлые томы для обнаруженія ошибокъ, встрѣчаемыхъ у Шлецера, Эверса, г. Неволина, онъ занимался бы предметомъ, заслуживающимъ ученаго вниманія. Если бы г. Буслаевъ строго выставлялъ на видъ малѣйшія ошибки, встрѣчаемыя въ сборникахъ пѣсенъ или пословицъ, пользующихся славою истинно ученыхъ изданій, онъ дѣлалъ бы нѣчто, нужное для науки. Но, распространяться о каждой ошибочной буквѣ въ изданіи, которое по общему признанію, не имѣетъ ученаго достоинства—это трудъ совершенно излишній. Неужели, кто захочетъ трудиться для науки, можетъ съ самодовольствіемъ тратить время на сраженія съ Хилковымъ, Щербатовымъ, Кайсаровымъ, Чулковымъ и проч.? Точно также понапрасну отвлекаются съ поля науки ученые, нами названные, борьбою, которую мы не одобряемъ.

Но потеря времени и труда, самый маловажный вредъ этой ненужной борьбы. Гораздо прискорбнѣе то, что она можетъ имѣть вредное вліяніе на самую извѣстность людей, предающихся ей. Тѣмъ, какого противника мы выбираемъ себѣ, измѣряются наши собственныя силы. Разбирать по ниточкѣ Хилкова или Кайсарова значитъ быть самому немногимъ выше ихъ, значитъ заставлять думать о себѣ, какъ о человѣкѣ, отставшемъ отъ движенія науки. Мы, цѣня достоинства трудовъ г. Буслаева не можемъ такъ думать о немъ. Но многіе могутъ основать свое мнѣніе о немъ на мнѣніи о тѣхъ, съ которыми онъ такъ охотно вступаетъ въ ратоборство. На турнирахъ славные рыцари были очень разборчивы въ выборѣ противниковъ, которыхъ удостоивали чести пасть отъ своего копья.

Ясно ли теперь, какое понятіе мы хотѣли бы сохранить о новѣйшихъ ученыхъ, сравнительно съ людьми, которые и въ старину считались не учеными, а только трудолюбивыми? Мы жалѣемъ о томъ, когда новые ученые считаютъ за нужное вступать въ состязаніе, не разсмотрѣвъ различія между тою степенью развитія науки, на которой должны стоять они сами и ученными силами своихъ противниковъ. Неужели необходимо высказывать нашу мысль еще яснѣе? Если угодно, мы готовы, насколько это возможно.

За исключеніемъ очень немногихъ трудовъ, всѣ доселѣ изданныя сочиненія по русской исторіи, изученію русской народности и т. д., имѣютъ только одно достоинство— за то очень важное, достоинство сборниковъ матеріаловъ. Мнѣнія, высказанныя этими трудолюбивыми собирателями, не имѣютъ особеннаго ученаго значенія. Мы даже очень немногіе изъ этихъ сборниковъ можемъ считать достойными строгой критики и относительно того, въ какомъ видѣ изданы въ нихъ матеріалы. Что говорилъ Карамзинъ въ предисловіи къ своей исторіи объ предшествовавшихъ ему изданіяхъ по русской исторіи, остается до нѣкоторой степени справедливымъ и относительно изданій, сдѣланныхъ впослѣдствіи. Очень немного есть сборниковъ представляющихъ матеріалы въ удовлетворительномъ видѣ. И такъ, что намъ остается дѣлать? Одно изъ двухъ—или сказать, что надобно быть признательнымъ, за то, что сдѣлано, хотя и не удовлетворительно, благодарить нашихъ предшественниковъ и за немногое, неполное, неточное; или прямо сказать: до сихъ поръ почти ничего не сдѣлано для науки. Въ первомъ случаѣ, мы можемъ требовать снисходительности и къ собственнымъ трудамъ; во второмъ — должны отказать и своимъ собственнымъ трудамъ, изданнымъ доселѣ, въ равномъ вниманіи для науки.

Но говорить: до меня не было сдѣлано ничего, а я сдѣлалъ уже чрезвычайно много, еще не имѣетъ права никто изъ новѣйшихъ ученыхъ. Они собираютъ матеріалы лучше, нежели ихъ предшественники; но до сихъ поръ издали ихъ еще очень мало. Мы не думаемъ, чтобы до сихъ поръ кѣмъ бы то ни было, Карамзинымъ или его предшественниками или его послѣдователями, русская исторія была обработана въ такомъ видѣ, который совершенно соотвѣтствовалъ бы строгимъ требованіямъ науки. За всѣми этими трудами остается одно неоспоримое достоинство—они болѣе или менѣе полные сборники матеріаловъ для будущей обработки. И безполезно прибавлять, что ни одинъ изъ ученыхъ, писавшихъ о русской исторіи послѣ Карамзина, не представилъ въ своемъ сочиненіи столько новыхъ матеріаловъ, какъ онъ. Слѣдовательно, соразмѣрно тому уваженію, какое каждый изъ новыхъ историковъ имѣетъ къ этой заслугѣ Карамзина, должны оцѣниваться имъ и его собственные труды. Что же ка́сается до исторіи какъ науки, обработка ея принадлежитъ еще будущему. Всякій приговоръ, произнесенный въ этомъ отношеніи о прежнихъ трудахъ, прилагается и къ новымъ, какіе намъ доселѣ извѣстны. И потому, кто хочетъ считать свои труды важными не только для изданія матеріаловъ, но и для обработки исторіи, какъ науки, долженъ какъ можно менѣе говорить о неудовлетворительности прежнихъ трудовъ. Что касается собственно нашего мнѣнія, намъ казалось бы наиболѣе сообразнымъ съ истиною не говорить объ этомъ вовсе. Nullius nulla sunt praedicata, по правиламъ старинной философіи, или выражаясь по русски: нельзя говорить о достоинствахъ или недостаткахъ того, чего нѣтъ.

Но для исторія русской литературы уже сдѣлано многое —кѣмъ, когда, неумѣстно было бы разсуждать здѣсь. Довольно того, что не людьми, которые нынѣ трудолюбиво занимаются разработкою фактовъ. И потому мы считали нужнымъ сказать, что эти люди, достойные всякаго уваженія за свое трудолюбіе, должны были бы не забывать и нѣкоторыхъ предшественниковъ. Если мы еще не знаемъ, гдѣ подробно и справедливо объясненъ ходъ всей русской исторіи, то прочныя основанія понятіямъ объ исторіи русской литературы уже положены, и мы опять считаемъ долгомъ напомнить, что трудясь по исторіи русской литературы не должно забывать о понятіяхъ, уже довольно давно высказанныхъ и очень вѣрныхъ.

Развѣ все это неизвѣстно каждому читателю? И что особеннаго новаго въ нашихъ словахъ? И что въ нихъ мудренаго? Но у насъ многіе привыкли все преувеличивать. Потому считаютъ каждую ошибку, найденную, напримѣръ, въ сборникѣ г. Снегирева, важнымъ открытіемъ, между тѣмъ какъ давно ужъ всѣмъ извѣстно, что ихъ тамъ тысячи; открывъ, что г. Снегиревъ пропустилъ сотню пословицъ, опять считаютъ это важнымъ открытіемъ, между тѣмъ, какъ всякому извѣстно, что сборникъ г. Снегирева не заключаетъ и третьей части всѣхъ русскихъ пословицъ; каждое слово, часто вовсе излишнее, кажется важнымъ пріобрѣтеніемъ для науки. Однимъ словомъ, у насъ очень многіе находятся въ чрезвычайномъ самообольщеніи, и каждый отзывъ, умѣренный въ своихъ похвалахъ, кажется для нихъ несправедливымъ. Это очень естественно. Число людей которые занимаются у насъ серьезною разработкой науки, такъ еще не велико, что почти всѣ они принадлежатъ къ одному кружку, всѣ члены котораго тѣсно связаны между собою понятіями и самою жизнью; потому и при оцѣнкѣ трудовъ каждаго изъ этихъ ученыхъ, почти постоянно слышатся только голоса людей, совершенно раздѣляющихъ понятія автора

о всемъ, даже о значеніи каждаго новаго труда его. Нашимъ ученымъ рѣдко приходится читать о себѣ самостоятельныя сужденія; потому естественно, что эти сужденія не могутъ не вызывать горькихъ нареканій, не совсѣмъ быть можетъ, справедливыхъ. Намъ кажется однако, что самостоятельное мнѣніе имѣетъ свою важность, и потому лучше высказать его, нежели молчать, опасаясь возбудить неудовольствіе: мы думаемъ, что истинно замѣчательные ученые труды нуждаются въ безпристрастной оцѣнкѣ, а не въ безотчетныхъ панегирикахъ, и слышать вѣчно однѣ и тѣ же похвалы, лишенныя научнаго значенія, утомительно для такихъ людей, которые истинно дорожатъ своею ученою извѣстностью. Она прочна бываетъ только тогда, когда оцѣнена безпристрастно. Возвратимся же къ направленію тѣхъ молодыхъ ученыхъ, о которыхъ мы говорили въ началѣ статьи.

Развѣ не должно замѣтить этимъ людямъ, изъ которыхъ одинъ вздумалъ утверждать, будто бы въ XI—XV вѣкахъ, наше законодательство было на той же самой точкѣ развитія, какой достигло въ XIX вѣкѣ; другой, будто бы въ XV—XVII вѣкахъ, знаніе иностранныхъ языковъ было между русскими болѣе распространено, нежели между всѣми другими народами—развѣ не должно замѣтить имъ, что подобный взглядъ на исторію совершенно несправедливъ и ведетъ къ прискорбной запутанности въ понятіяхъ, отнимающей всякую возможность здраво судить о самыхъ простыхъ вещахъ? Что мы сказали бъ, если бъ нашли у Щербатова или Татищева мысль, будто бы древняя Русь или Московское царство до Петра Великаго ни чѣмъ не отличались отъ современной имъ Россійской Имперіи? Какими насмѣшками были-бъ осыпаны эти старики! Но даже у нихъ, не смотря на то, что они не были людьми учеными въ строгомъ смыслѣ слова, мы не найдемъ подобныхъ несообразностей. А со временъ Татищева и Щербатова Россія, какъ мы всѣ говоримъ, далеко двинулась впередъ. И между тѣмъ люди, которые должны быть учеными людьми, рѣшаются утверждать подобныя вещи теперь! И всѣ остальные подтверждаютъ ихъ мнѣніе своимъ молчаніемъ, а нѣкоторые даже похвалами основательности ихъ изслѣдованій, какъ будто возможна основательность при недостаткѣ самыхъ первыхъ условій, какія требуются наукою отъ ея дѣятелей, при отсутствіи уваженія къ истинѣ. Пусть подаютъ свой голосъ въ защиту истины люди, которые считаютъ себя представителями науки. А если они не хотятъ дѣлать этого, то другіе люди исполнятъ эту обязанность, какъ умѣютъ и какъ могутъ. Вѣдь необходимо же въ литературѣ и наукѣ говорить, по мѣрѣ силъ и возможности, то, что слѣдуетъ говорить. Или въ этомъ нѣтъ надобности, а нужны только безграничные панегирики? Въ такомъ случаѣ надобно прямо сказать: «я не хочу, чтобы мое сочиненіе подвергалось критикѣ». Есть люди, которые стараются достичь этого; но труды, принадлежащіе этимъ людямъ, не имѣютъ ничего общаго съ тѣми вполнѣ достойными уваженія трудами, самостоятельный отзывъ о которыхъ напечаталъ «Современникъ» въ разборѣ «Архива» и въ рецензіи о книгѣ г. Медовикова: авторы этихъ трудовъ, имѣющихъ неотъемлемыя достоинства, не могутъ опасаться самостоятельной критики.

Грамматическія замѣтки. *В. Классовскаго.* С.-Петербургъ. 1855.

Математическія науки, достигшія высокой степени совершенства, во многомъ должны служить образцомъ состоянія, къ которому надлежитъ стремиться и остальнымъ наукамъ. Какъ стройно, какъ несомнѣнно, какъ необходимо развивается въ нихъ каждое послѣдующее предложеніе изъ предыдущаго! Какъ точно опредѣлено содержаніе, какъ ясно сознается существенная задача каждой науки! Никто не споритъ, къ ариѳметикѣ или геометріи, къ дифференціальному исчисленію или тригонометріи относится та или другая формула, та или другая теорема: никто не сомнѣвается, что ариѳметика должна учить умноженію и дѣленію, а не землемѣрію или вычисленію эллиптическихъ функцій, что геометрія должна учить землемѣрію площадей и тѣлъ, а не вычисленію вѣроятностей или предсказыванію солнечныхъ затменій. Математикъ можетъ справедливо гордиться своею наукою и ставить ее въ примѣръ всѣмъ другимъ.

Не то въ наукахъ, касающихся человѣка и объясняющихъ явленія его жизни. Предѣлы ихъ, даже существенныя задачи ихъ такъ слитно сплетены, что трудно избѣжать темноты или ошибочности въ понятіяхъ о значеніи, содержаніи, методѣ каждой изъ нихъ. Возьмемъ, напримѣръ исторію литературы. Тотчасъ же является недоумѣніе о томъ, какъ обширны должны быть границы ея. Она должна показать развитіе умственной жизни народа. И такъ, неправда ли, если она ограничится беллетристикою, поэзіею, исторіею, краснорѣчіемъ, она будетъ не полна, потому что только совокупностью всѣхъ отраслей умственной дѣятельности опредѣляется развитіе умственной жизни. Итакъ исторія литературы должна говорить и о спеціальныхъ наукахъ — о математикѣ, юриспруденціи, медицинѣ и т. д. Возможно ли одному человѣку написать дѣльную книгу съ такимъ широкимъ объемомъ содержанія? рѣшительно нѣтъ; но пусть будетъ написана такая книга; можетъ ли понять ее одинъ человѣкъ, если она будетъ отдѣлываться отъ спеціальныхъ наукъ не пустыми общими фразами? Могу ли я понять состояніе математики у древнихъ, могу ли понять заслуги Лаланда, Гауса, Пуассона, Коши, не зная высшихъ частей математики? Могу ли я оцѣнить открытія и ошибки Бруссе, Ганемана, Присница, не зная очень основательно медицины? Нужно найдти всезнающихъ геніевъ, иначе не для кого и писать исторію литературы въ полномъ ея объемѣ. Самъ Гумбольдъ не все знаетъ и не можетъ читать серьезныхъ трактатовъ о всѣхъ существующихъ въ мірѣ наукахъ. Слѣдственно, поневолѣ надобно въ исторіи литературы ограничиваться изложеніемъ только общедоступныхъ отраслей науки, имѣющихъ ближайшую связь съ умственною жизнью цѣлаго общества. Но какія науки имѣютъ «ближайшую связь», какія только «отдаленную»? опять сомнѣнія и недоумѣнія. То же самое, что объ исторіи литературы, надобно сказать и объ исторіи вообще, о филологіи, философіи и т. д. Повсюду трудности, повсюду возможность ошибокъ и недоумѣній.

Мы вовсе не хотимъ сказать, что ошибки неизбѣжны, недоумѣнія неразрѣшимы. Наше время, время великихъ открытій, твердыхъ убѣжденій въ наукѣ, и кто предается нынѣ скептицизму, свидѣтельствуетъ этимъ лишь о слабости своего характера или отсталости отъ науки или недостаточномъ знакомствѣ съ наукою. Но мы хотимъ только сказать, что ясные случаи могутъ помогать рѣшенію неясныхъ.

что всѣ науки находятся между собою въ тѣсной связи, и что прочныя пріобрѣтенія одной науки должны не оставаться безплодны для другихъ. Надѣемся, что это истина, неподлежащая спору, точно также какъ и то, что математическія науки достигли несравненно высшаго развитія, нежели остальныя.

Къ числу важныхъ и прочныхъ пріобрѣтеній, какихъ уже достигла математика, принадлежитъ очень ясное различіе, какое положено между частями ея, которыя должны (потому что могутъ) быть извѣстны всякому образованному человѣку и другими частями, знакомиться съ которыми долженъ только человѣкъ, посвящающій себя спеціальному занятію математикою, потому что для не спеціалиста онѣ были бы непонятны. Никто не думаетъ утверждать, чтобы въ уѣздныхъ училищахъ было возможно преподавать коническія сѣченія, или въ гимназіяхъ варіаціонное исчисленіе. Эти части науки съ пользою могутъ быть изучаемы только взрослыми юношами, спеціально посвящающими свою жизнь математическимъ наукамъ. Но даже и тѣ части математики, которыя должны входить въ кругъ общаго образованія, излагаются тутъ совершенно не въ томъ видѣ, какой имѣютъ въ строгой, спеціальной наукѣ. Мальчику, который учится ариѳметикѣ, не считаютъ нужнымъ или возможнымъ внушать, что ариѳметическія дѣйствія — только частные случаи высшихъ алгебраическихъ законовъ, и что сложеніе или умноженіе, собственно говоря, есть только особенное приложеніе какой нибудь формулы интегральнаго исчисленія, даже не говорятъ ему, что двѣнадцатиричная система гораздо лучше десятичной, которая совершенно произвольна, не считаютъ нужнымъ объяснить ему, что семьдесятъ пять пишется 75 по такому закону: $an' + bn^0$, гдѣ $n =$ десяти, а еслибъ n былъ равенъ двѣнадцати, то семьдесять пять написалось бы не 75, а 63, между какъ при двойничной системѣ, гдѣ въ формулѣ $an' + bn^0$, $n = 2$, то же число семьдесятъ пять напишется 1008021, и что собственно все равно, какъ ни писать, лишь соблюдать формулу $an^2 + bn' + cn^0$. И всякій согласится, что хорошо дѣлаютъ не муча мальчика, еще не знающаго нумераціи, надъ этими мудростями, хотя на нихъ и основывается нумерація, какъ знаетъ всякій изучившій высшія части алгебры. Еслибы начали семилѣтнему мальчику толковать эти совершенно необходимыя для спеціалиста вещи, бѣдняжка могъ бы сойти съ ума, и навѣрное плохо пошло бы у него ариѳметическое дѣло.

Не должно ли прилагать и къ другимъ наукамъ этотъ законъ различія между частями и понятіями, доступными и нужными только спеціалисту, и между другими частями, необходимыми въ системѣ общаго образованія? Кажется, что это необходимо. Примѣръ математики намъ доказываетъ, что общее и спеціальное образованіе различаются другъ отъ друга не только объемомъ, но и характеромъ изложенія. Для спеціалиста 375 основаны на формулѣ $an^2 + bn' + cn^0$; спеціалистъ скажетъ даже, что въ строго научномъ смыслѣ 375 непонятны безъ формулы $an^2 + bn' + cn^0$; но формулу эту знаютъ только сотни изъ милліоновъ, умѣющихъ писать цифры, и достаточно знающихъ ариѳметику.

Точно тоже и въ исторіи. Спеціалистъ скажетъ, что не прочитавъ зендавесты въ подлинникѣ нельзя понять персидское царство, не умѣя читать гіероглифовъ, нельзя знать Египта. Но вообразимъ, что увлекшись этими понятіями, справедливыми въ строгомъ ученомъ смыслѣ, мы заставимъ всякого, кому нужно знать, что Камбизъ покорилъ Египетъ и убилъ быка Аписа, предварительно изучить зендскій языкъ и гіероглифы. Что выйдетъ изъ этого? Кто не читалъ въ подлинникѣ Гомера,

тотъ не знаетъ Греціи, скажетъ спеціалистъ, и будетъ правъ; но что выйдетъ, если мы начнемъ всякаго, кому нужно знать объ Ахиллесѣ и Троянской войнѣ, учить читать въ подлинникѣ Гомера и углубляться въ тонкости іоническаго діалекта? Возможно ли это? и нужно ли это?

Теперь легко рѣшить и филологическіе вопросы. Кто не умѣетъ ставить на мѣстѣ букву ѣ и знаковъ препинанія, тотъ невѣжда. Выучиться правильно употреблять букву ѣ можно только узнавъ различіе частей рѣчи, падежей и глагольныхъ формъ; правильно употреблять знаки препинанія можно только узнавъ составъ предложенія. Этому учитъ грамматика. Итакъ *безъ* грамматики никому нельзя обойтись. Трудно ли выучиться ей такъ, чтобъ умѣть разбирать части рѣчи, падежи, времена, подлежащее и сказуемое, слова дополнительныя и опредѣлительныя? О, если дѣло только въ этомъ, нетупоумнаго мальчика можно выучить грамматикѣ въ двѣ недѣли.

— А въ чемъ же дѣло? Что же еще нужно знать?

— Какъ что? Развѣ вы забыли, что формы русскихъ падежей объясняются только историческою грамматикою, составъ предложенія, смыслъ падежей, глагольныхъ формъ, частей рѣчи только философскою грамматикою. Итакъ нужно знать ихъ.

— Прекрасно: но кому знать? каждому, кто обязанъ быть не невѣждою, или только спеціалисту?

Вопросъ, какъ мы говорили, рѣшить очень легко. Намъ нужно знать, что въ дательномъ именъ, имѣющихъ въ именительномъ *а*, пишется буква *ь*. Можно сказать просто, какъ говаривалось въ старыхъ грамматикахъ: «дательный ставится на вопросъ: *кому?* дать брату, сестрѣ; *сестрѣ* дательный падежъ». Это каждый пойметъ въ одну минуту. Чтобы такимъ способомъ правильно разбирать падежи, нужно только запомнить ихъ имена, и дѣло будетъ кончено. Но неужели можно ограничиться такими скудными и въ строгомъ ученомъ смыслѣ, неосновательными свѣдѣніями. Нѣтъ, нужно основательное знаніе. Оно дается только сравнительно-исторической филологіею при помощи философской грамматики. Посмотримъ, что скажетъ намъ новый и основательный способъ изученій.

Но прежде нужно сдѣлать воззваніе: читатель! если вы не искусились въ безднахъ филологическо-философской грамматики, читайте слѣдующія строки съ вниманіемъ, перечитайте ихъ нѣсколько разъ —понятія нами излагаемыя, въ сущности правильны, основательны, изложены логически; слѣдовательно, должны быть понятны. Но если вы ихъ поймете, то скажите: прояснилось или запуталось отъ нашихъ мудростей ваше знаніе о дательномъ падежѣ, и о томъ, что въ дательномъ ставится буква *ь*, когда именительный имѣетъ *а*. Читайте же со вниманіемъ.

Предметъ, выражаемый дополненіемъ, не подвергаясь страдательно дѣйствію извнѣ и не вызывая сопротивляемостью своею дѣйствія со стороны подлежащаго, прямо противопоставляется подлежащему въ видѣ чего-то самостоятельнаго, по собственной волѣ дѣйствующаго. Онъ принимаетъ форму дательнаго падежа и есть собственно падежъ лица, а не вещи. Итакъ дать *брату* —дательный падежъ.

Но во фразѣ: онъ *ему* братъ, *ему* не дательный падежъ, а собственно родительный, только выражаемый формою дательнаго: или даже и не родительный, а прилагательное притяжательное, выражаемое падежемъ существительнаго. Напротивъ въ фразѣ: онъ отнялъ *у брата*, *у брата* не есть родительный съ предлогомъ

у, а дательный безпредложный, выражаемый формою родительнаго съ предлогомъ *у*. Это очевидно изъ слѣдующаго сличенія:

Онъ *Ивановъ* братъ значитъ то же, что онъ брату *Ивану*; итакъ Ивану здѣсь стоитъ вмѣсто Ивановъ, потому и не есть дательный падежъ, а прилагательное имя. Онъ согласуется съ существительнымъ—итакъ *Ивану* есть въ этой фразѣ имя прилагательное, мужескаго рода именительнаго падежа.

Точно также: далъ или отказалъ *брату* и отнялъ *у брата* отношеніе понятій совершенно одинаковое, потому *у брата* здѣсь дательный падежъ.

Скажите, легко ли вамъ теперь узнавать дательные падежи? А мы привели только два поясните́льныхъ случая (братъ *Ивану*; Ивану прилагат. имен. пад. и отнялъ у брата — *у брата* дательный безъ предлога); а для полноты и основательности нужны сотни подобныхъ примѣровъ; скажите же, удобно ли и вѣрно ли достигается этимъ способомъ отличеніе дательнаго падежа отъ другихъ падежей?

Неправда ли, привыкнуть узнавать такимъ образомъ столь же легко, какъ дойдти до умѣнья разрѣшать уравненія пятой степени съ подкоренными величинами?

$$\left\{\frac{a\sqrt[5]{b\sqrt[3]{+c^4-\frac{d^2}{e^3}}}}{a+b^2}\right\}^2 = \text{дательному падежу.}$$

Отъискать его по этой формѣ не легко, но полезно въ качествѣ умственной гимнастики. Теперь мы знаемъ, что такое дательный, этимъ обязаны мы философской грамматикѣ; взглянемъ, при помощи сравнительно-исторической филологіи, на букву *ѣ*, которую надобно ставить въ дательномъ падежѣ именъ.

Ѣ собственно не ѣ, а аї. Это аї знакъ не только дательнаго, но и родительнаго падежа, какъ видно изъ латинскаго aquaï—воды и водѣ, но иногда *ѣ*==не *аї*, а *ї*, какъ видимъ изъ сличенія славянскаго. Именит. земл*я*, родит. земл*я*, дат. земл*и*. Здѣсь очевидно новый языкъ замѣнилъ истиннымъ дательнымъ падежемъ родительный, а нынѣшній дательный земл*ѣ* совершенно неправиленъ, явился неорганическимъ образомъ изъ смѣшенія склоненій. И такъ надобно писать земл*ѣ*, хотя это совершенно неправильно, потому что слѣдовало бы писать въ дательномъ земл*и*, а въ родительномъ земл*я*, такъ: иду изъ земл*я* моея; иду къ земл*и* моей.

Неправда, этими изслѣдованіями подкрѣпляется правило о томъ, что въ дательномъ должно писать земл*ѣ*, какъ пишемъ рѣкѣ, водѣ?

Таковы-то всѣ спеціальныя изслѣдованія и спеціальные пріемы. Они пригодны и необходимы только спеціалисту, а на человѣка, не предназначившаго себя быть спеціалистомъ, производятъ такое же дѣйствіе, какъ чтеніе медицинской книги на человѣка, не изучавшаго въ теченіе многихъ лѣтъ медицину со всѣми ея вспомогательными науками. У того и другаго являются самыя странныя и тяжелыя мысли. А играть роль филолога человѣку, не употребившему нѣсколькихъ лѣтъ жизни на изученіе филологіи, тоже самое, что играть роль медика, не зная медицины: слѣдствія будутъ очень вредныя для пацiэнтовъ. Спеціальностью нельзя играть. Спеціальность не маскарадное домино, въ которое каждый можетъ наряжаться по произволу.

Но однако же, возможно ли распространеніе филологическаго образованія на массу общества? Не можетъ ли филологическое образованіе войдти въ составъ об-

щаго образованія, какъ нѣкогда входилъ латинскій языкъ, какъ нынѣ входятъ новѣйшіе языки?

Рѣшить это очень легко. Человѣкъ, предназначаемый получить филологическое образованіе, долженъ предварительно познакомиться: 1) съ славянскими нарѣчіями, именно: старославянскимъ, сербскимъ, хорутанскимъ, чешскимъ, лужицкимъ, польскимъ; 2) съ языками: нѣмецкимъ (въ его древней формѣ, такъ называемомъ готскомъ языкѣ), латинскимъ, греческимъ.

Менѣе этого нельзя знать, а собственно говоря, должно знать еще нѣсколько другихъ языковъ и нарѣчій.

Кромѣ того, онъ долженъ основательно изучить древности (миѳологіи, общественнаго быта, нравовъ) нѣмецкія, кельтскія, римскія, греческія, не говоря уже о славянскихъ.

Безъ этихъ приготовительныхъ знаній филологическое образованіе также невозможно, какъ знаніе дифференціальнаго исчисленія безъ знанія алгебры.

Но мы говорили только объ одной сторонѣ новаго метода, филологической; а онъ имѣетъ и другую сторону— философію языка, оракуломъ которой является Беккеръ. Для рѣшенія того, какая степень умственнаго развитія требуется отъ человѣка, желающаго сдѣлаться ученикомъ Беккера, довольно сказать, что ученіе Беккера о языкѣ есть приложеніе къ фактамъ языка философской системы Гегеля, которую понимать начинаютъ только взрослые люди, да и то получившіе прочное философское образованіе. Мы имѣемъ основанія предполагать, что многимъ изъ мнимыхъ послѣдователей Беккера эти слова покажутся удивительною новостью. Въ такомъ случаѣ совѣтуемъ имъ ближе познакомиться съ системою, о которой мы говоримъ. Понявъ ее, они увидятъ, что до того времени не понимали Беккера, ученіе котораго остается пустою и безполезною формою для людей, незнакомыхъ съ Гегелемъ. Этого достаточно, чтобы показать, до какой степени Беккерова система можетъ войти въ кругъ общаго образованія. Теперь надобно было бы сказать о степени ея основательности. Но людямъ, знающимъ современное положеніе философіи, не нужно объяснять, что система Гегеля не удовлетворяетъ современнымъ понятіямъ, и что вмѣстѣ съ ея распаденіемъ и Беккерова система потеряла право считаться непреложною.

Наконецъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о возможности, взглянемъ на пользу или цѣль этого стремленія. Для чего нужно вводить философско-филологическое направленіе въ первоначальное изученіе грамматики? Для того, чтобы подъ формою грамматики учить дѣтей филологіи? Но филологія такой же спеціальный предметъ, какъ изученіе восточныхъ языковъ, и если не для чего желать, чтобы всѣ мы выучились говорить по арабски или по персидски, то столь же напрасно желать дать всему обществу филологическое образованіе.

Или филолого-философскія тонкости будутъ благотворною гимнастикою для ума? Но гимнастика должна быть соразмѣрна силамъ упражняемаго въ ней. Нельзя заставлять малютку бѣгать въ латахъ Орланда или Амадиса Гальскаго; онъ надетъ въ нихъ, будетъ лежать неподвижно. И развѣ въ системѣ общаго образованія, мало предметовъ, считаемыхъ превосходною гимнастикою для ума? Таковы всѣ предметы, доступные дѣтскому уму и не лишенные внутренняго смысла.

Но, заговорившись о методѣ, мы еще не коснулись книжки, изданной г. Классовскимъ. Мы должны сказать, что эта книга прекрасна. Авторъ несомнѣнно

доказываетъ свои глубокія филологическія познанія изложеніемъ, которое отличается глубиною и ясностью, и также многочисленными цитатами. Назовемъ хотя немногихъ изъ огромнаго числа авторовъ, которыхъ сочиненія онъ приводитъ: Гумбольдтъ, г. Буслаевъ, Кюнеръ, г. Лавровскій, г. Костырь, г. Борисовъ, г. Перевлѣсскій, Кур-де-Жебеленъ, Беккеръ, Фатеръ, Поттъ, г. Шафрановъ, Таппе, Миклошичъ. Кромѣ того, г. Классовскій очень часто цитуетъ самые источники: латинскихъ и греческихъ писателей, наши лѣтописи и старинныя грамоты и пр. Такимъ богатымъ запасомъ эрудиціи могутъ гордиться немногіе изъ нашихъ филологовъ, и неудивительно, что г. Классовскій не только прекрасно излагаетъ результаты, уже пріобрѣтенные наукою, но и движетъ науку впередъ, предлагая вниманію спеціалистовъ новое опредѣленіе видовъ глагола.

КРИТИКА.

ПРОПИЛЕИ. Сборникъ статей по классической древности, издаваемый *П. Леонтьевымъ*. Книги III и IV. Москва. 1853 — 1854.

I.

Положеніе человѣка, который не пріобрѣлъ привычки читать книги ни на одномъ языкѣ, кромѣ русскаго, но хочетъ, однако, познакомиться съ всеобщею исторіею, очень невыгодно. Отрывочныя статьи, разсѣянныя по журналамъ,—вотъ почти все, что представляетъ ему русская литература. Въ самомъ дѣлѣ, можно по пальцамъ пересчитать заслуживающія вниманія русскія книги по всеобщей исторіи: 1) Исторія Аѳинской республики отъ убіенія Гиппарха до смерти Мильтіада, г. Куторги; 2) О поклоненіи Зевсу въ древней Греціи, г. Леонтьева; 3) Судьбы Италіи въ средніе вѣка, г. Кудрявцева; 4) Аббатъ Сугерій, г. Граповскаго. Затѣмъ остается только лучшій у насъ учебникъ г. Лоренца. Итакъ— отрывокъ изъ аѳинской исторіи, отрывокъ изъ греческой миѳологіи, отрывокъ изъ исторіи Италіи въ средніе вѣка, отрывокъ изъ исторіи Франціи XII вѣка, вотъ нашъ собственный историческій архивъ. Не довольствуясь этими прекрасными отрывками и разсказами учебника, любознательный русскій читатель, конечно, долженъ будетъ обратиться къ переводамъ историческихъ книгъ. Не многимъ обильнѣе будутъ его находки и на этомъ полѣ; вотъ онѣ, всѣ безъ исключенія, какія только имѣютъ хотя малѣйшее достоинство: «Всемірная Исторія» Беккера (шесть частей, обнимающія древнюю и среднюю исторію), сочиненіе, заслуживающее чтенія только за недостаткомъ лучшаго; извлеченіе изъ Герена, составленное г. Погодинымъ; «Исторія Греціи», Гиллиса (книга потерявшая всякую цѣну и переведенная смѣсью польскаго языка съ русскимъ, такъ-что ее невозможно читать), «Кесари», Шампаньи (одинъ отрывокъ о Неронѣ); «Разсказы о временахъ Меровинговъ», Тьерри; «Исторія крестовыхъ походовъ», Мишо; «Исторія Карла V», Робертсона (оба эти сочиненія далеко не соотвѣтствуютъ настоящему положенію науки, и языкъ перевода въ той и другой книгѣ устарѣлъ); «Изображеніе переворотовъ въ системѣ европейскихъ государствъ», Ансильйона (книга, также очень устарѣвшая); «Римскіе Папы», Ранке (дурной переводъ)— и конецъ всему, кромѣ исторіи Наполеона, которой посчастливилось обратить на себя особенное вниманіе переводчиковъ: на русскомъ языкѣ существуютъ: «Записки» Бурьена, герцогини Абрантесъ и Жомини, «Исторія Наполеона», Вальтеръ-Скотта; «Исторія Консульства и Имперіи», Тьера и компиляція Полеваго: «Исторія Наполеона». Такимъ образомъ составленіе полной русской библіотеки по всеобщей исторіи не раззоритъ и бѣдняка. Изъ купленныхъ имъ

книгъ онъ довольно подробно (если не довольно хорошо) познакомится съ исторіею Наполеона; затѣмъ съ удовольствіемъ и пользою прочитаетъ сочиненія гг. Грановскаго, Кудрявцева, Куторги и Леонтьева; узнаетъ очень хорошо времена Меровинговъ изъ разсказовъ Тьерри, узнаетъ кое-что о Неронѣ, отъ Шампаньи, о крестовыхъ походахъ, отъ Мишо, о Карлѣ V, отъ Робертсона, о Папахъ XVI—XVII вѣковъ, на сколько-то позволитъ ему русскій переводчикъ Ранке; а потомъ? потомъ можетъ отдыхать на лаврахъ, справедливо гордясь тѣмъ, что поглотилъ всю историческую мудрость на русскомъ языкѣ, или (и мы совѣтуемъ ему сдѣлать это) можетъ читать сочиненія, доселѣ остающіяся на русскомъ языкѣ лучшими по своему предмету; «Древняя исторія объ египтянахъ, о карѳагенянахъ, объ ассиріянахъ и о грекахъ», Ролленя; «Римская исторія», Ролленя и «Исторія о Римскихъ императорахъ», Кревіера и Ролленя, всѣ три переведены трудами и тщаніемъ Василія Тредіаковскаго». Это, повторяемъ, сочиненія еще ничѣмъ незамѣнимыя для русскаго читателя, и да будетъ почтенъ нашею признательностью трудолюбивый ученый, который, быть можетъ, и не надѣялся, что переводы его будутъ заслуживать чтенія въ 1855 году.

Чѣмъ же можно объяснить такое странное положеніе русской литературы по всеобщей исторіи? Представляемъ каждому читателю объяснять его, чѣмъ угодно, а намъ кажется, что тутъ нечего и объяснять: «на *нѣтъ* и суда нѣтъ». Просмотрѣвъ другіе отдѣлы наукъ, мы увидимъ то же самое, что въ историческомъ отдѣлѣ; слѣдовательно фактъ имѣетъ такую всеобщность, которая очень ясно говоритъ о своихъ причинахъ. Если не издаются книги, то, вѣроятнѣе всего, потому что нѣтъ на нихъ требованія. Кому эта причина кажется недостаточною, можетъ отыскивать другія.

Какъ бы то ни было, но интересно слѣдующее замѣчаніе. Большая часть исчисленныхъ нами сочиненій переведены въ 1830—1840 годахъ; два или три принадлежатъ 1840—1850 годамъ; въ послѣднія пять или шесть лѣтъ не было переведено ни одно историческое сочиненіе, заслуживающее вниманія. Если угодно, можно объяснять это упадкомъ книжной торговли.

Никто не удивится малочисленности оригинальныхъ сочиненій, издаваемыхъ у насъ по всеобщей исторіи: силы большаго числа современныхъ ученыхъ, занимающихся исторіею, сосредоточены на разработываніи русской исторіи; это очень естественно. Несмотря на всѣ многочисленные и прекрасные труды по этой части, мы еще слишкомъ недостаточно знакомы съ нею, и русская исторія, важнѣйшая для насъ, какъ своя родная, съ тѣмъ вмѣстѣ есть самая привлекательная для неутомимыхъ изслѣдователей потому, что обѣщаетъ самое обильное поле для новыхъ открытій, самостоятельныхъ взглядовъ, вообще для пріобрѣтенія ученой славы. Кромѣ того, пріятно трудиться на такомъ поприщѣ, гдѣ трудъ оцѣняется по достоинству читателями; а у насъ теперь ужь есть публика, если не слишкомъ многочисленная, то все же состоящая не изъ десяти или двадцати человѣкъ, способная основательно судить о достоинствѣ трудовъ по русской исторіи. Между тѣмъ люди, издающіе сочиненія по другимъ частямъ исторіи, до сихъ поръ остаются одинокими, едва находя нѣсколько разрозненныхъ цѣнителей своимъ трудамъ.

Потому нѣтъ ничего удивительнаго, если этихъ трудовъ является очень мало. Но почему бы, казалось, не знакомить русскую публику съ лучшими сочиненіями по всеобщей исторіи посредствомъ переводовъ? Работа эта неутомительна; успѣхъ

ся не могъ бы, кажется, подлежать сомнѣнію; по наслышкѣ всякій знаетъ о важнѣйшихъ достоинствахъ знаменитѣйшихъ историческихъ сочиненій: притомъ же большая часть изъ нихъ писаны очень увлекательно, и могутъ всякаго, сколько нибудь любящаго чтеніе человѣка заинтересовать не только содержаніемъ, но и самымъ изложеніемъ. А между тѣмъ все-таки они остаются у насъ извѣстны только по именамъ. Найдти причину тому чрезвычайно трудно для того, кто не захочетъ удовольствоваться прекрасною пословицею, на которую сослались мы выше.

Ужели, въ самомъ дѣлѣ, историческая литература не нашла бы у насъ ни поддержки, ни сочувствія со стороны публики? Но вѣдь этотъ вопросъ совершенно равняется другому: неужели любознательность не привилась еще къ нашей публикѣ? Потому что, какою отраслью знанія можетъ интересоваться публика, которую не интересуетъ исторія? Можно не знать, не чувствовать влеченія къ изученію математики, греческаго или латинскаго языковъ, химіи, можно не знать тысячи наукъ, и все-таки быть образованнымъ человѣкомъ; но не любить исторіи можетъ только человѣкъ, совершенно неразвитый умственно.

Или публика можетъ довольствоваться двумя-тремя историческими статьями, которыя помѣстилъ журналъ въ теченіе года? Всѣ наши журналы, какими бы титулами они себя ни называли, по преимуществу литературные: ни одинъ изъ нихъ не можетъ удѣлять болѣе четырехъ или пяти листовъ въ мѣсяцъ чисто ученому отдѣлу; иначе онъ измѣнилъ бы своему существенному назначенію. Можно до нѣкоторой степени понять возможность того, что журналы наши поглотили беллетристику, хотя это не свидѣтельствуетъ о массивности объема поглощенной ими отрасли литературы; но какимъ образомъ немногія страницы отдѣла наукъ могутъ, не говоримъ поглощать науку, но даже удовлетворять тѣхъ читателей, которые интересуются чѣмъ нибудь, кромѣ беллетристики? Ужели довольно прочитать три-четыре печатныхъ листа, чтобъ удовольствоваться на цѣлый мѣсяцъ?

Или всѣ наши любознательные люди удовлетворяютъ своей жаждѣ знанія чтеніемъ на иностранныхъ языкахъ? Объ этомъ рѣдко случается слышать; но постоянно слышится общая мысль, будто бъ у насъ публика чрезвычайно пристрастилась къ иностраннымъ книгамъ. Мнѣніе, совершенно ложное. Во всѣхъ другихъ европейскихъ земляхъ чтеніе на иностранныхъ языкахъ вошло въ нравы публики гораздо глубже, нежели у насъ. Можно видѣть въ русскомъ обществѣ какіе угодно недостатки, но ужь навѣрное самый неосновательнѣйшій изъ упрековъ — мнимое пристрастіе къ иноземному, о которомъ такъ часто толкуютъ, и тѣмъ подтверждаютъ извѣстную аксіому, что каждый любитъ обвинять себя въ тѣхъ недостаткахъ, которыхъ не имѣетъ, съ чрезвычайною осторожностью избѣгая прикосновенія къ своимъ дѣйствительно слабымъ сторонамъ. Нѣтъ народа, который не любилъ бы своего роднаго, нѣтъ народа, который не уважалъ бы себя до чрезвычайности, начиная отъ китайцевъ и кончая сѣвероамериканцами.

Русскихъ часто сравниваютъ съ сѣвероамериканцами, но большею частью несправедливо; но эти два народа, столь противоположные, совершенно сходятся между собою въ томъ, что у обоихъ чувство національной гордости развито необыкновенно сильно, какъ ни въ одной изъ другихъ цивилизованныхъ націй. Русскій издавна привыкъ считать свой народъ первымъ въ мірѣ. И, чтобъ указать примѣръ, скажемъ опять, что ни въ одной изъ европейскихъ земель не читаютъ такъ мало на иностранныхъ языкахъ, какъ въ Россіи. Развѣ у насъ было бы воз-

можно перепечатывать французскія книги (о нихъ исключительно идетъ рѣчь, когда говорятъ о пристрастіи къ иностраннымъ языкамъ), какъ, напримѣръ, перепечатываются въ Лейпцигѣ англійскія, и до запрещенія перепечатки, въ Парижѣ не только нѣмецкія и англійскія, но даже итальянскія и испанскія? Да у насъ это разорило бъ издателя; «Revue Etrangère», этотъ очень маленькій по объему журналъ, имѣетъ возможность существовать только благодаря своей чрезвычайно высокой цѣнѣ. Откуда жь взялось предубѣжденіе, будто бы у насъ чрезвычайно много людей, любящихъ читать по французски? Оттого, что наши беллетристы до самаго послѣдняго времени преимущественно принадлежали или старались показать, что принадлежатъ къ немногочисленному кругу людей, воспитываемыхъ на французскомъ языкѣ (кругу, который въ Англіи и Германіи гораздо обширнѣе, нежели у насъ), и привычки этихъ немногихъ переносили на все общество, вовсе не причастное великосвѣтскому блеску. Однимъ словомъ, мнѣніе о пристрастіи къ иноземному на столько же выдерживаетъ критику, какъ существовавшія когда-то у насъ повѣсти изъ великосвѣтской жизни, и ему давно пора-бъ исчезнуть, подобно этимъ повѣстямъ.

А если чтеніе беллетристическихъ произведеній на французскомъ языкѣ очень мало распространено въ нашемъ обществѣ, то еще слабѣе привычка читать серьезныя книги на иностранныхъ языкахъ. Конечно, люди по призванію занимающіеся ученою или литературною дѣятельностью, ни въ одной изъ европейскихъ земель не могутъ избавиться отъ этой необходимости: но и тутъ надобно сказать, что у насъ они гораздо чаще, нежели, напримѣръ, въ Германіи или Франціи, ограничиваются только однимъ изъ иностранныхъ языковъ. Но мы говоримъ не о нихъ. Гизо переводится на англійскій языкъ не для Мекалея, и Ранке на французскій не для Тьера. Во всѣхъ націяхъ число любознательныхъ людей, читающихъ книги только на своемъ языкѣ, безконечно превышаетъ ту горсть людей, которымъ легко доступны чуждыя литературы. Потому наука дѣлается достояніемъ общества только въ той мѣрѣ, въ какой передается на его языкѣ. И ни объ одномъ изъ европейскихъ народовъ нельзя сказать этого такъ полно, какъ о русскомъ. Это извѣстно каждому, кто живетъ не исключительно въ ученомъ или литературномъ кружкѣ.

Какія длинныя разсужденія, чтобъ доказать простую истину, что у насъ, какъ и вездѣ, на одного читающаго иностранную историческую книгу, должны приходиться если не сотни, то навѣрное десятки людей, желающихъ прочесть ее на родномъ языкѣ! Что дѣлать! Чувствуешь потребность оградить самого себя, не только другихъ, отъ сомнѣнія въ существованіи этого факта, когда видишь, какъ мало отражается онъ въ нашей дѣйствительной литературной жизни, когда видишь, что историческихъ книгъ на русскомъ языкѣ нѣтъ (кромѣ книгъ по русской исторіи)— поневолѣ чувствуешь влеченіе усумниться въ существованіи потребности на нихъ. Быть и не обнаруживаться —какое странное сочетаніе качествъ у этой загадочной любознательности! Много трудныхъ противорѣчій соглашала нѣкогда нѣмецкая философія; но этого не могла-бъ согласить и она. Нѣтъ, никакія соображенія не могутъ доказать существованія того, что не обнаруживается, сказать: «да, я не сомнѣваюсь — все-таки зависитъ отъ доброй воли. Потому, не считая другихъ обязанными непремѣнно раздѣлять наше мнѣніе, мы принуждены ограничиться по правиламъ старинной логики, условнымъ силлогизмомъ; если въ обществѣ есть любознательность, то эта любознательность должна быть болѣе всего обращена на исторію; а если

есть потребность исторической литературы, то очень прискорбно и еще болѣе удивительно, что историческая литература не существуетъ или почти не существуетъ. Мы хотимъ думать, что любознательность и потребность есть. Другіе могутъ думать иначе, если у нихъ достанетъ на то твердости характера.

Но мы видимъ въ «Пропилеяхъ», удовлетвореніе той потребности исторической литературы, которую хотимъ признавать. По прежнему или даже болѣе, нежели прежде, остается совершенно скудна наша литература по средней и новой исторіи. По крайней мѣрѣ, благодаря изданію г. Леонтьева, на русскомъ языкѣ ежегодно выходитъ теперь прекрасная книга по древней исторіи. Мы не хотимъ пока говорить о безотносительныхъ достоинствахъ «Пропилей» — объ этомъ послѣ — въ настоящемъ положеніи нашей литературы «Пропилеи» представляютъ драгоцѣннѣйшее для насъ явленіе ужь потому, что служатъ единственнымъ органомъ ученой дѣятельности по всеобщей исторіи на русскомъ языкѣ.

Нѣтъ надобности много говорить о томъ, какъ важенъ въ исторіи отдѣлъ, занимаемый классическимъ міромъ. Довольно указать нѣсколькими словами на главнѣйшія причины, по которымъ тѣсное знакомство съ греческою и римскою жизнью доселѣ продолжаетъ считаться однимъ изъ необходимѣйшихъ знаній въ кругѣ общаго образованія. Римляне, и особенно греки, достигали такой степени цивилизаціи, что новая Европа только въ самое послѣднее время, говоря вообще, стала выше ихъ. До начала или даже до половины прошедшаго вѣка древніе сохраняли передъ новыми рѣшительное преимущество въ большей части сторонъ умственной и даже матеріальной жизни, по справедливости считались учителями нашихъ европейскихъ предковъ. Теперь вообще отношеніе измѣнилось. Новая Европа превзошла своимъ развитіемъ цивилизацію классическаго міра; тѣмъ не менѣе очень во многомъ еще остаются для насъ греки примѣромъ. Мы говоримъ не только о ихъ скульптурѣ и архитектурѣ, но также и о многихъ, болѣе существенныхъ сторонахъ жизни. Кромѣ того, даже и въ тѣхъ отрасляхъ развитія, гдѣ мы стали выше древнихъ, чрезвычайно поучительно знать, какъ думали и дѣйствовали геніальные предшественники, при совершенно другихъ условіяхъ жизни. Сравнивая текущіе вопросы съ общимъ историческимъ ходомъ классическаго міра, мы легче понимаемъ существенный ходъ событій и въ новой Европѣ. Наконецъ, каково бы ни было значеніе классическаго міра относительно новѣйшей цивилизаціи, его исторія пріобрѣтаетъ чрезвычайную важность въ системѣ общаго образованія потому, что обыкновенно обработывается гораздо полнѣе и удовлетворительнѣе для истинной любознательности, нежели исторіи новой Европы. Давно ужь всѣ толкуютъ о томъ, что исторія должна знакомить насъ съ ходомъ развитія обществъ и народовъ, а не только съ военными событіями и сухими именами, не имѣющими существенной важности для нравственной и экономической жизни народовъ. Но до сихъ поръ только при изложеніи древней исторіи эти понятія довольно замѣтно прилагаются къ дѣлу большею частью историковъ. Греческіе мѳы, законодательство Ликурга, общественныя отношенія въ Спартѣ и Аѳинахъ, развитіе наукъ и искусствъ, торговли и нравовъ—все это болѣе или менѣе обращаетъ на себя вниманіе каждаго, пишущаго о греческой исторіи; возникновеніе и развитіе общественныхъ отношеній въ Римѣ подробно излагается въ каждой книгѣ, называющейся римскою исторіею. Очень рѣдко можно встрѣтить такой объемъ содержанія въ книгахъ, говорящихъ о новой исторіи. Двѣ-три сухія фразы о порчѣ или улучшеніи нравственности,

краткій безплодный перечень извѣстнѣйшихъ ученыхъ—вотъ все, что мы найдемъ въ большей части сочиненій, излагающихъ исторію Франціи, Англіи, Германіи. Потому надобно сказать, что при нынѣ господствующемъ характерѣ изложенія, изъ всѣхъ отдѣловъ исторіи древній—самый способный удовлетворять любознательности читателя, желающаго знать исторію въ истинномъ ея смыслѣ. Бытъ народовъ доселѣ излагаетъ одна только древняя исторія.

Такъ ужъ самое заглавіе, которое далъ г. Леонтьевъ своему изданію, выражаетъ, что этотъ сборникъ преимущественно посвященъ самой важной части исторіи—быту народовъ, онъ называетъ свои «Пропилеи» сборникомъ статей по классической древности: подобное заглавіе едва ли было-бъ найдено для сборника статей по новой исторіи, потому что трудно найдти даже слово, которое выражало-бъ огромную важность изученія быта въ исторіи новыхъ временъ, какъ выражаетъ его слово «древности», когда говорится объ отдаленныхъ временахъ. Заглавію соотвѣтствуетъ и содержаніе сборника, въ которомъ равно обширное мѣсто съ разсказами о событіяхъ занимаютъ статьи по исторіи литературы, искусства, о нравахъ и общественныхъ отношеніяхъ. Едва ли кто нибудь захотѣлъ бы уступить двѣ трети страницъ этимъ послѣднимъ отдѣламъ, издавая сборникъ по новой исторіи: а если-бъ и захотѣлъ, не нашелъ бы статей. На десять человѣкъ, занимающихся исключительно громкими событіями и именами, едва ли найдется между изслѣдователями новой исторіи одинъ, обращающій главное вниманіе на развитіе истинно важныхъ вопросовъ и элементовъ исторической жизни.

Ученое изданіе, подобное «Пропилеямъ» должно имѣть на русскомъ языкѣ двоякую цѣль: во первыхъ, знакомить русскихъ читателей съ классическимъ міромъ, передавать факты изъ его жизни и понятія о нихъ, насколько они ужъ утвердились въ современной наукѣ: если мы не ошибаемся, самъ издатель, посвящая свою дѣятельность въ первыхъ трехъ книгахъ преимущественно трудамъ подобнаго рода, считалъ эту цѣль важнѣйшею. Она дѣйствительно и придаетъ живое значеніе его сборнику. Мы видѣли обиліе русской литературы по древней исторіи: положеніе дѣла таково, что болѣе или менѣе остроумныя, глубокомысленныя изслѣдованія о спеціальныхъ вопросахъ, которые могутъ быть очень важны для спеціалистовъ, но лишены значенія или недоступны для большинства любознательныхъ людей, для насъ вовсе еще не такъ нужны, какъ основательные трактаты о важнѣйшихъ и общеинтересныхъ предметахъ науки; пусть эти статьи будутъ представлять мало неизвѣстнаго глубокимъ спеціалистамъ, стоящимъ совершенно въ уровень съ развитіемъ науки—число такихъ читателей у насъ очень ограничено. Огромное большинство людей, удовлетворять потребностямъ которыхъ должно русское изданіе по всеобщей исторіи, желаетъ не столько того, чтобъ имъ двигалась впередъ наука въ абстрактномъ смыслѣ, а того, чтобы раздвигались границы знанія, доступнаго русскому читателю. Пусть большая часть помѣщаемыхъ въ «Пропилеяхъ» статей не содержатъ въ себѣ почти ничего новаго для ихъ ученаго издателя; если эти статьи будутъ написаны основательно, онѣ будутъ совершенно новостью для девяноста девяти изъ ста его читателей. Распространить въ публикѣ знакомство съ классическою древностью, вотъ для чего собственно и нужно изданіе, подобно «Пропилеямъ». Но само собою разумѣется, что статья, подписанная именемъ извѣстнаго ученаго, или проливающая новый свѣтъ на одинъ изъ темныхъ вопросовъ науки, должна также съ радостью быть принята во всякое изданіе, на какомъ бы языкѣ

оно ни печаталось. Дѣлая многое для многихъ, тѣмъ пріятнѣе дать что нибудь пріятное и для немногихъ; поставляя главною цѣлью изданія общую пользу, не безполезно сообщить ему и чисто ученый блескъ, украсивъ его нѣсколькими статьями, имѣющими высокое достоинство не только для читателей, но и для самой науки.

Въ этомъ отношеніи есть очень замѣтное различіе между характеромъ двухъ томовъ «Пропилей», которые мы теперь разсматриваемъ. Въ третьемъ преобладаютъ статьи, имѣющія главною цѣлью передать на русскомъ языкѣ въ самостоятельной формѣ результаты, которыхъ уже достигла наука или вообще содѣйствовать распространенію у насъ знакомства съ классическою древностью: въ четвертомъ, напротивъ, большая часть статей заняты изслѣдованіями о спеціальныхъ вопросахъ, и имѣютъ въ виду не столько массу читателей, сколько самую науку. Будемъ и за тотъ и за другой томъ благодарны издателю: пожелаемъ только того, чтобы въ слѣдующихъ томахъ его полезнаго и прекраснаго изданія нашлось опять мѣсто для втораго отдѣла, представляющаго «свѣдѣнія о трудахъ новѣйшихъ ученыхъ», какъ находилось оно въ первыхъ трехъ томахъ: мы увѣрены, что общій приговоръ читателей признавалъ, напримѣръ, статьи г. Леонтьева, заключающія подробное критическое изложеніе «Исторіи Греціи» Грота, принадлежащими къ числу самыхъ важныхъ во всемъ изданіи. Быть можетъ даже многіе скажутъ, что для нихъ было бы пріятно, если-бъ двѣ или три изъ статей о древностяхъ и развалинахъ сѣвернаго берега Чернаго моря были отложены до слѣдующаго тома съ тѣмъ, чтобы дать въ четвертомъ мѣсто продолженію статей ученаго издателя о Гротѣ или г. Грановскаго о лекціяхъ Нибура. Надобно желать расширенія, а никакъ не стѣсненія или прекращенія прекрасному второму отдѣлу «Пропилей». Вотъ единственное замѣчаніе какое можетъ сдѣлать самая строгая критика изданію г. Леонтьева, взятому въ цѣломъ.

Обозрѣвая отдѣльныя статьи, помѣщенныя въ двухъ послѣднихъ томахъ «Пропилей», мы распредѣлимъ ихъ по характеру содержанія на относящіяся къ литературѣ, искусству, нравамъ и собственно такъ называемой исторіи древняго міра, относя къ послѣднему разряду и чисто археологическія статьи о древностяхъ сѣвернаго берега Чернаго моря.

Первое мѣсто въ литературномъ отдѣлѣ «Пропилей» всѣ читатели конечно отдадутъ началу перевода Иліады, (пѣснь первая и большой отрывокъ изъ второй), Жуковскаго. Эти остатки недоконченнаго труда, которымъ хотѣлъ увѣнчать Жуковскій свою поэтическую дѣятельность, напечатаны, съ отдѣльною нумераціею страницъ, въ четвертомъ томѣ. По той же системѣ, какой слѣдовалъ поэтъ при переводѣ «Одиссеи», онъ поручилъ нѣмецкому филологу, г. Фишингеру, приготовить для себя подстрочный нѣмецкій переводъ Иліады, и перелагалъ этотъ переводъ въ русскіе стихи.

Нѣтъ сомнѣнія, что отрывки Иліады, являющіеся теперь, возбудятъ до нѣкоторой степени вниманіе публики къ вопросу о переводѣ Гомера на русскій языкъ и въ особенности о переводахъ Жуковскаго. Въ самыхъ «Пропилеяхъ» явилась уже написанная по этому поводу статья г. Каткова: «Нѣсколько словъ о попыткахъ переводить Гомера простонароднымъ языкомъ». Потому считаемъ обязанностью, нѣсколько остановиться на этихъ вопросахъ. Г. Катковъ совершенно справедливо доказываетъ, что переводить Иліаду простонароднымъ языкомъ, какъ

пытались нѣкоторые, такая же вопіющая несообразность, какъ напримѣръ, переводя комедіи Аристофана, замѣнять особенное нарѣчіе Спартанскихъ пословъ малорусскимъ или костромскимъ. Это значило бы сообщать переводу колоритъ, несвойственный подлиннику, дѣлать фальшивый переводъ. Совершенно справедливо. Но именно по этому самому невозможно согласиться съ мнѣніемъ г. Каткова, что Гомеръ можетъ быть переводимъ устарѣлымъ языкомъ. Онъ говоритъ:

«Гомерическія пѣсни должны были во многомъ имѣть для грека образованной эпохи характеръ архаическій, старинный, отчасти именно такой, какой имѣетъ для насъ языкъ славянскій. Эпическій явыкъ былъ у грековъ запечатлѣнъ значеніемъ священнаго и очень отличался отъ литературнаго языка, какъ онъ установился въ позднѣйшее время. Намъ даже кажется, что русскій переводчикъ Гомера поступилъ бы весьма неразсчетливо, еслибъ не воспользовался богатою сокровищницею славянскаго языка и не черпалъ изъ нея характеристическихъ красотъ. Еще болѣе можетъ послужить для этой цѣли изученіе старинныхъ, собственно русскихъ, свѣтскихъ памятниковъ нашей письменности—грамотъ, лѣтописей, юридическихъ актовъ».

Намъ кажется, что и славянскій или лѣтописный, устарѣлый, элементъ въ переводѣ Гомера будетъ точно такъ же сообщать ему чуждый, фальшивый колоритъ, какъ сообщаетъ, по справедливому мнѣнію г. Каткова, простонародное нарѣчіе. Народностей не должно смѣшивать, говоритъ г. Катковъ. Точно также нельзя смѣшивать и историческихъ воспоминаній. Агамемнонъ не Димитрій Донской, и если греческая хламида не зипунъ, то и не боярская ферязь. Странно, какъ г. Катковъ допускаетъ подобное превращеніе, самъ говоря, что «при существованіи литературнаго языка, формы рѣчи, не вошедшія въ него, не могутъ быть употребляемы для перевода съ чужаго языка; не могутъ, потому что за ними, какъ тѣнь, слѣдитъ ихъ мѣстное значеніе». Онъ самъ говоритъ, что переводъ всегда по необходимости сглаживаетъ колоритъ подлинника, но не долженъ придавать ему чуждаго колорита. «Ужь лучше покажите намъ Гомера въ какомъ нибудь неопредѣленномъ костюмѣ, нежели въ кафтанѣ удалаго русскаго ямщика: пусть ужь лучше старый рапсодъ будетъ представляться намъ неясно, въ туманѣ, чѣмъ жалкимъ образомъ кривляться передъ нами и корчить нашего пріятеля казака Киршу Данилова»—ясно, что по смыслу рѣчи должно прибавить: или чѣмъ сидѣть неподвижнымъ бояриномъ временъ Алексѣя Михайловича или разсыпаться расторопнымъ и неуклюжимъ дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ. «Для перевода гомерическаго эпоса нужно свѣжее слово», говоритъ самъ г. Катковъ: а въ лѣтописяхъ и грамотахъ свѣжести несравненно меньше, нежели у Кирши Данилова. Однимъ словомъ, кто внимательно прочтетъ очень основательныя соображенія г. Каткова, тотъ выведетъ заключеніе, что по возможности простой и свѣжій литературный языкъ—единственный, пригодный для Гомера въ русскомъ переводѣ.

Одиссея въ переводѣ Жуковскаго не имѣла успѣха, какого надѣялись большая часть изъ насъ, потому что языкъ ея очень искусственный. Сверхъ того находимъ принужденность слога, которая усиливается слишкомъ буквальнымъ подражаніемъ подлиннику въ разстановкѣ словъ, очень часто неестественной для русскаго языка. Все это осталось въ такомъ же видѣ и въ переводѣ Иліады:

Гнѣвъ намъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Гибельный гнѣвъ, приключившій Ахеянамъ много великихъ
Бѣдствій и воиновъ многихъ безстрашныя души низведшій
Въ область Аида...

Слогъ этотъ можетъ быть очень художественъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ по русски онъ выходитъ очень искусственъ и тяжелъ въ чтеніи. Но вопросъ о языкѣ самъ собою рѣшится, если рѣшится вопросъ о томъ, удачно ли выбранъ для перевода гекзаметръ. Отъ качествъ, которыя неразрывно сроднились въ русскомъ языкѣ съ этимъ размѣромъ, всего болѣе зависитъ и натянутость слога, которою отличается все, писанное по русски гекзаметромъ.

Гекзаметръ обыкновенно превозносится у насъ, потому, что мы наслушались похвалъ гибкости, благозвучію и т. д. греческаго гекзаметра и потому, что писать сносные гекзаметры умѣютъ у насъ немногіе, а все трудное высоко цѣнится. Но собственно говоря, русскій гекзаметръ не имѣетъ тѣхъ достоинствъ, какими отличается греческій и совершенно нейдетъ къ системѣ нашего стихосложенія, нарушая коренныя требованія нашей поэтической рѣчи.

Въ греческомъ гекзаметрѣ спондеи (соотвѣтствующіе нашимъ хореямъ) безпрестанно перемѣшиваются съ дактилями; потому гекзаметрическіе стихи самыхъ разнообразныхъ размѣровъ безпрестанно перемѣшиваются между собою (всѣхъ формъ гекзаметра тридцать двѣ). У Гомера очень рѣдко можно встрѣтить два къ ряду гекзаметра одинаковой формы, и вѣроятно ни разу не встрѣтится къ ряду трехъ одинаковыхъ стиховъ *). Это качество и ставятъ главнымъ достоинствомъ греческаго гекзаметра, оно причиною того, что онъ гибокъ благозвученъ, разнообразенъ. Напрасно стали бы искать разнообразія стопъ въ русскомъ гекзаметрѣ: онъ почти постоянно состоитъ изъ однообразныхъ дактилей съ однообразнымъ хореемъ на концѣ **). Вообще, собственно говоря, русскіе гекзаметры слѣдуетъ считать не гекзаметрами, т. е. стихами, въ которыхъ дактиль постоянно смѣшивается съ хореемъ, а просто дактилическими стихами, въ которыхъ изрѣдка, невзначай, попадаются хорическія стопы, довольно частыя для того, чтобъ раздражать ухо неправильнымъ нарушеніемъ дактилическаго размѣра, но слишкомъ рѣдкія для того, чтобъ ухо

*) Вотъ, напримѣръ, стопы трехъ первыхъ стиховъ Одиссея:

дактиль,	дактиль,	дактиль,	дактиль,	дактиль,	спондей,
дактиль,	спондей,	дактиль,	дактиль,	дактиль,	спондей,
спондей,	спондей,	дактиль,	дактиль,	дактиль,	спондей.

Продолживъ разборъ, мы увидимъ, что разнообразіе все увеличивается. Въ каждыхъ пяти стихахъ мы найдемъ по крайней мѣрѣ четыре различныхъ размѣра. Одинаковыхъ къ ряду почти не бываетъ.

**) Вотъ, напримѣръ, начало «Одиссеи» въ переводѣ Жуковскаго (мы беремъ «Одиссею», а не отрывки Иліады», теперь изданные, потому что Жуковскій успѣлъ, по справедливому замѣчанію издателя, придать окончательную отдѣлку только начальнымъ стихамъ своего послѣдняго труда); отмѣчаемъ курсивомъ хорей:

Муза, скажи мнѣ о томъ многоопытномъ мужѣ, который
Странствуя долго со дня, какъ святой Иліонъ имъ разрушенъ,
Многихъ людей города посѣтилъ и обычаи видѣлъ,
Много и сердцемъ скорбѣлъ на моряхъ, о спасеньи заботясь
Жизни своей и возвратѣ въ отчизну сопутниковъ; тщетны
Были однако заботы, не спасъ онъ сопутниковъ; сами
Гибель они на себя навлекли святотатствомъ, безумцы,
Съѣвши быковъ Геліоса, надъ нами ходящаго бога,—
День воз*врата* у *нихъ* онъ *похитилъ*. Скажи же объ этомъ
Что нибудь, *о Зевесова дочь*, благосклонная Муза.

Затѣмъ опять начинаются безконечнымъ рядомъ чистые дактили. Вообще на цѣлую сотню стиховъ едва приходится въ «Одиссеѣ» у Жуковскаго восемь или девять, въ которыхъ попадается хорей, да и тѣ опять часто стоятъ рядомъ, производя новую монотонность.

привыкло къ этому нарушенію и ожидало его, какъ чего нибудь правильнаго. Потому, лишенный разнообразія, главнаго своего достоинства въ греческомъ языкѣ, гекзаметръ остается какою-то утомительною и вялою прозою, читаемою на подобіе стиховъ, и допускающею всѣ натянутости, напыщенности въ языкѣ, непозволительныя въ прозѣ, не вознаграждая ихъ увлекательностью, какая принадлежитъ стихамъ, понятнымъ для народа. Безпрестанное перенесеніе фразы изъ одного стиха въ другой, совершенно противное духу нашего стихосложенія, окончательно убиваетъ всякую возможность читать гекзаметръ, какъ размѣръ, понятный русскому уху *). Мы не знаемъ, какъ пѣли рапсоды свои гекзаметры: но ни одинъ русскій не скажетъ, чтобы возможно было пѣть слѣдующее:

Но когда наконецъ обращеньемъ временъ *приведенъ былъ*
Годъ, въ который *ему возвратиться назначили боги*
Въ домъ свой, въ Итаку (но гдѣ и въ объятіяхъ вѣрныхъ друзей *онъ*
Все не избѣгъ отъ тревогъ) преисполнились жалостью боги
Всѣ. Посидонъ лишь единый упорствовалъ гнать Одиссея...

А стихи, которыхъ невозможно пропѣть, едва ли заслуживаютъ имени стиховъ. И надобно прибавить, что мы, не понимая разнообразія размѣра, въ этомъ раздираньѣ и перепутываньѣ фразъ поставляемъ существенное достоинство гекзаметра. Въ русскомъ оно попадается втрое чаще, нежели въ греческихъ гекзаметрахъ. Такъ всегда бываетъ съ искусственнымъ подражаніемъ: упускаются изъ виду существенныя качества оригинала, за то утрируются его странности. Есть въ гекзаметрѣ и другія противорѣчія основнымъ требованіямъ русскаго мелодическаго стиха. Пока намъ кажется достаточно и этого основанія, чтобы сказать, что онъ неестественъ въ нашемъ языкѣ. Не если не гекзаметромъ, то какимъ же размѣромъ переводить Гомера? Какимъ вамъ угодно изъ тѣхъ, музыкальность которыхъ понимаетъ русское ухо: ямбомъ, хореемъ, дактилемъ, амфибрахіемъ, анапестомъ, если угодно правильнымъ смѣшеніемъ ямба съ анапестомъ или хорея съ амфибрахіемъ—только такимъ размѣромъ, который легче всего для переводчика и съ тѣмъ вмѣстѣ не дикъ и не вялъ для русскаго уха. Легкость — необходимое условіе для удачнаго перевода Гомера. Стихъ его очень гармониченъ по гречески— русскіе стихи безъ риомъ вялы, тяжелы, скучны: потому необходимы въ переводѣ Гомера риомы. Но онѣ стѣснительны? Кто не можетъ владѣть риомою, но однакожъ непремѣнно хочетъ прославиться переводами съ греческаго, можетъ перевесть Геродота или Оукидида, чѣмъ окажетъ великую услугу русской литературѣ. А какъ же можно нарушать размѣръ подлинника? Но если такъ, французскіе стихи пришлось бы переводить силлабическимъ размѣромъ, а арабскіе — размѣромъ, для котораго у насъ не существуетъ и названія. Буквальность не есть близость, а только несообразность.

Такъ, напримѣръ, «Хвастливый воинъ», комедія Плавта, переведена г. Шестаковымъ слишкомъ буквально, такъ что черезъ это теряетъ колоритъ подлинника: у Плавта, изъ всѣхъ латинскихъ поэтовъ, самый непринужденный языкъ. Вѣрность перевода вовсе не требуетъ того, чтобы въ русскомъ слогѣ сохранять

*) Впрочемъ, не только русскому, но точно также и нѣмецкому.

особенные обороты, свойственные только латинскому языку. Вообще латинскіе и греческіе драматурги чрезвычайно нуждаются въ особенномъ изяществѣ перевода; ихъ пьесы такъ отличаются отъ нашихъ своею манерою, что даже и при чрезвычайной легкости перевода читаются довольно тяжело. Надобно также прибавить, что переводя стихотворное произведеніе прозою, вообще мы не можемъ держаться буквально всѣхъ оборотовъ подлинника: они часто обусловливаются самою формою стиха, такъ что лишившись ея при переходѣ на другой языкъ, фраза часто должна бываетъ или распутаться, или сократиться, или быть пополнена, чтобы не казаться странною и не мѣшать ровному ходу рѣчи. Нѣтъ надобности прибавлять, что переводъ г. Шестакова сдѣланъ добросовѣстно. Мы хотѣли поговорить о значеніи Плавта, его вліяніи на Мольера и черезъ Мольера на новѣйшую литературу — но намъ остается говорить на этихъ страницахъ еще о многихъ важныхъ статьяхъ, изъ которыхъ двѣ имѣютъ даже свою исторію, это именно — «Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи», г. Каткова, и «Письма изъ Рима и Неаполя» г. А. А. Авдѣева.

«Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи» статья очень хорошая, имѣющая, какъ и многое на свѣтѣ, свои недостатки, но имѣющая и неоспоримыя достоинства. Главнымъ достоинствомъ ея было бы то,—еслибъ она первая явилась на русскомъ языкѣ по этому предмету; но когда то въ одномъ изъ нашихъ журналовъ была статья подобнаго содержанія, писанная очень замѣчательнымъ мыслителемъ. Слѣдственно главное достоинство, которое могли-бъ имѣть «Очерки», ужь нельзя присвоивать имъ. За то остаются у нихъ другія хорошія качества: достаточная полнота, основательность. Есть, какъ мы сказали, и недостатки —чрезвычайно презрительный тонъ, съ которымъ авторъ говоритъ о разныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, сравняться съ которыми мы ему отъ души желаемъ; темнота: выраженія такого рода: «прежнія понятія объ этомъ были ошибочны, изъ нашего изложенія, напротивъ, видно» — при чемъ для ясности надлежало бы прибавлять, что «прежнія» ошибочныя понятія ужь нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ замѣнены тѣми самыми, которыя очень основательно выводятся ученымъ авторомъ. Здѣсь то и нить завязки романа, по выраженію Гоголя. Рецензентъ одного изъ нашихъ журналовъ, самымъ наивнымъ и горячимъ образомъ принявъ къ свѣдѣнію всѣ эти фразы и презрительные отзывы, написалъ очень длинный разборъ, въ которомъ доказалъ какъ $2\times2=4$, что до появленія «Очерковъ» никто въ цѣломъ мірѣ не понималъ духа древнѣйшихъ греческихъ философскихъ системъ, что всѣ философы ошибочно толковали системы Оалеса, Пиоагора, и пр.; что «Очерками» положено первое основаніи исторіи философіи и т. д. и т. д. Ясно было, что неопытный панегиристъ слишкомъ далеко увлекся въ своихъ безмѣрныхъ похвалахъ, основанныхъ единственно на изученіи статьи г. Каткова и незнакомствѣ съ курсами исторіи философіи. Одинъ изъ людей, знающихъ, какъ надобно предполагать по его статьѣ, истинное положеніе науки нѣсколько ближе, вздумалъ напечатать въ «Москвитянинѣ» статью очень убѣдительно доказавшую рецензенту, что надобно осторожнѣе судить о предметахъ, когда не знакомъ съ сущностью дѣла. Статья была направлена противъ рецензента, и наполнена похвалами достоинствамъ «Очерковъ»; она даже признавала въ нихъ новость нѣкоторыхъ взглядовъ, и очень высокую степень самостоятельности, однимъ словомъ, была также не совсѣмъ умѣренна въ похвалахъ. Тогда авторъ «Очерковъ» напечаталъ въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ того

же «Москвитянина» огромную статью въ 68 страницъ, на которыхъ и доказалъ, что похвалы рецензента, написавшаго панегирикъ, нисколько не преувеличены, что «Очерками» дѣйствительно въ первый разъ отъ изобрѣтенія финикіянами азбуки положено основаніе исторіи философіи, которая и не существовала до минуты появленія «Очерковъ», что всѣ прежніе труды (несравненно превосходящіе достоинствомъ его «Очерки») дѣйствительно никуда не годятся, писаны людьми тупоумными и невѣжественными, и т. д. Все это сопровождалось приличнымъ количествомъ безцеремонныхъ укоризнъ противнику (который вовсе и не нападалъ на «Очерки» г. Каткова), укоризнами, какихъ въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ никто не возвергалъ даже на злосчастнаго Зоила. А противникъ былъ дѣйствительно достоинъ нѣкотораго осужденія развѣ за то, что, хотя и нападалъ на панегириста, но все таки хотѣлъ видѣть самостоятельность и высокое значеніе для науки въ одной изъ очень обыкновенныхъ статей, которыя могутъ свидѣтельствовать только объ основательномъ знакомствѣ своего автора съ предметомъ, но и только: хотѣлъ видѣть особенное значеніе для науки не привившейся у насъ, въ такой статьѣ, которая и у насъ не можетъ быть названа лучшею по своему предмету. Какую философскую или психологическую мысль можно вывесть изъ подобной исторіи? Такую, что панегирическія критики, основанныя единственно на восторгѣ, могутъ имѣть самое вредное вліяніе.

Напротивъ, исторія, возникшая по поводу «Писемъ изъ Рима и Неаполя» г. Авдѣева, кончилась для автора совершенно иначе, именно въ его пользу. Около того самаго времени, какъ одинъ рецензентъ провозглашалъ, что положены основанія исторіи философіи, другой рецензентъ необыкновенно удивился, прочитавъ у г. Авдѣева описаніе римскаго храма св. Петра, который всѣ мы, профаны въ дѣлѣ архитектуры, привыкли по наслышкѣ считать первымъ по художественной красотѣ созданіемъ искусства. Г. Авдѣевъ, занимаясь архитектурою какъ спеціалистъ, объяснилъ, довольно понятно и для насъ, что хорошъ въ храмѣ св. Петра только одинъ куполъ, а всѣ остальныя части плана не выдерживаютъ даже снисходительной критики. За это рецензентъ объявилъ его невѣждою и упрекнулъ г. Леонтьева, зачѣмъ онъ печатаетъ такія невѣжественныя сужденія въ своемъ сборникѣ. Въ слѣдующемъ томѣ «Пропилей» г. А. А. Авдѣевъ принужденъ былъ доказать, что мнѣніе, котораго онъ держится, господствуетъ между всѣми людьми, имѣющими понятіе объ архитектурѣ. Онъ превосходно заключаетъ свой отвѣтъ словами, которыя могли-бъ служить эпиграфомъ ко многимъ изъ разборовъ разныхъ прославляемыхъ произведеній литературы или науки:

«Архитектору все-таки нельзя не порадоваться за свое искусство. Чтобъ взяться построить что нибудь, надобно быть по крайней мѣрѣ простымъ плотникомъ или каменьщикомъ. А въ литературѣ, видно, и карточный домикъ идетъ иногда за строенье, и, что еще обиднѣе, безъ шуму его даже не сдунешь».

Г. Безсоновъ избралъ слишкомъ сухой предметъ для своего разсужденія, объясняя на 80 страницахъ, въ какой мѣрѣ можно довѣрять «Фастамъ» Овидія, какъ источнику для римской миѳологіи. Спеціалисты давно знаютъ рѣшеніе этого вопроса, очень незатруднительное, а большинству читателей онъ не интересъ и не нуженъ. Если-бъ вмѣсто этого длиннаго изслѣдованія г. Безсоновъ написалъ статью объ Овидіѣ и его сочиненіяхъ, или изложилъ какой-нибудь отдѣлъ римской миѳологіи, трудъ его принесъ бы гораздо болѣе пользы. Почти такое же мнѣніе должны

мы высказать о разборѣ Платонова Филеба, который написанъ г. Меншиковымъ въ доказательство того, что «діалогъ этотъ по изяществу формы и художественной своей отдѣлкѣ, занимаетъ едва ли не первое мѣсто въ ряду твореній Платоновыхъ», не смотря на то, что разрозненность и неровность частей этого разговора поражала еще древнихъ, и заставляетъ многихъ новѣйшихъ сомнѣваться въ его цѣлости или «не вполнѣ признавать его высокое достоинство». Пусть многотомное изданіе твореній Платона трактуетъ въ одномъ изъ своихъ предисловій, до какой степени основательно то и другое мнѣніе, и какой изъ разговоровъ Платона занимаетъ первое мѣсто въ ряду его произведеній по изяществу формы: неспеціалисты могли бъ удовольствоваться общимъ понятіемъ о высокомъ художественномъ достоинствѣ Платоновыхъ разговоровъ, и конечно скорѣе желали-бъ увидѣть на русскомъ языкѣ или просто переводъ Филеба, или хорошее жизнеописаніе самого Платона, или изложеніе одной изъ частей его философіи. «Діогенъ Киникъ», (переводъ изъ Геттлинга) также не можетъ быть названъ произведеніемъ, особенно удачнымъ: многія соображенія Геттлинга рѣшительно неумѣстны. Но мы должны похвалить статью г. Благовѣщенскаго «о пантомимахъ» за выборъ интереснаго предмета и занимательность разсказа, ни мало не вредящую основательности изслѣдованія.

Изъ статей о римскихъ нравахъ —«Бракъ и свадебные обряды древнихъ римлянъ», г. Тихановича, составлена недурно. Законный бракъ у римлянъ бывалъ двухъ родовъ—*съ поступленіемъ* (жены) *подъ власть* (мужа) *и безъ поступленія подъ власть*. Въ первомъ случаѣ вся собственность жены, даже ея приданое передавалось мужу; онъ былъ судья жены, могъ, вмѣстѣ съ родственниками, произносить ей даже смертный приговоръ: за то, по смерти мужа, она дѣлалась его наслѣдницею. Въ бракѣ безъ поступленія подъ власть мужа, жена продолжала оставаться членомъ прежней своей семьи, пользовалась своимъ имуществомъ, зато не была наслѣдницею по мужѣ. Этотъ обычай появился въ Римѣ позднѣе, но мало по малу вытѣснилъ изъ жизни первую форму брака, и былъ шагомъ къ эманципаціи, которой въ послѣднее время республики достигли римскія женщины. Двоеженство никогда не было извѣстно римлянамъ. Обручальныя кольца были ужь въ обыкновеніи у нихъ. Май мѣсяцъ признавался, по народному предразсудку, неблагопріятнымъ для свадебъ, какъ и у насъ. Идя въ домъ жениха, невѣста должна была показывать видъ, что ее уводятъ насильно — опять сходство съ нашимъ народнымъ обычаемъ. Такъ обычай требовалъ, чтобъ она сама не переступала черезъ порогъ дома жениха—ее переносили черезъ порогъ—церемонія, служившая воспоминаніемъ о похищеніи невѣстъ въ древнѣйшія времена.

«День въ Римскомъ циркѣ»—статья Августа Данца, написана очень живо и составлена очень внимательно. Нѣмецкій ученый пересказываетъ подробно описанныя историками великолѣпныя игры, которыя далъ Калигула въ день своего рожденія, и дополняетъ эту картину извѣстными намъ изъ другихъ случаевъ свѣдѣніями о циркѣ. Все, что только бываетъ великолѣпнѣйшаго на нашихъ театрахъ и народныхъ праздникахъ, ничтожно въ сравненіи съ невѣроятною роскошью, какою удивляли міръ игры Римскаго цирка. Внутренняя площадь или арена его имѣла до 310 саженъ (болѣе полуверсты) въ длину и болѣе 90 саженъ въ ширину. Мѣста зрителей, шедшія амфитеатромъ въ 50 рядовъ, отдѣлялись отъ арены каналомъ въ 10 футовъ ширины и 10 футовъ глубины. Циркъ вмѣщалъ, по словамъ

Діонисія 150,000, а по словамъ Плинія до 260,000 зрителей. Однако онъ не могъ вмѣщать и половины желающихъ. Тиберій оставилъ своему преемнику 150 милліоновъ руб. сер. въ казнохранилищѣ—и въ пять мѣсяцевъ Калигула истратилъ ихъ на игры. Ужь изъ этого можно судить о роскоши игръ. Но для главнаго торжества былъ назначенъ день его рожденія. Со всей имперіи везли на игры дикихъ звѣрей и вели лошадей. Со всѣхъ концовъ міра стекаются зрители. Съ полночи наканунѣ игръ масса ужь ломится въ циркъ; шумъ ея пробудилъ Калигулу и въ досадѣ онъ велѣлъ выгнать палками безпокойную толпу. При этомъ были задавлены двадцать римскихъ всадниковъ и столько же дамъ, кромѣ множества простолюдиновъ. Но подобные пустяки не останавливаютъ любопытства. На разсвѣтѣ циркъ ужь полонъ. Огромная арена, вмѣсто обыкновеннаго песку, усыпана зеленымъ малахитовымъ порошкомъ, по которому выведены узоры полосами киноваря: малахитъ покрываетъ арену потому, что Калигула держитъ сторону зеленыхъ противъ синихъ (всѣ участвующіе въ скачкахъ, раздѣляются на эти двѣ партіи). Трубы возвѣщаютъ прибытіе Калигулы: впереди необозримой процессіи идутъ ликторы, потомъ ѣдутъ и идутъ тѣлохранители, наконецъ самъ Калигула, на колесницѣ изъ слоновой кости, запряженной шестью лошадьми въ рядъ. Онъ самъ правитъ лошадьми, и медленно объѣзжаетъ арену, преклоняя хлыстъ на привѣтствія народа. За колесницею Калигулы ѣдутъ сто другихъ колесницъ, запряженныхъ четвернею. Процессію замыкаютъ двѣ колесницы, изъ которыхъ одна запряжена четырьмя верблюдами, другая четырьмя слонами. Проѣхавъ черезъ арену до противуположнаго конца, откуда начинается скачка, Калигула выбираетъ себѣ трехъ противниковъ изъ сенаторовъ, и начинаетъ ристаніе. Конечно, онъ остается побѣдителемъ, и народъ, въ знакъ восторга, бросаетъ вверхъ плащи (какъ у насъ подбрасываютъ шапки). Довольный успѣхомъ, цезарь отправляется въ свою ложу и даетъ знакъ начинать общія скачки. Римляне смотря на арену, забыли о всемъ мірѣ; ихъ укрываетъ отъ солнца огромное шелковое покрывало, великолѣпно вышитое золотомъ, осѣняющее весь циркъ—но Калигула придумалъ имъ сюрпризъ—въ полдень, по его знаку покрывало вдругъ снимается, и зрители остаются подъ жгучими лучами солнца. Выпускать изъ цирка не велѣно никого. Римляне четверть часа томятся палящимъ зноемъ: но Калигула довольно позабавился ихъ мученіями, циркъ застилается густымъ влажнымъ облакомъ: насосы, скрытые подъ ареною и въ верхней галлереѣ цирка, орошаютъ все пространство дождемъ благоуханныхъ эссенцій, которыя ручьями стекаютъ по ступенямъ, и въ ту же минуту покрывало опять осѣняетъ циркъ. Лошади устали, ихъ уводятъ отдохнуть: пора закусить и зрителямъ—тысячи столовъ съ роскошнѣйшими кушаньями покрываютъ арену: хозяинъ угощаетъ свой народъ, и кушая самъ въ ложѣ, любуется на толкотню и суматоху, съ какою бросаются и тѣснятся къ столамъ сотни тысячъ проголодавшихся гражданъ. Обѣдъ конченъ, столы приняты, зрители опять сидятъ по мѣстамъ, начинается второе зрѣлище—выступаютъ на сцену дрессированныя животныя. Два льва преслѣдуютъ зайцевъ, ловятъ ихъ и опять пускаютъ бѣжать; рыбы въ каналѣ плаваютъ, повинуясь голосу своихъ приставниковъ. По канату, протянутому съ верхней галлереи цирка внизъ на арену, сходитъ ученый слонъ, неся на спинѣ своего вожака. Выносятъ шесть столовъ, уставленныхъ кушаньями въ золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ: выходятъ двѣнадцать слоновъ, шесть въ мужской, шесть въ женской одеждѣ, по парно возлегаютъ за столы на приготовленныя

перины, начинаютъ кушать, какъ истинно образованные граждане. Потомъ обезьяны забавляютъ своими кривляньями.

Но вотъ начинается охота и гладіаторскіе бои. Послѣднихъ мы не будемъ описывать, скажемъ только о битвахъ съ звѣрями, и онѣ уже слишкомъ возмутительны. Игры начинаются тѣмъ, что слонъ бьется съ носорогомъ, гиппопотамъ съ медвѣдемъ; слонъ и медвѣдь побѣждены, они ревутъ въ предсмертныхъ судорогахъ; народъ рукоплещетъ побѣдителямъ. Потомъ отворяются всѣ двери карцеровъ (звѣринцевъ), на сцену бросаются множество львовъ, тигровъ, леопардовъ, медвѣдей, гіенъ — они въ ожесточеніи терзаютъ другъ друга. Восемьсотъ звѣрей погибаетъ такимъ образомъ. Ихъ крючьями вытаскиваютъ изъ цирка на прилежащія улицы, гдѣ съ жадностью рветъ ихъ голодная чернь, таща домой окровавленные куски, на лакомое для голодныхъ кушанье. На аренѣ уже новое зрѣлище: въ одинъ мигъ 50 страусовъ, 32 жирафа, 20 зебровъ, 15 лосей, 100 оленей, 20 слоновъ, 40 дикихъ лошадей, 60 буйволовъ наполняютъ арену, а 36 крокодиловъ — каналъ, ее окружающій. Противъ нихъ выходятъ жители всѣхъ странъ свѣта, каждый съ своимъ оружіемъ; самъ цезарь, страстный охотникъ, стрѣлялъ изъ ложи звѣрей, подбѣгающихъ близко. Охота кончилась, и снова чернь влечетъ по улицамъ трупы, выброшенные въ добычу ей. Кровь покрыла зеленую скатерть арены, кровь стоитъ озерами. Ихъ засыпаютъ свѣжимъ пескомъ и начинается новый бой — битвы людей съ звѣрьми. Сначала выпускаются три буйвола — бойцы выказываютъ свою ловкость, вспрыгивая на спину разъяреннаго животнаго, которое мчится по аренѣ до изнеможенія, и тогда боецъ, сильно дернувъ его за рога, повергаетъ на сцену. Потомъ выступаютъ противъ львовъ и медвѣдей бойцы, вооруженные только крѣпкими сѣтями — они должны запутать въ нихъ противника и, безвреднаго, утащить въ клѣтку. Вотъ ужъ много бойцовъ растерзано въ неровной борьбѣ. Зрители опьянены запахомъ человѣческой крови — они жаждутъ послѣднаго акта — и по данному знаку выведены на сцену сотни плѣнныхъ, вооруженныхъ мечами; отворяются карцеры — и 200 голодныхъ медвѣдей, 400 львовъ, тигровъ и гіенъ бросаются на своихъ жертвъ. Всѣ плѣнные погибли, и жадные звѣри передъ глазами зрителей пожираютъ полуживыхъ людей. Но Калигула нынѣ любитъ сюрпризы — онъ велитъ схватить еще двѣнадцать человѣкъ изъ среды зрителей и бросить на арену. Чтожъ вѣдь надобно пощекотать чувства? Но довольно. Звѣри оставшіеся въ живыхъ, раскаленнымъ желѣзомъ загоняются назадъ въ карцеры; трупы бойцовъ стаскиваются крючьями въ огромные подвалы, арена снова усыпается пескомъ, снова чиста — теперь пора повеселиться невиннымъ образомъ. Посредствомъ особенныхъ машинъ, на срединѣ цирка является лѣсъ; къ вѣтвямъ деревъ привязано множество рѣдкихъ птицъ. Въ то же время впускается на арену тысяча страусовъ, нѣсколько тысячъ овецъ, свиней, оленей, домашней птицы; отворяются ворота цирка, и чернь бѣшенымъ потокомъ врывается на арену. Зрители наслаждаются ловлею, толкотнею, дракою, которая кипитъ по всей сценѣ; чтобъ еще увеличить сумятицу, изъ ложи цезаря и нѣсколькихъ другихъ, бросаютъ въ толпу марки съ обозначеніемъ разныхъ подарковъ. Въ мѣста сенаторовъ также бросаютъ драгоцѣнныя вещи, билеты на полученіе домовъ и помѣстій — и между сенаторами возвращается также суматоха. Но ужъ наступаетъ вечеръ — да и Калигулѣ наскучило все. Онъ встаетъ, за нимъ пустѣетъ циркъ до слѣдующаго кроваваго праздника.

Намъ должно теперь сказать нѣсколько словъ о статьяхъ, имѣющихъ предметомъ описаніе памятниковъ и изысканія въ развалинахъ Черноморскаго берега, и затѣмъ у насъ останутся для слѣдующаго обзора историческія изслѣдованія и разсказы въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слога, принадлежащія безъ сомнѣнія къ лучшимъ статьямъ сборника.

«Керчь и Тамань», г. Беккера; «Древности Томи», его же; «Разысканія на мѣстѣ древняго Тиная», г. Леонтьева: «Разысканія въ окрестностяхъ Симферополя», графа А. С. Уварова, «О керченскихъ гробницахъ», г. Линевича находятся по своему предмету въ близкой связи и сообщаютъ множество важныхъ древнихъ надписей и подробностей о вещахъ найденныхъ въ курганахъ, такъ что значительно пополняютъ матеріалы для исторіи того края въ греко-римскомъ періодѣ. Но мы не рѣшаемся дѣлать общій обзоръ содержанія этихъ обширныхъ статей, потому что при этомъ возможно избѣжать ошибокъ только тому, кто лично осматривалъ описываемыя мѣста. Г. Кене напечаталъ въ третьей книгѣ Пропилей, описаніе музея древностей, принадлежащаго г. Монферрану. Г. Кене считаетъ это собраніе, заключающее до 73 замѣчательныхъ произведеній древняго ваянія, и множество другихъ древностей, богатѣйшимъ изъ собраній, принадлежащихъ частнымъ людямъ въ Россіи. Особенно драгоцѣнна въ немъ превосходная бронзовая статуя Юлія Цезаря, единственная, дошедшая до нашего времени. Она была открыта въ Римѣ Н. Н. Демидовымъ и тотчасъ тайно вывезена во Флоренцію, изъ опасенія, чтобы дирекція римскихъ музеевъ, узнавъ о такой важной находкѣ, не удержала ее въ Римѣ. Даже мраморныя статуи Юлія Цезаря, самые бюсты его, очень рѣдки; а находящаяся теперь у г. Монферрана бронзовая статуя—доселѣ единственная въ мірѣ, и кромѣ того, по словамъ г. Кене, эта статуя въ художественномъ отношеніи выше всѣхъ остальныхъ, принадлежа къ числу первоклассныхъ произведеній ваянія. Стиль ея, по мнѣнію г. Кене, указываетъ на эпоху искусства, современную Цезарю. Вообще, г. Кене усвоетъ этой статуѣ одно изъ первыхъ мѣстъ между всѣми извѣстными бронзовыми статуями, которыя въ художественномъ отношеніи цѣнятся чрезвычайно высоко.

II.

Древняя исторія достигла гораздо высшей степени обработки, нежели исторія среднихъ вѣковъ или послѣднихъ столѣтій. Безпрестанно повторяемыя фразы о томъ, что исторія должна излагать развитіе внутренняго быта народовъ, а не разсказывать, подобно лѣтописи, сборнику анекдотовъ или дюжинному роману, разныя шумныя или эффектныя происшествія, — эти фразы по большей части остаются безплодны въ отношеніи къ исторіи новаго міра. Очень мало найдется первоклассныхъ историковъ, которые, посвящая свои труды изслѣдованіямъ о среднихъ вѣкахъ или новѣйшихъ временахъ, главное вниманіе обращали бы, подобно Гизо и Шлоссеру, на развитіе существенно важныхъ сторонъ народной жизни: общественныхъ и экономическихъ отношеній, образованности и т. д.; большею частью вниманіе изслѣдователя занято вопросами объ именахъ, личностяхъ и подробностяхъ разныхъ шумныхъ событій. Но въ древней исторіи истинныя понятія о существенномъ ея предметѣ ужъ успѣли утвердиться и примѣняются къ дѣлу большинствомъ изъ-

искателей; оттого и сочиненія о ней, говоря вообще, пріобрѣтаютъ для людей, требующихъ отъ исторіи того, чего на самомъ дѣлѣ должно въ ней искать, такой интересъ, какой рѣдко представляютъ сочиненія о послѣдующихъ временахъ. Было бы слишкомъ долго исчислять причины, которымъ обязана обработка древней исторіи такимъ направленіемъ; но, между прочими, есть одна, о которой мы должны упомянуть, потому что ею также объясняется положеніе очень многихъ основныхъ вопросовъ древней исторіи, къ числу которыхъ принадлежатъ и вопросы, составляющіе предметъ важнѣйшихъ по ученому достоинству статей въ разсматриваемыхъ нами томахъ «Пропилей»; эта причина—малочисленность источниковъ. Ученый, который хочетъ, напримѣръ, разсказать царствованіе Людовика XIV или Фридриха II, можетъ представить тысячи фактовъ и милліоны подробностей, которыя не были изложены въ такой полнотѣ его предшественниками: тысячи томовъ печатныхъ матеріаловъ, сотни фоліантовъ, скрывающихся въ библіотекахъ и архивахъ, представятъ ему неисчерпаемое богатство данныхъ, и его сочиненіе можетъ пріобрѣсть большое ученое достоинство сообщеніемъ новыхъ фактовъ, хотя-бъ и ограничивалось изложеніемъ такъ называемой политической исторіи. Не то съ древнимъ міромъ. Здѣсь всѣ источники давно ужъ исчерпаны относительно событій внѣшней исторіи, потому что эти источники очень малочисленны. Слѣдовательно, нужно переработать матеріалы съ новой точки зрѣнія, для того чтобы сказать что нибудь новое и сообщить ученое значеніе своему труду; отъ внѣшней исторіи необходимо обратиться къ внутренней исторіи, которая мало была разработана прежними изслѣдователями. Но источники древней исторіи не только малочисленны— они отрывочны и неполны; въ этомъ заключается невыгодная сторона дѣла. Если и въ новой исторіи, столь обильной матеріалами, изслѣдованіе развитія народной жизни часто бываетъ затруднительно по недостатку фактовъ, то гораздо ощутительнѣе это препятствіе въ рѣшеніи вопросовъ о жизни древнихъ народовъ. Часто самыя основныя воззрѣнія должны быть выводимы здѣсь изъ двухъ или трехъ указаній, ограничивающихся шаткими, неяснымъ намеками. Особенно должно это сказать о древнѣйшихъ временахъ. Потому не удивительно, что рѣшенія вопросовъ, къ нимъ относящихся, бываютъ разногласны; не удивительно покажется и то, что въ предпочтеніи одного рѣшенія другому часто нужно бываетъ руководиться не положительными фактами, сохранившимися именно о той странѣ, о которой идетъ дѣло, а преимущественно аналогіею съ тѣмъ, что происходило или еще происходитъ въ другихъ странахъ. Конечно, въ такомъ случаѣ заключенія будутъ только правдоподобны; но аналогія иногда бываетъ такъ поразительна, что трудно подвергать сомнѣнію выводъ, которому она благопріятствуетъ. Если же отказаться отъ ея пособія, то часто надобно будетъ отказаться отъ всякаго положительнаго вывода. Намъ казались нужными эти замѣчанія потому, что на основаніи ихъ рѣшается бо́льшая часть спорныхъ вопросовъ изъ греческой исторіи, изслѣдуемыхъ въ важнѣйшихъ статьяхъ третьяго и четвертаго томовъ «Пропилей». Мы говоримъ о статьяхъ: г. Леонтьева «Историческая Грецiя до персидскихъ войнъ» и г. Куторги «Критическія разысканія о законодательствѣ Клисѳена».

Статьи г. Леонтьева объ «Исторіи Греціи», составляемыя по сочиненію Грота, не нуждаются въ нашихъ похвалахъ, которыя будутъ только повтореніемъ общаго отзыва. Ученый авторъ не просто сокращаетъ многотомное сочиненіе Грота: онъ, какъ знатокъ дѣла, подвергаетъ основательной критикѣ мнѣнія этого историка,

представляетъ ихъ въ связи съ трудами другихъ изслѣдователей, и принимаетъ изъ нихъ только то, что кажется ему самому справедливымъ, показывая причины, по которымъ нельзя соглашаться съ остальнымъ. Такимъ образомъ его изложеніе, въ высшей степени интересное, имѣетъ полное право на имя самостоятельнаго ученаго труда. Обширная статья, помѣщенная въ третьемъ томѣ, говоритъ о «достовѣрной исторіи» Греціи до персидскихъ войнъ, служа продолженіемъ прежнему разсказу о миѳической Греціи. Послѣ прекрасной характеристики самой страны въ связи съ ея вліяніемъ на развитіе народа, ее населившаго, и общаго взгляда на узы, которыми связывались разрозненныя греческія племена въ одно цѣлое по своему духу, г. Леонтьевъ разсказываетъ первоначальную исторію Спарты и Аѳинъ.

Первымъ достовѣрнымъ событіемъ спартанской исторіи г. Леонтьевъ, согласно съ Гротомъ, принимаетъ введеніе Ликургова законодательства около половины IX вѣка до Р. Х., и въ этомъ случаѣ расходится съ мнѣніемъ ученыхъ, полагающихъ, что учрежденія, приписываемыя преданіемъ Ликургу—древнѣйшія учрежденія дорійскаго племени, и что они только сохранились у спартанцевъ, быть можетъ были развиты ими, но не могутъ быть сочтены особеннымъ явленіемъ, возникшимъ исключительно въ Спартѣ, и возникшимъ такъ поздно, какъ утверждаетъ преданіе о Ликургѣ. Впрочемъ, здѣсь разногласіе болѣе въ словахъ, нежели въ сущности мнѣній; г. Леонтьевъ признаетъ, что такъ называемыя Ликурговы учрежденія были въ сущности только развитіемъ древнѣйшаго племеннаго устройства, лежавшаго въ характерѣ дорійскаго племени. Существенное разнорѣчіе съ господствовавшимъ до послѣдняго времени взглядомъ мы находимъ только въ одномъ пунктѣ. Гротъ и г. Леонтьевъ отвергаютъ извѣстіе, что земля была раздѣлена между спартанскими гражданами на равные участки. Но намъ кажется, что возраженія, ими представляемыя, недостаточны для опроверженія обыкновеннаго мнѣнія. Неизвѣстно—говоритъ Гротъ— какими мѣрами охранялось это учрежденіе. Но спартанскіе законы о наслѣдствѣ и правѣ отчужденія поземельной собственности не такъ подробно извѣстны намъ, чтобы можно было заключать о несуществованіи подобныхъ мѣръ. Намъ кажется даже, что исправленный текстъ Гераклида Понтійскаго, на которомъ основываетъ свои сомнѣнія Гротъ, свидѣтельствуетъ напротивъ того о неподвижности поземельной собственности у спартанцевъ. Вотъ слова Гераклида: «У лакедемонянъ считается позорнымъ продавать землю, а изъ древняго участка это вовсе не дозволено»—итакъ, земля не продавалась почти никогда, а участки, назначенные въ древности, вовсе не могли быть отчуждаемы изъ рода. Слѣдовательно, неизвѣстно только, какъ предотвращалось дробленіе участковъ между сыновьями владѣльца. Но, если вспомнимъ, что вообще число спартанцевъ скорѣе уменьшалось (отъ безпрестанныхъ войнъ и другихъ причинъ), нежели увеличивалось, то должны будемъ заключить, что въ большей части семействъ дробленіе родовыхъ участковъ не могло быть слишкомъ велико, еслибъ даже и не было принято противъ него никакихъ мѣръ. Кромѣ того, слова Гераклида ясно говорятъ о древнихъ участкахъ, неприкосновенность которыхъ была особенно важна для государства. Этимъ самымъ сильно подтверждается мнѣніе о древней раздачѣ отъ государства равнымъ гражданамъ равныхъ участковъ. «Но въ Спартѣ были въ VI—V вѣкѣ богатые люди—говоритъ Гротъ—а спартанское богатство должно было состоять исключительно въ землѣ, а не въ деньгахъ»— почему же не могло состоять оно въ награбленныхъ у непріятеля драгоцѣнныхъ

металлахъ, въ скотѣ, рабахъ и т. д.? Что касается сомнѣній о дѣлежѣ, основанныхъ на молчаніи писателей до Полибія (во II вѣкѣ до Р. Х.) они вовсе не убѣдительны; тѣмъ болѣе, что бѣглыя упоминовенія о равномъ дѣлежѣ земли между спартанцами есть у Платона, Аристотеля, Исократа; а болѣе подробныхъ объясненій не могли и дать эти писатели, говорящіе совершенно о другихъ предметахъ. Наконецъ самое сильное возраженіе Грота приводимъ собственными словами г. Леонтьева, чтобы показать, какъ оно шатко, не смотря на свое остроуміе: Очень можетъ быть, что философъ Сферосъ, другъ и спутникъ Клеомена (предпринявшаго новый раздѣлъ земли между обѣднѣвшими гражданами, съ цѣлью возвратить Спартѣ прежнее могущество) былъ однимъ изъ первыхъ, пустившихъ въ ходъ эту гипотезу... Мы ничего не знаемъ о Сферосѣ, и предположеніе Грота чисто произвольно. Но какъ онъ хочетъ объяснить увѣренность въ раздѣлѣ земли Ликургомъ мечтами Клеомена о возможности подобнаго дѣла, такъ мы объясняемъ недовѣріе самаго Грота къ извѣстію, переданному Полибіемъ и Плутархомъ, тѣмъ, что Гротъ, напитавшись мнѣніями англійскихъ современныхъ экономистовъ о невозможности подобнаго дѣла въ настоящее время, перенесъ ихъ мнѣнія на экономическое устройство эпохи, не имѣющей въ этомъ случаѣ никакого сходства съ нашимъ временемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ древности племена, поселяясь въ завоеванной странѣ, дѣлили землю между всѣми воинами, участвовавшими въ завоеваніи; такъ было вездѣ. То же повторялось и въ началѣ среднихъ вѣковъ, когда разныя германскія племена завоевывали римскія провинціи. Поэтому нельзя сомнѣваться, что и дорійцы, завоевавъ часть Пелопонеса, раздѣлили между собою землю. А какъ воины эти были равны между собою —равенство ихъ постоянно оставалось существенною чертою спартанскаго устройства —то конечно и участки были равны. Еслибъ мы не знали этого о спартанскомъ первобытномъ учрежденіи изъ положительныхъ свидѣтельствъ, то должны были бы такъ предположить на основаніи того, что при подобныхъ обстоятельствахъ то же явленіе бывало повсюду. Тѣмъ менѣе мѣста сомнѣнію, когда есть положительное свидѣтельство такого достовѣрнаго историка, какъ Полибій. Вообще все изложеніе экономическихъ учрежденій въ Спартѣ носитъ у Грота явные слѣды узкаго пониманія вещей подъ вліяніемъ экономистовъ, занимающихся полемикою противъ разныхъ современныхъ идей. Онъ позабываетъ при этомъ о формахъ экономическихъ отношеній, преобладавшихъ въ патріархальномъ обществѣ, съ которыми совпадаетъ и учрежденіе, приписываемое Ликургу, и потому съ его мнѣніемъ не возможно согласиться. Все остальное въ исторіи Спарты, какъ пересказываетъ ее г. Леонтьевъ, не представляетъ важныхъ поводовъ къ разнорѣчію.

Но при самомъ началѣ Аѳинской исторіи Гротъ опять излагаетъ гипотезу, едва ли справедливую. По греческимъ преданіямъ, пелазги, первоначальные жители Греціи, были отличны отъ гелленовъ, пришедшихъ впослѣдствіи времени съ сѣвера. Іонійское племя, населившее, между прочимъ, Аттику, было гелленскаго происхожденія. Миѳически это выражается тѣмъ, что Іонъ былъ внукъ Геллена. Вообще, у всѣхъ древнихъ писателей, геллены представляются народомъ, различнымъ отъ пелазговъ, и къ гелленамъ, а не къ пелазгамъ причисляются іоняне. Трудно найдти фактъ въ первобытной греческой исторіи, относительно котораго свидѣтельства были бы такъ многочисленны и согласны. Но Гротъ, основываясь на томъ, что аѳиняне считали себя въ Аттикѣ туземцами, а не пришель-

цами, называетъ іонянъ пелазгами и считаетъ ихъ самымъ первобытнымъ населеніемъ этой страны, хотя мнѣніе аѳинянъ о томъ, что они жили въ Аттикѣ съ незапамятныхъ временъ, нисколько не противорѣчитъ преданію о ихъ гелленскомъ происхожденіи, потому что пришествіе гелленовъ въ среднюю Грецію относится къ глубочайшей древности. Гипотеза Грота совершенно произвольна. Можно доказывать родство всѣхъ гелленовъ съ пелазгами; но странно отказывать іонянамъ въ тѣснѣйшемъ родствѣ съ ахейцами и дорійцами. Обыкновенно также думаютъ, со времени Нибура, что іоняне завоевали Аттику и покорили прежнихъ ея жителей. Гротъ также отвергаетъ это мнѣніе, основываясь преимущественно на томъ, что въ числѣ знатныхъ афинскихъ родовъ есть многіе, происходившіе, по всей вѣроятности, отъ первобытныхъ жителей страны. Но это не противорѣчитъ факту завоеванія. Гротъ не сомнѣвается въ томъ, что спартанская область была завоевана дорійцами, которые покорили ахеянъ; между тѣмъ въ числѣ спартанцевъ были роды не дорійскаго, а ахейскаго происхожденія; даже спартанскіе цари, по его собственнымъ словамъ, считали себя потомками ахеянъ, то есть покоренныхъ туземцевъ, а не дорійцевъ, побѣдоносныхъ пришельцевъ. Изъ первобытной римской исторіи также видимъ, что нѣкоторые роды изъ побѣжденнаго племени принимались въ племя побѣдителей. Другія возраженія противъ послѣдователей Нибура еще слабѣе. Такъ, напримѣръ, мнѣніе, будто бы іонійскій діалектъ вѣрнѣе другихъ сохранилъ первобытную полноту гласныхъ, совершенно несправедливо. Іонійскій діалектъ болѣе всѣхъ другихъ уклонился отъ древнихъ формъ — это фактъ, неподлежащій сомнѣнію. Здѣсь было бы неумѣстно продолжать этотъ спеціальный разборъ, слишкомъ сухой. Но внимательное разсмотрѣніе приводитъ къ тому, что Нибурово мнѣніе о завоеваніи гелленскими іонянами Аттики, населенной первоначально другимъ племенемъ, гораздо вѣроятнѣе гипотезы, отвергающей завоеваніе. Что же касается различія первобытныхъ жителей отъ позднѣйшихъ пришельцевъ іонянъ, въ немъ, кажется, невозможно и сомнѣваться. Вообще, вопросы о первобытной исторіи Гротъ излагаетъ менѣе удовлетворительно, нежели о послѣдующихъ временахъ. Онъ не имѣетъ той геніальной проницательности, которая нужна для самостоятельныхъ и прочныхъ открытій въ хаосѣ темныхъ извѣстій, и когда противорѣчитъ своимъ предшественникамъ, которые руководились удивительно глубокими соображеніями Нибура, то обыкновенно приходитъ къ предположеніямъ, удовлетворительнымъ менѣе, нежели выводы послѣдователей Нибура. Г. Леонтьевъ справедливо говоритъ, что здравый смыслъ, которымъ отличается Гротъ, недостаточенъ для разъясненія мрака первобытной исторіи. Гораздо лучше его соображенія о тѣхъ вопросахъ, разрѣшить которые можно и безъ помощи геніальности, однимъ здравымъ смысломъ. Во всякомъ случаѣ, сочиненіе Грота — единственная полная исторія Греціи, написанная очень основательно и заслуживающая той извѣстности, какую пріобрѣла; если бы г. Леонтьевъ ограничивался только изложеніемъ того, что находимъ у Грота, онъ оказывалъ бы большую услугу русскимъ читателямъ: но присоединяя къ изысканіямъ Грота свои собственныя, и знакомя читателей со всѣми другими замѣчательными мнѣніями о спорныхъ вопросахъ греческой исторіи, онъ еще болѣе возвышаетъ ученое достоинство своего труда. Именно въ такихъ статьяхъ нуждается русская историческая литература, и конечно всѣ читатели «Пропилей» съ самымъ живымъ интересомъ ожидаютъ ихъ продолженія.

Г. Куторга пишетъ очень мало, и нельзя не пожалѣть о томъ. Конечно,

изслѣдованія, имъ печатаемыя, представляютъ новыя рѣшенія очень важныхъ и трудныхъ вопросовъ,—и мы согласны, что такія произведенія требуютъ слишкомъ многихъ изысканій. Но положеніе нашей исторической литературы таково, что ученый, трудясь для движенія науки впередъ, можетъ также посвящать нѣкоторую часть своего времени и на такіе труды, которые, если не двинутъ впередъ науку вообще, то будутъ совершенно новыми у насъ. Изслѣдованіе г. Куторги о Клисоенѣ займетъ почетное мѣсто въ общей европейской исторической литературѣ, объясняя одинъ изъ главнѣйшихъ фазисовъ развитія аѳинскаго законодательства. Въ третьемъ томѣ «Пропилей» напечатана только первая часть этого труда: изслѣдованіе о дарованіи гражданскихъ правъ метекамъ. Такъ какъ содержаніе этого трактата касается интереснѣйшихъ сторонъ общественнаго устройства, и такъ какъ г. Куторга излагаетъ вполнѣ справедливыя, но еще очень мало извѣстныя у насъ понятія о племенномъ бытѣ, то представимъ здѣсь извлеченіе изъ его изысканія.

Свѣдѣній о преобразованіяхъ, введенныхъ Клисоеномъ въ аѳинское законодательство по изгнаніи Пизистратидовъ, дошло до насъ очень мало. Тѣмъ драгоцѣнные они, потому что Клисоеновы реформы составили чрезвычайно важную эпоху въ развитіи аѳинскихъ общественныхъ отношеній. Къ числу немногихъ указаній о сущности этихъ реформъ принадлежатъ слова Аристотеля: «Клисоенъ помѣстилъ въ филы многихъ иностранцевъ и рабовъ метековъ». Это мѣсто очень затрудняло ученыхъ; выраженіе «рабы метеки» было непонятно, и темноту приписывали испорченности текста. Но эти исправленія текста были несправедливы, какъ потому что сами не представляли несомнѣннаго смысла, такъ и потому, что дѣлались наперекоръ авторитету всѣхъ дошедшихъ до насъ рукописей Аристотеля. Потому г. Куторга, отвергая мысль о произвольныхъ измѣненіяхъ чтенія, переданнаго всѣми списками, дѣлаетъ попытку объяснить его безъ всякихъ исправленій, и для того въ подробности разбираетъ смыслъ затруднительныхъ выраженій «помѣстилъ въ филы» и «рабы метеки». Для этой цѣли ему необходимо было объяснить положеніе различныхъ сословій жителей аѳинскаго государства: но какъ скудныя свѣдѣнія, дошедшія до насъ объ этомъ предметѣ, вполнѣ ясны становятся только при сличеніи ихъ съ фактами, извѣстными намъ объ устройствѣ другихъ племенъ, проходившихъ тѣ же ступени развитія, какія проходило аѳинское государственное общество, то г. Куторга излагаетъ общій ходъ этого развитія слѣдуя методу Нибура, доказательства котораго дополняетъ результатами собственныхъ изслѣдованій. Ясность и основательность всего этого разысканія даетъ намъ возможность представить его въ существенныхъ чертахъ читателямъ, какъ примѣръ удачнаго приложенія сравнительнаго метода, столь необходимаго для исторіи, особенно древнѣйшей исторіи, которая только при помощи его даетъ выводы прочные и чрезвычайно важные для пониманія всѣхъ послѣдующихъ явленій народной жизни. Введеніе этого метода въ науку—одна изъ важнѣйшихъ заслугъ великаго Нибура, и можно безъ преувеличенія сказать, что степенью умѣнья прилагать сравнительный методъ преимущественно должна измѣряться способность ученаго съ пользою изслѣдовать темныя, но важныя времена первобытной исторіи. Прославленный методъ Гримма въ сущности есть тотъ же самый методъ Нибура, только примѣненный болѣе спеціальнымъ образомъ.

Прежде всего надобно замѣтить, что въ древнихъ государствахъ все народонаселеніе раздѣлялось по отношенію къ государственнымъ правамъ на двѣ не-

ровныя половины: людей, участвовавшихъ въ управленіи государствомъ, и людей, не имѣвшихъ права ни подавать голоса въ народныхъ собраніяхъ, рѣшавшихъ важныя дѣла, ни дѣлаться членами совѣти или, выражаясь римскимъ терминомъ, сената, управлявшаго общимъ ходомъ текущихъ дѣлъ, ни занимать правительственныя должности. Подобное устройство видимъ въ городахъ среднихъ вѣковъ; въ большихъ размѣрахъ почти то же замѣчаемъ донынѣ въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ, особенно въ Англіи. Общій ходъ государственнаго развитія въ государствахъ, внутреннія силы которыхъ увеличивались съ теченіемъ времени, состоялъ въ томъ, что постепенно это различіе сглаживалось раздачею правъ жителямъ, которые прежде лишены были участія въ управленіи. Такъ было и въ Аѳинахъ.

Аѳиняне дѣлились первоначально на четыре колѣна или «филы» имѣвшія племенное значеніе; здѣсь можетъ возникнуть вопросъ о томъ, все ли народонаселеніе аѳинскаго государства входило въ составъ этого дѣленія, или только одни люди, участвовавшіе въ управленіи. По мнѣнію Нибура, раздѣляемому г. Куторгою, только эти люди. Но собственно объ устройствѣ аѳинскихъ первоначальныхъ филъ не дошло до насъ точныхъ извѣстій, и Нибуръ основываетъ свое мнѣніе на сравненіи аѳинскаго общественнаго быта съ римскимъ; въ Римѣ такъ же были колѣна состоявшія изъ родовъ, какъ и въ Аѳинахъ, какъ и въ большей части другихъ древнихъ государствъ; но въ составъ колѣнъ входили только члены класса, управлявшаго государствомъ. Г. Куторга подтверждаетъ эту аналогію, показывая, что «быть принятъ въ составъ филы» и «получить участіе въ государственномъ управленіи» значитъ у греческихъ писателей одно и то же. Часть населенія, лишенная правъ, не входила въ составъ филъ. Но какимъ же людямъ Клисѳенъ далъ право участія въ филахъ, или въ государственномъ управленіи? Для опредѣленія этого опять надобно точнѣе припомнить общій ходъ развитія гражданскихъ обществъ въ древности и въ началѣ среднихъ вѣковъ, когда опять изъ племеннаго быта созидались государства. Вездѣ мы видимъ, что первоначально участвовали въ управленіи государствомъ только люди, имѣвшіе поземельную собственность, и что съ теченіемъ времени остальные классы народа пріобрѣли участіе въ государственныхъ правахъ, которыя перестали быть неразрывно связаны съ землею. Соединеніе государственныхъ правъ съ поземельною собственностью произошло оттого, что первоначально была только общинная, а не частная поземельная собственность: земля принадлежала обществу, а не частнымъ лицамъ, которымъ участки ея отдавались только въ пользованіе: всѣ, принадлежавшіе къ составу государственнаго общества, получали участки, не имѣли ихъ только люди, не входившіе въ составъ этого общества. Подобное тому устройство до сихъ поръ сохранилось въ нашемъ сельскомъ бытѣ. Точно также дѣлили землю между всѣми членами дружины или общины германцы, завоевывая какую-нибудь область. Рабы и покоренные конечно не получали отъ завоевавшей общины этихъ участковъ, они также не имѣли и участія въ государственномъ управленіи. Мало по малу участки эти сдѣлались полною собственностью частныхъ лицъ; но по прежнему оставалось понятіе и правило, что только люди владѣющіе землею, члены государственнаго общества. Такъ было повсюду у германцевъ, римлянъ и различныхъ греческихъ племенъ. Такъ должно было быть и въ Аѳинахъ, что подтверждается общимъ сходствомъ внутренней исторіи гражданскихъ отношеній въ этомъ государствѣ съ другими государствами.

Но съ теченіемъ времени одни изъ владѣльцевъ богатѣли, другіе бѣднѣли, одни дѣлались людьми могущественными, другіе слабыми, беззащитными. При самоуправствѣ и неопредѣленности отношеній, чѣмъ всегда отличаются государства, еще не достигшія очень высокой степени благоустройства, бѣдные и слабые владѣльцы должны были терпѣть очень много притѣсненій отъ сосѣдовъ; для многихъ также были очень тяжелы государственныя подати и повинности; что имъ оставалось дѣлать? или продавать свои участки, или искать покровительства могущественныхъ людей, которые защищали-бъ ихъ отъ притѣсненій, принимая извѣстныя права надъ ихъ землею. Послѣднее явленіе встрѣчаемъ повсюду. Такъ въ V вѣкѣ по Р. Х., когда Римская Имперія разрушалась, когда безопасности было мало, и по внутреннимъ безпорядкамъ, и потому что германцы безпрестанно дѣлали свои набѣги, — въ это тяжелое время мелкіе свободные землевладѣльцы принуждены были искать защиты и помощи у богатыхъ людей, которымъ передавались вмѣстѣ съ своимъ имуществомъ; такимъ образомъ образовался классъ колоновъ или поселянъ, бывшихъ во власти частныхъ людей. Еще въ обширнѣйшихъ размѣрахъ происходило подобное явленіе во время распаденія имперіи Карла Великаго. Безпорядки и потрясенія этой тяжелой эпохи были такъ невыносимы для слабыхъ, что «свободные «люди, владѣвшіе небольшими участками земли, обращались къ болѣе сильнымъ, «избирали ихъ своими покровителями (patronus) и господами (seigneur) и давали «имъ присягу въ вѣрности и покорности (fidelitas et homagium). Такое добро«вольное поступленіе одного лица въ зависимость другаго (commendatio, recom«mendatio, traditio) было признано правительствомъ и сдѣлалось государственнымъ «постановленіемъ». Такъ произошелъ классъ вассаловъ изъ свободныхъ алодіальныхъ владѣльцевъ, потомковъ германскихъ воиновъ, получившихъ по жребію участки земли при завоеваніи страны. Можно прибавить, что до нѣкоторой степени подобныя явленія встрѣчаемъ и въ смутныя времена русской исторіи, когда поселяне и мелкіе земледѣльцы «записывались» за бояръ и монастыри, чтобы имѣть отъ нихъ защиту и участвовать въ льготахъ, которыми пользовались ихъ помѣстья и вотчины. Теперь легко будетъ для насъ убѣдиться въ основательности объясненія, которое даетъ г. Куторга словамъ Аристотеля «Клисоенъ далъ право гражданства рабамъ метекамъ». Онъ полагаетъ, что «метеками» назывались въ Аѳинахъ «владѣльцы небольшихъ участковъ, которые передались со всѣмъ своимъ поземель«нымъ имуществомъ другому лицу и поступили въ число людей его». Правда, до сихъ поръ, руководствуясь опредѣленіемъ словаря Генриха Стефана, подъ именемъ метековъ хотѣли ученые понимать иноземцевъ, поселившихся въ чуждомъ государствѣ, и постоянно живущихъ въ немъ подъ покровительствомъ законовъ, но устраненныхъ отъ участія въ гражданскихъ правахъ. Но это значеніе получено было словомъ метекъ уже въ позднѣйшіе времена, послѣ Аристида, по предложенію котораго всѣ свободные жители Аттики получили право гражданства. Но въ старину это слово должно было относиться къ туземцамъ, не имѣвшимъ гражданскихъ правъ; это ясно во первыхъ изъ того, что относя его къ иноземцамъ, прибавляютъ къ нему эпитетъ «иностранецъ»; во вторыхъ еще опредѣлительнѣе узнается основной смыслъ слова метекъ, когда сравнимъ его съ подобными ему «περίοικος» и «σύνοικος»: этими словами означались туземцы, не пользовавшіеся гражданскими правами, и состоявшіе подъ покровительствомъ могущественныхъ землевладѣльцевъ. Туземность древнихъ метековъ прямо подтверждается словами Исократа, говорящаго что

они были «соотечественники» или «соплеменники» людямъ, имѣвшимъ гражданскія права. Какимъ же образомъ произошелъ въ Аѳинахъ этотъ классъ людей свободныхъ, но потерявшихъ права? Точно такъ же, отвѣчаетъ г. Куторга, какъ въ Римской Имперіи, въ имперіи Карла Великаго и проч. принужденные искать безопасности и льготъ въ покровительствѣ людей сильныхъ, владѣльцы небольшихъ участковъ передавались могущественнымъ покровителямъ вмѣстѣ съ своею собственностью, отказываясь отъ званія самостоятельныхъ владѣльцевъ и теряя черезъ то гражданскія права.

Если мы пріймемъ это объясненіе, имѣющее за себя, по нашему мнѣнію, всю вѣроятность, то для насъ будутъ совершенно понятны слова Аристотеля и коренное значеніе важныхъ преобразованій, сдѣланныхъ Клисѳеномъ въ распредѣленіи государственныхъ отношеній въ древней Аттикѣ, также и общій ходъ событій вызвавшихъ эти реформы.

Подчиняясь богатымъ землевладѣльцамъ, говоритъ г. Куторга, метеки надѣялись найдти покровительство; но скоро покровители начали притѣснять ихъ, какъ это было и при распаденіи Римской Имперіи, по разсказу Сальвіана. Бѣдные дѣлаются еще бѣднѣе черезъ покровительство, прибавляетъ этотъ писатель, объяснивъ, какъ слабые землевладѣльцы передавались могущественнымъ: ихъ принимаютъ какъ людей непринадлежащихъ къ числу рабовъ, а владѣютъ ими какъ своею собственностью, такъ что вольные люди обращаются въ рабовъ. Такъ же точно и мелкіе алодіальные владѣльцы среднихъ вѣковъ, поступая въ число вассаловъ, мало по малу совершенно утрачивали личную свободу, превращались въ рабовъ, какъ часто ихъ и называли, несмотря на то, что, по закону они не были рабами. «Въ такомъ же положеніи были аѳинскіе метеки. Они потеряли прежнія «права свои и стояли какъ бы въ срединѣ между свободными и рабами. Они были «свободными метеками по своему происхожденію, но рабами по положенію въ обще«ствѣ. Этотъ классъ людей и разумѣетъ Аристотель подъ словомъ: рабы метеки». Но въ Аттикѣ были кромѣ этихъ туземныхъ метековъ другіе метеки—иноземцы, поселившіеся въ Аѳинахъ. Аристотель упоминаетъ и о нихъ. Потому слово метеки въ его фразѣ надобно понимать относящимся и къ слову «рабы» и къ слову «иноземцы». Клисѳенъ далъ право гражданства метекамъ рабамъ и метекамъ иноземцамъ.

Нѣтъ надобности говорить о важности этого объясненія, открывающаго указаніе на одинъ изъ основныхъ фактовъ внутренней исторіи Аѳинскаго государства, и мы совершенно согласны съ мнѣніемъ г. Леонтьева, что изслѣдованіе г. Куторги приводитъ къ результату, имѣющему всю убѣдительность, возможную въ подобныхъ случаяхъ. Строгая логичность выводовъ и основательность толкованія древнихъ свидѣтельствъ въ этомъ разысканіи равно замѣчательны. Мы не можемъ раздѣлять мнѣній ученаго изслѣдователя только относительно одного пункта — основаній, по которымъ произошла неразрывная связь, существовавшая въ первобытной государственной формѣ между званіемъ гражданина, эвпатрида или патриція, и участіемъ въ общинной государственной собственности. Г. Куторга, относитъ возникновеніе общинной поземельной собственности, раздававшейся во владѣніе всѣмъ членамъ племени, къ земледѣльческому быту, который признаетъ первобытнымъ: «нѣтъ «никакого сомнѣнія, говоритъ онъ, что первоначальное состояніе человѣка было земле«дѣльческимъ, а рыбная ловля и охота занятіемъ второстепеннымъ и отчасти позднѣй-

«шимъ. Многіе писатели доказывали, что общество проходило разныя степени, что «человѣкъ сдѣлался прежде всего рыболовомъ и охотникомъ, познакомился потомъ «съ скотоводствомъ, и только впослѣдствіи времени узналъ хлѣбопашество. Этотъ «систематическій переходъ неестественъ и совершенно противорѣчитъ свѣдѣніямъ «о патріархальномъ бытѣ, пріобрѣтеннымъ въ позднѣйшее время» — напротивъ, онъ совершенно подтверждается ими, и совершенно естественъ: ненатурально человѣческому обществу дичать, натурально ему цивилизоваться. Преданія всѣхъ народовъ свидѣтельствуютъ о томъ, что прежде нежели узнали они земледѣліе и сдѣлались осѣдлыми, они бродили, существуя охотою и скотоводствомъ. Чтобы ограничиваться греческими преданіями и относящимися именно къ Аттикѣ, укажемъ на миѳъ о Церерѣ и Триптолемѣ, котораго научила она земледѣлію — очевидно, что по воспоминаніямъ греческаго народа нищенское и грубое состояніе дикарей охотниковъ было первымъ, а съ благодѣяніемъ осѣдлой земледѣльческой жизни познакомились люди уже впослѣдствіи. Такія общія всѣмъ народамъ преданія совершенно подтверждаются для всего европейскаго отдѣла индоевропейскихъ племенъ изслѣдованіями Гримма, которыя справедливо считаются безусловно вѣрными въ своихъ главныхъ выводахъ. То же самое прямымъ образомъ доказываютъ положительные факты, записанные въ историческихъ памятникахъ: мы не знаемъ ни одного народа, который, ставъ разъ на степень земледѣльческаго, низпалъ потомъ въ состояніе одичалости, не знающей земледѣлія; напротивъ того, у многихъ изъ европейскихъ народовъ достовѣрная исторія записала почти съ самаго начала весь ходъ распространенія земледѣльческаго быта. Къ числу такихъ народовъ принадлежатъ германцы и отчасти славяне. Мы выставляемъ здѣсь наше несогласіе съ этимъ положеніемъ г. Куторги, между прочимъ, именно потому, что выводъ, изложенный нами, и не подлежащій сомнѣнію послѣ новѣйшихъ изслѣдованій, гораздо сильнѣе подтверждаетъ его справедливый взглядъ на государственное значеніе поземельной собственности, нежели теорія, будто бы земледѣльческій бытъ есть первоначальное состояніе народа. Частная поземельная собственность была необходимымъ условіемъ государственныхъ правъ потому, что произошла изъ общинной собственности, которою пользовались всѣ лица, составлявшія племенное общество, и не пользовался никто, не принадлежащій къ этому обществу (роду, колѣну, племени); а общинная собственность — существенная принадлежность не земледѣльческаго, а бродячаго, пастушескаго или звѣроловческаго быта. У пастушескихъ народовъ, безпрестанно перекочовывающихъ съ мѣста на мѣсто, личная поземельная собственность недостаточна, стѣснительна и потому не нужна. У нихъ только община (племя, родъ, орда, улусъ, юрта) хранитъ границы своей области, которая остается въ нераздѣльномъ пользованіи у всѣхъ ея членовъ; отдѣльныя лица не имѣютъ отдѣльной собственности. Совершенно не то въ земледѣльческомъ бытѣ, который дѣлаетъ необходимостью личную поземельную собственность. Потому-то отъ кочеваго состоянія ведетъ начало связь земли съ племенными, и, впослѣдствіи, съ государственными правами. Такимъ образомъ новѣйшія изысканія, доказывающія, что европейскіе народы сначала были звѣроловами и пастухами, и только въ позднѣйшія времена сдѣлались земледѣльцами, какъ нельзя лучше подтверждаютъ геніальныя открытія Нибура о племенномъ устройствѣ, принимаемыя г. Куторгою. Эти изысканія также совершенно подтверждаютъ другую основную мысль, принимаемую г. Куторгою — мысль объ одинаковости племеннаго устройства у всѣхъ

народовъ, проходящихъ первыя ступени историческаго развитія. Мы имѣли случай говорить о томъ, что значеніе исторической филологіи преувеличивается ея исключительными поклонниками; говорили даже, что тѣхъ же самыхъ выводовъ, какіе получены ею, можно было бы достичь менѣе утомительнымъ путемъ — изученіемъ быта дикихъ и полудикихъ племенъ, существующихъ доселѣ. Но во всякомъ случаѣ выводы уже получены, и нѣтъ возможности сомнѣваться въ ихъ основательности. Потому нѣтъ сомнѣнія, что еслибы Нибуръ жилъ въ настоящее время, то онъ воспользовался бы трудами Гримма, какъ драгоцѣннѣйшимъ пособіемъ для своихъ изысканій. Намъ кажется, что они дали бы прочную опору и понятіямъ о поземельной собственности, на которыхъ основывается у г. Куторги объясненіе Клисоеновой реформы. Какъ бы то ни было, нельзя однако не повторить, что это объясненіе, сдѣланное съ замѣчательною проницательностію и несомнѣнною ученостью, должно быть считаемо однимъ изъ капитальнѣйшихъ трудовъ, какіе только появились въ послѣднее время для объясненія развитія гражданскихъ отношеній въ аѳинской исторіи.

Статья г. Грановскаго «Чтенія Нибура о древней Исторіи» подобно статьямъ г. Леонтьева о сочиненіи Грота представляетъ извлеченіе, сопровождаемое критическими замѣчаніями о тѣхъ положеніяхъ автора, которыя кажутся несправедливыми излагателю. Г. Грановскій передаетъ мнѣнія великаго историка о главныхъ событіяхъ и дѣйствователяхъ греческой исторіи до конца пелопонезской войны; и мы не ошибемся, сказавъ, что эти статьи нашихъ ученыхъ принесутъ наиболѣе пользы читателямъ «Пропилей» и будутъ почти всѣми считаемы лучшимъ украшеніемъ разсматриваемыхъ нами томовъ этого сборника. Такіе трактаты, какъ изслѣдованіе г. Куторги о законодательствѣ Клисѳена или переведенное въ IV томѣ «Пропилей» сочиненіе покойнаго Д. Л. Крюкова «О первоначальномъ различіи римскихъ патриціевъ и плебеевъ въ религіозномъ отношеніи» находятъ себѣ у насъ мало цѣнителей и остаются въ русской литературѣ одинокими явленіями, имѣющими болѣе внутренней значительности, чѣмъ внѣшняго значенія для читателей, за исключеніемъ, быть можетъ, десяти или двадцати человѣкъ. Напротивъ, сочиненія соединяющія ученую основательность съ подробнымъ изложеніемъ общеизвѣстнаго въ наукѣ, но представляющагося новымъ въ нашей литературѣ, если не прославятъ своихъ авторовъ, то будутъ истинно полезны. Мы не будемъ распространяться о достоинствахъ статьи г. Грановскаго, потому что въ этомъ случаѣ насъ предупредили отзывы всѣхъ рецензентовъ, разбравшихъ третій томъ «Пропилей» и займемся сочиненіемъ Крюкова, являющимся теперь въ русскомъ переводѣ.

Крюковъ не успѣлъ оставить послѣ себя много сочиненій: да и тѣ немногія, которыя окончены имъ, должны быть названы скорѣе отрывками (какъ, напр. статья о трагическомъ характерѣ исторіи Тацита, помѣщенная въ «Москвитянинѣ»), или, какъ сочиненіе, переведенное теперь въ «Пропилеяхъ», опытами, которые были бы только предшественниками трудовъ болѣе обширныхъ и глубокихъ, если бы смерть не отняла такъ рано у науки замѣчательнаго изслѣдователя, у русскаго ученаго сословія профессора, который въ немногіе годы сдѣлалъ такъ много для водворенія классической филологіи въ Россіи. Судьба Крюкова была подобна судьбѣ Линовскаго, Лунина, Прейса, которые умерли почти въ самомъ началѣ своей прекрасной и плодотворной дѣятельности, оставивъ по себѣ незаб-

венную память во всѣхъ, знавшихъ по личнымъ сношеніямъ, какою колоссальною ученостью, глубокомыслiемъ и страстною любовью къ своей наукѣ были одарены эти люди, отъ которыхъ могли мы ожидать столь многаго, и которые ушли отъ насъ, не совершивъ и сотой части того, что совершили-бъ, если бы жизнь ихъ продлилась хотя двадцатью, хотя десятью годами. Скорбно чтимъ мы память этихъ рано угасшихъ дѣятелей науки, и съ печальнымъ благоговѣніемъ смотримъ на ихъ труды, которые такъ много обѣщали въ будущемъ. Съ этимъ чувствомъ мы приступаемъ къ изложенію «Мыслей о первоначальномъ различіи римскихъ патриціевъ и плебеевъ въ религіозномъ отношеніи» — не съ тою цѣлью, чтобы показывать, по чему идеи Крюкова объ этомъ предметѣ не утвердились въ наукѣ, а единственно въ намѣреніи познакомить съ глубокомыслiемъ и ученостью покойнаго изслѣдователя тѣхъ читателей, которые не захотятъ слѣдовать за авторомъ въ лабиринтъ спеціальныхъ изысканій и подробностей, изъ котораго извлекаетъ онъ свои мысли. Мы не хотимъ анализировать мысли Крюкова съ критической точки зрѣнія — это уже давно сдѣлано для спеціалистовъ первоклассными нѣмецкими учеными, удостоившими большого вниманія трудъ, изданный для нихъ, а считаемъ своею обязанностью распространить ближайшее знакомство съ изслѣдованіемъ Крюкова и его достоинствами.

Тотъ самый процессъ постепенной раздачи гражданскихъ правъ классу населенія, первоначально лишенному ихъ, какой видимъ въ аоинской исторіи, составляетъ существенное содержаніе и внутренней исторіи римскаго государства, въ источникахъ которой записанъ онъ гораздо полнѣе и яснѣе. Но всѣ лѣтописцы и историки, отрывки которыхъ дошли до насъ, принадлежатъ уже тому времени, когда первый періодъ борьбы между патриціями и плебеями окончился, и различіе между этими двумя первобытными классами римскаго населенія относительно гражданскихъ правъ исчезло. Потому они въ своихъ извѣстіяхъ довольно часто смѣшиваютъ понятія, относящіяся къ различнымъ эпохамъ, и истинныя черты различія между плебеями и патриціями при возникновеніи римскаго государства могутъ быть возстановлены только при пособіи критики. Обыкновенно думаютъ, со временъ Нибура, существенное различіе между патриціями и плебеями состояло въ государственныхъ правахъ. Побѣдители (патриціи) не могли слиться съ побѣжденными тотчасъ же послѣ побѣды надъ ними, не приняли ихъ въ свои колѣна и роды (curia и gens) и не дали имъ никакого участія въ государственномъ управленіи, принадлежавшемъ исключительно членамъ господствующаго племени, входившимъ въ составъ патриційскихъ колѣнъ и родовъ. Изъ этого основнаго различія проистекало и религіозное различіе: поклоненіе извѣстнымъ богамъ, покровителямъ государства, принадлежало исключительно господствующему племени, потому что эти боги были боги владычествующаго племени, чуждые покоренному населенію. Потомъ, когда сблизились побѣжденные съ побѣдителями въ политическихъ правахъ, когда государственныя права стали принадлежать всѣмъ свободнымъ туземцамъ города Рима, и поклоненіе государственнымъ богамъ сдѣлалось общимъ для всѣхъ, участвовавшихъ въ государственныхъ правахъ.

Крюковъ, напротивъ того, различіе между патриціями и плебеями основывалъ преимущественно на религіозномъ ихъ единствѣ, и считалъ остальныя государственныя права ихъ уже второстепеннымъ слѣдствіемъ участія въ общей патриційской религіи. Этимъ однако еще не вполнѣ опредѣляется отношеніе его понятій къ

обыкновенному воззрѣнію на первобытное различіе между патриціями и плебеями. Обыкновенно думаютъ, что только между патриціями существовало религіозное единство, происходившее отъ общаго поклоненія государственнымъ богамъ (богамъ первоначальныхъ патриційскихъ племенъ); между тѣмъ, какъ плебеи, сведенные въ Римъ изъ различныхъ племенъ, не имѣвшихъ между собою ничего общаго, не имѣли и общаго религіознаго поклоненія, пока не пріобрѣли религіознаго единства черезъ пріобрѣтеніе участія въ государственной религіи. Напротивъ, по мнѣнію Крюкова, вмѣстѣ съ общей патриціанскою религіею первоначально существовала въ Римѣ и общая плебейская религія, и только впослѣдствіи патриціанская религія сначала подавила ее на нѣкоторое время, потомъ слилась съ нею. Изъ самаго изложенія этихъ понятій въ изслѣдованіи Крюкова мы увидимъ, на какихъ предположеніяхъ они основаны, увидимъ также и степень ихъ убѣдительности: но съ тѣмъ вмѣстѣ убѣдимся, какимъ глубокимъ знакомствомъ съ классическою древностью обладалъ покойный нашъ ученый, столь рано отнятый смертью у русской филологіи, какъ самостоятельны были его изъисканія въ древнихъ писателяхъ, и какою замѣчательною силою мысли былъ онъ одаренъ.

«Римскіе патриціи говорятъ о себѣ, уже при первыхъ зачаткахъ Рима, какъ о племени издревле осѣдломъ и живущемъ въ пламенномъ или родовомъ быту — начинаетъ онъ свое изслѣдованіе.—Они ставятъ себя такимъ образомъ въ противоположность плебеямъ, чуждымъ всякихъ родовыхъ связей»;—то есть, не имѣвшимъ общаго племеннаго единства. Отчасти эта разрозненность происходила отъ разноплеменности; но даже и племенныя отношенія тѣхъ плебеевъ, которые до покоренія патриціями или до прихода своего въ Римъ (если предположить, что были также плебеи, поселившіеся въ Римѣ добровольно,— предположеніе сомнительное) были въ племенномъ родствѣ между собою и имѣли родовой бытъ, не были признаваемы государствомъ, состоявшимъ первоначально изъ однихъ патриціевъ. «Но— продолжаетъ Крюковъ—органическое единство, которое усвоивается патриціямъ, могло принадлежать имъ только въ духовномъ смыслѣ, а не въ смыслѣ однокровности, потому что и патриційское общество произошло посредствомъ разнородныхъ переселеній въ Римъ. Многіе роды патриціевъ были, очевидно, чуждаго происхожденія. Потому они были связаны между собою только нравственными узами; но всей вѣроятности, религіозное родство соединяло ихъ». Объ этомъ можно заключить изъ способа принятія въ патриціанскую общину. Оно совершалось посредствомъ кооптаціи; «но такъ какъ этотъ актъ былъ въ употребленіи при принятіи въ какую бы то ни было жреческую общину, то отсюда мы безъ сомнѣнія въ правѣ предполагать совершенное единство религіи». Такимъ образомъ патриціи отличались отъ плебеевъ религіею. Доказательствомъ тому служитъ первобытное воспрещеніе брачныхъ связей между патриціями и плебеями. Древніе писатели говорятъ, что позднѣйшая римская религія произошла черезъ сліяніе двухъ различныхъ религій, изъ которыхъ одна чтила боговъ подъ символическими изображеніями, другая имѣла идоловъ. Первоначально римляне, по единогласному свидѣтельству Варрона, Плинія, Плутарха, Тертулліана, не знали идоловъ, служеніе которымъ явилось, по словамъ Варрона, изъ Этруріи, во время Тарквинія старшаго. Но эти извѣстія, по мнѣнію Крюкова, не совершенно точны въ томъ отношеніи, что считаютъ символическую религію единственною древнѣйшею, а введеніе изображеній боговъ приписываютъ позднѣйшимъ временамъ. Этрусскій элементъ существовалъ въ Римѣ еще до Тарк-

винія; потому, считая символическую религію принадлежащею латинамъ, а поклоненіе изображеніямъ боговъ—этрускамъ, надобно допустить, что обѣ различныя религіи существовали въ Римѣ одновременно. Слѣды противоположности этихъ элементовъ сохранились и въ позднѣйшемъ римскомъ богослуженіи, которое образовалось изъ ихъ сліянія. «Если мы спросимъ, въ какомъ же отношеніи находились они первоначально къ двумъ различнымъ частямъ римскаго народа, патриціямъ и плебеямъ, мы невольно должны предположить, что первоначальныя различія религіи могли совершенно совпадать съ различіями самаго народа». Потомъ Крюковъ доказываетъ, что патриціи оставались чужды всякой этрусской примѣси, а въ плебеяхъ былъ силенъ этрусскій элементъ. Послѣ того становится для него очевиднымъ, что происшедшая изъ Лаціума символическая религія была патриціанскою, а этрусская религія, имѣвшая изображенія боговъ, принадлежала плебеямъ. Нѣтъ надобности говорить, что это мнѣніе основано на предположеніяхъ, которымъ противятся самые основные факты римской первобытной исторіи. Если съ чѣмъ соглашается самъ Крюковъ, плебеи были разноплеменнаго происхожденія, то у нихъ не могло быть общей религіи, пока они, вмѣстѣ съ другими гражданскими правами, не получили и права считать государственной религіи (принадлежавшей прежде, какъ и всѣ другія государственныя учрежденія, однимъ патриціямъ) своею религіею. И такъ, первоначальное религіозное различіе между патриціями и плебеями состояло не въ томъ, что одни имѣли одну, другіе другую религію, а въ томъ, что патриціи имѣли богослуженіе, признанное государственнымъ, а плебеи не имѣли въ немъ участія. Точно также мы знаемъ, что это различіе было только однимъ изъ слѣдствій совершеннаго отчужденія плебеевъ отъ всѣхъ государственныхъ правъ: и это отчужденіе основывалось на томъ, что патриціи имѣли свое родовое и племенное устройство, а плебеи не были приняты въ составъ ихъ родовъ и колѣнъ или курій. Что же касается вопроса о патриціяхъ, переселившихся въ Римъ изъ другихъ племенъ, то они именно черезъ то и стали патриціями, что были приняты въ составъ патриційскихъ племенъ посредствомъ кооптаціи — учрежденія, дававшаго вообще участіе въ правахъ племени, а не исключительно только въ богослуженіи. Что патриціи были ни сколько не чужды этрусскому вліянію, доказывается множествомъ государственныхъ учрежденій, существовавшихъ въ Римѣ тогда, когда еще одни только патриціи составляли государство. Такъ, напримѣръ, самъ Крюковъ говоритъ, что устройство войска у Римлянъ было чисто этрусское. Точно такъ же нельзя противопоставлять плебеевъ, какъ этрусковъ, патриціямъ, какъ латинамъ, потому что въ плебеяхъ, какъ и въ патриціяхъ, преобладалъ латинскій элементъ, съ чѣмъ согласенъ и Крюковъ. Вообще, Крюковъ не успѣлъ своимъ изслѣдованіемъ доказать понятій, имъ принимаемыхъ. Остается несомнѣннымъ, что различныя системы языческаго богослуженія— одна, не имѣющая статуй и почитающая боговъ подъ видомъ разныхъ символовъ или фетишей — оружія, камней и т. п., другая, имѣющая статуи, принадлежатъ различнымъ степенямъ развитія: сначала возникаетъ фетишизмъ, потомъ, съ возвышеніемъ образованности, фетиши вытѣсняются статуями. Римскіе писатели свидѣтельствуютъ, что и въ Римѣ было точно то же, и что два различныя поклоненія, о которыхъ говоритъ Крюковъ, явились не въ одно время, а сначала служеніе символамъ (фетишамъ), потомъ статуямъ. Крюковъ самъ, кажется, чувствовалъ, что его доводы, опровергающіе этотъ фактъ, не вполнѣ убѣдительны. По крайней мѣрѣ онъ заключаетъ свое изслѣдованіе сло-

вами: «Если еще остается нѣкоторое сомнѣніе (въ томъ, что символическое служеніе принадлежало патриціямъ, а этрусское плебеямъ), то оно рѣшительно уничтожится при разсматриваніи первоначальнаго отношенія плебеевъ къ патриціямъ и царя (Rex) къ обоимъ. Это будетъ предметомъ особеннаго разсужденія, въ которомъ мы попытаемся также представить исторію борьбы и взаимнаго сліянія обѣихъ религій». Но издать это обѣщанное дополненіе не суждено было Крюкову, и его мысли остались недосказанными. Потому-то было бъ и несправедливо слишкомъ долго останавливаться на возраженіяхъ имъ. Но по крайней мѣрѣ одно успѣлъ доказать Крюковъ своимъ изслѣдованіемъ: то, что у него былъ богатый запасъ классической учености и сила мысли, могшая обнимать тысячи запутанныхъ, противорѣчащихъ другъ другу фактовъ, и въ строгой системѣ подводить ихъ подъ общую точку зрѣнія.

Затѣмъ должны мы говорить о прекрасной третьей статьѣ г. Кудрявцева: «Римскія женщины по Тациту. Агриппина младшая и Поппея Сабина». Мастерской, можно сказать краснорѣчивый, разсказъ, сила и вѣрность въ обрисовкѣ характеровъ дѣлаютъ эту статью вполнѣ достойной двухъ предъидущихъ. Мы желали бы выписать нѣсколько страницъ изъ художественнаго разсказа г. Кудрявцева — потому что это было бы единственнымъ средствомъ познакомить съ достоинствами его тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые не имѣли еще случая прочитать самой статьи — но этимъ нарушалась бы строгая связь развитія драмы, которую пересказываетъ намъ авторъ, слѣдуя своему великому руководителю, и мы скажемъ только, что немногіе романы имѣютъ такую завлекательность, какъ исторія Агриппины и ея соперницы, и что г. Кудрявцевъ умѣлъ и понять и изобразить эту кровавую исторію съ искусствомъ истиннаго художника.

Интересна и статья г. Бабста: «Антоній и Клеопатра»: лучшими ея страницами показались намъ тѣ, въ которыхъ разсказывается обаятельное вліяніе Клеопатры на любовника, котораго довела она до погибели и котораго такъ безстыдно хотѣла покинуть, чтобы броситься въ объятія Октавіана. Быть можетъ, нѣкоторые читатели съ удивленіемъ услышатъ, что Клеопатра, которую привыкли по преданію считать идеаломъ красоты, была очаровательна не красотою, а умомъ и изысканнѣйшимъ кокетствомъ: «Мы имѣемъ положительныя извѣстія — говоритъ г. Бабстъ — что она была не хороша собою. Но ея вкрадчивыя рѣчи, ея страстный взоръ, обольстительная игра глазъ, неподражаемая грація въ каждомъ движеніи очаровывали всѣхъ невольно. Она обладала необыкновеннымъ даромъ поддерживать страсть всѣми средствами, какія имѣетъ въ рукахъ ловкая, умная и кокетливая женщина».

Просматривая статьи, помѣщенныя въ третьемъ и четвертомъ томахъ прекраснаго изданія г. Леонтьева, мы обращали наибольшее вниманіе на тѣ сочиненія, которыя содержатъ въ себѣ новыя и самостоятельныя рѣшенія важныхъ спорныхъ вопросовъ древней исторіи: но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы ниже ихъ цѣнили другія статьи, задача которыхъ состоитъ въ изложеніи на русскомъ языкѣ того, что будучи уже хорошо извѣстно спеціалистамъ, можетъ быть еще не вполнѣ знакомо многимъ изъ русскихъ читателей. Таково положеніе критики, что она можетъ распространяться только о томъ, что представляетъ какія нибудь стороны, требующія объясненій или замѣчаній; о ясномъ и несомнѣнномъ въ наукѣ, она говоритъ только: «это совершенно справедливо и хорошо изложено». Но если мы

не находили удобнымъ останавливаться въ отдѣльности надъ каждою изъ статей, имѣющихъ цѣлью распространеніе въ русскихъ читателяхъ знакомства съ исторіею и бытомъ древняго міра, то вообще мы должны сказать, что именно на этихъ-то статьяхъ и основано то высокое значеніе, какое имѣютъ «Пропилеи» въ русской литературѣ. Желаемъ видѣть въ пятомъ томѣ, котораго съ нетерпѣніемъ ожидаемъ, столько же такихъ статей, сколько было ихъ въ третьемъ томѣ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1854 годъ. СП.-бургъ. 1855.

Просвѣщенная и неутомимая заботливость нынѣшняго начальства Императорской Публичной библіотеки, съ одной стороны объ увеличеніи драгоцѣннаго умственнаго капитала, въ ней хранящагося, и о приведеніи въ извѣстность этихъ богатствъ, съ другой стороны о доставленіи публикѣ всевозможныхъ удобствъ пользоваться ими, принося огромную пользу и Библіотекѣ и публикѣ, сообщаетъ важность и ежегоднымъ отчетамъ Библіотеки, изъ которыхъ въ каждомъ заключается много извѣстій о пріобрѣтеніяхъ этого важнѣйшаго архива науки въ Россіи и новыхъ мѣрахъ къ усовершенствованію его устройства. Перечисляемъ главнѣйшіе изъ фактовъ, представляемыхъ отчетомъ библіотеки за истекшій годъ.

Важность такого учрежденія, какъ Императорская Публичная Библіотека, дѣлаетъ необходимымъ собраніе матеріаловъ для его исторіи. Потому въ прошедшемъ году соединены въ одну коллекцію всѣ сочиненія, изданныя Библіотекою или касающіяся ея исторіи. Двѣ другія коллекціи составлены: 1) изъ книгъ гражданской печати при Петрѣ Великомъ и 2) газетъ, выходившихъ въ его царствованіе. Первая коллекція состоитъ изъ 111 нумеровъ, въ числѣ которыхъ находится «Геометріа славенскі земленмѣріе іздадеся новотіпографскимъ тісненіемъ» конченная печатаніемъ. «Въ лѣто міросданіа 7216. Отъ Рожества же Бога слова 1708. Індікта перваго, мѣсяца Марта»— первая, какъ теперь открывается, книга гражданской печати, потому что «Пріклады како пішутся комплементы разные на нѣмецкомъ ясыкѣ», считавшіеся доселѣ первою гражданскою книгою, кончены печатаніемъ только «мѣсяца Апрілліа» того же года. Газеты царствованія Петра Великаго есть въ Библіотекѣ за всѣ годы, но совершенно полны экземпляры ихъ, по особенному счастію, именно только за самые рѣдкіе годы ихъ изданія, 1703—1706. По 1710 годъ онѣ печатались церковнымъ шрифтомъ; первый изъ находящихся въ Библіотекѣ нумеровъ гражданской печати—8 февраля 1710 года. Первые годы газетъ (до 1711 года) печатаны въ Москвѣ; первый, сколько извѣстно, нумеръ, вышедшій въ Петербургѣ, 11 мая 1711 года. Рядомъ съ Петровскими газетами и книгами выставлена карта той же эпохи: «Размѣрная карта часті в начале Балтіскаго моря начинающаяся отъ Броклома, даже до Стрелны, идѣ же Ост Финскіи и отъ Парны даже до Шлотбурга».—Это лучшая изъ тогдашнихъ картъ.

Кромѣ того, по окончательномъ разборѣ книгъ и рукописей поступившаго

въ Библіотеку Древлехранилища г. Погодина, всѣ онѣ отличены надписями на переплетахъ. Наконецъ съ 1854 заведена, по Высочайшей волѣ, особенная книга для записыванія приношеній Библіотекѣ.

Въ числѣ пріобрѣтеній Библіотеки, кромѣ изданій присланныхъ Правительственными мѣстами, заграничными учеными учрежденіями и поступившихъ по правилу ценсурнаго устава, оссбенно важны пожертвованія частныхъ лицъ; возрастающая цифра ихъ свидѣтельствуетъ о томъ, что сочувствіе къ Публичной Библіотекѣ продолжаетъ усиливаться въ обществѣ. Въ 1853 было пожертвовано 115 лицами 2230 томовъ, а въ 1854 году 138 лицами 5059 томовъ. Особенно значительны были въ прошедшемъ году приношенія гг. Аделунга (1495 томовъ), Греча, Малышевича, Бунге, Добровича, Погодина, Прянишникова, Беккера, Деми, Геннади, Булича, Полѣнова, кн. Одоевскаго. Въ числѣ пожертвованныхъ книгъ очень многія принадлежатъ къ числу драгоцѣннѣйшихъ библіографическихъ рѣдкостей.

Покупки книгъ на иностранныхъ языкахъ были также многочисленны: наиболѣе обогатились ими въ прошедшемъ году отдѣленіе, посвященное изученію Россіи и отдѣленіе математико-естественное. Изъ числа чрезвычайно рѣдкихъ купленныхъ книгъ замѣтимъ «Краткую Исторію Москвы», Brief History of Moscovia, Мильтона (Лондонъ, 1628 года). Кромѣ того Библіотека занималась составленіемъ самой полнѣйшей коллекціи всего, печатаемаго въ Европѣ и въ Америкѣ относительно нынѣшней войны.

Изъ рукописей, поступившихъ въ Библіотеку, важнѣйшія: 1) великолѣпное Евангеліе на греческомъ языкѣ, XII вѣка (пожертвовано г. Титовымъ); 2) Минея праздничная (на славянскомъ языкѣ) XIV вѣка (пожертвована г. Палаузовымъ); 3) Описаніе въ лицахъ бракосочетанія царя Михаила Ѳедоровича съ Евдокіею Лукьяновною Стрешневою, современная рукопись, очень любопытная по своимъ рисункамъ; 4) Мемуары шведскаго генерала графа Спренгспортена, имѣющіе важность для исторіи шведскихъ войнъ; 5) Собственноручный дневникъ (на франц. языкѣ) Л. И. Голенищева-Кутузова за годы 1806—1820, 1823—1828 и 1831—1843, всего 34 книжки, которыя нѣкогда будутъ очень любопытнымъ матеріаломъ для исторіи нашего времени. Общая цифра пріобрѣтеній Библіотеки въ 1854 году была: печатныхъ книгъ 13,816 томовъ (изъ того числа 5509 пожертвованы и 5420 куплены); географическихъ картъ 93, гравюръ 525, музыкальныхъ пьесъ 422, рукописей и автографовъ 162 и проч.

Многотрудное и громадное дѣло составленія каталоговъ Библіотеки продолжается съ быстротою, какая только возможна при подобной работѣ, необходимо требующей годовъ; всего въ теченіе четырехъ предшествовавшихъ лѣтъ, со времени утвержденія правилъ, составлены каталоги 253,000 томовъ. По многимъ важнымъ частямъ каталоги уже окончены, и между прочимъ, каталоги: 1) Альдинскихъ изданій, коллекція которыхъ очень богата рѣдкостями; 2) два каталога дублетовъ, назначенныхъ въ продажу; 3) коллекціи замѣчательныхъ переплетовъ (эти три каталога составлены библіотекаремъ г. Минцлафомъ); 4) алфавитные каталоги иноязычныхъ сочиненій о Россіи, коллекція которыхъ въ библіотекѣ чрезвычайно богата.

Въ прошедшемъ году библіотека издала новое изданіе Вѣдомостей 1703 года, о которомъ «Современникъ» уже говорилъ подробно (1855, № III, Библі-

ографія); это изданіе было подаркомъ Московскому Университету въ день его юбилея.

Число посѣтителей Библіотеки въ 1854 году было 20,645 (въ 1853 — 17,897). Въ чтеніе истребовано книгъ: на русскомъ языкѣ 24,137; на иностранныхъ языкахъ 10,338 томовъ; всего 34,475 (въ 1853 г. 32,345) -такое приращеніе свидѣтельствуетъ, по замѣчанію Отчета, о томъ, что занятія въ Библіотекѣ съ каждымъ годомъ становятся обширнѣе и Библіотека приноситъ болѣе пользы, главною причиною чего, прибавимъ мы, надобно считать удобства, которыя находятъ для своихъ занятій посѣтители Библіотеки.

О древне-русскихъ училищахъ. Разсужденіе *Н. Лавровскаго.* Харьковъ. 1854.

Не скроемъ отъ читателя, что мы взялись за эту книгу съ великими опасеніями. Мы ожидали, что по примѣру другихъ болѣе или менѣе ученыхъ изыскателей, трактовавшихъ въ послѣднее время о просвѣщеніи въ древней Руси, авторъ будетъ доказывать, что при Владимірѣ Мономахѣ или Іоаннѣ Калитѣ существовали на Руси учебныя учрежденія, подобныя нынѣшнимъ гимназіямъ, лицеямъ, университетамъ; что у насъ процвѣтало въ XI—XIII вѣкахъ изученіе французскаго и нѣмецкаго языковъ, не говоря уже о латинскомъ и греческомъ; что у насъ ученымъ образомъ преподавалось тогда римское право, какъ въ Болоньи, медицина какъ въ Салерно, даже, по всей вѣроятности, органическая химія по системѣ Либиха и электромагнетизмъ по понятіямъ Фареде и Араго. Къ счастію, ничего подобнаго авторъ не утверждаетъ. Здравый смыслъ спасъ его отъ поразительныхъ открытій, которыми столько разъ удивляли насъ въ послѣднее время. Но, къ несчастію, авторъ не могъ найдти рѣшительно никакихъ опредѣленныхъ извѣстій о предметѣ, который долженъ былъ составить содержаніе его книги. Потому его книга осталась совершенно безъ всякаго содержанія. Въ ней говорится объ училищахъ, но говорится о нихъ—ровно ничего, потому что ровно ничего нельзя сказать о нихъ. Впрочемъ, ни нашей радости, ни нашего сожалѣнія не должно понимать въ безусловномъ смыслѣ. Мы радуемся скромности выводовъ только потому, что ожидали найдти гораздо больше и гораздо большихъ преувеличеній, а не потому, чтобъ авторъ былъ совершенно чистъ отъ желанія преувеличить. Не должно также думать, чтобъ источники не доставили автору ни одного указанія объ училищахъ онъ не преминулъ привесть извѣстное мѣсто изъ лѣтописи, что Ярославъ въ Новгородѣ «собра отъ старостъ и поповыхъ дѣтей 300 учити книгамъ»—и такъ, мы жалѣемъ не о томъ, что автору не попалось рѣшительно ни одного факта, а только о томъ, что этотъ единственный фактъ его книги былъ уже болѣе 300,000 разъ приведенъ въ другихъ книгахъ и потому лишился своей свѣжести и завлекательности. Намъ кажется, что о предметѣ, столь богатомъ, можно было написать развѣ три строки: «Ярославъ, по словамъ лѣтописи, собралъ и т. д.; нѣтъ сомнѣнія, что и послѣ на Руси были люди, умѣвшіе читать и писать; потому несомнѣнно, что на Руси учили читать и писать; а болѣе объ этомъ ничего не извѣстно». Но авторъ нашелъ средство написать около двухъ-сотъ страницъ. Интересно будетъ читателямъ узнать, какимъ образомъ. Вотъ какимъ. Все, что

ему вздумается, онъ выписываетъ изъ лѣтописей и другихъ памятниковъ русской литературы, и во всемъ открываетъ признаки великаго факта, что нѣкоторые люди на Руси знали грамотѣ, открываетъ произвольно толкуя всѣ мѣста въ желаемомъ смыслѣ. Главнѣйшее средство для этого даетъ глаголъ «учити», который значилъ не только учить, но также поучать, назидать. Всѣ мѣста, свидѣтельствующія, что пастыри церкви назидали свою паству въ благочестіи и благонравіи, перетолковываетъ онъ въ томъ смыслѣ, что они заводили училища и были наставниками въ качествѣ школьныхъ учителей, а не въ томъ качествѣ, какъ повсюду и всегда каждый священникъ назывался наставникомъ своей паствы. Между тѣмъ во всѣхъ случаяхъ очевидно, что говорится не о школьномъ ученіи дѣтей, а о благочестивомъ назиданіи взрослыхъ. Но остается нѣсколько мѣстъ, говорящихъ дѣйствительно объ ученіи грамотѣ, и надобно видѣть, какъ пользуется ими авторъ. Такъ, напримѣръ, въ «Степенныхъ книгахъ» говорится, что митрополитъ Михаилъ совѣтовалъ «давать каждому ученику урокъ по его силамъ»—ясно, что эти слова (показываютъ если только они дѣйствительно принадлежатъ Михаилу, а не составляютъ позднѣйшую вставку), что дѣло идетъ не о правильныхъ школахъ, гдѣ много учениковъ и невозможно проходить съ каждымъ особенный курсъ, а о томъ домашнемъ обученіи, когда учитель занимается съ двумя или тремя учениками, изъ которыхъ каждому задаетъ особые уроки. Но г. Лавровскій, основываясь на этихъ словахъ, готовъ предполагать, что ученики дѣлились на отдѣлы по успѣхамъ, что въ нашихъ старинныхъ школахъ было раздѣленіе по классамъ, между тѣмъ какъ даже неизвѣстно, существовали ли школы, или дѣло ограничивалось только домашнимъ обученіемъ, что и гораздо вѣроятнѣе. Мало того, онъ даже утверждаетъ, будто бы у насъ были школы, въ которыхъ содержались воспитанники; онъ даже полагаетъ, что у насъ учили въ школахъ грамматикѣ! На чемъ все это основано? Рѣшительно ни на чемъ. Такъ вздумалось предположить автору. Подобнымъ-то способомъ пишутся большіе ученые трактаты о предметахъ, о которыхъ нельзя сказать двухъ словъ.

О времени происхожденія славянскихъ письменъ. Сочиненіе *О. Бодянскаго.* Москва. 1855.

Было время, когда первымъ вопросомъ въ наукѣ былъ вопросъ о пользѣ ея. Польза такой-то и такой-то науки была темою ученическихъ сочиненій, рѣчей на публичныхъ актахъ и т. д. Не доказавъ практической пользы своей науки для каждаго человѣка вообще и для такого-то и такого-то въ частности, почти ни одинъ ученый не принимался за ея изложеніе. Затѣмъ была пора противоположнаго направленія. Наука не захотѣла признавать никакой практической пользы и поставила себѣ цѣлію самое себя —знаніе. Та и другая пора равно были плодотворны для науки: одна возбудила довѣріе къ наукѣ въ людяхъ, въ которыхъ еще не родилась безотчетная жажда знанія и которые потому мѣрили каждое знаніе мѣркой практической удобопримѣнимости; другая, освободивъ науку отъ внѣшнихъ цѣпей, дала ей свободное развитіе, самостоятельность и достоинство. Съ какой щепетильностью писатели первой эпохи старались отыскивать пользу такихъ знаній, въ полезности которыхъ никто не могъ сомнѣваться! Съ какимъ увлече-

ніемъ писатели второй эпохи защищали самостоятельность науки, замкнутость ея самой въ себѣ, въ магическомъ кругѣ знанія! Еще Карамзинъ, принимаясь за русскую исторію, нашелъ нужнымъ отыскивать въ ней пользу и удовольствіе, противъ чего такъ сильно возставалъ Полевой. Для насъ все это литературныя воспоминанія. Мы не принадлежимъ ни къ той, ни къ другой эпохѣ и потому не можемъ придерживаться ни того, ни другаго мнѣнія въ ихъ исключительности. Для насъ наука самостоятельна, какъ дѣло потребности ума человѣческаго, естественной потребности знанія; но для насъ наука и не заключена также въ недоступномъ святилищѣ, а какъ органъ общаго развитія, существуетъ для жизни, въ то же время не теряя своей самостоятельности, какъ всякой органъ въ жизни организма. Такъ искусство, будучи свободнымъ творчествомъ, есть въ то же время источникъ знанія и обнаруживаетъ нравственное вліяніе сильнѣе всякой морали. Съ этой точки зрѣнія мы уже должны заботиться не о томъ, чтобы уединить науку и какъ бы не подчинить ее внѣшнимъ цѣлямъ, а о томъ, чтобы сдѣлать ее плодотворною для жизни и освободить отъ предметовъ педантической мелочности и празднаго любопытства. Только одинъ случай можетъ быть отсюда исключеніемъ—когда предметъ знанія имѣетъ отношеніе къ національному чувству. Этимъ объясняемъ мы обширное, многотрудное сочиненіе г. Бодянскаго, имѣющее только одну цѣль—доказать, что славянская азбука изобрѣтена не въ 855 году, какъ прежде думали, а въ 862 году. Собственно говоря, отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ только одно—будемъ ли мы праздновать тысячелѣтіе славянской азбукѣ въ нынѣшнемъ году, или черезъ семьнадцать лѣтъ. Но съ другой стороны мы вполнѣ понимаемъ, что вопросъ этотъ можетъ занять ученаго, съ жаромъ преданнаго славяно-русской филологіи, и что онъ можетъ имѣть интересъ (хотя все-таки интересъ одного любопытства) для всѣхъ славянскихъ племенъ, употребляющихъ кирилловскія письмена. Заключая свои изслѣдованія, г. Бодянскій предается размышленію о значеніи 862 года въ судьбахъ славянскаго племени:

«Знаменателенъ этотъ 862-й годъ въ судьбахъ славянскаго племени! Въ вѣкъ сложенія въ самостоятельныя государства отдѣльныхъ частей изъ сплоченныхъ-было сильной рукой Карла Великаго и его предшественниковъ въ одну монархію, когда начинаютъ предъявлять права свои на самобытную жизнь разныя племена и народности западной Европы, восточная ея половина тоже пробуждается отъ долговременнаго сна и глазамъ нашимъ представляетъ подобное же явленіе. Славяне, до сихъ поръ, такъ сказать, затертые, или по крайности закрытые чужой тѣнью, являются на позорище и совокупляются около нѣсколькихъ горнилъ, пытаются около нихъ образовать нѣсколько независимыхъ цѣлыхъ, соединенныхъ однородностью и общими выгодами, преимущественно вѣроисповѣдно-племенными, такъ какъ религія и родъ въ ту пору и долго, долго послѣ того были главнымъ двигателемъ большей части событій, условливавшихъ жизнь и смерть народовъ на цѣлые вѣка, даже и нынѣ отзывающихся во многомъ у того, или другаго народа. Съ одной стороны, понимая важность богослуженія на родномъ языкѣ для жизни составившихъ славянское государство его поколѣній Ростиславъ отправляетъ въ 862 году посольство къ царю и церкви, въ высшей степени благопріятствующихъ самобытному развитію всякой народности, и получаетъ оттуда учителей и устроителей независимой іерархіи и самостоятельнаго образованія, принесшихъ съ собой самые знаки, какъ орудіе для проявленія духовнаго совершенствованія, вскорѣ сообщившіеся и тѣмъ и другимъ, и гдѣ они съ языкомъ уцѣлѣли, тамъ и народность уцѣлѣла употреблявшихъ ихъ даже подъ чужимъ жезломъ. Съ другой стороны около того же и въ томъ же году государь изъ племени покорителей славянъ мизійскихъ принимаетъ крещеніе, а съ нимъ и письмена эти, собственно и приносо-

бленные къ рѣчи его народа, и тѣмъ окончательный наноситъ ударъ господствующему народу, заставляя съ принятіемъ вѣроисповѣданія перелиться въ народъ покоренный; а на отдаленномъ сѣверѣ ближайшіе по происхожденію къ этимъ южнымъ славянамъ славяне ильменскіе, наскучивъ усобицами и не видя имъ конца, призываютъ изъ-за моря себѣ владыку для народа, чѣмъ полагаютъ краеугольный камень тому государству, которое твердостью и прочностью своей оставило позади себя всѣ одноплеменныя ему и которое всѣхъ ихъ лучше воспользовалось цареградскимъ изображеніемъ».

И насъ этотъ 862-й годъ наводитъ на размышленія. Въ одно и то же время славяне южные отправляютъ пословъ въ Грецію просить себѣ учителей и вѣры, а славяне сѣверные посылаютъ за море просить себѣ князя. Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, а характеръ 862 года не измѣнился. Только языкъ, богатый, могучій, сильный языкъ—свидѣтель самобытнаго существованія и залогъ будущаго развитія мысли.

Сочиненія г. Бодянскаго, есть трудъ въ высшей степени добросовѣстный и образцовый по обстоятельности и полнотѣ изслѣдованія заданнаго имъ себѣ вопроса. Сначала онъ разсматриваетъ источники и показанія ихъ объ изобрѣтеніи славянской азбуки, потомъ излагаетъ исторію вопроса, т. е. мнѣнія ученыхъ объ этомъ предметѣ, наконецъ, дѣлаетъ свое собственное заключеніе. Къ книгѣ приложены особо (въ листъ) снимки старинныхъ шрифтовъ съ тѣхъ сочиненій, которыя служили ему источниками.

О литературныхъ партіяхъ въ Римѣ въ вѣкъ Августа. *Сочиненіе П. Благовѣщенскаго.*

Г. Благовѣщенскій съ большимъ тактомъ избираетъ всегда предметами своихъ сочиненій очень интересные и съ тѣмъ вмѣстѣ малоизвѣстные у насъ вопросы изъ исторіи римской литературы. Этимъ удачнымъ выборомъ отличаются его разсужденія о римскихъ ателланахъ, о римскихъ пантомимахъ, о началѣ римской комедіи, о судьбахъ римской трагедіи. Нельзя не прибавить, что изложеніе у него бываетъ такъ же интересно, какъ и самый предметъ; потому его сочиненія съ ученымъ достоинствомъ соединяютъ и чисто литературное. Новое его разсужденіе имѣетъ самый живой интересъ, излагая исторію явленій, совершенно подобныя которымъ мы замѣчаемъ и въ нашей литературѣ, и въ ясномъ примѣрѣ представляя, каково значеніе и каковъ будетъ конецъ тѣмъ литературнымъ преніямъ, которыя часто занимаютъ нашихъ современниковъ, и которыя почти въ такомъ же видѣ (только о другихъ именахъ) происходили и въ Римѣ. «Изученіе классической древности—говоритъ онъ—интересно, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что она представляетъ намъ собою міръ отжившій, замкнутый, въ которомъ мы можемъ прослѣдить каждое событіе, каждое явленіе отъ начала его до конца. Мы усматриваемъ не только самое явленіе, но и результаты, къ которымъ оно привело, чего не видимъ при изученіи эпохъ, болѣе близкихъ къ намъ по времени, потому что будущее ихъ намъ неизвѣстно. Потому нерѣдко правильное пониманіе исторіи древняго міра даетъ намъ до нѣкоторой степени возможность вѣрно судить, если не о всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторыхъ аналогическихъ явленіяхъ въ современной намъ жизни. Въ этомъ замкнутомъ мірѣ мы находимъ, между прочимъ, рѣшеніе и такихъ

общечеловѣческихъ вопросовъ, которые всегда и вездѣ составляли предметъ жаркихъ споровъ, а потому въ настоящее время невольно обращаютъ на себя вниманіе людей образованныхъ и мыслящихъ. Говоря это, я имѣю здѣсь исключительно въ виду вопросы литературные и эстетическіе. Въ литературѣ каждаго народа, въ пору его дѣятельной жизни и развитія, одно направленіе смѣняется другимъ, или даже одновременно существуетъ нѣсколько направленій, и каждое изъ нихъ находитъ своихъ приверженцевъ и представителей, несогласныхъ между собою во взглядѣ на искусство. При извѣстной степени зрѣлости и развитія общества наступаетъ перемѣна вкуса и, вмѣстѣ съ тѣмъ, эстетическаго взгляда на искусство, и въ литературѣ начинается борьба между старымъ и новымъ направленіями. Подобное явленіе не разъ встрѣчаемъ мы и въ римской литературѣ . Съ точки зрѣнія, на которую становится г. Благовѣщенскій, исторія древняго міра пріобрѣтаетъ самый живой интересъ для нашего времени. Изложивъ факты, разсказываемые г. Благовѣщенскимъ, мы почти не должны будемъ указывать параллельность ихъ съ явленіями, среди которыхъ стоимъ мы сами—такъ велико и очевидно сходство.

Движеніе римской поэзіи состояло въ постепенномъ ея подчиненіи греческому вліянію, имѣвшему слѣдствіемъ обработку языка и художественной формы. Это новое направленіе считало въ вѣкъ Августа своими представителями Виргилія и Горація. Приверженцы старины не щадили ни того, ни другаго нововводителя. Всѣ произведенія Виргилія были осыпаны ожесточенною бранью; такъ Октавій Авитъ написалъ цѣлое сочиненіе въ доказательство того, что Виргилій присвоиваетъ себѣ чужіе стихи: на его «Буколики» была написана пародія (Антибуколики): на «Энеиду» также была составлена сатира или пародія («Бичъ Энеиды» . Aeneidomastix). Пародіи нѣкоторыхъ стиховъ его дошли до насъ. Многія выраженія, употребленныя Виргиліемъ, называли варварскими, мужицкими. Такимъ же упрекамъ подвергался и Горацій. Не были щадимы и писатели, которымъ обязана усовершенствованіемъ латинская проза. Такъ Цицерона упрекали за нововведенія въ языкѣ, и даже называли его аллоброгомъ, говоря что онъ пишетъ не по-латини, а на варварскомъ языкѣ. Грамматисты и реторы, занимавшіеся преподаваніемъ стилистики, не считали новыхъ писателей заслуживающими изученія, а классическими авторами признавали однихъ старинныхъ писателей, въ которыхъ восхищались именно тѣмъ, что было ихъ величайшимъ недостаткомъ. Ветхія, вышедшія изъ употребленія слова и обороты превозносились похвалами. Это «литературное старовѣрство , по удачному выраженію г. Благовѣщенскаго, не признававшее великими писателями Цицерона, Виргилія, Горація, предпочитавшее имъ Ливія Андроника, Энція, Луцилія, существовало въ Римѣ очень долго. Персій, живши слишкомъ столѣтіе спустя послѣ Виргилія и Горація, говоритъ, что еще въ его время были люди, восхищавшіеся «надутымъ» произведеніемъ стариннаго поэта Аттія и «Антіопою, у которой слезное сердце облокотилось на горести» (выраженіе, взятое изъ стариннаго поэта, которымъ восхищаются эти отсталые люди и надъ которымъ смѣется Персій). Конечно, оскорбляемые поэты и приверженцы ихъ принуждены были не щадить обидчиковъ; у Горація много ѣдкихъ выходокъ противъ его хулителей: Виргилій на вѣки заклеймилъ своихъ литературныхъ враговъ, Бавія и Мевія, знаменитымъ стихомъ:

Qui Bavium non odit, amet tua carmina, Maevi.

«Кому сносенъ Бавій, пусть тотъ восхищается твоими стихами, Мевій» . Мало

того: новые писатели, принужденные нападками, должны были доказывать, что старинные поэты, подражать которымъ хотѣли ихъ заставить, не выдерживаютъ эстетической критики: Горацій долженъ былъ, въ оправданіе нововведеніямъ, обнаруживать грубые недостатки Луцилія, Пакувія и другихъ писателей, чрезмѣрно прославляемыхъ приверженцами старины. Однимъ словомъ, дѣло происходило совершенно такъ же, какъ происходитъ теперь передъ нашими глазами.

Но важность не въ томъ, какъ ѣдки и остроумны были взаимные упреки — важность въ томъ, которая сторона признана за справедливую безпристрастнымъ потомствомъ, на чьей сторонѣ былъ перевѣсъ нравственныхъ и художественныхъ силъ. Виргилій и Горацій стояли за нововведенія. А кто были ихъ противники? «Бавій» и «Мевій» сдѣлались синонимами словъ: «дурной писатель и дурной человѣкъ». Мало того: имена ихъ дошли до насъ только благодаря тому, что они упомянуты у Виргилія, котораго старались терзать своими гнилыми зубами. То же будетъ съ Бавіями и Мевіями всѣхъ временъ. Утѣшительно по крайней мѣрѣ это, если не утѣшительна самая борьба съ такими жалкими противниками.

Повѣсть о Цареградѣ. Изданіе *И. Срезневскаго.*

Къ любимому чтенію нашихъ предковъ принадлежала, между прочимъ, «Повѣсть о созданіи и взятіи Царьграда». Это доказывается многочисленностью списковъ, въ которыхъ она дошла до насъ. Ужъ по одному этому она заслуживала бы полнаго вниманія, какъ важный памятникъ литературный, еслибъ и не имѣла важности для исторіи взятія Византіи турками. Но сличеніе съ важнѣйшими изъ греческихъ и западныхъ описаній этого событія показываетъ, что въ нашей «Повѣсти» есть много подробностей, не записанныхъ ни въ одномъ изъ другихъ разсказовъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ обнаруживаетъ, что эта «повѣсть», хотя и потерпѣвшая отъ позднѣйшихъ вставокъ въ извѣстныхъ нынѣ спискахъ, должна быть почитаема разсказомъ вовсе не лишеннымъ исторической достовѣрности—тѣмъ болѣе становится она драгоцѣнна. Г. Срезневскій принялъ на себя трудъ пересказать ея содержаніе новымъ языкомъ, сохраняя однако же всѣ характеристическія выраженія и почти всѣ подробности подлинника. Къ этому переводу, составленному по сравненіи многихъ списковъ, приложилъ онъ прекрасныя объяснительныя примѣчанія, составленныя съ большею внимательностью и проницательностью. Такой комментарій долженъ, по словамъ г. Срезневскаго, служить какъ бы введеніемъ къ изданію самаго текста, исправленнаго по лучшимъ спискамъ. Если изданіе будетъ соотвѣтствовать изложенію содержанія и примѣчаніямъ, то оно будетъ однимъ изъ лучшихъ въ числѣ изданій памятниковъ нашей литературы.

Политическое равновѣсіе и Англія. Сочиненіе *И. В. Вернадскаго.* Москва. 1855.

Въ одной изъ нашихъ газетъ г. Вернадскій помѣстилъ рядъ статей, въ которыхъ доказывалось, что всѣ толки англичанъ о томъ, что они защитники политическаго равновѣсія, несправедливы, потому что Англія постоянно стремилась и стремится къ преобладанію надъ остальными державами, не отступая ни

предъ какими средствами для достиженія этой цѣли. Это патріотическое мнѣніе подтверждалось обзоромъ англійскихъ владѣній въ различныхъ частяхъ земнаго шара. Статьи, написанныя съ большимъ знаніемъ дѣла, обратили на себя заслуженное вниманіе публики, и г. Вернадскій рѣшился издать ихъ отдѣльною книжкою. Предполагая, что большая часть нашихъ читателей уже знакомы съ трудомъ г. Вернадскаго, мы не будемъ излагать его содержанія, вполнѣ соотвѣтствующаго тому чувству, какимъ долженъ быть проникнутъ каждый Русскій въ настоящее время.

Высшій курсъ русской грамматики, составленный *Владиміромъ Стоюнинымъ*. Спб. 1855.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ мы говорили объ учебномъ курсѣ русской грамматики, написанномъ съ необыкновенно высокими философскими взглядами и чрезвычайно филологическою эрудиціею. Теперь передъ нами лежитъ другой учебникъ русской грамматики, также написанный въ духѣ сравнительной филологіи. Мы далеки отъ того чтобы сравнивать по достоинству эти двѣ книги. Недостатки руководства, написаннаго г. Стоюнинымъ, можемъ мы откровенно указать впослѣдствіи, и должны сказать, что во всякомъ случаѣ г. Стоюнинъ занимался обработкою своего сочиненія очень добросовѣстно, добросовѣстно старался о пріобрѣтеніи познаній въ томъ предметѣ, который излагается въ его книгѣ—преимущества очень важныя, и уничтожающія всякую мысль о сравненіи. Кромѣ того должны мы прибавить, что г. Стоюнинъ пишетъ скромно, не обнаруживаетъ притязаній на великія преобразованія въ наукѣ, не тщеславится питатами изъ всѣхъ книжекъ, которыя попадаются ему подъ руку, не хочетъ разъигрывать роли величайшаго изъ филологовъ и философовъ, однимъ словомъ, чуждъ всякаго шарлатанства. Мы не думаемъ сравнивать по достоинству двѣ книги, о которыхъ говоримъ. Но во всякомъ случаѣ частое появленіе грамматикъ, написанныхъ съ цѣлью ввести филологическое направленіе въ преподаваніе русской грамматики доказываетъ, что этотъ методъ, обольстительный по своей новости у насъ, начинаетъ входить въ моду. Потому нельзя оставить безъ вниманія это модное направленіе. Мы уже говорили о томъ, что филологія, наука требующая слишкомъ многихъ приготовительныхъ познаній, не можетъ быть предметомъ общаго образованія, какъ не могутъ входить въ кругъ общаго образованія многія другія отрасли науки. Посмотримъ же теперь на дѣло съ другой точки зрѣнія. Нужно ли, полезно ли стремиться къ тому, чтобы ввести филологическое образованіе въ кругъ общаго преподаванія?

Изучать родной языкъ необходимо, это не подлежитъ спору. Но съ какой цѣлью и въ какомъ направленіи долженъ каждый изъ насъ изучать его? Конечно для того, чтобъ умѣть употреблять его для выраженія своихъ мыслей. Разговорное употребленіе изучается практически. Каждый умѣетъ на своемъ языкѣ говорить о всемъ, что только знаетъ. Письменное употребленіе представляетъ нѣкоторыя трудности по запутанности нашего правописанія. Итакъ необходимо выучиться писать безъ орѳографическихъ ошибокъ. Этого легко достигнуть, и тогда мы будемъ вполнѣ владѣть своимъ языкомъ, на сколько то позволяютъ наши способности и степень нашего умственнаго развитія. Никому изъ русскихъ великихъ писателей не понадобилось филологическое образованіе, чтобы писать такъ прекрасно, какъ они писали.

Не совершенно ли достаточно будетъ знать намъ о нашемъ языкѣ на столько, на сколько знали о немъ Жуковскій, Пушкинъ, Грибоѣдовъ? Развѣ Пушкинъ неправильно употреблялъ прошедшее время глаголовъ? А вѣдь онъ не зналъ, соотвѣтствуетъ или не соотвѣтствуетъ оно по греческому аористу, не зналъ, какимъ санскритскимъ суффиксамъ соотвѣтствуетъ наше—лъ, которымъ характеризуется прошедшее время, не зналъ, что въ словѣ «люблю» первая гласная есть старославянская йотированное оу, а второе—старославянскій юсъ, произносившійся съ носовымъ отголоскомъ. Къ чему намъ знать, отъ какого корня происходятъ слова «рука» и «нога»? Развѣ не умѣемъ мы и безъ того правильно употреблять эти слова? Но этого знанія мало, говорятъ приверженцы моднаго филологическаго воспитанія. Ихъ понятія сдѣлались такъ стереотипны, что каждымъ повторяются совершенно въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Возьмемъ же изъ предисловія къ книгѣ г. Стоюнина доказательства, что необходимо каждому юношѣ 13—15 лѣтъ изучать языкъ глубже, нежели изучалъ его Пушкинъ.

«Для человѣка вполнѣ образованнаго мало только умѣть пользоваться практическими правилами языка; нужно *разумѣть* законы своего роднаго языка, видѣть его историческое развитіе и то мѣсто, какое онъ занимаетъ между другими языками, понять тѣсную связь между языкомъ и мыслью, понять, какъ подъ вліяніемъ мысли образуется языкъ. Только при такомъ знаніи можно совершенно понять, что языкъ, есть зеркало народа, что въ немъ отразилась вся духовная народная жизнь. Разумное знаніе языка раскрываетъ передъ нами духъ народа въ его языкѣ .

Эти мысли повторяются такъ часто, и съ такою безотчетною увѣренностью, какъ будто онѣ—аксіомы въ родѣ $2 \times 2 = 4$. Но увы, какъ неосновательны эти мнимыя аксіомы и слѣдствія, изъ нихъ выводимыя!

«Мало умѣть практически пользоваться языкомъ, нужно уразумѣть его законы».—Но вы забываете, что языкъ—ни болѣе ни менѣе, какъ *орудіе* для выраженія мыслей, а орудіемъ нужно только умѣть пользоваться, а «разумѣть законы, по которымъ оно образовано» дѣло спеціалиста, а не каждаго человѣка, употребляющаго это орудіе. Желудокъ варитъ пищу, глазъ видитъ предметы, хотя бы мы вовсе не знали, по какому физіологическому процессу это происходитъ. Точно также моя мысль выражается словами: «времени не должно тратить на безполезныя знанія», хотя бы я и не «разумѣлъ» по какимъ законамъ образовались эти слова и эта фраза. Зачѣмъ же нужно мнѣ обременять голову тысячами ненужныхъ подробностей о томъ, отъ какихъ корней, посредствомъ какихъ приставокъ образовались слова «безполезно» и «не нужно»?

Филологу это знать необходимо, какъ математику необходимо знать свои формулы, какъ египтологу необходимо знать іероглифы. Но неспеціалисту эти знанія вовсе не нужны.

— «Но изучая языкъ народа, мы изучаемъ духъ народа». Не гораздо ли легче, опредѣленнѣе, полнѣе изучается духъ народа изученіемъ его исторіи, его литературы, его нравовъ? зачѣмъ идти къ цѣли длиннымъ, скучнымъ, невѣрнымъ путемъ, когда можно гораздо вѣрнѣе достичь ея другими путями, болѣе удобными и болѣе благотворными для умственной дѣятельности?

— «Но языкъ есть зеркало народной мысли»; не всѣ зеркала отражаютъ предметъ въ его полномъ размѣрѣ и истинномъ видѣ. Въ литературѣ, въ исторіи, жизнь народа отражается вѣрно и полно: въ языкѣ неточно, неполно и часто не-

вѣрно. Мы знаемъ, что противорѣчимъ въ этомъ случаѣ общепринятому мнѣнію, потому приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ арабскомъ языкѣ глаголъ не имѣетъ временъ, неужели же арабы не понимаютъ различія между прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ? Въ англійскомъ языкѣ нѣтъ различія между родами именъ существительныхъ—неужели-жь англичане не понимаютъ различія между поваромъ и кухаркою? а между тѣмъ то и другое понятіе выражается по англійски однимъ и тѣмъ же словомъ. Дѣло въ томъ, что мысль не вполнѣ выражается словомъ—надобно подразумѣвать то, что не досказывается. Иначе люди научались бы изъ книгъ, а не изъ жизни и опыта. Конечно, развитіе языка идетъ вслѣдъ за развитіемъ народной жизни, но мы не «разумѣемъ», какая нужда изучать отраженіе предмета въ зеркалѣ, когда онъ самъ очень хорошо видѣнъ изъ литературы и исторіи. Ужели, въ самомъ дѣлѣ, дѣлъ Петра Великаго нельзя узнать изъ Голикова «Дѣяній Петра Великаго», и непремѣнно нужно для этого изслѣдовать, какія слова ввелъ Петръ Великій въ русскій языкъ? И скажите, какимъ образомъ изъ филологическаго изученія русскаго языка вы узнаете, что Пушкинъ ввелъ въ русскую литературу новыя идеи? Для этого нужно знать исторію русской литературы, а не филологически разбирать русскій словарь или русскую этимологію.

Филологія наука очень важная—но для того, кто хочетъ ею спеціально заниматься: человѣку, который не намѣренъ сдѣлаться филологомъ, санскритскій языкъ не принесетъ ни малѣйшей пользы. Еще менѣе пользы пріобрѣтетъ онъ, научившись различать большой юсъ отъ малаго. Странно даже доказывать такія простыя истины. Но какъ же не защищать ихъ, когда модное направленіе стремится къ тому, чтобы вмѣсто свѣдѣній о человѣкѣ и природѣ набивать голову юноши теоріями придыханій, приставокъ, корнями и суффиксами.

Годы, посвящаемые человѣкомъ ученью, драгоцѣнные годы. Жаль тратить ихъ на мученье ребенка или юноши надъ безполезными для него тонкостями, которыхъ не можетъ онъ и постичь вполнѣ.

Не будучи согласны съ г. Стоюнинымъ въ необходимости или полезности руководствъ, подобныхъ составленному имъ «Высшему курсу русской грамматики», мы должны однако же отдать автору ту справедливость, что онъ старался «уразумѣть» филологію. Но его книга была бы свободнѣе отъ ошибокъ, еслибъ онъ былъ осмотрительнѣе въ выборѣ авторитетовъ. Трудами гг. Буслаева, Востокова, Давыдова, Срезневскаго можно пользоваться безопасно, они не введутъ въ важныя ошибки. Но драгоцѣнные труды г. Павскаго могутъ принести пользу только опытному спеціалисту; до нѣкоторой степени надобно сказать это и о трудѣ г. Каткова; другихъ своихъ руководителей напрасно не оставилъ г. Стоюнинъ, потому что у нихъ болѣе ошибочнаго, нежели вѣрнаго. Сравненія съ персидскимъ языкомъ, принадлежащія самому г. Стоюнину, часто бываютъ очень удачны и придаютъ нѣкоторую самостоятельность его труду. Но—если выразить наше мнѣніе откровенно, то мы посовѣтовали бы г. Стоюнину, или совершенно посвятить себя филологіи, или совершенно оставить ее. Какъ и во всякой спеціальности, въ филологіи не должно существовать дилеттантизма.

О договорѣ Новагорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1820 году. Сочиненіе *Ивана Андреевскаго*. С.-П.-бургъ. 1855.

Немногія страницы этой брошюрки, написанныя самимъ авторомъ, скомпилированы изъ сочиненій, написанныхъ до него о сношеніяхъ Новгорода съ Ганзою и Готландомъ; большая половина книжки занята текстомъ договоровъ, перепечатанныхъ изъ сочиненія Сарторіуса о Ганзѣ, и переводами этого текста съ стариннаго нижненѣмецкаго языка на новый нѣмецкій и русскій. Главнымъ достоинствомъ сочиненія было бы то, еслибы переводы были вѣрны. Но авторъ, не зная стариннаго нижненѣмецкаго нарѣчія, поручилъ другому перевесть договоры на новый нѣмецкій; другой этотъ также не всегда понималъ текстъ и сдѣлалъ довольно много ошибокъ; съ этого ошибочнаго нѣмецкаго перевода сдѣлалъ г. Андреевскій русскій переводъ, въ которомъ повторились ошибки нѣмецкаго. Намъ кажется, что авторъ или долженъ употребить два-три дня, чтобы привыкнуть разбирать языкъ подлинника (что не представляетъ почти никакого труда знающему по-нѣмецки), или избрать для своего сочиненія предметъ, болѣе знакомый.

Азовское сидѣніе. Историческое сказаніе въ лицахъ, въ пяти актахъ и девяти картинахъ, *Н. Кукольника*. Спб. 1855.

Немногіе счастливцы, которымъ судьба позволила прочесть предпослѣднее произведеніе г. Кукольника, «Маркитантку», гдѣ подъ предлогомъ воспоминаній о войнѣ съ Карломъ XII и Полтавской битвѣ столь наивно и трогательно изображена прелесть милой Тани, на сценѣ доказывающей своему жениху, что она невинна, и героизмъ ея матери, лопатою побивающей Карла или Левенгаупта, — эти немногіе могутъ полагать, что угадаютъ впередъ достоинства новой пьесы извѣстнаго нашего драматурга и романиста. Но думая такъ, они ошибутся. Первое важное преимущество «Азовскаго сидѣнія» надъ прозаическою «Маркитанткою» состоитъ въ томъ, что это «историческое сказаніе въ картинахъ» писано стихами, какихъ еще никогда не бывало на русскомъ языкѣ. Вотъ примѣръ. Донцы Кумшатный и Першило бесѣдуютъ съ запорожцемъ Зарембою, который говоритъ, что ему пора отдохнуть отъ войны и жениться; Кумшатный отвѣчаетъ:

Пора-то давно пора, только не туда попалъ!
Ты намъ не станичникъ; ты даже не нашъ
Козакъ. Какая козачка за тебя выйдетъ?
Развѣ изъ ясырокъ некрещенныхъ жену поймешь;
А козачка, что называется козачка... дудки!

Правда, прибавляетъ луганскій козакъ Терешка Лещина, поетъ, говорящій ломаннымъ малорусскимъ языкомъ—не пойдетъ козачка за запорожца: запорожцы злодѣи, они разорили нашу Луганъ:

Була сторонка людная, а теперь лысая.
Отъ злодѣивъ запорожьскихъ повтикали.
Бодай вамъ добра небуло, племя ведмежье!

Только мини и осталось отъ солодкаго краю,
Що бандура, та сердьце. Не ма у мене ни роду, ни хаты;
Не чужой я и на чужой сторонци—бо у мене бандура.
Тая бандура на всихъ языкахъ знае,
У мене голосъ, чистый голосъ, слезами вымытъ,
У мене память—не забуди Лугани!
Не забудутъ добрыи люди пѣсень Терешки,
Зачуютъ и у дьявольской Сѣчи голосъ Лещины.

Я буду мстить запорожцамъ и грозною, вдохновенною пѣснью, и саблею, прибавляетъ Терешка: они, злодѣи, зарѣзали мою жену. Запорожецъ сердится за эти поэтическія выдумки на своихъ однокашниковъ, и вмѣсто того, чтобы замѣтить Терешкѣ, что онъ, очевидно, по невѣжеству смѣшиваетъ запорожцевъ, защитниковъ и героевъ Украйны, лучшихъ сыновъ Малороссіи, съ татарами, ея притѣснителями, начинаетъ бранить донцовъ и ихъ подвиги, чего запорожцы никогда не дѣлывали, и называетъ Азовъ, взятіемъ котораго хвалятся донцы, «дурацкимъ городомъ».

КУМШАТНЫЙ (*вставъ и стукнувъ кулакомъ по столу*).

Дурацкій! Азовъ дурацкій! Гаврюха, слышишь?
Да какъ стоитъ ваша запорожская трущоба,
Такъ никому изъ васъ такого превеликаго дѣла
И во снѣ не удалось видѣть! Ахъ, ты, темя баранье!
А еще на козáчкѣ вздумалъ жениться! дудки!
Какъ вамъ на Днѣпрѣ отъ латынщиковъ жутко пришлось,
Такъ вы куда махнули? Потянули къ бусурманамъ на службу!
На поганыхъ хлѣбахъ задумали
Добывать зипуна молодецкаго!
Охъ ужь вы, козаки оплаканные
Гдѣ вамъ быть добрыми зипунниками,
Какъ мы, всевеликое войско Донское?

Нѣтъ надобности прибавлять, что Кумшатный, подобно Терешкѣ, по невѣжеству взводитъ на запорожцевъ небылицы. Жаль, что авторъ не объяснилъ этого въ примѣчаніи—тогда мы могли бы отличить мнѣніе господина Кукольника о запорожцахъ отъ того, что говорятъ о нихъ Кумшатный и Терешка въ его пьесѣ. На самомъ дѣлѣ донцы никогда такъ не думали о запорожцахъ, какъ принуждены авторомъ отзываться о нихъ мнимые донцы. Но не въ этомъ дѣло: славные запорожцы, дивную храбрость и высокое благородство которыхъ признавали даже враги ихъ, татары и турки, и потомки которыхъ, черноморцы, своими подвигами показываютъ «какихъ отцовъ они дѣти», какія преданія завѣщаны имъ отцами,—славное войско запорожское не нуждается въ защитѣ отъ выдумокъ Терешки, не умѣющаго даже говорить правильнымъ великорусскимъ или малорусскимъ языкомъ и потому признаваемаго нами за самозванца—онъ не великоруссъ, не малоруссъ, не козакъ, онъ долженъ быть выходецъ изъ чужихъ земель, но дѣло не въ содержаніи рѣчей, а въ томъ, какими стихами изложены эти рѣчи. Повторимъ ихъ еще:

КУМШАТНЫЙ.

Пора-то давно пора, только не туда попалъ!
Ты намъ не станичникъ, ты даже не нашъ
Козакъ! Какая козáчка за тебя пойдетъ и т. д.

ТЕРЕШКА.

Була сторонка людная, а теперь лысая.
Отъ злодѣевъ запорожцевъ повтикали и т. д.

Поэтъ-Терешка, вѣроятно, воображаетъ, что это народный русскій или малорусскій размѣръ. Если наша догадка, что Терешка—выходецъ изъ чужихъ земель, только старающійся прикидываться русскимъ,—справедлива, то Терешкѣ простительно ошибаться. Но странно, что авторъ, который представляется намъ въ качествѣ истаго русскаго, написалъ такими странными клочками фразъ все свое «историческое сказаніе».

Тема, данная первою сценою, развивается всею пьесою, которая имѣетъ единственною цѣлью—доказать, что запорожцы были хвастуны, трусы, безчестные волокиты, предатели, подводившіе татаръ на пагубу своихъ единовѣрцевъ, донцовъ, которыхъ авторъ справедливо изображаетъ героями: за послѣднее нельзя не похвалить его, потому что донцы, братья запорожцевъ, дѣйствительно всегда были воинами въ высшей степени отважными и благородными, точно также, какъ и запорожцы.

Вся первая картина, занимающая не менѣе 30 страницъ, состоитъ изъ длинныхъ разговоровъ на двойную тему пьесы,—разговоровъ, ни къ чему не ведущихъ и потому скучныхъ. Вторая картина—козацкій майданъ, или сходка. Изъ Азова прибѣжалъ вѣстникъ, Степанъ Порошинъ, и разсказываетъ, что донцы, тамъ засѣвшіе, осаждены безчисленнымъ войскомъ Гуссейна Паши или Гусь-Паши (этотъ «Гусь-Паша», повторяемый безпрестанно, долженъ придавать пьесѣ комизмъ). Если донцы не поспѣшатъ на выручку, товарищи пропадутъ. Козаки рѣшаютъ всѣмъ поголовно ѣхать въ Азовъ, выбравъ своимъ предводителемъ Порошина. Картина третья очень длинна—не менѣе, какъ на 45 страницахъ—изображаетъ сборы донцовъ въ походъ. Букетъ картины заключается въ послѣднихъ стихахъ ея: козаки уѣхали, на сценѣ остаются козачки, между прочими Ульяна, замужняя женщина, которая груститъ, отпустивъ мужа въ опасный походъ, и пріятельница ея Даша, объявленная невѣстою Порошина.

ДАША.

Вотъ и невидно!... Что пріуныли? Полно вслѣдъ смотрѣть!
Сгладимъ лучше путь дороженьку нашимъ молодцамъ!
Выпьемъ до чиста чару полную
Про ихъ здоровье молодецкое!—Любо!

ВСѢ (*кромѣ Ульяны, взявъ чарки*).

Любо!

ДАША (*подавая чарку, строго*).

Уля, любо!

УЛЬЯНА (*взявъ чарку, съ отчаяніемъ*).

Любо! любо!
По кускамъ сердечко разрывается!

(Всѣ пьютъ. Занавѣсъ падаетъ).

Картина четвертая переноситъ насъ въ Азовъ. Сцена представляетъ полуразрушенныя укрѣпленія города. Осажденныхъ козаковъ осталось въ живыхъ уже мало. Они отдыхаютъ въ ожиданіи приступа. Козачки, замѣняя усталыхъ мужей, исправляютъ укрѣпленія и готовятъ боевые припасы. Тутъ является новое лицо, обязанное, вмѣстѣ съ Гусь-Пашою, смѣшить публику: козакъ изъ нѣмцевъ, говорящій ломаннымъ языкомъ. Рѣчей очень много, какъ и въ предъидущихъ картинахъ; дѣйствія очень мало. Наконецъ являются Порошинъ и другіе козаки, поѣхавшіе на выручку. За сценою шумъ приступа. Потомъ являются люди, разсказывающіе зрителямъ, что приступъ отбитъ, но турки готовятся къ новому приступу. Приносятъ смертельно раненнаго Терешку, который умираетъ, не успѣвъ пропѣть ни одной изъ обѣщанныхъ пѣсенъ. Для пьесы это лицо совершенно лишнее: оно выведено авторомъ только для того, чтобы позорить о запорожцахъ и чтобы восхищать зрителей восторженными выходками о бандурѣ и могуществѣ своего голоса.

Дѣйствіе пятой картины опять въ станицѣ. Козачки, долго не получая извѣстій о мужьяхъ, отправившихся въ Азовъ, отъ скуки ѣздятъ на охоту, стрѣлять дудаковъ, и притомъ стрѣлять не изъ ружей, а изъ луковъ. Это совершенно новое понятіе о казацкой охотѣ въ половинѣ XVII вѣка. Является запорожецъ, переодѣтый, и съ накладною бородою: онъ, пошедши съ донцами въ Азовъ, на дорогѣ струсилъ и вернувшись въ станицу подъ чужимъ именемъ, хвастаетъ своими геройскими подвигами въ Азовѣ, и разсказываетъ, что всѣ козаки тамъ перебиты или померли съ голоду. Старухи ему вѣрятъ, но богатырша Даша, которая умѣетъ «до числа выпивать чару полную», не такъ довѣрчива—она срываетъ съ запорожца фальшивую бороду, заставляетъ его признаться въ трусости и зломъ умыслѣ—у волокиты запорожца было на умѣ силою увезти Ульяну.—въ наказаніе за то бабы сбрасываютъ его съ берега въ рѣку. Вслѣдъ за тѣмъ является рыбалка (т. е. рыбачка?) и объявляетъ, что въ Азовѣ дѣйствительно голодъ. Даша убѣждаетъ козачекъ садиться на коней и спѣшить на помощь мужьямъ.

Шестая картина—курганъ по дорогѣ къ Азову. За курганомъ сидитъ запорожецъ съ татарами; онъ подвелъ ихъ, чтобы перехватить козачекъ. Но козачки разгоняютъ татаръ, убиваютъ измѣнника запорожца, и продолжаютъ свой путь.

Въ седьмой и осьмой картинахъ, мы видимъ бѣдствія осажденныхъ: они умираютъ съ голоду. Являются козачки съ дудаками, которыхъ по дорогѣ настрѣляли изъ луковъ, и подкрѣпляютъ этою неожиданною пищею силы своихъ мужей. Тогда турки, у которыхъ въ станѣ началась чума, снимаютъ осаду (картина девятая), козаки обогащаются ихъ пожитками. Порошинъ женится на Дашѣ, а нѣмецъ-козакъ на другой дѣвушкѣ, Дунѣ, которая любила бандуриста—Терешку.

Дѣйствія въ пьесѣ очень мало, разговоры неимовѣрно растянуты: ни одно лицо не говоритъ натуральнымъ языкомъ, всѣ выражаются странною смѣсью надутаго книжнаго языка съ простонароднымъ.

О жизни и ученыхъ трудахъ Френа. Соч. *П. Савельева.* Съ портретомъ Френа. Спб. 1855.

Услуги, оказанныя покойнымъ академикомъ изученію мухаммеданскаго востока, уже оцѣнены по достоинству въ наукѣ, и безъ сомнѣнія каждому читателю будетъ пріятно ближе познакомиться съ біографіею этого извѣстнаго оріэнталиста.

Френъ родился въ 1782 г. въ Ростокѣ (въ Мекленбургъ-Шверинѣ) и былъ ученикомъ знаменитаго оріэнталиста и нумизмата Тихсена, направленіе котораго предѣлило и характеръ ученой дѣятельности нашего академика. Рекомендація Тихсена доставила ему мѣсто профессора восточныхъ языковъ при Казанскомъ университетѣ (въ 1804 г.). По смерти Тихсена Френу предложили быть его преемникомъ въ Ростокскомъ университетѣ, и онъ въ 1817 г. поѣхалъ, побуждаемый желаніемъ видѣть родину. На пути туда, онъ остановился въ Петербургѣ разсмотрѣть восточный музей Академіи Наукъ; его просили заняться разборомъ ученыхъ богатствъ этого хранилища, — онъ согласился, выпросивъ отсрочку изъ Ростокскаго университета, и, увлекшись этимъ начатымъ съ горячею ревностью колоссальнымъ трудомъ, остался, наконецъ, въ Петербургѣ навсегда, въ званіи академика и директора Азіатскаго Академическаго Музея. Онъ скончался 16 августа 1853 г., на семидесятомъ году отъ роду.

Въ Казани Френъ занимался преимущественно разборомъ мухаммеданскихъ монетъ, особенно монетъ хановъ Золотой Орды и Волжскихъ Булгаръ, и успѣлъ приготовить къ изданію «Описаніе монетъ хановъ Джучіева улуса или Золотой Орды»—сочиненіе, необыкновенно важное для исторіи Кипчакской орды. Въ Казани же началъ имъ другой трудъ, еще болѣе обширный — составленіе полнаго критическаго словаря арабскаго языка. Богатство словъ и выраженій въ этомъ языкѣ такъ велико, что несмотря на всѣ превосходные труды арабскихъ и европейскихъ лексикографовъ, далеко не всѣ слова этого языка и его многочисленныхъ нарѣчій внесены въ словари. Въ теченіе цѣлыхъ сорока лѣтъ, до конца своей жизни, Френъ вписывалъ въ свой словарь всѣ пропущенные его предшественниками слова и выраженія, которыя встрѣчались ему при чтеніи. Послѣ этого можно вѣрить г. Савельеву, что словарь Френа, остающійся еще въ рукописи, чрезвычайно важенъ для арабской лексикографіи.

Но дѣятельность Френа стала еще плодотворнѣе для науки, когда онъ поселился въ Петербургѣ и посвятилъ всѣ свои силы разбору монетъ и рукописей чрезвычайно богатаго Академическаго восточнаго музея. Френъ привелъ это громадное хранилище въ систематическій порядокъ, глубоко изучилъ его и издалъ полные каталоги или рецензіи его монетъ, на основаніи которыхъ возстановлены имъ тысячи фактовъ исторіи мухаммеданскихъ государствъ. Въ музеѣ нашелъ онъ и знаменитый «Географическій словарь» Якута, столь драгоцѣнный для русской исторіи по извлеченіямъ изъ Ибнъ-Фоцлана, изданіе которыхъ пролило неожиданный свѣтъ на исторію полуславянскаго приволжья въ X-мъ вѣкѣ. Чтобы понять важность трудовъ Френа по мухаммеданской нумизматикѣ, довольно сказать, что имъ было разсмотрѣно до трехъ милліоновъ восточныхъ монетъ!

Нельзя не упомянуть и о томъ, что Френъ оказывалъ всевозможное содѣйствіе русскимъ молодымъ оріэнталистамъ въ ихъ трудахъ. Едва ли есть оріэналистъ въ Россіи, который бы не былъ чѣмъ нибудь ему обязанъ, говоритъ г. Савельевъ.

Записки Русскаго Географическаго Общества. Книжка X. Спб. 1855.

По достоинству своего содержанія, десятая книжка «Записокъ Географическаго Общества одна изъ замѣчательнѣйшихъ въ этомъ изданіи, столь важномъ для русской географіи, статистики и этнографіи. Обѣ статьи, ее составляющія — «Очерки торговли Россіи съ Средней Азіей» г. Небольсина, и «Списокъ мѣстъ въ сѣверозападной части Средней Азіи, положеніе которыхъ опредѣлено астрономически», составленный гг. Ханыковымъ и Толстымъ (и являющійся, какъ приложеніе къ составленной г. Ханыковымъ картѣ этихъ мѣстъ) принадлежатъ къ числу капитальныхъ трудовъ, —или, справедливѣе сказать, должны быть названы, каждая по своему предмету, лучшими сочиненіями.

Г. Небольсинъ, оказавшій много услугъ статистикѣ своими трудами касательно внѣшней торговли Россіи, особенно нашихъ торговыхъ сношеній съ Среднею Азіею, написалъ теперь очень обширный и полный трактатъ о торговлѣ Россіи съ Бухарой, Хивою и Коканомъ. При составленіи этого обзора онъ, кромѣ богатаго запаса своихъ собственныхъ замѣтокъ, пользовался многими рукописными матеріалами (особенно записками г. Генса) и представилъ изслѣдованіе, драгоцѣнное по множеству новыхъ и точныхъ подробностей. Чтобы составить ясное понятіе о степени важности нашихъ торговыхъ сношеній съ Средней Азіей, прежде всего приведемъ итоги «Общей вѣдомости» этой торговли за послѣднее десятилѣтіе (1840—1850 г.), въ круглыхъ числахъ.

Отпускъ.

Звонкая монета	1,530,000	руб.
Мѣдь, желѣзо, чугунъ, и разныя издѣлія изъ этихъ металловъ	1,014,000	—
Бумажный товаръ	1,488,000	—
Шелковый и шерстяной товаръ	625,000	—
Кожевенный товаръ	825,000	—
Прочіе товары	1,281,000	—
Итого	9,763,000	

Привозъ.

Бумага хлопчатая, сырецъ, пряжа	2,748,000	руб.
Бумажный товаръ	4,012,000	—
Шелковый и шерстяной товаръ	150,000	—
Мѣха, мерлушки, пухъ	1,075,000	—
Фрукты	299,000	—
Марена	224,000	—
Прочіе товары	863,000	—
Итого	9,371,000	

Изъ этихъ цифръ получаемъ средній годовой отпускъ (по сложности послѣдняго десятилѣтія) 676.000 р. годовый привозъ 897.000; вся сумма средняго годичнаго оборота торговли съ Среднею Азіею—1,573.000 р. сер.

Незначительность этой цифры поразительна и часто обвиняютъ предпріимчивость русскаго купечества въ томъ, что его торговля съ Бухарою, Хивою и пр. не пріобрѣла болѣе широкихъ размѣровъ. Г. Небольсинъ принадлежитъ къ числу людей, которые чрезвычайно заняты будущностью и возможнымъ развитіемъ нашихъ сношеній съ Среднею Азіею; потому его нельзя подозрѣвать въ пристрастіи, когда онъ доказываетъ, что въ настоящее время торговля эта остается маловажна по необходимости, въ которой вовсе не виноваты русскіе купцы. Бухарцы и сосѣди ихъ, говоритъ онъ, народъ бѣдный, а нищій не можетъ быть ни покупщикомъ, ни продавцомъ на большія суммы. Немногіе зажиточные люди, которые находятся между ними, боятся обнаруживать свое богатство — они должны притворяться нищими, иначе будутъ ограблены своимъ эмиромъ или ханомъ. Они не могутъ пускаться въ значительныя торговыя операціи, не смѣютъ даже покупать себѣ хорошаго платья, хорошей мебели—они живутъ, какъ бѣдняки. Потому русскіе товары не нашли бы себѣ покупщиковъ, если бы привозились въ большомъ количествѣ. Обвинять нашихъ купцовъ за то, что они возятъ въ Бухару и пр. издѣлія только самыхъ низшихъ сортовъ, — также несправедливо, по мнѣнію г. Небольсина: по своей бѣдности и безвкусію среднеазіатцы могутъ покупать только самые дешевые товары; не купцы наши хотятъ продавать имъ плохой товаръ, а сами Бухарцы и Хивинцы заставляютъ ихъ ограничивать свой привозъ грошовыми вещами. Таковъ же вывозъ изъ средней Азіи: три четверти его суммы составляютъ бумажныя ткани и пряжа, имѣющія одно только достоинство— дешевизну, и потому годныя для простолюдиновъ Оренбургскаго края, куда не привозится изъ фабричныхъ губерній дешевыхъ русскихъ тканей, появленіе которыхъ въ Оренбургѣ значительно сократило бы нашу торговлю съ Хивой и Бухарой. Сношенія съ этими странами остаются незначительны также по недостатку гражданскаго благоустройства тамъ— зажиточный русскій купецъ, привыкшій дома пользоваться почетомъ, не захочетъ самъ ѣхать въ такую землю, гдѣ можетъ на каждомъ шагу подвергаться грубостямъ и придиркамъ; потому русская торговля ведется преимущественно черезъ мелкихъ прикащиковъ, которые не имѣютъ ни средствъ, ни охоты слишкомъ заботиться о расширеніи круга ея. Прибавимъ наконецъ медленность и дороговизну караваннаго провоза, и мы будемъ имѣть достаточное объясненіе причинъ, по которымъ наша торговля съ Среднею Азіею ограничивается нѣсколькими сотнями тысячъ рублей. За общимъ введеніемъ слѣдуетъ у г. Небольсина подробное описаніе способовъ и маршрутовъ караванной торговли Россіи съ Бухарою, Хивою и Коканомъ, очень богатое точными подробностями; потомъ онъ говоритъ о торговыхъ связяхъ среднеазійскихъ владѣній между собою и путяхъ, которымъ слѣдуютъ караваны изъ одного владѣнія въ другое; подробно объясняетъ качество и назначеніе каждой привозной и отпускной статьи товаровъ и заключаетъ свой трактатъ общею вѣдомостью о движеніи среднеазійской торговли за 1840—1850 годы. Извлеченіе изъ этой вѣдомости мы уже представили, и теперь сообщимъ краткій обзоръ другихъ отдѣленій его интереснаго сочиненія.

Верблюды для бухарскихъ каравановъ нанимаются отъ киргизовъ. Средній вьюкъ верблюда 18 пудовъ: на дромадера (одногорбаго верблюда) можно класть

до 24 пудовъ. Собственно неизбѣжна была бы перевозка товаровъ на верблюдахъ только черезъ пески Кызылъ-кумъ, между Бухарою и Сыръ Дарьею; до этихъ песковъ отъ Бухары можно было бы доставлять товары на арбахъ, что иногда и дѣлается; отъ Сыръ-Дарьи до нашей Линіи также возможенъ колесный путь. Возможно было бы также учредить изъ Бухары водяную доставку по Аму-Дарьѣ (отстоящей отъ города Бухары только на одинъ переходъ) до Аральскаго моря: судоходность Аму-Дарьи на этомъ пространствѣ доказана опытомъ. Но привычка и простота караванной перевозки доселѣ одерживаютъ верхъ. Въ киргизской степи нынѣ водворено спокойствіе, и караваны тамъ не подвергаются болѣе опасностямъ отъ хищниковъ. Одинъ изъ опытныхъ торговцевъ говорилъ г. Небольсину, что вѣроятно скоро караваны будутъ ходить на арбахъ, запряженныхъ волами, и верблюды переведутся въ степи. И дѣйствительно, перевозка на волахъ отъ Линіи до Сыръ-Дарьи уже начинаетъ входить въ обыкновеніе. До Бухары изъ Оренбурга или Троицка считается около 1.700 верстъ; средняя цѣна провоза 10 р. сер. съ верблюда т. е. 55 коп. сер., полагая вьюкъ въ 18 пудовъ. Прежде платилось гораздо болѣе — отъ 20 до 25 р. за верблюда; нынѣ цѣна упала, отъ обѣднѣнія ли киргизовъ, отъ спокойствія ли, водвореннаго въ степи, или отъ правильности, введенной при наймѣ. Доставка изъ Бухары въ Троицкъ нынѣ обходится дешевле, нежели въ Оренбургѣ. Караванъ въ Бухару изъ Оренбурга идетъ 55—60 дней, изъ Троицка 50— 55 дней. Караваны въ Коканъ (Ташкентъ) ходятъ преимущественно изъ Петропавловска. Путь—45—50 дней: плата за верблюда 7—8 р. сер. Въ Хиву ходятъ караваны изъ Оренбурга: путь 50—55 дней; плата 8—10 руб. сер. Главная наша торговля съ Бухарой; Хива — второстепенный пунктъ; торговля съ Коканомъ ничтожна. Десятилѣтіе 1840—1850 г. даетъ слѣдующія цифры.

	Отпускъ.	Привозъ.
Торговля съ Бухарой . .	5,225,000 руб.	7,310,000 руб.
. . . . Хивой . .	1,335,000 —	1.395,000 —
. . . . . Коканомъ .	205,000 —	265,000 —

Потому средній годовой оборотъ бухарской торговли—1,255,000 р., хивинской—275,000 коканской—47,000 р.

Чтобы видѣть, какихъ сортовъ товары требуются отъ насъ среднеазіатскими покупщиками, приведемъ цѣны нѣкоторыхъ отпускныхъ статей. Бритвы для этой торговли идутъ изъ продающихся на нижегородской ярмаркѣ по 14 коп. сер. за пару, перочинные ножи—по 55—70 коп. сер. за дюжину ножей о двухъ лезвеяхъ. При такой цѣнѣ очевидно, какое качество могутъ имѣть издѣлія. Болѣе высокая доброта не требуется. Ситцы посылаются различныхъ сортовъ — лучшіе 9 коп. сер. дешевые—6 коп. сер. аршинъ по цѣнамъ на нижегородской ярмаркѣ. Коленкоръ—1 р. 1 р. 50 к. сер. за кусокъ въ 12—16 аршинъ. Бумажные платки имѣютъ величины обыкновенно 4—7 вершковъ въ квадратѣ; имѣющіе 8—10 вершковъ требуются уже мало. То что называется «плисомъ» въ среднеазіатской торговлѣ, есть, по удачному выраженію г. Небольсина—«вещество, непріятное для осязанія и обоняніи, не имѣющее ничего общаго съ тѣмъ товаромъ, который мы знаемъ у себя подъ именемъ плиса, приводящее зрителя въ раздумье о томъ, неужели можно этому издѣлью изобрѣсть какое нибудь употребленіе?»—Но это вещество требуется среднеазійцами, потому что цѣна аршина его—11¼ коп.

сер. Таковы же шелковыя и шерстяныя матеріи, годныя по цѣнѣ для бухарца или хивинца. Таково же качество всѣхъ прочихъ статей нашего отпуска. Напримѣръ, по словамъ г. Небольсина, «фарфоровая и глиняная посуда отправляется отъ насъ въ Среднюю Азію только тѣхъ сортовъ, которые по негодности не могутъ уже имѣть сбыта нигдѣ внутри имперіи: по бѣдности и незатѣйливости азіатца, нашъ бракъ посуды для него находка, благо товаръ нашъ очень дешевъ». Интересна также доброта очковъ, требуемыхъ этими народами. Они не бываютъ дороже 1 р. 50 коп. дюжина. Эти инструменты, замѣчаетъ г. Небольсинъ, если можетъ быть, и плохо приспособлены для человѣческаго глаза, за то весьма хорошо согласованы съ достаткомъ народовъ Турана. Однако же эти удивительныя издѣлія достаются среднеазійцамъ вовсе не такъ дешево, какъ было бы можно предполагать. Съ одной стороны дороговизна привоза, съ другой необходимость брать значительный барышъ при мелочности, медленности и невѣрности торговыхъ оборотовъ, сильно повышаютъ продажныя цѣны нашихъ издѣлій на бухарскихъ и хивинскихъ рынкахъ. По разсчету г. Генса, торговцы наши получаютъ въ Бухарѣ выгоды:

на ситецъ	33	процента	съ рубля
— нанку	47	—	— —
— платки	35	—	— —
— сукно	46	—	— —

Потому-то напримѣръ, кусокъ сукна, купленный въ Нижнемъ за $12^1/_2 — 17^1/_2$ р. сер., продается въ Бухарѣ 24—32 р. сер.

Главная привозная статья изъ Бухары и Хивы хлопокъ и бумажныя ткани, очень дешевыя. Ткани даютъ одежду всему населенію Оренбургскаго края, потому что привозимыя изъ Имперіи слишкомъ непрочны и дороги. Покойный Генсъ говоритъ по этому поводу: «У насъ любятъ продавать товаръ лицомъ: обыкновенно начинаютъ торговцы хорошо, сначала товаръ красивъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и проченъ. Потомъ убавляютъ мѣры и плотности. Черезъ нѣсколько лѣтъ, издѣліе, одного названія съ первоначальнымъ, по достоинству уже не то, и покупщикъ, обольстившійся названіемъ, находитъ, что онъ обманутъ. Ткани бухарскія и хивинскія, каковы были за сто лѣтъ, таковы и теперь: ихъ покупаютъ безъ оглядки, а нашимъ не довѣряютъ. Вотъ почему наши фабриканты, несмотря на мнимую утонченность промышленности и на такъ называемую изящность своихъ произведеній, не успѣли вытѣснить изъ здѣшней торговли (т. е. изъ Оренбургскаго края) грубыя выбойки, зендели, бязи и проч.». Г. Небольсинъ, оправдывая фабрикантовъ, принужденъ однако же прибавить, что всеобщее употребленіе среднеазіатскихъ тканей въ прилежащихъ русскихъ провинціяхъ, «указываетъ на беззаботность промышленника о развитіи русской промышленности». Цѣны этихъ привозныхъ тканей слѣдующія:

Бѣлая бязь (бумажное тканье, видомъ похожее на холстъ) лучшая, кусокъ въ 16—21 аршинъ (общая ширина всѣхъ тканей 6 вершковъ), въ Троицкѣ	60—80 коп. сер.
Синяя бязь (или зендель) лучшая, кусокъ въ 13 аршинъ, на Линіи	50—55 коп. сер.
Выбойка (или бахта), т. е. бязь набивная красками, подобная ситцу, лучшая, кусокъ 22—24 аршина, въ Троицкѣ . . .	1 р.—1 р. 20 к. с.
Алача (или суса), полосатая бумажная ткань для халатовъ, лучшая, кусокъ въ 9 аршинъ на Линіи	40—50 коп. сер.

Къ обширной статьѣ своей г. Небольсинъ присоединилъ три приложенія, извлеченныя изъ записокъ г. Генса: 1) Дорога изъ Семипалатинска въ Ташкентъ; 2) Дорога изъ Амбергера въ Кашемиръ, Коканъ и Кабулъ; 3) Описаніе странствованій Габайдуллы Ампрова по Средней Азіи до Индіи. Всѣ эти маршруты и разсказы записаны г. Генсомъ со словъ самихъ путниковъ, и если многое въ нихъ потеряло интересъ новости, то многія указанія будутъ небезполезными и нынѣ.

Важность «Карты мѣстностей въ сѣверозападной части Средней Азіи, положеніе которыхъ опредѣлено астрономически», составленной г. Ханыковымъ, и приложеннаго къ ней списка этихъ мѣстностей, очевидна. Труды г. Ханыкова по географіи этой части азіатскаго материка пользуются достаточнымъ вѣсомъ въ ученомъ мірѣ, чтобы уже имя составителя ручалось за высокое достоинство его новаго труда. Сводъ астрономическихъ наблюденій сдѣланъ изъ 23 русскихъ и иностранныхъ ученыхъ путешествій. Всѣхъ мѣстностей, опредѣленныхъ астрономически до 1849 года между 64^0 и 102^0 долготы и 34^0—54^0 сѣверной широты собрано въ спискѣ и отмѣчено на картѣ 486; изъ нихъ большая половина опредѣлена трудами русскихъ ученыхъ, изъ которыхъ первымъ былъ г. Вишневскій (въ 1806—1815 г.), почти не имѣвшій въ этомъ дѣлѣ предшественниковъ и между иноземцами. Изъ общаго числа мѣстностей, 360 находится такихъ, для которыхъ опредѣлена и широта и долгота; для остальныхъ найдена только широта. Въ нѣкоторыхъ полосахъ этой части материка число опредѣленныхъ мѣстностей такъ значительно, что карты могутъ быть составлены съ удовлетворительною точностью. Таково пространство ограничиваемое Оренбургскою крѣпостью на сѣверѣ, Аральскимъ моремъ на югѣ и р. Тургаемъ на востокѣ (45^0—51^0 сѣв. шир., 76^0—83^0 долг.) и Персидскія области, прилежащія къ Каспійскому морю; другія полосы, напротивъ того, остаются еще бѣдны астрономически опредѣленными пунктами; особенно это надобно сказать о пространствахъ между южною частію Каспійскаго моря на западѣ, Аральскимъ моремъ на сѣверѣ и Бухарою на юговостокѣ (38^0—43 сѣв. шир. и 71^0—79^0 долг.) и еще болѣе обширномъ пространствѣ на востокъ отъ рѣкъ Ишима и Сары-су и на сѣверъ отъ озеръ Кара-Куль и Иссыкъ-Куль (43^0—54^0—сѣв. шир. и 84^0—102^0 долг.). Трудами русскихъ ученыхъ въ скоромъ времени, конечно, пополнятся и эти пробѣлы; тогда карта сѣверозападной половины среднеазійскихъ странъ достигнетъ равной точности во всѣхъ своихъ частяхъ.

Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1855 годъ. С.-Петербургъ 1855.

Дѣятельность Императорскаго Географическаго Общества, приносящая столько пользы русской наукѣ, давно уже возбуждаетъ въ публикѣ сочувствіе, которое должно почесться совершенно заслуженною наградою его неутомимыхъ трудовъ.

Интересуясь дѣйствіями Общества, публика не можетъ не желать постоянно слѣдить за именами сановниковъ и ученыхъ, имѣющихъ особенное вліяніе на его труды. Потому изъ «Отчета», лежащаго теперь передъ нами, прежде всего выпишемъ здѣсь личный составъ управленія Общества въ 1854 г.

Вице-предсѣдателемъ Общества въ истекшемъ году былъ М. Н. Муравьевъ; его помощникомъ — А. И. Левшинъ; членами совѣта Н. А. Милютинъ, Я. И. Ростов-

цевъ, К. М. Бэръ, Г. П. Гельмерсенъ, К. В. Чевкинъ, Ю. А. Гагемейстеръ К. А. Неволинъ и К. С. Весловскій. Въ лѣтніе мѣсяцы, по случаю отсутствія вице-предсѣдателя и его помощника, текущими дѣлами Общества завѣдывалъ Н. А. Милютинъ. Казначеемъ Общества оставался М. Д. Княжевичъ, секретаремъ былъ Е. И. Ламанскій.

Въ отдѣленіяхъ Общества были: въ отдѣленіи физической географіи, предсѣдательствующимъ А. И. Зеленой; этнографіи—предсѣд. Н. И. Надеждинъ, помощникомъ предсѣд. И. И. Срезневскій: статистики—предсѣд. А. П. Заблоцкій, помощникъ предсѣд. К. С. Веселовскій; математической географіи—предсѣд. В. Я. Струве, пом. предсѣд. Н. П. Буцкій.

По состоянію денежныхъ суммъ Общества находимъ въ «Отчетѣ» слѣдующія цифры:

Въ кассѣ Общества къ 1 декабря 1853 года находилось: капитала и остатковъ отъ текущихъ расходовъ 20,808 руб. $3^3/_4$ коп. сер.; суммъ, имѣющихъ особое предназначеніе 55,593 руб. 17 коп., всего 76,401 р. $20^3/_4$ коп. сер.

Въ теченіе года, 1 декабря 1853 г.—1 декабря 1854 г., поступило: общихъ доходовъ 16,675 р. 28 к.; доходовъ, имѣющихъ особое предназначеніе 29,510 р. 60 коп.; всего 46,185 руб. 88 к. сер.

Изъ того числа израсходовано: на канцелярію, наемъ дома и другія хозяйственныя издержки—4,678 р. 58 коп.; на библіотеку и музей—1,221 р. 5 к.; на снаряженіе экспедицій, собраніе разныхъ свѣдѣній, пособія для ученыхъ работъ и выдачу премій—7,952 р. 48 к.; на печатаніе изданій Общества 9,575 р. 7 к.: всего 23,427 р. 18 к. сер.

Затѣмъ къ 1 дек. 1854 г. состояло: капитала и остатковъ отъ текущихъ расходовъ 22,624 р. $11^3/_4$ к.; суммъ, имѣющихъ особое предназначеніе 76,435 р 80 к.; всего 99,059 р. $91^3/_4$ коп.

Всѣ источники постоянныхъ доходовъ Общества представляютъ хотя не быстрое, но замѣтное приращеніе. Продажа изданій Общества доставила 500 руб. сер. болѣе нежели въ предъидущемъ году. Но особенно значительно возрасла сумма пожертвованій на особыя, предположенныя отъ Общества предпріятія—экспедиціи и проч. Такъ въ истекшемъ году графъ Чапскій пожертвовалъ Обществу 17,500 р. сер. въ капиталъ для снаряженія восточно-сибирской экспедиціи.

Библіотека Общества, отчасти покупкою, отчасти обмѣномъ и особенно пожертвованіями пріобрѣла въ истекшемъ году 804 сочиненія. Особенно значительно пріобрѣтеніе Общества по завѣщанію Н. С. Корсакова, изъ библіотеки котораго поступило въ собственность Общества 1,006 томовъ книгъ и 1,289 листовъ картъ. Къ 1 апрѣля 1854 г. библіотека Общества содержала—книгъ 3,500 названій въ 6,700 томахъ; картъ 1,679 атласовъ: рукописей—256 и проч.

Этнографическій музей Общества обогатился въ прошломъ году особенно коллекціею вещей изъ быта туземцевъ нашихъ сѣверо-американскихъ владѣній: она пожертвована П. П. Дорошинымъ.

Изъ различныхъ отраслей ученой дѣятельности Общества «Отчетъ» прежде всего говоритъ объ экспедиціяхъ, снаряжаемыхъ Обществомъ. Ихъ въ 1854 г. было четыре: 1) обширнѣйшее изъ всѣхъ предпріятій Общества—экспедиція въ Восточную Сибирь—осуществилась въ этомъ году. Математическій отдѣлъ экспедиціи, состоящій изъ главнаго астронома ея, Ф. А. Шварца, и его помощниковъ—

поручика Рошкова и подпоручиковъ Смирягина и Усольцева, извѣстнаго художника, академика Майера и натуралиста г. Радде, прибылъ въ Иркутскъ; 2) Экспедиція для геогностическаго изученія степной части Черноярскаго уѣзда, подъ управленіемъ г. Ауэрбаха, снаряжена и исполнила свое назначеніе въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ прошедшаго года; она особенно подробно изслѣдовала интересныя для науки окрестности Большой Богдо и произвела замѣчательный вертикальный разрѣзъ этой горы отъ вершины до самой подошвы; кромѣ того она изслѣдовала самарскія сѣрныя копи; 3) Экспедиція г. И. С. Аксакова для изученія торговли на украинскихъ ярмаркахъ, также окончила свой трудъ; 4) Экспедиція для изученія рыболовства на Каспійскомъ морѣ, состоящая подъ начальствомъ академика Бэра, съ успѣхомъ продолжала свои важныя работы.

Изъ картографическихъ предпріятій Общества важнѣйшее по объему—изданіе межеваго атласа Тверской губерніи, приводится къ окончанію подъ наблюденіемъ г. Менда; болѣе половины этого обширнаго атласа уже вышло въ свѣтъ. Кромѣ того Общество издало важную «Карту астрономически опредѣленныхъ мѣстъ сѣверозападной части Средней Азіи», составленную г. Ханыковымъ (о которой мы говоримъ въ настоящемъ нумерѣ «Современника» въ разборѣ X книжки «Записокъ Общества»); оканчивается литографированіе карты озера Исыкъ-Кулъ и его окрестностей, составленной также г. Ханыковымъ. Изготовленіе статистическаго атласа Европейской Россіи г. Н. А. Милютинымъ продолжалось.

Изданія Общества въ истекшемъ году были слѣдующія: 1) X-ая книжка «Записокъ» (о которой мы говоримъ въ этомъ нумерѣ «Современника»; она издана подъ редакціею г. И. П. Арапетова). XI-ая книжка (по преимуществу геологическаго содержанія) приготовляется къ изданію подъ редакціею г. В. Г. Ерофѣева; 2) «Вѣстникъ» Общества правильно выходилъ подъ редакціею секретаря Общества В. А. Милютина и во время его отсутствія — Е. И. Ламанскаго; 3) «Отчетъ» Общества за 1853 годъ; 4) 2-ая книжка этнографическаго сборника подъ редакціею г. М. К. Коркунова; 5) 2-ая книжка математическаго сборника. Всѣ эти книги принадлежатъ къ постояннымъ изданіямъ Общества. Сверхъ того въ 1854 г. оканчивались печатаніемъ: 6) Сельская лѣтопись, составленная изъ климатологическихъ наблюденій 1851 года; 7) Труды уральской экспедиціи, томъ II; 8) то же сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ; 9) Статистическое описаніе города Калязина и его уѣзда (приложеніе къ Атласу Тверской губерніи); 10) Обзоръ путешествій и географическихъ открытій въ 1848—1853 годахъ, г. Свенске. Наконецъ печатались или приготовлялись къ печатанію: 11) Каталогъ всѣхъ картъ Россіи и ея частей; 12) Памятники народнаго русскаго языка, подъ редакціею И. И. Срезневскаго; 13) Обозрѣніе внутренней торговли; 14) Переводъ Риттерова землевѣдѣнія, часть котораго будетъ скоро готова къ печати.

Изъ двухъ премій, которыми ежегодно располагаетъ Общество, Константиновская (которая присуждается по очереди различными отдѣленіями Общества) въ прошедшемъ году выдана по предмету географіи—г. Манганани, за карты Мраморнаго моря. Жуковская статистическая премія присуждена Е. И. Ламанскому за его сочиненія: «О денежномъ обращеніи въ Россіи съ 1650 по 1817 г.» и «Объ операціяхъ кредитныхъ установленій съ 1817 года».

Статей доставлено изъ провинцій членами-сотрудниками 350.

Вообще дѣятельность Общества, сочувствіе и содѣйствіе его трудамъ съ

каждымъ новымъ годомъ усиливается, подъ милостивымъ покровительствомъ Монарха и непосредственнымъ ободреніемъ и участіемъ Августѣйшаго Предсѣдателя Общества, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича.

Подвигъ матери, эпизодъ изъ отечественной войны, въ двухъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. *Ореста Миллера.* Спб. 1855.

Пьеса г. Миллера не имѣла особеннаго успѣха или, лучше сказать, никакого успѣха на сценѣ—этимъ достаточно опредѣляется степень ея достоинства; потому было бы излишне много говорить о ней. Разскажемъ только ея сюжетъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Елена Петровна, вдова генерала, отпустила двухъ сыновей въ армію, стоящую подъ Можайскомъ и съ минуты на минуты ожидающую сраженія (дѣйствіе въ 1812 году въ Москвѣ). Легко понять безпокойство нѣжной матери. Оно увеличивается тѣмъ, что Ваня, младшій сынъ и любимецъ матери, тоскуетъ и рвется душою на защиту родины—онъ хочетъ побѣдить или умереть рядомъ съ своими братьями. Онъ даже успѣлъ выпроситься у матери съѣздить навѣстить братьевъ. Елена Петровна мучится опасеніемъ, что любимецъ ея останется при арміи. Но Ваня послушный сынъ, и возвращается, какъ ни тяжело ему это. Въ этомъ состоитъ первый актъ. Во второмъ актѣ получено извѣстіе о Бородинской битвѣ. Дядька старшихъ сыновей длиннымъ разсказомъ постепенно приготовляетъ Елену Петровну къ страшной вѣсти, что оба они убиты. Жена старшаго изъ убитыхъ падаетъ обморкъ, услышавъ о смерти мужа. Но мать возвышается духомъ, и въ порывѣ благороднаго энтузіазма сама посылаетъ Ваню, котораго удерживала прежде, заступить мѣсто братьевъ въ рядахъ защитниковъ отечества.

Читателямъ предоставляется судить о естественности развязки. Авторъ особенно старался изобразить психологическую борьбу—патріотизма и послушанія къ матери въ сердцѣ Вани, патріотизма и материнской любви въ сердцѣ Елены Петровны. Что онъ не успѣлъ еще уловить истинныя черты этой борьбы, объясняется, и, если угодно, извиняется его молодостью. Этимъ же объясняется и многое другое неудачное въ его пьесѣ, которая, впрочемъ, писана довольно гладкими стихами.

Новѣйшій полный русскій пѣсенникъ. Въ четырехъ частяхъ. Москва. 1855.

Русская литература чрезвычайно богата потребностями. Одна изъ нихъ — собраніе лучшихъ произведеній русской поэзіи, въ родѣ многочисленныхъ сборниковъ, какія существуютъ въ другихъ литературахъ, въ родѣ, напримѣръ, извѣстнаго «Hausschatz der deutschen Poesie» Вольфа. Но у насъ существуютъ только хрестоматіи, которыя называются хорошими только сравнительно съ другими, ужь слишкомъ плохими. Притомъ же, никакая хрестоматія, по самому своему назначенію для юношества чрезвычайно стѣсняясь въ выборѣ стихотвореній, не можетъ соотвѣтствовать требованіямъ публики, сошедшей съ школьной скамьи. Повидимому, матеріальный успѣхъ подобнаго сборника, составленнаго хотя съ нѣкоторымъ

знаніемъ и вкусомъ, не подлежалъ бы сомнѣнію. Но до сихъ поръ русская публика должна довольствоваться хрестоматіями. Кромѣ ихъ въ нашей литературѣ существуютъ только сѣробумажные Пѣсенники, слѣпленные съ самою грустною небрежностью, самымъ жалкимъ невѣжествомъ и безвкусіемъ—Пѣсенники, всѣ похожіе одинъ на другой по своему внѣшнему и внутреннему безобразію, какъ двѣ капли воды, и принадлежащіе той же отрасли литературы, къ которой относятся анекдоты о Балакиревѣ и Похожденія Францыла Венеціяна.

Пѣсенникъ нынѣ оттиснутый въ четырехъ частяхъ московскою бумагонабивною промышленностью, ничѣмъ не лучше своихъ предшественниковъ. Четыре части его всѣ свободно обнимаются общею оберткою, подъ которою прячется два или три десятка печатныхъ листовъ плохой бумаги, отчасти наполненныхъ строками избитаго шрифта—общая форма издѣлій набивной бумажной промышленности. О содержаніи можетъ дать понятіе уже самое заглавіе, если его прочитать въ полномъ составѣ, покрывающемъ первую страницу: «Новѣйшій полный русскій пѣсенникъ, собранный изъ народныхъ русскихъ пѣсенъ и изъ сочиненій извѣстныхъ русскихъ писателей: Пушкина, Жуковскаго, Лермонтова, Кольцова, Цыганова, кн. Вяземскаго, Нелединскаго, Мелецкаго, Козлова, Марлинскаго, Бенедиктова, Батюшкова, Мерзлякова, Дмитріева, Веневитинова, Давыдова, Плетнева, Баратынскаго: также содержащій пѣсни сиоточныя, хороводныя, подблюдныя, плясовыя, свадебныя и проч.».

Какова должна быть книжка съ такимъ спискомъ именъ и словъ, которыя, кажется, отталкиваютъ другъ друга! Когда же мы будемъ имѣть сборникъ составленный хотя на одинъ волосъ лучше этихъ уродливыхъ чудовищъ, которыя отъ времени становятся только безобразнѣе?

Крымская экспедиція. Разсказъ очевидца, французскаго генерала. Переводъ съ французскаго. Спб. 1855.

Брошюра эта, говорятъ, написанная по порученію принца Наполеона, который находится не совсѣмъ въ пріятныхъ отношеніяхъ съ своимъ родственникомъ, нынѣшнимъ французскимъ императоромъ, произвела въ Европѣ сильное впечатлѣніе, какъ потому, что написана очень ловко (ее приписываютъ даже — вѣроятно, несправедливо—перу Эмиля Жирардена, самаго бойкаго изъ современныхъ французскихъ публицистовъ), такъ и потому, что въ ней содержится нѣсколько фактовъ, очень важныхъ и бывшихъ до того времени извѣстными только немногимъ лицамъ — они сообщены редактору памфлета, конечно, принцемъ Наполеономъ, который по своему положенію могъ знать очень много «домашнихъ секретовъ» французскаго правительства.

Брошюра имѣетъ двоякую цѣль: обнаружить непредусмотрительность, неблагонамѣренность, эгоизмъ нынѣшняго французскаго правительства (т. е. Луи-Наполеона и его приверженцевъ), доказать фактами, что Крымская экспедиція задумана не для блага Франціи, не по политической необходимости, а единственно по личнымъ разсчетамъ Луи-Наполеона; задумана безъ знанія дѣла, безъ предусмотрительности; что до сихъ поръ точно также безъ всякой предусмотрительности ведутся военныя дѣйствія французовъ въ Крыму; что выборъ генераловъ былъ неудаченъ

и основанъ не на заслугахъ, а на личныхъ отношеніяхъ ихъ къ Луи-Наполеону; что французская армія совершенно понапрасну гибнетъ подъ Севастополемъ отъ нуждъ, болѣзней и непріятельскаго оружія и т. д.—все это справедливо, и составляетъ сильную сторону памфлета. Но есть у него и слабая сторона — стремленіе доказать, что принцъ Наполеонъ предвидѣлъ всѣ пагубныя послѣдствія Крымской экспедиціи и каждаго изъ ошибочныхъ дѣйствій при ея исполненіи; что принцъ Наполеонъ—великій политикъ, великій полководецъ, человѣкъ, чуждый всякихъ эгоистическихъ разсчетовъ и думающій единственно о благѣ Франціи; что если бы въ настоящую войну императоръ французовъ руководился его совѣтами, то все было бы хорошо (подразумѣвай: а еслибъ принцъ Наполеонъ сидѣлъ на мѣстѣ Луи-Наполеона, то было бы еще лучше, Франція благоденствовала бы и вмѣстѣ украшалась лаврами); что поэтому - долженъ заключить читатель, французы должны предпочесть геніальнаго и преданнаго общему благу принца Наполеона Луи-Наполеону-- все это слабая сторона брошюры, потому что осыпать себя похвалами не значитъ еще доказать справедливость этихъ похвалъ.

Но русскимъ читателямъ нѣтъ никакого дѣла до выгодъ и достоинствъ принца Наполеона. Имъ интересна только критическая часть брошюры, въ которой много правды, и мы постараемся, какъ можно короче, изложить содержаніе этой стороны брошюры не касаясь общихъ соображеній принца Наполеона о причинахъ войны, которыя нынѣ потеряли свой интересъ, и ограничиваясь только фактами, относящимися къ Крымской экспедиціи.

Французская вспомогательная армія (около 40.000) прибыла въ Галлиполи въ концѣ апрѣля прошедшаго года, и тамъ долго стояла бездѣйственно -- медленность вредная для Франціи: на войнѣ драгоцѣнна каждая минута. Потомъ она двинулась въ Варну и опять бездѣйственно стояла тамъ. Цѣлые два мѣсяца свирѣпствовала въ лагерѣ холера съ тифусомъ. Это было легко предвидѣть: Варна извѣстна своимъ нездоровымъ климатомъ. Войско роптало и унывало. Для того, чтобы поддержать его духъ побѣдами, Сентъ-Арно послалъ въ Добруджу генерала Эспинаса искать русскихъ въ убійственныхъ болотахъ этой области умерло до 6,000 французовъ; русскихъ Эспинасъ и не видалъ. Пагубность похода очень легко было предвидѣть: Добруджа извѣстна, какъ страна безплодная, пустынная, болотистая и въ высшей степени нездоровая. Наконецъ начали говорить о Крымской экспедиціи. Но карты Крыма были плохи; состояніе дорогъ неизвѣстно. Рагланъ, Гамеленъ, принцъ Наполеонъ считали экспедицію при тогдашнихъ обстоятельствахъ предпріятіемъ безразсуднымъ; Лейонсъ, Дондасъ и Чернеръ говорили въ томъ же смыслѣ. Но рѣшительное мнѣніе главнокомандующаго арміею, маршала Сентъ-Арно, не допускало противорѣчій. Начать экспедицію въ сентябрѣ, когда уже близки осеннія и зимнія бури, было дѣйствительно безразсудно. Послѣ сраженія при Альмѣ было опять потеряно много драгоцѣннаго времени - Канроберъ, замѣстившій умершаго Сентъ-Арно, изнемогалъ подъ бременемъ отвѣтственности, къ которой не былъ приготовленъ предшествующею своею службою -- онъ никогда не былъ самостоятельнымъ начальникомъ—потому дѣйствовалъ робко. Медленностью потеряны были всѣ выгоды, пріобрѣтенныя счастливымъ началомъ экспедиціи. Сентъ-Арно всю надежду на успѣхъ экспедиціи основывалъ на мысли тотчасъ же по прибытіи къ Севастополю штурмовать эту крѣпость, еще не приготовленную къ осадѣ и не имѣвшую значительнаго гарнизона; эта мысль не осуществилась, когда

онъ умеръ, и единственный шансъ торжества былъ потерянъ. Союзники, не готовившіеся къ зимней кампаніи, должны были зимовать въ Крыму, и подверглись страшнымъ лишеніямъ, холоду, часто голоду, болѣзнямъ, однимъ словомъ, началась исторія, очень хорошо нынѣ извѣстная. «Очевидецъ» рѣзко описываетъ эти несчастія и неудачи.

Въ этомъ отношеніи его показанія могли произвесть сильное впечатлѣніе на французовъ, но для насъ, которымъ всегда было извѣстно истинное положеніе англо-французскихъ войскъ подъ Севастополемъ, въ его словахъ нѣтъ ничего новаго.

Кого же должны обвинять французы въ безплодной гибели тысячъ своихъ лучшихъ воиновъ отъ русскаго сраженія, десятковъ тысячъ отъ болѣзней и лишеній? Кто виноватъ въ бездѣйствіи французской арміи, напрасно страдавшей въ Варнѣ въ лучшее время года, кто виноватъ въ пагубномъ для нихъ рѣшеніи осаждать Севастополь, кто виноватъ въ непростительныхъ ошибкахъ, которыми такъ богата исторія этой несчастной осады? Это для большинства остается еще или темно или совершенно неизвѣстно. «Очевидецъ» даетъ на все положительные отвѣты.

Французская армія — говоритъ онъ — стояла очень долго въ Галлиполи и Варнѣ потому, что Луи-Наполеонъ и Сентъ-Арно выжидали, пока Австрія объявитъ войну Россіи. Надежда эта, прибавляетъ онъ, была безразсудна, и очень рѣзко доказываетъ, что надѣяться на дѣятельное участіе Австріи въ англо-французскомъ союзѣ могли и могутъ только люди, лишенные всякаго политическаго такта — быть можетъ, это справедливо, замѣтимъ мы; но очевидецъ забываетъ, другое обстоятельство еще болѣе важное: въ началѣ войны, Франція не думала присылать въ Турцію болѣе 40—50 тысячъ, и не надѣялась, чтобы турки могли устоять въ полѣ противъ русскихъ; потому начать наступательную войну Луи-Наполеонъ и Сентъ-Арно считали невозможнымъ; союзники послали войско собственно только для защиты южныхъ провинцій Европейской Турціи.

Планъ пагубной крымской экспедиціи составленъ въ Парижѣ самимъ Луи-Наполеономъ, говоритъ авторъ,—это должно быть хорошо извѣстно принцу Наполеону, отъ котораго онъ получилъ свои матеріалы. — Всѣ хорошіе французскіе генералы, даже маршалъ Вальянъ, нынѣшій военный министръ, видѣли невозможность исполнить этотъ планъ, и громко объ этомъ говорили; одинъ главнокомандующій, Сентъ-Арно, согласился принять его (и тѣмъ крымская экспедиція была рѣшена) потому что былъ креатурою Луи-Наполеона, и, при всей своей безхарактерности, былъ человѣкъ отважный до дерзости. Смерть его, передавшая команду осторожному Канроберу, лишила французовъ всякой возможности успѣха, потому что дерзкій планъ могъ быть осуществленъ только дерзкимъ средствомъ— немедленнымъ штурмованіемъ Севастополя послѣ Альмскаго сраженія, какъ и хотѣлъ Сентъ-Арно. Теперь всякое вѣроятіе успѣха миновалось для союзниковъ.

Мы передали только главныя мысли «Очевидца», въ разсказѣ котораго кромѣ того есть очень много интересныхъ подробностей.

Записки о войнѣ 1813 года въ Германіи. Генералъ-маіора *Н. Ортенберга.* Спб. 1855.

Цѣль, съ которою издана эта книга, объясняется авторомъ въ предисловіи. «Побуждаемый словами «Наставленія для образованія воспитанниковъ Военно-Учебныхъ Заведеній», что военныя событія 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ должны составлять предметъ особаго изученія для офицеровъ русской арміи, я рѣшился, говоритъ г. Ортенбергъ, принести посильную дань военной литературѣ, представивъ ясное, хотя и краткое изображеніе одного изъ знаменитыхъ годовъ, когда въ такомъ яркомъ свѣтѣ проявилась и великодушная твердость Государя и доблести народа русскаго».

Пріятное препровожденіе времени или собраніе употребительнѣйшихъ фантовъ. Спб. 1855.

Быть можетъ, вы захотите посмѣяться надъ этою книжкою—и вы будете правы, потому что многія изъ описываемыхъ въ ней игръ нелѣпы, а сама книжка написана языкомъ, далеко не образцовымъ въ грамматическомъ отношеніи. Но любители фантовъ могутъ узнать изъ нея нѣсколько игръ, довольно забавныхъ, напримѣръ:

Ленты.

«Играющіе берутъ въ руки каждый особенную ленту и держатъ ее за одинъ конецъ; а другой конецъ всѣхъ лентъ дается въ руки тому, кто распоряжается игрою. Когда онъ говоритъ: «тяните!»—надо опускать; а когда онъ говоритъ: «опускайте!»—надо потянуть. Удивительно, что въ такой незамысловатой игрѣ собирается множество фантовъ».

Въ самомъ дѣлѣ, ошибки должны тутъ быть ежеминутны, и игра можетъ доставить нѣсколько минутъ веселаго хохота. Однако не всѣ игры такъ легки и забавны, напр. «быть статуей» или «попугаемъ» очень трудно,—но только въ фантахъ: въ жизни напротивъ, и легко и пріятно.

Восточная война, ея причины и послѣдствія. Москва. 1855.

Брошюра эта, написанная еще въ мартѣ прошедшаго года, и слишкомъ поздно явившаяся въ русскомъ переводѣ, едва ли можетъ имѣть особенный интересъ для читателей въ настоящее время. Борьба, неизбѣжность которой еще только предсказываетъ брошюра, продолжается уже болѣе года, и приняла такіе обширные размѣры, что совершенно измѣнила свой характеръ. Это уже не война между Россіею и Турціею съ ея союзниками, какою представлялась она полтора года тому назадъ, а война между Россіею и двумя западными державами, которыя от-

тѣснили Турцію на второй планъ и на военномъ и на дипломатическомъ поприщѣ. Если возможно было сомнѣваться, по совѣту или противъ совѣта Англіи и Франціи начала войну Турція въ 1853 году, то для каждаго теперь ясно, что въ настоящую минуту Турція продолжаетъ ее противъ собственной воли, по приказанію своихъ союзниковъ, которые изъ союзниковъ сдѣлались властелинами слабой державы. Дѣло приняло оборотъ, напоминающій басню, разсказанную аоинянамъ когда сиракузяне предлагали имъ свою помощь противъ персовъ: «Лошадь вела войну съ какимъ-то врагомъ, и видя собственное безсиліе продолжать ее, обратилась съ просьбою о помощи къ человѣку. Человѣкъ охотно взялся помогать ей, только съ условіемъ, чтобы лошадь позволила ему сѣсть на ея спину; лошадь согласилась; но когда, по окончаніи войны, попросила своего союзника освободить ея спину отъ тяжести его тѣла, подъ которою она изнемогаетъ, союзникъ преспокойно отвелъ ее въ конюшню, не слушая никакихъ просьбъ, и послѣ того никогда уже не возвращала себѣ лошадь прежней воли». Аоиняне, выслушавъ эту басню, отказались отъ помощи, предлагаемой сиракузянами. Турки не знали басни, вѣроятно только потому и просили помощи у французовъ и англичанъ. Какъ бы то ни было, но характеръ войны совершенно измѣнился послѣ того, какъ она стала дѣломъ западныхъ державъ, и тѣ вопросы, о которыхъ первоначально шло дѣло, потеряли теперь значеніе—воюющія державы успѣли согласиться въ ихъ рѣшеніи на вѣнскихъ конференціяхъ и это не остановило войны, потому что успѣли уже возникнуть новые вопросы, отнявшіе у первыхъ большую часть важности. Во многомъ измѣнились и другія обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ продолженіе войны, и на которыхъ основаны предположенія автора брошюры. Однимъ словомъ, событія, совершающіяся передъ нашими глазами, отняли своимъ развитіемъ большую часть интереса у прошлогоднихъ памфлетовъ и статей, которыя могли быть любопытны въ свое время. Къ числу ихъ принадлежитъ и брошюра, заглавіе которой мы выписали выше.

Новыя письма о химіи, въ ея приложеніяхъ къ промышленности, физіологіи и земледѣлію, *Юстуса Либиха.* Переводъ инженеръ-поручика *А. Іохера.* Спб. 1855.

Разсказываютъ, что Либиха, основателя органической химіи, когда онъ былъ еще мальчикомъ лѣтъ двѣнадцати, спросили: «Какимъ предметомъ ты хочешь заниматься?»—«Химіею», отвѣчалъ онъ.—«Глупенькій, какъ же можно заниматься такими пустяками!» отвѣчалъ ученѣйшій изъ присутствовавшихъ ученыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если какая нибудь наука можетъ назваться созданіемъ новѣйшаго времени, то это химія, особенно органическая. Кто учился химіи лѣтъ двадцать тому назадъ, тому нынѣ должно совершенно вновь изучать ее, чтобы хотя сколько нибудь имѣть понятіе объ огромной важности и великихъ результатахъ этой науки, одной изъ драгоцѣннѣйшихъ для человѣка, едва ли не самой важнѣйшей въ наше время изъ всѣхъ естественныхъ наукъ, и уже ставшей, не смотря на свою молодость, руководительницею нашею и въ сельскомъ хозяйствѣ, и въ промышленности, и въ физіологіи, и въ медицинѣ. Виновникомъ столь быстраго и благодѣтельнаго для людей развитія химіи былъ Либихъ; онъ же былъ и объясни-

телемъ своихъ великихъ открытій для всѣхъ образованныхъ людей, потому что, обладая всѣми качествами геніальнаго изслѣдователя, онъ въ то же время одаренъ способностью и охотою писать чрезвычайно популярно-драгоцѣнныя качества, рѣдко соединяющіяся въ одномъ человѣкѣ. Его «Письма о химіи», будучи одною изъ важнѣйшихъ книгъ нашего времени по ученому достоинству, съ тѣмъ вмѣстѣ одна изъ самыхъ занимательныхъ и легкихъ книгъ, какія только существуютъ по естественнымъ наукамъ. Въ послѣднемъ отношеніи они стоятъ наровнѣ съ астрономическими трактатами Араго, далеко превосходя ихъ по геніальной самостоятельности содержанія. Впрочемъ, было бы совершенно напрасно распространяться о достоинствахъ этого сочиненія, всѣмъ извѣстныхъ. Первая часть «Писемъ» (I—XXVI письма) была уже переведена нѣсколько лѣтъ тому назадъ на русскій г. Дымчевичемъ; теперь является и вторая часть ихъ, служащая необходимымъ продолженіемъ первой (письма XXVII—XXXVII). Благодаря г. Іохера за этотъ истинно полезный трудъ, мы пользуемся появленіемъ новой книги Либиха на русскомъ языкѣ, чтобы сообщить нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о главѣ современныхъ химиковъ.

Юстусъ Либихъ родился въ 1803 году въ Дармштадтѣ. Еще будучи ребенкомъ, онъ обнаруживалъ уже большую любовь къ естественнымъ наукамъ, и потому отецъ опредѣлилъ молодаго Юстуса, по окончаніи гимназическаго курса, въ аптеку въ городкѣ Геппенгеймѣ, близъ Дармштадта. Проживъ здѣсь около года, онъ поступилъ въ Боннскій университетъ, потомъ слушалъ лекціи въ Эрлангенѣ, и въ 1822 году, для усовершенствованія себя въ естественныхъ наукахъ, могъ отправиться въ Парижъ, благодаря пособію отъ правительства. Тамъ двадцатилѣтній юноша уже обратилъ на себя вниманіе Гумбольдта важными изслѣдованіями по части органической химіи. Отчасти рекомендаціи Гумбольдта, отчасти собственной извѣстности, быстро пріобрѣтенной, обязанъ онъ тѣмъ, что на 21-мъ году получилъ мѣсто профессора въ Гиссенскомъ университетѣ, который въ свою очередь обязанъ ему громкою славою, какъ лучшій университетъ въ Европѣ по части химіи. Въ Гиссенѣ оставался онъ до 1852 года, когда, принявъ настоятельныя приглашенія Баварскаго правительства, перешелъ профессоромъ химіи въ Мюнхенскій университетъ, привлеченный не какими нибудь денежными выгодами—онъ и въ Мюнхенѣ получаетъ, если не ошибаемся, не болѣе 2,000 талеровъ жалованья, т. е. гораздо менѣе, нежели каждый изъ профессоровъ парижскаго факультета,—а тѣмъ, что средства Мюнхенскаго университета позволяли ему устроить болѣе обширную лабораторію. Въ Гиссенъ, до Либиха совершенно неизвѣстный въ ученомъ мірѣ, стекались на лекціи Либиха ученики—не только изъ всѣхъ концовъ Германіи, но также изъ Россіи, Франціи, Англіи, даже Швеціи. Теперь они стекаются въ Мюнхенъ. Органическая химія, можно сказать, обязана своимъ существованіемъ Либиху, почти всѣми своими важными открытіями—Либиху и его ученикамъ.

Переводъ «Новыхъ писемъ о химіи» удовлетворителенъ со стороны языка, почти всегда правильнаго и яснаго.

Полное историческое извѣстіе о древнихъ стригольникахъ и новыхъ раскольникахъ, такъ называемыхъ старообрядцахъ, собранное протоіереемъ *Андреемъ Іоанновымъ*. Изданіе пятое. Спб. 1855.

Сочиненіе, написанное протоіереемъ Андреемъ Іоанновымъ въ концѣ прошедшаго вѣка, есть одно изъ главныхъ пособій для изученія исторіи и ученій раскола. Сочинитель, самъ въ молодости принадлежавшій къ послѣдователямъ безпоповщины, очень хорошо зналъ суевѣрія раскольниковъ, особенно той секты, въ которую нѣкогда былъ увлеченъ. Кромѣ того, у него въ рукахъ было большое количество раскольничьихъ книгъ и грамотъ, писанныхъ расколоначальниками. Потому его книга заключаетъ въ себѣ множество фактовъ, сохраненіемъ которыхъ мы обязаны исключительно ему, и которыхъ напрасно стали бы искать въ другихъ источникахъ. «Полное историческое извѣстіе» было уже рѣдкою книгою въ послѣднее время, и лица, занимающіяся обращеніемъ раскольниковъ или изученіемъ ихъ исторіи, будутъ рады новому изданію этого важнаго пособія.

Игра пикетъ, написанная и изданная *П. С. Вишневскимъ*. Спб. 1855.

Выучиться по этой книжкѣ играть въ пикетъ очень трудно, потому что правила игры изложены въ ней безсвязно и сбивчиво. Гораздо проще и скорѣе можно научиться пикету, сыгравъ двѣ или три игры съ кѣмъ нибудь знающимъ, потому что разсчеты его легко запомнить. Итакъ, книжка г. Вишневскаго, состоящая изъ нѣсколькихъ миньятюрныхъ страничекъ, не стоила бы своей цѣны: «75 коп., съ пересылкою 1 руб. сер.», если бы въ концѣ ея, послѣ увѣренія, что «игра эта «такъ увлекательна, что въ нее могутъ играть всегда съ удовольствіемъ всѣ муж«чины и женщины; здѣсь бываютъ иногда такіе чрезвычайные случаи, которые «могутъ привести въ восхищеніе самую холодную душу» — если бы послѣ этого увѣренія не былъ разсказанъ авторомъ анекдотъ, способный привести въ восхищеніе самую холодную душу:

«Одинъ почтенный старый воинъ, славныхъ отечественныхъ войнъ, разсказывалъ мнѣ замѣчательный эпизодъ изъ собственной жизни: что въ пикетъ на деньги онъ никогда не игралъ; но что этой игрѣ онъ считалъ себя обязаннымъ счастливымъ супружествомъ. По выходѣ въ отставку въ 1818 году, говорилъ онъ, рѣшился я жениться, скоро пашелъ въ своей деревнѣ выгодную невѣсту, но сойтись съ нею въ продолженіе цѣлаго года никакъ не могъ; родители ея желали этого брака, а она и слышать не хотѣла; бывало прійду къ ней, припоминалъ старый воинъ, — какъ водится въ такихъ случаяхъ, насъ оставятъ вдвоемъ, и мы сидимъ часъ другой: слова нейдутъ, она зѣваетъ, а мнѣ досадно; дѣло деревенское, развлеченій немного, и чѣмъ помочь горю я не зналъ; однажды мнѣ пришла въ голову благая мысль, и я рѣшился съ согласія родителей показать моей невѣстѣ правила игры въ пикетъ и онѣ ей понравились съ разу. Съ той поры, счастье улыбнулось намъ, и мы болѣе десяти лѣтъ не знали скуки, а почтенный старикъ, сколько мнѣ извѣстно никогда не лгалъ».

Итакъ, кто желаетъ склонить къ любви гордую красавицу, долженъ играть съ нею въ пикетъ: «счастье улыбнется ему, и онъ съ нею болѣе десяти лѣтъ не будетъ знать скуки».

Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской. Составилъ *П. А. Лавровскій.* Спб. 1855.

Г. Лавровскій предпринялъ дѣло небезполезное: разобрать составъ Іоакимовской лѣтописи, сохраненной для насъ Татищевымъ и сличить ея извѣстія съ фактами, находящимися у Нестора и польскихъ лѣтописцевъ. Особенно сличеніе съ польскими лѣтописями можетъ быть любопытно для людей, не знакомыхъ съ ними. Подобно всѣмъ новѣйшимъ изслѣдователямъ, онъ оправдываетъ Татищева отъ несправедливаго обвиненія, будто бы лѣтопись эта выдумана имъ самимъ и признаетъ подлинность лѣтописи. Важнѣйшія изъ заключеній, до которыхъ онъ доходитъ, состоятъ въ томъ, что первая половина отрывка, сохраненнаго Татищевымъ, обнимающая событія до призванія варяговъ, наполнена извѣстіями, которыя не подтверждаются другими источниками, и носятъ на себѣ очевидные слѣды средневѣковыхъ сказаній о происхожденіи и разселеніи народовъ; эта часть отрывка составлена подъ вліяніемъ польскихъ лѣтописцевъ. Вторая половина отрывка, разсказывающая событія, слѣдовавшія за призваніемъ варяговъ, значительнымъ образомъ дополняя Несторову лѣтопись, не содержитъ въ себѣ ничего неправдоподобнаго или противорѣчащаго достовѣрнымъ фактамъ, напротивъ того, часто объясняетъ ихъ своими извѣстіями, и потому должна заслуживать нашего довѣрія.

Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній относящихся до Россіи, издаваемый *Николаемъ Калачовымъ.* Книги второй половина первая. Москва. 1855.

Предисловіемъ къ новому тому «Архива» служитъ обширная статья издателя, г. Калачова, содержащая обзоръ рецензій на предъидущіе томы этого сборника, помѣщенные въ различныхъ журналахъ и газетахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ г. Калачовъ, гдѣ нужно, самъ дѣластъ замѣчанія на статьи своего изданія. Этотъ критическій обзоръ долженъ назваться превосходнымъ, не только по основательности и учености, но также и по чрезвычайно скромному и вмѣстѣ полному достоинства, деликатному и благородному тону, въ которомъ написанъ. Насталъ бы золотой вѣкъ ученыхъ преній, если бы подобныя статьи являлись чаще. Всѣ вопросы, въ которыхъ тотъ или другой рецензентъ были несогласны съ авторами статей, помѣщенныхъ въ «Архивѣ» разсмотрѣны съ совершеннымъ хладнокровіемъ и рѣдкимъ безпристрастіемъ; отдана полная справедливость немногимъ дѣльнымъ замѣчаніямъ; спокойно объяснены недоразумѣнія, исправлены ошибки, довольно часто встрѣчавшіяся въ разборахъ «Архива», и ни одной фразы не нашли мы въ обширномъ предисловіи г. Калачова, которая отзывалась бы хотя слабымъ оттѣнкомъ нетерпимости или гнѣва, отъ чего немногіе умѣютъ удержаться, отвѣчая на замѣчанія, сдѣланныя на ихъ книги или статьи. За то, какое благопріятное впечатлѣніе производитъ на читателя это предисловіе! Даже тотъ, чьи замѣчанія опровергаетъ г. Калачовъ, охотно согласится признать основательность его возраженій — потому что вездѣ идетъ дѣло о научныхъ вопросахъ, а не объ отыскиваніи или нанесеніи оскорбленій чьему нибудь самолюбію. Такъ ли поступаютъ обыкновенно? Впрочемъ, мы не уди-

вляемся рѣдкому спокойствію и деликатности г. Калачова, потому что онъ силенъ и спокоенъ справедливымъ сознаніемъ достоинствъ своего изданія. Люди, легко раздражающіеся замѣчаніями критики, обыкновенно не имѣютъ этого успокоительнаго сознанія. Если бы можно было находить излишекъ въ такомъ превосходномъ качествѣ, какъ внимательность, то мы сказали бы, что г. Калачовъ напрасно входитъ въ ученыя объясненія съ однимъ изъ рецензентовъ своего изданія, очевидно не имѣющимъ ни малѣйшаго понятія о дѣлѣ—не всякое мнѣніе заслуживаетъ отвѣта. Имя этого рецензента, намъ кажется, не должно было бы стоять подлѣ именъ гг. Погодина, Буслаева и Кавелина.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ разсматриваемомъ нами томѣ «Архива», самая важная и самая интересная, безъ сомнѣнія—изслѣдованіе г. Грановскаго «О родовомъ бытѣ у древнихъ Германцевъ». Мы не будемъ говорить о достоинствахъ, которыми отличается ея изложеніе, потому что ясность и изящество изложенія—постоянныя и всѣми признанныя качества сочиненій г. Грановскаго. Но самую высокую цѣну получаетъ его статья оттого, что онъ—какъ и всегда впрочемъ—избралъ предметомъ ея вопросъ, имѣющій очень важное значеніе въ общей системѣ науки, и, надобно прибавить въ настоящемъ случаѣ, сдѣлавшійся у насъ особенно интереснымъ по тѣмъ жаркимъ спорамъ, которые были возбуждены вопросами о родовомъ бытѣ, въ которомъ многіе хотѣли видѣть исключительную принадлежность славянской исторіи, въ противоположность германскому племени, чуждому, по ихъ мнѣнію, общиннаго начала—важная ошибка, вовлекающая въ различныя заблужденія. Оставляя въ сторонѣ спеціальную сторону изслѣдованія г. Грановскаго, мы въ короткихъ словахъ перескажемъ существенные выводы, къ которымъ привели въ послѣднее время розысканія о родовомъ бытѣ у германцевъ.

Въ нашемъ отчетѣ о предъидущемъ томѣ «Архива» мы, чтобы опредѣлить степень важности изслѣдованій нашихъ филологовъ о патріархальномъ бытѣ славянъ, говорили о значеніи трудовъ Гримма, и, между прочимъ, упомянули, что одною изъ главнѣйшихъ пружинъ, вызвавшихъ труды этого великаго изслѣдователя была односторонняя тевтономанія, стремленіе доказать путемъ науки, что германцы искони были племенемъ, высоко превосходившимъ всѣ остальныя племена своими умственными и нравственными качествами, своимъ общественнымъ развитіемъ. Заключеніе, которое мы выводили изъ этого—именно, что эти труды теряютъ часть своей важности, какъ скоро мы поймемъ фальшивость всѣхъ возможныхъ тевтономаній, галломаній, англоманій, чехоманій, булгароманій—это заключеніе не понравилось нѣкоторымъ изъ людей, обратившихъ на нашу статейку вниманіе, котораго она не заслуживала, заключая въ себѣ только вещи, далеко не новыя. Но что же дѣлать отъ него нельзя отказаться, потому что оно справедливо, и мы напомнили о тевтономаніи потому, что вопросъ о родовомъ бытѣ долго былъ изслѣдуемъ у нѣмцевъ также въ духѣ тевтономаніи, а въ послѣднее время у насъ послужилъ опорою совершенно другой маніи. Именно, дѣло произошло слѣдующимъ образомъ.

Поземельная частная собственность становится важною и потому возникаетъ только тогда, когда народъ начинаетъ заниматься по преимуществу земледѣліемъ; для пастуха мало нѣсколькихъ десятинъ земли, ему нужно гонять свое стадо по цѣлой полянѣ, чтобы прокормить его. Потому, какъ мы имѣли случай говорить въ разборѣ III и IV тома «Пропилей», каждый народъ, сначала находясь на степени пастушескаго быта, незнакомаго или мало знакомаго съ земледѣліемъ, не знаетъ

частной поземельной собственности—только цѣлый округъ, занимаемый племенемъ, составляетъ собственность этого племени, и находится въ общемъ владѣніи у всѣхъ членовъ его. Потомъ, когда преобладающимъ занятіемъ становится земледѣліе, земля мало по малу переходитъ въ частную собственность и общинность владѣнія исчезаетъ.

Итакъ, мы имѣемъ въ исторіи два различные порядка вещей: первоначальную общинность земли, при отсутствіи или маловажности земледѣлія, и земледѣліе соединенное съ появленіемъ частной собственности. Политическая экономія давно показала истинное отношеніе этихъ фактовъ между собою. Но старинные историки не знали политической экономіи, да и многіе изъ нынѣшнихъ обращаютъ на нее мало вниманія— и этимъ объясняется возможность ошибокъ, состоящихъ въ непризнаваніи естественной связи между общинностью владѣнія и отсутствіемъ земледѣлія, земледѣліемъ и частною поземельною собственностью, или въ отрицаніи одного изъ этихъ періодовъ развитія. Въ угожденіе самолюбивымъ предубѣжденіямъ, они, въ невѣдѣніи политической экономіи, извратили натуральное сцѣпленіе явленій, выбрали такіе факты, которые больше другихъ льстили ихъ самолюбію и отбросили факты, имъ непріятные.

Нѣмецкіе историки начали прагматически обработывать исторію своего народа еще въ тѣ времена, когда политико-экономическіе вопросы не были объяснены, или по крайней мѣрѣ слухи о политико-экономическихъ преніяхъ не гремѣли еще въ ушахъ каждаго. Потому они остановились на извѣстной истинѣ, что земледѣльческій народъ стоитъ на высшей степени развитія, нежели племя незнакомое съ земледѣліемъ. Въ угоду своей тевтономаніи, они стали доказывать, что ихъ предки искони вѣковъ были народомъ земледѣльческимъ; послѣ этого имъ пришлось утверждать, что у нѣмецкихъ племенъ искони вѣковъ существовала частная поземельная собственность, а общинность поземельнаго владѣнія никогда не существовала. Этимъ они гордились, за это превозносили нѣмецкое племя выше всѣхъ остальныхъ человѣческихъ племенъ. Свидѣтельства нѣкоторыхъ лѣтописей, грамотъ, и, особенно, древнихъ писателей о томъ, что у нѣмцевъ существовала нѣкогда поземельная собственность были ясны и многочисленны: но ихъ отвергали или насильственно истолковывали превратнымъ образомъ. Правдоподобность гордаго мнѣнія значительно поддерживалась тѣмъ, что у нѣмцевъ, которые раньше славянъ — особенно славянъ восточныхъ,—предались преимущественно занятію земледѣліемъ, остатковъ первобытной общинности сохранилось нынѣ мало.

Но въ настоящее время политическая экономія провозгласила, что раздробленность капиталовъ есть безсиліе и ведетъ къ нищетѣ, соединеніе капиталовъ есть могущество и ведетъ къ богатству. Важнѣйшій изъ капиталовъ — земля. У славянъ, особенно восточныхъ, которые позднѣе нѣмцевъ обратились къ земледѣлію, какъ преимущественному средству жизни, гораздо болѣе, нежели у нѣмцевъ, сохранилось слѣдовъ общинности въ поземельномъ владѣніи. Не разсмотрѣвъ, что эти остатки – остатки прежняго пастушескаго или охотничьяго быта, нѣкоторые вздумали утверждать, что общинность владѣнія, незнакомая (будто бы) никогда нѣмцамъ, у славянъ не есть (такъ же, какъ и у нѣмцевъ) историческое явленіе, связанное съ извѣстнымъ періодомъ развитія, а неизгладимая черта характера, которой лишены другіе народы; что поэтому одни славяне осуществляютъ идеалъ человѣческаго быта. Эти люди не замѣтили, что съ развитіемъ земледѣлія и цивилизаціи общинность владѣнія исчезаетъ и у славянъ, какъ исчезала повсюду, и что нынѣ она уже гораздо слабѣе, нежели была у тѣхъ же самыхъ славянъ за триста, за пять-

сотъ лѣтъ. Мы не можемъ здѣсь разсматривать, каковы экономическіе идеалы будущаго—но всѣ согласны въ томъ, что было бы мало утѣшительнаго представлять себѣ будущее въ такомъ видѣ, въ какомъ представляется намъ Европа V—X вѣковъ. Идеалы будущаго осуществляются развитіемъ цивилизаціи, а не безплоднымъ хвастовствомъ остатками исчезающаго давно-прошедшаго.

Предоставляя ученымъ, спеціально занимающимся разработкою русской исторіи, объяснить истинный смыслъ вопроса о родовомъ бытѣ и общинности владѣнія въ русской исторіи, г. Грановскій статьею, помѣщенною въ «Архивѣ» г. Калачова доказываетъ, что родовой бытъ и общинность владѣнія точно такъ же существовали нѣкогда и у нѣмцевъ, какъ нѣкогда существовали у славянъ; что если у нѣмцевъ менѣе, нежели у восточныхъ славянъ, сохранилось остатковъ этого древняго устройства, то все же сохранилось ихъ довольно много, и что, однимъ словомъ, разница здѣсь не въ національномъ характерѣ, а только въ эпохахъ историческаго развитія. Такимъ образомъ всякая тевтономанія, или чехоманія должна быть устранена изъ этого вопроса, чисто историческаго, и не долженствующаго служить опорою ни тевтономанскимъ, ни какимъ либо другимъ предубѣжденіямъ.

Мы уже говорили, что излишне было бы замѣчать ясность и стройность изложенія статьи, потому что это постоянныя качества изложенія у г. Грановскаго. Отъ нихъ-то проистекаетъ, что запутанный вопросъ о родовомъ бытѣ германцевъ представляется у него очень простымъ, вразумительнымъ. Есть люди, которымъ ясность и простота кажутся недостатками въ ученомъ сочиненіи, которое, по ихъ мнѣнію, тѣмъ лучше и ученѣе, чѣмъ труднѣе для чтенія, чѣмъ запутаннѣе и темнѣе. Г. Калачовъ думаетъ не такъ, и справедливо приписываетъ статьѣ г. Грановскаго огромное значеніе для разъясненія вопроса о родовомъ бытѣ въ жизни русскаго народа,—вопроса, до сихъ поръ еще остающагося, по его справедливому мнѣнію, темнымъ.

Статья самаго г. Калачова «Замѣтки объ Инсарѣ и его уѣздѣ» представляетъ множество важныхъ матеріаловъ для исторіи порубежныхъ поселеній, устройства засѣкъ на юговосточной границѣ и постепенномъ движеніи ихъ на югъ, и вообще для исторіи городоваго устройства въ XVI—XVII вѣкахъ. Мы не можемъ здѣсь представить извлеченія изъ этой прекрасной и чрезвычайно добросовѣстно обработанной статьи, и потому скажемъ только, что ничего подобнаго по этому предмету у насъ еще не было написано. Интересны также статистическія замѣтки объ Инсарскомъ уѣздѣ, предшествующія археологическимъ.

Кромѣ этихъ двухъ важнѣйшихъ статей, въ первомъ отдѣленіи разбираемаго нами тома (Изслѣдованія), находимъ статью г. Срезневскаго «Роженицы у славянъ и другихъ языческихъ народовъ». По изслѣдованіямъ г. Срезневскаго, справедливость которыхъ намъ кажется несомнѣнною, «роженицы» у славянъ были существа, подобно паркамъ, назначавшія судьбу человѣка при его рожденіи. Ученый авторъ не рѣшаетъ прямо вопроса о томъ, дѣйствительно ли роженица, какъ единичное существо, была въ народныхъ повѣрьяхъ, или они всегда знали, какъ нынѣ знаютъ, только роженицъ, являвшихся всегда по три или девяти вмѣстѣ, какъ парки. Послѣднее кажется вѣроятнѣе, потому что упоминанія о роженицѣ (въ единственномъ числѣ) въ паремейникѣ можно приписать вліянію греческаго текста, гдѣ соотвѣтствующее слово стоитъ въ единственномъ числѣ; изъ этого переводнаго мѣста «роженица» (въ единств. числѣ) могло перейти и въ вопрошанія Кирика и въ слово Христолюбца. Если такъ, то сближенія единичной роженицы съ единичной, высшею

личностью Фортуны становятся излишними, и остается только соотвѣтствіе многочисленныхъ роженицъ, существъ низшаго разряда въ языческихъ повѣріяхъ, съ подобными имъ парками. Прибавленіемъ къ изслѣдованію г. Срезневскаго является статья г. Афанасьева «О значеніи рода и роженицъ» написанная въ извѣстной методѣ автора, иногда дѣлающаго удачныя сравненія, но часто и слишкомъ смѣлаго въ своихъ сближеніяхъ.

«Учрежденіе патріаршества въ Россіи», г. Зернина—подробный разсказъ, который съ пользою будетъ прочитанъ людьми, не посвятившими своихъ трудовъ спеціально исторіи московскаго царства. Для спеціалистовъ же онъ представитъ мало новаго.

Во второмъ отдѣленіи сборника (матеріалы) помѣщены: грамота Новгородскаго правительства къ Рижскому, начала XV вѣка (сообщ. г. Н. Закревскимъ): акты, записанные въ крѣпостной книгѣ XVI вѣка (сообщ. г. Лакіеромъ): дополнительныя статьи къ судебнику царя Іоанна Васильевича по эрмитажному списку (сообщ. г. Бычковымъ)—всѣмъ этимъ актамъ, которые и сами по себѣ не лишены важности, особенная цѣна придается прекрасными предисловіями г. Калачова; менѣе важенъ, кажется намъ, списокъ бояръ и проч., сообщенный г. Глѣбовымъ-Стрѣшневымъ.

Еще мы должны признать достоинства прекрасныхъ и дѣйствительно полезныхъ монографій за статьями: г. Самчевскаго «Торки, Берендѣи и Черные Клобуки» и г. Калугина «Окольничій». Кромѣ того, въ третьемъ отдѣленіи находимъ нѣсколько мелкихъ статей гг. Зернина, Бѣляева, Калачова, Соловьева и г. Д. С.

Учебныя руководства для военно-учебныхъ заведеній. Руководство начальной геометріи. Спб. 1855.

Имя составителя этого руководства, г. Остроградскаго, служитъ достаточнымъ свидѣтельствомъ тѣхъ высокихъ научныхъ достоинствъ, которыми отличается его сочиненіе, содержащее изслѣдованія относительно прямой линіи и прямолинейныхъ фигуръ. Если бы г. Остроградскій написалъ руководство свое по общей методѣ, принятой для учебныхъ геометрій, его книга и тогда, безъ сомнѣнія, заслуживала бы величайшаго вниманія, потому что его математическій геній необходимо улучшилъ бы изложеніе многихъ частей. Но руководство, составленное г. Остроградскимъ, имѣетъ другое, болѣе глубокое значеніе для науки, потому что нашъ знаменитый математикъ вводитъ совершенную реформу въ методѣ учебниковъ геометріи, предполагая замѣнить способъ доказыванія посредствомъ черченія фигуръ способомъ аналитическимъ, доказывающимъ геометрическія положенія безъ пособія фигуръ. Вотъ какъ онъ говоритъ объ этомъ въ предисловіи:

«Авторъ имѣетъ въ виду приблизить изложеніе истинъ начальной геометріи къ способамъ употребляемымъ въ другихъ частяхъ математики. Однакожъ онъ не посмѣлъ, въ первой попыткѣ, войти въ рѣшительное состязаніе съ изложеніемъ, которому Эвклидъ представилъ образецъ и которое употребляется болѣе двадцати вѣковъ. Но если первый опытъ будетъ одобренъ, то въ послѣдующихъ изданіяхъ авторъ поступитъ съ бо́льшею рѣшительностію, и введетъ въ начала науки всѣ измѣненія, необходимыя для

совершеннаго выполненія сейчасъ указанной мысли. Теперь же только нѣкоторыя предложенія доказаны способомъ аналитическимъ и безъ пособія фигуръ, т. е. данъ алгебрическій характеръ только нѣкоторымъ частямъ геометрическаго изложенія».

О научномъ превосходствѣ методы, предпочитаемой нашимъ геніальнымъ аналитикомъ, не можетъ быть и вопроса. Благоразумно предоставляя опыту доказать ея практическое превосходство въ преподаваніи и потому вводя на первый разъ только отчасти предпочитаемый методъ, онъ выказываетъ скромность, чрезвычайно замѣчательную въ такомъ ученомъ. Желаемъ отъ души, чтобы его справедливыя ожиданія исполнились, и чтобы опытъ всѣхъ преподавателей математики рѣшилъ дѣло въ пользу новаго метода, соотвѣтствующаго настоящему развитію науки. Очень важны — и безъ всякаго сомнѣнія полезны въ преподаваніи—и другія измѣненія, вносимыя г. Остроградскимъ въ изложеніе Начальной Геометріи, именно: подробное развитіе объясненій о предметѣ и основаніяхъ науки и введеніе въ курсъ новыхъ предложеній, для сообщенія совершенной научной строгости выводамъ. Вотъ справедливыя мнѣнія автора объ этомъ:

«Что касается до подробностей въ объясненіи предмета и основаній науки, предположеній, на которыхъ она основана и начальныхъ ея истинъ,.. авторъ имѣлъ ввиду избѣжать неполноты объясненій. Онъ полагаетъ, что составители курсовъ Начальной Геометріи, по примѣру Эвклида, слишкомъ сократили этотъ важный предметъ, и тѣмъ самымъ могли породить неясность въ идеяхъ и неправильные взгляды на основныя начала науки... Нѣкоторые изъ предложеній также могутъ показаться излишними; авторъ проситъ не произносить подобнаго приговора, не вникнувъ совершенно въ вопросъ: что слѣдуетъ принять, какъ необходимое допущеніе? и что должно доказать? Вы напр., спросите: начерченная линія прямая или нѣтъ? «нѣтъ», отвѣчаютъ вамъ, «это видно» Въ практикѣ такое рѣшеніе достаточно, но въ началахъ науки свидѣтельство глаза не принимается. Гдѣ былъ бы конецъ допущеніямъ, основаннымъ на показаніи чувствъ? Пусть докажутъ, что проведенная линія не имѣетъ свойствъ прямой, и тогда только убѣдятъ насъ неоспоримо, что она не прямая».

Не нужно доказывать справедливость этихъ словъ; излишне также говорить, что руководство г. Остроградскаго отличается необыкновенною ясностью и строгостью изложенія; излишне и рекомендовать его книгу величайшему вниманію всѣхъ преподавателей математики—все это совершенно излишне, потому что на ней выставлено имя г. Остроградскаго.

Православный собесѣдникъ, издаваемый при Казанской Духовной Академіи. 1855. Книжка первая. Казань.

По примѣру трехъ старшихъ духовныхъ академій, изъ которыхъ каждая издаетъ свой журналъ духовнаго содержанія, Казанская Академія также приступила къ изданію подобнаго журнала, имѣющаго одною изъ главныхъ задачъ краткое обличеніе заблужденій раскольниковъ, секты которыхъ находятся въ учебномъ округѣ духовнаго вѣдомства, принадлежащемъ къ Казанской Академіи. Первая книжка этого журнала содержитъ въ себѣ слѣдующія сочиненія: Краткія свѣдѣнія о св. Игнатіи Богоносцѣ и его посланіяхъ; Переводъ посланія св. Игнатія Богоносца къ Ефесянамъ, по двумъ его редакціямъ —краткой и пространной; Черты изъ жизни блаженнаго Ѳеофилакта, архіепископа Болгарскаго; Блаженнаго Ѳеофилакта, архіепископа Болгарскаго, толкованіе на св. Евангеліе отъ

Матѳея, въ обновленномъ переводѣ: Первое и второе посланія блаженнаго Игнатія, митрополита Сибирскаго и Тобольскаго; День святой жизни, или отвѣтъ на вопросъ: какъ мнѣ жить свято?—Толкованіе блаженнаго Ѳеофилакта и Посланія блаженнаго Игнатія напечатаны славянскимъ шрифтомъ, безъ сомнѣнія для тѣхъ набожныхъ читателей, которые любятъ по преимуществу книги славянской печати. Изъ этихъ статей, интереснѣе всего многимъ читателямъ «Православнаго Собесѣдника» покажутся посланія блаж. митроп. Игнатія, изъ которыхъ въ первомъ пастырь предостерегаетъ свою паству отъ раскольничьихъ лже-учителей, а во второмъ опровергаетъ ложное мнѣніе раскольниковъ о трехперстномъ крестномъ знаменіи.

Разсказъ солдата Сидорова при бомбардированіи Севастополя англо-французами. Москва. 1853.

Одна изъ многочисленныхъ спекуляцій разсчитывающихъ на патріотизмъ простонародья. Книжку эту можно похвалить хотя за то, что она не хочетъ никого вводить своею внѣшностью въ заблужденіе: обертка съ лубочными картинками и бумага, какой мы уже давно не встрѣчали даже въ сѣробумажныхъ изданіяхъ, съ перваго же взгляда даютъ вѣрное понятіе о литературныхъ качествахъ книжки. Хорошо было-бъ, если всегда встрѣчалась такая похвальная гармонія формы съ идеею».

Практическое руководство къ производству уголовныхъ слѣдствій, составленное по своду законовъ Ив. Оболенскимъ. 2 части. Москва. 1855.

Г. Оболенскій, увлеченный успѣхомъ различныхъ руководствъ къ производству слѣдствій, вздумалъ и самъ сочинить книжку подобнаго рода—это не дурно; но дурно то, что въ предисловіи онъ слишкомъ хвалитъ свою книжку за превосходство надъ всѣми другими руководствами. Мы не замѣтили въ ней практическихъ совѣтовъ, которые обѣщаетъ дать составитель, а нашли только то же самое, что представляютъ и другія юридическія руководства—извлеченіе изъ статей Свода Законовъ, съ тою только разницею, что оно сдѣлано не столь точно и удовлетворительно, какъ въ большей части другихъ подобныхъ книгъ.

Палитра, новыя стихотворенія. Москва. 1854.

Итакъ, болѣе полугода «Палитра» лежала въ кладовой, не ослѣпляя русскую публику своими разноцвѣтными красками. Жаль, потому что краски въ самомъ дѣлѣ разноцвѣтны,—или, если хотите, разношерстны. Начинается книжка стихами, написанными какъ будто въ подражаніе Хераскову:

Смири ты всѣ мои роптанья
И безразсудство все мое,
Прощая мнѣ въ моемъ незнаньи,
Неправыхъ дѣлъ моихъ бытье, и проч.

Далѣе слѣдуетъ отрывокъ, написанный подъ вліяніемъ поэмъ Пушкина:

Полна могучей красотою
Засеребрилась вся Москва,
Какъ дѣва юная, фатою
Принарядилась... какъ чиста
Твоя роскошная обнова и т. д.

Послѣ этого находимъ подражанія Губеру:

Явился тяжкій часъ разувѣренья!
Довольно!.. мучиться не стало силъ! и т. д.

Затѣмъ подражанія автору стихотворенія: «Живя согласно съ строгою моралью»—

Живу я честными трудами
И взятокъ въ жизнь свою не бралъ:
Владѣю я двумя домами
И нажилъ скромный капиталъ и проч.

Есть также подражанія г. Бенедиктову:

Коса ты русая, большая,
Какъ гладко ты заплетена!
Тесьмой широкой ниспадая
Какъ ты роскошна и пышна! и т. д.

Нѣкоторыя пьесы, напротивъ того, поддѣлка подъ стихъ Кольцова:

Нѣтъ ужь силъ мнѣ терпѣть,
Людямъ выскажу я:
Хоть пропасть, хоть сотлѣть,
Тоска мучитъ меня! и проч.

Вы видите, что талантъ неизвѣстнаго автора «Палитры» не завиденъ, и стихи его не гладки. Но если вы захотите взглянуть, какіе стихи пишетъ неизвѣстный авторъ, когда сбросивъ иго подражанія, возносится на крылахъ собственнаго вдохновенія, то увидите, что даже отъ подражанія Хераскову и г. Бенедиктову, не только Пушкину и Кольцову, его произведенія очень много выигрываютъ. Вотъ, напримѣръ, какія пьесы внушаетъ ему собственный геній:

Я не художникъ, не поэтъ,
Мнѣ трудно васъ изобразить;
Но ваши ласки, вашъ портретъ
Въ душѣ не въ силахъ я забыть!

Или:

Два края знакомы родной мнѣ Россіи:
На югѣ цвѣтистомъ, на чудной Невѣ
Видалъ я красавицъ, ихъ взоры живые,
Но огненныхъ глазъ, какъ твои, нѣтъ нигдѣ!

Или наконецъ:

Такъ много писали, писали въ альбомахъ,
Что, право, не знаешь, что въ вашъ написать.
Скажу только, гдѣ ни бывалъ я въ салонахъ,
Подобной нигдѣ вамъ не могъ повстрѣчать.

Конечно, никто не будетъ въ восторгѣ, если неизвѣстный стихотворецъ вслѣдъ за «Палитрою» вздумаетъ издать «Кисть», потомъ «Камень для растиранія краскъ» и т. д. Но вѣроятно каждый согласится, что если уже непремѣнно захочетъ онъ печатать свои стишки, то лучше пусть онъ подражаетъ Хераскову или г. Бенедиктову, нежели предается полетамъ самостоятельнаго творчества. Мы все это говоримъ, разумѣется, вовсе не къ тому, чтобы давать совѣты автору «Палитры»—будетъ онъ или не будетъ продолжать свое поэтическое поприще, для насъ, какъ и для читателя, рѣшительно все равно. Мы хотѣли только замѣтить, что инымъ стихотворцамъ гораздо выгоднѣе передавать въ своихъ стихахъ чужія темы, нежели свои собственныя. Авторъ «Палитры», какъ видно, не знаетъ ни одного иностраннаго языка, потому онъ и могъ переплагать въ своихъ стихахъ только русскіе же стихи; но знай онъ по нѣмецки или по англійски—мы увѣрены, онъ переводилъ бы нѣмецкихъ или англійскихъ поэтовъ, и быть можетъ, заслужилъ бы даже нѣкоторую благодарность многихъ читателей, быть можетъ, даже принесъ бы нѣкоторую пользу литературѣ. Почему бы, кажется, многимъ изъ нашихъ стихослагателей, имѣющихъ страшную охоту и даже нѣкоторое умѣнье подбирать риомы, притомъ знающихъ иностранные языки, не понять, что порядочно переводить хорошія пьесы гораздо почетнѣе, нежели кропать собственные стишки? Посмотрите, кто не уважаетъ гг. Берга и Ѳ. Миллера? и кто не уважалъ бы ихъ еще болѣе, еслибъ они переводили больше, еслибъ наконецъ вмѣсто отдѣльныхъ пьесъ, выбранныхъ наудачу и безъ связи, давали намъ въ переводахъ всѣ лучшія пьесы нынѣ одного, черезъ годъ другаго нѣмецкаго или англійскаго поэта? Между тѣмъ, посмотрите, какое прекрасное имя составилъ себѣ въ нѣмецкой литературѣ Боденштедтъ переводомъ Пушкина и Лермонтова—а вѣдь если бы онъ только воспѣвалъ собственныя ощущенія, никто и не замѣтилъ бы его существованія. Правда и то, что каждый дѣльный трудъ требуетъ нѣкоторой энергіи, нѣкотораго терпѣнія; но вѣдь достаетъ же у людей, о которыхъ мы говоримъ, энергіи и терпѣнія, чтобы выносить досадную для нихъ холодность публики: почему жь бы не обратить этихъ качествъ на полезное и почетное дѣло?

Послѣдній вечеръ новобранца въ родительской семьѣ. Москва. 1855.

Чувство и любовь къ престолу и отечеству. Москва. 1855.

Описаніе бомбардированія англичанами Соловецкаго монастыря. Москва. 1855.

Обхожденіе русскихъ съ врагами. Москва. 1855.

Доблестные подвиги русскихъ воиновъ. Москва. 1855.

Все это множество книжекъ и тетрадокъ, имѣющихъ въ виду воспользоваться патріотическими чувствами народа, такъ же мало принадлежитъ литературѣ,

какъ и «Разсказъ Сидорова», о которомъ говорили мы выше, и читатели конечно не потребуютъ подробнаго отчета о ихъ достоинствахъ и содержаніи.

Актъ восьмаго выпуска студентовъ главнаго педагогическаго Института 20 іюня 1855 года. Спб. 1855.

Въ теченіе двухлѣтія, отдѣляющаго послѣдній выпускъ студентовъ Института отъ предъидущаго, преобразованіе этого учрежденія было довершено раздѣленіемъ его историко-филологическаго факультета, въ двухъ высшихъ курсахъ, на отдѣленія наукъ филологическихъ и наукъ историческихъ, и учрежденіемъ годичныхъ курсовъ, вмѣсто прежнихъ двухлѣтнихъ, такъ что нынѣ Главный Педагогическій Институтъ будетъ выпускать окончившихъ курсъ студентовъ ежегодно, и имѣетъ четыре отдѣленія: 1) филологическое, 2) историческое, 3) математическое и 4) естественное. Въ концѣ учебнаго 1854—1855 года число воспитанниковъ Института было 122; изъ нихъ окончили курсъ по истеченіи этого года 30 человѣкъ. Состояніе учебныхъ пособій Института въ 1855 году было слѣдующее:

Главная библіотека заключала . .	17,890	томовъ
Классная библіотека	9,417	—
Физико-математическій кабинетъ .	267	приборовъ
Минералогическій кабинетъ . .	4,745	нумеровъ
Ботаническій кабинетъ	24,168	—
Зоологическій кабинетъ . . .	3,182	—
Минцъ-кабинетъ	1,281	монетъ и медалей.

Важнымъ улучшеніемъ было то, что на экзаменахъ студентовъ, оканчивающихъ курсъ, присутствовали, кромѣ профессоровъ Института, профессоры Санктпетербургскаго Университета и другіе спеціальные ученые.

Учрежденіе Юрьевскаго Общества сельскаго хозяйства съ Отчетомъ за 1854 годъ. Москва. 1855.

Записки Юрьевскаго Общества сельскаго хозяйства за 1854—1855 годъ. Москва. 1855.

Съ величайшимъ сочувствіемъ встрѣчаемъ мы первую книгу трудовъ младшаго по лѣтамъ изъ нашихъ Обществъ сельскаго хозяйства и отчетъ о его учрежденіи и дѣйствіяхъ за первый годъ существованія. Прежде всего разскажемъ, какія обстоятельства пробудили въ сельскихъ хозяевахъ Юрьевскаго уѣзда (Владимірской губерніи) потребность основать Общество, между тѣмъ, какъ цѣлые обширные края Россіи не сознали еще пользу приносимую развитію общаго благосостоянія подобными учрежденіями, потомъ ознакомимъ читателя съ первыми трудами новоучредившагося Общества.

Извѣстно, что по развитію промысловъ, Владимірская губернія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между всѣми нашими областями. Бѣдность почвы и подвозъ дешеваго хлѣба изъ сосѣднихъ хлѣбородныхъ губерній были причиною, что

владимірскіе поселяне, не находя выгоды заниматься земледѣліемъ, должны были искать средствъ къ безбѣдному существованію въ промышленности, которая давала имъ порядочныя выгоды. Но въ послѣднее время, вслѣдствіе развитія мануфактуръ и промысловъ повсюду, прежніе источники доходовъ перестали быть выгодными, и явилась потребность заботиться объ улучшеніи средствъ промышленности, или изобрѣтеніи новыхъ промысловъ; явилась также необходимость искать въ улучшеніи сельскаго хозяйства тѣхъ способовъ къ жизни, въ которыхъ начала отказывать промышленность. Попытки отдѣльныхъ частныхъ лицъ на этомъ поприщѣ улучшеній, если и были удачны для самаго предпринимателя (что бывало далеко не всегда) то оставались безъ вліянія на общее состояніе края. Эти соображенія побудили г. дворянскаго предводителя юрьевскаго уѣзда, В. В. Калачова, предложить помѣщикамъ своего уѣзда проэктъ соединиться въ Общество, чтобы совокупными силами искать средствъ къ возвышенію собственнаго благосостоянія и благосостоянія всей мѣстности, находящейся въ одинаковыхъ съ юрьевскимъ уѣздомъ экономическихъ условіяхъ. Понимая важность и выгоду этой счастливой мысли, они приняли ее съ живымъ одобреніемъ, черезъ посредство г. губернскаго предводителя обратились къ г. министру государственныхъ имуществъ съ просьбою объ исходатайствованіи Высочайшаго соизволенія на основаніе Общества сельскаго хозяйства, и Уставъ Общества былъ Высочайше утвержденъ 19 марта 1854 года. По окончаніи сельскихъ работъ, 11-го сентября того же года, Общество, участвовать въ которомъ изъявили согласіе уже до шестидесяти лицъ, было торжественно открыто, благодаря дѣятельнымъ заботамъ В. В. Калачева. Въ то же время и также благодаря заботамъ В. В. Калачева, была устроена въ городѣ Юрьевѣ выставка мѣстныхъ произведеній, для ознакомленія какъ членовъ Общества съ экономическимъ положеніемъ края, такъ и окрестныхъ жителей съ полезными предпріятіями Общества. Выставка дала живой поводъ для бесѣдъ новооткрывшагося Общества; съ тою же цѣлью г. В. В. Калачовъ предварительно разослалъ помѣщикамъ рядъ сельско-хозяйственныхъ вопросовъ, обсужденіемъ которыхъ могло начать Общество свои совѣщанія. Московское Общество сельскаго хозяйства, для изъявленія своего сочувствія и готовности содѣйствовать трудамъ юрьевскаго Общества, поручило своему непремѣнному секретарю, г. Маслову, быть своимъ депутатомъ при его открытіи. Въ первыхъ же засѣданіяхъ Общества, по исполненіи обыкновенныхъ формальностей, выборѣ девиза *(трудъ и соревнованіе)* и герба, избраніи президента (г. Пушкевичъ), вице-президента (В. В. Калачовъ) и секретаря (г. Дубенскій) было прочитано нѣсколько статей, отличающихся здравымъ практическимъ направленіемъ (нѣкоторыя изъ нихъ, помѣщенныя въ «Запискахъ» Общества, заслуживаютъ полнаго вниманія русскихъ сельскихъ хозяевъ) начались бесѣды одушевленныя и очень дѣльныя, предложены желающимъ различныя практическія изслѣдованія, была осмотрѣна и обсуждена выставка, розданы награды экспонентамъ и проч. Однимъ словомъ, началась живая и, безъ сомнѣнія, плодотворная для будущаго дѣятельность молодаго Общества. Черезъ три съ половиною мѣсяца по открытіи, къ 1-му января 1855 года, Общество состояло уже изъ 97 членовъ. Къ отчету Общества за 1854 годъ, доставившему намъ эти свѣдѣнія, приложено сельско-экономическое обозрѣніе 1854 года въ Владимірской губерніи и таблицы метерологическихъ наблюденій.

Переходимъ къ «Запискамъ Общества». Кромѣ различныхъ отчетовъ объ учрежденіи Общества и выставкѣ, эта, довольно полновѣсная, книга, заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи: «Объ устраненіи препятствій къ правильному развитію хозяйства и промышленности во Владимірской губерніи» г. Соловьева; «Объ овсѣ» г. Барыкова; «О дубленіи холста и полотенъ», г. Калачова; «О почвахъ Владимірской губерніи» г. Дубенскаго; «Замѣчанія о земледѣльческихъ орудіяхъ, бывшихъ на выставкѣ», г. Калачова; двѣ статьи «О разведеніи табаку во Владимірской губерніи» г. Ушакова и «Отвѣты на вопросы, предложенные Обществомъ» (и составленные г. Калачовымъ). Мѣсто не позволяетъ намъ говорить подробно о каждой изъ этихъ статей; замѣтимъ только, что всѣ онѣ имѣютъ прекрасное, чисто практическое направленіе, и представляютъ много полезныхъ наблюденій, указанныхъ авторамъ ихъ собственнымъ опытомъ. Чтобы дать понятіе читателямъ о дѣятельности многихъ членовъ Общества, скажемъ, что ни одинъ изъ предложенныхъ имъ 32-хъ вопросовъ, не остался безъ отвѣта, а на многіе получено по нѣсколько отвѣтовъ, большею частью очень удовлетворительныхъ, простыхъ, ясныхъ и здравыхъ. И здѣсь, какъ вездѣ, г. В. В. Калачовъ, которому принадлежитъ и мысль основать Общество и ея исполненіе, является ревностнѣйшимъ членомъ Общества и обнаруживаетъ богатый запасъ агрономическихъ знаній и умѣнья прилагать ихъ къ дѣлу. Обширнѣйшая изъ помѣщенныхъ въ «Запискахъ» статей,—«О почвахъ Владимірской губерніи», принадлежитъ г. Дубенскому; она представляетъ подробное описаніе всѣхъ мѣстностей Владимірской губерніи, по различію ихъ почвъ и произведеній, могущихъ расти въ каждой мѣстности. Если, какъ и должно думать, точность наблюденій, собранныхъ г. Дубенскимъ, равняется ихъ обилію, то его статья есть одно изъ лучшихъ описаній подобнаго рода. Статьи гг. Соловьева, Барыкова, Калачова и Умапова заключаютъ въ себѣ много вѣрныхъ практическихъ указаній и наблюденій относительно различныхъ отраслей сельскаго хозяйства.

Пожелаемъ всевозможнаго преуспѣянія трудамъ юрьевскаго Общества сельскаго хозяйства, начатымъ скромно и прекрасно— желаемъ успѣха имъ сколько по сочувствію къ самому Обществу, сколько и для того, чтобы прекрасный примѣръ, поданный гг. помѣщиками юрьевскаго уѣзда, возбудилъ—выражаясь терминами девиза, избраннаго ихъ Обществомъ—повсюду «соревнованіе», начатому ими «труду» на пользу общую.

О званіи генерала, сочиненіе *Жюра-Гасаля*, переведъ *г. Свѣдерусъ*. Спб. 1855.

Сочиненіе Жюра-Гасаля, написанное на французскомъ языкѣ, поднесено было въ рукописи Его Величеству, въ Бозѣ почивающему Императору Николаю Павловичу; русскій переводъ этой книги посвященъ нынѣ благополучно царствующему Государю Императору. Краткія размышленія находящіяся въ этой книжкѣ не могутъ замѣнить полныхъ трактатовъ о военномъ искусствѣ или качествахъ полководца, но представляютъ много умныхъ и справедливыхъ замѣчаній. Для

примѣра выписываемъ слѣдующія мѣста, заимствованныя съ первыхъ страницъ книги:

«Нѣтъ предразсудка гибельнѣе мнѣнія, что генералы рождаются готовыми, что можно со славою командовать войсками, не бывъ къ тому приготовленнымъ съ самаго дѣтства, и не предаваясь продолжительнымъ и постояннымъ занятіямъ. Правда, были примѣры, что генералы-невѣжды одерживали побѣды: но эти генералы имѣли достаточно ума, чтобы выслушивать и исполнять полезные совѣты, были окружены офицерами, знающими свое дѣло, и потому на нихъ перенесена заслуга дѣйствій, совершенныхъ другими. Цезарь къ генію своему присоединялъ самыя обширныя знанія: Конде жилъ между ученѣйшими по всѣмъ отраслямъ людьми, изученіе исторіи было его первою страстью; Ришелье, изумленный его познаніями, предсказалъ что онъ будетъ первымъ полководцемъ въ Европѣ. Но примѣръ Конде не единственный въ исторіи: Густавъ Адольфъ, Вилларъ, Тюренъ, Катина, Монтекукули, принцъ Евгеній Люксембургъ, Филиппъ Орлеанскій, Вандомъ, Петръ Великій, де Саксъ, Фридрихъ, Румянцовъ, Мальборо,—всѣ эти великіе полководцы были такъ же знамениты по своимъ познаніямъ. Дюмурье, Моро, Дезе, Пишегрю, Суворовъ, были воины, обладавшіе обширнымъ образованіемъ. Противное мнѣніе распространилось потому только, что потворствуетъ нашей лѣни. Истинный генералъ долженъ соединять обширныя познанія съ счастливыми дарованіями» (стр. 2—8).

Переходя къ изложенію своихъ понятій о военномъ образованіи, г. Дюра-Ласаль настаиваетъ на томъ, что спеціальному образованію должно предшествовать общее, обширное и основательное, и доказываетъ это тѣмъ, что, напримѣръ, французскія спеціальныя, замкнутыя школы, Политехническая и Сен-Сирская, не смотря на свою славу, до сихъ поръ еще не дали Франціи ни одного хорошаго полководца; причиною этого, очень натурально, авторъ полагаетъ то, что воспитанники этихъ школъ не получаютъ общаго образованія; чтобы быть хорошимъ полководцемъ, прежде всего надобно быть, по его мнѣнію, человѣкомъ съ развитымъ умомъ—качество, которое дается не спеціальными курсами, а общимъ образованіемъ.

«Неблагоразумно—замѣчаетъ онъ—давать мальчикамъ до шестнадцатилѣтняго возраста воспитаніе различное, смотря по предназначенію ихъ въ судьи, въ администраторы или въ военную службу. Первоначальною цѣлью воспитанія должно быть развитіе тѣла, приготовленіе ума къ ученію и направленіе сердца—это цѣль общая для всѣхъ классовъ общества. Ежели военное воспитаніе и требуетъ нѣкоторыхъ особенныхъ измѣненій, то они не важны и удобопонятны» (стр. 13).

Отрывки, нами приведенные, содержатъ въ себѣ основную мысль книги г. Дюра-Ласаля, который во многихъ случаяхъ хорошо развиваетъ ее и подтверждаетъ множествомъ примѣровъ.

Венгерская грамматика съ русскимъ текстомъ, и въ сравненіи съ чувашскимъ и черемисскимъ языками, составленная *титулярнымъ совѣтникомъ Андреемъ Дешко*. Спб. 1855.

Кто, не зная ни по нѣмецки, ни по латинѣ, захочетъ познакомиться съ венгерскимъ языкомъ, тотъ найдетъ въ грамматикѣ г. Дешко нѣкоторое пособіе для исполненія своего желанія. Кромѣ этого, мы ничего не можемъ сказать въ похвалу его книгѣ, если не считать за похвалу неизбѣжной фразы, что авторъ

заслуживаетъ признательности за самое намѣреніе, если не за выполненіе этого добраго намѣренія. Зная по венгерски, г. Дешко повидимому не почелъ нужнымъ для себя пріобрѣсти надлежащія знанія тѣхъ правилъ, безъ которыхъ невозможно написать хорошую грамматику, говоря проще, совершенно незнакомъ съ требованіями науки. Потому онъ вкладываетъ венгерскій языкъ въ рамки старинныхъ латинскихъ грамматикъ, которыя совершенно не приходятся къ этому своеобразному языку. Что же касается выводовъ, которые онъ извлекаетъ изъ своихъ сравненій венгерскаго языка съ чувашскимъ и черемисскимъ, они лишены прочнаго основанія, опять потому, что г. Дешко не познакомился съ пріемами и понятіями сравнительной филологіи, и вообще поступаетъ въ этомъ случаѣ безъ всякой критики. Онъ говоритъ, что хочетъ также издать венгерско-русскій словарь—желаемъ ему исполнить это доброе обѣщаніе, но съ тѣмъ вмѣстѣ желаемъ, чтобы онъ, прежде нежели приступитъ къ составленію словаря, постарался пріобрѣсть достаточное филологическое образованіе, безъ котораго нельзя составить хорошаго словаря.

Венгерскія собственныя имена принадлежатъ къ числу наиболѣе некажемыхъ въ большей части русскихъ журналовъ и газетъ: между тѣмъ выучиться правильно читать ихъ и передавать русскими буквами очень просто: съ этою цѣлью приводимъ здѣсь венгерскую азбуку:

венгерскія буквы	a	á	e	é	i	o	ó	
соотвѣтствующія русскія . .	о	а	э	ей	и	о	оу	
— —			u	ö		ü		
— —			у	франц.	eu	франц.	u	

Изъ согласныхъ буквъ только слѣдующія имѣютъ произношеніе, различное отъ значенія ихъ въ латинскомъ языкѣ:

венгерскія буквы	s	cs	cz	gy	ly	ny	ts	tz	ty	sz	zs
соотвѣтствующія русскія . .	ш	ч	ц	дь	ль	нь	ч	ц	ть	с	ж

потому Magyar произносится Модёръ; huszár—гусаръ; Debreczen Дебреценъ.

Въ воспоминаніе 12 го января 1855 года. Учено-литературныя статьи профессоровъ и преподавателей Императорскаго Московскаго университета, изданныя по случаю его столѣтняго юбилея. Москва. 1855.

Мысль, вызвавшая сборникъ, изданный «въ воспоминаніе 12-го января 1855 года», прекрасна—день этотъ заслуживаетъ воспоминанія, какъ потому, что Московскій университетъ, оказавшій столь много услугъ великому дѣлу просвѣщенія русской земли, имѣетъ полное право съ гордостью указывать на свою столѣтнюю дѣятельность, такъ—и еще болѣе—потому, что день этотъ былъ празднованъ съ торжественностью, достойною высокаго его значенія для русскаго общества: 12-е января 1855 года было одною изъ самыхъ блестящихъ побѣдъ науки надъ холодностью или непріязнью. Чрезвычайное сочувствіе къ торжеству Московскаго университета, обнаруженное всѣми грамотными

людьми, было поразительно и утѣшительно; оно вынудило и у всѣхъ остальныхъ невольное уваженіе къ наукѣ, которую столь многіе и столь горячо желали почтить въ одномъ изъ ея представителей, Московскомъ университетѣ. Да, памятно должно быть въ исторіи русскаго просвѣщенія 12 января 1855.

Естественно, что ожиданія и требованія, которыми встрѣчены были книги, изданныя по случаю столь важнаго событія, были соотвѣтственны его значенію. Это, быть можетъ, надобно считать одною изъ причинъ того, что онѣ во многомъ не удовлетворили людей, нетерпѣливо ожидавшихъ появленія этихъ изданій. Чѣмъ болѣе высоки ожиданія, тѣмъ возможнѣе разочарованіе. Будь издана «Исторія Московскаго университета», не по случаю его юбилея, а за два года назадъ или двумя годами позже, ее, быть можетъ, похвалили бы ради нѣсколькихъ интересныхъ выписокъ, находящихся въ ней; а если бы «Словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета» явился какъ самостоятельное изданіе, а не какъ слѣдствіе юбилея, онъ безъ всякаго сомнѣнія былъ бы встрѣченъ съ чрезвычайно громкими одобреніями, потому что дѣйствительно представляетъ одно изъ важнѣйшихъ собраній матеріаловъ для исторіи русской литературы. Но блескъ торжества, въ соотношеніе съ которымъ были поставлены эти изданія, затмилъ ихъ. Нельзя не пожелать, чтобы «Словарь воспитанниковъ Московскаго университета», послѣдній и самый важный изъ сборниковъ, которые должны остаться памятниками юбилея, полнотою и ученымъ достоинствомъ соотвѣтствовалъ требованіямъ, которыя только отчасти нашли себѣ удовлетвореніе въ двухъ изданіяхъ уже разсмотрѣнныхъ «Современникомъ», и въ книгѣ, о которой мы теперь должны дать отчетъ.

Впрочемъ, важнѣйшій изъ трудовъ, входящихъ въ составъ этой книги, также былъ уже разсмотрѣнъ нами. Это—изслѣдованіе г. Бодянскаго «О времени изобрѣтенія славянской азбуки», по своей обширности напечатанное отдѣльно. Мы выразили мнѣніе, что вопросъ столь второстепенной важности, какъ споръ: «въ 855 или 862 году была изобрѣтена кирилловская азбука», представляетъ слишкомъ мало интереса для того, чтобы цѣна пріобрѣтеннаго рѣшенія могла искупить огромность ученаго труда, употребленнаго на это г. Бодянскимъ: говорили также что скудость положительныхъ фактовъ, на которыхъ должно основываться его рѣшеніе, едва ли не отнимаетъ возможность прійдти къ несомнѣнному выводу, при разнорѣчивыхъ показаніяхъ легендъ, опровергающихъ въ этомъ случаѣ одна другую и большею частью лишенныхъ признаковъ исторической достовѣрности. Но въ то же время признавали мы замѣчательную ученость и неутомимость, обнаруженныя нашимъ славянистомъ въ изслѣдованіи избраннаго имъ вопроса, и теперь должны прибавить, что его трудъ на столько же превышаетъ учеными достоинствами всѣ остальныя сочиненія, написанныя въ воспоминаніе юбилея, сколько превосходитъ ихъ объемомъ.

Книга, теперь изданная, содержитъ тринадцать статей гг. Кудрявцева, Лешкова, Брашмана, Бѣляева, А. Давыдова, Орнатскаго, Буслаева, Глѣбова, Швейцера, Спасскаго, Любимова, Страхова. Этотъ списокъ именъ показываетъ, что только немногіе изъ наиболѣе извѣстныхъ въ литературѣ гг. профессоровъ Московскаго университета приняли участіе въ составленіи сборника, какъ гг. Буслаевъ и Кудрявцевъ, между тѣмъ какъ другіе, изъ которыхъ достаточно назвать гг. Грановскаго, Каланова, Леонтьева и Соловьева, не помѣстили въ этой

книгѣ ничего. Этого конечно нельзя приписывать недостатку сочувствія къ юбилею.—подобное предположеніе и неправдоподобно, и положительно опровергается многими фактами, напримѣръ, посвященіемъ четвертаго тома «Пропилей» памяти торжества Московскаго университета. Напротивъ, отсутствіе многихъ именъ въ сборникѣ, нами разсматриваемомъ, конечно должно быть объяснено другими причинами, чисто случайными.

Въ литературномъ отношеніи, безспорно лучшая изъ статей, вошедшихъ въ составъ Сборника, принадлежитъ г. Кудрявцеву, который живо и занимательно разсказалъ одинъ изъ періодовъ войны за независимость Нидерландовъ. Отрывку этому дано заглавіе «Осада Лейдена», хотя эпизодъ объ этомъ событіи занимаетъ только немногія послѣднія страницы разсказа. Первая и бо́льшая половина статьи служитъ введеніемъ къ исторіи лейденской осады. Быть можетъ, картина выиграла бы въ единствѣ еслибъ это изложеніе предъидущихъ обстоятельствъ было сжатѣе: но въ такомъ случаѣ мы лишились бы многихъ подробностей о войнѣ, чрезвычайно замѣчательной и еще не имѣвшей хорошихъ описаній на русскомъ языкѣ. Поэтому мы скорѣе желали бы видѣть статью г. Кудрявцева расширенною до предѣловъ исторіи, хотя того періода войны, который заключается осадою Лейдена—тогда конечно осада Лейдена явилась бы только однимъ изъ событій, равно замѣчательныхъ, а не предметомъ особенной монографіи, которая не представляетъ самостоятельнаго цѣлаго, а кажется только отрывкомъ и не вполнѣ излагаетъ особенныя условія, придавшія оригинальный характеръ и этой войнѣ и осадѣ Лейдена,—именно, взаимныя отношенія различныхъ нидерландскихъ провинцій и, главное, отношенія, которыя въ началѣ войны, хотѣли онѣ сохранить къ Испаніи. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ, статья г. Кудрявцева заслуживаетъ полнаго вниманія по интересности предмета, основательному изученію источниковъ и вѣрному изложенію событій.

Нельзя сказать, чтобы столь же вѣрно смотрѣлъ на свой предметъ г. Лешковъ въ статьѣ «Древняя русская наука о народномъ богатствѣ и благосостояніи». Онъ изъ «Домостроя», «Инструкціи для управленія имѣніемъ» Волынскаго, и книги Посошкова думаетъ извлечь—«древнія русскія понятія о богатствѣ и благосостояніи»—и извлекаетъ изъ нихъ почти только однѣ нравственныя наставленія, ни мало не опредѣлительныя съ точки зрѣнія политической экономіи. «Будь честенъ, трудолюбивъ, не пей много вина»—вотъ мысли, находимыя нами въ «Домостроѣ»—онѣ хороши, но не принадлежатъ политической экономіи. «Инструкція» Волынскаго показываетъ въ немъ заботливаго и умнаго помѣщика, но относится скорѣе къ исторіи сельскаго хозяйства и помѣщичьяго управленія, а не къ исторіи науки о государственномъ благосостояніи; наконецъ книга Посошкова говоритъ болѣе объ условіяхъ хорошей администраціи, нежели о законахъ народнаго благосостоянія; правда, въ ней есть многія мѣста, относящіяся къ области политико-экономическихъ понятій; но какъ пользуется г. Лешковъ словами Посошкова, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра:

«Землю сотвори Богъ недвижиму и владѣніе земли аще переходитъ изъ рукъ въ руки, обаче она стоитъ недвижимо»—сказавши эту мысль другими словами, мы получимъ ясное выраженіе для древняго народнаго сознанія о принадлежности земли государству, о доступности ея всякому Русскому и о преимущественномъ господствѣ въ Россіи общиннаго владѣнія».

Напротивъ, какими словами ни выражайте мысль Посошкова, если только будете выражать ее, а не теоріи современныхъ экономистовъ, которыхъ въ ней нѣтъ и слѣда, все-таки останется въ ней такой смыслъ: «земля, лежащая, напримѣръ, на Волгѣ, никогда не передвинется, напримѣръ, на берега Днѣпра, сколько разъ ни перемѣняла бы владѣльцевъ»—то есть, смыслъ фразы Посошкова чисто географическій, и не имѣетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго. Иначе и въ стихахъ Пушкина (въ «Подражаніяхъ Корану»):

Земля недвижна; неба своды
Творецъ, поддержаны Тобой,
Да не падутъ на сушь и воды
И не подавятъ насъ собой...

можно увидѣть «ясное выраженіе сознанія Бедуиновъ о преимущественномъ господствѣ въ Аравіи общиннаго владѣнія». Поступая такимъ образомъ, легко достичь до какихъ угодно заключеній. И выводы г. Лешкова дѣйствительно зависятъ не отъ фактовъ, вмѣсто которыхъ онъ приводитъ большею частью общія фразы, не имѣющія политико-экономическаго значенія, а только отъ его собственнаго произвола. Намъ здѣсь нѣтъ мѣста подробно говорить объ этихъ заключеніяхъ; но читатели увидятъ, какіе анахронизмы въ нихъ господствуютъ, если мы скажемъ, что г. Лешковъ въ «Домостроѣ» и т. п. находитъ полную систему понятій, развитыхъ только черезъ семьдесятъ лѣтъ, послѣ Адама Смита противниками школъ Мальтуса и Жанъ-Батиста Сэ. Это все равно, что открывать въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго теоріи Боппа или Гримма о сродствѣ и исторіи языковъ, а въ ариѳметикѣ Магницкаго вычисленіе орбиты Нептуна. Прибавимъ, что г. Лешковъ забывая, откуда почерпнулъ свои понятія о народномъ благосостояніи, противополагаетъ мнимую теорію «Домостроя» и Посошкова современной наукѣ и, разумѣется, отдаетъ преимущество «Домострою».

«Опредѣленіе положеній равновѣсія плавающихъ тѣлъ», статья г. Брашмана, заключаетъ, по словамъ автора, переработку и упрощеніе теоріи, данной г. А. Давыдовымъ въ сочиненіи «Теорія равновѣсія тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость». Сужденіе о достоинствахъ разсужденія г. Брашмана мы должны предоставить спеціалистамъ, какъ и о статьѣ г. А. Давыдова «Приложеніе теоріи вѣроятностей къ статистикѣ». Относительно послѣдней мы замѣтимъ только, что ученый авторъ, справедливо желая распространить между людьми, занимающимися статистикою, умѣнье прилагать къ ея цифрамъ формулы, предлагаемыя теоріею вѣроятностей, вѣрно могъ бы достичь этой цѣли переложивъ на обыкновеный языкъ смыслъ формулъ, найденныхъ «Теоріею вѣроятностей»—замѣненіе же одной формулы, выраженной языкомъ интегральнаго исчисленія, другою формулою на томъ же таинственномъ языкѣ не объяснитъ ее людямъ, не знающимъ высшихъ частей математики: а кто можетъ понимать интегральныя формулы, уже давно прилагаетъ ихъ къ статистикѣ. Статья г. Швейцера «О кометахъ, открытыхъ въ 1853 году», имѣетъ несомнѣнно ученое достоинство. «Наглядное доказательство обращеніе земли около своей оси» посредствомъ опыта Фуко съ маятникомъ, привѣшеннымъ на длинной проволокѣ, интересная и популярная статья г. Спасскаго,—перепечатана изъ «Московскихъ Вѣдомостей», съ нѣкоторыми дополненіями.

Г. Вернадскій такъ строгъ въ своихъ сужденіяхъ о другихъ ученыхъ, что

мы не можемъ не предполагать чрезвычайнаго достоинства въ его собственныхъ трудахъ; и потому, хотя его «Историческій очеркъ практической статистики» есть одна изъ тѣхъ компиляцій, которыя очень легко составлять каждому, кто знаетъ хотя одинъ изъ иностранныхъ языковъ, но мы остаемся увѣрены, что эта статья должна давать ему право на справедливую гордость.

Къ числу также компиляціонныхъ статей, но имѣющихъ гораздо болѣе ученаго достоинства, принадлежатъ: «Сравнительный взглядъ на нынѣшнія понятія объ энциклопедіи и понятія о ней древнихъ грековъ и римлянъ», г. Орнатскаго, и «Физіологія аппетита или голода», г. Глѣбова. «Ломоносовъ, какъ физикъ», г. Любимова, представляетъ иногда любопытныя сличенія теорій Ломоносова съ понятіями другихъ тогдашнихъ ученыхъ. Но если мы не ошибаемся, исторія русской науки болѣе выиграла бы отъ этого обзора, еслибъ онъ былъ написанъ въ чисто историческомъ духѣ, а не въ тонѣ похвальнаго слова, совершенно излишнемъ потому, что въ геніальныхъ дарованіяхъ Ломоносова никто не сомнѣвается.

Изслѣдованіе г. Бѣляева: «Какъ понимали давность въ разное время русское общество и русскіе законы»—монографія, полезная для исторіи русскаго права. Но мы не знаемъ, принесетъ ли особенную пользу исторіи языка «Извлеченіе изъ русской грамматики профессора Барсова», сдѣланное г. Буслаевымъ. Судя по этому извлеченію, трудно согласиться съ почтеннымъ нашимъ ученымъ, что «для исторіи русскаго языка въ XVIII вѣкѣ, грамматика Барсова предлагаетъ весьма много любопытныхъ данныхъ». Неужели любопытными для исторіи языка считаетъ г. Буслаевъ, напримѣръ, слѣдующія замѣтки:

«Въ родит. пад. множ. числа употребляются и *рублей* и *рублевъ*. — Вмѣсто *полей* и *морей* въ стихахъ употребляется также *поль* и *морь*. — Сокращенныя имена *мать* и *дочь* заимствуютъ родит. единств. отъ своихъ полныхъ *матерь* и *дочерь*.

«Рублевъ» употребляется нынѣ и употреблялось за долго до XVIII вѣка: слѣдовательно, какъ само собою разумѣется, существовало и во время Барсова—новаго факта намъ не доставляетъ его замѣтка. Предположеніе объ имен. матерь и дочерь также не стоитъ замѣчанія, по обиходности этихъ формъ. Напрасно такой ученый, какъ г. Буслаевъ, терялъ трудъ на составленіе этого извлеченія. Вообще, наука ничего не выиграетъ отъ желанія видѣть важность въ томъ, что вовсе не важно, ни съ научной, ни съ исторической точки зрѣнія. Мы не упоминали бы объ этомъ, если бы примѣръ, подаваемый г. Буслаевымъ, не дѣйствовалъ на его почитателей, которыхъ число довольно велико, и если бы въ такую же ошибку не впадали и нѣкоторые другіе изъ достойнѣйшихъ нашихъ ученыхъ, безплодно теряя трудъ на то, чтобъ открыть что нибудь замѣчательное въ томъ, что очевидно не можетъ дать никакихъ результатовъ для науки.

Вотъ, напримѣръ, совершенно другое дѣло статья г. Страхова: «Краткая исторія Академической Гимназіи, бывшей при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ»—она даетъ богатые матеріалы для исторіи русскаго образованія, потому что Гимназія при Московскомъ Университетѣ была однимъ изъ важнѣйшихъ учебныхъ учрежденій, еще очень немногочисленныхъ въ послѣдней половинѣ XVIII вѣка, и потому что г. Страховъ умѣетъ составлять изъ своихъ воспоминаній картины полныя и живыя. Каждый, кто интересуется исторіею русской образован-

ности, долженъ желать, чтобы г. Страховъ писалъ болѣе, какъ можно болѣе: его статьи о профессорахъ Страховѣ (родственникѣ автора) и Мудровѣ, вмѣстѣ съ исторіею Академической Гимназіи, принадлежатъ къ числу прекраснѣйшихъ матеріаловъ для исторіи нашего просвѣщенія при Императрицѣ Екатеринѣ II и Александрѣ I. «Пятидесяти-семи-лѣтнее (1755—1812) участіе универ-«ситетскихъ гимназій въ образованіи множества молодыхъ людей» — говоритъ г. Страховъ— «было если не больше, то уже конечно и не меньше участія самаго «Университета. Ибо число гимназическихъ учениковъ бывало всегда слишкомъ «въ-десятеро болѣе числа студентовъ Университета. Напримѣръ, въ 1787 году «было студентовъ 82, и учениковъ 1,010: а въ 1800—1803 годахъ число «студентовъ не превышало 102, между тѣмъ какъ учениковъ-гимназистовъ было «до 3,300». Г. Страховъ со всѣми подробностями описываетъ порядокъ занятій и устройство этого столь обширнаго заведенія, помѣщеніе, пищу и распредѣленіе времени у казеннокоштныхъ гимназистовъ, предметы ученія, употребительныя награды и наказанія, мѣры къ надзору за учениками и т. д., наконецъ постепенное закрытіе гимназіи съ 1804 года и прекращеніе существованія ея послѣ 1812 года, когда изъ немногихъ остававшихся учениковъ большая часть поступили въ военную службу. Все это разсказано просто, отчасти даже наивно, но безъискусственное простодушіе составляетъ одно изъ лучшихъ достоинствъ, если соединено съ умѣньемъ разсказывать вѣрно и занимательно, какъ это и находимъ въ воспоминаніяхъ г. Страхова.

Библіотека для дачъ, пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ. Собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ, новыхъ и старыхъ, оригинальныхъ и переводныхъ. Изданіе *А. Смирдина*. I. «Аптекарша». Повѣсть графа *В. А. Соллогуба*. Спб. 1855.

Мы желали бы предсказать успѣхъ изданію, предпринимаемому г. Смирдинымъ: мысль издать собраніе повѣстей и романовъ заслуживаетъ одобренія; для сборника выбранъ миньятюрный форматъ (въ 24 долю листа), довольно красивый; шрифтъ, которымъ напечатана первая книжка, хорошъ: бумага очень недурна,— однимъ словомъ, внѣшній видъ изданія говоритъ въ его пользу. Но, отъ души желая счастливаго продолженія сборнику г. Смирдина, мы посовѣтуемъ ему обратить болѣе вниманія на выборъ помѣщаемыхъ пьесъ. «Аптекарша» принадлежитъ къ лучшимъ повѣстямъ графа Соллогуба и въ свое время нравилась публикѣ— противъ нея мы ничего не можемъ сказать, хотя, для пользы изданія, было бы лучше начать его произведеніемъ, которое могло бы возбудить болѣе интереса въ публикѣ. Если бы слѣдующія книжки наполнялись повѣстями и романами, равными по достоинству «Аптекаршѣ», то «Библіотека дачъ, пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ» не пріобрѣтая слишкомъ большаго успѣха, вѣроятно, не была бы и предпріятіемъ слишкомъ неудачнымъ. Но напечатанный на оберткѣ первой книжки списокъ повѣстей, которыя г. Смирдинъ предполагаетъ помѣстить въ слѣдующихъ выпускахъ, смутилъ насъ: за исключеніемъ двухъ-трехъ произведеній, могущихъ имѣть успѣхъ, списокъ составленъ изъ пьесъ, выбранныхъ несчастливо.—Скажите, могутъ ли не залежаться въ кладовой издателя выпуски, которые будутъ предлагать публикѣ

напримѣръ, слѣдующія произведенія, и въ свое время не понравившіяся публикѣ, а нынѣ рѣшительно потерявшія всякую возможность быть прочитанными: «Послѣдній консулъ въ Кафѣ» г. Шидловскаго; «Фультонъ» г. Каменскаго; «Александрина» г. Фанъ-Дима и проч. и проч. Мы боимся, что подобная неразборчивость можетъ уронить «Библіотеку».—Намъ непріятно говорить это, но мы искренно желали бы предостеречь издателя. Неужели нѣтъ у него знакомаго человѣка, имѣющаго понятіе о литературѣ, съ которымъ онъ посовѣтоваться?

Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Сочиненія *Н. Греча*. Изданіе *А. Смирдина*. Три тома. Спб. 1855.

Нашъ вѣкъ, едва ли не по всей справедливости, извѣстенъ у чувствительныхъ людей подъ названіемъ желѣзнаго, хотя нынѣ и добывается каждый годъ въ Сибири, Калифорніи и Австраліи столько золота, что имъ можно было бы гальванопластически позолотить нѣлую Аркадію. Въ самомъ дѣлѣ, что пользы отъ этихъ тысячъ пудовъ золота, когда сердца у людей желѣзныя, недоступныя аркадскимъ чувствамъ безпредѣльнаго самоотверженія ради друзей, когда нѣтъ на свѣтѣ Пиладовъ и Орестовъ, или мнимый Пиладъ предаетъ Ореста? Къ такому размышленію невольно приходишь, присматриваясь къ дѣламъ, которыя дѣлаются на бѣломъ свѣтѣ. Вотъ, напримѣръ, явились два Пилада у Турціи, нарекли ее своимъ Орестомъ, объявили, что сердечная ихъ забота —спасеніе несчастнаго Ореста отъ всякихъ дѣйствительныхъ опасностей, что единственная цѣль всѣхъ ихъ дѣйствій — возвращеніе здоровья и могущества и славы разстроившему свое здоровье и свои дѣла Оресту. Кажется, слова эти достойны золотаго вѣка... Что же оказывается на самомъ дѣлѣ? Орестъ-Турція увѣряетъ своихъ друзей, что давно перестала бояться опасностей, которыми ее пугали, упрашиваетъ своихъ друзей прекратить заботы о ея спасеніи —а друзья очень нецеремонно отвѣчаютъ: «Молчи, не твое дѣло; мы заботимся сами о себѣ, а вовсе не о тебѣ». Да, какой тутъ золотой вѣкъ!

То же самое видишь, на что ни посмотришь,—хотя бы, напримѣръ, на изданіе «Сочиненій» г. Греча, вышедшее въ нынѣшнемъ году. Памятно еще намъ первое изданіе этихъ сочиненій, повидимому, неоспоримо доказывавшее возвращеніе золотаго вѣка біографіею, которая была къ нему приложена. Какою горячею, вѣчною дружбою дышала каждая строка этого замѣчательнаго жизнеописанія! Оно и начиналось объявленіемъ публикѣ, что авторъ біографіи—искренній другъ г. Гречу, что онъ отъ всей души любитъ г. Греча, готовъ ради дружбы подвергнуть себя величайшимъ нареканіямъ и подвергаетъ, печатая эту біографію, и т. д., и т. д. Но—напрасно искали мы дружеской біографіи при новомъ изданіи!—какъ, зачѣмъ, почему исчезла она изъ новаго изданія? Ужели авторъ ея не хочетъ болѣе подвергаться нареканіямъ ради дружбы? Нѣтъ, мы не желали-бы вѣрить этому. Нѣтъ, мы не желали-бы разочароваться въ одномъ изъ трогательнѣйшихъ фактовъ, еще остававшихся на землѣ отголосками золотаго вѣка!

Но мы вспомнили о другомъ случаѣ, и отказались отъ сладкой мечты о золотомъ вѣкѣ. Мы вспомнили о судьбѣ, испытанной романомъ г. Греча «Черная женщина» и на глазахъ нашихъ невольно навернулась слеза. Увы, кто поразилъ «Черную женщину»?—Другъ! и какъ поразилъ? самымъ коварнымъ образомъ,—

изъязвилъ бѣдную «Черную женщину» самыми острыми шпильками насмѣшки, увѣряя, что облекаетъ ее въ великолѣпнѣйшее одѣяніе похвалъ, хваля себя за этотъ подвигъ, какъ за величайшее доказательство дружбы! И въ довершеніе этого коварства, другъ-мучитель еще напоминалъ публикѣ и автору «Черной женщины», что г. Гречъ, авторъ «Черной женщины»,—редакторъ журнала, въ которомъ помѣщается эта убійственная для него статья, что г. Гречъ читалъ корректуры этой статьи, и не могъ смягчить ее, напротивъ, принужденъ былъ исправлять каждую шпильку, если она притупилась типографскою опечаткою! Скажите, достигала ли такого жестокосердія даже Инквизиція! Она надѣвала на людей сапоги съ гвоздями, вбитыми остреемъ внутрь, но не заставляла жертву лакировать эти сапоги... Читатель, ваше сердце обливается кровью? Вы не вѣрите въ возможность такой утонченной жестокости? Мы сами не хотѣли бы вѣрить,—но вотъ подлинныя слова коварнаго друга («Библіотека для Чтенія» 1834 г., томъ IV. Критика, стр. 17 и 19):

«Собираясь, говорить въ этомъ журналѣ о книгѣ, написанной его редакторомъ, мы обязаны прежде всего удостовѣрить собственныхъ нашихъ читателей въ возможности говорить здѣсь о ней безпристрастно и нелицемѣрно. Критическая часть этого журнала совершенно независима; ни издатель (А. Ф. Смирдинъ), ни редакторъ не оказываютъ не нее никакого вліянія.....

«Авторъ «Черной женщины», которому лучше всѣхъ извѣстны эти обстоятельства, весьма хорошо знаетъ, что, по особенному устройству Журнала, онъ скорѣе можетъ встрѣтить на его страницахъ суровый приговоръ литературнаго правосудія, чѣмъ комплименты подозрительной услужливости, и если-бъ намъ вздумалось, въ шутку, написать на его романъ грозное РАЗРУГАЛИ, мы бы легко могли сдѣлать васъ свидѣтелями любопытнаго психологическаго опыта, -вы могли бъ сами видѣть, или представить себѣ мысленно, лицо бѣднаго автора, который, въ званіи редактора, читаетъ корректуру сочиненной на него укоризны, и дрожащею рукою исправляетъ опечатки въ жестокихъ ударахъ наносимыхъ его самолюбію. Мысль о возможности подобнаго увеселенія, мы увѣрены, неоднократно приходила на мысль почтенному сочинителю «Черной женщины»....

Затѣмъ слѣдуютъ увѣренія, что критикъ въ восторгѣ отъ «Черной женщины», потому что это метафическій романъ, написанный въ доказательство глубокой идеи—именно, желающій доказать истину магнетизма, и съ тѣмъ вмѣстѣ преподробно объясняется, что матафическій романъ не можетъ быть ни романомъ, ни даже сказкою, а всегда останется странною нескладицею, что магнетизмъ, на которомъ основанъ весь интересъ романа—вздоръ и пустяки, которымъ могутъ вѣрить одни невѣжды и простяки; тутъ же критикъ удивляется уму и знаніямъ автора «Черной женщины»; говоритъ, что въ романѣ нѣтъ ни плана, ни правдоподобія, господствуетъ безсвязность и неправдоподобіе и т. д. и въ то же время прибавляетъ, что романъ все-таки превосходенъ... Оказалъ дружбу критикъ автору!—скажешь послѣ всего этого.

Но если человѣку измѣняютъ друзья, то въ людяхъ посторонняхъ является невольное желаніе поддержать покидаемаго. Извѣстно, что съ легкой руки другакритика, начало распространяться и нынѣ совершенно утвердилось мнѣніе, что правильность языка—единственное достоинство въ произведеніяхъ г. Греча. Конечно, мы не рѣшимся принять на себя обязанность защищать достоинства «Черной женщины» или другаго романа г. Греча: Поѣздка въ Германію: но представимъ изъ его «Путевыхъ писемъ», помѣщенныхъ во II томѣ нынѣшняго изданія, и Обо-

зрѣній русской словесности», находящихся въ III томѣ, нѣкоторыя мѣста интересныя въ историко-литературномъ отношеніи и съ тѣмъ вмѣстѣ показывающія въ авторѣ наблюдательность и замѣчательную способность понимать практическую сторону вещей,—способность, которая, вмѣстѣ съ несомнѣннымъ трудолюбіемъ и начитанностью, достаточно объясняетъ литературные успѣхи почтеннаго автора.

«Въ числѣ предметовъ, которые мнѣ хотѣлось въ подробности узнать и разсмотрѣть въ Парижѣ, не послѣднее мѣсто занимали судилища уголовныя... Слабость есть удѣлъ человѣчества. Гдѣ подъ солнцемъ найти истинное, совершенное безпристрастіе и правосудіе? Вездѣ знатность, богатство и другія временныя блага ослѣпляютъ людей; сильный порокъ торжествуетъ, слабая добродѣтель угнетается. Не станемъ искать совершенства въ здѣшнемъ мірѣ. Но есть средства обуздать злоупотребленія власти, сорвать личину съ порока и преступленія, даровать притѣсненной добродѣтели способы оправдаться и восторжествовать надъ кознями злобы и коварства. Сіи средства, кромѣ надлежащаго, сообразнаго съ цѣлію, воспитанія народнаго, состоятъ въ утвержденіи правосудія на твердомъ, незыблемомъ основаніи, въ введеніи ясныхъ, опредѣленныхъ законовъ и неизмѣнныхъ формъ, которыя были бы свято наблюдаемы при разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣлъ, отъ коихъ зависитъ съ одной стороны жизнь и честь частнаго человѣка, а съ другой безопасность и спокойствіе гражданскихъ обществъ. Нашему времени предоставлено исправленіе многихъ учрежденій и обычаевъ, ведущихся со временъ варварскихъ, когда право сильнаго, самовластіе, суевѣріе и фанатизмъ предписывали законы. Великіе умомъ и добродѣтелію мужи вникли въ состояніе законодательства и судопроизводства, введенныхъ обстоятельствами, утвержденныхъ временемъ, — и ужаснулись! Судьба человѣка зависѣла отъ воли нѣкоторыхъ частныхъ людей, нерѣдко опредѣляемыхъ безъ дальнѣйшаго выбора, почти никогда не имѣвшихъ надлежащаго образованія и необходимыхъ познаній. Но и самые честные, безпристрастные изъ сихъ людей не могли основывать своихъ сужденій и приговоровъ на ясныхъ, опредѣленныхъ законахъ, равносильныхъ для всякаго гражданина. Правосудіе измѣнялось по времени и мѣсту, по чину, породѣ, богатству подсудимаго! Главнѣйшими средствами для сохраненія правосудія, для обрѣтенія надлежащей средины между потворствомъ, излишне щадящимъ преступниковъ, и безчеловѣчіемъ карающимъ неопытную и неосторожную невинность наравнѣ съ закоснѣлымъ порокомъ, суть: 1) ясное, полное и опредѣленное уголовное уложеніе, не основанное на мечтательныхъ предположеніяхъ, не заимствованное изъ постановленій другихъ земель, но извлеченное изъ коренныхъ древнихъ законовъ отечества, приведенныхъ въ порядокъ, поясненныхъ, согласованныхъ и дополненныхъ; 2) судъ по совѣсти или судъ присяжныхъ (jury) и 3) гласное судопроизводство» (Часть II, стр. 354—356).

«Извѣстно, что Французское уголовное уложеніе и судопроизводство введены были во всѣхъ почти владѣніяхъ Рейнскаго Союза. По изгнаніи французовъ изъ Германіи, прусское правительство намѣревалось въ герцогствѣ Прирейнскомъ возобновить прежній уголовный порядокъ: но жители тѣхъ мѣстъ, привыкшіе уже, въ теченіе двадцати слишкомъ лѣтъ, къ публичному дѣлопроизводству, обратились къ трону съ просьбою не лишать ихъ этого права. Нѣтъ сомнѣнія, что великодушный король не лишитъ новыхъ подданныхъ своихъ на берегахъ Рейна выгодъ, сопряженныхъ съ публичнымъ производствомъ дѣлъ. Можетъ быть, что онъ распространитъ это благодѣяніе и на всѣхъ прочихъ своихъ подданныхъ. Достойно примѣчанія, что въ Россіи, въ началѣ XVI вѣка, когда еще большая часть Европы была во мракѣ, едва начинавшемъ рѣдѣть отъ лучей истиннаго свѣта, существовали присяжные, или, по тогдашнему, цѣловальники» (Часть II, стр. 365—366).

«Русскій народъ подобенъ юношѣ, получившему въ наслѣдіе отъ отцовъ своихъ начала своихъ добродѣтелей — вѣру, вѣрность и любовь къ отечеству. Онъ заимствовалъ образованіе ума у иноплеменныхъ народовъ: скоро перенялъ полезное, и, въ полномъ чувствѣ силы своей, превзошелъ своихъ учителей дѣлами (*это писано вскорѣ послѣ 1812 года*): хитрости противопоставилъ правду, коварству — вѣрность, нече-

слію вѣру, и утвердилъ бытіе свое навсегда. За напряженіемъ силъ слѣдуетъ усталость, въ юношескихъ лѣтахъ непримѣтная, скоро проходящая. Народъ опять почувствуетъ стремленіе къ подвигамъ и трудамъ. Гдѣ найти ему удовлетвореніе. Въ дѣлахъ мирныхъ, въ подвигахъ гражданскихъ, въ наукахъ, художествахъ, словесности, въ приготовленіи запаса къ тому времени, когда, не имѣя болѣе силы юношеской, тѣлесной, долженъ онъ будетъ превосходить другихъ качествами ума и сердца! Для этого должно наблюдать ходъ его литературы, способствовать ея успѣхамъ, замѣчать встрѣчающіяся ей препятствія и отвращать ихъ, усматривать уклоненія народнаго образа мыслей съ пути истины и добродѣтели, и стараться о направленіи его вновь на этотъ путь, но безъ всякаго принужденія и стѣсненія, которыя производятъ дѣйствія, совершенно противныя предполагаемымъ. Вотъ воспитаніе народное, вотъ истинныя средства обезпечить бытіе, цѣлость и силу государства на столѣтія!» (Часть III, стр. 288—289).

«Воспитаніе или просвѣщеніе народное есть дѣло великое, одна изъ важнѣйшихъ и священнѣйшихъ обязанностей правительства. Но всѣ попеченія и ревность занимающихся образованіемъ юношества становятся тщетными и безполезными, если, по вступленіи молодыхъ людей въ свѣтъ, имъ нельзя будетъ употребить талантовъ въ нихъ открытыхъ или имъ сообщенныхъ. Въ разныхъ земляхъ Европы, гдѣ издревле заведены хорошія училища, гдѣ юношество получаетъ классическое образованіе, и гдѣ надлежало бы ожидать непрерывныхъ и важныхъ плодовъ этого образованія — видимъ мы совершенно тому противное. Словесность этихъ странъ находится въ вѣчной посредственности. Отчего это происходитъ? Оттого, что въ тѣхъ странахъ господствуетъ пагубное мѣстничество, заграждающее истиннымъ талантамъ путь къ отличіямъ и наградамъ; оттого, что умственная сила народа, въ тѣхъ странахъ обитающаго, драгоцѣннѣйшее достояніе человѣка, важнѣйшій, если смѣю сказать, капиталъ государства, скована цѣпями предразсудковъ, подозрительности и недовѣрчивости правительства. Таланты гибнутъ тамъ, какъ весенніе цвѣты отъ дыханія бурь и стужи! Въ Россіи нѣтъ этихъ препятствій; мудрые ея законодатели, Петръ, Екатерина и Александръ *(писано въ 1817 году)*, основали благоденствіе своихъ подданныхъ на благоразумной свободѣ и приличномъ каждому званію просвѣщеніи. Незнатность и бѣдность породы не препятствуютъ возвышаться людямъ съ способностями и познаніями. Екатерина даровала подданнымъ своимъ свободу изъявлять свои мысли изустно и во всенародныхъ писаніяхъ — и воспрянули отечественные таланты! Державинъ, языкомъ божественной поэзіи, фонъ-Визинъ, слогомъ здраваго и сильнаго разсудка, смѣло говорили предъ тропомъ истины, которыхъ обнародованіе доказало твердость трона сего, на любви подданныхъ къ вѣрѣ и отечеству основаннаго; Александръ довершилъ начатое ею, и то, что въ царствованіе Екатерины было временною царскою милостью, въ правленіе Александра, съ утвержденіемъ устава о цензурѣ, сдѣлалось твердымъ государственнымъ закономъ. Изданіе этого устава, признаннаго всею просвѣщенною Европою превосходнымъ въ своемъ родѣ, ознаменовало возобновленіе отечественной словесности. Исторія русской литературы въ царствованіе Александра свидѣтельствуетъ о его важности и благодѣтельности» (часть III, стр. 319—321).

Хвалить все, что помѣщено въ трехъ томахъ «Сочиненій» г. Греча, было бы напрасно и несправедливо; но можно сказать, что между страницами слабыми, встрѣчаются у него иногда страницы занимательныя и хорошо написанныя.

О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи. *А. Н. Егунова.* Выпускъ I. Москва 1855.

По одной части труда не всегда бываетъ можно дѣлать основательное заключеніе о характерѣ и значеніи цѣлаго труда, а если бъ въ настоящемъ случаѣ и было это возможно, то г. Егуновъ не хочетъ признавать того. Оставимъ же общее суж-

деніе о его изслѣдованіи до появленія слѣдующихъ выпусковъ, и ограничимъ наши замѣчанія только тѣми сторонами его работы, которыя уже окончательно представлены публикѣ въ первомъ выпускѣ.

Вопросъ о среднихъ цѣнахъ на хлѣбъ требуетъ длинныхъ и утомительныхъ вычисленій, и изъ словъ самаго автора мы видимъ, что охота заняться тяжелымъ дѣломъ составленія таблицъ средней цѣнности хлѣба по губерніямъ была внушена ему только понятіемъ о важности этихъ выводовъ для рѣшенія чрезвычайно интереснаго вопроса о степени благосостоянія русскаго поселянина, которая зависитъ преимущественно отъ доходовъ доставляемыхъ ему земледѣліемъ. Связь цѣнъ хлѣба съ благосостояніемъ поселянина очень тѣсна; но мы сомнѣваемся, чтобы г. Егуновъ могъ дойти до вѣрныхъ выводовъ объ этомъ благосостояніи черезъ одно опредѣленіе цѣнности хлѣба. Количество дохода, доставляемаго земледѣліемъ, зависитъ не только отъ цѣны, но и отъ количества полученнаго хлѣба. Узнаю ли я, сколько дохода получаетъ смоленскій земледѣлецъ, если цифры, доступныя для меня показываютъ только, что онъ получаетъ 3 руб. 93 коп. за четверть, а не показываютъ, сколько четвертей онъ получаетъ? А для послѣдняго обстоятельства нѣтъ положительныхъ и точныхъ печатныхъ данныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, сборъ хлѣба зависитъ отъ урожайности и количества засѣва: и то и другое не опредѣляется печатными свѣдѣніями съ достаточною точностью. Какъ обыкновенно выражаются объ урожаѣ?— самъ—4, самъ—$3^1/_2$, самъ 3. Дроби меньше одной половины единицы уже не употребительны въ обыкновенныхъ извѣстіяхъ. А не только одна четверть, даже одная осьмая единицы въ этомъ случаѣ производитъ значительную разницу въ суммѣ дохода. Положимъ, напримѣръ, что мы нашли такое свѣдѣніе: въ 1850 г. въ смоленской губерніи былъ урожай $3^1/_2$ — вѣдь это не значитъ, чтобы въ точности 10 четвертей посѣва принесли именно 35 четвертей сбора, а только то, что онѣ принесли болѣе 30 и менѣе 40, быть можетъ 33, быть можетъ и 37.—То и другое равно подходитъ къ самъ —$3^1/_2$ ближе, чѣмъ къ самъ—3 или самъ—4. Но если съ 10 четвертей получено 33, то за вычетомъ 10 четвертей на сѣмена, остается 23 четверти и доходъ сѣятеля будетъ (по 3 р. 93 к. четверть) 89 р. 39 коп., а если получено 37 четверт., остается за вычетомъ 10 на сѣмена, 27 четв., то доходъ будетъ 105 р. 11 коп. разница, какъ видимъ, 15 р. 72 коп., или болѣе нежели 17%. —Но еще неопредѣленнѣе цифры, говорящія о количествѣ посѣва. Вѣдь онъ зависитъ отъ количества земли на тягло, а оно въ различныхъ общинахъ и помѣстьяхъ одной губерніи, даже одного уѣзда очень различно. Если г. Егуновъ признаетъ несовершенную точность въ показаніяхъ цѣнъ, узнать которыя такъ легко стоитъ только спросить на рынкѣ у кого угодно, и цѣло въ шляпѣ,— то возможна ли хотя приблизительная достовѣрность въ показаніяхъ цифры земли, засѣянной въ цѣломъ уѣздѣ? Вѣдь эта цифра должна получиться черезъ сложеніе тысячъ цифръ, о каждой изъ которыхъ надобно забирать особенныя свѣдѣнія. Вѣдь никто, кромѣ хозяина, не знаетъ, навѣрное, сколько хлѣба засѣевается въ хозяйствѣ. Возможно ли разспросить всѣхъ землевладѣльцевъ и поселянъ въ уѣздѣ? Да и скажутъ ли они правду? Мы будемъ еще слишкомъ легковѣрны, если согласимся считать погрѣшность въ цифрахъ количества засѣваемой въ губерніи земли не больше 30%, когда въ цифрахъ столь удобно получаемыхъ, какъ цѣны хлѣба, она превышаетъ 10% или 15%. Вообразите же себѣ, до какой степени будетъ вѣренъ выводъ о благосостояніи поселянина, если, сдѣлавъ въ цѣнѣ

хлѣба вѣроятную ошибку въ 10^0 о, мы сдѣлаемъ еще въ опредѣленіи урожая вѣроятную ошибку на $17^0/_0$, и въ количествѣ засѣянной земли на $30^0/_0$? Въ выводѣ, обремененномъ столькими ошибками, очень легко приписать поселянину вдвое болѣе или вдвое менѣе дохода, нежели онъ дѣйствительно получаетъ, вмѣсто 100 рублей высчитать 50 или 200, сдѣлать изрядно-живущаго поселянина нищимъ или богачемъ.

Конечно, со временемъ эти цифры посѣва и урожая достигнутъ большей точности; но въ настоящее время не только у насъ, но также и въ Германіи или Франціи невозможно, основываясь на нихъ, сдѣлать хотя приблизительно вѣрный выводъ безъ произвольныхъ поправокъ, которыя бы насильственно подвигали цифру къ величинѣ, сообразной съ положеніемъ поселянина, прямо извѣстнымъ не изъ предположеній о цѣнахъ и посѣвахъ хлѣба, а прямо изъ наблюденія надъ его образомъ жизни. Математика даетъ выводы болѣе точные, нежели наблюденіе, но только тогда, когда обладаетъ очень точными элементами для своихъ вычисленій; а когда элементы невѣрны, вычисленіе ведетъ только къ ошибкамъ; потому лучше избѣгать его, пока не получимъ болѣе достовѣрныхъ основныхъ цифръ, и ограничиваться скромнымъ наблюденіемъ, не имѣющимъ притязаній на абсолютную полноту, но и не уменьшающимъ или увеличивающимъ вдвое.

Г. Егуновъ говоритъ, что описаній экономическаго быта простолюдиновъ у насъ очень мало, что этотъ источникъ слишкомъ скуденъ, потому и обратился онъ къ вычисленіямъ, т. е. къ гипотезамъ. Мы согласны, что описанія хозяйственнаго быта простолюдиновъ у насъ очень скудны: но лучше скудость, нежели совершенная недостовѣрность и произволъ. Если нѣтъ матерьяловъ для описанія быта простолюдиновъ во всѣхъ различныхъ сферахъ ихъ занятій, и во всѣхъ губерніяхъ, опишите ихъ бытъ въ нѣкоторыхъ состояніяхъ и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ: лучше сказать что нибудь вѣрное о Воронежскомъ или Ахтырскомъ уѣздахъ, нежели надѣлать невѣрныхъ гипотезъ о всѣхъ краяхъ и концахъ Россіи.

Но среднія цѣны хлѣба, если и не могутъ быть непогрѣшимымъ мѣриломъ экономическаго быта поселянъ, все таки имѣютъ большую важность въ статистикѣ, особенно для соображеній о силѣ, съ какою дѣйствуютъ на народонаселеніе неурожай и застой въ продажѣ отъ излишества урожаевъ, для соображеній въ хлѣбной торговлѣ, путяхъ сообщенія и т. д. Потому таблицы среднихъ цѣнъ хлѣба въ 1846—1853 г., стоившія г. Егунову, безъ сомнѣнія, очень многихъ трудовъ, заслуживаютъ полной благодарности, хотя и есть въ нихъ нѣкоторыя подробности дающія поводъ къ возраженіямъ. Особенно важны нѣкоторые случаи, представляемые распредѣленіемъ губерній на полосы или группы, которое дастъ г. Егуновъ въ таблицахъ VII и VIII. Напримѣръ. Тверская губернія у него отнесена къ сѣверной полосѣ вмѣсто центральной—развѣ бытъ Тверскаго поселянина ближе къ быту Архангельскаго и Олонецкаго, нежели Московскаго и Костромскаго? Вятская губернія отнесена къ одной полосѣ съ Тульскою и Нижегородскою (да и между Тульскою и Нижегородскою какое сходство?) и т. д. Но доказывать неестественность въ составленіи этихъ полосъ излишне—довольно взглянуть на нихъ чтобы убѣдиться въ томъ, что г. Егуновъ слѣдовалъ произвольному дѣленію, не вездѣ соблюдая даже свой собственный законъ близости по средней цѣнѣ хлѣба.

Окончимъ нашу рецензію сожалѣніемъ, что г. Егуновъ безъ нужды усѣялъ свое изслѣдованіе безчисленными нападеніями на комитетъ Географическаго Обще-

ства, сдѣлавшій нѣсколько замѣчаній на представленную авторомъ въ общество рукопись его изслѣдованія. Положимъ, что замѣчанія комитета были несправедливы, по крайней мѣрѣ, по мнѣнію автора—чтожь тутъ ужаснаго? развѣ члены Географическаго Общества не могутъ ошибаться? Обижаться тутъ было нечѣмъ, еслибъ они и ошиблись;—вѣдь они же остались бы въ проигрышѣ, если бы публика сказала теперь, что правда на сторонѣ г. Егунова. Но г. Егуновъ оскорбился и надолго оскорбился; вотъ это немного странно въ человѣкѣ, который уже пишетъ не первую статью и могъ бы привыкнуть спокойнѣе принимать и похвалы и замѣчанія. Но и не въ этомъ даже дѣло—пусть г. Егуновъ оскорбился, такъ и быть,—онъ могъ бы выразить свой гнѣвъ, написать хоть тысячу страницъ противъ замѣчаній комитета Географическаго Общества, но опровергнуть ихъ однажды на всегда, и уже не отрывать ни себя ни читателя отъ изложенія своихъ изслѣдованій безпрестанными уклоненіями отъ своего предмета къ Географическому Обществу. Повторять одно и то же сто разъ,—вотъ что неловко съ его стороны, потому что невыгодно для него самого. Читатель утомляется этими безпрестанными отступленіями отъ предмета, и наконецъ говоритъ: «вѣрно г. Егуновъ неправъ, если такъ неумѣренно гнѣвается»—выгодно ли подвергать себѣ такой опасности?

Учебныя руководства для Военно-Учебныхъ Заведеній. Руководство Статистики Россіи. Составлено *А. Соколовскимъ*. Спб. 1855.

Авторъ этого учебника умеръ, совершенно приготовивъ къ изданію свой трудъ, но еще не успѣлъ приступить къ его печатанію, забота о которомъ была возложена на г. Ивановскаго. Достоинства руководствъ, одобряемыхъ Штабомъ Военно-Учебныхъ Заведеній, признаются всѣми спеціалистами, и потому мы считаемъ достаточнымъ сказать нѣсколько словъ о системѣ, которая принята въ «Статистикѣ» г. Соколовскаго. Книга его раздѣляется на три части, изъ которыхъ въ первой (Источники основныхъ силъ государства) излагается исторія расширенія предѣловъ Россійской Имперіи, настоящія границы и административное раздѣленіе ея территоріи, орографія, гидрографія, системы водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній, обозрѣніе климата, постепенное увеличеніе населенія въ Россіи, настоящій составъ его по племенамъ, вѣроисповѣданіямъ и городовому или сельскому мѣсту жительства. Во второй части (Народная дѣятельность и ея послѣдствія) говорится о различныхъ отрасляхъ промышленности, заботахъ Правительства о развитіи духовной дѣятельности и настоящемъ ея состояніи. Въ третьей части (Правительственныя силы) сообщается подробный обзоръ военныхъ силъ Россіи и очеркъ ея финансовъ.

Премудрость и благость Божія въ судьбахъ міра и человѣка. Москва. 1855.

Это обширное сочиненіе представляетъ подробный обзоръ историческихъ событій, явленій природы и фактовъ человѣческой жизни, служащихъ доказательствами Промысла Божественнаго о мірѣ вообще и въ особенности о человѣкѣ. Характеръ изложенія въ немъ отчасти богословскій, отчасти научный, смотря по

различію излагаемыхъ предметовъ, но богословская точка зрѣнія, какъ и должно быть, неуклонно руководитъ направленіемъ благочестивыхъ разсужденій автора. Сочиненіе раздѣляется на семь писемъ, которыя, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, были помѣщаемы въ «Прибавленіяхъ» къ «Твореніямъ св. Отцовъ», изъ которыхъ нынѣ собраны въ отдѣльную книгу.

Сказаніе о странствіи и путешествіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Святой землѣ постриженника Святыя горы Аѳонскія *инока Парѳенія*. Въ четырехъ частяхъ. Части 1 и 2. Москва. 1855.

Языкъ этихъ многотомныхъ записокъ прежде всего поражаетъ читателя, представляя оригинальную смѣсь церковнославянскаго съ старинным книжнымъ русскимъ и простонароднымъ русскимъ. Но прочитавъ нѣсколько страницъ, и узнавъ, что инокъ Парѳеній до обращенія своего въ православіе на тридцатомъ году жизни, былъ чрезвычайно усерднымъ раскольникомъ, и не получилъ школьнаго воспитанія, мы перестаемъ удивляться его слогу, видя, что онъ естественно образовался отъ равнаго изученія старопечатныхъ книгъ, богословскихъ книгъ прошедшаго вѣка и отъ постояннаго обращенія среди простолюдиновъ.

Столь же разнохарактерно и содержаніе его разсказовъ: онъ равно подробно излагаетъ свои путешествія по святымъ мѣстамъ, свои бесѣды, сначала съ православными, которые обращали его, потомъ съ раскольниками, которыхъ обращалъ онъ, и наконецъ различные интересные анекдоты, слышанные въ путешествіяхъ. Все это записано имъ, повидимому, совершенно безъискусственно, тѣми самыми фразами смѣшаннаго языка, какими привыкъ онъ говорить. Напрасно было бы искать системы въ его книгѣ; и точное понятіе объ оригинальности ея наивнаго изложенія можно получить только перелистовавъ ее. Но для спеціалистовъ будетъ она любопытна ужь по одному тому, что авторъ сообщаетъ много извѣстій о нынѣшнемъ состояніи разныхъ сектъ, съ членами которыхъ сближался, отчасти также и по воспоминаніямъ о православныхъ и раскольникахъ въ Австрійскихъ владѣніяхъ и въ Молдавіи.

Слова и поученія на воскресные и праздничные дни. *Протоіерея Іоанна Халколиванова*. Двѣ части. Спб. 1855.

Проповѣди протоіерея Халколиванова принадлежатъ къ числу такъ называемыхъ «объяснительныхъ поученій на Евангельскія чтенія»,—въ каждомъ изъ его словъ сначала разсказывается содержаніе чтеннаго въ тотъ день евангелія, потомъ смыслъ его объясняется и дѣлаются нравственныя примѣненія. Нѣкоторыя изъ этихъ проповѣдей написаны очень простымъ языкомъ, въ другихъ замѣтно болѣе искусственности.

Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи. Составлена *Яковомъ Соловьевымъ.* Съ двумя картами. Москва. 1855.

Книга г. Соловьева—одинъ изъ тѣхъ трудовъ, которые заслуживаютъ полной похвалы безъ всякихъ оговорокъ, и, что еще лучше, искренней признательности со стороны каждаго занимающагося изученіемъ быта своей родины. «Статистика Смоленской губерніи» принадлежитъ къ числу очень немногихъ у насъ капитальныхъ сочиненій по этой части, и между ими должна занять одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Г. Соловьевъ былъ начальникомъ кадастровой коммиссіи, посланной отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ въ Смоленскую губернію для переложенія подушнаго оклада государственныхъ крестьянъ въ поземельный,—это обстоятельство доказываетъ, что онъ имѣлъ способы собрать статистическія данныя объ этой губерніи въ такой полнотѣ и точности, какая невозможна была бы ни для какого другаго лица. Все изложеніе книги его свидѣтельствуетъ, что онъ занимался этимъ съ ревностью, аккуратностью и знаніемъ, какихъ только возможно желать; выводы его всегда осмотрительны и основательны; ученый взглядъ его на сельско-хозяйственные вопросы всегда проницателенъ, здравъ, чуждъ и предубѣжденій рутины и самообольщеній, въ которыя часто впадаетъ теорія. Однимъ словомъ, книга г. Соловьева—одно изъ драгоцѣннѣйшихъ пособій для изученій сельско-хозяйственнаго быта въ Россіи, одно изъ столь рѣдкихъ у насъ сочиненій, о которыхъ можно говорить много и говорить съ удовольствіемъ, и намъ пріятно дать подробный отчетъ объ этомъ трудѣ, богатомъ интересными и поучительными данными.

Первая мысль, которая можетъ родиться у рецензента подобной книги—желаніе сравнить цифры и выводы, представляемыя авторомъ относительно отдѣльной области, съ фактами, касающимися другихъ частей государства, чтобы опредѣлить отношеніе части къ цѣлому. Но общее понятіе о мѣстѣ, занимаемомъ Смоленскою губерніею въ ряду другихъ, уже достаточно опредѣлилось: и намъ кажется, что нѣкоторые болѣе прежнихъ точные выводы объ этомъ отношеніи представляли бы менѣе интереса, нежели подробное изученіе тѣхъ условій быта въ Смоленской губерніи, которыя болѣе или менѣе общи ей или съ цѣлою Имперіею, или по крайней мѣрѣ съ цѣлымъ сѣверозападнымъ краемъ Имперіи. Но прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о порядкѣ изложенія, принятомъ въ «Сельско-хозяйственной статистикѣ», —онъ отличается полнотою и послѣдовательностью, такъ что мы можемъ строго держаться его въ нашемъ извлеченіи. Г. Соловьевъ очень основательно начинаетъ очеркомъ историческихъ событій, имѣвшихъ вліяніе на настоящее положеніе Смоленской губерніи (стр. 17—32)—безъ того, по его справедливому замѣчанію, странны показались бы нѣкоторые изъ важнѣйшихъ фактовъ быта; потомъ, въ первой главѣ (стр. 33—85) даетъ геогностическое обозрѣніе формацій и почвъ, системъ водъ, болотъ, климата; вторая глава (стр. 86—152) сообщаетъ свѣдѣнія о числѣ жителей, раздѣленіи ихъ по племенамъ, мѣсту жительства, занятіямъ и сословіямъ; о физическомъ и нравственномъ состояніи рабочаго класса; въ третьей главѣ (стр. 153—256) излагается хозяйственный бытъ населенія: распредѣленіе земель, движеніе поземельной собственности, наемныя цѣны земли, расположеніе селеній, способы управленія

крестьянами, способы пользованія землями, повинности, содержаніе крестьянскаго семейства, запасы продовольствія, недоимки, способы займовъ; четвертая глава (стр. 257—322) посвящена статистикѣ земледѣлія, пятая (323—383) второстепеннымъ отраслямъ сельскаго хозяйства: огородничеству, садоводству, пчеловодству, лѣсоводству, скотоводству: шестая глава (стр. 384—486) сельскимъ промысламъ, фабрикамъ, заводамъ и торговлѣ. Изъ двухъ отчетливо иллюминованныхъ картъ, одна показываетъ почвы, лѣсныя породы и средоточія промысловой дѣятельности; другая торговые пути для сбыта земледѣльческихъ произведеній. Самыя полныя и точныя свѣдѣнія г. Соловьевъ имѣлъ о бытѣ государственныхъ крестьянъ; данныя, касающіяся помѣщичьихъ крестьянъ, часто оказывались неполны и должны были быть дополняемы на основаніи приблизительныхъ соображеній. Сверхъ того, нѣкоторые вопросы, напримѣръ, о продолжительности средней жизни въ различныхъ сословіяхъ, оставлены авторомъ безъ разсмотрѣнія, конечно, по недостатку данныхъ: но тѣмъ не менѣе книга г. Соловьева — полнѣйшее и основательнѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ статистическихъ изслѣдованій объ отдѣльныхъ частяхъ русской Имперіи.

Нѣкогда Смоленское княжество было одно изъ самыхъ богатыхъ. Одно служило торговымъ путемъ изъ сѣверной Руси и нѣмецкихъ городовъ въ южную Россію и Грецію, благодаря выгодному положенію Смоленска на соединеніи системъ Двины и Днѣпра. Но когда началась борьба между Московскимъ и Литовскимъ княжествами, смоленская область, поле битвъ и грабежа, начала сильно страдать. Литовскіе князья и польскіе короли поддерживали колеблющееся благосостояніе жителей льготами, и Смоленскъ все еще оставался городомъ цвѣтущимъ и торговымъ: другіе города той области также еще сохраняли часть своего благосостоянія; такъ, напримѣръ, въ Рославлѣ жили еще десятки нѣмецкихъ купцовъ. Но войны между Москвою и Польшею все болѣе и болѣе вредили смоленской области, пока Смоленскъ наконецъ былъ разрушенъ въ 1611 году. Какъ обширенъ былъ городъ еще въ началѣ XI вѣка, видимъ изъ того, что въ однихъ посадахъ его, кромѣ сгорѣвшихъ, уцѣлѣло 10 церквей, изъ которыхъ нынѣ уже не существуетъ ни одной. Мало по малу городъ возобновился, и перешелъ къ Россіи «обширнымъ и хорошо отстроеннымъ»; онъ велъ довольно дѣятельную внѣшнюю торговлю: смоленскіе сады славились фруктами. Еще въ началѣ царствованія Екатерины II, несмотря на упадокъ, уже значительный въ сравненіи съ прежнимъ, Смоленскъ былъ однимъ изъ главныхъ торговыхъ городовъ имперіи. Смоленская область, безъ сомнѣнія, раздѣляла относительно благосостоянія судьбу своего главнаго города. Такъ какъ болѣе или менѣе быстрое приращеніе числа жителей въ земляхъ еще недостаточно населенныхъ, служитъ мѣриломъ благосостоянія, то приведемъ слѣдующія цифры: нынѣшняя Смоленская губернія имѣла жителей:

въ 1722 г. 659,734; въ 1775 г.—892.300: въ 1811 г.—1,056,715: итакъ, между 1722—1775 г. ежегодное увеличеніе населенія было 0,66 на сто, между 1775—1811 г.—только 0,50 на сто—слѣдовательно (говоритъ г. Соловьевъ) въ послѣднемъ періодѣ «распространеніе населенія уже начало встрѣчать препятствія въ средствахъ къ жизни». 1812 годъ, когда почти вся Смоленская губернія подверглась разоренію, нанесъ ея благосостоянію ударъ, отъ котораго до сихъ поръ она еще не совершенно оправилась. Потери губерніи простирались до 75 милліоновъ р. ассигн., кромѣ пожертвованій на сумму 10 милліоновъ, и убытковъ

отъ того, что пропало до полумилліона головъ скота и болѣе 300,000 десятинъ земли остались незасѣянными. Въ 1816 г. населеніе было въ одномъ мужескомъ полѣ податныхъ состояній на 56,582 души менѣе, нежели въ 1811 году, и только въ 1834 году оно достигло опять цифры, которая считалась въ 1811 году. Городъ Смоленскъ до 1830 г. оставался почти въ развалинахъ. Да и нынѣ, вмѣсто 15,000 жителей, бывшихъ до 1812 г. онъ не имѣетъ и 11,000. Приращеніе населенія по губерніи было въ 1816 —1835 г. 0,50 на сто, а въ 1835 — 1851 г. еще менѣе—только 0,20 на сто. Изъ этихъ чиселъ, по справедливому замѣчанію г. Соловьева, «слѣдуютъ два заключенія, изъ которыхъ каждое зависитъ «отъ другаго: во первыхъ, отечественная война до сихъ поръ оставила слѣды на «Смоленской губерніи: во вторыхъ, это именно доказываетъ бѣдность средствъ, ко- «торая въ теченіе 40 лѣтъ не позволила вознаградить потерь, причиненныхъ «войною».

Изъ общаго числа 1,083,249 душъ обоего пола, составлявшихъ населеніе Смоленской губерніи въ 1853 году, считалось:

помѣщиковъ	15,995	(обоего пола)	или $1^1/_2\%$
крестьянъ госуд. и помѣщ.	972,334	—	— 90 %
прочихъ сословій	94,900	—	— $8^1/_2\%$

Число помѣщичьихъ крестьянъ въ Смоленской губерніи—774,534 души—гораздо значительнѣе, нежели число государственныхъ крестьянъ—197,999 душъ; объясняя этотъ перевѣсъ, г. Соловьевъ говоритъ: «Польскіе короли и русскіе го- «судари неоднократно жаловали частнымъ лицамъ населенныя деревни изъ дворцо- «выхъ волостей... За неимѣніемъ данныхъ, невозможно опредѣлить, въ какой сте- «пени увеличилось число помѣщичьихъ крестьянъ отъ этихъ пожалованій: но во «всякомъ случаѣ, оно должно быть значительно: такъ напримѣръ, во время послѣд- «няго присоединенія Смоленска къ Россіи, весь нынѣшній Порѣчскій уѣздъ, за «исключеніемъ Плойскаго участка, принадлежалъ къ разнымъ дворцовымъ воло- «стямъ. Нынѣ въ этомъ уѣздѣ числится 16.756 душъ муж. пола помѣщичьихъ «крестьянъ», то есть почти столько же, сколько остается государственныхъ крестьянъ (18,251 душа муж. п.)—иначе сказать, въ теченіе послѣднихъ 200 лѣтъ (съ 1654) около половины бывшихъ государственныхъ крестьянъ обращены въ помѣщичьи чрезъ пожалованье.

Интересны цифры, представляющія раздѣленіе крѣпостныхъ крестьянъ между мелкими и богатыми помѣщиками.

число владѣльцевъ имѣющихъ:		общее число принадлежащихъ имъ крестьянъ муж. пола.
менѣе 21 души	3,039	23.127
отъ 21 до 100 душъ	1,741	82,523
— 101 — 500 —	737	148,671
— 501 — 1000 —	64	44,214
болѣе 1000 душъ —	38	79.403

Такимъ образомъ, изъ общаго числа 5,629 помѣщиковъ, 3,039 должны быть отнесены къ числу людей небогатыхъ: на половину менѣе помѣщиковъ, могущихъ жить безбѣдно (1741) и только 839 помѣщиковъ владѣютъ значительными имѣніями (болѣе 100 душъ): изъ нихъ только 102 человѣка могутъ назваться

богатыми (имѣя болѣе 500 душъ). Изъ общаго числа крестьянъ, немного болѣе одной четвертой части раздѣлены между 4,780 помѣщиками имѣющими, каждый, менѣе 100 душъ: владѣніе остальными $^3/_4$ сосредоточено въ рукахъ 839 владѣльцевъ.

Относительно народнаго здоровья, замѣтимъ, что въ Смоленской губерніи находится 26 врачей и 38 фельдшеровъ и лекарскихъ учениковъ. Число оспопрививателей—191; оспа прививается изъ 1000 младенцевъ 650.

Грамотность между государственными крестьянами распространена въ два съ половиною раза болѣе, нежели между помѣщичьими.

О нравственномъ состояніи Смоленскаго населенія г. Соловьевъ замѣчаетъ: «Родительская и дѣтская любовь сильна: но родственныя связи въ другихъ степе-«няхъ ослабляются отъ семейныхъ раздоровъ, которые большею частію происхо-«дятъ отъ женщинъ... Явное воровство не можетъ найти себѣ защиты въ обще-«ственномъ мнѣніи крестьянъ: но воровство лѣса, воровство господскихъ сѣмянъ «во время сѣва, уклоненіе отъ платежа податей, хотя бы и были къ тому средства, не «считаются ни за грѣхъ, ни за преступленіе... Религіозность простаго народа обна-«руживается въ исполненіи однихъ только обрядовыхъ постановленій: хожденіи въ «церковь, соблюденіи постовъ и т. п.; но смысла христіанской религіи, на кото-«ромъ основаны всѣ гражданскія добродѣтели, онъ не понимаетъ».

Очень интересно краткое, но дѣльно составленное изложеніе народныхъ повѣрій у бѣлоруссовъ составляющихъ, какъ извѣстно, половину населенія Смоленской губерніи. Выписываемъ слѣдующія строки, сохраняющія память древней системы дуализма и поклоненія стихіямъ:

«Сотвореніе міра представляется драматически, въ видѣ борьбы Добраго Верховнаго существа со злымъ. Объ этомъ въ Бѣлоруссіи разсказывается цѣлая легенда. Сущность ея та, что Доброе существо вездѣ и во всемъ желало сдѣлать одно только благое; но вездѣ и во всемъ ему мѣшало злое начало. Доброе существо хотѣло создать одинъ только черноземъ, но злое примѣшало глину и песокъ. Доброе существо предназначило для земли ровную поверхность: но злое, гдѣ только могло, изборздило ее оврагами и набросало горъ. Сотвореніе воды и огня приписывается также злому началу... Особеннымъ уваженіемъ пользуется огонь. При устройствѣ новаго жилья огонь непремѣнно переносится съ стараго очага. Если, по отдаленности новаго жилища, нельзя перенести туда старый огонь, то берутъ по крайней мѣрѣ, принадлежности очага – кочергу, ухватъ и т. п.»

Изъ общаго пространства 4.442.661 десятинъ удобной земли въ Смоленской губерніи, г. Соловьевъ полагаетъ:

усадебной	66,773 дес.	выгонной	249,909 дес.
пахатной	1,462,907 —	кустарниковъ	408,725 —
сѣнокосной	847,906 —	лѣсовъ	1,406,441 —

По генеральному межеванію, пахатныхъ земель было показано 1.837.573 десятины, т. е. почти 400,000 десятинъ болѣе, нежели полагаетъ г. Соловьевъ.—эту разницу онъ объясняетъ отчасти неточностью генеральнаго межеванія, отчасти тѣмъ, что, по общему мнѣнію, «хлѣбопашество въ Смоленской губерніи послѣ 1812 года уменьшилось», что подтверждается большими пространствами *заросли*, или заброшенной пахатной земли, поросшей кустарникомъ.

Въ помѣщичьихъ владѣніяхъ, на ревижскую душу приходится земли гораздо

болѣе, нежели въ государственныхъ имѣніяхъ, именно казна имѣетъ въ Смоленской губерніи 91,987 ревижскихъ душъ и 470,366 десятинъ, такъ что на душу среднимъ числомъ приходится 5 десятинъ; а помѣщики владѣютъ 350,922 душъ и 3,847,524 десят. земли, такъ что на душу причитается 11 десятинъ. Несмотря на это, казенные крестьяне живутъ лучше, нежели помѣщичьи.

Средняя цѣна ревижской души въ Смоленской губерніи—отъ 150 до 200 р. сер., смотря по уѣзду и количеству угодій; о продажной цѣнѣ ненаселенной земли нельзя сказать ничего опредѣленнаго, потому что ненаселенная земля покупается рѣдко, и то развѣ для округленія угодій, по цѣнѣ случайной, далеко отступающей отъ нормальныхъ условій. Наемной цѣны пахатной земли также нельзя опредѣлить, потому что нѣтъ обычая брать ея въ наймы.

Въ числѣ дворянъ Смоленской губерніи есть болѣе 1000, быть можетъ до 2000 человѣкъ, такихъ которые, вовсе не имѣя крестьянъ, живутъ особенными селами, сами обработывая землю. Въ одномъ Рославльскомъ уѣздѣ ихъ считается до 1000 человѣкъ, кромѣ того есть они въ шести другихъ уѣздахъ. Дворяне, имѣющіе менѣе 20 душъ, «недалеко (по словамъ г. Соловьева) ушли отъ тѣхъ, которые вовсе не имѣютъ крестьянъ», и онъ полагаетъ (стр. 110), что изъ нихъ до 1,500 человѣкъ также сами обработываютъ землю. Напротивъ, богатые помѣщики рѣдко живутъ въ помѣстьяхъ, а большею частью въ городахъ и столицахъ. Вообще г. Соловьевъ полагаетъ, что изъ помѣщичьихъ крестьянъ $^2/_3$ находится подъ непосредственнымъ управленіемъ самихъ владѣльцевъ, а остальная треть находится въ завѣдываніи бурмистровъ изъ крѣпостныхъ людей или наемныхъ управляющихъ. Впрочемъ, наемные управляющіе находятся въ очень немногихъ имѣніяхъ—по всей губерніи ихъ не болѣе 20. Оброчныхъ крестьянъ въ Смоленской губерніи немного; средняя величина оброка— 20 р. сер., при чемъ крестьяне обязаны еще нѣкоторымъ количествомъ рабочихъ дней. Въ самомъ значительнѣйшемъ числѣ имѣній, крестьяне состоятъ на барщинѣ, которую отправляютъ съ 18—20 до 60 лѣтъ.

Земли, принадлежащія селенію, государственные крестьяне дѣлятъ между собою по числу ревижскихъ душъ въ каждой семьѣ, и передѣлъ земель производится вообще отъ ревизіи до ревизіи. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ земля раздается по числу тягловыхъ душъ, и передѣлы (впрочемъ, частные, по возможности, не касающіеся другихъ тяголъ) бываютъ съ каждою прибылью или убылью тягловыхъ душъ въ семьѣ. Выгоны и лѣса состоятъ въ общемъ пользованіи. Государственныя селенія, замежеванныя въ одной дачѣ, также при ревизіи передѣливаются угодьями. Такъ изъ 2,083 селеній при 9-ой ревизіи болѣе 50 передѣляли свои земли.

Сборы съ государственныхъ крестьянъ Смоленской губерніи, до переложенія подушныхъ окладовъ въ поземельные, были: подушная подать—95 коп., оброчная 2 р. 58 коп., на содержаніе управленія государственныхъ имуществъ $58^3/_4$ к., земскія повинности $40^1/_4$ коп., и на капиталъ продовольствія 6 коп., всего 4 р. 58 коп. съ ревижской души. Съ переложеніемъ этихъ различныхъ сборовъ на одинъ поземельный налогъ, средняя сумма причитающаяся на ревижскую душу, составляетъ 4 р. 67 коп. сер. Кромѣ того, стоимость различныхъ повинностей отправляемыхъ натурою, составляетъ, среднимъ числомъ, 99 коп. на душу, такъ что сумма всѣхъ окладовъ и повинностей съ казенныхъ крестьянъ можетъ быть считаема въ Смоленской губерніи среднимъ числомъ въ 5 р. 66 коп. на душу.

Помѣщичьи крестьяне въ Смоленской губерніи платятъ, по вычисленію г. Соловьева, съ ревижской души казенныхъ податей 1 р. 53 коп., и отправляютъ натурою казенныхъ повинностей по стоимости на деньги не менѣе 81 коп., всего казенныхъ податей и повинностей 2 р. 34 коп. съ души. Цѣнность работъ, которыя должно каждое тягло отправлять на барщину, г. Соловьевъ полагаетъ не менѣе, какъ въ 21 р. сер., и считая на 100 ревижскихъ душъ 50 тяголъ, мы получимъ, что въ Смоленской губерніи помѣщичьи крестьяне платятъ деньгами или исправляютъ натурою повинностей казенныхъ и господскихъ на сумму 12 р. 84 коп. или, круглымъ числомъ, 13 р. сер. на каждую ревижскую душу.

Послѣ этого г. Соловьевъ посредствомъ разсчетовъ, основанныхъ на многочисленныхъ показаніяхъ поселянъ, и дополненныхъ осмотрительными и точными соображеніями всѣхъ условій, старается опредѣлить средніе расходы крестьянскаго семейства, состоящаго изъ восьми душъ—двухъ малолѣтнихъ, четырехъ взрослыхъ и двухъ престарѣлыхъ; въ числѣ взрослыхъ онъ полагаетъ двухъ работниковъ и двухъ работницъ. Онъ основательно дѣлаетъ оговорку, что совершенной точности въ этомъ разсчетѣ достичь нынѣ еще невозможно. Тѣмъ не менѣе надобно сказать, что разсчетъ его долженъ быть очень близокъ къ истинѣ.

Въ великорусскихъ семьяхъ, расходы на содержаніе вообще нѣсколько значительнѣе, нежели въ бѣлорусскихъ, потому что бѣлоруссы сокращаютъ расходы на пищу и одежду до предѣловъ, которыхъ еще отвращается великоруссъ. Напримѣръ, вмѣсто чистаго ржанаго хлѣба, бѣлоруссъ постоянно употребляетъ такъ называемый «пушной хлѣбъ», т. е. смѣшанный съ мякиною. Потому для великорусской и бѣлорусской половины смоленскаго населенія, г. Соловьевъ даетъ различныя смѣты расходовъ. Мы здѣсь можемъ привесть только результаты:

	Великорусскаго.	Бѣлорусскаго.
Расходы семейства изъ 2 малолѣтнихъ, 2 стариковъ, 2 работницъ и 2 работниковъ: пища	83 руб. 85 коп.	75 руб. 32 коп.
Одежда	60 — — —	42 — — —
Ремонтъ строеній	6 — 58 —	5 — 6 —
Отопленіе и освѣщеніе (дрова и лучина)	10 — 50 —	6 — 50 —
Ремонтъ посуды, земледѣльческихъ орудій и проч.	7 — 8 —	5 — — —
Церковныя требы	1 — 50 —	1 — 50 —
Всего . .	169 руб. 51 коп.	Всего 135 руб. 38 коп.

То есть, кромѣ денегъ на уплату повинностей и податей, крестьянская семья изъ 8 человѣкъ должна въ Смоленской губерніи наработать въ годъ для себя массу цѣнностей великорусская, въ 170 руб. сер., бѣлорусская въ 135 руб. 50 коп., чтобы ея положеніе не сдѣлалось къ концу года хуже, нежели было въ началѣ. Г. Соловьевъ не дѣлаетъ параллельнаго разсчета относительно средней величины всѣхъ крестьянскихъ заработокъ, предоставляя читателямъ своей книги судить по собраннымъ у него фактамъ, возможно ли, чтобы расходы, имъ выведенные, покрывались доходами, получаемыми въ благопріятные годы.

Сумма недоимокъ, лежащихъ на государственныхъ крестьянахъ Смоленской губерніи, составляетъ болѣе нежели двойное количество годичнаго оклада этихъ

податей, именно среднимъ числомъ 10 руб. 41 коп. на ревижскую душу. Въ томъ числѣ нѣсколько болѣе половины должно быть считаемо послѣдствіемъ 1812 года, другая половина, нѣсколько менѣе, прибавилась въ теченіе послѣднихъ 16 лѣтъ. Пропорціонально, сумма недоимокъ, лежащая на помѣщичьихъ крестьянахъ, нѣсколько значительнѣе, равняясь двумъ съ половиною годовымъ окладамъ казенныхъ податей и составляя 3 руб. 50 коп. на ревижскую душу. Послѣдняя сумма впрочемъ еще незначительна сравнительно съ массою другихъ долговъ, лежащихъ на помѣщичьихъ имѣніяхъ—суммы этихъ долговъ г. Соловьевъ впрочемъ не берется опредѣлить, по недостатку точныхъ свѣдѣній. Сравненіемъ пропорцій недоимокъ по уѣздамъ, авторъ показываетъ, что, чѣмъ имѣнья мелкопомѣстнѣе, тѣмъ болѣе лежитъ на нихъ недоимокъ.

Крестьяне берутъ деньги въ займы или покупаютъ хлѣбъ и скотъ съ разсрочкою платежа на одинаково тяжелыхъ условіяхъ, у прасоловъ или домашнихъ ростовщиковъ. Для отвращенія этого зла, при пяти волостныхъ правленіяхъ Смоленской губерніи основаны «Вспомогательныя кассы» или сельскіе банки для государственныхъ крестьянъ. Четыре изъ нихъ имѣли капиталъ по 994 руб. сер., а пятая вдвое менѣе, такъ что общая сумма капиталовъ всѣхъ пяти кассъ 4.473 руб. сер. Въ теченіе 7 лѣтъ эти кассы выдали 867 ссудъ, на общую сумму 18,589 руб. 22 копѣйки.

Изложивъ расходы крестьянъ, авторъ переходитъ къ доходамъ, изъ которыхъ главному—земледѣлію, посвящаетъ отдѣльную главу. Общій взглядъ г. Соловьева на состояніе сельскаго хозяйства Смоленской губерніи такъ основателенъ, что мы позволяемъ себѣ небольшую выписку:

«Общая система хозяйства обыкновенная трехпольная. Въ здѣшней губерніи, гдѣ такъ мало луговъ, при истощенныхъ и дурнаго качества земляхъ, неудобства настоящей системы представляются очевидно въ частыхъ неурожаяхъ. Но существуетъ много почти непреодолимыхъ препятствій къ замѣнѣ этой системы другими, съ посѣвами кормовыхъ травъ. Улучшенія крестьянскаго хозяйства, по общему мнѣнію, встрѣчаютъ препятствіе въ способѣ пользованія землями по душамъ или тягламъ. Но если крестьяне могутъ дѣлить свои земли по душамъ въ трехъ клинахъ, то какія могутъ быть затрудненія къ подобному раздѣлу въ четырехъ или болѣе клинахъ! Конечно, для этого нужны рѣшительныя мѣры, съ неизбѣжной, безъ всякаго сомнѣнія весьма трудной борьбой съ народными предразсудками. Помѣщичье хозяйство вполнѣ зависитъ отъ крестьянскаго. Нѣтъ сомнѣнья, что помѣщичьи земли можно раздѣлить на сколько угодно полей: но обработка ихъ все-таки будетъ производиться крестьянскими орудіями и на крестьянскихъ лошадяхъ. По сему, при улучшеніи системы хозяйства, необходимы: улучшеніе земледѣльческихъ орудій, лучшія породы рабочихъ лошадей и вообще большее развитіе скотоводства. Слѣдовательно, нужны капиталы. Капиталы явились бы и частные, и со стороны правительства, если бы можно было надѣяться, что они принесутъ такіе проценты, какіе доставляютъ другія отрасли промышленности. При дешевизнѣ хлѣба въ сравненіи съ стоимостью воздѣлыванія и при настоящемъ хозяйственномъ бытѣ, на это никакъ нельзя надѣяться. Вотъ почему, если въ Смоленской губерніи и встрѣчаются улучшенныя системы хозяйства, то это скорѣе—или благое намѣреніе безъ желаемыхъ результатовъ, или прихоть помѣщика. Коммерческихъ разсчетовъ тутъ нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, подобныя улучшенія обыкновенно касаются самаго небольшаго количества изъ общаго пространства воздѣлываемыхъ земель въ извѣстномъ хозяйствѣ, такъ что главная часть доходовъ получается отъ земель, обработываемыхъ по трехпольному хозяйству. Тамъ же, гдѣ введены улучшенные способы хозяйства въ большемъ размѣрѣ, на это потрачено много денегъ, которыя далеко не приносятъ обыкновенныхъ процентовъ. Почти въ каждомъ уѣздѣ можно найти одно, два или нѣсколько

помѣщичьихъ имѣній, въ которыхъ введено многопольное хозяйство. Эти слабыя попытки выйти изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ находится Смоленская губернія, конечно мало имѣютъ вліянія на общее благосостояніе. Горько, но нельзя не сказать, что отъ этихъ улучшеній помѣщичьяго хозяйства иногда страдаютъ крестьяне, которые съ ихъ тощими лошадьми и дурными сохами съ трудомъ поднимаютъ землю послѣ клевера».

Количество содержимаго скота ни мало не соразмѣрно пространству удобряемыхъ земель; пропорціонально, у государственныхъ крестьянъ оно нѣсколько значительнѣе, нежели въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, считая въ послѣднихъ и господскій скотъ. Вообще, скота въ три съ половиною раза менѣе, нежели нужно для достаточнаго удобренія,—именно, менѣе нежели двѣ головы крупнаго скота на десятину, между тѣмъ какъ нужно по крайней мѣрѣ 6 головъ: при истощенныхъ земляхъ, средній доходъ съ десятины озимаго поля (рожь) 10—15 руб. сер., яроваго (овесъ, ячмень, греча) 7—11 руб., всего съ десятины въ трехъ поляхъ 17—26 руб. сер. Среднимъ числомъ, государственные крестьяне имѣютъ 2,5 десятины пахатной земли на ревижскую душу, помѣщичьи обработываютъ на себя по 2,4 десятины на душу. Разсчитавъ расходы семейства изъ 8 душъ, въ томъ числѣ 4 мужскаго пола, можемъ легко сосчитать средній доходъ того же семейства отъ хлѣбопашества; именно, при 4 ревижскихъ душахъ, семейство казенныхъ крестьянъ имѣетъ запашки 10 десятинъ, по $3^1/_2$ въ полѣ, и получаетъ съ нихъ хлѣба на 56—87 р. с., а семья помѣщичьихъ—9 десятинъ или по 3 въ полѣ, и получаетъ хлѣба на 51—78 руб.; при этомъ надобно помнить, что земли первыхъ удобряются лучше, и потому доходъ скорѣе склоняется къ высшему изъ крайнихъ чиселъ, а у послѣднихъ, наоборотъ, къ низшему.

По сравненію засѣва и средняго урожая различныхъ породъ хлѣба и количества ихъ, нужныхъ для продовольствія жителей, г. Соловьевъ находитъ, что при среднемъ урожаѣ, Смоленская губернія можетъ отпускать на продажу: около 180,000 четвертей ячменя, около 105,000 четвертей гречи и 745,000 ч. овса; но должна прикупить изъ другихъ губерній около 315,000 четвертей ржи. При этомъ авторъ думаетъ, что урожаи приняты имъ выше среднихъ, а продовольствіе сокращено до крайняго предѣла, и потому въ дѣйствительности на продажу остается менѣе, а недостатокъ ржи бываетъ значительнѣе, нежели онъ принялъ, для избѣжанія всякихъ упрековъ въ уменьшеніи урожая и преувеличеніи количества, нужнаго для потребленія. Но и при высокихъ цифрахъ средняго урожая, принятыхъ г. Соловьевымъ, очевидно, что Смоленская губернія не въ состояніи прокормить своего населенія безъ ржи изъ другихъ губерній: что касается другихъ отраслей сельскаго хозяйства, доходы съ садоводства и пчеловодства незначительны; конопляники доставляютъ около милліона руб. сер. Что касается лѣсовъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ они почти не имѣютъ цѣны (десятина строеваго лѣса отдается на срубъ за 3 руб. сер.), между тѣмъ какъ другіе уѣзды той же губерніи терпятъ большой недостатокъ не только въ строевомъ лѣсѣ, но и въ топливѣ, хотя разстояніе между этими мѣстностями, страдающими однѣ отъ излишка, другія— отъ скудости, не превышаетъ 200 верстъ. Причиною этого различія въ цѣнахъ— недостатокъ путей сообщенія. Изъ лѣсныхъ уѣздовъ сплавляется въ другія губерніи лѣса на 500,000 р. сер. Относительно скотоводства, авторъ замѣчаетъ, что и лошади и коровы малы ростомъ, тощи и изнурены. О лошадяхъ онъ замѣчаетъ:

«при такомъ содержаніи, на какомъ находятся здѣсь крестьянскія лошади, нельзя ожидать улучшенія породы посредствомъ хорошихъ случныхъ жеребцовъ». Должно замѣтить также, что число лошадей по различнымъ уѣздамъ вовсе не пропорціально количеству сѣнокосовъ, которое позволяло бы держать гораздо болѣе лошадей. То же слѣдуетъ изъ фактовъ относящихся къ числу и качеству рогатаго скота. Попытки улучшенія породы остаются безуспѣшными, по скудному содержанію скота. Онъ держится почти только для навоза, потому что почти нѣтъ сбыта для молока.

Фабрики и заводы въ Смоленской губерніи малочисленны и незначительны: среднее годовое производство всѣхъ ихъ нельзя оцѣнить выше, какъ 1 милліонъ рублей. Поселянамъ эти фабрики и заводы не приносятъ почти никакихъ выгодъ, потому что всѣ почти работы на нихъ исправляются барщиною.

Торговля, также очень незначительная, состоитъ въ томъ, что Смоленская губернія дешево сбываетъ свои сырыя произведенія (овесъ, ячмень, гречу, пеньку, кожи) и дорого покупаетъ всѣ предметы служащія къ удобству жизни среднему и высшему классамъ ея жителей,—классамъ, какъ мы видѣли, весьма немногочисленнымъ. Крестьянинъ большую часть вещей, въ которыхъ встрѣчается ему надобность, долженъ, по недостатку наличныхъ денегъ, брать въ кредитъ у прасоловъ, которые потомъ берутъ у него въ уплату хлѣбъ, пеньку и проч., съ учетомъ тяжелыхъ процентовъ, съ обманомъ въ мѣрѣ и по слишкомъ дешевой цѣнѣ. Главныя средоточія отпускной торговли—Бѣльская и Порѣчьская пристани и города Ржевъ и Зубцовъ. Изъ нихъ Бѣльская отпускала сырыхъ произведеній—въ 1817 г. болѣе, нежели на 19 милліоновъ р. асс., въ 1818 г. болѣе, нежели на $10^1/_2$ мил. р. асс., нынѣ отпускается на 4 мил. р. сер. Порѣчьская на 2 мил. р. сер. Ржевъ и Зубцовъ отправляютъ вмѣстѣ съ другими сосѣдними пристанями на 6 мил. р. сер. Подвозъ хлѣба, пеньки и проч. къ этимъ пристанямъ занимаетъ довольно большое число крестьянъ въ свободное отъ хлѣбопашества время. Цѣны за провозъ такъ невыгодны для нихъ, что едва прикрываютъ издержки на содержаніе лошади, а часто и не покрываютъ ихъ; но тѣмъ не менѣе крестьянинъ занимается извозомъ, чтобы получать хотя нѣкоторое подспорье въ прокормленіи лошади зимою—онъ считаетъ выгодою уже и то, что хотя часть издержекъ на зимній кормъ ея доставляется платою за извозъ. Работы на шоссе и проводимой нынѣ желѣзной дорогѣ занимаютъ также довольно значительное число рукъ. Интересно вникнуть въ разсчеты этихъ рабочихъ съ подрядчиками. Въ контрактахъ всегда означаются довольно многочисленные случаи вычета—изъ нихъ главные: 1) за болѣзнь—проболѣвшій болѣе трехъ дней подвергается, вычету за харчи и медикаменты, кромѣ вычета платы по разсчету числа дней: 2) за прогулъ вычитается $2^1/_2$ раза дневная выручка; за дни ненастной погоды, когда работы не производятся, также дѣлается вычетъ. Ни одинъ работникъ, какъ бы прилеженъ онъ ни былъ, не избавится отъ того или другаго вычета, и не получитъ полной договорной суммы. Г. Соловьевъ имѣлъ случай разсматривать разсчеты подрядчика съ артелью, состоявшею изъ 132 человѣкъ; полная договорная сумма была 29 р. сер., но только 13 работниковъ получили по 27 р. сер., съ вычетомъ 2 р. сер. изъ полной платы,—остальнымъ по разсчету пришлось еще менѣе, и 61 человѣкъ получили менѣе 18 рублей, нѣкоторые не болѣе 11 или даже 10 р. сер. изъ условныхъ 29 р. Полной договорной платы, безъ вычетовъ, не пришлось получить ни одному. Вообще же, вмѣсто 3.828 р. сер., которые должна была получить артель (по 29 р. на 132 человѣка), при-

шлось ей получить только 2,598 р., остальные 1,230 р., т. е. треть договорной суммы, были удержаны въ видѣ вычетовъ различнаго рода. Всѣ промыслы мелкіе и крупные, извозъ, земляныя работы, фабрики, заводы и проч. и проч., даютъ нѣкоторое приращеніе къ доходу отъ земледѣлія только одной пятой части сельскаго населенія; средства для жизни у остальныхъ четырехъ пятыхъ частей населенія ограничены однимъ земледѣліемъ.

Мы извлекли, быть можетъ, только сотую долю многочисленныхъ фактовъ быта поселянъ Смоленской губерніи, — фактовъ, излагаемыхъ въ книгѣ г. Соловьева съ полною основательностью, которая должна назваться рѣшительно образцовою: мы привели только немногія изъ его заключеній, высказываемыхъ у него не всегда съ одинаковою рѣшительностью, но всегда дѣльныхъ и истинно-благонамѣренныхъ: но даже и по этимъ скуднымъ извлеченіямъ читатели конечно видятъ, что книга г. Соловьева, будучи самымъ полнымъ статистическимъ трактатомъ изъ всѣхъ описаній отдѣльныхъ частей Россіи, въ то же время должна быть названа однимъ изъ важнѣйшихъ сочиненій по изслѣдованію русскаго сельскохозяйственнаго быта вообще. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что послѣ сочиненія г. Тенгоборскаго «О производительныхъ силахъ Россіи» еще не выходило у насъ по части статистики книгъ, которыя могли бы значеніемъ своимъ равняться прекрасному труду г. Соловьева.

Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Сочиненія *Василія Львовича Пушкина* (и *Д. В. Веневитинова*). Изданіе *А. Смирдина*. Спб. 1855.

Изданіе г. Смирдина довольно часто соединяло въ одномъ томѣ имена, принадлежащія различнымъ эпохамъ и направленіямъ: такъ, напримѣръ, въ товарищи Хемницеру дало оно не Дмитріева, какъ бы слѣдовало сдѣлать, а Кантемира: Нелединскаго-Мелецкаго соединила не съ Мерзляковымъ, а съ Дельвигомъ и т. д. Но никогда еще сочетаніе не было такъ странно, какъ въ настоящемъ случаѣ. Между Нелединскимъ и Дельвигомъ, писателями разныхъ школъ, можно найдти что нибудь общее—оба они извѣстны своими русскими пѣснями; можно найти хотя отдаленное соотношеніе между насмѣшкою Кантемира и Хемницера: но какимъ образомъ было возникнуть мысли соединить В. Л. Пушкина, посредственнаго стихотворца, отсталаго подражателя Дмитріеву, съ Веневитиновымъ, энергическимъ юношею, талантъ и умъ котораго опередилъ и эпоху и самыя лѣта его?

Хотя стихотворныя изданія В. Л. Пушкина вообще не заслуживаютъ вниманія, въ исторіи литературы останутся два или три отрывка изъ его полемическихъ посланій противъ партіи Шишкова,— если только исторія литературы будетъ заниматься тѣми бурями въ стаканѣ воды, которыя до сихъ поръ кажутся важными феноменами нѣкоторымъ нашимъ литературнымъ Эренбергамъ.

Быть можетъ, скажутъ: смѣшно толковать о языкѣ, когда онъ уже обработанъ для литературы: но совершенно другое значеніе имѣютъ вопросы о немъ, когда онъ еще только обрабатывается — тогда вопросы о словахъ и фразахъ дѣйствительно важны — совершенная правда, только надобно прибавить, что неважное мѣсто въ исторіи литературы занимаютъ и періоды литературы, въ которые обязанность литературнаго дѣла состояла въ образованіи литературнаго языка. Вре-

мена Опица, Логенштейна и Готшеда не слишкомъ интересны въ нѣмецкой литературѣ. И, чтобы опереться на авторитетъ, припомнимъ слова Пушкина (разумѣется племянника, а не дяди) о французской поэзіи: «Малербъ нынѣ забытъ подобно Ронсару. Сіи два таланта истощили силы свои въ борепіи съ механизмомъ языка, въ усовершенствованіи стиха. Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся болѣе о наружныхъ формахъ слова, нежели о мысли, истинной жизни его не зависящей отъ употребленія»;—кажется къ этому естественно можно прибавить: «и такова же участь періодовъ литературы, въ теченіе которыхъ вопросы о языкѣ казались и писателямъ и читателямъ самыми важными и краеугольными».

Впрочемъ, само собою разумѣется, что какъ бы чуждо ни было высшимъ человѣческимъ интересамъ существенное и главное содержаніе какого нибудь человѣческаго дѣла, но нѣкоторая частица этихъ интересовъ проникаетъ и въ него, потому что человѣкъ никогда не перестаетъ быть существомъ мыслящимъ—даже и во младенчествѣ онъ уже обнаруживаетъ нѣкоторые признаки чего-то похожаго на мысль, любовь къ истинѣ, на заботы о своемъ благѣ, на любовь къ своимъ ближнимъ. Такъ и во время Опица и Готшеда нѣмецкая литература заключала въ себѣ нѣчто, кромѣ заботы о словахъ, и Малербъ съ Ронсаромъ писали не совершенно пустыя фразы. Дѣло только въ томъ, какой элементъ преобладалъ—стремленіе ли къ выраженію высшихъ человѣческихъ интересовъ или забота о словахъ.

И тѣ споры, въ которыхъ принималъ участіе В. Л. Пушкинъ, подъ вопросами о словахъ скрывали нѣкоторые слѣды—съ одной стороны, вражды, съ другой симпатіи къ высшимъ интересамъ, напримѣръ, къ просвѣщенію. Потому мы—которые смотрѣли бы на обѣ партіи съ одинаковою холодностью, если бы подъ словами не таилась мысль, слабая, робкая, неясная, но все-таки мысль,—сочувствуемъ одной сторонѣ, находимъ полезнымъ и справедливымъ, что другая сторона была побѣждена въ этой борьбѣ. Правда, сочувствіе наше должно быть соразмѣрно степени участія мысли въ спорѣ приверженцевъ Шишкова съ школою Карамзина, а это участіе было слабо. Правда и то, что споры эти вовсе не составляли такого сильнаго движенія въ тогдашней литературѣ, какъ думали въ послѣднее время,—схватки, если и были иногда горячи, то походили на борьбу Гораціевъ съ Куріаціями или на ту войну, которую могла бы вести армія княжества Книпгаузена, состоящая изъ 23 человѣкъ, противъ арміи княжества Лихтенштейнскаго, состоящей изъ 19 человѣкъ—Бородинской битвы такія войска не дадутъ, и походы ихъ не надѣлаютъ много шуму въ публикѣ. Но, какъ бы то ни было, все таки борьба Карамзинской школы съ Шишковскою принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ движеній въ нашей литературѣ начала нынѣшняго вѣка: все таки справедливость была на сторонѣ партіи Карамзина, и В. Л. Пушкинымъ, однимъ изъ ревностныхъ приверженцевъ Карамзинскаго направленія, были сдѣланы двѣ или три счастливыя вылазки въ станъ противниковъ—вылазки, если и не имѣвшія вліянія на ходъ борьбы. В. Л. Пушкинъ не былъ авторитетомъ даже въ то блаженное время, когда авторитетамъ не было числа—то, по крайней мѣрѣ, заслужившія благосклонную улыбку въ его литературныхъ патронахъ и надѣлавшія досады врагамъ. Одинъ изъ этихъ отрывковъ, вѣроятно знакомый большей части нашихъ читателей, мы относимъ въ примѣчаніе *). Другой, который былъ питомъ не столь

*) Я вижу весь соборъ безграмотныхъ Славянъ,
Которыми здѣсь вкусъ къ изяществу попранъ,

часто, помѣщаемъ здѣсь—этотъ отвѣтъ на злонамѣренные толки, возбужденные отрывкомъ, который привели мы въ выноскѣ:

«Кто тщится жизнь свою наукамъ посвящать,
«Раскольниковъ Славянъ дерзаетъ уличать,
«Кто пишетъ правильно, и не варяжскимъ слогомъ,—
«Не любитъ русскихъ тотъ, и виноватъ предъ Богомъ»
Повѣрь, слова невѣждъ, пустой кимвала звукъ;
Они безумствуютъ,—сіяетъ свѣтъ наукъ
. . . . . .
Въ предубѣжденіяхъ нѣтъ святости ни мало,
Они мертвятъ нашъ умъ и варварства начало.
Ученымъ быть не грѣхъ, но грѣхъ во тьмѣ ходить.
Невѣжда можетъ ли отечество любить?
Не тотъ къ странѣ родной усердіе питаетъ,
Кто хвалитъ все свое, чужое презираетъ,
Кто слезы льетъ о томъ, что мы не въ бородахъ,
И бѣдный мыслями, печется о словахъ,
Но тотъ, кто, слѣдуя похвальному внушенью,
Чтитъ дарованія, *стремится къ просвѣщенью;*
Кто, согражданъ любя, желаетъ славы ихъ,
Кто чуждъ и зависти, и предразсудковъ злыхъ.
Квириты гордые полсвѣтомъ обладали,
Но общежитію ихъ греки обучали,
И славный Цицеронъ, ораторъ-гражданинъ,
Сражая Верреса, вступаясь за Мурену,
Былъ велерѣчіемъ обязанъ Демосѳену,
. . . . . .
Такъ: сынъ отечества науками гордится,
Во мракѣ утопать невѣжества стыдится,
Не проповѣдуетъ расколовъ никакихъ,
И въ старинѣ для насъ не видитъ дней благихъ.
Хвалу я воздаю счастливѣйшей судьбинѣ,
О мой любезный другъ, что я родился нынѣ,
Свободно я могу и мыслить и дышать,
И даже *абѳе* и *аще* не писать.
. . . . . .
Въ сужденьяхъ таковыхъ не вижу я вины:
За что жь мы на костеръ съ тобой осуждены?
За то, что мы любя словесность и науки,

Противъ меня теперь рыкающій ужасно.
Къ дружинѣ вопіетъ нашъ Балдусъ велегласно:
«О, братіе мои, зову на помощь васъ!
«Ударимъ на него, и первый буду азъ.
»Кто намъ грамматикѣ совѣтуетъ учиться,
»Во тьму кромѣшную, въ геенну погрузится;
»И аще смѣетъ кто Карамзина хвалить
«Нашъ долгъ, о людіе, злодѣя истребить»
. . . . . .
Въ славянскомъ языкѣ и самъ я пользу вижу,
Но вкусъ я варварскій гоню и ненавижу;
Въ душѣ своей ношу къ изящному любовь;
Твореньѳ безъ идей мою волнуетъ кровь
Словъ много затвердить не есть еще ученье;
Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣщеньѳ.

(Посланіе къ Жуковскому).

Не вѣкъ надъ букваремъ твердили *азъ* и *буки*,
За то, что смѣемъ мы ученіе хвалить;
. . . . . .
Нашествіе татаръ не чтимъ мы вѣкомъ славы,
Мы правду говоримъ,—и слѣдственно не правы.

(Посланіе къ Дашкову).

Для опредѣленія отношеній нынѣшняго состоянія нашей литературы къ ея положенію за эпоху предшествовавшую появленію А. С. Пушкина, интересно было бы замѣтить, какіе именно изъ выписанныхъ нами стиховъ потеряли свой современный интересъ, и какіе, напротивъ, сохранили его.

В. Л. Пушкинъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые подъ спорамъ о словахъ видѣли борьбу за просвѣщеніе, и въ этомъ смыслѣ стихи, нами выписанные, принадлежатъ къ числу лучшихъ остатковъ дѣятельности Арзамасскаго Общества. Только они, да еще посланіе къ членамъ Арзамасскаго Общества, въ которомъ онъ упрекаетъ ихъ за неумѣренныя шутки надъ его стихами, да еще эпиграмма о пятнадцати-лѣтнемъ стихотворцѣ, пославшемъ двѣ оды на Парнасъ, и могутъ назваться удачными его произведеніями, если не считать нѣкоторыхъ шутливымъ стихотвореній, остающихся до сихъ поръ въ памяти любителей пьесъ подобнаго содержанія. Прочія его стихотворенія чрезвычайно слабы и по содержанію—почти всегда безцвѣтному, и по формѣ, чуждой поэтическихъ достоинствъ. Они едва ли заслуживаютъ хотя малѣйшее вниманіе.

Но личность В. Пушкина и отношенія, въ которыхъ держались къ нему его литературные пріятели, довольно важны для людей, которые захотѣли бы представить точную, чуждую реторическихъ прикрасъ картину стремленій и литературныхъ нравовъ того кружка, который игралъ главную роль въ нашей словесности до начала Пушкинской эпохи. Нѣсколько анекдотовъ объ этихъ забавахъ можно найти въ «Мелочахъ» г. Дмитріева. Спора нѣтъ, В. Л. Пушкинъ былъ человѣкъ безъ поэтическаго таланта: но развѣ нѣтъ нынѣ людей лишенныхъ дарованія и одаренныхъ страстью къ стихотворству,—однако же никогда болѣе даровитые пріятели не позволятъ себѣ, да и не захотятъ потѣшаться надъ ними подобнымъ образомъ, потому что это и противорѣчило бы нашимъ понятіямъ о достоинствѣ литератора, да и скучно показалось бы нынѣ заниматься придумываніемъ этихъ продѣлокъ. Но тогда были другія времена: старики, отжившіе свой вѣкъ, смотрѣли на литературу, какъ на препровожденіе времени, требующее важности и солидности, старики на все смотрятъ довольно угрюмо; и притомъ же они привыкли въ потѣ лица трудиться надъ возвышенными одами, изгоняющими всякую мысль объ удовольствіи. А для молодаго поколѣнія литературныя занятія были просто забавою, которой одни предавались по влеченію, другіе — и большая часть— просто «по легкомыслію молодости»; о высокомъ общественномъ значеніи литературы думали очень немногіе; да изъ тѣхъ, въ комъ было нѣкоторое сознаніе объ этомъ, почти ни въ комъ не достигало оно сильнаго развитія. (Конечно, мы говоримъ исключительно о такъ называемой легкой литературѣ; между учеными были всегда люди другаго закала, хотя не всегда было ихъ много). Потому-то понятія «литература, игрушка, потѣха, перемѣшивались очень легко. Конечно, чтобы сдѣлать такой отзывъ, или согласиться съ нимъ, надобно понимать литературу какъ одну изъ важнѣйшихъ стихій въ жизни обществъ, а не какъ игру въ фанты, шарады и мадригалы, надобно смо-

трѣть на исторію литературы какъ на одну изъ важнѣйшихъ частей общей исторіи народа. Не для всѣхъ еще возможно и нынѣ становиться на такую точку зрѣнія, хотя мы уже имѣемъ Гоголя и многочисленныхъ писателей, продолжающихъ въ томъ же смыслѣ дѣйствовать на развитіе. Дѣйствительно, чтобы мысль была ясна для всѣхъ, нужно, чтобы близкіе факты были явнымъ ея выраженіемъ, а о своей литературѣ мы еще не можемъ сказать, чтобы ея вліянія на публику невозможно было не замѣчать,—оно существуетъ, и уже довольно значительно, но еще не такъ огромно, чтобы быть поразительнымъ для всѣхъ. Это потому, что съ одной стороны люди читающіе еще составляютъ меньшинство въ нашемъ обществѣ, съ другой стороны и потому, что, если отдѣлка художественной формы достигла уже у насъ значительнаго совершенства, то содержаніе нашей литературы не проникло еще до глубины существеннѣйшихъ сторонъ общественной жизни каждый разъ, когда писатель, повидимому имѣющій достаточно и силъ и охоты, чтобы изобразить ихъ во всей полнотѣ, приступаетъ къ этому дѣлу, имъ какъ бы овладѣваетъ какая-то робость, и онъ отступаетъ назадъ, уклоняется въ сторону, только слегка коснувшись своей задушевной идеи, но не исчерпавъ всей глубины ея.

Какъ бы то ни было, фактъ несомнѣнный, что художественная форма явилась у насъ (мы говоримъ о литературѣ, начинающейся съ Ломоносова)—раньше, нежели содержаніе, и существенный характеръ историческаго движенія литературы съ эпохи Пушкина состоитъ въ томъ, что содержаніе ея мало по малу становилось все глубже и живѣе. Но движеніе это было до послѣдняго времени гораздо сильнѣе въ прозаическомъ отдѣлѣ изящной словесности, нежели въ собственно такъ называемой поэзіи. Лермонтовъ не успѣлъ сдѣлать и самъ столько, сколько сдѣлалъ Гоголь, да и новѣйшіе поэты сдѣлали гораздо менѣе, нежели прозаики.

А между тѣмъ проникновеніе литературы глубокимъ содержаніемъ началось было именно съ поэзіи. Мы не можемъ знать, продолжалъ ли бы свою поэтическую дѣятельность Грибоѣдовъ, или она уже была оставлена имъ для дипломаціи. Но, къ сожалѣнію, мы слишкомъ хорошо можемъ знать, что ранняя смерть отняла у насъ въ Веневитиновѣ поэта, котораго содержаніе было бы глубоко и оригинально. Здѣсь мы останавливаемся, потому что имѣемъ намѣреніе представить читателямъ «Современника» о Веневитиновѣ особую статью.

Матеріалы къ ученію объ огнестрѣльныхъ ранахъ, собранные въ походахъ 1848, 1849 и 1850 годовъ докторомъ *Гаральдомъ Шульцомъ*. Переведъ съ нѣмецкаго *А. Кашинъ*. Спб. 1855.

Сочиненіе Шульца принадлежитъ къ лучшимъ по своей части. Авторъ служилъ докторомъ при прусскомъ отрядѣ, сражавшемся противъ датчанъ и хотя число случаевъ, подлежавшихъ его наблюденію, не было многочисленно, по незначительности битвъ, но онъ старался вознаградить недостатокъ матеріаловъ для наблюденія внимательнымъ ихъ изученіемъ и извлекъ изъ своей необширной практики все, что только было въ ней новаго или поучительнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что изданіемъ его сочиненія въ русскомъ переводѣ оказывается услуга нашимъ военнымъ врачамъ.

Археологическіе и нумизматическіе отрывки. *П. Савельева.* Книжка 1-я. Спб. 1855.

Ученый авторъ книжки, заглавіе которой мы выписали, не почелъ нужнымъ приложить къ ней предисловія, для объясненія цѣли и объема предпринимаемаго имъ новаго изданія. Сколько можемъ судить по содержанію первой книжки, оно будетъ заключать въ себѣ небольшія и чисто спеціальныя монографіи, служащія вообще дополненіемъ къ разнымъ спискамъ восточныхъ монетъ и къ различнымъ описаніямъ мухаммеданскихъ древностей. Такъ въ первой книжкѣ мы находимъ описаніе нѣсколькихъ не бывшихъ еще изданными саманидскихъ диргемовъ, и пяти динаровъ (золотыхъ монетъ) той же династіи. Динары саманидовъ очень рѣдки; до сихъ поръ было извѣстно въ нумизматическихъ кабинетахъ цѣлой Европы только восемь экземпляровъ этихъ монетъ: потому описаніе пяти новыхъ экземпляровъ, недавно пріобрѣтенныхъ Императорскимъ Эрмитажемъ и г. Министромъ Удѣловъ графомъ Перовскимъ, составляетъ значительное дополненіе къ нашимъ знаніямъ объ этомъ классѣ монетъ. Затѣмъ слѣдуютъ прибавленія къ спискамъ восточныхъ монетъ Тизенгаузена и къ списку мѣстъ, гдѣ были найдены клады съ восточными монетами въ Россіи. Вторая статейка описываетъ нынѣшнія монеты Мухаммеданской Азіи, именно монеты Турецкой имперіи, Персіи и Британской Индіи. Третья и четвертая статьи содержатъ рисунки и описанія монгольскихъ старинныхъ вещей, найденныхъ (1853 г.) въ Забайкальской Области, и древностей найденныхъ за Кавказомъ. Послѣднія г. Савельевъ относитъ къ VIII—IX вѣкамъ, не соглашаясь съ мнѣніемъ г. Ханыкова, который называетъ ихъ скиѳскими.

Права и обязанности домовладѣльцевъ, управляющихъ домами и жильцевъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ. Руководство, разсмотрѣнное II Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. С.-Петербургъ. 1855.

Заглавіе этой книги достаточно объясняетъ ея пользу для домовладѣльцевъ. Постановленія правительства, которыми они должны руководствоваться, собраны издателемъ изъ «Свода Законовъ» и его «Продолженія» внимательно, и расположены въ порядкѣ, облегчающемъ справки. Къ этимъ законамъ прибавлены извлеченія изъ распоряженій С.-Петербургской Полиціи, относящихся къ тому же предмету—видно, что авторъ преимущественно назначалъ свое «руководство» для жителей Петербурга. Домовладѣльцы въ провинціальныхъ Великороссійскихъ городахъ также будутъ удовлетворены его книгою: но для Москвы и городовъ въ пограничныхъ провинціяхъ сборникъ его будетъ не совершенно достаточенъ, потому что особенныя распоряженія мѣстныхъ полицейскихъ управленій въ этихъ городахъ, значительно различествующія отъ общихъ правилъ, не внесены въ его книгу - неполнота, извиняемая тѣмъ, что сборники этихъ мѣстныхъ постановленій можно составить только въ самыхъ городахъ, къ которымъ они относятся.

О значеніи практики къ системѣ современнаго юридическаго образованія. *Д. Мейера.* Казань. 1855.

Г. Мейеръ, заслужившій столь лестную извѣстность, какъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ профессоровъ правовѣдѣнія, развиваетъ въ брошюрѣ, заглавіе которой мы выписали, мысль о необходимости соединенія въ университетскомъ преподаваніи теоретическихъ лекцій съ практическими упражненіями въ производствѣ и рѣшеніи дѣлъ. Справедливость этой мысли несомнѣнна, и нельзя не прибавить, что ученый и опытный авторъ излагаетъ ее прекрасно.

Цѣль университетскаго преподаванія у насъ состоитъ не столько въ томъ, чтобы образовать такъ называемыхъ «дѣльцовъ»,—ихъ мы имѣемъ довольно, и притомъ они могутъ пріобрѣтать необходимую ловкость и опытность не иначе, какъ долговременными служебными или адвокатскими занятіями, — сколько въ томъ, чтобы въ молодыхъ людяхъ, намѣревающихся посвятить себя службѣ, поселить возвышенныя и непоколебимыя убѣжденія о святости, ненарушимости права, развить въ нихъ широкій взглядъ на основныя, неприкосновенныя начала права, изъ которыхъ должны вытекать всѣ безчисленныя частныя законодательныя постановленія, составляющія только приложеніе основныхъ началъ права къ даннымъ историческимъ обстоятельствамъ народной жизни. Вся ученая и педагогическая дѣятельность г. Мейера ручается за то, что онъ именно такъ смотритъ на вопросъ; если не ошибаемся, это самое воззрѣніе лежитъ въ основѣ и послѣдней его брошюры. Но съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо, чтобы юридическое образованіе не ограничивалось одною чисто-теоретическою стороною, хотя она и должна считаться коренным элементомъ его; необходимо, чтобы юноша, получившій вѣрныя и высокія понятія о правѣ, пріобрѣлъ нѣкоторую привычку прилагать ихъ къ практикѣ, и пріобрѣлъ подъ руководствомъ тѣхъ же самыхъ людей, которымъ обязанъ своимъ теоретическимъ развитіемъ,—предоставленный единственно собственнымъ, еще неопытнымъ силамъ, онъ, быть можетъ, не съумѣлъ бы замѣтить отношенія данныхъ частныхъ фактовъ къ принципамъ права, и въ такомъ случаѣ близокъ былъ бы къ тому, чтобы отвергать тѣсную связь практическихъ случаевъ съ теоретическими началами, совершенно отвергнуть теорію, какъ нѣчто безполезное для практики и такимъ образомъ потерять все, что пріобрѣлъ отъ теоретическаго образованія, — эту мысль развиваетъ г. Мейеръ въ своей брошюрѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, справедливо продолжаетъ онъ, дать нѣкоторую практическую опытность юношѣ, получающему теоретическое образованіе, необходимо и для того, чтобъ онъ не явился въ среду дѣльцовъ и практиковъ, незнакомый съ техническими пріемами, которые исключительно у нихъ уважаются, — только это знаніе доставитъ ему неоспоримое основаніе требовать отъ нихъ уваженія къ себѣ и своимъ познаніямъ. Вмѣстѣ съ доказательствами необходимости ввести практическій элементъ въ университетское преподаваніе права, г. Мейеръ излагаетъ методъ и различные способы практическихъ занятій профессора съ студентами. Не говоря о другихъ, болѣе или менѣе ясныхъ для каждаго видахъ этихъ занятій, какъ-то: юридическомъ разборѣ различныхъ дѣлъ профессоромъ съ каѳедры, каждымъ студентомъ въ отдѣльности, примѣрномъ производствѣ и рѣшеніи, съ распредѣленіемъ различныхъ ролей между

студентами и проч. обратимъ вниманіе читателей только на предлагаемую г. Мейеромъ «юридическую клинику»—родъ занятій, безъ сомнѣнія, могущій принести самые прекрасные плоды:

«Званіе юриста—говоритъ г. Мейеръ—какъ и званіе врача—практическое. Для практическаго образованія врачей учебнымъ заведеніямъ ввѣряются тысячи больныхъ, на которыхъ студенты учатся примѣнять запасъ теоретическихъ свѣдѣній; сторонніе вѣдомства, сочувствуя просвѣщеннымъ усиліямъ къ образованію искусныхъ врачей, открываютъ учащимся свои больницы.

«На сколько допускается участіе питомца врачебной науки въ дѣйствительномъ пользованіи больныхъ, на столько, по крайней мѣрѣ, можетъ быть допущено и участіе студента правъ, съ ними уже ознакомленнаго, къ приложенію ихъ подготовленнаго, въ производствѣ суда дѣйствительнаго или въ дѣлахъ, болѣе или менѣе его касающихся. Въ этомъ занятіи молодой человѣкъ постигаетъ всю важность юридическаго образованія, усматриваетъ на дѣлѣ, какое значеніе имѣютъ интересы, къ обереженію которыхъ его призываетъ жизнь; чутье жизни шевелитъ страсть, которая съ перваго разу, когда еще не поздно, получаетъ благородное направленіе. Самый упрекъ въ неопытности, въ которомъ такъ часто скрывается софизмъ, уже не въ состояніи будетъ безусловно обезоружить молодаго юриста, и потому будетъ высказываемъ съ большею осторожностью и разборчивостью.

«Устройство этой клиники весьма простое: бѣдные люди, нуждающіеся въ совѣтахъ и помощи по какимъ либо касающимся ихъ въ присутственныхъ мѣстахъ дѣламъ, обращаются по усмотрѣнію своему къ завѣдывающему практикою, въ присутствіи его учениковъ сообщаютъ подлежащій случай, который и подвергается обсужденію, результатомъ чего должно быть какое либо одобряемое наставникомъ указаніе (профессоръ Сандуновъ дозволялъ студентамъ присутствовать при происходившихъ у него на дому юридическихъ консультаціяхъ); по желанію совѣтующагося, тутъ же можетъ быть для него сочинена нужная бумага. Если дѣло таково, что интересентъ станетъ являться неоднократно, то оно можетъ быть поручено одному изъ практикантовъ, такъ что на попеченіе каждаго изъ нихъ можетъ достаться по одному дѣлу, или по нѣскольку, подъ руководствомъ, разумѣется, и отвѣтственностью наставника. Понятно, что успѣхъ такой консультаціи обусловливается единственно довѣріемъ, которое она внушитъ основательностью и практичностью совѣтовъ и потому ея развитіе будетъ служить залогомъ ея пользы».

Памятная книжка Императорскаго Александровскаго лицея на 1855—1856 годъ. Спб. 1855.

Кромѣ отчетовъ о состояніи Александровскаго (бывшаго Царскосельскаго) Лицея за прошедшій годъ, и правилъ, которыми должны руководствоваться лица, желающія помѣстить сыновей или родственниковъ въ это учебное заведеніе, «Памятная книжка» заключаетъ списки начальниковъ, преподавателей и воспитанниковъ Лицея, съ его основанія до настоящаго времени, и большую статью «Торговые пути древнихъ грековъ по Черному морю», написанную Г. П. Сабуровымъ, воспитанникомъ Лицея, кончившимъ курсъ въ 1855 году, съ первою золотою медалью.

Учебный курсъ въ Лицеѣ продолжается четыре года, и въ этотъ краткій періодъ времени, воспитанники должны изучать, кромѣ всѣхъ предметовъ входящихъ въ составъ гимназическаго курса: закона Божія, математики, физики, зоологіи, ботаники, русскаго, славянскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ, исторіи, географіи, нѣкоторыхъ частей положительнаго законовѣдѣнія, черченія и рисованія,

еще психологію, логику, практическую механику, химію, англійскій языкъ, сельское хозяйство, статистику, политическую экономію, энциклопедію права, римское право, финансовое право, исторію права и гражданскую архитектуру. Всего, кромѣ 14 предметовъ гимназическаго курса, еще 13 другихъ наукъ.

Сообразно этому значительному количеству преподаваемыхъ предметовъ, число часовъ, проводимыхъ воспитанниками Лицея въ классахъ, также очень значительно—оно простирается до 8^1 2 часовъ въ день.

Въ теченіе прошедшаго академическаго года число воспитанниковъ Лицея было 120. Изъ нихъ умерло 7, уволено для поступленія въ военную службу 8, и окончило курсъ 20 человѣкъ. Удостоено перевода изъ низшихъ въ слѣдующіе классы 81, оставленъ по неуспѣшности на второй годъ въ томъ же классѣ только одинъ воспитанникъ.

Между списками воспитанниковъ Лицея, какъ извѣстно, особенно интересенъ списокъ перваго выпуска (1817 г.), потому что онъ заключаетъ въ себѣ имя Пушкина. Въ числѣ его товарищей по Лицею были: князь А. М. Горчаковъ, нынѣ полномочный министръ при вѣнскомъ дворѣ; С. Г. Ломоносовъ, нынѣ полномочный министръ въ Гагѣ; баронъ М. А. Корфъ, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта и директоръ Императорской Публичной Библіотеки.

Приложенное къ отчетамъ Лицея изслѣдованіе о торговыхъ путяхъ древнихъ грековъ по Черному морю, составленное воспитанникомъ послѣдняго выпуска, г. Сабуровымъ, показываетъ въ молодомъ авторѣ человѣка съ трудолюбіемъ и основательными познаніями.

Цыганенокъ. Повѣсть для дѣтей. *П. М. Шпилевскаго.* Спб. 1855.

Въ основаніи повѣсти г. Шпилевскаго лежитъ мысль добрая и справедливая: нѣкоторыя страницы разсказа показываютъ умѣнье говорить съ дѣтьми,—и книжку, нами прочитанную, можно было бы назвать хорошею дѣтскою книжкою, еслибы сантиментальность и неправдоподобіе многихъ подробностей не вредили ея достоинству. Дѣло въ томъ, что сынъ небогатаго помѣщика, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, встрѣчается съ другимъ мальчикомъ, несчастнымъ цыганенкомъ-сиротою, котораго въ таборѣ бранятъ и бьютъ всѣ, хотя этотъ мальчикъ, выученный различнымъ фокусамъ, кормитъ таборъ своими представленіями. Барченку жаль бѣднаго цыганенка, въ которомъ онъ видитъ мальчика добраго и умнаго; онъ упрашиваетъ своего отца выручить маленькаго Мартина изъ несчастнаго положенія; отецъ соглашается, и Мартинъ принятъ въ домъ своего маленькаго покровителя, дѣлается товарищемъ его игръ, учится у него читать, и всею душою привязывается къ барченку. Это было въ каникулы; когда каникулы кончились, барченокъ отправляется въ гимназію, Мартинъ остается въ домѣ его отца, и черезъ нѣсколько времени начинаетъ такъ сильно тосковать о своемъ пріятелѣ и благодѣтелѣ, что рѣшается бѣжать изъ деревни въ городъ, гдѣ учится барченокъ, сбивается съ дороги, два дня бродитъ по лѣсу безъ пищи: наконецъ найденъ и возвращенъ въ деревню, —но отъ простуды и голода опасно занемогаетъ, — больной, онъ получаетъ отъ своего друга письмо, наполненное упреками: одинъ изъ товарищей по гимназіи сказалъ маленькому его покровителю, что Мартинъ убѣжалъ въ лѣсъ, увлекшись цыганскою при-

вычкою воровать, и гимназистъ повѣрилъ этому. Огорченный упреками его, Мартинъ занемогаетъ еще труднѣе, и гимназистъ, разубѣжденный въ своихъ несправедливыхъ подозрѣніяхъ письмомъ отца, пріѣзжаетъ въ деревню, чтобы утѣшить и поддержать духъ своего пріемыша, — но уже поздно: бѣдный Мартинъ умираетъ, осыпая выраженіями признательности и любви своего маленькаго друга, который теперь вдвое сильнѣе прежняго понимаетъ, какую бѣду надѣлало его опрометчивое письмо. Читатели видятъ, что цѣль повѣсти — внушить сочувствіе къ бѣднымъ, безпріютнымъ, показавъ, что эти люди за ласку и ободреніе платятъ безграничною привязанностью, и при малѣйшей возможности становятся людьми добрыми; съ тѣмъ вмѣстѣ показать, какъ остороженъ каждый долженъ быть въ подозрѣніяхъ. Жаль, что многія сцены разсказа, развивающаго эти здравыя мысли, испорчены излишнею сантиментальностью, и что авторъ сдѣлалъ его не совсѣмъ правдоподобнымъ, заставивъ помѣщика не только дать пріютъ цыганенку, но и ухаживать за нимъ, будто за знатнымъ пріемышемъ. Если г. Шпилевскій намѣренъ продолжать издавать повѣсти для дѣтей, то мы совѣтовали бы ему обращать болѣе вниманія на простоту языка и естественность въ развитіи сюжета, — тогда его повѣсти будутъ лучше изданной теперь, которою мы только на половину довольны.

О бытѣ крестьянъ въ Казанской губерніи. Казань. 1855.

Аксентій Ивановичъ Поприщинъ, въ одномъ мѣстѣ своихъ любопытныхъ «Записокъ», замѣчаетъ, по случаю присланнаго въ «Сѣверную Пчелу» описанія какого-то бала въ городѣ Курскѣ, что «курскіе помѣщики хорошо пишутъ». Авторъ настоящей брошюры — житель Казани, рѣшился затмить столь почетную извѣстность курскихъ помѣщиковъ, и по выраженію Сумарокова, принести честь своей родинѣ», описавъ бытъ крестьянъ Казанской губерніи такимъ игривымъ слогомъ, которому позавидуютъ корреспонденты нашихъ газетъ, описывающіе великолѣпіе губернскихъ баловъ. Тэма у автора, повидимому, очень солидная, — повидимому, она даетъ возможность только передать читателямъ дѣльныя свѣдѣнія, но никакъ не представляетъ случаевъ блеснуть остроуміемъ,—но посмотрите, какими брилліантами умѣлъ ученый авторъ украсить свой сухой предметъ. Онъ описываетъ татаръ, и вдоволь пошутивъ по случаю того, что на французскомъ языкѣ называются они les tartars, будто бы нахлынули на Европу изъ тартара, продолжаетъ:

«Голова крещенаго и некрещенаго татарина, по совершенно излишнему въ здѣшнемъ климатѣ подражанію юговосточнымъ народамъ, или говоря словами Грибоѣдова, «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ», непремѣнно выбрита. Вообще, татары народъ развязный и красивый. Увы! я не могу сказать того же о татаркахъ!.. Конечно, я не раздѣляю мнѣнія тѣхъ этнографовъ, которые, подобно г. Фуксу, утверждаютъ, будто онѣ отъ природы неуклюжи, будто лица у нихъ калмыковатыя съ рѣзко выдавшимися скулами. Но ужъ и я, снисходительнѣйшій изъ людей, совершенно согласенъ, что онѣ неповоротливы отъ сидячей жизни. Посудите сами: богатыя татарки съ наслажденіемъ предаются кейфу, разслабляющему силы тѣлесныя и душевныя! Здѣсь уже не можетъ быть и рѣчи о тѣлесной ловкости и развязности. Онѣ либо не знаютъ, либо забыли, что первообразцамъ ихъ, арабскимъ красавицамъ, говорятъ, какъ обыкновенный комплиментъ: «уста твои пунповы, какъ геннахъ, зубы твои бѣлы, какъ слоновая кость!»

Въ небольшой брошюркѣ, украшенной такими любезными цвѣтами иронiи, дѣльныя замѣчанiя или сухiе факты, по необходимости, заняли мѣсто второстепенное,—ихъ почти нѣтъ.

О значенiи и постепенномъ учрежденiи сельско-хозяйственныхъ обществъ въ Россiи. *С. Пахмана.* Казань. 1855.

Нѣтъ надобности говорить о важномъ значенiи обществъ сельскаго хозяйства для успѣховъ народнаго благосостоянiя послѣ того, какъ важность и польза этихъ учрежденiй столь ясно выражена милостивымъ Высочайшимъ указомъ отъ 14 марта 1855 года, — указомъ, который былъ однимъ изъ первыхъ правительственныхъ дѣйствiй нынѣ благополучно царствующаго Монарха и обнародованными вмѣстѣ съ этимъ указомъ Всемилостивѣйшими рескриптами двумъ старшимъ и главнѣйшимъ нашимъ экономическимъ обществамъ — вотъ текстъ этихъ замѣчательныхъ актовъ:

Высочайшiй указъ г. Министру Государственныхъ Имуществъ.

«Считая сельское хозяйство однимъ изъ главныхъ источниковъ народнаго благосостоянiя, и зная, что существующiя въ Имперiи сельско-хозяйственныя общества служатъ правительству полезнымъ и важнымъ по сей части орудiемъ, повелѣваю:

1) Императорскому Вольному Экономическому Обществу и Императорскому Московскому Обществу Сельскаго Хозяйства доставить прилагаемые при семъ рескрипты, коими я подтверждаю дарованныя имъ Моими Августѣйшими Предшественниками права.

2) Лифляндскому Экономическому Обществу, какъ одному изъ старѣйшихъ по учрежденiю и постоянно, по засвидѣтельствованiю Вашему, трудящемуся съ пользою и успѣхомъ, разрѣшить именоваться Императорскимъ.

3) Императорскому Обществу Сельскаго Хозяйства Южной Россiи, Императорскому Казанскому Экономическому Обществу, Гольдингенскому, Курляндскому, Эстляндскому, Ярославскому, Лебедянскому, Юговосточному, Калужскому, Кавказскому и Юрьевскому Обществамъ Сельскаго Хозяйства, а также вспомогательнымъ Лифляндскому Экономическому Обществамъ: Перново-Феллинскому, Аренсбургскому и Венденъ-Вольмаръ-Валкскому, объявить, что труды ихъ и усердiе не будутъ оставляемы Мною безъ вниманiя, и что Я всегда готовъ споспѣшествовать ихъ полезной дѣятельности.

Рескрипты.

I. Господа члены Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества! Въ постоянной моей готовности покровительствовать всѣмъ учрежденiямъ имѣющимъ цѣлiю улучшенiя разныхъ отраслей народнаго хозяйства. Мнѣ прiятно выразить вамъ то одобренiе, которое Вольное Экономическое Общество заслужило своими долголѣтними и полезными трудами. — Подтверждая всѣ права и преимущества, дарованныя сему Обществу моими Августѣйшими Предшественниками, и предоставляя

ему выдавать, по прежнему, медали установленныя Высокою его Основательницею Императрицею Екатериною II, Я остаюсь въ полномъ упованіи, что Общество будетъ продолжать дѣйствовать на пользу любезной Намъ Россіи, и успѣхи его не оставлю безъ вниманія.

И. Господа члены Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства! Удовольствіемъ считаю удостовѣрить васъ, что Я вполнѣ цѣню постоянные труды ваши по развитію и улучшенію Сельскаго Хозяйства въ разныхъ странахъ Любезнаго Отечества Нашего, и всегда готовъ покровительствовать полезную дѣятельность вашу. Подтверждая всѣ права и преимущества, дарованныя Московскому Обществу Императоромъ Александромъ Благословеннымъ и Незабвеннымъ Родителемъ Моимъ, Я остаюсь въ полной надеждѣ, что Общество успѣхами своими оправдаетъ Мои ожиданія.

Столь милостивое ободреніе Монарха должно придать новую силу дѣятельности нашихъ Экономическихъ Обществъ, новая эпоха жизни должна начаться для нихъ. Въ такое время, полный и основательный обзоръ предшествующей дѣятельности и настоящаго состоянія ихъ, составленный г. Пахманомъ является какъ нельзя болѣе кстати.

Первое изъ сельскохозяйственныхъ русскихъ обществъ,—Вольное Экономическое, было основано въ 1765 г., въ Петербургѣ —оно, по времени учрежденія, было восьмымъ въ ряду подобныхъ учрежденій въ Европѣ. Въ 1792 г. было основано Лифляндское, въ 1808 г. Эстляндское, въ 1819 г. Московское. въ 1824 г. Бѣлорусское общество. Въ настоящее время г. Пахманъ насчитываетъ въ Россіи 21 общество Сельскаго Хозяйства, и кромѣ того 28 сельскохозяйственныхъ компаній. дѣятельность которыхъ, имѣя прямою цѣлью полученіе денежныхъ выгодъ, въ то же время содѣйствуетъ успѣхамъ различныхъ отраслей сельскаго хозяйства.

Ложь и дѣйствительность восточной войны. Сочиненіе *Виктора Жоли* Переводъ *С. Р.* Спб. 1855.

Брошюрка эта, составленная изъ статей, которыя первоначально печатались въ газетѣ «Санчо», слишкомъ поздно, по нашему мнѣнію, явилась въ русскомъ переводѣ. Послѣдняя изъ помѣщенныхъ въ ней статеекъ относится къ 7 января нынѣшняго года, —слѣдовательно. брошюрка трактуетъ о «дѣлахъ давно минувшихъ дней», о періодѣ войны, который уже совершенно потерялъ интересъ для настоящей минуты. Явись она она полгода назадъ—она была бы прочитана съ жадностью, а теперь какое кому дѣло до старыхъ предположеній о ходѣ событій, уже давно совершившихся? Кому теперь любопытно знать, храбро ли будетъ сражаться принцъ Наполеонъ или герцогъ Кембриджскій, когда оба они уже давно воротились во свояси? Кому любопытны сужденія о стратегическихъ способностяхъ Сентъ-Арно, когда не только Сентъ-Арно давно успѣлъ умереть, но и преемникъ его, Канроберъ, уже давно отстраненъ отъ команды надъ экспедиціонною арміею? Кому нужны доказательства, что французы ошибутся, разсчитывая встрѣтить въ русскихъ воинахъ слабыхъ противниковъ, когда уже цѣлый годъ всѣ французскіе генералы и газеты отдаютъ справедливость стойкому мужеству нашихъ героевъ?

Если бы брошюрка Жоли была переведена ранѣе, мы почли бы нужнымъ говорить о ней подробно; теперь же довольно будетъ ограничиться нѣсколькими словами. Жоли ненавидитъ англичанъ и Луи-Наполеона, и осуждаетъ ихъ дѣйствія. Но за что ненавидитъ, за что осуждаетъ,—этого не видно изъ его статей, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ онѣ являются въ этой брошюрѣ. Года три-четыре тому назадъ, онъ былъ ревностнымъ республиканцемъ,—не знаемъ, оставилъ ли онъ свои прежнія убѣжденія, но въ брошюркѣ нѣтъ доказательства, чтобъ онѣ измѣнились. Чѣмъ онъ недоволенъ,—тѣмъ ли, что французы начали войну противъ Россіи, или только тѣмъ, что война ведется не Ледрю-Ролленомъ, а Луи-Наполеономъ? Чего онъ желалъ бы,—того ли, чтобы война была прекращена, или только того, чтобъ она велась со стороны французовъ иначе, умнѣе, энергичнѣе и еще жесточе? Хотѣлъ ли бы онъ, чтобъ французская армія никогда не переступала границъ родины, или того, чтобъ она не плыла на врага въ союзѣ съ англичанами, а шла сухимъ путемъ по Наполеонскому маршруту,—этого ничего не высказывается въ брошюрѣ. Ясно только, повторяемъ, что Жоли осуждаетъ Луи-Наполеона и англичанъ. Но опять: за что онъ не любитъ англичанъ? за то ли, что они аристократы? или за то, что у нихъ больше купцовъ, нежели солдатъ? или просто за то, что они держали Наполеона на Островѣ св. Елены?— это опять остается въ совершенномъ туманѣ. Видно изъ всего, что у Жоли есть какія-то затаенныя мысли, которыхъ онъ не высказываетъ, чтобъ не повредить успѣху своей брошюры. Само собою разумѣется, намъ очень мало пользы отгадывать, что держитъ у себя на умѣ г. Жоли, но дѣло въ томъ, что отъ этихъ умолчаній его брошюра не производитъ на читателя опредѣленнаго впечатлѣнія.

Переведенная у насъ брошюра о Крымской экспедиціи гораздо яснѣе и удовлетворительнѣе. Не говоримъ уже о томъ, что авторъ «Крымской экспедиціи» — кто бы онъ ни былъ, принцъ Наполеонъ или одинъ изъ его адъютантовъ, или Эмиль де Жирарденъ,—разоблачаетъ много тайнъ, а Жоли не знаетъ ничего такого, кромѣ того, что напечатано въ газетахъ и уже всѣмъ намъ давно извѣстно гораздо лучше и полнѣе, нежели изложено въ его брошюрѣ.

Но одного достоинства нельзя отнять у его статей: онѣ написаны бойкимъ перомъ, и въ этомъ отношеніи оправдываютъ старинную извѣстность автора, какъ хорошаго оратора и публициста.

Руководство къ всеобщей исторіи. Сочиненіе *Ф. Лоренца*. Часть III. Отдѣленіе 2. Изданіе второе. Спб. 1855.

Достоинства книги г. Лоренца единогласно признаны всѣми. Мало того, чтобы сказать: «это лучшій учебникъ всеобщей исторіи на русскомъ языкѣ»,—другихъ хорошихъ учебниковъ всеобщей исторіи у насъ нѣтъ, и ставить сочиненіе г. Лоренца выше другихъ русскихъ руководствъ—похвала еще слишкомъ нерѣшительная. Но и въ нѣмецкой литературѣ, очень богатой прекрасными учебниками всеобщей исторіи, сочиненіе г. Лоренца считается однимъ изъ лучшихъ. Авторъ—человѣкъ, котораго по справедливости надобно назвать ученымъ: онъ самостоятельно изучалъ исторію, особенно древнюю, по источникамъ: со всѣми лучшими спеціальными сочиненіями по всеобщей исторіи онъ знакомъ, какъ нельзя лучше. Онъ выказалъ въ

своемъ «Руководствѣ» замѣчательный педагогическій талантъ: разсказъ его сжатъ, но связенъ и полонъ; не обремененъ излишними мелочными подробностями, избыткомъ хронологическихъ цифръ и собственныхъ именъ,—недостатокъ, которымъ почти всегда страждутъ учебники исторіи,—но содержитъ множество фактовъ, и всѣ важные факты излагаетъ съ обстоятельностью, необходимою для того, чтобъ дать о нихъ живое понятіе—качество, котораго такъе напрасно будемъ искать въ другихъ нашихъ учебникахъ. Наконецъ, г. Лоренцъ необыкновенно выгодно отличается отъ другихъ тѣмъ, что понимаетъ—и справедливо понимаетъ—значеніе историческихъ событій, имѣетъ взглядъ,—и взглядъ основательный.

Странно, что при такихъ высокихъ достоинствахъ, при такомъ неизмѣримомъ превосходствѣ надъ другими нашими «руководствами» по всеобщей исторіи, учебникъ г. Лоренца мало распространенъ, что только немногіе преподаватели исторіи избираютъ для своего преподаванія эту книгу. Если не ошибаемся, главными затрудненіями въ этомъ случаѣ, преподавателямъ представляются цѣна книги и объемъ ея. Что касается перваго затрудненія, оно дѣйствительно важно—полное сочиненіе г. Лоренца (пять частей) стоитъ 11 р. сер., то есть, вдвое дороже другихъ учебниковъ, и намъ кажется, что издатель поступаетъ неразсчетливо, продавая книгу такъ дорого -выгоднѣе было бы для него продать 10,000 по 4 рубля, нежели 2,000 экземпляровъ по 11 р. Впрочемъ, если бы дѣло останавливалось только за цѣною, оно скоро уладилось бы: издатель понялъ бы, что его собственная выгода требуетъ пониженія цѣны, если съ этимъ соединенъ всеобщій запросъ на книгу. Вѣроятно, онъ продаетъ книгу дорого только потому, что не видитъ ей слишкомъ большаго сбыта даже при низкой цѣнѣ. Итакъ, дѣло останавливается только объемомъ сочиненія, приводящимъ въ смущеніе многихъ преподавателей.

Но пугаясь того, что руководство г. Лоренца въ полтора или даже въ два раза болѣе по числу страницъ, нежели другія руководства, преподаватели, какъ намъ кажется, недостаточно принимаютъ въ соображеніе, что время, потребное для изученія книги, зависитъ не столько отъ ея объема, сколько отъ содержанія. Страница какой нибудь хронологической таблицы или безсвязнаго перечня собственныхъ именъ отнимаетъ у ученика болѣе времени, нежели двадцать страницъ связнаго, логически развивающагося разсказа, передающаго событія въ живыхъ картинахъ, не обремененнаго десятками ненужныхъ именъ. Совѣтуемъ гг. преподавателямъ всеобщей исторіи обратить на это серьезное вниманіе. Притомъ же, отъ ихъ усмотрѣнія зависитъ выпустить изъ своихъ уроковъ подробности, которыя кажутся имъ слишкомъ длинными,—и самъ г. Лоренцъ уже облегчилъ это, различивъ мелкимъ шрифтомъ подробнѣйшіе разсказы отъ общаго очерка событій